

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07021198 6

★ MRS. GERTRUDE A. SCHUYLER

Présenté par l'auteur

Chi non sa niente non dubita di niente.

Eugene Schuyler.

172

ИСТОРИЯ РОССИИ
СЪ
ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ
СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ. ✓

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Стрѣловомъ бульварѣ.

1870.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
240667
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1901

Г Л А В А I.

Внутреннее состояніе русскаго общества отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава Торопецкаго.

(1054—1228).

Значеніе князя. — Титуль. — Посаженіе князя. — Кругъ его дѣятельности. — Доходы княжескіе. — Быть князей. — Отношенія къ дружинѣ. — Дружина старшая и младшая. — Войско земское. — Вооруженіе. — Образъ веденія войны. — Число войскъ. — **Богатыри**. — Земля и волость. — Города старшіе и младшіе. — Новгородъ и Псковъ. — Вѣче. — Особенности Новгородскаго быта. — Внѣшній видъ города. — Пожары. — Народонаселеніе города. — Погосты и станы. — Слободы. — Сельское народонаселеніе. — Количество городовъ въ областяхъ. — Препятствія къ увеличенію народонаселенія. — Торговля. — Монетная система. — Искусство. — Домашній бытъ. — Борьба язычества съ христіанствомъ. — Распространеніе христіанства. — Церковное управленіе. — Матеріальное благосостояніе церкви. — Дѣятельность духовенства. — Монашество. — Законодательство. — Народное право. — Религіозность. — Двувѣріе. — Семейная нравственность. — Состояніе нравственности вообще. — Грамотность. — Сочиненія св. **Феодосія Печерскаго**, митрополита **Никвеора**, епископа **Симона**, митрополита **Іоанна**, монаха **Киріа**, епископа **Луки Жидята**, **Кирилла Туровскаго**. — Безыменные поученія. — Поученіе **Владимира Мономаха**. — Путешествіе игумена **Даніила**. — Посланіе **Даніила Заточника**. — Поэтическія произведенія. — Слово о **Полку Игореву**. — Пѣсн. — **Лѣтопись**.

При обзорѣннн перваго періода нашей исторіи мы видѣли, какъ племена соединились подъ властію одного общаго главы или князя, призваннаго сѣверными племенами изъ чужаго рода. Достоинство князей Русской земли остается исключительно въ этомъ призванномъ родѣ; въ X-мъ вѣкѣ Новгородцы говорили **Святославу**, что если онъ недастъ имъ князя изъ своихъ сыновей, то они вы-

беруть себѣ князя изъ другаго рода, но послѣ мы не слышимъ ни гдѣ подобныхъ словъ. Члены Рюрикова рода носятъ исключительно названіе князей; оно принадлежитъ всѣмъ имъ по праву происхожденія, не отнимается ни у кого ни въ какомъ случаѣ. Это званіе князя, приобретаемое только рожденіемъ отъ Рюриковой крови, неотъемлемое, независящее ни отъ какихъ другихъ условій, равняетъ между собою всѣхъ Рюриковичей, они прежде всего братья между собою. Особенное значеніе, связанное съ княжескимъ родомъ, ясно выражается въ лѣтописи: въ 1151 году Кіевляне не могли помышлять неприятелямъ переправиться черезъ Днѣпръ по Зарубскому броду, потому, говоритъ лѣтописецъ, что князя тутъ не было, а боярина не всѣ слушаютъ. «Не крѣпко бьются дружина и Половцы, если съ ними не ѣдимъ мы сами», говорятъ князя въ 1125 году. Когда галицкій бояринъ Владиславъ похитилъ княжеское достоинство, то лѣтописецъ говоритъ, что онъ ради княженія нашелъ зло племени своему и дѣтямъ своимъ, ибо ни одинъ князь не призрѣлъ дѣтей его за дерзость отцовскую. По княжескому уговору, князь за преступленіе не могъ быть лишень жизни, какъ бояринъ, а наказывался только отнятіемъ волости¹. Олегъ Святославичъ не хотѣлъ позволить, чтобъ его судили епископъ, игумены и простые люди (смерды). Братья приглашаютъ его въ Кіевъ: «пріѣзжай, говорятъ они, посоветуемся о Русской землѣ предъ епископами, игуменами, предъ мужами отцевъ нашихъ и предъ людьми городскими.» Олегъ отвѣчаетъ: «неприлично судить меня епископу, либо игуменамъ, либо смердамъ.» Изъ этихъ словъ опять видно, что все остальное народонаселеніе (исключая духовенство), въ отношеніи къ князю носило названіе смердовъ, простыхъ людей, не исключая и дружины, бояръ, ибо Олегъ и мужей отцовскихъ и людей городскихъ означаетъ общимъ именемъ смердовъ.—Въ этомъ же значеніи слово *смерды* смѣняется выраженіемъ: *черные* люди; такъ сѣверскіе князья, во время знаменитаго похода на Половцевъ, говорятъ: «если побѣдимъ, и сами спасемся, а черныхъ людей оставимъ, то грѣхъ намъ будетъ ихъ выдать.»

Князь былъ общее, неотъемлемое названіе для всѣхъ членовъ Рюрикова рода. Старшій въ родѣ князь назывался Великимъ; но сначала въ лѣтописи мы встрѣчаемъ очень рѣдко этотъ титулъ при имени старшаго князя, обыкновенно онъ дается только

важѣйшимъ князьямъ, и то при описаніи ихъ кончины, гдѣ лѣтописецъ обыкновенно въ украшенной рѣчи говоритъ имъ похвалы. Ярославъ I-й называется великимъ княземъ Русскимъ; здѣсь слово: Русскій, однозначительно съ всероссійскій, князь всея Руси, потому что Ярославъ, по смерти брата Мстислава, владѣлъ, за исключеніемъ Полоцка, всѣми Русскими волостями. Послѣ Ярослава названіемъ великаго князя величается сынъ его Всеволодъ, внукъ Мономахъ, правнукъ Мстиславъ, сыновья и внуки послѣдняго, но все только при описаніи кончины. Рюрикъ Ростиславичъ называется великимъ княземъ при жизни, и тогда, когда онъ не былъ еще старше всѣхъ на Руси, не сидѣлъ еще въ Кіевѣ; изъ этого можно заключить, что названіе: «Великій Князь» употреблялось иногда просто изъ учтивости, отъ усердія пишущаго къ извѣстному князю, не имѣло еще постоянного, опредѣленнаго смысла ². Но если въ южной лѣтописи мы такъ рѣдко встрѣчаемъ названіе: «Великій Князь», то въ сѣверной Руси оно начинаетъ прилагаться постоянно къ имени Всеволода III-го и сыновей его, державшихъ старшинство; здѣсь даже это названіе употребляется одно безъ собственнаго имени для означенія Всеволода III-го ³. Великими Князьями всея Руси названы Мономахъ при описаніи его кончины, и Юрій Долгорукій при описаніи кончины Всеволода III-го, первый съ достаточнымъ правомъ; второй, какъ видно, изъ особеннаго усердія сѣвернаго лѣтописца къ князьямъ своимъ. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, въ похвалѣ Мономаху и сыну его Мстиславу, слово: «великій» поставлено позади собственныхъ именъ ихъ ⁴; также неразъ поставлено оно позади имени Всеволода III-го, но одинъ разъ явно для отличія его отъ другаго Всеволода, князя Рязанскаго ⁵.

Мы видѣли, каковы были отношенія старшаго князя къ младшимъ; видѣли, что старшій, если онъ былъ только названнымъ, а не настоящимъ отцемъ для младшихъ, распоряжался обыкновенно съ вѣдома, совѣта и по договору съ послѣдними: отсюда понятно, что когда князь избавлялся отъ родичей, становился единовластителемъ, то вмѣстѣ онъ дѣлался чрезъ это и самовластителемъ въ странѣ; вотъ почему слово «самовластецъ» въ лѣтописи употребляется въ значеніи «единовластецъ»; такъ сказано про Ярослава I-го, что по смерти брата своего Мстислава онъ сталъ самовластецъ въ Русской землѣ. Для означенія высшей власти,

также изъ большей учтивости и усердія, относительно князей употреблялись слова: «Царь, царскій»; такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику Изяславу: «Дай мнѣ посадить сына въ Переяславль, а ты сиди *царствуя* въ Кіевѣ», т.-е. «а ты владѣй Кіевомъ спокойно, независимо, безопасно, не боясь никого, и не подчиняясь никому.» Говоря объ епископѣ Феодорѣ, лѣтописецъ прибавляетъ, что Богъ спасъ людей своихъ рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестивою, *царскою* правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея. Когда послѣ Рутскаго сраженія войны Изяславовы, нашедши своего князя въ живыхъ, изъявили необыкновенную радость, то лѣтописецъ говоритъ, что они величали Изяслава какъ Царя. Данилъ Заточникъ пишетъ къ Юрію Догорукому: «Помилуй меня, сынъ Великаго Царя Владиміра ⁶! Жена Смоленскаго князя Романа причитаеть надъ гробомъ его: «Царь мой благій, кроткій, смиренный!» Употребляются выраженія: «самодержецъ» и Греческое: «кирь ⁷.» Въ изустныхъ обращеніяхъ къ князьямъ употреблялось слово: «господинъ», или чаще просто: «князь», иногда то и другое вмѣстѣ.

При спорности правъ, при неопредѣленности отношеній, новый старшій князь иногда нуждался въ признаніи и родичей, и горожанъ, и пограничнаго варварскаго народонаселенія ⁸; отъ нихъ ото всѣхъ приходили къ нему послы съ зовомъ идти на столъ. Первымъ знакомъ признанія князя владѣющимъ въ извѣстной волости было посаженіе его на столъ; этотъ обрядъ считался необходимымъ, безъ него князь не былъ вполне княземъ и потому къ выраженію: «вокняжился» прибавляется: «и сѣлъ на столъ ⁹.» Это посаженіе происходило въ главной городской церкви, въ Кіевѣ и Новгородѣ у Св. Софіи. Для указанія того, что князь садился на столъ по законному преемству, принадлежитъ къ роду княжескому и не изгой въ этомъ родѣ, употреблялось выраженіе: «сѣлъ на столъ отца и дѣда ¹⁰.» Признаніе князя сопровождалось присягою, цѣлованіемъ креста: «Ты нашъ князь!» говорили присягавшіе. Когда родовое право князя было спорное, когда его признанію предшествовало какое-нибудь особенное обстоятельство, измѣнить или поддержать которое считалось нужнымъ, то являлся рядъ, уговоръ: такъ видимъ уговоръ о тиунахъ съ Ольговичами, Игоремъ и Святославомъ по смерти старшаго брата ихъ Всеволода. По смерти Изяслава Мстиславича братъ его Ростиславъ былъ поса-

жонъ въ Киевѣ съ уговоромъ, чтобъ почитать дядю своего Вячеслава какъ отца; рядъ и цѣлованіе креста назывались *утвержденіемъ*. Ряды по тогдашнимъ отношеніямъ бывали тройкіе: съ братьею, дружиною, горожанами ¹¹.

Князь и въ описываемый періодъ времени, какъ прежде, заботился о строѣ земскомъ, о ратахъ и объ уставѣ земскомъ. Онъ сносился съ иностранными государями, отправлялъ и принималъ пословъ, велъ войну и заключалъ миръ. О походѣ иногда самъ князь объявлялъ народу на вѣчѣ; мы видѣли, какъ во время усобицы Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ Киевляне сначала не могли рѣшиться поднять рукъ на сына Мономахова, старшаго въ племени, послѣ чего Изяславъ долженъ былъ ограничиться одними охотниками, людьми себѣ преданными; въ Новгородѣ заищчаемъ такія же явленія; вообще народонаселеніе очень неохотно брало участіе въ княжескихъ усобицахъ. Князья обыкновенно сами предводительствовали войскомъ, рѣдко посылали его съ воеводами; кромѣ личной отваги, собственной охоты къ бою, мы видѣли и другую причину тому: безъ князя полки бились вяло, боярина не всѣ слушались, тогда какъ значеніе воеводы тѣсно соединялось съ значеніемъ князя. Старшему, большому князю считалось неприличнымъ предводительствовать малымъ отрядомъ: такъ однажды Берендѣи схватили за поводъ коня у Киевскаго князя Глѣба Юрьевича и сказали ему: «Князь, не ѣзди; тебѣ прилично ѣздить въ большомъ полку, когда себерешься съ братьею, а теперь пошли кого-нибудь другаго изъ братьи» ¹². Для молодыхъ князей считалось почетомъ ѣздить съ передовымъ полкомъ, потому что для этого требовалась особенная отвага ¹³. Право рядить полки передъ битвою принадлежало старшему въ войскѣ князю ¹⁴, и сохранялось еще преданіе, что добрый князь долженъ первый начинать битву; въ старину маленькаго Святослава перваго заставили бросить копьѣ въ Древлянъ; въ описываемое время Изяславъ Мстиславичъ и Андрей Боголюбскій первые вѣзжали въ непріятельскіе полки.

Князю принадлежало право изданія судебныхъ уставовъ: послѣ Ярослава сыновья его—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ съ нѣсколькими боярами (Тысяцкими) собрались для сдѣланія нѣкоторыхъ поэмненій въ судебномъ уставѣ отцовскомъ; Владиміръ Мономахъ съ боярами установилъ законъ о рѣвахъ или шроентахъ; здѣсь мож-

но видѣть разницу въ княжескихъ отношеніяхъ, когда старшимъ былъ братъ и иногда былъ отецъ остальнымъ князьямъ: Изяславъ для переменъ въ уставѣ собирается съ братьями, а Мономахъ не имѣетъ нужды созывать сыновей, которые во всякомъ случаѣ обязаны принять уставъ, отцовскій, при немъ видимъ только Иванка Чудиновича, Черниговскаго боярина (Олгова мужа), быть можетъ приданнаго принять участіе въ дѣлѣ отъ имени своего князя. Князю попрежнему принадлежали судъ и расправа; во время болѣзненной старости Всеволодовой до людей перестала доходить княжая правда; Мономахъ между другими занятіями князя помѣщаетъ *оправливаніе* людей; лѣтописецъ, хваля князя Давыда Смоленскаго, говоритъ, что онъ казнилъ злыхъ, какъ подобаетъ творить царямъ. Для этого оправливанія, суда и расправы князья обязывали свою волость, что называлось *вѣдять*, быть *на помодѣ* ¹⁵. Князь изъ числа приближенныхъ къ себѣ людей и слугъ назначалъ для отправленія равныхъ должностей, въ посадники, тиуны, и т. п.; онъ налагалъ подати.

Доходы казны княжеской состояли попрежнему въ даянхъ. Мы видѣли, что покоренныя племена были обложены данью: нѣкоторые платили мѣхами съ дыма или обитаемаго жилища, нѣкоторые по шлягу отъ рала; встрѣчаемъ извѣстія, что и во времена лѣтописца подчиненное народонаселеніе платило дань, возило повозы князьямъ, что послѣдніе посылали мужей своихъ по областямъ для сбора дани: такъ Янъ Вышатичъ приходилъ за этимъ отъ князя Святослава на Бѣлоозеро; такъ Олегъ Святославичъ, овладѣвъ землею Муромскою и Ростовскою, посажалъ посадниковъ по городамъ и началъ брать дани. Въ уставной грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава епископомъ Смоленской (1150 г.) говорится, что въ погостахъ каждый платитъ свою дань и передмѣрь, также платятъ *истужники*, по силѣ, кто что можетъ, и съ княжества Смоленскаго сходило дани болѣе 3,000 гривенъ; кромѣ дани въ грамотѣ Ростиславовой упоминается *помодѣ* и *погородѣ* ¹⁶. Извѣстно также, что Кіевскій князь получалъ дань изъ Новгорода ¹⁷. Другими источниками дохода для казны княжеской служили пошлины торговыхъ, судныя, для старшаго князя дары отъ младшихъ, наконецъ доходы съ частной собственности, земель, князьямъ принадлежавшихъ. Эта частная собственность вѣроятно произошла вслѣдствіе пераго занятія, населенія земель пустыкъ, ни-

кому не принадлежавших; потомъ средствомъ пріобрѣтенія была купля: о купленныхъ князьями слободахъ прямо свидѣтельствуется дѣтописъ подѣ 1158 годомъ ¹⁸; наконецъ источникомъ пріобрѣтенія могло служить отнятіе земель у провинившихся бояръ и другихъ людей: когда, напримѣръ, одинъ князь изгонялъ изъ волости другаго, то отбиралъ у бояръ послѣдняго ихъ имущество. При общемъ родовомъ владѣніи, князья, разумѣется, имѣли частную собственность, разбросанную въ разныхъ волостяхъ: отецъ раздавалъ сыновьямъ села свои безъ всякаго соответствія столамъ, на которыхъ они должны были сидѣть, тѣмъ болѣе, что столы эти не были постоянные; можно думать также, что въ описываемое время, при общемъ родовомъ владѣніи, князья не уговаривались, какъ послѣ, не пріобрѣтать земель куплею въ чужихъ волостяхъ. На земляхъ, принадлежавшихъ князьямъ въ частную собственность, они могли строить города и отдавать ихъ дѣтямъ въ частную же собственность: такъ, думаемъ, Владиміръ Мономахъ, построивши Городецъ Остерскій на своей землѣ, отдалъ его въ частную собственность младшему сыну Юрію, и тотъ владѣлъ имъ, будучи княземъ Суздальскимъ; такъ Ростиславъ Мстиславичъ, князь Смоленскій, получилъ отъ дѣда или отца въ частную собственность земли или доходы въ Суздальской области ¹⁹; такъ Ярополкъ Изяславичъ, княжившій въ Туровѣ и на Волыни, имѣлъ разныя частныя волости, даже около Кіева, и отдалъ ихъ всѣ при жизни въ Печерскій монастырь.

Земли, составлявшія частную собственность князей, были населены челядью; здѣсь-то на этихъ земляхъ князья устроивали себѣ дворы, гдѣ складывалось всякаго рода добро. На Путивльскомъ дворѣ Святослава Ольговича было семь сотъ челоувѣкъ рабовъ, кладовыя (скотницы), погреба (бретьяницы), въ которыхъ стояло пять сотъ берковцевъ меду, 80 корчагъ вина; въ сельцѣ у Игоря Ольговича былъ устроенъ дворъ добрый, гдѣ много было вина и меду и всякаго тяжелаго товара, желѣза и мѣди, на гумнѣ было 900 стоговъ. Большія стада составляли одно изъ главныхъ богатствъ княжескихъ: подѣ Новгородомъ Сѣверскимъ непріатели взяли у Ольговичей 3000 кобылъ и 1000 коней. Значеніе этихъ земель, дворовъ, запасовъ для князей показываетъ ихъ названіе: *жизнь*. «Братья! говоритъ Святославъ Ольговичъ Давыдовичамъ: землю вы мою, подоевали, стада мои и братія

взяли, жито пожгли и всю жизнь погубили!» Изяславъ Мстиславичъ говорилъ дружинѣ о Черниговскихъ князьяхъ: «Вотъ мы села ихъ пожгли всё и жизнь ихъ всю, а они къ намъ не выходить; такъ пойдемъ къ Любечу, тамъ у нихъ вся жизнь.»

Взглянемъ теперь на жизнь князя Русскаго въ описываемое время, отъ дня рожденія до смерти. При рожденіи младенца въ семьѣ княжеской давалось ему одно имя Славянское, или Варяжское, которое называлось *княжимъ* именемъ, а при св. крещеніи другое по Греческимъ святцамъ; первое употреблялось преимущественно; оба давались въ честь кого-нибудь изъ старшихъ родственниковъ, живыхъ или умершихъ²⁰; этотъ обычай употреблялся относительно младенцевъ обоюго пола²¹. Есть извѣстіе, что при самомъ рожденіи князю назначалась волость, городъ²²; давалась ли эта волость изъ частной собственности князя—отца, или новорожденный считался княземъ этой волости, города и мѣнялъ его въ послѣдствіи по общему племенному и родовому распорядку,—рѣшить нельзя. Восприемниками при купели бывали князья-родичи²³. Лѣтъ двухъ, трехъ, четырехъ надъ младенцемъ мужскаго пола совершался обрядъ—*постриги*, то-есть первое стриженіе волосъ, сопровождаемое церковнымъ благословеніемъ, посаженіемъ малютки на коня и пирами въ отцовскомъ домѣ; иногда постриги дѣлались въ именины постригаемаго, иногда постригали двухъ князей разомъ. Для воспитанія князей употреблялись попрежнему кормилицы; о воспитаніи княженъ встрѣчается въ лѣтописи слѣдующее извѣстіе подъ 1198.годомъ: «родилась дочь у Ростислава Рюриковича, и назвали ее Евфросиньей, прозваніемъ Изморagdъ, то-есть дорогой камень; пріѣхалъ Мстиславъ Мстиславичъ (Удалой) и тетка ея Передслава, взяли ее къ дѣду и бабкѣ, и такъ воспитана она была въ Кіевѣ на Горахъ.» Участвовали въ походахъ и разсылались по волостямъ князья очень рано, иногда пяти, семи лѣтъ. Женили князья сыновей своихъ также вообще довольно рано, иногда одиннадцати лѣтъ²⁴, дочерей иногда выдавали замужъ осьми лѣтъ; вотъ описаніе свадьбы дочери Всеволода III, Верхуслavy, выходившей за Ростислава Рюриковича, княжившаго въ Бѣлгородѣ: «Послалъ князь Рюрикъ Глѣба, князя Туровскаго, шурина своего съ женою, Славна Тысяцкаго съ женою, Чурыню съ женою, и другихъ многихъ бояръ съ женами, къ Юрьевичу великому Всеволоду, въ Суздаль, вести

дочь его Верхуславу за сына своего Ростислава. На Борисовъ день отдать великій князь Всеволодъ дочь свою Верхуславу, и дать за нею безчисленное множество золота и серебра, и сватовъ одарилъ большими дарами и отпустилъ съ великою честію; ѣхаль онъ за милою своею дочерью до трехъ становъ, и плакали по ней отецъ и мать, потому что была она имъ мила и молода: только осьми лѣтъ; великій князь послалъ съ нею сына сестры своей Якова съ женою, и пныхъ бояръ съ женами. Князь Рюрикъ, съ своей стороны, сѣигралъ сыну Ростиславу свадьбу богатую, какою не бывало на Руси, пировали на ней слишкомъ 20 князей; снохъ же своей далъ много даровъ и городъ Брягитъ; Якова свата и бояръ отпустилъ къ Всеволоду въ Суздаль съ великою честію, одаривши ихъ богато.» Изъ этого извѣстія, какъ изъ многихъ другихъ ²⁵, мы видимъ, что браки устраивались родителями брачущихся; видимъ, что лица, употреблявшіяся для переговоровъ, посылаемыя за невѣстою отъ женихова отца, и провожавшія невѣсту со стороны ея отца, назывались *сватами*; отецъ невѣсты снабжалъ ее золотомъ и серебромъ, *давалъ за нею или по ней*, что ясно указываетъ на приданое, тогда какъ свекоръ давалъ снохѣ дары и городъ для ея содержанія; что княгини имѣли города, видно и изъ другихъ мѣстъ лѣтописи ²⁶; въ нѣкоторыхъ небогатыхъ волостяхъ упоминаются у княгинь только села ²⁷; княжны, не выходившія замужъ, оставшіяся въ волостяхъ отцовскихъ или братнихъ, имѣли также села ²⁸.

Князья вступали въ бракъ преимущественно въ своемъ родѣ, въ седьмой и даже шестой степени родства, въ шестой и пятой степени свойства ²⁹; вступали въ родственные союзы съ соседними владѣтельными домами: Скандинавскими, Англо-Саксонскимъ, Польскимъ, Чешскимъ, Венгерскимъ, Византійскими, очень часто съ ханами Половецкими ³⁰; иногда наши князья брали женъ изъ прикавказскаго народа Ясовъ ³¹; наконецъ женились на дочеряхъ бояръ (Новгородскихъ) и даже выдавали дочерей своихъ за бояръ ³². Мы видѣли, что у князей Святополка Изяславича и Ярослава Галицкаго были незаконные сыновья, которыхъ отцы ничѣмъ не хотѣли отличать отъ законныхъ ³³. Если князья въ первый разъ женились рано, то во второй бракъ вступали иногда очень поздно: такъ Всеволодъ III-й женился вторично слишкомъ 60 лѣтъ. Встрѣчаемъ извѣстія о разводахъ князей по случаю бѣлѣзни жены и желанія постричься въ монахини ³⁴.

О занятіяхъ взрослога князя, сидѣвшаго на столѣ, можно получить понятіе изъ словъ Мономаха къ сыновьямъ: «Не будьте лѣнны ни на что доброе: прежде всего не лѣнитесь ходить въ церковь: да не застанетъ васъ солнце на постели: такъ дѣлывалъ мой отецъ и всѣ добрые мужи. Возвратясь изъ церкви, надобно садиться думать съ дружиною, или людей *опрямивать* (творить судъ и расправу), или на охоту ѣхать, или такъ поѣхать куда, или спать лечь: для спанья время отъ Бога присуждено—полдень.»—Охота составляла любимое препровожденіе времени князей; по словамъ Мономаха, онъ вязалъ руками въ пущахъ дикихъ лошадей, охотился на тура, на оленя, на дося, на вепря, на медвѣдя, на волка (лютаго звѣря); охотились и на зайцевъ³⁵, ловили ихъ тенетами; Мономахъ говоритъ, что онъ самъ держалъ весь нарядъ въ ловчихъ, самъ заботился о соколахъ и ястребахъ. Князья отправлялись на охоту на долгое время³⁶, забирали съ собою женъ и дружину; охотились въ лодкахъ по Днѣпру, изъ Кіева ходили внизъ по этой рѣкѣ до устья Тясмина (до границъ Кіевской и Херсонской губерніи)³⁷; Игорь Святославичъ въ плѣну у Половцевъ утѣшался ястребиною охотою; въ Никоновскомъ спискѣ о Всеволодѣ Новгородскомъ говорится, что онъ любилъ играть и утѣшаться, а людей не управлялъ, собралъ ястребовъ и собакъ, а людей не судилъ.

Изъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что князья три раза въ день садились за столъ: завтракали, обѣдали, ужинали³⁸; часъ завтрака, обѣда и ужина опредѣлить нельзя, можно видѣть только, что обѣдали прежде полудня; это будетъ понятно, если вспомнимъ, что вставали до свѣта и скоро послѣ того завтракали: при описаніи Липецкой битвы говорится, что князь Юрій прибѣжалъ во Владиміръ о полудни, а битва началась въ обѣдную пору (въ обѣдъ годъ)³⁹; въ полдень уже ложились спать. Князья попрежнему любили пировать съ дружиною. Кромѣ дружины они угощали иногда священниковъ: такъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Борисъ Юрьевичъ угощалъ въ Бѣлгородѣ на сѣнницѣ дружину и священниковъ; Ростиславъ Мстиславичъ въ Великій постъ, каждую субботу и воскресенье сажалъ за обѣдомъ у себя 12 чернецовъ съ тринадцатымъ игуменомъ, а въ Лазареву субботу сзывалъ на обѣдъ всѣхъ монаховъ Кіевскихъ изъ Печерскаго и другихъ монастырей; въ обыкновенное время угощалъ Печерскую братію по постнымъ днямъ, середамъ и пятницамъ; въ лѣтописи

называется это утѣшеніемъ ⁴⁰. Большіе пиры задавали князья при особенныхъ торжественныхъ случаяхъ: на крестинахъ, постригахъ, именинахъ, свадьбахъ, по случаю прїѣзда другихъ князей, при чемъ гость и хозяинъ взаимно угощали и дарили другъ друга, по случаю восшествія на престолъ: такъ въ Никоновскомъ спискѣ читаемъ, что Всеволодъ Ольговичъ, сѣдши въ Кіевѣ, учредилъ свѣтлый пиръ, поставилъ по удицамъ вино, медь, перевару, всякое кушанье и овощи. Мы видѣли, что князья иногда сзывали къ себѣ на обѣдъ всѣхъ гражданъ и граждане давали обѣды князьямъ; князья пировали также у частныхъ людей: такъ Юрій Долгорукій передъ смертію пилъ у Осьменика Петрила. Большіе пиры задавали князья по случаю духовныхъ торжествъ, освященія церквей: такъ Святославъ Всеволодовичъ по освященіи Васильевской церкви въ Кіевѣ на Великомъ дворѣ, созвалъ на пиръ духовный митрополита, епископовъ, игуменовъ, весь святительскій чинъ, Кіевлянъ ⁴¹. На пирахъ у князей обыкновенно играла музыка ⁴². Хоронили князей немедленно послѣ смерти, если не было особенныхъ препятствій; такъ напримѣръ Юрій Долгорукій умеръ 15 Мая въ среду на ночь, а похоронили его на другой день въ четвергъ. Родственники бояре, слуги умершаго князя надѣвали черное платье и черныя шапки; когда везли тѣло князя, то передъ гробомъ вели коня и несли стягъ (знамя); у гроба становили копьё ⁴³; послѣ похоронъ князя родственники его обыкновенно раздавали богатую милостыню духовенству и нищимъ: такъ Ростиславъ Мстиславичъ по смерти дяди Вячеслава роздалъ все его движимое имѣніе, себѣ оставилъ только одинъ крестъ на благословеніе ⁴⁴. Ярославъ Галицкій самъ передъ смертію роздалъ имѣніе по монастырямъ и нищимъ. Родственники, бояре, слуги и народъ плакались надъ гробомъ князя, причитали похвалы умершему; похвала доброму князю въ устахъ лѣтописца состояла въ слѣдующемъ: онъ былъ храбръ на рати, почиталъ, снабжалъ, утѣшалъ духовенство, раздавалъ щедрую милостыню бѣднымъ, любилъ и уважалъ дружину, имѣнія не щадилъ для нея; особенною заслугою выставляется также вѣрность клятвѣ, соблюденіе тѣлесной чистоты, правосудіе, строгость къ злымъ людямъ, безстрашіе предъ сильными, обижающими слабыхъ. Объ одеждѣ князей можемъ имѣть понятіе изъ картины, приложенной къ извѣстному Святославу Сборнику: здѣсь Святославъ и сыновья его, Глѣбъ и Ярославъ, пред-

ставлены въ кафтанахъ не много ниже колѣна; кафтанъ у Свято-
слава зеленый и сверхъ него корзно синее съ краснымъ подбо-
емъ, застегнутое на правомъ плечѣ красною запоною съ золотыми
отводами; у сыновей кафтаны малиноваго цвѣта и золотыя пояса
съ четырьмя концами. Воротники, рукава у молодыхъ князей, по-
долъ у Ярославова кафтана и края Святославова корзна наведены
золотомъ; подолъ Святославова и Глѣбова кафтановъ красный; у
маленькаго Ярослава отъ шеи до пояса золотая обшивка съ тре-
мя поперечными золотыми полосами; сапоги у Святослава зеленые,
у Ярослава красные, у обоихъ востроносые. На молодыхъ князь-
яхъ высокія синія шапки съ красными наушниками и зеленова-
тымъ подбоемъ (если только не принимать этого подбоя за осо-
бенную нижнюю шапку); на Святославѣ шапка не такъ высокая,
желтоватаго цвѣта, съ синими наушниками и темнокрасною опуш-
кою; на маленькомъ Ярославѣ синяя, не очень высокая. Свято-
славъ и Романъ съ усами безъ бородъ. На княгинѣ покрывало,
завязанное подъ бородою; верхняя одежда краснаго цвѣта съ ши-
рокими рукавами, съ широкою, желтою полосою на подолѣ и съ
золотымъ поясомъ, видны рукава нижней одежды съ золотыми
поручами; башмаки золотые.

Отношенія князя къ дружинѣ оставались, въ главныхъ чертахъ,
прежнія. При Ярославѣ произошелъ новый наборъ дружины; но
при сыновьяхъ его уже начались усобицы, перемѣщенія князей
изъ одной волости въ другую; легко понять, какъ такой порядокъ
вещей долженъ былъ дѣйствовать на положеніе дружины. Дру-
жинники должны были или переѣзжать вмѣстѣ съ князьями изъ
одной волости въ другую, или, оставаясь въ прежней, вступая въ
службу новаго князя, ждать, что старая дружина послѣдняго, ко-
торая пріѣдетъ съ нимъ изъ прежней волости, займетъ первое
мѣсто: въ княженіе Всеволода Ярославича и племянника его Свя-
тополка мы видимъ ясныя указанія лѣтописца на подобныя отно-
шенія старой и новой дружины при перемѣнѣ князей. Таково бы-
ло непріятное положеніе дружины и при безспорныхъ смѣнахъ
князей: но каково же было ея положеніе при борьбахъ, усоби-
цахъ, когда одинъ князь силою выгонялъ другаго изъ волости? Тог-
да дружина побѣжденнаго князя по необходимости должна была
бѣжать съ нимъ изъ прежняго города въ другой какой-нибудь,
уступая мѣсто дружинѣ побѣдителя. Такимъ образомъ вслѣдствіе

перемѣщеніи княжескихъ и дружина не могла получить осѣдлости. Отъ 1051 до 1228 года мы встрѣчаемъ въ лѣтописи полтора имень дружинниковъ; изъ этого числа не наберемъ и пятнадцати такихъ, которыхъ отчества указывали бы намъ, что это сыновья прежде извѣстныхъ лицъ, да и здѣсь исследователи руководствуются, по большей части, одними предположеніями: вѣроятно, можетъ быть, что такой-то Лазаревичъ былъ сынъ извѣстнаго прежде Лазаря. Потому, изъ этого количества имень мы наберемъ едва шесть примѣровъ, чтобъ дружинникъ служилъ послѣ отца сыну, и съ другой стороны не болѣе шести примѣровъ, чтобъ дружинники оставались въ однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ; наконецъ встрѣчаемъ не болѣе двухъ примѣровъ наследственности сана Тысяцкаго въ однихъ родахъ ⁴⁶.

Понятно, что при такой неосѣдлости дружинѣ трудно было во все это время вступить въ прочныя, непосредственныя отношенія къ волостямъ, получить важное первенствующее земское значеніе въ качествѣ постоянныхъ, богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ лицъ, пользующихся наследственно правительственными должностями; бояре попрежнему оставались боярами князей, а не боярами княжествъ, дѣйствовали изъ личныхъ выгодъ, тѣсно связанныхъ съ выгодами того или другаго князя, по не изъ выгодъ сословныхъ. Дѣйствія дружины имѣли значеніе, силу, когда ея выгоды совпадали съ выгодами города, волости; такъ случилось въ Кіевѣ по смерти Всеволода Ольговича; въ Ростовской области по смерти Боголюбскаго; здѣсь, во второмъ примѣрѣ, бояре дѣйствуютъ противъ младшихъ Юрьевичей въ пользу Ростиславичей, по согласію съ Ростовцами, но дѣло рѣшается не въ ихъ пользу вслѣдствіе особыхъ отношеній новыхъ городовъ. При этомъ надобно замѣтить также, что съ самаго начала у насъ на Руси вслѣдствіе размноженія членовъ княжескаго рода, управленіе сколько-нибудь значительными волостями и городами переходить къ князьямъ-родичамъ, а не къ боярамъ, которые по этому самому теряютъ возможность приобрести важное значеніе въ качествѣ областныхъ правителей: это важное значеніе остается за князьями же.—Исключеніе составляютъ Галицкіе бояре: Галицкая волость, ставши особымъ владѣніемъ Ростиславичей, князей, исключенныхъ изъ старшинства въ родѣ Ярославовомъ, по этому самому не перемѣняла князей своихъ; съ другой стороны не дробилась на

мельчайшія волости въ плѣмени Ростиславичей, потому что Владиміру удалось избавиться отъ всѣхъ родичей и стать единовластителемъ въ Галичѣ; единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ его Ярославѣ. Вслѣдствіе этого боярамъ Галицкимъ была возможность установиться въ странѣ, получить важное земское значеніе въ качествѣ богатыхъ землевладѣльцевъ и областныхъ правителей: вотъ почему вліяніе дружины въ Галичѣ надъ всѣмъ страной оказывается такимъ исключительнымъ; сколько-нибудь сильнаго участія городовъ въ событіяхъ, происходившихъ по смерти Романа Великаго, не замѣчаемъ, хотя народонаселеніе ихъ вообще питало привязанность къ молодому Данилу. Прибавимъ сюда еще вліяніе быта сосѣднихъ Галичу государствъ, Польскаго и Венгерскаго.

Но если такъ частъ и такъ необходимъ былъ переходъ дружины изъ одной волости въ другую и отъ одного князя къ другому, то легко понять, что не было возможности для точнаго опредѣленія отношеній ея къ князю; дружинникъ имѣлъ полную свободу переходить изъ службы одного князя въ службу другаго: каждый князь принималъ его съ радостію, ибо каждый нуждался въ храбрыхъ дружинникахъ; переходъ былъ легокъ для дружинника и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, потому что Русская земля сохраняла свое единство, равно какъ и родъ княжескій, слѣд. дружинникъ, переходя отъ одного князя къ другому, не измѣнялъ чрезъ это нисколько ни Русской землѣ, ни роду княжескому, владѣвшему ею нераздѣльно. Князья не могли условиться не допускать этого перехода, потому что очень рѣдко случалось, чтобъ всѣ они находились въ мирѣ и добромъ согласіи между собою, а при первой усобицѣ дружинникамъ открывался свободный путь для перехода отъ одного враждебнаго князя къ другому: такъ въ силу обстоятельствъ обычай перехода скоро долженъ былъ превратиться въ право, и послѣ въ княжескихъ договорахъ мы увидимъ, что князья обязываются не препятствовать переходу дружинниковъ: «А боярамъ между нами и слугамъ вольнымъ — воля.» Существовало ли такое условіе въ княжескихъ договорахъ описываемаго времени, или подразумѣвалось, какъ естественное и необходимое, и явилось только послѣ при ослабленіи родовой связи между князьями, обособленіи княжествъ — рѣшить нельзя по неизмѣнно княжескихъ договорныхъ грамотъ изъ описываемаго періода; мы

знаемъ одно только, что такія грамоты существовали въ это время. Хорошій князь, по современнымъ понятіямъ, не отдѣлялъ своихъ выгодъ отъ выгодъ дружины, ничего не щадилъ для послѣдней, ничего не откладывалъ собственно для себя; жилъ онъ съ нею въ братскомъ, задушевномъ кружку, не скрывая отъ нея ниѣмня, не гая думъ своихъ, намѣреній: «Князь говоритъ дружина Мстиславу Изяславичу: тебѣ безъ насъ нельзя было ничего ни замыслить, ни сдѣлать, а мы всё знаемъ твою истинную любовь ко всей братии.» А Владиміру Мстиславичу дружина говоритъ: «Ты самъ собою это, князь, замыслилъ, такъ мы не ѣдемъ за тобою, мы ничего не знали.» Изъ тона лѣтописи видно, что не нравилось когда князь имѣлъ одного любимца, которому открывалъ свои думы, скрывая ихъ отъ остальной дружины: такъ рассказывая о дурномъ поступкѣ Святослава Всеволодовича съ Ростиславичами, лѣтописецъ говоритъ: «Святославъ посовѣтовался съ княгинею, да съ Кочкаремъ, любимцемъ своимъ, а лучшимъ мужемъ думы своей не объявилъ.» Князь почти все время свое проводилъ съ дружиною: съ нею думу думалъ, на охоту ѣздилъ, пировалъ; въ житіи св. Феодосія читаемъ, что когда князь Изяславъ хотѣлъ ѣхать къ преподобному, то распускалъ всѣхъ бояръ по домамъ, и являлся въ монастырь съ однимъ малымъ отрокомъ: это рассказывается, какъ исключеніе изъ обычая. При такихъ близкихъ отношеніяхъ бояръ къ князю естественно ожидать, что совѣты ихъ и внушенія не оставались безъ слѣдствій въ распрахъ и усобицахъ княжескихъ: въ дѣлѣ ослѣпленія Василька лѣтописецъ прямо обвиняетъ извѣстныхъ бояръ Давыдовыхъ; не разъ попадаетса извѣстіе, что князь поступилъ дурно, послушавшись злыхъ совѣтниковъ; если дружинникъ по неудовольствію оставлялъ одного князя и переходилъ къ другому, то конечно не могъ содѣйствовать пріязни между ними. Мстиславъ Изяславичъ отпустилъ отъ себя двоихъ бояръ, братьевъ Бориславичей, *озлобивъ*, по выраженію лѣтописца, потому что холопи ихъ покрали княжескихъ коней изъ стада; Бориславичи перешли къ Давыду Ростиславичу и начали ссорить его съ Мстиславомъ. Вслѣдствіе такихъ отношеній встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что при княжескихъ деговорахъ и боаре цѣловали крестъ— добра хотѣтъ между князьями, честь ихъ беречь и не ссорить ихъ.

Попрежнему встрѣчаемъ различіе между старшею и младшею дружиною. Когда Святославу Ольговичу дали знать о смерти брата

Игоря, то сказано, что онъ созвалъ дружину свою *старѣйшую* и объявилъ ей объ этомъ. Всеволодъ III послалъ сказать племяннику Мстиславу Ростиславичу: «Враты! если тебя привела дружина старѣйшая, то ступай въ Ростовъ.» Но старѣйшая дружина въ этомъ же самомъ разсказѣ переводится словомъ: *бояре*. Въ противоположность старшей встрѣчаемъ названіе *младшая* дружина; такъ Изяславъ Мстиславичъ говоритъ брату Владиміру: «Ступай впередъ на Бѣлгородъ, а мы всё отпускаемъ съ тобою дружину свою *младшую*»; младшая дружина называется также просто: *молодь*, *молодые*, *молодые люди*, продолжаетъ носить названіе *гридей*, *гридьбы*. Члены старшей дружины, бояре, были по преимуществу княжескими думцами, совѣтниками; но встрѣчаемъ извѣстіе, что иногда князья сзываютъ на совѣтъ бояръ и всю дружину свою⁴⁷. Въ составъ дружины входила также собственная прислуга князя, жившая постоянно при немъ, въ его домѣ, дворцѣ, это такъ-называемые *отроки*, *дѣтскіе*, *пасынки*, которые естественно раздѣлялись опять на старшихъ и младшихъ, или меньшихъ. Такимъ образомъ дружина состояла изъ трехъ частей: *бояръ*, *гридьбы* и *пасынковъ*; лѣтописецъ говоритъ, что Мстиславъ Ростиславичъ, прѣхавши въ Ростовъ, собралъ *бояръ*, *гридьбу* и *пасынковъ*, и вою дружину. Третій отдѣлъ дружины, служия, слуги княжескіе, живущіе при немъ въ домѣ, на сѣверѣ начинаютъ носить названіе двора, дворянъ⁴⁸; естественно впрочемъ ожидать, что въ противоположность городovýmъ полкамъ подъ именемъ дворянъ разумѣлась и вся дружина, все княжеское войско. Бояре имѣли свои дома въ стольномъ городѣ княжескомъ, имѣли свои села⁴⁹; какого рода были эти села, кромѣ отчинъ получали ли дружинники помѣстья отъ князей—ничего неизвѣстно. Кромѣ стольнаго города дружина (преимущественно, думаемъ, младшая) жила также по другимъ городамъ, гдѣ отряды ея составляли засады или гарнизоны⁵⁰, жила и по селамъ своимъ; послѣ каждаго похода дружина распускалась. Княжескіе слуги жили при дворѣ; но могли также чередоваться службою, имѣя на сторонѣ свои дома. Бояре имѣли около себя въ походѣ свою служию, своихъ отроковъ⁵¹.

Изъ бояръ князь назначалъ тысяцкихъ; что же касается до посадниковъ, то они могли быть назначаемы и изъ дѣтскихъ⁵². Тіуны княжескіе и боярскіе имѣютъ прежнее значеніе. Изъ должностей служебныхъ въ домѣ, дворѣ княжескомъ встрѣчаемъ названіе

ключниковъ; на нѣз должность указываетъ слѣдующее извѣстіе: когда Ростиславъ Мстиславичъ похоронилъ дядю своего Вячеслава, то, созвавши бояръ послѣдняго, тиумовъ и ключниковъ, велѣтъ принести передъ себя все имѣніе покойнаго князя. *Покладницъ*, но-воѣмъ вѣроятностямъ, соотвѣтствовалъ позднѣйшему *спальнику*. Званія *Котлошій* ⁵³, *Стольникъ*, *Меченюша* ⁵⁴, объясняются изъ самыхъ словъ. Упоминаются *мечники*; *кощени*, которыхъ, производя отъ слова *кошигъ*, можно принять за обозную прислугу; упоминаются *сѣдельники*, названіе которыхъ указываетъ на нѣхъ занятіе; и *кощи* и *сѣдельники* находились при войскѣ во время похода ⁵⁵; *сѣдельники* жили, какъ видно, цѣлыми селеніями въ извѣстныхъ мѣстахъ ⁵⁶. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1181 годомъ встрѣчаемъ названіе: *кметство* для лучшихъ ратниковъ, ибо это названіе въ нѣкоторыхъ спискахъ переводится чрезъ: мужи *доброименитые*. Мономахъ говоритъ, что онъ взялъ въ плѣнъ живыми пятерыхъ князей Полоцкихъ, и иныхъ *кметій* молодыхъ пятнадцать.

Попржнему находимъ въ лѣтописи ясныя указанія на различіе между дружиною и полками, собираемыми изъ остального народонаселенія, городского и сельскаго; *дружина* отличается отъ *полка*. Вячеславъ Владиміровичъ говоритъ племяннику Изяславу: «Дружина моя и полкъ мой будутъ у насъ съ тобою общіе»; Ярославъ Галицкій говоритъ Кіевскому боярину объ отцѣ своемъ: «Полкъ его и дружина его у меня» ⁵⁷; хотя, разумѣется, слово: «полкъ» сохраняетъ и свое общее значеніе войска, точно такъ же какъ и дружина; а съ другой стороны, полкъ имѣетъ значеніе извѣстнаго отдѣла въ войскѣ. Кіевскіе полки рѣзко отличаются отъ княжескихъ дружинъ въ разсказѣ о битвѣ Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ подъ Кіевомъ: «Вячеславъ и Изяславъ, не входя въ городъ, раскинули станъ передъ Золотыми воротами: Изяславъ Давыдовичъ сталъ между Золотыми воротами и Жидовскими, Ростиславъ съ сыномъ Романомъ передъ Жидовскими воротами, Борисъ Городенскій у Лядскихъ воротъ, а между князьями стали Кіевляне на коняхъ и пѣши»; тутъ же говорится, что Вячеславъ и племянники его послушались дружины, Кіевлянъ и Черныхъ Клубуковъ. На участіе сельскаго народонаселенія въ походахъ указываютъ прямо извѣстія лѣтописи о сборахъ Мономаха и Святополка на Половцевъ; дружина говорила, что весною не время идти въ походъ, ибо для этого нужно отнять поселянъ

(смердовъ) и лошадей ихъ отъ полевыхъ работъ; Мономахъ отвѣчалъ на это: «странно мнѣ, что вы поселянъ и лошадей ихъ жалѣете, а объ томъ не подумаете, какъ весною начнутъ поселянинъ пахать лошадыю, и прїѣдетъ Половчинъ, ударитъ поселянина стрѣлою, а лошадь его возьметъ себѣ.» Еслибы кто-нибудь задалъ вопросъ: какъ участвовали поселяне въ походахъ, для чего собственно употреблялись здѣсь они и лошади ихъ?—то на этотъ вопросъ не можетъ быть отвѣта по недостатку свидѣтельствъ; приведемъ только одно извѣстїе, что во время войны Мстислава Торопецкаго съ младшими сыновьями Всеволода III, послѣднїе погнали на войну и «изъ поселей», какъ сказано въ лѣтописи. Въ лѣтописи же читаемъ, что Изяславъ Мстиславичъ и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ на вѣчѣ объявлялъ о походѣ; было ли это постояннымъ обычаемъ—утверждать нельзя. Какъ выходили граждане на войну, это видно также изъ словъ бояръ Изяславовыхъ, которые звали Кіевлянъ въ походъ отъ имени князя: «теперь, братья Кіевляне, ступайте за мной къ Чернигову на Ольговичей, собирайтесь всѣ отъ мала до велика, у кого есть конь, тотъ на конѣ, а у кого нѣтъ коня, тотъ пусть ѣдетъ въ лодкѣ.» Изъ этого и изъ многихъ другихъ извѣстій видно, что ополченіе состояло изъ конницы (копѣйщиковъ) и пѣхоты (стрѣльцовъ); встрѣчаемъ названія: кони *поводные*, т.-е. употребляемые подъ верхъ, и *товарные*, обозные, также кони *сумные*; стрѣльцы обыкновенно завязывали дѣло, когда главная масса войскъ, копѣйщики, еще не вступали въ битву. Во время похода оружіе везли на возахъ⁵⁸; оружіе состояло изъ брони, шлемовъ, щитовъ, мечей, копій, сабель, стрѣлъ, киевъ, сулицъ, ножей—засапожниковъ, рогатинъ, оскѣповъ и топоровъ, топоры бывали съ паворозкою: въ Словѣ о полку Игореву щиты называются [Красными (Червлеными)]; шлемы были съ острымъ верхомъ и съ желѣзнымъ забраломъ или личиною въ видѣ полумаски. Для защиты щекъ и затылка, къ шлему прикрѣплялась кольчужная желѣзная сѣтка, застегивавшаяся запоною у шеи⁵⁹. Употреблялись знамена, или стяги, также трубы и бубны. Не только оружіе везли на возахъ, но и сами ратники ѣхали на нихъ же; кромѣ возовъ съ оружіемъ, должно думать, что войско сопровождали обозы съ съѣстными припасами: по крайней мѣрѣ есть извѣстїе, что иногда припасы эти возили на лодкахъ по рѣкамъ⁶⁰; но есть также и не одно извѣстїе, что князья, вступая

въ непріятельскую землю, посылали для сбора съѣстныхъ прина-
совъ: это называлось *ѣхать въ зажитіе*, а люди, посылаемые для
такого сбора— *зажитниками*. Въ ожиданіи битвы ратники надѣ-
вали брони; но предъ Липецкою битвою Мстиславъ Удалой далъ
Новгородцамъ на выборъ: сражаться на коняхъ или пѣшкомъ; тѣ
отвѣчали, что не хотятъ домирать на лошадяхъ, но хотятъ битися
пѣши, какъ бились отцы ихъ на Колакѣ, и сбросивъ съ себя
щорты и сапоги, побѣжали босые на непріятеля. Князья устраи-
вали войско, говорили рѣчи; войска располагались попрежнему
треми отдѣленіями: большой полкъ, или чело, и два крыла; но въ
описываемое время упоминается и передовой полкъ, или *передъ* ⁶¹,
упоминается и сторожевой полкъ, или *сторожъ*, который давалъ
знать главному полку о мѣстѣ пребыванія и движеніи непріятеля.
При бѣгствѣ непріятеля, побѣдители бросались на станъ его, оди-
рали мертвыхъ; о дѣлѣ добычи встрѣчаемъ одно извѣстіе, что
Мстиславъ Удалой, взявши дань на Чуди, двѣ части ея отдалъ
Новгородцамъ, третью дворьянамъ своимъ. Встрѣчаемъ извѣстіе объ
укрѣпленныхъ станахъ: такъ предъ Липецкою битвою младшіе
Всеволодовичи обвили свой станъ плетнемъ и насовали кольевъ;
былъ обычай также огораживаться засѣками: такъ сказано объ
Ярославѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ, что онъ сталъ подъ сво-
ими лѣсами, засѣкшись отъ непріятеля; въ станахъ находились
шатры и *полстницы*: въ разсказѣ о взятіи Рязанскихъ князей
Всеволодомъ III говорится, что великій князь, поздоровавшись съ
ними, велѣлъ сѣсть имъ въ шатръ, а самъ сѣлъ въ полстницѣ;
также въ разсказѣ объ убіеніи Рязанскихъ князей родичами чи-
таемъ, что убійца Глѣбъ скрылъ вооруженныхъ слугъ и Полов-
цовъ въ полстницѣ близъ шатра, гдѣ должны были пировать
жертвы его.

И въ описываемое время войска переправлялись иногда по рѣ-
камъ; такъ подъ 1185 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Святославъ
Всеволодовичъ плылъ въ лодкахъ Десною изъ Новгорода Сѣвер-
скаго въ Черниговъ; встрѣчаемъ даже извѣстіе о рѣчной битвѣ
на Днѣпрѣ между войсками Изяслава Мстиславича и дяди его Юрія,
когда Изяславъ *дивно исхитрилъ* лодки, по выраженію лѣтописца:
видны были одни только весла, а гребцовъ было не видать, по-
тому что лодки были покрыты, ратники стояли на этихъ крыш-
кахъ въ броняхъ и стрѣляли, коричухъ было два, одинъ на носу,

другой на кормѣ, и куда хотѣли, туда и шли, не оборачивая лодокъ. Походы преимущественно совершались зимою: это будетъ понятно, если вспомнимъ состояніе страны, покрытой множествомъ рѣкъ и болотъ, черезъ которыя зима прокладывала ледяные мосты и такимъ образомъ облегчала путь; князья обыкновенно спѣшили окончить походъ до того времени, какъ начнутъ таять снѣга и разливаться рѣки. Кромѣ затруднительности дорогъ противъ зимнихъ походовъ могли говорить также причины, приводимыя дружиною Мономаху противъ весенняго похода на Половцевъ: нужно было отрывать земледѣльцевъ отъ работъ въ полѣ. Пространство пути считали днями, наприм., подъ 1187 годомъ Рюрикъ Ростиславичъ говоритъ Ярославу Черниговскому: «вѣсть ны правая есть, ажъ вѣжи Половецкія восе за полдне, ты мене дѣля пойди до полудня, а язъ тебе дѣля ѣду десять дней.» Или подъ 1139 годомъ: «Бродишася по немъ (Изяславъ Давыдовичъ) за Десну, Святослава оба и Рюрикъ, и отшедше за двяще и не обрѣтше его.» Новгородцы въ 1147 г. выходили на встрѣчу къ Изяславу Мстиславичу, одни «три днищъ, другіе днище отъ Новгорода.»— Упоминаются взятія городовъ копьемъ (приступомъ) и взятія *на щитъ* (сожженіе, разграбленіе, плѣнь, истребленіе жителей): нѣтъ права думать, чтобы тамъ, гдѣ упоминается взятіе на щитъ, непременно прежде было взятіе приступомъ. При осадахъ городовъ почти никогда не упоминается о машинахъ, стѣнобитныхъ орудіяхъ, подкопахъ; обыкновенно говорится, что городъ обступали и бились съ осажденными у воротъ. Разъ говорится въ Псковской лѣтописи подъ 1063 годомъ, что Всеславъ Полоцкій приходилъ подъ Псковъ, и много трудился, и *пороками шибавъ*; но Псковская лѣтопись позднѣйшаго составленія, и притомъ означенное выраженіе у Псковскаго лѣтописца форменное. Осады продолжались отъ двухъ дней до десяти недѣль; болѣе продолжительныхъ осадъ не видимъ ⁴². Изъ ста съ чѣмъ-нибудь случаевъ, гдѣ говорится о нападеніяхъ на города, одинъ только разъ упоминается о взятіи копьемъ, разъ двадцать девять о взятіи на щитъ, опустошеніи городовъ, разъ сорокъ о сдачѣ, и просто о занятіи городовъ, при чемъ раза три употребляется выраженіе, что города были заняты внезапно, *изъездомъ*; разъ семь осажденные должны были принимать условія осаждающихъ, разъ пять говорится просто о мирѣ, послѣдовавшемъ за осадомъ, наконецъ разъ двадцать

пять упоминаются осады неудачныя. — Здѣсь, разумѣется, намъ было бы очень важно знать число войскъ во время походовъ и осадъ; къ сожалѣнію, мы встрѣчаемъ объ этомъ предметѣ очень скудныя извѣстія въ лѣтописяхъ; подъ 1172 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о битвѣ Русскихъ съ Половцами: у поганыхъ, сказано, было 900 копій, а у Руси 90; но число копій не означаетъ числа всего войска, ибо послѣ сказано, что побѣдивши Половцевъ (900 коней), Русскіе взяли у нихъ въ плѣнъ 1500 человекъ, другихъ перебили, а нѣкоторые убили. Изъ связи цѣлаго разсказа можно сдѣлать нѣкоторыя соображенія: прежде говорится, что когда Русскіе, перехвативши половецкихъ сторожей, спросили у нихъ: «Много ли вашихъ навади», то тѣ отвѣчали, что 7000; Русскіе пошли противъ этого семитысячнаго отряда, разбили его, и когда спросили у плѣнныхъ: много ли еще вашихъ назади, то тѣ отвѣчали: «Теперь большой полкъ идетъ»;—и въ этомъ-то большомъ полку насчитывалось 900 копій, слѣдовательно полкъ, насчитывавшій въ себѣ 900 копій, имѣлъ всѣхъ ратниковъ въ себѣ гораздо болѣе 7000, ибо отнюмкая къ семитысячному отряду, какъ большой полкъ. Русскій полкъ, состоявшій изъ 90 копій, считали маленькимъ отрядомъ, такъ что старшему князю неприлично было имъ предводительствовать. Когда великій князь Святополкъ Изяславичъ въ 1093 году объявилъ Кіевскимъ боярамъ, что у него 800 своихъ отроковъ, которые могутъ стать противъ Половцевъ, то бояре отвѣчали: «Еслибы ты набралъ и 8000, то недурно было бы, потому что наша земля оскудѣла.» Это извѣстіе о 800 (по нѣкоторымъ спискамъ 500) отроковъ можетъ указывать намъ на число собственной служби княжеской, которую должно отдѣлять отъ другихъ составныхъ частей дружины—бояръ и гридей. Когда Мономахъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Переяславль передъ Олегомъ, то у него не было и ста человекъ дружины—но это было послѣ бѣдственнаго сраженія съ Половцами, гдѣ Мономахъ такъ много потерялъ своего войска; Игоревичи перебили въ Галичѣ 500 бояръ. Великій Новгородъ во второй половинѣ XII вѣка могъ выставлять 20.000 войска ⁴⁵; сѣверная Русь—области: Новгородская, Ростовская съ Белоозеромъ, Муромская и Рязанская могли выставить 50.000 ⁴⁶; на Липецкой битвѣ изъ войска младшихъ Всеволодовичей погибло 9233 человекъ, взято въ плѣнъ только 60 человекъ, но были кромѣ того и спасшіеся бѣгствомъ, нѣко-

торые потонули въ рѣкахъ. Здѣсь, разумѣется, не должно упускать изъ вниманія того, происходили ли войны соединенными силами нѣсколькихъ княжествъ, или два князя боролись съ одними собственными силами: если мы предположимъ, что южная Русь могла выставить около 50.000 войска, то мы должны раздѣлять это количество на шесть частей по областямъ (Черниговская, Переяславская, Смоленская, Туровская, Волынская, Кіевская); а если борьба шла между князьями одной изъ этихъ областей, напр., между Черниговскимъ и Сѣверскимъ, то мы не можемъ предположить, чтобы каждый изъ нихъ могъ вывести въ поле больше 5000 войска. Но, съ другой стороны, должно замѣтить также, что во всѣхъ почти войнахъ принимали участіе толпы дикихъ Половцевъ и своихъ Черныхъ Клобуковъ, такъ напр., на помощь Всеволоду Ольговичу, въ 1127 году, пришло 7000 Половцевъ; на помощь Изяславу Давидовичу пришло 20.000 Половцевъ. Наконецъ въ Никоновскомъ спискѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ 1135 году Всеволодъ Мстиславичъ Новгородскій имѣлъ въ своемъ войскѣ Нѣмцевъ; на югѣ подъ 1419 годомъ упоминаются также Нѣмцы въ Русскомъ войскѣ.

И въ описываемое время встрѣчаемъ извѣстіе о богатыряхъ; и въ этотъ періодъ человекъ, благодаря физической силѣ, могъ выдѣлиться, пріобрѣсть особенное значеніе, и давать побѣду тому или другому князю; къ богатырямъ, какъ видно, питали особенное уваженіе, называли ихъ *людьми Божиими*. Замѣчательнъ разсказъ лѣтописи подъ 1148 годомъ о богатырѣ Демьянѣ Куденевичѣ. Этотъ богатырь жилъ въ Переяславѣ южномъ у князя Мстислава Изяславича въ то время, когда сынъ Юрія Долгорукаго, Глѣбъ, хотѣлъ въ расплохъ напасть на Переяславль. Узнавши о приближеніи Глѣба, князь Мстиславъ отправился немедленно къ Демьяну и сказалъ ему: «человекъ Божій! теперь время Божіей помощи и Пречистой Богородицы и твоего мужества и крѣпости.» Демьянъ тотчасъ же сѣлъ на коня съ слугою своимъ Тарасомъ и дятью молодыми отроками, потому что остальные разошлись неизвѣстно куда. Богатырь выѣхалъ изъ города, встрѣтилъ князя Глѣба Юрьевича на полѣ у посада, съ яростію напалъ на его войско и многихъ убилъ нещадно. Князь Глѣбъ испугался, побѣжалъ назадъ, а Демьяну Куденевичу послалъ сказать: «Я пришелъ на любовь и на миръ, а не на рать.»—Но скоро Глѣбъ съ

Половцами пришел опять къ Переяславию, Демьянъ одинъ вы-
тѣхалъ изъ города, безъ доспѣховъ, перебилъ много неприятелей,
но самъ былъ вострѣленъ во многихъ мѣстахъ отъ Половцевъ и
въ изнеможеніи возвратился въ городъ. Князь Мстиславъ пришелъ
къ нему, принесъ много даровъ, обѣщалъ дать волости; богатырь
отвѣчалъ ему: «О суета человѣческая! кто, будучи мертвъ, же-
лаетъ даровъ тѣсныхъ и власти погибающей!» Съ этими словами
Демьянъ уснулъ вѣчнымъ сномъ, и былъ по немъ плачь великій
во весь городъ.—Въ разсказѣ о Ливонской битвѣ упоминаются
также богатыри, бывшіе на сторонѣ Мстислава Торопецкаго. Въ
разсказахъ о Калкской битвѣ говорится, что тутъ пало 80 хра-
бровъ или богатырей.

Обратился теперь къ народонаселенію городовому и сельскому.
Русская земля въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, т. е. всѣ Рус-
скія владѣнія, раздѣлялась на нѣсколько отдѣльныхъ земель или
волостей: Русская земля (въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. Кіевская), Во-
линская, Смоленская, Суздальская и т. д.; слово: волость, власть
означало и княженіе (власть), и княжество (владѣніе, область).
Между словами *волость* и *земля* можно впрочемъ замѣтить раз-
личіе: земля имѣла чисто географическое значеніе, тогда какъ во-
лость содержитъ въ себѣ всегда значеніе зависимости извѣстнаго
участка земли отъ князя или главнаго города; въ этомъ смыслѣ
названіе волости носитъ окружающая земля въ противоположность
городу, и жители ея въ противоположность горожанамъ; Новго-
родская земля есть Новгородія, земля, обитаемая Новгородцами,
какъ Польская земля есть Польша, Чешская земля—Богемія; Нов-
городская же волость означаетъ земли, подвѣдомственные, подчи-
ненные Новгороду Великому. Переходъ слова: власть (волость)
отъ означенія владѣющаго къ означенію владѣмаго былъ очень
легокъ: князь, старшій городъ были власти, владѣли окружаю-
щими населенными мѣстами, здѣсь была ихъ власть, эти мѣста
были въ ихъ власти, они были ихъ власть. Первоначально, до
приванія Рюрика, летописецъ указываетъ намъ племена незави-
симыя другъ отъ друга: это видно изъ его словъ, что каждое
имя имѣло свое княженіе; встрѣчаемъ сначала и названія зе-
мель отъ имени племенъ, напр., Деревская земля; слѣд. можно
думать, что первоначально границы земель соответствовали гра-
ницамъ племенъ. Но съ тѣхъ поръ какъ началась дѣятельность

князей Рюриковичей, это совпаденіе границъ было нарушено, и въ послѣдующемъ дѣленіи земель или волостей между князьями мы не можемъ отыскать прежняго основанія: такъ земли Новгородская заключаетъ въ себѣ землю и Славянъ и Кривичей, земля Полоцкая землю Кривичей и Дреговичей, Смоленская Кривичей и Радичичей, Кіевская Полянъ, Дровлянъ и Дреговичей, Черниговская Сѣверянъ и Вятичей. Уже самая перемѣна названій, исчезновеніе именъ племенныхъ, замѣненіе ихъ именами, заимствованными отъ главныхъ городовъ, показываетъ намъ, что основаніе дѣленія здѣсь другое, а не прежнее племенное. Не смотра впрочемъ на то, что явилось новое могущественное начало, власть княжеская, подъ вліяніемъ которой несомнѣнно совершился переходъ народонаселенія изъ племеннаго быта въ областной, прежнее значеніе древнихъ главныхъ городовъ не утратилось для окружающаго народонаселенія, чему, разумѣется, прежде всего способствовала первоначальная неопредѣленность отношеній городского народонаселенія къ князьямъ, неопредѣленность, преимущественно зависѣвшая отъ родовыхъ княжескихъ отношеній, отъ частаго перехода князей изъ одной волости въ другую: при спорности правъ княжескихъ относительно наследства, при убоицахъ, отсутствіи князей, волости необходимо должны были смотрѣть на главныя, старшіе города, сеобразоваться съ ихъ рѣшеніемъ. Отсюда главныя, древніе, старшіе города въ волости удерживаютъ относительно послѣдней, относительно младшихъ городовъ или пригородовъ значеніе властей, называются *властями*: «Новгородцы изначала, и Смоленские, и Кіевляне, и Полоцканы, и воѣ власти какъ на думу на вѣча оходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды стануть», говоритъ лѣтописецъ. Такихъ мѣстъ лѣтописи, изъ которыхъ можно было бы узнать объ отношеніяхъ младшихъ городовъ въ волости къ старшимъ, очень мало; тутъ же въ разсказѣ лѣтописца подъ 1175 г. видимъ, что Ростовцы считаютъ себя въ правѣ посадить посадника въ пригородѣ своемъ Владимірь, и Владимірьцы потомъ, угнѣненные Ростиславичами, обращаются съ жалобою къ жителямъ старшихъ городовъ, Ростовцамъ и Суздаляцамъ. Лѣтописецъ Новгородскій сообщаетъ намъ также нѣсколько смутныхъ извѣстій объ отношеніяхъ Новгорода къ своимъ пригородамъ, преимущественно Цокову и Ладогѣ. Мы не можемъ искать первоначальныхъ пригородныхъ отношеній

Пскова къ Новгороду въ дорюриковское время: Псковъ былъ городомъ совсѣмъ другаго племени, племени Кривичей; мы не знаемъ, какимъ образомъ Псковъ получилъ значеніе главнаго мѣста въ окружной странѣ вмѣсто Изборска или Словенска (какъ онъ называется въ псковской лѣтописи), стольнаго города Труворова; но какъ бы то ни было, мы не имѣемъ права предполагать зависимости Изборскихъ Кривичей отъ Славянъ новгородскихъ во время призванія князей, и думать, что позднѣйшая зависимость Пскова отъ Новгорода была слѣдствіемъ этой давней зависимости. Весь бѣлозерская, подобно Кривичамъ Изборскимъ, участвовала въ призваніи князей, среди нея утвердилъ свой столъ второй братъ Рюриковъ, Синеусъ, и однако потомъ Бѣлозерскъ отошелъ отъ Новгорода къ области другаго княжества. Поэтому съ достовѣрностію можно положить, что зависимость Пскова отъ Новгорода началась во время князей и вслѣдствіе княжескихъ отношеній. Братья Рюрика, по свидѣтельству лѣтописца, скоро умерли, и Рюрику принявъ одинъ всю ихъ волость; слѣдовательно, страна изборскихъ Кривичей, вмѣстѣ со Псковомъ, подчинилась, по смерти Трувора, Рюрику, утвердившему столъ свой въ Новгородѣ, который поэтому сталъ главнымъ городомъ, правительственнымъ средоточіемъ во всей странѣ, признававшей своимъ княземъ Рюрика. Вотъ гдѣ должно искать начала зависимости Пскова отъ Новгорода, или, лучше сказать, отъ власти, пребывающей въ Новгородѣ: князь новгородскій былъ вмѣстѣ и княземъ псковскимъ, и назначалъ во Псковъ своего посадника; отсюда обычай брать Пскову всегда посадника изъ Новгорода. Въ 1132 году, по случаю сильной смуты вслѣдствіе отъѣзда князя Всеволода Мстиславича въ южный Переяславль, Псковичи и Ладожане пришли въ Новгородъ и здѣсь получили для себя посадниковъ. Въ 1136 году Новгородцы, задумавши передаться Ольговичамъ, призвали Псковичей и Ладожанъ. Это извѣстіе показываетъ, что старшіе города не рѣшали иногда важныхъ дѣлъ безъ вѣдома пригородовъ; говоримъ *иногда*, потому что при неопредѣленности тогдашнихъ отношеній не имѣемъ права изъ одного или двухъ извѣстій заключать, что такъ необходимо всегда было. Ночь 1148 годовъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Великій князь Мстиславъ Мстиславичъ, прѣбывавши въ Новгородѣ, созвалъ вѣче, на которое сошлись Новгородцы и Псковичи: пришли ли Псковичи

и на этот раз нарочно, по случаю приезда Великаго князя, или сошлись на вѣче Псковичи, бывшіе тогда по своимъ дѣламъ въ Новгородѣ—рѣшить нельзя. Неопредѣленность этихъ отношеній видна уже изъ того, что иногда являются Псковичи и Ладожане, иногда одни Псковичи, о жителяхъ другихъ пригородовъ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго упоминовенія. Та же неопредѣленность въ отношеніяхъ старшихъ городовъ къ младшимъ и въ землѣ Ростовской: по смерти Боголюбскаго, Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и *вся дружина*, отъ мала до велика, съѣзжаются на совѣщаніе къ Владимиру, и рѣшаютъ призвать князей; дружина владимирская, по приказанію Ростовцевъ, присоединяется также къ дружинѣ означенныхъ городовъ, но остальное народонаселеніе владимирское противится, не желая покориться Ростовцамъ, которые грозятъ распорядиться Владимиромъ, какъ своимъ пригородомъ; потомъ Владимирцы, притѣсненные Ростиславичами, обращаются съ жалобою къ Ростовцамъ и Суздальцамъ вѣсть, а не къ однимъ Ростовцамъ, точно такъ какъ на совѣщаніе собираются Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы, Владимирцы, а объ другихъ городахъ не упоминается.

Мы видѣли, что лѣтописецъ жителей старыхъ городовъ называетъ властями, которые какъ на думу на вѣче сходятся, и рѣшеніе ихъ принимаютъ жители младшихъ городовъ или пригородовъ; лѣтописецъ говоритъ здѣсь о Новгородцахъ наравнѣ съ Кіевлянами, Смольянами, Полочанами, слѣдовательно мы не имѣемъ права въ описываемое время рѣзко выдѣлять новгородскій бытъ изъ быта другихъ значительнѣйшихъ русскихъ городовъ.

Какъ въ другихъ городахъ, такъ и въ Новгородѣ вѣче является съ неопредѣленнымъ характеромъ, неопредѣленными формами. Слово: *вѣче* означало неопредѣленно всякое совѣщаніе, всякій разговоръ, всякіе переговоры, а не означало именно народное собраніе, народную думу. Мы видимъ, что князья сами созываютъ вѣче, имѣя что-нибудь объявить гражданамъ, обыкновенно вѣча созываются князьями для объявленія войны, похода гражданамъ. Созывалось вѣче обыкновенно по звону колокола, откуда и выраженіе *сзвонить вѣче*; собиралось оно на извѣстныхъ мѣстахъ, удобныхъ для многочисленнаго стеченія народа, напр., въ Новгородѣ на дворѣ Ярославовомъ, въ Кіевѣ на площади у св. Софіи. Въ начальномъ періодѣ нашей исторіи мы видимъ, что

князь собираетъ на совѣтъ бояръ и городскихъ старцевъ, представителей городского народонаселенія; но теперь, когда народонаселеніе въ городахъ увеличилось, роды раздробились, то мѣсто собранія старцевъ естественно заступило общенародное собраніе или вѣче; мы видимъ иногда въ лѣтописи даже составныя части вѣча, указывающія, что оно именно замѣнило прежній совѣтъ дружины и старцевъ: такъ В. князь Изяславъ созвалъ на вѣче бояръ, всю дружину и Кіевлянъ; въ одномъ спискѣ лѣтописи читаемъ, что народъ сталъ на вѣче, а въ другомъ, что Кіевляне *шли* у св. Софіи; въ обонхъ говорится, что сошлось многое множество народа, сошлись всѣ Кіевляне отъ мала до велика ⁴⁶. Видимъ, что вѣче собирается въ важныхъ случаяхъ для города, наприм., послѣ потери князя, когда граждане оставлены самими себѣ, какъ то случилось съ Владимирцами на Волыни въ 1097 г.; въ крайней опасности, какъ, напр., когда въ томъ же году Ростиславичи послали сказать тѣмъ же Владимирцамъ, что они должны выдать злодѣевъ, наустившихъ князя Давыда ослѣпить Василька. Наконецъ вѣчемъ называется всякое собраніе недовольныхъ гражданъ противъ князя или другаго какого-нибудь лица. На такіа вѣча начали смотрѣть послѣ, какъ на заговоры и возстанія, когда въ сѣверо-восточной Руси точнѣе опредѣлились отношенія; Новгородцы въ глазахъ сѣверо-восточнаго народонаселенія являются *вѣчниками—кромольниками*, вѣче принимаетъ значеніе кромолы, волненія народнаго. Но иначе смотрѣли на это въ описываемое время: въ 1209 году самъ Всеволодъ III-й далъ Новгородцамъ позволеніе управиться съ людьми, заслужившими ихъ негодованіе, и лѣтописецъ говоритъ при этомъ, что В. князь отдалъ Новгородцамъ ихъ прежнюю волю любить добрыхъ и казнить злыхъ. Но если, съ одной стороны, нельзя рѣзко выдѣлять новгородскій бытъ изъ быта другихъ старшихъ городовъ, то, съ другой стороны, нельзя также не замѣтить, что въ Новгородѣ было болѣе благоприятныхъ условій для развитія вѣчеваго быта, чѣмъ гдѣ-либо: князья смѣнялись чаще по своимъ родовымъ отношеніямъ и тѣмъ чаще вызывали народъ къ принятію участія въ рѣшеніи самыхъ важныхъ вопросовъ; народъ этотъ былъ развитѣ вслѣдствіе обширной торговой дѣятельности, богатство способствовало образованію сильныхъ фамилій, которыя стремились къ болѣе самостоятельному участию въ правительственныхъ дѣ-

лахъ, а между тѣмъ главная сцена княжеской дѣятельности была далеко на югѣ, сильнѣйшіе князья не имѣли ни охоты, ни времени, ни средствъ заниматься новгородскими дѣлами. Когда сильнѣйшіе князья явились на сѣверѣ, то сейчасъ же начали стѣснять Новгородъ; но сначала южные князья были еще сильны и Новгородъ могъ найти у нихъ защиту отъ сѣверныхъ. Новгородъ имѣеть дѣло съ младшими князьями, другіе города съ старшими, сильнѣйшими: изъ этого уже прямой выводъ, что вѣчовому быту было легче развиваться въ Новгородѣ, чѣмъ въ другихъ городахъ.

Мы объяснили явленіе вѣча и усиленіе его значенія въ нѣкоторыхъ городахъ исторически изъ извѣстныхъ условій времени. Но есть свидѣтельство, что Новгородъ пользовался какими-то особенными правами, утвержденными для него грамотою Ярослава I-го; какого же рода была эта грамота? Изъ условій, въ соблюденіи которыхъ послѣдующіе Великія князья клялись Новгородцамъ, мы можемъ имѣть полное понятіе о правахъ послѣднихъ: главное, основное изъ этихъ правъ есть право сооставлять съ княземъ посадника; посмотримъ, можно ли уступку этого права отнести ко временамъ Ярослава I-го.

Главною обязанностию князя въ Новгородѣ, какъ и вездѣ, была обязанность верховнаго судьи, яри исполненіи которой онъ соображался съ законами, имѣвшими силу въ городѣ. Если бы князь родился, воспитывался и постоянно жилъ въ Новгородѣ, то онъ зналъ бы обычай и всѣ отношенія своей родины, и умѣлъ бы измѣнять ихъ, сообразуясь съ требованіями. Но князья сибѣялись безпрестанно; они приходили изъ странъ отдаленныхъ, изъ областей—Кіевской, Волынской, Смоленской, Черниговской, Суздальской; князья пришельцы не имѣли понятія объ обычаяхъ Новгородскихъ, точно такъ какъ Новгородцы, не знали обычаевъ другихъ Русскихъ областей; отсюда въ судѣ княжескомъ должны были происходить безпрестанныя недоразумѣнія. Для отвращенія такихъ неудобствъ Новгородцы требовали отъ всякаго новаго князя, чтобъ онъ судилъ всегда въ присутствіи чинovníка, избраннаго изъ гражданъ, знакомаго со всѣми обычаями и отношеніями страны: «А безъ посадника ти, княже, не судити.»

Вторымъ правомъ князя въ Новгородѣ, какъ и вездѣ, было право назначать правителей по волостямъ. Но мы видѣли, какую невыгоду въ этомъ отношеніи имѣло для горожанъ частое переимѣще-

ше князей съ одного стола на другой; каждый приводить изъ прежней волости дружину, которая отстраивала старыхъ бояръ и возбуждала неудовольствіе народа, поступая съ новыми согражданами, какъ съ чужими, сѣбѣна обогатиться на ихъ счетъ. Въ Новгородѣ это неудобство было еще чувствительнѣе, ибо сѣбѣна князей пренесходила чаще; отсюда второе главное условіе, чтобъ князья назначали въ судьи не своихъ мужей, но гражданъ новгородскихъ; но такъ какъ безпрестанно смѣнявшіеся князья не могли знать гражданъ, достойныхъ довѣренности, и притомъ могли раздавать должности исключительно своимъ приверженцамъ, то сюда присоединилось необходимое условіе, чтобъ князь не раздавалъ волостей безъ посадника: «А безъ посадника ти, княже, ни волостей раздавати.» Третьимъ правомъ князя было право давать грамоты, сообщать и сирѣчьвать своимъ имѣемъ извѣстные права: и здѣсь князья-пришельцы не могли обойтись безъ руководства туземнаго сановника, ибо не знали обычныхъ границъ правъ и могли вредить выгодамъ общественнымъ въ пользу частныхъ лицъ, изъ нихъ приверженныхъ; отсюда третье необходимое условіе: «А безъ посадника, княже, ни грамоть ти дати.»

Безпрерывная сѣбѣна князей, почти всегда враждебныхъ другъ другу, влекла за собою еще другія неудобства, а именно: каждый новый князь, враждебный своему предшественнику, естественно недоброжелательными глазами смотрѣлъ на все, сдѣланное послѣднимъ: чиновники, назначенные Ольговичемъ, естественно не нравились Мономаховичу, грамота, данная Мстиславичемъ, должна была являться незаконною въ глазахъ Юрьевича; отсюда каждая перемѣна князя влекла за собою перемѣну чиновниковъ и лишене пріобрѣтенныхъ правъ; для отвращенія этого неудобства, каждый новый князь облыбался, во-первыхъ, не лаять никого безъ суда, безъ вины, должностей, во-вторыхъ, не переуживать грамоть, данныхъ предшественникомъ: «А безъ вины ти, княже, мужа, безъ вины не лишити волости, а грамоть ти не посужати.» Но посадникъ былъ лице необходимое при каждомъ судѣ и пересудѣ.— Если теперь сопоставленіе съ княземъ посадника есть главная отлична Новгородскаго быта, главное право Новгорода, и если это право уступлено ему Ярославомъ I-мъ, то посадникъ тотчасъ же послѣ уступки права долженъ явиться въ качествѣ чиновника народнаго, ограничивающаго власть князя; но изъ обзора событій

мы видимъ, что посадникъ съ такимъ характеромъ является въ Новгородѣ гораздо позднѣе: Мономахъ и сынъ его Мстиславъ посылаютъ въ Новгородъ посадниковъ изъ Кіева. Изъ этого мы должны заключить, что первоначально посадникъ новгородскій былъ то же самое, что въ послѣдствіи наместникъ—бояринъ, присылаемый В. княземъ вмѣсто себя изъ Твери или изъ Москвы. Но какое же значеніе имѣли въ Новгородѣ посадники, присылаемые изъ Кіева Мономахомъ и сыномъ его, когда въ Новгородѣ и безъ нихъ былъ уже князь, именно сынъ Мстислава, Всеволодъ; какое значеніе имѣлъ посадникъ при князѣ, какъ чиновникъ послѣдняго, а не туземный? Естественно, что онъ былъ помощникомъ князя, помогалъ ему въ судѣ, исполнялъ его приказанія, преимущественно же заступалъ мѣсто князя во время отсутствія послѣдняго: возможность существованія посадника при князѣ доказываетъ намъ примѣръ Полоцка⁴⁷. Теперь остается рѣшить вопросъ: когда и какъ посадникъ изъ чиновника княжескаго сталъ городовымъ? Если главная обязанность посадника состояла въ томъ, чтобъ замѣнять князя на время его отсутствія изъ города, то посадникъ всего болѣе былъ необходимъ въ томъ городѣ, гдѣ отсутствіе князя случалось чаще; но мы знаемъ, что всего чаще смѣнялись князья въ Новгородѣ. Если князь смѣнялся во влѣдствіе неудовольствія, то до прибытія новаго необходимъ былъ посадникъ, который бы заступалъ его мѣсто; но могъ ли оставаться посадникомъ чиновникъ изгнаннаго князя? Смѣна князя необходимо влекла за собою и смѣну его посадника; но кто же будетъ заступать княжеское мѣсто до прибытія новаго князя? Необходимо было набирать посадника городомъ. Впрочемъ и послѣ, когда въ городѣ находился князь, назначеніе посадника не изъято было совершенно изъ-подъ его вліянія, князь набиралъ посадника вмѣстѣ съ городомъ⁴⁸. Если посадникъ сперва былъ назначаеми княземъ, то срокъ отправления его должности естественно зависѣлъ отъ воли князя; въ послѣдствіи, когда посадникъ сталъ чиновникомъ городовымъ, то онъ смѣнялся по волѣ города, смотря по обстоятельствамъ: мы видимъ, что посадники постоянно смѣняются вслѣдствіе смѣны князей, вслѣдствіе торжества той или другой стороны, при чемъ иногда старые посадники вступаютъ снова въ должность настоящихъ, или степенныхъ. Одинъ только разъ встрѣтили мы указаніе, что при избраніи въ посадники, при всѣхъ

равныхъ обстоятельствахъ, обращалось вниманіе на старшинство: такъ въ 1211 году Твердиславъ уступилъ посадничество Дмитрію Якуничу, потому что послѣдній былъ старше его. Иногда видимъ, что посадникъ, сверженный въ Новгородѣ, шелъ посадничать въ пригородъ⁶⁶, при чемъ случалось, что пригорожане не принимали его, опять, вѣроятно, по отношеніямъ своимъ къ городскимъ партиямъ⁷⁰; но при этомъ легко замѣтить, что посадники избираются обыкновенно изъ одного извѣстнаго круга боярскихъ фамилій. Все вышесказанное о превращеніи посадника изъ чиновника княжескаго въ городского объясняется примѣромъ тысяцкаго. Тысяцкій существуетъ вездѣ подлѣ князя въ качествѣ его чиновника; въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстія, что такой-то князь далъ тысячу такому-то изъ своихъ приближенныхъ: въ Новгородѣ же и этотъ чиновникъ, вмѣстѣ съ посадникомъ, сталъ подлежать народному избранію.

Если право сопоставлять съ княземъ посадника не могло быть уступлено Новгороду Ярославомъ I-мъ, произошло во времена позднѣйшія, то нельзя отнести ко временамъ Ярослава I-го и другихъ условій, встрѣчаемыхъ въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ съ Великими князьями, напр.: «Изъ Суздальской земли тебѣ Новгорода не радишь и волостей не раздавать», или: «А на Низу, князь, Новгородца не судить», ибо мы знаемъ, что Мономахъ радилъ Новгородъ, судилъ Новгородцевъ и раздавалъ волости изъ Кіева. Къ этому должно прибавить еще, что сами Новгородцы, требуя отъ Великихъ князей клятвы въ соблюденіи вышеозначенныхъ условій и приводя въ примѣръ прежнихъ князей, дававшихъ подобную клятву, нигдѣ однако не упоминаютъ имени Ярослава I-го. Приведенное обстоятельство тѣмъ болѣе важно, что въ другихъ случаяхъ Новгородцы именно указываютъ на грамоты Ярославовы. О содержаніи этихъ грамотъ мы должны заключить по обстоятельствамъ, въ которыхъ они упоминаются. Въ 1228 году Новгородцы поссорились съ княземъ своимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ за то, что онъ поступилъ не по грамотамъ Ярославовымъ, а именно, наложилъ новую пошлину и посылалъ судей по волостямъ. На слѣдующій годъ прибылъ къ нимъ князь Михаилъ и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, вслѣдствіе сего тотчасъ же сдѣлалъ финансовое распоряженіе, а именно далъ свободу смердамъ на пять лѣтъ не платить дани. Въ

1230 году Ярославъ, снова призванный, уступилъ Новгородцамъ и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ. Въ 1339 году, когда Великій князь Іоаннъ Даниловичъ прислалъ требовать у Новгородцевъ ханскаго запроса, то они отвѣчали: «того у насъ не бывало отъ начала міра, и ты, князь, цѣловалъ крестъ къ Новгороду по старой пошлнѣ и по Ярославовымъ грамотамъ.» Вотъ всѣ случаи, гдѣ Новгородцы упоминаютъ о грамотахъ Ярославовыхъ. Видя, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о финансовыхъ льготахъ, можно заключать, что льготныя грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ постановленій, и точно въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы получили подобную грамоту отъ Ярослава I. Въ одной только Степенной книгѣ сказано, что Ярославъ I далъ Новгородцамъ позволеніе брать изъ его племени себѣ князя, какого захотятъ ⁷¹. Но во-первыхъ, Новгородцы никогда не упоминаютъ объ этомъ правѣ, полученномъ ими отъ Ярослава I-го, напр. когда они не хотѣли принять къ себѣ Святополкова сына на мѣсто любимаго ими Мстислава, то имъ прежде всего слѣдовало бы указать на это право, но они молчатъ о немъ, а указываютъ другія причины, именно уходъ Святополка отъ нихъ и распоряженіе Великаго князя Всеволода. Во-вторыхъ, въ лѣтописяхъ читаемъ, что Новгородцы освобождены прежними князьями, прадедами князей, а не Ярославомъ ⁷², что потомъ подтверждается и въ самой Степенной книгѣ. Соображая всѣ обстоятельства, можно съ вѣроятностію положить, что особенности въ быту Новгорода провозили мало-по-малу, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ условий, а не вслѣдствіе пожалованія Ярослава, о которомъ, кромѣ Степенной книги, не знаетъ ни одна лѣтопись ⁷³.

Что касается внѣшняго вида Русскаго города въ описываемое время, то онъ обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ частей: первую, главную, существенную часть составлялъ собственно городъ, огороженное стѣнами пространство; въ послѣдствіи времени около города образуются новыя поселенія, которыя также обводятся стѣнами; отсюда городъ получаетъ двойныя укрѣпленія: городъ внутренній (дѣшній) и городъ наружный (окольный ⁷⁴, кромный), внутренній городъ носилъ также названіе дѣтинца, внѣшній острога; поселенія, расположенныя около главнаго города или дѣтинца, назывались *передюродіемъ* ⁷⁵. Стѣны бывали каменныя и

деревянные (преимущественно) съ дощатыми заборами ⁷⁶, башнями (вѣжами) и воротами, которые носили названія или по положенію въ извѣстную сторону, напр., Восточныя, или по украшеніямъ, напр., Золотыя, Серебряныя, или по тѣмъ частямъ города, къ которымъ прилежали, по ихъ народонаселенію, напр., въ Кіевѣ были ворота Жидовскія, Лядскія, или по церквамъ, которые находились въ башняхъ надъ воротами, или, быть можетъ, даже по образамъ, или наконецъ по какимъ-нибудь другимъ обстоятельствамъ, напр., Водяные въ Новгородскомъ Дѣтинцѣ, выводящія къ рѣкѣ и т. п. Упоминаются два вала, и мѣсто находящееся между ними носить названіе *болонья* ⁷⁷. Передгородіе раздѣлялось на концы ⁷⁸, концы на улицы. Городское строеніе было тогда исключительно деревянное; церкви были каменные и деревянные; что касается до количества церквей въ городахъ, то въ Новгородѣ съ 1054 года по 1229-й построено было 69 церквей, изъ которыхъ 15 были навѣрно деревянные, ибо о нихъ или прямо сказано такъ, или сказано, что они были срублены; изъ остальныхъ о нѣкоторыхъ прямо сказано, что они были каменные, о другихъ же ничего не сказано; въ число 69 включены и церкви монастырскія; нельзя думать, чтобы до 1054 года находилось уже очень много церквей въ Новгородѣ, это количество церквей, во второмъ по богатству (послѣ Кіева) Русскомъ городѣ, можетъ дать намъ приблизительное понятіе о количествѣ церквей въ Кіевѣ ⁷⁹. Изъ городскихъ построекъ лѣтописи упоминаютъ о мостахъ, деревянныхъ, которые разбирались; Новгородская лѣтопись упоминаетъ о построеніи мостовъ черезъ Волховъ; въ Кіевѣ Владиміръ Мономахъ устроилъ мостъ черезъ Днѣпръ въ 1115 г. Изъ общественныхъ зданій въ городѣ памятники упоминаютъ о тюрьмахъ или погребкахъ: о постройкѣ ихъ узнаемъ во-первыхъ то, что у нихъ были окна (не большія, оконцы): дружина Изяславова совѣтовала этому князю позвать заточеннаго Всеслава Полоцкаго къ оконцу его тюрьмы и убить; описывая освобожденіе Игоря Ольговича изъ тюрьмы, лѣтописецъ говоритъ, что В. князь Изяславъ приказалъ «надъ нимъ порубъ розонмати, и тако выяша изъ поруба вельми больнаго и несоша у келью.» Въ Степенной книгѣ, при описаніи чудесъ Свв. Бориса и Глѣба, читаемъ, что В. князь Святополкъ Изяславичъ посадилъ двухъ человекъ въ тюрьму безъ изслѣдованія вины ихъ, по клеветѣ, и посадивши, позабылъ объ нихъ.

Они молились Свв. Борису и Глѣбу, и въ одну ночь — «дверемъ сущимъ погребнымъ заключеннымъ, лѣтвицы же внѣ лежащи извлечены», — одинъ изъ узниковъ чудеснымъ образомъ освобожденъ отъ оковъ, и явившись въ церковь, разсказалъ всѣмъ объ этомъ; отправились къ тюрьмѣ — «и видѣша ключи неврежены и замокъ, лѣтвицу жъ, по ней же восходить и исходить, внѣ лежащу.» Каждый городъ имѣлъ торговыя площади, торги, торговщица; изъ лѣтописи извѣстно, что торги производились по пятницамъ ⁸⁰.

Вслѣдствіе почти исключительно деревяннаго строенія въ городахъ пожары были опустошительны: въ Новгородѣ отъ 1054 до 1228 года упоминается одиннадцать большихъ пожаровъ: въ 1097 году погорѣло Зарѣчье (онъ-поль) и дѣтинець; въ 1102 году погорѣли хоромы отъ ручья мимо Славна до церкви Св. Іліи; въ 1113 погорѣлъ онъ-поль и городъ Кромный; въ 1139 погорѣлъ торговый поль, при чемъ сгорѣло 10 церквей; въ 1144 погорѣлъ холмъ; въ 1152 погорѣлъ весь торгъ съ осью церквами и девятою Варяжскою, т. е. Латинскою; въ 1175 сгорѣли три церкви; въ 1177 погорѣлъ Неревскій конецъ съ пятью церквами; въ 1181 двѣ церкви и много дворовъ; въ 1194 году лѣтомъ въ недѣлю на Всѣхъ Святыхъ загорѣлся одинъ дворъ на Ярышевѣ улицѣ, и всталъ пожаръ сильный: сгорѣло три церкви; потомъ перекинуло на Лукину улицу; на другой день сгорѣло еще 10 дворовъ; въ концѣ недѣли еще новый пожаръ: сгорѣло семь церквей и дома большіе, послѣ чего каждый день загоралось мѣстахъ въ шести и больше, такъ что люди не смѣли жить (жировать) въ домахъ, а жили по полю; потомъ погорѣло Городище и Людинъ конецъ; пожары продолжались отъ Всѣхъ Святыхъ до Успеньева дня; въ томъ же году погорѣла Ладога и Руса. Въ 1211 году сгорѣло въ Новгородѣ 15 церквей и 4,300 дворовъ; въ 1217 погорѣло все Зарѣчье, кто вбѣжалъ въ каменные церкви съ имѣніемъ и тѣ всѣ сгорѣли со всѣмъ добромъ своимъ, въ Варяжской божницѣ сгорѣлъ весь товаръ Нѣмецкихъ купцовъ, церковей сгорѣло 15 деревянныхъ, а у каменныхъ сгорѣли верхи и притворы. — Изъ другихъ городовъ упоминается подъ 1183 г. сильный пожаръ во Владимірѣ Кляземскомъ: сгорѣлъ почти весь городъ съ 32-мя церквами; въ 1192 году сгорѣла половина города съ 14 церквами; въ 1198 году опять сильный пожаръ въ томъ же городѣ: сго-

рѣло 16 церквей, и почти половина города; въ 1211 году погорѣлъ Ростовъ едва не весь съ 15 церквами; въ 1221 г. погорѣлъ весь Ярославль съ 17 церквами; въ 1227 погорѣлъ опять Владимиръ съ 27 церквами, въ слѣдующемъ году новый пожаръ: сгорѣли княжіе хоромы и двѣ церкви. Въ 1124 году сгорѣлъ почти весь Кіевъ, однихъ церквей погорѣло около шести сотъ (??). Въ 1183 году погорѣлъ весь Городень отъ молніи.

Мы сказали о внѣшнемъ видѣ Русскаго города въ описываемое время; теперь должны обратить вниманіе на его народонаселеніе. Мы видѣли, что въ городахъ жила дружина съ своими различными подраздѣленіями; но отъ этой дружины явственно различаются собственные граждане, горожане, такъ напр., явственно различается дружина кіевскихъ князей и Кіевляне, владимирская дружина и Владимирцы; на вѣчахъ Кіевляне отдѣляются отъ дружины. Изъ кого же состояла эта масса собственно городского народонаселенія, и какъ дѣлилась она? Современные источники указываютъ намъ въ городахъ людей торговыхъ и ремесленниковъ, людей промышленныхъ разнаго рода; о купцахъ не нужно приводить извѣстій: они такъ часто встрѣчаются въ лѣтописи; Ростовцы называютъ жителей Владимира каменщиками, въ Новгородѣ упоминается серебряникъ вѣсець⁸¹; въ Вышгородѣ упоминаются огородники съ ихъ старѣйшиною⁸²; очень вѣроятно, что и въ описываемое время, какъ впоследствии, люди, занимающіеся какою-нибудь одною отраслью промышленности, жили вмѣстѣ на особыхъ мѣстахъ, имѣя своихъ старостъ или старѣйшинъ: названіе концевъ новгородскихъ Плотницкій, Гончарскій могутъ указывать на это⁸³. Встрѣчаемъ извѣстія о смердахъ въ городахъ: думаемъ, что здѣсь должно разумѣть подъ смердами простыхъ людей, черныхъ, чернь, или даже вообще всѣхъ горожанъ въ противоположность дружинѣ; такъ подъ 1152 годомъ читаемъ, что Иванъ Берладникъ осадилъ галицій городъ Ушицу, куда взошла засада князя Ярослава и билась крѣпко, но смерды стали перескакивать черезъ стѣнныя забрала къ Ивану, и перебѣжало ихъ 300 человекъ; здѣсь смерды, жители Ушицы противопоставляются засадѣ, дружинѣ княжеской: послѣдняя билась крѣпко противъ Берладника, а смерды перебѣгали къ нему. Какъ послѣ, такъ и теперь, собственно городское народонаселеніе дѣлилось на сотни, ибо кромѣ прямыхъ извѣстій⁸⁴, продолжаемъ встрѣчать названіе соцкихъ съ

важнымъ значеніемъ; понятно, какое близкое отношеніе къ собственно городскому народонаселенію долженъ былъ имѣть Тысящій и въ мирное и въ военное время. И такъ начальствующими лицами въ городѣ были: въ стольномъ: князь, державшій подлѣ себя тиуна, въ не-стольномъ-посадникъ, державшій также вѣроятно подлѣ себя тиуна; тысящій, соцкіе, десятикіе, старосты концевъ, улицъ, старосты для отдѣльныхъ промысловъ; изъ лицъ, употреблявшихся при управленіи и судѣ встрѣчаемъ названія подвойскихъ, биричей, ябедниковъ: биричей и подвойскихъ князь Изяславъ Мстиславичъ посылалъ въ Новгородѣ кликать народъ по улицамъ, звать къ князю на обѣдъ⁸⁵. Особыхъ чиновниковъ для сохраненія порядка въ городѣ, какъ видно, не было; въ лѣтописи подъ 1115 годомъ, при описаніи торжества перенесенія мощей св. Бориса Глѣба, читаемъ, что Мономахъ, видя какъ толпы народа, налегая со всѣхъ сторонъ, мѣшаютъ шествію, приказалъ разметать народу деньги, чтобъ онъ отхлынулъ въ сторону. Кромѣ туземнаго народонаселенія въ нѣкоторыхъ торговыхъ городахъ, преимущественно въ Кіевѣ и Новгородѣ, видимъ иноземное народонаселеніе, постоянное и временное (насельницы⁸⁶). Въ Новгородѣ живутъ Нѣмецкіе купцы, имѣютъ свою особую церковь (божницу Варяжскую), въ Кіевѣ постоянно, или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время, видимъ Жидовъ, живущихъ особымъ кварталомъ или улицею, отъ чего и ворота носятъ названіе Жидовскихъ; Лядскіе ворота въ Кіевѣ указываютъ на Польскій кварталъ или улицу; Латина упоминается въ числѣ Кіевского народонаселенія подъ 1174 годомъ.

Изъ волостнаго раздѣленія намъ извѣстно по прежнему раздѣленію на погосты; встрѣчаемъ извѣстіе и о станахъ: такъ говорится, что Всеволодъ III ѣхалъ за своею дочерью до трехъ становъ; не знаемъ, имѣлъ ли уже въ это время станъ значеніе извѣстнаго правительственнаго средоточія, или еще означалъ только станцію; во всякомъ случаѣ замѣтимъ, что значеніе стана совершенно совпадаетъ съ значеніемъ погоста, какъ оно объяснено выше: оба, в погостъ и станъ изъ мѣстъ временной остановки правителя сдѣлались постояннымъ правительственнымъ средоточіемъ. Кромѣ городовъ населенныя мѣста въ волости носятъ названіе слободъ (свободъ) и сель; названіе слободы носило явновъ заведенное поселеніе, пользующееся по этому нѣкоторою особенностію, нѣкоторыми льготами, свободою отъ извѣстныхъ повинностей; изъ со-

временныхъ источниковъ извѣстно, что слободы, наравнѣ съ селами, могли быть въ частномъ владѣнн, могли пріобрѣтаться покушкою ⁸⁷. Сельское народонаселеніе, въ противоположность городскому, во обще называется смердами; но мы имѣемъ полное право раздѣлять сельское народонаселеніе на свободное, и не свободное, находящееся въ частной собственности князя, бояръ и другихъ людей, ибо встрѣчаемъ извѣстія о селахъ съ челядью, рабами; сказанное о положеніи наймитовъ и холопей въ эпоху до смерти Ярослава I-го должно относиться и къ описываемому времени; замѣтимъ только въ новгородской лѣтописи выраженіе *одеремь* въ смыслѣ полного холопа, что прежде выражалось словомъ *обельный*, *обель* ⁸⁸. — Кромѣ описанныхъ слоевъ народонаселенія, въ юговосточныхъ предѣлахъ Русскихъ владѣнн, по границамъ княжествъ кievскаго, переяславскаго, черниговскаго, мы видимъ швородное, народонаселеніе, слывущее подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ, и подъ частными названіями Торковъ, Берендѣевъ, Коуевъ, Турпѣевъ: мы видѣли ихъ значеніе, дѣятельность въ событіяхъ описываемаго времени; изъ лѣтописи видно, что они находились подъ властію своихъ князьковъ, какимъ былъ, наприм. извѣстный, Кондудѣй; видно также, что образъ жизни ихъ былъ полукочевой, полусѣдлый; лѣтомъ, по всей вѣроятности, они выходили въ пограничныя степи съ вежами и стадами своими: такъ въ 1151 году они отпросились у Изяслава идти за своими вежами, стадами и семьями; но зимою жили въ городахъ, которые кромѣ того были имъ нужны для укрытія семействъ на случай непріятельскаго нападенія; такъ они говорятъ Мстиславу Изяславичу: «если дашь намъ по лучшему городу, то мы передадимся на твою сторону.» Святославъ Ольговичъ жаловался, что у него города пустыя, живутъ въ нихъ псаря да Половцы: можно думать, что подъ Половцами онъ разумѣетъ не дикихъ, но своихъ поганыхъ, Черныхъ Клобуковъ; торчешій князь Чурнай жилъ въ своемъ городѣ. Постоянное названіе: *поганые* показываетъ ясно, что Черныя Клобуки не были христіанами; на это уже указываетъ многоженство, ибо сказано, что у Чурная было двѣ жены, хотя, разумѣется, нѣкоторыя изъ Черныхъ Клобуковъ и могли креститься. Кромѣ Черныхъ Клобуковъ и на югѣ и на сѣверѣ упоминаются Бродники, по всѣмъ вѣроятностямъ, сбродныя и бродячія шайки въ родѣ позднѣйшихъ козаковъ.

О количествѣ народонаселенія русскихъ городовъ и волостей въ описываемое время нѣтъ показаній въ источникахъ. О количествѣ городовъ въ разныхъ княжествахъ можно имѣть приближительное понятіе, выбравши всѣ мѣстныя названія изъ лѣтописи и распредѣливши ихъ приблизительно по княжествамъ⁸⁹. Но, во-первыхъ, нельзя предполагать, чтобъ всѣ имена мѣстностей попались въ лѣтописяхъ; особенно этого нельзя сказать о княжествахъ, далекихъ отъ главной сцѣны дѣйствія — полоцкомъ, смоленскомъ, рязанскомъ, новгородскомъ, суздальскомъ; во-вторыхъ, нельзя опредѣлить изъ лѣтописи—упоминаемая мѣстность городъ или село? Въ кievскомъ княжествѣ можно насчитать по лѣтописи болѣе 40 городовъ, въ волынскомъ столько же, въ галицкомъ около 40; въ туровскомъ болѣе 10; въ черниговскомъ съ сѣверскимъ, курскимъ и землею Вятчей около 70; въ рязанскомъ около 15; въ переяславскомъ около 40; въ суздальскомъ около 20; въ смоленскомъ около 8; въ полоцкомъ около 16; въ новгородскомъ около 15, слѣд. во всѣхъ русскихъ областяхъ упоминается слишкомъ 300 городовъ. Мы знаемъ, что князья тяготелись малочисленностію жителей въ волостяхъ своихъ и старались населять ихъ, перезывая отовсюду народъ; но, разумѣется, однимъ изъ главныхъ средствъ къ населенію было населеніе плѣнниками и рабами купленными: такъ князь Ярополкъ перевелъ народонаселеніе цѣлаго города (Друцка) изъ непріятельской волости въ свою; въ селахъ княжескихъ видимъ народонаселеніе изъ челяди, рабовъ.

Но подлѣ старанія князей умножать народонаселеніе видимъ препятствія для этого умноженія; препятствія были политическія (войны междоусобныя и внѣшнія) и физическія (голодъ, морь). Относительно междоусобныхъ войнъ, если мы въ періодъ времени отъ 1055 до 1228 года вычислимъ года, въ которые велись усобицы, и въ которые ихъ не было, то первыхъ найдемъ 80, а вторыхъ 93, тринадцатью годами больше⁹⁰, слѣд. круглымъ числомъ усобицы происходили почти черезъ годъ, иногда продолжались по 12 и по 17 лѣтъ сряду. Это грустное впечатлѣніе ослабляется представленіемъ объ огромности русской государственной области и въ то время, и выводами, что усобицы не были новсемиѣстныя; такъ оказывается, что кievское княжество, въ продолженіе означеннаго времени, было мѣстомъ усобиць не болѣе

23 разъ, черниговское не болѣе 20, волыиское 15, галицкое до смерти Романовой не болѣе 6, туrowsкое 4, полоцкое 18, смоленское 6, рязанское 7, суздальское 11, новгородское 12¹¹. Но если вредъ, который терпѣли русскія волости отъ усобиць, значительно уменьшается въ нашихъ глазахъ послѣ означенныхъ выводовъ, то, съ другой стороны, мы не должны впадать въ крайность, и уже слишкомъ уменьшать этотъ вредъ. Такъ нѣкоторые исследователи²² замѣчаютъ, что «войска обыкновенно было немного; жители путей должны были, разумѣется, доставлять ему продовольствіе, котораго было вездѣ въ изобиліи,—а больше взять съ нихъ, говоря вообще, было нечего; жившіе по сторонамъ могли быть спокойными».—Положимъ, что войска русскаго было немного; но не должно забывать, что съ русскимъ войскомъ почти постоянно находились толпы Половцевъ, славныхъ своими грабительствами; быть можетъ кромя продовольствія съ сельскаго народонаселенія и нечего было болѣе взять, но враждебное войско брало въ плѣнъ самихъ жителей—въ этомъ состояла главная добыча, били стариковъ, жгли жилища; по тогдашнимъ понятіямъ воевать значило опустошать, жечь, грабить брать въ плѣнъ; Мстиславъ Мстиславичъ, посылая въ 1216 году Новгородцевъ въ *защитіе* въ свою торопецкую волость, наказываетъ: «ступайте въ защитіе, только головъ (людскихъ) не берите.» Если войску нужно было наказывать, чтобъ оно не брало плѣнниковъ въ союзной странѣ, то понятно, какъ оно поступало въ волости неприятельской. Несправедливо также замѣчаніе, что князья воевали другъ съ другомъ, а не противъ народа, что они хотѣли владѣть тѣми городами, на которые нападали, слѣд. не могли, для своей собственной пользы, раззорять ихъ.—Князья воевали другъ съ другомъ, но войско ихъ, преимущественно Половцы, воевали противъ народа, потому что другаго образа веденія войны не понимали; Олегъ Святославичъ добивался черниговской волости, но, добившись ея, позволилъ союзникамъ своимъ Половцамъ опустошать эту волость; въ 1160 году Половцы, приведенные Изяславомъ Давидовичемъ на смоленскую волость, вывели оттуда больше 10,000 плѣнныхъ, не считая убитыхъ; походъ Изяслава Мстиславича на ростовскую землю (1149 г.) стоилъ послѣдней 7,000 жителей.

Кромѣ постоянного участія въ усобицахъ княжескихъ, Половцы

и сами по себѣ нерѣдко пустошили русскія волости; лѣтопись указываетъ 37 значительнѣйшихъ половецкихъ нападений⁹³, но видно были другія, незаписанныя подробно по порядку. Черниговское и переяславское княжество страшно страдали: Святославъ Ольговичъ Черниговскій говоритъ, что у него города пустыя, живутъ въ нихъ только псаря да Половцы; Владиміръ Глѣбовичъ переяславскій говоритъ, что его волость пуста отъ Половцевъ; кievскому княжеству также много доставалось отъ нихъ, а волынскому, туровскому, полоцкому и новгородскому доставалось много отъ Литвы и Чудъ, особенно въ послѣднее время; въ первые 28 лѣтъ XII вѣка упоминается 8 разъ о литовскихъ нашествіяхъ; но до насъ не дошло полоцкой лѣтописи, и потому о сильныхъ опустошеніяхъ, какія полоцкое княжество терпѣло отъ Литвы, можемъ судить только изъ извѣстій нѣмецкихъ лѣтописцевъ и Слова о Полку Игореву; можно думать, что рязанское и муромское княжества терпѣли также отъ Половцевъ и другихъ окружныхъ варваровъ; спокойнѣе всѣхъ и относительно усобицъ, и относительно варварскихъ нападений было княжество ростовское или суздальское, явленіе, на которое нельзя не обратить вниманія: это обстоятельство не только содѣйствовало сохраненію народонаселенія въ суздальской области, но могло также побуждать къ переселенію въ нее народа изъ другихъ, болѣе опасныхъ мѣстъ. И такъ, если изъ 93 мирныхъ лѣтъ относительно усобицъ исключимъ 45 важнѣйшихъ, записанныхъ нашествій половецкихъ и литовскихъ, то немного останется времени, въ которое какія-нибудь волость не терпѣла бы отъ опустошеній.

При бѣдствіяхъ политическихъ упоминаются и бѣдствія физическія—голодь, моръ. Относительно юга, обильной хлѣбомъ Малороссіи мы не можемъ встрѣчать въ лѣтописи частыхъ жалобъ на неурожай; встрѣчаемъ извѣстіе о неурожаѣ мимоходомъ, напр. въ 1193 году кievскій князь Святославъ говоритъ, что нельзя идти въ походъ на Половцевъ, потому что жито не родилось; разумѣется, голодь могъ происходить, когда нашествія иноплемениковъ или усобицы прекращали полевая работы, но это же самое обстоятельство уменьшало и число потребителей, ибо непріятель билъ жителей, уводилъ ихъ въ плѣнъ. Относительно Ростовской области лѣтописецъ упоминаетъ о неурожаѣ подъ 1070 годомъ. Чаще страдала отъ голода Новгородская область: подъ

1127 годомъ читаемъ, что снѣгъ лежалъ до Яковлева дня, а на осень морозъ побилъ хлѣбъ, и зимою былъ голодъ, осмина ржи стоила полгривны; въ слѣдующемъ году также голодъ: люто было, говорить лѣтописецъ: осмина ржи стоила гривну, и ѣли люди листь липовый, кору березовую, насѣкомыхъ, солому, мохъ, конину, падали мертвые отъ голода, трупы валялись по улицамъ, по торгу, по путямъ и всюду, наняли наемщиковъ возить мертвецовъ изъ города, отъ смрада нельзя было выйти изъ дому, печаль, бѣда на всѣхъ! отцы и матери сажали дѣтей своихъ на лодки, отдавали даромъ купцамъ, одни перемерли, другіе разошлись по чужимъ землямъ. Подъ 1137 годомъ все лѣто большая осминка продавалась по семи рѣзанъ; эта дороговизна произошла вслѣдствіе прекращенія подвозовъ изъ окрестныхъ земель — суздальской, смоленской, полоцкой — ясный знакъ, что Новгородъ не могъ пробавляться своимъ хлѣбомъ. Въ 1161 году все лѣто стояла ясная погода, жито погорѣло, а осенью морозъ побилъ яровое, зима была теплая съ дождемъ, вслѣдствіе чего покупали малую кадку по семи кунъ: великая скорбь была въ людяхъ и нужда, говорить лѣтописецъ. Въ 1170 году кадъ ржи продавалась въ Новгородѣ по 4 гривны, а хлѣбъ по двѣ ногаты, медъ по 10 кунъ пудъ; какъ видно, впрочемъ, эта дороговизна произошла вслѣдствіе опустошенія волости войсками Боголюбскаго и прекращенія торговыхъ связей съ суздальскою землею. Въ 1188 году покупали хлѣбъ по 2 ногаты, а кадъ ржи по 6 гривенъ; наконецъ въ 1215 году сильный голодъ и моръ вслѣдствіе осеннихъ морозовъ и того, что князь Ярославъ остановилъ подвозъ хлѣба изъ Торжка. Такимъ образомъ отъ 1054 до 1228 года лѣтописецъ упоминаетъ только семь разъ о голодѣ и дороговизнѣ. О сильной смертности лѣтопись упоминаетъ подъ 1092 годомъ на югѣ: въ Полоцкѣ люди поражались вдругъ какою-то язвою, которую современники приписали ударамъ мертвецовъ (навья), бѣдившихъ по воздуху; язва эта началась отъ Друцка; лѣтомъ стояла ясная погода, боры и болота загорались сами, и на всемъ югѣ много умирало народу отъ различныхъ болѣзней: продавцы гробовъ (должно быть въ Кіевѣ) сказывали, что продали отъ Филиппова дня до масляницы 7,000 гробовъ. Новгородскій лѣтописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ и скотскомъ падежѣ въ своемъ городѣ noch 1158 годомъ; погнбло много людей, лошадей и рогатаго

окота, такъ что отъ сирада нельзя было пройти до торгу сквозъ городъ, ни по рву, ни на поле; подъ 1203 годомъ упоминается также о сильномъ конскомъ падежѣ въ Новгородѣ и по селамъ. Суздальскій лѣтописецъ упоминаетъ о сильной смертности подъ 1187 годомъ: не было ни одного двора безъ больнаго, а на иномъ дворѣ некому было и воды подать. О врачевныхъ пособіяхъ при этихъ случаяхъ мы не встрѣчаемъ извѣстій, хотя лѣкаря были въ Россіи: въ Русской Правдѣ упоминается о платѣ лѣкарю; въ житіи св. Агапита Печерскаго читаемъ, что въ его время былъ въ Кіевѣ знаменитый врачъ Армянинъ, которому стоило только взглянуть на больнаго, чтобъ узнать день и часъ смерти его; св. Агапитъ лѣчилъ больныхъ травами, изъ которыхъ приготовлялъ себѣ кушанье; Армянинъ, взглянувши на эти травы, назвалъ ихъ александрійскими, при чемъ святой посмѣялся невѣжеству его. У князя Святослава (Святоши) Давыдовича черниговскаго былъ искусный лѣкарь, именованъ Петръ, родомъ изъ Сиріи. Мы видѣли, что разбитаго параличемъ Владимірка Галицкаго положили въ укропъ; но что такое укропъ? трава ли этого имени, или теплая ванна? ибо теплая вода называется также укропомъ⁹⁴.

Таковы были пособія и препятствія къ умноженію народонаселенія на обширной сѣверовосточной равнинѣ, относительно пространства своего очень скудно населенной. По смерти Ярослава I границы русскихъ владѣній не распространялись болѣе на западъ, югъ и юговостокъ; усобицы препятствовали распространенію насчетъ Венгріи, Польши, Литвы; напротивъ, Русь должна была уступить свои владѣнія въ прибалтійскихъ областяхъ Нѣмцамъ; на югъ и юговостокъ усобицы и Половцы мѣшали распространенію; видимъ и здѣсь потери, ибо Тмутаракань не принадлежитъ болѣе Руси; оставалась только одна сторона, сѣверовостокъ, куда можно было распространяться безпрепятственно: отъ разрозненной, дикой Чуди не могло быть сильнаго сопротивленія; притомъ же сѣверовосточная русская волость, суздальская, по извѣстнымъ причинамъ, была способнѣе всѣхъ другихъ къ наступательнымъ движеніямъ; а съ другой стороны, Новгородцевъ манила на сѣверовостокъ выгодная мѣна съ туземцами и богатый ясакъ серебромъ и мѣхами. Такимъ образомъ мы видимъ русскія владѣнія по сѣверной Двинѣ, Камѣ; новгородскіе отряды доходить до Уральскаго хребта. Но мы должны замѣтить, что съ боль-

шую осторожностію должно говорить объ обширной новгородской области от Финскаго залива до Уральскихъ горъ, ибо избіеніе новгородскихъ сборщиковъ ясака за Волокомъ и Ядрѣевъ походъ на Югру показываютъ всю непрочность тамошнихъ отношеній; притомъ же не одни Новгородцы имѣли владѣнія за Волокомъ: не забудемъ, что тамъ были и суздальскіе смерды (подданные), что Устюгъ принадлежалъ ростовскимъ князьямъ. Вѣрно одно, что новгородская колонія Вятка, хотя изначала независимая отъ митрополіи, является въ прикамской области и что суздальскіе князья, построеніемъ Нижняго Новгорода въ землѣ мордовской, закрѣпляютъ за собою устье Оки; слѣдовательно; относительно границъ государственной области, описываемое время характеризуется потерями на западъ и югъ и приобрѣтеніями на сѣверъ и востокъ: все указываетъ на главный путь историческаго движенія.

Сосредоточенію народонаселенія въ извѣстныхъ мѣстахъ способствовала выгода этихъ мѣстъ относительно торговли. Великимъ торговымъ путемъ сѣверовосточной равнины былъ водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное, отсюда самыми важными торговыми городами на Руси должны были явиться города, находившіеся на двухъ концахъ этого пути—Новгородъ, складка товаровъ сѣверныхъ, и Кіевъ складка товаровъ южныхъ. Новгородскіе купцы сами производили заграничную торговлю со странами, лежащими по берегамъ Балтійскаго моря: такъ мы видѣли, что въ 1142 году Шведы напали на гостей, возвращавшихся изъ за моря; то же самое доказывается и свидѣтельствами иностранными⁵⁵; иностранные купцы, съ другой стороны, жили постоянно въ Новгородѣ; до насъ дошелъ договоръ Новгородцевъ съ Нѣмцами и Готландцами, заключенный при князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ около 1195 года⁵⁶. Изъ этого договора, равно какъ изъ нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ извѣстій⁵⁷, можно имѣть довольно подробное понятіе объ иностранной торговлѣ въ Новгородѣ. Нѣмецкіе купцы, пріѣзжавшіе торговать сюда, раздѣлялись на гильдію морскихъ и гильдію сухопутныхъ купцовъ; на это раздѣленіе указываетъ и наша лѣтопись, говоря, что Варяги приходили и горою (сухимъ путемъ, 1201 г.). Какъ тѣ, такъ и другіе дѣлились еще на зимнихъ и лѣтнихъ; зимніе пріѣзжали осенью, вѣроятно по послѣднему пути, и зимовали въ Новгородѣ; весною

они отъѣзжали за море, и на смѣну имъ привъзжали лѣтніе. По упомянутому договору, если убьютъ новгородскаго посла, заложника или попа за моремъ, и нѣмецкаго въ Новгородѣ, то 20 гривенъ серебра за голову; если же убьютъ купца, то 10 гривенъ. Если мужа свяжутъ безъ вины, то 12 гривенъ за безчестье старыми кунами. Если ударятъ мужа оружіемъ или коломъ, то 6 гривенъ за рану старыми кунами. Если ударятъ жему или дочь мужа, то князю 40 гривенъ старыми кунами и столько же обиженной. Если кто сорветъ съ чужой жены или дочери головной уборъ и явится простоволосая, то 6 гривенъ старыхъ за безчестье. Если будетъ тяжба безъ крови, сойдутся свидѣтели, Русь и Нѣмцы, то бросать жребій: кому вынется, тѣ идутъ къ присягѣ и свою правду возьмутъ. Если Варягъ на Русинѣ, или Русинъ на Варягѣ станетъ искать денегъ и должникъ запрется, то при 12 свидѣтеляхъ идетъ къ присягѣ и возьметъ свое. Нѣмца въ Новгородѣ, а Новгородца въ Нѣмецкой землѣ не сажать въ тюрьму, но брать свое у виноватаго. Кто рабу повергнетъ насиліемъ, но не обезчеститъ, за обиду гривна; если же обезчеститъ, то свободна себѣ.

Принимая къ себѣ иностранныхъ гостей, сами отправляясь за море для торговли, и любя приобрѣтать чужое серебро, а не отдавать своего за иностранные товары, Новгородцы должны были стараться скупать въ другихъ странахъ товары, которые потомъ могли съ выгодой сбывать гостямъ забалтійскимъ. Понятно, почему они пробирались все дальше и дальше на сѣверовостокъ, къ хребту Уральскому, получая тамъ ясакъ мѣхами, нѣвскими большую цѣнность въ ихъ заграничной торговлѣ; но области собственно русскія, внутреннія были также богаты мѣхами и другими сырыми произведеніями, а въ Кіевѣ была складка товаровъ греческихъ, которые Новгородцы могли скупать тамъ, и потомъ съ выгодой отпускать въ сѣверозападную Европу. Вотъ почему мы видѣли, что Новгородцы жилали въ большемъ числѣ въ Кіевѣ, гдѣ у нихъ была своя церковь или божица св. Михаила, которая, какъ видно, была около торговой площади¹⁰¹. Много новгородскихъ купцовъ бывало всегда и въ суздальской волости; Михайлъ Черниговскій, отправляясь изъ Новгорода, выговаривается, чтобъ Новгородцы пускали къ нему гостей въ Черниговъ.

О важности греческой торговли, средоточіемъ которой былъ Кіевъ, намъ не нужно много распространяться, послѣ того, что было сказано о ней при обзорѣнн началнаго періода: извѣстный путешественникъ, жидъ Веніаминъ Тудельскій нашелъ Русскихъ купцовъ и въ Константинополѣ, и въ Александріи ¹⁰². Но любопытно, что лѣтописецъ нигдѣ не упоминаетъ о пребываніи греческихъ купцовъ въ Кіевѣ, тогда какъ ясно говорить о пребываніи купцовъ западныхъ, латинскихъ; очень вѣроятно, что Греки сами рѣдко пускались на опасное плаваніе по Днѣпру черезъ степи, довольствуясь продажей своихъ товаровъ русскимъ купцамъ въ Константинополѣ; Веніаминъ Тудельскій говоритъ о Византіяцахъ, что они любятъ наслаждаться удовольствіями, пить и ѣсть, сидя каждый подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею ¹⁰³. Изъ словъ Кузьмы Кіянина, плакавшагося надъ трупомъ Андрея Боголюбскаго, узнаемъ, что гости изъ Константинополя приходили иногда и во Владиміръ Залѣскій ¹⁰⁴; но Плато-Карпини также говоритъ, что въ Кіевъ и послѣ Монгольскаго нашествія пріѣзжали купцы изъ Константинополя, и однако же эти купцы оказываются Итальянцами ¹⁰⁵. Изъ иностранныхъ извѣстій видно, что въ Кіевѣ жилали купцы изъ Регенсбурга, Эмса, Вѣны ¹⁰⁶. Нельзя предполагать, чтобъ въ описываемое время пресѣклись торговыя сношенія съ востокомъ: подъ 1184 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что князя наши, отправившись въ походъ на Половцевъ, встрѣтили на дорогѣ купцовъ, ѣхавшихъ изъ земли Половецкой. Мы не думаемъ, чтобъ здѣсь непременно нужно было предполагать русскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Половцами: купцы эти легко могли быть иностранные изъ восточныхъ земель, шедшіе въ Кіевъ черезъ половецкія степи. Наконецъ путешественники XIII вѣка указываютъ на берегу Чернаго и Азовскаго морей города, служившіе средоточіемъ торговли между Россією и Востокомъ: монахъ Бенедиктъ, спутникъ Плато-Карпини, говоритъ, что въ городъ Орнасъ въ старину, до разоренія его Татарами, стекались купцы русскіе, аланскіе и козарскіе; Рубрукъ же говоритъ, что къ Солдайѣ, городу лежащему на южномъ берегу Тавриды, противъ Сипоне, пристають всѣ купцы, идущіе изъ Турціи въ сѣверныя страны, и наоборотъ сюда же сходятся купцы, идущіе изъ Россіи и сѣверныхъ странъ въ Турцію. Кромѣ Новгородцевъ

и Кіевлянъ заграничную торговлю производили также жители Смоленска, Полоцка и Витебска; объ ихъ торговлѣ мы узнаемъ изъ договора смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригюю и Готскимъ берегомъ въ 1229 году ¹⁰⁷. Изъ словъ договора видно, что доброе согласіе между Смольнянами и Нѣмцами было нарушено по какому-то случаю, и для избѣжанія подобнаго *размобы*, чтобъ русскимъ купцамъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ, а нѣмецкимъ въ смоленской волости любо было и добросердье во вѣки стояло, написана была *правда*, договоръ. Условились: за убійство вольнаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, а за холопа гривну, за побой холопу гривну кунъ; за поврежденіе частей тѣла 5 гривенъ серебра, за вышибенный зубъ 3 гривны; за ударъ деревомъ до крови 1½ гривны, кто ударить по лицу, схватить за волосы, ударить батономъ платить безъ четверти гривну серебра, за рану безъ поврежденія тѣла платить 1½ гривны серебра; священнику и послу платится вдвое за всякую обиду. Виноватаго можно посадить въ колодку, тюрьму или желѣзы только въ томъ случаѣ, когда не будетъ по немъ поруки ¹⁰⁸. Долги выплачиваются прежде иностранцамъ; иностранецъ не можетъ выставить свидѣлемъ одного или двоихъ изъ своихъ единосемцевъ; истецъ не имѣетъ права принудить отвѣтника къ испытанію желѣзомъ или вызвать на поединокъ; если кто застанеть иностранца у своей жены, то беретъ за позоръ 10 гривенъ серебра; тоже платится за насиліе свободной женщины, которая не была прежде замѣчена въ развратѣ. Какъ скоро волоцкій тиунъ услышитъ, что нѣмецкій гость пріѣхалъ на Волокъ (между Двиною и Диѣпромъ), то немедленно шлетъ приказъ Волочанамъ, чтобъ перевезли гостей съ товарами и заботились о ихъ безопасности, потому что много вреда терпятъ Смольняне отъ поганыхъ (Литовцевъ); Нѣмцамъ кидать жребій, кому идти напередъ, если же между ними случится русскій гость, то ему идти назади. Пріѣхавши въ городъ, нѣмецкій гость долженъ дать княгинѣ поставъ полотна, а тиуну волоцкому рукавицы перстовыя готскія (перчатки); въ случаѣ гибели товара (при перевозѣ отвѣчаютъ всѣ Волочане. Торгуютъ иностранные купцы безо всякаго препятствія; безпрепятственно же могутъ отъѣхать съ товаромъ своимъ и въ другой городъ. Товаръ, взятый и вынесенный изъ двора, не возвращается. Истецъ не можетъ принудить отвѣтника идти на чужой судъ,

а только къ князю смоленскому; къ иностранцу нельзя приставить сторожа, не извѣстивъ прежде старшину; если кто объявитъ притязаніе на иностранный товаръ, то не можетъ схватить его силою, но долженъ вести дѣло судебнымъ порядкомъ по законамъ страны. За взвѣшиваніе товара платится вѣсовщику съ 24 пудовъ кунъ смоленская. При покупкѣ драгоценныхъ металловъ Нѣмецъ платитъ вѣсовщику за гривну золота ногату, за гривну серебра двѣ вокши, за серебряный сосудъ отъ гривны куну, при продажѣ не платитъ; когда же покупаетъ вещи на серебро, то съ гривны вноситъ куну смоленскую. Для повѣрки вѣсовъ хранится одна *камъ* въ церкви Богородицы на горѣ, а другая въ нѣмецкой церкви Богородицы; съ этимъ вѣсомъ и Волочане свѣряютъ пудъ, данный имъ Нѣмцами. Иностранцы торгуютъ безытно; они не обязаны ѣздить на войну вмѣстѣ съ туземцами: но если захотятъ — могутъ; если иностранецъ поймаетъ вора у своего товара, то можетъ сдѣлать съ нимъ все, что хочетъ. Иностранцы не платятъ судебныхъ пошлинъ ни у князя, ни у тиуна, ни на судѣ добрыхъ мужей. Епископъ рижскій, Магистръ Ордена и всѣ волостели рижской земли дали Двину вольную отъ устья до верху, по водѣ и по берегу, всякому гостю рижскому и нѣмецкому, ходящему внизъ и вверхъ. Если случится съ нимъ какая бѣда, то вольно ему привезти свой товаръ къ берегу, и если найметъ людей въ помощь, то не брать съ него больше того, сколько судилъ при наймѣ.

О торговлѣ смоленской во внутреннихъ русскихъ областяхъ узнаемъ изъ лѣтописнаго извѣстія подъ 1216 годомъ о заключеніи княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ пятнадцати смоленскихъ купцовъ, зашедшихъ для торговли въ его волость. О приходѣ купцовъ иностранныхъ и русскихъ во Владимиръ Залѣсскій при Андрѣѣ Боголюбскомъ узнаемъ изъ словъ Кузмы Кіянина, младшаго надъ трупомъ своего князя. Причинами, могшими содѣйствовать усиленію русской торговли въ означенное время, было положеніе русской государственной области между Европою и Азією, что, при отсутствіи морскихъ обходныхъ путей, давало ей важное торговое значеніе; усиленіе торговой дѣятельности сѣверныхъ нѣмецкихъ городовъ, которые должны были обратить свое вниманіе на востокъ и войти съ нимъ въ тѣсныя торговыя сношенія; уменьшеніе пиратства на Балтійскомъ морѣ вслѣдствіе

того, что скандинавское народонаселение покидает свой прежний варяжский характер; удобство водных путей сообщения; старание князей о торговлѣ, обогащавшей народъ ихъ; уживчивый вообще характеръ народонаселенія, терпимость относительно вѣры, уваженіе, расположеніе къ иностранцамъ, готовность уступать имъ разныя выгоды. Вслѣдъ за этими благопріятствующими для торговли обстоятельствами мы должны упомянуть и о препятствіяхъ, которыя встрѣчала она въ описываемое время: встрѣчаемъ извѣстія о ссорахъ съ иностранцами, вслѣдствіе чего прерывались торговля сношенія: такъ въ 1134 году купцовъ новгородскихъ посадили въ тюрьму въ Даніи ¹⁰⁹; въ 1188 году новгородскіе купцы подверглись той же участи отъ Нѣмцевъ, за моремъ, за что изъ Новгорода всеюю не пустили ни одного изъ своихъ купцовъ за море, Варягамъ посла не дали и отпустили ихъ безъ мира ¹¹⁰; въ 1201 году Варяговъ отпустили безъ мира за море, а осенью пришли Варяги сухимъ путемъ на миръ, и тутъ Новгородцы дали имъ миръ на всей своей волѣ ¹¹¹. Только три извѣстія о ссорахъ съ иностранцами; если приложится сюда одно извѣстіе о нападеніи Шведовъ на торговля суда, плывшія въ Новгородъ, то увидимъ, что съ этой стороны препятствій для торговли было не много. Гораздо больше препятствій для вѣдшней, греческой торговли Кіевлянъ представляли Половцы, грабившіе торговля суда по Днѣпру; мы видѣли, какъ иногда князья съ многочисленными дружинами принуждены были выступать для защиты Грековъ: Мстиславъ Изяславичъ жаловался, что Половцы отняли у Руси все торговля пути. Препятствіемъ для торговли внутренней и вѣдшней служили также внутреннія войны, усобицы княжескія; во время двудневнаго грабежа войсками Боголюбскаго, когда, по словамъ лѣтописца, не было никому помилванія въ Кіевѣ, безъ сомнѣнія пострадали также и купцы иностранные; потомъ Ярославъ Изяславичъ въ 1174 году взялъ большія деньги (попродать) со всехъ Кіевлянъ, не исключая Латину и гостей; въ 1203 году, Половцы съ Рюрикомъ, взявши Кіевъ, страшно пограбили его, а у иноземныхъ гостей взяли половину товара; здѣсь хотя и видны нѣкоторое снисхожденіе къ иностраннымъ купцамъ, однако послѣдніе не могли легко забыть своей потери. Новгородскіе купцы терпѣли вслѣдствіе ссоръ ихъ согражданъ съ разными князьями, кіевскими и суздальскими: въ 1161 году, Ростиславъ Мстисла-

визъ, услыхавъ, что сынъ его схваченъ въ Новгородѣ, велѣлъ перехватать новгородскихъ купцовъ, бывшихъ въ Киевѣ, и посадить ихъ въ Пересѣченскій погребу, гдѣ въ одну ночь умерло изъ нихъ 14 человекъ, послѣ чего Ростиславъ велѣлъ выпустить остальныхъ изъ тюрьмы и развести по городамъ; о захватываніи новгородскихъ купцовъ по суздальскимъ волостямъ встрѣчаемъ извѣстія разъ семь; въ 1215 году Ярославъ Всеволодовичъ захватилъ въ Торжкѣ Новгородцевъ и купцовъ больше 2000. Собразивши всѣ эти препятствія и сличивши число извѣстій о нихъ съ числомъ лѣтъ описаннаго періода времени, мы должны придти къ тому заключенію, что вообще препятствій для торговли было немного.

Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связанъ вопросъ о монетной системѣ. Общимъ названіемъ, соответствующимъ теперешнему нашему *денги*, было *куны*, которое замѣнило встрѣчавшееся въ начальномъ періодѣ названіе *скотъ*. Высшею монетною единицею была гривна — кусокъ металла въ извѣстной формѣ, равный извѣстному вѣсу, носившему то же самое названіе—гривны. Что гривна была ходячею монетою, это очевидно изъ слѣдующаго, хотя позднѣйшаго (впрочемъ не очень) извѣстія: въ 1288 году волынской князь Владиміръ Васильковичъ велѣлъ серебряныя блюда, золотыя и серебряныя кубки передъ своими глазами побить и перелить въ гривны. Кромѣ гривень существовала еще серебряная монета—*сребреники*; о ея существованіи есть ясное свидѣтельство лѣтописи подъ 1115 годомъ: «Повелѣ Володимеръ рѣжючи паволоки, орници, бѣлю, размѣтати народу, овоже сребреники металъ»¹¹². О существованіи кожаныхъ денегъ имѣемъ ясныя свидѣтельства иностранцевъ и своихъ; въ одномъ хронографѣ прямо говорится: «*куны* еже есть *мордъ куней*»¹¹³. Въ доказательство противнаго, что подъ кунами и бѣлю разумѣлись монеты металлическія, золотыя и серебряныя, приводятъ слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи подъ 1066 годомъ: «дворъ же князь разграбиша безчисленное множество злата и сребра, кунами и бѣлю.» Приводя всѣ эти слова въ тѣсную связь и соответствіе, полагаютъ, что *кунами* и *бѣлю* есть необходимое дополненіе и объясненіе къ: *злата* и *сребра*. Но во 1) мы знаемъ, что лѣтописецъ употребляетъ конструкторію очень свободную, вслѣдствіе чего *кунами* и *бѣлю* можетъ стоять совершенно независимо отъ *злата* и *сере-*

бра; во 2) бѣль означаетъ мѣхъ, шкуру известнаго животнаго или, какъ думаютъ нѣкоторые, ткань особаго рода: такъ подъ 1116 годомъ говорится, что Мономахъ велѣлъ рѣзать бѣль и бросать народу; и тутъ же бѣль ясно отличается отъ серебряной монеты, отъ серебряниковъ; въ 3) въ приведенномъ мѣстѣ Ипатьевскій списокъ имѣетъ: скорою (шкурами) вмѣсто бѣлю, вслѣдствіе чего мы имѣемъ полное право принимать здѣсь подъ именемъ кунъ деньги вообще, а подъ именемъ бѣли—мѣха. Наконецъ еще известіе, впрочемъ позднѣйшее: въ 1257 году Даниилъ Романовичъ Галицкій велѣлъ взять дань на Ятвягахъ «черныя куны и бѣль серебра.» Ясно, что здѣсь слова: бѣль и *серебро* должны быть принимаемы совершенно отдѣльно, ибо лѣтописецъ не имѣлъ никакой нужды объяснять, что бѣль означаетъ серебро; но позднѣйшіе переписчики, не понявши дѣла, въ соотвѣтствіе чернымъ кунамъ поставили бѣло *серебро*, какъ читается въ нѣкоторыхъ спискахъ. — Что касается до счета, то подъ 1160 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ счетъ тьмами: «много зла сотвориша Половци, взяша душъ богѣ тмы.»

Торговля въ описываемое время была главнымъ средствомъ накопленія богатствъ на Руси, ибо не встрѣчаемъ болѣе известій о выгодныхъ походахъ въ Грецію или на Востокъ, о разграбленіи богатыхъ городовъ и народовъ. Умноженіе богатствъ при столкновеніи съ болѣе образованными народами обнаруживалось въ стремленіи къ украшенію жизни, къ искусству. Искусство прежде всего служило религіи: часто, съ подробностями, рассказываетъ лѣтописецъ о построеніи церквей. Въ концѣ XI-го вѣка известенъ былъ охотою къ постройкамъ митрополитъ Ефремъ, жившій въ Переяславлѣ, гдѣ сначала была митрополія; онъ построилъ въ Переяславлѣ церковь Святаго Михаила, украсивши ее всякою красотою, по выраженію лѣтописца; докончивъ эту церковь, онъ заложилъ другую на городскихъ воротахъ, во имя Святаго [Феодора, потомъ третью—Св. Андрея, и у церкви отъ воротъ строеніе банное¹¹³, чего не было прежде на Руси; заложилъ вокругъ города стѣну каменную, однимъ словомъ, украсилъ городъ Переяславль зданіями церковными и разными другими. Въ 1113 году соединенные князья построили въ Вышгородѣ каменную церковь, куда перенесли изъ деревянной мощи Свв. Бориса и Глѣба, надъ ракою которыхъ поставили теремъ серебряный. На сѣверѣ, какъ строитель и украситель церквей, славился Андрей Боголюб-

скій; главнымъ памятникомъ его ревности осталась здѣсь Богородичная церковь во Владимирѣ Залѣскомъ, построенная въ 1158 г., вся изъ бѣлаго камня, привезеннаго водою изъ Болгаріи; новѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ извѣстіе ¹¹⁵, что церковь эта построена западными художниками, присланными Андрею отъ императора Фридриха I-го. Въ этой церкви стояла знаменитая икона Богородицы, принесенная изъ Царяграда; въ нее, по словамъ лѣтописи, Андрей вковалъ больше тридцати гривенъ золота, кромѣ серебра, драгоценныхъ каменьевъ и жемчуга. Въ 1194 г., при Всеволодѣ III-мъ, эта церковь была обновлена послѣ большого пожара; при Всеволодѣ же построенъ во Владимирѣ Дмитріевскій Соборъ «дивно украшенный иконами и писаніемъ.» Въ 1194 году обновлена была Богородичная церковь въ Суздалѣ, которая, по словамъ лѣтописца, опадала отъ старости и безнарядья; покрыли ее оловомъ отъ верху до комаръ (наружныхъ сводовъ) и притворовъ. Чудное дѣло! говоритъ при этомъ лѣтописецъ: епископъ Іоаннъ не искалъ мастеровъ у Нѣмцевъ, а нашелъ ихъ между служками при Богородичной Владимирской церкви и своими собственными; они съумѣли и олово лить, и покрыть, и известью выбѣлнить. Здѣсь лѣтописецъ прямо говоритъ, что епископъ не искалъ мастеровъ между Нѣмцами—знакъ, что другихъ мастеровъ (Греческихъ), кромѣ западныхъ нѣмецкихъ, на сѣверѣ не знали, что предшествующія зданія, церкви Боголюбскаго были построены послѣдними. Но поновленная такимъ образомъ церковь не догло простояла: въ 1222 году князь Юрій Всеволодовичъ принужденъ былъ сломать ее, потому что начала разрушаться отъ старости, и верхъ обвалился; построена она была при Владимирѣ Мономахѣ. Упомянутая выше церковь Св. Михаила въ Переяславлѣ упала въ 1122 году, не простоявши и 50 лѣтъ. Строили церкви и каменные очень скоро; такъ, наприм., въ Новгородѣ въ 1179 году заложили церковь Благовѣщенія 21-го мая, а кончили 25-го августа; въ 1196 году заложили церковь Св. Кирилла въ апрѣлѣ, а кончили 8-го іюля, въ 1198 году въ Русѣ заложили церковь Преображенія 21-го мая, а кончили 31-го іюля; въ томъ же году въ Новгородѣ начали строить церковь Преображенія 8-го іюня, а кончили въ сентябрѣ; въ 1219 г., заложили церковь каменную малую Св. Трехъ Отроковъ, и окончили ее въ 4 дня. Снаружи церкви покрывались оловомъ, верхъ или главы золотились;

внутри украшались иконами, стѣнною живописью, серебряными паникадилами; иконы украшались золотомъ и финифтью ¹¹⁶, дорогими каменьями и жемчугомъ. Изъ русскихъ иконописцевъ упоминается Св. Алимій Печерскій, выучившійся своему искусству у греческихъ мастеровъ, приходившихъ для росписыванія церкви въ Печерскомъ монастырѣ; какъ видно, онъ занимался также и мозаикою ¹¹⁷. Подъ 1200 годомъ упоминается о строеніи каменной стѣны подъ церковью Св. Михаила у Двѣпра, на Выдубечи; строителемъ былъ Милонегъ Петръ, котораго Великій князь Рюрикъ выбралъ между своими пріятелями, какъ сказано въ лѣтописи.

Матеріальное благосостояніе, зависѣвшее въ главныхъ городахъ Руси по преимуществу отъ торговли и побуждавшее къ построенію болѣе или менѣе прочныхъ, украшенныхъ зданій общественныхъ, преимущественно церквей, должно было, разумѣется, дѣйствовать и на удобства частной, домашней жизни Русскихъ людей описываемаго времени; къ сожалѣнію объ этой частной жизни до насъ дошли чрезвычайно скудныя извѣстія; знаемъ, что были очень богатые люди, въ домахъ которыхъ можно было много пограбить, таковы были, наприм., Мирошквиничи въ Новгородѣ, у которыхъ народъ въ 1209 году взялъ безчисленныя сокровища, остатокъ раздѣлили по зубу, по три гривны по всему городу, но другіе побрали еще тайкомъ, и отъ того многіе разбогатѣли; какъ ни толковать это мѣсто, все выходитъ, что каждый Новгородецъ получилъ по три гривны. Но мы не знаемъ, въ какихъ удобствахъ житейскихъ выказывали свое богатство богачи новгородскіе и другихъ городовъ; у нихъ были села, много челяди-рабовъ, большія стада; разумѣется, дома ихъ были обширнѣе, но о расположеніи и украшеніи домовъ мы ничего не знаемъ. И общественныя зданія, церкви строились непрочно, нѣкоторыя сами падали, другія должно было разбирать и строить снова; неудивительно, что частныя зданія не могли долго сохраняться, будучи преимущественно, если не исключительно, построены изъ дерева, и нѣтъ основанія думать, чтобъ они развились отъ построекъ предшествовавшаго времени. Простота постройки, дешевизна матеріала, лѣса, который былъ въ такомъ изобиліи, простота и малочисленность того, что мы называемъ мебелью, должны были много помогать народу въ перенесеніи бѣдствій отъ усобицъ и непріятель-

скихъ нашествій: деньги, немногія дорогія вещи, дорогое платье легко было спрятать, легко унести съ собою; укрывшись въ ближайшемъ лѣсу, или городѣ во время бѣды, возвращались назадъ во уходѣ непріятеля, и легко опять обстраивались. Такое отсутствіе прочности жилищъ вибѣтъ съ простотою быта содѣйствовали той легкости, съ какою жители цѣлыхъ городовъ переселялись въ другія мѣста, цѣлые города бѣжали отъ непріятеля и затворялись въ другихъ городахъ, иногда князья переводили цѣлые города изъ одной области въ другую; Кіевляне говорятъ Ярославичамъ, что они зажгутъ свой городъ и уйдутъ въ Грецію; такимъ образомъ наши деревянные города представляли переходъ отъ вежи Половца и Торчина къ каменнымъ городамъ западной Европы, и народонаселеніе древней Руси, несмотря на свою осѣдлость, не могло имѣть сильной привязанности къ своимъ деревяннымъ, непрочнымъ городамъ, которые не могли рѣзко отличаться другъ отъ друга; природа страны была также одинакова, вездѣ былъ просторъ, вездѣ были одинакія удобства для поселенія, князья тяготились малолюдностію, были рады переселенцамъ: отсюда понятно, почему не только въ описываемое время, но и гораздо позднѣе мы замѣчаемъ легкость, съ какою Русскіе люди переселялись изъ одного мѣста въ другое, легко имъ было при всякомъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ разбрестись разнo.

Мы замѣтили, что относительно постройки, расположенія жилищъ и мебели почти ничего нельзя прибавить противъ того, что было сказано о древнѣйшемъ періодѣ; видимъ, что князья любили сидѣть и пировать съ дружиною на сѣнницахъ; встрѣчаемъ названіе *столецъ* въ значеніи маленькой скамьи или стула, поставляемаго гостямъ ¹¹⁸. Касательно одежды встрѣчаемъ извѣстіе о сорочкахъ, метляхъ и корзнахъ, о шапкахъ (клобукахъ), которыя не снимались ни въ комнатѣ, ни даже въ церкви ¹¹⁹. Изъ договора съ Нѣмцами узнаемъ объ употребленіи рукавицъ перстатыхъ, т.-е. перчатокъ, покупаемыхъ, какъ видно, у иностранцевъ; отъ употребленія рукавицъ перстатыхъ имѣемъ право заключать и объ употребленіи простыхъ, русскихъ рукавицъ. Изъ мужскихъ украшеній упоминаются золотыя цѣпи ¹²⁰; изъ женскихъ одеждъ упоминаются повой или повойники, изъ украшеній—ожерелья и серьги серебряныя ¹²¹. Изъ матерій, употреблявшихся на одежды, упоминается полотно или частина ¹²², аксамитъ ¹²³, упоминаются

одежды боярскія съ шитыми золотомъ оплечьями ¹²⁴; годъ 1183 годомъ лѣтописецъ, говоря о пожарѣ во Владимирѣ Залѣскомъ, прибавляетъ: погорѣла и соборная церковь Св. Богородицы Златоверхая, со всѣми пятью верхами золотыми, и со всѣми узорочьями, которыя были въ ней внутри и внѣ, паникадилами серебряными, сосудами золотыми и серебряными безъ числа, съ одеждами, шитыми золотомъ и жемчугомъ, которыя на праздникъ развѣшивали въ двѣ веревки отъ Золотыхъ воротъ до Богородицы, и отъ Богородицы до владычныхъ сѣней въ двѣ же веревки ¹²⁵. Здѣсь прежде всего можно разумѣть подъ этими одеждами (портами) облаченія священно-служительскія; но по другимъ извѣстіямъ, князья имѣли обычай вѣшать свое дорогое платье въ церквахъ на память себѣ ¹²⁶; впрочемъ очень вѣроятно, что изъ этихъ одеждъ перешивались и священно-служительскія облаченія. Касательно украшеній и вообще роскоши, замѣчательна приписка, находящаяся въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: «Васъ молю, стадо Христово, съ любовію, говоритъ лѣтописецъ, приклоните уши ваши разумно, послушайте о томъ, какъ жили древніе князья и мужи ихъ, какъ защищали Русскую землю, и чужія страны брали подъ себя. Тѣ князья не собирали много имѣнія, лишнихъ виръ и продажъ не налагали на людей, но гдѣ приходилось взять правую вѣру, то брали и отдавали дружинѣ на оружіе. А дружина этимъ кормилась, воевала чужія страны, и бившись, говорила: «Братья, потянемъ по своему князю и по русской землѣ!» Не говорили: «мало мнѣ, князь, 200 гривенъ; не рядили женъ въ золотые обручи, но ходили жены ихъ въ серебрѣ» ¹²⁷.

Таково было матеріальное состояніе Русскаго общества въ описываемое время; теперь обратимся къ нравственному его состоянію, при чемъ, разумѣется, прежде всего должны будемъ обратиться къ состоянію религіи и церкви. Мы видѣли ¹²⁸, что въ началѣ христіанство принялось скоро въ Кіевѣ, на югѣ, гдѣ было уже и прежде давно знакомо; но медленно, съ большими препятствіями распространялось оно на сѣверѣ и востокѣ. Первые епископы ростовскіе, Феодоръ и Илларіонъ принуждены были бѣжать изъ своей епархіи отъ ярости язычниковъ; преемникъ ихъ, Св. Леонтій, не покинулъ своей паствы, состоявшей преимущественно изъ дѣтей, въ которыхъ онъ надѣялся удобити вселити новое ученіе,—и замученъ былъ взрослыми язычниками. Язычество на

финской сѣверѣ не доводилось оборонительною войною противъ христіанства, но иногда предпринимало и наступательную въ лицѣ волхвовъ своихъ: однажды въ ростовской области сдѣлался голодъ, и вотъ явились два волхва изъ Ярославля и начали говорить: «Мы знаемъ, кто хлѣбъ-то держитъ;» они пошли по Волгѣ, и въ каждомъ погостѣ, куда придуть, указывали на лучшихъ женщинъ, говоря: «вотъ эти жито держатъ, эти медь, эти рыбу, эти мѣха.» Жители приводили къ нимъ сестеръ своихъ, матерей, женъ; волхвы разрѣзывали у нихъ тѣло за плечомъ, показывая видъ, что вынимаютъ оттуда либо жито, либо рыбу, и такимъ образомъ убивали много женщинъ, забирая имѣніе ихъ себѣ. Когда они пришли на Бѣлоозеро, то съ ними было уже 300 человекъ народу. Въ это время случилось придти туда отъ князя Святослава за данью Яну, сыну Вышатину; Бѣлозерцы рассказали ему, что вотъ два кудесника побили много женщинъ по Волгѣ и по Шекснѣ, пришли и къ нимъ. Онъ сталъ доискиваться, чьи смерды эти волхвы, и узнавши, что они Святославовы, послалъ сказать провожавшей ихъ толпѣ: «выдайте мнѣ волхвовъ, потому что они смерды моего князя;»—но тѣ не послушались. Тогда Янъ самъ пошелъ къ нимъ сначала безъ оружія; но отроки сказали ему: «не ходи безъ оружія, опозорятъ тебя,» и Янъ велѣлъ отрокамъ взять оружіе. Съ 12-ю отроками вошелъ Янъ въ лѣсъ, и съ топоромъ въ рукахъ отправился прямо къ волхвамъ; изъ среды окружавшей ихъ толпы вышли къ нему три человека и сказали: «Идешь ты на явную смерть, не ходи лучше!» Въ отвѣтъ Янъ велѣлъ убить ихъ, и шелъ дальше къ остальнымъ; тѣ было ринулись на него, и одинъ занесъ уже топоръ, но промахнулся, а Янъ, обратя топоръ, ударилъ въ него тыломъ, приказавши отрокамъ своимъ бить остальныхъ, которые и побѣжали; но въ схваткѣ былъ убитъ священникъ Яновъ. Возвратившись въ городъ къ Бѣлозерцамъ, Янъ сказалъ имъ: «Если вы не перехватаете этихъ волхвовъ, то я цѣлое лѣто пробуду у васъ.» Бѣлозерцы схватили волхвовъ и привели ихъ къ Яну, который спросилъ у нихъ: «За что вы загубили столько душъ?»—«За то, отвѣчали волхвы, что они держатъ всякое добро; если истребимъ ихъ, то будетъ во всемъ обиліе; хочешь, перейдъ твоими глазами выимомъ жито, рыбу или что иное.» Янъ сказалъ имъ на это: «Все это ложь; сотворилъ Богъ человека отъ земли, составлешъ онъ

изъ костей, жилъ и крови; и ничего другаго въ немъ нѣтъ, да и ничего другаго о себѣ человекъ и знать не можетъ, одинъ Богъ знаетъ.» Волхвы видѣли, что дѣло дурно для нихъ кончится, и потому начали говорить: «Намъ должно стать предъ Святославомъ, а ты не можешь намъ ничего сдѣлать.» Янъ въ отвѣтъ велѣлъ ихъ бить и драть имъ бороды; и когда ихъ били, то Янъ спросилъ: «Что вамъ боги ваши говорятъ?» Волхвы отвѣчали: «Стать намъ предъ Святославомъ.» Тогда Янъ велѣлъ положить имъ деревянный отрубокъ въ ротъ, привязать къ лодкѣ, и самъ отправился за ними внизъ по Шекснѣ. Когда приплыли къ устью этой рѣчки, то Янъ велѣлъ остановиться, и опять спросилъ у волхвовъ: «Что вамъ ваши боги говорятъ?» Тѣ отвѣчали: «Боги говорятъ, что не быть намъ живымъ отъ тебя.»—«Правду сказали вамъ ваши боги,» отвѣчалъ имъ Янъ; тогда волхвы начали говорить: «Если отпустишь насъ, то мно. . . тебѣ добра будетъ, если же убьешь, то большую печаль примешь и зло.» Онъ сказалъ имъ на это: «Если я отпущу васъ, то зло мнѣ будетъ отъ Бога,» и потомъ обратившись къ лодочникамъ, сказалъ имъ: «У кого изъ васъ они убили родныхъ?» Одинъ отвѣчалъ: «у меня убили мать,» другой: «у меня сестру,» третій: «у меня дочь.» «Ну такъ мстите за своихъ,» сказалъ имъ Янъ. Лодочники схватили волхвовъ, убили и повѣсили на дубѣ, а Янъ пошелъ домой; на другую ночь медвѣдь взлѣзъ на дубъ и съѣлъ трупы волхвовъ. Лѣтописецъ прибавляетъ при этомъ любопытное извѣстiе, что въ его время волхвовали преимущественно женщины чародѣйствомъ и отравою и другими бѣсовскими кознями.

Какъ слабо еще было вкоренено христіанство на сѣверѣ, лучшимъ доказательствомъ служить слѣдующій разсказъ лѣтописца: всталъ волхвъ въ Новгородѣ, при князѣ Глѣбѣ Святославичѣ, сталъ говорить къ народу, выдавать себя за бога, и многихъ предъстилъ, почти что весь городъ. Онъ хулилъ вѣру христіанскую, говорилъ, что все знаетъ и что передъ всѣми перейдетъ Волхвъ какъ по суху. Въ городѣ всталъ мятежъ, всѣ повѣрили волхву и хотѣли убить епископа; тогда епископъ облачился въ ризы, взялъ крестъ, и ставши, сказалъ: «Кто хочетъ вѣрить волхву, тотъ пусть идетъ къ нему, а кто вѣруетъ во Христа, тотъ пусть идетъ ко кресту.» Жители раздѣлились на двое: князь Глѣбъ съ дружиною пошли и стали около епископа, а простые люди всѣ пошли къ

волхву, и былъ натяжъ большой между ними. Тогда князь Глѣбъ, взявши потихоньку топоръ, подошелъ къ волхву, и спросилъ у него: «Знаешь ли, что будетъ завтра утромъ или вечеромъ?»—«Все знаю,» отвѣчалъ волхвъ.—«А знаешь ли, спросилъ опять Глѣбъ: что будетъ нынче?» «Нынче, отвѣчалъ волхвъ, я сдѣлаю большія чудеса.» Тутъ Глѣбъ вынулъ топоръ и разрубилъ кудесника, а люди, видя его мертвымъ, разошлись. Въ 1091 году явился опять волхвъ въ Ростовѣ, но скоро погибъ.—Изъ этихъ разсказовъ видно, что волхвы вставали и имѣли успѣхъ преимущественно на сѣверѣ, въ странахъ финскихъ; такъ встали волхвы въ Ярославль, въ странѣ финскаго племени Мери; въ Чудь, издавна славную своими волхвами, ходилъ гадать Новгородецъ; въ Ростовѣ Св. Авраамій низвергнулъ послѣдняго каменнаго идола Велеса ¹⁹⁹; въ Муромѣ искорененіе язычества приписывается князю Константину ²⁰⁰. Изъ Славянскихъ племенъ позднѣе другихъ приняли христіанство Вятичи, удаленные въ началѣ отъ главныхъ дорогъ, вслѣдствіе чего послѣ всѣхъ племенъ они подчинились русскимъ князьямъ, послѣ всѣхъ подчинились и христіанству: во второй половинѣ XI вѣка скончался у нихъ мученическою смертію проповѣдникъ христіанства, Св. Кукша, монахъ Киевопечерскій; въ XII вѣкѣ, по словамъ лѣтописца, Вятичи еще сохраняли языческіе обычаи, сожигали мертвецовъ и проч. ²⁰¹. Что на югѣ, въ Киевѣ христіанство было крѣпче утверждено, чѣмъ на сѣверѣ, доказываетъ разсказъ лѣтописца о волхвѣ, который было явился въ Киевѣ, но не имѣлъ здѣсь такого успѣха, какъ ему подобные на сѣверѣ; этотъ волхвъ проповѣдывалъ, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ вверхъ, и страны помѣняются мѣстами своими: греческая земля станетъ на мѣстѣ русской, а русская на мѣстѣ греческой. Люди несмысленные, говоритъ лѣтописецъ, слушали его, но вѣрные насмѣхались надъ нимъ, говоря: «бѣсъ играетъ тобою тебѣ же на пагубу,» что и сбылось: въ одну ночь пропалъ волхвъ безъ вѣсти. Въ какихъ слояхъ общества крѣпче была утверждена новая религія, въ какихъ слабѣе, можно видѣть изъ разсказа о новгородскомъ волхвѣ: князь и дружина пошли на сторону епископа, все остальное народонаселеніе, простые люди пошли къ волхву.

Не смотря однако на всѣ эти препятствія, христіанство распространялось постоянно по областямъ, подчиненнымъ Руси: если въ

началѣ описываемаго времени все низшее народонаселеніе Новгорода стало на сторону волхва, то въ концѣ, именно въ 1227 году въ Новгородѣ сожгли четырехъ волховъ. Не смотря на то, что и въ ростовской области финское язычество выставляло сильный отпоръ христіанству, проповѣдники послѣдняго шли далѣе на сѣверъ: въ 1147 г. преподобный Герасимъ, монахъ кіевскаго Глушинскаго монастыря, проповѣдывалъ христіанство въ окрестностяхъ нынѣшней Вологды¹²²; новгородскіе выселенцы приносили съ собою свою вѣру въ область Сѣверной Двины и Камы; мы видѣли, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ русская церковь не могла успѣшно бороться съ римскою въ Ливоніи; но за то подъ 1227 годомъ читаемъ, что князь Ярославъ Всеволодовичъ крестилъ множество Корель¹²³.

Касательно управленія своего, церковь русская попрежнему зависѣла отъ константинопольскаго патріарха, который поставилъ для нея митрополитовъ, произносялъ окончательный приговоръ въ дѣлахъ церковныхъ и на судъ его не было апелляціи. Извѣстія о митрополитахъ русскихъ описываемаго времени очень скудны, что объясняется ихъ чужимъ, греческимъ происхожденіемъ, много препятствовавшимъ обнаруженію ихъ дѣятельности; это чуждое происхожденіе, быть можетъ, было одною изъ причинъ, почему сначала митрополиты жили не въ Кіевѣ, но въ Перяславѣ¹²⁴: предлагали же послѣ патріарху Іереміи быть московскимъ патріархомъ, но жить не въ Москвѣ, а во Владимирѣ по причинѣ его чуженародности. Изъ шестнадцати митрополитовъ¹²⁵, бывшихъ въ это время, замѣчательны: Іоаннь II-й (1080—1089), о которомъ лѣтописецъ говоритъ, что былъ онъ хитръ книгамъ и ученыю, милостивъ къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ со всякимъ, богатымъ и убогимъ, смиренъ и кротокъ, молчаливъ и вмѣстѣ рѣчистъ, когда нужно было книгами святыми утѣшать печальныхъ: такого не было прежде на Руси, да и не будетъ, заключаетъ лѣтописецъ свою похвалу. 2) Никифоръ (1107—1121) замѣчательный своими посланіями къ Владимиру Мономаху. 3) Климентъ Смолятичъ, книжникъ и философъ, какого не бывало въ Русской землѣ, по выраженію лѣтописца. Въ начальномъ періодѣ нашей исторіи мы видѣли примѣръ поставленія митрополита изъ Русскихъ русскими епископами, независимо отъ византійскаго патріарха; въ описываемый періодъ примѣръ этотъ повторился въ

1147 году, когда князь Изяславъ Мстиславичъ поставилъ митрополитомъ Клима или Климента, родомъ изъ Смоленска, отличавшагося, какъ мы видѣли, ученостію. Думаютъ, что поводомъ къ такому явленію могли быть замѣшательства, происходившія въ то время на патріаршемъ византійскомъ престолѣ и неудовольствіе князя на бывшего предъ тѣмъ митрополита Михаила, самовольно уѣхавшаго въ Грецію¹²⁶. Какъ бы то ни было, между собравшимися для посвященія Клима въ Кіевъ епископами обнаружилось сильное сопротивленіе желанію князя; они были не прочь отъ поставленія русскаго митрополита, но требовали, чтобъ Климаъ взялъ благословеніе у константинопольскаго патріарха; они говорили ему: «нѣтъ того въ законѣ, чтобъ ставить епископамъ митрополита безъ патріарха, а ставить патріархъ митрополита; не станемъ мы тебѣ кланяться, не станемъ служить съ тобою, потому что ты не взялъ благословенія у св. Софійи и отъ патріарха; если же справишься, благословишься у патріарха, тогда и мы тебѣ поклонимся: мы взяли отъ митрополита Михаила рукописаніе, что не слѣдуетъ намъ безъ митрополита у св. Софійи служить»¹²⁷. Тогда Онуфрій, епископъ черниговскій, предложилъ средство къ соглашенію епископовъ, а именно, предложилъ поставить новаго митрополита главою св. Климента, по примѣру Грековъ, которые ставили рукою св. Іоанна. Епископы согласились, и Климаъ былъ посвященъ. Одинъ только Нифонтъ новгородскій упорствовалъ до конца, за что терпѣлъ гоненіе отъ Изяслава, а отъ патріарха получилъ грамоты, гдѣ тотъ прославлялъ его и причиталъ къ святымъ; и въ нашей лѣтописи Нифонтъ называется поборникомъ всей Русской земли¹²⁸. Вообще лѣтописецъ въ этомъ дѣлѣ принимаетъ сторону Нифонта противъ Изяслава новаго введенія; быть можетъ здѣсь замѣшивались и другія отношенія: лѣтописецъ говоритъ, что Нифонтъ былъ друженъ съ Святославомъ Ольговичемъ; понятно, что въ самомъ Новгородѣ сторона, приверженная къ Мстиславичамъ, непріязненно смотрѣла на Нифонта, и лѣтописецъ даетъ знать, что многіе здѣсь говорили про него дурно¹²⁹.—Когда, по смерти Изяслава, Юрій Долгорукій получилъ старшинство, то сторона, стоявшая за право патріарха, восторжествовала, Климаъ былъ свергнутъ и на его мѣсто былъ присланъ изъ Царяграда митрополитъ Константинъ I-й. Первымъ дѣломъ новаго митрополита было проклясть память покойнаго князя Изяслава; но этотъ

поступокъ не остался безъ вредныхъ слѣдствій для русской церкви и для самого Константина. Когда, по смерти Долгорукаго, сынъ Изяслава, Мстиславъ доставилъ кievскій столъ дядѣ Ростиславу, то требовалъ непременно сверженія Константина за то, что послѣдній клялъ отца его; съ своей стороны дядя его Ростиславъ не хотѣлъ возстановить Климъ, какъ неправильно избраннаго; наконецъ, для прекращенія смуты, князья положили свести обонхъ митрополитовъ и послать къ патриарху за третьимъ; патриархъ исполнилъ ихъ желаніе и прислалъ новаго митрополита, Грека Феодора.

Не смотря на возстановленіе права патриарха присылать въ Кіевъ отъ себя митрополита, великіе князья не отказывались отъ права принимать только такихъ митрополитовъ, которые были имъ удобны. Такъ въ 1164 году В. князь Ростиславъ Мстиславичъ возвратилъ назадъ митрополита Іоанна, присланнаго патриархомъ безъ его воли; много труда и даровъ стоило императору убѣдить Ростислава принять этого Іоанна; есть извѣстіе, что Великій князь отвѣчалъ императорскому послу: «Если патриархъ безъ нашего вѣдома впередъ поставитъ въ Русь митрополита, то не только не приму его, но и постановимъ однажды навсегда—избирать и ставить митрополитовъ епископамъ русскимъ съ повѣдѣнія Великаго князя ¹⁴⁰.» Послѣ неудачной попытки освободить русскаго митрополита изъ-подъ власти константинопольскаго патриарха, видимъ неудачную попытку къ освобожденію сѣверной Руси отъ церковнаго вліянія южной, къ освобожденію владимирскаго епископа изъ-подъ власти кievскаго митрополита. Въ лѣтописи ¹⁴¹ встрѣчаемъ извѣстіе, что Андрей Боголюбскій хотѣлъ имѣть для Владимира Замѣскаго особаго митрополита, и просилъ объ этомъ константинопольскаго патриарха, но тотъ не согласился. Князь покорялся рѣшенію патриарха, но не хотѣлъ покориться ему епископъ Феодоръ, не хотѣлъ подчиниться кievскому митрополиту, на томъ основаніи, что поставился въ константинополѣ, отъ самаго патриарха ¹⁴², и когда князь Андрей сталъ уговаривать его идти въ Кіевъ для полученія благословенія отъ митрополита, то Феодоръ затворилъ церкви во Владимірѣ. Андрей послалъ его насильно въ Кіевъ, гдѣ митрополитъ Константинъ II-й, Грекъ рѣшился неслыханною строгостію задавить попытку сѣвернаго духовенства къ отложенію отъ Кіева: Феодора обвинили всѣми ви-

намъ и наказали страшнымъ образомъ. Вотъ самый рассказъ дѣтисвѣта объ этомъ: «Въ 1172 году совершилъ Богъ и Св. Богородица новое чудо въ городѣ Владимирѣ: изгналъ Богъ и Св. Богородица Владимирская злаго, пронырливаго и гордаго льстеца, живаго владыку Фодорца, наъ Владимира отъ Св. Богородицы церкви Златоверхой, и отъ всей земли Ростовской. Нечестивецъ этотъ не захотѣлъ послушаться христоролюбиваго князя Андрея, приказывавшаго ему идти ставиться къ митрополиту, въ Кіевъ, не захотѣлъ, но, лучше сказать, Богъ не захотѣлъ его и Св. Богородица, потому что когда Богъ захочетъ наказати челоуѣка, то отнимаетъ отъ него умъ. Князь былъ къ нему расположенъ, хотѣлъ ему добра, а онъ не только не захотѣлъ поставленія отъ митрополита, но и церкви всѣ во Владимирѣ затворилъ и ключи церковные взялъ, и не было ни звона, ни цѣнія по всѣму городу и въ соборной церкви, въ которой чудотворная Матерь Божія, — и ту дериовъ дерзнулъ затворить, и такъ разгнѣвалъ Бога и Св. Богородицу, что въ тотъ же день былъ изгнанъ. Много пострадали люди отъ него: одни лишились селъ, оружія, коней, другіе обращены были въ рабство, заочены, разграблены, и не только простые люди, но и монахи, игумены, іерей; немилостивый былъ мучитель, однимъ головы рубилъ и бороды рѣзалъ, другимъ глаза выжигалъ и языки вырѣзывалъ, иныхъ распиналъ по стѣнѣ и мучилъ немилостиво, желая исторгнуть отъ нихъ имѣніе: до имѣнія былъ жаденъ какъ адъ. Князь Андрей послалъ его къ митрополиту въ Кіевъ, а митрополитъ Константинъ обвинилъ его всѣми винами, велѣлъ отвести на Цесій островъ, гдѣ ему отрѣзали языкъ, какъ злодѣю еретикѣ, руку правую: отсѣкли и глаза выкололи, потому что хулу приизнесъ на Св. Богородицу.... Безъ покаянія пробылъ онъ до послѣдняго издыханія. Такъ почитаютъ бѣсы почитающихъ ихъ: они довели его до этого, вознесла мысль его до облаковъ, устроили въ немъ втораго Сатанила, и свели его въ адъ.... Видя Богъ озлобленіе кроткихъ людей своихъ Ростовской земли, пагибающихъ отъ звѣрвоннаго Фодорца, посѣтилъ, спасъ людей своихъ, рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестивою царскою правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея. Это мы написали для того, чтобъ впередъ другіе не насаживали на святительскій санъ, но пусть удостоиваются его только тѣ кого Богъ позоветъ¹⁴².—Изъ приведеннаго мѣста дѣ-

тѣмъ видно, что лежитъ въ основѣ обвиненія: бѣсы возвели мысль Феодора до облаковъ и устроили въ немъ втораго Сатанила. «Мы написали это, говорится въ заключеніи, дабы впередъ никто не смѣлъ насканывать на святительскій санъ.» Во сколько преступленія Феодора преувеличены тѣми, которые могли жедать обвинить его всѣми винами—теперь рѣшить трудно; для историка это явленіе особенно замѣчательно какъ попытка епископа съ-верной Руси отложиться отъ кіевскаго митрополита.

Попытка эта не удалась: митрополитъ кіевскій продолжалъ по-ставлять епископовъ во всѣ епархіи русской церкви, которыхъ было 15 въ описываемое время¹⁴⁴; но какъ В. князя кіевскіе позволяли константинопольскому патриарху присылать къ нимъ митрополитовъ только съ ихъ согласія, такъ и князя другихъ волостей не позволяли кіевскому митрополиту назначать епископовъ въ ихъ города по собственному произволу: такъ, наприм., когда въ 1188 году митрополитъ Никифоръ поставилъ епископомъ въ Ростовъ Грека Николая, то Всеволодъ III-й не принявъ его и послалъ сказать митрополиту: «Не избрали его люди земли нашей, но если ты его поставилъ, то и держи его гдѣ хочешь, а мнѣ поставь Луку, смиреннаго духомъ и кроткаго игумена Св. Спаса на Берестовѣ¹⁴⁵.» Митрополитъ сперва отказался поставить Луку, но послѣ принужденъ былъ уступить волѣ Всеволода и кіевскаго князя Святослава, и посвятилъ его въ епископы суздальской земли, а своего Николая Грека послалъ въ Полоцкъ; къ Грекамъ, какъ видно, не были вообще очень расположены, что замѣчаемъ изъ отзыва лѣтописца о черниговскомъ епископѣ Антоніи: «онъ говорилъ это на словахъ, а въ сердцѣ затаилъ обманъ, потому что былъ родомъ Грекъ.»—Такимъ образомъ избраніе епископовъ не принадлежало исключительно митрополиту; но какъ же происходило это избраніе? въ Новгородѣ, при избраніи епископа, въ совѣщаніи участвовали: князь, игумены, Софьяны (люди принадлежавшіе къ вѣдомству Софійскаго собора), бѣлое духовенство (попы); въ случаѣ несогласія бросали жребій, и избраннаго такимъ образомъ посылали къ митрополиту на поставленіе; вотъ лѣтописный разсказъ объ избраніи владыки Мартирія¹⁴⁶: «Представился Гавріиль, архіепископъ новгородскій; Новгородцы, съ княземъ Ярославомъ, съ игуменами, Софьянами и съ попами стали разсуждать, кого бы поставитъ на его мѣсто: одни хотѣли поста-

вить Митрофана, другіе Мартирія, третій Грека, начались споры, для прекращенія которыхъ положили въ Софійской церкви на престолѣ три жребія, и послали съ вѣча слѣпца вынуть ихъ; вынулось Мартирію, за которымъ немедленно послали въ Русу, привезли и посадили во дворѣ Св. Софій, а къ митрополиту послали сказать: «поставь намъ владыку.» Митрополитъ прислалъ за нимъ съ великою честію, и пошелъ Мартирій въ Кіевъ съ лучшими мужами, былъ принятъ съ любовію княземъ Святославомъ и митрополитомъ, и посвященъ въ епископы.» Въ другихъ областяхъ выборъ зависѣлъ, большею частію, отъ воли князя: такъ читаемъ въ лѣтописи, что по смерти бѣлгородскаго епископа Максима, Великій князь Рюрикъ поставилъ на его мѣсто отца своего духовнаго, Адріана, игумена Выдубицкаго ¹⁴⁷. Какъ старались иногда князья объ избраніи епископовъ, указываетъ мѣсто изъ письма епископа Симона къ Печерскому монаху Поликарпу: «пишетъ ко мнѣ княгиня Ростиславова, Верхуслава, хочетъ поставить тебя епископомъ, или въ Новгородъ на Антоніево мѣсто, или въ Смоленскъ на Лазарево мѣсто, или въ Юрьевъ на Алексѣево мѣсто: пишеть, что если понадобится для этого раздать и тысячу гривенъ серебра, то не пожалѣеть ¹⁴⁸.» Какъ при избраніи епископовъ имѣли вліяніе то народъ, то князь, такъ точно возстаніе народа или неудовольствіе князя могли быть причинами низложенія и изгнанія епископовъ; мы видѣли примѣръ, какъ однажды въ Новгородѣ простой народъ выгналъ владыку Арсенія, потому, что на дворѣ долго стояла теплая погода; при этомъ слышались обвиненія, что Арсеній выпроводилъ предшественника своего, владыку Антонія въ монастырь, а самъ сѣлъ на его мѣсто, подаривши князя; это обвиненіе указываетъ на сильное вліяніе князя при избраніи епископа даже въ Новгородѣ; съ другой стороны Всеволодъ III-й не хочетъ принять епископа Николая, потому что не избрали его люди земли Суздальской; Ростиславъ Мстиславичъ въ своей грамотѣ говоритъ, что онъ привелъ епископа въ Смоленскъ; *сдумавъ съ людьми своими*. Въ 1159 году Ростовцы и Суздальцы выгнали своего епископа Леона ¹⁴⁹; но по другимъ извѣстіямъ, виновникомъ изгнанія былъ князь Андрей Боголюбскій ¹⁵⁰, который возвратилъ потомъ изгнаннаго, и снова изгналъ.

Кромѣ права рукополагать епископовъ, митрополитъ имѣлъ право суда и расправы надъ ними: въ 1055 г. новгородскій епи-

скопъ Лука Жидята, по ложному доносу на него, осужденъ былъ митрополитомъ Ефремомъ, и три года содержался въ Кіевѣ до оправданія ¹⁵¹; ростовскій епископъ Несторъ, оклеветанный своими же домашними, лишенъ былъ на время епархіи митрополитомъ Константиномъ ¹⁵²; наконецъ мы видѣли поведеніе митрополита относительно владимирскаго епископа Феодора. Въ важныхъ случаяхъ, напр., при поставленіи Кліма Смолятича въ митрополиты, также особенно по поводу ересей и неправыхъ толковъ, созывались соборы въ Кіевѣ. Ереси въ описываемое время были: ересь Павликіанъ или Богомиловъ, которую пытался распространить на Руси монахъ Адріанъ еще въ 1004 году: Адріанъ, заключенный въ темницу, отказался отъ своего ученія; но въ 1123 году попытка была возобновлена какимъ-то Дмитромъ, который однако былъ скоро сосланъ въ заточеніе ¹⁵³; въ 1149 году явился въ Кіевъ изъ Константинополя еретикъ Мартинъ, изложившій свое ученіе въ особой книгѣ, носившей названіе «Правда.» Семь лѣтъ распространялъ Мартинъ свое ученіе въ Кіевѣ, успѣлъ привлечь на свою сторону не только множество простаго народа, но и многихъ изъ духовенства, пока наконецъ кіевскій соборъ въ 1157 году не осудилъ его ученіе; константинопольскій соборъ подтвердилъ рѣшеніе кіевского, и еретикъ былъ сожженъ въ Царѣградѣ. Мы упоминали уже о епископѣ Леонѣ, изгнанномъ Ростовцами и Суздальцами; въ сѣверной лѣтописи, подъ 1159 годомъ, причиною изгнанія приводится то, что онъ раззорялъ священниковъ умноженіемъ церквей ¹⁵⁴. Подъ 1162 г., тотъ же лѣтописецъ говоритъ о началѣ ереси Леонтивіанской: по его разсказу, епископъ Леонъ не по правдѣ поставился епископомъ въ Суздаль, потому что прежній суздальскій епископъ Несторъ былъ еще живъ. Леонъ сталъ учить, что не должно ѣсть мяса въ господскіе праздники, если они случатся въ среду, или пятницу, ни въ Рождество Господне, ни въ Крещенье; по этому случаю былъ сильный споръ ¹⁵⁵ предъ княземъ Андреемъ и всѣми людьми; Леона переспорили, но онъ отправился въ Константинополь для рѣшенія дѣла; здѣсь оспорилъ его Адріанъ, епископъ болгарскій предъ императоромъ Мануиломъ, при чемъ Леонъ началъ было говорить противъ самого императора, слуги котораго ударили Леона въ шею и хотѣли было утопить въ рѣкѣ; свидѣтелями всего этого были послы — кіевскій, суздальскій, переяславскій и

черниговскій. Иначе рассказываетъ дѣло южная лѣтопись ¹⁵⁶ подъ 1162 годомъ: по ея словамъ князь Андрей Боголюбскій выгналъ епископа Леона вмѣстѣ съ братьями своими и боярами отцовскими, желая быть самовластцемъ, потомъ епископа возвратилъ, покаялся въ грѣхѣ своемъ, возвратилъ впрочемъ въ Ростовъ, а не въ Суздаль, и держалъ его четыре мѣсяца на епископѣ; но послѣ сталъ просить у него позволенія ѣсть мясо по средамъ и по пятницамъ отъ Свѣтлаго Воскресенія до Всѣхъ Святыхъ; епископъ не позволилъ ему этого, и былъ изгнанъ вторично, пришелъ въ Черниговъ къ Святославу Ольговичу; тотъ утѣшилъ его и отпустилъ въ Кіевъ къ Ростиславу. Но этимъ дѣло не кончилось: не за долго до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, Печерскій игуменъ Поликарпъ съ братією положили ѣсть сыръ, масло, яйца и молоко во всѣ господскіе праздники, если случатся въ среду или пятницу. На это соглашался Святославъ, князь черниговскій и другіе князья и епископы, но митрополитъ запрещалъ и были по этому случаю большіе споры и распри. Тогда Великій князь Мстиславъ Изяславичъ положилъ созвать соборъ изъ всѣхъ епископовъ, игуменовъ, священниковъ и ученыхъ монаховъ, и сошлось ихъ до полутора ста. На соборѣ мнѣнія раздѣлились: одни держались митрополита, между прочими два епископа, Антоній черниговскій и Антоній переяславскій, другіе Поликарпа; но большая часть, не желая досаждать ни митрополиту, ни князьямъ, отговаривались, что не въ состояніи рѣшить этого вопроса, и что положить такъ или иначе зависить отъ митрополита и отъ игуменовъ въ ихъ монастыряхъ; нѣкоторые наконецъ думали, что надобно отослать дѣло на рѣшеніе патріарха Андрей Боголюбскій писалъ къ Мстиславу, что надобно свергнуть митрополита, выбрать русскимъ епископамъ новаго, и потомъ рассмотреть дѣло безпристрастно на соборѣ, представляя, что зависимость отъ патріарха константинопольскаго тяжела и вредна для Руси. Но князь Мстиславъ, зная уже нерасположеніе къ себѣ многихъ князей, и боясь, съ другой стороны, раздражить и епископовъ, оставилъ дѣло безъ рѣшенія; но когда всѣ несогласные съ митрополитомъ епископы разошлись, тогда митрополитъ съ двумя Антоніями, черниговскимъ и переяславскимъ осудилъ Поликарпа на заточеніе; а князь Святославъ Всеволодовичъ черниговскій выгналъ изъ своего города епископа Антонія ¹⁵⁷. Любо-

лытно, что сѣверный лѣтописецъ во взятіи и опустошеніи Кіева войсками Боголюбскаго видитъ наказаніе за грѣхи Кіевлянъ, особенно за неправду митрополита, который запретилъ Поликарпа ¹⁵⁸.

Относительно матеріальнаго благосостоянія церкви, источниками для содержанія митрополита и епископовъ служили: 1) Десятина, которую опредѣляли князья изъ своихъ доходовъ на главныя церкви въ своихъ волостяхъ: такъ еще Св. Владиміръ опредѣлялъ въ пользу кіевской Богородичной церкви десятую часть имѣнія и доходовъ своихъ; о князѣ Ярополкѣ Изяславичѣ волынскомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ давалъ десятину отъ всего своего имѣнія св. Богородицѣ, но безъ точнаго опредѣленія, именно ли въ кіевскую Богородичную церковь давалъ онъ десятину ¹⁵⁹, потому что подъ св. Богородицею могъ разумѣться и монастырь Печерскій, какъ разумѣется онъ послѣ, въ рассказѣ о щедрости того же Ярополка ¹⁶⁰. Андрей Боголюбскій далъ Богородичной владимирской церкви десятины въ стадахъ своихъ и торгъ десятый ¹⁶¹. 2) Недвижимыя имѣнія: кіевской Десятинной церкви принадлежалъ городъ Полонный ¹⁶²; Андрей Боголюбскій далъ владимирской Богородичной церкви городъ Гороховецъ ¹⁶³, кромѣ того далъ слободы и села; и городъ былъ не одинъ: это видно какъ изъ лѣтописи ¹⁶⁴, такъ и изъ письма епископа владимирскаго Симона къ Кіевопечерскому монаху Поликарпу: «Кто не знаетъ, что у меня грѣшнаго епископа Симона соборная церковь во Владимірѣ—красота всего города, да другая въ Суздаль, которую самъ построилъ? Сколько у нихъ городовъ и селъ? и десятину собираютъ по всей той землѣ, и всѣмъ этимъ владѣть наша худость»; по всѣхъ вѣроятностямъ эти доходы шли не на одного митрополита и епископовъ, но также на поддержаніе и украшеніе самихъ церквей, на содержаніе клира, больницъ, богадѣленъ ¹⁶⁵, училищъ. 3) Судныя духовныя пошлыны; 4) Ставленныя пошлыны, взимаемыя за поставленіе священно и церковнослужителей. Относительно содержанія нисшаго духовенства до насъ не дошло никакихъ извѣстій; мы видимъ, что Ярославъ I-й, строя церкви повсюду, назначалъ содержаніе духовенству; должно думать, что и въ послѣдствіи князья и частные люди, строя церковь, назначали извѣстныя имущества или доходы на ея содержаніе и причта. Это всего лучше можно видѣть изъ устав-

ной грамоты новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, данной церкви Св. Іоанна Предтечи на Опокахъ ¹⁶⁶. Въ этой грамотѣ князь Всеволодъ говоритъ, что онъ поставилъ церковь Св. Іоанна на Петратинѣ дворницѣ, снабдилъ ее иконами многоцѣнными и всякими книгами, приставилъ поповъ, дьякона и дьяка, на церковное строеніе далъ отъ имѣнія своего вѣсь вощаной, съ оставленіемъ только части для себя, да въ Торжкѣ пудъ вощаной, половина Св. Спасу, а половина Св. Іоанну. Изъ этого вощанаго вѣсу попы, дьяконъ, дьякъ и сторожа получаютъ свои оброки (годовое жалованье). При этой церкви Св. Іоанна устроена была торговая община; князь Всеволодъ говоритъ въ грамотѣ: «Я поставилъ Св. Іоанну трюихъ старость отъ житыхъ людей, а отъ черныхъ тысяцкаго, отъ купцовъ двоихъ старость, пусть управляютъ всякими дѣлами Ивановскими, и торговыми, и гостинными, и судомъ торговымъ, а посадники и бояре Новгородскіе ни во что Ивановское не вступаются. А кто захочетъ вложиться въ Ивановское купечество, долженъ дать купцамъ пошлымъ (старымъ членамъ общины) вкладу пятьдесятъ гривенъ серебра, а Тысяцкому сукно Ипское, и часть этой суммы купцы должны положить въ казну церковную. Вѣсь вощаной долженъ всегда находиться въ притворѣ Св. Іоанна; вѣшаютъ старосты Ивановскіе, двое купцовъ пошлыхъ, добрыхъ людей, не пошлымъ купцамъ староства не держать и вѣсу не вѣсить Ивановскаго. Потомъ опредѣляется въ грамотѣ величина вѣсовыхъ пошлинъ съ гостей—низовыхъ, полоцкихъ и смоленскихъ, новоторжскихъ и новгородцевъ: низовый гость платилъ больше всѣхъ, полоцкій и смоленскій меньше, Новоторжанинъ еще меньше, свой Новгородецъ меньше всѣхъ.

Кромѣ грамоты, данной церкви Іоанна Предтечи, Всеволодъ далъ Новгороду еще другую, сходную съ уставомъ св. Владиміра съ нѣкоторыми впрочемъ дополненіями и перемѣнами. Въ ней читаемъ: «возвахъ есмь 10 сотскихъ и старосту Болеслава и бирича Мирошку и старосту Иванскаго Васяту, и погадалъ есмь со владыкою и съ своею княгинею и съ своими бояры и со десятью сотскими и съ старостами. Далъ еси судъ и мѣрила въ Новгородѣ св. Софійи и епископу и старостѣ Иванскому и всему Новуграду мѣрила торговая, скалвы вощанья, пуды медовые и гривенку рублевую, и локоть Иванскій и свой оброкъ купецъ.

черн(и)цамъ; а попу Иванскому руская пись съ Борисоглѣбскимъ на полы; и сторожу Иванскому русской порочицы пятно, да десять конюховъ соли. Домъ св. Софїи владыкамъ строити съ сотскими; а старостамъ и торговцамъ докладывая владыки или кто будетъ нашего роду князей въ Новѣградѣ, строити домъ св. Ивана. Торговая вся вѣсы, мѣрила. . . . епископу блюсти безъ пакости, ни умаливати, ни умноживати и на всякій годъ извѣшивати. А скривится, а кому приказано, и того казнити близко смерти, а животь его на трое; треть живота св. Софїи, а другая треть св. Ивану, а третія треть сотскимъ и Новуграду. А се церковныя люди: игумень, игуменїя, попъ, діаконь и дѣти ихъ; а и кто въ крылоси: попадья, чернецъ, черница, поломникъ, (пришлецъ), свѣщегась, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задушный человекъ, изгойской (изгой трои): поповъ сынъ грамотъ не умѣеть, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолажаетъ; а и четвертое изгойство и себе приложимъ: аще князь осиротѣеть.... А се изыскахомъ: у третьей женѣ и у четвертой дѣтямъ прелюбодѣйная часть въ животь. Аще будетъ полнь животомъ, ино дастъ дѣтемъ третїей жены и четвертой по уроку; занеже тѣ и отъ закона отлучени. Изъ велика живота дать урочная часть по оскуду; а изъ мала живота какъ рабочичищу часть, коня да доспѣхъ и покрутъ».

Къ 1137 году относится Уставъ, данный княземъ Святославомъ Ольговичемъ новгородскому Софїйскому собору; въ началѣ его князь Святославъ ссылается на прадѣдовъ и дѣдовъ своихъ, которые установили брать епископамъ десятину отъ даней, вирь и продажъ, отъ всего, что входитъ въ княжой дворъ ¹⁶⁷. Къ 1150 году относятся уставныя грамоты смоленскаго князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила, данныя епископїи смоленской ¹⁶⁸. Вслѣдствїе давняго соединенїя смоленской волости съ переяславскою подъ властїю одного князя церковь смоленская находилась подъ вѣдомствомъ епископа переяславскаго. Это соединенїе должно было имѣть въ послѣдствїи большїя невыгоды уже по самому отдаленїю смоленской волости отъ переяславской, отрѣзываемыхъ другъ отъ друга почти всегда враждебною властїю черниговскою; уже сынъ Мономаха, Мстиславъ имѣлъ намѣренїе учредить въ Смоленскѣ особую епископїю; понятно, что слыть его, смоленскїй князь Ростиславъ спѣшилъ привести въ

исполненіе мысль отцовскую. Ростиславъ говорить въ началѣ грамоты, что онъ устанавливаетъ епископію, посовѣтовавшись съ людьми своими, по повелѣнію отца своего святаго, и для содержанія епископа съ клиросомъ даетъ церкви св. Богородицы и епископу прощениковъ съ медомъ, кунями, и продажами, съ защещеніемъ судить ихъ кому либо другому кромѣ епископа; даетъ церкви и епископу десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что сходится въ нихъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи, виры и кромѣ полюдья. Сверхъ того князь далъ нѣскольکو сель, съ изгоями и съ землею; судъ церковный утвержденъ исключительно за епископомъ. Въ концѣ грамоты Ростиславъ говорить, что если кто захочетъ по зависти приложить опять смоленскую епископію къ перяславской, то князь имѣетъ право отнять все данное на содержаніе епископа.

Эта грамота Ростислава Мстиславича, не представляющая никакихъ несообразностей, не могущая слѣдовательно подать поводъ ни къ какимъ заподозриваніямъ, служить лучшимъ доказательствомъ въ пользу церковныхъ уставовъ Владиміра Св. и Ярослава I-го, потому что, подобно имъ, заключаетъ въ себѣ уставъ о судахъ церковныхъ, принадлежавшихъ епископу. Выше было замѣчено, что необходимо отнести начало церковнаго суда ко временамъ введенія христіанства въ Русь, необходимо отнести первые уставы объ немъ ко временамъ Владиміра и Ярослава, хотя бы и не въ той формѣ, въ какой они дошли до насъ; что же касается до признанія и употребленія этихъ уставовъ въ описываемое время, т. е. отъ 1054 до 1228 года, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Руководствомъ, *кормчею* книгою при церковномъ управленіи и судахъ былъ принятъ у насъ съ самаго начала Номоканонъ, которымъ руководствовалась церковь греческая. Должно думать, что онъ употреблялся въ описываемое время и въ греческомъ подлинникѣ, потому что митрополиты и нѣкоторые епископы были изъ Грековъ, — и въ славянскомъ переводѣ, ибо есть свидѣтельства изъ XVI вѣка о существованіи тогда харатейныхъ славянскихъ кормчихъ, писанныхъ при Ярославѣ I-мъ и сынѣ его Изяславѣ ¹⁶⁹. — Что же касается до правъ духовенства, какъ сословія, то оно было свободно отъ гражданскаго суда, службы и податей гражданскихъ ¹⁷⁰.

Мы видѣли важное значеніе духовенства въ первые времена

введенія христіанской вѣры въ Русь, когда епископы являлись необходимыми совѣтниками князя во всемъ, касавшемся наряда въ странѣ; въ описываемое время это значеніе нисколько не уменьшилось: духовенство принимаетъ сильное участіе въ событіяхъ, въ примиреніяхъ князей, въ утишеніи народныхъ возстаній; мы видѣли, что послѣ ослѣпленія Василька кіевляне отправили къ Мономаху митрополита Николая, который уговорилъ князя помириться съ Святополкомъ; Мономахъ послушался митрополита, ибо чтилъ санъ святительскій, говорить лѣтописецъ. Игуменъ Григорій помѣшалъ войнѣ между Мстиславомъ Владиміровичемъ и Всеволодомъ Ольговичемъ черниговскимъ. Вячеславъ употребилъ митрополита для переговоровъ съ тѣмъ же Всеволодомъ Ольговичемъ. Бѣлгородскій епископъ Θεодоръ и печерскій игуменъ Θεодосій были посредниками при заключеніи мира между великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ и черниговскими князьями. Когда Юрій Долгорукій хотѣлъ выдать Ярославу Галицкому двоюроднаго брата его, Ивана Берладника, на вѣрную гибель, то митрополитъ сталъ говорить Юрію: «грѣхъ тебѣ, поцѣловавши Ивану крестъ, держать его въ такой нуждѣ, а теперь еще хочешь выдать на убійство», — и Юрій послушался митрополита. Когда венгры завладѣли Галичемъ, то митрополитъ поднималъ князей отнять русскую волость у иноплеменниковъ. Митрополитъ Никифоръ для предупрежденія войны между Рюрикомъ Ростиславичемъ и Всеволодомъ III-мъ, взялъ на себя клятву, данную Рюрикомъ зятю своему Роману волинскому, при чемъ сказалъ: «Князь! мы приставлены въ русской землѣ отъ Бога удерживать васъ отъ кровопролитія.» Тотъ же митрополитъ помирилъ послѣ Рюрика съ Романомъ. Тимофей, духовникъ Мстислава Торонецкаго, помирилъ этого князя съ боярами. Въ Новгородѣ архіепископъ не разъ является укротителемъ народныхъ возстаній, примирителемъ враждующихъ сторонъ, посредникомъ между гражданами и князьями. Въ тотъ вѣкъ, когда понятія о народномъ правѣ были слабы, и не стыдились убивать или задерживать пословъ, если рѣчи ихъ не нравились, послами обыкновенно отправлялись духовныя лица, потому что за нихъ менѣе можно было опасаться, при всеобщемъ уваженіи къ ихъ сану.

Въ людяхъ описываемаго времени не трудно замѣтить особенное расположеніе и уваженіе къ монашеству; уваженіе это прио-

брѣли по праву древніе русскіе иноки, особенно иноки Кіевопечерскаго монастыря своими подвигами. Въ тогдашнемъ обществѣ, грубомъ, полуязыческомъ еще, въ которомъ новыя, лучшія понятія, принесенныя христіанствомъ встрѣчали могущественное сопротивленіе, первые монастыри представляли особое, высшее общество, гдѣ новый порядокъ вещей, новая религія проповѣдывалась не словомъ только, но дѣломъ. За стѣнами монастыря грубыми страстями давался полный разгулъ при первомъ удобномъ случаѣ: въ стѣнахъ монастыря—одинъ ѣсть черезъ день просвиру, носить власяницу, никогда не лажеть спать, но вздремнеть иногда сидя, не выходить на свѣтъ изъ пещеры; другой не ѣсть по цѣлымъ недѣлямъ, надѣлъ вериги и закопался по плеча въ землю, чтобъ убить въ себѣ похоть плотскую; третій поставилъ у себя въ пещерѣ жернова, бралъ изъ закромовъ зерновой хлѣбъ и ночью мололъ его, чтобъ заглушить въ себѣ корыстолюбивыя помыслы, и достигъ наконецъ того, что сталъ считать золото и серебро за ничто. Входя въ монастырскіе ворота, мірянинъ переселялся въ иной, высшій міръ, гдѣ все было чудесно, гдѣ воображеніе его поражалось дивными сказаніями о подвигахъ иноческихъ, чудесахъ, видѣніяхъ, о сверхъестественной помощи въ борьбѣ съ нечистою силою; неудивительно, что монастырь привлекалъ къ себѣ многихъ и лучшихъ людей. Какъ скоро равнеся по Кіеву слухъ о подвигахъ Антонія въ пещерѣ, то подвижникъ не могъ долго оставаться одинъ: около него собралась братія; бояре великокняжескіе являлись къ нему, сбрасывали боярскую одежду къ ногамъ игумена и давали обѣтъ нищеты и подвиговъ духовныхъ. Феодосій поддержалъ и усилилъ славу новаго монастыря. Еще Антоній вступилъ во враждебное столкновение съ в. княземъ Изяславомъ: послѣдній, видя, что вельможи покидаютъ его дворъ для тѣсной пещеры Антонія, разсердился на печерскихъ иноковъ, грозилъ выгнать ихъ изъ Кіева и раскопать ихъ пещеры; злобился на Антонія и зарасположеніе его къ Всеславу полоцкому, такъ что Антоній принужденъ былъ искать убѣжища у князя Святослава въ Черниговѣ. Но смотря однако на такія непріязненныя отношенія Изяслава къ монастырю, Феодосій взялъ сторону этого князя противъ брата его Святослава; когда черниговскій князь отнялъ столъ у старшаго брата, и всѣ признали право сильнаго, одинъ игуменъ печерскій не призналъ этого права,

въ одномъ печерскомъ монастырѣ на ектеніяхъ продолжали поминать Изяслава, какъ стольнаго князя и старшаго въ родѣ; Святославъ терпѣлъ и съ уваженіемъ слушалъ увѣщанія Θεодосія. Не одинъ изгнанникъ Изяславъ находилъ въ печерскомъ игуменѣ своего ходатая: обиженный въ судѣ шелъ съ жалобою къ Θεодосію, и судья долженъ былъ перерѣшати дѣло. У себя въ кельѣ Θεодосій ходилъ за больнымъ, разслабленнымъ инокомъ, а ночью, когда все успокаивалось, отправлялся въ иудовскую часть города и тамъ вступалъ въ споры съ врагами своей вѣры. Но кромѣ Антонія и Θεодосія Печерскій монастырь выставилъ рядъ проповѣдниковъ христіанства, еписконовъ, лѣтописцевъ; св. Кукша, св. Леонтій, св. Исаія были его постриженниками: постриженникъ же его Никонъ, убѣгая гнѣва Изяслава, ушелъ въ Тмутаракань, служившій убѣжищемъ для всякаго рода изгнанниковъ, и князей и монаховъ. Христіанство было очень слабо распространено въ Тмутаракани, о монахахъ не имѣли тамъ понятія; дикій народъ объять былъ изумленіемъ, когда увидалъ иноческіе подвиги Никона, толпами сходился смотрѣть на дивнаго челоуѣка, и скоро подчинился его вліянію: скоро мы видимъ этого Никона въ челѣ народа, посредникомъ въ сношеніяхъ его съ княземъ. — Послѣ этого неудивительно читать намъ въ памятникахъ XII вѣка слѣдующія слова: «Подвиги св. монаховъ сіяютъ чудесами больше мірской власти, и ради ихъ мірскіе вельможи преклоняютъ главу свою предъ монахами.» Епископъ Симонъ пишетъ къ печерскому иноку Поликарпу: «Смотри, какъ уважаютъ тебя здѣсь и князья, и бояре, и всѣ друзья твои ¹⁷¹.»

Монастыри распространялись и по другимъ городамъ: упоминаются монастыри въ Туровѣ, Переяславлѣ, Черниговѣ, Владимирѣ Волинскомъ, въ княжествѣ галицкомъ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ, Новгородѣ Великомъ. Основаны были и женскіе монастыри: въ 1086 году в. князь Всеволодъ Ярославичъ перестроилъ въ Киевѣ монастырь Андреевскій, гдѣ постриглась дочь его дѣвица — Янка; она собрала около себя много монахинь и жила съ ними по монастырскому чину ¹⁷². Предслава, дочь полоцкаго князя Георгія Всеславича ¹⁷³ въ молодости ушла въ монастырь, гдѣ уже была монахинею тетка ея, жена Романа Всеволодовича, постриглась здѣсь подъ именемъ Евфросиніи, сначала выпросила у епископа позволеніе жить при соборной Софійской церкви въ го-

лубцѣ, гдѣ проводила время въ списываніи книгъ, продавала ихъ и выручаемыя деньги раздавала нищимъ, потомъ основала свой монастырь при церкви св. Спаса, гдѣ постригла родную и двоюродную сестру (дочь Бориса Всеславича) и двухъ племянницъ; наконецъ захотѣла видѣть Іерусалимъ, гдѣ и скончалась въ рускомъ Богородичномъ монастырѣ ¹⁷⁴. Но не одни княжны и вдовья княгини постригались въ полномъ здоровьѣ; встрѣчаемъ и князя, произвольно оставившаго волость и постригшагося въ Киевопечерскомъ монастырѣ: то былъ извѣстный уже намъ по лѣтописи Святоша, или Святославъ—Николай Давыдовичъ Черниговскій. Три года пребылъ онъ въ поварнѣ монастырской, работая на братію, рубя дрова и нося ихъ на своихъ плечахъ съ берега въ монастырь; потомъ три года служилъ привратникомъ, наконецъ перешелъ на службу при трапезѣ. По окончаніи искуса перешелъ жить въ свою келлію, при которой развелъ садъ, и никогда во всю жизнь не видали его празднымъ, но всегда имѣлъ онъ въ рукахъ какое-нибудь дѣло; питался онъ постоянно одною монастырскою пищею ¹⁷⁵.

Для содержанія своего, монастыри уже въ то время имѣли недвижимыя имуществва, такъ, наприм., князь Ярополкъ Изяславичъ далъ Киевопечерскому монастырю три волости ¹⁷⁶; дочь его дала пять селъ и съ челядью; Ефромъ епископъ суздальскій далъ тому же монастырю дворъ въ Суздаль съ церковію св. Дмитрія и съ селами ¹⁷⁷. До насъ дошла въ подлинникѣ грамота в. князя Мстислава Владиміровича (1128—1132 г.) новгородскому Юріеву монастырю на волость съ данями, вирами и продажами и на нѣкоторую часть княжескихъ доходовъ ¹⁷⁸. Отъ конца XII вѣка дошла до насъ подлинная вкладная грамота преподобнаго Варлаама Хутынскому монастырю на земли, рыбныя и птичьи ловли ¹⁷⁹. Должно думать, что всякій постригавшійся, если имѣлъ состояніе, приносилъ какой-нибудь вкладъ въ монастырь движимымъ или недвижимымъ имуществомъ; кромѣ того и другіе набожные люди давали въ монастыри деньги и разныя другія цѣнныя вещи; раздавать милостыню по монастырямъ было въ обычаѣ у князей: Глѣбъ Всеславичъ Полоцкій далъ Киевопечерскому монастырю 600 гривенъ серебра и 50 золота; по его смерти жена его дала 100 гривенъ серебра и 50 золота. Монахи въ монастыряхъ удерживали при себѣ имущество, отъ чего были монахи богатые и бѣдные:

такъ напримѣръ, въ Патерикѣ разсказывается, что когда умеръ одинъ инокъ, по имени Аеанасій, то никто изъ братіи не хотѣлъ похоронить его, потому что онъ былъ бѣденъ; также читаемъ, что инокъ Ѳеодоръ вступилъ въ монастырь, раздавши все свое имѣніе нищимъ, но потомъ сталъ жалѣть о розданномъ: тогда другой инокъ Василій сказалъ ему: «Если ты хочешь имѣть, то возьми все, что у меня есть.» Третій инокъ Арефа имѣлъ много богатства въ своей келліи, и никогда ничего не подавалъ нищимъ.

Относительно управленія встрѣчаемъ извѣстія объ игуменахъ (архимандритахъ): экономахъ и келаряхъ ¹⁸⁰. Избраніе игуменовъ зависѣло отъ братіи, при чемъ иногда происходили возстанія и насильственные смѣны игуменовъ. Иногда монахи выбирали себѣ въ игумены изъ блага духовенства; подъ 1112 годомъ читаемъ въ лѣтописи: «Братія Кіево-печерскаго монастыря, оставшись безъ игумена, собрались и нарекли себѣ игуменомъ Прохора священника (попина); объявили объ этомъ митрополиту и князю Святополку, и князь съ радостію велѣлъ митрополиту поставить Прохора.» Подъ 1182 годомъ встрѣчаемъ слѣдующій разсказъ: «Умеръ блаженный архимандритъ, игуменъ Печерскій Поликарпъ, и былъ посмерти его мятежъ въ монастырѣ: никакъ не могли избрать себѣ игумена, и братія очень тужила, потому что такому сильному дому не подобало и одного часу быть безъ пастуха. Во вторникъ ударили братья въ било, сошлись въ церковь, начали молиться св. Богородицѣ—и чудо! въ одинъ голосъ сказали всѣ: «пошлемъ къ попу Василью на Щековицу, чтобъ былъ игуменомъ и управителемъ стаду черноризцевъ Печерскаго монастыря.» Пришли къ Василью, поклонились и сказали ему: «мы вся братья и черноризцы кланяемся тебѣ и хотимъ имѣть тебя отцемъ игуменомъ.» Попъ Василій изумился, поклонился имъ и сказалъ: «Отцы и братія! мысль о постриженіи была у меня; но съ какой же стати вы придумали выбрать меня себѣ въ игумены?» Много спорилъ онъ съ ними, наконецъ согласился, и монахи повели его въ монастырь. Касательно отношенія Кіево-печерскаго монастыря къ в. князю кіевскому, замѣчательны слова св. Ѳеодосія, сказанныя имъ предъ кончиною князю Святославу: «Се отхожу свѣта сего, и се предаю ти монастырь на соблюденіе, еда будетъ что смятеніе въ немъ; и се поручаю игуменство Стефану, не дай его въ обиду.» Но въ нѣкоторыхъ рукописныхъ патерикахъ прибавлено: «и да не

обладаетъ имъ ни архіепископъ, ни инъ никто же отъ клерикъ Софійскихъ, но точію завѣдуетъ имъ твоя держава и по тебѣ дѣти твои и до послѣднихъ роду твоему.» Согласно съ этимъ есть преданіе, что Андрей Боголюбскій утвердилъ независимость Печерскаго монастыря отъ кievскаго митрополита, назвавши монастырь лаврою и ставропигією княжескою и патриаршею ¹⁸¹.

Говоря о нравственномъ состояніи общества, необходимо обратить вниманіе на юридическія понятія, господствовавшія въ немъ въ извѣстное время. Къ уставамъ, явившимся безспорно въ описываемое время на Руси, принадлежитъ во первыхъ, измѣненіе сдѣланное сыновьями Ярослава I-го въ Правдѣ отца ихъ относительно мести за убійство: въ Правдѣ говорится, что трое Ярославичей, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ собрались вмѣстѣ съ мужами своими (тысяцкими) и отложили убіеніе за голову, но опредѣлили убійцѣ откупаться кунами, во всемъ же остальномъ положили держаться суда Ярославова: такимъ образомъ родовая месть, самоуправство, остатокъ прежней родовой особы, перестаетъ существовать на Руси юридически въ началѣ второй половины XI вѣка; но убійство, совершенное по личнымъ отношеніямъ одного члена общества къ другому, случайно, въ ссорѣ, дракѣ, на пиру, въ нетрезвомъ видѣ, продолжаетъ считаться дѣломъ частнымъ, не считается уголовнымъ преступленіемъ; убійца такого рода продолжаетъ попрежнему считаться полноправнымъ членомъ общества; только разбойника, одинаково всѣмъ опаснаго, общество не хочетъ держать у себя, но отдаетъ князю на потокъ со всѣмъ семействомъ. Такимъ образомъ убійство перваго рода не мекло болѣе за собою ни частной, ни общественной мести, наказанія; что убійства такого рода были нерѣдки, доказательствомъ служить обычай соединяться для платежа виры, вкладываться въ дикую виру ¹⁸². Какъ новость, сравнительно съ предыдущимъ временемъ, встрѣчаемъ извѣстіе о поединкѣ, въ значеніи судебного доказательства. Къ описываемому же времени относятся ограниченіе ростовъ, сдѣланное Мономахомъ, по поводу, какъ видно, злоупотребленій, какія позволили себѣ по этому предмету Жиды въ княженіе Святополка. Большіе росты бывають обыкновенно слѣдствіемъ неувѣренности въ возвращеніи капитала, неудовлетворительнаго состоянія правосудія въ странѣ. Относительно послѣдняго мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ

громкія жалобы; мы видѣли главную причину этого явленія въ частыхъ перемѣщеніяхъ княжескихъ изъ одной волости въ другую: съ описываемаго времени, со времени господства родовыхъ княжескихъ отношеній, дружинники или челядинцы княжеокіе привыкли смотрѣть на отправленіе правительственной или судейской должности, какъ на кориленіе, слѣд. привыкли извлекать изъ этихъ должностей всевозможную для себя пользу, не будучи ничѣмъ связаны съ волостію, гдѣ были пришельцами; для уясненія себѣ этихъ отношеній мы должны представить себѣ стариннаго дружинника, отправляющаго правосудіе за князя, въ видѣ стариннаго ратника, стоящаго на постой. При Всеволодѣ Ярославичѣ лѣтописецъ жалуется на разореніе земли вслѣдствіе дурнаго состоянія правосудія; при Святополкѣ не имѣемъ права ожидать лучшаго; подъ 1138 годомъ читаемъ, что была пагуба Посульцамъ (жителямъ береговъ Сулы рѣки) частію отъ Половцевъ, частію отъ своихъ посадниковъ; при Всеволодѣ Ольговичѣ тиуны разорили Кіевъ и Вышгородъ; при Ростиславичахъ на сѣверѣ посадники, поставленные изъ южнорусскихъ *дѣтскихъ*, разорили владимірскую волость; лучшимъ доказательствомъ дурнаго состоянія правосудія на Руси въ описываемое время служить понятіе, какое имѣли современники о тиунѣ: въ словѣ Данила Заточника читаемъ: «не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, потому что *тиунъ* его какъ огонь, а *рядовичи* его какъ искры»¹⁸³. Дошло до насъ любопытное извѣстіе, какъ однажды Полоцкій князь спрашивалъ священника: какаѣ судьба ожидаетъ тиуна на томъ свѣтѣ? тиунъ несправедливо судить, взятки беретъ, людей отягощаетъ, мучитъ¹⁸⁴? Названіе должностнаго лица *ябедникъ* приняло также дурное значеніе. Не умѣя или не желая объяснить такое дурное состояніе правосудія, лѣтописецъ принужденъ сказать, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много!

Мѣрломъ нравственнаго состоянія общества могутъ служить также понятія о народномъ правѣ. Мы видѣли, что вести войну значило причинять непріятельской волости какъ можно больше вреда—жечь, грабить, бить, отводить въ плѣнъ; если плѣнные непріятельскіе ратники отягощали движеніе войска, были опасны при новыхъ встрѣчахъ съ врагомъ, то ихъ убивали¹⁸⁵; иногда князья послѣ войны уговаривались возвратитъ все взятое съ обѣихъ сторонъ¹⁸⁶, но есть примѣръ, что князь послѣ войны уводитъ жи-

телей цѣлаго города, имъ взятаго, и селить ихъ въ своей волости ¹⁸⁷. Въ способѣ веденія войны у себя, въ русскихъ областяхъ и въ чужихъ странахъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ, не видимъ никакой разницы. При заключеніи мира употреблялась клятва — крестное цѣлованіе, утвержденіе дѣдовское и отцовское, по словамъ князей ¹⁸⁸, и грамоты съ условіями мира назывались потому *крестными*. Нарушенія клятвы встрѣчаемъ часто, особенно были знамениты ими два князя: Владимірко галицкій и младшій сынъ Мстислава Великаго, Владиміръ; твердостью въ клятвѣ славился Мономахъ; но и онъ разъ позволилъ уговорить себя нарушить клятву относительно половецкихъ хановъ на томъ основаніи, что поганые также безпрестанно нарушаютъ клятву; сынъ Мономаха Мстиславъ, несмотря на разрѣшеніе духовенства, всю жизнь раскаивался въ томъ, что нарушилъ клятву, данную Ярославу черниговскому; изъ послѣднихъ князей за твердое сохраненіе клятвы лѣтописецъ хвалитъ Глѣба Юрьевича. Война объявлялась отсылкою крестныхъ грамотъ ¹⁸⁹. Мы упоминали, что посланцы отправлялись часто духовныя лица, какъ подвергавшіяся меньшей опасности: но Всеволодъ III не усумнился задержать священниковъ, присланныхъ къ нему для переговоровъ Святославомъ черниговскимъ; Мстиславъ Храбрый велѣлъ остричь голову и бороду послу Боголюбскаго; Изяславу послу, Петру Бориславичу, не дали въ Галичѣ ни повозки, ни корма, и онъ боялся дальнѣйшихъ притѣсненій отъ Владимірка; впрочемъ было признано, что убивать посла не слѣдуетъ: когда владимирцы (на Воляни) хотѣли убить священника, присланнаго отъ Игоревичей галицкихъ, то пріятели послѣднихъ стали говорить, что не подобаетъ убить посла ¹⁹⁰. Христіанство, разумѣется, дѣйствовало и здѣсь благотельно: Игорь свѣрскій признается, что отдавъ на щить городъ Глѣбовъ, не пощадивши христіанъ, онъ сдѣлалъ великій грѣхъ, за который Богъ отомстилъ ему плѣномъ у половцевъ; Мономахъ, заключилъ миръ съ Глѣбомъ минскимъ, не желая, чтобы кровь христіанская проливалась въ великій постъ; по воскресеньямъ не дѣлали приступовъ къ городамъ ¹⁹¹; Всеволодъ Ольговичъ, исполнившись страха Божія, по словамъ лѣтописца, не хотеть пользоваться пожаромъ въ Переяславлѣ, чтобъ взять этотъ городъ; такую же совѣстливость обнаруживаютъ Ростиславичи въ борьбѣ съ Юрьевичами послѣ Липецкой битвы.

Повсюду, и между князьями и между простыми людьми, видимъ борьбу новыхъ лучшихъ, христіанскихъ понятій и стремленій со страстями, слабо обуздываемыми въ новорожденномъ обществѣ, и съ прежними языческими обычаями. Въ жизни многихъ князей замѣчаемъ сильное религіозное направленіе: Мономахъ былъ религіозенъ не на словахъ только, не въ наставленіяхъ только дѣтямъ: по словамъ лѣтописца, онъ всею душею любилъ Бога и доказывалъ это на дѣлѣ, храня заповѣди Божіи, имѣя всегда страхъ Божій въ сердцѣ, будучи милостивъ немовѣрно; данъ былъ ему отъ Бога такой даръ, прибавляетъ лѣтописецъ, что когда онъ входилъ въ церковь и слышалъ пѣніе, то не могъ удерживаться отъ слезъ. Мы видѣли иноческіе подвиги Святослава Давыдовича черниговскаго, религіозное направленіе Ростислава Мстиславича, христіанскую кончину Ярослава галицкаго. Но у нѣкоторыхъ благочестіе ограничивалось только внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ, и когда дѣло шло объ удовлетвореніи страстямъ, то на заповѣди религіи и на служителей ея обращали мало вниманія: братъ Мономаха, Ростиславъ не усумнился умертвить св. инока Григорія за обличеніе; Святополкъ Изяславичъ былъ благочестивъ, уважалъ монастырь Кіевопечерскій и его иноковъ; но когда дѣло шло объ удовлетвореніи корыстолюбія, то мучилъ этихъ самыхъ монаховъ, гналъ пугумена за обличенія; сынъ его Мстиславъ умертвилъ св. Ѳеодора и Василя. Владимірко галицкій, наругавшись надъ клятвою, сказавши: «что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ?» пошелъ въ церковь къ вечернѣ; не шадя сокровищъ для сооруженія и украшенія церкви, не считали за грѣхъ жечь и грабить церкви въ волостяхъ непріятельскихъ. Въ слѣдъ за людьми, которые шли въ монастырь для борьбы со страстями, шли туда же люди для удовлетворенія страстямъ своимъ: въ духовныхъ посланіяхъ XII вѣка встрѣчаемъ сильные укоры монахамъ, которые милуютъ свое тѣло, перемѣняютъ платье, подъ предлогомъ праздниковъ учреждаютъ особую трапезу съ пивомъ, и долго сидятъ за нею, ищутъ надъ старѣшими взять свою волю, собираются въѣсть не Бога ради, не для того, чтобъ разсуждать о пользѣ, но для яростныхъ споровъ, для безстыдныхъ нападеній на эконома и келаря¹⁹². Пастыри церкви вооружаются противъ обычаевъ давать въ монастыряхъ пиры, на которые созываются мужчины и женщины¹⁹³. Споръ, такъ сильно и долго занимавшій русское

общество, споръ о томъ, что ѣсть въ извѣстные дни, принадлежить также къ характеристическимъ явленіямъ эпохи.

Вооружаясь противъ уклоненій отъ правилъ христіанской нравственности, церковь должна была вооружаться противъ старыхъ языческихъ понятій и обычаевъ, которые были еще такъ сильны въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, особенно въ низшемъ его слое. Мы видѣли, какъ въ Новгородѣ весь простой народъ отошелъ къ волхву, и только князь съ дружиною сталъ подлѣ епископа; встрѣчаемъ извѣстіе, что въ описываемое время продолжали приносить жертвы бѣсамъ (т. е. прежнимъ божествамъ), болотамъ и колодцамъ, что были люди, которые имѣли по двѣ жены, что простой народъ не бралъ для брака благословенія церковнаго, считая это обрядомъ, установленнымъ только для князей и бояръ, и довольствовался однимъ языческимъ обрядомъ плесканія, что женщины носили больныхъ дѣтей къ волхвамъ, и если замѣчали охлажденіе любви въ мужѣ, то омывали тѣло свое водою, и эту воду давали пить мужу¹⁹⁴. Особенно трудно было изгнать память о древней религіи изъ народныхъ увеселеній, пѣсень, плясокъ, игръ, которыя были языческаго происхожденія; вотъ почему церковь изначала такъ сильно стала вооружаться противъ этихъ увеселеній: «развѣ мы не погански живемъ, говорить лѣтописецъ¹⁹⁵, когда во встрѣчу вѣруемъ? Если кто встрѣтитъ черноризца на дорогѣ, то возвращается назадъ; развѣ это не значитъ поступать по-язычески? Вѣдь это все ведется по дьяволу наученію; другіе и чиханью вѣруютъ, будто бы оно бываетъ на здоровье головѣ. Всѣми этими обычаями дьяволъ отвлекаетъ насъ отъ Бога, трубами, скороухами, гуслими, русальями. На игрищахъ видимъ множество людей: какъ начнутъ бороться другъ съ другомъ, то сбѣгаются смотрѣть на дѣло, отъ дьявола замышленное, а церкви стоять пусты: въ часъ молитвы мало найдешь народу въ церкви.»—Изъ этихъ словъ лѣтописца видно, что любимымъ народнымъ зрѣлищемъ въ его время были борьбы, или кулачные бои.

Касательно семейной нравственности мы встрѣчаемъ въ лѣтописи похвалу двумъ князьямъ за соблюденіе тѣлесной чистоты: о Всеволодѣ Ярославичѣ говорится, что онъ воздерживался отъ пьянства и отъ похоти, да о Святославѣ Всеволодовичѣ говорится, что онъ сохранялъ чистоту тѣлесную. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописи говорится о Святополкѣ Изяславичѣ, что онъ

имѣлъ дѣтей отъ наложницы; въ Татищевскомъ сводѣ лѣтописей находимъ другіе подобныя примѣры ¹⁹⁶. Уваженіе къ старшимъ въ родѣ было провозглашаемо постоянно какъ добродѣтель, уклоненія отъ которой подвергаются сильнымъ укоризнамъ; но мы видѣли, что эти уклоненія были часты. Видимъ нѣсколько примѣровъ непослушанія волѣ отцовской: примѣръ Андрея Боголюбскаго, ушедшаго, безъ отцовскаго согласія, съ юга на сѣверъ; примѣръ Олега Святославича черниговскаго, который безъ отцовскаго вѣдома, присталъ къ Изяславу Давыдовичу ¹⁹⁷; примѣръ Константина Всеволодовича, отказавшагося выполнить отцовскую волю относительно волостей. Относительно важнаго вопроса о положеніи женщины въ древнемъ русскомъ обществѣ мы встрѣчаемъ очень скудныя извѣстія въ памятникахъ, дошедшихъ отъ описываемаго времени. Видимъ, что княгини имѣли свое имущество, движимое и недвижимое, распоряжались имъ по произволу, какъ напримѣръ распорядилась жена князя Глѣба Всеславича полоцкаго, отдавши свои деньги и волости Кіевопечерскому монастырю; жена Святополка Изяславича раздаетъ по смерти его большое богатство по монастырямъ, церквамъ и нищимъ. Объ уваженіи, какое оказывалось женщинамъ родственниками, свидѣтельствуемъ примѣръ Мономаха, который послушался увѣщаній матчи своей, при чемъ лѣтописецъ говоритъ: «преклонилъ оцъ на мольбу княгинину, потому что почиталъ ее какъ мать.» Объ уваженіи и любви, которыми пользовались княгини въ семьѣ своей и среди гражданъ, можемъ видѣть изъ описанія кончины княгини Маріи, жены Всеволода III-го: «Постриглась великая княгиня въ монашескій чинъ, въ монастырѣ Св. Богородицы, который сама построила, и проводилъ ее до монастыря самъ великій князь Всеволодъ со многими слезами, сынъ его Георгій, дочь Верхослава, жена Ростислава Рюрикovichа, которая пріѣзжала тогда къ отцу и матери; былъ тутъ епископъ Іоаннъ, духовникъ ея игумень Симошь, и другіе игумены и чернецы всѣ, и бояре всѣ и боярыни, и черницы изъ всѣхъ монастырей, и горожане всѣ проводили ее со слезами многими до монастыря, потому что была до всѣхъ очень добра. Въ этомъ же мѣсяцѣ она умерла, и плакалъ надъ нею великій князь, и сынъ его Юрій плакалъ и не хотѣлъ утѣшиться, потому что былъ любимъ ею» ¹⁹⁸. О вліяніи княгинь на событія, какъ совѣтницъ мужей своихъ, указываетъ извѣстіе о

поступкѣ князя Святослава Всеволодовича съ Ростиславичами подъ 1180 годомъ: Святославъ, сказано въ лѣтописи, напалъ на Давыда Ростиславича, посовѣтовавшись только съ княгинею да съ любимцемъ своимъ Кочкаремъ, и не сказавши своей думы лучшимъ мужамъ своимъ. Изъ отзыва лѣтописца впрочемъ можно усмотрѣть, что такой поступокъ Святослава возбуждалъ всеобщее негодование въ обществѣ, являлся исключеніемъ изъ принятаго обычая совѣтоваться обо всемъ съ дружиною. О вліяніи княгини на дѣла можетъ указывать также приведенное выше мѣсто изъ письма епископа Симона къ чернецу Поликарпу о томъ, что княгиня Верхослава старается доставить Поликарпу епископство, не жаль издержекъ. Но всѣ эти извѣстія не могутъ дать намъ понятія объ отношеніяхъ обоихъ половъ, о жизни женщины въ обществѣ; ибо княгини и вообще матери семействъ имѣли точно такое же важное значеніе и послѣ въ московскомъ государствѣ, гдѣ однако, въ высшихъ слояхъ общества, женщина жила въ удаленіи отъ мужчины. Въ этомъ отношеніи важно для насъ свидѣтельство, приведенное выше, объ обычаяхъ устроить въ монастыряхъ пиры, куда собирались мужчины и женщины, также вопросъ черноризца Іакова митрополиту Іоанну—позволять ли на пирахъ цѣловаться съ женщинами. Мономахъ, въ наставленіи дѣтямъ, касается и отношеній мужа къ женѣ, онъ говоритъ: «Женъ своихъ любите, но не давайте имъ власти надъ собою.» Но въ какомъ отношеніи находилось это правило, извлеченное изъ извѣстнаго посланія Апостольскаго, къ обычаю, рѣшить нельзя. Какъ христіанскія понятія содѣйствовали возвышенію женщины, показываетъ вопросъ извѣстнаго Кирика и отвѣтъ на него епископа Нифонта¹⁹⁹: Кирикъ спрашиваетъ: «Если случится, что женскій платокъ будетъ вшитъ въ платье священническое, то можно ли священнику служить въ этомъ платьѣ?» Нифонтъ отвѣчаетъ: «Можно: развѣ женщина погана?»

Что же касается вообще до состоянія нравственности въ описываемое время на Руси, то, принявши въ соображеніе время, обстоятельства и состояніе нравственности другихъ европейско-христіанскихъ народовъ въ описываемое же время, историкъ не можетъ произнести очень строгаго приговора древнему русскому обществу до тридцатыхъ годовъ XIII-го вѣка. Въ это время на первомъ планѣ видимъ княжескія усобицы, но много ли насиль-

ственныхъ, кровавыхъ поступковъ замѣчаемъ въ этихъ усобицахъ? Убіеніе Ярополка Изяславича, ослѣпленіе Василька, братоубійство между рязанскими князьями, убіеніе Игоря Ольговича Кіевлянами, убіеніе Андрея Боголюбскаго приближенными къ нему людьми, повѣшеніе Игоревичей Галицкими боярами, ослѣпленіе (по всѣмъ вѣроятностямъ, мнимое) Ростиславичей во Владимирѣ Залѣскомъ. Важное дѣло, когда князья постоянно толкуютъ, что они братья, и потому обязаны жить дружно, а не враждовать, защищать русскую землю отъ враговъ, а не проливать кровь христіанскую въ усобицахъ. Пусть намъ скажутъ, что слова были въ разладѣ съ дѣломъ; мы отвѣтимъ, что и слова имѣютъ силу, когда безпрестанно повторяются съ убѣжденіемъ въ ихъ правдѣ, когда ихъ повторяютъ и сами князья, и духовенство, и народъ, отказывающійся принимать участіе въ усобицахъ; если эти слова не могли прекратить усобицъ, то, по крайней мѣрѣ, могли смягчать ихъ; важное дѣло когда притѣсненный князь могъ грозить притѣснителю напоминаніемъ, что поведеніе его похоже на поведеніе Святополка Окаяннаго; важное дѣло, когда князья ужасались и плакали объ ослѣпленіи Василька, говоря, что такого зла не бывало въ русской землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ ихъ; очень важно, когда Изяславъ Мстиславичъ жалуется на кіевлянъ за убійство Игоря Ольговича, говоря, что ему теперь не уйти отъ нареканій. Отношенія между княземъ, дружиною и городонымъ народонаселеніемъ были вообще довольно мягки, окольо могли быть, разумѣется, при тогдашней неопредѣленности: «Если уйдемъ сами, говоритъ Игорь Сѣверскій съ братьею, а черныхъ людей оставимъ, то грѣхъ будетъ намъ предъ Богомъ»²⁰⁰. Впрочемъ при внимательномъ изученіи лѣтописи можно усмотрѣть большую жесткость въ нравахъ на востокъ и сѣверо-востокъ отъ Днѣпра; вообще замѣчаемъ большую жесткость въ княжескомъ племени Святославичей черниговскихъ, еще большую въ линіи этихъ Святославичей, которая утвердилась на дальнѣйшемъ востокѣ, въ областѣ муромской и рязанской, замѣчаемъ на сѣверо-востокѣ большую жесткость въ самыхъ формахъ, въ самыхъ выраженіяхъ.

Мы видѣли, какъ вмѣстѣ съ христіанствомъ привилась на Русь грамотность, и принялась крѣпко; почва нашлась удобная; въ описываемое время мы не видаемъ препятствій къ распространенію грамотности, напротивъ видимъ обстоятельства благоприят-

ствуюція; связь съ Византією постоянная; оттуда приходятъ митрополиты и епископы; греческія царевны выходятъ замужъ за нашихъ князей, наши княжны выходятъ за греческихъ царевичей, путешествуютъ въ Константинополь, въ Іерусалимъ, какъ напр.: Янка Всеволодовна, Св. Евфросинія Полоцкая; путешествуютъ въ Іерусалимъ духовныя лица, простые люди; страсть къ паломничеству такъ усилилась, что духовенство начало вооружаться противъ нея, прямо запрещая отправляться въ Іерусалимъ, увѣщевая вести христіанскую жизнь на мѣстѣ жительства, накладывая даже епитимьи на дающихъ обѣты идти въ Іерусалимъ: эти обѣты, говорило духовенство, губятъ землю нашу. Частыя и тѣсныя сношенія съ Польшею и Венгрією открывали въ Русь доступъ и латинскому языку. Не забудемъ, что просвѣщеніе было тѣсно соединено съ религією: кто больше читалъ, тотъ, значило, былъ больше утверждёнъ въ вѣрѣ; отсюда религіозное направленіе, столь могущественное, необходимо влекло за собою стремленіе къ распространенію грамотности, пріобрѣтенію книгъ. Сынѡвья и внуки Ярослава I наслѣдовали его ревность къ распространенію книжнаго ученія. Сынъ его Святославъ собиралъ книги, которыми наполнилъ свои кѣлти; изъ этихъ книгъ дошло до насъ два сборника ²⁰¹. Другой сынъ Ярослава I, Всеволодъ говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ, которые онъ изучилъ сидя дома, какъ выражается сынъ его, Мономахъ, и этимъ даетъ знать, что Всеволодъ изучилъ языки не по необходимости во время странствованія по чужимъ землямъ, но единственно изъ любознательности; Мономахъ говоритъ при этомъ, что знаніе языковъ доставляетъ почетъ отъ иностранцевъ. Религіозная начитанность Мономаха видна изъ его сочиненій. Святославъ (Святоша) Давыдовичъ собиралъ книги, которыя подарилъ Кіевопечерскому монастырю; по его побужденію инокъ Феодосій перевелъ съ греческаго посланіе Льва, папы римскаго къ Флавіану, архіепископу константинопольскому ²⁰². Въ сводѣ лѣтописей Татищева, въ подлинности которыхъ нѣтъ основанія сомнѣваться, часто встрѣчаемъ извѣстія объ образованности князей, напр., о Святославѣ Ростиславичѣ говорится, что онъ зналъ греческій языкъ и книги охотно читалъ, о Святославѣ Юрьевичѣ, что онъ охотникъ былъ читать, и милостиво принималъ ученыхъ людей, приходившихъ изъ Греціи и странъ западныхъ, часто съ ними разговаривалъ и спо-

рилъ ²⁰²; о Романѣ Ростиславичѣ смоленскомъ, что онъ многихъ людей понуждалъ къ ученію, устроилъ училища, при которыхъ содержалъ учителей, греческихъ и латинскихъ, на свой счетъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ; на это онъ издержалъ все свое имѣніе, такъ что по смерти его ничего не осталось въ казні, а Смоленяне похоронили его на свой счетъ ²⁰⁴. Михаилъ Юрьевичъ, по словамъ того же свода лѣтописей, очень хорошо зналъ Св. Писаніе, съ Греками и Латинами говорилъ на ихъ языкахъ также свободно, какъ по-русски, но не любилъ спорить о вѣрѣ. О Ярославѣ Владиміровичѣ галицкомъ говорится, что онъ зналъ иностранные языки, читалъ много книгъ, такъ что могъ самъ наставлять правой вѣрѣ, понуждалъ духовенство учить мірянъ, опредѣлялъ монаховъ учителями, и монастырскіе доходы назначалъ для содержанія училищъ ²⁰⁵. О Константиѣ Всеволодовичѣ въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ говорится, что онъ всѣхъ умудрялъ духовными бесѣдами, потому что часто и прилежно читалъ книги ²⁰⁶; а въ Татищевскомъ сводѣ лѣтописей говорится, что онъ былъ очень ученъ, держалъ при себѣ людей ученыхъ, накупалъ много старинныхъ книгъ греческихъ дорогою цѣною и велѣлъ переводить ихъ на русскій языкъ, собиралъ извѣстія о дѣлахъ древнихъ славныхъ князей, самъ писалъ и другіе съ нимъ трудились; однихъ греческихъ книгъ было у него болѣе тысячи, которыя частію самъ купилъ, частію получалъ въ даръ отъ патріарховъ ²⁰⁷.

Если при Владимірѣ и Ярославѣ посылали дѣтей учиться къ священникамъ при церквахъ, то обычай этотъ долженъ былъ продолжаться и распространяться въ описываемое время; имѣемъ полное право принять извѣстіе о существованіи училищъ при церквахъ, дворахъ епископскихъ, и заводимыхъ князьями на свой счетъ; также извѣстіе, что въ этихъ училищахъ учили греческому языку, ибо для утвержденія въ вѣрѣ необходимо было распространять переводы духовныхъ книгъ съ греческаго языка; училища эти служили и для образованія священниковъ, на что прямо указываетъ приведенное извѣстіе о цѣли училища, устроеннаго въ Смоленскѣ княземъ Романомъ Ростиславичемъ; встрѣчаемъ также извѣстіе объ училищахъ на Волыни ²⁰⁸. Что духовенство описываемаго времени ясно понимало необходимость образованія для своего сословія, видно изъ слѣдующихъ словъ

одного духовнаго лица XII вѣка: «Если властели міра сего и люди, занятыя заботами житейскими обнаруживаютъ сильную охоту къ чтенію, то тѣмъ больше нужно учиться намъ, и всѣмъ сердцемъ искать свѣдѣнія въ словѣ Божіемъ, писанномъ о спасеніи душъ нашихъ»³⁰⁹. Этими словами всего лучше подтверждаются приведенныя извѣстія о любви къ чтенію и вообще образованности князей.

Какіе же дошли до насъ памятники этой образованности? Мы видѣли, что уже при Ярославѣ I-мъ Русскіе люди начали испытывать свои силы въ собственныхъ сочиненіяхъ религіознаго содержанія, видѣли этотъ первый опытъ, сдѣланный первымъ нашимъ митрополитомъ изъ Русскихъ, Иларіономъ; при означенныхъ выше благопріятныхъ условіяхъ для грамотности въ описываемое время, имѣемъ право ожидать большаго числа подобныхъ памятниковъ; и дѣйствительно до насъ дошелъ рядъ сочиненій религіознаго содержанія, принадлежащихъ извѣстнѣйшимъ духовнымъ лицамъ эпохи. Большая часть ихъ составляютъ поученія, обращенныя къ одному какому-нибудь лицу по извѣстному случаю, или къ цѣлому народу, къ цѣлой цаствѣ. Изъ первыхъ упомянемъ объ отвѣтѣ св. Θεодосія печерскаго на вопросъ великаго князя Изяслава, слѣдуетъ ли въ день воскресный закалать животныхъ и употреблять ихъ мясо? Θεодосій отвѣчаетъ, что послѣ того, какъ Господь сошелъ на землю, жидовское все умолкло. Нѣтъ грѣха закалать животныхъ въ воскресенье; если же будемъ закалать въ субботу, а ѣсть въ воскресенье, то это явное жидовство. Потомъ Θεодосій говоритъ, въ какіе дни слѣдуетъ поститься. На вопросъ великаго князя Изяслава о вѣрѣ Латинской или Варяжской Θεодосій отвѣчалъ: Вѣра ихъ ада и законъ ихъ не чистъ: они иконъ не цѣлуютъ, въ востъ мясо ѣдятъ, на опрѣснокахъ служатъ; христіанамъ не слѣдуетъ отдавать за нихъ дочерей, и брать ихъ дочерей за себя замужъ, не должно ни брататься съ ними, ни кумиться, ни ѣсть, ни пить изъ одного сосуда. Но если они попросятъ у васъ ѣсть, то дайте имъ пищу въ ихъ сосудахъ, если же у нихъ сосудовъ не будетъ, то дайте въ своихъ, только потомъ вымойте эти сосуды и молитву надъ ними прочтите. Латинны Евангеліе и Апостолъ имѣютъ, иконы святыхъ, и въ церковь ходятъ, но вѣра ихъ и законъ не чисты, множествомъ ересей своихъ они всю землю

обезчестили, потому что по всей землѣ живутъ Варяги. Нѣтъ жи-
зни вѣчной живущимъ въ вѣрѣ латинской, армянской, сарацин-
ской. Не слѣдуетъ ихъ вѣры хвалить, свою вѣру безпрестанно
хвали и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не
только къ своимъ домохадцамъ, но и къ чужимъ: еретика и ла-
тынина помилуй и отъ бѣды избавь и мзды отъ Бога не лишись-
ся. Если встрѣтишь иновѣрниковъ, спорящихъ съ вѣрными, то
помогай правовѣрнымъ на зловѣрныхъ. А если кто скажетъ: и ту
и эту вѣру Богъ далъ, то отвѣчай: по твоему Богъ двоѣрный?
Развѣ ты не слыхалъ, что написано: единъ Богъ, една вѣра
и едино крещеніе?—Посланіе митрополита Никифора къ ве-
ликому князю Владиміру Мономаху²¹⁰ важно для насъ во 1) по
отзывамъ о поведеніи Мономаха; во 2) по высказывающимся въ
немъ отношеніямъ власти духовной къ свѣтской, митрополита къ
князю. Посланіе написано во время Великаго поста, когда, по
словамъ митрополита, уставъ церковный и правило есть говорить
и князьямъ что-нибудь полезное. Митрополитъ разсматриваетъ раз-
личныя виды грѣховъ, и не находитъ, въ которомъ бы изъ нихъ
можно было упрекнуть Мономаха: этому князю не нужно гово-
рить въ похвалу поста, потому что онъ благочестіемъ воспитанъ
и постомъ воздоенъ, потому что воздержаніе его во время по-
ста всѣ видятъ и чудятся. «Что говорить такому князю, продол-
жаетъ Никифоръ, который больше на сырой землѣ спитъ, дому
бѣгаетъ, платье свѣтлое отвергаетъ, по лѣсамъ ходя *сиротин-*
*скую*²¹¹ носить одежду, и только по нуждѣ, входя въ городъ,
облекается въ одежду властелинскую. Что говорить такому князю,
который другимъ любить готовить обѣды обильныя, а самъ слу-
жить гостямъ, работаетъ своими руками, подаваніе его доходитъ
даже и до полатей; другіе насыщаются и упиваются, а самъ князь
сидитъ и смотритъ только, какъ другіе ѣдятъ и пьютъ, доволь-
ствуясь малою пищею и водою: такъ угождаетъ онъ своимъ под-
даннымъ, сидитъ и смотритъ, какъ рабы его упиваются, руки его
ко всѣмъ простерты, никогда не прячетъ онъ сокровищъ, никог-
да не считаетъ золота, или серебра, но все раздастъ, а между
тѣмъ казна его никогда не бываетъ пуста.»—Наконецъ митропо-
литъ находитъ возможность преподавать наставленіе князю, нахо-
дитъ въ немъ слабую сторону: «Кажется мнѣ, князь мой, говоритъ
онъ, что не будучи въ состояніи видѣть всего самъ своими гла-

зани, ты слушаешь других, и въ отверстыи слухъ твой входитъ стрѣла. Такъ подумай объ этомъ, князь мой, изслѣдуй внимательно, подумай объ изгнанныхъ тобою, осужденныхъ, преарѣвныхъ, вспомни обо всѣхъ, кто на кого сказалъ что-нибудь, кто кого оклеветалъ, самъ разсуди таковыхъ, всѣхъ помани и отпусти, да и тебѣ отпустится, отдай, да и тебѣ отдастся... Только не опечалься, князь, словомъ моимъ: не подумай, что кто-нибудь пришелъ ко мнѣ съ жалобой, и потому я написалъ это тебѣ! нѣтъ: такъ просто я пишу къ тебѣ для напоминанія, въ которомъ нуждаются владыки земные: многимъ пользуются они, но за то и многимъ искушеніямъ подвержены.» Здѣсь мы видимъ уже обычай *печалования*, который былъ въ употребленіи у нашего духовенства въ продолженіе древней исторіи нашей; замѣтимъ также обращеніе митрополита къ князю: «къ тебѣ, добляя глава наша и всей христіановѣдѣи земли, слово се есть: его же изъ утробы освати и помазать, отъ царское и князьское крови смѣсивъ.» Другое посланіе митрополита Никифора къ Мономаху было написано въ отвѣтъ на вопросъ в. князя: какъ отвергнуты были Латины отъ св. соборной и правовѣрной церкви? митрополитъ приводитъ 20 причинъ уклоненія западной церкви отъ восточной ²¹³. Въ заключеніи митрополитъ говорилъ Мономаху: «прочитай это, князь, и не разъ, но два раза и больше, самъ и сыновья твои. Князьямъ, какъ отъ Богъ избраннымъ и призваннымъ на правовѣрную вѣру, надобно разумѣть слова Христовы и основаніе церковное твердое на свѣтъ и наставленіе порученнымъ шъ отъ Бога людямъ.» Одинакого съ этимъ посланіемъ содержанія посланіе митрополита Іоанна къ архіепископу римскому объ опрѣсновахъ ²¹⁴.

Посланіе Симона, епископа владимирскаго и суздальскаго къ Поликарпу, черноризцу печерскому, важно по нѣкоторымъ историческимъ указаніямъ, которыми и воспользовались мы въ своемъ мѣстѣ ²¹⁴. Сочинитель посланія, Симонъ, былъ сначала монахомъ Киевопечерскаго монастыря, потомъ игуменомъ владимирскаго (на Клязьмѣ) Рождественскаго монастыря, наконецъ въ 1214 году поставленъ епископомъ на владимирскую и суздальскую епархію. Поликарпъ былъ также монахомъ Киевопечерскаго монастыря, и страдалъ честолюбіемъ, для укрощенія котораго Симонъ и написалъ ему упомянутое посланіе ²¹⁵: «Врагъ! начинается Симонъ свое посланіе: сѣдши въ безмолвіи; собери умъ свой и скажи

самъ въ себѣ: человекѣ! не оставилъ ли ты мѣръ и родителей по плоти? пришелъ ты сюда на спасеніе, а поступаешь не по духовному. Зачѣмъ ты назвался чернецомъ? Вѣдь черное платье не избавитъ тебя отъ мукъ. Смотри, какъ уважаютъ тебя здѣсь князья, и бояре и всѣ друзья твои, говорятъ: счастливецъ! возненавидѣлъ мѣръ и славу его, уже не печется ни о чемъ земномъ, желая одного небеснаго. Но ты живешь не по-монашески; стыдно мнѣ за тебя: тѣ, которые насъ здѣсь ублажаютъ, получаютъ царство небесное, а мы будемъ мучиться. Возстань, братъ, возстань и попейся мысленно о своей душѣ! Не будь одинъ день кротокъ, а другой яръ и золь, а то не много помолчишь, и опять начнешь роптать на игумена и на служителей его. Не будь лживъ: подъ предлогомъ немощи тѣлесной не отлучайся собранія церковнаго: какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла; все дѣлаемое на единѣ, въ кельи ничтожно; двѣнадцатипсалмовъ, прочтенные на единѣ не стоятъ одного «Господи помилуй», пропѣтаго въ церкви.—Надобно было тебѣ подумать, зачѣмъ захотѣлъ ты выйти изъ святаго, блаженнаго, честнаго и спасеннаго того мѣста Печерскаго? Думаю, братъ, что Богъ побудилъ тебя къ тому, не терпя твоей гордости, и извергнулъ тебя, какъ нѣкогда сатану съ отступными силами, потому что не захотѣлъ ты служить святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту Анкидину, игумену печерскому. Печерскій монастырь—море, не держитъ въ себѣ гнилага, но выбрасываетъ вонъ. Горе тебѣ, что написалъ ко мнѣ о своей досадѣ: погубилъ ты свою душу. Спрашиваю тебя: чѣмъ хочешь снестись? Будь ты постникъ и нищъ, не спи по ночамъ, но если досады не можешь снести—не получишь спасенія.—Пишетъ ко мнѣ княгиня Ростиславова, Верхуслава, что хочетъ поставить тебя епископомъ или въ Новгородъ, или въ Смоленскъ, или въ Юрьевъ; пишетъ: не пожалѣю и тысячи серебра для тебя и для Поликарпа. Я ей отвѣчалъ: дочь моя Анастасія! дѣло небогоугодное хочешь сдѣлать: если бы онъ пробылъ въ монастырѣ венсходно съ чистою совѣстію, въ послушаніи игумену и всей братіи, трезвывая во всемъ, то не только облекся бы въ святительскую одежду, но и вышняго царства достоинъ былъ бы. Ты хочешь быть епископомъ? хорошо; но прочти посланіе апостола Павла къ Тимошею и подумавъ, такъ ли ты, какимъ слѣдуетъ быть епископу? Если бы ты былъ

достоинъ этого сана, то я не отпустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы тебя намѣстникомъ въ обѣ епископіи, во Владимиръ и Суздаль, какъ и хотѣлъ князь Георгій, но я не согласился, видя твое малодушіе. Совершенство состоитъ не въ томъ, чтобы быть славиму ото всѣхъ, но въ томъ, чтобы исправить житіе свое и сохранить себя въ чистотѣ. Отъ того изъ Печерскаго монастыря такъ много епископовъ поставлено было во всю русскую землю; прочти старую лѣтопись ростовскую, въ ней найдешь, что ихъ было больше тридцати, а если считать всѣхъ до меня грѣшнаго, то будетъ около пятидесяти. Разсуди же теперь, какова слава этого монастыря? постыдившись покаяся, и будь доволенъ тихимъ и безмятежнымъ житіемъ, къ которому Господь привелъ тебя. Я бы съ радостію оставилъ епископство, и сталъ работать игумену, но самъ знаешь, что меня удерживаетъ. Всѣ знаютъ, что у меня грѣшнаго епископа Симона соборная церковь, красота всему городу Владимиру, а другая суздальская церковь, которую самъ построилъ; сколько у нихъ городовъ и селъ, и десятину собираютъ по всей той землѣ, и всѣмъ этимъ владѣть наша худость; но предъ Богомъ скажу тебѣ: всю эту славу и власть счелъ бы я за ничто, если бы мнѣ только хвостинною пришлось торчать за воротами, или соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ и быть попираему людьми.»

По указаніямъ на обычаи и нравы замѣчательно посланіе митрополита Іоанна (по всѣмъ вѣроятностямъ втораго) черноризцу Іакову, въ отвѣтъ на нѣкоторые вопросы, касавшіеся дисциплины церковной ²¹⁶. «Не надобно, говорить митрополитъ, сообщаться и служить съ звѣроядцами и съ тѣми, которые служатъ на опрѣснокахъ; но ѣсть съ ними ради Христовой любви не запрещается; если кто хочетъ убѣгать этого для чистоты или немощи, пусть убѣгаетъ, но блюдите, чтобы не произошло отъ этого соблазна, не родилась бы вражда: надобно изъ двухъ золъ выбирать меньшее.—Если, какъ ты говоришь, нѣкоторые въ русской землѣ не приобщаются въ Великій постъ, ѣдятъ мясо и все нечистое, то надобно ихъ всячески отвращать отъ этого, если же будутъ упорствовать, то не давать имъ св. Причащенія и смотреть на нихъ, какъ на иноплемениковъ и противниковъ вѣры. Также должно поступать и съ тѣми, которые держатъ по двѣ жены, и которые занимаютъ волквованіемъ; ослушниковъ должно строго наказы-

вать, но не убивать до смерти и не увѣчить.—Такъ какъ въ то время не было утверждено, чтобъ русскія княжны, выходя замужъ за иновѣрныхъ владѣльцевъ, сохраняли православную вѣру, то митрополитъ и вооружился противъ обычая выдавать дочерей княжескихъ замужъ въ чужія страны, гдѣ служатъ на опрѣснокахъ, т. е. въ страны католическія.—Митрополитъ приказываетъ всѣми силами направлять на вѣру правую тѣхъ, которые приносятъ жертвы бѣсамъ, болотамъ и колодезямъ, которые женятся безъ благословенія церковнаго, разводятся и берутъ другихъ женъ. Называетъ беззаконниками тѣхъ, которые продаютъ рабовъ-христіанъ жидамъ или еретикамъ; вооружается противъ тѣхъ, которые волею, для торговли, ходятъ къ поганымъ и ѣдятъ съ ними вмѣстѣ нечистое; противъ тѣхъ, которые часто въ монастыряхъ пиры устрояютъ, созываютъ мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ, и стараются превзойти другъ друга въ томъ, кто лучше устроитъ пирь. Эта ревность не по Богѣ, говоритъ митрополитъ, но отъ лукаваго происходитъ.

Въ томъ же родѣ вопросы черноризца Кирика, предложенные новгородскому епископу Нифонту и другимъ духовнымъ лицамъ съ ихъ отвѣтами²¹⁷. Изъ этого памятника узнаемъ объ обычаяхъ ходить на поклоненіе св. мѣстамъ; Кирикъ удерживалъ нѣкоторыхъ отъ этого и спрашивалъ, хорошо ли онѣ дѣлаютъ?—Очень хорошо, былъ отвѣтъ: вѣдетъ онѣ для того, чтобъ ѣсть и пить, ничего не дѣлая.—Вопросъ: если роду и рожаницѣ рѣжутъ хлѣбы и сыры и медъ? въ отвѣтѣ читаемъ: «горе пьющимъ рожаницѣ.» Встрѣчаемъ извѣстіе объ обычаяхъ оглашать предъ крещеніемъ Булгарина, Половчина, Чудина въ продолженіе 40 дней, а Славянина въ продолженіе 8 дней; такимъ образомъ узнаемъ, что во время Кириково продолжалось крещеніе славянъ. Попятія времени выражаются въ слѣдующемъ правилѣ: по захожденіи солнца не надобно хоронить мертвеца, хоронять его когда еще солнце высоко, потому что послѣднее видитъ солнце до общаго воскресенія. Относительно рабовъ узнаемъ, что нѣкоторые явно жили съ наложницами. Узнаемъ объ обычаяхъ женщинъ обмывать тѣло свое водою и эту воду давать пить мужьямъ, если видятъ, что послѣдніе перестаютъ любить ихъ; на такихъ налагается епитимья, равно какъ и на тѣхъ, которыя дѣтей своихъ носятъ къ латинскому священнику на молитву, или носятъ больныхъ дѣтей къ волхвамъ.

Теперь обратимся къ поученіямъ, обращеннымъ къ цѣлому народу. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ поученіе св. Θεодосія печерскаго о казняхъ Божіихъ: «Наводитъ Богъ, по гнѣву Своему, казнь какую-либо или поганыхъ, потому что не обращаемся къ Богу; междоусобная рать бываетъ отъ соблазна дьявольскаго и отъ злыхъ людей. Страну согрѣшившую казнить Богъ смертью, голодомъ, наведеніемъ поганыхъ, бездождіемъ и другими разными казнями»... Слѣдующія слова важны относительно нравовъ и обычаевъ времени: «Не погански ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ монаха или монахицу, свинью или коня лысаго, то возвращается. Суевѣрїю по дьявольскому наущенію предаются! Другіе чиханью вѣрують, бодго бываетъ на здравіе главѣ. Дьяволъ прельщаетъ и отвлекаетъ отъ Бога волхвованіемъ, чародѣйствомъ, блудомъ, запойствомъ, рѣзонманіемъ, прикладами, воровствомъ, лжею, завистію, клеветою, трубами, сѣморухами, гуслеми, сопѣлями, всякими играми и дѣлами неподобными. Видимъ и другія злыя дѣла: всѣ падемъ къ пьянству, блуду и злымъ играмъ. А когда стоимъ въ церкви, то какъ смѣемъ смѣяться или шептаться?... На праздникіи большихъ пировъ не должно затѣвать, пьянства надобно бѣгать. Горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ ангела хранителя отклоняемъ отъ себя, злаго бѣса привлекаемъ къ себѣ; Духъ Святый отъ пьянства дадекъ, адъ близокъ...» Какъ языческіе обычай примѣшались къ христіанскимъ, видно изъ поученія, приписываемаго также св. Θεодосію: «Для обѣда двѣ молитвы: одна въ началѣ, другая въ концѣ. Установлена за упокой кутья, обѣдовъ же и ужиновъ за упокой не установлено, воды не велѣно приставлять къ кутьѣ; также яицъ класть на кутью. Троцарей не должно говорить чашамъ въ пиру, кромѣ трехъ: при поставленіи обѣда славится Христось, по окончаніи прославляется Дѣва Марія, потомъ чествуется хозяинъ.» Дошло до насъ также нѣсколько поученій св. Θεодосія, обращенныхъ къ братіи его монастыря; въ одномъ изъ нихъ сватый говоритъ: «Еслибы только можно было, то каждый день говорилъ бы я, со слезами молилъ и къ ногамъ вашимъ припадалъ, чтобъ ничто изъ насъ не пропустилъ молитвеннаго времени. Кто воздѣлывалъ ниву или виноградникъ и видитъ плоды, то не помнитъ труда отъ радости, и молитъ Бога, чтобъ сподобилъ... собрать плоды; если же видитъ, что нива тердіемъ поросла, то, что одѣждетъ! Сколько дѣтъ ми...

нуло, и никого не вижу, кто бы пришелъ ко мнѣ и сказалъ: какъ мнѣ спастись? Поученіе митрополита русскаго Никифора замѣчательно по своему началу, изъ котораго видно, что митрополитъ-Грекъ, по незнаю русскаго языка, не провозносилъ самъ поученій своихъ къ народу, а только писалъ ихъ. «Не данъ мнѣ даръ языковъ: оттого я стою посреди васъ безгласенъ и совершенно безмолвенъ. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней св. Великаго поста: то я разсудилъ предложить вамъ поученіе чрезъ писаніе.» Проповѣдникъ вооружается противъ большихъ ростовъ и противъ пьянства. Замѣчательно по своей простотѣ, вполне соответствующей состоянію паствы, къ которой было обращено, поученіе Луки Жидаты, епископа новгородскаго, умершаго въ 1060 году: «Вотъ, братія, прежде всего эту заповѣдь должны мы всѣ христіане держать: вѣровать во единого Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца и Сына и св. Духа, какъ научили Апостолы, утвердили св. отцы. Вѣруйте воскресенію, жизни вѣчной, мукъ грѣшникамъ вѣчной. Не лѣзайте въ церковь ходить, къ заутренѣ и къ обѣднѣ и къ вечернѣ; и въ своей кѣлтѣ прежде Богу поклонись, а потомъ уже спать ложись. Въ церкви стойте со страхомъ Божиимъ, не разговаривайте, не думайте ни о чемъ другомъ, но молитесь Богу всею мыслию, да отдастъ Онъ вамъ грѣхи. Любовь имѣйте со всякимъ человекомъ, и больше съ братьею. и не будь у васъ одно на сердцѣ, а другое на устахъ; не рой брату яму, чтобъ тебя Богъ не ввернулъ въ худшую. Терпите обиды, не платите зломъ за зло; другъ друга хвалите, и Богъ васъ похвалитъ. Не ссорь другихъ, чтобъ не назвали тебя сыномъ дьявола, помри, да будешь сынъ Богу. Не осуждай брата и мысленно, поминая свои грѣхи; да и тебя Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныхъ, убогихъ, заключенныхъ въ темницы, и къ своимъ *сиротамъ* (рабамъ) будьте милостивы. Игрищъ ѳсовскихъ (москолудства) вамъ, братія, негѣло творить, также говорить срамныя слова, сердиться ежедневно; не презирай другихъ, не смѣйся никому, въ напасти терпи, имѣя упованіе на Бога. Не будьте буйны, горды, помните, что можетъ быть завтра будете смрадъ, гной, черви. Будьте смиренны и кротки: у гордаго въ сердцѣ дьяволъ сидитъ, и Божіе слово не прильнетъ къ нему. Почитайте стараго человека и родителей своихъ, не кланяйтесь Божиимъ именемъ, и другаго не заклинайте, и не

проклинайте. Судите по правдѣ, взяткоу не берите, денегъ въ ростъ не давайте, Бога бойтесь, князя чтите, рабы повинуйтесь сначала Богу, потомъ господамъ своимъ; чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слугъ церковныхъ. Не убей, не украдь, не лги, лживымъ свидѣтелемъ не будь, не враждуй, не завидуй, не клевети; блуда не твори ни съ рабоу, ни съ кѣмъ другимъ, не пей не во время, и всегда пейте съ умѣренностію, а не до пьянства; не будь гнѣвливъ, дерзокъ, съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ, не ѣшьте нечистаго, святые дни чтите; Богъ же мира со всѣми вами, аминь» ²¹⁸.—Повторяемъ: слово это драгоценно для историка, потому что вполне обрисовываетъ общество, къ которому обращено для поученія; при этомъ замѣтимъ также, что въ поученіи Луки Жидаты выражается и общій духъ новгородскаго народонаселенія, какой замѣчаемъ постоянно въ новгородскихъ памятникахъ; какъ въ лѣтописи новгородской, такъ и здѣсь замѣчаемъ одинакую простоту, краткость, сжатость, отсутствіе всякихъ украшеній; для насъ одинъ слогъ поученія Жидаты можетъ служить доказательствомъ, что оно написано въ Новгородѣ.

Другиѣ характеромъ отличаются поученія южнаго владыки, Кирилла Туровскаго ²¹⁹, какъ вообще памятники южнорусской письменности отличаются отъ сѣверныхъ памятниковъ большею украшенностію, что, разумѣется, происходитъ отъ различія въ характерѣ народонаселенія: иной рѣчи требовалъ Новгородецъ отъ своего владыки, иной южный Русинъ отъ своего. Содержаніе слова Жидаты составляетъ краткое наложеніе правилъ христіанской нравственности; слова Кирилла Туровскаго большею частію представляютъ краснорѣчивыя представленія священныхъ событій, празднуемыхъ церковію въ тотъ день, въ который говорится слово; цѣль словъ его показать народу важность, величіе празднуемаго событія, пригласить народъ къ его празднованію, къ прославленію Христа или святыхъ его: отсюда сходство словъ Кирилловыхъ съ церковными пѣснями, отъ которыхъ онъ заимствуетъ иногда не только форму, но и цѣлыя выраженія; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ видимъ одинакое распространеніе, оживленіе событія разговоромъ дѣйствующихъ лицъ; въ сочиненіяхъ Кирилла замѣчаемъ также особенную любовь къ иносказаніямъ, притчамъ, стремленіе давать событіямъ прообразовательный характеръ,

особенное искусство въ сравненіяхъ, обліженіяхъ событій, явленій, такъ что изучая внимательно сочиненія древняго владыки Туровскаго, не трудно открыть въ немъ предшественника и земляка позднѣйшимъ церковнымъ витіямъ изъ югозападной Руси, которые такъ долго были у насъ почти единственными духовными ораторами и образцами. Какъ слогъ поученія Луки Жидята обличаетъ Новгородца, такъ слогъ словъ Кирилла Туровскаго обличаетъ въ сочинителѣ южнаго Русина.

Изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Кирилла первое мѣсто занимаютъ десять словъ, сказанныхъ въ десять воскресныхъ дней, начиная отъ недѣли ваіи до Троицына дня включительно. Въ первомъ уже словѣ (въ недѣлю ваіи) мы знакомимся вполнѣ съ образомъ изложенія оочинителя: «Днесь Христось отъ Виваніи въ Іерусалимъ входитъ, всѣдши на жребя осли, да совершится пророчество Захаріино. Уразумѣвая это пророчество, станемъ веселиться; души святыхъ дщери вышняго Іерусалима нарицаются, жребя же—это вѣровавшіе язычники, которыхъ посланные Христомъ Апостолы отрѣшили отъ лести дьявольской... Нынѣ Апостолы на жребя ризы свои возложили, на которыя сѣлъ Христось. Здѣсь видимъ обнаруженіе преславной тайны: ризы—это христіанскія добродѣтели Апостоловъ, которые своимъ ученіемъ устроили благовѣрныхъ людей въ престолъ Божій и вмѣстилище св. Духу. Нынѣ народы постилаютъ Господу по пути одни—ризы своя, а другіе вѣтви древесныя; добрый правый путь міродержителямъ и всѣмъ вельможамъ Христось показалъ: пославши этотъ путь милостынею и незлобіемъ, безъ труда они входятъ въ царство небесное; ломающіе же древесныя вѣтви суть простые люди и грѣшники, которые сокрушеннымъ сердцемъ и умиленіемъ душевнымъ, постомъ и молитвами свой путь равняютъ и къ Богу приходятъ...» и проч. Окончаніе слова замѣчательно, потому что показываетъ главную цѣль всѣхъ словъ Кирилловыхъ: «сокративши слово, пѣснями какъ цвѣтами святую церковь увѣчаемъ и праздники украсимъ, и Богу славословіе вознесемъ, и Христа Спасителя нашего возвеличаемъ». Роскошная весенняя природа юга дала много цвѣтовъ Кириллу въ словѣ на Ѳомино воскресенье: «теперь весна красуется, оживляя земное естество; вѣтры, тихо вѣя, подаютъ плодамъ обиліе, а земля, сѣмена питаля, зеленую траву рождаетъ. Весна есть красная вѣра Христова, кото-

рая крещеніемъ возраждаетъ человѣческое естество; вѣтры — грѣхотвореній помыслы, которые, претворившись покаяніемъ въ добродѣтель, душеполезные плоды приносятъ; земля же естества нашего принявъ какъ сѣмя слово Божіе, и боля постоянно страхомъ Божиимъ, духъ спасенія рождаетъ. Нынѣ новорожденные агнцы и юнцы скачутъ быстро и весело возвращаются къ матерямъ своимъ, а пастухи на свирѣляхъ съ веселіемъ хвалятъ Христа: агнцы — это кроткіе люди отъ язычниковъ, а юнцы кунислужители невѣрныхъ странъ, которые Христовымъ вочеловѣченіемъ и Апостольскимъ ученіемъ и чудесами къ святой церкви возвратившись, сосутъ млеко ученія; а учителя Христова стада, о всѣхъ моляся, Христа Бога славятъ, всѣхъ волковъ и агнецевъ въ одно стадо собравшаго. Нынѣ древа лѣторосли испускаютъ, а цвѣты благоуханіе, и вотъ уже въ садахъ слышится сладкій запахъ, и дѣлатели, съ надеждою трудяся, плододавца Христа призываютъ; были мы прежде какъ древа дубравная, плодотвореніемъ, а нынѣ привилась Христова вѣра къ нашему невѣрію, и держась корня Іесеева, испуская добродѣтели какъ цвѣты, райскаго пакибытія о Христѣ ожидаешь, и святители, трудяся о церкви, отъ Христа изды ожидаютъ. Нынѣ оратаи слова, словесныхъ воловъ къ духовному ярму приводя, и крестное рало въ мысленныхъ браздахъ погружая, и проводя бразду покаянія, всыпая сѣмя духовное, надеждами будущиыхъ благъ веселятся, и проч.

Слово въ недѣлю мироносицкую напоминаетъ совершенно церковныя пѣсни и стихиры, поемыя и читаемыя въ послѣдніе дни Страстной седмицы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаемъ одни и тѣ же почти выраженія; таковъ въ началѣ плачь Богородицы: «тварь соболѣзнуеть ми, Сыну! твоего зрящи безъ правды умерщвленія. Увы мнѣ, чадо мой, свѣте и творче тварямъ», и проч. Или дагѣе слова Іосифа Пилату представляютъ не иное что, какъ распространеніе церковной пѣсни: «пріидите ублажимъ Іосифа приснопамятнаго.» Слово оканчивается похвалою Іосифу, замѣчательною по обычной въ древнемъ краснорѣчій формѣ: «Кому угодно этого праведника? небожь ли тебя назову: но ты былъ свѣтлѣе неба богочестіемъ: потому что во время страсти Христовой небо помрачилось и свѣтъ свой скрыло; а ты, радуясь, на своихъ рукахъ Бога носилъ. Землею ли тебѣ благоцвѣтущую назову? Но ты явился честнѣе земли: потому что она въ то время

отъ страха потрясалась, а ты вмѣстѣ съ Никодимомъ весело Божіе тѣло плащаницею обвинъ положилъ», и проч.—Слово въ недѣлю расслабленнаго представляетъ самый лучший образецъ слога Кириллова; въ жалобѣ расслабленнаго на свои страданія видимъ эту образность, какую обыкновенно отличаются писатели—земляки нашего оратора: «мертвымъ ли себя назову, говорить расслабленный; но чрево мое нищи желаетъ, и языкъ отъ жажды иссыхаетъ. Живымъ ли себя почту? но не только встать съ одра, даже и подвинуть себя не могу; ноги мои не ходятъ, руки не только что ничего не дѣлаютъ, но и осязать ими я себя не могу; я непогребенный мертвецъ, одръ мой гробъ мой; мертвый между живыми и живой между мертвецами, потому что какъ живой питаюсь, и какъ мертвый ничего не дѣлаю; мучусь я какъ въ адѣ отъ безстыдно поносящихъ меня; смѣхъ я юношамъ, укоряющимъ мною другъ друга, а старцамъ лежу притчею къ наказанію; всѣ много глумятся, и я отъ того двойнѣ страдаю. Внутри терзаетъ меня болѣзнь, вѣкъ оскорбляюсь досадами укоряющихъ меня; слюни плюющихъ на меня покрываютъ тѣло мое, голодъ пуще болѣзни одолеваетъ меня; потому что, если и найду пищу, то не могу рукою положить ее въ ротъ; всѣхъ умоляю, чтобъ накормили меня, и дѣлюсь бѣднымъ кускомъ моимъ съ питающими меня, стоною со слезами, томимый мучительною болѣзнію, и никто не придетъ посѣтить меня» и проч. — Таковъ же и отвѣтъ Христа: «какъ ты говоришь: чловѣка не имамъ? Я ради тебя сдѣлался чловѣкомъ; тебя ради оставилъ скипетры горнаго царства, и нижнимъ служа, обхожу: не пришелъ я, да мнѣ послужать, но да послужу другимъ. Тебя ради, будучи безплотнымъ, плотію облекся, да исцѣлю душевные и тѣлесные недуги всѣхъ. Тебя ради невидимый Ангельскимъ силамъ явился всѣмъ чловѣкамъ, ибо не хочу презрѣть моего образа, лежащаго въ тлѣніи, но хочу спасти его и въ разумъ истинный привести, а ты говоришь: чловѣка не имамъ? Я сдѣлался чловѣкомъ, да сотворю чловѣка Богомъ, ибо сказалъ: боги будутъ и сына вышняго всѣ, и кто другой вѣрише меня служить тебѣ? Тебѣ я всю тварь на работу сотворилъ: небо и земля тебѣ служатъ—небо влагою, земля плодомъ; солнце служить свѣтомъ и теплотою, луна съ звѣздами, нощь обѣляетъ; для тебя облака дождемъ землю напоютъ, и земля всякую траву сѣмянистую и деревья плодовитыя на твою службу

возвращаетъ; тебя ради рѣки рыбѣ носятъ, и пустыни звѣрей питаютъ, а ты говоришь: человекѣка не имамъ и проч. Слово въ недѣлю пятую по Пасхѣ содержитъ въ себѣ упрекъ народу за нехождение въ церковь для слушанія словъ епископа: «я, друзья и братья, надѣялся, что съ каждою недѣлею все больше и больше будетъ собираться народу въ церковь, а теперь вижу, что собирается его все меньше и меньше: если бы я свое что-нибудь говорилъ вамъ, то хорошо бы дѣлали, если бы не приходили, но я возвѣщаю вамъ Владычье и прочитываю вамъ грамогу Христову.»—Кириллу же Туровскому приписывается слово о состояніи души по разлученіи съ тѣломъ; здѣсь сочинитель, исчисляя мытарства, седьмымъ изъ нихъ полагаетъ: «бѣе слово, срамословіе, безстудная словеса и плясаніе, еже въ пиру и на свадьбахъ и въ навечерницахъ, и на игрищахъ и на улицахъ»; пятнадцатымъ: «всяка ересь, и вѣруютъ въ стрѣчу, въ чехъ, въ полагъ и въ итичьн грай, ворожоу, и еже басни бають и въ гусли гудуть.»

Отъ описываемаго времени дошли до насъ еще нѣкоторыя любунытныя поученія, неизвѣстно какой области и какому лицу принадлежащія. Здѣсь, между прочимъ, видимъ, какъ церковь вооружалась противъ явленій, бывшихъ слѣдствіемъ родовыхъ отношеній княжескихъ, и какъ изначала содѣйствовала утвержденію отношеній государственныхъ; сочинитель слова обращается къ дружинѣ княжеской съ слѣдующими словами: «если начнете доброжелательствовать другимъ князьямъ отъ своего, то подобны будете замужкой женщины, невѣрной своему мужу.» Но тутъ встрѣчаемъ увѣщаніе къ храбрости, вполне согласное съ понятіями времени: «сынъ! когда на рать съ княземъ идешь, то съ храбрыми напередѣ ѣзде: этимъ и роду своему чести добудешь, и себѣ доброе имя. Что можетъ быть лучше того, какъ умереть передъ княземъ!» — О волхвахъ: «Волхвъ же, чада моя, блюдитесь.» О священникахъ: «если возьмете чернеца въ свой домъ или иного причетника и захотите его угостить, то больше трехъ чашъ не пудьте его, но дайте ему волю: если самъ напьется, то самъ за то и отвѣчаетъ; нельзя слугъ Божіихъ до срама упомъ, но съ поклономъ должно отпускать, взявши благословіе у нихъ.» — О рабахъ: «сиротъ домашнихъ не обидьте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготовю, потому что это домашніе твои нищіе: нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпроситъ, а рабы только

въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ и учите ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускайте.... Если холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воротъ, то за кровь ихъ ты отвѣтишь. Ты какъ Апостолъ въ дому своемъ: научай грозою и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати; а если велика вина, то и до 20 ранъ; если же очень велика вина, то до 30 ранъ лозою, а больше 30 ранъ не велимъ.... Рабовъ, которыхъ возьмешь съ собою въ походъ, чести и любя, чтобъ они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками»²⁵⁰. О средствахъ, какія употребляли проповѣдники, средствахъ, напоминающихъ намъ извѣстіе объ обращеніи Владиміра, и о судьбѣ, какой подвергались иногда ревностные проповѣдники, находимъ любопытныя извѣстія въ житіи св. Авраамія Смоленскаго: «Такъ бо бѣ (Авраамія) благодатію Христовою утѣшая приходящія и плѣняя ихъ души смыслъ, якоже и самому игумену не стерпѣти, многія къ нему видя притекающая. И хотя того сего отлучити и глаголаше: азъ за тя отвѣщаю у Бога, ты же престаши уча, и много озлобленіе нанъ возложи. И оттогда вниде въ градъ и пребысть въ единомъ монастырѣ у честнаго Креста; и ту начаша болѣе приходити и ученіе его множайше быти. Написаже двѣ иконѣ, одну страшный судъ втораго пришествія, а другую—испытанія воздушныхъ мытарствъ; ихже всѣмъ нѣсть избѣжати. И ко всѣмъ приходящимъ оного страшнаго дня не престаю о томъ глаголя, и почитая великаго омаго и свѣтлаго учителя вселенныя Іоанна Златоустаго, и преподобнаго Ефрема и всѣхъ богогласныхъ святыхъ. И вшедь сатана въ сердце безчинныхъ, воздвиже нанъ; и начаша ови клеветати къ епископу, нини же худити и досажати, ови еретика нарецати и, а нини глаголаху нанъ глубяныя книги почитають, нини же, къ жемамъ преподающе, понове же зѣлюще и глаголюще: уже наша дѣти всѣ обратилъ есть; реку тако: никто же аще бы не глаголя на блаженнаго Авраамія въ градѣ. Собрашася же всѣ отъ мала и до велика весь градъ нанъ: нини глаголють заточити, а нини на стѣнѣхъ ту пригвоздити и зажещи, а друзи потопити и проведыше изъвъ градъ, всѣмъ же собравшимся на дворъ епископа, именуемъ же в пономъ и черноризцемъ, княземъ и бояромъ».

Кромѣ поученій, принадлежащихъ духовнымъ лицамъ, до насъ дошло поученіе, написанное знаменитѣйшимъ изъ князей описываемаго времени, Владиміромъ Мономахомъ, для дѣтей своихъ; оно обнимаетъ обязанности человѣка вообще и князя религиозныя, семейныя и общественныя, и представляетъ первообразъ тѣхъ *домостроевъ*, которые мы увидимъ въ послѣдующихъ вѣкахъ: «страхъ имѣйте Божій въ сердцахъ и милостыню творите неоскудную, потому что здѣсь начало всякому добру», — такъ начинается Мономахъ свое поученіе. Потомъ онъ объявляетъ поводъ, по которому написалъ поученіе: по окончаніи усобицы съ Давыдомъ Игоревичемъ на Витичевскомъ сѣздѣ, поѣхалъ онъ на сѣверъ въ ростовскую область, и будучи на Волгѣ, получилъ посольство отъ двоюродныхъ братьевъ съ приглашеніемъ идти на Ростиславичей Галицкихъ, которые не хотѣли исполнять общаго княжескаго приговора; двоюродные братья велѣли сказать Мономаху: «ступай скорѣе къ намъ, прогонимъ Ростиславичей и волость у нихъ отнимемъ; если же не пойдешь съ нами, то мы себѣ, а ты себѣ.» Мономахъ велѣлъ отвѣчать: «сердитесь сколько хотите, не могу съ вами идти и преступить крестное цѣлованіе.»—Угроза братьевъ разъединиться съ нимъ сильно опечалила Мономаха; въ этой печали онъ разогнулъ псалтырь и попалъ на мѣсто: «вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя?» и проч. Утѣшенный псалмомъ, Мономахъ рѣшился тутъ же написать своимъ сыновьямъ поученіе, въ которомъ господствуетъ та мысль, что человѣкъ никогда не долженъ совращаться съ праваго пути, во всѣхъ случаяхъ жизни долженъ полагаться на одного Бога, Который не дастъ погибнуть человѣку, творящему волю Его. Выписавши изъ псалма тѣ мѣста, въ которыхъ выражается эта мысль, также наставленіе изъ Василія Великаго, Мономахъ продолжаетъ: «тремя добрыми дѣлами побѣждается врагъ нашъ дьяволъ: покаяніемъ, слезами и милостынею; Бога ради не лѣнитесь, дѣти мои, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; они не тяжки: не одиночество, не чернечество, не голодъ, которые терпятъ нѣкоторые добродѣтельные люди. такимъ малымъ дѣломъ можете вы получить милость Божию... Послушайте меня, если не можете всего исполнить, то хотя половину. Просите Бога о прощеніи грѣховъ со слезами, и не только въ церкви дѣлайте это, но и ложась спать; не забывайте ни одну ночь класть поклоновъ, потому что ночнымъ поклономъ и

нѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола и получаетъ прощеніе грѣховъ. Когда и на лошади сидите, да ни съ кѣмъ не разговариваете, то чѣмъ думать бездѣшцу, повторяйте безпрестанно въ умѣ: «Господи помилуй!» если другихъ молитвъ не умѣете, эта молитва лучше всѣхъ. Больше же всего не забывайте убогихъ, но сколько можете по силѣ кормите, больше другихъ подавайте сиротѣ, сами оправдывайте вдовъ, а не позволяйте сильнымъ погубить человѣка. Ни праваго, ни виноватаго не убивайте, ни приказывайте убивать. Въ разговорѣ, что бы вы ни говорили, никогда не клянитесь Богомъ: нѣтъ въ этомъ никакой нужды; когда придется вамъ крестъ поцѣловать къ братьѣ, то цѣлуйте подумавши, можете ли сдержать клятву, и разъ поцѣловавши, берегитесь, чтобъ не погубить души своей. Съ любовію принимайте благословеніе отъ епископовъ, поповъ и игуменовъ, не устраивайтесь отъ нихъ, по силѣ любите и снабжайте ихъ, пусть молятся за васъ Богу. Пуще всего не имѣйте гордости въ сердцѣ и умѣ, говорите: всѣ мы смертны, нынѣ живы, а завтра въ гробѣ; все, что Ты, Господи, далъ намъ, не наше, а Твое, поручилъ намъ на малое число дней; въ землю ничего не зарывайте: это большой грѣхъ. Старыхъ чти какъ отцевъ, молодыхъ какъ братью. Въ домѣ своемъ не лѣнитесь, но за всѣмъ присматривайте сами; не надѣйтесь ни на тѣна, ни на отрока, чтобъ гости не посмѣялись ни дому, ни обѣду вашему. Вышедши на войну, также не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ; питью, ѣдѣ, снатью не предавайтесь; сторожей сами наряжайте; распорядившись всѣмъ, ложитесь, но вставайте рано, и оружія не снимайте съ себя: отъ лѣни человѣкъ внезапно погибаетъ. Остерегайтесь лжи, пьянства и блуда: въ этихъ порокахъ и душа и тѣло погибаютъ. Если случится вамъ ѣхать куда по своимъ землямъ, то не давайте отрокамъ обижать жителей, ни своихъ, ни чужихъ, ни въ селахъ, ни на поляхъ, чтобъ послѣ васъ не проклинали. На дорогѣ или гдѣ остановитесь, напоите, накормите нищаго; особенно же чтите гостя, откуда бы онъ къ вамъ ни пришелъ, простой или знатный человѣкъ, или посолъ; если не можете чѣмъ инымъ одарить его, то угостите хорошенько: странствуя, они разносятъ по всѣмъ землямъ хорошую или дурную славу о человѣкѣ. Больнаго навѣстите, и къ мертвому ступайте, потому что мы всѣ смертны; человѣка не пропустите не поздоровавшись, всякому доброе слово скажите. Женъ своихъ любите, но не давайте

ниъ надъ собою власти. Что знаете добраго, того не забываете а чего еще не знаете, тому учитесь; не лѣнитесь ни на что доброе; прежде всего не лѣнитесь ходить въ церкви; да не заста-нетъ васъ¹ солнце на постели...» Въ заключеніе Мономахъ разска-зываетъ дѣтямъ о своихъ трудахъ: этимъ важнымъ для историка разсказомъ мы уже воспользовались въ своемъ мѣстѣ.

Мы встрѣчали извѣстія о страсти къ паломничеству, къ путе-шествіямъ во св. землю, распространившейся въ описываемое вре-мя между русскими людьми; до насъ дошло описаніе одного изъ такихъ путешествій, совершеннаго игуменомъ Даниломъ²²¹. Это описаніе особенно замѣчательно отсутствіемъ духа нетерпимости относительно латинскихъ христіанъ, обладавшихъ тогда Іеруса-лимомъ. Король Балдуинъ обласкалъ русскаго игумена, котораго за это распустилъ объ немъ добрую славу по своей землѣ: «позважь мя бяше добръ и любя мя вельми, якоже есть мужъ благодѣлеть и смиренъ вельми, и не гордить. Язъ рекохъ ему: княже мой господине! молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля русьскихъ, пове-ли ми, да быхъ и язъ поставилъ свое кандило на гробѣ свя-томъ отъ всея русьскыя земли. Онъ же съ тѣчаніемъ и съ лю-бовью повелѣ ми поставити кандило; посла со мною мужа сво-его.... Богъ тому послухъ и св. гробъ Господень, яко во всѣхъ мѣстахъ святыхъ не забыхъ именъ князей русьскихъ и княгинь, и епископъ и игумень, и бояръ, и дѣтей monkъ духовныхъ. И о семъ похвалю Бога моего благо, яко сподобилъ мя худаго имена князей русьскихъ написати въ лаврѣ св. Саввы, и нынѣ помина-ются имена ихъ въ ектеньяхъ и съ женами, и съ дѣтьми. Се же имена ихъ: Михаиль Святополкъ, Василия Владиміръ, Давыдъ Свя-тославичъ, Михаиль Олегъ, Панкратіи-Святославъ, Глѣбъ-Мѣнскои, и сколько есть помнилъ, опричь всѣхъ князей русьскихъ и бо-ляръ, и отиѣхомъ литургію за князей русьскихъ, и за вся хрестья-не 50 литургій, и за усопшія литургію отиѣхомъ. И буди же всѣмъ почитающимъ се съ вѣрою и любовію благословенъ отъ Бога и отъ св. гроба и отъ всѣхъ мѣстъ святыхъ. Бога дѣля, бра-тіе и господіе мои, не зазрите худоумью моему и грубости моей. Да не будетъ въ похваленъ написанъ се мене ради, но гроба Го-сподня ради кто съ любовію почтетъ, да маду приметъ отъ Бога Спаса нашего, и Богъ мира съ всѣми вами въ вѣки вѣковъ. Аминь.»— Даниль встрѣтилъ въ Іерусалимѣ многихъ русьскихъ паломниковъ— новгородцевъ и кіевлянъ.

Къ описываемому времени относится сочиненіе другаго Данила, такъ называемое Посланіе Данила заточника къ князю Юрію Владиміровичу Долгорукому ²²². Изъ самаго умиловительнаго посланія этого можно узнать только то, что молодой еще человекъ, неизвѣстно какого происхожденія и званія, раздѣлялъ князя и былъ заточенъ на озеро Лаче; въ посланіи Данилъ ничего не говоритъ о винѣ своей; но по сильнымъ выходкамъ противъ приближенныхъ къ князю людей и женщинъ можно догадываться, что онъ ихъ наговорамъ приписывалъ свое несчастіе. Какъ видно, въ послѣдствіи сочиненіе это было извѣстно грамотнымъ людямъ ²²³ и цѣнилось, благодаря украшеніямъ слога, которыя нравились въ старину; самъ Данилъ, какъ видно изъ его словъ, считалъ себя мудрецомъ; выпишемъ нѣсколько строкъ, чтобъ имѣть понятіе объ этой мудрости. «Вострубимъ, братія, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити сребренныя органы, и возьмемъ мудрости своя.... Не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня; но возри на мя, господине мой, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы небесныя, яко ти ни орутъ, ни сѣютъ, ни въ житницу собираютъ, но уповаютъ на милость Божию; такъ и мы, княже господине, желаемъ твоя милости: зане, господине, кому Боголюбово, а мнѣ горе лютое; кому Бѣлозеро, а мнѣ чернѣ смолы; кому Лачь озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горки.... Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сія, яко серву отъ тенета, яко птицу отъ кляпцы, яко утя отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ усть двовыхъ. Азъ бо есмь, княже господине, яко древо при пути: мнози посѣкають его и на огонь вмещуть: такоже и азъ всѣми обидимъ есмь, зане огражень есмь страхомъ грозы твоея.... Весна бо украшаетъ цвѣты землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человекы своею милостью, сироты и вдовы, отъ вельможъ погружаеми.... Видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣеть: тако и добрыя полки безъ добраго князя погибають. Гусли бо строятся персты, тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: такъ и градъ нашъ крѣпится твоею державою: зане князь щедръ отецъ есть всѣмъ: слуги бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ. Добру бо господину служба, дослужится свободы; а злу господину служба, дослужится большія работы. Зане князь щедръ, аки рѣка безъ береговъ текуще всквозъ дубравы, наню-

юща не токмо человекъцы, но и скоти и вся звѣри; а князь скупъ, аки рѣка, великъ брегъ имуще каменны: нельзя пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладезъ сладокъ; а скупъ бояринъ аки кладезъ солонъ. Не имѣи себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села: тѣмъ бо его яко огонь тренетницею наклады, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешься, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ. Княже господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богатаго безумна, несмысленна: нищъ бо мудръ, яко злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки лавочичье зголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутреная: азъ бо одѣваніемъ есмь скуденъ, но разумомъ обилень; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накапають ти сладчайши меду словеса устъ моихъ.... Не море топить корабли, но вѣтри, и не огонь творить разженіе желѣзу, но подыманіе мѣшное: также и князь не самъ впадаетъ въ многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумаетца, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ.... Не мужъ въ мужехъ, кѣмъ своя жена владѣтъ; не работа въ работахъ, подъ жонками возъ возити.... Что есть жена зла? гостница неуслышаемая, купница бѣсовская, мірскы мятѣжъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ.... Азъ ни за море ходилъ, ни отъ философа научился, но быхъ яко падающа пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокущая яко медвеный сотъ; тако и азъ по многимъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, и совокупихъ яко мѣхъ воды морьскія, а не отъ своего разума, но отъ Божія промысла.»—Къ Пославію прибавлено слѣдующее извѣстіе: «сїи словеса азъ Данилъ писахъ въ заточеніи на Бѣлѣоверѣ, и запечатавъ въ воскъ, и пустихъ въ озеро, и вземъ рыба поже, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узрѣ князь сїе написаніе, и повелѣ Данила свободити отъ горькаго заточенія.»

Древнѣйшія произведенія народной фантазіи относятся ко временамъ Владиміра св.; содержаніе ихъ составляютъ подвиги богатырей, борьба ихъ съ степными варварами, съ которою былъ соединенъ важнѣйшій интересъ для народа. Въ описываемое время

продолжалась та же борьба, и по прежнему служила главнымъ содержаніемъ пѣсень и сказаній; богатырей сѣяли князья; самымъ славнымъ, самымъ народнымъ именемъ въ борьбѣ съ погаными было имя Мономаха; не могло быть, чтобъ походы добрато страдальца за Русскую землю на поганыхъ не служили содержаніемъ народныхъ поэтическихъ сказаній; слѣды этихъ сказаній находимъ въ началѣ Волинской лѣтописи: «по смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца всея Руси, одолевша всѣмъ поганьскимъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ Божіимъ: устремилъ бо-ся бяше на поганья яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прохожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бо бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганья Измалтныи, рекомыя Половци, изгнавшю отрока въ Обезы за желѣзныя врата. Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою ожившю; тогда Володимеръ Мономахъ плѣгъ золотымъ шоломомъ Донъ, приемиши землю ихъ всю и зогнавши окаянныя Агаряны. По смерти же Володимеръ, оставшю у Сыръчана единому гудьцѣ же, Ореви, посла и въ Обезы, рекъ: Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкія; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ. Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье, оному же обухавшю и восплаковшю, рче: да лучше есть на своей землѣ костью лечи, нели на чюжѣ славну быти. И приде во свою землю, отъ него родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пѣшъ ходя, котелъ нося на плечеву.»

Но въ цѣлости дошло до насъ поэтическое сказаніе о несчастномъ походѣ сѣверскихъ князей, Игоря Святославича съ братьею на Половцевъ, Слово о полку Игоревѣ. Особенныя доблести этихъ князей, ихъ ревность добыть себѣ славы въ борьбѣ съ погаными, ихъ великодушіе, по которому они не захотѣли покинуть въ бѣдѣ черныхъ людей, заслуженная слѣдовательно народная любовь къ этимъ князьямъ, любопытныя подробности похода, необыкновенная удача въ началѣ, необыкновенное бѣдствіе въ концѣ, которое однако не уменьшило, но еще увеличило славу князей, наконецъ удивительное спасеніе Игоря изъ плѣна ²²⁶— все это должно было возбуждать сильный интересъ въ народѣ къ этому событію, которое потому и стало предметомъ украшен-

наго, поэтического сказанія; самыя подробности похода, какъ они сохранились въ лѣтописи, всего лучше показываютъ намъ интересъ, связанный для древней Руси съ этимъ событіемъ, всего лучше объясняютъ намъ возможность и необходимость существованія Слова. Намъ нѣтъ нужды даже предполагать, что сочинитель Слова былъ житель страны Сѣверской, ибо вспомнимъ, что въ это время племя Ольговичей стояло на первомъ мѣстѣ во всей южной Руси: старшій въ этомъ племени, Святославъ Всеволодовичъ, сидѣлъ тогда на столѣ Киевскомъ, слѣд. бѣдствіе сѣверскихъ князей должно было найти сильное сочувствіе и на западномъ берегу Днѣпра.

Сочинитель Слова о полку Игореву не хочетъ начинать своего разсказа прямо съ похода сѣверскихъ князей на Половцевъ, не хочетъ предпослать ему старыя слова, ограничиваясь однако *быльми* позднѣйшаго времени, именно начиная со временъ Владимира Мономаха или, какъ онъ называетъ его, Владимира Старого, въ противоположность другимъ, младшимъ Владимірамъ. Эти *быльми* позднѣйшаго времени, начиная со временъ Владимира Мономаха, онъ противопоставляетъ пѣснямъ, сочиненнымъ по замыслу вѣщаго Бояна. Кто бы ни былъ этотъ Боянь, сочинитель ли старыхъ русскихъ пѣсенъ, истинный или мнимый, или даже Гомеръ, какъ думаютъ нѣкоторые ²²⁵, очевидно только то, что сочинитель Слова о полку Игореву противопоставляетъ свое сочиненіе сочиненіямъ Бояна, противопоставляетъ по времени, не хочетъ заноситься въ отдаленныя вѣка, къ отдаленнымъ событіямъ, воспѣтымъ Бояномъ, или, что очень кажется намъ вѣроятнымъ, противопоставляя *быльму замышленію*, противопоставляя слово, разсказъ объ истинномъ происшествіи безъ малѣйшаго отступленія отъ него, — пѣсни, сочинитель которой позволялъ себѣ большую свободу, хотя бы воспѣвалъ дѣйствительное событіе, дѣйствительно существовавшее лице; «не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святославича! начати же ся тыи пѣсни по быльнамъ сего времени, а не по замышленію Бояна. Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то расѣвкнется мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, шивымъ орломъ подь облакъ.»

Итакъ, продолжаетъ сочинитель слова, начнемъ, братія, поѣсть эту отъ стараго Владимира и дождемъ до нынѣшняго Иго-

ря, «который преносилъ умъ крѣпості», изострилъ сердце мужествомъ, наполнился ратнаго духа, и навелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую»—послѣ этого непосредственно слѣдуютъ слова: «тогда Игорь взглянулъ на свѣтлое солнце, и увидалъ, что всѣ воины его прикрыты тьмою.» Здѣсь съ перваго взгляда очевиденъ пропускъ, ибо сочинитель обѣщалъ начать повѣсть отъ стараго Владимира; мы необходимо должны предположить здѣсь рассказы о борьбѣ Мономаха и послѣдующихъ князей съ Половцами, и потомъ естественный переходъ къ походу Игоря на поганыхъ; очень вѣроятно, что приведенное нами выше поэтическое сказаніе о походахъ Мономаха и о томъ, что происходило въ степи по его смерти, находилось между этими сказаніями, которыми началъ свою повѣсть сочинитель Слова о полку Игореву.

Послѣдній вѣрнѣе своему обѣщанію рассказывать по *былинамъ*: рассказъ его совершенно одинаковъ съ рассказомъ лѣтописца, лишняго въ немъ одни только поэтическія украшенія; что же касается подробностей, то ихъ гораздо больше въ лѣтописи. Любопытно, что въ Словѣ гораздо больше превозносится похвалами Всеволодъ Святославичъ, чѣмъ Игорь, старшій братъ; въ битвѣ на первомъ планѣ поставленъ Всеволодъ: этимъ рассказъ сочинителя Слова отличается отъ рассказа лѣтописнаго; но такое предпочтеніе Всеволода объясняется словами лѣтописца, который, сказавши о смерти Всеволода, прибавляетъ, что этотъ князь превосходилъ всѣхъ Ольговичей доблестію. Особенно же замѣчательны для насъ слова автора объ усобицахъ княжескихъ: въ сильныхъ выраженіяхъ описываетъ онъ усобицы, происходившія вслѣдствіе лишенія волостей Олега Святославича: «тогда земля сѣялась и росла усобицами, погибала жизнь. Дажбогова внука, въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣческой сократился. Тогда по русской землѣ рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, часто говорили свою рѣчь гадки, собираясь летѣть на добычу.» Въ другомъ мѣстѣ: «сказалъ братъ брату: «это мое, и это мое же, и за малое стали князья говорить большое, начали сами на себя кевать крамоду: а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю русскую.» Описывая общее горе на Русѣ, когда услышали здѣсь объ истребленіи полковъ Игоревыхъ, сочинитель Слова опять начи-

наеть говорить объ усобицахъ: «встоналъ Кіевъ тугюю, а Черниговъ напастями; тоска разлилась по русской землѣ; а князья сами на себя крамолу ковали, а поганые набѣжали на русскую землю, брали дань по бѣлкѣ отъ двора.» Въ этомъ отношеніи замѣчательна также жалоба стараго Святослава Кіевского, когда онъ узналъ о бѣдѣ сѣверскихъ князей: «все зло мнѣ происходитъ отъ княжого непособія; благопріятное время отъ него упущено... великій князь Всеволодъ (III)! чтобъ тебѣ перелетѣть сюда издалека, отцовскаго золотого стола поблужи! Вѣдь ты можешь Волгу раскропить, а Донъ шлемами вычерпать; еслибы ты былъ здѣсь, то была бы у насъ половецкая раба по ногатѣ, а рабъ по реваню.» Сочинитель, отъ имени Святослава, обращается также и къ другимъ князьямъ съ требованіемъ помощи русской землѣ и мести поганымъ за обиду Игореву. Обращаясь къ племенн. Всеславу, князьямъ волоцкимъ, онъ упрекаетъ ихъ какъ зачинщиковъ усобицъ, которыя дали возможность поганымъ нападать на русскую землю: здѣсь разувѣется первая усобица по смерти Ярослава, начатая Всеславомъ Полоцкимъ. «Охъ!» прибавляетъ сочинитель: «стонать русской землѣ, припоминивши первую годину и первыхъ князей: того стараго Владиміра (Мономаха) нельзя было притворить къ горамъ кіевскимъ»²²⁶.

Въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ изъ лицъ историческихъ описываемаго времени является дѣйствующимъ Новгородецъ Василій Буслаевъ²²⁷. Пѣсня²²⁸ въ нѣкоторыхъ чертахъ вѣрно изображаетъ старину новгородскую, въ нѣкоторыхъ старину общую русскую. «Въ славномъ Великомъ Новгородѣ жилъ Буслай до девяноста лѣтъ; съ новгородомъ жилъ, не перечился, съ мужиками новгородскими поперекъ словечка не говаривалъ. По смерти Буслая осталась вдовою жена его Амелѣа Тимофеевна, да съпѣи молодой, Василій Буслаевичъ. Этотъ-то Василій представленъ въ пѣсни образцемъ и предводителемъ новгородской буйной молодежи, славной походами своими на оверѣ, ходившей всюду безъ новгородскаго слова, не дававшей покоя ни своимъ, ни чужимъ: Василій сталъ водиться съ пьяницами, безумницами, удалыми добрыми молодцами, пьяный сталъ буйствовать по улицамъ,¹ бить, уродовать прохожихъ. Пошли жалобы на молодого буйна; новгородцы однако не попытались его взять и наказать; надъ нимъ была другая власть, къ которой и обратился го¹

родъ съ жалобою — власть старухи-матери: къ ней посадскіе, богатые мужики новгородскіе принесли великую жалобу на буйство сына; она стала журить, бранить Василия; журьба не полюбила съ ему, и онъ вздумалъ набрать себѣ дружину такихъ же молодецъ, чтобъ съ ними буйствовать безнаказанно; онъ кликаулъ кличь: «кто хочеть пить и ѣсть готовое, вались къ Васыкѣ на широкій дворъ, ней и ѣшь готовое, носи платье разноцвѣтное.» Охотники нашлись, собралось ихъ двадцать девять человекъ. Пришли они въ братчину Никольщину, Василий заплатилъ за каждого брата по пяти рублей, за себя пятьдесятъ рублей, и церковный староста принялъ ихъ въ братчину; вечеромъ начались потѣхи, которыя лѣтописецъ называетъ отъ бѣса замышленными дѣломъ: стали бороться, а въ иномъ кругу на кулачки биться, и отъ кулачнаго бою дошло до большой драки: нѣмецкіе купцы, въ договорѣ съ Новгородцами, обезопасивали свой дворъ относительно обычной новгородской забавы — драки; не даромъ въ Новгородѣ ходило преданіе, что Перунъ, когда его тащили въ Волховъ черезъ большой мостъ, бросилъ свою палку и сказалъ: «пусть Новгородцы этии меня поминуютъ!» Этою палкою и теперь безумные убиваются, утѣху творять бѣсамъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Василий выныгася въ драку и кто-то его очень неловко задѣлъ; онъ закричалъ своимъ, что его бьютъ; дружина выскочила, и началась схватка: «скоро они улицу очистили, приблии уже много де смерти, вдвое, втрое перековеркали, руки, ноги переломали.» Буслаевичъ, видя, что его взяла, вызываетъ на бой весь Новгородъ, заключаетъ съ жителями его условіе, что если онъ съ дружиною побьетъ Новгородцевъ, то послѣдніе платятъ ему дань по смерти; а если Новгородцы побьютъ его, то онъ обязанъ давать имъ дань. «Началась у нихъ драка-бой великая. Дерутся день до вечера—Буслаевичъ съ дружиною начинаетъ одолѣвать; Новгородцы, видя, что дѣло шлоко, обращаются опять съ просьбою и подарками къ матери Буслаевича, и материнская власть является во всей силѣ: того, кто вызвалъ на бой цѣлый Новгородъ и побѣдилъ, того одна материнская служанка беретъ за бѣлыя руки и тащить на дворъ родительскій, гдѣ мать велить запереть его въ глубокихъ погребахъ, за желѣзными дверями, за булатными замками. Между тѣмъ, пользуясь отсутствіемъ вождя, Новгородцы одолѣваютъ дружину Буслаевича; побѣжденные, увидя служанку матери Василиевой, шедшую на

Волховъ за водою, просить ее, чтобы она не подала ихъ, освободила ихъ предводителя. Служанка исполняетъ просьбу, откираетъ погребъ, гдѣ сидѣлъ Василій, и тотъ, возвратившись къ своимъ, далъ снова имъ побѣду: «у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ *думушки* прибыло» и: «ужъ мужики (Новгородцы) покорилися, покорилися и помрилися.»

Сложилась и другая пѣсня о томъ же Буслаевѣ, какъ онъ ѣздилъ молиться ²²⁹. Буслаевичъ приходитъ къ матери, какъ въюнь около ея увивается, просить благословеніе великое идти въ Іерусалимъ градъ со всею дружиною храброю. Мать въ отвѣтъ говорить ему любопытныя слова, рѣзко очерчивающія эпоху: «если ты пойдешь на добрыя дѣла, дамъ тебѣ благословеніе великое; если же ты, дитя, на разбой пойдешь, не дамъ благословенія великаго, не носи Василья сыра земля.» Буслаевичъ поплылъ съ дружиною въ Іерусалимъ, на дорогѣ встрѣчаетъ гостей корабельщиковъ, и на вопросъ ихъ, куда погуливаетъ, отвѣчаетъ также очень замѣчательными словами: «Гой еси вы, гости корабельщички! А мое-то вѣдь гулянье неохотное: съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти.» Василій пріѣзжаетъ въ Іерусалимъ: «пришелъ въ церковь соборную, служилъ обѣдни за здравіе матушки и за себя Василья Буславъовича; и обѣдню съ памихидою служилъ по родимомъ своемъ батюшкѣ и по всему роду своему; на другой день служилъ обѣдни съ молебнами про удалыхъ добрыхъ молодцовъ, что съ молоду бито много, граблено.» Буслаевичу не суждено было возвратиться домой изъ этого путешествія: не вѣруя ни въ сонъ, ни въ чохъ, вѣруя только въ свой червленый вазъ, онъ пренебрегъ предостереженіемъ не скакать вдоль заколдованнаго камня, и убилися подъ нимъ. Такимъ образомъ разгульная жизнь новгородской вольницы оставила по себѣ память въ народѣ, и предводитель новгородскихъ ушкуйниковъ является въ промазведеніяхъ народной фантазіи среди богатырей Владимірова времени.

Изъ историческихъ лицъ описываемаго времени является дѣйствующимъ въ старинныхъ пѣсняхъ новгородскій сотскій, Ставръ съ женою. Лѣтопись подъ 1118 годомъ говоритъ, что Владиміръ Мономахъ разсердился на новгородскаго сотскаго Ставра, вызвалъ его къ себѣ въ Кіевъ и заточилъ; изъ лѣтописнаго извѣстія можно понять, что Ставръ былъ виноватъ въ томъ же, въ чемъ и другіе

заточенные съ нимъ вмѣстѣ бояре новгородскіе, а именно въ грабежѣ какихъ-то двухъ гражданъ; но пѣсня приводитъ другую вину, именно хвастовство Ставра своимъ богатствомъ, предъ которыми онъ ни во что ставилъ богатство и великолѣпіе великокняжеское: «Что это за крѣпость въ Кіевѣ, у в. князя Владимира? у меня де, Ставра боярина, широкой дворъ не хуже города Кіева: — а дворъ у меня на семи верстахъ, а гридни, свѣтлицы бѣлодубовы, покрыты гридни сѣдымъ бобромъ, потолокъ въ гридняхъ черныхъ соболей, полъ, середа одного серебра, крюки да пробов по булату злачены.» Здѣсь въ этомъ описаніи убранства Ставрова дома для насъ любопытно то, что всѣ украшенія состоятъ въ дорогихъ металахъ и дорогихъ мѣхахъ: другаго ничего фантазія рассказчика не могла представить.—Лѣтопись новгородская подь 1167 годомъ упоминаетъ о Садкѣ Сытиничѣ, который построилъ каменную церковь св. Бориса и Глѣба. Пѣсня знаетъ о богатомъ гостѣ новгородскомъ Садкѣ, который принесши отъ Волги поклонъ брату ея Ильмену, получилъ отъ послѣдняго чудеснымъ образомъ въ подарокъ несмѣтное сокровище, такъ что Садко могъ выкупить всѣ товары въ Новгородѣ: здѣсь вмѣсто удалаго предводителя вольницы видимъ богатаго купца, который, подпивши на братовщинѣ, хвастаетъ не силою своею, но богатствомъ: такимъ образомъ и другая сторона новгородской жизни оставила по себѣ память въ произведеніяхъ народной фантазіи. Сходство пѣсеннаго Садка съ лѣтописнымъ заключается въ томъ, что и въ пѣсни богатый гость охотникъ строить церкви. Благочестіе Садки не осталось безъ награды: другая пѣсня говорить, какъ Садко, находясь во власти морскаго царя, спасся отъ бѣды совѣтами св. Николая. Изъ *книжничковъ*, сочиненія которыхъ неизвѣстны, упоминается въ лѣтописи подь 1205 годомъ, въ Галичѣ, Тимошеей премудрый книжникъ, родомъ изъ Кіева; этотъ Тимошеей притчами говорилъ противъ мучителя Галичанъ, венгерскаго воеводы Бенедикта «яко въ послѣдняя времена трема имены наречется антихристъ.»

Но если память о важныхъ событіяхъ и лицахъ знаменитыхъ, выдавшихся почему бы то ни было изъ среды современниковъ, сохраняется въ народѣ и передается изъ вѣка въ вѣкъ въ украшеніяхъ повѣствованійхъ; если при условіи грамотности являютсѣ люди, которые въ украшенной рѣчи передаютъ письму извѣ-

стія о какомъ-нибудь важномъ событіи, не позволяя себѣ никакихъ уклоненій, замышленій поэтическихъ, невозможныхъ уже по самой близости событія всѣмъ извѣстнаго, при чемъ очевидно желаніе высказать господствующую мысль, господствующую потребность времени, какова была въ описываемую эпоху, потребность прекращенія княжескихъ усобицъ, княжескаго неспособія другъ другу, потребность, столь ясно высказавшаяся въ словѣ о Полку Игореву; если народу, въ самомъ младенческомъ состояніи, врождено стремленіе знать свое прошедшее, объяснить себѣ, какъ произошло то общество, въ которомъ онъ живетъ; если религиозное уваженіе къ отцамъ требуетъ сохраненія памяти объ нихъ; если это врожденное человѣку уваженіе заставляеть находить въ преданіяхъ старины живое поученіе; если всѣ народы съ величайшимъ наслажденіемъ прислушиваются къ сказаніямъ о дѣлахъ предковъ; если эти сказанія, при отсутствіи грамотности, передаются устно, а при зачаткахъ грамотности первыя записываются; если таковъ общій законъ жизни народовъ, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ жизни русскаго народа было иначе, и отодвигать появленіе лѣтописей какъ можно далѣе отъ времени появленія христіанства съ грамотностію, тѣмъ болѣе, что съ Византією были частыя, непосредственныя связи; Византія служила образцомъ во всемъ относящемся къ гражданственности, и Византія представила образецъ лѣтописей, съ которыми можно было познакомиться даже и въ славянскихъ переводахъ.

Сказавши, что Византія служила образцомъ во всемъ, относящемся къ письменности, мы уже рѣшили вопросъ относительно формы, въ какой должны были явиться у насъ первые памятники собственно историческаго содержанія: они должны были явиться въ видѣ лѣтописи (хроники, анналовъ), погоднаго записыванія извѣстій о событіяхъ, безъ всякой собственно исторической, научной связи между ними. Выраженія: сухое, краткое записываніе никакъ не могутъ идти въ общихъ признакахъ для опредѣленія лѣтописи: лѣтописныя извѣстія отличаются сухостію и украшенностію, краткостію и обиліемъ, вслѣдствіе различныхъ условий—мѣстныхъ, личныхъ, случайныхъ и постоянныхъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Теперь же слѣдуетъ вопросъ: кто у насъ на Руси долженъ былъ первоначально заняться записываніемъ событій, составленіемъ лѣтописей? Мы видѣли, что если между князьями,

а вѣроятно и въ дружинѣ ихъ, были охотники собирать и читать книги, то это были только охотники, тогда какъ на Руси существовало сословіе, котораго грамотность была обязанностію, и которое очень хорошо сознавало эту обязанность, сословіе духовное. Только лица изъ этого сословія имѣли въ то время досугъ и всѣ средства заняться лѣтописнымъ дѣломъ; говоримъ: всѣ средства, потому что при тогдашнемъ положеніи духовныхъ, особенно монаховъ, они имѣли возможность знать современныя событія во всей ихъ подробности и приобрѣтати отъ вѣрныхъ людей свѣдѣнія о событіяхъ отдаленныхъ. Въ монастырь приходилъ князь прежде всего сообщить о замышляемомъ предпріятіи, испросить благословенія на него, въ монастырь прежде всего являлся съ вѣстію объ окончаніи предпріятія; духовныя лица отправлялись обыкновенно послами, слѣд. имъ лучше другихъ былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ; имѣемъ право думать, что духовныя лица отправлялись послами, участвовали въ заключеніи договоровъ сколько изъ уваженія къ ихъ достоинству, могущаго отвратить отъ нихъ опасность, сколько вслѣдствіе большаго умѣнья ихъ убѣждать словами писанія и большей власти въ этомъ дѣлѣ, столько же и вслѣдствіе грамотности, умѣнья написать договоръ, знаніе обычныхъ формъ: иначе для чего бы смоленскій князь поручилъ священнику Іереміи заключеніе договора съ Ригию? Должно думать, что духовныя лица, какъ первые грамотѣи, были первыми дьяками, первыми секретарями нашихъ древнихъ князей. Припомнимъ также, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ князья обыкновенно прибѣгали къ совѣтамъ духовенства; прибавимъ наконецъ, что духовныя лица имѣли возможность знать также очень хорошо самыя подробности походовъ, ибо сопровождали войска, и будучи сторонними наблюдателями и вмѣстѣ приближенными людьми къ князьямъ, могли сообщить вѣрнѣйшія извѣстія, чѣмъ самыя ратные люди, находившіеся въ дѣлѣ. Изъ одного уже соображенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ мы имѣли бы полное право заключить, что первыя лѣтописи наши вышли изъ рукъ духовныхъ лицъ, а если еще въ самой лѣтописи мы видимъ ясныя доказательства тому, что она составлена въ монастырѣ, то обязаны успокоиться на этомъ, и не искать другаго какого-нибудь мѣста и другихъ лицъ для составленія первоначальной, краткой лѣтописи, первоначальныхъ, краткихъ записокъ ***.

Зная что дошедшая до насъ первоначальная лѣтопись вышла изъ рукъ духовенства, мы должны теперь обратиться къ вопросу: въ какомъ видѣ дошла до насъ эта лѣтопись?

Лѣтопись дошла до насъ во множествѣ списковъ, изъ которыхъ самый древній не ранѣе XIV вѣка; изъ всѣхъ этихъ списковъ нѣтъ ни одного, въ которомъ бы не было замѣтно явныхъ вставокъ, слѣдовательно всѣ списки лѣтописей, древніе и позднѣйшіе, представляются намъ въ видѣ сборниковъ. При разсматриваніи этихъ списковъ мы замѣчаемъ, что въ нихъ начальная лѣтопись о русской землѣ, сохраняя явственно одну общую основу, разнится не только по языку, что легко объясняется временемъ составленія того или другаго списка или сборника, но также разнится въ подробностяхъ событій, и въ однихъ спискахъ недостаетъ подъ извѣстными годами такихъ событій, какія находимъ въ другихъ. Отсюда рождается первый, главный для историка вопросъ: какъ пользоваться этими подробностями, этими лишними извѣстіями, которыя находятся въ однихъ, преимущественно позднѣйшихъ сборникахъ, и недостають въ другихъ. Критика историческая прошедшаго столѣтія рѣшила этотъ вопросъ такъ, что должно пользоваться только извѣстіями, находящимися въ древнихъ спискахъ, и считать прибавочныя извѣстія позднихъ сборниковъ за позднѣйшія сочиненія, вымыслы. Но въ наше время, при возмужалости исторической критики, такимъ приговоромъ удовольствоваться нельзя. Одно обстоятельство поздняго составленія сборника не можетъ въ глазахъ историка заподозрить вѣрности извѣстій, въ немъ содержащихся, потому что составитель позднѣйшаго сборника, напримѣръ XVII-го вѣка, могъ пользоваться списками древнѣйшими, для насъ потерянными; слѣдовательно всякое новое извѣстіе, находящееся въ позднѣйшихъ сборникахъ, должно быть подвергнуто критикѣ само по себѣ, безъ отношенія къ позднему составленію. Обычныя старинныя выраженія, что составитель позднѣйшаго, наприм., Никоновскаго сборника *выдумалъ* то или другое извѣстіе, не находящееся въ древнихъ харатейныхъ спискахъ, не имѣетъ для насъ теперь никакого значенія: можно заподозрить грамоту, или извѣстіе какое-нибудь, если онѣ говорятъ въ пользу лица, или сословія, имѣющаго близкое отношеніе къ составителю сборника, но и тогда только, когда эта грамота, или извѣстія будутъ заключать въ себѣ другіе подозрительные признаки;

легко замѣтить извѣстіе, носящее на себѣ слѣды народной фантазіи, и занесенное простодушнымъ составителемъ лѣтописи въ рядъ событій достовѣрныхъ: за это впрочемъ историкъ долженъ быть только благодаренъ составителю сборника, а не упрекать его самого въ выдумкѣ; никто не обязываетъ вѣрить догадкѣ старинаго грамотѣя, который старается объяснить названія извѣстныхъ мѣстностей и для этого придумываетъ рядъ небывалыхъ лицъ и событій. Но никто не имѣетъ права сказать, чтобы составитель позднѣйшаго лѣтописнаго сборника выдумалъ событіе, случившееся за много вѣковъ назадъ, событіе, не имѣющее ни съ чѣмъ связи, событіе, ничего необъясняющее, напримѣръ, что въ XI-мъ вѣкѣ, въ такомъ-то году, приходили Печенѣги на русскую землю, что Аскольдъ и Диръ ходили на Болгарь, что въ такомъ-то году крестился ханъ печенѣжскій, что въ такомъ-то году поймали разбойника; подозрительность относительно подобныхъ извѣстій будетъ служить не въ пользу критика. Но освобожденіе отъ предразсудка относительно извѣстій позднѣйшихъ списковъ, которыхъ нѣтъ въ древнѣйшихъ, значительно измѣняетъ взглядъ нашъ на лѣтопись. Разсматривая начальную нашу лѣтопись, какъ по древнимъ спискамъ, такъ и позднѣйшимъ, болѣе полнымъ, мы прежде всего должны различать извѣстія кievскія и новгородскія, ибо одновременно съ начальною южною, или кievскою лѣтописью мы должны положить и начальную сѣверную, новгородскую; извѣстія обѣихъ соединены въ позднѣйшихъ спискахъ, каковы такъ-называемый софійскій, нпконовскій и другіе.

Такъ, напримѣръ, кievская начальная лѣтопись не знаетъ, какую брали дань Варяги съ сѣверныхъ племенъ; составитель софійскаго списка, пользовавшійся начальною новгородскою лѣтописью, знаетъ: «отъ мужа по бѣлѣ вевериць.» Счетъ годовъ въ Никоновскомъ спискѣ, оканчивающійся Владиміромъ Ярославичемъ, обличаетъ новгородское составленіе; извѣстіе о Владимѣ также.—Южный начальный лѣтописецъ не знаетъ, гдѣ были посажены двое сыновей Владиміровыхъ—Станиславъ и Судиславъ; новгородскій знаетъ: Станиславъ въ Смоленскѣ, Судиславъ во Псковѣ. Подъ 991 годомъ явственна вставка новгородскаго преданія о Перунѣ: «Крестився Володимѣрь, и взя у Фотія патріарха у Царьградскаго перваго митрополита Кіеву Леона, а Новугороду

архієпискупа Якіма Корсуянина... и приде къ Новугороду, архієпискушь Якимъ, и требище разори, и Перуна посѣче и повелѣ въврещи въ Волховъ, и повязавше ужи, влечахуть и по калу, біюще жездіемъ и пихающе, и въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: о горе, охъ мнѣ! достахся немилостивымъ симъ рукамъ; и вринуша его въ Волховъ. Онъ же плыва сквозѣ великій мость, верже палицю свою и рече: на семъ мя поминають новгородскіе дѣти, ею же и нынѣ безумніи убивающесея, утѣху творять бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же переняти его: иде Пидьблянишъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви, и отрину и шестомъ: ты, рече, Перунище, до сыта еси ѣлъ и пилъ, а нынѣча поплыви прочь; плы изъ свѣта неощное.»—Подъ 1034 годомъ въ Софійскомъ и и Никоновскомъ спискѣ встрѣчаемъ явственно новгородское извѣстіе: «Великій князь Ярославъ иде въ Новгородъ, и посади сына своего Володимера въ Новѣгородѣ, и епископа Жиряту; и людемъ написа грамоту, рекъ: «по сей грамотѣ дадите дань.» Бяше же хромоногъ, но умомъ свершенъ и храборъ на рати, и христіанъ, чтяше самъ книги.» Извѣстіе о походѣ Удѣба на Желѣзныя Ворота, встрѣчающесея въ позднѣйшихъ спискахъ, есть извѣстіе чисто новгородское, и потому его нѣтъ въ кievской лѣтописи. равно какъ извѣстіе объ епископѣ Лукѣ Жидятѣ и проч. Когда написана первоначальная новгородская лѣтопись — на это есть указаніе: въ Софійскомъ спискѣ и въ нѣкоторыхъ спискахъ собственно новгородской лѣтописи, подъ 1030 г. встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: «Того же лѣта преставися архієпискушь новгородскій Акимъ: бяше ученикъ его Ефремъ, же ны учааше.» На основаніи этого извѣстія мы имѣемъ полное право отнести составленіе новгородской начальной лѣтописи къ XI вѣку. Такимъ образомъ объясняется часть дополненій, внесенныхъ въ начальную кievскую лѣтопись, составителями позднихъ списковъ: эти дополненія взяты изъ лѣтописи новгородской. Но въ позднѣйшихъ спискахъ мы встрѣчаемъ такіа дополненія, которыя никакъ не могли быть заимствованы изъ сѣверной, новгородской лѣтописи, ибо содержать въ себѣ извѣстія о событіяхъ южныхъ, кievскихъ. Такъ напр. въ началѣ Игорева княженія слѣдующее мѣсто: «И бѣ у него воевода, именемъ Свентелдъ, и премучи Удледи, и владлужи на нихъ дань Игорь и, власть Свентелду, и не владл-

шатся единый градъ, именовъ Пересѣченъ, и сѣдѣ около его три лѣта, и едва взя и. И бѣша сѣдяще Углици по Днепру внизъ; и по семъ приидоша межѣ во Днѣстръ, и сѣдоша тамо. И дасть же и дань Деревскую Свентелду, имаше же по чернѣ кунѣ отъ дыма, и рѣши дружина Игорева: «се даль еси единому мужу много»²³¹. Не могли быть взяты изъ новгородской лѣтописи дополнительныя извѣстія о печенѣжскихъ набѣгахъ, находящіяся въ Никоновскомъ спискѣ подъ 990, 991, 1001 годами, извѣстія краткія, не имѣющія никакого значенія для позднѣйшаго лѣтописца; также извѣстія о крещеніи болгарскихъ и печенѣжскихъ князей, о смерти печенѣжскаго князя Темира, убитаго родственниками²³². Такимъ образомъ должно заключить, что начальная лѣтопись, сохранившаяся въ древнихъ спискахъ, есть сокращенная сравнительно съ тою, которая сохранилась въ позднѣйшихъ.

Сдѣлавши эти предварительныя заключенія, обратимся къ разсмотрѣнію начальной лѣтописи. Съ первыхъ строкъ ея видѣнъ уже источникъ и образецъ—лѣтопись византійская: русской лѣтописецъ начинаетъ свою повѣсть точно также, какъ и лѣтописецъ византійскій, исчисленіемъ странъ, которыя достались потомству троиухъ сыновей Ноевыхъ; это исчисленіе взято изъ греческаго лѣтописца, Георгія Амартола; но русскій лѣтописецъ вставилъ въ него: подлѣ Иллириі (Илюрикъ) *Словене*, и потомъ въ концѣ исчисленіе сѣверныхъ рѣкъ и народовъ, при чемъ карпатскія горы называются кавкасіескими, или угорскими. Включивши въ число семидесяти двухъ народовъ и народъ славянскій, отъ племени Афетова, лѣтописецъ указываетъ первоначальное жилище Славянъ⁴ на Дунаѣ, и потомъ выселеніе ихъ на сѣверъ и сѣверовостокъ, сперва добровольное, потомъ вынужденное притѣсненіями враговъ, Волховъ; для опредѣленія этихъ Волховъ, по понятіямъ лѣтописца, можно пользоваться другимъ мѣстомъ лѣтописи, гдѣ говорится о нашествіи Венгровъ на Дунайскія страны: «Пришедъ отъ востока (Угры) и устремившася черезъ горы великія и почаша воевати на живущая ту Волхи и Словѣни. Сѣдаху бо ту преже Словѣни, и Волхъве приаша землю словѣньску; по семъ же Угри прогнаша Волхъи, и наслѣдиша землю, и сѣдоша съ Словѣни, покоривше я подъ ся.» Итакъ Венгры застали Волховъ вѣсть съ Славянами. Въ разказѣ о поселеніи славянскихъ племенъ въ нынѣшней Россіи, ихъ бытѣ и судьбѣ, тотчасъ видно,

что составитель лѣтописи житель Кіева, принадлежитъ къ племени Полянъ; это племя на первомъ мѣстѣ, имъ особенно занимается лѣтописецъ, объ немъ больше всего знаетъ, его нравственность превозноситъ въ ущербъ всѣмъ остальнымъ племенамъ. Лѣтописецъ знаетъ, что, въ отдаленныя времена, когда еще Поляне жили особо, отдѣльными родами по горамъ кіевскимъ³³³, уже шелъ путь изъ Скандинавіи въ Грецію, по Днѣпру и сѣвернымъ рѣкамъ озерной области; на первыхъ страницахъ лѣтописи уже дается уразумѣть значеніе географическаго положенія Европейской Россіи, значеніе водныхъ путей. Послѣ извѣстія о морѣ Понтическомъ или русскомъ, въ лѣтопись вставлено сказаніе о путешествіи Апостола Андрея на сѣверъ до Новгорода; понятно, что сказаніе это могло явиться только во времена христіанскія, когда узнали, что Апостоль Андрей проповѣдывалъ въ Скиѣи; вставка начинается словами; «яко же рѣша»³³⁴.

За вставкою о путешествіи Апостола Андрея слѣдуетъ рассказъ о построеніи города Кіева. Во время лѣтописца составилось уже обычное объясненіе мѣстныхъ названій именами лицъ, будто бы тутъ жившихъ, явились братья Кій, Щекъ, Хорявъ съ сестрою Лыбедью для объясненія названій Кіева, горъ Щековицы и Хоревницы и рѣчки Лыбеди. Лѣтописецъ сообщаетъ намъ два преданія о Кіѣ: одно мы должны назвать собственно толкованіемъ; были во времена лѣтописца люди, которые, основываясь на выраженіи: «Кіевъ перевозъ», толковали, что Кій было имя перевозчика; лѣтописецъ отвергаетъ это сухое толкованіе; онъ принимаетъ преданіе о Кіѣ-князѣ, который ходилъ въ Царьградъ, принесть большую честь отъ царя, и на возвратномъ пути основалъ на Дунаѣ маленькій городокъ Кіевецъ. Но здѣсь для насъ очень важно выраженіе лѣтописца: «якоже сказаютъ». Здѣсь видѣтъ источникъ, которымъ пользовался лѣтописецъ—это народныя сказанія. Принимая преданіе о Кіѣ-князѣ, лѣтописецъ и роду его, потомству всѣхъ братьевъ, приписываетъ княженъ между Полянами: «и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъ въ Цолахъ»; потомъ, чтобъ показать особность всѣхъ остальныхъ племенъ, прибавляетъ: «въ Деревлахъ свое, а Дреговичи свое» и т. д.;—т. е. въ Деревлахъ, у Древланъ свое, независимое княженъ, а Дреговичи держатъ свое. Но мы знаемъ, какъ лѣтописецъ вывелъ заключеніе о важномъ владѣльческомъ значеніи Кіи и ея

рода; источники его относительно дреговических и древлянских князей еще болѣе скудны, и въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго читаемъ: «а Древлѣне собѣ, а Дрягвичи собѣ жить (начаша), а Словяне собѣ Новгородци, а Полочане такожь безъ князей» и проч.

Сказавши о разселеніи племенъ славянскихъ; о народахъ чужихъ, которые въ его время платили дань Руси, лѣтописецъ сообщаетъ извѣстія о нашествіи разныхъ степныхъ народовъ съ востока на Славянъ — единственные событія въ жизни послѣднихъ; здѣсь источниками служатъ для него отчасти греческія лѣтописи, отчасти туземныя, славянскія преданія и пословицы. Такъ изъ византійскихъ источниковъ онъ знаетъ, что Угры Бѣлые явились при царѣ Иракліи и ходили на Хозроя царя персидскаго; изъ славянскихъ преданій знаетъ онъ о притѣсненіяхъ, которымъ дубовскія женщины подвергались отъ аваровъ; изъ пословицы: *ко-мбоша аки Обры*, заключаетъ о гибели этого народа безъ племени и наслѣдка.—Потомъ лѣтописецъ переходитъ къ описанію нравовъ и обычаевъ племенъ славянскихъ. Свѣдѣніе объ этомъ предметѣ, разумѣется, онъ могъ получить изъ разныхъ преданій и пѣсень; но онъ самъ указываетъ на другой, вѣрный источникъ: старинныя нравы и обычаи племенъ, сохранившіеся въ его время: «это дѣлаютъ Вятичи и нынѣ», прибавляетъ онъ, говоря о древнихъ языческихъ похоронныхъ обрядахъ; должно замѣтить и здѣсь, что о сѣверныхъ, отдаленныхъ племенахъ лѣтописецъ знаетъ мало, говоритъ неопредѣленно, вообще: «си же творяху обычаи Кривичи, прочіи потани.» Подлѣ описанія славянскихъ нравовъ и обычаевъ вставлено описаніе нравовъ и обычаевъ различныхъ народовъ изъ греческой хроники Георгія (Амартола). Извѣстія о дорюриковскомъ бытѣ восточныхъ Славянъ оканчиваются извѣстіемъ о притѣсненіяхъ, которымъ подвергались Поляне отъ Древлянъ и другихъ окрестныхъ племенъ, и потомъ извѣстіемъ о нашествіи козарь, которые принудили Полянъ платить себѣ дань; здѣсь вставлено сказаніе о дани по мечу съ дыма, сказаніе очевидно позднѣйшее, считенное уже въ то время, когда Козары пали подъ ударами русскихъ князей: «Нашли Козары Полянъ, оидящихъ по этимъ горамъ въ лѣсахъ, и сказали Козары: платите намъ дань. Поляне, подумавши, дали по мечу отъ дыма; понесли эту дань Козары къ князю своему и старшинуемъ; и сказали имъ: вѣтъ

мы нашли дань новую.—Ты спросил: откуда мы это взяли? Въ лѣсу, на горахъ, надъ рѣкою Двиговою, оувѣчали они. Старцы коварные назвали тогда: не добра эта дань, клямы мы допеклись въ оружіяхъ, которое остро только съ одной стороны, саблями, а у этихъ оружія обоюду острое, мечь; будутъ она брать дань на насъ и на другихъ странахъ.» Такъ и случилось, прибавляетъ лѣтописецъ: владыку Козарамъ Рускію..и до сего времени.

Вотъ все, что находимъ въ лѣтописи о де-риоритавскомъ времени: картина, повидимому, очень скудная въ подробностяхъ; но мы не имѣемъ никакого права предполагать, что лѣтописецъ утаилъ отъ насъ что-нибудь, что онъ знаетъ больше, чѣмъ склонно заключать, събѣдовательно и въ самой дѣйствительности историкъ не долженъ искать ничего больше; и въ самомъ дѣлѣ какихъ еще нужно болѣе подробностей? живеть націи: особе, съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, владеть родомъ своимъ; когда изгоняются завоеватели, то родъ встаетъ напередъ, и начинаются усобицы; лѣтописецъ упоминаетъ о городахъ; но тутъ же и даетъ знать, какъ мы должны представлять себѣ эти города, ихъ отношенія между собою и къ остальному народонаселенію: жители ихъ пахутъ землю, присутствие городовъ не мѣшаетъ людямъ жить въ лѣсу подобно звѣрямъ, убивать другъ друга, похищать дѣвщцы; вотъ все быть; и что еще сказать объ немъ кромѣ того, что сказано у лѣтописца? Расскажь его: воюетъ и поюетъ. Племена воюютъ другъ съ другомъ, сильнѣйшія обижаютъ слабѣйшихъ; но что представляютъ подробности этихъ усобицъ, и можно ли надѣяться найти эль въ лѣтописи? Но лѣтописецъ записалъ преданія о князьяхъ варягокинъ народовъ изъ Авіи, о внезапномъ исчезновеніи, сибѣ одного другимъ, притѣсненіяхъ, которымъ подвергались отъ нихъ племена обѣдныя, но слабыя по причинѣ разсѣянности своего: таковы главныя явленія въ жизни племени, населявшихъ южную великую восточную равнину Европы, лѣтописецъ рускіи продолжаетъ въ этомъ отношеніи историкомъ древности. Неречасомъ промена по сибѣмъ слѣдамъ, какъ они сохранились во времена лѣтописца; наконецъ записано сказаніе о происхожденіи его народа; князьяго народа всей русской земли, связанію, естественнаго по общему закону; чрезъ объясненіе мѣстности названій именами лицъ.

Послѣ сказанія о коверской дани начинается собственная лѣтопись, т. е. погодное записываніе событій. Съ какого же времени лѣтописецъ начинаетъ свою *лѣтопись*? Онъ начинаетъ ее съ 852 г. по Р. Х.: «Съ царствования Михаила, императора греческаго, является впервые названіе русской земли: объ этомъ мы узнали, продолжаетъ лѣтописецъ потому, что при царѣ Михаилѣ приходили Русскіе на Царьградъ, какъ пишется въ лѣтописцѣ греческомъ; по этому-то отсюда начнемъ и числа положимъ.»

По образцу греческаго лѣтописца, и наши начинаютъ перечисленіе: отъ Адама до потопа столько-то лѣтъ; отъ потопа до Авраама столько-то, и т. д., доходитъ до царя Михаила, и отъ него переходитъ къ Русской Исторіи: «отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, русскаго князя, лѣтъ 29; а отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Києвѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святослава лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святослава до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣти 8; а Володимеръ лѣтъ 37; а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣмъ же отъ смерти Святослава до смерти Ярополча лѣтъ 60.» Любопытно мѣсто Никоновскаго списка, гдѣ время призванія князей означено такъ: «При Михаилѣ и Василіѣ царема и при Фотіѣ патріарсѣ придоша Словене» и проч. Потому важно окончаніе смерти Святослава Изяславича — знать, что лѣтопись составлена во время между смертью Святослава и смертью преемника его, Владимира Мономаха.

Послѣ означеннаго исчисленія слѣдуетъ годъ 858 годомъ извѣстіе изъ греческой, или болгарской лѣтописи о крещеніи Болгаръ; годъ слѣдующимъ 859 годомъ извѣстіе: «Имаху данъ Варязи изъ-за моря на Чудѣхъ и на Словѣнѣхъ, на Мерѣ и на вѣсѣхъ Кривѣтѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ и на Севѣрѣхъ, и на Вѣличѣхъ, вѣску по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма.» Любопытное выраженіе: «*амлаху*» мѣсто: «придоша Варязи» и тому подобн. По происшествіи двухъ лѣтъ полныхъ отъ извѣстія о дани помѣщено извѣстіе объ изгнаніи Варяговъ и призваніи князей; по происшествіи двухъ лѣтъ послѣ призванія умираютъ Рюриковы братья, по происшествіи двухъ лѣтъ по смерти Рюрика Олегъ оставляетъ Новгородъ. Здѣсь очень любопытно также слышанной разсказъ годъ одинъ 862 годомъ о призваніи Рюрика, о смерти его младшимъ

братьевъ, о раздачѣ городовъ, объ отпускѣ Аскольда и Дира на югъ.

Вездѣ здѣсь явственны слѣды того, что извѣстія о пришествіи князей и утвержденіи ихъ первоначально составляли отдѣльный сплошной рассказъ безъ годовъ, которые внесены послѣ; насильственный разрывъ рассказа внесеніемъ годовъ особенно замѣтенъ въ извѣстіи о походѣ Аскольда и Дира на Грековъ: «Рюрику же князю въ Новгородѣ — въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374—иде Аскольдъ и Диръ на Греки» и проч.

Къ этому первоначальному сказанію виѣсть съ предисловіемъ о до-рюриковскомъ времени и можетъ только относиться заглавіе: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда русская земля стала есть.»

Начальный кіевскій лѣтописецъ почти ничего не знаетъ о подробностяхъ призванія, о событіяхъ княженія Рюрика: преданія о Гостомыслѣ и Вадимѣ внесены въ позднѣйшіе списки изъ начальной новгородской. Извѣстіе о походѣ Олега на югъ и утвержденіи въ Кіевѣ очевидно взято изъ устныхъ преданій, въ которыхъ Олегъ являлся первымъ собирателемъ племень, первымъ учредителемъ наряда: къ его времени относились всѣ древніе уставы, наприм., дань Новгородская. Событія раздѣлены по годамъ: на каждый годъ по походу на одно изъ племень; потомъ извѣстія о дѣятельности Олеговой прекращаются въ продолженіе 17 лѣтъ; подъ 903 годомъ помѣщено извѣстіе о бракѣ Игоря на Ольгѣ: замѣтимъ, что лѣтописцу нужно было помѣстить это извѣстіе позднѣе по соображеніямъ съ малолѣтствомъ Свитослава при смерти отцовой. Подъ 907 годомъ помѣщено извѣстіе о походѣ Олега на Грековъ. Извѣстный характеръ рассказа о походѣ Олеговомъ ясно указываетъ на источникъ — устная народныя сказанія, при чемъ въ лѣтописи нельзя не замѣтить явную сшивку двухъ извѣстій: она обличается повтореніемъ одного и того же извѣстія о данн сперва по 12 гривенъ на человека, а потомъ по 12 гривенъ на ключъ.

Подъ 914 годомъ помѣщено извѣстіе о кометѣ, взятое очевидно изъ греческой и болгарской лѣтописи; подъ 912 годомъ договоръ съ греками. Неоспоримыя свидѣтельства греческихъ источниковъ о договорахъ, заключаемыхъ Имперією съ разными варварскими народами, свидѣтельства о договорахъ, именно заключенныхъ съ Русью, соответствіе послѣднихъ договоровъ до-

говорить, заключеннымъ съ другими народами, необходимость, какую чувствовало греческое правительство урядиться съ русскимъ княземъ относительно того, какъ поступать въ случаяхъ столкновѣнїи русскихъ съ подданными Имперїи въ Константинополѣ, случаяхъ, не могшихъ быть рѣдкими, полное соотвѣтствіе, содержанїя договоровъ обстоятельствамъ времени, наконецъ языкъ, во многихъ мѣстахъ темный, показывающій ясныя слѣды перевода съ греческаго, не оставляють никакого сомнѣнїя въ подлинности договоровъ—Олегова, Игорева, Святославова²³³. Но всѣмъ въротно-стямъ до лѣтописца дошелъ переводъ, современный подлиннику; переводъ этотъ долженъ былъ храниться въ Киевѣ у князей, и храниться тщательно, потому что торговоыя сношенїя русскихъ съ Византією были предметомъ первой важности для Руси и князей, а нѣтъ сомнѣнїя, что и въ послѣдствїи поступали съ русскими въ Константинополѣ на основанїи древнихъ договоровъ; странно думать, что *Норманы* вообще заботились мало о сохраненїи и исполненїи договоровъ: норманскїе пираты, быть можетъ, мало заботились объ этомъ, но уже показано было прежде, что русскїе князья не могли оставаться норманскими пиратами, и гдѣ доказательство, что они мало заботились объ ихъ исполненїи и сохраненїи? Послѣ заключенїя Олегова договора Игорь пошелъ на Грековъ: но гдѣ доказательства, что онъ пошелъ мевынужденный нарушенїемъ договора со стороны грековъ? Когда послѣднїе объявили ему, что будутъ платить сколько же, сколько платили Олегу, то онъ заключилъ съ ними миръ; имѣемъ право думать, что походъ былъ именно и предпринятъ для того, чтобъ возстановить прежнїя отношенїя. Святославъ завоевалъ Болгарїю по договору съ Греками же, и потомъ велъ противъ нихъ войну оборонительную; походъ Владимїра тѣсно связанъ въ лѣтописи съ намѣренїемъ принять христіанство; Ярославъ послалъ сына на Грековъ именно потому, что въ Константинополѣ обидѣли русскихъ купцовъ, слѣдовательно не выполнили договора. Надобно замѣтить, что у насъ вообще походы древнихъ русскихъ князей на Византію представляють чѣмъ-то непрерывнымъ, обычнымъ, тогда какъ всѣхъ ихъ было только шесть.

Записавъ преданїе о смерти Олеговой, лѣтописецъ вставляетъ извѣстія о волхвахъ, являвшихся у другихъ народовъ; вставка понятная до тому интересу, который возбуждали волхвы между со-

временниками летописца. Долговременное княжение Игоря, от которого дошло очень мало преданий, пополняется известиями из греческой и болгарской летописи. Известие о первом походе Игоревъ на Грековъ взято изъ тѣхъ же источниковъ, известие о второмъ изъ туземныхъ преданій; изъ нихъ же взято оправданіе въ неудачѣ перваго похода; очевиденъ тотъ же самый источникъ въ известіяхъ о смерти Игоря, о мѣстѣ Ольги, о ея распоряженіяхъ, о крещеніи, которое описано исключительно по туземнымъ преданіямъ безъ всякаго соображенія съ греческими источниками: это доказываетъ имя императора, при которомъ крестилась Ольга, Цимискій, и годъ событія. Еще въ княженіе Игоря, 943 годомъ оканчиваются выписки изъ греческой или болгарской летописи о тамошнихъ событіяхъ, и съ этихъ поръ очевидно исключительное пользованіе туземными устными преданіями. Уже выше было замѣчено, когда должно было окончательно образоваться преданіе о проповѣдникахъ разныхъ вѣръ при Владимірѣ; здѣсь замѣтимъ любопытное показаніе: во времена летописца жили люди, которые помнили крещеніе земли русской; не смотря на то, во времена же летописца уже существовали различныя противорѣчивыя преданія объ этомъ событіи, о мѣстѣ крещенія Владимірова; утверждая, что Владиміръ, крестился въ Корсунѣ, летописецъ прибавляетъ: «Се же не свѣдуще право глаголють, яко крестился естъ въ Кіевѣ; инии же рѣша Василиви; друзи же инако скажутъ;» такъ въ одномъ дошедшемъ до насъ житіи Владиміра сказано, что этотъ князь предпринималъ походъ на Корсунъ, на третій годъ по принятіи крещенія. Замѣтимъ явную спивку въ началѣ княженія Святополкова: тотчасъ послѣ известія о смерти Владиміровой, послѣ заглавія: о *убіеніи Борисовѣ*, читаемъ: «Святополкъ же съде Кіевѣ по отцѣ своемъ, и съзва Кыяны, и нача даяти имъ ижънѣе,» — а послѣ известія о смерти Святослава Древлянскаго, читаемъ опять: Святополкъ же оканный нача княжити Кіевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другимъ кунами, и раздая множество.» Очевидно, что объ убіеніи св. Бориса и Глѣба вставлено особое сказаніе въ летопись: это доказываетъ особое заглавіе; замѣтимъ, что вслѣдствіе сильнѣйшаго развитія церковной литературы, въ позднѣйшихъ спискахъ летописи мы встрѣчаемъ распространенныя сказанія не только объ убіеніи св. Бориса и Глѣба, но также и о страданіи первоучениковъ рус-

противоположность такого поведения съ событіемъ, случившимся по смерти Феодосія, относительна игумена Стефана.—о великихъ подвижникахъ, какіе были при Феодосіи, и обращеніи съ ними послѣдняго, е Даміанъ чудотворивъ и другихъ; здѣсь, въ разсказѣ о жизни св. Исаіи, встрѣчаемъ слѣдующія слова: «И многа повѣдаху о немъ, а другое и самовидѣць быхъ.» Подъ 1094 годомъ встрѣчаемъ разсказъ объ открытіи мощей св. Феодосія, въ которомъ повѣствователь говоритъ о себѣ, какъ о главномъ дѣйствователѣ, и въ заключеніи называетъ себя рабомъ и ученикомъ Феодосія. Подъ 1093 годомъ, въ благочестивомъ размышленіи о Воинихъ наказаніяхъ, встрѣчаемъ слова: «Се бо азъ грѣшный и много и часто Бога прегнѣшаю, и часто согрѣшаю по вса дни.» Подъ 1096, въ разсказѣ о нашествіи Половцевъ на Печерскій монастырь, читаемъ: «И придоши въ монастырь Печерскій, намъ сущимъ по колѣямъ печивающимъ; по заутрени... намъ же бѣжающимъ задомъ монастыря.» Подъ тѣмъ же годомъ въ единствѣ изъ древнѣйшихъ списковъ, такъ называемомъ Лаврентьевскомъ, находится позднѣйшая вставка обученія Мономаха къ дѣтиямъ, перемѣшаннаго съ письмомъ его къ Олегу Святославичу; вставка позднѣйшая, потому что начальныи составитель лѣтописи, современникъ Мономаха, конечно могъ имѣть въ рукахъ оба эти памятника и вставить ихъ въ свою лѣтопись; но не могъ вставить ихъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находимъ ихъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ, ибо здѣсь они вставлены между извѣстіями, которыя не могутъ быть раздѣлены, а именно: описавши нашествіе Половцевъ, лѣтописецъ начинаетъ говорить о происхожденіи разныхъ варварскихъ народовъ: «а Неманъ роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени, и Печенѣи, и Търци, и Кумани, рекаше Половци, иже исходятъ отъ пустыни, и по сихъ 8 колѣмъ гъ кончинѣ вѣна изидуть, заклепони въ гърѣ Александромъ Македонскимъ, нечистыя чловѣкы.» За этимъ непосредственно долженъ слѣдовать разсказъ лѣтописца о людяхъ, заключенныхъ въ гору, о которыхъ онъ слышалъ отъ Новгородца Гюрати Роговича; тогда какъ между этимъ разсказомъ и послѣдними приведенными словами: «нечистые чловѣкы,» вставлено поученіе Мономаха и его письмо къ Олегу. Но потомъ насъ останавливаетъ еще одно обстоятельство: но окончаніи разсказа о войнѣ Мстислава Владиміровича Новгородскаго съ дядею Олегомъ Святославичемъ: «И посла къ

Олгови (Мстиславъ), глаголя: не бѣгай никаможе, не пошлися къ братья своей съ молбою, не лишать тя Русьскыѣ земли; и азъ пошлю къ отцю молится о тебѣ. Олегъ же общаяся тако створи,»—лѣтописецъ прибавляетъ: «Мстиславъ же възвративси вснати Суждаю, оттуду поиде Новугороду въ свой градъ, *молитвами преподобнаго епископа Никиты.*» Странно, что кievскій лѣтописецъ сдѣлалъ эту прибавку; тогда какъ мы знаемъ обычай Новгородскаго лѣтописца приписывать успѣхъ дѣла молитвамъ современнаго событію владыки; напр., подъ 1169 г.: «И къ вечеру побѣди я князь Романъ съ Новгородьци силою крестною и св. Богородицы и молитвами благовѣрнаго владыки Иліѣ.» Можно возразить одно, что упомянутый здѣсь владыка Никита былъ знаменитый своею святостію инокъ кievопечерскій: это и могло побудить кievскаго лѣтописца, инока Печерскаго монастыря, приписать побѣду Мстислава молитвамъ св. Никиты; но съ другой стороны, трудно предположить, чтобъ это событіе не было подробно рассказано въ Новгородской лѣтописи, когда преданіе о славной войнѣ Мстислава и Новгородцевъ съ Олегомъ переходило изъ рода въ родъ въ Новгородѣ: въ 1216 году Новгородцы вспоминаютъ, какъ ихъ предки бились на Кулакшѣ. Карамзинъ также замѣтилъ отличіе этого рассказа отъ остальныхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи: индиктъ и годъ означены въ концѣ ²³⁸.

Подъ слѣдующимъ 1097 годомъ встрѣчаемъ вставочный рассказъ объ ослѣпленіи Василька. Нашли ²³⁹, что слогъ этого рассказа явственно отличается отъ слога цѣлой лѣтописи, въ которой не замѣчается выраженій, подобныхъ слѣдующему, наприм.: «Бонякъ же раздѣлился на три полкъ, и сбиша Угры аки въ мячь, яко и соколъ сбиваетъ галицѣ;» замѣтили, что подобныя выраженія просятъ въ Слово о Полку Игореву; но они просятъ не въ это сочиненіе, а въ волынскую лѣтопись, которая именно отличается подобнымъ слогомъ, и которой первая часть, до смерти Романа Великаго, не дошла до насъ, кромѣ этого отрывка объ ослѣпленіи Василька; это происшествіе собственно волинское, имѣвшее важное вліяніе преимущественно на судьбы Волыни, и потому долженствовавшее быть въ подробности описано тамъ же; лѣтописецъ, составлявшій свою лѣтопись въ Кіевѣ, не могъ написать: «И по ту ночь ведоша и Бѣлгороду, иже градъ малъ у Кіева яко 10 версть въ дале.» Авторъ сказанія является самъ дѣй-

ствующимъ лицомъ въ разсказѣ, открываетъ свое имя, приводя слова князя Давыда Игоревича, который называетъ его тескою князя Василька. Вставка этого мѣста изъ волынской лѣтописи явственна еще потому, что послѣ него опять повторяются прежнія извѣстія по порядку годовъ, изъ лѣтописи, въ которую вставленъ упомянутый разсказъ о Василькѣ. Подъ 1106 годомъ читаемъ: «Преставися Янъ, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старостѣ маститѣ; живъ по закону Божью, не хужій бѣ первыхъ праведникъ, отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ отъ него же слышахъ.» Наконецъ послѣ 1110 года встрѣчаемъ слѣдующую приписку: «Игуменъ Селивестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимери, князю ему Киевѣ, а миѣ въ то время игуменащю у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже четъ книги сія, то буди ми въ молитвахъ.»— Такимъ образомъ въ началѣ XII вѣка мы встрѣчаемъ ясное свидѣтельство объ извѣстномъ Сильвестрѣ Выдубецкомъ, который говоритъ о себѣ, что онъ написалъ лѣтописецъ. Возрастъ этого Сильвестра нисколько не препятствовалъ бы признать его первымъ составителемъ начальной кievской лѣтописи, относить къ нему извѣстіе подъ 1064 годомъ; будучи ребенкомъ, лѣтъ 7, онъ могъ ходить смотрѣть урода, вытащенного рыбаками, и случай этотъ могъ сохраниться живо въ его памяти. Но есть преданіе, которое приписываетъ составленіе древней кievской лѣтописи иноку Киевопечерскаго монастыря, преподобному Нестору; въ пользу этого преданія свидѣлствуетъ самая приписка Сильвестрова, ибо на ея основаніи гораздо естественнѣе было бы объявить Сильвестра лѣтописцемъ, а не предполагать другаго, Нестора; извѣстіе подъ 1004 годомъ можетъ относиться столько же и къ Нестору, сколько къ Сильвестру; но за то мѣста встрѣченныя нами въ разсказѣ о Печерскомъ монастырѣ, о кончинѣ Феодосія, объ открытіи мощей его, о нападеніи Половцевъ на монастырь прямо свидѣлствуютъ о лѣтописцѣ — инокѣ Киевопечерскаго монастыря. Для соглашенія извѣстій о Несторѣ лѣтописцѣ съ свидѣтельствомъ Сильвестра, написавшаго въ 1116 году лѣтописецъ, предполагаютъ, что Сильвестръ былъ переписчикомъ или продолжателемъ Несторовой лѣтописи. Въ 1116 году Сильвестръ могъ переписать лѣтопись, оконченную въ 1110 году, и продолжать записываніе со-

бытій дальнѣйшихъ годовъ²⁴⁰. Но относительно Нестора являются новыя возраженія: указываютъ на поразительныя разнорѣчія, какія находятся между Несторовымъ сказаніемъ о убіеніи Бориса и Глѣба, и извѣстіями, помѣщенными въ лѣтописи, на разнорѣчія, какія находятся между Несторовымъ житіемъ св. Θεодосія и тѣми извѣстіями о св. Θεодосіи и объ авторѣ житія его, какія находятся въ лѣтописи. Такъ какъ безъ крайнихъ натяжекъ нѣтъ возможности согласить эти разнорѣчія, то, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, должно принять, что или Несторова лѣтопись подверглась большимъ измѣненіямъ и дополненіямъ, или что не Несторъ, а другой кто-либо составлялъ дошедшую до насъ первую лѣтопись²⁴¹. Но для насъ нѣтъ еще рѣшительныхъ доказательствъ, которыя могли бы заставить предпочесть второе положеніе первому. Для насъ важно то, что со второй половины XI вѣка въ Кіевѣ мы замѣчаемъ явные признаки лѣтописца—очевидца событій, что еще прежде открываемъ слѣды Новгородскаго лѣтописца, что въ концѣ XI вѣка открываемъ извѣстія, обличающія волинскаго лѣтописца, что дошедшіе до насъ списки начальной лѣтописи представляютъ сборники, составленные изъ кіевской, новгородской и волинской лѣтописей, что, по свидѣтельству владимірскаго епископа Симона въ посланіи его къ монаху Поликарпу, существовалъ еще старый лѣтописецъ ростовскій, въ которомъ можно было найти имена всѣхъ епископовъ, поставленныхъ изъ монаховъ кіевонечерскихъ, что древнѣйшіе списки начальной лѣтописи представляютъ лѣтопись сокращенную, пополненія которой должно искать въ извѣстіяхъ, содержащихся въ позднѣйшихъ спискахъ, напримѣръ, въ Никоновскомъ и другихъ; извѣстія эти не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, не выдуманы позднѣйшими составителями лѣтописи; выраженія въ родѣ такихъ: «это извѣстіе Никоновскаго списка выдуманно, потому что его нѣтъ въ харатейномъ Несторѣ»—не имѣютъ болѣе смысла въ наукѣ; тотъ же самый выводъ должно распространить и на извѣстія, находящіяся въ Татищевскомъ сводѣ лѣтописей, ибо противъ ихъ достовѣрности употребляли тоже самое возраженіе: выдуманно, потому что этого нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ.

Послѣ приниски Сильвестра и древнѣйшіе списки болѣе или менѣе расходятся другъ съ другомъ въ подробностяхъ. Всѣ онѣ содержатъ въ себѣ лѣтопись общую всероссійскую, или лучше

сказать, княжескую лѣтопись, ибо главное, почти исключительное содержаніе ея составляютъ отношенія Рюрикава княжескаго рода; но и въ лѣтописи XII-го и начала XIII-го вѣка, какъ въ расмотрѣнной лѣтописи XI-го вѣка, въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, легко замѣтить, что они принадлежать то кievскому, то черниговскому, то полоцкому, то суздальскому лѣтописцу; въ концѣ же XII-го вѣка извѣстія кievскаго лѣтописца явственно прекращаются, и у насъ остаются двѣ лѣтописи, одна, явно написанная на Волини, а другая на сѣверѣ, въ суздальской землѣ; впрочемъ еще прежде, съ явственнаго отдѣленія сѣверной Руси отъ южной, съ княженія Всеволода III-го, замѣчаемъ и явственное, такъ-сказать сплошное отдѣленіе сѣверной лѣтописи отъ южной²². Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописи событій XII-го вѣка, въ которыхъ опять видимъ ясныя признаки лѣтописца-очевидца, современника событій, или признаки мѣстныхъ лѣтописей. Подъ 1114 годомъ въ Ипатьевскомъ спискѣ читаемъ: «Въ се же лѣто Мстиславъ заложилъ Новгородъ болѣе перваго. Въ се же лѣто заложена бысть Ладога каменіемъ на присиѣ, Павломъ посадникомъ, при князѣ Мстиславѣ. Пришедшу ми въ Ладогу, повѣдаша ми ладожане: яко сдѣ есть, егда будетъ туча велика, и находятъ дѣти наши глазки стеклянныи, и малые и великии, повертаны, а другыя подлѣ Волховъ берутъ, еже вышолоскываетъ вода, отъ нихъ же взяхъ болѣе ста; суть же различни. Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: се не дивно; и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядъ, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча и въ той тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена, и възрастши и расходится по землѣ, и пакы бываетъ другая туча, и испадають оленци мали въ ней, и върастають и расходится по земли. Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ ладожскый и всѣ ладожане.» Здѣсь ясно, что лѣтописецъ былъ современникъ построенія каменной крѣпости въ Ладогѣ, ибо имѣлъ разговоръ съ посадникомъ Павломъ, ее построившимъ; но откуда родомъ былъ этотъ лѣтописецъ, гдѣ писалъ, изъ какой лѣтописи это извѣстіе занесено въ Ипатьевскій списокъ—этого рѣшить нельзя; замѣтимъ, что въ Новгородской лѣтописи заложеніе ладожской крѣпости помѣщено двумя годами позднѣе, чѣмъ въ Ипатьевскомъ спискѣ.—Подъ 1151 годомъ: «И рече (Изяславъ Мстиславичъ) слово то, ако же шперече *смышагомъ*: не идетъ мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣ-

сту.» Очевиденъ современникъ событій и человекъ, имѣвшій случай разговаривать съ княземъ. Подъ 1161 годомъ: «Бысть брань крѣпка... и тако страшно бѣ зрѣти яко второму пришествію быти.» Подъ 1171 годомъ: «На утряя же въ субботу поидохоутъ съ Володимиромъ изъ Вышегорода.» Подъ 1187 годомъ: «И на ту осень бысть зима зла велми, тако иже въ нашу память не бывало николи же.» Подъ 1199 годомъ, въ рассказѣ о построеніи стѣны у Выдубецкаго монастыря: «Въ тое же время благоволи Богъ... и вдохнувъ мысль благу во богопріятное сердце великому князю Рюрикову... тѣ же съ радостію примѣ, аки благый рабъ вѣрный потчася немедленно сугубити дѣломъ... Но о Христѣ державно милосердуя о всѣхъ, по обычаю ти благому, и нашея грубости писаніе прими, аки даръ словесенъ на похваленіе добродѣтелей.» Здѣсь очевиденъ и современникъ событій и мовахъ Выдубецкаго монастыря; но нельзя рѣшить, принадлежитъ ли ему и записываніе предыдущихъ событій, или рассказъ о построеніи стѣны составляетъ отдѣльный памятникъ, и вставленъ въ лѣтопись какъ замѣчательное риторическое произведеніе. Есть извѣстіе, изъ котораго можно вывести отрицательно, что лѣтописецъ не принадлежалъ къ братіи Киевопечерскаго монастыря: въ Лавр. спискѣ подъ 1128: «Преяша церковь Димитрія Печеряне, и нарекоша ю Петра, съ грѣхомъ великимъ и неправо.»

Разность лѣтописцевъ— одного черниговскаго, а другаго киевскаго или, по крайней мѣрѣ, принадлежащаго къ сторонѣ Мономаховичей, видна въ рассказѣ объ изгнаніи Ольговичей изъ Кіева и вступленіи туда Изяслава Мстиславича подъ 1146 годомъ въ Ипатьевскомъ спискѣ: сначала намѣреніе изгнать Ольговича называется постоянно совѣтомъ злымъ, вложеннымъ отъ дьявола; а потомъ говорится о томъ же самомъ событій, т.-е. объ изгнаніи Ольговича и торжествѣ Изяслава Мстиславича: «Се же есть пособіемъ Божиимъ, и силою Честнаго Хреста, и заступленіемъ Св. Михаила, и молитвами Св. Богородицы.» Потомъ опять слышенъ голосъ другаго, прежняго лѣтописца, укоряющаго Давыдовичей за то, что они не хотѣли воевать съ Мстиславичемъ, отыскивать свободы Игорю Ольговичу, брату своему (двоюродному): «Лукавый и пронирыливый дьяволъ, не хотяя добра межи братьею, хотяя приложити зло къ злу, и вложи имъ (Давыдовичамъ) мысль не взыскати брата Игоря, ни помянути отечества и о хрестѣ

утверженіе, ни божественные любве, якоже бѣ лѣпо жити брати единомысленно укупѣ, блюдучи отечества своего.» По всему видно, что лѣтописецъ стоитъ за Ольговичей; кievскій лѣтописецъ не могъ бы принимать такого горячаго участія въ дѣлахъ Святослава Ольговича, не могъ бы, говоря о приходѣ союзниковъ къ послѣднему, выразиться, что это случилось Божіимъ милосердіемъ; не могъ сказать, что Святославъ Божіимъ милосердіемъ погналъ Изяслава Давыдовича и бывшую съ нимъ *кievскую дружину*; сшивка изъ двухъ разныхъ лѣтописей въ этомъ рассказѣ ясна: лѣтописецъ Ольговича говоритъ о неприличныхъ словахъ Изяслава Давыдовича, о походѣ его на Святослава Ольговича, о рѣшительности послѣдняго и побѣдѣ надъ врагами—все дѣло кончено, но потомъ опять о томъ же самомъ происшествіи новый рассказъ, очевидно кievскаго лѣтописца: «Изяславъ Мстиславичъ и Володиміръ Давыдовичъ послаша брата своего Изяслава съ Шварномъ, а сами по немъ идоша.» Ясно также, что первое извѣстіе о Москвѣ принадлежитъ не кievскому лѣтописцу, а черниговскому или сѣверскому, который [такъ горячо держитъ сторону Святослава Ольговича и знаетъ о его движеніяхъ такіа подробности; кievскаго лѣтописца, явно враждебнаго Ольговичамъ, не могли занимать и даже не могли быть ему извѣстны подробности пировъ, которые давалъ Юрій Суздальскій Святославу; не могла занимать смерть сѣверскаго боярина, добраго старца Петра Нльича²⁴³. Рассказъ подъ 1159 годомъ въ Ипатьевскомъ спискѣ о полоцкихъ происшествіяхъ, по своимъ подробностямъ и вмѣстѣ отрывочности, ибо вообще лѣтопись очень скудна относительно полоцкихъ событій, обличаетъ вставку изъ полоцкой лѣтописи. Примѣты сѣвернаго, суздальскаго лѣтописца также ясны; напр., рассказъ о переходѣ Ростислава Юрьевича на сторону Изяслава Мстиславича въ лаврентьевскомъ спискѣ отличается отъ рассказа о томъ же событій въ Ипатьевскомъ: въ первомъ поступокъ Ростислава выставленъ съ хорошей стороны, ни слова не упомянуто о ссорѣ его съ отцемъ; первый очевидно принадлежитъ суздальскому лѣтописцу, второй кievскому. Различенъ рассказъ сѣвернаго и южнаго лѣтописца о походѣ Изяслава Мстиславича на Ростовскую область; о мирѣ Юрія съ Изяславомъ въ 1149 году, объ епископѣ Леонѣ и князѣ Андрѣ; объ отношеніяхъ Ростиславичей къ Андрею Боголюбскому; въ описаніи похода

рати Андреевой на Новгородъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ читаемъ: «Новгородцы же затворишася въ городѣ съ княземъ Романомъ, и бяхуться крѣпко съ города, и многы набиша отъ *нашихъ*», очевиденъ суздальскій лѣтописецъ; но и въ Ипатьевскомъ спискѣ вставлено также суздальское сказаніе, ибо и здѣсь читаемъ: «се же бысть за наша грѣхы.» Объ убіеніи Андрея Боголюбскаго въ обонхъ спискахъ вставлено суздальское сказаніе съ вариантами; но въ Лаврентьевскомъ между прочимъ попадаются слѣдующія слова въ обращеніи къ Андрею: «молися помилovati князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата» — прямое указаніе на время и мѣсто написанія разсказа. Разсказъ о событіяхъ по смерти Андрея принадлежитъ очевидно сѣверному и именно владимирскому лѣтописцу: встрѣчается выраженіе, что Ростовцы слушались злыхъ людей «не хотящихъ *намъ* добра, завистью граду *сему.*» Подъ 1180 очевиденъ владимирскій лѣтописецъ, ибо въ разсказѣ о войнѣ Всеволода III съ Рязанью употребляетъ выраженіе: «*наши* сторожи, *наши* погнаша.» Подъ 1185 г. въ разсказѣ о постановленіи епископа Луки, лѣтописецъ обращается къ нему съ такими словами: «Молися за порученое тебѣ стадо, за люди хрестьяньскыя, за князя и за землю ростовскую»; отсюда ясно также, что писано это уже по смерти епископа Луки. Подъ тѣмъ же годомъ любопытенъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ разсказъ о подвигахъ князя Переяслава южнаго, Владиміра Глѣбовича, разсказъ, обличающій сѣвернаго лѣтописца, приверженнаго къ племени Юрія Долгорукаго: у суздальскаго лѣтописца вся честь побѣды надъ Половцами приписана Владиміру Глѣбовичу; у кievскаго дѣло разсказано иначе. Любопытно также разногласіе въ разсказѣ суздальскаго (Лавр. спис.) и кievскаго (Ипатьев. спис.) лѣтописцевъ о войнѣ Всеволода III и Рюрика Ростиславича съ Ольговичами: суздальскій во всемъ оправдываетъ Всеволода, кievскій Рюрика. Подъ 1227 годомъ читаемъ: «Поставленъ бысть епископъ Митрофанъ въ богохранимѣи градѣ Володимерѣ, въ чудивѣи святѣи Богородици, Суждалю и Володимерю, Переяславу, сущю ту благородному князю Гюргю и съ дѣтми своими, и братама его Святославу, Іоанну, и всѣмъ бояромъ и множество народа; приключися и мнѣ грѣшному ту быти.»

Мы сказали, что лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Несторо-

вой съ продолжателями, въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, есть лѣтопись всероссійская; ей, по содержанію, противоположны лѣтописи мѣстныя: *Волынская* и Новгородская. Мы признали сказаніе Василія объ ослѣпленіи князя Василька Тербовльскаго за отрывокъ изъ первой части Волынской лѣтописи, которая не дошла до насъ, дошла вторая половина, начинающаяся съ 1201 года, съ заглавіемъ: «Начало княженія великаго князя Романа, самодержца бывша всей русской земли, князя Галичкого»; но вмѣсто того, тотчасъ послѣ заглавія, читаемъ: «По смерти же великаго князя Романа», послѣ чего слѣдуетъ похвала этому князю, сравненіе его съ Мономахомъ; потомъ съ 1202 года начинается рассказъ о событіяхъ, происходившихъ по смерти Романа. Примѣту лѣтописца современника, очевидца событій можно отыскать подъ 1226 годомъ въ рассказѣ о борьбѣ Мстислава Торопецкаго съ Венграми: «Мстиславъ же выѣхалъ противу съ полку, онѣмъ же позоровавшимъ насъ, и ѣхаша Угре въ станы своя.»— Начальной Новгородской лѣтописи не дошло до насъ въ чистотѣ; въ извѣстныхъ намъ спискахъ извѣстія изъ нея находятся уже въ смѣшеніи съ начальною Кіевскою лѣтописью: въ древнѣйшемъ, такъ-называемомъ Синодальномъ спискѣ не достаеъ первыхъ пятнадцати тетрадей. Другой списокъ, такъ-называемый Толстовскій, начинается любопытнымъ мѣстомъ, очевидно принадлежащимъ позднѣйшему составителю, соединявшему Новгородскую начальную лѣтопись съ Кіевскою: «Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе князей и земля русскія, како избра Богъ страну нашу на послѣднее время, и грады почаша (бывати) по мѣстомъ, прже Новгородская волость и потомъ Кіевская, и о поставленіи Кіева, како во имя (Кіа) назвася Кіевъ. Якоже древле царь Римъ, прозвася во имя его градъ Римъ, и паки Антиохъ, и бысть Антиохія, и паки Селевкъ, бысть Селевкія, и паки Александръ, бысть Александрія во имя его. И по многа мѣста тако прозвани быша гради ти во имяна царевъ тѣхъ и князь тѣхъ. Яко въ нашей странѣ прозанъ бысть градъ великій Кіевъ во имя Кіа, его же древле нарицають перевозника бывша, внія же яко и ловы дѣяща около града своего. Великъ бо есть промыслъ Божій, еже яви въ послѣднія времена! Куда же древле погани жряху бѣсомъ на горахъ, туда же нынѣ церкви святыя стоятъ златоверхія каменозданныя, и монастыреве исполнени черноризцевъ, безпрестанно

оставящихъ Бога въ молитвахъ и въ бдѣннн, въ постѣ, въ словахъ, иже ради молитвъ мнръ стоятъ. Аще бы кто къ святымъ при-
бываетъ церквамъ тѣмъ велику ползу приметъ. души же и тѣлу.
Мы же на послѣднее возвратимся *О началъ Русьскыя земля
и о князяхъ, како и откуда быша.*» За этимъ слѣдуетъ не разъ
приведенное мѣсто о древнихъ князьяхъ и дружинѣ съ увѣща-
ннемъ современникамъ подражать имъ: «Васъ молю, стадо Хри-
стово, съ любовню, приклоните ушеса ваша разумно; како быша
древня князи и мужи ихъ и проч.» Здѣсь можно примѣтить, что
первое заглавіе: «Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе князей
и земля рускія» и слѣдующее за нимъ разсужденіе о началѣ горо-
довъ принадлежитъ позднѣйшему составителю; а второе заглавіе:
«О началъ Русьскыя земля и о князихъ—съ разсужденнемъ о дре-
внихъ князьяхъ взято имъ изъ древнѣйшаго лѣтописца — какого,
новгородскаго или кнвскаго—рѣшить трудно. Разсужденіе о дре-
внихъ князьяхъ и боярахъ оканчивается такъ: «Да отсель, братія
возлюбленная моя, останемся отъ несытства своего: доволни бу-
дите уроки вашими. Яко и Павелъ пишетъ: ему же данъ, то данъ,
ему же урокъ, то урокъ; ни кому же насилія творяще, милосты-
нею цвѣтуще, страннолюбнемъ въ страсъ Божнн и правовѣрнн свое
спасеніе содѣвающе, да и здѣ добрѣ проживемъ, и тамо вѣчнѣй
жизни причастницы будемъ. Сеже таковая. Мы же отъ начала
Русьской земли до сего лѣта и вся по ряду извѣстно да скажемъ,
отъ Михаила Царя до Александра и Исакія.» — Выше было ука-
зано на примѣту перваго лѣтописца новгородскаго, ученика Ефре-
мова; примѣту другаго позднѣйшаго составителя находимъ подъ
годомъ 1144: «Въ то же лѣто постави мя попомъ архіепископъ
Святый Нифонтъ.»

Въ связи съ вопросомъ о Новгородской лѣтописи находится
вопросъ о такъ-называемой Іоакимовой лѣтописи, помѣщенной
въ первомъ томѣ Исторія Россійской Татищева. Нѣтъ сомнѣнн,
что составитель ея пользовался начальною Новгородскою лѣто-
писью, которая не дошла до насъ, и которую онъ приписываетъ
первому Новгородскому епископу Іоакиму—на какомъ основанн,
рѣшить нельзя; быть можетъ онъ основался только на слѣдую-
щемъ мѣстѣ разсказа о крещенн Новгородцевъ: «Мы же стоимъ
на торговой странѣ, ходихомъ по торжищамъ и улицамъ, учаемъ
люди елико можахомъ»²⁴⁴.

Исследовавши составъ нашихъ лѣтописей въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ ихъ характерѣ и о нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностяхъ. Лѣтопись вышла изъ рукъ духовенства; это обстоятельство, разумѣется, сильнѣе всего должно было опредѣлить ея характеръ. Лѣтописецъ — духовное лице ищетъ въ описываемыхъ имъ событіяхъ религіозно-нравственнаго смысла, предлагаетъ читателямъ свой трудъ какъ религіозно-нравственное поученіе: отсюда высокое религіозное значеніе этого труда въ глазахъ лѣтописца и въ глазахъ всѣхъ современниковъ его; Сильвестръ въ своей припискѣ говоритъ, что онъ написалъ лѣтописецъ, надѣясь принять милость отъ Бога; слѣдовательно написаніе лѣтописи считалось подвигомъ религіознымъ, угоднымъ Богу. Говоря въ началѣ о событіяхъ древней языческой исторіи, лѣтописецъ удерживается отъ благочестивыхъ наставленій и размышленій: поступки людей, невѣдущихъ закона Божія, не представляютъ ему приличнаго къ тому случая. Только съ разказа объ Ольгѣ-христіанкѣ начинаются благочестивыя размышленія и поученія; непослушаніе язычника Святослава святой матери подаетъ первый къ тому поводъ: «Онъ же не послуша матери, творяще норовы поганьскіе, не вѣдый, аще кто матери не послушаетъ, въ бѣду впадаетъ; яко же рече: аще кто отца, ли матери не послушаетъ, смертью да умереть.» Такимъ образомъ бѣдственная кончина Святослава представляется слѣдствіемъ его непослушанія матери. Смерть св. Ольги доставляетъ поводъ къ другому размышленію о славѣ и блаженствѣ праведниковъ. Потомъ не встрѣчаемъ благочестивыхъ размышленій до разказа о предательствѣ Блуда: «О злая лествъ чловѣчьска! Се есть свѣтъ золь, иже свѣщеваютъ на кровопролитыя; то суть неистови, иже приѣмше отъ князя или отъ господина своею честь, ли дары ти мыслятъ о главѣ князя своего на погубленъе, горьше суть бѣсовъ такови.» Святосполкъ Окаянный съ самаго разказа о зачатіи его подвергается уже нареканію, предсказывается въ немъ будущій злодѣй: «Отъ грѣховнаго бо корени золь плодъ бываетъ.» Противоположность Владиміра язычника и Владиміра христіанина также подаетъ поводъ къ поученію; смерть двухъ Варяговъ-христіанъ не могла остаться безъ благочестиваго размышленія о преждевременной радости дьявола, который не предвидѣлъ скорого торжества истины.

ной вѣры. При извѣстїи о началѣ книжнаго ученїя лѣтописецъ обнаруживаетъ сильную радость и прославляетъ Бога за неизреченную милость Его: «Сямъ же раздаяномъ³⁴⁵ на ученєе книгамъ, събысться пророчество на Русьѣи земли, глаголющее: во оны дни услышатъ глусїи словеса книжная, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ. Се бо не бѣша предѣ слышали словесе книжнаго, но по Божью строю, и по милости своей помилова Богъ, яко же рече Пророкъ: помилюю, его же аще помилюю,» и проч. За извѣстїемъ о смерти Владимїра слѣдуетъ похвала этому князю, изъ которой узнаемъ, что во времена лѣтописца Владимїръ не былъ еще причтенъ къ лику святыхъ: «Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьѣи земли, крестивъ ю. Мы же христїане суще, не въздаемъ почестья противу онаго възданью. Аще бы онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ въ прельсти дьяволи, яко же и прородителя наши погынуша. Да аще быхомъ имѣли потщанье и мольбы приносили Богу зань, въ день преставленья его, и видя бы Богъ тщанье наше къ нему, прославилъ бы и: намъ бо достоинъ зань Бога молити, понеже тѣмъ Бога познахомъ.» Мы уже прежде упоминали о похвалѣ книжному ученїю, внесенной въ лѣтопись по поводу извѣстїя о ревности князя Ярослава къ нему.

По смерти Ярослава, явленїя, стоящїя на первомъ планѣ въ лѣтописи, суть отношенїя княжескїя, усобицы и потомъ нашествїя степныхъ варваровъ, Половцевъ. Понятно, что лѣтописецъ, вѣдѣвъ со всѣми современниками, видитъ въ усобицахъ главное зло, и сильно противъ нихъ вооружается. Лѣтописецъ смотритъ на усобицу какъ на слѣдствїе дьявольскаго внушенїя, и нашествїя иноплеменниковъ, пораженїя отъ нихъ суть наказанїя Божїи за грѣхъ усобицы: «Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменики на землю, и тако скрушеннымъ имъ въ спомянуги къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблажненья дьяволя»³⁴⁶. Мы видѣли, какъ часто князья преступали клятвы, данныя другъ другу, отъ чего и происходили усобицы; по двумъ основанїямъ, религіозному и политическому, лѣтописецъ долженъ былъ сильно вооружаться противъ клятвопреступленїй, которыя вѣдѣвъ были *крестопреступленїями*, ибо клятвы запечатлѣвались цѣлованїемъ креста. Ярославичи цѣловали крестъ Всеславу Полоцкому и тотчасъ же нарушили клятву, посадили Всеслава въ тюрьму. Но Всеславъ освободился изъ заключенїя вслѣдствїе изгнанїя Изяслава; по

этому случаю лѣтописецъ говоритъ: «Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я и (Всеслава); тѣмъ же наведе Богъ поганя, сего же явѣ избави крестъ честный, въ день бо Въздвиженья Всеславъ вздохнувъ рече: «о, кресте честный! понеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ рва сего.» Богъ же показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣи, да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступить кто, то и здѣ приметь казнь, и на придущемъ вѣцѣ казнь вѣчную.»— Начало усобицы между Ярославичами, изгнаніе Изяслава меньшими братьями, преступленіе заповѣди отцовской, даетъ случай лѣтописцу сказать грозное слово: Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичахъ. . . Велиъ бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего: ибо сперва преступиша сынове Хамове на землю Сноову, и по 400 лѣтъ отмщенье пріяша отъ Бога; отъ племени бо Сноова суть Еврѣи, же избивше Хананѣиско племя, вспріяше свои жребии и свою землю. Паки преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прія убійство; не добро бо есть преступати предѣла чужего». Смерть Изяслава, положившаго голову свою за брата, даетъ лѣтописцу случай распространиться въ похвалу братолюбію: «По истинѣ аще, что створилъ есть (Изяславъ) въ свѣтѣ семь етеро согрѣшенье, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имѣнья хотя болша, но за братню обиду.» Говоря о мести Василька Теробовльскаго, сперва на невинныхъ жителейъ города Всеволожа, а потомъ на боярахъ Давыда Игоревича, лѣтописецъ прибавляетъ: «Се же второе мщенье створи, его же не бѣше лѣпо створити, дабы Богъ отмстивикъ былъ, и взложити было на Бога мщенье свое.» Въ разсказѣ о борьбахъ и счетахъ княжескихъ лѣтописецъ стоитъ за старшихъ противъ младшихъ: никогда не находимъ оправданія послѣднимъ, не разъ находимъ упрекъ имъ; такъ на югѣ лѣтописецъ вооружается противъ Ярослава Святополковича за гордость противъ дяди и тестя; на сѣверѣ, разсказавши о побѣдѣ Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: «Богъ наказавшу князей креста честнаго не преступати и старѣйшаго брата чтити.» Мы видѣли, что по привязанности лѣтописца къ тому или другому князю можно опредѣлить, къ какой волости принадлежитъ лѣтописецъ; у сѣвернаго лѣтописца замѣчаемъ особенную привязанность къ своимъ князьямъ, потомкамъ Юрія Дол-

горукаго, особенное уваженіе ко власти, стараніе внушить къ ней уваженіе. Здѣсь видимъ почти постоянное величаніе князя именемъ и отчествомъ съ прибавленіемъ: *Великій князь*, часто съ прибавленіемъ: *благотворный христомобивый*; здѣсь встрѣчаемъ упоминаніе о семейныхъ торжествахъ князей, напримѣръ, о постригахъ, доставлявшихъ великую радость цѣлому городу. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательно описаніе отъѣзда князя Константина Всеволодовича въ Новгородъ въ 1206 году. Уваженіе ко власти, которое сѣверный лѣтописецъ старается внушить, высказано также подъ 1175 годомъ, по поводу смерти Андрея Юрьевича; потомъ по случаю смерти Всеволода Юрьевича въ 1212 году. Замѣчаемъ у сѣвернаго лѣтописца и особенную привязанность къ владыкамъ своимъ. Понятно, что въ самомъ уже началѣ встрѣчаемъ у сѣвернаго лѣтописца мало сочувствія къ Новгородцамъ: по случаю похода Андреевой рати въ 1169 году онъ упрекаетъ новгородцевъ въ частомъ нарушеніи клятвъ, въ гордости, хотя и соглашается, что быть новгородскій получилъ начало свое издавна, отъ пращуровъ княжескихъ, но никакъ не хочетъ уступить Новгородцамъ права нарушать клятвы и выгонять князей. Подъ 1186 годомъ нерасположеніе лѣтописца къ новгородскому быту также ясно высказывается: «Въ се же лѣто выгнаша новгородцы Ярослава Володимерича, а Давыдовича Мстислава поаша къ собѣ княжить Новгороду: *такъ бо бѣ ихъ обычай.*» Подъ 1178 годомъ, по поводу взятія и опустошенія Торжка Всеволодомъ III, лѣтописецъ распространяется противъ клятвопреступленій: «Взяша городъ, мужи повязаша, а жены и дѣти на щить и товаръ взяша, и городъ пожгоша весь за новгородскую неправду, оже по дни цѣлуютъ крестъ честный, и преступаютъ. Тѣмже Пророкомъ глаголетъ намъ» и проч.

О нашествіи варваровъ лѣтописецъ отзывается постоянно, какъ о наказаніи Божіемъ за грѣхи народа; подъ 1093 годомъ: «Бысть плачь въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженъе безаконій нашихъ. Се бо на ны Богъ попусти поганымъ, не яко мвдуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ, симъ казнить ны нахожемъемъ поганыхъ, се бо есть батоги его, да негли встягнувшеса вспомянемъся отъ злаго пути своего.» Подобное разсужденіе повторяется и въ послѣдствіи. Таково же возрѣніе лѣтописца и на всѣ дру-

гя бѣдствія: «Богъ бо казнитъ рабы своя напастыи рѣзличными, огнемъ и водою и ратью и иными рѣзличными казнѣми, хрестьянину бо многими напастыи внити въ царство небесное, согрѣшихомъ, казними есмь, яко створихомъ, тако и прияхомъ, но кажетъ ны добръ Господь нашъ. Но да никтоже можетъ рещи, яко ненавидитъ насъ Богъ; не буди» ²⁴⁷! Болѣзни, всякаго рода страданія, напрасная смерть очищаютъ чловѣка отъ грѣховъ; по свидѣтельству лѣтописца князь Ярополкъ Изяславичъ молился: «Господи Боже мой! приими молитву мою, и дажь ми смерть, яко же двѣма братома моима Борису и Глѣбу, отъ чюжую руку, да омыю грѣхы вся своею кровью.» Сказавши о смерти князя Святослава Юрьевича, лѣтописецъ прибавляетъ: «Си же князь избраникъ Божій бѣ: отъ рождества и до свершенья мужьства бысть ему болѣзань зла, ея же болѣзни просяхуть на ся святїи Апостоли и святїи Отци у Бога: кто бо постражетъ болѣзнью тою, якоже книги глаголютъ, тѣло его мучится, а душа его спасается. Такоже и ть во истину святой Святославъ, Божїй угодникъ избраний въ всѣхъ князехъ: не да бо ему Богъ княжити на земли, но да ему царство небесное.» Ту же мысль выражаетъ лѣтописецъ и въ разсказѣ о смерти Андрея Боголюбскаго. Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый говаривалъ дружинѣ своей передъ битвою: «Братья! ничтоже имете во умѣ своемъ, аще нынѣ умремъ за хрестьяны, то очистимся грѣховъ своихъ и Богъ вывѣнитъ кровь нашу съ мученикы.» Лѣтописецъ держится того же мнѣнїя, даже относительно хрестіанскихъ воиновъ другихъ исповѣданїй, напримѣръ, крестоносцевъ ²⁴⁸. Успѣхъ, избавленіе отъ опасности приписывается обыкновенно послѣ милости Божїей и молитвъ святыхъ, также молитвъ предковъ умершихъ, отца, дѣда и прадѣда; наприм., описавши торжество Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: «И поможе Богъ Михалку и брату его Всеволоду, отца и дѣда его молитва и прадѣда его.» Мы видѣли съ какимъ неудовольствїемъ лѣтописецъ отзывается о народныхъ увеселенїяхъ, въ которыхъ видны были остатки язычества.

Разсмотрѣвши религіозныя, нравственныя и политическія понятїя лѣтописца, обратимся къ его понятїямъ научнымъ. Вотъ его разсужденіе о происхожденїи Половцевъ въ образчикъ этнографическихъ, историческихъ и географическихъ понятїй: «Ишьли

бо суть сѣ отъ пустыне Нитривьскыя, межю востокомъ и сѣверо-ромъ; исшлы же суть ихъ колѣнъ 4 Торкъмени и Печенѣзи, Торци, Половци. Меѳодій же свидѣтельствуеть о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣже въ пустыню, а 4 исѣче. Друзиѣ же глаголють: сыны Амоновы. Се же нѣсть тако: сынове бо Моавли Хвалиси, а сынове Аммонови Болгаре, а Сарацины отъ Измаила творяться Сарини, и прозваша имена себѣ Саракыне, рекше: Сарини есмы. Тѣмже Хвалиси и Болгаре суть отъ дочерю Лотову, иже зачастую отъ отца своего, тѣмже нечисто есть племя ихъ; а Измаиль роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени, и Печенѣзи, и Торци, и Кумани, рекше Половци, иже исходятъ отъ пустынѣ и по сихъ 8 колѣнъ въ кончинѣ вѣка изыдутъ, заклепеніи въ горѣ Александромъ Македоньскимъ, нечистыя челоувѣкы, якоже сказаеть о нихъ Меѳодій Патарійскый: и взиде на восточныя страны до моря, наричемое Солнце мѣсто, и видѣ ту челоувѣкы нечистыя, отъ племене Афетова; ихъ же нечистоту видѣхъ: ядаху скверную всяку, комары и мухы, котки, змѣи, и мертвецъ не погребяху, но ядаху и женскыя изворогы и скоты вся нечистыя; то видѣвъ Александръ убоися, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокія; и Богу повелѣвшю, еступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локоть и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огня взяти, не възмогутъ и жещи; вещь бо сунклитова сице есть: ни огонь можетъ вжещи его, ни желѣзо его пришетъ; въ послѣдняя же дни по сихъ изыдутъ 8 колѣнъ отъ пустыне Етривьскыя, изыдутъ и си скверніи языки, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божию.» О другихъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ свѣдѣніяхъ начального лѣтописца говорено было выше въ своемъ мѣстѣ; теперь же взглянемъ на отзывы лѣтописца о разныхъ физическихъ явленіяхъ: каждое необыкновенное физическое явленіе предвѣщаетъ что-нибудь необыкновенное въ мірѣ нравственномъ, обыкновенно что-нибудь недоброе: въ 1063 году шель Волховъ въ Новгородѣ назадъ 5 дней; это знаменіе было не къ добру, говоритъ лѣтописецъ: на четвертый годъ князь Всеславъ пожегъ городъ. Въ слѣдующемъ году «бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучи ишущи акы кровавы, выходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ,

и пребысть за 7 дній, се же проявляше не на добро: по семъ бо быша усобяцѣ много и нашествіе поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ аки кровава, проявляюща кровопролитіе. Въ си же времена бысть дѣтища вверженъ въ Сѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ до вечера, и паки ввергоша и въ воду, бышетъ бо сице: на лицѣ ему срамнѣи удове, много нелзѣ казати срама ради. Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но аки мѣсяцъ бысть; его же невѣгласи глаголютъ снѣдаему сущю. Се же бываетъ сица знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣемъ.» Слѣдуетъ исчисленіе необыкновенныхъ явленій, видѣнныхъ въ разныхъ странахъ и предвозвѣстившихъ народныя бѣдствія; это исчисленіе лѣтописецъ окончиваетъ слѣдующими словами: «Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ чимъ, не благо бываютъ: но знаменья сица на зло бываютъ, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляютъ.» Подъ 1091 годомъ читаемъ: «Бысть Всеволоду ловы дѣющю звѣриные за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе; ужасошася вси людье. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша.» Подъ 1102: «Бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря въ 29 день, по 3 дни: аки пожарная заря отъ востока и уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю ночь, аки отъ луны полмы свѣтящия. Въ то же лѣто бысть знаменье въ лунѣ, мѣсяца февраля въ 5-й день. Того же мѣсяца въ 7-й день бысть знаменье въ солнци; огородилося быше солнце въ три дуги, и быша другыя дуги хребты къ собѣ. И си видяще знаменья, благовѣрнѣи чловѣци со въздыханьемъ моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро.» Подъ 1104 г.: «Стояше солнце въ крузѣ, а посреди круга крестъ, а спереди креста солнце, а внѣ круга оба помы два солнца, а надъ солнцемъ кромѣ круга дуга, рогома на сѣверъ; такоже знаменье и въ лунѣ тѣмъ же образомъ, мѣсяца февраля въ 4, 5 и 6 день, въ дне по три дни, а въ ночь въ лунѣ по три ночи.» Подъ 1110: «Въ 11-й день февраля мѣсяца явися столпъ огненъ отъ земли до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и въ небеси погрѣмѣ въ часъ 1-й нощи.» Подъ 1141 годомъ: «Дивно знаменье бысть на небеси и страшно: быша три солнца сіюща межн собою, а стол-

ни 3 отъ земли до небесе, надо вѣнн горѣ баше акы дуга мѣсяцъ особѣ стояче.» Подъ 1206 годомъ: «Бысть во одну ноцъ, въ пятый часъ нощи, потече небо все и бысть черншо, по земли же и по хоромемъ снѣгъ, мѣти же вѣсѣмъ челоуѣкомъ яряча, акы кровь проляна на снѣгу; и видѣша же нѣци течение алѣаиноѣ бысть на небеси, отторгаху бо ся звѣзды на землю, мѣти видѣшииъ я яко кончину.» Подъ 1186 годомъ описаніе солнечнаго затмѣнія: «мѣсяца мая въ 1-й день, въ среду на вечерни, бысть знаменье въ солнци, и морочно бысть велики, яко и звѣзды видѣти челоуѣкомъ въ очю яко зелено быше, и въ солнци учинися яко мѣсяцъ, изъ рогъ его яко угль жаровъ исхожаше: страшно бѣ видѣти челоуѣкомъ знаменье Божье.» Описавъ солнечное затмѣніе въ 1113 году, предвозвѣстившее, по тогдашнему мѣтнію, смерть великаго князя Святослава, лѣтописецъ ярябавляетъ: «Се же бывають знаменія не на добре, бывають знаменія въ солнци и въ лунѣ или звѣздами не по всей землѣ, но въ которой либо землѣ аще будетъ знаменье, то та земля и видѣти.» Подъ 1143 годомъ читаемъ описаніе бури: «Бысть буря велика, ака же не была николже, около Котелничѣ, и разори хоромы и товаръ и клѣти и жито изъ гумень, и пробто рещи, яко рать взяла, и не остана у клѣтехъ ничтоже; и нѣци налѣвоша брѣнѣ у болотѣ, занесены бурей.» Подъ слѣдующимъ годомъ читаемъ: «Бысть знаменіе за Дѣвпромѣ, въ Кіевской волости: летящю по небеси до земли яко кругу огнену, и остана по слѣду его знаменіе въ образѣ змѣя великаго, и стоя по небу съ часъ дневный и равидося. Въ то же лѣто паде снѣгъ великъ въ Кіевской стороны, конечи до черевы, на великъ день.» Подъ 1161 годомъ: «Бысть знаменіе въ лунѣ страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо отъ вѣстока до запада, измѣняючи образы овои: бысть первое и убываніе по малу, дондеже вся погибе, и бысть образъ ея яко скудна, черна, и пакы бысть яко кровава, и потомъ бысть яко двѣ лица ишущи. едино зелено, а другое желто, и посреди ея яко два ратьная сѣкущеса мечема, и единому ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы шлеко течаше; сему же рекеша старшіи люди: не благо естъ сяково знаменіе, се прообразуетъ княжю смерть—еже бысть» (убить былъ Изяславъ Давыдовичъ).—Подъ 1195: «Тоже зими, по Федоровѣ недѣли во вторникъ въ 9-й часъ потрасея земля по всей области Кіевской и по Кіеву: церквы

каменныя и деревянные колобануся, и вси людие видающе, отъ страху не можашу стояти, ови падаху ници, инии же трещеяху. И речеша шгумени блаженни: се Богъ проавиль есть показавъ оуду свою за грѣхи наша, да быхомъ остави отъ злого пути: сръсого; инии же молвахуть другъ ко другу: сии знаменія не на добро бывають, не на паденіе многыиъ, и на кровопролитіе, и на мятежь: мнѣгъ въ Русской землѣ, еже и сбысться» (усобица Мономаховичей. отъ Ольговичани).

Неложивъ общія черты нашей древней лѣтописи, скажемъ нѣскольکو словъ объ особенностяхъ неложенія, которыми отличаются различныя швѣтныя лѣтописи. До насъ отъ описываемаго времени дошли двѣ лѣтописи сѣверныя — новгородская и суздальская, и двѣ южныя — кievская, съ явными вставками изъ черниговской, волоцкой и, вѣроятно, другихъ лѣтописей, и волынская. Новгородская лѣтопись отличается краткостію, сухостію разсказа; такое неложеніе происходитъ, вѣроятно, отъ бѣдности содержанія: новгородская лѣтопись есть лѣтопись событій одного города, одной волости; съ другой стороны, нельзя не замѣтить и вліянія народнаго характера, ибе въ рѣчахъ новгородскихъ людей, внесенныхъ въ лѣтопись, замѣчаемъ также необыкновенную краткость и силу; какъ видно, Новгородцы не любили разглагольствовать, они не любятъ даже договаривать своей рѣчи, и однако хорошо понимаютъ другъ друга; можно сказать, что дѣло служить у нихъ окончаніемъ рѣчи; такова знаменитая рѣчь Твердислава: «тому семь радъ, оме вины мои: шѣту; а вы, братье, въ посадничествѣ и въ князехъ.»—Разсказъ южнаго лѣтописца, наоборотъ, отличается обиліемъ подробностей, живостію, образностію, можно сказать, художественностію; преимущественно волынская лѣтопись отличается особеннымъ поэтическимъ складомъ рѣчи: нельзя не замѣтить здѣсь вліянія южной природы, характера южнаго народонаселенія; можно сказать, что новгородская лѣтопись относится къ южной — кievской и волынской какъ поученіе Луки Жидята относится къ словамъ Кирилла Туровскаго. Что же касается до разсказа суздальскаго лѣтописца, то онъ сухъ, не имѣя силы новгородской рѣчи, и имѣетъ многоглаголивъ безъ художественности рѣчи южной; можно сказать, что южная лѣтопись — кievская и волынская относятся къ сѣверной суздальской, какъ Слово о Полку Игореву относится къ сказанію о Мамаевомъ побоищѣ.

Г Л А В А II.

Отъ смерти Мстислава Торопецкаго до опустошенія Руси Татарами.

(1228—1240).

Событія новгородскія. — Война суздальскихъ князей съ Черниговомъ. — Вражда Новгорода со Псковомъ. — Войны съ Мордвою, Болгарами, Нѣмцами и Литвою. — Усобица въ Смоленскѣ. — Дѣятельность Данила Романовича галицкаго. — Участіе его въ польскихъ дѣлахъ. — Тевтонскій орденъ. — Батыево нашествіе. — Свѣдѣнія о Татарахъ.

Отношенія новгородскія, столкновенія здѣсь князей обверныхъ съ южными гродями было во второй разъ нарушить поной на сѣверѣ. Мы видимъ ²⁴², что въ 1228 году Новгородцы, не довольные Ярославомъ Всеволодовичемъ, призвали къ себѣ вторично Михаила черниговскаго: послѣдній былъ шуриномъ великому князю Юрію владимирскому, который въ первый разъ посадилъ его въ Новгородѣ; Ярославъ сталъ говорить, что и теперь Михаилъ посаженъ въ Новгородѣ по старшію Юрію; Ярославъ повѣрилъ наговорамъ: въ самомъ дѣлѣ могъ ли владимирскій князь спокойно видѣть, что младшій братъ его, князь Нереславъ-Залбоскаго, усмивается на счетъ Новгорода, не имѣлъ ли Юрій важныхъ причинъ ишпяти этому усмивію? Какъ бы то ни было, Ярославъ сталъ сердиться на старшаго брата, и, чтобъ усмивнѣе дѣйствовать противъ него, поссорилъ съ дядею и троюмъ Константиновичей ростовскихъ — Василья, Всеволода и Владимира. Юрій, узнавши объ этомъ, спѣшилъ предупредить усобицу, и въ 1229 году повѣстилъ войнъ родичамъ, чтобъ съѣзжались къ нему во Владимиръ на сеймъ; Яро-

славъ сначала не хотѣлъ было ѣхать, но узнавъ, что племянники поѣхали, отправился и самъ во Владимиръ. Здѣсь Юрію удалось уладить дѣло: всѣ родичи поклонились ему, называя отцомъ себѣ и господиномъ, весело отпраздновали Рождество Богородицы, получили подарки сами и бояре ихъ, и разѣхались довольные по волостямъ своимъ ²⁵⁰. Ярославъ, обезпеченный со стороны старшаго брата, сталъ готовиться къ войнѣ съ Михаиломъ; тогда во Владимиръ явилось посольство изъ южной Руси отъ князя кievскаго—Владимира Рюриковича и черниговскаго—Михаила, обоимъ близкимъ свойственникамъ великаго князя Юрія (который въ томъ же 1230 году женилъ сына своего Всеволода на дочери Владимира кievскаго); пріѣхалъ самъ митрополитъ Кириллъ съ черниговскимъ епископомъ Порфиріемъ: новое могущественное значеніе сѣверной Руси уже не въ первый разъ заставляетъ митрополитовъ отправляться туда и стараться, чтобъ обѣ половины Руси были въ политическомъ единеніи, которое условливало и единеніе церковное. Митрополитъ достигъ цѣли своей поѣздки: Ярославъ послушался старшаго брата Юрія, отца своего митрополита, и заключилъ миръ съ Михаиломъ ²⁵¹. Слѣдствіемъ мира было то, что, какъ мы видѣли, Михаилъ уѣхалъ изъ Новгорода, оставя тамъ сына своего Ростислава, и Новгородцы не могли дожидаться его съ войскомъ, чтобъ идти вмѣстѣ на Ярослава. Но опять новыя волненія въ Новгородѣ, торжество стороны суздальской, изгнаніе Ростислава, бѣгство приверженцевъ Михайловыхъ къ нему въ Черниговъ, и утвержденіе Ярослава въ Новгородѣ, могли снова возбудить вражду Суздаля съ Черниговомъ; сюда присоединялась еще другая причина вражды, къ которой не могъ быть нечувствителенъ и самъ великій князь Юрій: въ 1232 году, Михаилъ черниговскій, вмѣстѣ съ Владимиромъ кievскимъ двинулись на волынскихъ князей — Данила и Василька Романовичей, бывшихъ въ близкомъ свойствѣ съ Юріемъ владимирскимъ, ибо дочь послѣдняго была за Василькомъ. ²⁵² Каяъ бы то ни было, но въ томъ же 1232 году великій князь Юрій съ братомъ Ярославомъ и племянниками Константиновичами вступилъ въ черниговскія волости; самъ Юрій возвратился не доходя Серѣнска ²⁵³; но Ярославъ съ новгородскимъ войскомъ взялъ и сжегъ Серѣнскъ, осадилъ близъ и Мосальскъ, но отступилъ безъ успѣха и безъ мира, истребивши только много хлѣба во владѣніяхъ врага своего.

У послѣдняго, какъ мы видѣли, жило много Новгородцевъ, его приверженцевъ, бѣжавшихъ вслѣдствіе перевѣса стороны суздальской. Внѣздъ Водовикъ умеръ; но у него остался сынъ, который вмѣстѣ съ пятью другими изгнанниками, подговоривши трубчевскаго князя Святослава, явился въ предѣлахъ новгородскихъ; но Святославъ, увидавши, что товарищи его обмануты своими пріятелями въ Новгородѣ, что тамъ нѣтъ никакой надежды на успѣхъ, уѣхалъ назадъ; тогда новгородскіе изгнанники бросились во Псковъ и получили здѣсь успѣхъ, благодаря, вѣроятно, недавней враждѣ Псковичей съ Ярославомъ: они схватили намѣстника послѣдняго, Вячеслава, прибили его, заключили въ оковы; смута вставала и въ Новгородѣ: вѣроятно и здѣсь поднялась враждебная Ярославу сторона, пользуясь отсутствіемъ князя; но пріѣздъ Ярослава утишилъ волненіе; князь велѣлъ схватить Псковичей, бывшихъ въ Новгородѣ, посадилъ ихъ на Городищѣ въ gridsницѣ, и послалъ во Псковъ объявить его жителямъ: «Мужа моего отпустите, а тѣмъ путь покажите прочь, пусть идутъ, откуда пришли.» Но Псковичи не послушались, стали крѣпко за изгнанниковъ, и велѣли отвѣчать Ярославу и Новгородцамъ: «вышлите къ намъ женъ ихъ, и все имѣніе, тогда мы отпустимъ Вячеслава, или мы себѣ, а вы себѣ.» Такъ прошло все дѣло безъ мира. Но Псковичи не могли жить долго во враждѣ съ Новгородомъ; когда Ярославъ не велѣлъ пускать къ нимъ купцовъ, и берковецъ соли сталъ продаваться по 7 гривенъ, то они отпустили Вячеслава, а князь отпустилъ къ нимъ женъ новгородскихъ изгнанниковъ, но мира все еще не было; наконецъ зимою явились псковскіе послы въ Новгородъ, поклонились Ярославу, сказали ему: «ты нашъ князь» и стали просить у него себѣ въ князя сына его Θεодора; Ярославъ не далъ имъ сына, но далъ шурима, князя Юрія²⁵⁴; Псковичи взяли Юрія, а изгнанникамъ новгородскимъ поназали отъ себя путь, и тѣ отправились къ Нѣмцамъ въ Оденне.

Таковы были внутреннія событія на сѣверѣ. Извѣст. В. кн. Владимірскаго продолжалъ борьбу съ Мордвою, которая въ 1229 году, приходила съ княземъ своимъ Пургасомъ къ Нижнему Новгороду, но жители отбили ее; варварамъ удалось только сжечь Бѣгородичный монастырь, да загородную церковь. Между самою Мордвою шла усобица; въ томъ же году сынъ русскаго присяжника Шуреша началъ съ Половцами на Пургаса, избилъ всю его

Мордву и Русь²²², и самъ Нуртасъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Подъ 1232 годомъ лѣтописецъ говоритъ о походѣ на Мордву сына великокняжескаго Всеволода съ князьями рязанскими и муромскими: Русскіе пожгли неприяТЕЛЬскія села и перебили Мордвы много. Съ Болгарами послѣ трехлѣтняго мира въ 1224 году началась опять вражда; въ чемъ она обнаруживалась, неизвѣстно; извѣстно только то, что въ 1230 г. Болгары опять поклонились великому князю Юрію, и заключили миръ, размѣнявшись плѣнными и заложниками. На сѣверо-западъ Новгородцы боролись съ Нѣвцами и Литвою. Мы видѣли, что изгнанники Новгородскіе, Борисъ Нѣгочевичъ и другіе, будучи принуждены выѣхать изъ Пскова, удалились къ Нѣвцамъ въ Оденпе, разумеется, не на добро своей родинѣ; тамъ же у Нѣвцевъ жилъ изгнанный князь Ярославъ, сынъ извѣстнаго уже намъ Владиміра псковскаго. Въ 1233 г. эти изгнанники—Ярославъ и Новгородцы вѣсѣсь съ Нѣвцами ворвались нечаянно въ русскія владѣнія и захватили Изборскъ; но Псковичи отняли назадъ у нихъ этотъ городъ. Въ томъ же году Нѣвцы опять показали въ Новгородскихъ владѣніяхъ²²³; князя Ярослава не было въ то время въ Новгородѣ; но скоро онъ пришелъ съ сильными полками переяславскими, чтобъ отомстить Нѣвцамъ за обиды. Время было удобное дѣйствовать противъ Нѣвцевъ: Новгородъ и Псковъ въ соединеніи подъ однимъ княземъ, а между тѣмъ Ливонія лишилась своего великаго Алберта, умершаго въ 1229 году. Магистръ Ордена Волквинъ, которому тяжка была зависимость отъ Алберта, рѣшился воспользоваться его смертію, чтобъ высвободить себя изъ-подъ зависимости отъ преемника Албертова, которымъ былъ назначенъ Николай изъ Магдебурга. Съ этою цѣлію онъ рѣшился соединить свой орденъ съ Нѣмецкимъ орденомъ, который процвѣталъ тогда подъ вачальствомъ магистра Германа Фонъ-Залца; но Германъ отклонилъ на этотъ разъ предложеніе Волквина, и такимъ образомъ орденъ Ливонскій былъ пока предоставленъ собственнымъ силамъ, которыхъ вовсе не было достаточно для отпора Русскимъ, еслибъ только послѣдніе могли сообщать постоянство своимъ движеніямъ. Въ 1234 году князь Ярославъ съ своими полками и новгородскими, выступилъ на Нѣвцевъ, подъ Юрьевъ и сталъ не далеко отъ города, отпустивъ людей своихъ воевать окрестную страну для сбора съѣстныхъ припасовъ, что называлось тогда: «воевать въ

землю. Нѣмцы сдѣлали вылазку изъ Юрьева, другіе изъ Оденне, но Русскіе побѣди ихъ; нѣсколько лучшихъ Нѣмцевъ пало въ битвѣ, но больше погубило ихъ въ рѣшѣ, когда подъ ними обло-мался ледъ; Русскіе, воспользовавшись побѣдою, опустошили изъ землю, потребовали дѣбъ; тогда Нѣмцы поклонились князю, и Яро-славъ заключилъ съ ними миръ на *всей своей правдѣ*. Последніи слова могутъ вести къ тому заключенію, что тутъ-то Ярославъ заговорилъ дань съ Юрьева для себя и для всѣхъ преемниковъ своихъ, ту знаменитую дань, которая послѣ послужила Юзафу IV-ну поводомъ лишить Ливонію независимости. Этотъ походъ Ярослава былъ, вѣроятно, одною изъ главныхъ причинъ, почему Волковитъ возобновилъ стараніе о соединеніи обоевъ орденовъ въ одинъ. Въ 1235 году Германъ Фонтъ-Залпа, чтобъ разузнать состояніе дѣлъ въ Ливоніи, отправилъ туда Еренфрида Фонтъ-Неуенбургъ, командора алтенбургскаго, и Арнольда Фонтъ-Неуен-дерфъ, командора негелъландскаго. Они возвратились и привели съ собою троихъ депутатовъ отъ Ливонскихъ рыцарей. Дувигъ Фонтъ-Оттингенъ, намѣстникъ великаго магистра въ Пруссіи, со-бралъ капитулу въ Марбургѣ, гдѣ Ливонскіе рыцари обстоятельно были допрашиваемы объ ихъ правилахъ, образѣ жизни, владѣні-яхъ и привилегіяхъ; потомъ спрошены были командоры, поим-анные въ Ливонію. Еренфридъ Фонтъ-Неуенбургъ представилъ поведеніе рыцарей Меча вовсе не въ привлекательномъ свѣтѣ, описалъ ихъ людьми упрямими и крамольными, не любящими под-чиняться правиламъ своего ордена, ищущими прежде всего лич-ной корысти, а не общаго блага,—а эти, прибавилъ онъ, указыва-вая пальцемъ на присутствующихъ рыцарей ливонскихъ, да еще четверо нѣтъ извѣстныхъ, хуже всѣхъ тамъ²²⁷. Арнольдъ Фонтъ-Неуендерфъ подтвердилъ слова своего товарища, послѣ чего не-удивительно было, что когда стали собирать голоса—принималъ ли Меченосцевъ въ соединеніе? то сначала воцарилось всеобщее молчаніе, а потомъ единогласно рѣшили—деждаться прибытія великаго магистра. Но медлить скоро нельзя стало болѣе: въ 1236 году²²⁸ магистръ Волковитъ сдѣлалъ опустошительный набѣгъ на Литву, но скоро былъ окруженъ многочисленными толпами вра-говъ и погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ; сколоченой отрядъ изъ 200 человекъ сопровождалъ магистра въ этомъ несчастномъ по-ходѣ: изъ десяти одинъ возвратился домой. Тогда остальные Ме-

ченосцы отправили посла въ Римъ представить папѣ безпомощное состояніе ордена, церкви ливонской, и настоятельно просить о соединеніи ихъ съ орденомъ Тевтонскимъ. Папа Григорій IX-й призналъ необходимость этого соединенія, и оно воспослѣдовало въ 1237 году: первымъ провинціальнымъ магистромъ ливонскимъ былъ назначенъ Германъ Балкъ, известный уже своими подвигами въ Пруссіи.

Литва по прежнему продолжала свои набѣги: въ 1229 году она опустошила страну по озеру Салгере и рѣкѣ Шелѣ, въ нынѣшнемъ демьянскомъ уѣздѣ новгородской губерніи ³⁵⁹; Новгородцы потянулись за ними, настигли, били и отняли весь полонь. Въ 1234 году Литовцы явились внезапно передъ Русью и захватили вѣсадь до самаго торгу; но жители и *засада* (гарнизонъ) успѣли вооружиться: отъищане и гридьба, купцы и гости ударили на Литву; выгнали ее изъ посада, и продолжали бѣи на полѣ; Литовцы отступили. Князь Ярославъ, узнавши объ этомъ, двинулся на враговъ съ конницею и пѣхотою, которая ѣхала въ вѣсадахъ по рѣкѣ Ловати; но у Муравына ³⁶⁰ князь долженъ былъ отступить пѣхоту назадъ, потому что у ней не достало хлѣба, а самъ продолжалъ путь съ одною конницею: въ торопецкой волости на Дубровнѣ встрѣтилъ онъ Литовцевъ и разбилъ ихъ; побѣжденные потеряли 300 лошадей, весь товаръ, и побѣжали въ лѣсъ, побросавши оружіе, щиты, *совни*, а нѣкоторые тутъ и *костю намъ*; Новгородцы потеряли 10 человекъ убитыми.

Изъ событій въ другихъ княжествахъ лѣтписцы упоминаютъ объ убійствѣ въ Смоленскѣ: по смерти Мстислава Давыдовича (1236 г.) столь этотъ, по родовымъ счетамъ, долженъ былъ перейти въ третье поколѣніе Ростиславичей, именно достаться внуку Романову, Святославу Мстиславичу; но Смольняне почему-то не хотѣли имѣть его своимъ княземъ; тогда Святославъ въ 1232 г., съ помощію Полоцкаго, взялъ Смоленскъ на шты, перебилъ его жителей, себѣ враждебныхъ, и сѣлъ на столѣ.

Подвиги Мстислава Торопецкаго не принесли никакой существенной пользы для южной Руси; но по смерти Мстислава судьба дала ей другого князя, котораго характеръ вполне былъ способенъ доставить ей прочную и великую будущность, — если только будущность южной Руси могла зависѣть отъ личности одного князя; этотъ князь былъ молодой Данилъ, сынъ Романа Валыцкаго.

Съ блестящими мужествомъ, славолюбіемъ, наслѣдованнымъ въ племени Изяславовымъ, Данилъ соединялъ способность въ обширныхъ государственныхъ замыслахъ и въ государственной распорядительности; съ твердостью, угнѣнемъ неуклонно стремился къ разъ предложенной цѣли онъ соединялъ мягкость въ изводѣнн, разборчивость въ средствахъ, въ чемъ походилъ на прадѣда своего Изяслава, и рѣзко отличался отъ отца своего, Романа. Начиная разсказъ о подвигахъ Даниловыхъ, лѣтописецъ имѣлъ полное право сказать: «начнемъ разсказывать о безчисленныхъ ратяхъ, великихъ трудахъ, частыхъ войнахъ, многихъ крамолахъ, частыхъ восстаніяхъ, многихъ мятежахъ»; имѣлъ полное право сказать, что сыновьямъ Романовымъ помлада не было покоя. По смерти Мстислава они остались окруженные со всѣхъ сторонъ врагами: въ Галичѣ королевичъ венгерскій и неурядищные бояре; въ Пинскѣ князь Ростиславъ, влюбившійся на Данила за отцятіе Чергорыдска и цѣль сыновей; въ Кіевѣ Владиміръ Владиміровичъ, наслѣдовавшій вражду отца своего къ Роману Великому и сыновьямъ послѣдняго; князья черниговскіе не хотѣли также забыть притязаній племени своего на Галичъ, и злой обиды, полученной тамъ. Тщетно митрополитъ Кириллъ, котораго мы уже въ третій разъ застаемъ въ святомъ дѣлѣ миротворства, и котораго лѣтописецъ величаетъ преблаженнымъ и святымъ, старался отаратить усобицу: Ростиславъ Пинскій не переставалъ клеветать на Данила и подвигать другихъ князей, и вотъ Владиміръ Кіевскій собралъ войско; «отецъ Даниловъ постригъ отца моего,» говорилъ онъ, и была у него въ сердцѣ болезнь великая, прибавляетъ лѣтописецъ: значить Владиміръ боялся, что молодой Данилъ пойдетъ по слѣдамъ отца своего, и плохо придется отъ него сесѣдямъ. Владиміръ посадилъ и половецкаго хана Котана на коня, всѣхъ Половцевъ, и вмѣстѣ съ Михаиломъ Черниговскимъ осадилъ Камевоць; въ рати осаждающихъ были: Куряны (жители Курска), Пиняне, Новгородцы (Сѣверскіе), Туровцы. Данилъ видѣлъ, что нельзя ему противиться такой рати, тѣмъ болѣе, что въ Галичѣ королевичъ и главный совѣтникъ его, бояринъ Судиславъ были въ союзѣ съ кіевскимъ княземъ: онъ началъ мирныя переговоры, чтобъ выиграть время и раздѣлить, союзились, что и удалось ему, относительно половецкаго хана Котана: «Батюшка!» послалъ сказать Данилу Половчину: «разстрой

эту войну, прими меня въ любовь къ себѣ.» Котляръ отдѣлился отъ союзниковъ, опустили галицкую землю, и ушелъ назадъ къ себѣ въ степи; остальные союзники, не успѣвши взять Каменица, также отступили въ свои владѣнія. А между тѣмъ Данилъ сбѣжалъ въ Польшу за помощью, и получивши ее, предпринялъ съ своей стороны наступательное движеніе, пошелъ къ Киеву; но на дорогѣ встрѣтили его послы отъ кіевскаго и черниговскаго князей, и заключили миръ.

Въ слѣдующемъ 1229 году успѣхъ ждалъ Данила на другой сторонѣ, въ Галичѣ: когда онъ былъ въ Угровскѣ, то преданные ему Галичане прислали сказать ему: «Ступай скорѣе къ намъ: Судиславъ ушелъ въ Понизье, а королевичъ одинъ остался въ Галичѣ.» Данилъ немедленно съ небольшою дружиною пошелъ къ этому городу, а тысяцкаго своего Дамьяна послалъ на Судислава; на третьи сутки въ ночь подошелъ Данилъ къ Галичу, гдѣ успѣвъ уже затвориться Судиславъ, ускользнувшій отъ Дамьяна; Волинцамъ удалось только захватить его дворъ подлѣ Галича, гдѣ они нашли много вина, овощей, корму всякаго, коней, стрѣлъ. Данилъ стоялъ противъ города, на другой берегу Днѣстра; Галичане и Венгры выѣзжали и бились на льду; но къ вечеру ледъ поднялся, рѣка наводнилась, и враждебный Данилу бояринъ Семюшко (котораго лѣтописецъ сравниваетъ съ лисицею, по краснотѣ лица), зажегъ мостъ. Въ это время явился къ Данилу Дамьялъ со многими галицкими боярами, принявшими сторону сына Романа, у котораго такимъ образомъ набралась многочисленная рать. Данилъ очень обрадовался ей, жалѣлъ только, что мостъ зажженъ и не почему перейти Днѣстра; но когда поѣхалъ онъ посмотреть на мѣсто, то увидалъ, что конецъ моста погасъ, и переправа возможна: радость была большая, и на другой же день все войско перенло Днѣстръ и обступило Галичъ съ четырехъ сторонъ; осажденные не могли держаться долѣе и сдали городъ, при чемъ королевичъ достался въ плѣнъ Данилу; но тотъ вспомнилъ прежнюю любовь къ себѣ отца его Андрея, и отпустилъ его къ послѣднему; изъ бояръ галицкихъ съ королевичемъ пошелъ только одинъ Судиславъ, въ которомъ народъ бросалъ камни, крича: «онъ изъ города, мятежникъ земскій!» Но Судиславъ сбѣжалъ отомстить народу новымъ мятежомъ: пріѣхавши въ Венгрію, онъ не переставалъ твердить королю и королевичу: «сту-

пайте на Галичь, возьмите землю Русскую; если же не пойдете, то они укрѣнятся на васъ.» Андрей послушался, собралъ большое войско и объявилъ походъ: «Не останется въ Галичь камень на каменѣ, говорилъ онъ: никто уже теперь не избавитъ его отъ моей руки.» Но какъ скоро вступилъ онъ въ Карпаты, то попали сильные дожди, лошади тонули, люди едва могли спастись на возвышеннѣхъ мѣстахъ. Не смотря на то, король шелъ дальше и осадилъ Галичь, для защиты котораго Даниль оставилъ извѣстнаго намъ тысяцкаго Давыда. Этотъ воевода не испугался высокогорнаго взвеса королевскаго, и не сдалъ города; Андрею же нельзя было долѣе оставаться подъ Галичтемъ, потому что въ войскахъ его открылась страшная болѣзнь: кожа падала у Венгровъ съ ногъ какъ обувь. Король снялъ осаду; Галичане напали на отсталыхъ, и много перебили и забрали въ плѣнъ, еще больше умерло на дорогѣ отъ болѣзни.

Даниль избавился отъ враговъ византийскихъ, но чтописоецъ опять начинаетъ разносить своей злобными словами: «Снажешь многиа митежъ, великиа лести, безчисленниа рати.» Боаре Галицкіе, привышше къ крамолашъ, находившіе свою выгоду въ безпорядкѣ; въ возможности переходить отъ одного князя къ другому, не могли сносить спокойно установленіе наряда, утвержденіе сына Романова на столѣ отцовскомъ. Они стали сноситься съ давнимъ врагомъ Романовичей, Александромъ Бѣльскимъ, какъ бы убиты Данила и взять къ себѣ въ князья его, Александра. Однажды заговорщики сидѣли вмѣстѣ и совѣтовались, какъ бы замечъ дворъ княжескій и такимъ образомъ погубить Данила: въ это время братъ его Василько входитъ къ нимъ и въ шутку бросаетъ съ обнаженнымъ мечемъ на одного слугу, вырываетъ щегъ у другаго; заговорщики испугались, думая, что Василько поеступаетъ такъ съ намѣреніемъ, открывши ихъ замысль, и бросились бѣжать. Даниль съ братомъ никакъ не могли догадаться; отъ чего побѣжали боаре, какъ одинъ изъ оставшихся, Филиппъ; сталъ звать къ себѣ Данила на ширь; Даниль повѣдалъ, не на дорогѣ патналъ его носогъ отъ тысяцкаго Давыда: «Ширь затѣялъ злой; скажалъ ему носогъ: Филиппъ съ Александромъ Бѣльскимъ оговорились убить тебя.» Даниль возвратился въ Галичь; и послалъ сказать брату Васильку во Владиміръ, чтобъ шелъ на Александра; Василько выгналъ Александра въ Черемнышль, взялъ

Бѣльскъ, а свидѣльничаго своего Ивана Михайловича послалъ захватить бояръ, которыхъ и вѣсто было 28 человекъ; но Данилъ не хотѣлъ поступать по примѣру отца, и простилъ кремельниковъ. Великодушіе однако не помогло, а только еще усилило дерзость бояръ: одинъ изъ этихъ безбожниковъ, но выраженію дѣтшисца, залилъ на пиру князю лице виномъ: Данилъ стерѣлъ и это оскорбленіе. Но онъ не хотѣлъ оставить безъ наказанія Александра Бѣльскаго, который засѣлъ въ Перемышль съ своими галицкими соумышленниками. Изъ всей дружины у Данила осталось только 18 отроковъ, на которыхъ можно было положиться; онъ созвалъ ихъ на вѣче вѣстѣ съ Демьяномъ Тысящикомъ и спросилъ: «хотите ли оставаться мнѣ вѣрными и идти со мною на враговъ моихъ?» Тѣ отвѣчали: «Вѣрны мы Богу и тебѣ, господину нашему, ступай съ Божією помощію;» а соція Микла прибавилъ при этомъ: «Господни! не раздавлены имель, меду не вѣсть.» Старый дядька Данила, Мірославъ привелъ къ нему на помощь еще немного отроковъ, и съ такою-то небольшою дружиною Данилъ выступилъ къ Перемышлю; на дорогѣ впрочемъ присоединились къ нему и нечѣрные бояре, показывая только видъ вѣрности. Александръ, узнавши о приближеніи Данила, бросилъ все свое вѣнне и убѣжалъ въ Венгрію, гдѣ вѣстѣ съ Судиславомъ сталъ опять поднимать короля на Данила: король послушался и съ двумя сыновьями выступилъ къ Ярославлю, гдѣ заперся воевода Даниловъ, Давыдъ Вышатичъ, который отбивался цѣлый день отъ Венгровъ, и отбылся. Но у Давыда была теща, большая пріятельница Судиславу, который звалъ ее не иначе, какъ матерью: она стала стращать зятя и успѣла напугать его; тщетно товарищъ его, Василько Гавриловичъ, мужъ крѣпкій и храбрый, уговаривалъ не сдаваться; тщетно переметчикъ, пріѣхавшій изъ полковъ венгерскихъ, говорилъ Давыду, что ослабленные Венгры не въ состояніи взять города—Давыдъ сдалъ Ярославль, только самъ вышелъ цѣлъ со вѣсми войскомъ. Воевни Ярославль, король пошелъ къ Галичу; а между тѣмъ отступленіе отъ Данила боярина Климаты, убѣжавшаго съ Голыхъ горъ къ королю, послужило знакомъ къ измѣнѣ всѣхъ остальныхъ бояръ галицкихъ. Отнявши Галичъ у Данила, король перешелъ теперь въ дѣдовскую воцрсть его, и осадилъ Владиміръ Волыскій; король Андрей, по словамъ гѣ-

тонисца, удивленъ былъ видомъ этого города, многочисленностію ратниковъ, которыхъ оружіе и щиты блистали какъ солнце: «такого города не находилъ я и въ нѣмецкихъ земляхъ», сказалъ онъ. И начальникъ въ городѣ былъ надежный — старшій дядька Даниловъ, Мірославъ: «Богъ знаетъ, что съ нимъ случилось, говорить лѣтописецъ: въ старину онъ былъ храбръ, а тутъ смутился умомъ, и заключилъ миръ съ королемъ, безъ совѣта съ своими князьями — Даниломъ и Василькомъ; обязался уступить Бѣльзъ и Червень Александру.» Сильно упрекали за это Романовичи Мірослава: «зачѣмъ мирился, имѣя такое большое войско?» Старикъ отрицался, что не уступалъ Венграмъ Червени. Какъ бы то ни было, король достигъ своей цѣли, посадилъ опять сына въ Галичъ, и ушелъ было въ Венгрію, но скоро опять сыну его Андрей поднялъ рать на Данила: съ корабельчешъ былъ Александръ Бѣльскій, Гибъ Зерешевичъ, князья Болховскіе³⁰¹ и множество Венгровъ. Соперники — королевичъ и Данилъ видѣлись на рѣкѣ Вельѣ³⁰², но не уладились: изъ словъ лѣтописца видно, что виною этого была гордость Данила, слишкомъ понадеявшагося на свою силу³⁰³. На другой день Данилъ перешелъ рѣку у Шумона и далъ кровопролитную битву Венграмъ, при чемъ воеводы уговаривали Романовичей воспользоваться выгоднымъ положеніемъ на вѣсоныхъ горахъ; но Данилъ отъвѣчалъ словами Писанія: «молля на брань страшливую душу имать», и спустилъ полки свои внизъ на непріятеля; оба брата приняли дѣятельное участіе въ битвѣ, подвергаясь страшной опасности; но дружина Данилова не отъвѣчала храбрости князя своего и въ концѣ дѣла обратилась въ бѣгство; впрочемъ уронъ, претерпѣнный Венграмъ былъ такъ великъ, что они не смѣли преслѣдовать непріятеля и отступили въ Галичъ; Данилъ съ успѣхомъ продолжалъ войну до конна года, и бриломъ его успѣха служить то, что заклятой врагъ Романовичей, Александръ Бѣльскій, перешелъ отъ королевича на ихъ сторону, прислалъ сказать имъ: «негодится мнѣ быть нигдѣ, кромѣ васъ»; и братья приняли его съ любовью. Въ слѣдующемъ 1232 году королевичъ и Судиславъ послали противъ Данила воеводу Дианша; Данилъ дождясь въ Кіевъ, привелъ оттуда на помощь князя Владимира Рюриковича, Изяслава, котораго считаютъ обыкновенно Владимировичемъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго³⁰⁴; Половецъ, и выступилъ противъ Венгровъ, которые послѣ не-

рѣшительной битвы должны были возвратиться назадъ; Иваславъ, въ самомъ началѣ похода, отступивъ отъ Данила, и видѣвъ того, чтобъ помогать ему, опустошилъ его же вѣлооть. Слѣдующій 1233 годъ былъ счастливъ для Данила: Гдѣбъ Зеремѣвичъ перешелъ на его сторону, послѣ чего Данилъ и Василько немедленно отправились къ Галичу, гдѣ были встрѣчены болѣею частью бояръ; ясно, что переходъ Гдѣба произвелъ съ огласія цѣлой стороны боярской; Данилъ занялъ всю волость, роздалъ города боярамъ и воеводамъ (какъ видно съ этимъ условіемъ они и призвали его, не надѣясь получить того же отъ Венгровъ), и осадилъ королевича съ Діанищемъ и Судиславомъ въ Галичѣ. 9 недѣль стоялъ Данилъ у города, гдѣ осажденные немощны отъ недостатка пищи, и дожидаясь только льду на Днѣстрѣ, чтобъ идти на приступъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Судиславъ придумалъ средство ослабить осаждающихъ: онъ послалъ сказать Александру Бѣльскому: «дай тебѣ Галичъ, только отступи отъ брата»; Александръ прельстился обѣщаніемъ, и отступилъ. Но это вѣроломство не довредило нисколько Данилу: скоро королевичъ умеръ, и Галичане прислали звать Данила на его мѣсто; Судиславу удалось уйти въ Венерію, но Александръ Бѣльскій былъ схваченъ на дорогѣ въ Кіевъ.

Данилъ утвердился опять въ Галичѣ; но ему суждено было завлада не имѣть покоя: вражда встала на востокѣ между Мономаховичами и Ольговичами, и Данилъ вѣшался въ нее. Еще въ 1231 году Владиміръ Кіевскій, угрожаемый Михаиломъ Черниговскимъ, присылалъ звать на помощь Данила, и тотъ ѣдиль по этому случаю въ Кіевъ; Владиміръ уступилъ ему изъ Русской земли часть Терческа, которую Данилъ тотчасъ же отдалъ дѣтямъ Мотислава Торопецкаго, шурьямъ своимъ, сказавъ имъ: «за добро отца вашего возьмите и держите этотъ городъ.» Не нападеніе Венгровъ вызвало Данила изъ Кіева. Въ 1233 г. Владиміръ опять прислалъ звать его на помощь, потому что Михаилъ стоялъ у Кіева; Данилъ, спокойный теперь въ Галичѣ со стороны Венгровъ, пошелъ къ Днѣпру и заставилъ Михаила удалиться. Не удовольствовавшись этимъ, Мономаховичи перешли Днѣпръ, стали опустошать черниговскую волость, забирали города по Деснѣ, наконецъ осадилъ Черниговъ, поставили таранъ, и били изъ него стѣну камнями, а камни были въ подѣокъ только челебѣнать чотыремъ ош-

цнть; но Михаилу удалось обмануть осаждающих, выйти из города и добыть галицкіе полки²²⁵. Момоколовчи — Даниль и Владимиръ возвратились въ Кіевъ, востановившие продолжительною войною, которую вели отъ Крещенья до Вознесенья, и Даниль уже собирався идти домой лѣсною стороною, какъ пришла вѣсть, что Изяславъ съ Половцами воеуетъ Русскую землю. Владимиръ сталъ просить Данила помочь ему и противъ поганыхъ, старый дядька Мѣрославъ просидъ за Владимира, и Даниль, не смотря на непомощіе полковъ своихъ, отправился въ новый походъ. У Звенигорода встрѣтился онъ съ варварами: Владимиръ и Мѣрославъ стали теперь угонять Данила возвратиться, но уже онъ не захотѣлъ: «Вонъ, говоритъ онъ, вышедши разъ на брань, долженъ или побѣдить, или пасть; прежде я самъ вамъ отвѣчивалъ идти въ походъ, а теперь вижу, что вы трусы; развѣ я вамъ не говорилъ, что не слѣдуетъ выходить усталымъ полкомъ противъ свѣжихъ? а теперь чего испугались, ступайте!» Съча была люта, Даниль перналъ Половцевъ, но потерялъ коня, и вида, что всѣ другіе бѣгутъ, побѣждалъ и самъ; а Владимиръ и Мѣрославъ со многими другими боярами были взяты въ плѣнъ. Даниль приближалъ въ Галичъ, и, по ложной вѣсти, что Изяславъ съ Половцами у Владимира, отправилъ всѣ свои полки съ братомъ Василькомъ на помощь этому городу; но какъ скоро бояре Галицкіе увидали, что князь остался безъ полковъ, то подняли крамолу, и Даниль принужденъ былъ уѣхать въ Венгрію. Цель этой поѣздки состояла, какъ видно, въ томъ, чтобъ убѣдить неваго короля Бѣлу IV не мѣшаться въ галицкія дѣла и дать время Романовичамъ управиться съ врагами единоклеиными²²⁶. Владимиръ Рюриковичъ освободился изъ половецкаго плѣна, но не могъ занять Кіева²²⁷, гдѣ сидѣлъ уже Изяславъ, а союзникъ его Михаилъ Черниговскій занялъ между тѣмъ Галичъ; такимъ образомъ у Романовичей осталась опять одна Волынь.

Слѣдующіе годы прошли, какъ слѣдуетъ ожидать, въ непрерывной борьбѣ: враги Романовичей предприняли наступательное движеніе на ихъ волость, отправили войска съ князьми Болховскими къ Каменцу; но бояре Даниловы, съ помощію Торгови, поразили ихъ, и взяли въ плѣнъ князей Болховскихъ. Михаилъ и Изяславъ стали тогда присылать къ Данилу съ угрозою; тогдашнюю нашу братью²²⁸, а не то придетъ на тебя войско; Даниль

не исполнилъ ихъ требованій, и они наведи на него Ляховъ, Русь и Половцевъ. Но польскій князь, узнавши о разбитіи своего отряда у Червена, поѣхалъ назадъ, потянувши много войска въ рѣкъ Вепрь; Половцы же пришли не для того, чтобъ битися съ Даниломъ, а чтобъ опустошить галицкую волость, принадлежавшую союзнику ихъ Михаилу. Тогда Романовичи, въ свою очередь, предприняли наступательное движеніе на Михаила; два раза мирились, и въ послѣдній разъ Михаилъ уступилъ Данилу Перемышль. Между тѣмъ въ Кіевѣ произошла перемѣна: князь Переяслава Залѣскаго и Новгорода Великаго, Ярославъ Всеволодовичъ, рѣшился воспользоваться усобицею на югѣ, и утвердился въ Олеговой столицѣ, какъ утвердился въ Рюриковой; съ другой стороны, усиленіе врага его Михаила Черниговскаго и вообще усиленіе Ольговичей на счетъ Мономаховичей могло также побудить Ярослава выѣхать въ дѣла юга, но, разумѣется, онъ выѣхался въ дѣло не для того только, чтобъ дать перевѣсъ Мономаховичамъ надъ Ольговичами, какъ дѣлывалъ Метиславъ Торопецкій: оставя въ Новгородѣ сына Александра, взявши съ собою нѣсколько знатныхъ Новгородцевъ, 100 человекъ Новоторжанъ, полки переяславскіе и ростовскую помощь отъ племянниковъ, Ярославъ двинулся къ югу, опустошилъ область Черниговскую и свѣлъ на столѣ въ Кіевѣ, выгнавъ оттуда Изяслава. Но страшныя вѣсти съ сѣверовостока о татарскомъ нашествіи не позволили Ярославу долго оставаться въ Кіевѣ²²². Удаленіемъ Ярослава спѣшилъ воспользоваться Михаилъ Черниговскій: онъ занялъ и Кіевъ, отдавши Галичъ сыну своему Ростиславу, и отнявши Перемышль у Данила, съ которыми наѣвался легко теперь управиться, но обманулся въ надеждѣ, потому что какъ только Данилъ получилъ вѣсть, что Ростиславъ съ дружиною отправился на Литву, то появился немедленно предъ стѣнами Галича и сталъ говорить его жителямъ: «люди городскіе! до какихъ поръ хотите вы терпѣть державу иноплемennыхъ князей? Тѣ закричали въ отвѣтъ: «Вотъ нашъ держатель Богомъ данный!» и пустились къ Данилу, какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ маткѣ, какъ жаждущіе воды къ источнику, по выраженію лѣтописца. Епископъ Артемій и дворскій Григорій сперва удерживали жителей отъ сдачи; но вида, что не могутъ болѣе удержать, явились къ Данилу со слезами на глазахъ, съ ослабленнымъ лицомъ, обливая губы,

по неволѣ сказали ему: «Приди, князь Данило! прими городъ.» Даниль вошелъ въ свой городъ, и въ знакъ побѣды поставилъ хоругвь свою на Нѣмецкихъ воротахъ, а на другое утро пришла ему вѣсть, что Ростиславъ возвратился было къ Галичу, но узнавши, что городъ уже взятъ, бѣжалъ въ Венгрію. Тогда бояре, лишенные послѣдней надежды, пришли къ Данилу, упали ему въ ноги и стали просить милости, говоря: «виноваты, что много князя держали.» Даниль отвѣчалъ: «Милую васъ, только смотрите, впредь этого не дѣлайте, чтобъ хуже не было.»

Таковы были внутреннія дѣла въ югозападной Руси до татарскаго нашествія; касательно внѣшнихъ мы видѣли столкновения съ Польшею и Венгріею по поводу Галича. Въ Польшѣ въ это время происходили событія, имѣвшія послѣ важное вліяніе на судьбы восточной Европы. Послѣ того какъ Владиславъ Ласконогій, принужденный уступить Краковъ Лешку Казимировичу ²⁷⁰, возвратился въ свою отчину, встала усобица между нимъ и племянникомъ его, сыномъ Оттоновымъ Владиславомъ, обыкновенно называемымъ Одоничемъ (Оттоновичемъ); эта усобица скоро обхватила всю Польшу и страшно опустошила ее, способствуя, съ другой стороны, большому ослабленію власти княжеской и усиленію власти прелатовъ и вельможъ. Въ 1227 году Владиславъ Одоничъ нанесъ страшное пораженіе Ласконогому и занялъ почти всѣ его владѣнія; тогда на помощь Ласконогому встали противъ Одонича князья— Лешко Краковскій, братъ его Конрадъ Мазовецкій и князь Генрихъ Бреславскій ²⁷¹, а на сторону Одонича сталъ зять его (женинъ братъ), Святополкъ, князь Поморскій. Святополкъ и Одоничъ напали нечаянно на враждебныхъ князей, и поразили ихъ, причемъ Лешко Краковскій лишился жизни. Тогда братъ его, Конрадъ Мазовецкій призвалъ на помощь противъ Одонича Данила и Василька, постоянныхъ союзниковъ покойнаго Лешка; Романовичи пошли вмѣстѣ съ Конрадомъ и осадили Калишь. Даниль хотѣлъ непременно взять городъ, но Поляки не шли биться, несмотря на то, что Конрадъ, любя русскій бой, понуждалъ ихъ идти вмѣстѣ съ Русью. Между тѣмъ осажденные, видя приготовленія Даниловыхъ ратниковъ къ приступу, послали просить Конрада, чтобъ прислалъ къ нимъ двоихъ мужей своихъ для переговоровъ; одинъ изъ послѣднихъ, Пакославъ, сказалъ Данилу: «Переодѣнься, и поѣдемъ вмѣстѣ съ нами на переговоры.» Даниль сперва не хотѣлъ

ѣзять, но братъ Василько уговорилъ его: «ступай, послушай ихъ вѣче»; потому что Конрадъ не вѣрилъ одному изъ посланныхъ, Мстію. Даниилъ, надѣвши шлемъ пакославовъ, сталъ позади по-словъ, и слушалъ, что осажденные говорили съ забралъ вельможамъ конрадовымъ: «Скажите вотъ что великому князю Конраду, наказывали имъ граждане: этотъ городъ не твой ли, и мы развѣ чужіе, ваши же братья, что жъ надъ нами не скалитесь? если нась Русь плѣнить, то какую славу Конрадъ получить? Если русская хоругвь станетъ на забралахъ, то кому честь доставишь? не Романовичамъ ли однимъ? а свою честь унизишь; нынче брату твоему служимъ, а завтра будемъ твой; не дай славы Руси, не погуби нашего города.» Пакославъ отвѣчалъ имъ на это: «Конрадъ-то бы и радъ васъ помиловать, да Даниилъ очень лють, не хочетъ отойти прочь, не взявши города; да вотъ онъ и самъ стоитъ, поговорите съ нимъ», прибавилъ онъ смѣясь и указывая на Даниила. Князь снялъ съ себя шлемъ, и граждане закричали ему: «Смилуйся, помирись.» Романовичъ много смѣялся и долго разговаривалъ съ ними, потомъ взявъ у нихъ двухъ человѣкъ, пошелъ къ Конраду, и тотъ заключилъ съ ними миръ. Русскіе поплѣнили множество челяди и боярынъ; но тутъ Русь и Поляки заключили между собою условіе и утвердили его клятвою: если впередъ будетъ между ними война, то не воевать Полякамъ русской челяди, а Руси польской. Послѣ этого Романовичи возвратились домой съ честью и славою: ни одинъ другой князь не входилъ такъ глубоко въ землю польскую, кромѣ Владиміра Великаго, который землю крестилъ, говорить лѣтописецъ. Мы уже видѣли, что Конрадъ оплатилъ Романовичамъ за услугу, соединившись съ ихъ врагами; Даниилъ за это навелъ на него литовскаго князя Миндовга и русскаго, Изяслава новгородскаго (новгородскаго).

Этотъ Конрадъ знаменитъ въ исторіи восточной Европы какъ виновникъ событія, имѣвшаго важное вліяніе на послѣдующія судьбы ея. Въ то время, когда западныя русскія области терпѣли отъ опустошительныхъ набѣговъ Литвы, волости польскія, преимущественно Мазовія, терпѣли еще больше отъ набѣговъ единоплеменныхъ ей Пруссовъ. Конрадъ доведенъ былъ до отчаянія этими набѣгами, ибо не имѣлъ никакихъ средствъ вести не только наступательной, но и оборонительной войны съ варварами: мы видѣли уже, какъ повиновались ему подданные на войнѣ. Однажды шайка

Пруссозъ пришла къ нему требовать лошадей и платья; Конрадъ не смѣлъ не исполнить требованія, и между тѣмъ не имѣлъ средствъ удовлетворить ему. Что же онъ сдѣлалъ въ такихъ обстоятельствахъ? Зазвалъ къ себѣ на пирь знатнѣйшихъ пановъ своихъ съ женами, и, во время пира, велѣлъ отобрать ихъ лошадей и верхнее платье и отослать Пруссамъ. Но не всегда же можно было употреблять подобныя средства, и потому Конрадъ началъ думать о другихъ. Въ это время въ Ливоніи рыцари Меча усѣбно дѣйствовали противъ туземцевъ. Конраду пришла мысль учредить подобный рыцарскій орденъ на границѣ своихъ владѣній, для постоянной борьбы съ Пруссами; орденъ былъ учрежденъ подъ именемъ Христова Ордена, и Конрадъ далъ ему во владѣніе замокъ Добрынь. Пруссы, свѣдавъ о новомъ врагѣ, нѣсколько разъ подступали къ замку, взять его не могли, но за то нагнали такой страхъ, что четверо, или пятеро язычниковъ спокойно грабили подъ самыми валами Добрыня, и никто не смѣлъ остановить ихъ. Конрадъ видѣлъ, что на подвиги Добрыньскихъ рыцарей плохая надежда, и потому обратился къ другому, болѣе знаменитому своею храбростію ордену. Въ 1192 году, во время послѣднихъ попытокъ христіанъ удержаться въ Палестинѣ, тевтонскій орденъ рыцарей Богородицы получилъ окончательное утвержденіе. Новые рыцари носили черную тунику и бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ; кромѣ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ они обязывались ходить за больными и биться съ врагами вѣры; только Нѣмецъ и членъ стараго дворянскаго рода имѣлъ право на вступленіе въ Орденъ. Уставъ его былъ строгія: рыцари жили вмѣстѣ, спали на твердыхъ ложахъ, ѣли скудную пищу за общею трапезой, не могли, безъ позволенія начальниковъ, выходить изъ дому, писать и получать письма; не смѣли ничего держать подъ замкомъ, чтобъ не имѣть и мысли объ отдѣльной собственности, не смѣли разговаривать съ женщиной. Каждога вновь вступающаго брата встрѣчали суровыми словами: «Жестокое ошибаешься, ежели думаешь жить у насъ спокойно и весело; нашъ уставъ—когда хочешь ѣсть, то долженъ поститься, когда хочешь поститься, тогда долженъ ѣсть; когда хочешь идти спать, долженъ бодрствовать; когда хочешь бодрствовать, долженъ идти спать. Для Ордена ты долженъ отречься отъ отца, отъ матери, отъ брата и сестры, и въ награду за это Орденъ дастъ тебѣ хлѣбъ, воду да рубище.»

Къ этому-то Ордену обратился Конрадъ Мазовецкій съ просьбою о помощи противъ Пруссозъ. Тевтонскіе рыцари были славны своими подвигами въ Палестинѣ, богаты недвижимымъ имуществомъ, которое приобрѣли въ даръ отъ государей въ разныхъ странахъ Европы; но они хорошо видѣли, что имъ нельзя долго держаться въ Палестинѣ, и потому не могли не согласиться на предложеніе Конрада. Оно обѣщало имъ новое поприще, новое средство продлить существованіе Ордена, которое условливалось возможностью постоянной борьбы съ врагами Креста Христова. Въ 1225 году послы Конрада предложили магистру Ордена, Герману Фонъ Зальца землю хельмскую или кульмскую (*terra Culmensis*) съ обязанностію защищать польскія владѣнія отъ язычниковъ; въ 1226 году императоръ Фридрихъ II предоставилъ Ордену владѣніе кульмскою землею и всѣми странами, которыя онъ отниметъ впередъ у Пруссозъ, но въ видѣ имперскаго лена, безъ всякой зависимости отъ мазовецкихъ князей; въ 1228 году явился въ новыхъ владѣніяхъ Ордена первый областной магистръ Пруссіи, Германъ Балкъ, съ сильнымъ отрядомъ рыцарей; въ 1230 году послѣдовало окончательное утвержденіе условій съ Конрадомъ, и Орденъ началъ свою дѣятельность на новой почвѣ.

Пруссія была раздѣлена на одиннадцать областей, несвязанныхъ другъ съ другомъ никакимъ политическимъ союзомъ; жители этихъ областей могли безнаказанно опустошать владѣнія Польши, слабой отъ раздѣла, усобицъ и внутренняго нестроенія, но сами, въ свою очередь, были неспособны ни къ какому соединенному, дружному предпріятію; ихъ нападенія на Польшу были набѣгами разбойничьихъ шаякъ; при оборонѣ собственной земли, они не могли выставить также общаго, дружнаго сопротивленія; каждая область, каждое племя боролось поодиначкѣ съ своимъ новымъ врагомъ, а этотъ врагъ былъ—военное братство, которое существовало съ цѣлію постоянной, неуспянной борьбы, и которое обладало всѣми средствами къ этой борьбѣ: на его сторонѣ была постоянная, самая строгая дисциплина, на его сторонѣ было военное искусство, на его сторонѣ было религіозное одушевленіе; потеря Ордена были для него нечувствительны; послѣ каждаго пораженія онъ возставалъ съ болѣе грозными силами, потому что ряды погибшихъ братьевъ быстро замѣщались новыми подвижниками, стекавшимися со всѣхъ сторонъ, чтобъ пролить кровь свою

въ священнои борьбѣ, подь славнои хоругвию Дѣвы Маріи и св. Георгія. Противь суроваго дикаря Западная Европа выставила столь же суроваго рыцаря, но со всѣми преимуществами образованности. Вѣренъ былъ успѣхъ на сторонѣ Ордена; но Орденъ дорого заплатилъ за этотъ успѣхъ. Первое занятіе прусскихъ земель Нѣмцами совершилось довольно быстро; городки старшинъ прусскихъ полегли передь рыцарями, и замки послѣднихъ строились безпрепятственно: что шагъ впередь, то новая твердыня. Но однимъ построениемъ крѣпостей въ новозанятыхъ странахъ Орденъ не ограничивался; льготами привлекались нѣмецкіе колонисты въ новопостроенные города; люди, стекавшіеся изъ разныхъ странъ помогать Ордену въ священныхъ войнахъ, получали отъ него въ лѣтъ земельные участки, на которыхъ строили новые замки; туземцы, оставшіеся отъ истребленія, принуждены были или бѣжать въ Литву, или принять христіанство и подчиниться игу новыхъ господъ. Для утвержденія новой вѣры среди Пруссовъ, Орденъ отбиралъ дѣтей у туземцевъ и отсылалъ ихъ учиться въ Германію съ тѣмъ, чтобъ эти молодые люди, возвратясь потомъ на родину, содѣйствовали распространенію христіанства и нѣмецкой народности среди своихъ соплеменниковъ. Несмотря однако на эти средства, Пруссы, озлобленные жестокими притѣсненіями, тяжкими работами, надменнымъ обхожденіемъ побѣдителей, пять разъ возставали противъ послѣднихъ и противъ новой вѣры, принятой неволею. Въ первое изъ этихъ возстаній только двѣ области, прежде всѣхъ занятыя Нѣмцами, остались вѣрны Ордену; въ другихъ же областяхъ Прусскихъ рыцари едва успѣли удержать за собою нѣсколько замковъ, и такое состояніе дѣлъ продолжалось четырнадцать лѣтъ. Казалось, что Орденъ долженъ былъ отказаться отъ надежды вторично покорить Пруссію; но вышло иначе, по причинамъ выше изложеннымъ: Орденъ нельзя было окончательно обезсилить опустошеніемъ его владѣній, ибо онъ получалъ свое питаніе извнѣ, изъ всей Германіи, изъ всей Европы. А Пруссы? Благодаря побужденію и подкрѣпленію извнѣ, отъ князей литовскихъ, они умѣли одновременно возстать противъ пришельцевъ; но при самомъ этомъ единодушномъ и одновременномъ возстаніи каждая область выбрала особаго вождя—дурное предвѣщаніе для будущаго единства въ борьбѣ! И точно, когда Орденъ началъ снова наступательное движе-

не, борьба приняла прежний характер: каждая область снова защищалась отдѣльно, и, разумѣется, при такой особности, не могла устоять предъ дружнымъ и постояннымъ напоромъ рыцарей. Наконецъ продолжительное знакомство съ христіанствомъ, съ высшею образованностію пришельцевъ должно было произвести среди Пруссавъ свое дѣйствіе: несмотря на упорную привязанность къ родной старицѣ, на жестокую ненависть къ пришельцамъ-поработителямъ, нѣкоторые изъ Пруссавъ, разумѣется, лучшіе, не могли не замѣтить превосходства вѣры и быта послѣднихъ; и вотъ иногда случалось, что среди сильнаго возстанія избранный вождь этого возстанія, лучший человекъ въ области, вдругъ покидалъ дѣло соплеменниковъ, переходилъ на сторону рыцарей и принималъ христіанство съ цѣлымъ родомъ своимъ: такъ начала обнаруживаться слабость въ самой основѣ сопротивленія со стороны Пруссавъ, въ религіозномъ одушевленіи. Второе возстаніе было послѣднимъ обнаруженіемъ силъ прусской народности; третье возстаніе, случившееся въ послѣдней четверти XIII вѣка, показало только, что эта народность находится уже при послѣднемъ своемъ часѣ: вспыхнувши вслѣдствіе личныхъ, своекорыстныхъ побужденій одного человека, оно тотчасъ же потухло; четвертое и пятое возстаніе носили такой же характеръ; при пятомъ жители одной прусской области, Самбинъ, видя, что всѣ лучшіе люди прячутъ Ордену, положили истребить сперва ихъ, и потомъ уже броситься на Нѣмцевъ; они выбрали себѣ въ предводители одного молодого человека, но тотъ принялъ это званіе для того только, чтобы удобнѣе предать главныхъ враговъ въ руки рыцарей. Ясны были признаки безсилія Пруссавъ, а между тѣмъ рыцари не отдыхали на лаврахъ, неутомимо и неуклонно преслѣдовали свою цѣль и, послѣ пятидесятидвухлѣтней кровавой борьбы, покончили завоеваніе Пруссіи ²⁷².

Такимъ образомъ, благодаря Конраду Мазовецкому, Пруссія и даже нѣкоторыя изъ старыхъ славянскихъ земель уступлены были въ пользу нѣмецкой народности. О непосредственномъ столкновеніи новыхъ завоевателей съ Русью лѣтописецъ оставилъ намъ не полный и смутный разсказъ подъ 1235 годомъ: по его словамъ Данилъ сказалъ: «не годится держать нашу отчину крестовымъ рыцарямъ»—и пошелъ съ братомъ на нихъ въ силѣ тяжкой, взявъ городъ, захватилъ въ плѣнъ старшинну Бруно, ратниковъ

и возвратился во Владимиръ. Даниль хотѣлъ было также принять участіе въ войнѣ императора Фридриха II-го съ австрійскимъ герцогомъ Фридрихомъ Воинственнымъ, помогать послѣднему, но былъ остановленъ въ этомъ намѣреніи королемъ венгерскимъ. Кромѣ того лѣтопись упоминаетъ о войнахъ съ Литвою и Ятвягами: въ 1229 году, во время отсутствія Романовича въ Польшу на помощь Конраду, жители Бреста съ княземъ Владиміромъ Пинскимъ истребили толпу Литовцевъ. Надъ Ятвягами Романовичи одержали побѣду въ 1226 году. Половцы по прежнему участвуютъ въ княжескихъ усобицахъ, но о походахъ на нихъ не слышно.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ сѣверной и южной Руси, когда въ другой разъ услышали о Татарахъ. Въ 1227 году умеръ Чингисъ-Ханъ; ему наследовалъ сынъ его Угедей (Октай); старшій сынъ Чингиса-Джучи, назначенный владѣльцемъ страны, лежащей между Якомъ и Днѣпромъ, Кипчака, прежнихъ кочевьевъ Половецкихъ, умеръ при жизни отца, и Чингисъ отдалъ Кипчакъ сыну его Батыю (Бату). Еще подъ 1229 годомъ наши лѣтописи упоминаютъ, что Саксыны и Половцы прибѣжали съ низовьевъ Волги къ Болгарамъ, гонимые Татарами, прибѣжали и сторожа болгарскіе, разбитые послѣдними на рѣкѣ Яикѣ. Въ 1236 году 300,000 Татаръ, подъ начальствомъ Батыя, вошли въ землю болгарскую, сожгли славный городъ Великій, истребили всѣхъ жителей, опустошили всю землю; толпы Болгаръ, избѣжавшихъ истребленія и плѣна, явились въ предѣлахъ русскихъ и просили князя Юрія дать имъ здѣсь мѣсто для поселенія: Юрій обрадовался и указалъ развести ихъ по городамъ поволожскимъ и другимъ ²⁷³. Въ слѣдующемъ году дѣсною стороною съ востока явились въ рязанскихъ предѣлахъ и Татары: ставши на одномъ изъ притоковъ Суры ²⁷⁴, Батый послалъ жену чародѣйку и съ нею двухъ мужей къ князьямъ рязанскимъ требовать десятины отъ всего — князей, простыхъ людей и коней, десятины отъ коней бѣлыхъ, десятины отъ вороныхъ, бурыхъ, рыжихъ, пѣгихъ; князья рязанскіе, Юрій Игоревичъ съ двумя племянниками Ингваревичами Олегомъ и Романомъ, также князья Муромскій и Пронскій, не подпуская Татаръ къ городамъ, отправились къ нимъ на встрѣчу въ Воронежъ, и объявили имъ: «когда никого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше.» Между тѣмъ они послали во Владимиръ къ князю Юрію объявить ему о бѣдѣ, и просить помощи, но Юрій

не исполнилъ ихъ просьбы, и хотѣлъ одинъ оборониться. Услышавши отвѣтъ князей рязанскихъ, Татары двинулись дальше, и 16-го декабря осадили Рязань, а 21-го взяли приступомъ и сожгли, истребивши жителей; князя Юрія удалось имъ выманить обманомъ изъ города; они повели его къ Пронску, гдѣ была у него жена, выманили и ее обманомъ, убили обонхъ, опустошили всю землю рязанскую, и двинулись къ Коломнѣ. Здѣсь дожидался ихъ сынъ великаго князя Юрія, Всеволодъ съ бѣглецомъ рязанскимъ, княземъ романомъ Ингваревичемъ и воеводою Еремѣемъ Глѣбовичемъ: послѣ крѣпкой сѣчи великокняжеское войско потерпѣло поражение; въ числѣ убитыхъ былъ князь Романъ и воевода Еремѣй, а Всеволодъ Юрьевичъ успѣлъ спастись бѣгствомъ во Владимиръ съ малою дружиною. Татары шли дальше, взяли Москву, гдѣ убили воеводу Филиппа Нянку, захватили князя Владимира Юрьевича, и отправились съ нимъ ко Владимиру. Великій князь оставилъ здѣсь своихъ сыновей, Всеволода и Мстислава съ воеводою Петромъ Ослядюковичемъ, а самъ съ тремя племянниками Константиновичами, поѣхалъ на Волгу и сталъ на рѣкѣ Сити; потомъ оставивъ здѣсь воеводу Жирослава Михайловича, онъ отправился по окрестнымъ волостямъ собирать ратныхъ людей, поджидалъ и братьевъ—Ярослава и Святослава. 3-го февраля толпы Татарскія, безчисленныя какъ саранча, подступили ко Владимиру, и подѣхавши къ Золотымъ воротамъ съ плѣнникомъ своимъ, княземъ Владимиромъ московскимъ, стали спрашивать у жителей: «Великій князь Юрій въ городѣ ли?» Владимирцы вмѣсто отвѣта пустили въ нихъ стрѣлы, Татары отплатили имъ тѣмъ же, потомъ закричали: «не стрѣляйте!» и когда стрѣльба прекратилась, подвели поближе къ воротамъ и показали имъ Владимира, спрашивая: «узнаете ли вашего княжича?» Братья, бояре и весь народъ заплакали, увидавши Владимира блѣднаго, исхудалаго. Возбужденные этимъ видомъ, князя Всеволодъ и Мстиславъ хотѣли было немедленно выѣхать изъ Золотыхъ воротъ и биться съ Татарами, но были удержаны воеводою Ослядюковичемъ. Между тѣмъ Татары, урядивши, гдѣ стать имъ около Владимира, пошли сперва къ Суздалю, сожгли его, и, возвратившись опять ко Владимиру начали ставить лѣса и пороки (стѣнобитныя орудія), ставили съ утра до вечера, и въ ночь нагородили тынъ около всего города. Утромъ князь Всеволодъ и владыка Митрофанъ, увидавши эти

приготовленія, поняли, что города не отстоять, и начали приготавливаться къ смерти; 7-го февраля Татары приступили къ городу, до обѣда взяли новый городъ и запалили его, послѣ чего, князь Всеволодъ и Мстиславъ и всѣ жители бросились бѣжать въ старыи или Печерный городъ; князь Всеволодъ, думая умилостивить Батыя, вышелъ къ нему изъ города съ малою дружиною, неся дары; но Батый не пощадилъ его молодости, велѣлъ зарѣзать передъ собою. Между тѣмъ епископъ Митрофанъ, великая княгиня съ дочерью, снохами и внучатами, другія княгини со множествомъ бояръ и простыхъ людей заперлись въ Богородичной церкви на полатяхъ. Татары отбили двери, ограбили церковь, потомъ наклали дѣсу около церкви и въ самую церковь, и зажгли ее: всѣ бывшіе на полатяхъ задохнулись отъ дыма или сгорѣли, или были убиты. Изъ Владимира [Татары пошли дальше, раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ: одни отправились къ Ростову и Ярославлю, другіе на Волгу и на Городецъ, и поплѣнили всю страну поволжскую до самаго Галича Мерскаго; нные пошли къ Переяславлю, взяли его, взяли другіе города: Юрьевъ, Дмитровъ, Волоколамскъ, Тверь, гдѣ убили сына Ярославова; до самаго Торжка не осталось ни одного мѣста, гдѣ бы не воевали, въ одинъ февраль мѣсяць взяли четырнадцать городевъ, кромѣ слободъ и погостовъ.

Великій князь Юрій стоялъ на Сити, когда пришла къ нему вѣсть о сожженіи Владимира и гибели семейства; онъ послалъ воеводу Дорожа съ трехъ тысячнымъ отрядомъ разузнать о неприятелѣ; Дорожъ прибѣжалъ назадъ и объявилъ, что Татары уже обошли русское войско кругомъ. Тогда князь сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ и тремя племянниками выступилъ противъ враговъ 4-го марта 1238 года; послѣ злой сѣчи русскіе полки побѣжали предъ иноплемениками, при чемъ князь Юрій былъ убитъ и множество войска его погибло, а Василько Константиновичъ былъ взятъ въ плѣнъ. Татарамъ очень хотѣлось, чтобъ Василько принялъ ихъ обычаи и воевалъ вмѣстѣ съ ними; но ростовскій князь не ѣлъ ни пилъ, чтобъ не оскверниться пищею поганыхъ, укоризнами отвѣчалъ на ихъ убѣжденія, и раздосадованные варвары наконецъ убили его ²⁷⁵. Лѣтописецъ очень хвалитъ этого князя: былъ онъ красивъ лицомъ, имѣлъ ясный и вмѣстѣ грозный взглядъ, былъ необыкновенно храбръ, отваженъ на охотѣ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ; бояринъ, который

ему служилъ, хлѣбъ его ѣлъ, чашу пилъ и дары брадъ, тотъ брянь никакъ не могъ быть у другихъ князей: такъ Василько добылъ своихъ слугъ.—Отъ Сяти Татары пошли къ югозападу, осадили Торжокъ, били въ него пороками двѣ недѣли и наконецъ взяли 23-го марта, истребили всѣхъ жителей. Отъ Торжка пошли Селигерскимъ путемъ, поѣдая людей какъ траву; но, не дошедши ста верстъ до Новгорода, остановились ³⁷⁶, боясь, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, приближенія весенняго времени, разлива рѣкъ, таянія болотъ, и пошли къ юговостоку, на степь. На этой дорогѣ Батый былъ задержанъ семь недѣль у города Козельска, гдѣ княжилъ одинъ изъ Ольговичей, молодой Василій; жители Козельска рѣшились не сдаваться Татарамъ: «хотя князь нашъ и молодъ, сказали они, но положимъ животь свой за него; и здѣсь славу, и тамъ небесныя вѣнцы отъ Христа Бога получимъ.» Татары разбили наконецъ городскія стѣны и взошли на валъ, но и тутъ встрѣтили упорное сопротивленіе: горожане рѣзались съ ними ножами, а другіе вышли изъ города, напали на татарскіе полки и убили 4000 неприятелей, пока сами всѣ не были истреблены; остальные жители, жены и младенцы подверглись той же участи; что случилось съ княземъ Васиіемъ, неизвѣстно: одни говорятъ, что онъ утонулъ въ крови, потому что былъ еще молодъ. Съ тѣхъ поръ, прибавляетъ лѣтописецъ, Татары не смѣли называть Козельскъ настоящимъ его именемъ, а называли *злымъ городомъ*.

По взятіи Козельска Батый отправился въ степи, въ землю Половецкую и разбилъ здѣсь хана Котяна, который съ 40000 своего народа удалился въ Венгрію, гдѣ получилъ земли для поселенія. Въ слѣдующемъ 1239 году Татарскія толпы снова явились на сѣверовостокъ, взяли землю Мордовскую, повоюали по Клязьмѣ, сожгли городъ Гороховець, принадлежавшій Владимирской Богородичной церкви. Вѣсть о новомъ ихъ нашествіи нагнала такой ужасъ, что жители городовъ и сель бѣжали, сами не зная куда. На этотъ разъ впрочемъ Татары не шли далѣе Клязьмы на сѣверовостокъ; но за то путемъ Половецкимъ явились въ предѣлахъ южной Руси, взяли и сожгли Переяславль южный, половину жителей истребили, другихъ повели въ плѣнъ. Въ то же время Батый отправилъ отрядъ войска и на Черниговъ; на помощь осаждаемымъ явился двоюродный братъ Михаила, Мстиславъ Глѣбовичъ, но потерпѣлъ поражение, и убѣжалъ въ Венгрію: Черни-

говъ былъ взятъ и сожженъ, но епископъ былъ пощажень; такъ уже обозначилось обыкновеніе Татаръ—уважать религію каждаго народа и ея служителей. По взятіи Чернигова племянникъ Батыя, сынъ Утедєя, Менгу-Ханъ прїѣхалъ къ Песочному Городку на лѣвый берегъ Днѣпра, противъ Кіева, чтобъ посмотрѣть на этотъ городъ; по словамъ лѣтописца, Татаринъ удивился красотѣ и величеству Кіева, и отправилъ пословъ къ князю Михаилу и гражданамъ склонять ихъ къ сдачѣ; но тѣ не послушались и послы были убиты. Михаилъ однако не дождался осады, и бѣжалъ въ Венгрію; несмотря на опасность, красота и величество Кіева привлекали еще князей къ этому городу, и на мѣсто Михаила явился изъ Смоленска внукъ Давыдовъ, Ростиславъ Мстиславичъ; но старшій по родовой лѣтвицѣ четвероюродный братъ его, Данилъ Галицкій не позволилъ ему долго оставаться въ Кіевѣ: онъ схватилъ Ростислава, и взялъ Кіевъ себѣ; самъ однако не остался въ немъ, а поручилъ оборонять его отъ Татаръ тысяцкому Дмитрію. Между тѣмъ во время бѣгства Михайлова въ Венгрію жена его (сестра Данилова) и бояре были захвачены княземъ Ярославомъ²⁷⁷, который овладѣлъ также Каменцомъ. Услыхавъ объ этомъ, Данилъ послалъ сказать ему: «отпусти ко мнѣ сестру, потому что Михаилъ на обоихъ насъ зло мыслить.» Ярославъ исполнялъ Данилову просьбу, отправилъ черниговскую княгиню къ брату, а между тѣмъ дѣла мужа ея шли неудачно въ Венгріи: король не захотѣлъ выдать дочери своей за сына его Ростислава и прогналъ его отъ себя; Михаилъ съ сыномъ отправились тогда въ Польшу къ дядѣ своему Конраду. Но и здѣсь, какъ видно, они не могли получить помощи и потому должны были смириться предъ Романовичами, послали сказать имъ: «Много разъ грѣшили мы предъ вами, много надѣлали вамъ вреда, и обѣщаній своихъ не исполняли; когда я хотѣли жить въ дружбѣ съ вами, то невѣрные Галичане не допускали насъ до этого; но теперь клянемся, что никогда не будемъ враждовать съ вами.» Романовичи позабыли зло, отпустили сестру свою къ Михаилу и привели его самого къ себѣ изъ Польши; мало того, обѣщали отдать ему Кіевъ, а сыну его Ростиславу отдали Луцкъ; но Михаилъ, боясь Татаръ, не смѣлъ идти въ Кіевъ, и ходилъ по волости Романовичей, которые давали ему много пшеницы, меду, быковъ и овецъ.

Боязнь Михайлова была основательна: въ 1240 году явился

Батый подъ Кіевомъ: окружила городъ и *остомила сила* Татарская, по выраженію лѣтописца; Кіевлянамъ нельзя было слышать другъ друга отъ скрыша телѣгъ Татарскихъ, рева верблюдовъ, ржанія лошадей. Батый поставилъ пороки подлѣ воротъ Лядскихъ, потому что около этого мѣста были дебри; пороки были безпрестанно день и ночь, и выбили наконецъ стѣны, тогда граждане взошли на остатокъ укрѣпленій и все продолжали защищаться; тысящій Дмитрій былъ раненъ, Татары овладѣли и послѣдними стѣнами и расположились провести на нихъ остатокъ дня и ночь. Но въ ночь граждане выстроили новыя деревянныя укрѣпленія около Богородичной церкви, и Татарамъ на другой день нужно было брать ихъ опять съ кровопролитнаго бою. Граждане сиѣшили спастись съ имѣніемъ своимъ на церкви, но стѣны церковныя рухнули подъ ними отъ тяжести, и Татары окончательно овладѣли Кіевомъ 6-го декабря; раненаго Дмитрія Батый не велѣлъ убивать за его храбрость. Вѣсть о гибели Кіева послужила знакомъ къ отъѣзду князей—Михаила въ Польшу къ Конраду, Даниила въ Венгрію. Узнавши объ этомъ, Батый двинулся на Волинь; подошедши къ городу Ладыжину на Бугѣ²⁷⁸, онъ поставилъ противъ него 12 пороковъ—и не могъ разбить стѣны; тогда льстивыми словами началъ уговаривать гражданъ къ сдачѣ, тѣ повѣрили его обѣщаніямъ, сдались и были все истреблены. Потомъ взять былъ Каменецъ, Владиміръ, Галичъ и много другихъ городовъ, обойденъ одинъ Кременецъ по своей неприступности. Тогда плѣнный тысящій Дмитрій, видя гибель земли русской, сталъ говорить Батыю: «Будетъ тебѣ здѣсь воевать, время идти на Венгровъ; если же еще станешь медлить, то тамъ земля сильная, соберутся и не пустятъ тебя въ нее.» Батый послушался и направилъ путь къ венгерскимъ границамъ.

Страхъ напалъ на западную Европу, когда узнали о приближеніи Татаръ къ границамъ католическаго міра. Извѣстія объ ужасахъ, испытанныхъ Русью отъ Татаръ, страшные рассказы объ ихъ дикости, въ соединеніи съ чудесными баснями объ ихъ происхожденіи и прежнихъ судьбахъ, распространялись по Германіи и далѣе на западъ. Рассказывали, что татарское войско занимаетъ пространство на двадцать дней пути въ длину и пятнадцать въ ширину, огромные табуны дикихъ лошадей слѣдуютъ за нимъ, что Татары вышли прямо изъ ада и потому наружностію

не похожи на другихъ людей. Императоръ Фридрихъ II-й разослалъ воззваніе къ общему вооруженію противъ страшныхъ враговъ: «Время, писалъ онъ, пробудиться отъ сна, открыть глаза духовные и тѣлесные. Уже сѣкира лежитъ при деревѣ, и по всему свѣту разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью цѣлому христіанству. Уже давно мы слышали о немъ, но считали опасность отдаленною, когда между нимъ и нами находилось столько храбрыхъ народовъ и князей. Но теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабство, теперь пришла наша очередь стать оплотомъ христіанству противъ свирѣпаго неприятеля.» Но воззваніе доблестнаго Гогенштауфена не достигло цѣли: въ Германіи не тронулись на призывъ ко всеобщему вооруженію, ибо этому мѣшала борьба Императора съ Папою и проистекавшее отъ этой борьбы разъединеніе; Германія ждала враговъ въ бездѣйственномъ страхѣ, и одни Славянскія государства должны были взять на себя борьбу съ Татарами.

Весною 1241 года Батый перешелъ Карпаты и поразилъ Венгерскаго короля на рѣкѣ Солоной (Сайо); король убѣжалъ въ Австрію, и владѣнія его были опустошены. Еще прежде, другой отрядъ Татаръ опустошилъ волость Сендомирскую; потомъ Татары перешли Вислицу, поразили двухъ польскихъ князей, и въ концѣ апрѣля вторглись въ Нижнюю Силезію. Здѣшній герцогъ Генрихъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу у Лигница, палъ въ битвѣ, и уже Татарамъ открытъ былъ путь чрезъ лузацкія долины къ Эльбѣ во внутренность Германіи, какъ день спустя послѣ лигницкой битвы передъ ними явились полки Чешскаго короля Вячеслава. Татары не рѣшились вступить во вторичную битву, и пошли назадъ въ Венгрію; на этомъ пути опустошили Силезію и Моравію, но при осадѣ Ольмюца потерпѣли пораженіе отъ Чешскаго воеводы, Ярослава изъ Штернберга, и удалились поспѣшно въ Венгрію. Отсюда въ томъ же году они попытались вторгнуться въ Австрію, но здѣсь загородило имъ дорогу большое ополченіе подъ начальствомъ короля чешскаго Вячеслава, герцоговъ австрійскаго и каринтійскаго; Татары опять не рѣшились вступить въ битву, и скоро отхлынули на востокъ ²⁷⁹. Западная Европа была спасена; но сосѣдняя съ степями Русь, европейская Украйна надолго подпала вліянію Татаръ. Чтобъ въ послѣдствіи вѣрнѣе опредѣлить степень этого вліянія, мы должны теперь познакомить-

ся съ нравами и бытомъ этихъ послѣднихъ азіатскихъ владыкъ восточной европейской равнины. Мы будемъ пользоваться извѣстіями западныхъ путешественниковъ, сводя ихъ съ восточными извѣстіями намъ доступными.

По этимъ извѣстіямъ, наружностію своею новые завоеватели нисколько не походили на другихъ людей; большее, чѣмъ у другихъ племянъ разстояніе между глазами и щеками, выдавшіяся скулы, приплюснутый носъ, маленькіе глаза, небольшой ростъ, рѣдкіе волосы на бородѣ — вотъ отличительныя черты ихъ наружности. Женъ Татаринъ имѣеть столько, сколько можетъ содержать, женятся не разбирая родства, не берутъ за себя только мать, дочь и сестру отъ одной матери; женъ покупають дорогою цѣною у родителей послѣднихъ. Живуть они въ круглыхъ юртахъ, сдѣланныхъ изъ хворосту и тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ; наверху находится отверстіе для освѣщенія и выхода дыма, потому что по серединѣ юрты всегда у нихъ разведенъ огонь. Нѣкоторые изъ этихъ юртъ легко разбираются и опять складываются, нѣкоторые же не могутъ разбираться и возятся на телѣгахъ какъ есть, и куда бы ни пошли Татары, на войну или такъ куда-нибудь, всюду возять ихъ за собою. Главное богатство ихъ состоитъ въ скотѣ, верблюдахъ, быкахъ, овцахъ, козахъ и лошадяхъ; у нихъ столько скота, сколько нѣтъ во всемъ остальномъ мірѣ. — Вѣрятъ въ одного Бога, Творца всего видимаго и невидимаго, виновника счастья и бѣдствій. Но этому Богу они не молятся и не чествуютъ его, а приносятъ жертвы идоламъ, сдѣланнымъ изъ разныхъ матеріаловъ на подобіе людей и помѣщаемымъ противъ дверей юрты; подъ этими идолами кладутъ изображеніе сосцовъ, считая ихъ охранителями стадъ. Боготворять также умершихъ хановъ своихъ, изображеніямъ которыхъ приносятъ жертвы, и творять поклоны, смотря на югъ; обожаютъ солнце, луну, воду и землю. Держатся разныхъ суевѣрныхъ преданій, напр., считаютъ грѣхомъ дотронуться ножомъ до огня, бичемъ до стрѣлъ, ловить или бить молодыхъ птицъ, переломить кость другою костью, пролить на землю молоко или другой какой-нибудь напитокъ и т. п. Молцію считаютъ огненнымъ дракономъ, падающимъ съ неба, и могущимъ оплодотворять женщинъ. Вѣрятъ въ будущую жизнь, но думаютъ, что и по смерти будутъ вести такую же жизнь, какъ и здѣсь на землѣ. Сильно вѣрятъ гаданіямъ и чарамъ; думаютъ,

напримѣръ, что огонь все очищаетъ, и потому иностранныхъ пословъ и князей съ дарами ихъ проводятъ сперва между двухъ огней, чтобъ они не могли принести хану какого-нибудь зла. — Нѣтъ ни одного народа въ мірѣ который бы отличался такимъ послушаніемъ и уваженіемъ къ начальникамъ своимъ, какъ Татары. Бранятся они рѣдко между собою и никогда не дерутся; воровъ у нихъ нѣтъ, и потому юрты и кибитки ихъ не запираются; другъ съ другомъ общительны, помогаютъ въ нуждѣ; воздержны и терпѣливы: случится день, два не поѣсть—ничего: поютъ и играютъ, какъ будто бы сытно пообѣдали, легко переносятъ также холодъ и жаръ, жены ихъ цѣломудренны на дѣлѣ, но нѣкоторыя не воздержны на непристойныя слова. Любятъ пить, но и въ пьяномъ видѣ не бранятся и не дерутся. — Описавъ добрыя качества Татаръ, западный путешественникъ, Миноритъ Іоаннъ Плато-Карпини переходитъ къ дурнымъ; прежде всего поразила его въ нихъ непомерная гордость, презрѣніе ко всемъ другимъ народамъ: мы видѣли, говорить онъ, при дворѣ ханскомъ великаго князя русскаго Ярослава, сына царя грузинскаго и многихъ другихъ владѣтельныхъ особъ — и ни одному изъ нихъ не было воздаваемо должной почести: приставленные къ нимъ Татары, люди незначительные, всегда брали передъ ними первое мѣсто. Татары сколько обходительны другъ съ другомъ, столько же раздражительны, гнѣвливы съ чужими, лживы, коварны, страшно жадны и скупы, свирѣпы: убить человѣка имъ ничего не стоитъ; наконецъ очень неопрятны. По законамъ Чингисъ-Хана смертная казнь назначалась за 14 преступленій: за супружескую невѣрность, воровство, убійство и между прочимъ за то, если кто убьетъ животное не по принятому обычаю. Между дѣтьми отъ жены и наложницы нѣтъ у нихъ различія; однако наследникомъ престола считался младшій сынъ, котораго мать была знатнѣе по происхожденію своему всѣхъ другихъ ханшъ; младшій сынъ считался охранителемъ домашняго очага, онъ поддерживалъ семью въ случаѣ, если старшіе будутъ убиты на войнѣ. Мужчины ничѣмъ не занимались кромѣ стрѣльбы, да еще немного заботились о стадахъ; большую же часть времени проводили на охотѣ и въ стрѣльбѣ, потому что всѣ они отъ мала до велика хорошіе стрѣлки: дѣти съ двухъ или трехъ лѣтъ начинаютъ ѣздить верхомъ и стрѣлять въ дѣлѣ. Дѣвушки и женщины ѣздить верхомъ какъ мужчины, носить луки

и стрѣлы; на женщинахъ лежать всѣ хозяйственные заботы. — Вообще женщины пользовались уваженіемъ, щадить ихъ по возможности было закономъ; ханши имѣли сильное вліяніе на дѣла, имъ принадлежало регентство; въ торжественныхъ случаяхъ подлѣ хана сидѣла и жена его или жены, даже магометанинъ Узбекъ садился по пятницамъ на золотомъ тронѣ, окруженный справа и слѣва женами. Касательно военного устройства Чингисъ-Ханъ опредѣлилъ, чтобъ надъ каждымъ десятью человѣками былъ одинъ начальникъ, десятникъ, надъ десятью десятниками начальствовалъ сотникъ, надъ десятью тысячниками особый начальникъ, а число войска ему подчиненнаго называлось *тѣмю* ²⁸¹; сторожевые отряды назывались *караулами*. Бѣглецы съ поля битвы (если только бѣгство не было всеобщимъ) всѣ умерщвлялись; если изъ десятка одинъ или нѣсколько храбро бились, а остальные не слѣдовали ихъ примѣру, то послѣдніе умерщвлялись; если изъ десятка одинъ или нѣсколько были взяты въ плѣнъ, а товарищи ихъ не освободили, то послѣдніе также умерщвлялись. Каждый Татаринъ долженъ имѣть лукъ, колчанъ, наполненный стрѣлами, топоръ и веревки для того, чтобъ тащить осадныя машины. Богатые сверхъ того имѣютъ кривыя сабли, шлемы, брони и лошадей, также защищенныхъ; нѣкоторые дѣлаютъ брони для себя и для лошадей изъ кожи, нѣкоторые вооружаются также копьями; щиты у нихъ хворостяные. Вступая въ непріятельскую землю, Татары посылаютъ передовые отряды, которые ничего не опустошаютъ, но стараются только убивать людей или обратить ихъ въ бѣгство; за ними слѣдуетъ цѣлое войско, которое, наоборотъ, истребляетъ все на пути своемъ. Если встрѣтится большая рѣка, то переправляются сидя на кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ пожитками и привязанныхъ къ лошадинымъ хвостамъ! Завидя непріятеля, передовой отрядъ бросаетъ въ него по три или четыре стрѣлы, и если замѣчаетъ, что не можетъ одолѣть его въ схваткѣ, обращается въ бѣгство, чтобъ заманить преслѣдующаго непріятеля въ засаду; на войнѣ это самый хитрый народъ, и не мудрено: больше сорока лѣтъ ведутъ они безпреставныя войны. Вожди не вступаютъ въ битву, но стоятъ далеко отъ непріятелей, окруженные дѣтми и женщинами на лошадяхъ, иногда сажаютъ на лошадей чучель, чтобъ казалось больше войска. Прямо противъ непріятеля высылаютъ отряды изъ покоренныхъ народовъ, а толпы

самыхъ храбрыхъ людей посылають направо и налѣво въ дальнемъ разстояніи, чтобъ послѣ неожиданно обхватить врага. Если послѣдній крѣпко бьется, то обращаются въ бѣгство, и въ бѣгствѣ бьютъ стрѣлами преслѣдующаго непріятеля. Вообще они не охотники до ручныхъ схватокъ, но стараются сперва перебить и переранить какъ можно больше людей и лошадей стрѣлами, и вотомъ уже схватываются съ ослабленнымъ такимъ образомъ непріятелемъ. При осадѣ крѣпостей разбивають стѣны машинами, бросая стрѣлы въ осажденныхъ, и не перестаютъ бить и биться ни днемъ, ни ночью, чтобъ не давать нисколько покоя послѣднимъ, а сами отдыхаютъ, потому что одинъ отрядъ смѣняетъ другой; бросаютъ на крыши домовъ жиръ убитыхъ людей и потомъ Греческій огонь ²⁸², который отъ того лучше горитъ; отводятъ рѣки отъ городовъ, или, наоборотъ, наводняютъ послѣдніе, дѣлають подкопы; наконецъ огораживаютъ свой станъ, чтобъ быть безопасными отъ стрѣльбы непріятелей и долгимъ obleganiemъ принуждаютъ преслѣднихъ къ сдачѣ. При этомъ они стараются сперва обѣщаніями уговорить гражданъ къ сдачѣ, и когда тѣ согласятся, то говорятъ имъ: «Выходите, чтобъ по своему обычаю, мы могли пересчитать васъ», и когда всѣ жители выйдутъ изъ города, то спрашиваютъ, кто между ними знаетъ какое-нибудь искусство? и тѣхъ сохраняють, остальныхъ же убивають, кромѣ тѣхъ, которыхъ выбираютъ въ рабы, но при этомъ лучшіе, благородные люди никогда не дождутся отъ нихъ пощады. По приказанію Чингисъ-Хана не должно щадить имѣнія и жизни враговъ, потому что плодъ пощады — сожалѣніе. Миръ заключаютъ они только съ тѣми народами, которые соглашаются признать ихъ господство, потому что Чингисъ-Ханъ завѣщаль имъ покорить по возможности всѣ народы. Условія, на которыхъ Татары принимаютъ къ себѣ въ подданство какой-нибудь народъ, суть слѣдующія: жители подчиненной страны обязаны ходить съ ними на войну по первому востребованію, потомъ давать десятину отъ всего, отъ людей и отъ вещей, берутъ они десятого отрока и дѣвицу, которыхъ отводятъ въ свои кочевья и держатъ въ рабствѣ, остальныхъ жителей перечисляютъ для сбора подати. Требуютъ также, чтобъ князья подчиненныхъ странъ являлись безъ замедленія въ Орду и привозили богатые подарки хану, его женамъ, тысячникамъ, сотникамъ, однимъ словомъ, всѣмъ имѣющимъ какое-нибудь

значеніе: нѣкоторые изъ этихъ князей лишаются жизни въ Ордѣ; нѣкоторые возвращаются, но оставляютъ въ заложникахъ сыновей или братьевъ, и принимаютъ въ свои земли баскаковъ, которыми какъ сами князья, такъ и всѣ жители обязаны повиноваться; въ противномъ случаѣ, по донесенію баскаковъ, является толпа Татаръ, которая истребляетъ ослушниковъ, опустошаетъ ихъ городъ или страну; не только самъ ханъ или намѣстникъ его, но всякій Татаринъ, если случится ему прѣхать въ подчиненную страну, ведетъ себя въ ней какъ господинъ²⁸³, требуетъ все, чего только захочетъ, и получаетъ.—Во время пребыванія въ Ордѣ у великаго хана, Плато-Карпини замѣтилъ необыкновенную терпимость послѣдняго относительно чуждыхъ вѣроисповѣданій; терпимость эта была предписана закономъ: въ самомъ семействѣ хана были хрістіане, на собственномъ иждивеніи содержалъ онъ хрістіанскихъ духовныхъ Греческаго исповѣданія, которые открыто отправляли свое богослуженіе въ церкви, помѣщавшейся передъ большою его палаткою. Другой западный путешественникъ, миссіонеръ Рубруквисъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ передъ ханомъ Мангу совершали службу сперва хрістіанскіе Несторіанскіе духовные, потомъ муллы магометанскіе, наконецъ языческіе жрецы. Рубруквисъ описываетъ также любопытный споръ, происшедшій, по ханскому приказанію, между проповѣдниками трехъ религій — хрістіанской, магометанской и языческой. Рубруквисъ, защищавшій хрістіанство противъ языческаго жреца, позванъ былъ послѣ того къ хану, который сказалъ ему: «Мы, Татары, вѣруемъ во единого Бога, Которымъ живемъ и умираемъ; но какъ рукъ Богъ далъ различныя пальцы, такъ и людямъ далъ различныя пути къ спасенію: вамъ Богъ далъ писаніе, и вы его не соблюдаете; намъ далъ колдуновъ, мы дѣлаемъ то, что они намъ говорятъ и живемъ въ мирѣ.» По уставу Чингисъ-Хана и Огтая, подтвержденному въ послѣдствіи, служители всѣхъ религій были освобождены отъ платежа дани²⁸⁴.

Г Л А В А III.

Отъ Ватыева нашествія до борьбы между сыновьями Александра Невскаго.

(1240—1276).

Ярославъ Всеволодовичъ на Сѣверѣ.—Его поѣздки къ Татарамъ и смерть.— Войны съ Литвою, Шведами и Ливонскими рыцарями.— Дѣятельность Александра Ярославича Невскаго. — Михаилъ Ярославичъ, князь Московскій. — Отношенія между сыновьями Ярослава — Александромъ и Андреемъ. — Андрей изгнанъ. — Александръ великимъ княземъ. — Ссора Александра съ Новгородомъ.— Татарская перепись.— Движеніе противъ Татаръ.— Смерть Александра Невскаго.— Вишнія войны.— Ярославъ Тверской великимъ княземъ. — Отношенія его къ Новгороду. — Княженіе Василя Ярославича Костромскаго. — Ослаба отъ насилія Татарскаго. — Продолженіе борьбы съ Литвою и Нѣмцами. — Событія въ разныхъ княжествахъ сѣверо-восточной Руси. — Бояре. — Событія въ юго-западной Руси.

Узнавши о гибели великаго князя, старшій по немъ братъ Ярославъ Всеволодовичъ пріѣхалъ княжить во Владимиръ: онъ очистилъ церкви отъ труповъ, собралъ оставшихся отъ истребленія людей, утѣшилъ ихъ, и, какъ старшій, началъ распорядиться волостями: брату Святославу отдалъ Суздаль, другому Ивану Стародубъ сѣверный²⁸⁵. При этомъ распоряженіи волостями, видимъ господство отчинности: Переяславль, прежняя волость Ярослава, остается за нимъ; Ростовъ, старшій столъ послѣ Владимира, остается постоянно въ племени Константиновомъ; и здѣсь видимъ то же самое явленіе: по смерти старшаго Константиновича Василька, старшая волость Ростовская не переходитъ къ брату его Владимиру, который остается на прежнемъ столѣ своемъ въ Угличѣ,

ростовская волость переходит къ сыновьямъ Василька, изъ которыхъ старшій Борисъ остался въ Ростовѣ, а младшій Глѣбъ сѣлъ на Бѣль-озерѣ; Ярославъ остается за сыномъ убитаго Всеволода, Васильемъ.

Татары ²⁸⁶ оставляли въ покоѣ только тѣ народы, которые признавали надъ собою власть ихъ; противиться имъ не было средствъ у владимирскаго князя: мы видѣли, какой ужасъ напалъ на жителей при вѣсти о вторичномъ появленіи Татаръ въ русскихъ предѣлахъ; надобно было покориться, надобно было изъяснить эту покорность лично передъ ханомъ — и Ярославъ отправился въ Орду къ Батыю, который раскинулъ станъ свой на берегу Волги; Батый, по словамъ лѣтописца, принялъ Ярослава съ честью, и отпуская, сказалъ ему: «будь ты старшій между всѣми князьями въ русскомъ народѣ.» Въ слѣдъ за Ярославомъ отправились къ Батыю и всѣ родичи его, а сынъ великокняжескій Константинъ поѣхалъ дальше, къ великому хану; но присутствіемъ сына не удовольствовались: въ 1245 г., Константинъ возвратился въ Русь, и отецъ его Ярославъ долженъ былъ самъ отправиться въ Татарію, гдѣ въ августѣ 1246 года былъ свидѣтелемъ воцаренія Куюка, сына Угедеева. Извѣстный уже намъ путешественникъ, монахъ Плато-Карпини встрѣтился съ Ярославомъ въ Ордѣ; не велика была, по его словамъ, честь, которою пользовался здѣсь старшій князь русскій; но все же эта честь была относительно велика, ибо Ярославу давали высшее мѣсто передъ всѣми другими владѣльцами ²⁸⁷. Тотъ же путешественникъ оставилъ намъ нѣкоторыя подробности и о смерти великаго князя, послѣдовавшей въ 1246 году; Ярослава позвали къ матери великаго хана, которая, какъ бы желая оказать честь русскому князю, дала ему ѣсть и пить изъ собственныхъ рукъ; но, возвратившись отъ ханши, Ярославъ заболѣлъ, и чрезъ семь дней умеръ, при чемъ тѣло его удивительнымъ образомъ посинѣло, почему всѣ и думали, что ханша отравила его, дабы Татары могли свободнѣе владѣть Русью; доказательствомъ служить еще и то, прибавляетъ Плато-Карпини, что ханша послѣшила отправить посла въ Россію къ сыну Ярославу Александру, съ обѣщаніемъ дать ему отцовское наследство, если пріѣдетъ къ ней; но Александръ не поѣхалъ.—Догадка Плато-Карпини о причинѣ отравленія Ярослава не вѣроятна, ибо смерть одного Ярослава не перемѣняла дѣлъ на сѣверѣ, слѣдовательно не могла быть по-

лезна для Татаръ, которымъ надобно было истребить всѣхъ князей для того, чтобъ свободно владѣть Россією. Извѣстія нашихъ летописей проливаютъ новый, хотя не ясный свѣтъ на событіе: по этимъ извѣстіямъ, виною смерти Ярославовой была крамола его соотечественниковъ, именно какого-то Федора Яруновича, который оклеветалъ великаго князя: но трудно предположить, чтобъ Яруновичъ дѣйствовалъ здѣсь лично отъ себя и для себя; гораздо легче подумать, что смерть Ярослава въ Ордѣ была явленіемъ, одинакимъ съ смертію другихъ князей русскихъ тамъ же, была слѣдствіемъ наговора родичей, слѣдствіемъ родовыхъ княжескихъ усобиць.

Въ то время, какъ на востокѣ русскіе князья принуждены были ѣздить съ поклономъ къ ханамъ степныхъ варваровъ, на западѣ шла борьба съ сильными врагами, которые начали грозить Руси еще прежде Татаръ. Тотчасъ по занятіи старшаго стола, въ 1239 году Ярославъ долженъ былъ выступить противъ Литвы, которая воевала уже въ окрестностяхъ Смоленска; великій князь побѣдилъ Литовцевъ, взявъ въ плѣнъ ихъ князя, потомъ урядилъ Смольнянъ, посадивши у нихъ княземъ Всеволода, сына Мстислава Романовича, и возвратился домой съ большою добычею и честію. Но у Литвы оставалось много князей и много силы; съ двухъ другихъ сторонъ нападаютъ на сѣверо-западную Русь враги не менѣе опасные: Шведы и ливонскіе рыцари. Владимірскимъ князьямъ нельзя было оборонять ее постоянно отъ всѣхъ этихъ враговъ: у нихъ было много дѣла у себя, на востокѣ, вслѣдствіе утвержденія новаго порядка вещей, безпрестанныхъ усобиць для усиленія одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ, и татарскихъ отношеній. Тогда Новгородъ Великій долженъ былъ взять на свою долю борьбу со Шведами, а Псковъ, бѣдный средствами Псковъ, долженъ былъ вести борьбу съ двумя самыми опасными врагами, Литвою и Нѣмцами, при внутреннемъ неурядствѣ, при частомъ отсутствіи князя, при ссорахъ съ старшимъ братомъ своимъ, Новгородомъ Великимъ.

Самымъ сильнымъ ударамъ съ трехъ сторонъ Новгородъ и Псковъ подверглись съ 1240 года; они выдержали ихъ, и этимъ преимущественно обязаны были сыну великаго князя Ярослава, Александру, который сталъ княжить у нихъ одинъ послѣ отца съ 1236 года ³⁸⁸. Въ Швеціи борьба между готскимъ и шведскимъ

владѣтельными домами, кончившаяся въ 1222 году, усилила власть вельможъ, между которыми первое мѣсто занималъ родъ Фолькунговъ, владѣвшій наслѣдственно достоинствомъ *ярла*. Могущественный представитель этой фамилии, Биргеръ, побуждаемый папскими посланіями, предпринялъ крестовый походъ противъ Руси. Какъ скоро пришла въ Новгородъ вѣсть, что Шведы явились въ устьѣ Ижоры и хотять идти на Ладогу, то Александръ не сталъ дожидаться ни полковъ отцовскихъ, ни пока соберутся всѣ силы новгородской волости, съ небольшою дружиною выступилъ противъ непріятеля, и 15-го іюля нанесъ ему пораженіе, за которое получилъ славное прозваніе Невскаго. Самъ Александръ рассказывалъ послѣ о подвигахъ шестерыхъ мужей изъ дружины своей: одинъ изъ нихъ Гаврило Олексичъ прорвался въ слѣдъ за бѣгущимъ Биргеромъ до самаго корабля его, былъ низвергнутъ и съ конемъ въ воду, но вышелъ невредимъ, и опять поѣхалъ биться съ воеводою шведскимъ, который называется въ лѣтописи Спиридономъ, этотъ воевода остался на мѣстѣ, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ, та же участь постигла и епископа²⁸⁹. Другой Новгородецъ, Сбыславъ Якуновичъ удивилъ также всѣхъ своею силою и храбростію, не разъ врываясь съ однимъ топоромъ въ толпы непріятельскія. Якуновичу въ храбрости не уступалъ княжескій ловчій, Яковъ Полочанинъ, съ мечемъ въ рукахъ ворвавшійся въ шведскіе ряды. Четвертый Новгородецъ Миша пѣшкомъ съ отрядомъ своимъ ударилъ на непріятельскіе корабли и погубилъ три изъ нихъ; пятый, отрокъ княжескій Савва, пробился до большаго златоверхаго шатра Биргерова и подсѣкъ у него столпъ, шатеръ повалился и паденіе его сильно обрадовало Новгородцевъ въ битвѣ; шестой, слуга княжескій Ратмиръ бился пѣшъ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами, и палъ отъ множества ранъ; всѣхъ убитыхъ со стороны новгородской было не болѣе 20 человекъ. Зналъ, какой характеръ носила эта борьба, съ какимъ намѣреніемъ приходили Шведы, мы поймемъ то религіозное значеніе, которое имѣла Невская побѣда для Новгорода и остальной Руси; это значеніе ясно видно въ особенномъ сказаніи о подвигахъ Александра: здѣсь Шведы не иначе называются какъ Римлянами, — прямое указаніе на религіозное различіе, во имя котораго предпринята была война. Побѣда была одержана непосредственною помощію свыше: былъ старшина въ землѣ ижорской, именовъ Пелгусій, которому было поручено сто-

рожить непріятеля на морѣ; Пелгусій былъ крещенъ и носилъ христіанское имя Филиппа, хотя родъ его находился еще въ язычествѣ; Пелгусій жилъ богоугодно, держалъ строгій постъ по сѣредамъ и пяткамъ и сподобился видѣнія: однажды пробылъ онъ всю ночь безъ сна, и при восходѣ солнечномъ вдругъ слышитъ сильный шумъ на морѣ, и видитъ, что гребетъ къ берегу насадъ, а посреди насада стоятъ св. мученики Борисъ и Глѣбъ въ пурпурныхъ одеждахъ, гребцы сидятъ какъ будто мглою одѣты, и слышитъ онъ, что Борисъ говоритъ Глѣбу: «Братъ Глѣбъ! вели грести, поможемъ сроднику своему великому князю Александру Ярославичу.» Пелгусій рассказалъ потомъ видѣніе Александру, и тотъ запретилъ ему больше никому не рассказывать объ немъ.

Новгородцы любили видѣть Александра въ челѣ дружинъ своихъ; но не долго могли ужиться съ нимъ, какъ съ правителемъ, ибо Александръ шелъ по слѣдамъ отцовскимъ и дѣдовскимъ: въ самый годъ Невской побѣды онъ выѣхалъ изъ Новгорода, разочлѣвшись съ жителями. А между тѣмъ Нѣмцы, опять съ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, взяли Изборскъ; Псковичи вышли къ нимъ на встрѣчу, и были разбиты, потеряли воеводу Гаврилу Гориславича ³⁹⁰, а Нѣмцы, по слѣдамъ бѣгущихъ, подступили къ Пскову, пожгли посады, окрестныя села и цѣлую недѣлю стояли подъ городомъ. Псковичи принуждены были исполнить всѣ ихъ требованія и дали дѣтей своихъ въ заложники: въ Псковѣ началъ владѣть вмѣстѣ съ Нѣмцами какой-то Твердило Ивановичъ, который и подвелъ враговъ, какъ утверждаетъ лѣтописецъ; мы уже видѣли во враждѣ сторонъ причину такихъ измѣнъ. Приверженцы противной стороны бѣжали въ Новгородъ, который остался безъ князя, а между тѣмъ Нѣмцы не довольствовались Псковомъ: вмѣстѣ съ Чудью напали они на Вотскую пятину, завоевали ее, наложили дань на жителей, и, намѣреваясь стать твердою ногою въ Новгородской волости, построили крѣпость въ Копорьи погостѣ; по берегамъ Луги побрали всѣхъ лошадей и скоть; по селамъ нельзя было земли пахать, да и не чѣмъ; по дорогамъ въ тридцати верстахъ отъ Новгорода непріятель былъ купцовъ. Тогда Новгородцы послали въ низовую землю къ Ярославу за княземъ, и тотъ далъ имъ другаго сына своего Андрея; но надобенъ былъ Александръ, а не Андрей: Новгородцы подумали, и отправили опять владыку съ боярами за Александромъ; Ярославъ далъ имъ его

опять, на какихъ условіяхъ, не извѣстно, но, вѣроятно, не на всей волѣ новгородской: мы увидимъ послѣ самовластіе Александра въ Новгородѣ; жалобы гражданъ на это самовластіе остались въ договорахъ ихъ съ братомъ Александровымъ.

Пріѣхавши въ Новгородъ въ 1241 году, Александръ немедленно пошелъ на Нѣмцевъ къ Копорью, взялъ крѣпость, гарнизоны нѣмецкіи привелъ въ Новгородъ, часть его отпустилъ на волю, только измѣнниковъ Вожанъ и Чудь перевѣшалъ. Но нельзя было такъ скоро освободить Псковъ; только въ слѣдующемъ 1242 году, Александръ выступилъ ко Пскову и взялъ его, при чемъ погибло семьдесятъ рыцарей со множествомъ простыхъ ратниковъ, шесть рыцарей взяты въ плѣнъ и замучены, какъ говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ ³⁹¹. Послѣ этого Александръ вошелъ въ чудскую землю, во владѣнія Ордена; войско послѣдняго встрѣтило одинъ изъ русскихъ отрядовъ и разбило его на голову; когда бѣглецы принесли Александру вѣсть объ этомъ пораженіи, то онъ отступилъ къ Псковскому озеру, и сталъ дожидаться непріятеля на льду его, который былъ еще крѣпокъ 5-го апрѣля. На солнечномъ восходѣ началась знаменитая битва, слышущая въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Ледовая побоища*. Нѣмцы и Чудь пробились *свищою* (острою колонною) сквозь русскіе полки и погнали уже бѣгущихъ, какъ Александръ обогналъ враговъ съ тыла и рѣшилъ дѣло въ свою пользу; была злая сѣча, говоритъ лѣтописецъ, льда на озерѣ стало не видно, все покрылось кровію; Русскіе гнали Нѣмцевъ по льду до берега на разстояніи семи верстъ, убили у нихъ 500 человекъ, а Чуди безчисленное множество, взяли въ плѣнъ 50 рыцарей. «Нѣмцы,» говоритъ лѣтописецъ, хвалились: «возьмемъ князя Александра руками, а теперь ихъ самихъ Богъ предалъ ему въ руки.» Когда Александръ возвращался во Псковъ послѣ побѣды, то плѣнныхъ рыцарей вели цѣшкомъ подлѣ коней ихъ; весь Псковъ вышелъ на встрѣчу къ своему избавителю, игумены и священники со крестами. «О Псковичи! (говоритъ авторъ повѣсти о великомъ князѣ Александрѣ), если забудете это и отступите отъ рода великаго князя Александра Ярославича, то похожи будете на Жидовъ, которыхъ Господь напиталъ въ пустынѣ, а они забыли всѣ благодѣянія Его; если кто изъ самыхъ дальнихъ Александровыхъ потомковъ пріѣдетъ въ печали жить къ вамъ во Псковъ, и не приметъ его, не почтете, то назоветесь вторые Жиды.» — Послѣ

этого славнаго похода Александръ долженъ былъ ѣхать во Владиміръ, прощаться съ отцемъ, отправляющимся въ Орду; въ его отсутствіе Нѣмцы прислали съ поклономъ въ Новгородъ, послаи ихъ говорили: «что зашли мы мечомъ, Вотъ, Лугу, Псковъ, Ляголу, отъ того отъ всего отступаемся; сколько взяли людей вашихъ въ плѣнъ, тѣми разбѣняемся: мы вашихъ пустимъ, а вы нашихъ пустите;» отпустили также заложниковъ псковскихъ и помирились.

Но оставалась еще Литва: въ 1245 году толпы Литовцевъ явились около Торжка и Бѣжеца; въ Торжкѣ въ это время сидѣлъ возвратившійся вѣроятно послѣ мира изъ Ливоніи князь Ярославъ Владиміровичъ; онъ погнался было съ новоторжцами за Литвою, но потерпѣлъ поражение, потерялъ всѣхъ лошадей; потомъ, новоторжцы и Ярославъ погнались опять вмѣстѣ съ тверичами и дмитровцами: на этотъ разъ Литовцы были разбиты подъ Торопцомъ и князя ихъ вбѣжали въ городъ. Но утромъ на другой день приспѣлъ Александръ съ новгородцами, взялъ Торопецъ, отнялъ у Литовцевъ весь плѣнъ и перебилъ князей ихъ, больше осьми человекъ. Новгородскіе полки возвратились отъ Торопца; но Александръ съ однимъ дворомъ своимъ погнался опять за Литовцами, разбилъ ихъ снова у озера Жизца ²⁹², не оставилъ въ живыхъ ни одного человека, побилъ и остатокъ князей. Послѣ этого онъ отправился въ Витебскъ, откуда взявши сына, возвращался назадъ, какъ вдругъ наткнулся опять на толпу Литовцевъ подлѣ Усвята: Александръ ударилъ на непріятелей, и снова разбилъ ихъ.

Такъ были отбиты со славою всѣ три врага сѣверо-западной Руси; Александръ не могъ долго оставаться здѣсь, ибо дѣла на востокъ перемѣнились со смертію отца его. Послѣ Ярослава старшинство и столъ владимирскій наследовалъ по старинѣ братъ его Святославъ, который утвердилъ племянниковъ своихъ, сыновей Ярослава, на *удѣлахъ* ²⁹³, данныхъ имъ покойнымъ великимъ княземъ. Еще въ 1142 г. Невскій ѣздилъ въ Орду, потому что Батый прислалъ сказать ему: мнѣ покоришь Богъ многіе народы, неужели ты одинъ не хочешь покориться моея державѣ? если хочешь сберечь землю свою, то приходи поклониться мнѣ, и увидишь честь и славу царства моего.» Лѣтописецъ говоритъ, что ханъ, увидавши Александра, сказалъ своимъ вельможамъ: «Все, что мнѣ ни говорили объ немъ, все правда: нѣтъ подобнаго этому князю.» По смерти отца, Александръ отправился къ Батюю вмѣстѣ съ бра-

тому Андреемъ; съ береговъ Волги поѣхали они, по обычаю, въ Татарю; а между тѣмъ, въ отсутствіе старшихъ ²⁹⁴ Ярославичей, въ Руси произошла важная переиѣна: одинъ изъ младшихъ братьевъ ихъ, Михаилъ, по прозванію Хоробритъ, князь московскій ²⁹⁵, отнялъ у дяди Святослава великое княженіе, и самъ заступилъ его мѣсто. Это явленіе очень важно, потому что здѣсь мы видимъ совершенный произволъ, полное невниманіе ко всякому родовому праву, исключительное преобладаніе права сильнаго: Михаилъ не былъ даже и старшимъ сыномъ отъ старшаго брата. Михаилъ скоро погибъ въ битвѣ съ Литовцами, еще до возвращенія старшихъ братьевъ изъ Орды, гдѣ Александръ былъ утверждёнъ на столѣ кievскомъ и новгородскомъ, удерживая также на сѣверо-востокѣ, какъ отчину, Переяславль-Залѣскій, Андрей же получилъ великое княженіе владимирское. Изгнанный дядя Святославъ ѣздилъ въ Орду; неизвѣстно, требовалъ ли онъ у хана возвращенія великокняжескаго достоинства, или нѣтъ; извѣстно только то, что не получилъ его и скоро умеръ (въ 1252 г.). Оставался князь, который по старинѣ могъ предъявить права свои на великое княженіе: именно Владимір Углицкій, сынъ Константина Ретовскаго, старшаго изъ сыновей Всеволода III-го; но кто могъ думать о правѣ Владиміра въ то время, когда Михаилъ московскій не обращалъ никакого вниманія ни на свое безправіе, ни на право дяди? Ярославичи были сильнѣе углицкаго князя: этого было довольно, чтобъ заставить позабыть о послѣднемъ.

Но раздѣлъ между Ярославичами не былъ миренъ; есть извѣстіе ²⁹⁶, что Александръ съ Андреемъ имѣли въ Ордѣ большой споръ, кому быть во Владимірѣ, кому въ Кіевѣ, и ханъ отдалъ Кіевъ Александру, а Владиміръ Андрею, основываясь на завѣщаніи покойнаго великаго князя Ярослава. Что же могло заставить Ярослава завѣщать старшему Александру Кіевъ, а младшему Андрею Владиміръ? Быть можетъ, особенная любовь къ Андрею, который оставался всегда при немъ; быть можетъ также, что Ярославъ, желая удержать и южную Русь въ своемъ родѣ, отдалъ Кіевъ Александру, какъ болѣе способному держать его. Но если подобное завѣщаніе существовало въ самомъ дѣлѣ, то оно исключало необходимо брата Святослава, тогда какъ лѣтопись говорить прямо, что Святославъ утвердилъ племянниковъ на удѣлахъ, какъ распорядился покойный Ярославъ. Впрочемъ есть средство

согласить оба свидѣтельства: Ярославъ, при жизни, назначилъ Александра въ Кіевъ, Андрей оставался на сѣверѣ; по изгнаніи Святослава Михаиломъ и по смерти послѣдняго, Андрей, желая получить владимирскій столъ, настаивалъ на томъ, что уже старшій братъ его получилъ старшій столъ—Кіевъ и русскую землю, по распоряженію покойнаго отца, и тѣмъ убѣдилъ хана, который для собственной безопасности, могъ не желать усиленія Александра. Но Александръ, какъ старшій, не могъ быть доволенъ такимъ рѣшеніемъ, ибо давно уже Владимиръ получилъ первенство надъ Кіевомъ относительно старшинства, давно уже кіевскіе князья не могли быть безъ владимирскихъ; теперь особенно, когда южная Русь была опустошена, когда Кіевъ представлялъ однѣ развалины, владѣніе имъ не могло быть лестно. Вотъ почему Невскій могъ считать себя въ правѣ сердиться на младшаго брата, видѣть въ немъ хищника правъ своихъ (1249 г.).—Какъ бы то ни было, Андрей два года спокойно сидѣлъ во Владимирѣ; Александръ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ²⁹⁷, хотѣлъ идти въ Кіевъ, но былъ удержанъ новгородцами, представившими ему опасность отъ Татаръ на югѣ. Въ 1250 году Андрей вступилъ въ тѣсную связь съ Данииломъ галицкимъ, женившись на его дочери; а въ 1252 году Александръ отправился на Донъ²⁹⁸, къ сыну Батыеву, Сартаку съ жалобою на брата, который отнялъ у него старшинство и не исполняетъ своихъ обязанностей относительно Татаръ²⁹⁹. Александръ получилъ старшинство, и толпы Татаръ, подъ начальствомъ Неврюя вторгнулись въ землю суздальскую. Андрей при этой вѣсти сказалъ: «Что это, Господи! покуда намъ между собою ссориться, и наводить другъ на друга Татаръ: лучше мнѣ бѣжать въ чужую землю, чѣмъ дружить съ Татарами и служить имъ.» Собравши войско, онъ вышелъ противъ Неврюя, но былъ разбитъ, и бѣжалъ въ Новгородъ, не былъ тамъ принятъ, и удалился въ Швецію, гдѣ былъ принятъ съ честію. Татары взяли Переяславль, захватили здѣсь семейство Ярослава, брата Андреева³⁰⁰, убили его воеводу, поплѣнили жителей и пошли назадъ въ Орду. Александръ пріѣхалъ княжить во Владимиръ; Андрей также возвратился на Русь и помирился съ братомъ, который помирялъ его съ ханомъ, и далъ въ удѣлъ Суздаль³⁰¹.

Но скоро началась у Александра вражда съ другимъ братомъ, Ярославомъ, княжившимъ въ Твери. Вслѣдствіе появленія на сѣ-

верѣ отдѣльныхъ отчинъ, удѣловъ, между князьями необходимо обнаруживается стремленіе усиливать эти удѣлы на счетъ другихъ; уже въ Ярославѣ Всеволодовичѣ ясно обнаружилось это стремленіе: недовольный своимъ Переяславскимъ удѣломъ, онъ старался утвердиться въ Новгородѣ, даже въ Кіевѣ; сынъ его Ярославъ Тверской шелъ по слѣдамъ отцовскимъ. Въ 1254 г. онъ отправился княжить во Псковъ (а по другимъ извѣстіямъ въ Ладугу), гдѣ приняли его съ большою честію; но Псковъ находился въ тѣсной связи съ Новгородомъ, а въ Новгородѣ не всѣ были довольны Великимъ княземъ Александромъ, вмѣсто котораго княжилъ теперь здѣсь сынъ его Василій, и вотъ въ 1255 году Новгородцы выгнали Василя, и перевели къ себѣ изъ Пскова Ярослава Тверскаго. Но Василій не думалъ уступать дядѣ безъ борьбы, и засѣвши, по обычаю, въ Торжкѣ, дождался отца своего съ полками, и ждалъ не долго; Александръ явился съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Дмитріемъ Святославичемъ, и присоединивъ къ себѣ сына съ Новоторжцами, выступилъ противъ Новгорода; на дорогѣ встрѣтилъ его какой-то Ратишка съ перевѣтомъ: «Ступай, князь! говорилъ онъ: братъ твой Ярославъ убѣжалъ.» Не смотря однако на бѣгство князя, Новгородцы не хотѣли безусловно покориться Александру и выстроили два полка, конный и пѣшій, при чемъ въ первый разъ высказались двѣ словенныя партіи: меньшіе люди, собравши вѣче у Св. Николы, сказали: «Братья! а что какъ князь скажетъ: выдайте мнѣ враговъ моихъ!» Въ отвѣтъ всѣ меньшіе цѣловали образъ Богородицы стать всѣмъ за одно,—либо животь, либо смерть за правду новгородскую, за свою отчину. Но лучшіе люди думали иначе: имъ хотѣлось побить меньшихъ и ввести князя на своей волѣ, и Михалко, сынъ послѣдняго посадника, внукъ Твердиславовъ, предводитель стороны лучшихъ людей, уже побѣжалъ изъ города къ Св. Георгію (къ Юрьеву монастырю), чтобъ оттуда съ своимъ полкомъ ударить на меньшихъ. Посадникомъ въ это время на мѣсто Твердислава сына Степана (умершаго въ 1243 году) былъ Анавія, который, желая добра Михалку, послалъ за нимъ тайно; но вѣсть о замыслѣ Михалковомъ уже разнеслась между черными людьми и они погнали было грабить его дворъ, но были удержаны посадникомъ: «Братья, говорилъ имъ Анавія: если хотите убить Михалка, то убейте прежде меня!» Онъ не зналъ, что луч-

шіе люди уже порѣшили схватить его самого и посадничество отдать Михалку. Между тѣмъ посоль Александровъ явился на вѣче и объявилъ народу волю княжескую: «выдайте мнѣ Ананію посадника, а не выдадите, то я вамъ не князь, ѣду на городъ ратью.» Новгородцы отправили къ нему съ отвѣтомъ владыку и тысяцкаго: «Ступай, князь, на свой столъ, а злодѣевъ не слушай, на Ананію и всѣхъ мужей Новгородскихъ перестань сердиться.» Но князь не послушалъ просьбъ владыки и тысяцкаго; тогда Новгородцы сказали: «если, братья, князь согласился съ нашими избѣнниками, то Богъ имъ судья и Св. Софія, а князь безъ грѣха,—и стоялъ весь полкъ три дня за свою правду, а на четвертый день Александръ прислалъ объявить новое условіе: «Если Ананія не будетъ посадникомъ, то помирюсь съ вами.» Это требованіе было исполнено: Ананія свергнуть, его мѣсто занялъ Михалко Степановичъ, и Василій Александровичъ опять сталъ княжить въ Новгородѣ.

Черезъ годъ (1257 г.) злая вѣсть, что Татары хотятъ наложить тамги и десятины на Новгородъ опять смутила его жителей. Первая перепись татарская для сбора дани должна была происходить еще въ началѣ княженія Ярослава; Плато-Карпини говорить, что во время пребыванія его въ Россіи ханы-Куюкъ и Батый прислали сюда баскакомъ одного Сарацина, который у каждаго отца семейства, имѣвшаго трехъ сыновей, бралъ одного, захватилъ всѣхъ не женатыхъ мужчинъ, и женщинъ, не имѣвшихъ законныхъ мужей, также всѣхъ нищихъ, остальныхъ же перечислялъ, по обычаю татарскому, и обложилъ данью: каждый чловѣкъ мужескаго пола, какого бы возраста и состоянія ни былъ, обязанъ былъ платить по мѣху медвѣжью, бобровому, соболяному, хорьковому и лисьему; кто не могъ заплатить, того отводили въ рабство. Въ 1255 году умеръ Батый ³⁰⁴; ему наследовалъ сынъ его Сартакъ, или Сертакъ, скоро умершій, и Золотая Орда досталась брату Батыеву, Берге или Берке. По воцареніи этого новаго хана въ 1257 году, по русскимъ извѣстіямъ, происходила вторая перепись: пріѣхали численники, сочли всю землю суздальскую, рязанскую и муромскую, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, не считали только игуменовъ, чернецовъ, священниковъ и клирошанъ. Подобная же перепись происходила одновременно во всѣхъ странахъ, подвластныхъ Татарамъ, и вездѣ

служители всѣхъ религій, исключая еврейскихъ раввиновъ, были освобождены отъ подати. Въ Новгородѣ послѣ вѣсти о переписи все дѣло продолжалось смятеніе; а зимою убили посадника Михайла; «еслибы кто добро другъ другу дѣлалъ, прибавляетъ лѣтописецъ, то добро бы и было, а кто копаеть подъ другимъ яму, тотъ самъ въ нее попадаетъ.» Въ слѣдъ за этимъ пріѣхалъ въ Новгородъ Великій князь съ татарскими послами, которые начали требовать десятины и тамги; Новгородцы не согласились, дали дары для хана и отпустили пословъ съ миромъ; самъ Василій, сынъ Невскаго, былъ противъ дани, слѣдовательно противъ воли отцовской, и выѣхалъ во Псковъ, какъ только отецъ пріѣхалъ въ Новгородъ; Александръ выгналъ его оттуда и отправилъ въ Суздальскую область, а совѣтниковъ его наказалъ жестоко. Волненія не прекращались въ Новгородѣ: тою же зимою убили Мишу, быть можетъ того самого, который такъ славно бился со Шведами при Невѣ; посадничество дано было Михаилу Ѳедоровичу, выведенному изъ Ладоги. Цѣлый слѣдующій годъ однако прошелъ безъ слуховъ о требованіяхъ татарскихъ; но въ 1259 г., пріѣхалъ съ Низу (изъ Суздальской области) Михайла Пинециничъ съ ложнымъ посольствомъ: «если не согласитесь на перепись, говорилъ онъ Новгородцамъ, то уже полки татарскіе въ Низовой землѣ.» Новгородцы испугались, и согласились; но когда зимою пріѣхалъ Александръ и съ нимъ *окаянныя Татары сыродимы* съ женами, то опять всталъ сильный мятежъ; Татары испугались и начали говорить Александру: «дай намъ сторожей, а то убьютъ насъ,» и князь велѣлъ ихъ стеречь по ночамъ сыну посадничью со всѣми дѣтьми боярскими. Татарамъ наскучило дожидаться: *Дайте намъ число, или побѣжимъ прочь,* говорили они. Но въ Новгородѣ и въ этомъ случаѣ, какъ въ предыдущемъ, высказались двѣ враждебныя сословныя партіи: одни граждане никакъ не хотѣли дать числа: «Умремъ честію за Св. Софію и за дома Ангельскіе,» говорили они; но другіе требовали согласія на перепись, и наконецъ осилили, когда Александръ съ Татарами съѣхали уже съ Городища. И начали ѣздить окаянныя Татары по улицамъ, переписывая дома христіанскіе. Взявши число, Татары уѣхали; въ слѣдъ за ними отправился и князь Александръ, оставивши въ Новгородѣ сына Дмитрія.

Въ Новгородѣ стало тихо; но поднялся волненія на востокѣ,

въ землѣ ростовской: здѣсь въ 1262 году, народъ былъ выведенъ изъ терпѣнія насиліями татарскихъ откупщиковъ дани; поднялись вѣча и выгнали откупщиковъ изъ Ростова, Владиміра, Суздаля, Переяславля и Ярославля; въ послѣднемъ городѣ убитъ былъ въ это время отступникъ Изосимъ, который принялъ магометанство въ угоду татарскому баскаку и хуже иноплемениковъ угнеталъ своихъ прежнихъ согражданъ. Понятно, что въ Ордѣ не могли спокойно снести этого событія, и полки татарскіе уже посланы были плѣнить христіанъ: тогда Александръ, чтобъ отмо- лить людей отъ бѣды, отправился въ четвертый разъ въ Орду; какъ видно, онъ успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, благодаря, быть можетъ, персидской войнѣ, которая сильно занимала хана Берге. Но это было уже послѣднимъ дѣломъ Александра: больной поѣхалъ онъ изъ Орды, проведши тамъ всю зиму, и на дорогѣ, въ Городцѣ Волжскомъ, умеръ 14-го ноября 1263 года, «много потрудившись за землю Русскую, за Новгородъ и за Псковъ, за все великое княженіе отдавая животь свой и за правовѣрную вѣру.» Соблю- деніе Русской земли отъ бѣды на востокѣ, знаменитые подвиги за вѣру и землю на западѣ доставили Александру славную па- мять на Руси, сдѣлали его самымъ виднымъ историческимъ ли- цомъ въ нашей древней исторіи отъ Мономаха до Донскаго. Зна- комъ этой памяти и славы служить особое сказаніе о подвигахъ Александровыхъ, дошедшее до насъ вмѣстѣ съ летописями, на- писанное современникомъ и, какъ видно, человекомъ близкимъ къ князю. Великій князь Александръ Ярославичъ, говоритъ ав- торъ сказанія, побѣждалъ вездѣ, а самъ не былъ нигдѣ побѣ- женъ; приходилъ въ Новгородъ отъ западныхъ странъ знаменитый рыцарь, видѣлъ Александра и, возвратясь въ свою землю, раз- сказывалъ: «прошелъ я много странъ и народовъ, но нигдѣ не видалъ такого ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя;» такой же отзывъ сдѣлалъ объ немъ и ханъ. Когда Александръ послѣ отцовой смерти пріѣхалъ во Владиміръ, то былъ грозенъ пріѣздъ его, промчалась вѣсть о немъ до самыхъ устій Волги, и жены Моавитскія начали стращать дѣтей своихъ: «молчи, великій князь Александръ ѣдетъ!» Однажды явились къ нему послы изъ великаго Рима отъ папы, который велѣлъ сказать Александру: «слы- шали мы о тебѣ, князь, что ты честенъ и дивенъ, и велика земля твоя: поэтому прислали мы къ тебѣ отъ двѣнадцати кардиналовъ

двоихъ хитрѣйшихъ — Галла и Гемонта, да послушаешь ученія нашего.» Александръ, подумавши съ мудрецами своими, описалъ папѣ все случившееся отъ сотворенія міра до седьмага Вселенскаго Собора, прибавивъ: «все это мы знаемъ хорошо, но отъ васъ ученія не принимаемъ» ³⁰⁸. Идя по слѣдамъ отцовскимъ, Александръ передавалъ много золота и серебра въ Орду на выкупъ плѣнныхъ. Митрополитъ Кириллъ былъ во Владимірѣ, когда узналъ о смерти Александра; онъ такъ объявилъ объ этомъ народу: «дѣти мои милые! знайте, что зашло солнце земли Русской,» и всѣ люди завопили въ отвѣтъ: «уже погибаетъ!»

Занимаясь по смерти отца преимущественно отношеніями ордынскими, Александръ долженъ былъ слѣдить и за обычною борьбою на западѣ, въ которой прежде принималъ такое славное участіе. Мы видѣли, что Михаилъ Московскій не долго пользовался старшимъ столомъ, отнятымъ у дяди, и палъ въ битвѣ съ Литвою; но другіе Ярославичи отомстили за его смерть, поразивши Литву изъ Зубцова (1249 году); около этого же времени Псковичи потерпѣли поражение отъ Литвы на Кудепи; въ 1253 году Литва явилась въ области Новгородской; но князь Василій съ Новгородцами нагнали ее у Торопца, разбили, отнявъ полонъ. Въ 1258 г., пришла Литва съ Полочанами къ Смоленску и взяла городъ Войщину ³⁰⁴ на щитъ; послѣ этого Литовцы явились у Торжка, жители котораго вышли къ нимъ навстрѣчу, но потерпѣли поражение и городъ ихъ много пострадалъ; подъ 1262 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о мирѣ Новгородцевъ съ Литвою.— Шведы и Датчане съ Финнами пришли въ 1256 году и стали чинить городъ на Наровѣ; Новгородцы, сидѣвшіе въ это время безъ князя, послали въ суздальскую землю къ Александру, за полками, разослали и по своей волости собирать войско; непріятель испугался этихъ приготовленій и ушелъ за море ³⁰⁵. На зиму пріѣхалъ въ Новгородъ князь Александръ и отправился въ походъ—куда, никто не зналъ; думали, что князь идетъ на Чудь, но онъ отъ Копорья пошелъ на Ямъ; путь былъ трудный, войско не видѣло ни дня, ни ночи отъ мятели; не смотря на то Русскіе вошли въ непріятельскую землю и опустошили ее. Послѣ мира 1242 года Нѣмцы десять лѣтъ не поднимались на Русь; только въ 1253 году, ободренные удачными войнами съ Литвою, они нарушили договоръ, пришли подъ Псковъ и сожгли посадъ, но са-

никъ ихъ много Псковичи били, говорить лѣтописецъ. Видно впрочемъ, что осада крѣпости танулась до тѣхъ поръ, пока пришелъ полкъ новгородскій на выручку; тогда Нѣмцы испугались, сняли осаду и ушли. Въ Новгородѣ въ это время было покойно, и потому рѣшились не довольствоваться освобожденіемъ Пскова, а идти пустошить Ливонію: пошли за Нарову и положили пусту нѣмецкую волость; Корелы также ей много зла надѣлали. Псковичи, съ своей стороны, не хотѣли оставаться въ долгу, пошли въ Ливонію и побѣдили нѣмецкій полкъ, вышедшій къ нимъ навстрѣчу. Тогда Нѣмцы послали во Псковъ и въ Новгородъ просить мира на всей волѣ новгородской и псковской, и помирились. Въ 1262 г. собрались князья идти къ старой отчизнѣ своей, къ Юрьеву Ливонскому. Этотъ походъ замѣчательнъ тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ видимъ русскихъ князей въ союзѣ съ литовскими для наступательнаго движенія противъ Нѣмцевъ. Русскіе князья—братъ Невскаго, Ярославъ и сынъ Дмитрій съ Миндовгомъ литовскимъ, Тройнатою жмудскимъ и Тевтивиломъ полоцкимъ уговорились ударить вмѣстѣ на Орденъ. Миндовгъ явился передъ Венденомъ, но тщетно дожидаясь Русскихъ и возвратился назадъ, удовольствовавшись однимъ опустошеніемъ страны. Когда ушла Литва, явились русскіе полки и осадили Юрьевъ; Нѣмцы сильно укрѣпили его: «былъ городъ Юрьевъ твердъ, говорить лѣтописецъ, въ три стѣны, и множество людей въ немъ всякихъ, и оборону себѣ пристроили на городѣ крѣпкую.» Посадъ былъ взятъ приступомъ, сожженъ; Русскіе набрали много полоюу и товара всякаго, но крѣпости взятъ не могли и ушли назадъ. Нѣмецкій лѣтописецъ прибавляетъ, что Русскіе оставили Юрьевъ, слыша о приближеніи магистра Вернера Фонъ-Брейтгаузена, и что магистръ, по ихъ слѣдамъ, вторгнулся въ русскія владѣнія, опустошилъ ихъ, но болѣзнь принудила его возвратиться ³⁰⁶.

Прежній великій князь Андрей Ярославичъ не долго пережилъ брата своего: онъ умеръ весною 1264 года. Сохранилось извѣстіе ³⁰⁷, что Андрей, по смерти Александра, снова хотѣлъ занять столъ владимірскій, но что братъ его Ярославъ перенесъ дѣло на рѣшеніе хана, и тотъ утвердилъ Ярослава. Это извѣстіе подтверждается тѣмъ, что въ лѣтописяхъ вступленіе Ярослава на великокняжескій престолъ означено не точаеъ по смерти Александра въ 1263, но уже по смерти Андрея въ 1264 году. *Иванъ*

вѣстко, гдѣ Невскій имѣлъ пребываніе, въ отчинномъ ли городѣ Черяславѣ Залѣскомъ ³⁰⁸ или во Владимірѣ, по крайней мѣрѣ погребенъ былъ въ послѣднемъ; братъ же его Ярославъ, какъ видно, жидъ то въ Твери ³⁰⁹, то во Владимірѣ, то въ Новгородѣ, и былъ похороненъ въ Твери ³¹⁰. Смерть Невскаго повела прежде всего къ перемѣнѣ въ Новгородѣ; сынъ его Димитрій былъ изгнанъ; мы видѣли, что посадникъ Ананія былъ сверженъ по требованію Александра, и на его мѣсто поставленъ Михалко Степановичъ — необходимо угодный в. князю; но Михалко былъ убитъ меньшими людьми, постоянно не ладившими съ Александромъ, слѣдовательно и посадника, ими избраннаго, Михаила Оедаровича мы не имѣемъ права считать въ числѣ приверженцевъ послѣдняго. Поэтому не удивительно встрѣтить въ лѣтописи извѣстіе, что Новгородцы изгнали Димитрія Александровича, по совѣту съ посадникомъ своимъ Михаиломъ, и послали въ Тверь сына посадникова и лучшихъ бояръ звать Ярослава къ себѣ на столъ: вспомнимъ, что и прежде Ярославъ былъ позванъ въ Новгородъ вслѣдствіе желанія меньшихъ людей, которые такъ сильно послѣ того противились Александру. Рядъ Новгородцевъ съ Ярославомъ дошелъ до насъ во всей полнотѣ въ двухъ грамотахъ; Новгородцы называютъ предложенныя князю условія древними ³¹¹: быть можетъ они были предложены впервые Всеволоду, внуку Мономахову; внесено также въ условія, чтобъ поступки Невскаго не повторялись ³¹²; не смотря на то, Новгородцы не долго нажили въ мирѣ и съ новымъ княземъ. Первая размолвка произошла по поводу Псковичей, которые посадили у себя княземъ Довмонта Литовскаго, тогда какъ прежде сидѣлъ у нихъ сынъ Ярославовъ, Святославъ ³¹³; въ 1266 году Ярославъ пришелъ въ Новгородъ съ полками низовыми, чтобъ идти на Псковичей и Довмонта, уже славнаго подвигами своими за Русскую землю; Новгородцы воспротивились этому походу и сказали князю: «Прежде перевѣдайся съ нами, а потомъ уже поѣзжай во Псковъ.» Ярославъ отоделалъ полки свои назадъ. Намѣстникомъ Ярославовымъ въ Новгородѣ сидѣлъ племянникъ его, Юрій Андреевичъ ³¹⁴; но въ 1269 году приходилъ туда самъ в. князь и сталъ жаловаться: «мужи мои и братья мои и ваши побиты въ войнѣ съ Нѣмцами;» князь складывалъ всю вину на трехъ гражданахъ — Жирослава Давидовича, Михаила Мишинича и Юрія Сбыславича, желая лишить ихъ

долостей. Но Новгородцы были за нихъ; князь въ сердцахъ, собрался выѣхать изъ города: жители стали кланяться ему: «князь! перестань сердиться на Жирослава, Михайла и Юрія, и отъ насъ не ѣзди.» потому что миръ съ Нѣмцами былъ еще не проченъ. Ярославъ не послушался и уѣхалъ; но они послали за нимъ владыку и лучшихъ мужей и воротили его съ Бронницъ; чтобъ угодить ему, выбрали тысяцкаго Ратибора Клуковича по его волѣ, а посадникомъ на мѣсто Михайла Федоровича, умершаго въ 1268 году, былъ избранъ тогда же еще сынъ извѣстнаго Ананія, Павша.

Новгородцы хотѣли мира съ Ярославомъ изъ страха передъ Нѣмцами только, и когда этотъ страхъ прошелъ, то въ слѣдующемъ же 1270 году всталъ мятежъ въ городѣ: начали выгонять князя, собрали вѣче на Ярославовомъ дворѣ, убили пріятеля княжескаго Иванка, а другіе пріятели Ярославовы, и между ними тысяцкій Ратиборъ скрылись къ князю на Городище; Новгородцы разграбили ихъ дома, хоромы разнесли, а къ князю послали грамоту съ жалобою, что отнять Волховъ гогольными ловцами, а поле отнято заячьими ловцами, взять дворъ Алексы Морткиннича, взято серебро на Никифорѣ Манускиничѣ, на Романѣ Болдыжевичѣ, на Варооломеѣ; кромѣ того, выводятся иноземцы, которые живутъ въ Новгородѣ. Ярославъ, не смотря на всѣ свои старанія, долженъ былъ выѣхать, и Новгородцы послали за Дмитріемъ Александровичемъ, но ошиблись въ расчетѣ: Дмитрій отказался ѣхать къ нимъ, сказавши: «не хочу взять стола передъ дядею.» Новгородцы принужли, особенно когда узнали, что Ярославъ копить полки на нихъ, мало того, послалъ къ хану ихъ прежняго тысяцкаго Ратибора просить помощи на Новгородъ; Ратиборъ говорилъ хану: «Новгородцы тебя не слушаютъ; мы просили у нихъ дани для тебя, а они насъ выгнали, другихъ убили, дома наши разграбили и Ярослава обезчестили.» Ханъ повѣрилъ и отправилъ уже войско къ Ярославу. Въ такой крайней опасности Новгородъ былъ спасенъ не княземъ южной, старой Руси, но роднымъ братомъ в. князя, Васильемъ Ярославичемъ костромскимъ: этотъ князь вступился за старый городъ не по сочувствію съ его бытомъ, но изъ соперничества съ братомъ: какъ князь костромской, Василія, боялся усиленія князя тверскаго, ибо такое усиленіе грозило не только ирравать его на княжество владимирское, но

даже независимости его княжества костромского. Василий послалъ сказать Новгородцамъ: «кланяюсь св. Софіи и мужамъ Новгородцамъ: слышалъ я, что Ярославъ плеть на Новгородъ со всею своею силою, Димитрій съ Переяславцами и Глѣбъ съ Смоленянами; жаль мнѣ своей отчины.» Но Василий не ограничился однимъ сожалѣніемъ: самъ поѣхалъ въ Орду, сказалъ хану, что Новгородцы правы, а Ярославъ виноватъ, и возвратилъ съ дороги татарскую рать. Между тѣмъ Новгородцы поставили острогъ около города, имѣніе свое вывезли въ крѣпость, и когда явились сторожа Ярославовы, то весь городъ вышелъ съ оружіемъ отъ мала до велика. Ярославъ, узнавъ объ этомъ, засѣлъ въ Русь, а въ Новгородъ послалъ съ мирными предложеніями: «общаюсь впередъ не дѣлать ничего того, за что на меня сердитесь, всѣ князья въ томъ за меня поручатся.» Новгородцы отвѣчали: «князь! ты вздумалъ зло на св. Софію, такъ ступай: а мы изомремъ честно за св. Софію; у насъ князя нѣтъ, но съ нами Богъ и правда и св. Софія, а тебя не хотимъ.» Новгородцы могли такъ разговаривать: къ Ярославу Татары не приходили, а къ нимъ собралась вся ихъ волость. Псковичи, Ладожане, Корела, Ижора, Вожава, пошли всѣ къ устью Шелони ²¹⁵, и стояли недѣлю на бродѣ, а полкъ Ярославовъ по другую сторону рѣки: дѣло впрочемъ не дошло до битвы, потому что явился новый посредникъ: прислалъ митрополитъ грамоту, въ которой писалъ: мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ русской землѣ; вамъ надобно слушаться Бога и меня: крови не проливайте, а Ярославъ не сдѣлаетъ вамъ ничего дурнаго, я за то ручаюсь; если же вы крестъ цѣловали не держать его, то я за это принимаю епитимью на себя и отвѣчаю передъ Богомъ.» Митрополитья грамота подѣйствовала ²¹⁶, и когда Ярославъ опять прислалъ въ новгородскій полкъ съ поклономъ, то Новгородцы помирились съ нимъ на всей своей волѣ, посадили его опять у себя на столѣ и привели къ кресту. Зимой Ярославъ отправился во Владимиръ, а оттуда въ Орду, оставя въ Новгородѣ наѣстникомъ Андрея Вратиславича, а во Псковѣ князя Айгуста Литовскаго.

Въ 1272 году Ярославъ умеръ на возвратномъ пути изъ Орды. По старому порядку вещей великое княжество перешло къ брату его Василию Костромскому; но относительно Новгорода явился ему соперникъ, и такимъ образомъ Новгородцы получили право

выбора: послы Василя Костромскаго и племянника его, Дмитрія, Переяславскаго въ одно время съѣхались въ Новгородъ, оба князя просили себя этого стола. Казалось, что выборъ будетъ легокъ для Новгородцевъ: благодарность заставляла ихъ избрать Василя, недавно избавившаго ихъ отъ страшной опасности. Не смотря на то, они посадили у себя Дмитрія. Есть извѣстie³¹⁷, объясняющее причину такого поступка: Василю требовалъ уничтоженія грамотъ брата своего, слѣдовательно Новгородцы выбрали того, кто согласился княжить у нихъ на всей ихъ волѣ. Однако новый, великій князь не думалъ уступать своихъ правъ: съ Татарами и племянникомъ своимъ, княземъ тверскимъ Святославомъ, онъ повоёвывалъ волости повгородскія, взялъ Торжекъ, пожегъ хоромы, посадилъ своего туна, торговля съ низовою землею прекратилась, купцовъ новгородскихъ перехватывали тамъ, и хлѣбъ сильно вздорожалъ въ городѣ. Зимомъ 1273 года князь Дмитрій съ Новгородцами пошелъ къ Твери, а къ Василю послали сказать: «возврати волости новгородскія и помирись съ нами»; но Василю не хотѣлъ мириться: тогда въ Новгородѣ возмущились люди и захотѣли Василя; Дмитрій, не дожидаясь изгнанія, добровольно уѣхалъ въ свой Переяславль, и Василю сѣлъ на столъ новгородскомъ; но нѣкоторымъ извѣстиямъ Василю наказалъ своихъ противниковъ, въ числѣ которыхъ былъ тысяцкій³¹⁸; судя по обстоятельствамъ съ вѣроятностію можно положить, что прежнія требованія Василя относительно грамотъ были исполнены. Перемена князя повлекла и перемену посадника: еще до пріѣзда Васильева отняли посадничество у Павши (Павла Семеновича) и дали Михаилу Мишиничу (вѣроятно сыну убитаго прежде Миши); Павша бѣжалъ сперва къ Дмитрію, но потомъ раздумалъ и поѣхалъ съ поклономъ къ Василю, который, какъ видно, принялъ его милостиво, потому что какъ скоро Василю утвердился въ Новгородѣ, то отняли посадничество у Михаила и отдали опять Павшѣ, выведши его изъ Костромы; но въ слѣдующемъ же 1274 году, Павша умеръ, и Михаилъ сталъ опять посадникомъ. Въ 1276 году умеръ великій князь Василю и погребенъ въ своей отчинѣ, Костромѣ: съ нимъ прекратилось первое поколѣніе потомства Ярослава Всеволодовича, и старшинство со столомъ Владимірскимъ перешло по старинѣ къ старшему сыну Невскаго, Дмитрію Александровичу Переяславскому. Такимъ образомъ, при ослабленіи родовой

связи и общности владѣнія, при образованіи удѣловъ, отдѣльныхъ отчинъ, и при необходимо слѣдующемъ отсюда стремленіи каждаго великаго князя усилить свое собственное княжество, при чемъ всѣ они начинаютъ съ Новгорода, жребій — усилиться и стать чрезъ это сосредоточивающимъ пунктомъ Руси — выпалъ сперва Твери, но недостатокъ твердости въ Ярославѣ Тверскомъ и соперничество брата его Василія воспрепятствовали усиленію Твери; Василій Костромской, едва получилъ великокняжескую область, какъ началъ дѣйствовать точно такимъ же образомъ, какой оуждалъ въ братѣ; подобно ему привелъ Татаръ на Новгородцевъ, тогда какъ прежде заступился за послѣднихъ и отклонилъ отъ нихъ татарское нашествіе; но кратковременное пятилѣтнее правленіе не позволило ему усилить костромское княжество, онъ умеръ бездѣтенъ, и очередь перешла къ Переяславлю-Залѣскому.

Касательно ордынскихъ отношеній по смерти Невскаго, въ 1266 году кончилось первое, самое тяжкое двадцатипятилѣтіе татарскаго ига; въ этомъ году, говорятъ лѣтописи, умеръ ханъ Берге, и была ослаба Руси отъ насилія татарскаго; Берге былъ первый ханъ, который принялъ магометанство, и потому неудивительно читать въ лѣтописяхъ, что какой-то Изосимъ принялъ исламъ въ угодность татарскому баскаку. Берге наследовалъ Менгу-Тимуръ, внукъ Батыя отъ втораго сына его Тутукана. Въ 1275 году происходила вторичная перепись народа на Руси и въ Новгородѣ. — На западѣ по прежнему шла борьба съ Литвою и Нѣмцами. Въ Литвѣ въ это время произошли усобицы, вслѣдствіе которыхъ въ 1266 г. избѣжалъ во Псковъ одинъ изъ литовскихъ князей, именемъ Довмонтъ, съ дружиною и съ цѣлымъ родомъ, принялъ крещеніе подъ именемъ Тимоея, и былъ посаженъ Псковитянами на столъ св Всеволода: здѣсь въ первый разъ видимъ то явленіе, что русскій городъ призываетъ къ себѣ въ князья Литвина вмѣсто Рюриковича, явленіе любопытное, потому что оно объясняетъ намъ тогдашнія понятія и отношенія, объясняетъ древнее призваніе самого Рюрика, объясняетъ ту легкость, съ какою и другіе западные русскіе города, въ это время и послѣ, подчинялись династіи князей литовскихъ. Псковичи не ошиблись въ выборѣ: Довмонтъ своими доблестями, своею ревностію по новой вѣрѣ и новомъ отечествѣ напомнилъ Руси лучшихъ князей ея изъ рода Рюрикова — Мсти-

сказовъ, Александра Невскаго. Черезъ нѣсколько дней послѣ того; какъ Псковичи провозгласили его княземъ, Довмонтъ, взявши *три девяноста* дружины, отправился на литовскую землю, и повоювалъ свое прежнее отечество, плѣнилъ родную тетку свою, жену князя Гердена, и съ большимъ полономъ возвращался въ Псковъ. Переправившись черезъ Двину и отъѣхавъ версты пять отъ берега, онъ сталъ шатрами на бору, разставилъ сторожей по рѣкѣ, отпустилъ два девяноста ратныхъ съ полономъ во Псковъ, а самъ остался съ однимъ девяностомъ, ожидая за собою погоню. Гердена и другихъ князей не было дома, когда Довмонтъ пустошилъ нѣкую землю; возвратившись, они погнались съ 700 человекъ въ слѣдъ за нимъ, грозясь схватить его руками и предать лютой смерти, а Псковичей изсѣчь мечами. Стража, разставленная Довмонтомъ на берегу Двины, приближала и объявила ему, что Литва уже переправилась черезъ рѣку. Тогда Довмонтъ сказалъ своей дружинѣ: «Братья мужи Псковичи! кто старъ, тотъ отецъ, а кто молодъ, тотъ братъ! слышалъ я о мужествѣ вашемъ во веѣхъ сторожахъ; теперь передъ нами, братья, животъ и смерть: братья мужи Псковичи! потянемъ за св. Троицу, и за свое отечество.» Поѣхалъ князь Довмонтъ съ Псковичами на Литву и однимъ девяностомъ семьсотъ побѣдилъ. Въ слѣдующемъ 1267 году Новгородцы съ Довмонтомъ и Псковичами ходили на Литву и много повоювали; въ 1275 году русскіе князья ходили на Литву вмѣстѣ съ Татарами и возвратились съ большою добычею. Въ 1268 году Новгородцы собрались было опять на Литву; но на дорогѣ раздумали и пошли за Нарову къ Раковору (Везенбергъ); много земли попустошили, но города не взяли, и, потерявши 7 человекъ, возвратились домой; но скоро потомъ рѣшились предпринять походъ новажнѣе, и, подумавши съ посадникомъ своимъ Михаиломъ, послали за княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, сыномъ Невскаго, звать его изъ Переяславля съ полками; послали и къ великому князю Ярославу, и тотъ прислалъ сыновей своихъ съ войскомъ. Тогда Новгородцы сыскали мастеровъ, умѣющихъ дѣлать стѣнобитныя орудія, и начали чинить *пороки* на Владычнемъ дворѣ. Нѣмцы-Рижане, Феллинцы, Юрьевцы, услышавши о такихъ образахъ, отправили въ Новгородъ пословъ, которые объявили гражданамъ: «намъ съ вами миръ, перевѣдывайтесь съ Датчанами-Колыванцами (Ревельцами) и Раковорцами (Везенбергцами), а мы къ

нимъ не пристаемъ, на чемъ и крестъ цѣлуемъ;—и точно поцѣловали крестъ; Новгородцы однако этимъ не удовольствовались, послали въ Ливонію привести къ кресту всѣхъ *пискуповъ и Божіихъ дворянъ* (рыцарей), и тѣ всѣ присягнули, что не будутъ помогать Датчанамъ. Обезопасивъ себя такимъ образомъ со стороны Нѣмцевъ, Новгородцы выступили въ походъ подъ предводительствомъ семи князей, въ числѣ которыхъ былъ и Довмонть съ Псковичами. Въ январѣ мѣсяцѣ вошли они въ нѣмецкую землю и начали опустошать ее по обычаю: въ одномъ мѣстѣ Русскіе нашли огромную непроходимую пещеру, куда спряталось множество Чуди; три дня стояли полки передъ пещерою и никакъ не могли добраться до Чуди; наконецъ одинъ изъ мастеровъ, который былъ при машинахъ, догадался пустить въ нее воду: этимъ средствомъ Чудь принуждена была покинуть свое убѣжище, и была перебита. Отъ пещеры Русскіе пошли дальше къ Раковору но когда достигли рѣки Кеголы, 18 февраля, то вдругъ увидали передъ собою полки нѣмецкіе, которые стояли какъ лѣсъ дремучій, потому что собралась вся земля нѣмецкая, обманувши Новгородцевъ ложною клятвою. Русскіе однако не испугались, пошли къ Нѣмцамъ за рѣку и начали ставить полки: Псковичи стали по правую руку; князь Дмитрій Александровичъ съ Переяславцами и съ сыномъ великаго князя Святославомъ, стали по правую же руку повыше; по лѣвую сталъ другой сынъ великаго князя, Михаилъ съ Тверячами, а Новгородцы стали въ лице желѣзному полку противъ великой *свиньи*, и въ такомъ порядкѣ схватились съ Нѣмцами. Было побоище страшное, говоритъ лѣтописецъ, какого не видали ни отцы, ни дѣды; Русскіе сломили Нѣмцевъ и гнали ихъ семь верстъ вплоть до города Раковора; но дорого стоила имъ эта побѣда: посадникъ съ тринадцатью знаменитѣйшими гражданами полегли на мѣстѣ, много пало и другихъ добрыхъ бояръ, а черныхъ людей безъ числа: иные пропали безъ вѣсти, и въ томъ числѣ тысяцкій Кондратъ. Сколько пало непріятелей— видно изъ того, что конница русская не могла пробираться по ихъ трупамъ; но у нихъ оставались еще свѣжіе полки, которые, во время бѣгства остальныхъ, успѣли врѣзаться *свиньею* въ обозъ новгородскій; князь Дмитрій хотѣлъ немедленно напасть на нихъ, но другіе князя его удержали: «время уже къ ночи, говорили они, въ темнотѣ смѣшаемся и будемъ бить своихъ.» Такимъ образомъ оба

войска остановились другъ противъ друга, ожидая разсвѣта, чтобъ начать снова битву; но когда разсвѣло, то нѣмецкихъ полковъ уже не было болѣе видно; они бѣжали въ ночь. Новгородцы стояли три дня на *костяхъ* (на полѣ битвы), на четвертый тронулись, везя съ собою избѣженныхъ братьевъ, честно отдавшихъ жизнь свою, по выраженію лѣтописца. Но Довмонтъ съ Псковичами хотѣли воспользоваться побѣдою опустошили Ливонію до самаго моря, и, возвратившись, наполнили землю свою множествомъ полона. *Лалины* (Нѣмцы), собравши остатокъ силъ, снѣжили отомстить Псковичамъ: пришли тайно на границу, сожгли нѣсколько псковскихъ селъ и ушли назадъ, не имѣя возможности предпринять что нибудь важное; ихъ было только 800 человекъ; но Довмонтъ погнался за ними съ 60 человекъ дружины и разбилъ. Въ слѣдующемъ 1269 году Магистръ пришелъ подъ Псковъ съ силою тяжкою: 10 дней стояли Нѣмцы подъ городомъ, и съ урономъ принуждены были отступить; между тѣмъ явился Новгородцы на помощь и погнался за неприятелемъ, который успѣлъ однако уйти за рѣку, и оттуда заключилъ миръ на всей волѣ новгородской. Оставалось покончить съ Датчанами револьскими, и въ томъ же году самъ великій князь Ярославъ послалъ сына Святослава въ низовую землю собирать полки; собрались всѣ князья и безчисленное множество войска пришло въ Новгородъ; былъ тутъ и баскакъ великій владимирскій, именемъ Амраганъ, и всѣ вмѣстѣ хотѣли выступить на Колыванъ. Датчане испугались и прислали просить мира: «кланяемся на всей вашей волѣ, Наровы всей отступаемся, только крови не проливайте.» Новгородцы подумали и заключили миръ на этихъ условіяхъ.

До сихъ поръ мы преимущественно обращали вниманіе на преемство великихъ князей владимирскихъ и отношенія ихъ къ родичамъ; теперь взглянемъ на отношенія князей въ другихъ волостяхъ сѣверовосточной Руси. Лѣтописецъ не говоритъ, гдѣ княжилъ Святославъ Всеволодовичъ, лишенный владимирскаго стола, и сынъ его Димитрій, ибо прежній удѣлъ ихъ Суздаль отданъ былъ Невскимъ брату своему Андрею Ярославичу, также лишившемуся Владимира; мы видимъ послѣ, что этотъ Димитрій помогаетъ Невскому въ войнѣ противъ Новгорода; наконецъ подъ 1269 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Димитрія и погребеніи его въ Юрьевѣ—знакъ, что онъ княжилъ въ этомъ городѣ, который держалъ отецъ

его Святославъ по смерти Всеволода III, слѣдовательно Юрьскъ, какъ неотъемлемая вотчина, осталась за Святославомъ и тогда, когда онъ получилъ отъ брата Ярослава Суздаль. По смерти Андрея Ярославича остались сыновья—Юрій и Михайла; перваго мы видѣли въ Новгородѣ.—Въ 1249 г. умеръ послѣдній сынъ Константина Всеволодовича, Владиміръ углицкій, оставивъ двоихъ сыновей — Андрея и Романа, изъ которыхъ Андрей умеръ въ 1261 г. Въ одинъ годъ съ Владиміромъ умеръ племянникъ его Василій Всеволодовичъ ярославскій, не оставивъ сыновей, вслѣдствіе чего произошло любопытное явленіе: прежде, въ старой Руси, волости не считались собственностью отдѣльныхъ князей, но собственностію цѣлаго рода, и если какой-нибудь князь умиралъ, то волость его не переходила даже и къ сыновьямъ, но къ старшему въ родѣ или племени; на сѣверѣ мы видимъ, что волости начинаютъ переходить прямо къ сыновьямъ, исключая одной старшей волости владимирской; но мало этого, понятіе о собственности, отдѣльности владѣній такъ утвердилось, что удѣлъ, за неимѣніемъ сыновей, переходитъ къ дочери покойнаго князя, вслѣдствіе чего дочь Василя Всеволодовича начала княжить въ Ярославѣ съ матерью, которая стала искать ей жениха. Въ это время въ смоленской волости княжили трое сыновей Ростислава Мстиславича, внука Давыда Ростиславича, Глѣбъ, котораго мы видѣли союзникомъ Ярослава Ярославича противъ Новгорода, Михайль и Феодоръ; по словамъ лѣтописца, Глѣбъ и Михайль обидѣли Феодора, давши ему одинъ только Можайскъ; этого-то Феодора можайскаго вдова Василя Всеволодовича выбрала въ мужа своей дочери, и такимъ образомъ одинъ изъ Ростиславичей смоленскихъ получилъ въ приданое за женою волость суздальскихъ Юрьевичей. Въ житіи князя Феодора находимъ слѣдующія дополнителныя извѣстія: отъ первой жены, княжны ярославской, онъ имѣлъ сына Михайла; во время отсутствія князя въ Орду, жена его умерла, и теща съ боярами, провозгласивъ княземъ молодаго Михайла, не впустили въ городъ Феодора, когда онъ пріѣхалъ изъ Орды. Феодоръ отправился назадъ въ Орду, тамъ женился на ханской дочери, прижилъ съ нею двоихъ сыновей — Давида и Константина, и услышавъ о смерти старшаго своего сына, Михайла, возвратился въ Ярославль, гдѣ утвердился съ ханскою помощію.

Изъ князей муромскихъ упоминается Ярославъ, по случаю брака

ростовскаго князя Бориса Васильевича на его дочеря. Въ Рязани князь Олегъ Нигваревичъ, внукъ Игоревъ, правнукъ Габбовъ, оставившій (1258 г.) вѣсть сыну Роману. Въ 1270 году на Романа донесли хану Меньгу-Тимуру, будто онъ хулитъ хана и ругается вѣрѣ татарскою; ханъ напустилъ на Романа Татаръ, которые стали принуждать его къ своей вѣрѣ; тотъ не соглашался, и когда стали его бить, то онъ продолжалъ восхвалять христіанство и бранить вѣру татарскую; тогда разъяренные Татары отрѣзали ему языкъ, заткнули ротъ платкомъ и, шарфаяши всего по соствамъ, отняли наконецъ голову и взоткнули на копьѣ. Разсказавши смерть Романову, лѣтописецъ обращается къ русскимъ князьямъ и увѣщаваетъ ихъ не плѣняться суетною славою свѣта сего, не обижать другъ друга, не лукавствовать между собою, не похищать чужаго, не обижать меньшихъ родичей. Неизвѣстно, кто оклеветалъ Романа.

Изъ бояръ при князьяхъ сѣверо-восточной Руси упоминается Жидиславъ, воевода князя Ярослава Ярославича, котораго Татары убили въ Переяславѣ въ 1252 году; именемъ своимъ онъ напоминаетъ прежнихъ славныхъ на сѣверѣ Жидиславовъ или Жирославовъ. У князя Василя костромскаго упоминается воевода Семень, опустошавшій въ 1272 году новгородскую волость; можно думать, что это одно лицо съ знаменитымъ въ послѣдствіи Семеномъ Тонилевичемъ.

Обратимся теперь къ юго-западной Руси.

Плано-Карпини, пробѣжавшій чрезъ древнюю собственную Русь (Кіевскую область) въ 1245 году, говоритъ, что онъ во все продолженіе пути находился въ безпрестанномъ страхѣ предъ Литовцами, которые начали опустошать теперь и Приднѣпровье, благодаря тому, что некому было противиться: большая часть жителей Руси или была побита или взята въ плѣнъ Татарами; Кіевъ послѣ Батыева опустошенія одѣлался ничтожнымъ городкомъ, въ которомъ едва насчитывалось домовъ съ двѣсти, жители находились въ страшномъ рабствѣ; по окрестностямъ путешественники находили безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ, разбросанныхъ по полямъ. Такимъ образомъ Русь находилась между двумя страшными врагами, Татарами съ востока, и Литвою съ запада, которые не замедлятъ вступить въ борьбу за нее. Но у нея оставался еще знаменитый князь, подъ знаменемъ

котораго она могла еще съ увѣхомъ ототавить свою независимость, кѣя и тутъ, разумѣется, собственная Русь не могла итрать непрежнему первенствующей роли; Кіевъ уже прежде потерялъ свое первенствующее значеніе, перешедшее теперь къ богатой области прикарпатской, отчинѣ знаменитаго правнука Изяслава Метиславича. Но къ этой волости перешло также роковое преимущество кіевского княжества быть предметомъ усобицъ между Мономаховичами и Ольговичами: не смотря на татарское опустошеніе, за Галичъ продолжали бороться двое представителей обѣихъ враждебныхъ линій — Даниль Романовичъ Мономаховичъ и Михайль Всеволодовичъ Ольговичъ.

Даниль еще до взятія Кіева Батыемъ поѣхалъ въ Венгрію; но былъ дурно принятъ королемъ, который отказался выдать дочь свою за его сына. Даниль выѣхалъ изъ Венгріи, но встрѣтивъ на дорогѣ толпы народа, спасавшагося бѣгствомъ отъ Татаръ, долженъ былъ возвратиться назадъ; потомъ услыжавъ, что братъ, жена и дѣти спаслись въ Польшу, отправился и самъ туда же; на дорогѣ соединился съ семействомъ и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ къ Кондратову сыну Болеславу, который далъ ему на время Вышгородъ, гдѣ Даниль и пробылъ до тѣхъ поръ, пока узналъ, что Татары вышли изъ его волости. Обстоятельство, что Даниль уѣхалъ въ Венгрію только съ однимъ сыномъ Львомъ, оставивши семейство въ Галичѣ, заставляетъ думать, что онъ не бѣжалъ предъ Татарами, а ѣздилъ для сватовства и заключенія союза съ королемъ, противъ Татаръ. Въ Галичѣ ждали Данила прежнія непріятности: когда онъ подъѣхалъ къ городу Дрогичину, то намѣстникъ тамошній не позволилъ ему войти въ городъ; другіе города были опустошены: изъ Бреста нельзя было выйти въ поле отъ сирада гниющихъ труповъ; во Владимірѣ не осталось ни одного живаго человѣка; Богородичный Соборъ и другія церкви были наполнены трупами. Между тѣмъ и Михайль черниговскій съ сыномъ Ростиславомъ возвратились изъ Польши, гдѣ также скрывались отъ Татаръ, и проѣхали мимо Владимира къ Пинску, не давши знать Романовичамъ о своемъ прѣздѣ, тѣмъ явно выказывали вражду свою къ нимъ; изъ Пинска Михайль отправился въ Кіевъ и жилъ подѣ этимъ городомъ на островѣ, а сынъ его Ростиславъ поѣхалъ княжить въ Черниговъ. Когда такимъ образомъ черниговскіе обнаруживали непріязнь свою къ Романовичамъ, послѣдніе

должны были бороться со внутренними врагами. Бояре галицкіе, по словамъ лѣтописца, называли Давида своимъ княземъ, а между тѣмъ сами держали всю землю; главными изъ нихъ были въ это время Доброславъ Судычъ, поповъ внукъ, и Григорій Васильевичъ²¹⁹: первый взялъ себѣ Бакоту²²⁰ и все Пеннью, а другой хотѣлъ овладѣть Горною стороною перемышльскою, и былъ тяже большею въ землѣ и грабежъ отъ нихъ. Давидъ послалъ стольника своего Якова сказать Доброславу: «я вашъ князь, а вы меня не слушаетесь, землю грабите; я не велѣлъ тебѣ принимать черниговскихъ бояръ, велѣлъ дать волости Галицкіи, а кедомьскую соль отписать на меня.» «Хорошо, отвѣчалъ Доброславъ, такъ и будетъ сдѣлано;» но въ это самое время вошли къ нему Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибожичъ, два беззаконника отъ племени смердыго, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ: они поклонились Доброславу до земли; Яковъ удивился, и спросилъ: «за что это они такъ тебѣ низко кланяются?» За то, что я отдалъ имъ Коломыю,» отвѣчалъ Доброславъ. — «Какъ же ты смѣлъ это сдѣлать безъ княжескаго приказа?» сказалъ Яковъ: великіе князья держатъ эту Коломыю²²¹ на раздачу оруженосцамъ своимъ, а эти чего стоятъ?» — «Что жъ мнѣ говорить?» отвѣчалъ смѣясь Доброславъ: другого ничего Яковъ не могъ отъ него добиться. Къ счастью Давида оба боярина Доброславъ и Григорій скоро перессорились; Доброславу не хотѣлось имѣть товарища, и потому онъ прислалъ къ князю съ доносомъ на Григорія, и оба потомъ явились съ наветами другъ на друга къ Давиду, который былъ особенно оскорбленъ гордостью Доброслава: этотъ бояринъ: пріѣхалъ къ князю въ одной сорочкѣ, закинувъ вверхъ голову, въ сопровожденіи толпы Галичанъ, шедшихъ у его стремени. Романовичи увидели, что оба боярина дуютъ, оба не хотятъ ходить по волѣ княжеской, и потому велѣли схватить обоихъ, потомъ отправили печатника Кирилла въ Бакоту собрать подробныя свѣдѣнія о грабительскихъ боярскихъ и усюекить землю, въ чемъ Кириллъ и усѣлъ.

Не только что установилось отношеніе внутреннее, какъ Романовичи должны были приняться за оружіе для отраженія враговъ внѣшнихъ: въ 1241 году Ростиславъ Михайловичъ черниговскій, собравши князей Болговскихъ и Галичанъ себѣ преданныхъ, осадилъ Кирилла въ Бакотѣ; послѣ битвы у городскихъ воротъ Ростиславъ истребовалъ свидѣнія съ печатникомъ, надѣясь сже-

нить его на свою сторону, но Кирилль отвѣчалъ ему: «такъ-то ты благодарить дядю своихъ за нихъ добро? ты позабылъ, какъ тебя выгналъ и съ отцемъ король венгерскій, и какъ тогда приняли тебя господа мои, твои дядья! отца твоего въ великой чести держали и Кіевъ ему общали, тебѣ Луцкъ отдали, а мать твою и сестру изъ Ярославовыхъ рукъ освободили.» Много умныхъ рѣчей говорилъ Кирилль, но Ростиславъ не послушалъ; тогда печатникъ принялся за другое средство подѣвительнѣе, и вышелъ на черниговскаго князя съ пѣхотою: тотъ не рѣшился вступить въ битву, и ушелъ за Днѣпръ. Даниль, услышавши, что Ростиславъ приходилъ на Бакоту съ князьями болховскими, пошелъ немедленно на послѣднихъ, потому что эти князья также оплатили ему злою неблагодарностію за добро: когда онъ жилъ въ Вышгородѣ у Болеслава Мазовецкаго, то князья болховскіе прибѣгали также въ Польшу отъ Татаръ; но Болеславъ не хотѣлъ принимать ихъ, а хотѣлъ ограбить: «это особенные князья, а не твои ратники,» говорилъ онъ Данилу, который вступился за нихъ; Галицкій князь хотѣлъ было даже биться за нихъ съ Болеславомъ, на силу братъ его Василько умолилъ послѣдняго не трогать Волховскихъ, которые обѣщались служить Полякамъ. Но теперь они забыли все это, и Даниль безъ милости опустошалъ ихъ землю, оставленную Татарами въ цѣлости для того, чтобъ жители сѣяли на нихъ пшеницу и просо; семь городовъ ихъ взялъ Даниль и сжегъ. Но Ростиславъ черниговскій не думалъ еще отставать отъ своихъ враждебныхъ наміреній: соединившись съ измѣнникомъ Даниловымъ, бояриномъ Владиславомъ и съ рязанскимъ изгнанникомъ, братоубійцею, княземъ Константиномъ Владиміровичемъ, овладѣлъ Галичемъ, но былъ скоро выгнанъ оттуда Романовичами, и спасенъ былъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія только вѣстію, что Татары вышли изъ Венгрии и идутъ на землю галицкую; Константинъ съ крамольнымъ владыкою перемышльскимъ также принужденъ былъ бѣжать передъ дворцомъ Даниловымъ, Андреемъ; Андрей наступилъ и разграбилъ гордыхъ слугъ владыкинныхъ, разодралъ тулы ихъ бобровые, прилбицы (свишки у шапокъ подлѣ лба) волчьи и барсуковые; тутъ же попался въ плѣтъ и славный пѣвецъ Митуса, который прежде по гордости не хотѣлъ служить князю Данилу. Черезъ три года (въ 1245) Ростиславъ, женившійся между тѣмъ на дочери короля венгерскаго, пришелъ съ тесто-

вымъ войскомъ опять на волость Даниїла, разбилъ бояръ послѣд-
наго, но былъ выгнанъ самимъ Даниїломъ.

Черезъ нѣсколько времени Ростиславъ съ полками венгерскими и польскими вошелъ въ послѣдній разъ въ землю Галицкую и осадилъ Ярославъ. Во время сильныхъ боевъ передъ городомъ Венгры и Поляки укрѣпили свой лагерь, чтобъ не терпѣть никакого вреда отъ осажденныхъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ готовы осадныя машины. Ростиславъ хвастался передъ войскомъ своимъ: «Еслибъ я зналъ только, гдѣ Даниїль и Василько, то поѣхалъ бы на нихъ съ десятью человеками.» Онъ устроилъ воинскую игру передъ городомъ, и, оражаясь съ какимъ-то Воршемъ, упалъ съ лошади и вывихнулъ себѣ плечо—примѣта была не на добро, замѣчаетъ лѣтописецъ. Даниїль и Василько, услышавши о его приходѣ, помолились Богу и стали собирать войска. На рѣкѣ Санѣ произошла послѣдняя кровопролитная битва между Мономаховичами и Ольговичами; передъ сраженіемъ, говоритъ лѣтописецъ, пролетѣла надъ полкомъ стая птицъ хищныхъ, орловъ и воронъ, и стали птицы играть, клектать и плавать по воздуху—знаменіе было на добро. Первый напалъ на полки Ростиславовы дворецкій Андрей; когда съ обѣихъ сторонъ переломали конья, то послышался трескъ, какъ отъ грома, и много съ обѣихъ сторонъ понадало всадниковъ съ коней своихъ; Даниїль послалъ къ Андрею 20 отборныхъ мужей на помощь; но тѣ испугались и прибѣжали назадъ къ Сану, оставя храброго дворекаго среди враговъ съ малою дружиною. Между тѣмъ Поляки, поднявши страшный крикъ, поя *Кирлешь* (Киріе еленсонъ), двинулись на Василька; съ ними былъ самъ Ростиславъ, а въ заднемъ полку стоялъ съ хоругвою извѣстный венгерскій воевода Филя; онъ попрежнему хвастался и укорялъ Русь: «Русскіе, говорилъ онъ своимъ, горячо наступаютъ, но долго не выдерживаютъ боя, стойте намъ только выдержать ихъ первый натискъ.» Даниїль бросился на выручку брата, попался было въ плѣтъ, вырвался, выѣхалъ изъ полковъ, но потомъ возвратился опять, ударилъ на Филю, смялъ полкъ его, разодралъ хоругвь пополамъ; увидавши это Ростиславъ побѣжалъ, а за нимъ и всѣ Венгры. Мы оставили Василька, ожидавшаго нападенія Поляковъ, которые кричали другъ-другу: «Погонимъ длинныя бороды», — «Лжете прокричать имъ въ отвѣтъ Василько: «Богъ помощникъ намъ», — и съ

этими словами прищпоривъ коня, двинулся къ нимъ на встрѣчу. Поляки не выдержали натиска и обратились въ бѣгство. Данилъ, гоня Венгровъ и Русь Ростиславову черезъ глубокую дебрь, сильно тужилъ, не зная что дѣлается съ братомъ, какъ вдругъ увидать хоругвь его и самого князя, гонящаго Поляковъ; Данилъ остановился на могилѣ противъ города и подождать брата, съ которымъ сталъ совѣтоваться—продолжать ли преслѣдованіе? Василько отговорилъ его гнаться дальше. Пораженіе непріятелей было полное: множество Венгровъ и Поляковъ было побито и взято въ плѣнъ; въ числѣ плѣнныхъ находился гордый Фила, схваченный Андреемъ дворскимъ и знаменитый измѣнникъ Галицкій, бояринъ Владиславъ: оба казнены были въ тотъ же день вмѣстѣ съ многими другими венгерскими плѣнниками ²²².

Ярославская побѣда окончательно утверждала Данила на столѣ Галицкомъ: съ этихъ поръ никто изъ русскихъ князей уже не безпокоилъ его болѣе своимъ соперничествомъ; Венгры также оставили свои притязанія; должны были успокоиться и внутренніе враги наряда, бояре, не имѣя болѣе возможности крамолить, не находя соперниковъ сыну Романову. Но сколько славенъ былъ для Данила 1249 годъ, столько же тяжекъ слѣдующій 1250: отъ Татаръ пришло грозное слово: «дай Галичъ!» Въ глубокой грусти оба Романовича стали думать: что дѣлать? въ чистомъ полѣ не было возможности сопротивляться Татарамъ, городовъ не успѣли укрѣпить; наконецъ Данилъ сказалъ: «Не отдамъ полъготчины моей, лучше поѣду самъ къ Батыю ²²³.» Данилъ отправился въ путь, пріѣхалъ въ опустошенный Кіевъ, гдѣ сидѣлъ бояринъ Дмитрій Ейковичъ, посланный туда в. княземъ Ярославомъ Суздальскимъ; въ Кіевѣ Данилъ останоился въ Выдубицкомъ монастырѣ, созвалъ братію, попросилъ ихъ отслужить молебенъ, чтобъ Богъ помиловалъ его, и повлилъ по Дибру въ сильной тоскѣ, вида передъ собою бѣду грозную. Въ Переяславлѣ, стольномъ городѣ праѣда своего Мономаха, онъ уже встрѣтилъ Татаръ; упомянутые выше западные путешественники рассказываютъ о такомъ впечатлѣніи, которое произвело на нихъ первое знакомство съ Татарами, показавшимися имъ какими-то демонами; такое же тяжкое впечатлѣніе произвели Татара и на Данила, по свидѣтельству лѣтописца: варварскіе обряды, суевѣрія внушали глубокое отвращеніе сыну Романову, съ ужасомъ думалъ онъ, что всѣ приходящіе

къ хану подчиненные владѣльцы должны исполнять эти обряды, ходить около куста, кланяться солнцу, лунѣ, землѣ, дьяволу, умершимъ; находящимся въ адѣ предкамъ ихъ ханскимъ. Въ черныхъ мысляхъ прїѣхалъ Даниль на Волгу, въ Орду Батыеву, и первая вѣсть, услышанная имъ здѣсь, не могла его утѣшить: прїишелъ къ нему слуга в. князя Ярослава Суздальскаго и сказалъ: «Братъ твой Ярославъ кланялся кусту, и тебѣ кланяться.»—«Дьяволъ говоритъ твоими устами, отвѣчалъ ему на это Даниль: да заградить ихъ Богъ.» Къ счастью Батый не потребовалъ отъ него исполненія суевѣрныхъ обрядовъ: когда Даниль, при входѣ въ вежу, поклонился по татарскому обычаю, то Батый встрѣтилъ его словами: «Данило! зачѣмъ такъ долго не приходилъ; но все хорошо, что теперь пришелъ; пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылій кумысъ!»—«До сихъ поръ не пилъ, отвѣчалъ Даниль: но теперь, если велишь, буду пить.» — «Ты уже нашъ Татаринъ, продолжалъ Батый, пей наше питье.» Даниль выпилъ, поклонился по ихъ обычаю, и сказавши хану что слѣдовало о дѣлахъ своихъ, попросилъ позволенія идти къ ханшѣ; Батый сказалъ: «иди.» Князь пошелъ поклониться ханшѣ; потомъ Батый прислалъ къ нему вина, велѣвши сказать: «не привыкли вы пить молоко, пей вино.» (Сѣверный лѣтописецъ, довольный относительнымъ уваженіемъ, какими пользовались наши князья въ Ордѣ, повторяетъ постоянно, что они принимались тамъ съ честью; но южный, рассказавши о принятіи Данила ханомъ, раздражается горькими жалобами: «О злѣ зла честь татарская! Даниль Романовичъ князь былъ великій, обладалъ вѣсть съ братомъ русскою землею, Кіевомъ, Владиміромъ и Галичемъ: вѣтешеръ сидитъ на колѣняхъ, и холопомъ называется, дани хотять, живота не чаеть и грозы приходять. О злая честь татарская! Отецъ былъ царемъ въ русской землѣ, покоришь половецкую землю и воевалъ на иныя всѣ страны: и такого отца сынъ не принялъ чести, кто-жъ другой послѣ того получить отъ нихъ что-нибудь? Злобѣ и лести ихъ нѣтъ конца!» Пробывши двадцать пять дней въ Ордѣ, Даниль достигъ цѣли своей поѣздки: ханъ оставилъ за нимъ всѣ его земли. Прїѣхавши въ Русь, онъ былъ встрѣченъ братомъ и сыновьями, и былъ плачь объ его обидѣ, говоритъ лѣтописецъ, но еще больше радовались, что увидѣли его опять здоровымъ.

Даниль могъ немного утѣшиться немедленнымъ полезнымъ слѣд-

стѣмъ своей побѣдки къ хану: король венгерскій, испуганный не столько Ярославскою побѣдою, сколько благосклонностію Батыя къ Даниилу, тотчасъ же прислалъ къ послѣднему съ предложеніемъ мира и родственнаго союза, который прежде отвергнулъ; Даниилъ изъяснилъ сперва сомнѣніе въ искренности короля; но митрополитъ Кириллъ съѣздилъ въ Венгрію и уладилъ дѣло: Левъ Даниловичъ женился на дочери королевской, и Даниилъ отдалъ королю плѣнниковъ венгерскихъ, взятыхъ при Ярославлѣ. Но чѣмъ снокойнѣе было княженіе Даниила внутри, чѣмъ славнѣе становился онъ между сосѣдними государями европейскими, тѣмъ тягостнѣе была для него злая честь татарская, и онъ сталъ искать средствъ къ сверженію ига. Съ одними средствами Галича и Волыни нельзя было и думать объ этомъ; сломить могущество Татаръ, отбросить ихъ въ степи можно было только съ помощію новыхъ крестовыхъ походовъ, съ помощію союза всей Европы, или, по крайней мѣрѣ, всей восточной ея половины. Но о крестовомъ союзѣ католическихъ государствъ нельзя было думать безъ главы римской церкви, отъ котораго должно было изойти первое, самое сильное побужденіе; князь русскій могъ быть принять въ этотъ союзъ только въ качествѣ сына римской церкви— и вотъ Даниилъ завязалъ сношеніе съ папою Иннокентіемъ IV о соединеніи церквей. Легко понять, какъ обрадовался папа предложеніямъ галицкаго князя; письмо за письмомъ, распоряженіе за распоряженіемъ слѣдовали отъ его имени по случаю присоединенія галицкой Руси. Онъ отправилъ доминиканскаго монаха Алексея съ товарищемъ для безотлучнаго пребыванія при дворѣ Даниила, поручилъ архіепископу прусскому и в'эстонскому легатство на Руси, позволилъ русскому духовенству совершать службу на закахенныхъ просвирахъ, призналъ законнымъ бракъ ранишова брата Василька на одной изъ родственницъ, уступилъ требованію Даниила, чтобъ никто изъ крестоносцевъ и другихъ духовныхъ лицъ не могъ приобрѣтать имѣній въ русскихъ областяхъ безъ позволенія князя. Но съ самаго уже начала обнаружилось, что связь съ Римомъ не будетъ продолжительна: время крестовыхъ походовъ прошло, папа не имѣлъ уже прежняго значенія, не могъ своими буллами подвинуть цѣлой Европы противъ востока: въ 1253 году онъ писалъ ко всемъ Христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи и Помераніи объ отраженіи татарскихъ набѣговъ

за земли христіанскія и проповѣдованіи крестоваго похода; но это посланіе не произвело никакого дѣйствія; то же въ слѣдующемъ году писалъ онъ къ христіанамъ Ливоніи, Эстоніи и Пруссіи, и также безуспѣшно. вмѣсто помощи противъ Татаръ, папа предлагалъ Даниилу королевскій титулъ въ награду за соединеніе съ римскою церковію. Но Даниила не могъ предъстить королевскій титулъ: «Рать татарская не перестаетъ: какъ я могу принять вѣнецъ прежде чѣмъ ты подашь мнѣ помощь?» приказывалъ отвѣчать онъ папѣ. Въ 1254 году, когда онъ былъ въ Краковѣ у князя Болеслава, туда же явились и послы папскіе съ короною, требуя свиданія съ Данииломъ; тотъ отдѣлался на этотъ разъ, ведѣвши сказать имъ, что негодится ему съ ними видѣться въ чужой землѣ. На слѣдующій годъ послы явились опять съ короною и съ обѣщаніемъ помощи; Даниилъ, не полагаясь на пустыя обѣщанія, не хотѣлъ сперва и тутъ принимать короны, но былъ уговоренъ матерью своею и князьями польскими, которые говорили ему: «прими только вѣнецъ, а мы уже будемъ помогать тебѣ на поганыхъ»; съ другой стороны папа проклиналъ тѣхъ, которые хулили православную вѣру греческую и обѣщалъ созвать соборъ для разсужденія объ общемъ соединеніи церквей. Даниилъ короновался въ Дрогоичинѣ; но событіе это осталось безъ слѣдствій; видя, что отъ папы не дождаться помощи, Даниилъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія, не обращая вниманія на укоры Александра IV-го²²⁴; впрочемъ титулъ королевскій остался навсегда за княземъ галицкимъ.

Предоставленный однимъ собственнымъ средствамъ, Даниилъ не хотѣлъ однако отказаться отъ мысли о сопротивленіи Татарамъ: укрѣплялъ города и не позволялъ баскакамъ утвердиться въ низовьяхъ днѣстровскихъ. Ближайшимъ сосѣдомъ Данииловымъ въ Приднѣпровьи былъ баскакъ Куремса, не могшій внушить большаго страха Галицкому князю, такъ что въ 1257 году послѣдній рѣшился предпринять наступательное движеніе противъ Татаръ, и побралъ всѣ русскіе города, непосредственно отъ нихъ зависѣвшіе²²⁵. Въ 1259 году войско Куремсы явилось у Владимира, но было отбито жителями, самъ Куремса не могъ взять Луцка, потому что сильный вѣтеръ относилъ отъ города каменья, бросаемые Татарами изъ машинъ. Но въ 1260 вмѣсто Куремсы явился другой баскакъ, Бурундай, съ которымъ не такъ легко было удра-

виться: Бурундай прислалъ сказать Даниилу: «я иду на Литву: если ты миренъ съ нами, то ступай со мною въ походъ.» Опечаленный Даниилъ сѣлъ думать съ братомъ и сыномъ: они хорошо знали, что если Даниилъ самъ поѣдетъ къ Бурундаю, то не воротится съ добромъ за явную войну съ Куремсою, и потому рѣшили, что Василько поѣдетъ за брата. Василько отправился, на дорогѣ встрѣтилъ отрядъ Литовцевъ, разбилъ ихъ и привезъ *сайгаты* (трофеи) къ Бурундаю: это понравилось Татарину, онъ похвалилъ Василька, похвалъ съ нимъ вмѣстѣ воевать Литву и послѣ войны отпустилъ домой. / Но этимъ дѣло не кончилось: въ слѣдующемъ 1261 году Бурундай опять прислалъ сказать Романовичамъ: «если вы мирны со мною, то встрѣтите меня, а кто не встрѣтитъ, тотъ мнѣ врагъ.» Опять похвалъ къ нему Василько, взявши съ собою племянника Льва и владыку холмскаго Ивана (на Руси узнали уже, что Монголы уважають служителей всѣхъ религій); Татаринъ встрѣтилъ ихъ сильною бранью, такъ что владыка Иванъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха; наконецъ Бурундай сказалъ Васильку: «Если вы со мною мирны, то размечте всѣ свои города.» Надобно было исполнить приказаніе: Левъ разметалъ Даниловъ ³²⁶, Истожекъ ³²⁷, послалъ и Львовъ разметать, а Василько послалъ разрушить укрѣпленія Кременца и Луцка. Владыка Иванъ отправленъ былъ ими къ Даниилу съ вѣстію о гнѣвѣ Бурундая; Даниилъ испугался и уѣхалъ сперва въ Польшу, потомъ въ Венгрію: а между тѣмъ Бурундай вмѣстѣ съ Василькомъ пріѣхалъ къ Владимиру, и приказалъ разрушить городскія укрѣпленія; Василько видѣлъ, что такія обширныя укрѣпленія нельзя скоро разрушить, и потому велѣлъ зажечь ихъ, и горѣли они цѣлую ночь; сжегши свой городъ, Василько на другой день долженъ былъ угощать Бурундая въ беззащитномъ Владимирѣ; но Татарину я этого было мало: онъ потребовалъ, чтобъ рвы городскіе были раскопаны, и это было исполнено. Изъ Владимира Бурундай и Василько пріѣхали къ Холму, любимому городу короля Даниила; городъ былъ затворенъ, въ немъ сидѣли бояре и люди добрые съ *пороками* и самострѣлами, такъ что взять его не было никакой надежды у Бурундая, и онъ сталъ говорить Васильку: «это городъ брата твоего, ступай, скажи гражданамъ, чтобъ сдались;» Василько похвалъ, а при немъ три Татарина, и толмачъ, знавшій Русскій языкъ—слушать что Василько

будеть говорить съ Холмовцами. Но Василько догадался, какъ сдѣлать: набралъ въ руки камней, и подѣхавши къ стѣнамъ началъ кричать главнымъ боярамъ: «Константинь холопъ и ты другой холопъ, Лука Ивановичъ! это городъ брата моего и мой, сдавайтесь!» и сказавши это три раза ударилъ камнемъ объ землю, давая этимъ знать, чтобъ не сдавались, а бились съ Татарами. Константинь, стоя на забралахъ, увидалъ знакъ, понялъ его смыслъ, и отвѣчалъ Васильку: «Ступай прочь, если не хочешь, чтобъ ударили тебя камнемъ въ лице, ты уже не братъ королю, а врагъ ему.» Татары, бывшіе съ Василькомъ, рассказали Бурундаю отвѣтъ Константиновъ, и тотъ, не смѣя приступить къ Холму, отправился пустошить Польшу, а оттуда возвратился въ степи. Такимъ образомъ Даниль, обманутый слабостью Куремсы, рано началъ дѣйствовать противъ Татаръ, и поплатился за преждевременную смѣлость городами Галицкими и Волынскими; но съ другой стороны Даниль не ошибся относительно выбора главнаго средства сопротивленія противъ степныхъ полчищъ, именно укрѣпленія городовъ: наиболѣе укрѣпленный Холмъ остался цѣль; должно замѣтить впрочемъ, что предъ этимъ городомъ былъ одинъ баскакъ съ своимъ отрядомъ, конечно и Холмъ не могъ бы устоять противъ тѣхъ полчищъ, которыя приводилъ Батый на Русь.

Но если Даниль не имѣлъ успѣха въ борьбѣ съ Востокомъ, за то онъ вознагражденъ былъ счастливою борьбою съ европейскими своими сосѣдями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ борьба его съ Литвою, среди которой произошли важныя перемѣны, имѣвшія рѣшительное вліяніе на судьбы югозападной Руси. До сихъ поръ Литовцы, подобно соплеменникамъ своимъ Пруссамъ были разъединены, повиновались многимъ князьямъ; такое разъединеніе, не препятствуя Литовцамъ собираться многочисленными толпами и опустошать сосѣднія страны, препятствовало единству, постоянству въ движеніяхъ, не могло сообщать этимъ движеніямъ завоевательнаго, прочнаго характера. Для этого нужно было единовластіе; и вотъ въ то время, какъ Пруссы гибнутъ отъ меча нѣмецкихъ рыцарей или теряютъ свою народность вслѣдствіе разъединенія, среди Литовцевъ, значительно усиленныхъ безъ сомнѣнія обгледцами прусскими, являютя князья, которые начинаютъ стремиться къ единовластію; самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Миндовгъ. Характеръ Миндовга ругался за успѣхъ дѣла въ

обществѣ варварскомъ: этотъ князь былъ жестокъ, хитръ, не разбиралъ средствъ для достиженія цѣли; никакое злодѣйство не могло остановить его; но гдѣ нельзя было дѣйствовать силою, тамъ онъ сыпалъ золото, употреблялъ обманъ. Изъ разсказа Плато-Карпини мы видѣли, что Литовцы послѣ нашествія Батыева, безнаказанно опустошали Русскія области; но въ 1246 году, возвращаясь съ набѣга на окрестности Поресопницы, они были настигнуты у Пинска обоими Романовичами, и поражены на голову; въ слѣдующемъ году встрѣчаемъ извѣстіе о новомъ пораженіи ихъ отъ князей—галицкаго и волынскаго. Въ 1252 году Миндовгъ отправилъ дядю своего Выкынта и двоихъ племянниковъ—Тевтвила и Едивиду воевать къ Смоленску; онъ сказалъ имъ: «Что кто возьметъ, то пусть и держитъ при себѣ.» Но этотъ походъ былъ хитростію со стороны Миндовга: онъ воспользовался отсутствіемъ родичей, чтобъ захватить ихъ волости и богатство, послѣ чего отправилъ войско, чтобъ нагнать и убить ихъ самихъ. Князья однако во время узнали о намѣреніяхъ Миндовга, и убѣжали къ Даниилу, за которымъ была сестра Тевтвила и Едивида. Миндовгъ послалъ сказать Даниилу, чтобъ тотъ не вступался за изгнанниковъ; но Даниилъ не послушался сколько по родству съ послѣдними, столько же и потому, что хотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для обезсиленія Литвы: посовѣтовавшись съ братомъ, онъ послалъ сказать князьямъ польскимъ: «Время теперь Христіанамъ идти на поганыхъ, потому что у нихъ встали усобицы.» Поляки обѣщались идти съ нимъ вмѣстѣ на войну, и не исполнили обѣщанія. Тогда Романовичи стали искать противъ Миндовга другихъ союзниковъ, и отправили Выкынта къ Ятвягамъ, въ Жмудь и къ Нѣмцамъ въ Ригу; Выкынту удалось серебромъ и дарами уговорить Ятвяговъ и половину Жмуди подняться на Миндовга; Нѣмцы также прислали сказать Даниилу: «для тебя помирись мы съ Выкынтомъ, хотя онъ погубилъ много нашей братьи,» и обѣщались также идти на помощь къ изгнанникамъ. Обнадеженные этимъ, Романовичи выступили въ походъ: Даниилъ послалъ брата на Волковыйскъ, сына на Слонимъ, а самъ пошелъ къ Здитову, побрали много городовъ и возвратились домой; потомъ отправилъ Даниилъ Тевтвила съ Русью и Половцами воевать Миндовгову землю; но Нѣмцы не двигались, и Тевтвилъ самъ отправился въ Ригу, гдѣ принялъ крещеніе: это подѣйствовало, и Орденъ сталъ готовиться къ войнѣ.

Миндовгъ увидалъ, что не можетъ претивиться въ одно время двумъ врагамъ—и Романовичамъ и Ордену, и потому принялся за другія средства: онъ послалъ тайно къ магистру Ордена, Андрею Фенъ Штукланду съ богатыми дарами и съ слѣдующимъ предложеніемъ: «если убьешь или выгонишь Тевтивила, то еще больше получишь.» Андрей принялъ дары и отвѣчалъ, что питаетъ къ Миндовгу сильную дружбу, но не можетъ помогать ему до тѣхъ поръ, пока онъ не приметъ крещенія. Миндовгъ просилъ личнаго свиданія съ магистромъ, и за роскошнымъ обѣдомъ было улажено все дѣло ²²⁸. Миндовгъ крестился ²²⁹, и папа былъ въ восторгѣ: онъ принялъ литовскаго князя, по обычаю, подъ покровительство св. Петра ²³⁰, писалъ къ ливонскому епископу, чтобъ никто не смѣлъ оскорблять новообращеннаго ²³¹, поручилъ епископу кульмскому вѣнчать Миндовга королевскимъ вѣнцомъ ²³², писалъ объ установленіи соборной церкви въ Литвѣ и епископа ²³³; но Миндовгъ принялъ христіанство точно такъ же, какъ Пруссы принимали его подъ мечемъ рыцарей, только для вида, до первой возможности возвратиться къ отцовской вѣрѣ: «Крещеніе его было льстиво, говоритъ лѣтописецъ, потому что втайнѣ онъ не переставалъ приносить жертвы своимъ прежнимъ богамъ, сожигалъ мертвецовъ; а если когда выѣдетъ на охоту, и заяцъ перебѣжитъ дорогу, то ужь ни за что не войдетъ въ лѣсъ, не поспѣетъ и вѣтки сломить тамъ.» Какъ бы то ни было, Миндовгу удалось отстранить опасность, грозившую ему отъ Ордена, и Тевтивилъ долженъ былъ бѣжать изъ Риги въ Жмудь къ дядѣ своему Выкынту; онъ собралъ войско изъ Ятвяговъ, Жмуди, вспомогательнаго русскаго отряда, присланнаго ему Даниломъ, и выступилъ противъ Миндовга, на помощь къ которому пришли Нѣмцы. Война не ознаменовалась никакимъ рѣшительнымъ дѣяствіемъ въ 1252 году; въ слѣдующемъ 1253 самъ Данилъ принялъ въ ней участіе, опустошилъ область Новгородскую (Новогрудскую); потомъ Василько съ племянникомъ Романомъ Даниловичемъ взялъ Геродень, а сынъ Миндовговъ за то опустошилъ окрестности Турійска. Но этотъ набѣгъ не могъ перевѣсить успѣховъ русскаго рати, и Миндовгъ прислалъ къ Данилу съ предложеніемъ мира и руны своей дочери для Шварна, сына Данилова; Литовскій князь впрочемъ и тутъ нашелъ средство заставить Данила благосклоннѣе выслушать его предложенія: въ одно время

съ Миндовговыми послами явился къ Данилу Тевтивиль и объявилъ, что Миндовгъ подкупилъ Ятвяговъ, и тѣ не хотятъ больше воевать съ нимъ. Даниль разсердился на Ятвяговъ, но дѣлать было нечего. Почти два года послѣ того не встрѣчаемъ извѣстій о дѣлахъ Литовскихъ; въ концѣ 1255 года лѣтописецъ рассказываетъ о мирѣ между Даниломъ и сыномъ Миндовговымъ, Воишелкомъ, княземъ Новгородскимъ (Новогрудскимъ); характеръ и жизнь этого Воишелка очень замѣчательны для насъ, потому что подобныя явленія всего лучше показываютъ состояніе нравовъ въ извѣстный вѣкъ, въ извѣстномъ обществѣ. Жестокъ былъ и Миндовгъ, но безчеловѣчіе Воишелка превосходило всякое вѣроятіе; наивный рассказъ лѣтописца наводитъ ужасъ: «Воишелкъ сталъ княжить въ Новгородѣ, будучи въ поганствѣ, и началъ проливать крови много: убивалъ всякій день по три, по четыре челоуѣка; въ который день не убивалъ никого, былъ печаленъ, а какъ убьетъ кого, такъ и развеселится.» И вдругъ пронеслась вѣсть, что Воишелкъ Христіанинъ; мало того: онъ оставляетъ княженіе свое и постригается въ монахи. Этотъ-то Воишелкъ явился въ 1265 году къ королю Данилу посредникомъ мира между нимъ и отцомъ своимъ Миндовгомъ; условія были такъ выгодны, что нельзя было не принять ихъ: Шварнъ Даниловичъ получалъ руку Миндовговой дочери, а старшій братъ его Романъ получалъ Новогрудекъ отъ Миндовга, да Слонимъ съ Волковыискомъ и другими городами отъ Воишелка, съ обязанностію впрочемъ признавать надъ собою власть Миндовга. При заключеніи этого мира Воишелкъ просилъ Данила дать ему возможность пробраться на Аеоискую гору, и Даниль выхлопоталъ для него свободный путь чрезъ венгерскія владѣнія; но смуты, происходившія тогда на Балканскомъ полуостровѣ заставили Воишелка возвратиться назадъ изъ Болгаріи, послѣ чего онъ построилъ себѣ свой особый монастырь на рѣкѣ Нѣманѣ между Литвою и Новогрудкомъ.

Такимъ образомъ южнымъ Мономаховичамъ удалось снова утвердиться въ волостяхъ, занятыхъ было Литвою; но за то Изяславичи полоцкіе должны были уступить свои волости князьямъ Литовскимъ. Послѣднимъ полоцкимъ княземъ является въ нашихъ лѣтописяхъ Брячиславъ, котораго имя записано подъ 1239 годомъ по случаю брака Александра Невскаго на его дочери; но потомъ

(1262 г.) полоцкимъ княземъ является уже Литвинъ Тевтивилъ, племянникъ Миндовгоу отъ сестры ²²⁴. Но и Роману Даниловичу трудно было княжить въ своей новой волости, среди родственниковъ подобныхъ Воишелку: подъ 1260 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что король Данилъ и братъ его Василько воевали Литву, ища Романа Даниловича, схваченнаго Воишелкомъ и Тевтивиломъ; чѣмъ кончилось дѣло, какъ освободился Романъ—неизвѣстно; известно только то, что въ 1262 году Миндовгъ, желая отомстить Васильку, который вмѣстѣ съ Татарами воевалъ его землю, послалъ на Вольшъ двѣ рати, набравшія добычи; но одну изъ нихъ Василько нагналъ у города Небла ²²⁵; Литовцы стояли у озера и, увидавши непріятеля, сѣли въ три ряда за щитами, по своему обычаю; Василько ударилъ на нихъ и побѣдилъ, при чемъ не осталось изъ нихъ ни одного человѣка; одни погибли отъ меча, другіе потонули въ озерѣ. (Василько отправилъ *сайгаты* къ брату своему Данилу, который былъ тогда на дорогѣ въ Венгрію и сильно тосковалъ по братѣ и молодомъ племянникѣ Владимірѣ, зная, что они пошли въ походъ, какъ вдругъ одинъ изъ слугъ началъ говорить: «Господинъ! каіе-то люди ѣдутъ за щитами съ сулицами, и кони съ ними въ поводахъ.» Король вскопчилъ съ радостію и сказалъ: «Славѣ Тебѣ, Господи! это Василько побѣдилъ Литву!» Посланный подѣхалъ и привелъ сайгаты: коней въ сбѣлахъ, щиты, сулицы, шлемы.) Эта война Романовичей съ Литвою была послѣднею при жизни Миндовга. Въ то время, какъ сынъ его Воишелъ жилъ въ монастырѣ, Миндовгъ ждалъ случая отвергнуть новую вѣру и прервать связь съ Ордемомъ или, лучше сказать, зависимость отъ него; онъ долго выказывалъ себя предъ рыцарями ревностнымъ христіанномъ, послушнымъ сыномъ папы, союзникомъ Ордена; уступилъ послѣднему значительныя земли; мало того, завѣщалъ ему всю Литву въ случаѣ своей безпотожственной смерти, а между тѣмъ толпы Литовцевъ, въ 1259 г., вторгнулись въ Курляндію и пустошили тамъ Орденскія владѣнія; отрядъ Тевтонскихъ рыцарей вышелъ къ нимъ навстрѣчу, и на берегахъ рѣки Дурбы произошла битва, которая служила печальнымъ предвѣщаніемъ для Ордена: Литовцы одержали блистательную побѣду и отразили ея сожжеміемъ плѣнныхъ рыцарей въ жертву богамъ. Эта побѣда Литвы служила знакомъ къ волненію Пруссозъ, подстрекаемыхъ, какъ говорятъ, Миндов-

гомъ; а въ 1260 г., въ условленный день, вспыхнуло повсемѣстное возстаніе. Миндовгъ еще медлилъ, все выжидалъ, наконецъ, вида, что часъ пробилъ, рѣшился дѣйствовать открыто: отрекся отъ христіанства и королевскаго титула, вступилъ съ войскомъ въ Пруссію и страшно опустошилъ ее. Съ другой стороны его войско счастливо воевало польскія владѣнія, убило одного князя, взяло въ плѣнъ другаго; съ литовскимъ войскомъ въ этомъ походѣ находился рязанскій выходецъ Вьстаѳій, сынъ извѣстнаго намъ братоубійцы князя Константина; сынъ, какъ видно, былъ похожъ на отца, потому что лѣтописецъ называетъ Вьстаѳіа окаяннымъ и беззаконнымъ. Такіе успѣхи не могли быть перевѣшены неудачею, которую Литовцы въ послѣднее время потерпѣли отъ Василька Волинскаго, и лѣтописецъ говоритъ, что Миндовгъ началъ сильно гордиться и не признавалъ себѣ никого равнымъ. Въ 1262 году умерла у него жена, о которой онъ очень жалѣлъ. У покойной была сестра за Довмонтомъ, княземъ Нальщанскимъ; Миндовгъ послалъ сказать ей: «сестра твоя умерла, пріѣзжай сюда плакаться по ней;» но когда та пріѣхала, то онъ сталъ говорить ей: «сестра твоя, умирая, велѣла мнѣ жениться на тебѣ, чтобъ другая дѣтей ея не мучила.»—и женился на свояченицѣ. Мужъ послѣдней, Довмонтъ, озлобившись за это на Миндовга, сталъ думать, какъ бы убить его, но открыто сдѣлать этого не могъ, потому что сила его была мала, а Миндовгова велика; тогда Довмонтъ сталъ искать себѣ союзника и нашелъ его въ племянникѣ Миндовговомъ отъ сестры, Тренятѣ, князѣ Жмудскомъ. Въ 1263 году Миндовгъ послалъ всѣ свои войска за Днѣпръ на князя Романа Брянскаго, и Довмонтъ находился также въ этомъ ополченіи; усмотря удобное время, онъ объявилъ другимъ вождямъ, что волхвы предсказываютъ ему дурное, и потому не можетъ продолжать походъ; возвратившись назадъ, онъ немедленно отправился ко двору Миндовга, засталъ его врасплохъ и убилъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Тренята, вѣроятно вслѣдствіе прежняго ряда съ Довмонтомъ, сталъ княжить въ Литвѣ, на мѣстѣ Миндовга, и въ Жмуди, и послалъ сказать брату своему, Тевтивилу Полоцкому: «пріѣзжай сюда, раздѣлимъ землю и все имѣніе Миндовгово;» но дѣлежъ повелъ къ ссорѣ между братьями: Тевтивилъ сталъ думать, какъ бы убить Треняту, а Тренята какъ бы отдѣлаться отъ Тевтивила; бояринъ послѣдняго, Прокошій Полоцанинъ донесъ

Тренать о замыслах своего князя, тотъ предупредилъ брата, убавилъ его и сталъ княжить одинъ, но не долго княжилъ: четверо конюшихъ Миндовговыхъ составили заговоръ отомстить убійцамъ прежняго князя своего, и убили Тренату, когда тотъ шелъ въ баню. Тогда началъ дѣйствовать единственный оставшійся въ живыхъ сынъ Миндовга, Воишелкъ: когда онъ узналъ о смерти отца своего, то испугался, и ушелъ изъ Литвы въ Пинскъ; но когда услышалъ, что Трената убитъ, то съ пинскимъ войскомъ отправился въ Новогрудкъ, и взявши здѣсь другіе полки, пошелъ въ Литву, гдѣ былъ принятъ съ радостію отцовскими приверженцами. Воишелкъ сталъ княжить и, какъ бы желая привести въ забвеніе, что онъ былъ когда-нибудь монахомъ, началъ поступать точно такъ же, какъ поступалъ, будучи княземъ въ Новогрудкѣ: «онъ сталъ княжить во всей землѣ Литовской, говорить гѣтонисецъ, и началъ избивать своихъ враговъ, и перебилъ ихъ безчисленное множество, а другіе разбѣжались.» Воишелкъ утвердился въ Литвѣ съ помощію зятя своего Шварна Даниловича и дяди его Василька Романовича Волинскаго, котораго онъ называлъ отцомъ своимъ и господиномъ; вѣсть съ Шварномъ, приведшимъ въ Литву сильное войско, Воишелкъ пошелъ на своихъ враговъ, города ихъ побралъ, самихъ перебилъ; въ числѣ убитыхъ находился и разанскій изгнанникъ — Евстаеій Константиновичъ.

Такимъ образомъ отношенія литовскія при жизни Данила кончились съ явною выгодною для Руси: Миндовга не было болѣе, а сынъ его Воишелкъ, обязанный [утвержденіемъ своимъ въ Литвѣ русскому войску, призналъ зависимость свою отъ брата Данилова, ибо таково значеніе словъ, что онъ называлъ Василька отцомъ и господиномъ. Съ такимъ же успѣхомъ шла борьба и съ другимъ сосѣднимъ варварскимъ народомъ—Ятвягами: въ 1248 году Ятвяги потерпѣли сильное пораженіе отъ Василька Романовича при Дрогичинѣ, потеряли серокъ князьковъ своихъ. Въ 1251 году отправились на Ятвяговъ оба Романовича съ Поляками и Половцами, перешли болота и вошли въ страну ихъ, при чемъ Поляки не утерпѣли, зажгли первую весъ; Романовичи сильно разсердились на нихъ за это, потому что пожаръ далъ вѣсть варварамъ о рати; Ятвяги собрались всею землею, и, какъ видно, знаи о гнѣбѣ Данила на Поляковъ, прислали сказать ему: «оставь намъ

Поляковъ, а самъ ступай съ миромъ изъ земли нашей; Данилъ не согласился. Ночью Ятвяги напали на укрѣвленный ставъ польскій и готовились проломить острогъ, но польскій князь Семовитъ послалъ просить стрѣльцовъ у Романовичей на помощь; Русскіе князья насилу отпустили стрѣльцовъ, все еще сердясь на Поляковъ. Стрѣльцамъ удалось откинуть Ятвяговъ отъ острога, хотя во всю ночь не было отъ нихъ покоя. На другой день Данилъ двинулся впередъ, а братъ его Василько съ Семовитомъ остался на мѣстѣ, имѣя позади отрядъполовецкій; Ятвяги ударили на послѣдній, обратили его въ бѣгство, отняли хоругвь и схватились потомъ съ Василькомъ и Семовитомъ; сѣча была лютая и съ обѣихъ сторонъ падало много народу: извѣстный намъ Андрей Дворскій, крѣпкій сердцемъ и большой тѣломъ, поскакалъ было по привычкѣ на непріятеля, но не могъ удержать копыя въ слабыхъ рукахъ, и едва не лишился жизни; Василько послалъ къ брату за помощью, и возвращеніе Данила дало перевѣсъ Русскимъ. Земля непріятельская была пожжена и поплѣнена, много князей ея побито; но скоро къ Ятвягамъ пришли на помощь Прусы и Борты³³⁶; Русскіе и Поляки сошли съ коней и пѣшкомъ двинулись навстрѣчу къ врагамъ: щиты ихъ сіяли какъ заря, шлемы какъ солнце восходящее, копыя казались густымъ тростникомъ, а князь Данилъ разѣзжалъ на конѣ среди полковъ и рядилъ войско. Тогда Прусы сказали Ятвягамъ: «можете ли дерево поддержать сулицами и дерзнуть на эту рать?» Ятвяги отступили; Данилъ также возвратился въ свою землю, избавивши отъ плѣна многихъ христіанъ, которые пѣли побѣдителямъ славныя пѣсни: какъ видно, эти пѣсни имѣли вліяніе и на рассказъ лѣтописца.

Черезъ три года (въ 1255 году) Данилъ съ сыновъ Львомъ и польскимъ княземъ Семовитомъ отправился опять на Ятвяговъ; молодой Левъ Давиловичъ, узнавши, что одинъ изъ князей ятвяжскихъ, Стекинтъ укрѣпился (осѣлся) съ своими въ лѣсу, пошелъ на него, убилъ самого Стекинита, ранилъ брата его, обратилъ въ бѣгство остальныхъ Ятвяговъ, и принесъ къ отцу оружіе Стекинтово и брата его, обличая тѣмъ свою побѣду: королю была большая радость. Ятвяги прислали просить мира, обѣщаясь быть въ подданствѣ у Данила; но это возбудило зависть Поляковъ и они стали благопріятствовать поганымъ; узнавши объ этомъ, Данилъ дедѣлъ пустошить землю ятвяжскую, при чемъ истребленъ былъ

весь дощъ Стекинтовъ, такъ что и теперь, говоритъ лѣтописецъ, пусто на этомъ мѣстѣ. Въ 1256 году Даниилъ съ сыновьями: Львомъ, Шварномъ, Романомъ, который княжилъ тогда въ Новогрудѣ, съ двумя изъ остальныхъ Изяславичей полоцкихъ (Минскихъ) ²²⁷ и съ Семовитомъ польскимъ наполнилъ Ятвяжскія болота своими многочисленными полками. Князья рускіе и польскіе собрали совѣтъ и сказали Даниилу: «ты король, голова всѣмъ полкамъ: если кого-нибудь изъ насъ пошлешь напередъ, то другіе не будутъ слушаться; а ты ратный чинъ знаешь, война тебѣ за обычай, всѣ тебя побоятся и постыдятся; ступай самъ напередъ.» Даниилъ устроивши полки, поѣхалъ самъ напередъ, съ небольшимъ отрядомъ вооруженныхъ отроковъ, передъ собою пустилъ стрѣльцовъ, а другіе стрѣльцы шли по обѣимъ сторонамъ дороги; дворскій ѣхалъ за королемъ, къ которому присоединились потомъ и сыновья его Левъ и Романъ. Узнавши, что Ятвяги дожидались неприятелей въ веси Ирвищѣ, Даниилъ послалъ сказать дворскому: «Какъ скоро увидишь, что мы поскакали впередъ, то немедленно ступай за нами, распустивши полкъ, чтобъ всякій могъ ѣхать какъ можно скорѣе;» но посланный молодой отрокъ, не понявъ приказанія и передалъ его совершенно иначе дворскому; это подвергло короля и сыновей его страшной опасности, потому что надѣясь на подкрѣпленіе отъ дворскаго, они ударили на весъ, крича: «Бѣги! бѣги!» Ятвяги точно дрогнули сначала и побѣжали, но потомъ остановились посередшѣ веси, и Даниилу со Львомъ стоило большихъ усилій обратить ихъ вторично въ бѣгство; дворскій пріѣхалъ уже тогда когда одержана была полная побѣда, слѣдствіемъ которой было обычное опустошеніе страны. На другой день Ятвяги прислали просить мира, и предлагали заложниковъ, чтобъ только рускіе не убивали ихъ плѣнныхъ. Незвѣстно, какое слѣдствіе имѣло это предложеніе: лѣтописецъ говоритъ, что Даниилъ, возвратившись съ честью и славою домой, собирался опять идти на Ятвяговъ, но тѣ постиглили отправить къ нему пословъ съ данью и съ обѣщаніемъ служить ему и строить города въ землѣ своей, въ удостовѣреніе чего прислали дѣтей своихъ въ заложники. Такъ Даниилъ достигъ того, что началъ отецъ его, Романъ Великій: тотъ заставлялъ дикарей расчищать землю подъ пашни, Даниилъ заставлялъ ихъ строить города въ землѣ своей; торжество галицкаго князя надъ Ятвягами было торжествомъ гражданственности надъ

варварствомъ въ восточной Европѣ, и торжество это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ описываемое время цивилизующее племя само находилось подъ гнетомъ азіатскихъ варваровъ. Въ 1257 году Данилъ послалъ боярина своего взять дань съ Ятвяговъ черными кунницами, бѣлками и серебромъ; часть дани послана была польскому воеводѣ: пусть узнаетъ вся земля польская, что Ятвяги платятъ дань королю Данилу.

Но не одною счастливою борьбою съ варварами знаменитъ былъ король Данилъ въ сосѣднихъ государствахъ; борьба съ варварами не мѣшала ему принимать участіе въ дѣлахъ этихъ государствъ, возвыситъ и здѣсь значеніе Руси. Въ Польшѣ борьба между Владиславомъ Ласконогимъ и племянникомъ его, Владиславомъ Одоничемъ, кончилась въ 1231 году смертію Ласконогаго, вслѣдствіе чего Одоничъ сталъ единовластителемъ великой Польши. Но усобица началась съ другой стороны: по смерти Лешка братъ его, Конрадъ Мазовецкій, спѣшилъ взять въ свои руки управленіе его волостями—Краковомъ и Сендомиромъ, въ качествѣ опекуна надъ малолѣтнимъ племянникомъ своимъ Болеславомъ; но мать и вельможи послѣдняго предложили эту опеку герцогу силезскому, Генриху I; отсюда война между Генрихомъ и Конрадомъ, въ которой Конрадъ остался побѣдителемъ и удержалъ за собою опеку надъ Болеславомъ краковскимъ. Когда Болеславъ, возмужавъ, потребовалъ отъ дяди очищенія отцовскихъ владѣній, то Конрадъ захватилъ его въ плѣнъ; но племянникъ успѣлъ убѣжать изъ заключенія и опять обратился съ просьбою о помощи къ Генриху силезскому; тотъ вступился въ дѣло и помогъ Болеславу Лешковичу претивъ дядю, но за эту помощь взялъ себѣ Краковъ и часть Сендомирской волости. Съ такимъ же успѣхомъ кончилъ Генрихъ и войну съ великопольскимъ княземъ Владиславомъ Одоничемъ въ 1234 году: Одоничъ долженъ былъ уступить силезскому герцогу всѣ свои земли, лежащія къ югу отъ Варги. Благодаря этимъ успѣхамъ Генриха силезскаго, самая старшая линія Пястовъ упрочилась надъ всѣми остальными линіями. Но, пролагая, съ одной стороны, путь своему потомству къ усиленію себя насчетъ всѣхъ остальныхъ родичей и къ собранію земель польской, Генрихъ, съ другой стороны, сильно содѣйствовалъ преобладанію гнѣзденской народности надъ славянскою въ областяхъ польскихъ. Не разъ замечали мы, какъ наши русскіе князья таготялись нагоняемому

ностию земли своей и старались отовсюду призывать въ нее колонистовъ; та же самая потребность чувствовалась и въ другихъ земляхъ славянскихъ; монастыри, получившіе большія земли во владѣніе, искали средствъ разчистить свои лѣса, населить, обработать пустоши: для этого они стали перезывать къ себѣ нѣмецкихъ колонистовъ. Князья перезывали ихъ частью съ той же цѣлю, частью селили ихъ въ старыхъ городахъ и основывали для нихъ новые, дабы посредствомъ нихъ усилить промыслы, торговлю, и такимъ образомъ увеличить свои доходы; остальные землевладельцы послѣдовали примѣру духовенства и князей, и вотъ Нѣмцы распространяются по всеѣмъ западно-славянскимъ землямъ. Примѣръ къ выводу нѣмецкихъ колонистовъ въ польскія владѣнія должна была подать, по своимъ особеннымъ обстоятельствамъ, Силезія. Родоначальникъ силезскихъ князей, Владиславъ II, по изгнаніи своемъ съ старшаго стола нашелъ дружественный пріемъ въ Германіи; сыновья его, рожденные отъ нѣмецкой принцессы, были здѣсь воспитаны, и съ помощію императора Фридриха Барбаруссы получили отъ дядей волость въ родной землѣ—Силезію. Это все повело къ тѣснѣйшей связи ихъ съ Германіею. Съ другой стороны дѣйствовала церковь: монастыри, наводненные нѣмецкими монахами и монахинями, рыцарскіе ордена, получившіе себѣ земли отъ щедрости князей, стали, съ позволенія послѣднихъ, вызывать въ свои владѣнія нѣмецкихъ колонистовъ; скоро города начали также наполняться Нѣмцами, при чемъ важно было то, что послѣдніе сохраняли вполнѣ свою народность, судились и рѣшались своимъ правомъ. Особенную склонность къ Нѣмцамъ обнаружилъ Генрихъ I-й силезскій, и легко понять, какое значеніе для всей Польши должна была имѣть эта склонность, когда Генрихъ сталъ самымъ сильнымъ изъ ея владѣтелей ²²⁰. Генрихъ умеръ въ 1238 году, оставя сыну своему Генриху II-му Благочестивому княжество, которое превосходило величиною владѣнія воѣхъ остальныхъ Пястовъ; но впаденіе Монголовъ, въ битвѣ съ которыми палъ Генрихъ Благочестивый, воспрепятствовало усиленію Силезіи насчетъ другихъ польскихъ областей: владѣнія Генриха раздѣлились между тремя его сыновьями; старшій изъ нихъ Болеславъ, которому достался Краковъ и часть великой Польши, безнорядочнымъ поведеніемъ и насильственною въ своеѣмъ родѣ любовью къ Нѣмцамъ вооружилъ про-

тивъ себя вельможъ, которые провозгласили своимъ княземъ Болеслава, Лешкова сына, а жители великой Польши передались сыновьямъ стараго своего князя Владислава Одовича. Но этого мало: скоро началась усобица между Болеславомъ Генриховичемъ и его родными братьями, при чемъ соперники обращались къ нѣмецкимъ князьямъ и платили за помощь частію своихъ владѣній, а между тѣмъ прелаты, пользуясь недалковидною щедростію князей и ихъ ослабленіемъ вслѣдствіе усобицъ, все болѣе и болѣе усиливали свое значеніе, и въ Польшѣ повторились явленія, о которыхъ началъ уже забывать дальнѣйшій западъ: въ 1238 году Болеславъ Генриховичъ принужденъ былъ въ одеждѣ кающагося, босыми ногами отправиться въ бреславскую церковь Іоанна Крестителя, чтобъ избавиться отъ проклятія, надъ нимъ тяготѣвшаго.

Мы видѣли, что слабостію Силезіи воспользовался Болеславъ (Стыдливый), сынъ Лешка (Бѣлаго), для возвращенія своей отчины, стола краковскаго; но прежде утвержденія своего здѣсь, онъ долженъ былъ выдержать войну съ дядею, Конрадомъ мазовецкимъ. Данилъ галицкій снова находился въ союзѣ съ послѣднимъ, и потому въ 1245 году встрѣчаемъ извѣстіе о войнѣ его съ Болеславомъ Лешковичемъ: въ первый походъ, вошедши въ Польшу четырьмя дорогами, Романовичи опустошили Люблинскую область до рѣкъ Вислы и Сана; во второй походъ осадили Люблинъ, и сняли осаду только тогда, когда Люблинцы дали слово не помогать Болеславу²²⁹. Слѣдствіемъ этихъ войнъ было то, что въ битвѣ подъ Ярославлемъ, Поляки Болеславы находились въ войскѣ Ростислава черниговскаго, а Романовичи, слышавъ приходъ послѣдняго, послали сказать Конраду: «взъ-за тебя пришли на насъ Ляхи Болеславы, потому что мы помогали тебѣ,» — и Конрадъ послалъ имъ вспомогательный отрядъ, который не успѣлъ однако принять участія въ битвѣ. Въ 1247 году умеръ Конрадъ, славный, предобрый, по выраженію лѣтописца, и Данилъ съ Василькомъ жалѣли объ немъ; еще при жизни своей онъ раздѣлилъ Мавовію между двумя сыновьями: Казимиромъ и Болеславомъ; послѣдній умеръ вскорѣ послѣ отца, и, по просьбамъ князя Данила, отдалъ свою волость младшему брату Семовиту, за которымъ была племянница Данилова, дочь Александра Бѣльскаго; дружескія отношенія между Даниломъ и Семовитомъ не прерывались до самой смерти послѣдняго; съ Болеславомъ краковскимъ галицкій князь находился также въ мирѣ.

Ярославскою битвою кончились, какъ мы видѣли, враждебныя отношенія къ Венгріи, и за союзомъ родственнымъ скоро послѣдовалъ политическій, когда по смерти послѣдняго австрійскаго герцога Фридриха, за владѣнія его возникла упорная борьба между королями чешскимъ и венгерскимъ; послѣдній обратился съ просьбою о помощи къ Даниилу, и заключилъ съ нимъ договоръ, по которому сынъ Даниила, Романъ, женился на сестрѣ покойнаго герцога Гертрудѣ и въ приданое бралъ Австрію. Слѣдствіемъ этого договора была война Даниила съ Чехами. Въ 1254 году, Данииль предпринялъ походъ въ землю опавскую (Троппау) сколько для короля венгерскаго, говоритъ лѣтописецъ, столько же и для славы, потому что ни одинъ князь русскій, ни Святославъ Храбрый, ни Владиміръ Святый не воевали земли чешской. Данииль выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ Болеславомъ Стыдливымъ краковскимъ, женатымъ на дочери венгерскаго короля; союзники, приближаясь къ Опавѣ, отправили къ городу сторожевой отрядъ изъ Поляковъ, который былъ разбитъ Чехами, выѣхавшими изъ Опавы. Такое неудачное начало навело сильный страхъ на Поляковъ, и Данииль долженъ былъ увѣщевать ихъ быть пободрѣе: «Чего вы испугались? говорилъ онъ имъ: развѣ вы не знаете, что война безъ мертвыхъ не бываетъ? развѣ вы не знали, что вышли на мужчинъ вооруженныхъ, а не на женщинъ? если воинъ убить на рати, то какое тутъ чудо? другіе и дома умирають безъ славы, а эти со славою умерли; укрѣпите сердца ваши и ступайте бодро впередъ.» Но тщетно Данииль уговаривалъ Поляковъ подступить поближе къ городу: тѣ никакъ не согласились; Данииль сильно горевалъ, тѣмъ болѣе, что большая часть его войска съ сыномъ Львомъ отправилась другимъ путемъ и неизвѣстно гдѣ находилась; наконецъ пришелъ Левъ Даниловичъ, и началась осада, которая однако не имѣла успѣха по причинѣ глазной болѣзни Данииловой; взять былъ только ближній городъ Насилье (Носсельтъ). Опустошивши въ конецъ всю землю опавскую, Данииль и Болеславъ возвратились домой.

Данииль, по уговору съ королемъ венгерскимъ, опустошилъ чешскія владѣнія, но король не исполнилъ своихъ обѣщаній, давшихъ Роману, оставилъ его въ городѣ Нейбургѣ, подлѣ Вѣны, безо всякой помощи; чешскій король Оттокаръ осадилъ Нейбургъ, и не будучи въ состояніи взять его силою, прислалъ сказать Ро-

ману: «Ты мнѣ родня и своякъ (Оттокаръ былъ женатъ на Маргаритѣ, другой сестрѣ австрійскаго герцога Фридриха): оставь венгерскаго короля, и мы раздѣлимъ съ тобою пополамъ Австрію; король тебѣ много общаетъ, и ничего не сдѣлаетъ; а я тебѣ говорю правду и поставлю свидѣтелей—папу и 12 епископовъ.» Романъ отвѣчалъ: «Не могу имѣть съ тобою никакого дѣла, потому что стыдно будетъ мнѣ и грѣхъ вопреки обѣщаніямъ покінуть короля венгерскаго»,—и послалъ объявить послѣдному о предложеніи Оттокара, прося немедленной помощи. Но король явно его обманывалъ; хотѣлъ Австрію для себя, а Роману обѣщавъ дать города въ Венгрію, и не посылалъ ему помощи, а между тѣмъ осажденные терпѣли сильный голодъ въ Нейбургѣ: одна женщина тайкомъ прокрадывалась въ Вѣну, и покупала тамъ съѣстные припасы для князя. Тогда жена Романова стала уговаривать мужа ѣхать къ отцу, и Романъ, воспользовавшись доброхотствомъ какого-то Веренгера Просвѣла, выбрался изъ города, и уѣхалъ въ Галицію. Въ 1260 году Даниилъ опять соединилъ полки свои съ войскомъ Бѣлы противъ Оттокара Богемскаго; но союзники были разбиты послѣднимъ при рѣкѣ Моравѣ³⁴⁰, и Даниилъ долженъ былъ отказаться отъ надежды видѣть сына своего на престолѣ австрійскомъ, тѣмъ болѣе, что татарскія отношенія занимали тогда все его вниманіе.

Король Даниилъ не долго пережилъ разрушеніе своихъ надеждъ на успѣшную борьбу съ Татарами; онъ умеръ между 1264—1266 годомъ; такимъ образомъ почти въ одно время восточная Европа лишилась троихъ знаменитѣйшихъ своихъ владѣтелей: въ Русіи сѣверной не стало Александра Невскаго, въ южной Даниила, въ Литвѣ Миндовга. Не трудно замѣтить сходство въ дѣятельности обоихъ князей русскихъ, Невскаго и короля Даниила: оба прославились воинскими подвигами на западъ и оба должны были поникнуть предъ Монголами, при чемъ неудача предпріятій Данииловыхъ служить самымъ лучшимъ объясненіемъ постоянной покорности Александровой и выставляетъ съ выгодной стороны проицательность и осторожность внука Всеволода III-го; легко замѣтить, какъ оба князя—представители—одинъ сѣверной, другой—южной Русіи, представители двухъ долго враждебныхъ линій Мономахова племени, остаются вѣрны каждый своей странѣ и своему племени по личному характеру своему, не смотря на из-

вѣстное сходство въ характерѣ ихъ дѣятельности. Даниилъ сдѣлалъ для южной Руси все, что можно было ожидать отъ него при тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, которыми могъ быть въ уровень только князь, талантливый подобно Даниилу и, подобно Даниилу, испытанный бѣдствіями, съ ранней молодости не знавшій покоя. Крѣпости срыты по приказанію татарскаго баскака, но Холмъ сбереженъ, и вообще отношенія монгольскія не такъ тяжки на югѣ, гроза Бурундаева прошла какъ-то мимо; Литва и Ятвяги въ зависимости, среди сосѣднихъ христіанскихъ государствъ Русь получила важное мѣсто съ признаннымъ необходимымъ вліяніемъ, чему много способствовало то, что главная сцена дѣйствія перенесена была съ востока изъ области днѣпровской на западъ, въ область днѣстровскую. Но кромѣ подвиговъ виѣшнихъ Даниилъ прославился особенно внутреннею распорядительностію: послѣ монгольскаго опустошенія успѣлъ привести свою землю въ цвѣтущее состояніе, населилъ, обстроилъ города, усилилъ промышленность, торговлю. При этомъ должно замѣтить однако, что Даниилъ, населяя города свои, наполнял ихъ Нѣмцами, Поляками, Армянами, Жидами²⁴¹, что не могло не имѣть вліянія на будущую судьбу страны.

По смерти короля Даниила мысль Романа Великаго была приведена въ исполненіе: галицкая земля перешла прямо къ синовьямъ Данииловымъ, Льву, Мстиславу и Шварну (Романъ больше не упоминается), а дядя ихъ Василько остался княжить попрежнему на Волыни. Литва готовилась окончательно слиться съ Русью подъ властію одного изъ сыновей Данииловыхъ: въ 1268 году Войшелкъ снова заключился въ монастырѣ, отдавъ всѣ свои владѣнія зятю Шварну. Послѣдній, боясь, какъ видно, возобновленія внутреннихъ волненій въ Литвѣ въ пользу князей природныхъ, уговаривалъ Войшелка покняжить еще вмѣстѣ, но тотъ рѣшительно отказался, говоря: «Много согрѣшилъ я предъ Богомъ и передъ людьми; ты княжи, а земля тебѣ безопасна.» Живя въ Угровскомъ Даниловѣ монастырѣ, Войшелкъ говорилъ: «Вотъ здѣсь подлѣ меня сынъ мой Шварнъ, а тамъ господинъ мой отецъ князь Василько, буду ими утѣшаться.» Но онъ не долго утѣшался: Шварнъ умеръ бездѣтнымъ, и Литовцы снова вызвали Войшелка изъ монастыря для управленія дѣлами княжества; это возбудило вражду въ братѣ Шварновомъ, Львѣ Даниловичѣ, которому хотѣлось быть наслѣд-

никомъ брату въ Литвѣ, а Воишелкъ не склонялся на его желаніе. Между обоими князьями готовы уже были начаться непріятельскія дѣйствія, какъ Василько Романовичъ, князь волинскій предложилъ имъ съѣхаться вмѣстѣ для примиренія. Воишелкъ и Левъ пріѣхали къ Васильку во Владимиръ Волинскій, гдѣ Маркольдъ, родомъ Нѣмецъ, старый совѣтникъ короля Данила, позвалъ всѣхъ троицъ князей къ себѣ на обѣдъ; обѣдали весело, много пили, и Василько, послѣ обѣда, поѣхалъ къ себѣ домой спать, а Воишелкъ поѣхалъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ стоялъ. Но этимъ дѣломъ не кончилось: Левъ пріѣхалъ въ монастырь къ Воишелку и сталъ говорить ему: «Кумъ! попьемъ-ка еще!» Тотъ согласился, и началась опять попойка, во время которой князья опять поссорились, отъ брани дошло до драки, и Воишелкъ былъ убитъ Львомъ. Послѣдній хотѣлъ было воспользоваться смертію Воишелка и пріобрѣсти себѣ Литву; но онъ не получилъ успѣха въ этомъ дѣлѣ, и Литовцы выбрали себѣ единоплеменнаго князя ³⁴². (Такъ порвано было въ самомъ началѣ мирное соединеніе Литвы съ Русью.—Съ Поляками, именно съ Болеславомъ Краковскимъ, началась война скоро по смерти Даниловой; въ ней Русскіе потерпѣли поражение вслѣдствіе неосторожности Шварна, который, не послушавшись совѣта стараго дяди Василька, не дождался полковъ волинскихъ и ударилъ одинъ на соединенныхъ враговъ, тогда какъ Василько именно говорилъ: «Не бейтесь сначала съ Поляками, но отпустите ихъ въ свою землю, когда пойдутъ, раздѣлившись, тогда нападайте.») Въ 1271 году умеръ Василько Волинскій, оставивъ столъ свой сыну Владиміру. Кромѣ потомковъ Романа Великаго, на западной сторонѣ Днѣпра упоминаются трое князей пинскихъ: Ѳеодоръ, Демидъ и Юрій Владиміровичи, въ союзѣ съ Василькомъ Волинскимъ (1262 г.); Изяславъ князь Свислочьскій (1256); Глѣбъ Ростиславичъ Степанскій.

Обратимся теперь къ другимъ княжествамъ южной Руси, на восточномъ берегу Днѣпра. Мы оставили Михаила Черниговскаго въ Кіевѣ, гдѣ онъ жилъ подъ городомъ на островѣ. Узнавши, что король венгерскій выдалъ наконецъ дочь свою за его сына Ростислава, онъ поѣхалъ въ Венгрію, но не получилъ почетнаго приѣма ни отъ свата, ни отъ сына, и, разсердившись на Ростислава, поѣхалъ въ Черниговъ, а оттуда къ Батью просить себѣ ярлыка на это княжество. Пріѣхавши въ Орду, онъ никакъ не

хотѣлъ обратившись на югъ поклониться изображенію умершаго Чингисъ-Хана, говоря, что охотно поклонится хану и даже рабамъ его, но христіанинъ не долженъ кланяться изображенію мертваго человѣка. Напрасно князь Борисъ ростовскій уговаривалъ его со слезами исполнить обрядъ, а бояре ростовскіе обѣщались принять на себя за него епитимью и со всею своею областью: Михаилъ оставался непреклоннымъ, тѣмъ болѣе, что бояринъ его Феодоръ напоминалъ ему увѣщанія духовника не губить души идолопоклонствомъ. Михаилъ умеръ мучительною смертію; лѣтопись называетъ палачемъ его русскаго отступника-Путьвльца Домана; бояринъ Феодоръ былъ также убитъ ³⁴³ (1264 г.). Въ Черниговѣ началъ княжить Андрей Всеволодовичъ, какъ видно, братъ Михаилъ. — Изъ другихъ черниговскихъ князей упоминается Романъ Брянскій, который въ 1264 году поразилъ Литовское войско, нападшее на его волость ³⁴⁴. Подъ 1241 годомъ упоминается князь Рылскій Мстиславъ, убитый Татарами. Въ одной лѣтописи ³⁴⁵ подъ 1243 годомъ упоминается о смерти князя Андрея Мстиславича, убитаго Батыемъ; Пляно-Карини называетъ его княземъ черниговскимъ ³⁴⁶.

Г Л А В А IV.

Борьба между сыновьями Александра Невского.

(1276—1304).

Исчезновение прежнихъ понятій о правѣ старшинства.—Великій князь Дмитрій Александровичъ Переяславскій стремится къ усмиренію.—Возстаніе противъ него младшаго брата, Андрея Городецкаго съ помощію Орды.—Вліяніе боярина Семена Тонилевича.—Союзъ князей противъ Дмитрія.—Осторожность сѣверныхъ князей.—Раздѣленіе Орды, и Дмитрій пользуется этимъ раздѣленіемъ.—Убіеніе Семена Тонилевича.—Новая усобица — Торжество Андрея.—Безуспѣшный сѣвздъ князей.—Князь переяславскій Иванъ Дмитріевичъ отказываетъ свою волость князю Данилу Александровичу Московскому.—Смерть Андрея.—Событія въ другихъ сѣверныхъ княжествахъ.—Отношенія къ Татарамъ, Шведамъ, Нѣмцамъ и Ляत्वъ.—Дѣла на югозападѣ.

Мы достигли того времени, когда прежнія понятія о правѣ старшинства исчезаютъ; великіе князья показываютъ ясно, что они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получивъ область владимирскую, старается увеличить свою собственность насчетъ другихъ княжествъ. Но когда преобладаніе понятія о собственности, отдѣльности владѣнія заставляло каждого великаго князя заботиться только о самомъ себѣ, то всѣ остальные князья не могутъ уже болѣе довѣрять родственной связи, должны также заботиться о самихъ себѣ, всѣми средствами должны стараться приобрѣсть силу, потому что имъ оставалось на выборъ: быть жертвою сильнѣйшаго, или другихъ сдѣлать жертвами своей силы. Вотъ почему мы видимъ теперь возстанія князей на великаго, съ попраніемъ всѣхъ старинныхъ правъ, родовыхъ отношеній.

Князь Димитрій Александрович Переяславскій, присоединивши къ своей отчинѣ область Владимирскую, началъ тѣмъ же, чѣмъ начинали его предшественники—стремленіемъ усилиться насчетъ Новгорода, который, по смерти Василя, поспѣшилъ признать его своимъ княземъ. Въ 1279 году онъ, по словамъ лѣтописца, выпросилъ у Новгородцевъ позволеніе поставить для себя крѣпость Копорье, пошелъ и самъ срубилъ ее; въ слѣдующемъ году онъ поѣхалъ туда вторично съ посадникомъ Михаиломъ, съ лучшими гражданами; zaloжили въ Копорьѣ крѣпость каменную. Въ томъ же году посадникъ Михаилъ Мишиничъ, возведенный въ это достоинство при Василю, былъ смѣненъ, и на его мѣсто былъ возведенъ Семень Михайловичъ, неизвѣстно сынъ какого изъ прежде бывшихъ посадниковъ — Михалка Степановича или Михаила Федоровича. Лѣтопись говоритъ, что у Мишинича отнято было посадничество княземъ и Новгородцами вмѣстѣ—все показывало слѣдовательно согласіе города съ Димитріемъ; но въ слѣдующемъ 1281 году вдругъ встрѣчаемъ извѣстіе о ссорѣ великаго князя съ Новгородцами. Очень вѣроятно ³⁴⁷, что ссора эта произошла по поводу Копорья, на который Димитрій хотѣлъ смотрѣть какъ на свою собственность, что не нравилось Новгородцамъ. Какъ бы то ни было, когда Новгородцы отправили къ Димитрію владыку съ мольбою, то онъ не послушалъ его, пришелъ съ войскомъ на волость новгородскую и сильно опустошилъ ее, послѣ чего заключенъ былъ миръ, какъ видно, на всей волѣ великаго князя. Быть можетъ, этотъ поступокъ Димитрія, обличавшій стремленіе его усилить себя на счетъ другихъ, послужилъ Андрею Александровичу Городецкому знакомъ къ возстанію на старшаго брата; быть можетъ, онъ хотѣлъ подражать дядѣ своему Василю Ярославичу, который посредствомъ хана не позволилъ брату своему Ярославу усилиться окончательно насчетъ Новгорода; впрочемъ лѣтописцы указываютъ на бояръ Андреевыхъ, и особенно на одного изъ нихъ, Семена Тонилѣевича, какъ главнаго виновника этого возстанія. Мы видѣли у князя Василя Костромскаго воеводу Семена, который водилъ полки своего князя противъ Димитрія и Новгородцевъ. Очень вѣроятно, что вслѣдствіе этихъ отношеній къ Димитрію, Семень, по смерти Василя, перешелъ не къ переяславскому князю, а къ городецкому Андрею: тѣмъ болѣе, что Кострома, по смерти бездѣтнаго Василя, перешла къ Андрею. Этотъ-

то Семень началъ вооружать своего новаго князя противъ Димитрія, и вотъ Андрей отправляется въ Орду, имѣя спосибшникомъ себѣ и помощникомъ Семена Тонилевича и другихъ многихъ, говоритъ лѣтописецъ.

Задаривши хана Менгу-Тимура, Андрей получилъ ярлыкъ на Владимиръ и войско противъ Димитрія, потому что послѣдній не думалъ повиноваться слову ханскому, и нужно было принудить его къ тому силою, при чемъ всѣ князья, ближніе и дальніе родственники, соединились съ Андреемъ противъ Димитрія. Мы не станемъ предполагать, что Димитрій дурно обходился съ ними. пусть Димитрій былъ добрый, кроткій князь: для насъ важна здѣсь недовѣрчивость князей къ великому князю владимирскому, постоянное нерасположеніе ихъ къ каждому князю, присоединявшему къ своему удѣлу владимирскую область. Димитрій, видя союзъ князей и татарскіе полки противъ себя, поѣхалъ къ Новгороду, желая засѣсть въ своемъ Копорьѣ, но на озерѣ Ильменѣ встрѣтилъ полки новгородскіе: Новгородцы показали князю путь, самого не схватили, но взяли двухъ дочерей его и бояръ въ заложники: «Отпустимъ ихъ тогда, сказали они Димитрію, когда дружина твоя выступитъ изъ Копорья.» Но дружина эта не думала оставлять крѣпости, потому что ея начальствовалъ зять Димитрія, знаменитый Довмонтъ Псковской: онъ нечаянно напалъ на Ладогу, и высвободилъ оттуда имѣніе Димитріево; но когда новгородскіе полки подошли къ Копорью, то дружина великокняжеская не могла долѣе здѣсь держаться, и, получивъ безпрепятственный выходъ, оставила крѣпость, которую разрыли Новгородцы ³⁴⁶. Между тѣмъ Димитрій отправился за море, а Татары, пришедшіе съ Андреемъ, ища Димитрія, рассыпались по всей землѣ, опустошили все около Мурома, Владимира, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Ростова, Твери, до самаго Торжка и далѣе къ Новгороду. Андрей сѣлъ во Владимирѣ, угостилъ богатымъ пиромъ, одарилъ князей ордынскихъ и, отпустивъ ихъ домой, поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ былъ честно посаженъ на столъ. Но скоро пришла къ нему сюда вѣсть, что Димитрій возвратился изъ за моря съ наемными войсками ³⁴⁷, засѣлъ въ своемъ Переяславлѣ, укрѣпляется тамъ и собираетъ полки. Андрей немедленно выѣхалъ изъ Новгорода во Владимиръ, оттуда въ Городецъ, а изъ Городца поѣхалъ въ Орду, опять вмѣстѣ съ Семеномъ Тониле-

вичемъ, жаловаться на брата хану Тудай-Менгу, брату и преемнику Менгу-Тимурову, доносить, что Димитрій не хочетъ повиноваться Татарамъ, платить имъ дани; а между тѣмъ, въ его отсутствіе, князя: Святославъ Ярославичъ тверской, Даниль Александровичъ московскій и Новгородцы двинулись на Димитрія: союзъ также замѣчательный! Враждебныя войска сошлись у Дмитрова, стояли пять дней, ссылаясь о мирѣ, и наконецъ заключили его, неизвѣстно, на какихъ условіяхъ. Становится замѣтнымъ, какъ рѣдко на сѣверѣ князя вступаютъ въ битвы другъ съ другомъ: обыкновенно сошедшись, они заключаютъ миръ и расходятся (1281—1283 г.).

Между тѣмъ Андрей пришелъ изъ Орды съ полками татарскими; Димитрій бѣжалъ вторично, но на этотъ разъ уже не за Балтійское море, а къ берегамъ Чернаго: тамъ, въ степяхъ раскинулась другая Орда, независимая и враждебная Золотой, или Волжской, Орда Ногайская. Повелитель ея, Ногай, князь рода Джучіева и полководецъ со времени Берге, изъ соперничества съ ханомъ Золотой Орды, принялъ съ честію Димитрія, и далъ ему свои полки; на этотъ разъ Андрей долженъ былъ уступить, и возвратилъ брату Владимиръ. Какъ же Димитрій воспользовался своею побѣдою? Въ 1283 году двое переяславскихъ бояръ. Антонъ и Феоданъ, явились въ Кострому, схватили нечаянно Семена Тониліевича, и начали допытываться у него о прежнихъ и настоящихъ намѣреніяхъ его князя. Семень отвѣчалъ: «Напрасно допрашиваете меня; мое дѣло служить вѣрою и правдою своему князю; если же были между нимъ и братомъ его какіе раздоры, то они сами лучше знаютъ ихъ причины.»—«Ты поднималъ Ордынскаго Царя, ты приводилъ Татаръ на нашего князя»—продолжали переяславскіе бояре.—«Ничего не знаю,» отвѣчалъ Семень: «если хотите знать подробности объ этомъ, спросите у господина моего, князя Андрея Александровича, тотъ отвѣтитъ вамъ на всѣ ваши вопросы.»—«Если ты не расскажешь намъ о всѣхъ замыслахъ своего князя, продолжали Димитріевы бояре, то мы убьемъ тебя.»—«А гдѣ же клятва, которою клялся вашъ князь моему, отвѣчалъ Семень; клятва мира и любви? Неужели вашъ князь и вы думаете исполнить эту клятву, убивая бояръ нашего господина?»—Переяславскіе бояре исполнили порученіе своего князя—убили Семена Тониліевича.

Легко было предвидѣть, что убійство Семена не потушить вражды между братьями: Андрей сильно тужилъ о своемъ бояринѣ, и началъ ссылаться съ Новгородцами; въ Торжкѣ (въ 1284 г.) они обмѣнялись клятвою стоять другъ за друга противъ Дмитрія. Но послѣдній былъ силенъ. Андрей уступилъ и на этотъ разъ, и даже нашелся принужденнымъ, вмѣстѣ съ Дмитріемъ и его Татарами, опустошать волости новгородскія. Послѣ этого Андрей обратился къ Татарамъ и привелъ на Дмитрія какого-то царевича изъ Орды: но когда Татары разсѣялись для грабежа, то Дмитрій собралъ большую рать и ударилъ на нихъ; царевичъ убѣжалъ въ Орду, бояре Андрея попались въ плѣнъ, и Городецкій князь долженъ былъ опять уступить; Новгородцы приняли къ себѣ Дмитрія, конечно не на всей своей волѣ; есть извѣстіе о наказаніи людей ему непріязненныхъ ³⁵⁰; посадникъ Семень Михайловичъ, отправлявшій свою должность во все время дружбы Новгорода съ Андреемъ и потому необходимо пріятный послѣднему, былъ свергнутъ при торжествѣ Дмитрія: его мѣсто заступилъ Андрей Климовичъ; но Семень не отдѣлался однимъ лишеніемъ посадничества: въ 1287 году всталъ на него весь Новгородъ понапрасну (безъ исправы), говоритъ лѣтописецъ: пошли на него изъ всѣхъ концовъ, какъ сильная рать, каждый съ оружіемъ, пришли на дворъ къ нему, взяли весь домъ съ шумомъ; Семень прибѣжалъ къ владыкѣ, а владыка проводилъ его въ Софійскую церковь, гдѣ онъ и пробылъ въ безопасности до другаго дня, пока смятеніе утихло. Семень чрезъ нѣсколько дней умеръ; но и Андрей Климовичъ не долго посадничалъ: въ 1289 г., онъ былъ свергнутъ, и на его мѣсто возведенъ братъ прежде бывшаго посадника Юрій Мишиничъ; а ладожское посадничество отдано было Матвѣю Семеновичу, какъ видно сыну Семена Михайловича. Неизвѣстно, въ связи ли съ этими перемѣнами было убіеніе Самойлы Ратшинича жителями Прусской улицы на Владычнемъ дворѣ; Новгородцы сзвали вѣче у Св. Софїи и у Св. Николы, откуда пошли вооруженные, взяли улицу Прусскую, дома разграбили, улицу всю пожгли. Въ слѣдующемъ году крамольники пограбили торгъ; на другой день Новгородцы собрались на вѣче и сбросили двухъ крамольниковъ съ мосту.

Между тѣмъ Дмитрій, смиривъ брата и Новгородцевъ, хотѣлъ, какъ видно, раздѣлаться и съ тѣми княжествами, которыя помо-

гали Андрею противъ него: въ 1288 году Дмитрій вмѣстѣ съ ростовскимъ княземъ и Новгородцами пошелъ на тверскаго князя Михаила Ярославича, наслѣдовавшаго брату своему Святославу, неизвѣстно когда умершему; но Михаилъ встрѣтилъ Дмитрія съ полками у Кашина, и дѣло кончилось безъ боя—миромъ. Неизвѣстны подробности, какъ Дмитрій поступилъ съ другими князьями: извѣстно только то, что въ 1292 году отправились жаловаться на него въ Орду князья: Андрей Городецкій, Дмитрій Ростовскій съ сыномъ и братомъ Константиномъ Углицкимъ, двоюродный братъ ихъ Михаилъ Глѣбовичъ Бѣлозерскій, тестъ послѣдняго, Феодоръ Ростиславичъ Ярославскій съ ростовскимъ епископомъ Тарасіемъ. Въ Ордѣ Волжской Тудай-Менгу былъ свергнуть четырьмя племянниками своими, внуками Тутукана, которые скоро, въ свою очередь, были истреблены сыномъ Менгу-Тимура, Тохтою или Токтаемъ. Тохта, выслушавъ жалобы князей, хотѣлъ сначала послать въ Русь за Дмитріемъ; но потомъ раздумалъ и отправилъ туда большое войско. Переяславцы, узнавши о приближеніи Татаръ, всѣ разбѣжались, и Дмитрій долженъ былъ бѣжать изъ своего города сперва на Волокъ, а оттуда во Псковъ; Татары же, съ Андреемъ Городецкимъ и Феодоромъ Ярославскимъ, взяли Владиміръ, разграбили Богородичную церковь, взяли потомъ 14 другихъ городовъ и опустошили всю землю. Тверь наполнилась бѣглецами со всѣхъ сторонъ, которые уговаривались не пускать Татаръ дальше и биться съ ними; но Татары хотѣли идти съ Волока къ Новгороду и Пскову; тогда Новгородцы послали къ предводителю ихъ Дуденю богатые дары, и варвары, удовольствовавшись ими, отправились назадъ въ степи. Союзники—Андрей Городецкій и Феодоръ Ярославскій подѣлили между собою волости: Андрей взял себѣ Владиміръ и Новгородъ, Феодоръ Переяславль, сына Дмитріева, Ивана, вывели въ Кострому. По удаленіи Татаръ, Дмитрій хотѣлъ было пробраться изъ Пскова въ Тверь, ибо Михаилъ не нарушилъ съ нимъ мира и не показавъ въ числѣ жалобщиковъ на него: самъ Дмитрій успѣлъ пробѣжать въ Тверь, но обозъ его былъ захваченъ Андреемъ и Новгородцами съ новымъ посадникомъ ихъ Андреемъ Климовичемъ, заступившимъ мѣсто Юрія Мишиновича, какъ видно, вслѣдствіе торжества городецкаго князя; Дмитрій принужденъ былъ просить мира у брата, который принялъ предложеніе: какъ видно, взявши

Владиміръ, Андрей уступилъ старшему брату опять Переяславль, ибо встрѣчаемъ извѣстіе, что Ѳеодоръ Ярославскій пожегъ этотъ городъ, вѣроятно съ досады, что долженъ былъ отступить отъ своего приобрѣтенія, и послѣ видимъ въ Переяславлѣ сына Дмитріева ³⁵¹; Волокъ возвращенъ Новгородцамъ. Но Дмитрій не достигъ своей отчины: онъ умеръ на дорогѣ въ Волокъ. въ 1294 году, погребенъ же, по обычаю, въ своемъ Переяславлѣ.

Андрей заступилъ мѣсто брата, и потому, при тогдашнихъ отношеніяхъ не могъ оставить другихъ князей въ покоѣ, ни самъ остаться отъ нихъ въ покоѣ. Мы видѣли, что и прежде Андрей былъ въ союзѣ съ княземъ Ѳеодоромъ Ярославскимъ: союзъ остался ненарушимымъ и теперь; на ихъ же сторонѣ стоялъ и князь Константинъ Ростовскій; но противъ этихъ тронхъ князей образовался другой союзъ также изъ тронхъ князей: Михаила Тверскаго, Данила Московскаго и Ивана Переяславскаго, который впрочемъ былъ въ это время въ Ордѣ и поручилъ защищать свою волость двумъ первымъ. Въ 1296 году, въ присутствіи ханскаго посла, князья собрались во Владимиръ для окончанія своихъ споровъ, но чуть-чуть дѣло не дошло до кровопролитія; владыка Симеонъ отвратилъ его, но не надолго: въ томъ же году Андрей, собравши большое войско, пошелъ къ Переяславлю; но Данилъ Московскій и Михаилъ Тверской заступили ему дорогу: битвы, по обычаю, не было, князья стали пересылаться и помирились. Въ 1301 году князья опять съѣхались въ Дмитровѣ: Андрей и Данилъ уладили свои дѣла, но Иванъ Переяславскій и Михаилъ Тверской разѣхались въ распрѣ—знакъ, что на этихъ новыхъ сѣздахъ каждый князь толковалъ отдѣльно о своихъ интересахъ, и уладивши дѣло съ однимъ, могъ не уладиться съ другимъ. Въ слѣдующемъ 1302 году произошло событіе, важное по своимъ слѣдствіямъ, и подавшее непосредственно поводъ къ новой борьбѣ между князьями: князь Иванъ Дмитріевичъ Переяславскій умеръ бездѣтнымъ: кому же должна была достаться его отчина, старшій удѣлъ въ племени Ярослава Всеволодовича? По старинѣ великій князь долженъ былъ распорядиться этою родоюю собственностію по общему совѣту со всѣми родичами, сдѣлать съ ними рядъ, по древнему выраженію. Но теперь на сѣверѣ смотрѣли на волости, удѣлы какъ на частную собственность, и каждый князь, какъ частный собственникъ, отдѣленный отъ рода,

считалъ себя въ правѣ завѣщать свою собственность кому хотѣлъ, и вотъ Иванъ Димитріевичъ завѣщаетъ Переяславль нимо старшаго дяди Андрея младшему Даниилу Московскому. Легко понять, какое значеніе это событіе имѣло въ то время, когда каждый князь стремился къ усиленію своего удѣла насчетъ другихъ: область княжества Московскаго увеличивалась цѣлою областью другаго княжества! ³⁵² великій князь Андрей не хотѣлъ позволить Даниилу воспользоваться завѣщаніемъ племянника и тотчасъ по смерти Ивана отправилъ въ Переяславль своихъ намѣстниковъ; но Даниилъ не думалъ уступать: онъ выгналъ намѣстниковъ Андреевыхъ и посадилъ своихъ; Андрей отправился въ Орду, вѣроятно, жаловаться хану. Въ слѣдующемъ 1303 году умеръ Даниилъ Александровичъ Московскій; старшій сынъ его Юрій былъ совершенно въ уровень своему времени: приобрѣтать и усиливаться во что бы то ни стало было главною его цѣлію, и когда Андрей возвратился изъ Орды съ ярлыками ханскими, то Юрій не уступилъ ему Переяславля ³⁵³, жители котораго хотѣли непременно имѣть его своимъ княземъ и, доставшись отцу его по завѣщанію, не толковали какъ нѣкогда Кіевляне, что не хотятъ доставаться по наслѣдству. Въ 1304 году умеръ Андрей; смерть его служила знакомъ къ борьбѣ между Москвою и Тверью.

Описавши борьбу между сыновьями Невскаго, обратимся къ событіямъ, происходившимъ въ другихъ княжествахъ. Въ Ростовѣ, по смерти князя Бориса Васильковича (1277 г.), взялъ опять нереветсь старый обычай: здѣсь сталъ княжить братъ покойнаго, Глѣбъ Васильковичъ Бѣлозерскій. Но Глѣбъ умеръ въ слѣдующемъ же 1278 году: онъ съ молодю, говоритъ лѣтописецъ, служилъ Татарамъ, и много христіанъ избавилъ отъ нихъ изъ плѣна; ему наслѣдовалъ въ Ростовѣ племянникъ отъ старшаго брата, Димитрій Борисовичъ, на Бѣлозерѣ остался княжить сынъ покойнаго Глѣба, Миханлъ. Димитрій Борисовичъ, по обычаю времени, захотѣлъ усилиться насчетъ этого младшаго двоюроднаго брата, и отнял у него волости съ грѣхомъ и неправдою, по выраженію лѣтописца; отъ двоюроднаго брата Димитрій скоро (1271 г.) перешелъ къ родному, Константину Борисовичу, княжившему съ нимъ вмѣстѣ въ Ростовѣ; была между ними крамола и вражда великая, говоритъ лѣтописецъ; быть можетъ эта вражда произошла въ слѣдствіе смерти углицкаго князя Романа Владиміровича (1269 г.),

не оставившаго наслѣдниковъ. Напрасно старался примирить ихъ Владыка Игнатій: Константинъ долженъ былъ выѣхать изъ Ростова, а Дмитрій сталъ собирать войско и укрѣплять городъ, боясь нападенія отъ брата. Тогда владыка Игнатій отправился къ великому князю Дмитрію Александровичу и упросилъ его пріѣхать въ Ростовъ: тотъ пріѣхалъ и помирилъ братьевъ. Въ 1287 году братья раздѣлились: старшій Дмитрій остался въ Ростовѣ, младшій Константинъ сѣлъ въ Угличѣ. Въ 1294 году умеръ князь Дмитрій Борисовичъ Ростовскій, мѣсто его занялъ братъ Константинъ Борисовичъ, оставивъ въ Угличѣ сына своего Александра.—Изъ другихъ князей племени Всеволода III упоминается подъ 1281 годомъ внукъ его князь Михаилъ Ивановичъ Стародубскій, дядя сыновьямъ Невскаго, но не могшій быть старшимъ ни по праву, потому что не былъ отчинникомъ, ни по силѣ.—Подъ 1278 годомъ упоминается внукъ Ярослава Всеволодовича, Давидъ Константиновичъ, князь галицкій и дмитровскій, онъ умеръ въ 1290 году.—Изъ князей суздальскихъ, сыновей Андрея Ярославича, Юрій Андреевичъ умеръ въ 1279 году, и его мѣсто занялъ братъ его Михаилъ.—Въ Рязани княжилъ Ѳедоръ, сынъ убитаго въ Орлѣ Романа; онъ умеръ въ 1294 году, и мѣсто его заступилъ братъ, Константинъ Романовичъ; третій Романовичъ, Ярославъ, князь пронскій, умеръ въ 1299 году. Въ 1278 году умеръ смоленскій князь Глѣбъ Ростиславичъ, мѣсто его занялъ братъ Михаилъ Ростиславичъ, но и этотъ умеръ въ слѣдующемъ 1279 году; тогда Смоленскъ перешелъ къ третьему Ростиславичу, Ѳеодору ярославскому; соединеніе двухъ княжествъ—смоленскаго и ярославскаго могло бы повести къ важнымъ слѣдствіямъ для сѣверной Руси при тогдашнихъ обстоятельствахъ, еслибъ географическое разъединеніе этихъ княжествъ въ самомъ началѣ не положило прѣпятствія ихъ политическому соединенію; племянникъ Ѳеодора отъ старшаго брата, Александръ Глѣбовичъ овладѣлъ Смоленскомъ подъ дякою: послѣдній въ 1298 году съ большимъ войскомъ пошелъ на Александра, долго стоялъ подъ смоленскомъ и бился крѣпко, но взять города не могъ и возвратился въ Ярославль безъ успѣха. Смоленское княжество удержало свою независимость: послѣ, въ 1301 году, видимъ здѣсь усобицы между Александромъ смоленскимъ и Андреемъ вяземскимъ: Александръ, вѣстѣ съ роднымъ братомъ Романомъ, осадилъ Дорогобужъ и

людямъ зла много сдѣлалъ, отнявши у нихъ воду, но Андрей вѣземскій подоспѣлъ на помощь къ дорогобужцамъ, и Александръ, раненый, потерявши сына, долженъ былъ съ большимъ урономъ отсунуть отъ города.—На судьбу обонхъ княжествъ, и рязанскаго и смоленскаго, въ описываемое время начало оказывать вліяніе сосѣднее имъ обонимъ срединное княжество на сѣверѣ, московское, гдѣ, какъ мы видѣли, княжилъ третій, младшій сынъ Невскаго, Данилъ, сперва бывшій въ союзѣ съ братомъ Андреемъ противъ старшаго Дмитрія, потомъ, когда Андрей сталъ в. княземъ, вооружившійся противъ него вмѣстѣ съ князьями тверскимъ и переяславскимъ. Кромѣ этого любопытнаго поведенія и пріобрѣтенія, по завѣщанію племянника, переяславскаго княжества, Данилъ замѣчательнъ еще тѣмъ, что въ 1301 году явился съ войскомъ у Переяславля Рязанскаго, одолѣлъ тамошняго князя Константина Романовича, перебилъ много бояръ и простыхъ людей, и наконецъ взялъ въ плѣнъ самого князя Константина какою-то хитростію, вслѣдствіе измѣны бояръ рязанскихъ; Данилъ, по словамъ лѣтописца ²³⁴, держалъ плѣнника своего въ чести, хотѣлъ укрѣпиться съ нимъ крестнымъ цѣлованіемъ и отпустить его въ Рязань. Сынъ Даниловъ, Юрій, въ самый годъ отцовской смерти отправился съ братьями на другое сосѣднее княжество, можайское: городъ взялъ, князи Святослава Глѣбовича привелъ плѣннымъ въ Москву. Такъ уже первые московскіе князья начинаютъ собирать русскую землю.—Въ Новгородѣ, послѣ торжества Андреева надъ братомъ, княжилъ сынъ в. князя Борисъ Андреевичъ; посадникъ Андрей былъ смѣненъ братомъ Семеномъ Ивановичемъ, неизвѣстно въ которомъ году; но въ 1303 году Семена смѣнилъ опять Андрей. Въ послѣдніе годы отношенія Новгорода къ в. князю Андрею, какъ видно, перемѣнились: до насъ дошелъ договоръ Новгородцевъ съ Михаиломъ Тверскимъ, въ которомъ этотъ князь, объявляя о союзѣ своемъ съ Даниломъ Московскимъ и Иваномъ Переяславскимъ, обязываетъ Новгородцевъ, чтобъ они помогали ему въ случаѣ притѣсненія отъ в. князя Андрея или отъ Татарина, или отъ кого-нибудь другаго; Новгородцы, съ своей стороны, обязываютъ Михаила, чтобъ онъ, въ случаѣ обиды Новгороду, защищалъ его вмѣстѣ съ братомъ своимъ Даниломъ ²³⁵.

Касательно вышнихъ отношеній въ описываемое время мы видѣли, что Татары опустошали сѣверную Русь, помогая враждую-

щимъ князьямъ, какъ прежде Половцы пустошили южную. Въ 1277 году русскіе князья: Андрей Городецкій, Глѣбъ Ростовскій съ сыномъ и племянникомъ, Ѳеодоръ Ярославскій, будучи въ Ордѣ у хана Менгу-Тимура, должны были вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ походъ противъ Ясовъ, взяли ихъ городъ Деяковъ, и возвратились съ честію и дарами отъ хана. Въ слѣдующемъ году Ѳеодоръ Ярославскій и Михаилъ, сынъ Глѣба Ростовскаго, ходили опять съ Татарами на войну. Въ томъ же году Татары приходили на Рязань, и надѣлавши много зла, возвратились домой. Черезъ десять лѣтъ встрѣчаемъ новое извѣстіе о нападеніи Татаръ на Рязань и Муромъ. Въ 1293 году былъ тяжекъ для Твери царевичъ татарскій; въ Ростовѣ въ 1290 г. жители встали вѣчемъ на Татаръ и разграбили ихъ.—На западѣ продолжалась прежняя борьба: Новгородцевъ со Шведами, Новгородцевъ и Псковичей съ Нѣмцами и Литвою. Въ 1283 году Шведы вошли Невомъ въ озеро Ладожское, перебили Новгородцевъ—Обонежскихъ купцовъ, Ладожане вышли къ нимъ на встрѣчу и бились, но, счастливо ли, неизвѣстно; въ слѣдующемъ году такое же новое покушеніе Шведовъ, хотѣвшихъ взять дань на Корелѣ; но на этотъ разъ Новгородцы и Ладожане встрѣтили враговъ въ устьѣ Невы, побили ихъ и заставили бѣжать. Въ 1292 году пришли Шведы въ числѣ 800 человекъ—400 пошли на Корелу, 400 на Ижору; но Ижора перебила своихъ, а Корела своихъ. Это были покушенія неважныя; но въ 1293 году Шведы обнаружили намѣреніе стать твердою ногою въ новгородскихъ владѣніяхъ, и построили городъ на корельской землѣ; небольшое новгородское войско съ смоленскимъ княземъ Романомъ Глѣбовичемъ подошло къ городу, но должно было отсупить отъ него по причинѣ оттепели и недостатка въ конскомъ кормѣ; въ 1295 году Шведы построили другой городъ на корельской же землѣ, но этотъ городъ Новгородцы раскопали, истребивши гарнизонъ шведскій. Шведы однако не отстали отъ своего намѣренія и въ 1300 году вошли въ Неву съ большою силою, привели мастеровъ изъ своей земли и изъ Пталіи, и поставили городъ при устьѣ Охты, утвердили его твердою несказанною, по словамъ лѣтописца, поставили въ немъ пороки и назвали въ похвалу *Вънцомъ земли* (Ландскрона); маршалъ Торкель Кнутсонъ, правившій Швеціею въ малолѣтство короля Биргера, самъ присутствовалъ при постройкѣ Ландскроны,

и оставилъ въ ней сильный гарнизонъ съ воеводою Стеномъ. Противъ такой опасности нужно было вооружиться всѣми силами, и вотъ въ слѣдующемъ году самъ великій князь Андрей съ полками новгородскими и новгородскими подступилъ къ Ландскронъ: городъ былъ взятъ, раскопанъ, гарнизонъ частью истребленъ, частью отведенъ въ неволю, Шведамъ не удалось утвердиться въ новгородскихъ владѣнiяхъ; также неудачна была и попытка Датчанъ изъ Ревеля поставить городъ на русской сторонѣ Наравы въ 1294 году: Новгородцы пожгли городъ, и въ 1302 году заключить быль миръ, за которымъ новгородскiе послы ѣздили въ Данию.— Псковъ продолжалъ бороться съ Ливонскимъ Орденомъ: въ 1298 году Довмонтъ въ другой разъ отбилъ отъ него Нѣмцевъ; это былъ послѣднiй его подвигъ: въ 1299 году онъ умеръ, много пострадавши (потрудившись) за св. Софію и за св. Троицу (т. е. за Новгородъ и за Псковъ)—лучшая похвала князю отъ лѣтописца: Литовскiй выходецъ сравнилъ его съ Мономахомъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Довмонтъ былъ милостивъ безмѣрно, священниковъ любилъ, церкви украшалъ, нищихъ милуялъ, всѣ праздники честно проводилъ, за сиротъ, вдовъ и всякихъ обиженныхъ заступался. Неприятельскiя дѣйствiя Литвы противъ новгородской области ограничались во описываемое время однимъ опустошенiемъ береговъ Ловати въ 1288 году; но въ слѣдующемъ году Литовцы напали на Олешню, церковную волость тверскаго владыки: Тверичи, Москвичи, Волочане, Новгородцы, Дмитровцы, Зубчане, Ржевичи, соединились, догнавши разбойниковъ, побили ихъ, отняли добычу, взяли въ плѣнъ князя. Съ финскими племенами продолжалась борьба съ прежнимъ характеромъ: въ 1292 году новгородскiе молодцы ходили съ княжими воеводами воевать емскую (Ямъ)землю, и пововавши ее, пришли всѣ поздорову; но въ описываемое время одно изъ ближайшихъ финскихъ племенъ, Корела, давно платившее дань Новгороду и еще до Татаръ покрещенное, стало возмущаться. Еще въ 1269 году князь Ярославъ Ярославичъ собирався идти на Корелу: но на этотъ разъ Новгородцы упростили его не ходить. Подъ 1278 годомъ встрѣчаемъ извѣстiе, что князь Дмитрiй Александровичъ съ Новгородцами и со всею низовскою землею казнилъ Корелявъ и взялъ землю ихъ на щить.

Князевъ югозападной Руси—Льва Даниловича Галицкаго и двоюроднаго брата его, Владимiра Васильковича Волынскаго, занимали

преимущественно отношенія польскія, литовскія и татарскія. Съ Болеславомъ Лешковичемъ Краковскимъ они помирились, и даже помогали ему въ войнѣ съ Болеславомъ Генриховичемъ Бреславскимъ (Силезскимъ). Мы видѣли, что Мазовія, по смерти Конрада, раздѣлилась между двумя его сыновьями, сначала между Казимиромъ и Болеславомъ, потомъ, по смерти послѣдняго, между Казимиромъ и Семовитомъ. Казимиръ, умершій въ 1267 году, оставилъ свою часть пяти сыновьямъ: Лешку Черному, Земомыслу, Владиславу Локетку, Семовиту и Казимиру; Семовитъ оставилъ свою часть двумъ сыновьямъ, Болеславу и Конраду. Съ послѣднимъ у волинскаго князя было враждебное столкновеніе по поводу Ятвяговъ: эти дикари изволновались было снова по смерти Дашила, но воеводы сыновей его, Льва и Мстислава, и племянника Владиміра заставили ихъ смириться; въ 1279 году былъ сильный голодъ по всей землѣ Русской и Польской, у Литвы и Ятвяговъ; послы ятвяжскіе пріѣхали къ князю Владиміру Волинскому и стали ему говорить: «Господинъ князь Владиміръ! пріѣхали мы къ тебѣ ото всѣхъ Ятвяговъ, понадѣясь на Бога и на твое здоровье; господинъ! не помори насъ, а перекорми, пошли къ намъ жито свое на продажу, мы съ радостію станемъ покупать, что хочешь, то и будемъ давать: воску, бѣлокъ, бѣбровъ, черныхъ кунницъ, серебро.» Владиміръ сжалился и послалъ къ нимъ жито изъ Бреста въ лодкахъ по Бугу съ людьми добрыми, кому вѣрилъ. Волинцы изъ Буга вошли въ Наревъ, поплыли по этой рѣкѣ, но когда остановились, ночевать подъ Полтовскомъ (Пултускомъ), то всѣ были перебиты, жито унесено, лодки потоплены. Владиміръ сталъ доискиваться, кто это сдѣлалъ, и послалъ сказать Конраду: «Подъ твоимъ городомъ перебиты мои люди: либо ты приказалъ ихъ убить, либо кто другой; ты долженъ знать, что дѣлается въ твоей землѣ, объяви мнѣ.»—Конрадъ заперся: «Самъ не билъ и другаго никого не знаю.» Но дядя его, Болеславъ Краковскій, бывшій въ ссорѣ съ племянникомъ, послалъ сказать Владиміру: «Конрадъ лжетъ, самъ избилъ твоихъ людей, перевѣдайся съ нимъ, осрамилъ онъ тебя, своей своей позоръ.» Владиміръ послушался и послалъ на Конрада войско, которое опустошило земли по сю сторону Вислы и взяло много плѣну; Конрадъ пришелъ просить мира у Владиміра, тотъ согласился, и началась между обоими князьями большая любовь: Владиміръ возвратилъ Конраду всю челядь, которую побрало его войско.

Смерть бездѣтнаго Болеслава Краковскаго, послѣдовавшая въ 1279 году, подала поводъ къ новымъ смутамъ. Болеславу наследовалъ старшій изъ двоюродныхъ племянниковъ, Лешко Черный, князь Мазовецкій—Сераджскій, сынъ Казимира Конрадовича, и это преимущество утверждено было избраніемъ краковской шляхты²⁵⁶. Левъ Даниловичъ Галицкій, не успѣвши получить Литвы послѣ брата, захотѣлъ попытаться, не успѣетъ ли овладѣть наследствомъ Болеслава Краковскаго, но бояре сильные, по выраженію лѣтописца, не дали ему земли. Тогда Левъ захотѣлъ, по крайней мѣрѣ, овладѣть нѣкоторыми порубежными городами, и послалъ просить войска у хана Ногай; тотъ исполнилъ его просьбу, и Левъ, съ татарскими полками и сыномъ Юріемъ, вступилъ въ польскія владѣнія, а братъ его Мстиславъ съ сыномъ Даниломъ, и двоюродный братъ Владиміръ Волинскій пошли туда же неволею татарокою. Левъ шелъ къ Кракову съ гордостью великою, говорить лѣтописецъ, но возвратился съ великимъ безчестіемъ, потому что при Гошличѣ, въ двухъ миляхъ отъ Сендомира, Поляки поразили его на голову; а въ слѣдующемъ 1281 году Лешко отплатилъ ему вторженіемъ въ галицкую область, гдѣ взялъ городъ Переворескъ (Пршеворскъ) и сжегъ его, перебивши всѣхъ жителей. Съ другой стороны Поляки вошли въ волинскія владѣнія у Бреста, взяли десять селъ и пошли назадъ; но жители Бреста, съ воеводою Титомъ, въ числѣ 70 человекъ, ударили на 200 Поляковъ, убили у нихъ 80 человекъ, другихъ взяли въ плѣнъ и возвратили все пограбленное. Скоро встала усобица между Семовитовичами Мазовецкими—извѣстнымъ намъ Конрадомъ и братомъ его Болеславомъ. Конрадъ обратился съ просьбою о помощи къ Владиміру Васильковичу Волинскому; тотъ принялъ къ сердцу его обиду и со слезами отвѣчалъ его восу: «Скажи брату: Богъ будетъ мстителемъ за твой позоръ, а я готовъ тебѣ на помощь,»—и дѣйствительно сталъ собираться на Болеслава; послалъ и къ племяннику Юрію Львовичу Холмскому за помощію, и тотъ отвѣчалъ: «Дядюшка! съ радостію бы пошелъ и самъ съ тобою, но некогда: ѣду въ Суздаль жениться, а съ собою беру не многихъ людей: такъ всѣ мои люди и бояре Богу на руки да тебѣ, когда тебѣ будетъ угодно, тогда съ ними и ступай.» Владиміръ собралъ рать и выступилъ къ Бресту, но прежде отправилъ къ Конраду посла, который, опасаясь невѣр-

ныхъ бояръ послѣдняго, сказалъ при нихъ князю: «Братъ твой Владиміръ велѣлъ тебѣ сказать: съ радостію бы помогъ тебѣ, да пользя: Татары иѣшають.» Сказавши это, посоль взялъ Конрада за руку и сильно пожалъ ее; князь догадался, вышелъ съ нимъ вонъ, и посоль началъ опять говорить: «Братъ велѣлъ тебѣ сказать: приготовляйся самъ и лодки приготовай на Вислѣ, рать у тебя будетъ завтра.» Ноирадъ сильно обрадовался, велѣлъ поскорѣе готовить лодки и самъ приготовился; рать волынская пришла, перевезлась черезъ Вислу, и пошла вмѣстѣ съ Конрадомъ во владѣнія Болеслава, гдѣ осадили городъ Гостинный. Конрадъ, ѣздя по полямъ, началъ говорить: «Братья моя, милая Русь! ступайте, бейтесь дружице!» Полки двинулись подъ стѣны, другіе стали неподвижно, оберегая товарищей отъ внезапнаго нападенія Поляковъ. Осажденные сыпали на русскихъ каменя, какъ градъ сильный, но тѣ ловко отстрѣльвались; дѣло дошло и до кошиа, и Поляки начали валиться со стѣнъ, какъ снопы, наконецъ городъ былъ взятъ; побѣдители захватили въ немъ много всякаго добра и плѣнныхъ, остальныхъ перебили, городъ обжигли и возвратились домой съ побѣдою и честью великою, потерявши только двухъ человекъ убитыми, но и тѣ были убиты не подъ городомъ, а въ наѣздѣ, одинъ былъ родомъ Пруссъ, а другой придворный слуга князя Владиміра, любимый его сынъ боярскій, Рахъ Михайловичъ. Когда войска шли мимо Сохачева (Сохочинъ), то князь Болеславъ выѣхалъ изъ этого города, чтобъ поймать кого-нибудь изъ неприятелей въ разгонѣ; князь Владиміръ наказывалъ своимъ воеводамъ не распускать войска, а идти всемъ вмѣстѣ къ городу; но тридцать человекъ отдѣлились отъ войска и поѣхали въ лѣсъ ловить челядь, которая скрылась тамъ изъ селъ; въ это время Болеславъ ударилъ на нихъ; все разбѣжалось, не побѣжали только двое—Рахъ съ Пруссомъ: послѣдній пустился на самого Болеслава, и былъ убитъ окружавшими князя; Рахъ убилъ знатнаго Обярина Болеславова, но также заплатилъ жизнію за свой подвигъ; они умерли мужественно, говорить лѣтописецъ, оставили до себѣ славу будущимъ вѣкамъ. Въ 1282 году два хана—Негай и Телебута пошли на Венгровъ съ огромнымъ войскомъ, велѣли идти съ собою и русскимъ князьямъ. Пользуясь этимъ, Болеславъ напалъ съ небольшою дружиною на русскія границы, взялъ нѣсколько селъ, и пошелъ назадъ, величаясь, какъ будто бы всю

землю завоевалъ. Левъ Даниловичъ, возвратясь изъ похода, прѣскалъ сказать Владиміру Васильковичу: «Братья! смеемъ съ себя позоръ, наведи Литву на Болеслава.» Владиміръ послалъ за Литвою и получилъ отвѣтъ: «Владиміръ, добрый князь, правдивый! можемъ за тебя свои головы сложить; если тебѣ любо, то мы готовы.» Левъ и Владиміръ, собравши полки, пошли къ Бресту, дожидаясь Литвы, но Литва не пришла къ сроку, и князья отпустили однихъ своихъ воеводъ, которые повоевали Болеславу землю, взяли безчисленное множество челяди, скота, коней. Послѣ пришли Литовцы къ Бресту, и стали говорить Владиміру: «Ты насъ подъялъ, такъ веди куда-нибудь, мы готовы, мы на то и пришли.» Князь сталъ думать, куда ихъ вести? своя рать ушла уже далеко, рѣки разливаются, и вспомнилъ, что Лешко Краковскій посылалъ Люблинцевъ, которые взяли одно пограничное волынское село; Владиміръ нѣсколько разъ ему напоминалъ, чтобъ онъ возвратилъ плѣнныхъ, но Лешко не возвратилъ, и за это теперь Владиміръ послалъ на него Литву, которая повоевала около Люблина и взяла множество плѣнныхъ. Скоро возвратились и русскіе воеводы изъ польскаго похода съ большою добычею; но Болеславъ все не переставалъ враждовать; Владиміръ съ племянникомъ Юріемъ опять собрали войско, опять привели Литву; Русскіе и Литовцы взяли у Болеслава Сохачевъ и возвратились назадъ съ большою добычею.

Съ литовскимъ княземъ Тройденомъ Владиміръ Васильковичъ воевалъ цѣлый 1274 годъ мелкою войною; потомъ Тройденъ взялъ городъ Дрогичинъ у Льва Даниловича; Левъ послалъ къ хану Менгу-Тимуру за помощью; Татары пришли, а это значило, что всѣ русскіе князья должны идти съ ними вмѣстѣ, и пошли на Литву—Левъ, Мстиславъ, Владиміръ, Романъ Брянскій съ сыномъ Олегомъ, Глѣбъ Смоленскій, князья пинскіе и туровскіе. Левъ съ Татарами пришелъ прежде всѣхъ къ Новогрудку, и не дожидаясь другихъ князей, взялъ окольный городъ; на другой день пришли остальные князья и стали сердиться на Льва, что безъ нихъ началъ дѣло; въ этихъ сердцахъ они не пошли дальше и возвратились отъ Новогрудка; волынскій князь звалъ тестя своего, Романа брянскаго, забѣжать къ нему во Владиміръ: «Господитъ батюшка! прїѣзжай, побудеши въ своемъ домѣ и дочери своей здорье увидиши.» Романъ отвѣчалъ: «Сынъ Владиміръ! не могу отъ

своего войска уѣхать, хожу въ землѣ ратной, кто проводитъ войско мое домой? Пусть вмѣсто меня ѣдетъ сынъ мой Олегъ.» Въ 1276 году толпы Пруссовъ, спасаясь отъ притѣсненій Ордена, явились къ литовскому князю съ просьбою о помѣщеніи: Тройденъ одну часть ихъ посадилъ въ Гроднѣ, а другую въ Слонимѣ. Владиміру и Льву это сосѣдство показалось опаснымъ; они послали рать свою къ Слониму и взяли Пруссовъ. За это Тройденъ послалъ воевать около Каменца (Литовскаго); Владиміръ отомстилъ ему взятіемъ Турійска Нѣманскаго. Борьба на этотъ разъ кончилась, и лѣтописецъ говоритъ, что оба князя—Тройденъ и Владиміръ начали жить въ большой любви. Но послѣдній, какъ видно, не полагался на долговременность этого мира, и сталъ думать, гдѣ бы поставить городъ за Брестомъ. Въ этомъ раздумьи онъ взялъ книги пророческія и разогнулъ ихъ на слѣдующемъ мѣстѣ: «Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя... и созиждутъ пустыня вѣчная, запустѣвшая прежде, воздвигнути города пусты, запустѣвшая отъ рода.» Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, уразумѣлъ къ себѣ милость Божию, и началъ искать мѣста, гдѣ бы поставить городъ, для чего послалъ мужа искуснаго, именемъ Алексу, съ туземцами на челнахъ вверхъ по рѣкѣ Лоснѣ; Алекса нашель удобное мѣсто и объявилъ объ этомъ князю, который самъ отправился на берега Лосны и заложилъ городъ, названный Каменцомъ, потому что почва была каменистая ²⁵⁷.

На этотъ разъ Татары не дали русскимъ и литовскимъ князьямъ пожить въ мирѣ; въ 1277 году Ногай прислалъ къ русскимъ князьямъ грамоту: «Вы все мнѣ жалуетесь на Литву, такъ вотъ вамъ войско и съ воеводою, ступайте съ нимъ на своихъ враговъ.» Зимой пошли рускіе князья—Мстиславъ, Владиміръ и Юрій Львовичъ на Литву къ Новогрудку; но когда пришли они къ Бресту, то получили вѣсть, что Татары опередили ихъ; тогда князья стали думать: «что намъ идти къ Новогрудку? тамъ Татары все уже извоевали; пойдемъ куда-нибудь къ цѣлому мѣсту»—и пошли къ Гродну. Минувши Волковыйскъ, они остановились ночевать, и тутъ Мстиславъ съ Юріемъ, тайкомъ отъ Владиміра послали лучшихъ своихъ бояръ и слугъ съ воеводою Тюймою воевать окрестную страну. Тѣ повоевавши, расположились также на ночлегъ, вдалекѣ отъ главной рати, сторожей не разставили и доспѣхи сняли. Тогда одинъ переметчикъ убѣжалъ отъ

нихъ прямо въ городъ, и объявилъ жителямъ: «тамъ-то и тамъ-то на селѣ люди лежатъ безо всякаго порядка.» Прусы и Борты выѣхали изъ города и ударили на сонныхъ Русскихъ: половину избѣли, другую повели плѣнными въ городъ, а Тюйму повесали на саняхъ, потому что былъ тяжело раненъ. На другой день, когда главная рать подошла къ городу, приближалъ къ ней одинъ изъ посланныхъ съ Тюймюю, нагъ и босъ, и объявилъ о поражениі своихъ; князья погоревавши начали промышлять, какъ бы взять городъ: передъ нимъ стояла высокая каменная башня, гдѣ заперлись Прусы и стрѣльбою своею никакъ не давали приблизиться къ городу; Русскіе поэтому приступили сперва къ башнѣ и взяли ее; тогда страхъ напалъ на горожанъ; они стояли какъ мертвые на забралахъ, потому что вся ихъ надежда была на башню, стали рядиться съ осаждающими и порѣшили на томъ, что Русскіе не будутъ брать города, за что осажденные выдали имъ всѣхъ бояръ, взятыхъ въ плѣнъ ночью.

Татары же водили русскихъ князей и на Полюковъ въ 1287 году: Телебуга послалъ звать съ собою въ походъ всѣхъ князей волынскихъ и заднѣпровскихъ. Князья, каждый на границѣ своей волости, встрѣчали хана съ напитками и дарами; они боялись, что Татары перебьютъ ихъ и города возьмутъ себѣ. Этого не случилось, но насиліемъ татарскимъ въ городахъ и по волости не было конца. Телебуга, отправившись въ Польшу, оставилъ около Владимира отрядъ Татаръ кормить любимыхъ коней своихъ; эти Татары опустошили всю землю владимирскую, не давали никому выйти изъ города за съѣстными припасами: кто выйдетъ, тотъ непременно будетъ или убитъ, или схваченъ, или ограбленъ, и отъ того въ городѣ Владимирѣ померло людей безчисленное множество. Пробывши десять дней въ Польшѣ, Телебуга на возвратномъ пути остановился въ галицкомъ княжествѣ на двѣ недѣли, и опустошилъ его точно также какъ Татары его опустошили волынское.

Въ то время еще, когда Телебуга былъ на Волыни, тамошній князь Владимиръ, уже давно страдавшій тяжелою болѣзнію (гниеніемъ нижней челюсти), почувствовалъ, что становится ему гораздо хуже, и послалъ сказать двоюродному брату своему, Мстиславу Даниловичу Луцкому: «Братъ! ты видишь мою немощь, а дѣтей у меня нѣтъ; такъ даю тебѣ, брату своему, землю свою

всю и города, но смерти своей, и даю это тебѣ при ханѣ и его вельможахъ.» Послалъ также сказать и другому двоюродному брату Льву и племяннику Юрію: «Объявляю вамъ, что я отдалъ брату Мстиславу землю свою и города.» Левъ отвѣчалъ Владимиру: «и хорошо сдѣлалъ, что отдалъ; мнѣ развѣ искать подъ нимъ послѣ твоей смерти? всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, а мнѣ далъ бы только Богъ и своимъ княжествомъ управить въ нынѣшнее время.» Потомъ Мстиславъ послалъ сказать брату Льву и племяннику: «Братъ Владиміръ отдалъ мнѣ землю свою и города; если чего захочешь искать по смерти брата Владиміра, такъ скажи лучше теперь, когда здѣсь ханъ.» Левъ не отвѣчалъ на это ни слова. Телебуга пошелъ въ Польшу со всѣми князьями и съ Владиміромъ; но послѣдній долженъ былъ воротиться съ дороги, потому что жалко было смотрѣть на него. Пробывъ нѣсколько дней во Владиміръ, онъ началъ говорить княгинѣ и боярамъ: «Хотѣлось бы мнѣ поѣхать въ Любомль³⁵⁸, потому что погань эта (Татары) сильно мнѣ опротивѣла; я человекъ больной, нельзя мнѣ съ ними толковать, пусть вмѣсто меня остается здѣсь епископъ Маркъ.» Князь поѣхалъ въ Любомль съ княгиней и слугами придворными, изъ Любомля въ Брестъ, а изъ Бреста въ Каменецъ (Литовскій), гдѣ и слегъ въ постель, говоря княгинѣ и слугамъ: «Когда эта погань выйдетъ изъ земли, то поѣдемъ въ Любомль.» Черезъ нѣсколько дней пріѣхали къ нему слуги, бывшіе въ Польшѣ на войнѣ съ Татарами; онъ сталъ спрашивать ихъ о Телебугѣ, пошелъ ли онъ назадъ изъ Польши? тѣ отвѣчали что пошелъ;— «А братъ мой Левъ, и Мстиславъ, и племянникъ здоровы ли?» тѣ отвѣчали, что всѣ здоровы, бояре и слуги, при чемъ сказали, что Мстиславъ уже роздаетъ своимъ боярамъ города и села волыскія. Владиміръ очень разсердился и сталъ говорить: «Я лежу боленъ, а братъ придалъ мнѣ еще болѣзни; я еще живъ, а онъ уже роздаетъ города мои и села; могъ бы подождать, когда умру.» И отправилъ посла къ Мстиславу съ жалобою: «Братъ! вѣдь ты меня ни на полону взялъ, ни копьемъ добылъ, ни ратью выбилъ меня изъ городовъ моихъ—что такъ со мною поступаешь! ты мнѣ братъ, но вѣдь есть у меня и другой братъ Левъ, и племянникъ Юрій; изъ васъ трѣихъ я выбралъ тебя одного и отдалъ тебѣ свою землю и города, по своей смерти, а пока живъ, тебѣ не вступаться ни во что; я такъ распорядился, отдалъ тебѣ землю за гордость

брата Льва и племянника Юрія.» Мстиславъ сѣвшиль успокоить больнаго: «Братъ и господинь! велѣль онъ отвѣчать ему: земля Божія и твоя и города твои, и я надъ ними не воленъ, самъ я въ твоей волѣ, и дай мнѣ Богъ имѣть тебя какъ отца и служить тебѣ со всею правдою до смерти, чтобъ ты, господинь, здоровъ былъ, а мнѣ главная надежда на тебя.» Эта рѣчь была любя Владиміру, онъ успокоился и поѣхалъ въ Рай-городъ²⁵⁹; здѣсь онъ началъ говорить княгинѣ: «Хочу послать за братомъ Мстиславомъ, урядиться съ нимъ о землѣ и о городахъ, и о тебѣ, княгиня моя милая Ольга, и объ этомъ ребенкѣ Изяславѣ, которую люблю какъ дочь родную; Богъ, за грѣхи мои, не далъ мнѣ дѣтей, такъ эта была мнѣ вмѣсто родной, потому что взялъ ее отъ матери въ пеленахъ и вскормилъ.» За Мстиславомъ послали, и когда онъ вѣхалъ, то Владиміръ поднялся съ постели, сѣлъ и сталъ его спрашивать про походъ; Мстиславъ разсказалъ ему все по порядку, какъ было, и когда пришелъ къ себѣ на подворье, то Владиміръ послалъ епископа и двухъ бояръ сказать ему: «Братъ! я за тѣмъ тебя призывалъ, что хочу урядиться съ тобою о землѣ и о городахъ, о княгинѣ своей и о ребенкѣ Изяславѣ, хочу грамоты писать.» Мстиславъ отвѣчалъ: «Братъ и господинь! Я развѣ хотѣлъ искать твоей земли по твоей смерти? Самъ ты прислалъ ко мнѣ въ Польшу объявить, что отказываешь мнѣ свою землю;—если хочешь грамоты писать, то пиши какъ Богу либо и тебѣ.» Епископъ возвратился съ этимъ отвѣтомъ, и Владиміръ велѣлъ писцу писать грамоты: въ одной отказалъ Мстиславу всю свою землю и города; въ другой отказалъ женѣ своей городъ Кобринъ съ нѣсколькими селами и монастырь Апостольскій съ селами же. «А княгиня моя, сказано въ концѣ грамоты, захочетъ идти въ монастырь послѣ меня, пусть идетъ, а не захочетъ, то какъ ей любо: мнѣ вѣдь не смотрѣть вставши изъ гроба, что кто станетъ дѣлать по моей смерти.»

Когда грамоты были написаны, Владиміръ послалъ сказать Мстиславу: «цѣлуй крестъ на томъ, что не отнимешь ничего у княгини моей и у ребенка Изяславы, не отдашь ее неволею ни за кого, но за кого захочетъ княгиня моя, за того отдашь.» Мстиславъ поцѣловалъ крестъ, послѣ чего поѣхалъ во Владиміръ, въ Богородичную церковь, куда созваны были бояре и граждане, Русскіе и Нѣмцы; передъ ними прочли Владимірову духовную, въ кото-

рой отказана была вся земля Мстиславу, и епископъ благословилъ послѣдняго крестомъ воздвизальнымъ на княженіе; Мстиславъ уже хотѣлъ начать послѣ этого княжить, но опять былъ остановленъ больнымъ (Владиміромъ, который велѣлъ ему дожидать до своей кочины. Мстиславъ отиравился въ свою Луцкую волость, а Владиміръ изъ Рая переѣхалъ въ Любомль, гдѣ лежалъ больной всю зиму, рассылая слугъ своихъ на охоту, потому что былъ страстный охотникъ и храбрый: завидитъ вепри или медвѣдя—не станеть дожидаться слугъ, самъ убьетъ всякаго звѣря. Но больному князю не дали успокоиться; какъ наступило лѣто, прислалъ къ нему Конрадъ Семовитовичъ Мазовецкій: «Братъ и господинъ! велѣлъ сказать ему Конрадъ: ты былъ мнѣ вмѣсто отца, держалъ подъ своею рукою, своею милостью; тобою я княжилъ и города свои держалъ, отъ брата отступился и былъ грозенъ; а теперь, господинъ! слышалъ я, что ты отказалъ свои земли брату своему Мстиславу: такъ послалъ бы ты къ нему своего посла вмѣстѣ съ мной, чтобъ и онъ принялъ меня подъ свою руку, и стоялъ бы за меня, какъ ты.» Владиміръ исполнилъ желаніе Конрада, послалъ къ Мстиславу, и тотъ обѣщался не давать въ обиду мазовецкаго князя и, если случится, голову свою за него сложить. Мстиславу хотѣлось также видѣться лично съ Конрадомъ; тотъ согласился съ радостію, заѣхалъ сперва къ Владиміру, въ Любомль, гдѣ горько плакалъ, увидѣвши, какъ болѣзнь истощила красивое тѣло князя волинскаго; оттуда поѣхалъ къ Мстиславу, который встрѣтилъ его съ боярами и слугами своими, и принялъ съ честію и любовію подъ свою руку, сказавши: «Какъ тебя братъ мой Владиміръ честилъ и дарилъ, такъ дай Богъ и мнѣ честить тебя и дарить и стоять за тебя, когда кто-нибудь тебя обидитъ.» Потомъ князья начали веселиться: Мстиславъ одарилъ Конрада конями красивыми въ сбѣлахъ дивныхъ, платьемъ дорогимъ и другими дарами многими, и такъ съ честію отпустилъ его.

За Конрадомъ явился къ больному Владиміру другой гость: прислалъ князь Юрій Львовичъ посла своего сказать дядѣ: «Господинъ дядюшка! Богъ знаетъ и ты знаешь, какъ я служилъ тебѣ со всею правдою, почиталъ я тебя какъ отца; чтобъ тебѣ склаться за мою службу? теперь отецъ прислалъ ко мнѣ, отнимаетъ у меня города, что прежде далъ — Бѣльзъ, Червень и Холмъ, а

велить мнѣ быть въ Дрогичинѣ и Мельникѣ³⁰⁰; бью челомъ Богу и тебѣ: дай мнѣ, господинъ дядюшка, Брестъ.» Владиміръ велѣлъ отвѣчать ему: «Племянникъ! не дамъ: самъ знаешь, что я не двурѣчивъ и не лгунъ, не могу нарушить договора, что заключилъ съ братомъ Мстиславомъ: далъ ему всю землю и всѣ города, и грамоты написалъ.» Отправивши съ этимъ отвѣтомъ Юрьева посла, Владиміръ отрядилъ къ брату Мстиславу вѣрнаго слугу своего Ратьшу съ такимъ наказомъ: «Присылаю ко мнѣ племянникъ Юрій просить Бреста, но я не далъ ему ни города, ни села», и взявши изъ-подъ ностели клокъ соломы, прибавилъ: «не давай и такого клона соломы никому послѣ моей смерти.» Мстиславъ велѣлъ отвѣчать ему: «Ты мнѣ и братъ, ты мнѣ и отецъ Данило Король, когда принялъ меня подъ свои руки: что ни велишь мнѣ, все съ радостію исполню.» Но этимъ дѣло не кончилось: чрезъ нѣсколько времени вошли слуги и объявили больному: «Владыка, господинъ, пріѣхалъ.»—«Какой владыка?» спросилъ Владиміръ:—«Перемышльскій Мемнонъ, отъ брата твоего Льва пріѣхалъ.»—Догадался Владиміръ, за чѣмъ пріѣхалъ владыка, но дѣлать нечего, велѣлъ позвать: владыка вошелъ, поклонился князю до земли, приложивъ: «Братъ тебѣ кланяется», сѣлъ и началъ править посольство: «Братъ твой велѣлъ тебѣ сказать, господинъ: дядя твой Данило король, а мой отецъ лежитъ въ Холмѣ у св. Богородицы, и сыновья его, братья мои и твои, Романъ и Шварнъ, и всѣхъ кости тутъ лежатъ; а теперь, братъ, слышалъ я про твою болѣзнь тяжкую: чтобъ тебѣ, братецъ, не погаситъ свѣчи надъ гробомъ дяди своего и братьи своей, дать бы тебѣ свой городъ Брестъ? То бы твоя свѣча была.» Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, разумѣлъ всякія притчи и темныя слова, и началъ съ епископомъ длинный разговоръ отъ книгъ, потому что былъ книжникъ большой и философъ, какого не было во всей землѣ, да и по немъ не будетъ; наконецъ отпустилъ епископа къ брату съ такими словами: «Братъ Левъ! что ты думаешь, что я уже изъ ума выжили и не пойму твоей хитрости? мало тебѣ твоей земли, что еще Береста захотѣлъ, когда самъ три княженья держишь: галицкое, перемышльское и бѣльзское, и того все мало? Мой отецъ, а твой дядя лежитъ у св. Богородицы во Владиміръ, а много ль ты надъ нимъ свѣчь поставилъ? какой городъ далъ, чтобъ свѣча была? Сперва просилъ ты живымъ, а теперь уже мертвымъ просишь; не

дамъ не только города, села у меня не выпросишь, разумѣю я твою хитрость, не дамъ.»

Волость свою Владиміръ отдалъ брату; что же касается движимаго имѣнія, то еще будучи на ногахъ, роздалъ его бѣднымъ: золото, серебро, камни драгоценные, пояса отцовскіе и свои, золотые и серебряные, все роздалъ; блюда большія серебряныя кубки золотыя и серебряныя самъ предъ глазами своими побилъ и полилъ въ гривны, полилъ и монасты, большія золотыя бабки и матери своей, и разослалъ милостыню по всей землѣ; и стада роздалъ убогимъ людямъ, у кого лошадей нѣтъ, кто потерялъ ихъ во время Телебугина нашествія. Владиміръ умеръ въ 1288 году, послѣ двадцатилѣтняго княженія. Княгиня и слуги придворные обмыли тѣло, обвили бархатомъ съ кружевами, какъ слѣдуетъ хоронить царей, и положивши на сани (10-го декабря), повезли во Владиміръ; граждане отъ мала до велика съ громкимъ плачемъ проводили своего господина. Привезши во Владиміръ вечеромъ того же дня, на другой день похоронили въ соборной Богородичной церкви, при чемъ княгиня причитала: «Царь мой добрый, кроткій, смиренный, правдивый! въ правду назвали тебя въ крещеніи Иваномъ, всякими добродѣтелями похожъ ты былъ на него: много досадъ принималъ ты отъ сродниковъ своихъ, но не видала я, чтобы ты отомстилъ имъ злою за зло»; а бояре причитали: «хорошо бы намъ было съ тобою умереть: какъ дѣдъ твой Ромашъ, ты освободилъ насъ отъ всякихъ обидъ, поревновалъ ты дѣду своему и наследовалъ путь его; а ужъ теперь нельзя намъ больше тебя видѣть: солнце наше зашло и остались мы въ обидѣ»³⁶¹. Такъ плакали надъ нимъ множество владимірцевъ, мужчины, женщины и дѣти, Нѣмцы, Сурожцы, Новгородцы; Жиды плакали точно такъ, какъ отцы ихъ, вѣдомые въ плѣтъ вавилонскій.

Мстиславъ, пріѣхавши послѣ похоронъ и поплакавши надъ братнимъ гробомъ, сѣвшилъ разослать засады (гарнизоны) по всѣмъ городамъ, боясь Льва и Юрія. Страхъ его не былъ напрасенъ; на югѣ не всѣ такъ охотно исполняли заповѣданія князей своихъ какъ на сѣверѣ, и Мстиславу дали знать, что Юрьева дружина уже сидитъ въ трехъ городахъ: Брестѣ, Каменцѣ (Литовскомъ) и Бѣльскѣ³⁶². Еще во время болѣзни Владиміровой жители Бреста отказались признать своимъ княземъ Юрія, и тотъ сейчасъ же послѣ дядиной смерти, пріѣхалъ въ Брестъ и сталъ здѣсь княжить. Но

богаре мстиславовы, старыя дупкіе и новыя владимирскіе, начали говорить своему князю: «Господишь! племянникъ осрамилъ тебя, отнял то, что далъ тебѣ Богъ, братъ, молитва отцовая и дѣдовская; можешь и съ дѣтми положить за тебя свои головы, ступай, возьми сначала Юрьевы города — Бѣльзъ и Червезь, а потомъ пойдешь къ Бресту.» Мстиславъ отвѣчалъ: «не дай мнѣ Богъ пролить кровь невинную; я исправлю дѣло Божье и благословеніемъ брата своего Владимира», — и послалъ сказать племяннику: «Племянникъ! добро бы ты не былъ самъ на томъ пути и ничего не слышалъ: а то самъ слышалъ и отецъ твой и вся рать слышала, что братъ Владимиръ отдалъ мнѣ землю свою и города всѣ, при ханѣ и при его вельможахъ, и мы оба, я и Владимиръ, вамъ объ этомъ объявляли; если ты чего хотѣлъ, то почему тогда ничего не сказалъ мнѣ при ханѣ? Теперь объяви мнѣ: самъ ли ты съѣлъ въ Брестѣ своею волею, или по приказанію отца своего? не на мнѣ будетъ кровь, а на виноватомъ; я пошлю за Татарами, а ты сиди пожалуй, не пойдешь добромъ, такъ зломъ пойдешь.» Потомъ отправилъ епископа владимирскаго къ брату Льву сказать ему; «Жалуюсь Богу и тебѣ, потому что ты мнѣ больше всѣхъ по Богѣ, братъ ты мнѣ старшій; скажи мнѣ правду: своею ли волею съѣлъ твой съѣлъ въ Брестѣ, или по твоему приказанію? Если по твоему приказанію, то объявляю тебѣ прямо: я послалъ за Татарами и самъ собираю войско; какъ меня Богъ съ вами рассудитъ.» Левъ испугался, потому что еще у него не сошла оскомина послѣ Талобугина нашествія, говорить лѣтописецъ, и велѣлъ отвѣчать брату: «Сынъ мой это сдѣлалъ безъ моего вѣдома, своимъ молодымъ умомъ, и объ этомъ, братецъ, не беспокойся, я пошлю къ нему, чтобы онъ выѣхалъ изъ Бреста.» И дѣйствительно послалъ сказать Юрію: «Ступай вонъ изъ города, не погуби земли: братъ послалъ за Татарами; если же не пойдешь, то я самъ буду помогать брату на тебя, и отрѣшу тебя отъ наслѣдства, все отдамъ брату Мстиславу, если меня, отца своего, не послушаешься.» Юрія похалъ изъ Бреста, съ большимъ позоромъ, взявши съ собою главныхъ крамольниковъ, которыхъ поклялся не выдавать дядѣ, пограбивши всѣ дома дядины, и не осталось ни на намятъ ни въ Брестѣ, ни въ Каменцѣ, ни въ Бѣльскѣ. Мстиславъ пріѣхалъ въ Брестъ и наказалъ его жителей тѣмъ, что заставилъ ихъ содержать ловчихъ княжескихъ, и тѣмъ, что извѣстіе о крамодахъ ихъ велѣлъ внести въ лѣтопись.

Покончивъ такъ удачно съ родственниками, Мстиславъ былъ одинаково счастливъ и въ отношеніяхъ литовскихъ: двое тамошнихъ князей отдали ему свой городъ Волковыйскъ, чтобъ только былъ съ ними въ мирѣ. Со стороны Польши не могло быть также никакой опасности: въ то время, когда Конрадъ Семовитовичъ Мазовецкій былъ въ Луцкѣ у Мстислава, въ Люблинъ къ больному Владиміру пріѣхалъ Ляхъ изъ Люблина и объявилъ, что ищетъ Конрада, потому что Лешко Черный Краковскій умеръ, и Люблинцы послали за Конрадомъ, хотятъ, чтобъ онъ явился въ Краковъ. Владиміръ велѣлъ дать гонцу свѣжую лошадь, и онъ нагналъ Конрада во Владимирѣ; тотъ сильно обрадовался краковскому княженію, и взявши у Владиміра воеводу волынского Дуная, чтобъ было почетнѣе пріѣхать въ Люблинъ, немедленно отправился туда, но нашелъ ворота городскія запертыми. Остановившись въ монастырѣ, онъ послалъ сказать гражданамъ: «Зачѣмъ же вы привели меня, когда теперь городъ передо мною затворили?» Тѣ отвѣчали: «Мы тебя не приводили и не посылали за тобой, голова намъ Краковъ: тамъ воеводы наши и бояре большіе; если станешь княжить въ Краковѣ, то и мы будемъ твои.» Послѣ этого вдругъ разнеслась вѣсть, что рать идетъ литовская къ городу: Конрадъ перенолошился, и вбѣжалъ въ башню къ монахамъ; на оказалось, что рать была не литовская, а русская: привелъ ее князь Юрій Львовичъ, хотѣвшій овладѣть Люблиномъ, но граждане не приняли и его, стояли вооруженные на стѣнахъ и кричали ему: «Князь! плохо ѣдишь, рать съ тобою малая, придетъ Ляховъ много, позоръ тебѣ будетъ большой.» Юрій долженъ былъ удовольствоваться опустошеніемъ окрестностей краковскихъ, и отправился назадъ съ добычею; поѣхалъ назадъ и Конрадъ Мазовецкій, взявши себѣ позоръ великій, такъ что лучше было бы ему умереть, говорить лѣтописецъ.

Шляхта краковская позвала къ себѣ на престолъ старшаго брата его, Болеслава Семовитовича; но княженіе Болеслава не могло быть продолжительно и спокойно, ибо если прежде въ Польшѣ на княжескія отношенія обнаруживали сильное вліяніе вельможи и прелаты, то теперь сюда присоединилось третье сословіе, не туземное, какъ въ Европѣ западной такъ-называемое среднее сословіе, выступившее тогда на сцену вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, но иностранное, нѣмецкое. Нѣмцы краковскіе, сендомирскіе и

изъ другихъ городовъ, которымъ не понравился новый князь Болеславъ, обратили свои взеры на Генриха IV, князя силезскаго-вратиславскаго (бреславскаго). Пяста, но совершенно оубьмеченаго, который сочинялъ нѣмецкія любовныя пѣсни (Minnelieder) и былъ вассаломъ нѣмецкаго императора. Генрихъ принялъ предложеніе краковскихъ гражданъ, часть шляхты приняла также его сторону и онъ уснѣлъ выгнать Болеслава. Но тотъ не думалъ еще уступать ему: онъ собралъ войско и призвалъ на помощь роднаго брата Конрада и двоюроднаго Владислава Локетка, собственно законнаго наследника Кракову по родномъ братѣ своемъ, Лешкѣ Черномъ. Мазовецкіе князья пошли на Генриха, и тотъ выѣхалъ въ Бреславль, поручивши охранять краковскую крѣпость Нѣмцамъ лучшимъ мужамъ овоимъ, задобривъ ихъ обѣщаніями даровъ и волостей и оставя имъ много съѣстныхъ припасовъ. Нѣмцы объявили, что сложать за него свои головы, а крѣпости не сдадутъ, и сдержали слово: Болеславъ вошелъ въ городъ (посады), но крѣпости взять не могъ; при этомъ граждане отказались биться съ крѣпостнымъ гарнизономъ, говоря: «Кто будетъ княжить въ Краковѣ, тотъ нашъ и князь.» Цѣлое дѣто стояли мазовецкіе князья подъ крѣпостью; наконецъ на помощь къ нимъ явился Левъ Давидовичъ галицкій, сталъ ѣздить около крѣпости, страшая гарнизонъ, но приступить ни откуда нельзя было: вся она была каменная, утверждена пороками и самострѣлами, большими и малыми, которые поворачивались во всѣ стороны. Видя невозможность взять крѣпость, Левъ послалъ войско въ Силезію къ Бреславлю, истребить наследственную волость Генрихову, и галицкая рать взяла множество добычи, потому что никакое другое войско до нея не входило такъ глубоко въ эту область. Удовольствовавшись этимъ, Левъ окончилъ походъ и поѣхалъ на свиданіе къ чешскому королю Вячеславу; очень вѣроятно, что при этомъ свиданіи была рѣчь и уговоръ насчетъ краковского княжества, ибо когда по смерти Генриха силезскаго (1290 г.) за Краковъ подняли вражду Пршемыславъ Великопольскій, внукъ Владислава Одоича, съ Владиславомъ Локеткомъ мазовецкимъ, Краковцы послали къ Вячеславу съ предложеніемъ ему короны, и Вячеславъ согласился принять ее. Ни Пршемыславъ Великопольскій, ни Владиславъ Локеткъ мазовецкій не хотѣли сначала отказаться отъ правъ своихъ въ пользу чужеземца, слѣдствіемъ чего была усобица: кому изъ

нихъ помогали русскіе князья—Левъ и Мстиславъ Даниловичи — неизвѣстно; извѣстно только то, что они, во время этой усобицы входили въ сендомирскую землю и опустошили ее ³⁶². Наконецъ, по смерти Пршемыслава, Вячеславу чешскому удалось утвердиться въ Краковѣ: Пясты, княжившіе въ другихъ польскихъ областяхъ, должны были признать свою зависимость отъ него, какъ отъ короля всей Польши, а самъ Вячеславъ былъ вассалъ императора вѣмецкаго (1300) ³⁶⁴.

Кромѣ потомковъ Романа Великаго, на западной сторонѣ Днѣпра упоминаются еще другіе князья изъ другихъ племенъ: такъ подъ 1289 годомъ упоминается Юрій, князь поросскій, служившій волынскимъ князьямъ — Владиміру и потомъ Мстиславу; подъ 1292 годомъ помѣщены извѣстія о смерти пинскаго князя Юрія Владиміровича, и степанскаго ³⁶⁵ князя Ивана Глѣбовича, послѣ котораго сталъ княжить сынъ его Владиміръ.

Изъ князей на восточной сторонѣ Днѣпра мы встрѣтили опять Романа брянскаго съ сыномъ Олегомъ; этотъ Романъ извѣстенъ не по одной борьбѣ своей съ Литвою: въ 1286 году онъ приходилъ подъ Смоленскъ, пожегъ окрестности, посадъ, приступалъ къ крѣпости, но не взявши ее, ушелъ прочь. Изъ другихъ черниговскихъ Ольговичей упоминается Олегъ князь рыльскій и волгорскій, и Святославъ, князь липецкій, по поводу слѣдующаго происшествія. Былъ въ Курскѣ ханскій баскакъ, именованъ Ахматъ, сынъ Теміровъ; онъ откупалъ въ Ордѣ всякія дани курскаго княжества, и тяжело было отъ него и князьямъ, и чернымъ людямъ; мало того — онъ построилъ себѣ двѣ большія слободы во владѣніяхъ князя Олега рыльскаго и волгорскаго и князя Святослава липецкаго. Олегъ и Святославъ были родственники между собою, но, какъ обыкновенно тогда водилось, то жили въ мирѣ, то воевали другъ съ другомъ; нападали они и на Ахматовы слободы, враждовали съ нимъ, и опять мирились, такъ что въ Ордѣ ничего объ этомъ не знали. Но скоро князьямъ нельзя стало болѣе терпѣть у себя этихъ слободъ, которыхъ народонаселеніе увеличилось бѣглецами отовсюду, и окрестнымъ жителямъ стало отъ нихъ уже слишкомъ тяжело. Олегъ и Святославъ начали думать, какъ помочь злу, и рѣшили, чтобъ Олегъ шелъ съ жалобою въ Орду, къ Телебугѣ. Ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу князей, велѣлъ имъ разорить слободы, и жителей ихъ вывести въ свою волость; князья

исполнили приказъ ханскій. Тогда Ахмать, вида, что Телебуга приналь сторону русскихъ князей, обратился съ жалобою на нихъ къ сопернику Телебугину, Ногаю: «Князь Олегъ и родственникъ его, князь Святославъ, говорилъ онъ Ногаю, именемъ только князя, а на самомъ дѣлѣ разбойники, и тебѣ непріятели; если не вѣришь, то испытай: есть въ Олеговой волости много ловищъ лебединныхъ: ты пошли своихъ сокольниковъ, пусть наловятъ тебѣ лебедей, и князь Олегъ пусть съ ними же ловить, а потомъ пусть они позовутъ его къ тебѣ: если Олегъ послушается, придетъ къ тебѣ, то я солгалъ, а Олегъ правъ.» Ногай сдѣлалъ по Ахматову, послалъ звать къ себѣ Олега, и тотъ не пошелъ: онъ боялся, что хотя самъ онъ и не грабилъ слободъ Ахматовыхъ, но люди его и князь Святославъ липецкій грабили; къ этому можно прибавить также, что пойти къ Ногаю, признать надъ собою его судъ и власть, значило рассердить Телебугу. Сокольники возвратились и объявили Ногаю, что Ахмать правъ, а Олегъ съ Святославомъ разбойничаютъ и не слушаются хана. Ногай рассердился и послалъ вмѣстѣ съ Ахматомъ войско для опустошенія волости Олеговой и Святославовой. Татары пришли къ городу Ворголу въ январѣ мѣсяцѣ, въ сильную стужу; Олегъ, услыхавъ о Ногаевой рати, бросился бѣжать въ Орду къ своему хану Телебугѣ съ женою и дѣтьми, а Святославъ побѣжалъ въ разанское княжество, въ гѣса воронежскіе; бояре Олеговы побѣжали было въ слѣдъ за своимъ княземъ, но были перехвачены Татарами, въ числѣ одиннадцати человекъ. Двадцать дней стояли Татары въ рыльскомъ и липецкомъ княжествахъ, воюя повсюду, и складывая добычу въ слободахъ Ахматовыхъ, которыя наполнились людьми и скотомъ и всякимъ богатствомъ. Въ числѣ плѣнниковъ находились и купцы иностранные, нѣмецкіе и цареградскіе, которыхъ привели закованыхъ въ желѣза нѣмецкіа; но Татары, узнавши, что они купцы, освободили ихъ, и отдали имъ все товары, сказавши: «Вы купцы торгуете, ходите по всякимъ землямъ, такъ рассказывайте всюду, что бываетъ тому, кто станетъ спорить съ своимъ баскакомъ.» Бояре Олеговыхъ Ахмать велѣлъ перебить и трупы ихъ развѣшать по деревьямъ, а въ слободахъ оставилъ двухъ своихъ братьевъ, съ отрядомъ войска изъ Татаръ и Русскихъ.

Въ слѣдующемъ году по веснѣ случилось обоимъ братьямъ Ахматовымъ идти изъ одной слободы въ другую, а съ ними шло 35

человѣкъ Русскихъ, слугъ ихъ. Липецкій князь Святославъ, услышавъ объ этомъ, подстерегъ ихъ съ своими боярами и дружиною, ударилъ нечаянно, убилъ 25 человекъ Русскихъ да двухъ Татаръ, а братья Ахматовы успѣли убѣжать въ слободу; Святославъ преслѣдовалъ ихъ и туда, но слобожане встрѣтили его съ оружіемъ и съ обѣихъ сторонъ пало много людей въ бою. Братья Ахматовы побоялись однако оставаться долѣе въ слободѣ, и побѣжали въ Курскъ къ брату, а за ними разбѣжались и всѣ остальные слобожане. Ахматъ прислалъ къ Святославу съ миромъ, но тотъ убилъ посла. Въ это время возвратился изъ Орды отъ Телебуги князь Олегъ рыльскій, сдѣлалъ поминки по боярамъ своимъ и всѣмъ побитымъ, послѣ чего послалъ сказать Святославу: «что это ты, братъ сдѣлалъ! правду нашу погубилъ, наложилъ на себя и на меня ния разбойничье, знаешь обычай татарскій, да и у насъ на Руси разбойниковъ не любятъ, ступай въ Орду, отвѣчай.» Святославъ велѣлъ сказать ему на это: «Изъ чего ты хлопочешь? какое тебѣ до меня дѣло? я самъ знаю про себя; что хочу, то и дѣлаю; а что баскаковы слободы грабилъ, въ томъ я правъ, не человекъ я обидѣлъ, а звѣря; врагамъ своимъ отомстилъ; не буду отвѣчать ни передъ Богомъ, ни передъ людьми въ томъ, что поганыхъ кровопійцевъ избилъ.» Олегъ послалъ опять сказать ему: «мы цѣловали съ тобою крестъ, что ходитъ намъ по одной думѣ обонимъ; когда рать была, то ты со мною къ царю не бѣжалъ, остался въ Руси, спрятался въ воронежскихъ лѣсахъ, чтобъ послѣ разбойничать; а теперъ погубилъ и мою и свою правду, нейдешь ни къ своему царю, ни къ Ногаю на неправу, такъ какъ тебя со мною Богъ рассудитъ.» Объявивши войну Святославу, Олегъ отправился въ Орду, пришелъ оттуда съ толпою Татаръ и убилъ Святослава. Мѣсто послѣдняго занялъ братъ его Александръ; онъ не могъ стерпѣть, чтобы не отомстить за брата, пошелъ въ Орду съ богатыми дарами, и взявши отъ хана войско, убилъ князя Олега Рыльского съ двумя сыновьями. Лѣтописецъ говоритъ о своемъ разсказѣ, что въ немъ пропущено много подробностей, потому что и малая эта повѣсть можетъ исторгнуть слезы у разумнаго человекъна.

Г Л А В А V.

Борьба между Москвою и Тверью, до кончины великаго князя Иоанна Даниловича Калиты.

(1304—1341).

Соперничество между Михаилом Ярославичем Тверским и Юрием Даниловичем Московским.— Борьба за Переяславль.— Юрий увеличивает свою волость.— Наступательныя движенія Твери на Москву.— Борьба Новгорода съ Михаилом.— Юрий женится на сестрѣ ханской и воюетъ съ Михаиломъ, который побѣждаетъ его.— Жена Юрія умираетъ въ плѣну тверскомъ.— Вызовъ Михаила въ Орду и убіеніе его.— Юрий получаетъ ярлыкъ на великое княженіе.— Дмитрій Михайловичъ Тверской усиливается противъ него въ Ордѣ.— Дмитрій убиваетъ Юрія и самъ убитъ по ханскому приказу.— Ханъ отдаетъ великое княженіе брату Дмитріеву, Александру Михайловичу.— Событія въ другихъ княжествахъ.— Продолженіе борьбы у Новгорода со Шведами, у Пскова съ ливонскими Нѣмцами.— Набѣгъ Литвы.— Война Новгородцевъ съ Устюжанами.— Иоаннъ Даниловичъ Калита княжитъ въ Москвѣ.— Митрополитъ Петръ утверждаетъ свой престолъ въ Москвѣ.— Истребленіе Татаръ въ Твери.— Калита съ Татарами опустошаетъ тверское княжество.— Александръ спасается сперва въ Псковъ, а потомъ въ Литвѣ.— Онъ мирится съ ханомъ и возвращается въ Тверь.— Возобновленіе борьбы между Александромъ и Калитою.— Александръ вызывается въ Орду и умерщвляется тамъ.— Московскій князь примышляетъ къ своей волости.— Судьба Ростова и Твери.— Событія въ другихъ сѣверныхъ княжествахъ.— Событія въ Новгородѣ и Псковѣ.— Смерть Калиты и его духовныя грамоты.— Усиленіе Литвы на западъ.— Поляки овладѣваютъ Галичемъ.— Событія на восточной сторонѣ Днѣпра.

По смерти Андрея Александровича, по прежнему обычаю, старшинство принадлежало Михаилу Ярославичу тверскому ³⁶⁷, потому что онъ былъ внукомъ Ярослава Всеволодовича, а Юрій Да-

ниловичъ Московскій правнукомъ, и отецъ его Данилъ не держалъ старшинства. Но мы уже видѣли, что мѣсто родовыхъ споровъ между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрій Московскій былъ также силенъ, если еще не сильнѣе Михайла Тверскаго, и потому считалъ себя въ правѣ быть ему соперникомъ. Когда Михайлъ отправился въ Орду за ярлыкомъ, то и Юрій поѣхалъ туда же. Когда онъ былъ въ Владимирѣ, митрополитъ Максимъ уговаривалъ его не ходить въ Орду, не спорить съ Михайломъ, ставилъ себя и тверскую княгиню, мать Михайлову, поручаючи, что Михайлъ дастъ ему волости, какія только захочетъ ³⁶⁸. Юрій отвѣчалъ: «Я иду въ Орду такъ, по своимъ дѣламъ, а вовсе не искать великаго княженія.» Онъ оставилъ въ Москвѣ брата своего Ивана, а другаго Бориса отправилъ въ Кострому: но здѣсь Борисъ былъ схваченъ тверскими боярами, которые хотѣли перехватить и самого Юрія на дорогѣ, но тотъ пробрался другимъ путемъ. Опасность грозила Переяславлю, и князь Иванъ Даниловичъ переѣхалъ изъ Москвы сюда оборонять отцовское пріобрѣтеніе отъ Тверичей. Ему дали тайно вѣсть изъ Твери, что хотятъ оттуда придти внезапно подъ Переяславль съ войскомъ, и дѣйствительно подъ городомъ скоро явились тверскіе полки подъ начальствомъ боярина Акинеа ³⁶⁹. Этотъ Акинеъ былъ прежде бояриномъ у великаго князя Андрея Александровича Городецкаго, по смерти котораго вмѣстѣ съ другими боярами перешелъ въ Москву; но туда же пришелъ тогда на службу знаменитый кievскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ съ сыномъ и привелъ собственный дворъ, состоявшій изъ 1,700 человекъ; московскіе князья обрадовались такому слугѣ и дали ему первое мѣсто между своими боярами. Но этимъ оскорбился Акинеъ, отѣхалъ къ Михайлу Тверскому и теперь спланилъ отомстить Даниловичамъ Московскимъ за свое безчестіе. Онъ три дня держалъ Ивана въ осаду; но на четвертый день явился на выручку Родіонъ изъ Москвы, зашелъ Тверичамъ въ тылъ; Иванъ въ то же время сдѣлалъ вылазку изъ города, и непріятель потерпѣлъ совершенное пораженіе; Родіонъ собственноручно убилъ Акинеа, взоткнулъ голову его на копье, и поднесъ князю Ивану съ такими словами: «Вотъ, господинъ, твоего измѣнника, а моего мѣстника голова» ³⁷⁰.

Между тѣмъ въ Ордѣ рѣшился споръ между князьями другимъ образомъ: когда Юрій пріѣхалъ въ Орду, то князья татарскіе

сказали ему: «Если ты дашь *выходу* (дани) больше князя Михаила Тверскаго, то мы дадимъ тебѣ великое княженіе. Юрій обѣщаль дать больше Михаила, но тотъ надбавилъ еще больше, Юрій отказался и Михаилъ получилъ ярлыкъ ²⁷¹. Въ 1305 году Михаилъ возвратился изъ Орды, и узнавъ о смерти боярина своего Акиноа, пошелъ на Юрія; чѣмъ кончилась эта война, на какихъ условіяхъ помирились соперники, неизвѣстно; но извѣстно, что послѣ этого Юрій Московскій началъ стремиться къ усиленію своей волости, не разбирая средствъ; онъ убилъ язанскаго князя, плѣннаго отцемъ его Даниломъ, и удержалъ за собою Коломну, и въ томъ же году встрѣчаемъ извѣстіе объ отбѣздѣ братьевъ Юріевыхъ изъ Москвы въ Тверь. Черезъ два года (1308) Михаилъ опять пошелъ къ Москвѣ, бился подъ ея стѣнами, надѣлалъ много зла, но ушелъ, не взявши города. Подъ 1312 годомъ находимъ въ лѣтописяхъ трудное для объясненія извѣстіе, что двѣнадцатилѣтній сынъ Михаила тверскаго, Дмитрій, отправился въ походъ на Нижній Новгородъ, на князя Юрія, но во Владимирѣ былъ удержанъ отъ своего намѣренія митрополитомъ Петромъ, и распустилъ войско ²⁷².

До сихъ поръ мы видѣли наступательныя движенія на Москву со стороны Твери; но въ 1313 году дѣла перемѣнились: ханъ Тохта умеръ, престолъ ханскій занялъ молодой племянникъ его Узбекъ, и Михаилъ спѣшилъ въ Орду взять ярлыкъ отъ новаго хана; этимъ отсутствіемъ рѣшились воспользоваться Новгородцы, чтобъ съ помощію московскаго князя избавиться отъ притѣсненій тверскаго. Уже давно сѣверные князья, по примѣру родоначальника своего, Всеволода III. стремились привести Новгородъ въ свою волю, и только соперничеству между ними послѣдній былъ обязанъ продленіемъ своего быта. Когда по смерти Андрея Александровича, оба князья соперника—и московскій и тверской отправились въ Орду, Тверичи хотѣли силою ввести въ Новгородъ намѣстниковъ своего князя; но послѣдніе не были приняты Новгородцами, которые немедленно отправили рать оберегать Торжокъ на случай нападенія Тверичей; тверскіе полки дѣйствительно явились у Торжка, но не рѣшились напасть, потому что Новгородцы собрали всю свою землю противъ нихъ; наконецъ положено было, что Новгородцы на свободѣ будутъ дожидаться ханскаго рѣшенія, признаютъ своимъ княземъ того изъ соперниковъ.

кто привезетъ ярлыкъ на владимірское княжество. Ярлыкъ привезъ Михаилъ, и Новгородцы въ 1308 году посадили его у себя на столѣ на обычныхъ условіяхъ ³⁷³. Однако въ самомъ началѣ мы уже встрѣчаемъ повторительныя договорныя грамоты новгородцевъ съ Михаиломъ, и въ ихъ числѣ находится слѣдующая жалоба новгородцевъ на двоихъ волостелей ³⁷⁴: «Князь великій Андрей и весь Новгородъ дали Феодору Михайловичу городъ стольный Псковъ, и онъ ѣлъ хлѣбъ; а какъ пошла рать, то онъ отъѣхалъ, городъ бросилъ, новгородскаго и псковскаго поклона не послушалъ, да еще пріѣхавши въ село, новгородскую волость пусту положилъ, братью нашу испродалъ. Тебѣ, князь, не кормить его новгородскимъ хлѣбомъ, кормить его у себя, а за села его мы деньги ему отдадимъ. Бориса Константиновича кормилъ Новгородъ Корелю, а онъ Корелю всю истерялъ и за Нѣмцевъ загналъ, да и на Новгородѣ бралъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Какъ будешь въ Новгородѣ у отца своего владыки и у своихъ мужей, то намъ съ нимъ судъ передъ тобою, Господинъ, и теперь серебра не вели ему брать. И тебѣ, Господинъ, новгородскимъ хлѣбомъ не кормить его, пусть выѣдетъ изъ новгородской волости, а за села его деньги отдадимъ.» Четыре года впрочемъ прошли мирно; на пятый встала ссора: Михаилъ вывелъ своихъ намѣстниковъ, захватилъ Торжокъ, Бѣжецкъ со всѣми волостями и остановилъ подвозъ хлѣба, что всего хуже было для новгородцевъ; весною, въ распутье, отправили они владыку Давыда въ Тверь, и тотъ успѣлъ заключить миръ: Михаилъ *отворилъ ворота* для обозовъ, и прислалъ опять своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ, взявши съ него за миръ 1,500 гривенъ серебра. Легко догадаться, что тверскіе намѣстники не стали воздерживать послѣ этого, было отъ нихъ новгородцамъ много обидъ и нужды, и вотъ въ 1314 году, въ отсутствіе Михаила, новгородцы послали въ Москву звать къ себѣ князя Юрія. Тотъ отправилъ къ нимъ свачала князя Феодора Ржевскаго, который перехваталъ тверскихъ намѣстниковъ, и пошелъ съ новгородскими полками къ Волгѣ, куда на встрѣчу вышелъ къ нему сынъ Михайловъ Дмитрій съ тверскою ратью. Битвы впрочемъ не было: простоявши до морозовъ у Волги, новгородцы заключили миръ съ Дмитриемъ и послали въ другой разъ въ Москву звать къ себѣ князя Юрія на всей волѣ новгородской; Юрій на этотъ разъ пріѣхалъ самъ

вѣсть съ братомъ Аѳанасіемъ и рады были новгородцы своему хотѣнію, говорить ихъ лѣтописецъ.

Не долго радовались новгородцы: ханъ прислалъ звать Юрія въ Орду, и тотъ поѣхалъ, вѣсть съ послами новгородскими ³⁷⁵, оставивъ въ Новгородѣ брата Аѳанасія; тогда же пришла вѣсть, что Михаилъ идетъ въ Русь, вѣдетъ съ собою Татаръ. Новгородцы не могли теперь ждать отъ него милости, и рѣшились защищаться силою: князь Аѳанасій вышелъ съ полками къ Торжку, и стоялъ здѣсь шесть недѣль, чтобъ пережить вѣсть; вѣсть пришла, что Михаилъ со всею Низовою землею и Татарами идетъ на Новгородъ. На этотъ разъ дѣло не обошлось безъ битвы, и битва была злая: Новгородцы потеряли много мужей добрыхъ, бояръ и купцовъ, и потерпѣли совершенное пораженіе: князь Аѳанасій съ остаткомъ рати затворился въ Торжкѣ, куда побѣдитель прислалъ сказать Новгородцамъ: «Выдайте мнѣ Аѳанасія и Ѳедора Ржевскаго, такъ я съ вами миръ заключу.» Новгородцы отвѣчали: «Не выдаемъ Аѳанасія, но помремъ всѣ честно за св. Софію!» Михаилъ прислалъ опять, требовалъ выдачи по крайней мѣрѣ одного Ѳедора Ржевскаго; Новгородцы сперва не соглашались, но потомъ по неволѣ выдали его, кромѣ того заплатили Михаилу 50,000 гривенъ серебра ³⁷⁶ (по другимъ извѣстіямъ только 5000) ³⁷⁷, и заключили миръ. Но Михаилъ, несмотря на мирное постановленіе, призвавши къ себѣ князя Аѳанасія и бояръ новгородскихъ, перехваталъ ихъ и отправилъ заложниками въ Тверь, на жителей Торжка наложилъ окупъ, сколько кто могъ заплатить за себя, отобралъ у нихъ все оружіе, и тогда отправилъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ, гдѣ посадничество дано было Семену Климовичу; но по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, Михаилъ далъ посадничество изъ своей руки Михаилу Климовичу и Ивану Димитріевичу. Заключенъ былъ договоръ: «Что сталося между княземъ и Новгородомъ, какое розрѣшеніе, что въ эту замятню взято въ княжой волости, или у намѣстниковъ или у пословъ или гостинный товаръ, или купеческій, или въ церквахъ, или у котораго боярина, и повсей, волости, то все князь отложилъ; а что взято новгородскаго товара по всей волости, того всего Новгороду не поминать. Которыя села или люди новгородскіе заложились въ эту замятню за князя и за княгиню, или за дѣтей ихъ и бояръ, или кто купилъ села—тотъ возьметъ свои деньги, а села отойдутъ Новгороду, по прежней грамотѣ»

владыки Феоктиста, что утвердилъ въ Твери. Что взято холоду по всей волости новгородской, то поидеть къ Новгороду, безъ окупа. Князю великому Михаилу и боярамъ его не наводить рати на Новгородъ ни за что, гостя не задерживать въ суздальской землѣ, нигдѣ; а за все это взять князю у Новгорода 12,000 серебра, а что взято у заложниковъ, то поидеть въ счетъ этихъ 12,000; брать эти деньги въ низовый вѣсъ, въ четыре срока; а когда князь все серебро возьметъ, то всѣхъ заложниковъ долженъ отпустить. Нелюбье князь отложилъ отъ Новгорода и отъ Пскова и отъ всѣхъ пригородовъ, и недругамъ своимъ мстить не будетъ; Новгороду держать княженье безъ обиды, а князю великому держать Новгородъ безъ обиды, по старинѣ; оная сѣлъ князь великій Михаилъ на Феоктистовой грамотѣ, которую утвердилъ съ владыкою и послами новгородскими въ Твери. Если Новгородъ заплатитъ все серебро, 12,000, то великій князь долженъ изрѣзать двѣ прежнія грамоты, одну, которая утверждена была въ Городцѣ, на Волгѣ, и другую новоторжскую, что утвердили въ Торжкѣ.

Договоръ не былъ исполненъ; Новгородцы отправили пословъ къ хану жаловаться на Михаила, но Тверичи поймали пословъ и привели ихъ въ Тверь; въ 1316 году намѣстники Михайловы выѣхали изъ Новгорода, по другимъ извѣстіямъ, были выгнаны ²⁷⁹, и Михаилъ отправился къ Новгороду со всею низовскою землею, а Новгородцы сдѣлали острогъ около города по обѣ стороны, и къ нимъ на помощь сошлась вся волость: Псковичи, Ладожане, Рүшане, Корела, Ижора, Вожане, схватили какого-то Игната Бѣска, били его на вѣчѣ, и сбросили съ моста въ Волховъ, подозревая, что онъ держитъ перевѣтъ къ Михаилу, но правда ли это—Богъ одинъ знаетъ, по замѣчанію лѣтописца; тогда же убить былъ и Данилко Писцовъ своимъ холопомъ, который донесъ горожанамъ, что гдсподинъ посылалъ его съ грамотами къ князю Михаилу. Между тѣмъ Михаилъ приближался съ войскомъ и сталъ въ 50 верстахъ отъ города ²⁸⁰; но собственная болѣзнь, моръ на лошадей, вѣсти о враждебныхъ намѣреніяхъ Юрія московскаго заставили его отступить ²⁸¹, и отступление было гибельно: тверскіе ратники заблудились въ озерахъ и болотахъ, начали мереть отъ голода, ѣли конину, оружіе свое пожгли или побросали, и пришли пѣшкомъ домой. Въ надеждѣ, что эта бѣда сдѣлаетъ Михаила уступчивымъ, Новгородцы, въ слѣдующемъ 1317 году, от-

правили къ нему владыку Давыда съ мольбою отпустить на окупъ новгородскихъ заложниковъ; но Михаилъ не послушалъ просьбы архіепископской; ему, какъ видно, нужно было имѣть въ рукахъ новгородскихъ заложниковъ въ предстоящей борьбѣ съ Юріемъ московскимъ.

Юрій не даромъ жилъ въ Ордѣ; онъ не только оправдался въ обвиненіяхъ Михайловыхъ, но умѣлъ сблизиться съ семействомъ хана и женился на сестрѣ его, Кончакѣ, которую при крещеніи назвали Агаеію. Ханскій зять возвратился въ Русь съ сильными послани татарами, изъ которыхъ главнымъ былъ Кавгадый; одинъ Татаринъ отправился въ Новгородъ звать на Михаила его жителей; но послѣдніе, еще не зная, гдѣ князь Юрій, заключили съ Михаиломъ договоръ въ Торжкѣ, по которому обязались не вступаться ни за одного изъ соперниковъ, послѣ чего тверской князь, собравши войско и снесшись съ другими князьями, пошелъ къ Костромѣ навстрѣчу Юрію; долго соперники стояли на берегу Волги, наконецъ заключили договоръ, въ содержаніи котораго источники разногласятъ: по однимъ извѣстіямъ Юрій уступилъ великое княженіе Михаилу³⁸², по другимъ, наоборотъ, Михаилъ уступилъ его Юрію³⁸³. Какъ бы то ни было, дѣло этимъ не кончилось; Михаилъ, возвратясь въ Тверь, сталъ укрѣплять этотъ городъ, ожидая, какъ видно, къ себѣ врага, и дѣйствительно Юрій остался въ Костромѣ, собирая отовсюду войска. Когда пришли къ нему князья суздальскіе и другіе, то онъ двинулся изъ Костромы къ Ростову, изъ Ростова пошелъ къ Переяславу, изъ Переяслава къ Дмитрову, изъ Дмитрова къ Клину; а Новгородцы уже дожидались его въ Торжкѣ. Наконецъ войска Юріевы пошли въ тверскую волость и сильно опустошили ее; послы кавгадые ѣздили въ Тверь къ Михаилу, съ лестію, по выраженію лѣтописца, но мира не было, и въ 40 верстахъ отъ Твери при селѣ Бортевѣ произошелъ сильный бой, въ которомъ Михаилъ остался побѣдителемъ; Юрій съ небольшою дружиною успѣлъ убѣжать въ Новгородъ, но жена его, братъ Борисъ, многіе князья и бояре остались плѣнными въ рукахъ побѣдителя. Кавгадый, видя торжество тверскаго князя, велѣлъ дружинѣ своей бросить стяги и ѣхать въ станъ, а на другой день послалъ къ Михаилу съ мирными предложеніями, и поѣхалъ къ нему въ Тверь. Михаилъ принялъ его съ честію, и Татары стали говорить ему: «Мы съ этихъ

норъ твои, да и приходили мы на тебя съ княземъ Юріемъ безъ ханскаго приказа, виноваты и боимся отъ хана опалы, что такое дѣло сдѣлали и много крови пролили.» Князь Михаилъ повѣрилъ имъ, одарилъ и отпустилъ съ честію.

Между тѣмъ Юрій явился опять у Волги, и съ нимъ весь Новгородъ и Псковъ съ владыкою своимъ Давыдомъ: понятно, что Новгородъ долженъ былъ вступить за Юрія, не ожидая себѣ добра отъ усиленія Михайлова. Тверской князь вышелъ къ не-пріятелю навстрѣчу, но битвы не было: заключили договоръ, по которому оба соперника обязались идти въ Орду и тамъ рѣшить свои споры; Михаилъ обязался также освободить жену Юріеву и брата; Новгородцы заключили съ нимъ особый договоръ, какъ съ постороннимъ владѣльцемъ ²⁸⁴ (1317 г.). Но жена Юріева не возвратилась въ Москву: она умерла въ Твери, и пронесся слухъ, что ее отравили. Этотъ слухъ былъ выгоденъ Юрію и опасенъ для Михаила въ Ордѣ, и когда тверской князь отправилъ въ Москву посла Александра Марковича съ мирными предложеніями, то Юрій убилъ посла и поѣхалъ въ Орду съ Кавгадыемъ, со многими князьми, боярами и новгородцами.

Начальникомъ всего зла лѣтописецъ называетъ Кавгадыя: по Кавгадыеву совѣту Юрій пошелъ въ Орду, Кавгадыя наклеветалъ хану на Михаила, и разсерженный Узбекъ велѣлъ схватить сына Михайлова, Константина, посланнаго отцемъ передъ собою въ Орду; ханъ велѣлъ было умерить голодомъ молодаго князя, но нѣкоторые вельможи замѣтили ему, что если онъ умертвитъ сына, то отецъ никогда не явится въ Орду, и Узбекъ приказалъ выпустить Константина. Что же касается до Кавгадыя, то онъ боялся присутствія Михайлова въ Ордѣ, и послалъ толпу Татаръ перехватить его на дорогѣ и убить; но это не удалось; чтобъ воспрепятствовать другимъ способомъ пріѣзду Михайлову, Кавгадыя сталъ говорить хану, что тверской князь никогда не пріѣдетъ въ Орду, что нечего его дожидаться, а надобно послать на него войско. Но въ августѣ 1318 года Михаилъ отправился въ Орду, и когда былъ во Владимірѣ, то явился туда къ нему посоль изъ Орды, именемъ Ахмылъ и сказалъ ему: «Зоветь тебя ханъ, поѣзжай скорѣе, поспѣвай въ мѣсяцъ; если же не пріѣдешь къ сроку, то уже назначена рать на тебя и на города твои: Кавгадыя обнесъ тебя передъ ханомъ, сказалъ, что не бывать тебѣ въ Ордѣ.» Бояре

стали говорить Михаилу: «Одинъ сынъ твой въ Ордѣ, пошли еще другаго.» Сыновья его, Дмитрій и Александръ, также говорили ему: «Батюшка! Не ѣзди въ Орду самъ, но пошли кого-нибудь изъ насъ, хану тебя оклеветали, подожди, пока гибѣе его пройдетъ.» Михаилъ отвѣчалъ имъ: «Ханъ зоветъ не васъ, и никого другаго, а моей головы хочеть; не поѣду, такъ вотчина моя вся будетъ опустошена и множество христіанъ избито; послѣ когда-нибудь надобно же умирать, такъ лучше теперь положу душу мою за многія души.» Давши рядъ сыновьямъ, раздѣливъ имъ отчину свою, написавши грамоту, Михаилъ отправился въ Орду, настигъ хана на устьѣ Дона, по обычаю отнесъ подарки всѣмъ князьямъ ордынскимъ, женамъ ханскимъ, самому хану, и полтора мѣсяца жилъ спокойно; ханъ далъ ему пристава, чтобъ никто не смѣлъ обижать его. Наконецъ Узбекъ вспомнилъ о дѣлѣ и сказалъ князьямъ своимъ: «Вы мнѣ говорили на князя Михаила: такъ рассудите его съ московскимъ княземъ, и скажите мнѣ, кто правъ и кто виноватъ.» Начался судъ; два раза приводили Михаила въ собраніе вельможъ ордынскихъ, гдѣ читали ему грамоты обвинительныя: «Ты былъ гордъ и непокорливъ хану нашему, ты позорилъ посла ханскаго Кавгадыя, бился съ нимъ и Татаръ его побилъ, дани ханскія бралъ себѣ, хотѣлъ бѣжать къ Нѣмцамъ съ казною, и казну въ Римъ къ папѣ отпустилъ, княгиню Юрьеву отравилъ.» Михаилъ защищался; но судьи стояли явно за Юрія и Кавгадыя, при чемъ послѣдній былъ вмѣстѣ и обвинителемъ и судьей. Въ другой разъ Михаила привели на судъ уже связаннаго; потомъ отобрали у него платье, отогнали бояръ, слугъ и духовника, наложили на шею тяжелую колоду и повели за ханомъ, который ѣхалъ на охоту; по ночамъ руки у Михаила забивали въ колодки, и такъ какъ онъ постоянно читалъ псалтирь, то отрокъ сидѣлъ передъ нимъ и перевертывалъ листы. Орда остановилась за рѣкою Терекомъ, на рѣкѣ Севенцѣ, подъ городомъ Дедаковымъ, недалеко отъ Дербента. На дорогѣ отроки говорили Михаилу: «Князья Проводники и лошади готовы, бѣги въ горы, спаси жизнь свою.» Михаилъ отказался: «Если я одинъ спасусь, говоритъ онъ, а людей своихъ оставлю въ бѣдѣ, то какая мнѣ будетъ слава?» Уже двадцать четыре дня Михаилъ терпѣлъ всякую нужду, какъ однажды Кавгадый велѣлъ привести его на торгъ, созвалъ воѣхъ земнодавцевъ, велѣлъ поставить князя передъ собою на колѣна, ве-

личался и говорить много досадныхъ словъ Михаилу, потомъ сказа-
залъ ему: «Знай, Михайло! Таковъ ханскій обычай: если ханъ раз-
сердится на кого и изъ родственниковъ своихъ, то также велитъ
держатъ его въ колодеѣ, а потомъ, когда гнѣвъ минетъ, то воз-
вращаетъ ему прежнюю честь; такъ и тебя завтра или послѣ зав-
тра освободятъ отъ всей этой тяжести, и въ большей чести бу-
дешь»;—послѣ чего обратясь къ сторожамъ, прибавилъ: «Зачѣмъ
не снимете съ него колоды?» Тѣ отвѣчали: «Завтра или послѣ
завтра снимемъ, какъ ты говоришь.»—«Ну, по крайней мѣрѣ, под-
держите колоду, чтобъ ни отдавила ему плечъ», сказалъ на это
Кавгадый, и одинъ изъ сторожей сталъ поддерживать колоду. На-
ругавшись такимъ образомъ надъ Михаиломъ, Кавгадый велѣлъ
отвести его прочь; но тотъ захотѣлъ отдохнуть и велѣлъ отро-
камъ ³⁸⁵ своимъ подать себѣ стулъ; около него собралась боль-
шая толпа Грековъ, Нѣмцевъ, Литвы и Руси: тогда одинъ изъ
приближенныхъ сказалъ ему: «Господинъ князь! Видишь, сколько
народа стоитъ и смотритъ на позоръ твой, а прежде они слыха-
ли, что былъ ты княземъ въ землѣ своей; пошелъ бы ты въ свою
вежу.» Михайлъ всталъ и пошелъ домой. Съ тѣхъ поръ на гла-
закъ его были всегда слезы, потому что онъ предугадывалъ свою
участь. Прошелъ еще день, и Михайлъ велѣлъ отпѣть заутреню,
часы, прочелъ со слезами правило къ причащенію, исповѣдался,
призвалъ сына своего Константина, чтобъ объявить ему послѣд-
нюю свою волю, потомъ сказалъ: «Дайте мнѣ псалтирь, очень тя-
жело у меня на душѣ.» Открылся псаломъ: «Сердце мое смутися
во мнѣ, и страхъ смертный прииде на мя.»—«Что значитъ этотъ
псаломъ!» спросилъ князь у священниковъ; тѣ, чтобъ не смутить
его еще больше, указали ему на другой псаломъ: «Возверзи на Го-
спода печаль свою, и той ты пропитаетъ и не дастъ во вѣки смя-
тенія праведному.» Когда Михайлъ пересталъ читать и согнулъ
книгу, вдругъ вскочилъ отрокъ въ вежу, блѣдный, и едва могъ
выговорить: «Господинъ князь! Идутъ отъ хана Кавгадый и князь
Юрій Даниловичъ со множествомъ народа прямо къ твоей вежѣ!»
Михайлъ тотчасъ всталъ и со вздохомъ сказалъ: «Знаю, зачѣмъ
идутъ, убить меня»; и послалъ сына своего Константина къ хан-
цѣ. Юрій и Кавгадый отрядили къ Михаилу въ вежу убійцъ, а
сами сѣли съ лошадей на торгу, потому что торгъ былъ близ-
ко отъ вежи на черелетъ камня. Убійцы вскочили въ вежу, ра-

зогнали всѣхъ людей, схватили Михаила за колоду и ударили его объ стѣну, такъ что вежа проломилась; не смотря на то Михаилъ вскочилъ на ноги, но тогда бросилось на него множество убійць, повалили на землю и били пятами нещадно, наконецъ одинъ изъ нихъ, именемъ Романоць выхватилъ большой ножъ, ударилъ имъ Михаила въ ребро и вырѣзалъ сердце²⁹⁶. Вежу разграбили Русь и Татары, тѣло мученика бросили нагое. Когда Юрію и Кавгадыю дали знать, что Михаилъ уже убитъ, то они пріѣхали къ тѣлу, и Кавгадый съ сердцемъ сказалъ Юрію: «Старшій братъ тебѣ вмѣсто отца; чего же ты смотришь, что тѣло его брошено нагое? Юрій велѣлъ своимъ прикрыть тѣло, потомъ положили его на доску, доску привязали къ телегѣ и перевезли въ городъ Маджары²⁹⁷; здѣсь гости, знавшіе покойника, хотѣли прикрыть тѣло его дорогими тканями и поставить въ церкви, съ честію, со свѣчами, но бояре московскіе не дали имъ и поглядѣть на покойника, и съ бранью поставили его въ хлѣвъ за сторожами; изъ Маджаръ повезли тѣло въ Русь, привезли въ Москву и похоронили въ Спаскомъ монастырѣ. Изъ бояръ и слугъ Михайловыхъ спаслись только тѣ, которымъ удалось убѣжать къ ханшѣ; другихъ же ограбили до нага, били какъ злодѣевъ и заковали въ желѣза (1319 г.).

Въ 1320 году Юрій возвратился въ Москву съ ярлыкомъ на великое княженіе и привелъ съ собою молодаго князя тверскаго Константина и бояръ его въ видѣ плѣнниковъ; мать и братья Константиновы, узнавши о кончинѣ Михаила и погребеніи его въ Москвѣ, прислали просить Юрія, чтобъ отпустилъ тѣло въ Тверь; Юрій исполнилъ ихъ просьбу не прежде, какъ сынъ Михайловъ Александръ явился къ нему во Владимиръ и заключилъ миръ, вѣроятно, на условіяхъ, предписанныхъ московскимъ княземъ. Въ томъ же году Юрій отправилъ въ Новгородъ брата своего Анастасія и ходилъ войною на рязанскаго князя Ивана, съ которымъ заключилъ миръ, а подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о сборахъ Юрія на тверскихъ князей; но войны не было: князь Дмитрій Михайловичъ отправилъ къ Юрію въ Переяславль пословъ и заключилъ миръ, по которому заплатилъ московскому князю 2000 рублей серебра и обязался не искать подъ нимъ великаго княженія. Двѣ тысячи рублей взяты были для хана; но Юрій не пошелъ съ ними навстрѣчу къ татарскому послу, отправился въ Новгородъ, куда призывали его для дѣлъ ратныхъ. Этими вос-

пользовался Дмитрій Тверской, поѣхалъ въ Орду и выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе; есть извѣстіе, что онъ объявилъ хану всю неправду Юрія и особенно Кавгадыя, и что ханъ велѣлъ казнить послѣдняго, а Дмитрію далъ великое княженіе, узнавши отъ него, что Юрій собираетъ дань для хана и удерживаетъ ее у себя ³⁸⁸. Послѣднее извѣстіе тѣмъ вѣроятнѣе, что находится въ прямой связи съ приведеннымъ выше извѣстіемъ гѣтописи объ удержаніи тверскаго *выхода* Юріемъ; въ связи съ извѣстіемъ о гнѣвѣ ханскомъ на Юрія находится также извѣстіе о татарскомъ послѣ Ахмылѣ, который сдѣлалъ много зла низовской землѣ, много избилъ христіанъ, а другихъ повелѣлъ рабами въ Орду. Какъ бы то ни было, впрочемъ, Тверь взяла перевѣсъ; Юрій видѣлъ необходимость идти опять въ Орду, и усердно просилъ Новгородцевъ, чтобъ проводили его: но на дорогѣ, на рѣкѣ Урдомѣ ³⁸⁹, онъ былъ захваченъ въ распlochъ братомъ Дмитріевымъ Александромъ, казна его была отнята, самъ же онъ едва спасся во Псковъ, откуда опять пріѣхалъ въ Новгородъ, ходилъ съ Новгородцами на берега Невы, потомъ въ Заволочье, и оттуда уже отправился въ Орду по Камѣ, будучи позванъ посломъ ханскимъ, въ 1324 году. Дмитрій Тверской не хотѣлъ пускать соперника одного въ Орду, и поспѣшилъ туда самъ. Мы не знаемъ подробностей о встрѣчѣ двухъ враговъ; гѣтописецъ говоритъ, что Дмитрій убилъ Юрія, понадѣявшись на благоволеніе ханское. Узбекъ однако сильно осердился на это самоуправство, долго думалъ, наконецъ велѣлъ убить Дмитрія (1325 г.); но великое княженіе отдалъ брату его Александру; такимъ образомъ Тверь не теряла ничего ни отъ смерти Михаила, ни отъ смерти Дмитрія; въ третій разъ первенство и сила перенесли къ ея князю.

Взглянемъ теперь, что происходило въ другихъ княжествахъ во время этой первой половины борьбы между Москвою и Тверью. Въ годъ смерти великаго князя Андрея Александровича (1304) вспыхнулъ мятежъ въ Костромѣ: простые люди собрали вѣче на боярѣ, и двое изъ послѣднихъ были убиты; въ слѣдующемъ году въ Нижнемъ-Новгородѣ черные люди избili боярѣ князя Андрея Александровича; но въ томъ же году возвратился изъ Орды князь Михаилъ Андреевичъ и перебилъ всѣхъ вѣчниковъ, которые умертвили боярѣ. Здѣсь представляется вопросъ: кто былъ этотъ князь Михаилъ Андреевичъ? До сихъ поръ

утверждено было мнѣніе, что всѣ князья суздальскіе происходятъ отъ Андрея Ярославича, брата Александра Невского, въ такомъ порядкѣ: Андрей—Михаилъ—Василій—Константины—Дмитрій и т. д. Въ самомъ дѣлѣ лѣтопись говоритъ, что послѣ Андрея Ярославича осталось двое сыновей—Юрій и Михаилъ³⁰⁰. Юрій умеръ въ 1279 году, и вмѣсто него садится въ Суздадь братъ его Михаилъ³⁰¹; потомъ лѣтопись упоминаетъ о смерти сына Михайлова, Василя въ 1809 году³⁰²; потомъ встрѣчаемъ Александра и Константина Васильевичей Суздальскихъ, которыхъ легко принять за дѣтей Василя Михайловича. И действительно въ большей части родословныхъ эти князья показаны происходящими отъ Андрея Ярославича. Но вотъ подъ 1364 годомъ читаемъ въ лѣтописи извѣстіе о кончинѣ князя Андрея Константиновича Суздальскаго, и этотъ князь называется потомкомъ не Андрея Ярославича, но Андрея Александровича, сына Невского, въ такомъ порядкѣ: Андрей—Михаилъ—Василій—Константины³⁰³. Въ извѣстіи о кончинѣ брата Андрея, Дмитрія Константиновича, повторена та же родословная. Эта послѣдняя родословная объявлена ошибочною; утверждено, что князь Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Ярославича, а не Александровича, у котораго дѣтей не было, кромѣ Бориса, умершаго при жизни отца. Но на чемъ же основано такое утвержденіе? Основываются на томъ³⁰⁴, что по смерти Андрея Александровича, бояре, не имѣя государя, уѣхали къ Михаилу Тверскому. Но еслибъ Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Александровича, то бояре послѣдняго могли по разнымъ причинамъ отъѣхать къ Михаилу Тверскому, имѣя за собою право отъѣзда. Мы привели извѣстія лѣтописи объ избіеніи бояръ черными людьми въ Нижнемъ-Новгородѣ и о наказаніи мятежниковъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ; но если Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Ярославича, а не Александровича, то почему бояре послѣдняго являются въ его княжествѣ и распоряжаются такъ, что возбуждаютъ противъ себя черныхъ людей? Это показываетъ, съ другой стороны, что не всѣ бояре Андрея Александровича отъѣхали въ Тверь; часть ихъ, и, можетъ быть, большая, дождалась въ Нижнемъ прибытія князя Михаила Андреевича, сына своего прежняго князя. И такъ отъѣздъ бояръ не причина признавать Михаила Андреевича сыномъ Андрея Ярославича, а не Александровича. Но есть еще другія указа-

ніа, щотверждаючія родословную лѣтописи: Царь Василій Ивановичъ Шуйскій, въ грамотѣ о своемъ набраніи, говоря о происхожденіи своемъ, ведетъ общій родъ до Александра Невскаго, котораго называетъ своимъ *прародителемъ*, и послѣ Александра начинаетъ развѣтвленіе рода на двѣ отрасли: отрасль Андрея Александровича, отъ котораго пошли они, князья суздальскіе-Шуйскіе, и отрасль Данила Александровича, отъ котораго пошли князья, потомъ цари московскіе: «Учвились мы на отчизнѣ прародителей нашихъ, царемъ и великимъ княземъ на російскомъ государствѣ, которое даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику, и потомъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, до прародителя нашего великаго князя Александра Ярославича Невскаго на російскомъ государствѣ были прародители мои, а потомъ на Суздальской удѣль отдѣлились, не отнятіемъ, не по неволѣ, но какъ обыкновенно большіе братья на большія мѣста садились³⁰⁵.» Личія Андрея Александровича отдѣлилась на Суздальскій удѣль, какъ обыкновенно большіе братья саживались на большія мѣста: въ самомъ дѣлѣ Андрей Александровичъ былъ большой братъ Данилу Александровичу, и Суздаль былъ большое мѣсто относительно Москвы. И такъ вопросъ о происхожденіи князей суздальскихъ нижегородскихъ не можетъ быть рѣшенъ окончательно.

Въ Ростовѣ, въ 1309 году умеръ князь Константинъ Борисовичъ, и мѣсто его заступилъ сынъ Василій; другаго, Александра, мы видѣли въ Угличѣ; подъ 1320 годомъ упоминается о смерти сына его, Юрія Александровича. Въ Ярославлѣ въ 1321 году умеръ князь Давыдъ, сынъ Федора Ростиславича Чернаго, смоленскаго; мѣсто его занялъ сынъ Василій Давыдовичъ. Въ Галичѣ упоминается подъ 1310 годомъ князь Василій Константиновичъ, внукъ Ярослава Всеволодовича, княжившій, какъ видно, по братѣ своемъ Давыдѣ. Въ Стародубѣ, по смерти внука Всеволода III, Михаила Ивановича, княжилъ сынъ его Иванъ, умершій въ 1315 году; мѣсто покойнаго заступилъ сынъ его Федоръ Ивановичъ. Въ Рязани послѣ Константина Романовича, убитаго въ Москвѣ, княжилъ сынъ его Василій, который былъ убитъ въ Ордѣ въ 1308 году; въ 1320 году видимъ въ Рязани двоюроднаго брата Василіева, князя Ивана Ярославича, противъ котораго предпринималъ походъ Юрій Московскій. Въ 1313 году умеръ князь Александръ Глѣбовичъ Смоленскій, оставивъ двоихъ сыновей, Василю и Ивана.

Касательно вѣшнихъ отношеній упоминается подъ 1308 годомъ о нашествіи Татаръ на Рязань, имѣвшемъ, какъ видно, связь съ убіеніемъ тамошняго князя Василя Константиновича въ Ордѣ. Въ 1318 году приходилъ изъ Орды лютый посоль, именемъ Конча, убилъ 120 человекъ у Костромы, потомъ пошелъ и весь Ростовъ повоевалъ ратию. Въ 1320 г. посоль Байдера много зла надѣлалъ во Владимирѣ; въ 1321 г. Татаринъ Таянчаръ былъ тяжекъ Кашину; въ 1322 году посоль Ахмылъ надѣлалъ много зла низовымъ городамъ, Ярославль взялъ и повелъ много плѣнниковъ въ Орду ³⁹⁶.—На сѣверозападѣ продолжалась старая борьба—у Новгорода со Шведами, у Пскова съ Ливонскими Нѣмцами. Въ 1310 году Новгородцы въ лодьяхъ и *сойвахъ* вошли въ Ладожское озеро, въ рѣку Узерву, и построили на порогѣ новый городъ, разрушивши старый ³⁹⁷. Въ слѣдующему году, подъ начальствомъ князя Дмитрія Романовича Смоленскаго, они отправились войною за море, въ шведскія владѣнія, въ Финляндію (Емь); переѣхавши море, повоевали сначала берега Купецкой рѣки, села пожгли, людей побрали въ плѣнъ, скоть побили; потомъ взяли всю Черную рѣку, по ней подплыли къ городу Ваная, городъ взяли и сожгли; Шведы заперлись во внутренней крѣпости или дѣтищѣ, построенномъ на высокой неприступной скалѣ, и прислали къ Новгородцамъ съ поклономъ просить мира, но тѣ мира не дали и стояли трое сутокъ подъ городомъ, опустошая окрестную страну: села большія пожгли, хлѣбъ весь потравили, а изъ скота не оставили ни рога; потомъ пошли взяли мѣста по рѣкамъ Кавгалѣ и Пернѣ, выплыли этими рѣками въ море и возвратились въ Новгородъ всѣ здоровы ³⁹⁸. Шведы отомстили Новгородцамъ сожженіемъ Ладоги въ 1313 году. Мы уже видѣли попытки Корелы отложиться отъ Новгорода и попытки Шведовъ утвердиться въ корельской землѣ; видѣли и причину неудовольствія Корелы въ жалобѣ Новгородцевъ на княжескаго намѣстника, Бориса Константиновича, который своими притѣсненіями заставлялъ Корелянъ бѣжать къ Шведамъ; въ 1314 году встрѣчаемъ новое извѣстіе о возстаніи Корелянъ: они перебили Русскихъ, находившихся въ корельскомъ городкѣ, и ввели къ себѣ Шведовъ; Новгородцы однако не долго позволяли Корелѣ оставаться за Шведами: въ томъ же году пошли они съ намѣстникомъ великаго князя Михаила Ярославича, Ѳеодоромъ къ городу,

и перебили въ немъ всѣхъ Шведовъ и перевѣтчиковъ Корелянъ. Черезъ два года непріятельскія дѣйствія возобновились: Шведы въ 1317 году вошли въ Ладожское озеро и побили много обонѣжскихъ купцовъ; а въ слѣдующемъ году Новгородцы отправились за море, и много воевали: взяли Або и находившійся не далеко отъ него епископскій замокъ. Въ 1322 году Шведы опять пришли драться къ корельскому городку, но не могли взять его; вслѣдъ за этимъ Новгородцы съ в. к. Юріемъ пошли къ Выборгу и били его 6-ю пороками, но взять не могли, перебили только много Шведовъ въ городѣ и взяли въ плѣнъ, изъ плѣнниковъ—однихъ перевѣшали, другихъ отправили въ суздальскую землю (на Низъ), потеряли нѣсколько и своихъ добрыхъ мужей. Надобно было ждать мести отъ Шведовъ, и Новгородцы въ 1323 году укрѣпили истокъ Невы изъ Ладожскаго озера, поставили городъ на Орѣховомъ островѣ (Орѣшекъ); но вмѣсто рати явились послы шведскіе съ мирными предложеніями, и заключенъ былъ миръ вѣчный по старинѣ. Юрій съ Новгородцами уступили Шведамъ три корельскихъ округа: Саволаксъ, Ескисъ и Егрепа³⁰⁰. Подъ 1320 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о враждебномъ столкновеніи съ Норвежцами: какой-то Лука, сказано, ходилъ на Норвежцевъ, которые разбили суда какого-то Игната Молыгина.

По смерти Довмонта для Пскова наступило тяжелое время; (на востокъ князья заняты усобицами, тамъ идетъ важный вопросъ о томъ, какому княжеству переселить всѣ остальные и собрать землю Русскую;) Новгородъ также занятъ этими усобицами и борьбою со Шведами; притомъ же у него со Псковомъ начинаются непріятности, переходящія иногда въ открытую вражду, причины которой въ лѣтописи не высказаны ясно. Стремленіе Пскова выйти изъ-подъ опеки старшаго брата своего Новгорода мы замѣчаемъ съ самаго начала: послѣ это стремленіе все болѣе и болѣе усиливается; Новгородцы, разумѣется, не могли смотрѣть на это равнодушно, и не могли близко принимать къ сердцу затруднительное положеніе младшихъ братьевъ: отсюда жалобы послѣднихъ на холодность Новгородцевъ, оставленіе безъ помощи, что еще болѣе усиливало размолвку; при томъ же, не имѣя возможности давать чувствовать Псковичамъ свое господство въ политическомъ отношеніи, Новгородцы сильно давали чувствовать его въ церковномъ, вслѣдствіе того, что Псковъ былъ подвѣдом-

ственъ ихъ владыкъ: отсюда новыя непріятности и стремленіе Псковичей отложиться отъ новгородскаго владыки, получить для себя особаго епископа⁴⁰⁰. Когда князья Русскіе пріѣзжали во Псковъ, то граждане принимали ихъ съ честью, отъ всего сердца⁴⁰¹; но эти князья не могли ходить съ Псковичами на Нѣмцевъ или отсиживаться въ осадѣ отъ нихъ: такъ были во Псковѣ по необходимости на короткое время — князь Дмитрій Александровичъ и Юрій Даниловичъ. Не вида помощи отъ Русскихъ князей, Псковитяне принуждены бывали посылать за литовскими. Въ 1322 году Нѣмцы, во время мира, перебили псковскихъ купцовъ на озерѣ и рыболововъ на рѣкѣ Наровѣ, опустошили часть псковской волости; Псковичи послали въ Литву за княземъ Давыдомъ, пошли съ нимъ за Нарову и опустошили землю до самаго Ревеля. Въ мартѣ 1323 года пришли Нѣмцы подъ Псковъ со всею силою, стояли у города три дня и ушли съ позоромъ; но въ маѣ явились опять, загордившись, въ силѣ тяжкой, безъ Бога; пришли на корабляхъ, въ лодкахъ и коняхъ, со стѣнобитными машинами, подвижными городками и многимъ замышленіемъ. На первомъ приступѣ убили посадника, стояли у города 18 дней, били стѣны машинами, придвигали городки, приставляли лѣстницы. Въ это время много гонцовъ гоняло изъ Пскова къ великому князю Юрію Даниловичу и къ Новгороду, со многою печалію и тугою, потому что очень тяжело было въ то время Пскову, какъ вдругъ явился изъ Литвы князь Давыдъ съ дружиною, ударилъ вмѣстѣ съ Псковичами на Нѣмцевъ, прогналъ ихъ за рѣку Великую, машины отнял, городки зажегъ, и побѣжали Нѣмцы со стыдомъ; а князь великій Юрій и Новгородцы не помогли, прибавляетъ псковскій лѣтописецъ.

Литовцы въ 1323 году напали на страну по рѣкѣ Ловати, но были прогнаны Новгородцами. — Мы видѣли волненія среди Корель, видѣли и прежде возстанія финскихъ племенъ въ двинской области противъ Новгородцевъ; въ 1323 году началась у послѣднихъ вражда съ Устюжанами, которые перехватили Новгородцевъ, ходившихъ на Югру и ограбили ихъ. Задвинскія дани и торговля были главнымъ источникомъ богатства для Новгородцевъ, и потому они не могли оставить этого дѣла безъ вниманія: въ слѣдующемъ же году, съ княземъ Юріемъ Даниловичемъ, они пошли въ Заволочье и взяли Устюгъ на щить; когда они были на Дви-

нѣ, то князья устюжскіе прислали къ Юрію и Новгородцамъ просить мира и заключили его на старинныхъ условіяхъ. Въ чемъ состояли эти старинныя условія, мы не знаемъ; знаемъ только то, что еще въ 1220 году, великій князь Юрія Всеволодовичъ, собирая войско на Болгарь, велѣлъ ростовскому князю взять также и полки устюжскіе; изъ этого извѣстія можно только заключить о зависимости Устюга отъ ростовскихъ князей.

Таковы были отношенія сѣверной Руси къ сосѣднимъ народамъ въ первую половину борьбы между Тверью и Москвою, до смерти Дмитрія тверскаго и Юрія московскаго. Дмитрію наследовалъ, какъ мы видѣли, братъ его Александръ Михайловичъ, съ ярлыкомъ и на великое княженіе, Юрію также братъ — Іоаннъ Даниловичъ Калита, остальные братья котораго — Александръ, Аванасій, Борись умерли еще при жизни Юрьевой. Калита, слѣдовательно, княжилъ одинъ въ московской волости; какъ видно, онъ управлялъ Москвою гораздо прежде смерти Юрія, когда послѣдній находился то въ Ордѣ, то въ Новгородѣ; иначе онъ не имѣлъ бы времени сблизиться съ митрополитомъ Петромъ, ибо Юрія убитъ въ 1325 году, а митрополитъ Петръ умеръ въ 1326. Еще въ 1299 году митрополитъ Максимъ оставилъ опустошенный Кіевъ, гдѣ не могъ найти безопасности, и переѣхалъ на жительство во Владимиръ. Послѣдній городъ былъ столицею великихъ, или сильнѣйшихъ князей только по имени, ибо каждый изъ нихъ жилъ въ своемъ наследственномъ городѣ: однако пребываніе митрополита во Владимирѣ, при тогдашнемъ значеніи и дѣятельности духовенства, сообщало этому городу видъ столицы болѣе, чѣмъ преданіе и обычай. Послѣ этого ясно, какъ важно было для какого-нибудь города, стремившагося къ первенству, чтобы митрополитъ утвердилъ въ немъ свое пребываніе; это необходимо давало ему видъ столицы всея Руси, ибо единство послѣдней поддерживалось въ это время единымъ митрополитомъ, мало того, способствовало его возрастанію и обогащенію, ибо въ него со всѣхъ сторонъ стекались лица, имѣвшія нужду до митрополита, какъ въ средоточіе церковнаго управленія; наконецъ митрополитъ долженъ былъ дѣйствовать постоянно въ пользу того князя, въ городѣ котораго имѣлъ пребываніе. Калита умѣлъ пріобрѣсть расположеніе митрополита Петра, такъ что этотъ святитель жила въ Москвѣ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, умеръ и погребенъ

въ ней. Гробъ святаго мужа былъ для Москвы такъ же драго, цѣненъ, какъ и пребываніе живаго святителя: выборъ Петра казался внушеніемъ Божиимъ, и новый митрополитъ Теононость уже не хотѣлъ оставить гроба и дома чудотворцева. Петръ, увѣщевая Калиту построить въ Москвѣ каменную церковь Богоматери, говорилъ: «Если меня, сынъ, послушаешься, храмъ Пречистой Богородицы построишь и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославившись больше другихъ князей, и сыновья и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ, святители стануть въ немъ жить, и подчинить онъ себѣ всѣ остальные города.» Другіе князья хорошо видѣли важныя послѣдствія этого явленія, и сердились; но помочь было уже нельзя.

Но въ то время, какъ московскій князь утвержденіемъ у себя митрополичьяго престола пріобрѣталъ такія важныя выгоды, Александръ тверской необдуманнѣмъ поступкомъ погубилъ себя и все княжество свое. Въ 1327 году пріѣхалъ въ Тверь ханскій посоль, именовъ Шевкаль (Чол-ханъ) или Щелканъ, какъ его называютъ наши лѣтописи, двоюродный братъ Узбека, и, по обыкновенію всѣхъ пословъ татарскихъ, позволялъ себѣ и людямъ своимъ всякаго рода насилія. Вдругъ въ народѣ разнесся слухъ, что Шевкаль хочетъ самъ княжить въ Твери, своихъ князей татарскихъ посадить по другимъ русскимъ городамъ, а христіанъ привести въ татарскую вѣру. Трудно допустить, чтобъ этотъ слухъ былъ основателенъ: Татары изначала отличались вѣротерпимостію, и по принятіи магометанства не были ревнителями новой религіи. Узбекъ, по приказу котораго долженъ былъ дѣйствовать Шевкаль, покровительствовалъ христіанамъ въ Каѣѣ, позволялъ католическому монаху Іонѣ Валенсу обращать въ христіанство Ясовъ и другіе народы по берегу Чернаго моря; онъ же, какъ мы видѣли, выдалъ сестру свою за Юрія московскаго и позволилъ ей креститься⁴⁰². Еще страннѣе былъ слухъ, что Шевкаль хочетъ самъ сѣсть на великомъ княженіи въ Твери, а другіе города роздать своимъ Татарамъ. Когда пронеслась молва, что Татары хотять исполнить свой замыселъ въ Успеневъ день, пользуясь большимъ стеченіемъ народа по случаю праздника, то Александръ съ Тверичами захотѣли предупредить ихъ намѣреніе, и рано утромъ, на солнечномъ восходѣ, вступили въ бой съ Татарамъ, бились цѣлый день, и къ вечеру одолѣли. Шевкаль бро-

Вселся въ старыи домъ князя Михаила, но Александръ велѣлъ зажечь отцовскій дворъ и Татары погибли въ пламени; купцы старыи ордынскіи и новыи пришедшіи съ Шевкаломъ, были истреблены, не смотря на то, что не вступали въ бой съ Русскими: однихъ изъ нихъ перебили, другихъ перетопили, иныхъ сожгли на кострахъ.

Но въ такъ-называемой Тверской лѣтописи Шевкалово дѣло разсказано подробнѣе, естественнѣе и безъ упоминовенія о замыслѣ Шевкала относительно вѣры: Шевкалъ, говорится въ этой лѣтописи, сильно притѣснялъ Тверичей, согналъ князя Александра со двора его и самъ сталъ жить на немъ; Тверичи просили князя Александра объ оборонѣ, но князь приказывалъ имъ терпѣть. Не смотря на то, ожесточеніе Тверичей дошло до такой степени, что они ждали только перваго случая возстать противъ притѣснителей; этотъ случай представился 15-го августа: дьяконъ Дюдко повелъ кобылу молодую и тучную на поило; Татары стали ее у него отнимать, дьяконъ началъ вопить о помощи, и сбѣжавшіеся Тверичи напали на Татаръ⁴⁰³.

Узбекъ очень разсердился, узнавъ объ участи Шевкаловой, и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, послалъ за московскимъ княземъ, но, по другимъ извѣстіямъ, Калита побѣжалъ самъ въ Орду тотчасъ послѣ тверскихъ происшествій, и возвратился оттуда съ 50,000 татарскаго войска. Присоединивъ къ себѣ еще князя суздальскаго, Калита вошелъ въ тверскую волость, по ханскому приказу; Татары пожгли города и села, людей повели въ плѣнъ, и, просто сказать, положили пусту всю землю Русскую, по выраженію лѣтописца; но спаслась Москва, отчина Калиты, да Новгородъ, который далъ татарскимъ воеводамъ 2,000 серебра и множество даровъ. Александръ, слышавъ о приближеніи Татаръ, хотѣлъ бѣжать въ Новгородъ, но Новгородцы не захотѣли подвергать себя опасности изъ-за сына Михаилова, и приняли намѣстниковъ Калиты; тогда Александръ бѣжалъ во Псковъ, а братья его нашли убѣжище въ Ладогѣ. Въ слѣдующемъ 1328 году Калита и тверской князь Константинъ Михайловичъ побѣжали въ Орду; Новгородцы отправили туда также своего посла; Узбекъ далъ великое княженіе Калитѣ, Константину Михайловичу далъ Тверь и отпустилъ ихъ съ приказомъ искать князя Александра. И вотъ во Псковъ явились послы отъ князей московскаго, тверскаго, суз-

дальскаго и отъ Новгородцевъ уговаривать Александра, чтобъ ѣхалъ въ Орду къ Узбеку; послы говорили ему отъ имени князей: «Царь Узбекъ всѣмъ намъ велѣлъ искать тебя и прислать къ нему въ Орду; ступай къ нему, чтобъ намъ всѣмъ не пострадать отъ него изъ-за тебя одного; лучше тебѣ за всѣхъ пострадать, чѣмъ намъ всѣмъ изъ-за тебя одного попустошить всю землю.» Александръ отвѣчалъ: «Точно мнѣ слѣдуетъ съ терпѣніемъ и любовію за всѣхъ страдать и не мстить за себя лукавымъ крамольникамъ; но и вамъ не дурно было бы другъ за друга и брать за брата стоять, а Татарамъ не выдавать, и всѣмъ вмѣстѣ противиться имъ, защищать Русскую землю и православное христіанство.» Александръ хотѣлъ ѣхать въ Орду, но Псковитяне не пустили его, говоря: «Не ѣзди, господинъ, въ Орду; чтобъ съ тобою ни случилось, умремъ, господинъ, съ тобою на одномъ мѣстѣ.» Надобно было дѣйствовать силою, но сѣверные князья не любили дѣйствовать силою тамъ, гдѣ успѣхъ былъ не вѣренъ; они разсуждали: «Псковичи крѣпко взялись защищать Александра, обѣщались всѣ умереть за него, а близко ихъ Нѣмцы, тѣ подадутъ имъ помощь.» Придумали другое средство, и придумалъ его Калита, по свидѣтельству Псковскаго лѣтописца: уговорили митрополита Феогноста проклясть и отлучить отъ церкви князя Александра и весь Псковъ, если они не исполняютъ требованіе князей. Средство подѣйствовало, Александръ сказалъ Псковичамъ: «Братья мои и друзья мои! не будь на васъ проклятiя ради меня; ѣду вонъ изъ вашего города и снимаю съ васъ крестное цѣлованіе, только цѣлуйте крестъ, что не выдадите княгини моей.» Псковичи поцѣловали крестъ и отпустили Александра въ Литву, хотя очень горьки были имъ его проводы: тогда, говорить лѣтописецъ, была во Псковѣ туга и печаль и молва многая по князѣ Александрѣ, который добротою и любовію своею пришелся по сердцу Псковичамъ. По отъѣздѣ Александра послы псковскіе отправились къ великому князю московскому и сказали ему: «Князь Александръ изъ Пскова поѣхалъ прочь; а тебѣ господину своему князю великому весь Псковъ кланяется отъ мала и до велика: и попы и чернецы и черницы, и сироты и вдовы и жены и малыя дѣти.» Услыхавъ, что Александръ уѣхалъ изъ Пскова, Калита заключилъ съ Псковичами миръ вѣчный по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ, послѣ чего митрополитъ Феогностъ съ новгородскимъ владыкою благословили посадника и весь Псковъ (1329 г.).

Полтора года пробылъ Александръ въ Литвѣ, и когда гроза пріутихла, возвратился къ женѣ въ Псковъ, жители котораго приняли его съ честію и посадили у себя на княженіи. Десять лѣтъ спокойно княжилъ Александръ во Псковѣ, но тосковалъ по своей родной Твери: Псковъ, по формамъ своего быта, не могъ быть наслѣдственнымъ княжествомъ для сыновей его; относительно же родной области онъ зналъ старый обычай, по которому дѣти изгнаннаго князя не могли надѣяться на наслѣдство; (по словамъ лѣтописи, Александръ разсуждалъ такъ: «Если умру здѣсь, то что будетъ съ дѣтьми моими? всѣ знаютъ, что я выбѣжалъ изъ княжества моего и умеръ на чужбинѣ: такъ дѣти мои будутъ лишены своего княжества.») Въ 1336 году Александръ послалъ въ Орду сына Феодора попытаться, нельзя ли какъ-нибудь умилостивить хана, и узнавши, что есть надежда на успѣхъ, въ 1337 году отправился самъ къ Узбеку: «Я сдѣлалъ много зла тебѣ,» сказалъ онъ хану, «но теперь пришелъ принять отъ тебя смерть или жизнь, будучи готовъ на все, что Богъ возвѣститъ тебѣ.» Узбекъ сказалъ на это окружавшимъ: «Князь Александръ смиренною мудростію избавилъ себя отъ смерти,» и позволилъ ему занять тверской столъ; князь Константинъ Михайловичъ, волею или неволею, уступилъ княжество старшему брату.

Но возвращеніе Александра служило знакомъ къ возобновленію борьбы между Москвою и Тверью: скоро встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что тверской князь не могъ поладить съ московскимъ, и не заключили они между собою мира. Еще прежде видимъ, что бояре тверскіе отъѣзжаютъ отъ Александра къ московскому князю ⁴⁰⁴. Споръ могъ кончиться только гибелью одного изъ соперниковъ, и Калита рѣшился предупредить врага: въ 1339 году онъ отправился съ двумя сыновьями въ Орду, и въ слѣдъ за этимъ Александръ получилъ приказъ явиться туда же: зовъ этотъ послѣдовалъ *думою* Калиты, говоритъ лѣтопись ⁴⁰⁵. Александръ уже зналъ, что кто-то оклеветалъ его предъ ханомъ, который опять очень сердитъ на него, и потому отправилъ передъ собою сына Феодора, а за нимъ уже отправился самъ по новому зову изъ Орды. Феодоръ Александровичъ встрѣтилъ отца и объявилъ ему, что дѣла идутъ плохо; проживши мѣсяць въ Ордѣ, Александръ узналъ отъ Татаръ пріятелей своихъ, что участь его рѣшена. Узбекъ опредѣлилъ ему смерть, назначили и

день казни. Въ этотъ день, 29 октября, Александръ всталъ рано, помолился, и видя, что время проходить, послалъ къ ханшѣ за вѣстями, сѣлъ и самъ на коня и поѣхалъ по знакомымъ разузнавать о своей участи, но вездѣ былъ одинъ отвѣтъ, что она рѣшена, что онъ долженъ ждать въ этотъ самый день смерти, дема ждалъ его посланный отъ ханши съ тою же вѣстію. Александръ сталъ прощаться съ сыномъ и боярами, сдѣлалъ распоряженіе на счетъ княжества своего, исповѣдался, причастился; то же самое сдѣлали и сынъ его Федоръ и бояре, потому что никто изъ нихъ не думалъ остаться въ живыхъ. Ждали послѣ того не долго: вошли отроки съ плачемъ и объявили о приближеніи убійцъ; Александръ вышелъ самъ къ нимъ на встрѣчу.— и былъ рознять по составамъ вѣстѣ съ сыномъ. Калита еще прежде уѣхалъ изъ Орды, съ великимъ пожалованіемъ и съ честію; сыновья его возвратились послѣ смерти Александровой, пріѣхали въ Москву съ великою радостію и веселіемъ, по словамъ лѣтописи. Тверской столь перешелъ къ брату Александрову, Константину Михайловичу, который называется собирателемъ и возстановителемъ тверской волости послѣ татарскаго опустошенія ⁴⁰⁶.

Мы видѣли, что князья хорошо понимали, къ чему поведетъ усиленіе одного княжества на счетъ другихъ при исчезновеніи родовыхъ отношеній, и потому старались препятствовать этому усиленію, составляя союзы противъ сильнѣйшаго. Что предугадывали они, то и случилось: московскій князь, ставши силенъ и безъ соперника, спѣшилъ воспользоваться этою силою, чтобъ *примыслить* сколько можно больше къ своей собственности. Начало княженія Калиты было, по выраженію лѣтописца, началомъ насилія для другихъ княжествъ, гдѣ московскій собственникъ распоряжался своевольно. Горькая участь постигла знаменитый Ростовъ Великій: три раза проигралъ онъ свое дѣло въ борьбѣ съ пригородами, и хотя послѣ перешелъ, какъ собственность, какъ *опричинна* въ родъ старшаго изъ сыновей Всеволодовыхъ, однако не помогло ему это старшинство безъ силы; ни одинъ изъ Константиновичей ростовскихъ не держалъ стола великокняжескаго, не одинъ слѣдовательно не могъ усилить свой наследственный Ростовъ богатыми примыслами, и скоро старшій изъ городовъ сѣверныхъ долженъ былъ искупить тяжкія насилія отъ младшаго изъ пригородовъ: отдающъ отъ князей ростовскихъ власть

и княженіе, имущество, честь и слава! говоритъ лѣтописецъ ⁴⁰⁷. Присланъ былъ изъ Москвы въ Ростовъ отъ князя Ивана Даниловича, какъ воевода какой-нибудь, вельможа Василій Кочева, и другой съ нимъ Миняй. Наложили они великую нужду на городъ Ростовъ и на всѣхъ жителей его; не мало Ростовцевъ должны были передавать Москвичамъ имѣніе свое по нуждѣ, но кромѣ того принимали еще отъ нихъ раны и оковы; старшаго боярина ростовскаго, Аверкія, Москвичи стремглавъ повѣсили и послѣ такого поруганія чуть жива отпустили. И не въ одномъ Ростовѣ это дѣлалось, но во всѣхъ волостяхъ и селахъ его, такъ что много людей разбѣжалось изъ Ростовскаго княжества въ другія страны. — Мы не знаемъ, по какому случаю, вслѣдствіе какихъ предшествовавшихъ обстоятельствъ позволялъ себѣ Калита такіе поступки въ ростовскомъ княжествѣ; должно полагать, что ростовскимъ княземъ въ это время былъ Василій Константиновичъ ⁴⁰⁸. Со стороны утѣсненныхъ князей не обошлось безъ сопротивленія: такъ московскій князь встрѣтилъ врага въ зятѣ своемъ, Василю Давыдовичѣ ярославскомъ, внука Фёдора Ростиславича Чернаго; Василій, какъ видно, дѣйствовалъ заодно съ Александромъ тверскимъ и помогалъ ему въ Ордѣ, ибо есть извѣстіе, что Калита посылалъ перехватить его на дорогѣ къ хану; но ярославскій князь отбился отъ московскаго отряда, состоявшаго изъ 500 человекъ, достигъ Орды, благополучно возвратился оттуда, и пережилъ Калиту. По смерти Александра и Тверь не избѣжала насилій московскихъ: Калита велѣлъ снять отъ Св. Спаса колоколъ и привезти въ Москву: насиліе очень чувствительное по тогдашнимъ понятіямъ о колоколѣ вообще; и особенно о колоколѣ главной церкви въ городѣ. — Изъ другихъ князей упоминаются: князь Александръ Васильевичъ суздальскій, помогавшій Калитѣ опустошать тверскія волости; Александръ умеръ въ 1332 году, его мѣсто занялъ братъ его, Константинъ Васильевичъ, участвовавшій въ походѣ подъ Смоленскъ. Стародубскій князь Фёдоръ Ивановичъ былъ убитъ въ Ордѣ въ 1329 году. Мы видимъ, что Галичъ и Дмитровъ достались брату Александра Невского, Константину Ярославичу, у котораго упоминаются сыновья — Давыдъ, князь галицкій и дмитровскій и Василій, послѣ котораго видимъ раздѣленіе волости, ибо подъ 1333 годомъ говорится о смерти князя Бориса дмитровскаго, а подъ 1384 го-

домъ о смерти Ѳедора галицкаго. Упоминается князь Романчукъ бѣлозерскій. Подъ 1338 годомъ упоминается князь Иванъ Ярославичъ юрьевскій: это должно-быть потомокъ Святослава Всеволодовича.—Объ убіеніи князя Ивана Ярославича рязанскаго въ лѣтописи упомянуто въ разсказѣ о походѣ Татаръ съ Калитою на Тверь; сынъ и преемникъ Ивана Ярославича, Иванъ Ивановичъ Коротополь, возвращаясь въ 1340 году изъ Орды, встрѣтилъ родственника своего, двоюроднаго брата Александра Михайловича Пропскаго, отправлявшагося туда же съ данью или *выходомъ*, ограбилъ его, привелъ въ Переяславль рязанскій и тамъ велѣлъ убить; явленіе это объясняется тѣмъ, что старшіе или сильнѣйшіе князья въ каждомъ княжествѣ, въ видахъ усиленія своего на счетъ младшихъ, слабѣйшихъ, хотѣли одни *знать Орду*, т. е. собирать дань и отвозить ее къ хану. — Въ Смоленскѣ княжилъ Иванъ Александровичъ; какъ видно, надѣясь на отдаленность своего княжества, онъ не хотѣлъ подчиняться хану и возить выходъ въ Орду, и потому Узбекъ въ 1340 году послалъ войско къ Смоленску, куда велѣлъ также идти и всѣмъ князьямъ Русскимъ: рязанскому, суздальскому, ростовскому, юрьевскому, друпскому, еошинскому и мордовскимъ князьямъ; московскій великій князь самъ не пошелъ, но отправилъ свое войско подъ начальствомъ двоихъ воеводъ—Александра Ивановича и Ѳедора Акинеовича. Эта рать пожгла посады смоленскіе, пограбила села и волости, нѣсколько дней постояла подъ Смоленскомъ и пошла назадъ: Татары пошли въ Орду съ большимъ полономъ и богатствомъ, а Русскіе князья возвратились домой здоровы и цѣлы.

Новгородцы, освобожденные московскимъ княземъ отъ насилій тверскаго, не могли доброжелательствовать наследникамъ Михайловымъ; они признали своимъ княземъ Дмитрія, потомъ Александра Михайловича ⁴⁰⁸, когда онъ возвратился съ ярлыкомъ изъ Орды: но не приняли къ себѣ Александра послѣ убійства Шевкалова, взяли намѣстниковъ московскаго князя и стояли за послѣдняго противъ Александра и Псковичей. Но Калита скоро показалъ Новгородцамъ, что перемѣнилось только имя, и что значеніе Твери, относительно Новгорода, перешло къ Москвѣ. Что же теперь спасеть Новгородъ? Отъ Твери спасла его Москва, отъ Москвы долженъ спасти его какой-нибудь другой городъ, Москвѣ враждебный: слѣдовательно Новгородцы должны искать

враговъ московскимъ князьямъ, пользоваться ссорами въ семействѣ послѣднихъ; но когда эти ссоры прекратятся, когда уже не будетъ другихъ князей кромѣ московскаго, то что тогда останется Новгородцамъ? Останется или отказаться отъ своего стараго быта, приравняться въ Москвѣ, или искать соперника московскому князю въ Литвѣ. Но московскимъ князьямъ нужны были еще прежде всего деньги, чтобъ, съ одной стороны, задаривать хана, съ другой, закупать какъ можно больше селъ и городовъ въ другихъ княжествахъ; вотъ почему Новгородъ могъ еще на нѣсколько времени сохранить свой прежній бытъ, удовлетворяя денежнымъ требованіямъ великихъ князей, усиливая послѣднихъ на свой счетъ. Въ 1332 году Калита запросилъ у Новгородцевъ серебра закамскаго, старинной дани печерской, и за отказъ взялъ Торжокъ, Бѣжецкій Верхъ, а въ слѣдующемъ году пришелъ въ Торжокъ со всѣми князьями низовскими и рязанскими, и началъ опустошать новгородскія волости. Новгородцы отправили пословъ звать великаго князя въ Новгородъ, но онъ ихъ не послушалъ, и, недавши мира, поѣхалъ прочь. Новгородцы отправили за нимъ новыхъ пословъ, съ владыкою Василюемъ, которые нашли Калиту въ Переяславлѣ, давали ему пять сотъ рублей, только бы отступился отъ слободы, которую построилъ на новгородской землѣ; много упрасивалъ его владыка, чтобъ помирился, но онъ не слушался его. Любопытно, что тотчасъ по возвращеніи изъ своего неуспѣшнаго посольства къ Калитѣ, владыка Василій отправился во Псковъ, гдѣ уже новгородскіе архіепископы не бывали семь лѣтъ; во Псковѣ княжилъ въ это время врагъ московскаго князя, Александръ тверской, у котораго владыка Василій окрестилъ сына Михаила; можно думать, что все это происходило вслѣдствіе размолвки Новгорода съ Калитою. Александръ и Псковичи находились въ тѣсной связи съ Литвою, и вотъ подъ тѣмъ же 1333 годомъ Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что вложилъ Богъ въ сердце князю Нариманту-Глѣбу, сыну великаго князя литовскаго Гедимина, прислать въ Новгородъ съ прозьбою позволить ему поклониться Св. Софіи; Новгородцы послали звать его, и онъ немедленно пріѣхалъ, принять былъ съ честію, цѣловалъ крестъ ко всему Новгороду, и получилъ пригороды—Ладугу, Орѣшекъ, Корельскій городокъ съ корельскою землею и половину Копорья въ отчину и дѣдину. По другимъ извѣстіямъ,

Новгородцы еще прежде уговорились объ этомъ съ Наримантомъ⁴¹⁰. Какъ бы то ни было, уговоръ этотъ былъ исполненъ тогда, когда Новгороду сталъ нуженъ союзъ Литвы противъ псковскаго князя. На слѣдующій годъ Калита принялъ съ любовію пословъ новгородскихъ и самъ ѣздилъ въ Новгородъ; неизвестно, что было причиною такой перемѣны: Новгородцы ли уступили всѣмъ требованіямъ Калиты, или послѣдній смягчилъ свои требованія, опасаясь связи Новгородцевъ съ Литвою и Александромъ псковскимъ? Можно думать также, что миръ заключенъ былъ не безъ участія митрополита, у котораго передъ тѣмъ былъ владыка Василій. Въ краткихъ извѣстіяхъ лѣтописи причины явленій не показаны; но по всему видно, что Калита не могъ долго сносить пребыванія Александра тверскаго во Псковѣ. Въ 1335 году Калита собрался съ Новгородцами и со всею низовскою землею идти на Псковъ, но почему-то походъ былъ отложенъ, хотя Псковичамъ и не дали мира; намѣреніе слѣдовательно воевать съ ними не было оставлено, и московскій князь продолжалъ ласкать Новгородцевъ: въ томъ же году онъ позвалъ къ себѣ въ Москву на честь владыку, посадника, тысяцкаго, знатнѣйшихъ бояръ, и они, говорить лѣтописецъ, бывши въ Москвѣ, много чести видѣли. Но въ тотъ самый 1337 годъ, когда Александръ тверской отправился изъ Пскова въ Орду и помирился съ ханомъ, Калита вдругъ забывши крестное цѣлованіе, послалъ рать свою на Двину за Волокъ, ибо заволоцкія владѣнія и доходы Новгородцевъ всего больше должны были соблазнять московскаго князя; но предпріятіе не удалось: московскія войска были посрамлены и поражены, какъ выражается лѣтописецъ; имѣли ли какую-нибудь связь эти два событія—поѣздка Александра въ Орду и разрывъ Калиты съ Новгородомъ—неизвестно. Новгородцы могли надѣяться, что восстановление Александра на отцовскомъ столѣ и новая борьба его съ Калитою помѣшаютъ послѣднему тѣснить ихъ; но московскій князь не терялъ времени, и Александръ погибъ въ Ордѣ. Новгородцы отправили къ великому князю пословъ съ выходомъ, но Калита послалъ къ нимъ своихъ просить другаго выхода: «Дайте мнѣ еще царевъ запросъ, чего у меня царь запросилъ.» Новгородцы отвѣчали: «этого у насъ не бывало отъ начала міра; а ты цѣловалъ крестъ по старой пошлѣнѣ новгородской и по Ярославовымъ грамотамъ.» Калита велѣлъ своимъ намѣстникамъ выѣхать изъ Новгорода, и не было ему съ нимъ мира.

Прежде, когда было много князей-соперниковъ, перемѣнявшихъ охотно волости свои, Новгородъ рѣдко оставался долгое время безъ князя: на смѣну одного спѣшилъ другой; но теперь, когда князья уцѣлились неподвижно каждый въ своей наследственной волости, то въ Новгородѣ вмѣсто князя видимъ уже бояръ намѣстниковъ великокняжескихъ, которые выѣзжаютъ при первой размовкѣ Новгородцевъ съ великимъ княземъ, и Новгородъ представляется самому себѣ. Вслѣдствіе этого новаго порядка вещей, стороны, партія княжескія должны были исчезнуть: какія могли быть княжескія партіи въ Новгородѣ во время Калиты, когда Новгородъ могъ имѣть дѣло только съ однимъ великимъ княземъ, который разъ, много два пріѣдетъ въ Новгородъ на самое короткое время? Тверской партіи не могло быть, потому что ни Михаилъ, ни сыновья его не жили въ Новгородѣ, не могло быть и вслѣдствіе постоянно враждебныхъ отношеній; великимъ князьямъ и не нужно теперь имѣть въ Новгородѣ приверженную къ себѣ сторону; ихъ дѣль рано или поздно уничтожить самостоятельность Новгорода, а пока имъ нужно брать съ него какъ можно больше денегъ; они знаютъ, что Новгородъ будетъ ихъ, если они будутъ сильны, сильнѣе всѣхъ другихъ, но измѣнчивое расположеніе Новгородцевъ не дастъ имъ этой силы. Любопытно, что съ описываемаго времени лѣтописецъ новгородскій становится видимо равнодушнѣе къ смѣнѣ посадниковъ, начинаетъ часто пропускать ихъ; мы уже прежде упоминали объ этихъ пропускахъ. Подъ 1315 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о врученіи посадничества Семену Климовичу и послѣ того до самого 1331 года нѣтъ ни слова о посадникахъ въ лѣтописи; въ этомъ году встрѣчаемъ извѣстіе о посадникѣ Варолаомѣ; но подъ слѣдующимъ 1332 годомъ говорится, что встали крамольники, отняли посадничество у Ѳедора Ахмыла и дали Захару Михайловичу, при чемъ пограбили дворъ Семена Судокова, а у брата его Ксенофонта села пограбили; но Захаръ не долго былъ посадникомъ: въ томъ же году онъ былъ сверженъ и на его мѣсто выбранъ Матвей. Подъ 1335 годомъ упоминается новый посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ, неизвѣстно когда и на чье мѣсто избранный. Прежде еще подъ 1327 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о мятежѣ, во время котораго народъ пограбилъ и пожегъ дворъ Евстафія Дворянина; потомъ, подъ 1335 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе объ усобицѣ, во время ко-

торой едва не дошло до кровопролитія: по обвѣмъ сторожамъ Волхова граждане стояли съ оружіемъ, но потомъ сошлись въ любовь. Что касается до принятаго на кормленіе литовскаго князя Нариманта, то Новгородцы съ самаго начала увидали ненадежность этихъ союзовъ съ Литвою: въ 1338 году, когда Новгородцы вели войну со Шведами, Наримантъ былъ въ Литвѣ; Новгородцы много разъ посылали за нимъ, но онъ не прѣбхалъ, даже и сына своего Александра вывелъ изъ Орѣшка, оставилъ только своихъ намѣстниковъ.

По извѣстіямъ Новгородской лѣтописи, Псковичи, взявши къ себѣ въ князья Александра тверскаго, признали въ то же самое время зависимость свою отъ Литвы: естественно Псковъ долженъ былъ употребить это средство, чтобъ защитить себя въ случай новаго движенія сѣверо-восточныхъ русскихъ князей по настоянію Калиты и по приказу ханскому. Имѣя особаго князя, Псковичи хотѣли получить полную независимость отъ Новгорода, хотѣли имѣть и особаго епископа. Въ 1331 году новозбранный новгородскій владыка Василій отправился для посвященія своего на Вольту, гдѣ находился тогда митрополитъ Феогностъ. Но къ то же время къ митрополиту явились послы изъ Пскова, отъ князя Александра, вмѣстѣ съ послами отъ Гедмина и всѣхъ другихъ князей Литовскихъ; они привели съ собою монаха Арсенія, прося митрополита, чтобъ поставилъ его владыкою во Псковъ; но Феогностъ отказалъ имъ въ просьбѣ. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ при этомъ: «Псковичи хотѣли поставить себѣ Арсенія на владычество, но осрамились, пошли прочь ни съ чѣмъ отъ митрополита изъ вольтинской земли; они Новгородъ считали за ничто уже; вознеслись высокоуміемъ своимъ, но Богъ и св. Софія низлагаютъ всегда высокомыслищихъ, потому что Псковичи измѣнили крестному цѣлованію къ Новгороду, посадили къ себѣ князя Александра изъ литовской руки». Мы видѣли, что въ 1333 году было сближеніе Новгорода со Псковомъ и его княземъ, вслѣдствіе разрыва Новгородцевъ съ княземъ московскимъ; но потомъ когда въ 1335 году Новгородцы помирились съ Калитою, то снова началась вражда съ Псковомъ; въ 1337 году, владыка Василій поѣхалъ во Псковъ для своихъ святительскихъ дѣлъ, на подѣздѣ, какъ тогда выражались; но Псковичи суда ему не дали; и онъ поѣхалъ прочь, проклавши ихъ.

Еще въ 1316 и 1323 году источники западные упоминают о враждебныхъ столкновеніяхъ Новгородцевъ съ Норвегією; въ 1326 году заключенъ былъ миръ между ними на 10 лѣтъ. Въ 1337 году у Новгородцевъ началась война со Шведами, опять по поводу Корелъ, которые подвели Шведовъ, побили новгородскихъ и ладожскихъ купцовъ и всѣхъ христіанъ, находившихся въ ихъ землѣ, а сами убѣжали въ Выборгъ, и, выходя оттуда, били Новгородцевъ. Въ слѣдующемъ году Новгородцы съ посадникомъ Федоромъ Даниловичемъ отправились въ Неву, и стояли подъ Орѣшкомъ, пересылаясь съ шведскимъ воеводою Стеномъ; но переговоры кончились ничѣмъ; Новгородцы возвратились домой; а Шведы съ Корелюю много воевали по Обовѣжью, а потомъ сожгли посадъ у Ладоги. Мстить имъ за это ходили *молодцы* новгородскіе съ воеводами: они повоевали Шведскую Корелу около Выборга, сильно опустошили землю, хлѣбъ пожгли, скоть изрубали, и пришли домой всѣ здоровы съ полономъ. По ихъ удаленіи Шведы вышли изъ Выборга, воевали Толдогу⁴¹¹, и оттуда пошли на Вотскую землю, но здѣсь ничего не взяли, потому что жители поостереглись; Копорьяне напали на нихъ въ небольшомъ числѣ и разбили. Послѣ этого пришли послы въ Новгородъ изъ Выборга, отъ воеводы Петрика, и объявили, что шведскій князь ничего не знаетъ о войнѣ, началъ ее своевольно Стенъ воевода. Новгородцы отправили въ Выборгъ своихъ пословъ, которые и заключили миръ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ помирился князь Юрій Даниловичъ на Невѣ; относительно же Кобылитской Корелы положено было послать къ шведскому князю. Въ слѣдующемъ 1339 году Новгородцы отправили двоихъ пословъ, да еще третьяго отъ владыки, за море, къ шведскому князю и заключили съ нимъ миръ по старымъ грамотамъ; о Корелѣ же сказали такъ: «Если наши побѣгутъ къ вамъ, то събитѣ ихъ и вѣшайте; если и ваши прибѣгутъ къ намъ, то и мы съ ними будемъ дѣлать то же самое, чтобъ изъ-за нихъ ссоры между нами не было; которые же прежде были за нами, тѣхъ не выдадимъ, потому что они покрещены въ нашу вѣру, да и мало ихъ осталось, всѣ померли гнѣвомъ Божиимъ.» На западѣ волновались Корелы, на сѣверо-востокѣ, въ Двинской области Финскія племена также не хотѣли быть спокойны: подъ 1329 годомъ опять встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы, шедшіе въ Югру, были перебиты устюжскими

князьями. — Въ 1326 году прїѣзжали въ Новгородъ послы изъ Литвы: братъ Гедимина, Воинъ, князь полоцкій, Василій, князь минскій, и князь Ѳеодоръ Святославичъ; они заключили миръ съ Новгородцами и Нѣмцами. Но въ 1335 году, не смотря на этотъ миръ и не смотря на то, что литовскій князь Наримантъ кормился на пригородахъ новгородскихъ, Литва повоевала новоторжскую волость; великій князь былъ въ это время въ Торжкѣ, и немедленно послалъ свое войско въ Литву; оно пожгло городки литовскіе—Осѣченъ⁴¹², Рясну и много другихъ.

Подъ 1329 годомъ лѣтопись упоминаетъ объ убіеніи въ Дерптѣ новгородскаго посла, мужа честнаго, Ивана Сыча: но о слѣдствіяхъ этого убійства не говоритъ ничего. И въ псковской лѣтописи съ 1323 до 1341 года мы не встрѣчаемъ извѣстій о войнѣ съ орденомъ Ливонскимъ. Причина была та, что уже давно, еще съ конца XIII вѣка въ Ливоніи происходили усобицы. Мы видѣли, что главнымъ дѣятелемъ при утверженіи нѣмецкаго владычества въ Ливоніи, былъ епископъ рижскій, по старанію котораго былъ учрежденъ рыцарскій орденъ, необходимо становившійся въ служебное отношеніе къ рижской церкви. Но миръ не могъ долго сохраниться между двумя учрежденіями, изъ которыхъ у одного были матеріальныя средства, право силы, меча, у другаго же одни права историческія и духовныя; первое не могло долго подчиняться послѣднему; но епископы также не хотѣли уступить магистрамъ ордена своего первенствующаго положенія, и слѣдствіемъ этого была усобица. Особенно разгорѣлась она при магистрѣ Бруно и архіепископѣ Іоаннѣ фонъ-денъ-Фехтѣ, при чемъ, не имѣя достаточно собственныхъ матеріальныхъ средствъ для борьбы съ рыцарями, епископъ и Рижане призвали себѣ на помощь Литовцевъ-язычниковъ! Началась ожесточенная война; въ теченіе 18 мѣсяцевъ дано было девять битвъ, большую часть которыхъ выиграла рыцари; но въ 1298 году литовскій князь Витенесъ вторгнулся въ Ливонію, встрѣтился съ войскомъ рыцарей на рѣкѣ Аа и нанесъ имъ страшное пораженіе: магистръ Бруно, 60 рыцарей и множество простаго войска полегли въ битвѣ; ободренныя побѣдою, войска рижскія и Литовцы осадили орденскую крѣпость Неумюль, но потерпѣли подъ нею пораженіе отъ тевтонскихъ рыцарей, пришедшихъ на помощь своимъ ливонскимъ собратіямъ. Не видя возможности одолѣть орденъ матеріальными

средствами, епископы ливонскіе прибѣгли къ другимъ: въ это время, т.-е. въ началѣ XIV вѣка вниманіе западной Европы обращено было на страшный процессъ храмовыхъ рыцарей; великій магистръ ихъ уже былъ въ оковахъ вмѣстѣ съ братьями, находившимися во Франціи, и ненависть Филиппа Красиваго грозила печальнымъ окончаніемъ процесса. Это подало надежду ливонскимъ епископамъ, что подобная же участь можетъ постигнуть и нѣмецкій орденъ въ Пруссіи и Ливоніи. Въ 1308 году они подали папѣ обвинительный листъ, въ которомъ приписывали ордену не успѣхъ въ обращеніи Литовцевъ, обвиняли рыцарей въ истребленіи жителей Семигалліи, когда тѣ были уже христіанами и проч.; нашлось обвиненіе и въ родѣ тѣхъ, которыя тяготѣли надъ несчастными Тамплиерами: епископы доносили, что когда рыцарь получалъ рану въ битвѣ, то остальные товарищи добивали его и сожигали тѣло по обычаю язычниковъ. Папа Климентъ V нарядилъ комиссію на мѣстѣ для изслѣдованія справедливости жалобъ; дѣло кончилось ничѣмъ; епископы не удовлетворились такимъ окончаніемъ его, и когда король Польскій завелъ споръ съ орденомъ о землѣ поморской, когда архіепископъ гнѣзенскій, епископы куявскій, плоцкій и познанскій встали противъ ордена, то архіепископъ рижскій соединился съ ними, въ надеждѣ, что такое сильное возстаніе достигнетъ наконецъ своей цѣли — низложенія ордена. Всего больше архіепископъ и Рижане настаивали на томъ, что князья литовскіе и народъ ихъ давно были бы христіанами и католиками, еслибъ не препятствовали тому рыцари, — обвиненіе, имѣвшее на своей сторонѣ вѣроятность: еслибъ въ самомъ дѣлѣ Литва приняла христіанство, то орденъ, котораго цѣлю было обращеніе язычниковъ, тѣмъ самымъ долженъ былъ прекратить свое существованіе. Не смотря однако на всѣ старанія епископовъ, великій магистръ фонъ-Беффартъ выигралъ въ Авиньонѣ дѣло въ пользу ордена, который былъ оправданъ во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ: самымъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу ордена послужило представленное Беффартомъ папѣ оригинальное письмо архіепископа и Рижанъ къ литовскому князю съ просьбою напасть на владѣнія ордена. Но дѣло, рѣшенное въ Авиньонѣ, далеко было до окончанія своего въ Ливоніи, потому что при такой долгой борьбѣ за самые существенные интересы ненависть съ обѣихъ сторонъ достигла

высшей степени и не могла скоро потухнуть. Обманувшись въ надеждѣ повредить ордену процессомъ у папы, Рижане обратились опять къ прежнему средству и вошли въ сношенія съ литовскими язычниками противъ рыцарей. Тогда магистръ ливонскій Ебергартъ фонъ-Монгеймъ рѣшился покоичить дѣло оружіемъ и, собравши большое войско, осадилъ Ригу. Около года длилась осада; но наконецъ Рижане, терпя сильный голодъ, запросили мира, и получили его на тяжкихъ условіяхъ: лучшіе граждане должны были явиться въ станъ рыцарей и у ногъ магистра положить всѣ свои привилегіи. Потомъ, велѣвши засыпать часть городскихъ рововъ и понизить валы, магистръ заложилъ новую крѣпость, которая должна была сдерживать безпокойное народонаселеніе.

Съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, какъ московскій князь Іоаннъ Даниловичъ сталъ великимъ княземъ, наступила тишина великая по всей Русской землѣ и перестали Татары воевать⁴¹³ ее. Таково было непосредственное слѣдствіе усиленія одного княжества московскаго насчетъ всѣхъ другихъ; въ одномъ древнемъ памятникѣ дѣятельность Калиты обозначена тѣмъ, что онъ избавилъ Русскую землю отъ воровъ (татей⁴¹⁴),—видно, что предки наши представляли себѣ Калиту установителемъ тишины, безопасности, внутренняго наряда, который до тѣхъ поръ постоянно былъ нарушаемъ сперва родовыми усобицами княжескими, потомъ усобицами князей или, лучше сказать, отдѣльныхъ княжествъ для усиленія себя насчетъ всѣхъ другихъ, что вело къ единовластію. Борьба эта для усиленія себя насчетъ другихъ, съ презрѣніемъ родовой связи и счетовъ, началась давно: Михаилъ Хоробритъ московскій, Ярославъ тверской, Василій костромской, Андрей городецкій, показали ясно новый характеръ борьбы; борьба Твери съ Москвою была послѣднею сильною, ожесточенною, кровавою борьбою двухъ княжествъ, стремившихся къ окончательному усиленію. Для Москвы средства къ этой борьбѣ были приготовлены еще при Данилѣ; началъ борьбу и неотомимо продолжалъ Юрій Даниловичъ. Калита умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, окончить борьбу съ полнымъ торжествомъ для своего княжества, и далъ современникамъ почувствовать первыя добрыя слѣдствія этого торжества; далъ имъ предвкусить выгоды

единовластія, почему и перешелъ въ потомство съ именемъ перваго собирателя Русской земли ⁴¹⁵.

Калита умеръ 31 марта 1341 года, не успѣвъ окончить дѣлъ своихъ съ Новгородомъ. До насъ дошли двѣ его духовныя грамоты ⁴¹⁶: между тремя сыновьями и женою подѣлялъ онъ свое движимое и недвижимое имѣніе: старшему Семену отдано 26 городовъ и селеній, въ числѣ которыхъ примыслы Юрія Даниловича — Можайскъ и Коломна; второму сыну Ивану 23 города и селенія, изъ нихъ главные Звенигородъ и Руза; третьему Андрею 21 городъ и селеніе, изъ нихъ извѣстнѣе Серпуховъ; княгинѣ съ меньшими дѣтьми опять 26. Такимъ образомъ величина удѣловъ слѣдуетъ старшинству: самый старшій и матеріально сильнѣе, притомъ города его значительнѣе, наприм. Можайскъ былъ особымъ княжествомъ; старшему же должно было получить и великокняжескую область владимирскую съ Переяславлемъ ⁴¹⁷.

Въ то самое время какъ на сѣверовостокѣ Русская земля собиралась около Москвы, такое же собираніе русскихъ волостей въ одно цѣлое происходило и на югозападѣ. Давно уже можно было ожидать, что дѣло собранія старой, югозападной Руси предназначено князьямъ галицко-волинскимъ, потомкамъ Романа великаго. Случайныя обстоятельства были въ пользу этихъ князей, въ пользу скорого собранія югозападной Руси: въ старшемъ сынѣ Романовомъ съ блестящею храбростію соединялся ясный смыслъ, государственное пониманіе; отношенія его къ брату Васильку волинскому представляютъ образецъ братской любви и согласія. Волости не дробятся, ибо сынъ Василька, Владиміръ, умирая бездѣтнымъ, отказываетъ Волинь сыну Данилову, Мстиславу; мало того, при сынѣ Льва, Юріи, видимъ соединеніе Галича и Волини подъ одну власть; при внукѣ этого Юрія, Юріи II-мъ, видимъ также соединеніе обѣихъ волостей, потому что этотъ князь пишетъ свои грамоты то во Львовѣ, то во Владимірѣ. Не смотря на всѣ эти благопріятныя обстоятельства, югозападная Русь не собралась въ одно государство подъ знаменемъ своихъ родныхъ князей изъ племени Романа великаго; мы не знаемъ никакихъ подробностей о княженіи внуковъ Даниловыхъ, мы знаемъ только имена ихъ и титулы, какъ они сохранились въ грамотахъ ихъ къ нѣмецкому ордену: читаемъ въ этихъ грамотахъ имя Юрія, который называетъ себя королемъ русскимъ и кня-

земь владимирскимъ; въ другой грамотѣ находимъ имена сыновей его, Андрея и Льва; наконецъ есть позднѣйшія грамоты отъ Андрея сына Юрія, князя всей Малой Россіи ⁴¹⁸. Эти грамоты важны для насъ еще въ другомъ отношеніи: они показываютъ, что въ Галичѣ и на Волыни бояре и дружина сохранили попрежнему свое важное значеніе, ибо грамоты написаны не отъ имени одного князя, но также отъ имени знатнѣйшихъ бояръ и дружины вообще ⁴¹⁹; въ числѣ бароновъ (бояръ) упоминается и епископъ галицкій; послѣдняя грамота Юрія II-го относится къ 1335 году. Но въ то время, какъ югозападная Русь не воспользовалась благоприятными обстоятельствами, и закоснѣла въ старинѣ своей, сосѣднія государства, Литовское и Польское, успѣли усилиться внутри единовластіемъ и приобрѣли такимъ образомъ возможность дѣйствовать наступательно на Русь. Мы видѣли, что по смерти Миндовговой предположенное соединеніе Руси съ Литвою не состоялось: Литовцы, послѣ убіенія Воишелкова, выбрали себѣ князя изъ своего народа. При этомъ князь и его преемникахъ продолжалось и окончилось начатое еще прежде утвержденіе литовскаго господства въ русскихъ княжествахъ — полоцкомъ, туровскомъ и отчасти волынскомъ. Въ 1315 г., послѣдовала перемена въ династіи князей литовскихъ, произведенная знаменитымъ Гедиминомъ. Примѣромъ сильныхъ противорѣчій, которыми наполнены источники литовской и малороссійской исторіи, служатъ извѣстія о происхожденіи Гедимина: одни ⁴²⁰ говорятъ, что Гедиминъ былъ коношнимъ великаго князя Витенеса, въ заговорѣ съ молодою женою послѣдняго убилъ своего государя и овладѣлъ его престоломъ; другіе утверждаютъ ⁴²¹, что Гедиминъ былъ сынъ Витенеса и получилъ престолъ литовскій по смерти отца, пораженного громомъ; наконецъ есть извѣстіе, что Гедиминъ былъ братъ Витенеса ⁴²².

Въ самомъ началѣ княженія Гедимина уже упоминается о столкновеніяхъ его съ князьями русскими, галицкими и волынскими; можемъ принять извѣстіе, что эти князья хотѣли, сообщая съ нѣмецкимъ орденомъ, сдержатъ опасныя стремленія литовскаго владѣльца и первые начали противъ него наступательное движеніе. Но за вѣрность дальнѣйшихъ извѣстій о ходѣ борьбы историкъ ручаться уже не можетъ; по однимъ свидѣтельствамъ, въ 1320 году Гедиминъ предпринялъ походъ на Владимиръ-Волынской, гдѣ княжилъ Владимиръ Владиміровичъ, подъ предводительствомъ ко-

того граждане оказали упорное сопротивление; наконец князь Владимир палъ, и стольный городъ его отворилъ ворота побѣдителю, при чемъ въ войскѣ Гедиминовомъ Литва занимала незначительную часть; большинство же состояло изъ Русскихъ—Полочанъ, жителей Новгородка, Гродна⁴³³. Такимъ образомъ по однимъ извѣстіямъ, владимирское княжество завоевано Гедиминомъ; но по другимъ⁴³⁴, Владимиръ, Луцкъ и вся земля волынская досталась Любарту, сыну Гедиминову, котораго послѣдній князь этой страны, не имѣя сыновей, принялъ къ дочери. Здѣсь сказано, что Луцкъ, вмѣстѣ съ Владимиромъ, взятъ былъ Любартомъ въ приданое за женою; а по другимъ извѣстіямъ, въ Луцкѣ княжилъ особый князь, Левъ Юрьевичъ, который, испугавшись участи князя владимирскаго, бросилъ свой стольный городъ и убѣжалъ въ Брянскъ, гдѣ у него были родственники. Луцкъ поддался Гедиминову, и бояре, собранные со всей Волыни, признали его своимъ княземъ, удержавъ прежнія права, обычаи, вѣру. На слѣдующій 1321 годъ⁴³⁵ Гедиминъ двинулся къ Киеву, которымъ владѣлъ какой-то князь Станиславъ; на помощь къ нему пришелъ Олегъ, князь переяславскій, Святославъ и Василій, князя брянскіе и, вмѣстѣ съ ними, бѣжавшій изъ Волыни князь Левъ. Надъ рѣкою Ирпенемъ сошлись непріатели — и Гедиминъ побѣдилъ; князя Олега и Лева были убиты, Станиславъ убѣжалъ въ Брянскъ съ тамошними князьями; Бѣлгородъ сдался побѣдителю, но Кіевъ выдержалъ двухмѣсячную осаду; наконецъ граждане, не видя ни откуда помощи, собрались на вѣче и рѣшили поддаться литовскому князю, который съ триумфомъ вѣхалъ въ Золотыя ворота. Другіе города русскіе послѣдовали примѣру Кіева; Гедиминъ оставилъ вездѣ старый порядокъ, только посажалъ своихъ намѣстниковъ и гарнизоны по городамъ. Намѣстникомъ въ Кіевѣ былъ назначенъ Миндовгъ, князь гольшанскій. Новгородская лѣтопись подъ 1331 годомъ упоминаетъ о кіевскомъ князѣ Фодорѣ, который, вмѣстѣ съ татарскимъ баскакомъ, гнался, какъ разбойникъ, за новгородскимъ владыкою Василиемъ, шедшимъ отъ митрополита изъ Волыни; Новгородцы, провожавшіе владыку, остереглись, и Фодоръ не посмѣлъ напасть на нихъ⁴³⁶.

Какъ бы то ни было, переворотъ, произведенный на сѣверѣ своими князьями, потомками св. Владимира, былъ произведенъ на югѣ княземъ литовскимъ, котораго, тѣмъ или другимъ способомъ,

собралъ Русскую землю подъ одну власть. Гедиминъ умеръ въ 1339 году, оставивъ семерыхъ сыновей — Монвида, князя корачевского и слонимскаго, который скоро послѣдовалъ за отцемъ въ могилу; Нариманта—Глѣба, князя туровскаго и пинскаго, котораго мы видѣли въ Новгородѣ; отъ второй жены Ольги, Русской родомъ, Гедиминъ оставилъ Ольгерда, который, женившись на дочери князя витебскаго, получилъ это княжество за женою въ приданое; кромѣ Ольгерда, отъ Ольги Гедиминъ имѣлъ другаго сына, Кейстута, князя троцкаго. Отъ третьей жены, Еввы, также княжны Русской, онъ оставилъ Любарта—Владимира, князя волынскаго, Кориата Михаила, князя новгородскаго, наконецъ Евнута, князя виленьскаго. Послѣдній, не смотря на то, что былъ младшій, получилъ однако стольный городъ отцовскій, быть-можетъ, по стараніямъ матери своей; но двое старшихъ Гедиминичей — Ольгердъ и Кейстутъ отняли у Евнута старшій столъ. Ольгердъ и Кейстутъ жили между собою очень дружно, говорить лѣтописецъ западной Руси⁴²⁷, а князь великій Евнута, державшій старшинство, не полюбился имъ, и сговорились они между собою, какъ бы Евнута изъ Вильны выгнать. Сговорившись положили срокъ, въ который день взять Вильну подъ братомъ Евнута. Князь Ольгердъ изъ Витебска не поспѣлъ къ тому сроку, а князь Кейстутъ одинъ напалъ на Вильну и прорвался въ городъ; великій князь Евнута спасся бѣгствомъ въ горы, отморозилъ ноги и попался въ плѣнъ. Привезли его къ брату Кейстуту: тотъ отдалъ его подъ стражу, а самъ послалъ гонца сказать Ольгерду, чтобъ шель скорѣе въ Вильну, и что Евнута уже въ ихъ рукахъ. Когда Ольгердъ пришелъ, то Кейстутъ сказалъ ему: «Тебѣ слѣдуетъ быть великимъ княземъ въ Вильнѣ, ты старшій братъ, а я съ тобою буду жить заодно». И посадилъ его на великомъ княженіи въ Вильнѣ, а Евнута дали Изаславль. Потомъ уговорились оба князя между собою, чтобъ всей братьи слушаться князя Ольгерда; условились — что добудутъ, городъ ли, волость ли, все дѣлить пополамъ, и жить до смерти въ любви, не мыслить лиха одному на другаго. Ольгердъ и Кейстутъ поклялись, и сдержали клятву. Такъ рассказываетъ лѣтописецъ литовскій; московскій же лѣтописецъ говоритъ, что Ольгердъ и Кейстутъ напали внезапно въ Вильнѣ на двухъ братьевъ, Нариманта и Евнута; жители города испугались, и Наримантъ бѣжалъ въ Орду, а

Евнутій сперва во Псковъ, оттуда въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Москву, къ преемнику Калиты, Симеону Ивановичу, здѣсь былъ крещенъ и названъ Иваномъ⁴²⁸ (1346 г.).

Но въ то время, какъ единовластіе утверждалось въ восточной Руси, благодаря князьямъ московскимъ, и въ западной, вслѣдствіе подчиненія ея князьямъ литовскимъ, въ Польшѣ, также утвердилось оно послѣ великихъ смуть, происходившихъ въ этой странѣ въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка. Мы видѣли, что въ 1300 году въ Краковѣ утвердился чужой князь, Вячеславъ, король чешскій. Но по смерти Вячеслава, Владиславу Локетку, котораго характеръ исправился въ школѣ бѣдствій, удалось, послѣ безчисленныхъ затрудненій, утвердиться на тронѣ и успокоить Польшу (1319 г.). Правленіе Локетка особенно замѣчательно тѣмъ, что съ его времени аристократія въ Польшѣ уступаетъ мѣсто шляхетской демократіи, потому что король, имѣя нужду въ шляхтѣ, по причинѣ безпрестанныхъ и тяжкихъ войнъ, призвалъ ее на сеймъ для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ; такимъ образомъ при Локеткѣ положено начало той шляхетской воли и власти, которыя имѣли такое сильное вліяніе на будущую судьбу Польши. были главною причиною ея паденія. Тщетно сынъ и преемникъ Владислава Локетка, Казимиръ великій, старался обуздать эту волю и власть и защищать низшее народонаселеніе: онъ не могъ произвести никакой перемѣны въ этомъ отношеніи⁴²⁹. Въ исторіи югозападной Руси Казимиръ великій замѣчателенъ тѣмъ, что ему удалось присоединить къ Польшѣ королевство галицкое. Какъ видно, потомство Романа великаго въ мужескомъ колѣнѣ пресѣклось смертію Юрія II-го, и преемникомъ послѣдняго въ Галичѣ мы видимъ племянника его отъ сестры Маріи, Болеслава, князя мазовецкаго. Но Болеславъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе новыхъ подданныхъ: онъ угнѣталъ ихъ тяжкими податями, насилдовалъ ихъ женъ и дочерей, окружилъ себя Поляками, Чехами, Нѣмцами, раздавалъ имъ должности мимо туземцевъ, наконецъ старался ввести латинство. Галичане отравили его ядомъ; тогда Казимиръ великій, пользуясь несогласіемъ бояръ относительно выбора князя, въ два похода успѣлъ овладѣть княжествомъ Мстислава торопецкаго и Данила Романовича (1340 г.).

На восточной сторонѣ Днѣпра замѣчательны для насъ событія, происходившія въ княжествѣ Брянскомъ; замѣчательны они по

соотвѣтствію событіямъ, которыя видимъ въ другихъ княжествахъ русскихъ въ описываемое время: вездѣ князья обнаруживаютъ одинакія стремленія — усилиться во что бы то ни стало насчетъ другихъ, и вездѣ борьба эта, ведущаяся по инстинкту самосохраненія, принимаетъ суровый характеръ, сопровождается кровавыми явленіями. Подъ 1309 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Святославъ Глѣбовичъ выгналъ племянника своего, князя Василія изъ Брянска, и самъ сѣлъ на его мѣсто. Василій ушелъ въ Орду жаловаться хану на дядю, и въ слѣдующемъ году пришелъ подъ Брянскъ съ татарскимъ войскомъ. Въ городѣ всталъ сильный мятежъ. Въ это время находился здѣсь митрополитъ Петръ, который сталъ уговаривать Святослава подѣлиться волостью съ племянникомъ, или, оставивши ему все, бѣжать изъ города, а не биться. Но Святославъ надѣялся на свою силу и на мужество; былъ онъ крѣпокъ тѣломъ, очень храбръ и потому не послушался митрополита, отвѣчалъ ему: «Господинъ! Брянцы меня не пустятъ, они хотятъ за меня головы свои сложить». Святославъ не хотѣлъ даже защищаться въ стѣнахъ города, но вышелъ на полдень пути отъ Брянска и сразился съ Татарами. Послѣдніе, по обычаю, сначала помрачили воздухъ стрѣлами, потомъ, когда дѣло дошло до копій и сабель, то Брянцы—крамольники, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, выдали князя Святослава, бросили стяги и побѣжали; Святославъ остался только съ однимъ дворомъ своимъ, бился долго, наконецъ былъ убитъ. Митрополитъ Петръ затворился въ церкви и тамъ спасся отъ Татаръ. Князь Василій, овладѣвши Брянскомъ, не терялъ времени и случая: въ томъ же году ходилъ съ Татарами къ Корочеву, и убилъ тамошняго князя Святослава Мстиславича. Смерть Василія брянскаго помѣщена подъ 1314 годомъ; въ 1333 упоминается о походѣ князя Дмитрія брянскаго на Смоленскъ съ Татарами: бились много и заключили миръ⁴³⁰. Въ 1340 году Брянцы, злые крамольники, по выраженію лѣтописца, сошлись вѣчемъ и убили князя своего Глѣба Святославича, не смотря на увѣщанія митрополита Феогноста. — Въ корочевскомъ княжествѣ князь Андрей Мстиславичъ былъ убитъ племянникомъ своимъ, Василемъ Пантелеичемъ, въ 1339 году.

Г Л А В А VI.

Событія въ княженіе сыновей Іоанна Калиты.

(1341—1362).

Симеонъ Гордый; подручническія отношенія князей къ нему.—Походы Симеона на Смоленскъ и Новгородъ.—Волненія въ Новгородъ, Твери и Рязани.—Событія въ Ярославль и Муромъ.—Дѣла татарскія и литовскія.—Олгердь и борьба его съ тевтонскимъ орденомъ.—Войны Пскова съ литовскими Нѣмцами, Новгорода съ Шведами.—Договоръ В. К. Симеона съ братьями.—Черная смерть.—Кончина и завѣщаніе Симеона Гордаго.—Соперничество преемника его Іоанна съ суздальскимъ княземъ.—Война съ Рязанью.—Судьба московскаго тысяцкаго, Алексѣя Петровича Хвоста.—Усобицы въ Муромъ, Твери и Новгородъ.—Отношенія къ Орду и Литвѣ.—Смерть В. К. Іоанна.—Торжество сына его Дмитрія надъ суздальскимъ княземъ.—Московскіе бояре.

По смерти Калиты всѣ русскіе князья отправились въ Орду; но соперничество ихъ съ богатымъ и сильнымъ московскимъ княземъ было невозможно, и ханъ объявилъ старшаго сына Калиты, Симеона, великимъ княземъ владимирскимъ. Благодаря усиленію Москвы, это уже не былъ теперь одинъ только титулъ; но чего опасались князья еще со временъ Мстислава Храбраго, то исполнилось; они перестали быть родичами равноправными и стали подручниками: «всѣ князья Русскіе даны были подъ руки Симеона», говорятъ лѣтописи. Что князья хорошо понимали эту перемѣну; что сынъ Калиты заставилъ ихъ ее почувствовать, доказательствомъ служитъ прозваніе *Гордаго*, которое они ему дали. Есть извѣстіе¹²¹, что Симеонъ, созывая князей для извѣстныхъ дѣлъ своихъ, напоминалъ имъ, что Русь была только тог-

да сильна и славна, когда князья безпрекословно повинивались старшему, и что теперь только такимъ же безпрекословнымъ повинованіемъ ему, Симеону, они могутъ освободиться отъ татарскаго ига; но князья знали разницу между прежними и настоящими отношеніями; знали, къ чему поведетъ такая покорность.

Какъ бы то ни было, князья повинивались Симеону; Тверь не думала болѣе о борьбѣ: князь ея Всеволодъ Александровичъ отказался отъ мести за отца своего сыну Калиты, и отдалъ за Симеона московскаго сестру свою Марію въ 1346 году, а въ 1349 году племянникъ Александровъ Михайль, сынъ великаго князя тверскаго, Василія Михайловича, женился на дочери Симеоновой. Въ 1351 году лѣтопись упоминаетъ о походѣ Симеона съ двумя братьями—Иваномъ и Андреемъ на Смоленскъ, но прослы смоленскіе встрѣтили его на рѣкѣ Угрѣ и заключили миръ; причины похода и условія мира неизвѣстны⁴²². — Въ то время, какъ Симеонъ, по смерти отца своего, находился въ Ордѣ, новгородскіе *молодцы*, какъ называютъ ихъ лѣтописецъ, повоевали и пожгли Устюжну; жители послѣдней загнали ихъ и отняли добычу; но потомъ молодцы эти повоевали бѣлозерскую волость. Мы видѣли, что Калита купилъ Бѣлозерскъ; Симеонъ долженъ былъ смотрѣть на этотъ городъ уже какъ на свою собственность; когда онъ возвратился изъ Орды, то первымъ его дѣломъ было послать въ Торжекъ за сборомъ дани, при чемъ сборщики стали притѣснять жителей. Новоторжцы послали просить помощи у Новгородцевъ, и тѣ отправили войско, которое внезапно овладѣло Торжкомъ, схватило великокняжескихъ наместниковъ и сборщиковъ дани, переклоало ихъ съ женами и дѣтьми, укрѣпило городъ, а Новгородцы между тѣмъ послали въ Москву сказать Симеону: «Ты еще не съѣлъ у насъ на княженіи, а уже бояре твои насильничаютъ.» Новоторжцы, боясь мести великаго князя, послали сказать Новгородцамъ, чтобъ они сядились на коней и сѣвшили къ нимъ на помощь; но чернь новгородская не захотѣла выступить въ походъ. Тогда новоторжская чернь, видя, что изъ Новгорода рать не приходитъ, встала на бояръ, говоря: «Зачѣмъ вы призвали Новгородцевъ? Они перехватили княжихъ людей, и намъ теперь приходится за это погибать!» Черные люди вооружились, наѣли брони, пошли на дворы, гдѣ содержались московскіе плѣнники, освободили ихъ, а Новгородцевъ выпроводили изъ города, потому

бросались на своихъ бояръ, дома ихъ разграбили, хоромы развезали, села опустошили, одного боярина Семена Внучка убили на вѣчь, остальные убѣжали въ Новгородъ. Между тѣмъ въ Москвѣ былъ съѣздъ всѣмъ князьямъ русскимъ — Симеонъ Гордый шелъ въ походъ на Новгородъ; съ нимъ вмѣстѣ отправился и митрополитъ Феогностъ. Новгородцы, узнавъ, что великій князь въ Торжкѣ со всею землею низовскою, начали собирать всю свою волость къ себѣ въ городъ, но сперва попытались кончить дѣло миромъ: владыку Василия отправили бить челомъ къ митрополиту, а тысяцкаго съ боярами къ великому князю. Симеонъ согласился на миръ по старымъ грамотамъ новгородскимъ, но взялъ за это черный боръ по всей волости и 1000 рублей съ Торжка; послѣ чего отпустилъ намѣстника въ Новгородъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Симеонъ кромѣ денегъ потребовалъ еще неслыханнаго до тѣхъ поръ униженія отъ пословъ новгородскихъ; прозваніе Гордый побуждаетъ вѣрить этому свидѣтельству⁴³³. Только въ 1347 году Симеонъ, по зову владыки Василия, пріѣзжавшаго за тѣмъ въ Москву, отправился въ Новгородъ, гдѣ сѣлъ на столъ и пробылъ три недѣли.

Сторонъ княжескихъ теперь не могло быть болѣе въ Новгородѣ, ибо нельзя стало болѣе выбирать изъ многихъ князей; но существованіе сильныхъ сторонъ боярскихъ очевидно изъ разсказовъ лѣтописца о внутреннихъ дѣлахъ Новгорода. Подъ 1342 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о смерти посадника Вароламея, сына Юрія Мишинича; мѣсто его заступилъ прежній посадникъ Федоръ Даниловичъ. Вскорѣ послѣ этого Лука Варфоломенчъ, какъ видно сынъ умершаго посадника, противъ воли Новгорода, не взявши благословенія ни у митрополита, ни у владыки, собравши бродячихъ холопей, пошелъ за Волокъ на Двину, поставилъ городокъ Орлецъ, и, набравши Емчанъ⁴³⁴, опустошилъ всю землю заволоцкую по Двинѣ, взялъ всѣ погосты на щить; потомъ, отпустивши сына своего Оницифора на Вагу, выѣхалъ воевать только съ двумя стами человекъ, и былъ убитъ Заволочанями. Когда пришла въ Новгородъ вѣсть о смерти Луки, то черные люди встали на какого-то Андрюшку, да на посадника Федора Даниловича, пограбили ихъ дома и села, обвиняя ихъ въ убійствѣ Луки. Федоръ и Андрюшка убѣжали въ Коворье и сидѣли тамъ всю зиму до Великаго поста, когда возвратился съ Ваги

Оницифоръ и сталъ бить на нихъ челомъ Новгороду: «Федоръ и Андришка заслали убить моего отца,»—говорилъ онъ. Владыка и Новгородъ послали архимандрита съ боярами въ Копорье привести оттуда обвиненныхъ; Федоръ и Андрей пріѣхали и объявили: «не думали мы на брата своего Луку, чтобъ его убить, не засылали на него.» Тогда Оницифоръ вмѣстѣ съ Матвѣемъ ⁴²⁵ собрали вѣче у св. Софїи, а Федоръ и Андрей собрали другое вѣче на Ярославовомъ дворѣ; Оницифоръ и Матвѣй послали было на это вѣче владыку, но не дождавшись его возвращенія, ударили на Ярославовъ дворъ, были разбиты, Матвѣй Коска (Козка) съ сыномъ попались въ руки враговъ, а Оницифоръ убѣжалъ съ своими пособниками. Это случилось утромъ; а послѣ обѣда вооружился весь городъ, раздѣлившись на двѣ стороны: однако владыка Василій съ великокняжескимъ намѣстникомъ Борисомъ помирили гражданъ: крестъ былъ возвеличенъ, а дьяволъ посрамленъ, говорятъ лѣтописецъ. Послѣ этого, какъ видно, посадникомъ былъ избранъ Евстаѣй Дворянинецъ; но въ 1345 г., онъ былъ лишенъ посадничества, которое было отдано упомянутому выше Матвѣю Вароламеевичу, по всѣмъ вѣроятностямъ дядѣ Оницифорову, сыну покойнаго посадника Вароламея: «Божею благодатию, говоритъ лѣтописецъ, не было лиха между ними», т. е. между старымъ и новымъ посадникомъ. Потомъ, какъ видно, Матвѣй опять скоро былъ свергнутъ и замѣщенъ Дворянинцемъ, по смерти котораго видимъ въ 1348 году посадникомъ опять Федора Даниловича. Въ 1350 году Федоръ Даниловичъ былъ свергнутъ, и посадничество отдано извѣстному Оницифору Лукничу; но этимъ дѣло не кончилось: скоро Федора выгнали съ тремя братьями, пограбили дѣла ихъ и всю Прусскую улицу; изгнанники отправились сперва во Псковъ, а потомъ въ Копорье.

Въ остальныхъ княжествахъ происходили волненія другаго рода. Въ Твери до 1346 года княжилъ Константинъ Михайловичъ. Стремясь, подобно всѣмъ князьямъ усилить себя на счетъ родичей, онъ началъ тѣснить вдову брата своего Александра, Анастасію и сына его, Всеволода Александровича, князя Холмскаго, силою захватывалъ бояръ и слугъ ихъ ⁴²⁶. Всеволодъ не могъ сносить этихъ притѣсненій, и ушелъ въ Москву къ Симеону; потомъ въ томъ же 1346 году, и Константинъ и Всеволодъ поѣхали въ Орду, гдѣ Константинъ умеръ, а Всеволодъ выхлопоталъ у хана ярлыкъ

на княженіе, не смотря на то, что у него оставался еще дядя, Василій Михайловичъ, князь Кашинскій. Послѣдній услыхавъ о братней смерти, сбѣжалъ также въ Орду, но зная, что туда не зачѣмъ ѣздить съ пустыми руками, взялъ дань съ племянниковои холмской волости, и отправился; Всеволодь, узнавши о поступкѣ дяди и о побѣдѣ его въ Орду, выѣхалъ оттуда къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ, и ограбилъ его, вслѣдствіе чего Василій долженъ былъ возвратиться въ свою отчину — Кашинъ. Понятно, что вражда между дадею и племянникомъ не кончилась этимъ, а только началась: «была между ними ссора, говорить лѣтописецъ, а людямъ тверскимъ тягость, и многіе люди тверскіе отъ такого нестроенія разошлись; вражда была сильная между князьями. чуть-чуть не дошло до кровопролитія». Однако любопытно, что кровопролитія не было: не любили его сѣверные князья, старались кончить дѣло какими-нибудь другими средствами. Въ 1349 году епископу Феодору удалось помирить князей: Всеволодь уступилъ Тверь дядѣ, и оба укрѣпились между собою крестнымъ цѣлованіемъ, поклялись жить въ совѣтѣ и единствѣ, и вотъ когда узнали, что князья помирились, то пошли къ нимъ отовсюду люди въ города ихъ и волости, народонаселеніе умножилось, и всѣ Тверичи сильно радовались. Но радовались они не долго: только что Василій получалъ ярлыкъ изъ Орды, какъ началъ опять сердиться на племянника, припоминая, какъ тотъ ограбилъ его на дорогѣ въ Орду; средства къ угнетенію племянника употреблены были и Василіемъ тѣже самыя, какія прежде употреблялъ Константинъ: онъ сталъ притѣснять бояръ и слугъ холмскаго князя. Но подобныя явленія происходили не въ одномъ тверскомъ княжествѣ: мы видѣли, что рязанскій князь Иванъ Ивановичъ Коротополь убилъ родственника своего Александра Михайловича Проискаго. Въ 1342 году сынъ убитаго Александра, Ярославъ выхлопоталъ себѣ ярлыкъ и выгналъ самаго Коротополя изъ Переяславля Рязанскаго⁴³⁷; потомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Коротополь былъ убитъ — неизвѣстно, гдѣ, кѣмъ и какъ, а подъ 1344 годомъ упоминается о смерти Ярослава проискаго. — Подъ 1349 годомъ упоминается о смерти рязанскаго князя Василія Александровича, какъ видно, брата Ярослава, послѣ чего видимъ въ Рязани княземъ знаменитаго Олега Иоанновича. Въ 1344 году умерли князья — Василій Давыдовичъ

ярославскій и Василій муромскій; преемникъ послѣдняго, Юрій Ярославичъ обновилъ отчиму свою Муромъ, запустѣлый издавна, со времени первыхъ князей; Юрій поставилъ дворъ свой въ этомъ городѣ, его примѣру послѣдовали бояре, вельможи, купцы и черные люди.

Въ Орду въ 1340 году умеръ ханъ Узбекъ; старшій сынъ и преемникъ его, Тинбекъ (Исанбекъ) былъ убитъ въ 1342 году младшимъ братомъ своимъ Чанибекомъ. Пять разъ ходилъ Симеонъ московскій въ Орду, и всякій разъ возвращался оттуда со многою честью и пожалованіемъ, но выраженію лѣтописца: о татарскихъ опустошеніяхъ, насиліяхъ баскаковъ и пословъ не слышно и въ княженіе Симеона, какъ въ княженіе отца его; только разъ подъ 1347 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о приходѣ ордынскаго князя Темира подъ городъ Алексинъ: Татары сожгли посадъ и возвратились въ Орду съ большой добычею. Съ отношеніями татарскими при Симеонѣ соединились литовскія. Мы видѣли, что въ то самое время, какъ на сѣверо-востокѣ усилились московскіе князья и стали собирать русскую землю, на юго-западѣ тоже оное дѣло совершенно было князьями литовскими; но какъ скоро обѣ половины Руси собрались въ два сильныя тѣла, то и вступили въ-борьбу между собою; Гедиминъ занялъ былъ подчиненіемъ себѣ волости юго-западной Руси; сынъ его Олгердъ, спокойный съ этой стороны, обратилъ вниманіе на сѣверо-восточную. Олгердъ, по отзыву нашего лѣтописца, былъ очень уменъ, говорилъ на разныхъ языкахъ, не любилъ забавъ, и занимался дѣлами правительственными день и ночь; былъ воздерженъ, вина, пива, меду и никакого хмѣльнаго напитка не пилъ, и отъ этого приобрѣлъ великій разумъ и смыслъ, коварствомъ своимъ многія земли повоевалъ и увеличилъ свое княжество⁴²⁸. Въ 1341 году Олгердъ явился подъ Можайскомъ, опустошилъ окрестности, пожегъ посадъ, но города взять не могъ⁴²⁹. Мы видѣли, что Евнутий, братъ Олгердовъ, нашелъ убѣжище въ Москвѣ у Симеона. Но литовскіе князья, подобно соперникамъ своимъ, князьямъ московскимъ, отличаются большою осторожностію въ своемъ поведеніи, не любятъ рѣшительныхъ средствъ, открытой борьбы, гдѣ въ одной битвѣ можно потерять собранное многолѣтними трудами. Олгердъ, коварству котораго удивляется лѣтописецъ, издумалъ погубить Московское княжество посредствомъ Татаръ,

для чего въ 1349 году отправилъ брата своего Коріада къ Чалубеку просить у него помощи на Симеона. Тотъ, узнавши объ этомъ, немедленно послалъ сказать хану: «Олгердь опустошилъ твои улусы (югозападные Русскія волости) и вывелъ ихъ въ плѣнъ, теперь тоже хочетъ сдѣлать и съ нами, твоимъ вѣрнымъ улусомъ, послѣ чего, разбогатѣвши, вооружится и на тебя самого.» Ханъ былъ столько уменъ, что понялъ справедливость словъ Симеоновыхъ, задержалъ Коріада и выдалъ его московскому князю. Олгердь присмирѣлъ на время, и отправилъ пословъ въ Москву съ дарами и челобитьемъ, прося освободить брата: Симеонъ исполнилъ просьбу. Мало того, оба брата, Олгердь и Любарть, женатые и прежде на княжнахъ русскихъ, и овдовѣвшіе, въ одинъ годъ прислали къ Симеону просить за себя двухъ его родственницъ: Любарть племянницу, княжну ростовскую, а Олгердь свояченицу, княжну тверскую. Симеонъ спросился митрополита, и тотъ разрѣшилъ эти браки, вѣроятно имѣя въ виду пользу, какая могла произойти отъ нихъ для православной югозападной Руси, гдѣ Любарть Волынскій боролся съ Казимиромъ Польскимъ, угнетавшимъ православіе ⁴⁴⁰. — Съ Новгородомъ также было у Олгерда враждебное столкновение въ 1346 году: литовскій князь вошелъ въ новгородскіе предѣлы со всею братьею и со всею литовскою землею, сталъ на рѣкѣ Шелони, при впаденіи въ нее Пшаги, и послалъ объявить Новгородцамъ: «Хочу съ вами видѣться: бранилъ меня посадникъ вашъ, Евстаѳій Дворянинецъ, называлъ псомъ», — послѣ чего опустошилъ страну по рѣкамъ Шелони и Луги, и пошелъ домой; Новгородцы вышли было противъ него на Лугу, но возвратились къ себѣ въ городъ, собрали вѣче и убили посадника своего Дворянина, крича ему: «Изъ-за тебя опустошили нашу волость».

Но не одна врожденная осторожность заставляла Олгерда дѣйствовать нерѣшительно противъ сѣверо-восточной Руси: онъ сдерживался на западѣ опасною борьбою съ нѣмецкимъ орденомъ, вліяніе котораго на судьбы восточной Европы становится такимъ образомъ еще важнѣе. Мы видѣли, что торжествомъ своимъ надъ Пруссими орденъ былъ обязанъ преимущественно ихъ раздѣленію на многія независимыя племена, не могшія потому выставить завоевателямъ дружнаго сопротивленія. Но борьба перемѣнила характеръ, когда рыцари, окончивъ завоеваніе Пруссимъ,

обратились на Литву, ибо здѣсь, благодаря стремленіямъ Миндовга и его преемниковъ, они должны были имѣть дѣло съ соединенными силами цѣлой страны, силами, которыя постоянно увеличивались, сначала толпами Пруссовъ, которыя бѣжали отъ нѣмцевъ, потомъ русскими волостями, входившими въ составъ великаго княжества литовскаго. Послѣдніе годы тринадцатаго и первые четырнадцатаго вѣка протекли въ опустошительныхъ набѣгахъ рыцарей на литовскія области и Литовцевъ на владѣнія рыцарей; послѣднимъ не удалось стать твердою ногою на литовскомъ берегу Нѣмана. Неудачны были рѣчные походы рыцарей по Нѣману; огромная барка ихъ, сдѣланная въ видѣ плывучаго острожка, сѣла на мель и была сожжена Литовцами; одинаково неудачны были и походы сухопутные; взятіе литовскихъ крѣпостей стоило ордену много трудовъ и крови. Въ 1336 году прибылъ въ Пруссію маркграфъ бранденбургскій, графъ геннебергскій и графъ намурскій съ многочисленными войсками, чтобъ помогать ордену въ войнѣ съ язычниками. Магистръ ордена воспользовался удобнымъ случаемъ, двинулся вмѣстѣ съ союзниками на Литву и осадилъ Пунаэ, острожекъ, служившій пристанищемъ для Литвы, возвращавшейся съ набѣговъ. На этотъ разъ въ острожекѣ укрылось четыре тысячи окрестныхъ жителей съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Въ христіанскомъ ополченіи было много военныхъ машинъ, которыя такъ успѣшно были въ стѣны острожка, что осажденные скоро увидали невозможность защищаться долѣе и, не смотря на то, рѣшились лучше погибнуть съ женами и дѣтьми, чѣмъ сдаться врагу; оборонялись до послѣдней крайности, потратили много варода на вылазкахъ; всѣ способные къ бою были покрыты ранами, а между тѣмъ часть стѣнъ была уже раскачена таранами, другая грозила рухнуть отъ подкоповъ. Тогда Литвины перебили женъ и дѣтей, поклади трупы ихъ на огромный костеръ, сгроможденный среди крѣпости, зажгли его, и потомъ стали сами умерщвлять другъ друга; большую часть перебилъ Маргеръ, начальникъ крѣпости, поклявшійся, что, по умерщвленіи товарищей, самъ себя лишитъ жизни; много помогла Маргеру одна старуха, которая обезглавила топоромъ сто ратниковъ и потомъ убила сама себя, при видѣ входящихъ непріятелей. Нѣмцы безпрепятственно вступили въ крѣпость; оставшіеся въ живыхъ Литвины бросались сами

подъ удары ихъ мечей. Маргеръ сдержалъ свое слово: онъ бился еще съ горстью отчаянныхъ храбрецовъ, и когда все они пали, бросился въ подземелье, гдѣ спряталъ жену, убилъ сперва ее, а потомъ и самого себя. Въ такомъ положеніи находились дѣла до 1346 г., когда великимъ магистромъ ордена былъ избранъ Генрихъ фонъ-Арфбергъ. Новый магистръ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ, и борьба началась съ обѣихъ сторонъ съ большими усиліями, съ большимъ ожесточеніемъ. Арфбергъ проникъ до Трокъ, страшно опустошилъ ихъ окрестности, потомъ встрѣтился съ литовскими и русскими полками Олгерда и поразилъ ихъ въ злой сѣчѣ, какой еще не было до сихъ поръ между рыцарями и Литвою. Слѣдствіемъ побѣды было новое опустошеніе литовскихъ областей. Но Олгердъ не долго заставилъ ждать мести: онъ вторгнулся съ братьями въ предѣлы орденскихъ владѣній и съ лихвою отплатилъ за недавнее опустошеніе Литвы; войско Олгердово возвращалось уже домой, обремененное добычею, какъ было достигнуто великимъ магистромъ: произошла новая злая битва, и опять Литовцы потерпѣли поражение. Съ такимъ-то опаснымъ врагомъ долженъ былъ бороться Олгердъ на западѣ.

Прекращеніе внутренней борьбы дало возможность ливонскому ордену возобновить свои нападенія на Псковъ. Въ 1341 году безъ объявленія войны, Нѣмцы убили псковскихъ пословъ; Псковичи отомстили имъ опустошеніемъ ливонскихъ областей и, видя, что скоро должно ожидать сильнаго нападенія, начали кланяться Новгородцамъ, чтобъ тѣ дали имъ намѣстника и помощь; Новгородцы не дали ни того, ни другаго, а между тѣмъ Нѣмцы пришли со всею силою, поставили городокъ на псковской землѣ⁴⁴¹. Псковичи начали медкую войну, ѣздили воевать нѣмецкія села. Какъ производилась эта война, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа лѣтописца: двое удалцовъ—Филиппъ Ледовичъ и Олферій Селковичъ, подговоривши 60 человекъ Порѣчанъ⁴⁴², послали спросить Островичей⁴⁴³: «Хотите ли ѣхать воевать Латыгору?» Островичи согласились и назначили срокъ, когда собраться всѣмъ вмѣстѣ на княжемъ селѣ—Изгойхъ. Порѣчане выѣхали въ назначенное мѣсто и время; но Островичи замедлили, а между тѣмъ нѣмецкій отрядъ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ 200 человекъ, явился опустошать псковскую область; 60 человекъ Псковичей,

не дожидаясь товарищей, схватились биться съ Нѣмцами, бились съ солнечнаго восхода до полудня, потеряли Ледовича и Селковича и еще семь человекъ своихъ, утомились и отступили: очень было имъ тогда *притужно*, говорить лѣтвинсець. Нѣмцы не преслѣдовали ихъ, а начали переправлять трупы своихъ убитыхъ за рѣку Великую; въ это время явились Островичи съ посадникомъ своимъ Васильемъ Онисимовичемъ, ударили съ свѣжими силами на Нѣмцевъ, однихъ убили, другіе потонули въ рѣкѣ, а тѣ, которые переплыли ее съ трупами, бросились бѣжать, покинувши мертвыхъ. Потомъ 50 молодыхъ Псковичей стоворились идти на Нѣмцевъ подъ начальствомъ Калеки Карпа Даниловича, и въ то же самое время Нѣмцы переѣхали Нарову рѣку и стали воевать псковскія села по берегу; Карпова дружина встрѣтилась съ ними на Кушели, у села на болотѣ, схватились биться крѣпко, и убили на *припоръ* 20 Нѣмцевъ, а остальные побѣжали прочь со стыдомъ, бросивши все, что пограбили. Зимой 1342 года Володша Строиловичъ поднялъ Псковичей воевать нѣмецкія села; поѣхали по озеру, по льду, и услыжавъ, что Нѣмцы воюютъ село псковское Ремду, отправились туда и поразили ихъ.

Еще при самомъ началѣ непріятельскихъ дѣйствій, Псковичи, видя, что ни откуда нѣтъ помощи, послали въ Витебскъ, къ литовскому князю Олгерду, велѣли сказать ему: «Братья наши Новгородцы насъ покинули, не помогаютъ намъ; помоги намъ ты, господинъ!» Олгердъ не оставилъ псковскаго слова безъ вниманія, и пріѣхалъ во Псковъ самъ съ братомъ своимъ Кейстутомъ, полками литовскими и русскими. Воевода Олгердовъ, князь Юрій Витовтовичъ, отправился на границу добывать языка и наткнулся на сильную рать нѣмецкую, которая шла къ Изборску. Потерявши 60 человекъ своей дружины, Юрій прибѣжалъ въ Изборскъ, и на другой день явились подъ этимъ городомъ Нѣмцы, «загордившись, въ силѣ тяжелой, безъ Бога, съ пороками, городами и со многими замышленіемъ, и оступили городъ Изборскъ, хотя плѣнить домъ св. Николы.» Тяжко было въ то время Изборску, послали жители его гонца во Псковъ «со многою тугою и печалію»; но князь Олгердъ и Кейстутъ и мужи ихъ Литовники отреклись идти противъ нѣмецкой силы; Олгердъ говорилъ Псковичамъ: «Сидите въ городѣ, не сдавайтесь, бейтесь съ Нѣмцами, и если только не будетъ у васъ крамолы, то ничего вамъ не

сдѣдаютъ. А если мнѣ пойти съ своею силою на великую ихъ силу, то сколько тамъ падеть мертвыхъ, и кто знаетъ, чей будетъ верхъ? Если, Богъ дастъ, и мы возьмемъ верхъ, то сколько будетъ побито народу, а какая будетъ изъ этого польза?»⁴⁴⁴. Пять дней стояли Нѣмцы подъ Изборскомъ, и вдругъ отступили, пожегши пороки и города свои, не зная, что въ Изборскѣ воды не было, и что онъ потому не могъ долго держаться. Послѣ этого Псковичи приняли много труда, уговаривая князя Олгерда креститься и сѣсть у нихъ во Псковѣ на княженіи; Олгердъ отвѣчалъ: «Я уже крещенъ, я уже христіанинъ, въ другой разъ креститься не хочу, и садиться у васъ на княженіе не хочу.» Онъ согласился только на то, чтобъ сынъ его Андрей крестился и остался княжить въ Псковѣ⁴⁴⁵. Но уѣзжая изъ Пскова, Олгердъ и Кейстутъ истребили въ псковской области хлѣбъ и травы, такъ что зимою у жителей пало много лошадей и скота отъ безкормицы. Тогда Псковичи, видя что помощи нѣтъ ни откуда, помирились съ Новгородомъ. Иначе рассказываетъ дѣло новгородскій лѣтописецъ: въ началѣ войны, по его словамъ, псковскіе послы пріѣхали въ Новгородъ съ поклономъ: «Идетъ на насъ рать нѣмецкая, говорили они, кланяемся вамъ, господамъ своимъ, обороните насъ». Новгородцы, не медля ни мало, запечатали всѣ общины⁴⁴⁶, и выступили въ походъ, кто въ великую пятницу, а кто въ субботу. Но когда они дошли до села Мелетова⁴⁴⁷, пріѣхали опять послы псковскіе и объявили: «Кланяемся вамъ: рати на насъ нѣтъ; пришли Нѣмцы, но они ставятъ городъ на рубежѣ на своей землѣ». Новгородцы сначала хотѣли продолжать путь, но потомъ послушались просьбы пословъ и возвратились домой.

Въ маѣ 1343 года Псковичи, уговорившись съ Изборянами, подняли всю область псковскую и поѣхали воевать нѣмецкую землю. Пять дней и пять ночей воевали они непріятельскія села около Медвѣжьей головы (Оденпе), не слѣзая съ лошадей, воевали тамъ, гдѣ не бывали ихъ отцы и дѣды, и поѣхали назадъ во Псковъ съ большимъ полономъ. Нѣмцы, собравши силу, погнали въ слѣдъ за ними и догнали не далеко отъ Новаго Городка (Нейгаузена) нѣмецкаго, на Маломъ Борку⁴⁴⁸. Стали Псковичи на бой, помолились Святой Троицѣ, святымъ князьямъ своимъ—Всеволоду и Тимоѣю (Довмонтъ), простились другъ съ другомъ и сказали: «Не опозоримъ отцевъ, потянемъ за Св. Троицу и за св. церкви,

за свое отечество!» Была съча большая, и Богъ помогъ Псковичамъ, побили они Нѣмцевъ и стали на костяхъ, потерявши 17 чело­вѣкъъ убитыми; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ обезпамятѣли отъ бессонницы и погибли, блуждая по лѣсу; иные впрочемъ вы­шли послѣ рати. Между тѣмъ, еще при самомъ началѣ битвы, Руда, священникъ борисоглѣбскій, пригналъ въ Изборскъ и рас­пустилъ лихую вѣсть, что всѣхъ Псковичей и Изборянъ Нѣмцы побили; ту же вѣсть перенесъ и во Псковъ. Здѣсь поднялся плачь и вопль, какого никогда прежде не бывало; отрядили гонцомъ въ Новгородъ Оуму, старосту поповскаго, сказать тамъ: «Псковичи всѣ побиты, а вы, Новгородцы, братья наши, ступайте скорѣе, чтобъ Нѣмцы не взяли прежде васъ города». Опаматовавшись од­нако немного, послали провѣдать, точно ли правду сказалъ Руда, и нашли, что Псковичи, которыхъ считали мертвыми, спокойно спятъ въ станѣ подъ Изборскомъ. Сильная радость смѣнила горе, когда пришла во Псковъ эта добрая вѣсть.—Лѣтъ шесть потомъ не было слышно о Нѣмцахъ; но въ 1348 году, когда войско псковское находилось въ новгородскихъ областяхъ, помогая Нов­городу въ войнѣ со Шведами, Нѣмцы начали жечь псковскія села, а весною 1449 года отрядъ ихъ явился внезапно у Изборска. Въ это время жилъ во Псковѣ литовскій князь Юрій Витовтовичъ; онъ вышелъ противъ Нѣмцевъ и былъ убитъ при первой стычкѣ: была тогда во Псковѣ скорбь и печаль великая, все духовенство проводило князя, и положили его въ церкви Св. Троицы. Въ томъ же году Нѣмцы поставили новую крѣпость надъ рѣкою Наровою, Псковичи подняли всю свою область и поѣхали — одни въ лод­кахъ, другіе на лошадяхъ, пріѣхали къ новому городку, обсту­пили и зажгли его; Нѣмцы и Чудь, которые въ немъ были, одни сгорѣли, другіе пометались изъ крѣпости, и были побиты Пско­вичами. Во всѣхъ этихъ войнахъ не упоминается о князѣ Андреѣ Олгердовичѣ: онъ не жилъ самъ во Псковѣ, а держалъ намѣст­ника. Пова этимъ намѣстникомъ былъ храбрый и любимый Юрій Витовтовичъ, Псковичи молчали; но, послѣ смерти его, они по­слали сказать Андрею: «Тебѣ было, князь, сидѣть самому во Псковѣ на княженіи, а намѣстниками Пскова не держать: когда тебѣ не угодно сидѣть у насъ, въ другомъ мѣстѣ княжишь, то намѣстниковъ твоихъ не хотимъ». Этимъ поступкомъ Псковичи накликали на себя новыхъ враговъ: Олгердъ и Андрей немедлен­

но захватили въ своихъ владѣнiяхъ всѣхъ купцовъ псковскихъ, товаръ у нихъ отняли, самихъ отпустили только тогда, когда они заплатили окупъ; кромѣ того, Андрей изъ Полоцка повоювалъ псковскiя села; Псковичи отомстили ему тѣмъ же.

Въ отношенiяхъ Пскова къ Новгороду произошла важная перемѣна вслѣдствiе войны шведской. Еще во время малолѣтства короля Магнуса Ерихсона собрана была въ Швеции десятина для крестоваго похода на Русскихъ—*язычниковъ*, какъ величались они въ папскихъ будлахъ. Въ 1348 году Магнусъ предпринялъ этотъ походъ. Послы его явились въ Новгородъ и объявили вѣчу отъ имени короля: «Пришлите на съѣздъ своихъ философовъ, а я првшлю своихъ, пусть они поговорятъ о вѣрѣ; хочу я узнать, какая вѣра будетъ лучше: если ваша будетъ лучше, то я иду въ вашу вѣру, если же наша лучше, то вы ступайте въ нашу вѣру и будемъ всѣ какъ одинъ человекъ; если же не хотите соединиться съ нами, то иду на васъ со всею моею силою.» Владыка Василiй, посадникъ Ѳеодоръ Даниловичъ, тысяцкiй Авраамъ и всѣ Новгородцы, подумавши, велѣли отвѣчать Магнусу: «Если хочешь узнать, какая вѣра лучше, наша или ваша, то пошли въ Царьградъ къ патриарху, потому что мы приняли отъ Грековъ православную вѣру, а съ тобою намъ нечего спорить о вѣрѣ; если же тебѣ есть какая-нибудь отъ насъ обида, то шлемъ къ тебѣ на съѣздъ» и послали къ нему Авраама тысяцкаго съ боярами. Но Магнусъ отвѣчалъ посламъ: «Обиды мнѣ отъ васъ нѣтъ никакой; ступайте въ мою вѣру, а не пойдете, такъ иду на васъ со всею моею силою;» — и отпустивши пословъ съ этимъ отвѣтомъ, осадилъ Орѣшекъ, сталъ крестить Ижорянъ въ свою вѣру, а которые не захотѣли креститься, на тѣхъ рать пустилъ, всѣмъ попавшимся въ его руки Русскимъ велѣлъ стричь бороды и потомъ перекрещивать ихъ въ латинство. Но Русскiе скоро показали, что у нихъ бороды опять отросли, говоритъ шведская хроника ⁴⁴⁹; Новгородцы отправили противъ непрiятеля извѣстнаго намъ Оницифора Лукича съ малою дружиною; но Оницифору удалось съ потерю только трехъ чѣловѣкъ изъ своего войска перебить 500 человекъ Шведовъ, другихъ взять въ плѣнъ, и казнить перевѣтниковъ. Между тѣмъ посадникъ Ѳеодоръ Даниловичъ съ намѣстниками великокняжескими, со всею волостью новгородскою и Псковичами двинулся къ Ладогѣ, пославши сказать великому кня-

зю Симеону: «Приходи, князь, къ намъ, оборонять свою отчину, идетъ на насъ король шведскій, нарушивши крестное цѣлованіе.» Симеонъ отвѣчалъ: «Съ радостію иду, но держать меня дѣла ханскія.» Спустя нѣсколько времени ⁴⁵⁰, Симеонъ выступилъ въ походъ, но, дошедши до Ситна ⁴⁵¹, возвратился назадъ въ Москву: гонецъ привезъ ему извѣстіе, что ханъ выдалъ ему Олгердова брата, Кориада; тогда московскіе полки повелъ въ Новгородъ братъ Симеоновъ Іоаннъ. Этотъ князь пришелъ въ Новгородъ, но въ Ладогу, къ новгородскому войску не отправился, а между тѣмъ королю удалось овладѣть Орѣшкомъ, гдѣ онъ захватилъ и пословъ новгородскихъ, Авраама тысяцкаго съ товарищами. Удовольствовавшись взятіемъ Орѣшка, Магнусъ оставилъ въ немъ намѣстниковъ, а самъ отправился въ Швецію; князь Іоаннъ, услыжавъ о взятіи Орѣшка, также ушелъ назадъ въ Москву, и Новгородцы съ Псковичами одни отправились осенью къ Орѣшку, и взяли его. Но идучи къ Орѣшку, Новгородцы, по выраженію лѣтописца, дали жалованье Пскову, опредѣлили: посадникамъ новгородскимъ во Псковѣ не сидѣть, ни судить: отъ владыки судить во Псковѣ Псковичу, изъ Новгорода Псковитяи на судъ не вызывать ни дворянами, ни подвойскими, ни Софьянами, ни извѣтниками, ни бирячами, и назвали Псковъ младшимъ братомъ Новгороду ⁴⁵². Впрочемъ есть извѣстіе ⁴⁵³, что Псковитяне плохо отблагодарили Новгородцевъ за это жалованье: они не хотѣли долго стоять подъ Орѣшкомъ, и когда Новгородцы просили, чтобъ они ушли по крайней мѣрѣ ночью, то Псковичи не хотѣли исполнить и этой просьбы, но вышли изъ стана нарочно въ полдень, съ громкою музыкою. Черезъ годъ Магнусъ приплылъ опять къ русскимъ берегамъ, переночевалъ подъ Копорьемъ, и узнавши о приближеніи новгородскаго войска, ушелъ назадъ въ море, гдѣ ждала его буря, истребившая много шведской рати въ устьѣ рѣки Наровы; а Новгородцы пошли къ Выборгу, пожгли окрестности, посадъ и разбили Шведовъ, сдѣлавшихъ вылазку изъ города, наконецъ въ Дерптѣ разбѣяли плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ, и заключили миръ ⁴⁵⁴.

Опасная борьба шла на западныхъ границахъ; внутри разныхъ княжествъ происходили волненія, усобицы княжескія, заставлявшія народъ выселяться изъ родной страны; но московское княжество было спокойно и при Симеонѣ, какъ при отцѣ его; народъ

не терпѣлъ ни отъ Татарь, ни отъ усобицъ. Симеонъ жилъ мирно съ братьями, до насъ дошелъ любопытный договоръ его съ ними ⁴⁵⁶. Договоръ начинается такъ: «Я, князь Великій Симеонъ Иоанновичъ всея Руси съ своими братьями младшими, съ княземъ Иваномъ и княземъ Андреемъ, цѣловали между собою крестъ у отцовскаго гроба. Быть намъ заодно до смерти, брата старшаго имѣть и чтить въ отцово мѣсто; а тебѣ, Господинъ, князь Великій, безъ насъ не докаичивать ни съ кѣмъ.» Всѣ эти выраженія, съ перваго разу, напоминають старину, но въ старину князья не иначе называли другъ друга какъ: *братъ, отецъ, сынъ*; въ договорѣ же Симеона младшіе братья, общая, что будутъ держать старшаго въ *отцово мѣсто*, не смѣютъ однако, или не хотятъ, или не умѣютъ называть его: *отче!* но постоянно называютъ: «Господинъ, князь Великій!» Любопытно также, что братья всего больше толкуютъ о собственной, о своихъ участкахъ; младшіе выговариваютъ, чтобъ старшій братъ не обидѣлъ, чего не отнялъ у нихъ; также: «кто изъ насъ что примыслилъ или прикупилъ, или кто впередъ что прикупить или примыслить чужое къ своимъ волостямъ, то все блюсти, не обидѣть.»

Если въ княженіе Симеона Русь не испытала ни кровавыхъ усобицъ, ни татарскихъ опустошеній, за то въ 1352 году явилась страшная язва—Черная смерть; въ 1353 году она поразила въ Москвѣ митрополита Феогноста, самого великаго князя, двоихъ сыновей его и брата Андрея. Симеонъ умеръ еще очень молодъ, 36 лѣтъ; онъ также оставилъ завѣщаніе, въ которомъ отказалъ удѣлъ свой и все движимое и недвижимое имѣніе женѣ, по смерти которой все это переходило къ брату Симеонову, великому князю Иоанну. Это обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что два удѣла московскаго княжества соединились теперь въ одинъ, и такимъ образомъ сила великаго князя Иоанна увеличивалась вдвое. Мы видѣли, что третій сынъ Калиты Андрей умеръ въ одно время съ Симеономъ, и уже по смерти его родился у него сынъ Владиміръ, получившій только одинъ удѣлъ отцовскій ⁴⁵⁷. Въ завѣщаніи Симеона любопытно слѣдующее наставленіе братьямъ, изъ котораго оказывается осѣдлость бояръ, вслѣдствіе новаго порядка вещей, явленіе старыхъ отцовскихъ бояръ, хранителей правительственныхъ преданій, добрыхъ совѣтниковъ, которыхъ мы такъ мало видимъ прежде: «По отца нашего благоолювенью, что при-

казалъ намъ жить за одинъ, также и я вамъ приказываю, своей братьѣ, жить за одинъ; лихихъ людей не слушайте, которые станутъ васъ ссорить; слушайте отца нашего, владыки Алексѣя, да старыхъ бояръ, которые отцу нашему и намъ добра хотѣли. Пишу вамъ это слово для того, чтобъ не перестала память родителей нашихъ и яша, чтобъ свѣча не угасла.»

У брата Симеона Іоанна явился соперникъ въ исканіи великаго княженія Владимирскаго—то былъ Константинъ Васильевичъ, князь суздальскій. Если мы предположимъ, что Константинъ происходилъ отъ Андрея Ярославича, а не Александровича, и былъ такимъ образомъ дядею сыновьямъ Калиты, то и тогда онъ не имѣлъ права на старшинство, ибо взялъ бы его не по *отчиму* и не по *дѣдину*: ни отецъ, ни дѣдъ его не были великими князьями⁴⁵⁸. Константинъ Суздальскій искалъ великаго княженія не по старымъ правамъ, но по новымъ понятіямъ и отношеніямъ, по которымъ всякій князь имѣлъ право въ томъ случаѣ, когда былъ отваженъ, богатъ и силенъ. Объ отвагѣ Константина свидѣтельствуеетъ лѣтопись, говоря, что онъ княжилъ честно и грозно, оборонялъ отчину свою отъ сильныхъ князей и отъ Татаръ, при чемъ подъ сильными князьями нельзя разумѣть другихъ, кромѣ московскихъ. Если Константинъ не могъ быть богатъ собственною казною, чтобъ перекупить ярлыкъ у московскаго князя, то могъ получить денежную помощь изъ Новгорода, жители котораго, притѣсненные Калитою, смиренныя Симеономъ, не могли надѣяться добра отъ сильной Москвы, и старались, чтобъ великое княженіе перешло къ другому князю послабѣе: узнавши о смерти Симеона, они отправили немедленно посла своего въ Орду просить великаго княженія Константину Суздальскому. Но всѣ ихъ старанія были напрасны: ханъ отдалъ ярлыкъ Іоанну Московскому. Впрочемъ сначала ни суздальскій князь, ни Новгородцы не обратили вниманія на ярлыкъ: Константинъ помирился съ Іоанномъ передъ своею смертію въ 1354 году; съ Новгородомъ у московскаго князя полтора года не было мира.

Въ годъ смерти Симеоновой, Рязанцы взяли Лопасню, захватили здѣсь намѣстника Александра Михайловича, отвели въ Рязань и держали тамъ въ большомъ томленіи, пока не выкупили его изъ Москвы. Лопасня, принадлежавшая къ удѣлу малолѣтняго серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича, и шесть другихъ

мѣсть были потеряны; но этотъ уронъ былъ вознагражденъ другими приобрѣтеніями въ рязанской области ⁴⁵⁹.

Внутри московскаго княжества въ правленіе Іоанна произошло слѣдующее замѣчательное событіе. Мы уже имѣли случай говорить, что при осѣдлости князей и бояре ихъ должны были приобрести большее значеніе въ княжествѣ; большее значеніе долженъ былъ приобрести и тысяцкій, получившій возможность отправлять свою важную должность при нѣсколькихъ князьяхъ сразу безъ смѣны, могла даже явиться наследственность должности въ одномъ родѣ ⁴⁶⁰. Но при такихъ обстоятельствахъ власть тысяцкаго, при непосредственныхъ отношеніяхъ этой власти къ городскому народонаселенію, могла быть опасна другимъ боярамъ, которыхъ вліяніе стѣснялось вліяніемъ тысяцкаго, потому могла быть опасна и самой власти княжеской. Въ описываемое время должность московскаго тысяцкаго отправлялъ бояринъ Алексѣй Петровичъ Хвостъ. При Симеонѣ Гордомъ онъ поднялъ крамолу противъ великаго князя, былъ изгнанъ, лишенъ своихъ волостей; всѣ три брата: Симеонъ, Іоаннъ и Андрей поклялись не принимать къ себѣ въ службу мятежнаго боярина, ни дѣтей его; Іоаннъ особенно поклялся не отдавать Алексѣю Петровичу той части его имѣнія, которую онъ, Іоаннъ, получилъ отъ брата своего великаго князя Симеона ⁴⁶¹;—и не смотря на все это, Алексѣй Петровичъ является тысяцкимъ въ княженіе Іоанна. Но зимою, 3 февраля 1357 года, рано во время заутрени, тѣло Алексѣя Петровича было найдено на площади со всѣми признаками насильственной смерти: никто не видалъ, какъ совершилось убійство; но слухъ шелъ, что бояре собирали на тысяцкаго тайный совѣтъ, строили ковы, и погибъ онъ отъ своихъ товарищей, общею всѣхъ думою, какъ погибъ Андрей Боголюбскій отъ Кучковичей ⁴⁶². Сильный мятежъ всталъ въ городѣ вслѣдствіе этого убійства, и большіе бояре московскіе отѣхали въ Рязань съ женами и дѣтьми; но въ слѣдующемъ году великій князь перезвалъ къ себѣ опять изъ Рязани двоихъ бояръ—Михаила и зятя его Василія Васильевича.

Въ другихъ княжествахъ продолжались прежнія явленія. Въ муромской волости, въ 1354 году князь Федоръ Глѣбовичъ, собравши большое войско, пошелъ къ Мурому на тамошняго князя Юрія Ярославича, выгнать его и самъ сѣлъ на его мѣсто. Муромцы

были ему рады и пошли съ нимъ въ Орду; но спустя недѣлю по отъѣздѣ Ѳедора пришелъ въ Муромъ прежній князь Юрій, собравъ остальныхъ жителей Мурома и пошелъ также въ Орду судиться съ Ѳедоромъ. По суду ханскому муромское княженіе досталось Ѳедору Глѣбовичу; Юрій былъ выданъ сопернику, который посадилъ его въ крѣпкую тюрьму, гдѣ онъ и умеръ.—Въ Твери продолжалась вражда между дядею Василиемъ Михайловичемъ и племянникомъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ. Въ 1357 году митрополитъ Алексѣй пріѣхалъ во Владимиръ, и туда явился къ нему князь Всеволодъ Александровичъ съ жалобою на дядю. По митрополичью слову, Василий Михайловичъ, заключивъ договоръ съ великимъ княземъ московскимъ, также пріѣхалъ во Владимиръ судиться съ племянникомъ предъ митрополитомъ, съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ и владыка тверской Ѳеодоръ; много было между князьями споровъ, *лаоланія*, какъ говорить лѣтописецъ, но конечный миръ и любовь не состоялись. Московскій князь, какъ видно, держалъ сторону дяди Василя, потому что когда потомъ оба соперника отправились въ Орду и Всеволодъ хотѣлъ пробраться туда черезъ Переяславль, то намѣстники московскіе не пустили его, и онъ принужденъ былъ уѣхать въ Литву. Не мудрено, что и въ Ордѣ дѣло было рѣшено также въ пользу дяди; здѣсь ханъ и ханша безъ суда выдали Всеволода Василю: и было, по словамъ лѣтописца, Всеволоду отъ дяди томленіе большое, много натерпѣлись и бояре и слуги холмскаго князя, и черные люди.

Но у сына Александра былъ могущественный союзникъ, Ольгердъ, князь литовскій, женатый на родной сестрѣ его. Неизвѣстно, какимъ образомъ удалось Всеволоду уѣхать въ Литву; но когда онъ возвратился оттуда въ 1360 году, то Василий уступилъ племянникамъ треть ихъ отчины.—Изъ другихъ князей лѣтопись упоминаетъ подъ 1354 годомъ о смерти Димитрія Ѳеодоровича Стародубскаго, которому наследовалъ братъ его Иванъ Ѳеодоровичъ. Въ 1359 г., умеръ смоленскій князь Иванъ Александровичъ, и его мѣсто заступилъ сынъ его Святославъ.

Въ Новгородѣ въ 1354 году посадникъ Оницѣфоръ Лукичъ добровольно отказался отъ своей должности, и на его мѣсто былъ избранъ Александръ, братъ убитаго Дворяннича. Но потомъ въ 1359 году упоминается уже другой посадникъ, Адрианъ Захарычъ,

у котораго въ этомъ году было отнято посадничество, но не всѣмъ городомъ, а только однимъ Славенскимъ концомъ; на мѣсто Адриана былъ избранъ Сильвестръ Лентѣвичъ. Но другія части города не согласились на это избраніе, и на Ярославовъ дворъ произошла сѣча, потому что жители Славенскаго конца явились въ доспѣхахъ и разогнали безоружныхъ Зарѣчанъ, бояръ многихъ были и грабили, одного убили до смерти. Это повело къ новой усобицѣ: Софійская сторона вооружилась, чтобъ отомстить за безчестье братьевъ своихъ, а Славенская по необходимости, чтобъ защищать имѣніе и головы свои; три дня враждебныя стороны стояли другъ противъ друга, Славенцы переметали уже мостъ, какъ пришли два владыки — старый Моисей изъ монастыря, гдѣ жилъ на покой, и новый Алексѣй, съ архимандритами и игуменами. Владыки стали благословлять народъ, говоря: «Дѣти! не накликайте себѣ брани, а поганымъ похвалы, святымъ церквамъ и мѣсту этому пустоты, не сходитесь на бой.» Толпы послушались и разошлись; но села Селивестровы были опустошены, взяли много сель и у другихъ славенцовъ, при чемъ погибло много и невиноватыхъ; посадникомъ былъ избранъ Никита Матѣвичъ ⁴⁶², какъ видно, сынъ прежняго посадника Матѣя.

Въ Ордѣ ханъ Чанибекъ былъ убитъ въ 1357 году сыномъ своимъ Бердибекомъ; русскій лѣтописецъ говоритъ объ убійствѣ, что онъ былъ очень добръ къ христіанству, и при немъ была большая льгота землѣ Русской. Въ этомъ же году лѣтописецъ упоминаетъ о Татарскомъ послѣ Кошакѣ, отъ котораго была большая истома князьямъ русскимъ. Бердибекъ былъ убитъ сыномъ своимъ Кулпою, Кулпа Неврусомъ. Въ 1358 году сынъ Бердибековъ Маматхожа, пришедши въ рязанскую землю, прислалъ въ Москву къ великому князю съ предложеніемъ установить твердыя границы между московскимъ и рязанскимъ княжествами; но великій князь не пустилъ Маматхожу въ свою отчину. — Опаснѣе былъ врагъ на западѣ: подъ 1356 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Литовцы овладѣли Ржевою ⁴⁶³; въ тотъ же самый годъ Олгердъ приходилъ подъ Брянскъ и подъ Смоленскъ, и плѣнилъ сына у князя Василя Смоленскаго ⁴⁶⁴. Этотъ Василя въ томъ же году пришелъ изъ Орды съ ярлыкомъ на Брянскъ, утвердился здѣсь, но скоро умеръ; послѣ его смерти, по словамъ лѣтописца, былъ въ Брянскѣ мятежъ отъ лихихъ людей, смута

великая и опустѣніе города, послѣ чего сталъ владѣть Брянскомъ великій князь литовскій. Въ 1358 году войско тверское и можайское отняло Ржеву у Литовцевъ; въ 1359 году Смоленяне воевали Бѣльчу⁴⁶⁶. Но Олгердъ не любилъ отдавать назадъ разъ что-нибудь взятое: въ томъ же году онъ приходилъ подъ Смоленскъ, сынъ его Андрей взялъ опять Ржеву, и въ 1360 году самъ Олгердъ пріѣхалъ смотрѣть этотъ городъ, вѣрно боясь, чтобъ Русскіе въ другой разъ не отняли его у Литвы. Но къ счастью для слабыхъ князествъ — смоленскаго и тверскаго, Олгердъ постоянно сдерживался на западѣ Тевтонскимъ Орденомъ: борьба съ рыцарями шла одинаково не удачно для Литвы и при наслѣдникѣ Арфберга, Винрихѣ фонѣ Книпродѣ. Въ 1360 году Олгердъ, Кейстутъ и сынъ послѣдняго Патрикій сошлись съ великимъ магистромъ на границахъ литовскихъ: битва продолжалась цѣлый день, и рыцари одержали побѣду. Напрасно Кейстутъ старался остановить бѣгущихъ и возобновить битву: его свалили съ коня, Патрикій ринулся въ середину непріятелей для спасенія отца, но также былъ сброшенъ съ лошади, подвинулся и отбивался до тѣхъ поръ, пока подоспѣлъ отрядъ Литовцевъ и выручилъ его изъ бѣды; но отца спасти не могъ. Кейстута отвезли въ Маріенбургъ, столицу Ордена и засадили въ тѣсную тюрьму; день и ночь стояла у дверей стража, и не пускала къ плѣннику никого, кромѣ слуги приносящаго пищу; но этотъ слуга, приближенный къ магистру, отличавшійся своею вѣрностію, былъ родомъ Литвинъ, въ молодости захваченный въ плѣнъ и окрещенный. Ежедневный разговоръ съ Кейстутомъ на родномъ языкѣ, злая судьба и знаменитые подвиги литовскаго богатыря разбудили въ немъ давно уснувшую любовь къ старому отечеству: онъ далъ средство Кейстуту уйти изъ заточенія и достигъ двора зятя своего, князя мазовецкаго. Кейстутъ не хотѣлъ возвращаться на родину, не отомстивши рыцарямъ: онъ взялъ у нихъ два замка и съ добычею возвращался домой, какъ на дорогѣ былъ захваченъ орденскимъ отрядомъ, вторично попался въ неволю, вторично ушелъ изъ нея и опять началъ готовиться къ вторженію въ Прусію. Къ 1362 или 1363 году относить побѣду Олгерда надъ Татарами при Синихъ водахъ, слѣдствіемъ которой было очищеніе Подолии отъ Татаръ.

У Новгорода со Шведами, а у Пскова съ ливонскимъ орде-

номъ войны не было въ княженіе Іоанна; встрѣчаемъ только извѣстіе о двукратномъ походѣ Псковичей къ Полоцку ⁴⁶⁷.

Въ 1359 году умеръ Іоаннъ московскій, кроткій, тихій и милостивый князь, по словамъ лѣтописца. Іоаннъ умеръ еще очень молодъ, 33 лѣтъ, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Дмитрія и Ивана, и малолѣтнаго племянника Владиміра Андреевича. Слѣдовательно московское княжество по смерти Іоанна находилось точно въ томъ же положеніи, какъ и по смерти Калиты, раздѣлялось на три участка, а именно: старшій сынъ Іоанна Дмитрій получилъ удѣлъ дяди Симеона, младшій Иванъ участокъ отца своего, а двоюродный ихъ братъ Владиміръ удержалъ волость отца своего Андрея. Но Иванъ скоро умеръ (1363 г.), и Дмитрій опять соединилъ два участка, при которыхъ владѣлъ еще владимирскою великокняжескою областію, съ прикупами дѣдовскими; Владиміръ Андреевичъ имѣлъ только одинъ участокъ отцовскій, борьба между братьями была поэтому не возможна, и Владиміръ долженъ былъ подчиняться распоряженіямъ Дмитрія, какъ увидимъ въ послѣдствіи ⁴⁶⁸.

Казалось, что ранняя смерть Іоанна будетъ гибельна для Москвы, ибо малютка сынъ его могъ ли хлопотать въ Ордѣ, могъ ли бороться съ притязаніями другихъ князей? И дѣйствительно, когда всѣ князья явились въ Ордѣ и не доставало одного московскаго, то ханъ отдалъ великокняжескую владимирскую область князю суздальскому, который получилъ ее *не по отчинѣ и не по дѣдинѣ*, повторяетъ лѣтописецъ, слѣдовательно безо всякаго права. Еще замѣчательнѣе здѣсь то, что добылъ у хана ярлыкъ не старшій изъ суздальскихъ князей—Андрей Константиновичъ, но младшій — Дмитрій. Андрей, по словамъ лѣтописца, не захотѣлъ взять ярлыка; есть извѣстіе, будто онъ говорилъ: «донскиваться ярлыка—потратить только деньги, а потомъ, когда выростетъ законный наслѣдникъ, Дмитрій Московскій, то надобно будетъ воевать съ нимъ, при томъ должно нарушить клятву, данную отцу его» ⁴⁶⁹. Дмитрій Константиновичъ думалъ иначе: онъ поѣхалъ во Владиміръ, и, чтобъ упрочить его за собою, остался жить въ этой древней столицѣ великокняжеской. Но Москва не думала уступать. Бояре ея, привыкшіе быть боярами сильнѣйшихъ князей, всея Руси, не хотѣли сойти на низшую степень, и начали стараться добыть ярлыкъ своему князю. Малютка Дмитрій отправилъ

ся въ Орду; но тамъ нельзя было ничего добиться при сильной смутѣ, когда одинъ ханъ смѣнялъ другаго: Неврусь былъ свергнутъ и убитъ Заяцкииъ ханомъ Хидыреиъ (Хидрбегъ), Хидырь былъ убитъ сыномъ своимъ Темиръ-Ходжею, наконецъ Орда раздѣлилась между двумя ханами: Абдуломъ (Abdullah), именемъ котораго правилъ сильный темникъ Мамай, и Мюридомъ. Московскіе бояре отправили пословъ къ послѣднему, и онъ далъ ярлыкъ малолѣтнему ихъ князю. Есть извѣстіе ⁴⁷⁰, что за Димитрія Московскаго хлопотали въ Ордѣ также родственники его, князья ростовскіе и тверскіе, вѣроятно думавшіе, что гораздо безопаснѣе для нихъ имѣть на владимирскомъ столѣ малютку, чѣмъ взрослого. Бояре посадили на коней всѣхъ трехъ малолѣтнихъ князей своихъ, Димитрія, Ивана и Владимира, и выступили съ ними на Димитрія Константиновича. Послѣдній не могъ противиться московскимъ полкамъ, и внукъ Калиты получилъ великое княженіе владимирское (1362 г.).

Такимъ образомъ бояре московскіе, упрочивъ первенство за молодымъ княземъ своимъ, оправдали отзывъ объ нихъ Симеона Гордаго. Но кто же были эти бояре, которые, по выраженію Симеона, отцу его добра хотѣли? Мы видѣли, что еще къ Юрію Даниловичу въ Москву пришелъ служить изъ южной Руси бояринъ Родіонъ Несторовичъ. Въ 1340 году великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита отправилъ рать свою подъ Смоленскъ съ двумя воеводами: Александромъ Ивановичемъ и Ѳедоромъ Акиноевичемъ. Послѣдній долженъ быть сынъ знаменитаго Акинеа, который по неудовольствію на Родіона, отѣхалъ въ Тверь и погибъ при Переяславлѣ: сыновья Акинеа могли перейти опять изъ Твери въ Москву, тѣмъ болѣе, что лѣтописецъ упоминаетъ передъ тѣмъ объ отѣздѣ многихъ тверскихъ бояръ въ Москву, а что у Акинеа были два сына—Ѳедоръ и Иванъ—это мы знаемъ также изъ лѣтописи ⁴⁷¹. Въ 1348 году вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ ходилъ въ Новгородъ воеводою изъ Москвы Иванъ Акиноевичъ. Наконецъ мы видѣли дѣйствующимъ въ Ростовѣ боярина Василия Кочеву. При Симеонѣ Гордомъ намѣстниками его въ Торжкѣ были Михаилъ Давыдовичъ и Иванъ Рыбкинъ, да сборщикъ податей Борисъ Семеновъ. Вознамѣрившись жениться на княжнѣ тверской, Симеонъ послалъ за невѣстою Андрея Кобылу и Алексѣя Босоволокова. Вскорѣ послѣ этого, по очень важному дѣлу, Симеонъ

отправилъ въ Орлу Федора Хлѣбовича (въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: князя Федора Глѣбовича, слѣдов. муромскаго) и съ нимъ килчеевъ или мечниковъ—Федора Шубачеева и Аминя. Въ 1352 году Симеонъ отправилъ въ Константинополь послами Дементія Давыдова и Юрія Воробьева, мы видѣли уже прежде одного Давыдовича—Михаила намѣстникомъ въ Торжкѣ. Въ 1353 году намѣстникомъ серпуховскаго князя въ Лопаснѣ былъ Михаилъ Александровичъ, тогда какъ прежде мы видѣли Александра воеводою при Калитѣ. Большими боярами въ Москвѣ при Іоаннѣ Іоанновичѣ были, какъ мы видѣли, Михаилъ и зять его Василій Васильевичъ, безспорно тысяцкій, родъ котораго производится отъ Протасія пріѣхавшаго въ Москву съ княземъ Даниломъ Александровичемъ, и бывшаго здѣсь тысяцкимъ. Сынъ его Василій, отецъ нашего Василія, по родословнымъ книгамъ, былъ также тысяцкимъ; отсюда объясняется соперничество и вражда этого рода съ Алексѣемъ Петровичемъ Хвостомъ; дѣдъ нашего Василія называется Протасіемъ въ родословныхъ книгахъ, въ лѣтописи же Вельяминомъ; могло быть, что онъ имѣлъ два имени по обычаю того времени. Въ духовной Калиты упоминается Борисъ Ворковъ, который служилъ великому князю и за это получилъ отъ него село въ ростовской области. Свидѣтелями договора между великимъ княземъ Симеономъ и братьями его были: Василій... тысяцкій, Михаилъ Александровичъ... Васильевичъ, Василій Окатьевичъ, Ананій Окольниковъ.. Иванъ Михайловичъ ⁴⁷⁸. Дьякомъ при Іоаннѣ Калитѣ былъ Кострома, при сынѣ его Іоаннѣ Нестерко.

ГЛАВА VII.

Княжение Дмитрія Иоанновича Донскаго.

(1362—1389).

Слѣдствія усиленія Москвы для другихъ княжествъ.—Св. Алексѣй и св. Сергій.—Вторая борьба Москвы съ Тверью.—Война рязанская.—Торжество московскаго князя надъ тверскимъ.—Событія въ Литвѣ по смерти Олгерда.—Борьба Москвы съ Ордою. Пораженіе Русскихъ на рѣкѣ Плявѣ.—Победа ихъ на Вошѣ.—Куликовская битва.—Нашествіе Тохтамыша.—Сынъ в. князя въ Ордѣ.—Война съ Рязанью.—Событія въ Нижнемъ Новгородѣ.—Отношенія в. князя Дмитрія къ двокродному брату Владимиру Андреевичу.—Уничтоженіе сана тысяцкаго и судьба боярина Вельяминова.—Отношенія Москвы къ Новгороду.—Войны Пскова съ ливонскими Нѣмцами.—Событія въ Литвѣ.—Смерть в. князя Дмитрія и его завѣщаніе.—Значеніе княженія Дмитріева.—Могилскіе бояре.

Преждевременная смерть Иоанна и малолѣтство сына его вмѣстѣ вреда, какаго, повидимому, должно было ожидать отъ нихъ для московскаго княжества, послужили только для того, чтобъ показать всю силу послѣдняго: благодаря этой силѣ, скопленной дѣдомъ, дядею и отцемъ, одиннадцатилѣтній Дмитрій Московскій получилъ первенство между всѣ князьями сѣверовосточной Руси. Мы видѣли, что бояре московскіе купили ярлыкъ для своего князя у одного изъ хановъ-соперниковъ — Мюрида; но когда въ 1363 году, во время пребыванія молодаго Дмитрія во Владимирѣ, явился туда къ нему посоль изъ Мамаевой Орды, отъ хана Абдула съ ярлыками на великое княженіе Владимирское, то великій князь принялъ и этого посла съ честію и проводилъ съ дарами. Это разсердило Мюрида, который, чтобъ отомстить Дмитрію Москов-

скому, прислалъ съ княземъ Иваномъ Бѣлозерскимъ новый ярлыкъ на Владимиръ Дмитрію Суздальскому. Тотъ обрадовался и сѣлъ въ другой разъ во Владимирѣ, но сидѣлъ только двѣнадцать дней, потому что Дмитрій московскій опять пришелъ на него съ большимъ войскомъ, выгналъ изъ Владимира, осадилъ въ Суздаль, опустошилъ окрестности этого города, и взялъ наконецъ надъ его княземъ свою волю, по выраженію лѣтописца. Но если торжество Москвы надъ Тверью при Калитѣ сопровождалось бѣдою для другихъ княжествъ, то и торжество внука Калитина надъ соперникомъ его, княземъ суздальскимъ, имѣло такія же слѣдствія: подъ тѣмъ же 1363 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Дмитрій Московскій взялъ свою волю надъ княземъ Константиномъ Ростовскимъ⁴⁷², а князя Ивана Федоровича Стародубскаго и Дмитрія Галицкаго выгналъ изъ ихъ княжествъ. Изгнанники удалились къ Дмитрію Константиновичу Суздальскому; но время удачныхъ союзовъ многихъ младшихъ князей противъ великаго прошло: суздальскій князь, два раза уже испыталъ силу Москвы, не хотѣлъ начинать борьбы въ третій разъ; и потомъ, когда въ 1365 году ему снова вынесли изъ Орды ярлыкъ на Владимиръ, онъ отказался навсегда отъ своихъ притязаній въ пользу московскаго князя съ тѣмъ, чтобъ тотъ помогъ ему управиться съ младшимъ братомъ, а въ 1366 году выдалъ дочь свою за Дмитрія Московскаго.

Между тѣмъ моровая язва сильно опустошила Россію, умерло много князей: молодой братъ Дмитрія Московскаго, Иванъ; ростовскій князь Константинъ; тверскіе—Семень Константиновичъ, Всеволодъ, Андрей и Владимиръ Александровичи; Андрей Константиновичъ Суздальскій. Между оставшимися въ живыхъ князьями начались споры за выморочные удѣлы; древній Суздаль, подобно Ростову, давно уже утратилъ свое значеніе; старшіе князья жили и погребались не въ Суздаль и не въ Городицъ, а въ Новгородѣ-Нижемъ, уже тогда значительномъ по своей торговлѣ, благодаря выгодному положенію; старшій изъ Константиновичей — Андрей княжилъ въ Нижнемъ, предоставивъ Суздаль младшему Дмитрію; но по смерти Андрея Нижнимъ овладѣлъ третій, самый младшій братъ, Борисъ Константиновичъ; Дмитрій, не будучи въ силахъ самъ отнять у брата Нижній, послалъ просить помощи въ Москву. Дмитрій Московскій (четырнадцати-лѣтній) отправилъ къ

Константиновичамъ пословъ съ увѣщаніемъ помиряться и подѣлиться вотчиною; но Борисъ не послушался. Тогда Москва употребила другую силу: митрополитъ Алексѣй отналъ епископію нижегородскую и городецкую у суздальскаго владыки Алексѣя, и въ то же время пословъ отъ московскаго князя явился въ Нижнемъ преподобный Сергій, игуменъ радонежскій; онъ позвалъ Бориса Константиновича въ Москву, и когда тотъ не послушался, то Сергій, по приказу митрополита и великаго князя московскаго, затворилъ все церкви въ Нижнемъ. Послѣ этого присланы были изъ Москвы полки на помощь Дмитрію Константиновичу, и когда послѣдній приблизился съ ними и своею ратью къ Нижнему, то Борисъ вышелъ къ нему навстрѣчу съ поклонами и покореніемъ, уступая ему захваченную волость. Дмитрій помирился съ нимъ, взялъ себѣ Нижний, а брату отдалъ Городецъ.

Въ Твери князь Василій Михайловичъ началъ опять войну съ племянниками Александровичами: въ 1363 году онъ пошелъ было съ войскомъ на Михаила Александровича, князя микулинскаго, но скоро помирился съ нимъ. Смерть князя Семена Константиновича подала новый поводъ къ борьбѣ, потому что Семенъ отказалъ удѣлъ свой двоюродному брату Михаилу Александровичу мимо дяди Василя и роднаго брата Еремѣя Константиновича. Въ 1366 году Василій и Еремѣя начали споръ, который былъ отданъ на рѣшеніе тверскаго владыки Василя: Василій судилъ князей по благословенію и повелѣнію митрополита, и оправдалъ князя Михаила Александровича. Но этотъ князь былъ самый дѣятельный и смѣлый изъ всехъ потомковъ св. Михаила, и потому менѣе другихъ былъ способенъ терпѣть насилія отъ могущественной Москвы. Подъ 1367 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Дмитрій Ивановичъ Московскій заложилъ у себя каменный кремль, и всехъ князей русскихъ приводилъ подъ свою волю, достигнувъ и на князя Михаила Александровича Тверскаго. Михаилъ рѣшился на борьбу, но, разумѣется, онъ не могъ противиться Москвѣ собственными силами и потому обратился къ зятю своему, Олгерду Литовскому, слѣдовательно на эту вторую борьбу Твери съ Москвою мы должны смотрѣть собственно какъ на борьбу московскаго князя съ литовскимъ по поводу тверскаго князя. Михаилъ уѣхалъ въ Литву; этимъ воспользовались князья Василій и Еремѣя, чтобъ съ помощію Москвы низложить соперника; прежде

Всего они продали владѣнью Василія въ Москву на судъ къ митрополиту, зачѣмъ не подравдѣ рѣшилъ споръ объ удѣлѣ Семена Константиновича? За это рѣшеніе владыка Василій понесъ большіе убытки (проторѣ владыкъ) въ Москвѣ: жители Твери испытывали также большую бѣду: князь Василій съ сыномъ Михаиломъ, съ княземъ Еремѣемъ, со всюю силою кащинскою и съ подданыи московскими пріѣхалъ въ Тверь, многихъ людей мучилъ и грабилъ безъ милости; приступалъ и къ крѣпостямъ, но не могъ ее взять, опустошилъ только волости и села, и много народу поведено было тогда въ цѣль войсками московскими и волоцкими, которыя пожгли и поплѣнили по сю сторону Волги, не исключая и волостей, принадлежащихъ церкви св. Спаса. Изъ этихъ словъ лѣтописца мы видимъ, что Тверь не принадлежала болѣе Василію, но Михаилу; когда произошла эта перемена, мы не знаемъ; быть можетъ онаго и повела къ враждебнымъ столкновеніямъ Михаилъ съ Москвою.

Въ этомъ же году Михаилъ пришелъ назадъ съ подданыи литовскими, захватилъ въ плѣнъ женъ—Еремѣеву и Васильеву, бояръ и слугъ ихъ, и отправился съ своею ратью и литовскою къ Кащину. Но на дорогѣ, въ селѣ Андреевскомъ, ждали его послы отъ дяди и отъ тверскаго епископа Василія; Богъ, по словамъ лѣтописца, утишилъ ярость Михаилу, и онъ помирился съ дядею, а потомъ помирился и съ двоюроднымъ братомъ Еремѣемъ и съ московскимъ княземъ Димитріемъ. Но еще годъ не кончился, какъ Еремѣи сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу, и уѣхалъ въ Москву. Въ 1368 году великій князь Димитрій и митрополитъ Алексѣи заавали ласкою къ себѣ въ Москву князя Михаила на третейскій судъ; послѣ этого суда тверскаго князя схватили вмѣстѣ со всѣми боярами и посадили въ заключеніе, но вдругъ узнали о неожиданномъ пріѣздѣ трехъ князей ордынскихъ. Этотъ пріѣздъ напугалъ враговъ Михаила, и они вынудили его на свободу, заставивши отказаться отъ Городка ⁴⁷⁴, части удѣла Семена Константиновича, гдѣ великій князь Димитрій посадилъ намѣстника своего вмѣстѣ съ княземъ Еремѣемъ. Конечно, что Михаилъ выѣхалъ изъ Москвы непримиримымъ врагомъ ея князю ⁴⁷⁵, который спѣшилъ предупредить его, пославши сильное войско на его волость. Михаилъ и на этотъ разъ ушелъ въ Литву, и сталъ упрашивать се слезами Олгерда, чтобъ тотъ

оберонилъ его, пошелъ войною на Москву, отыскать Дмитрія; мучилъ и сестру свою упрасивать мужа, и тотъ рѣшился исполнить ихъ просьбу, тѣмъ болѣе, что еще съ 1363 года встрѣчаешь заботы о враждебныхъ столкновенияхъ Литвы съ Москвою.

У Олгерда Гедиминовича, говоритъ лѣтописецъ, былъ такой обычай, что никто не зналъ, ни свои, ни чужіе, куда онъ замышляетъ походы, на что собираетъ большое войско; этою-то хитростію онъ и забралъ города и земли, и поглотилъ многія страны, воевалъ онъ не столько силою, сколько мудростію. Такъ и на этотъ разъ Дмитрій Московскій узналъ о замыслахъ Олгердовыхъ, когда уже тотъ стоялъ на границѣ, съ братомъ Кошестомъ, молодымъ сыномъ его Витовтомъ, своими оыновьями, другими князьими литовскими, Михаиломъ Тверскимъ и полками смоленскими. Великій князь разослалъ по всѣмъ городамъ грамоты для сбора войска, но ратники не успѣли придти изъ дальнихъ мѣстъ, и Дмитрій могъ выслать противъ Олгерда въ заставу только сторожевой полкъ изъ Москвичей, Коломенцовъ и Дмитровцевъ, подъ начальствомъ своего воеводы Дмитрія Минина и воеводы двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича—Акинеа Федоровича Шубы. Между тѣмъ Олгердъ уже воевалъ порубежные мѣста, т.-е. жегъ, грабилъ, обѣкъ; встрѣтился съ княземъ Семеновъ Дмитріевичемъ Стародубскимъ—Крапивою и убилъ его, потомъ въ Оболенскѣ убилъ князя Константина Юрьевича, наконецъ 21 ноября на рѣкѣ Троснѣ встрѣтилъ московскій сторожевой полкъ и разбилъ его: князя, воеводы и бояре всѣ погибли ⁴⁷⁸. Узнавши здѣсь, что Дмитрій не успѣлъ собрать большаго войска и заперся въ Москвѣ, Олгердъ быстро пошелъ къ этому городу, гдѣ Дмитрій велѣлъ пожечь посады, а самъ съ митрополитомъ, двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, со всѣми боярами и со всѣми людьми затворился въ новомъ кремлѣ. Три дня стоялъ подъ нимъ Олгердъ, взять его не могъ, но страшно опустошилъ окрестности, повелъ въ плѣвъ безчисленное множество народа, погналъ съ собою и весь скотъ. Впервые по прошествіи сорока лѣтъ, то-есть начиная отъ перваго года княженія Налиты, московское княжество испытало теперь непріятельское нашествіе. Михаилъ Тверской былъ отомщенъ, Дмитрій принужденъ былъ уступить ему Городецъ и всѣ части удѣла Семона Константиновича; дядя его, Василій Намыскій, умеръ еще

прежде похода Олгердова, оставивъ удѣль свой сыну Михаилу, который въ слѣдующемъ 1360 г., уже прѣвѣжалъ въ Москву жаловаться митрополиту Алексѣю на владыку своего Василія.

Олгердъ не могъ стоять болѣе трехъ дней подъ Москвою, потому что на западѣ Нѣмцы не давали ему отдыха. (Еще въ 1362 году они взяли Ковно, а въ 1369 году въ мѣстѣ отъ этого города заложили замокъ Готтесвердеръ. Олгердъ и Кейстутъ послѣдними взяли его, но принуждены были снова отдать Нѣмцамъ. Въ 1370 году сильное ополченіе, состоявшее изъ Литвы, Жмуди, Руси и Татаръ, подъ предводительствомъ Олгерда, Кейстута и двенъ мелодыхъ сыновей ихъ, Ягайла и Витовта, вторгнулось въ Пруссію, гдѣ великій магистръ встрѣтилъ его подъ замкомъ Рудауою, и поразилъ на-голову.) Въ это время, Москва, отдохнувши годъ, начала наступательное движеніе; ея войска, выѣвъ съ Волочанки, воевали смоленскія волости, вѣроятно мстя ихъ князю за союзъ съ Олгердомъ; потомъ Дмитрій посылалъ рать къ Брянску, наконецъ въ августѣ 1370 году послалъ объявить войну Михаилу Тверскому, который, по обычаю, снѣшилъ уйти въ Литву, а московскія войска, по обычаю, опустошили тверскую волость. Но это была только еще часть рати; скоро самъ великій князь Дмитрій явился въ тверскихъ владѣніяхъ съ большою силою, взял и пожегъ города—Зубцовъ, Микулинъ, пожегъ также всѣ волости и села, а людей многое множество вывелъ въ свою землю со всѣмъ ихъ богатствомъ и скотомъ.

Сильно опечалился и оскорбился Михаилъ, когда пришло къ нему въ Литву извѣстіе о страшномъ опустошеніи тверской волости. Отъ Олгерда нельзя было надѣяться помощи въ настоящую минуту, потому что онъ занятъ былъ нѣмецкими дѣлами, и вотъ Михаилъ вздумалъ попытаться, нельзя ли побороть Дмитрія старымъ средствомъ—Ордою; онъ поѣхалъ туда, но пріятели изъ Москвы дали ему вѣсть, что повсюду на дорогѣ разставлены заставы московскія, чтобъ перехватить его. Михаилъ возвратился опять въ Литву, опять сталъ кланяться Олгерду, и на этотъ разъ съ успѣхомъ. Зимой, въ Рождественскій постъ, Олгердъ двинулся на Москву съ братомъ Кейстутомъ, съ Михаиломъ Тверскимъ и Святославомъ Смоленскимъ. Они подошли къ Волоку-Ламскому, пожгли посадъ, окрестности, но, простоявъ три дня подъ городомъ⁴⁷⁷, не взяли его и пошли дальше къ Москвѣ, которую оса-

дней 6 декабря. В. князь Димитрій и на этотъ разъ заперся въ кремль московскомъ; но братъ его Владиміръ Андреевичъ стоялъ въ Переяславѣ, собирая силу; къ нему на помощь пришелъ князь Владиміръ Димитріевичъ Провскій и полки Олега Ивановича Рязанскаго. Олгердь испугался, улымаясь о сборахъ въ Переяславѣ, и сталъ просить мира, предлагая выдать дочь свою за князя Владиміра Андреевича; но в. князь Димитрій, вмѣсто вѣчнаго мира согласился только на перемиріе до Петрова дня. Олгердь двинулся назадъ, и шель съ большою осторожностію, озираясь на всѣ стороны, бѣжалъ за собою нагоня.

Михаилъ Тверской возвратился въ Тверь, также помирившись съ Димитріемъ; но испугъ Олгерда и желаніе литовскаго князя породниться съ московскимъ, показывали ему, что надобно искать помощи въ другой сторонѣ: весною 1371 года онъ исполнилъ прежнее свое намѣреніе, отправился въ Орду, и возвратился оттуда съ ярлыкомъ на великое княженіе владимирское и съ посломъ ханскимъ Сарыхою. Но Димитрій Московскій на званіи геродакъ звалъ присягу съ бояръ и черныхъ людей не передаваться тверскому князю и не пускать его на владимирское княженіе, а самъ съ братомъ Владиміромъ сталъ съ войсками въ Переяславѣ. Владимірцы, исполняя присягу, не пустили къ себѣ Михаила, и когда Сарыхожа послалъ звать Димитрія во Владиміръ къ ярлыку, то московскій князь велѣлъ отвѣчать ему: «Къ ярлыку не ѣду, Михаила на княженіе владимирское не пушчу; а тебѣ послу путь чистъ.» Сарыхожа сначала не хотѣлъ ѣхать въ Димитрія, но потомъ прельстился дарами и, отдавши ярлыкъ Михаилу, поѣхалъ назъ Мелеги въ Москву, а Михаилъ, недовольный оборотомъ дѣла, повоевалъ Кострому, Мологу, Угличъ, Бѣжецкій Верхъ ⁴⁷⁶, и возвратясь въ Тверь, отправилъ въ Орду сына своего Ивана. Между тѣмъ Сарыхожа мировалъ въ Москвѣ у Димитрія, набралъ у него много даровъ, и возвратясь въ Орду, началъ расхваливать московскаго князя, его добрый нравъ и смиреніе. Вѣроятно обладаженный Сарыхою въ добромъ пріемѣ, Димитрій самъ рѣшился отправиться въ Орду, чтобъ положить конецъ происшествію Миланловымъ. Митрополитъ Алексѣй проводилъ его до Оки, и давъ благословеніе на путь, возвратился въ Москву, куда въ это время пріѣхали послы литовскіе обручать Олгердову дочь Елену за князя Владиміра Андреевича.

Въ Ордь московскій князь успѣлъ задобрить и Мамая и князя, и каиня, и войскъ князей, пожаловать былъ опять великій княжеству владимирскому, и отлученъ съ большимъ частію, а тверскому князю канъ послалъ сказать: «Мы тебѣ дали великое княжение, давали и войско, чтобъ посадить тебя на немъ; но ты войска нашего не ввѣлъ, говоришь, что сядешь одною своею силою; какъ сиди тебѣ теперь съ кнѣзь хочешь, а отъ насъ помощи не жди.» Молодой тверской князь Иванъ задолжалъ въ Ордь 10,000 рублей; Дмитрій Московскій заплатилъ эти деньги и ввѣлъ Ивана съ собою въ Москву, гдѣ онъ сидѣлъ на дворѣ интронизаціи до тѣхъ поръ, пока отецъ выкупилъ его. Для насъ здѣсь важно то, что тверской князь принужденъ былъ задолжать въ Ордь 10,000 рублей, а московскій князь средства выкупить его—борьба была неравная! Такимъ образомъ, говорить лѣтописецъ, великій князь Дмитрій твердо укрѣпилъ подъ собою великое княжество, а враговъ своихъ пострашилъ. Но одного пострашенія было мало: въ Бѣжецкомъ Верхѣ тверской князь держалъ своего намѣстника, и Дмитрій отправилъ туда войско. Намѣстникъ Михайловъ былъ убитъ, тверскія волости пограблены; но война рязанская поѣхала тверской. Мы видимъ, что во время втораго нашествія Олгердова князь проной вѣстѣ съ рязанскими полками приходилъ на помощь войску московскому, собиравшемуся въ Перемышль; но послѣднее согласіе между Москвою и Рязанью было нарушено неизвестно по какимъ причинамъ, и въ 1371 году, въ декабрѣ, великій князь отправилъ на Олега Рязанскаго воеводу своего, Дмитрія Михайловича Волническаго съ большимъ войскомъ; Олегъ собралъ также большое войско и вышелъ навстрѣчу московскимъ полкамъ⁴⁷⁹; при чемъ, по словамъ лѣтописца, Рязанцы говорили другъ другу: «Не берите съ собою ни доспѣховъ, ни щитовъ, ни коней, ни сабель, ни стрѣлъ, берите только ремни, да веревки, чтобъ вязать боязливыхъ и слабыхъ Москвитей.» Московскій лѣтописецъ поблагодарилъ ихъ за такое мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Рязанцы люди суровые, свирѣпые, несокрушимые, гордые, *чашемальные*, вознеслись умомъ и возгордились вѣдчаніемъ, помыслили въ высокоуміи своемъ полуумные людича, какъ пудича.» Господь инокскихъ гордыхъ, продолжаетъ лѣтописецъ: въ злой сѣчѣ Рязанцы пали какъ осы, и самъ князь Олегъ едва-едва бѣдствомъ съ небольшою дружиною⁴⁸⁰.

Мы видели, что въ Рязани шла постоянная вражда между двумя княжескими линиями, Рязанскою и Прютокою; эта борьба помогала Москвѣ, точно такъ какъ въ Твери помогали ей усобицы между князьями тверскими и кашинскими. Какъ только князь Владимиръ Дмитриевичъ Прютокій узналъ о бѣдѣ Олотовой, то явился въ Рязани и сѣлъ здѣсь на княженіе; но Олегъ скоро выгналъ его, взялъ въ плѣнъ и привелъ въ свою волю.

По окончаніи войны рязанской, въ 1372 году, началась опять война тверская. Князю Михаилу Александровичу удалось снова заключить союзъ съ Литвою, и въ надеждѣ на него онъ началъ наступательное движеніе, послалъ племянника своего Дмитрія Еревиновича съ войскомъ къ городу Кистивъ⁴⁸¹, воеводы котораго были схвачены и приведены въ Тверь. Тотчасъ послѣ этого князь Михаилъ Васильевичъ Кашинскій отправилъ посла въ Москву, заключилъ миръ съ княземъ Дмитріемъ и сложилъ крестное цѣлованіе къ князю Михаилу. Тверской князь не удовольствовался Киствою: онъ пошелъ самъ къ Дмитрову, взялъ съ города окупъ, посады, волости и села пожечь, бояръ и людей побралъ въ плѣнъ. Въ то же время онъ подвѣлъ тайно подъ Переяславль рать литовскую—Олгердова брата Кейстута съ сыномъ Витовтомъ, Андреемъ Олгердовича Полоцкаго и Дмитріемъ Друцкато. Переяславль нѣмъ участъ Дмитрова; скоро раздѣлилъ ее и Кашинъ, котораго князь принужденъ былъ подчиниться Михаилу и опять цѣловать ему крестъ. Отъ Кашина союзнники пошли къ Торжку, взяли его и тверской князь посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ. Но въ Петровъ востъ явились въ Торжокъ Новгородцы, укрѣпились съ Новгородцами крестнымъ цѣлованіемъ, выслали намѣстниковъ Михайловыхъ изъ города, а купцовъ тверскихъ и другихъ людей пограбили и побили, послѣ чего укрѣпили городъ и обли въ немъ дожидаться прихода Михайлова. 31 мая пришелъ Михаилъ подъ Торжокъ, и послалъ сказать гражданамъ, чтобъ выдали ему тѣхъ, которые были и грабили Тверичей, и чтобъ приняли опять его намѣстниковъ, послѣ чего онъ оставилъ ихъ въ покоѣ. Новгородцы не согласились и вышли на бой: первый встрѣтилъ Тверичей на Подолѣ Александръ Абакумовичъ, и палъ костью за св. Спаса и за обиду новгородскую, трое товарищей его были также убиты, и Новгородцы потерпѣли совершенное пораженіе: одинъ намѣстникъ къ нему по новгородской дорогѣ, другіе заперлись въ

крѣпости (городъ) — торжокской. Но Тверичи скоро захватили посады, сильный дѣтеръ потянулъ на городъ, и пошелъ огонь по всему городу; несчастные Новгородцы забросались отсюда съ женами и дѣтьми прямо въ руки врагамъ, иные сгорѣли, другіе задохнулись въ церкви св. Спаса или маршонули въ рѣкѣ; добрыя женщины и дѣвицы, видя себя раздѣтыми до нага, отъ стыда сами бросались въ рѣку; Тверичи до нага обдирали всѣхъ, даже парнецовъ и черницъ, иконныхъ оладовъ и всякаго серебра много побрали, чего и поганые не дѣлаютъ, заключаетъ лѣтописецъ: кто въ оставшихся въ живыхъ не помучаетъ, видя, сколько людей приняло горькую смерть, святые церкви нежжены, городъ весь пустъ? и отъ поганыхъ никогда не бывало такого зла; убитыхъ, погорѣлыхъ, утопшихъ наметали пять снудельницъ, а иные сгорѣли безъ остатка, другіе потонули, и безъ вѣсти поплыли внизъ по Тверцѣ.

Истребивши Торжокъ, Михаилъ отправился для ссоединенія съ Олгердемъ, который стоялъ у Люботока ⁴⁸². На этотъ разъ Дмитрій приготовился, встрѣтить съ сильнымъ войскомъ Олгерда у Люботока и разбилъ сторожевой полкъ литовскій. Все войско литовское переполюшилось, самъ Олгердъ побѣжалъ и оставался за крутымъ и глубокимъ оврагомъ, который не допустилъ неприятелей до битвы; много дней Литва и Москвиты стояли въ бездѣйстви другъ противъ друга, наконецъ заключили миръ и разошлись. Миръ, или, лучше сказать, перемиріе, было заключено на короткій срокъ: отъ 31 июля по 26 октября (отъ Сложина заговѣнья до Дмитриева дня). Договоръ заключенъ отъ имени Олгерда, Кейстута и смоленскаго великаго князя Святослава Ивановича; въ него включены также: князь Михаилъ тверской, Дмитрій брянскій и тѣ князья, которые будутъ въ имени Олгерда и Святослава смоленскаго; трое князей рязанскихъ, которые одинаково называются великими ⁴⁸³, находятся на сторонѣ Дмитрія московскаго. Олгердъ поручился, что Михаилъ тверской возвратитъ все пограбленное имъ въ волостяхъ московскихъ, и сведетъ оттуда своихъ намѣстниковъ и воеводъ. Если Михаилъ въ перемирный срокъ станетъ грабить волости Дмитрія, то послѣдній веленъ раздѣливаться съ нимъ, и литовскіе князья за него не вступятся. Дмитрій предоставилъ себѣ также право покончить съ Михаиломъ посредствомъ хана: «А что пошли въ Орду къ царю

люди жаловаться на князя Михаила, то мы въ Польской оудѣ члв съ царевей: какъ повелитъ, такъ мы в Суднѣ дѣлаемъ; а во отъчаръ во въ камѣну.

Раздоры между княземъ тверскимъ и владимирскимъ не допустили до продолжительнаго мира, ибо если князь тверской отъ притѣсненій Москвы наложилъ защиту въ Литвѣ, то слабый князь кашинскій отъ притѣсненій Твери искалъ постоянно защиты въ Москвѣ. Поѣздъ 1373 годовъ опять встрѣчаемъ известіе, что князь Михаилъ Васильевичъ кашинскій сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу тверскому, и уѣхалъ въ Москву, а изъ Москвы отправился въ Орду, откуда возвратился въ Кашинъ неизвестно съ чѣмъ. Скоро послѣ этого онъ умеръ, а сынъ его Василій, по совету бабки и бояръ, прѣехалъ въ Тверь къ князю Михаилу Александровичу съ челобитьемъ, и отдался въ его волю; за стнть примиреніемъ послѣдовало и примиреніе тверскаго князя съ московскимъ. Дмитрій отпустилъ изъ Москвы сына Михаилава. Ивана, вридеденнаго, какъ мы видѣли, изъ изъ Орды.⁴⁶⁴; а Михаилъ вывелъ своихъ наѣстниковъ изъ занятыхъ имъ волостей великокняжескихъ. Но на слѣдующій годъ молодой кашинскій князь Василій Михайловичъ побѣжалъ изъ Твери въ Москву; за то тверскій князь нанялъ внутри самой Москвы враговъ Дмитрію. По повѣду насильственной смерти тысяцкаго Алексѣя Петровича мы упоминали о важномъ и опасномъ значеніи этого самозннка. Въ 1374 г. умеръ тысящій Василій Васильевичъ Вельяминовъ, и в. князь не назначилъ другаго на его мѣсто, которое не воиъ вѣроятностямъ надѣялся занять сынъ покойнаго, Иванъ. Обманутый въ этой надеждѣ, онъ ссорился съ другими недовольными, Некоматомъ Сурожаниномъ, то-есть купцомъ, торгующимъ дорогами важными товарами, и въ 1378 году ѡбѣжали оба къ тверскому князю, со мною лею и лъстивыми словами, и отъ этого загорѣлся огонь, по выраженію гѣтоннца. Михаилъ Александровичъ, повѣривъ лъстивымъ словамъ москвичей ѡблецовъ, отправилъ Вельяминова съ Некоматомъ къ князю, а самъ поѣхалъ въ Литву, гдѣ пробывши малое время, возвратился въ Тверь; скоро возвратился изъ Орды и Некоматъ съ канцлннъ: поеломъ и ярлыкемъ Михаилу на великое княженіе владимирское, и на великую погнбелъ христианскую, говорить гѣтоннца. Тогда Михаилъ, увѣривши, какъ видѣе, въ немощи и съ востока, и съ

запада не стала объявить войну Дмитрію московскому, и въ то же время отправила наместниковъ въ Торжокъ и рать въ Угличъ.

Но помощь не приходила къ нему ни съ востока, ни съ запада, а между тѣмъ Дмитрій собрался со всею силою и двинулся къ Волоку-Ланскому, куда пришли къ нему князья: тесть его Дмитрій Константиновичъ суздальскій съ двумя братьями и сыномъ, двоюродный братъ Владимиръ Андреевичъ серпуховской, зрелъ князей ростовскихъ, князь смоленскій, дѣе князей ярославскихъ, князь бѣлозерскій, нашинскій, воложскій, стародубскій, брянскій, новобельскій, оболонскій и торусскій. По слову дѣтства, всѣ эти князья сильно сердились на Михаила тверскаго за то, что онъ прежде нѣсколько разъ приводилъ Литву, надѣлавшую столько зла христіанамъ, а теперь соединился съ Михаиломъ; но съ другой стороны, замѣтимъ, что нѣкоторые изъ этихъ князей были *подручниками* Дмитрія и не могли ослушаться его приказанія, нѣкоторые же были только по имени князьями извѣстныхъ волостей, какъ, наприимѣръ, князь стародубскій, а Бѣлозерскій былъ куманъ еще Калитою. — Всѣ эти князья двинулись къ Волоку къ Твери, и стали воевать, взяли Микулинъ, доплыли и пожгли окружныя мѣста, наконецъ осадилъ Тверь, гдѣ заперся князь Михайлъ. Обнесши весь городъ тыномъ, наведя два большахъ моста на Волгѣ, Дмитрій послалъ за Новгородцами; тѣ, желая казнить великаго князя и выгоду отомстить Твертянамъ за горькаское мораненіе, собрались въ три дня, пришли къ Твери и много надѣлали зла. Тогда осаждающіе приступили со всѣми силами къ городу: приставили турки, приотали приметь около всей крѣпости, зашли мостъ у Тажбинхъ веротъ и стрѣльницы; но осажденные хотя съ большимъ трудомъ потушили пожаръ, и когда Дмитріева рать немного отступила отъ крѣпости, то Михайлъ сдѣлавъ изъ нея удачную вылазку, поѣлъ турки, другіе помогъ, и побилъ много людей у осаждающихъ. Но опять успѣхъ на крѣпость ему невазы: волость его была опустошена въ конецъ, города Зубцовъ, Бѣлгородъ и Городокъ (Старца) взяты; онъ все ждалъ попомъ изъ Литвы и отъ хана; литовскіе полки пришли, но услыхавъ, какая безчисленная рать стоитъ у Твери, испугались и ушли назадъ. Тогда Михайлъ, потерявъ послѣднюю надежду, отправилъ вѣздуку Евасію и бѣжалъ босра спастись къ Дмитрію просить мира, согласился во всемъ

вене московскаго князя ⁴⁴⁴, в тогь заключили съ нимъ миръ; по-
торого условія дошли до насъ. Независимый в. князь тверской,
соперникъ московскаго по владимирскому великому князю, не
утрачивая своего названія великй князь, обязывается считать
себя младшимъ братомъ Дмитрія, равнымъ младшему двоюрод-
ному брату послѣднато, удѣльному Владиміру Андреевичу. Оби-
зательности младшаго брата къ старшему: опредѣлены: когда вели-
кй князь московскій или братъ его выступятъ въ походъ, то в.
тверской князь обязанъ садиться за коня; если поимютъ вое-
воду, то и онъ обязанъ послать своихъ воеводъ. Михаилъ обя-
зается не искать ни Москвы, ни великаго князюшя московскаго,
ни Новгородца, обязался не только за себя, но и за дѣтей своихъ
и племянниковъ; обязался самъ не искать великаго князюшя влад-
дмирскаго и не принимать его отъ Татаръ, за что Дмитрій, съ
своей стороны, обѣщался не принимать Твери отъ Татаръ; по-
томъ вытребовалъ, чтобъ княжество каинское было независимо
отъ тверскаго, условіе важное, выгодное для Москвы, важное для
тверскаго княжества, которое обесценивалось раздробленіемъ на
дѣль волости независимыя: «Въ Каиниѣ тебѣ не везуматься, а что
потануло къ Каинцу, то вѣдасть ~~самому~~ князь Василій и вер-
ходомъ не надобно Каинцу думать къ Твери; князь Василій тебѣ
не обижать, а будешь обижать, то стану его оборонять.» Также
важное условіе постановлено относительно Татаръ: «Будемъ ли
мы въ мирѣ съ Татарами—это зависитъ отъ насъ; дадимъ ли вы-
ходъ—это зависитъ отъ насъ; не захотимъ дать—это зависитъ
также отъ насъ. Если же Татары пойдутъ на насъ или тебя, то
намъ биться вмѣстѣ; если же мы пойдомъ на нихъ, то и тебѣ
идти съ нами вмѣстѣ.» Михаилъ отказался отъ союза съ Олвер-
домъ, его братьями, дѣтьми и племянниками, мало того, обязался
воевать съ Литвою, если она нападетъ на московскаго или на
смоленскаго князя. Съ великимъ Новгородомъ и Торжкомъ твер-
ской князь обязался жить по старинѣ и мирѣ, и возвратитъ всѣ
церковныя вещи, пограбленныя въ Торжкѣ во время его взятія,
также все пограбленное послѣ мара 1373 года. Право отъѣзда
отъ одного князя къ другому съ удержаніемъ селъ въ прогнанных
водостяхъ утверждено за боярами и слугами вольными, за исклю-
ченіемъ Ивана Васильевича Вольмина и Неломата, сама кече-
рыкъ удержалъ московскій князь за собою. Замѣчательно, что :

при затруднении въ сибирскомъ судѣ дѣла Москвитинъ и Твердичей. возложено: отдавать на рѣшеніе великаго князя рязанскаго Олега ⁴⁰⁶.

Такъ счастливо для Москвы кончилась борьба съ Тверью, т. е. съ Литвою, по поводу Твери. Въ томъ же году Олгердь понустишилъ смоленскую волость за то, что князь ея воевалъ противъ Михаила тверскаго; (съ другой стороны Татары оустожили волости нижегородскую и новосильскую за то же самое; но московскій князь оставался въ покоѣ, и въ 1376 году посылалъ Владиміра Андреевича съ войскомъ ко Ржеву; серпуховской князь, по обычаю, пошесть посадъ, но простоявъ три дня подъ крѣпостью, возвратился назадъ) Тверской князь не думалъ разрывать союза съ Литвою: еще въ 1375 г. въ Тверь приведена была дочь Кейстута Марья, окрещена и выдана замужъ за сына в. князя Михаила, Ивана. Не союзъ этотъ былъ безвлезенъ для тверскаго князя, ибо въ 1377 году умеръ Олгердь, ностригшимся передъ смертью въ монахи, при чемъ мірское православное имя Александра переимѣнилъ на имя Алексѣя. Еще прежде умеръ братъ его князь волынкій Любартъ, который всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ Поляками, стремившимися овладѣть и Волынью, какъ овладѣли Галичемъ. Великимъ княземъ сталъ сынъ Олгерда Ягайло, въ православіи Яковъ, и дядя Кейстутъ, князь троцкій, присягнувъ влемеянику. Но Ягайло, подобно дядѣ Евнутію, взявъ старшинство не по праву мимо старшаго брата, Винголда Андрея, рожденнаго отъ первой жены Олгердовой; Андрей княжившій въ Полоцкѣ, объявилъ было свои притязанія на старшинство, но не получивъ ни откуда подкрѣпленія, долженъ былъ уступить Ягайлу, лишился своей волости, и бѣжалъ въ Псковъ, гдѣ жители посадили его на княженіе, съ согласія великаго князя Дмитрія, къ которому Андрей ѣздилъ въ Москву. Дмитрія хотѣлъ воспользоваться этою смутю, и въ 1379 году Андрей Олгердовичъ, вмѣстѣ съ серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ и московскимъ воеводою, Дмитріемъ Михайловичемъ волынскимъ, отиравались на литовскія владѣнія, взяли города Трубчевскъ и Стародубъ, новоевали много становъ и волостей, и возвратились съ большимъ богатствомъ домой; братъ Андрея, Дмитрій Олгердовичъ, князь трубчевскій не сопротивлялся московскимъ полкамъ: онъ вышелъ изъ города съ семействомъ и боярами, не-

взять въ Москву и вступилъ въ службу великаго князя, или, какъ выражается летописецъ, урядился въ рядъ и крѣпость взялъ; Дмитрий принялъ его съ честію, любовью и далъ ему Переяславль съ всеми пошлениани.

За эту службу, которая доставила московскому князю двухъ вѣрныхъ слугъ между сыновьями Олгердовыми, послѣдовала другая, болѣе опасная для Литвы, болѣе выгодная для враговъ ея. Ягайло не походилъ на отца и дѣда своего: былъ лѣнивъ, любилъ удовольствія и не имѣлъ твердаго характера, вслѣдствіе чего подвергался вліянію окружающихъ его. Самыя приближенныя изъ нихъ былъ Войдылло, о которомъ вотъ что говоритъ летописецъ⁴⁹⁷: былъ у Великаго князя Олгерда паребокъ, крѣпостной холопъ, звали его Войдыллоу; сначала былъ онъ хлѣбникомъ, полюбился Великому князю, который взялъ его къ себѣ постелю слать и пить подавать, а наконецъ далъ ему держать городъ Лиду. Силежъ былъ Войдылло при Олгердѣ; еще сильже сталъ при Ягайлѣ, который даже отдалъ за него родную сестру. Старому князю Кейстуту очень не понравилось, что племянницу его выдали за холопа; сталъ онъ попрекать и вдовѣ Олгердовой, и Ягайлу, и самой племянницѣ, отсюда пошла ненависть между Кейстутомъ и Войдыллоу и послѣдній сталъ думать, какъ бы избавиться отъ старика. Съ этой цѣлію онъ началъ наговаривать Ягайлу на Кейстута и поднимать на него Нѣмецкихъ рыцарей. Кунъ Либштейнъ, командоръ Остеродскій, кумъ Кейстута, послалъ сказать послѣднему: «Ты ничего не знаешь, какъ Ягайло безпрестанно посылаетъ Войдылла къ намъ и уже договоръ съ нами написалъ, чтобъ отнять у тебя волости.» Кейстутъ, получивъ эту вѣсть, послалъ сказать сыну своему Витовту: «Ты живешь съ Ягайломъ въ тѣсной дружбѣ, а онъ договорился съ Нѣмцами на наше лихо.» Витовтъ отвѣчалъ отцу, что ничему же надобно вѣрить, что онъ живетъ съ Ягайломъ душа въ душу, знаетъ всѣ его думы. Скоро однако правда обнаружилась. Въ Полоцкѣ, по приглашенію Андрея Олгердовича, княжилъ сынъ Кейстута, Андрей, прозвищемъ Горбатыя. Ягайлу или Войдылло хотѣлось отнять эту волость у Кейстutowича и отдать ее родному брату Ягайлову, Скиригайлу; но Полочане, старые вѣчники, никакъ не согласились на эту перемену и съ позеромъ выгнали отъ себя Скиригайла. Великій князь выслалъ противъ нихъ сильное войско, съ

которые соединились и Нѣмцы; но Полоцкани не потеряли духа: они объявили, что скорѣе поддадутся Нѣмцамъ, чѣмъ Скиригайлу, и вмѣстѣ съ Андреемъ мужественно отразили всѣ приступы ⁴⁴³. Старикъ Кейстутъ, услыжавъ о полоцкихъ происшествіяхъ, омытъ сталъ жаловаться сыну своему Витовту на Ягайла ⁴⁴⁴: «За Вейдымъ отдалъ мою племянницу, уговорился съ Нѣмцами на шое лихо; а вотъ теперь съ кѣмъ мы воюемъ? съ Нѣмцами? а онъ съ ними заодно добываетъ Полоцка.» Витовтъ отвѣчалъ и на этотъ разъ, что онъ все еще не совсѣмъ вѣритъ коварству Ягайла, и выйдя въ Дрогичинъ, откуда скоро отправился въ Гродно. Но старикъ Кейстутъ не раздѣлялъ сомнѣній сына своего: онъ рѣшился для собственной безопасности предупредить Ягайла, врасплохъ явился съ войскомъ передъ Вильною, овладѣлъ ею, взявъ въ плѣнъ Ягайла со всѣмъ семействомъ, захватилъ всѣ грамоты, и между прочимъ послѣдній договоръ Ягайла съ Нѣмцами.

Витовтъ, извѣщенный чрезъ гонца о торжествѣ отцовскомъ, въ одинъ день прискакалъ изъ Гродна въ Вильну. Кейстутъ показалъ ему грамоту: «Ты мнѣ все не вѣрилъ, а вотъ тебѣ и грамота на лице; написали на наше лихо, да Богъ насъ оберегъ. А я великому князю Ягайлу за это никакого зла не сдѣлалъ, не дозронулся ни до имѣнья его, ни до стада, и самъ онъ у меня не въ плѣну, ходитъ только за малой стражей; отчину его—Витебскъ и Крево, и всѣ мѣста, что отецъ его держалъ, все отдаю ему, и ни во что его не вступаю; а что я теперь сдѣлалъ, того нельзя было мнѣ не сдѣлать: берегъ свою голову.» Ягайло долженъ былъ присягнуть, что никогда не вооружится противъ Кейстута и не выйдетъ изъ его воли, послѣ чего со всѣми родными и имѣніемъ отправился въ Витебскъ.

Кейстутъ сталъ Великимъ княземъ, но недолго пользовался своимъ новымъ положеніемъ. Вдова Олгердова Іуліанія и дѣти ея не могли спокойно видѣть, что столь великокняжескій перешелъ къ Кейстуту, и потому, посредствомъ Скиригайла, изгнанника Полоцкаго, завязали снова сношенія съ Нѣмцами, которые были рады смутамъ въ Литвѣ. Но пока Кейстутъ жилъ въ Вильнѣ, никто не смѣлъ противъ него подняться, тѣмъ болѣе, что Ягайло трудно было уговорить на какое-нибудь отважное предпріятіе. Только когда Кейстутъ велѣлъ позвать плѣнника своего Вейдыма, Ягайло позволилъ сестрѣ и ея приверженцамъ уговорить

себя дѣйствовать рѣшительно противъ дяди. Въ это время старшій Кейстуть велъ войну съ племянникомъ Дмитріемъ Олгердовичемъ; Ягайло обязанъ былъ также выступить въ походъ; но, вмѣсто того, чтобъ идти съ войскомъ на Русь, онъ двинулся нечаянно къ Вильнѣ, гдѣ Кейстута тогда не было, и овладѣлъ городомъ; та же участь постигла и Троки. Кейстуть собралъ большое войско и соединившись съ сыномъ Витовтомъ, обложили Троки; противъ него стоялъ Ягайло съ своими союзниками, Нѣмцами. Но Олгердовъ сынъ побоялся рѣшить дѣло оружіемъ, и предпочелъ коварство. Онъ началъ просить Витовта, чтобъ тотъ помирилъ его съ отцемъ, для чего просилъ обоихъ князей пріѣхать къ нему въ станъ, и князь Скиригайло именемъ брата поклялся, что съ ними не случится ничего дурнаго. Въ надеждѣ на эту клятву, Кейстуть и Витовтъ пріѣхали въ станъ къ Ягайлу, чтобъ договариваться о мирѣ, но вмѣсто того были схвачены, и Кейстуть былъ отданъ въ руки самымъ злымъ врагамъ своимъ, которые сковали его, отвезли въ Крево, заперли въ тюрьму и на пятую ночь удавили.

Больной Витовтъ былъ также отвезенъ вмѣстѣ съ женою Анною въ Крево, гдѣ держали его подъ крѣпкою стражею. И выздоровѣвши, Витовтъ все еще притворялся хворымъ; жена навѣщала его ежедневно вмѣстѣ съ двумя служанками; наконецъ она получила отъ Ягайла для одной себя позволеніе ѣхать въ Моравію. Въ ночь, наканунѣ отъѣзда, она пришла проститься съ мужемъ и замѣшкалась у него, какъ слѣдовало ожидать, долѣе обыкновеннаго: въ это время Витовтъ переодѣвался въ платье одной изъ женнинныхъ служанокъ, Елены, которая осталась на его мѣстѣ, а онъ, вышедши съ женою изъ тюрьмы и спустившись со стѣны, нашель лошадей, высланныхъ изъ Волковыйска, отъ тамошняго тиуна, въ короткое время достигъ Слонима, оттуда отправился въ Брестъ, и на пятый день былъ уже въ Плоцкѣ. Елена, не вставая съ постели, такъ хорошо представляла больного князя, что только на третій день узнали о его бѣгствѣ. Она поплатилась жизнью за свое самоотверженіе.

Эти смуты отняли у литовскихъ князей средства враждебно дѣйствовать противъ Москвы и дали послѣдней возможность безпрепятственно управиться съ Татарами. Дмитрій выросъ въ неповиновеніи хану, два раза младенцемъ ходилъ онъ отнимать

владимирское княженіе у Дмитрія Суздальскаго, у котораго былъ ярлыкъ ханскій. Княжество московское постоянно усиливалось, его князья еще со временъ Калиты привыкли располагать полками князей подручныхъ, убѣждались все болѣе и болѣе въ своей силѣ, тогда какъ Орда видимо ослабѣвала вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и усобицъ, и ничтожные ханы, подчиненные могущественнымъ вельможамъ, свергаемые ими, теряли все болѣе и болѣе свое значеніе, переставали внушать страхъ. Отъ страха передъ татарами началъ отвыкать русскій народъ и потому, что со временъ Калиты пересталъ испытывать ихъ нашествія и опустошенія; возмужало цѣлое поколѣніе, которому чуждъ былъ трепеть отцовъ предъ именемъ татарскимъ; московскій князь, находившійся въ цвѣтѣ лѣтъ, въ самомъ полномъ развитіи силъ, былъ представителемъ этого новаго поколѣнія. Съ малолѣтства привыкъ Дмитрій дѣйствовать иначе, нежели дѣйствовали дѣдъ, дяди и отецъ его; малюткою съ оружіемъ въ рукахъ добылъ онъ себѣ старшинство между русскими князьями, послѣ до тридцатилѣтняго возраста не выпускалъ изъ рукъ оружія, выдержалъ опасную борьбу съ Литвою, Тверью, Рязанью, и вышелъ изъ нея побѣдителемъ съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ. Неудивительно, что такой князь рѣшился первый поднять оружіе противъ татаръ.

Мы видѣли, что въ началѣ княженія Дмитріева Орда дѣлилась между двумя хапами-Мюридомъ (Амуратомъ) и Абдуломъ (Abdullah), именемъ котораго управлялъ темникъ Мамай. Но кромѣ нихъ въ древней странѣ болгарской утвердился третій ханъ Пуладъ-Темиръ, а въ странѣ мордовской князь Тогай. Послѣдній въ 1365 году напалъ нечаянно на Переяславль Рязанскій, взялъ, сжегъ его, поплѣнилъ окрестныя волости и села, и уже съ большою добычею возвращался въ степь, какъ былъ настигнутъ князьями—Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ, Владиміромъ Пронскимъ и Титомъ Козельскимъ: былъ между ними бой лютой, пало много мертвыхъ съ обѣихъ сторонъ, но русскіе князья наконецъ одолѣли, и Тогай едва убѣжалъ съ небольшою дружиною⁴⁰⁰. Въ 1367 году Булатъ или Пуладъ-Темиръ напалъ на нижегородскія владѣнія, но прогнанъ былъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ за рѣку Пьяну съ большимъ урономъ, прибѣжалъ въ Золотую Орду, и былъ тамъ убитъ ханомъ Азизомъ, или Озизомъ, преемникомъ Мюридовымъ. Въ 1370 году Дмитрій Константино-

вѣтъ съ братомъ Борисомъ, сыномъ Василюмъ и ханскимъ посломъ Ачижожею (Хаджи Ходжа) ходилъ войною на болгарскаго князя Асана; тотъ встрѣтилъ ихъ съ челобитьемъ и дарами, они дары взяли, но посадили на княженіе Салтана, Бакова сына. Въ 1373 году Татары изъ Орды Мамаевой опустошили рязанское княжество; великій князь московскій все лѣто простоялъ на берегу Оки (куда пришелъ къ нему и Владиміръ Андреевичъ) ⁴⁹¹, и не пустилъ татаръ на свою сторону. Сопротивленіе Татарамъ и даже наступательное движеніе на нихъ обнаруживалось повсюду; въ 1374 году Нижегородцы перебили пословъ Мамаевыхъ и съ ними 1500 татаръ; старшаго посла — Сарайку съ дружиною заперли въ крѣпости. На слѣдующій годъ князь Дмитрій Константиновичъ приказалъ развести плѣнниковъ по разнымъ мѣстамъ, но Сарайка съ товарищами своими вырвался, убѣжалъ на архіерейскій дворъ, зажегъ его и началъ отбиваться отъ Нижегородцевъ, многихъ перебилъ и переранилъ; наконецъ народъ одолѣлъ Татаръ и перебилъ ихъ всѣхъ. Въ томъ же году Татары Мамаевы опустошили берега рѣки Киши, притока Суры, и мѣста за рѣкою Пьяною ⁴⁹². Мы упоминали уже о нападеніи Татаръ на нижегородское и новосильское княжество за помощь, оказанную имъ князьями Дмитрію московскому противъ Михаила тверскаго, послѣ чего московскій князь ходилъ съ войскомъ за Оку, оберегая землю свою отъ Татаръ. Еще въ XII и XIII вѣкѣ мы видѣли стремленіе сѣверовосточной Руси къ естественному распространенію своему на востокъ внизъ по Волгѣ, насчетъ Болгаръ, Мордвы и другихъ туземныхъ племенъ; стремленіе это было надолго остановлено татарскимъ нашествіемъ и внутренними движеніями, которыя имѣли слѣдствіемъ усиленіе московскаго княжества; теперь же, какъ скоро сѣверовосточная Русь снова усилилась единовластіемъ, а татарское владычество ослабѣло, опять начинается наступательное движеніе Русскихъ на древнюю болгарскую землю. По окончаніи борьбы съ Литвою и Тверью, весною 1376 года великій князь послалъ воеводу своего Дмитрія Михайловича Волинскаго на Болгаръ; съ Волинскимъ отправились двое молодыхъ князей нижегородскихъ — Василій и Иванъ Дмитріевичи, и подступили подъ Казань. Казанцы вышли противъ нихъ изъ города, стрѣлая изъ луковъ и самострѣловъ; другіе производили какой-то громъ, чтобъ испугать русскихъ, а нѣко-

торые выѣхали на верблюдахъ, чтобы переполошить лошадей. Но всѣ эти хитрости неудались: Русскіе вогнали непріятеля въ городъ, и князя казанскіе Асанъ и Магометъ-Солтанъ принуждены были добить челомъ великому князю; заплатили тысячу рублей Дмитрію московскому, тысячу новгородскому, три тысячи воеводамъ и ратнымъ людямъ; кромѣ того лѣтописецъ говоритъ, что Русскіе посадили въ Казани своего сборщика податей (дорогу) и таможенниковъ.

Въ 1377 году въ Москву пришла вѣсть, что въ странахъ пурскихъ явился новый царевичъ татарскій, Арапша, перебѣжавшій за Волгу съ береговъ Яика и Аральскаго моря. Дмитрій московскій тотчасъ собралъ большое войско и пошелъ на помощь къ тестю своему, Дмитрію нижегородскому; но объ Арапшѣ долго не было вѣсти, и великій князь возвратился въ Москву, оставивши воеводъ своихъ съ полками владимирскими, переяславскими, юрьевскими, муромскими и ярославскими, съ которыми соединилось и нижегородское войско подъ начальствомъ своего молодого князя Ивана. Собралась большая рать и двинулась за рѣку Пьяну, гдѣ воеводы получили вѣсть, что Арапша далеко, на рѣкѣ Волчьихъ Воды, притокѣ Донца. Князя и воеводы русскіе обрадовались и не обращали уже болѣе вниманія на другія приходившія къ нимъ вѣсти: кто можетъ стать противъ насъ? говорили они,—и стали ѣздить въ простомъ платьѣ (охабняхъ и сарафанахъ), а доспѣхи свои поклали на телѣги и въ сумы, рогатины, сулицы и копыя не были приготовлены, шныя не были еще насажены, также не были приготовлены щиты и шлемы. Было время въ концѣ іюля, стояли сильныя жары, и ратники разъѣзжали спустивши платье съ плечъ, разстегнувши петли, растрепавшись точно въ банѣ; если случалось гдѣ найти пиво и медъ, напивались до-пьяна, и хвастались, что одинъ изъ нихъ выѣдетъ на сто Татаръ. Князя, бояре и воеводы также забыли всякую осторожность, ѣздили на охоту, пировали, величались, да ковы другъ противъ друга строили⁴⁹³. Въ это время мордовскіе князья подвели тайно Арапшу, который, раздѣливъ свою рать на пять полковъ, втораго августа нечаянно ударилъ со всѣхъ сторонъ на русское войско; послѣднее не имѣло возможности сопротивляться, и побѣжало въ ужасѣ къ рѣкѣ Пьянѣ; князь Иванъ Дмитріевичъ нижегородскій утонулъ при переправѣ вѣстѣ со множествомъ

бояръ, слугъ и простыхъ ратниковъ, другіе были перебиты Татарами. Аранша явился передъ Нижнимъ, откуда князь Дмитрій Константиновичъ выбѣжалъ въ Суздаль, а жители разбѣжались на судахъ по Волгѣ къ Городцу. Татары перехватили тѣхъ, которые не успѣли спастись, сожгли городъ, опустошили окрестности и ушли назадъ; въ томъ же году Аранша пограбилъ и мѣста за Сурою (Засурье), потомъ перебилъ русскихъ гостей; пришелъ нечаянно на Рязань, взялъ ее, при чемъ самъ князь Олегъ, изстрѣленный, едва вырвался изъ рукъ татарскихъ. Надѣясь, что послѣ Пьянскаго пораженія нижегородское княжество осталось безъ защиты, и Мордва захотѣла попытать счастья противъ Русскихъ: приплыла нечаянно по Волгѣ въ нижегородскій уѣздъ, и пограбила то, что осталось отъ Татаръ; но князь Борисъ Константиновичъ настигъ ее у рѣки Пьяны, и поразилъ: одни потонули, другіе были побиты. Оба князя, и московскій и нижегородскій, не хотѣли этимъ ограничиться, и зимою, не смотря на страшные морозы, нижегородское войско подъ начальствомъ князей — Бориса Константиновича и Семена Дмитріевича, и московское подъ начальствомъ воеводы Свибла вошла въ мордовскую землю, и «сотворило ее пусто»⁴⁹⁴, по выраженію лѣтописца; плѣнниковъ, приведенныхъ въ Нижній, казнили смертію, травили псами на льду на Волгѣ. Въ слѣдующемъ 1378 году Татары явились опять нечаянно передъ Нижнимъ; князя не было тогда въ городѣ, а жители разбѣжались за Волгу. Прибывши къ Нижнему изъ Городца, князь Дмитрій Константиновичъ увидалъ, что нельзя отстоять города отъ Татаръ, и потому послалъ къ нимъ окупъ; но Татары не взяли окупа и сожгли Нижній, потомъ повоевали весь уѣздъ и Березовое поле. Управившись съ Дмитріемъ Нижегородскимъ, Мамай отправилъ князя Бегича съ большимъ войскомъ на Дмитрія Московскаго. Но тотъ узналъ о приближеніи непріятеля, собралъ силу и выступилъ за Оку въ землю рязанскую, гдѣ встрѣтился съ Бегичемъ на берегахъ рѣки Вожи⁴⁹⁵. 11-го августа къ вечеру Татары переправились черезъ эту рѣку, и съ крикомъ помчались на русскіе полки, которые храбро ихъ встрѣтили: съ одной стороны ударилъ на нихъ князь провскій Давидъ, съ другой московскій окольникій Тимофей, а самъ великій князь Дмитрій ударилъ на нихъ въ лице. Татары не выдержали, побросали конья и бросались бѣжать за рѣку, при чемъ множество ихъ перето-

нуло и было перебито. Ночь помѣшала преслѣдовать Татарь, а на другое утро былъ сильный туманъ, такъ что только къ обѣду Русскіе могли двинуться впередъ и нашли въ степи весь обозъ непріятельскій. Мамай собралъ остатки своей рати и въ сентябрь ударилъ на рязанскую землю; князь Олегъ, никакъ не ожидая нападенія послѣ вожской битвы, бросилъ города и перебѣжалъ на лѣвую сторону Оки, а Татары взяли города Дубокъ и Переяславль рязанскій, сожгли ихъ и опустошили всю землю, но дальше за Оку не пошли.

Борьба была открытая; послѣ вожской битвы московскій князь не могъ надѣяться, что Мамай ограничится мѣстію на рязанской области. До сихъ поръ смуты и раздѣленіе въ Ордѣ внушали смѣлость московскому князю не обращать большаго вниманія на ярлыки ханскіе; Дмитрій былъ свидѣтелемъ ослабленія Орды въ самой Ордѣ; лучшимъ доказательствомъ этого ослабленія было то, что Мамай долженъ былъ отказаться отъ прежней дани, какую получали ханы изъ Россіи во время Чанибека, и удовольствоваться меньшимъ ея количествомъ; мы видѣли, до какой самонадѣянности дошли русскіе воеводы и ратники передъ Пьянскимъ пораженіемъ; эта самонадѣянность была наказана; однако битва Вожская снова убѣдила Русскихъ въ возможности побѣждать Татарь. Но отношенія должны были измѣниться, когда Мамай, правившій до сихъ поръ именемъ хановъ—Абдула и потомъ Магомеда, избавился наконецъ отъ послѣдняго и превозгласилъ себя ханомъ; теперь онъ имѣлъ возможность двинуть всю Орду для наказанія московскаго князя, котораго нельзя было смирить однимъ отрядомъ: времена Андрея Ярославича прошли; чтобъ снова поработить Россію, нужно было повторить Батыево пашествіе. Говорять, что Вожское пораженіе привело въ ярость Мамай, и онъ не хотѣлъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не отомститъ Дмитрію. Есть любопытное извѣстіе, будто совѣтники Мамай говорили ему: «Орда твоя оскудѣла, сила твоя изнемогла; но у тебя много богатства, пошли нанять Генуезцовъ, Черкесъ, Ясовъ и другіе народы.» Мамай послушался этого совѣта, и когда собралось къ нему множество войска со всѣхъ сторонъ, то лѣтомъ 1380 года онъ перевезся за Волгу и сталъ кочевать при устьѣ рѣки Воронежа. Ягайло Литовскій, который имѣлъ много причинъ не доброжелательствовать московскому князю, вступилъ въ союзъ

съ Мамаемъ и обѣщали соединиться съ нимъ 1 сентября. Узнавши объ этомъ, Дмитрій Московскій сталъ немедленно собирать войска; послалъ за полками и къ князьямъ подручнымъ—ростовскимъ, ярославскимъ, бѣлозерскимъ; есть извѣстіе, что князь тверской прислалъ войско съ племянникомъ своимъ Иваномъ Всеволодовичемъ Холмскимъ⁴⁹⁶. Не соединился съ Москвою одинъ потомокъ Святослава Черниговскаго, Олегъ Рязанскій: болѣе другихъ князей русскихъ онъ былъ настрашенъ Татарами; еще недавно княжество его подверглось страшному опустошенію отъ не очень значительнаго отряда Татаръ, а теперь Мамай стоитъ на границахъ съ громаднымъ войскомъ, котораго пограничная Рязань будетъ первою добычею въ случаѣ сопротивленія. Не надѣясь, чтобъ и Дмитрій Московскій дерзнулъ выйти противъ Татаръ, Олегъ послалъ сказать ему о движеніяхъ Мамаея, а самъ спѣшилъ войти въ переговоры съ послѣднимъ и съ Ягайломъ Литовскимъ. Говорятъ, будто Олегъ и Ягайло разсуждали такъ: какъ скоро князь Дмитрій услышитъ о нашествіи Мамаея и о нашемъ союзѣ съ нимъ, то убѣжитъ изъ Москвы въ дальнія мѣста, или въ Великій Новгородъ или на Двину, а мы сядемъ въ Москвѣ и во Владимирѣ; и когда ханъ придетъ, то мы его встрѣтимъ съ большими дарами и упросимъ, чтобъ возвратился домой, и сами, съ его согласія, раздѣлимъ московское княжество на двѣ части—одну къ Вильнѣ, а другую къ Рязани, и возьмемъ на нихъ ярлыки и для потомства нашего.

Но Дмитрій не думалъ ѣхать ни въ Новгородъ Великій, ни на Двину, а назначилъ всѣмъ полкамъ собираться въ Коломну къ 15 августа, отправивши напередъ сторожей въ степь, которые должны были извѣщать его о движеніяхъ Мамаея. Передъ выступленіемъ изъ Москвы, в. князь отправился въ Троицкій монастырь, недавно основанный св. пустынноикомъ Сергіемъ, о которомъ было уже разъ упомянуто въ разсказѣ о нижегородскихъ событіяхъ; Сергій благословилъ Дмитрія на войну, обѣщая побѣду, хотя соединенную съ сильнымъ кровопролитіемъ, и отпустилъ съ нимъ въ походъ двухъ монаховъ Пересвѣта и Ослябя, изъ которыхъ первый былъ прежде бояриномъ въ Брянскѣ и оба отличались въ міру своимъ мужествомъ.—Оставя въ Москвѣ при женѣ и дѣтяхъ воеводу Ѳедора Андреевича, Дмитрій выѣхалъ въ Коломну, куда собралась огромная рать, какой прежде никогда не видывали на

Руси — 150,000 человекъ! Кромѣ князей воеводами были: у коломенскаго полка Николай Васильевичъ Вельяминовъ, сынъ послѣдняго тысяцкаго, у владимирскаго Тимоѳей Валуевичъ, у костромскаго Иванъ Родионовичъ, у переяславскаго Андрей Серкизовичъ; пришли и два князя иноплеменныхъ, два Олгердовича: Андрей и Дмитрій. Вѣсть о сильномъ вооруженіи московскаго князя, должно быть, достигла Мамаю, и онъ попытался было сначала кончить дѣло миромъ; послы его явились въ Коломну съ требованіемъ дани, какую великіе князья платили при Узбекѣ и Чанибекѣ; но Дмитрій отвергнулъ это требованіе, соглашаясь платить только такую дань, какаѣ была опредѣлена между ними и Мамаемъ въ послѣднее свиданіе ихъ въ Ордѣ.

20 августа великій князь выступилъ изъ Коломны, и, пройдя границы своего княжества, сталъ на Окѣ, при устьѣ Лопастны²²⁷, осведомляясь о движеніяхъ непріятельскихъ; здѣсь соединился съ нимъ двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ Серпуховской, пріѣхалъ и большой воевода московскій Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ съ остальными полками. Тогда, видя всѣ полки свои въ сборѣ, Дмитрій велѣлъ переправляться черезъ Оку: въ воскресенье, за недѣлю до Семенова дня (1 сентября) переправилось войско. въ понедѣльникъ переѣхалъ самъ великій князь съ дворомъ своимъ, и шестаго сентября достигли Дона. Тутъ присѣла грамота отъ преподобнаго игумена Сергія, благословеніе отъ святаго старца идти на Татаръ: «чтобъ еси, господине, таки пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Святая Богородица», писалъ Сергій. Устроили полки, начали думать: одни говорили: «Ступай, князь, за Донъ»; а другіе: «Не ходи, потому что враговъ много, не одни Татары, но и Литва и Рязанцы.» Дмитрій принялъ первое мнѣніе, и велѣлъ мостить мосты и искать броду; въ ночь 7-го сентября начало переправляться войско за Донъ; утромъ на другой день, 8 сентября, на солнечномъ восходѣ, былъ густой туманъ, и когда въ третьемъ часу просвѣтлѣло, то русскіе полки строились уже за Дономъ, при устьѣ Непрядвы. Часу въ двѣнадцатомъ начали показываться Татары: они спускались съ холма на широкое поле Куликово; Русскіе также сошли съ холма и сторожевые полки начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси: говорятъ, что кровь лилась какъ вода на пространствѣ десяти верстъ, лошади не могли ступать по трупамъ, ратники

гибли подъ конскими копытами, задыхались отъ тѣсноты. Пѣшая русская рать уже лежала какъ скошенное сѣно, и Татары начали одолавать. Но въ засадѣ въ лѣсу стояли еще свѣжіе русскіе полки подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и извѣстнаго уже намъ воеводы московскаго Дмитрія Михайловича Волинскаго-Боброка. Владиміръ, видя пораженіе Русскихъ, началъ говорить Волинскому: «Долго ль намъ здѣсь стоять, какая отъ насъ польза? Смотри, уже всѣ христіанскіе полки лежатъ мертвы!» Но Волинскій отвѣчалъ, что еще нельзя выходить изъ засады, потому что вѣтеръ дуетъ прямо въ лице Русскимъ. Но чрезъ нѣсколько времени вѣтеръ перемѣнился: «Теперь пора!» сказалъ Волинскій—и засадное ополченіе бросилось на Татаръ. Это появленіе свѣжихъ силъ на сторонѣ Русскихъ рѣшило участь битвы: Мамай, стоявшій на холмѣ съ пятью знатнѣйшими князьями и смотрѣвшій оттуда на сраженіе, увидалъ, что побѣда склонилась на сторону Русскихъ и обратился въ бѣгство: Русскіе гнали Татаръ до рѣки Мечи ⁴⁹⁸ и овладѣли всѣмъ ихъ станомъ.

Возвратившись съ погони, князь Владиміръ Андреевичъ сталъ на костяхъ и велѣлъ трубить въ трубы: всѣ оставшіеся въ живыхъ ратники собрались на эти звуки, но не было великаго князя Дмитрія; Владиміръ сталъ спрашивать, не видалъ ли кто его? Одни говорили, что видѣли его жестоко раненаго, и потому должно искать его между трупами; другіе, что видѣли, какъ онъ отбивался отъ четырехъ Татаръ и бѣжалъ, но не знаютъ, что послѣ съ нимъ случилось; одинъ объявилъ, что видѣлъ, какъ великій князь раненый пѣшкомъ возвращался съ боя. Владиміръ Андреевичъ сталъ со слезами упрашивать, чтобъ всѣ искали великаго князя, обѣщавъ богатыя награды тому, кто найдетъ. Войско разсѣялось по полю: нашли трупъ любимца Дмитріева, Мухамла Андреевича Бренка, котораго передъ началомъ битвы великій князь поставилъ подъ свое черное знамя, велѣвъ надѣть свои латы и шлемъ; остановились надъ трупомъ одного изъ князей Бѣлозерскихъ, похожаго на Дмитрія, наконецъ двое ратниковъ, уклонившись въ сторону, нашли великаго князя, едва дышущаго, подъ вѣтвями недавно срубленнаго дерева. Получивши вѣсть, что Дмитрій найденъ, Владиміръ Андреевичъ поскакалъ къ нему и объявилъ о побѣдѣ; Дмитрій съ трудомъ пришелъ въ себя, съ трудомъ разпозналъ, кто съ нимъ говоритъ и о чемъ;

панцырь его былъ весь избитъ, но на тѣлѣ не было ни одной смертельной раны⁴⁹⁹.

Лѣтописцы говорятъ, что такой битвы, какъ Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; отъ подобныхъ битвъ давно уже отвыкла Европа. Побойща подобнаго рода происходили и въ западной ея половинѣ въ началѣ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ, во время великаго переселенія народовъ, во время страшныхъ столкновеній между европейскими и азіатскими ополченіями: таково было побойще каталонское, гдѣ полководецъ римскій спасъ западную Европу отъ Гунновъ; таково было побойще Турское, гдѣ вождь Франкскій спасъ западную Европу отъ Аравитянъ. Западная Европа была спасена отъ Азіатцевъ, но восточная ея половина надолго еще осталась открытою для ихъ нашествій; здѣсь въ половинѣ IX-го вѣка образовалось государство, которое должно было служить оплотомъ для Европы противъ Азіи; въ XIII-мъ вѣкѣ этотъ оплотъ былъ, повидимому, разрушенъ; но основы европейскаго государства спаслись на отдаленномъ сѣверовостокѣ; благодаря сохраненію этихъ основъ, государство въ полтора столѣтія успѣло объединиться, окрѣпнуть — и Куликовская побѣда послужила доказательствомъ этой крѣпости; она была знакомъ торжества Европы надъ Азіею; она имѣетъ въ исторіи восточной Европы точно такое же значеніе, какое побѣды Каталонская и Турская имѣютъ въ исторіи Европы западной, и носятъ одинакій снѣнный характеръ, характеръ страшнаго, кроваваго побойща, отчаяннаго столкновенія Европы съ Азіею, долженствовавшаго рѣшить великій въ исторіи человѣчества вопросъ—какой изъ этихъ частей свѣта восторжествовать надъ другою?

Таково всемірно-историческое значеніе Куликовской битвы; собственно въ русской исторіи она служила освященіемъ новому порядку вещей, начавшемуся и утвердившемуся на сѣверо-востока. Полтора столѣтія назадъ татарскія полчища встрѣтились впервые съ русскими князьями въ степи, на берегахъ Калки: здѣсь была въ сборѣ южная Русь, которая носила преимущественно названіе Руси, здѣсь было много храбрыхъ князей и богатырей, здѣсь былъ самый храбрый изъ князей, Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій; но этотъ самый Мстиславъ завелъ распрю (которую) съ братьею и погубилъ войска. На сѣверѣ исполнилось то, чего такъ боялся отецъ Мстиславовъ: младшіе братья князья стали под-

ручниками старшаго, великаго князя, и когда этотъ князь вывелъ ихъ противъ Татаръ на берега Дона, то не было между ними никакихъ которъ и побѣда осталась за Русью.

Но Куликовская побѣда была изъ числа тѣхъ побѣдъ, которыя близко граничатъ съ тяжкимъ поражениемъ. Когда, говоритъ преданіе, великій князь велѣлъ счесть, сколько осталось въ живыхъ послѣ битвы, то бояринъ Михайла Александровичъ донесъ ему, что осталось всего сорокъ тысячъ человекъ, тогда какъ въ битву вступило больше четырехъ сотъ тысячъ. Если историкъ и не имѣетъ обязанности принимать буквально послѣдняго показанія, то для него важно выставленное здѣсь отношеніе живыхъ къ убитымъ. Четверо князей (двое бѣлозерскихъ и двое тарускихъ), тринадцать бояръ и Троицкій монахъ Пересвѣтъ были въ числѣ убитыхъ. Вотъ почему въ украшенныхъ сказаніяхъ о Мамаевомъ побойщѣ мы видимъ, что событіе это, представляясь, съ одной стороны, какъ великое торжество, съ другой представляется какъ событіе плачевное, *жалость*. Была на Руси радость великая, говоритъ лѣтописецъ; но была и печаль большая по убитыхъ отъ Мамаю на Дону; окудѣла совершенно вся земля русская воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ, и отъ этого былъ страхъ большой по всей землѣ русской. Это оскудѣніе дало Татарамъ еще кратковременное торжество надъ Куликовскими побѣдителями.

Мамай, возвратившись въ Орду, собралъ опять большое войско съ тѣмъ, чтобъ идти на московскаго князя, но былъ остановленъ другимъ врагомъ: на него напалъ ханъ Зайицкій Тохтамышъ, потомокъ Орды, старшаго сына Джучіева. На берегахъ Калки встрѣтился Мамай съ Тохтамышемъ, былъ разбитъ, и бѣжалъ въ Каю къ Генуезцамъ, которые убили его. Тохтамышъ, овладѣвши Золотою Ордою, отправилъ къ московскому и другимъ князьямъ русскимъ пословъ извѣстить ихъ о своемъ воцареніи. Князья приняли пословъ съ честью и отправили своихъ пословъ въ Орду съ дарами для новаго хана. Въ 1381 году Тохтамышъ отправилъ къ великому князю посла Ахкозю, который называется въ лѣтописи царевпчешъ, съ семьюстами Татаръ; но Ахкозя, доѣхавши до Нижняго Новгорода, возвратился назадъ, не смѣлъ ѣхать въ Москву; онъ послалъ было туда нѣсколько человекъ изъ своихъ Татаръ, но и тѣ не осмѣлились вѣхать въ Москву. Тохтамышъ рѣшился разогнать этотъ страхъ, кото-

рый напал на Татаръ послѣ Куликовской битвы; въ 1382 году онъ велѣлъ пограбить русскихъ гостей въ Болгаріи, перехватить ихъ суда, а самъ внезапно съ большимъ войскомъ перевезся черезъ Волгу и пошелъ къ Москвѣ, наблюдая большую осторожность, чтобы въ русской землѣ не узнали о его походѣ. Эта скрытность и поспѣшность Тохтамыша показываютъ всего лучше перемѣну въ татарскихъ отношеніяхъ, въ слѣдствіе Куликовской битвы: ханъ надѣется имѣть успѣхъ, только напавши врасплохъ на московскаго князя, боятся встрѣтить его войско въ чистомъ полѣ, употребляетъ осторожность, хитрость — орудіе слабаго, и тѣмъ самымъ обнаруживаетъ слабость Орды передъ новымъ могуществомъ Руси.

Нижегородскій князь, узнавши о походѣ Тохтамыша, послалъ къ нему двоихъ сыновей своихъ Василя и Семена, которые едва могли нагнать хана на границахъ рязанскихъ. Здѣсь же встрѣтилъ Тохтамыша и князь Олегъ Рязанскій, упросилъ его не воевать рязанской области, обвелъ его около нея и указалъ броды на Окѣ. Дмитрій Московскій, узнавши о приближеніи Татаръ, хотѣлъ было выйти къ нимъ навстрѣчу; но область его, страшно оскудѣвшая народомъ послѣ Куликовскаго побоища, не могла выставить вдругъ достаточнаго числа войска, и великій князь уѣхалъ сперва въ Переяславль, а потомъ въ Кострому собирать полки. Тохтамышъ взялъ Серпуховъ и приближался къ Москвѣ, гдѣ безъ князя встало сильное волненіе: одни жители хотѣли бѣжать, а другіе хотѣли запереться въ кремль. Начались распри, отъ распрей дошло до разбоя и грабежа: кто хотѣлъ бѣжать вонъ изъ города, тѣхъ не пускали, били и грабили; не пустили ни митрополита Кипріяна, ни великую княгиню Евдокію, ни большихъ бояръ: во всѣхъ воротахъ кремлевскихъ стояли съ обнаженнымъ оружіемъ, а со стѣнъ метали камнями въ тѣхъ, кто хотѣлъ выйти изъ города; насилу наконецъ согласились выпустить митрополита и великую княгиню.

Мятежъ утихъ, когда явился въ Москвѣ литовскій князь Остей, котораго лѣтописецъ называетъ внукомъ Олгердовымъ. Остей принялъ начальство, укрѣпилъ кремль и затворился въ немъ съ Москвичами. 23 августа показались передовые татарскіе отряды; они подѣхали къ кремлю и спросили: «Въ городѣ ли великій князь Дмитрій?» имъ отвѣчали, что нѣтъ. Тогда они объѣхали вокругъ всего кремля, осмотрѣли его со всѣхъ сторонъ:

все вокругъ было чисто, потому что сами граждане пожгли посады, и не оставили ни одного тына или дерева, боясь примета къ городу. Между тѣмъ внутри кремля добрые люди молились день и ночь, а другіе вытащили изъ погребовъ боярскихъ меда и начали пить; хмѣль ободрилъ ихъ, и они стали хвастаться: «Нечего намъ бояться Татаръ, городъ у насъ каменный, крѣпкій, ворота желѣзные; Татары долго не простоятъ подъ городомъ, потому что имъ будетъ двойной страхъ: изъ города будутъ насъ бояться, а съ другой стороны княжескаго войска, скоро побѣгутъ въ степь.» Нѣкоторые вошли на стѣны, и начали всячески ругаться надъ Татарами; тѣ грозили имъ издали саблями...

На другой день, 24 числа, подошелъ къ кремлю самъ Тохтамышъ, и началась осада. Татары пускали стрѣлы какъ дождь, стрѣляли безъ промаха, и много падало осажденныхъ въ городѣ и на стѣнныхъ забралахъ; непріятель подблалъ уже лѣстницы и лѣзъ на стѣны; но граждане лили на него изъ котловъ горячую воду, кидали камнями, стрѣлами изъ самострѣловъ, пороковъ, *тюфяковъ* (ружей) и пушекъ, которыя здѣсь въ первый разъ упоминаются. Одинъ купецъ суконникъ, именемъ Адамъ, стоявшій надъ Фроловскими воротами, пустилъ стрѣлу изъ самострѣла и убилъ одного знатнаго князя татарскаго, о которомъ очень жалѣлъ Тохтамышъ. Три дня уже бились Татары подъ кремлемъ, и не было надежды взять его силою; тогда ханъ вздумалъ употребить хитрость: на четвертый день подѣхали къ стѣнамъ большіе князья ордынскіе и съ ними двое князей нижегородскихъ, Василій и Семень, шурыя великаго князя Дмитрія; они стали говорить осажденнымъ: «Царь хочетъ жаловать васъ, своихъ людей и улусниковъ, потому что вы не виноваты: не на васъ пришелъ царь, а на князя Дмитрія, отъ васъ же онъ требуетъ только, чтобъ вы встрѣтили его съ княземъ Остеемъ и поднесли небольшие дары; хочется ему поглядѣть вашъ городъ и побывать въ немъ, а вамъ дастъ миръ и любовь.» Нижегородскіе князья дали Москвитянамъ клятву, что ханъ не сдѣлаетъ имъ никакого зла. Тѣ повѣрили, отворили кремлевскіе ворота, и вышли лучшіе люди съ княземъ Остеемъ, со крестами и съ дарами. Но Татары сперва взяли къ себѣ тайкомъ въ станъ князя Остея и убили его; потомъ подошли къ воротамъ и начали безъ милости рубить духовенство, ворвались въ кремль, всѣхъ жителей побили или по-

плѣнили, церкви разграбили, взяли казну княжескую, имѣніе частныхъ людей, пожгли и книги, которыхъ множество отовсюду было снесено въ кремль. Эта бѣда случилась 26-го августа.

Взявши Москву, Тохтамышъ распустилъ рать свою къ Владимиру и Переяславлю; другіе отряды взяли Юрьевъ, Звенигородъ, Можайскъ, Боровскъ, Рузу, Дмитровъ; волости и села поплѣнили; Переяславль былъ сожженъ, но многіе жители его успѣли спастись въ лодкахъ на озеро. В. князь Дмитрій съ семействомъ своимъ укрылся въ Костромѣ; митрополитъ Киприанъ въ Твери. Тверской князь Михаилъ послалъ къ Тохтамышу *килича* своего съ честію и съ большими дарами, за что ханъ послалъ къ нему свое жалованье, ярлыкъ и не тронулъ тверскихъ владѣній. Между тѣмъ князь Владиміръ Андреевичъ стоялъ близъ Волока съ большою силою; одинъ изъ Тохтамышевыхъ отрядовъ, не зная объ этомъ, подѣхалъ къ нему и былъ разбитъ; испуганные Татары прибѣжали къ своему хану съ вѣстію о большомъ русскомъ войскѣ, — и тогда опять ясно обнаружилась рѣшительная перемѣна въ отношеніяхъ Руси къ Татарамъ, обнаружилось слѣдствіе Куликовской битвы: едва успѣлъ узнать Тохтамышъ, что великій князь стоитъ въ Костромѣ, а братъ его Владиміръ у Волока, какъ тотчасъ стянулъ къ себѣ всѣ свои войска, и пошелъ назадъ, взявши на дорогѣ Коломну и опустошивши рязанскую землю. По уходѣ Татаръ великій князь и братъ его Владиміръ возвратились въ свою опустошенную отчину, заплакали и велѣли хоронить убитыхъ: Дмитрій давалъ за погребеніе 80 тѣлъ по рублю, и издержалъ на это 300 рублей, слѣдовательно погребено было 24,000 человекъ ⁵⁰⁰.

Бѣдою Москвы спѣшилъ воспользоваться тверской князь Михаилъ Александровичъ; вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ онъ поѣхалъ въ Орду, и поѣхалъ не прямою дорогою (не прямыми), но окольными, опасаясь и таясь отъ великаго князя Дмитрія: онъ хотѣлъ искать себѣ великаго княженія владимирскаго и новгородскаго. Это заставило великаго князя отправить въ Орду сына своего Василя съ старшими боярами вѣрными и лучшими, тягаться съ Михаиломъ о великомъ княженіи. Весною 1383 года отправился Василій въ Орду, и лѣтомъ того же года пріѣхалъ въ Москву посоль отъ Тохтамыша съ добрыми рѣчами и съ пожалованіемъ. Но за эти добрыя рѣчи и пожалованіе надобно было

дорого заплатить: былъ во Владимирѣ лютый посоль отъ Тохтамыша, именовъ Адашъ, и была дань великая по всему княженію московскому, съ деревни по полтинѣ, тогда же и золотомъ давали въ Орду, говорить лѣтописецъ подъ 1384 годомъ. Къ такимъ уступкамъ великій князь приневоленъ былъ не одною невозможностію опять вступить въ открытую борьбу съ Ордою послѣ недавнихъ раззореній, но еще и тѣмъ, что сынъ его Василій былъ задержанъ Тохтамышемъ, который требовалъ за него 8000 окупа, и только въ концѣ 1385 года молодой князь успѣлъ спастись бѣгствомъ изъ плѣна. Послѣ этого мы ничего не знаемъ объ отношеніяхъ московскаго князя къ Тохтамышу; лѣтопись упоминаетъ только о двуратномъ нашествіи Татаръ на рязанскія земли.

Не одни отношенія Татарскія занимали Дмитрія послѣ Куликовской битвы. Союзникъ Мамаевъ, Олегъ Рязанскій, зналъ, что ему нечего ожидать добра отъ московскаго князя, и потому, приказавъ по возможности препятствовать возвращенію московскихъ войскъ чрезъ свою землю⁵⁰¹, самъ убѣжалъ въ Литву. Дмитрій послалъ было въ Рязань своихъ намѣстниковъ, но увидалъ, что еще трудно будетъ удержать ее противъ Олега, и потому помирился съ послѣднимъ. Договоръ дошелъ до насъ⁵⁰²: Олегъ, подобно Михаилу Тверскому, признаетъ себя младшимъ братомъ Дмитрія и равнымъ московскому удѣльному князю—Владимиру Андреевичу; опредѣлены границы между обоими княжествами⁵⁰³, при чемъ Олегъ уступилъ Дмитрію три мѣста; Мещера, вупленная княземъ московскимъ, остается за нимъ; упоминается о мѣстахъ татарскихъ, которыя оба князя, и московскій и рязанскій, взяли за себя; Олегъ обязался разорвать союзъ съ Литвою и находится съ нею въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ, въ какихъ и великій князь московскій; точно также и съ Ордою и со всѣми русскими князьями. Мы видѣли, что во время Тохтамышева нашествия Олегъ Рязанскій послѣдовалъ примѣру Дмитрія Нижегородскаго, вышелъ навстрѣчу къ хану съ челобитьемъ и обвелъ Татаръ мимо своей области; но слѣдствія этого поступка для Олега были иныя, чѣмъ для князя нижегородскаго: прежде всего Татары на возвратномъ пути опустошили рязанское княжество; но едва Тохтамышъ выступилъ изъ рязанскихъ предѣловъ, какъ московскіе полки явились въ волостяхъ Олега и раззорили то,

что не было тронута Татарами: злѣ ему стало и татарской рати, говорить лѣтописецъ. Олегъ, собравшись съ силами, отомстилъ за это въ 1385 году: онъ напалъ нечаянно на Коломну, взялъ и разграбилъ ее; Димитрій отправилъ противъ него войско подъ начальствомъ Владиміра Андреевича. Но Москвитяне потерпѣли поражение, потеряли много бояръ и воеводъ. Димитрій сталъ хлопотать о мирѣ, отправлялъ къ рязанскому князю пословъ, но никто не могъ умолить Олега; наконецъ, по просьбѣ великаго князя, отправился въ Рязань Троицкій игумень, Св. Сергій. Лѣтописецъ говоритъ, что этотъ чудный старецъ тихими и кроткими рѣчами много бесѣдовалъ съ Олегомъ о душевной пользѣ, о мирѣ и любви; князь Олегъ перемѣнилъ свирѣпость свою на кротость, утихъ и умиллся душою, устыдяся такого святаго мужа, и заключилъ съ московскимъ княземъ вѣчный миръ. Этотъ миръ былъ скрѣпленъ даже семейнымъ союзомъ: сынъ Олега женился на дочери Димитрія.

Въ 1383 году умеръ Димитрій Константиновичъ Нижегородскій; Тохтамышъ отдалъ ярлыкъ на Нижній по старинѣ брату его Борису; но племянники, сыновья Димитрія, вооружились, по новому, противъ дяди, и съ помощію зятя своего, Димитрія Московскаго, принудили его къ уступкѣ Нижняго. Лѣтописецъ говоритъ, будто Борисъ пророчилъ племянникамъ, что они будутъ плакать отъ враговъ своихъ. Пророчество это исполнилось, какъ увидимъ, въ послѣдствіи.

Съ именемъ Димитрія Донскаго въ нашей исторіи неразлучно имя двоюроднаго брата его Владиміра Андреевича, который называется также Донскимъ и Храбрымъ. Мы видѣли, что великіе князья тверской и рязанскій въ договорахъ съ великимъ княземъ московскимъ приравниваются къ Владиміру Андреевичу, и потому для насъ очень любопытно знать отношенія послѣдняго къ старшему двоюродному брату. Къ счастью, до насъ дошли три договорныя грамоты, заключенныя между ними. Первая написана въ 1362 году⁵⁰⁴. Братья обязываются жить такъ, какъ жили отцы ихъ съ старшимъ своимъ братомъ, великимъ княземъ Симеономъ; Симеонову договорную грамоту съ братьями мы знаемъ, но въ ней нѣтъ такихъ любопытныхъ мѣстъ, какія находимъ въ грамотѣ Димитрія и Владиміра, напримѣръ: «Тебѣ брату моему младшему князю Владиміру держать подъ мною княженъе мое великое *честно* и

прозю; тебѣ брату моему младшему служить мнѣ безъ ослушанья по уговору (по згадцѣ), какъ будетъ мнѣ надобно и тебѣ: а мнѣ тебя кормить по твоей службѣ.» Владиміръ обязывается не искать подѣ Дмитріемъ удѣла Симеонова: этимъ вводится новый обычай, по которому выморочный удѣлъ поступаетъ прямо къ великому князю безъ раздѣла съ родичами. Большая статья посвящена боярамъ. Не смотря на допущеніе перехода бояръ отъ великаго князя къ удѣльному, и наоборотъ, старшій братъ уже дѣлаетъ попытку распространить свое вліяніе на бояръ младшаго; къ этому онъ приступаетъ слѣдующимъ образомъ: «Если случится мнѣ отпускать своихъ воеводъ изъ великаго княженія, то ты долженъ послать своихъ воеводъ съ моими вмѣстѣ безъ ослушанья; а кто ослушается, того я буду казнить, а ты вмѣстѣ со мною. Если захочешь кого-нибудь изъ бояръ оставить при себѣ, то ты долженъ мнѣ объ этомъ доложить, и мы рѣшимъ вмѣстѣ—кому остаться и кому ѣхать.» Въ 1371 г. былъ заключенъ второй договоръ ⁵⁰⁵, по которому Владиміръ обязался не искать московской отчины Дмитріевой и великаго княженія владимирскаго не только подѣ Дмитріемъ, но и подѣ сыновьями его, обязался, въ случаѣ смерти Дмитріевой, считать старшаго сына его, а своего племянника старшимъ братомъ и служить ему. Мы видѣли, что еще въ первомъ договорѣ съ двоюроднымъ братомъ великій князь выговаривалъ себѣ право наказывать Владиміровыхъ бояръ въ извѣстномъ случаѣ. Въ 1389 году Дмитрій захотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ, хотя намъ и неизвѣстно, чѣмъ именно бояре Владиміровы навлекли на себя гнѣвъ великаго князя; послѣдній велѣлъ схватить старшихъ изъ нихъ и развести по разнымъ городамъ, гдѣ держали ихъ подѣ крѣпкою стражею, подѣ надзоромъ жестокихъ приставниковъ. О непріязненныхъ дѣйствіяхъ со стороны Владиміра сохранилось извѣстіе: онъ захватилъ нѣсколько деревень великокняжескихъ ⁵⁰⁶. Сора впрочемъ была непродолжительна, и братья заключили третій договоръ ⁵⁰⁷. Въ этомъ договорѣ окончательно и ясно опредѣлены отношенія Владиміра къ семейству старшаго двоюроднаго брата. Дмитрій называетъ себя уже не старшимъ братомъ, но отцемъ Владиміру; старшій сынъ великаго князя Василій называется старшимъ братомъ Владиміра, второй сынъ Юрій просто братомъ, т.-е. равнымъ; а меньшіе сыновья младшими братьями. Въ остальныхъ статьяхъ этотъ до-

говоръ сходенъ съ первымъ; замѣтимъ только слѣдующія выраженія, которыя показываютъ также новыя отношенія между родичами: Димитрій говоритъ Владиміру: «Ты мнѣ челоуъ добилъ чрезъ отца моего Алексѣя митрополита всея Руси, и я тебя *пожаловалъ*, даль тебѣ Лужу и Боровскъ.»

Строго началъ поступать великій князь московскій съ боярами удѣльнаго князя; злая участь постигла и московскаго боярина, дерзнувшаго возстать противъ своего князя. Мы упоминали объ уничтоженіи сана тысяцкаго въ Москвѣ и о поведеніи Ивана Вельяминова и Некомата Сурожанина; мы видѣли, что Некоматъ возвратился изъ Орды въ Тверь съ ханскимъ ярлыкомъ для князя Михаила; но Вельяминовъ остался въ Ордѣ и, какъ видно, продолжалъ свои происки въ стѣнахъ московскихъ; лѣтописецъ говоритъ глухо: «Много нѣчто нестроенія бысть.» Въ битвѣ на Вождѣ Русскіе поймали какого-то попа, шедшаго съ Татарами изъ Орды по порученію Ивана Вельяминова; у этого попа обыскали ядовитые коренья, допросили его и сослали въ заточеніе. Въ 1378 году Вельяминовъ самъ рѣшился явиться на Руси; но слѣды его были открыты, онъ схваченъ въ Серпуховѣ и приведенъ въ Москву. На Кучковомъ полѣ, гдѣ теперь Срѣтенка, была совершена первая торжественная смертная казнь, и былъ казненъ сынъ перваго сановника въ княжествѣ; лѣтописецъ говоритъ: «Бѣ множество народа стояща, и мнози прослезившася о немъ и опечалишася о благородствѣ его и величествѣ его.» Какъ знаменитъ былъ родъ Вельяминовыхъ, видно изъ того, что лѣтописецъ, говоря о смерти послѣдняго тысяцкаго, приводитъ его родословную. Родной братъ казненнаго Ивана Николай былъ женатъ на родной сестрѣ великой княгини московской, дочери Димитрія Константиновича Нижегородскаго, в великій князь, въ своихъ грамотахъ, называетъ Василія Вельяминова тысяцкаго дядею ⁵⁰⁸. Даже и послѣ, несмотря на измѣну и казнь Ивана Вельяминова, родъ его не потерялъ своего значенія: послѣдній сынъ Донскаго Константинъ былъ крещенъ Марьею, вдовою Василія Вельяминова тысяцкаго.

Если Калита и Симеонъ Гордый давали уже чувствовать Новгороду силу московскую, то еще большой грозы должны были ждать Новгородцы отъ смѣлаго внука Калитина. По смерти Іоанна Московскаго желаніе ихъ исполнилось было: Димитрій Константиновичъ Суздальскій, за отца котораго они и прежде такъ

хлопотали въ Ордѣ, съѣлъ на великомъ княженіи во Владимірѣ и немедленно послалъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ; Новгородцы посадили ихъ у себя и судъ дали, уговорившись съ княземъ. Неизвѣстно, когда Новгородъ призналъ своимъ княземъ Дмитрія Московскаго; только подъ 1366 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ прямо уже о ссорѣ Новгорода съ великимъ княземъ. Причиною этой ссоры были разбои новгородской вольницы. Еще въ 1360 году, въ княженіе Дмитрія Константиновича, новгородская вольница взяла городъ Жукотинъ на рѣкѣ Камѣ, перебила тамъ множество Татаръ и разграбила ихъ богатства. Жукотинскіе князья жаловались хану, и тотъ велѣлъ русскимъ князьямъ переловить разбойниковъ и прислать къ нему въ Орду, что и было исполнено тремя князьями — суздальскимъ, нижегородскимъ и ростовскимъ, которые нарочно для того съѣзжались въ Кострому. Подъ 1363 годомъ новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что пріѣхали съ Югры дѣти боярскіе и молодые люди съ воеводами — Александромъ Абакуновичемъ и Степаномъ Ляпою: воевали они по рѣкѣ Оби до моря, а другая половина рати воевала верховье Оби; Двиняне стали противъ нихъ полкомъ, но были разбиты⁵⁰⁹. Въ 1366 году пошли опять изъ Новгорода молодые люди на Волгу, безъ новгородскаго слова, съ тремя воеводами: Осипомъ Варѣоломенчемъ, Василиемъ Ѳедоровичемъ, Александромъ Абакуновичемъ, много бусурманъ побили подъ Нижнимъ, и въ томъ же году возвратились по-здорову. Но великій князь разорвалъ за это миръ съ Новгородцами, велѣлъ сказать имъ: «Зачѣмъ вы ходили на Волгу, и гостей моихъ пограбили?» Новгородцы отвѣчали: «Ходили люди молодые на Волгу, безъ нашего слова, но твоихъ гостей не грабили, били только бусурманъ; и ты нелюбе отложи стѣ насъ.» Въ Вологдѣ слуги московскаго князя задержали Новгородца Василя Даниловича Машкова съ сыномъ, и Прокопья Кіева, шедшихъ съ Двины; но рати не было: Новгородцы отправили пословъ къ Дмитрію и заключили миръ, вслѣдствіе чего великій князь прислалъ своего намѣстника въ Новгородъ. Къ этому времени долженъ относиться дошедшій до насъ договоръ Новгородцевъ съ великимъ княземъ Дмитріемъ и двоюроднымъ братомъ его Владиміромъ Андреевичемъ: князья обязались помогать Новгороду въ войнѣ съ Литвою, Тверью и Нѣмцами; а Новгородцы обязались помогать князьямъ въ

войнѣ съ Литвою и Тверью; Дмитрій обязался также, въ случаѣ войны, или самъ быть въ Новгородѣ, или послать туда брата Владиміра и до окончанія войны Новгорода *не жетать*, исключая того случая, когда непріятель нападетъ на собственныя его области ⁵¹⁰. Вслѣдствіе этого договора въ 1364 году, во время войны съ Нѣмцами, князь Владиміръ Андреевичъ пріѣзжалъ въ Новгородъ.

Но тогда борьба между московскимъ и тверскимъ княземъ была еще далека до окончанія; ханъ не былъ расположенъ къ Дмитрію, Михаилъ домогался ярлыка въ Ордѣ, и Новгородцы заключили съ тверскимъ княземъ обычный договоръ, съ условіемъ: «Вынесутъ тебѣ изъ Орды княженіе великое, и ты намъ будешь князь великій; если же не вынесутъ тебѣ княженія великаго изъ Орды, то пойти твоимъ намѣстникамъ изъ Новгорода прочь, и изъ новгородскихъ пригородовъ, и Новгороду въ томъ замѣны нѣтъ» ⁵¹¹. Вслѣдствіе этого условія Новгородцы и признали великимъ княземъ Дмитрія Московскаго, когда тотъ не пустилъ Михаила во Владиміръ и самъ вынесъ себѣ ярлыкъ изъ Орды. Мы упоминали уже о враждебномъ столкновеніи Новгорода съ тверскимъ княземъ, о взятіи Торжка и страшномъ его опустошеніи. Принужденный послѣ того къ миру съ великимъ княземъ московскимъ, Михаилъ долженъ былъ заключить миръ и съ Новгородцами на всей ихъ волѣ ⁵¹²: тверской князь обязался свести своихъ намѣстниковъ съ Торжка и со всѣхъ волостей новгородскихъ, возвратитъ всѣхъ плѣнныхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ безъ окупа, возвратитъ товары, пограбленные у новгородскихъ и новоторжскихъ купцовъ, тогда какъ Новгородцы не обязались вознаграждать тверскаго князя за убійства и грабежи, причиненныя имъ вольницею на Волгѣ; Михаилъ обязался также возвратитъ всѣ товары, захваченныя у купцовъ новгородскихъ и новоторжскихъ до взятія Торжка.—Московскіе князья исполняли свой договоръ съ Новгородцами: въ 1373 г. князь Владиміръ Андреевичъ опять былъ у нихъ, вѣроятно для обереганья отъ Твери; но потомъ, какъ видно, отношенія измѣнились, потому что въ 1380 году Новгородцы сказали своему архіепископу Алексѣю: «Чтобъ тебѣ, господинъ, поѣхать къ великому князю Дмитрію Ивановичу?» Владыка принялъ челобитье дѣтей своихъ всего Новгорода, и поѣхалъ въ Москву вмѣстѣ со многими боярами и

житыми мужами. Великий князь принял их въ любовь, а къ Новгороду цѣловаль крестъ на всей старинѣ новгородской и на старыхъ грамотахъ ⁵¹³. Между тѣмъ разбой новгородской вольницы не прекращались: въ 1369 году осенью шло Волгою 10 *ушкучевъ* (разбойничьихъ судовъ), а иные шли Камою, и били ихъ подъ Болгарами; въ слѣдующемъ году дважды ходили Новгородцы Волгою и много зла надѣлали. Въ 1371 году ушкучиники разграбили Ярославль и Кострому. Въ 1374 году разбойники въ 90 ушкучахъ пограбили Вятку; потомъ взяли Болгары и хотѣли зажечь городъ, но жители откупились 300 рублей, послѣ чего разбойники раздѣлились: 50 ушкучевъ пошли внизъ по Волгѣ къ Сарая, а 40 вверхъ, дошли до Обухова, опустошили все Засурье и Марквашь, высадились на лѣвый берегъ Волги, потребовали суда свои, отправились къ Вяткѣ на лошадяхъ, и дорогою раззорили много селъ по берегамъ Ветлуги ⁵¹⁴. Въ 1375 году, въ то время, когда великий князь Дмитрій стоялъ подъ Тверью, новгородскіе разбойники на 70 ушкучахъ, подъ начальствомъ Прокопа и какого-то Смелынина, явились подъ Костромою: тамошній воевода Плещеевъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу съ 3,000 рати, тогда разбойниковъ было только 1,500 человекъ; но Прокопъ раздѣлялъ свой отрядъ на двѣ части: съ одною вступилъ въ битву съ Костромичами, а другую отправилъ тайкомъ въ лѣсъ въ засаду. Ударъ этой засады въ тылъ Плещееву рѣшилъ дѣло въ пользу разбойниковъ, которые вошли въ беззащитный городъ и жили здѣсь цѣлую недѣлю, грабя дома и забирая въ плѣнъ жителей; они забрали съ собою только то, что было подороже и полегче, остальное побросали въ Волгу или пожгли, плѣнныхъ взяли на суда и поплыли дальше внизъ. Ограбивши и зажегши Нижній Новгородъ, они повернули въ Каму, и немедленно здѣсь нѣкоторое время, вошли въ Волгу; въ городѣ Болгарахъ продали бусурманамъ женъ и дѣвицъ, плѣненныхъ въ Костромѣ и Нижнемѣ, и поплыли въ насадахъ по Волгѣ внизъ къ Сарая, грабя гостей христіанскихъ, а бусурманъ побивая; они доплыли такимъ образомъ до самой Астрахани, но князь астраханскій перебилъ ихъ всѣхъ обманомъ. Будучи занятъ отношеніями ердышскими, великий князь Дмитрій не могъ обратить большаго вниманія на подвиги Волжаны, какъ называли ратниковъ Прокопа: но окончивши дѣла рязанскія, покойный со стороны Тохтамыша и, для со-

храшенія этого спокойствія имѣя нужду въ деньгахъ, Дмитрій рѣшился раздѣлаться и съ Новгородцами. Въ 1385 году пріѣзжали отъ него въ Новгородъ бояре братъ черный боръ по тамошнимъ волостямъ, при чемъ дѣло не обошлось безъ ссоры: новгородскіе бояре ѣздили на Городище тягаться съ московскими боярами объ обидахъ, при чемъ дворня (чадь) главнаго московскаго боярина, Федора Свйбла, побѣжала прямо съ Городища въ Москву, не удовлетворивши Новгородцевъ за обиды; впрочемъ другіе *Низовцы* (Москвичи) остались въ городѣ добирать черный боръ; а въ слѣдующемъ году отправился къ Новгороду самъ великій князь съ войскомъ, собраннымъ изъ 29 волостей. въ числѣ которыхъ упоминается бѣжецкая и повоторжская: причину похода были выставлены разбой Волжанъ, взятіе ими Костромы и Нижняго, и еще то, что Новгородцы не платили княжескихъ пошлинъ. Новгородцы отправили навстрѣчу къ великому князю пословъ съ челобитьемъ о мирѣ, но Дмитрій отпустилъ ихъ безъ мира и остановился въ 15 верстахъ отъ Новгорода⁵¹⁵. Сюда пріѣхалъ къ нему владыка Алексѣй и сказалъ: «Господишь князь великій! я благословляю тебя, а великій Новгородъ весь челомъ бьетъ, чтобы ты заключилъ миръ, а кровопролитія бы не было, за виноватыхъ же людей великій Новгородъ доканчиваетъ и челомъ бьетъ тебѣ 8000 рублей.» Но великій князь, сильно сердясь на Новгородъ, не послушалъ и владыки; тотъ поѣхалъ назадъ безъ мира, пославши напередъ себя сказать Новгородцамъ: «Великій князь мира не далъ, хочеть идти къ Новгороду, берегитесь!» Тогда Новгородцы поставили острогъ и ножили около города 24 монастыря великихъ и всякое строеніе виѣ города за ровомъ: много было убытку Новгородцамъ и монашескому чину, говорить лѣтописецъ; кромѣ того великокняжескіе ратники много волостей повоевали, у купцовъ много товару пограбили, много мужчинъ, женщинъ и дѣтей отослали въ Москву; Повоторжцы, большіе люди вбѣжали въ Новгородъ и изъ иныхъ волостей много народу побѣжало туда же. Наконецъ Новгородцы отправили третье посольство къ великому князю: послали архимандрита Давыда, семь священниковъ и пять человекъ *житыхъ*, съ конца по человекъ, которымъ и удалось уговорить Дмитрія къ миру по старинѣ: Новгородцы взяли съ полатей у св. Софїи 3000 рублей и послали къ великому князю съ двумя посадниками, осталь-

ные же 3000 рублей обещали взять на заволоцкихъ жителей потому что они также грабили по Волгѣ.

Въ то время, когда рать московская стояла подъ Новгородомъ, начальниками рати новгородской были князья: Патрикій Наримантовичъ, Романъ Юрьевичъ и какіе-то копорскіе князья. Не наученные примѣромъ Нариманта, Новгородцы продолжали принимать къ себѣ на кормленіе литовскихъ князей: въ 1379 году пріѣхалъ въ Новгородъ Юрій Наримантовичъ, въ 1383 братъ его Патрикій, которому Новгородцы дали въ кормленіе пригороды: Орѣховъ, Корельскій городъ, половину Копорья и Лузское село; но въ слѣдующемъ году Орѣховцы и Корелане пріѣхали съ жалобою къ Новгороду на князя Патрикія, который пріѣхалъ также въ Новгородъ, поднявъ посулкомъ славянскій конецъ и смутилъ весь городъ. Славяне стали за князя и цѣлыя двѣ недѣли звонили вѣче на Ярославовомъ дворѣ, а на другой сторону три конца собрали свое вѣче у св. Софій; тысяцкій Осипъ съ Плотничанинъ и добрыми людьми перешелъ къ Софійскому вѣчу, за что славянскій конецъ съ ярославоворскаго вѣча ударилъ на его дворъ, но Плотничане не выдали Осипа, били Славлянъ и ограбили ихъ. Тогда три конца: Неревскій, Загородскій и Людинъ вооружились на славянскій конецъ, и стояли у св. Софій на вѣчѣ отъ обѣда до вечерни; съ ними сначала согласился и клотницкій конецъ, желая также идти на Славлянъ, но на другой день отказался, и только три конца написали три одинакія грамоты *обтнмья*—стоять за одно, а Славяне съ низемъ Патрикіемъ все стояли на вѣчѣ на Ярославовомъ дворѣ. Наконецъ всѣ пять концовъ уладились: отняли прежніе города у Патрикія, а вмѣсто нихъ дали ему Русу, Ладогу и наровскій берегъ; написали съ нимъ договорную грамоту и запечатали на вѣчѣ на Ярославовомъ дворѣ. Подъ 1388 годомъ лѣтопись упоминаетъ о другой смутѣ: встали три конца софійской стороны на посадника Осипа Захарыча, созвонили вѣче у св. Софій и пошли на дворъ Осиповъ, какъ рать сильная, всѣ вооруженные, взяли домъ его и хоромы развезли, а посадникъ Осипъ бѣжалъ за рѣку въ плотницкій конецъ; торговая сторона встала за него вся: начали людей грабить, перевозчиковъ отбивать отъ берега, лодки ихъ разсѣкать, и такъ продолжалось двѣ недѣли; наконецъ сошлись въ любовь и дали посадничество Василью Ивановичу. Послѣ того какъ лѣтописецъ

пересталъ упоминать постоянно объ избраніи и сверженіи посадниковъ, мы потеряли возможность представлять непрерывный рядъ этихъ сановниковъ и отличать посадниковъ степенныхъ отъ старыхъ. Подъ 1360 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи имя посадника Александра; подъ 1371 и 1375 годомъ упоминается посадникъ Юрій Ивановичъ; подъ 1386 посадникъ Ѳедоръ Тимоѳеевичъ; подъ 1388 Осипъ Захарычъ, смѣненный, какъ мы видѣли, Василиемъ Ивановичемъ, но въ томъ же году упоминаются посадники (старые) Василій Ѳедоровичъ и Михаилъ Давыловичъ. Въ договорныхъ грамотахъ съ великимъ княземъ Димитріемъ московскимъ и Михаиломъ тверскимъ встрѣчаемъ имя посадника Юрія; въ наказѣ посланъ, отправленнымъ изъ Новгорода къ князю Михаилу тверскому, читаемъ имя посадника Михаила, на печатахъ, приложенныхъ къ этому наказу, читаемъ имена посадниковъ: Якова, Адриана, Юрія Ивановича.

Псковъ попрежнему велъ войну съ Нѣмцами ливонскимъ, въ которой принималъ участіе и Новгородъ. Въ 1362 году притянули Нѣмцы, и перебили на Лудвѣ ⁵¹⁶ нѣсколько головъ на миру; за это Псковичи задержали нѣмецкихъ купцовъ, которыхъ было тогда много во Псковѣ ⁵¹⁷. Въ слѣдующемъ году пріѣхали въ Новгородъ послы нѣмецкіе изъ Юрьева и Феллина договариваться съ Псковичами; пріѣхали и Псковичи, наговорили много ⁵¹⁸, а воѣхали прочь безъ мира, за что купцовъ новгородскихъ задержали въ Юрьевѣ. Тогда Новгородцы отправили туда своихъ пословъ, по боярину изъ каждаго конца, которымъ удалось помирить (смирить въ любовь) Нѣмцевъ съ Псковичами: Нѣмцы отпустили новгородскихъ купцовъ, а Псковичи нѣмецкихъ, взявши съ нихъ серебро за головы убитыхъ на Лудвѣ. Миръ, какъ обыкновенно, былъ непродолжителенъ; на этотъ разъ миротворцемъ хотѣлъ быть великій князь московскій, и въ 1367 году посолъ его Никита пріѣхалъ въ Юрьевъ, жилъ здѣсь долго, но не сдѣлавши ничего добраго, возвратился во Псковъ, а вслѣдъ за нимъ явилась рать нѣмецкая и пожгла посадъ, но стояла только одну ночь подъ городомъ и ушла назадъ. Въ то же время другая нѣмецкая рать явилась у Велья ⁵¹⁹ и разбила псковскую ногошю: много пало головъ добрыхъ людей. Потомъ Псковичи съ какимъ-то княземъ Александромъ отправились къ Невому Городку (Нейгаузену) воевать Чудъ, при чемъ небольшой отрядъ охочихъ лю-

ней подъ начальствомъ Селла Скертовскаго поѣхалъ въ разгонъ къ Киремше⁵²⁰, наткнулся на отрядъ нѣмецкій и былъ разбитъ ими: князь Александръ пріѣхалъ на мѣсто битвы, похоронилъ убитыхъ, собралъ раненыхъ, разсѣявшихся по лѣсу, и возвратился назадъ.

Псковичи отправили пословъ сказать Новгородцамъ: «Господа братья! Какъ вы заботитесь объ насъ, своей братьѣ младшей?» Новгородцы задержали пословъ нѣмецкихъ, потому что новгородскіе кунцы были задержаны въ Юрьевѣ и другихъ городахъ ливонскихъ, и въ 1368 году отправили войска въ Иаборку, осажденному Нѣмцами. Нѣмцы бросили осаду, заслышавши о приближеніи Новгородцевъ, но въ слѣдующемъ году явились опять недѣ Псковъ, выстояли подъ нимъ три дня и двѣ noci, и ушли, ничего не взявши; лѣтописецъ упоминаетъ только имена двухъ убитыхъ Псковичей и одного взятаго въ плѣнъ и затравленнаго Нѣмцами. Въ 1370 году Новгородцы и Псковичи захотѣли отомстить рыцарямъ за ихъ нападеныя, и пошли къ Новому Городку, но не взяли его, потому что былъ твердъ, говорить новгородскій лѣтописецъ, а псковскій жалуется на Новгородцевъ, зачѣмъ они отъ Городка не пошли въ нѣмецкую землю, а возвратились назадъ, не собиравши ни мало Псковичамъ, которые одни сожгли Киремше, и взяли множество добычи. Нѣмцы — одни были побиты, а другіе задохнулись отъ зноя въ погребахъ. Въ 1371 году новгородскій посадникъ Юрій Ивановичъ съ тысяцкимъ и двумя другими боярами заключилъ миръ съ Нѣмцами подъ Новымъ Городкомъ⁵²¹; во подъ 1377 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ новгородскихъ молодыхъ людей къ Новому Городку нѣмецкому: они стояли долго подъ городомъ, посадъ весь взяли, волесть всю потравили, полена много привели и сами пришли всѣ поздорову.

Во все это время во Псковѣ и въ пригородахъ мы видимъ разныхъ князей неизвѣстнаго намъ происхожденія. Такъ упоминается изборскій князь Евстаѣй, умершій въ 1360 году вѣсть съ двумя сыновьями; потомъ упоминается князь Александръ; въ 1375 году встрѣчаемъ князя Матвѣя; но въ слѣдующемъ году прибѣжалъ во Псковъ бывший уже прежде здѣсь княземъ Андрей Олгердовичъ; Псковичи посадили его къ себѣ на княженіе съ согласія великаго князя московскаго, и Андрей водилъ псковскіе

полки на Куликовскую битву, куда брать его, великій князь литовскій Ягайло велъ войско для соединенія съ Мамаемъ. Днемъ или еще меньше опоздалъ Ягайло, и узнавши у Одоева о пораженіи своего союзника, возвратился назадъ. Послѣ онъ уже не могъ продолжать борьбы съ Димитріемъ московскимъ, потому что внутреннія дѣла заняли все его вниманіе. Мы видѣли, что Витовтъ освободился изъ плѣна, слѣдовательно Ягайлу начала грозить борьба съ опаснымъ врагомъ; но изгнанникъ не могъ дѣйствовать противъ двоюроднаго брата одними собственными средствами и вошелъ въ сношенія съ нѣмецкимъ орденомъ, обязавшись въ случаѣ, если рыцари помогутъ ему возвратитъ отчину, объявить себя подручникомъ ордена. Для послѣдняго не могло быть ничего лестнѣе подобной сдѣлки: онъ достигалъ такимъ образомъ верховной власти надъ Литвою, подѣленною между враждебными князьями. Великій магистръ послалъ объявить Ягайлу, чтобъ онъ позволилъ возвратиться въ Литву и вступать во владѣніе отчиною Кейстутовичамъ, находящимся подъ высокою рукою ордена. Ягайло не послушался и война открылась. Самъ великій магистръ, Конрадъ Цольнеръ, вступилъ въ Литву съ сильнымъ войскомъ, но подлѣ хоругви ордена развѣвалось знамя литовско-жмудское, подъ которымъ шелъ Витовтъ съ отрядомъ своихъ приверженцевъ. Число этихъ приверженцевъ все болѣе и болѣе увеличивалось, когда войско вступило на правый берегъ Нѣмана. Витовтъ овладѣлъ Троками, и какъ скоро вѣсть объ этомъ разнеслась по краю, толпы Литвы и Жмуди начали сбѣгаться къ сыну Кейстуту, который скоро увидалъ себя обладателемъ почти всего троцкаго княжества. Но едва только великій магистръ оставилъ Литву, какъ подлѣ Троками явилось многочисленное войско Ягайлово и принудило нѣмецкій гарнизонъ къ сдачѣ крѣпости. Въ такой бѣдѣ Витовтъ рѣшился на самыя большія пожертвованія, чтобъ получить болѣе дѣятельную помощь отъ ордена; онъ принялъ католицизмъ, объявилъ себя вассаломъ ордена и уступилъ послѣдному въ полное владѣніе лучшую часть собственной Литвы и Жмуди. Въ 1384 году Нѣманъ опять покрылся многочисленными судами, наполненными всякаго рода матеріалами; положено было возобновить старое Ковно, чтобъ изъ этой крѣпости удобнѣе дѣйствовать противъ Ягайла. Самъ великій магистръ опять предводилъ ополченіемъ; шесть недѣль безъ отдыха работало множе-

ство народа, стѣны новаго Ковна недвинулись; но крѣпость уже носила новое чуждое названіе Риттерсвердера. Такимъ образомъ становилось ясно, что Литвѣ готовится участь Пруссіи; но къ счастью для Литвы князья ея посѣщали во время прекратити усобицу: Ягайло предложилъ Витовту значительныя волости и возобновленіе прежней братской любви, если онъ захочетъ отказатья отъ союза съ общимъ врагомъ. Витовтъ охотно принялъ предложеніе, захватилъ два орденскіе замка, переимѣнилъ католицизмъ на православіе, и оба брата начали сообща собирать силы для борьбы съ Нѣмцами. Цѣлью ихъ усилій былъ новый ковенскій замокъ—Риттерсвердеръ—ключъ ко всей Литвѣ; они осадили его и стали добывать съ необыкновенною дѣятельностію. Нѣмецкій гарнизонъ, составленный изъ выборныхъ ратниковъ орденскаго войска, выставилъ также упорное сопротивленіе. Каждый день происходили кровавыя стычки: въ ловкости брали верхъ Нѣмцы, въ смѣлости и отвагѣ Литва и Русь; особенно литовскія пушки плохо дѣйствовали въ сравненіи съ нѣмецкими. Наконецъ, послѣ трехнедѣльныхъ усилій, Литовцамъ и Русскимъ удалось сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, и крѣпость сдалась въ виду нѣмецкаго отряда, который не могъ оказать никакой помощи осажденнымъ.

Примиреніе Витовта съ двоюроднымъ братомъ принесло ордену большія потери; но эти потери были только предвѣстницами страшной опасности, которая начала грезить ему отъ соединенія Литвы съ Польшею вслѣдствіе брака Ягайла на Ядвигъ, наследницѣ польскаго престола. Польскій король Казимиръ великій, не имѣя дѣтей, назначилъ наследникомъ по себѣ племянника своего, Людовика короля венгерскаго; король не могъ исполнить своего желанія безъ согласія сейма, и сеймъ воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ для усиленія своихъ правъ на счетъ правъ королевскихъ. Еще при жизни Казимира, въ 1355 году, послы отъ сейма вытребовали у Людовика подтвержденіе шляхетскихъ правъ³²². Двѣнадцатилѣтнее правленіе Людовика ознаменовано было безпрестанными смутами, потому что король жилъ въ Венгріи и не обращалъ большаго вниманія на Польшу, предоставленную такимъ образомъ самой себѣ³²³. Въ 1382 году умеръ Людовикъ; не имѣя сыновей, онъ назначилъ наследникомъ по себѣ въ Польшѣ мужа старшей своей дочки Маріи, Сигизмунда, марк-

графа бранденбургскаго, сына чешскаго короля и нѣмецкаго императора Карла IV. Но польскіе вельможи, собравшись у Радома, постановили: присягнуть второй дочери короля Людовика, Ядвига, и выбрать ей въ мужа князя на всей своей волѣ. Нашелся и женихъ: то былъ князь отъ крови Пяста, Семовитъ мазовецкій, котораго и выбрали по согласію большинства. Началась война между Семовитомъ и Сигизмундомъ, сопровождаемая внутренними волненіями и кровопролитіями. Наконецъ въ 1384 году Ядвига пріѣхала въ Краковъ и была принята съ большою радостію всѣмъ народомъ, который ждалъ отъ нея избавленія отъ смуты между царствіемъ. Надобно было теперь думать о ея бракѣ; Семовитъ мазовецкій уже успѣлъ приобрести нерасположеніе Поляковъ насильственными поступками противъ тѣхъ, которые не хотѣли признать его; кромѣ того, присоединеніе Мазовіи къ владѣніямъ Казимира великаго мало льстило вельможамъ; по той же причинѣ отвергнуть былъ и другой искатель—Владиславъ, князь опольскій, также потомокъ Пяста. У Ядвиги былъ еще другой женихъ, съ которымъ она виѣсть воспитывалась, къ которому была привязана нѣжною страстію: то былъ Вильгельмъ, герцогъ австрійскій. Но Вильгельмъ не нравился польскимъ вельможамъ, потому что отъ него нельзя было ожидать скорой помощи⁵²⁴. Ихъ вниманіе обратилъ на себя болѣе выгодный женихъ: въ 1385 году явились къ Ядвигѣ послы литовскіе съ предложеніями, что князь Ягайло приметъ римскую вѣру не только самъ, но и со всѣми родственниками, вельможами и народомъ, выдастъ безъ окупа польскихъ пѣнниковъ, захваченныхъ Литовцами въ предыдущихъ войнахъ, соединитъ на вѣки съ Польшею свои наслѣдственные и приобретенныя владѣнія, поможетъ Польшѣ возвратити потеряныя ею земли, привезетъ въ нее нѣкоторые изъ отцовскихъ и дѣдовскихъ сокровищъ, заплатитъ оумму, должную Вильгельму австрійскому за несдержаніе обѣщанія на счетъ руки королевича. Ядвига не очень пріятно было это предложеніе, но сильно нравилось оно вельможамъ польскимъ; они представили королевѣ высокую заслугу апостольскаго подвига, успѣли поколебать ея отвращеніе и отправили уже пословъ къ Ягайлу для окончательныхъ переговоровъ, какъ вдругъ неожиданно является въ Краковъ Вильгельмъ австрійскій. Тщетно вельможи запретили ему входъ въ Краковскій замокъ: Ядвига устроила съ нимъ свиданіе въ Фран-

цисканскомъ монастырѣ, и здѣсь страсть ея къ прежнему жениху возобновилась и усилилась до такой степени, что она, какъ говорятъ ³³⁵, и слышать не хотѣла объ Ягайлѣ и обвинчалась съ Вильгельмомъ; но когда онъ хотѣлъ пользоваться правами супруга въ самомъ Краковскомъ замкѣ, то съ безчестіемъ былъ оттуда изгнанъ вельможами. Ядвига хотѣла за нимъ слѣдовать, но была удержана силою; тогда Вильгельмъ, опасаясь чего-нибудь еще худшаго, посѣвшиль скрыться изъ Кракова. Между тѣмъ Ягайло приближался къ этому городу; вельможи и предаты снова подступили къ Ядвигѣ съ просьбами не отказаться отъ брака съ литовскимъ княземъ и заслужить названіе просвѣтительницы его народа; молодая королева, охлажденная нѣсколько отсутствіемъ Вильгельма, опять начала колебаться. Ее сильно безпокоила молва, что Ягайло былъ варваръ нравомъ и уродъ тѣломъ; чтобы увѣриться въ справедливости этихъ слуховъ, она отправила къ нему навстрѣчу самаго преданнаго себѣ человека съ порученіемъ разсмотрѣть хорошенько наружность жениха и извѣдать его нравъ. Ягайла предувѣдомили о цѣли посольства; онъ принялъ посланнаго съ необыкновенною ласкою, и тотъ возвратившись къ Ядвигѣ донесъ ей, что литовскій князь наружностію приятенъ, красивъ и строенъ, роста средняго, длиннолицъ, во всемъ тѣлѣ нѣтъ у него никакого порока, въ обхожденіи важенъ и смотритъ государемъ. Ядвига успокоилась на этотъ счетъ и позволила убѣдить себя.

Въ 1386 году совершенно былъ бракъ Ягайла съ Ядвигаю, имѣвшій такое великое вліяніе на судьбы восточной Европы. Согласно съ условіями Ягайло отрекся отъ православія, причемъ прежнее имя Якова переимѣнилъ на имя Владислава; ему послѣдовали родные братья, Олгердовичи, и двоюродный Витовтъ, пріѣхавшіи съ нимъ на свадьбу въ Краковъ. Ягайло сѣвшиль исполнить и обѣщаніе относительно распространенія католицизма въ Литвѣ: здѣсь уже прежде было распространено православіе; половина вѣленскихъ жителей исповѣдовала его; но такъ какъ православіе распространялось само собою, безъ особеннаго покровительства и посоебій со стороны свѣтской власти, то по этому самому оно распространялось медленно. Иначе стали дѣйствовать латинскіе проповѣдники, пріѣхавшіе теперь съ Ягайломъ въ Литву: они начали истребленіемъ священныхъ мѣстъ стараго языческаго бого-

служенія, и народъ, котораго прежнія вѣрованія были ослаблены давнымъ знакомствомъ съ христіанскою религіею (посредствомъ Русскихъ, безъ большаго труда согласился на принятіе новой вѣры. Впрочемъ латинскіе проповѣдники дѣйствовали успѣшно только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя давно уже находились подъ русскимъ вліяніемъ, въ Жмуди же они встрѣтили упорное сопротивленіе и были выведены по приказанію Витовта, напуганнаго тѣмъ, что многочисленныя толпы народа начали переселяться, чтобъ спастись отъ принужденія къ новой религіи. Но если католицизму легко было сладить съ язычниками собственной Литвы, то очень трудно было бороться съ православіемъ, имѣвшимъ здѣсь издавна многочисленныхъ и вѣрныхъ приверженцевъ; наступательныя дѣйствія латинства противъ него начались немедленно: постановлено было, что Русскія, выходящія замужъ за католиковъ, должны принимать исповѣданіе мужей своихъ, а мужья православной вѣры должны принимать исповѣданіе женъ: есть даже извѣстіе, что православная церковь въ Литвѣ имѣла мучениковъ при Ягайлѣ ⁵²⁶.

Вѣсть съ новостями религиозными явились и политическія: князя племени Рюрика и Гедимина принуждены были присягать коронѣ польской и королевѣ Ядвига: такъ въ 1386 году князь Фѣдоръ Острожскій утвержденъ былъ на своей отчинѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ и его наслѣдники служили Ягайлу, его преемникамъ и коронѣ польской, какъ прежде служилъ князь Фѣдоръ князю Любарту Гедиминовичу Волинскому ⁵²⁷. Но подобный порядокъ вещей не могъ безпрепятственно утвердиться; Литва и Русь не могли легко и добровольно подчиняться Польшѣ въ религиозномъ и политическомъ отношеніи, началась борьба: началась она подъ покровомъ личныхъ стремленій князей литовскихъ; кончилась возстаніемъ Малой Руси за вѣру и паденіемъ Польши.

Неизвѣстно, какимъ образомъ Андрей Вингольтъ Олгердовичъ, котораго мы видѣли во Псковѣ, въ Москвѣ и на Куликовомъ полѣ со Псковичами, успѣлъ овладѣть опять Полоцкомъ; извѣстно только то, что онъ вторично возсталъ на Ягайла подѣ тѣмъ предлогомъ, что послѣдній, принявши католицизмъ, не имѣетъ болѣе права владѣть православными областями. Андрей соединился съ иѣмекскими рыцарями, которые опустошили литовскія владѣнія больше, чѣмъ на 60 миль. Эта война кончилась тѣмъ, что другой братъ

Ягайловъ, Скиргайло, взявъ Полоцкъ, захватилъ въ плѣнь Андрея, а сына его убилъ ⁵²⁸. Но опасѣе для Ягайла была новая борьба съ Витовтомъ. Новый польскій король назначилъ намѣстникомъ Литвы брата своего Скиргайла, съ титуломъ великаго князя, но столица его была въ Трокахъ; въ Вильнѣ же сидѣлъ Полякъ, староста королевскій ⁵²⁹. Характеръ Скиргайла польскіе историки описываютъ самыми черными красками: онъ былъ дерзокъ и жестокъ, не дрожалъ ни передъ какимъ злодѣйствомъ, былъ почти постоянно въ нетрезвомъ видѣ, и потому былъ нестерпимъ для окружающихъ, которые никогда не могли считать себя безопасными въ его присутствіи ⁵³⁰. Иначе отзываются объ немъ православные лѣтописцы, называя его княземъ чуднымъ и добрымъ ⁵³¹; причина такого разнорѣчія ясна: Скиргайло оставался вѣренъ православію, и потому былъ любимъ русскимъ народомъ ⁵³². Между троцкимъ княземъ Скиргайломъ и гродненскимъ Витовтомъ скоро возникли несогласія: Витовту наговаривали, что Скиргайло хочетъ извести его какимъ бы то ни было образомъ ⁵³³, не желая имѣть соперника въ Литвѣ; въ нерасположеніи Ягайла Кейстутовичъ могъ убѣдиться уже изъ того, что король не хотѣлъ дать ему грамоту на уступленныя области, не согласился придать ему волости князя Любарта волынскаго; потомъ это нерасположеніе обнаружилось еще сильнѣе, когда Ягайло заключилъ въ оковы посланца Витовтова и вымучивалъ у него показанія о сношеніяхъ его князя съ княземъ московскимъ ⁵³⁴. Все это заставило Витовта вооружиться снова противъ двоюродныхъ братьевъ; онъ хотѣлъ было нечаянно овладѣть Вильною, но попытка не удалась, и онъ принужденъ былъ съ семействомъ и дворомъ удалиться сперва въ Мазовію, а потомъ къ нѣмецкимъ рыцарямъ.

Опять Ордену открылся удобный случай утвердить свое вліяніе въ Литвѣ, соединеніе которой съ Польшею грозило ему страшною опасностію въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны онъ не могъ съ успѣхомъ бороться противъ соединенныхъ силъ двухъ государствъ; съ другой стороны самое существованіе его стало теперь болѣе ненужнымъ, ибо онъ учрежденъ былъ для борьбы съ язычниками, для распространенія между ними христіанства по ученію западной церкви; но теперь самъ великій князь литовскій, ставши польскимъ королемъ и принявши католицизмъ, обязался утвердить послѣдній и въ своихъ наслѣдственныхъ во-

лостяхъ, и усердно исполнялъ свое обязательство. Немудрено послѣ этого, что рыцари забили сильную тревогу, когда узнали о намѣреніи Ягайла вступить въ бракъ съ Ядвигою: они стали разглашать, что это соединеніе Польши съ Литвою грозитъ гибелью христіанству, потому что Литва непременно обратитъ Польшу въ язычество; мы видѣли, что они поддерживали Андрея полоцкаго противъ Ягайла, а теперь охотно приняли сторону Витовта, который отдалъ имъ Жмудь и Гродно подъ залогъ. Но Ягайлу удалось взять Гродно. Чтобъ поправить дѣло, Орденъ въ 1390 году выслалъ въ Литву сильное войско, при которомъ въ числѣ заграничныхъ гостей находился графъ Дерби, послѣ ставшій герцогомъ ланкастерскимъ и наконецъ королемъ англійскимъ, подъ именемъ Генриха IV. Послѣ удачной битвы на берегахъ Валии, крестоносцы осадили Вильну, взяли нижній замокъ измѣною пріятелей Витовтовыхъ, но верхняго взять не могли и принуждены были отступить по причинѣ холодныхъ осеннихъ ночей, недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и болѣзней. Въ 1391 году, успленный толпами новыхъ пришельцевъ изъ Германіи, Франціи, Англій и Шотландіи, великій магистръ, Конрадъ Валленродъ, въ челѣ 46-тысячнаго войска вступилъ въ Литву. Витовтъ съ своею Жмудью и магистръ ливонскаго Ордена соединились также съ нимъ, и всѣ двинулись опять на Вильну; но на дорогѣ получили вѣсть, что вся страна на пять миль въ окружности этой столицы опустошена въ конецъ самими Литовцами. Великій магистръ, потерявъ надежду прокормить свое войско въ опустошенной странѣ, не могъ болѣе думать объ осадѣ Вильны и возвратился назадъ, удовольствовавшись построеніемъ деревянныхъ острожковъ на берегахъ Нѣмана, охрана которыхъ поручена была Витовту. Послѣдній съ нѣмецкимъ отрядомъ осадилъ Гродно, гдѣ королевскій гарнизонъ состоялъ большею частію изъ Русскихъ и Литвы, потомъ изъ Поляковъ. Сначала осажденные оказали сильное сопротивление; Витовтъ уже терялъ надежду взять крѣпость, какъ вдругъ вспыхнулъ въ ней пожаръ, а вмѣстѣ съ пожаромъ ссора между Поляками и Литовцами, вѣроятно вслѣдствіе подозрѣнія, что пожаръ произведенъ послѣдними, расположенными къ Витовту. Литовцы переселили Поляковъ, заперли ихъ, загасили пожаръ и сдали крѣпость Кейстуту сыну. Между тѣмъ члены королевскаго совѣта въ Краковѣ дѣйствовали благораазумнѣе грод-

ненскаго гарнизона: они старались всѣми силами оторвать опять Витовта отъ Ордена, и успѣли въ этомъ, потому что сыну Кейстутову тяжело было видѣть себя подручникомъ ненавистныхъ рыцарей и вмѣстѣ съ ними пустошить свою отчину; притомъ король выполнялъ всѣ его требованія, давалъ ему грамоту на Литву и Жмудь. И вотъ нечаянно, съ значительнымъ отрядомъ войска, явился Витовтъ передъ Ковно, гдѣ былъ принятъ какъ союзникъ и вѣрный слуга Ордена, но едва успѣлъ онъ войти въ крѣпость, какъ велѣлъ своимъ людямъ занять всѣ важныя мѣста, перехваталъ рыцарей, нѣмецкихъ купцовъ, приказалъ разломать мосты на Нѣманѣ и Вилии, потомъ также нечаянно овладѣлъ Гродномъ и новыми острожками Ордена. Съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1392 года миръ между Ягайломъ и Витовтомъ не прерывался болѣе. Скиргайло, принужденный отказаться отъ Литвы въ пользу Витовта, получилъ дипломъ на достоинство великаго князя русскаго и Кіевъ столицей; но въ Кіевѣ сидѣлъ другой Олгердовичъ, Владиміръ, посаженный здѣсь отцомъ своимъ, который выгналъ изъ Кіева прежняго князя Федора⁵³⁵. Владиміръ не хотѣлъ уступить Руси брату, и Витовтъ долженъ былъ оружіемъ доставить кіевскій столъ Скиргайлу.

Всѣ эти внутреннія происшествія не давали князьямъ литовскимъ возможности думать о наступательныхъ движеніяхъ на сѣверовосточную Русь; но они со славою и выгодною успѣли уничтожить попытку смоленскихъ князей къ наступательному движенію на Литву. Въ 1386 году смоленскій князь Святославъ Ивановичъ съ сыновьями Глѣбомъ и Юріемъ, и племянникомъ Иваномъ Ваенльевичемъ, собралъ большое войско и пошелъ къ Мстиславу, который прежде принадлежалъ смоленскимъ князьямъ и потомъ былъ у нихъ отнятъ Литовцами. Идучи литовскою землею, Смольняне воевали ее, захватывая жителей, мучили ихъ нещадно различными казнями, мужчинъ, женщинъ и дѣтей: иныхъ, заперши въ избахъ, сжигали, младенцовъ на колѣ сажали. Жители Мстислава затворились въ городѣ съ намѣстникомъ своимъ, княземъ Коригайломъ Олгердовичемъ; десять дней стояли Смольняне подъ Мстиславлемъ и ничего немогли сдѣлать ему, какъ въ одиннадцатый день ноутру показался въ полѣ стягъ литовскій: то шелъ великій князь Скиргайло Олгердовичъ; немного подальше выступалъ другой полкъ—вель его князь Дмитрій-Корибуть Олгерде-

внчъ, за полкомъ Корибутовымъ шелъ полкъ Симеона Лугвѣнія Олгердовича; наконецъ показалаь и рать Витовтова. Литовскіе полки быстро приближались; Смольняне смутились, увидавши ихъ, начали скорѣе одѣваться въ брони, выступили на бой и сошлись съ Литовцами на рѣкѣ Вехрѣ подъ Мстиславлемъ, жители котораго смотрѣли на битву, стоя на городскихъ забралахъ. Битва была продолжительна, наконецъ Олгердовичи одолѣли; самъ князь Святославъ Ивановичъ былъ убитъ однимъ Полякомъ въ дубравѣ; племянникъ его Иванъ былъ также убитъ, а двое сыновей попались въ плѣнъ. Литовскіе князья въ слѣдъ за бѣгущими пошли къ Смоленску, взяли съ него окупъ и посадили княземъ изъ своей руки Юрія Святославича, а брата его Глѣба повели въ литовскую землю.

Въ такомъ положеніи находились дѣла на Востокѣ и Западѣ, когда въ 1389 году умеръ великій князь Московскій Дмитрій, еще только 39 лѣтъ отъ рожденія. Дѣдъ, дядя и отецъ Дмитрія въ тишинѣ приготовили богатые средства къ борьбѣ открытой, рѣшительной. Заслуга Дмитрія состояла въ томъ, что онъ умѣлъ воспользоваться этими средствами, умѣлъ развернуть приготовленныя силы и дать имъ во-время надлежащее употребленіе. Мы не станемъ взвѣшивать заслугъ Дмитрія сравнительно съ заслугами его предшественниковъ; замѣтимъ только, что употребленіе силъ происходитъ обыкновенно громче и виднѣе ихъ приготовленія, и богатые событіями княженіе Дмитрія, протекшее съ начала до конца въ упорной и важной борьбѣ, легко затмило бѣдныя событіями княженія предшественниковъ; событія, подобныя битвѣ Куликовской, сильно поражаютъ воображеніе современниковъ, надолго остаются въ памяти потомковъ, и потому неудивительно, что побѣдитель Мамай получилъ подлѣ Александра Невскаго такое видное мѣсто между князьями новой сѣверовосточной Руси. Лучшимъ доказательствомъ особенно важнаго значенія, придаваемого дѣятельности Дмитрія современниками, служитъ существованіе особаго сказанія о подвигахъ этого князя, особаго украшенно написаннаго житія его. Наружность Дмитрія описывается такимъ образомъ: «Баше крѣпокъ и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ и плечистъ и чреватъ велми и тяжекъ собою зѣло, брадою жъ и власы чернъ, взоромъ же дивенъ зѣло»⁵³⁶. Въ житіи прославляется строгая жизнь Дмитрія, отвращеніе отъ забавъ, бла-

гочестіе, незлобіе. цѣломудріе до брака и послѣ брака; между прочимъ говорится: «аще и книгамъ неучень бѣше добръ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имаше»⁵³⁷. Кончина Димитрія описывается такимъ образомъ: «разболѣся и прискорбень бысть велики, потомъ же легчае бысть ему; и паки впаде въ большую болѣзнь и стенаніе прииде къ сердцу его, яко торгати внутрѣнимъ его, и уже приближися къ смерти душа.»

Важныя слѣдствія дѣятельности Димитрія обнаруживаются въ его духовномъ завѣщаніи⁵³⁸; въ немъ встрѣчаемъ неслыханное прежде распоряженіе: московскій князь благословляетъ старшаго своего сына Василя великимъ княженіемъ Владимирскимъ, которое зоветъ своею отчиною. Донской уже не боится соперниковъ для своего сына ни изъ Твери, ни изъ Суздаля. Кромѣ Василя, у Димитрія оставалось еще пять сыновей: Юрій, Андрей, Петръ, Иванъ и Константинъ; но двое послѣднихъ были малолѣтны; Константинъ родился только за четыре дня до смерти отцовской, и великій князь поручаетъ свою отчину, Москву, только четверымъ сыновьямъ. Въ этой отчинѣ, т.-е. въ городѣ Москвѣ и въ станяхъ, къ ней принадлежавшихъ, Донской владѣлъ двумя жребіями, жребіемъ отца своего Ивана и дяди Симеона, третьимъ жребіемъ владѣлъ Владиміръ Андреевичъ: онъ остался за нимъ и теперь. Изъ двухъ своихъ жребіевъ великій князь половину отдаетъ старшему сыну Василю, *на старшій путь*; другая половина раздѣлена на три части между остальными сыновьями. Другіе города московскаго княжества раздѣлены между четырьмя сыновьями: Колошна старшему Василю, Звенигородъ Юрію, Можайскъ Андрею, Дмитровъ Петру. Благословляя старшаго Василя областію великаго княженія Владимирскаго, къ которому принадлежали области костромская и переяславская, Димитрій отдаетъ остальнымъ тремъ сыновьямъ города, купленные еще Калитою и окончательно присоединенные только имъ: Юрію Галичь, Андрею Бѣлоозеро, Петру Угличъ. Предпослѣдній сынъ, Иванъ, сильно обдѣленъ: ему ничего не назначено изъ собственно московской отчины; удѣлъ его ничтоженъ въ сравненіи съ удѣлами другихъ братьевъ. Такую, повидимому, несправедливость объясняютъ слова завѣщателя: «Въ томъ удѣлѣ воленъ сынъ мой князь Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ.» Изъ этихъ словъ видно, что князь Иванъ былъ боленъ, и не могъ имѣть надежды на по-

томство: вотъ почему Донской даетъ ему право распорядиться своимъ маленькимъ удѣломъ въ пользу того брата, который будетъ до него добръ; въ самомъ дѣлѣ Иванъ умеръ скоро по смерти отца ⁵³⁹. Завѣщаніе было написано прежде рожденія самаго младшаго сына Константина, и потому на его счетъ сказано слѣдующее: «А дастъ Богъ сына, и княгиня моя подѣлитъ его, взявши по доли у большихъ его братьевъ.» Княгиня своей Дмитрій завѣщала по нѣскольку волостей изъ удѣловъ каждаго сына съ тѣмъ, чтобъ по смерти ея эти волости отошли къ тому князю, къ удѣлу котораго принадлежали; но тѣми волостями, которыя *примыслила* самъ Дмитрій и далъ женѣ, или которыя она сама *примыслила*, великая княгиня могла распорядиться по произволу: «сыну ли которому дастъ, по душѣ ли дастъ.» Великой княгинѣ уступлена также неограниченная власть при дальнѣйшемъ распредѣленіи волостей между сыновьями въ слѣдующихъ случаяхъ: когда умретъ одинъ изъ князей, то удѣломъ его княгиня дѣлитъ остальныхъ сыновей; если у котораго-нибудь изъ князей убудетъ отчпны, то княгиня вознаграждаетъ его за потерю, отдѣливъ ему часть изъ удѣловъ остальныхъ братьевъ; если умретъ старшій сынъ ⁵⁴⁰ князь Василій, то его удѣлъ переходитъ къ старшему по немъ брату; удѣлъ послѣдняго княгиня дѣлитъ между всѣми сыновьями. Наконецъ завѣщатель выражаетъ надежду, что сыновья его перестанутъ давать выходъ въ Орду ⁵⁴¹.

Говоря о важномъ значеніи княженія Дмитріева въ исторіи сѣверовосточной Руси, мы не должны забывать и дѣятельности бояръ московскихъ: они, пользуясь обстоятельствами, отстаивали права своего малолѣтняго князя и своего княжества, которымъ и управляли до возмужалости Дмитрія. Послѣдній не остался не благодаренъ людямъ, которые такъ сильно хотѣли ему добра; доказательствомъ служатъ слѣдующія мѣста житія его ⁵⁴², обнаруживающія всю степень вліянія бояръ на событія Дмитріева княженія. Чувствуя приближеніе смерти, Дмитрій, по словамъ сочинителя житія, далъ сыновьямъ слѣдующее наставленіе: «Бояръ своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противъ ихъ службы, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте.» Потомъ умирающій князь обратился къ боярамъ съ такими словами: «Вы знаете каковъ мой обычай и нравъ, родился я передъ вами, при васъ выросъ, съ вами царствовалъ; воевалъ вмѣстѣ съ вами на многія

страны, противникамъ былъ страшень, поганныхъ изложилъ съ Божіею помощію и враговъ покорилъ, великое княженіе свое сильно укрѣпилъ, миръ и тишину далъ русской землѣ, отчину свою съ вами сохранилъ, вамъ честь и любовь оказывалъ, подъ вами города держалъ и большія волости, дѣтей вашихъ любилъ, никому зла не сдѣлалъ, не отнялъ ничего силою, не досадилъ, не укорилъ, не ограбилъ, не обезчестилъ, но всѣхъ любилъ, въ чести держалъ, веселился съ вами, съ вами и скорбѣлъ, и вы не назывались у меня боярами, но князьями земли моею.»

Кто же были эти бояре? Первое мѣсто между ними принадлежитъ Димитрію Михайловичу Волинскому-Боброку, побѣдителю Рязанцевъ и рѣшителю Куликовской битвы; онъ выѣхалъ изъ Волыни въ Москву при Донскомъ и женился на сестрѣ великокняжеской, Аннѣ; между свидѣтелями, подписавшимися на второй духовной в. князя, имя Димитрія Михайловича стоитъ на первомъ мѣстѣ. Послѣ Волинскаго слѣдуетъ Тимошей Васильевичъ окольный, который называется также великимъ воеводою; по родословнымъ книгамъ онъ былъ братъ послѣдняго тысяцкаго, Василія Васильевича Вельяминова; въ первой духовной Донскаго онъ подписался свидѣтелемъ на первомъ мѣстѣ, во второй духовной на второмъ, уступивъ первое Димитрію Михайловичу Волинскому; подпись эта доказываетъ, что онъ не былъ убитъ на Куликовскомъ сраженіи, какъ говорится въ сказаніяхъ. Послѣ Тимошея окольного на духовныхъ грамотахъ слѣдуетъ подпись Ивана Родіоновича Квашни, который въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ называется костромскимъ воеводою: это былъ сынъ извѣстнаго Родіона Несторовича, боярина Калитина. Послѣ имени Ивана Родіоновича въ духовныхъ великаго князя слѣдуютъ имена двоихъ Ѳедоровъ Андреевичей: первый былъ сынъ извѣстнаго уже въ предыдущее княженіе боярина Андрея Кобылы; но сынъ, Ѳедоръ Андреевичъ, носилъ уже другое прозваніе—*Кошка*; о знатности этого боярина свидѣльствуетъ то, что великій князь тверской Михаилъ Александровичъ женилъ своего сына на его дочери ⁵⁴². Другой бояринъ Ѳедоръ Андреевичъ *Свибл* былъ правнукъ знаменитаго Акинѳа чрезъ сына его, извѣстнаго уже намъ Ивана. Свибл, какъ мы видѣли, былъ начальникомъ рати, опустошившей землю мордовскую; кто изъ обоихъ Ѳедоровъ Андреевичей былъ оставленъ въ Москвѣ воеводою во время Донскаго

похода и кто изъ нихъ вытягалъ у Смольнянъ два мѣста. какъ значится въ духовной великаго князя,—рѣшить нельзя, ибо прозваній въ обонхъ случаяхъ нѣтъ. Во второй духовной встрѣчаемъ имена двонхъ Ивановъ Ѳедоровичей: одинъ изъ нихъ долженъ быть сынъ боярина Ѳедора Кошки; что же касается до другаго, то въ родословныхъ книгахъ значится, что у послѣдняго тысяцкаго Василя Васильевича, былъ братъ Ѳедоръ Воронежъ, у котораго былъ сынъ Иванъ, носившій боярское званіе. Но очень можетъ быть также и Иванъ Ѳедоровичъ Уда, происходившій, по родословнымъ, отъ князей Ѳоминскихъ-Смоленскихъ; имя одного Ивана Ѳедоровича встрѣчается и въ первой духовной и въ договорной грамотѣ съ Олгердомъ. Что касается до остальныхъ именъ, встрѣчаемыхъ въ подписяхъ на грамотахъ: Ивана Михайловича, Дмитрія Александровича, Симеона Васильевича, Александра Андреевича, Ивана Андреевича, то мы видѣли прежде имена: Михаила, Александра, Василя и Андрея между боярами московскими; Дмитрій Александровичъ можетъ быть или Дмитрій Александровичъ Всеволожъ, сынъ выходца Смоленскаго, князя Александра Всеволодовича, который вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ упоминается въ сказаніяхъ о Донской битвѣ, или внукъ мурзы Чета, выѣхавшаго при Калитѣ, предка Сабуровыхъ и Годуновыхъ ⁵⁴⁴. Относительно Александра Андреевича должно замѣтить, что по родословнымъ между боярами великаго князя Дмитрія значится Андрей Одинецъ, у котораго былъ сынъ Александръ Белеуть; Александръ Белеуть вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Свибломъ и Иваномъ Ѳедоровичемъ Удою, былъ посланъ въ 1384 г. въ Новгородъ братъ черный боръ; но кромѣ того между братьями Ѳедора Андреевича Свибла встрѣчаемъ имена — Александра и Ивана. Въ лѣтописи подъ 1367 годомъ встрѣчаемъ воеводу Дмитрія Минина, родоначальника Софроновскихъ и Проестевыхъ, посланнаго противъ Олгерда вмѣстѣ съ воеводою князя Владиміра Андреевича, Акинфомъ Ѳедоровичемъ Шубою ⁵⁴⁵. Посломъ въ Константинополь съ нареченнымъ митрополитомъ Митяемъ отправленъ былъ большой бояринъ Юрій Васильевичъ Кочевинъ Олешенскій ⁵⁴⁶, сынъ извѣстнаго намъ при Калитѣ Василя Кочевы. Въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ упоминается владимирскій воевода Тимофей Валуевичъ, переяславскій Андрей Серкизовичъ; по родословнымъ книгамъ къ великому князю Дмитрію

выбѣжалъ изъ Орды царевичъ Серкизь, у котораго былъ сынъ Андрей; бояриномъ же Донскаго называется Владиміръ Даниловичъ Красный Снабдя, потомокъ князей муромскихъ. Въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ упоминается бояринъ и крѣпкій воевода Семень Меликъ; въ родословныхъ значится: «Семень Меликъ да Василій: оба изъ Нѣмецъ пришли.» Между убитыми на Дону упоминаются: Михаилъ Андреевичъ Бренко, любимецъ велико княжескій, Семень Михайловичъ, Михайла и Иванъ Акинеовичи, Иванъ Александровичъ, Андрей Шуба, Валуй Окатьевичъ, Левъ Мазыревъ ⁵⁴⁷, Тарасъ Шетневъ ⁵⁴⁸. Упоминается бояринъ Михалко Александровичъ, который сказалъ великому князю, сколько осталось въ живыхъ послѣ Куликовской битвы. Подъ 1382 годомъ упоминаются бояре Симеонъ Тимоеевичъ (сынъ окольникаго, по родословнымъ) и Михаилъ, быть можетъ, Михаилъ Андреевичъ Челядня, братъ Федора Свйбла, вздвигшіе за митрополитомъ Кипріаномъ. Подъ 1375 годомъ упоминается намѣстникъ великаго князя въ Новгородѣ, Иванъ Прокшиничъ; посломъ отъ великаго князя во Псковъ пріѣзжалъ Никита. Подъ 1375 годомъ упоминается костромской воевода Александръ Плещей: по родословнымъ, это былъ меньшей братъ св. митрополита Алексѣя, сынъ боярина Федора Бяконты, вышедшаго изъ Чернигова ⁵⁴⁹.— Дьякомъ при великомъ князѣ Дмитріѣ былъ сначала прежній Несторъ, а потомъ Внукъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 119: рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинитъ, то въ волость, а мужъ у голову. — Тамъ же, III, 32: Изгони Всеволодъ Чьрмьныи внуку Ростиславмѣ изъ Руси, такъ река: брата моя есть 2 князя повѣсили вы въ Галици, яко злодѣя, и положили есте укоръ на всѣхъ.

2. Особенное усердіе современнаго лѣтописца къ Рюрику Ростиславичу видно изъ похвалы этому князю при описаніи построенія стѣны у Выдубецкаго монастыря.

3. Полн. Собр. Руск. Лѣт. I, 174.

4. Тамъ же, II, 15.

5. Тамъ же, I, 169; II, 125, 136.

6. Памятн. Слов. XII вѣка, стр. 231.

7. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 153.

8. Тамъ же, стр. 96.

9. Тамъ же, стр. 159. Володиславъ же вѣха въ Галичь, и во княжися и сѣдѣ на столѣ.

10. Послѣ увидимъ, что считалось незаконнымъ вступленіе князя на столъ не по отчинѣ и дѣдинѣ: это, по нашему мнѣнію, прекращаетъ споръ объ изгойствѣ князей. — Представлено мнѣніе, что въ выраженіи: «аще князь осиротѣеть» нельзя видѣть первоначальное значеніе *сиротства*, но производное—именно лишеніе волости, ибо въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ *сирота* значитъ нищій. Но во 1) въ древнихъ памятникахъ *сирота* имѣетъ совсѣмъ другое производное; во 2) для насъ важно то, что при господствѣ родовыхъ отношеній въ обществѣ всякаго рода лишенія происходили вслѣдствіе *сиротства*, слѣд. если бы даже князь сирота и означалъ князя лишеннаго владѣнія, то главною причиною лишенія владѣнія остается сиротство, на что прямо указываетъ языкъ; въ 3) возраженіе, что если принимать здѣсь слово: *осиротѣеть*, въ первоначальномъ смыслѣ,

то выйдетъ, что всѣ князья будутъ изгон, ибо всѣ рано или поздно осиротѣютъ—это возраженіе не имѣетъ смысла, ибо сиротами называются малолѣтныя, не имѣющіе самостоятельнаго существованія; сороколѣтняго человѣка никто не назоветъ сиротою, если онъ и лишится отца.

11. Тамъ же, стр. 96.

12. Тамъ же, I, 153.

13. Тамъ же, II, 134: Володимеръ же Глѣбовичъ испросился у Святослава и во Рюрика ѣздити напередъ съ Чернымъ клобукомъ. Святославу же не любо бышетъ пустити Володимера напередъ передъ сыны своими: но Рюрикъ и инія вси улюбиша, ване бѣ мужъ бодръ и дерзокъ и крѣпокъ на рати.

14. Тамъ же, стр. 63: Андрей поча рядити полкъ отца своего, зане бѣ старѣй тогда въ братѣ. — При войскѣ былъ и отецъ его Юрій, но, подобно брату Вячеславу, онъ не принималъ личнаго участія въ битвѣ.

15. Тамъ же, I, 172.

16. Тамъ же, стр. 36: Быша же Родимичи отъ рода Ляховъ: пришедъ же ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, повозъ везуть и до сего дне. Допол. къ Акт. Истор. I, № 4. Проф. Осокинъ (Внутр. тамож. пошл. въ Россіи, стр. 5) думаетъ, что *передмъргъ* — это *польское* повданійшаго времени.

17) Объ этой дани см. во II-мъ томѣ, прилѣжч. 24. Въ Никон. «отъ Смоленска и отъ Дунайска.» Въ Псковской губ. Холмскаго уѣзда, на р. Ловати есть деревня Дунаева.

18. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149.

19. Суждали Загѣская дань, аже воротитъ Гюгри, а что будетъ въ ней, назъ того св. Богородицѣ десятина. Дополн. къ Акт. Историч. т. I, № 4.

20. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 107: Рюрикови же идущю изъ Новагорода, родися у него сынъ и нарекоша и въ святѣмъ крещеніи дѣдне имя Михайло, а княже Родиславъ дѣдне же имя.

21. Тамъ же, стр. 122: Родися у В. К. Всеволода четвертая дчи, и нарекоша имя во св. крещеніи Полагья, а княже Сбыслава.

22. Тамъ же, стр. 107: И дастъ ему (Ростиславу) отецъ его Лучинъ городъ, въ немъ же родися, и поставиша на томъ мѣстѣ церковь св. Михаила, иде ся родилъ.

23. Крестнымъ отцомъ Монохова сына Мстислава былъ Олегъ Святославичъ; князю Сбыславу Всеволодовну (см. выше, прим. 21) крестила тетка ея Ольга, княгиня Галицкая; сказано: и крести ю тетка Олга, о крестномъ отцѣ не упомянуто.

24. См. родословную таблицу.

25. Полн. Собр. Русск. Лѣт. 170, 180, 184, 193; II, 9, 19, 39, 87, 92, 94, 121.

26. Тамъ же, II, 85: Изяславъ же съ княгинею поиде изъ Гомья къ Вятичемъ. и взя городъ Княгининъ на щить Святославлей.

27. Тамъ же, стр. 101.

28. Тамъ же, стр. 95.

29. Неволина—Исторія Росс. Гражд. Зак., т. I, стр. 197.

30. Не только князья женились на Половчанкахъ, но и княгини выходили за Половецкихъ хановъ: Пол. Собр. Русск. Лѣт. II, 84: Приде же Изяславу болши помощь къ Бѣлугороду, приде бо къ нему Башкордъ въ 20 тысячъ, отчимъ Святославъ Володимирича: бѣ бо мати его бѣжала въ Половци и шла за нь. — Эта княгиня, жена Владиміра Давыдовича, была дочь Всеволода Городенскаго, внучка Мономахова.

31. Буткова — о бракахъ князей Русскихъ съ Грузинками и Ясынами въ XII вѣкѣ; Сѣвер. Архивъ 1825, № IV.

32. Въ приведенномъ выше извѣстіи о свадьбѣ Ростислава Рюриковича на дочери Всеволода III говорится, что послѣдній отправилъ съ невѣстою *свотричича* своего Якова и ныи бояры: ясно, что этотъ Яковъ былъ сынъ простаго боярина, за которымъ была сестра Всеволодова.

33. См. выше т. II, стр. 77, 290. Упомянемъ также о слѣдующемъ любопытномъ извѣстіи: (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 136). Тогда же приде Володимеръ изъ Половецъ съ Кончаковною и створи свадьбу Игорь сынови своему, вѣнча его и съ дѣтятемъ.

34. Такъ жена Всеволода III-го, будучи 8 лѣтъ больна, постриглась отъ живаго мужа въ монахиня; подъ 1228 годомъ встрѣчаемъ другое извѣстіе: Святославъ отпусти княгиню свою по свѣту, вскогѣвши ей въ монастырь, и дастъ ей надѣлокъ много; иде въ Муромъ къ брати и пострижеса.—Здѣсь по *свѣту* значитъ: по совѣту, по взаимному согласію.

35. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 159: Заутра поѣха изъ Суждаля борзо, якоже и на заяць, дружинѣ постигающи его.—Воскр. I, 218: Всеволоду дѣющу ловы за Вышегородомъ, и меташа тенеть на занци.

36. Тамъ же, II, 26.

37. Тамъ же, стр. 122, 139, 133.

38. Тамъ же, I, 110.

39. Что обѣдали гораздо прежде полудня. см. также Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 28.

40. Тамъ же, II, 95: А во ныи дни въ среду и въ пятокъ утѣшиваше братью Печерскую.

41. Тамъ же, стр. 128; см. также стр. 152. Обыкновенное у летописца выраженіе: *путь* вмѣсто *пировать*, показываетъ, въ чемъ преимущественно состояли пиры.

42. Житіе св. Феодосія въ Патер. Печер. Однажды св. Феодосій, вошедши къ В. К. Святославу, засталъ у него: «овыхъ гуслиныя гласы испущающихъ, иныхъ органиныя писки гласящихъ, иныхъ же иныхъ мусикійскія, и тако всѣхъ веселящихся, якоже обычай есть предъ княземъ».

43. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 84, 101, 73.

44. Тамъ же, стр. 75: И тако Ростиславъ спрятавъ тѣло его, и ѣха на Ярославль дворъ, и съзва мужи отца своего Вячеслави и тивуны и ключники, каза нести имѣнье отца своего передъ ся, и порты, и золото, и серебро; и снесъ все, и нача роздавати по монастыремъ, и по церквамъ и по затворомъ, и нищимъ, и тако раздая все, а собѣ ни прія ничто, только крестъ честный взя на благословеніе собѣ, а прокъ имѣнія да чимъ же надъ нимъ двѣти на послѣднія дни, чимъ свѣчю и просоуру его побдѣти.

45. См. Іоаннъ, ексархъ Болгорскій, стр. 246: Историч. Опис. одежды и вооруженія Росс. войскъ, т. I, стр. 7, Древности Россійск. Государства, отд. IV, стр. 7.

46. См. статью г. Погодина—о наследственности древнихъ сановъ въ Архивѣ Историко-Юридическихъ свѣдѣній. изд. Н. Калачева кн. 1-я.—Этою статьею должно пользоваться съ осторожностію, впервыхъ потому, что въ ней есть лишнія имена, такъ причисленъ къ Русскимъ дружинникамъ Польскій князь Збигнѣвъ, пріѣзжавшій въ Кіевъ къ В. К. Святополку просить помощи противъ брата своего; потомъ въ число дружинниковъ включены также двое Полоцкихъ князей, попъ Дихачъ, дячекъ Имормыжъ и проч., а нѣкоторыя имена пропущены. Вотворыхъ, выводы противорѣчатъ фактамъ; такъ, напр., выведено, что бояре служили большею частию у однихъ князей, т. е. послѣ отцевъ дѣтямъ.

47. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 43, 87, 124; I, 213, 312. II, 43.

48. Тамъ же, III, 20, 31; I, 157. О меньшихъ дѣтскихъ см. II, 47.

49. Тамъ же I, 162: а села боярская взяша, и кони, и скоть.

50. Тамъ же, II, 92: а дружина ти по городомъ далече.

51. Тамъ же, 147, I, 108: и роспусти дружину по селомъ.—Объ отрокахъ боярскихъ I, 131. О содержаніи дружины см. томъ XIII, стр. 14.

52. Тамъ же, стр. 117.

53. Тамъ же, I, 169; II, 133.

54. Тамъ же, I, 184, 194.

55. Тамъ же, II, 98: Братья же вси пожаловаша на Мьстислава, оже утаивься ихъ пусти на воропъ сѣдельники своѣ и кощѣѣ.

56. Тамъ же, стр. 102: Глѣбъ шедше стагна за Васильевомъ у сѣдельниковъ..... Половци же съ вкупившеся съ сѣдельники бишася съ ними.

57. См. также Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 105: Андрей же посла сына Мстислава со всею дружиною и со всѣми полкы Ростовскими и Суждальскими. — Замѣчательно тамъ же стр. 55 выраженіе Изяслава Мстиславича: «А мы поѣдемъ въ свой Кіевъ, а въ сильній полкъ въ Кіевскій аже вѣдемъ въ нѣ, то азъ вѣдѣ, ти ся за мя біють.»

58. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103. Мономахъ говоритъ: «И срѣтоша ны внезапно Половечскыѣ князи 8 тысячъ, и хотѣхомъ съ ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ.

59. Истор. Опис. од. и воор. Русск. войск. I, стр. 40, прим. 96.

60. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 182, 212.

61. Тамъ же, II, 137.

62. Самую продолжительную десятинедѣльную осаду выдержали Туровцы отъ Изяслава Давыдовича въ 1158 году. Ср. статью Погодина о междоусобныхъ войнахъ во Временникѣ Моск. Истор. Общества.

63. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 120.

64. Тамъ же, стр. 109.

65. Тамъ же, стр. 168.

66. Безспорно, что на вѣчахъ отцы рѣшали за сыновей, и даже старшіе братья за младшихъ и дядья за племянниковъ; но этого нельзя выводить изъ словъ Кіевлянъ Изяславу Мстиславичу: «Не можемъ на Владимірово племя руки поднять, а на Ольговичей хотъ и съ дѣтьми» (какъ это думаетъ г. Сергѣевичъ), ибо въ такомъ случаѣ надобно было бы предположить, что обыкновенно ходили въ походы одни старики, а на Ольговичей пошли бы и сыновья, тридцати-и-сорокалѣтніе! Ясно, что это выраженіе фигурное: «даже и малыхъ дѣтей поведемъ», хотя на дѣлѣ этого быть не могло.

67. Татищ. III, стр. 407.

68. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 63.

69. Тамъ же стр. 13: Нежата былъ посадникомъ въ Новгородѣ, потомъ видимъ его въ Ладогѣ.

70. Тамъ же, стр. 45: Отняша посадничество у Иванка у Дмитровица и даша Внѣзду Водовику, а Иванку даша Тържкъ; иде на Тържкъ, и не пріяша его Новоторжыцѣ.

71. Соф. Врем. I, 252: и людемъ написа грамоту, рехъ: по сей грамотѣ дадите дань. Никон. I, 133. — Въ родословной книгѣ ска-

зано объ Ярославѣ: «Егожь грамота *починиша* въ Новѣгородѣ» (Времен. Моск. Истор. Общ. № 10). — Спенен. кн. I, 300: Древле убо людіе Великаго Новгорода Словени зовоми бяху, имаху же у себя перваго Самодержца отъ Прусскія земли князя Рюрика отъ рода Августа кесаря, его же сами къ себѣ призваша по совѣту множества людей всея Русскія земля, и той влады надъ ними не яко они хотяху, но яко онъ хотяще, тако судя и управляя, враждебниковъ безъ боязни смерти предавая, а неповинныхъ снабдевая и милуя, такоже послѣди покорни бяху и сыну его Игорю и внуку его Свѣтославу, и правнуку его св. равноапостольному Владиміру. Егда же Ярославъ по отцѣ своемъ блаженномъ Владимірѣ побѣдивъ братоубійцу Святополка изыде отъ Новграда въ Кіевъ державствовати, и тогда отъ святаго князя Ярославъ Владимировича за великое ихъ къ нему исправленіе получиша отъ него милость, да по волѣ ихъ, его же они возлюбятъ князя, и той господствуетъ ими отъ сыновъ Ярославихъ и отъ внучатъ его въ роды и роды во вѣки. И тако оттогда убо держажу себѣ князя, его же хотяху, отъ рода Ярославля.

72. Нейманъ справедливо заключаетъ: «Es ist unwahrscheinlich, dass sie (Новгородцы) sich nicht irgend ein Mal ausdrücklich auf sie (грамоту Яр.) bezogen hätten, wenn ihnen eine solche verliehen wäre (Studien zur gründl. Kenntn. s. 269). Полн. Собр. Русск. Лѣт. I: 154: Не глаголемъ же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени прадѣды князь нашихъ; но аще бы тако было, то велѣли ли имъ преднѣи князи крестъ преступати, или внуки или правнуки соромляти?—Здѣсь выраженіе: «но аще бы тако было» показываетъ сомнѣніе.

73. Подъ 1196 годомъ лѣтаписецъ Новгородскій, говоря о мирѣ между Всеволодомъ III и Черниговскими князьями, прибавляетъ: «а Новгородъ выложиша вси князи въ слободу, гдѣ имъ любо туже себѣ князя понимаютъ.» Здѣсь трудно рѣшить, относятся ли эти слова къ условіямъ мира между Всеволодомъ и Черниговскими князьями, или относятся ко всѣмъ князьямъ вообще; но въ томъ и другомъ случаѣ ясно, что выложеніе Новгорода въ свободу было дѣломъ цѣлыхъ поколѣній и особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, не дѣломъ одного Ярослава I-го, къ которому обыкновенно любили относить начатки разныхъ правъ, хотя съ явною несправедливостію; наприм., Мономаховичи говорили же, что Ярославъ раздѣлялъ ихъ Днѣпромъ съ Ольговичами. Какъ можно было выложить городъ въ свободу, это всего лучше видно изъ условія, предложеннаго Всеволодомъ III племяннику его Мстиславу Ростиславичу: «Тебе Ростовци привели и бояре, а мене бысть съ братомъ Бегъ привезъ и Воао-

димерца, а Суздаля буди намъ обче, да кого всхотять, то имъ будѣ князь.»

74. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 86: Володимеръ же приступи ко вратомъ восточнымъ, отъ стрезеній оти врата, и отвориша градъ околнїи и пожгожа и людемъ же вбѣгшимъ въ дѣтнїишїи градъ.

75. Тамъ же, II, 70, говорится о томъ же Черниговѣ: повелѣша людемъ вснїи бѣжати изъ острога въ дѣтнїнецъ.... множество Половецъ идоша къ городу битися, и отѣмше острогъ зажгоша передгородь все и пришедше всею силою сташа около города.

76. Тамъ же, I, 145: Единую поступиша къ граду подъ вежами, овѣмъ же бьющихъ съ града, и стрѣляющимъ между собою, идяху стрѣлы аки дождь; Мстиславу же хотящу стрѣлити, внезапно ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею.— Кромѣ выражений: «срубить городъ», что означаетъ стѣны деревянныя и «заложить городъ камянь», встрѣчаемъ въ лѣтописи еще выраженіе: «обложить городъ» (III, 25).

77. См. Мѣстоположеніе древняго Новгорода, соч. И. Красова, 1851.—Влопа, по-Польски—*оболочка*.

78. На концы раздѣлялся не одинъ Новгородъ, но также и Кіевъ, въ которомъ лѣтопись упоминаетъ Копыревъ конецъ.

79. Относительно пространства древняго Новгорода г. Красовъ (стр. 137) дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Древнїи Новгородъ занималъ за землянымъ валомъ очень незначительное пространство. На сошїи-ской сторонѣ, кромѣ небольшого пространства на концѣ Чудинцевы улицы, входило въ составъ города пространство, занимаемое нынѣ слободами Новою ямскою и Воскресенскою и заключающееся между землянымъ валомъ и рѣчкою Гзенью; на торговой же сторонѣ за валомъ было населенное пространство, принадлежащее городу, не далѣе Антоніева монастыря и старой Никольской слободы. Были конечно вблизи города на той и другой сторонѣ монастыри; но они считались уже загородными, не входившими въ составъ города. Въ послѣдней половинѣ XIV столѣтія даже ближайшіе къ городу монастыри Духовъ и Антоніевъ считались загородными, какъ видно изъ перечисленія сожженныхъ за городомъ монастырей во время нашествія на Новгородъ В. К. Дмитрія Іоанновича.»

80. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 22: Въ пятницы, въ торгъ, загорѣся и проч. Но вѣроятно были и другіе торговые дни, очень можетъ быть, что среда и воскресенье, какъ теперь.

81. Тамъ же, стр. 25.

82. Степен. кн. I, 206.

83. Впрочемъ, по мнѣнію г. Красова (стр. 26) названіе Гончар-

скаго конца явилось позднѣе, древнѣйшее его названіе — Людинъ конецъ.

84. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 46: А добытъкъ Сменовъ и Водевиковъ по стому раздѣлиша.

85. Объ Осменигѣ см. ниже, т. V, стр. 225. — Въ Новгород. лѣтописи встрѣчаемъ также слѣдующее извѣстіе подъ 1197 годомъ: «Постави монастырь св. Еуеимія, въ Пльтънникъ, Положая *городъ-шницю Жироскина дѣци*». — Здѣсь женское городъшниця предполагаетъ мужское *городшницю*.

86. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 154: Днесъ и множество вѣрныхъ Кыанъ и населници ихъ.

87. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149: и да ей много имѣнья, и свободы купленныя и съ даньми и села лѣпшая. — Думаютъ, что въ описываемое время употреблялось также названіе: *деревня*, на основаніи слѣдующаго мѣста лѣтописи подъ 1096 годомъ: «И възгоша Стефанечъ монастырь, и деревнѣ, и Германечъ». Но и по смыслу, и по вариантамъ видно, что здѣсь *деревнѣ* не значать деревни, а скорѣе зпнать къ монастырю.

88. Тамъ же, III, 33: дѣти своя даяхуть одьренѣ.

89. См. у Погодина IV-й т. Исслѣд. Замѣч. и Лекцій, гл. III. Авторъ пользовался только списками лѣтописей, изд. Археогр. Комиссіей; въ Никон. спискѣ упоминаются еще нѣкоторые города, существованіе которыхъ въ описываемое время нѣтъ основанія отвергать; такъ подъ 1146 г. упоминаются Тула, Дубокъ на Дону, Елецъ, Ростиславль (1153), Дмитровъ (1155).

90. См. второй томъ.

91. Г. Погодинъ напрасно пропускаетъ бѣдствіе, причиненное Новгородской волости Ярославомъ Всеволодовичемъ, и потому у него выходитъ только 11 разъ.

92. Г. Погодинъ въ приведенной выше статьѣ.

93. См. въ текстѣ II-го тома обзоры борьбы съ Половцами при концѣ каждой главы.

94. Памятник. Рос. Слов. XII. в., стр. 223.

95. См. Сарториуса—Geschichte des Hanseat. Bund. I, 191.

96. Грам. касающ. до сношен. Россіи съ Ригю и проч.

97. Сарториуса—Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse.

101. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 138; II, 34.

102. Voyages de Benjamin de Tudelle, et c. Paris, 1830; 23, 103.

103. Тамъ же, стр. 25. Въ житіи св. Антонія Римлянина говорится, что святой нашелъ въ Новгородѣ гостя изъ Греческой зем-

ли, но послѣ этотъ гость наз. Готѣинъ и Гречинъ. Здѣсь же говорится, что купцы изъ рима въ Новгородъ приходили въ полгода.

104. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 115.

105. Recueil de Voyages et de Mémoires, publiés par la société de Géographie t. IV, p. 772.

106. См. Изслѣдованіе Даниловича о Польскихъ городахъ въ Рус. Истор. Сборн. IV.

107. Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II, № 1; Карамзинъ III, прим. 248. Tobiena die ältesten Tractate Ruslands — Русск. Достоп. ч. II.—Bulletin de la classe hist. et. s. t. V, № 99. О городѣ Орнаѣ см. статью проф. Леонтьева: Розысканія на мѣстѣ древняго Танаиса: Прописи, кн. IV.

108. Сажаніе въ дыбу или колоду употреблялось у Нѣмцевъ; въ тырму и желѣза—у Русскихъ.

109. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 6.

110. Тамъ же, стр. 20.

111. Тамъ же, стр. 25.

112. О найденныхъ недавно въ Кіевѣ серебряныхъ монетахъ съ именами князей—Владимира, Святополка, Ярослава, Георгія, см. Москвитян. 1852 года, № 16 и 17.

113. Статья Бѣляева—Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси, въ Читеніяхъ М. И. О. № 3; 1846 года. — Карамз. I, прим. 524. Подробности ниже, т. IV, гл. 3 Исторіи Россіи.

114. О банномъ строеніи было много толковъ. Карамзинъ (II, прим. 160), вмѣстѣ съ Болтинымъ, принимаетъ, что это Баптистїонъ (aedes juxta ecclesiam, in qua baptizantur fideles, по Дюканжу), и прибавляетъ: «невѣжды думали, что митрополитъ строилъ народныя или торговыя бани.»—Но такъ могутъ думать не одни невѣжды: митрополитъ очень могъ построить зданіе первой необходимости, строилъ же онъ городскую стѣну? банное строеніе онъ могъ заложить съ цѣлію благотворительною, чтобъ дать бѣднымъ и странникамъ средство къ омовенію; Арцыбашевъ (I, прим. 221) приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Кедрина, по русскому переводу: «императрица Феодоръ, имѣвшей обыкновенія ходить во св. Влахьрскій храмъ Богородицы, ово ради моленія, овоже для омовенія съ своими дщерьми.

115. Татищ. III, примѣч. 483. — Пол. Собр. Русск. Лѣт. I, 149; — Гр. С. Г. Строганова—Дмитріевскій соборъ.

116. Пол. Собр. Русск. Лѣт. II, 123.

117. См. Патерикъ Печерскій.

118. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 72.

119. Тамъ же: и видѣ Ярослава сидяща на отни мѣстѣ въ черни ятли и въ клобуцѣ, также и вси мужи его. Воск. 1205: и начаша пѣти св. литоргію. И рече Святославъ ко Бръновинѣ что мя на главѣ бодеть, и сня клобукъ.

120. Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 138: и отторгоша на немъ крестъ и чеши въ гривну золота. Висълъ ли крестъ на этой золотой цѣпи, или здѣсь говорится о крестѣ натѣльномъ?

121. Тамъ же, II, 56: они же емлюче серебро изъ ушью и съ ши.

122. См. договоръ съ Ригою. Что касается, «орницы» (стр. 53), то въ Студійскомъ уставѣ (рукоп. XII вѣка) читается, что для зимы у иноковъ должны быть: «толстые изъ чернаго орница учашены.» Зап. Археол. Общества III, 120.

123. Полное Собр. Русск. Лѣт. II, 114: Ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежитъ.

124. Тамъ же, I, 113: Аще и золотомъ шито оплечье будетъ, убій.

125. Тамъ же, II, 127.

126. Тамъ же, I, 176.

127. Тамъ же, V, 87. Нѣкоторые относятъ эту приписку ко временамъ монгольскимъ, основываясь на слѣдующемъ выраженіи: «за наше несутьство навелъ Богъ на ны поганья, а и скоти наши, и села наши, и имѣнія за тѣми суть; и мы злыхъ своихъ не останемъ.» Но во 1) то же самое лѣтописецъ могъ сказать и о половецкихъ нашествіяхъ; во 2) трудно предположить, чтобъ при Монголахъ роскошь была сильнѣе, чѣмъ до нихъ.

128. См. нашей исторіи т. I, стр. 254.

129. Житіе св. Авраамія, Прологъ 29 октября: Видѣвъ же преподобный Авраамій прелесть идольскую сущу во градѣ Ростовѣ, не убо бѣша еще граждане пріяли св. крещеніе, по Чудьски живуще и поклоняющеса идолу. Тутъ же сказано, что святыи былъ оклеветанъ бѣсомъ предъ Владимирскимъ княземъ. По другимъ извѣстіямъ Велесу поклонялись въ Чудскомъ концѣ города.

130. Прологъ маи 21: Константинъ Святославичъ пришелъ изъ Кіева съ сыновьями Михаиломъ и Феодоромъ къ Мурому, гдѣ нашель азычниковъ. Еще прежде его св. Глѣбъ много покусився не возможе одолѣти его (Мурома) и обратити во св. крещеніе, но поживѣ вдале его два поприща два лѣта и отъ Святополка позванъ лестію.» Константинъ взявъ Муромъ съ большимъ впрочемъ трудомъ, при чемъ былъ убить сынъ его Михаилъ. — Соображая указаніе на св. Глѣба, какъ на непосредственнаго предшественника, должно принять, что

подъ именемъ Константина разумѣется здѣсь одинъ изъ первыхъ Святославицей, занявшихъ Муромъ.

131. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 6. Есть преданіе, что жители города Мценска окончательно приняли христіанство только въ XV вѣкъ, въ княженіе Василя Дмитріевича. Русск. Вивліое. Полеваго, стр. 361.

132. Словарь Историч. о святыхъ, прославленныхъ въ Русск. Церкви.

133. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 191.

134. Тамъ же, стр. 99: Бъ бо прежде въ Переяслави митрополья.

135. Георгій, Іоаннъ II, Іоаннъ III, Ефремъ (?), Николай, Никифоръ, Никита, Михаилъ II, Климентъ Смоленитчъ, Константинъ I-й, Θεодоръ, Іоаннъ IV, Константинъ II, Никифоръ II, Матеей, Кирилль I-й.

136. Очеркъ исторіи Русской церкви въ періодъ до-татарскій, соч. Арх. Макарія, С. П. стр. 47.

137. Эти послѣднія слова любопытны: они показываютъ, что Михаилъ уѣхалъ по неудовольствію, и боясь отъ Русскаго правительства попытки къ отложенію, взялъ слово съ епископовъ не служить въ Софійскомъ соборѣ безъ митрополита, присланнаго изъ Византіи.

138. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 79.

139. Тамъ же III, 12: Шлъ бяше (Нифонтъ) Киеву противу Митрополита, иніи же мнози глаголаху яко полупивъ св. Софію. поиде къ Царюграду; и много глаголаху нань. Никон. II, 154: Имѣнія много истощи и раздаде ово Патріарху Константино-градскому и прочимъ сущимъ тамо, ово митрополиту Кіевскому и инымъ многимъ.

140. Эти слова находятся только въ сводѣ лѣтописей Татищева; но что отвѣтъ в. князя находился и въ другихъ спискахъ, доказательствомъ служитъ его изглаженіе или пропускъ въ нихъ: такъ Археогр. Коммиссія свидѣтельствуетъ, что послѣ словъ императорскаго посла Ростиславу: «аще примеша съ любовью благословеніе отъ св. Софьи», находится пропускъ во всѣхъ спискахъ, съ пробѣломъ въ одномъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 92); Карамзинъ говоритъ также, что въ его экземплярахъ кіевской лѣтописи въ этомъ именно мѣстѣ пропускъ (II, прим. 414).

141. Никон. II, 179.

142. Тамъ же, стр. 296.

143. При внимательномъ изслѣдованіи этого мѣста лѣтописи можно подумать, что это официальный современный актъ, именно посланіе митрополита, извѣщающее о преступленіи и наказаніи епископа Θεодора, и занесенное въ лѣтопись ея составителемъ, съ перемѣною некоторыхъ немногихъ формъ: въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня сличеніе приведеннаго мѣста съ извѣстными посланіями митрополи-

товъ и другихъ духовныхъ лицъ.—Любопытно выраженіе нѣкоторыхъ лѣтописей о Феодорѣ: «*бѣлый клубучекъ*» (Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV. 12).

144. Новгородская, Ростовская, Владимирская, Волинская, Бѣлогородская, Черниговская. Юрьевская, Переяславская, Хелмская, Полоцкая, Туровская, Смоленская, Перемышльская, Галицкая, Рязанская, Владимирская на Клязьмѣ.

145. Воскрес. (II, 108) прибавляетъ: зане поставилъ бѣ на мѣздѣ Николу Гречина.

146. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 21.

147. Тамъ же, II, 138, Ник. II, 363.

148. Памятн. Слов. XII вѣка, стр. 255.

149. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149.

150. Тамъ же, II, 91.

151. Никон. I, 150, 151.

152. Тамъ же, II, 156.

153. Никон. II, 56.

154. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149: закѣ умножилъ бяше церкви, грабляй попы.

155. Тамъ же, стр. 150.

156. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 91.

157. Татищ. III, 160.

158. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 151.

159. Тамъ же, 88.

160. Тамъ же, II, 82.

161. По свидѣтельству Степенной книги (I, 157 св. Владиміръ опредѣлилъ давать десятину каждому князю главной соборной церкви въ его волости.

162. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 153.

163. Тамъ же, II, 117 I, 201.

164. Тамъ же, I, 160: да города.

165. Опис. Рукоп. Румянц. Муз., стр. 294.

166. Въ подлинности этой грамоты не можетъ быть сомнѣнія: къ частію до насъ дошло два ея списка (Дополн. къ Акт. Истор. I, № 3), изъ сличенія которыхъ можно ясно видѣть, какимъ искаженіямъ подвергались грамоты отъ переписчиковъ: въ началѣ одного списка читаемъ: «Се азъ князь великій Всеволодъ, нареченный во св. крещеніи Гавриль, самодержецъ сынъ Мстиславль, внукъ Володимировъ Мономаха властвующа всею Русскою землею и властію Новгородскою.» А въ другомъ спискѣ послѣднія слова отнесены не къ Мономаху, а къ самому Всеволоду, и читаемъ: «владычествующе ми всею Русскою

землю и всю область Новгородскою», откуда выходит историческая несообразность, заставляющая заподозрить подлинность грамоты.

167. Русскія Достопамятн. I, стр. 82.

168. Дополн. къ Акт. Истор. I, № 4.

169. Обзорѣніе Кормчей книги, Барона Розенкампа. Очеркъ Истор. Рус. Цар. Мак., стр. 127. Вообще о значеніи Кормчей — статья Калачева въ Читеніяхъ М. И. О. годъ III, № 3.

170. Исторія Русск. церк. I, 191, 192. Посланіе Патріарха Германа къ митрополиту Кириллу 1228 г.: «нѣкоторые въ странѣ русской покупаютъ людей, выучиваютъ ихъ и приводятъ къ епископамъ для поставленія въ духовный санъ, не освободивъ отъ рабства. — Патріархъ требуетъ прекращенія этого. См. Опис. Рум. Муз., стр. 304.

171. Памятн. Слов. XII вѣка, стр. 127, 249.

172. Полн. Русск. Лѣт. I, 88.

173. Лѣтопись не знаетъ Георгія между сыновьями Всеслава, но вѣроятно это христіанское имя Ростислава Всеславича.

174. Степен. кн. I, 280.

175. Тамъ же, стр. 235.

176. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 82.

177. Тамъ же, I, 108.

178. Дополн. къ Акт. Истор. I, № 2.—Примѣчаніе на эту грамоту митропол. Евгенія въ трудахъ Москов. Истор. Общ. ч. III.

179. Тамъ же, № 5.

180. Памятн. Слов. XII в., стр. 108, 251.

181. Патерикъ Печер. Житіе св. Феодосія, объ игуменѣ Стефанѣ.— Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. II.—Зернина—объ отношеніи Константинопольскаго патріарха къ русской Іерархіи.— Преданіе о ставропигіи очень вѣроятно; но акты, составленные для доказательства этого, подозрительны; противъ приписки возражаютъ, что писецъ, ее составившій, не зналъ даже тогдашняго порядка престолонаслѣдія въ Ярославовомъ потомствѣ (П. Б. отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ, стр. 7); на это впрочемъ могутъ сказать, что послѣ изгнанія Изяслава трудно было говорить объ обычномъ престолонаслѣдіи; мы не можемъ знать всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствъ, всѣхъ отношеній Святослава къ Всеволоду.

182. См. Ист. Р. т. I, стр. 231 и слѣд.—Здѣсь рождается вопросъ: Когда Ярославичи сдѣлали такое опредѣленіе? Въ Правдѣ говорится только о троихъ старшихъ, слѣд. можно думать, что дѣло было по смерти двоихъ младшихъ; но съ другой стороны можно думать и то, что рѣшеніе старшихъ было обязательно для младшихъ. Нѣкоторое затрудненіе можно найти въ извѣстіи лѣтописца, помѣщенномъ подъ

1071 годомъ о распоряженіи Яна на Бѣлѣозерѣ съ волхвами: «И рече Янъ повозникомъ: цы кому васъ кто родинь убьенъ отъ сею! Они же реша: мнѣ мати, другому сестра, тому роженъе. Онъ же рече имъ: мстите своихъ. Они же поимше убиша я.» — Мы видѣли (II, примѣч. 29), что это событіе, по всѣмъ вѣроятностямъ, должно отнести ко времени княженія Святослава въ Кіевѣ послѣ изгнанія Изяслава, слѣд. послѣ опредѣленія объ отложеніи мести; но теперь Янъ позволяетъ повозникамъ мстить за родичей? — Но ясно, что это явленіе выходило изъ ряду обыкновенныхъ, убійства; совершенныя волхвами, не принадлежали къ разряду частныхъ убійствъ, за которыя можно было откупаться деньгами, это были преступленія противъ цѣлаго общества, противъ вѣры; Янъ могъ казнить ихъ, какъ разбойниковъ, но почелъ за лучшее заставитьъ самихъ обольщенныхъ убить обольстителей, придать ихъ казни характеръ общей мести.

183. О словѣ *рядовичъ* см. въ I-мъ томѣ моей исторіи.

184. Розенкампфа, о Кормчей книгѣ, стр. 217.

185. Нашей исторіи т. II, стр. 199.

186. Тамъ же, стр. 160.

187. Тамъ же, стр. 79.

188. Тамъ же, стр. 140.

189. Тамъ же, стр. 187.

190. Тамъ же, стр. 316.

191. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 145: Бѣ же тогда день недѣльный, тѣмъ же не идоша къ городу.

192. Памятн. Слов. XII в., стр. 108, 251.

193. Русскія достопамят. I, стр. 91.

194. Тамъ же.—Памятн. Слов. XII в., стр. 176.

195. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 73.

196. Особенно о Юри Долгорукомъ.

197. Нашей Исторіи т. II, стр. 216. Примѣръ Ростислава Юрьевича, отступившаго отъ отца къ врагу послѣдняго, Изяславу Мстиславичу, мы не проводимъ, потому что, быть можетъ, онъ перешелъ на сторону Изяслава съ отцовскаго согласія; не приводимъ также примѣра Владиміра Ярославича Галицкаго, потому что тутъ были особенныя обстоятельства.

198. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 178.

199. Памятн. Слов. XII в., стр. 196.

200. См. также Никонов. II, 121, рѣчь Изяслава Мстиславича.

201. См. Проф. Шевырева Исторія Русской Словес. т. I, ч. 2, стр. 52. Его же поѣздка въ Кирилло-Бѣлѣозерскій монастырь, II, стр. 30. Оказывается, что первый сборникъ собранъ для Болгарскаго царя Симеона.

202. Чтенія въ Москов. Ист. Общ. годъ III, № 7.
203. Татищ. III, стр. 177, 196.
204. Тамъ же, стр. 238.
205. Тамъ же, стр. 220, 280.
206. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 188.
207. Татищ. кн. III, стр. 416.
208. Тамъ же, II, 181. О преподаваніи греческаго языка см. также Никон. I, 132.
209. Памятн. Слов. XII-го вѣка, стр. 133.
210. Учен. Зап. II-го Отд. Акад. Наукъ, кн. II, вып. 2, стр. 213 и сл. Русск. Достопамят. I, стр. 61.
211. Сиротинскій—рабскій и нищенскій, ибо сирота значить и рабъ и нищій. До сихъ поръ въ Архангел. губерніи сиротами называютъ нищихъ (Опытъ обл. Слов., стр. 203); это показываетъ, кто былъ нищимъ и рабомъ въ первоначальномъ родовомъ обществѣ. Въ послѣдующихъ памятникахъ постоянно встрѣчаемъ выраженіе при челобитьяхъ: «сироты твои государевы.»
212. Памят. Слов. XII в., стр. 157. Относительно современныхъ понятій любопытны третій и двадцатый. Митрополиту Никифору приписывается еще другое посланіе противъ Латинянъ къ неизвѣстному князю, которое начинается такъ: «такъ какъ въ судахъ у тебя есть земля Лядская, и живущіе въ ней служатъ на ошаткахъ и приняли латинское ученіе; то я извѣщаю тебѣ, по какой причинѣ отступили они отъ св. собор. апостольской церкви.» Здѣсь вмѣсто: «въ судахъ» не должно ли читать: «въ сусѣдѣхъ». Между прочимъ сочинитель упрекаетъ Латинянъ за то, что они запрещаютъ хвалить Бога на другомъ языкѣ кромѣ Еврейскаго, Еллинскаго и Римскаго.
213. Тамъ же, стр. 209.
214. См. выше о значеніи монашества.
215. Памятн. Слов. XII в., стр. 249.
216. Русск. Достопамят. I, стр. 89. — Этому Іакову приписываютъ сочиненіе житія св. Владиміра, свв. Бориса и Глѣба, посланіе къ В. князю Изяславу о воздержаніи отъ запойства и блуда; см. статью Погодина въ извѣстіяхъ Академіи Наукъ т. I, листъ 21.
217. Памятн. Словес. XII в., стр. 173. См. въ IV-й части Трудовъ Московскаго Историч. Общества статью митрополита Евгенія: *Свѣдѣніе о Кирикѣ*. Кирикъ въ 1134 году былъ дьякономъ и доместикомъ въ Новгородскомъ Антоніевѣ монастырѣ; онъ оставилъ еще сочиненіе: *«Ученіе и мже вѣдати челоуѣку числа встѣхъ лѣтъ.»*
218. Русскія Достопамят. I, стр. 7. Уч. Зап. II отд. Акад. кн. II, вып. II.

219. Памятн. Слов. XII в.

220. Москвит. 1851 г., № 6. — Думаемъ, что къ описываемому же времени надобно будетъ отнести и извѣстное «Слово нѣкоего хри-столюбца, которымъ мы уже пользовались прежде, говоря о язы-ческихъ повѣрьяхъ; вооружаясь противъ послѣднихъ, авторъ го-ворить, что ихъ держатся «не токмо невѣжи, но и вѣжи и попы и книжницы.»

221. Сахарова сказ. Русск. Нар. т. II. Сохранилось также путеше-ствие Добрыни Ядрейковича въ Царьградъ, 1210 г.

222. Памятн. Слов. XII в., стр. 229.

223. Въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, при упоминовеніи о Лачѣ озеръ встрѣчаемъ прибавку: идежѣ бѣ Данило заточеникъ.» Въ какой славѣ было слово Данила, видно изъ того, что послѣ нѣкоторые принора-вливали его къ своимъ обстоятельствамъ и посылали къ князьямъ. См. новую редакцію слова въ Русск. Бесѣдѣ 1856, № 2. Здѣсь авторъ обращается не къ Юрію, но къ Ярославу Всеволодовичу Переяслав-скому.

224. См. нашей исторіи т. II, стр. 407 и слѣд. Прибавимъ отзывъ лѣтописца о Всеволодѣ Святославичѣ, братѣ Игоревѣ: «Того же лѣта (1196) во Ольговичѣхъ преставися князь Всеволодъ Святославичъ, братъ Игоревъ, и тако спрятаваше тѣло его вся братья съ великою честью и съ плачемъ великимъ и рыданіемъ: понеже бѣ во Ольго-вичѣхъ всѣхъ удалѣе рожаемъ и воспитаніемъ, и возрастомъ и всею добротою и мужественною доблестью, и любовь имѣяше ко всимъ.»

225. См. статью кн. Вяземскаго во Временникѣ Моск. Истор. Общ.

226. Что и здѣсь и прежде подъ именемъ стараго Владиміра разу-мѣется Мономахъ, доказательствомъ служить связь выражений: «Того стараго Владиміра нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы.» Здѣсь разумѣют-ся Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи, представители Мономахова пле-мени въ югозападной Руси.—Укажемъ здѣсь также кстати нѣкоторые мѣста Слова, которыя по нашему мнѣнію, неправильно переводятся: въ началѣ. «Не лѣпо ли ны башеть, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ.» Начати старыми словесы— нельзя переводить: «Начать прежнимъ складомъ важныхъ повѣстей,» ибо ясно изъ послѣдующаго, что сочинитель хотѣлъ начать свое слово старыми словами, сказаніями о старыхъ событіяхъ — отъ ста-раго Владиміра. — «Спала князю умъ похоти» — нельзя переводить чрезъ: «залегла въ душѣ князя дума,» но чрезъ «затмило князю умъ сильное желаніе» уже по самому соотвѣтствію слѣдующаго предло-женія: «и жалость ему знаменіе заступи;» здѣсь не нужно предпола-

гать описки и читать *спяла*; стоитъ только сравнить это выраженіе съ послѣдующимъ: «заря свѣтъ запала.» «Хочу копіе приломити конецъ поля Половецкаго» — должно переводить: хочу копье переломить *на конуъ поля*, а не объ *поле*. — Прекрасное выраженіе: «уже бѣда его пасеть птицъ» совершенно терается въ отдаленномъ переводѣ: «уже птицы алчуть его погибели.» — «Ту кроваваго вина не доста: ту пиръ докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую;» здѣсь *сваты* нужно оставить безъ измѣненія, а не переводить чрезъ: «гостей.» Въ выраженіи: «пустыни силу прикрыла» *пустыни* есть именительный падежъ, а не мѣстный. — «А мы дружина жадни веселїа» должно переводить: «мы лишены, чужды веселїа,» а не: «жаждемъ уже повеселиться на пиру свадебномъ.» — Въ выраженіи «сильнаго, и богатаго и *многовои* брата моего Ярослава» слово *многовои* не есть описка, но прекрасный эпитетъ Ярославу — *многовои*, князь, у котораго много воевъ. — «Нѣ се зло княже ми непособїе» должно переводить: «зло мнѣ княжеское неспособїе,» а не: «теперь же гибель князей мнѣ не помощь.»

227. Никон. II, 125: подъ 1171 г. Преставися въ Новгородѣ посадникъ Васка Буславичъ.

228. Древнїя Росс. стихотвор., стр. 72.

229. Тамъ же стр. 166.

230. Г. Погодинъ (Изслѣдов. т. IV, стр. 6 и слѣд.) говорить: «Есть ли въ лѣтописяхъ промежутки между годами, т. е. есть ли годы неописанные? Нѣтъ. Изъ этого явленїя мы должны заключить, что лѣтописное дѣло не подвергалось случайностямъ: слѣд. было возлагаемо всегда на извѣстное лицо, и по смерти его передавалось другому. Возлагать и передавать было не кому, кромѣ князя. Въ монастыряхъ не могли дѣлаться извѣстными происшествїя такъ скоро. Слѣд. лѣтописи наши имѣли характеръ оффиціальны. Вотъ заключенїе, выводимое нами изъ разсматриванїя лѣтописей. Нѣтъ ли ему подтвержденїй положительныхъ? Есть, хотя нѣкоторыя изъ нихъ принадлежать позднѣйшему времени но, безъ сомнѣнїя, могутъ быть отнесены и къ древности. Важнѣйшимъ, драгоцѣннѣйшимъ считаю я слѣдующее: лѣтописецъ, описавъ подъ 1409 годомъ нашествїе Едигеево на Москву, прибавляетъ: «И сія вся написанная аще и не лѣпо кому видится иже толико отъ случившихъ въ нашей земли не сладостная неуласканная намъ изглаголавшимъ, но възустительная и къ пользѣ сбрѣтающаяся, и возставающая на благая и не забытая; мы бо не досажюще, ни поношающе, ни завидяще чти честныхъ, таковая вчинихомъ; якоже бо обрѣтаемъ начальнаго лѣтословца киевскаго, иже вся временна бытства земская необвинуяся показуеть, но и пер-

ни наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочія по нихъ образы явлени будутъ, аже при Володимерѣ Мономаѣ онаго великаго Селиверста Выдобытскаго не украшая пишущаго, да аще хоцеша прочти тамо прилежно.... мы же симъ учащеса таковая вся прилучившаяся во дни наша не примѣнухомъ властодержецъ нашихъ дозрящихъ сихъ и прилежно внимающихъ, да таковымъ вещемъ разсужденіе разсудно да разсуждаютъ.» Итакъ, продолжаетъ г. Погодинъ, лѣтописи ведены были по повелѣнію князей. Г. Погодинъ приводитъ также свидѣтельство изъ XIII вѣка о князѣ Мстиславѣ Васильковичѣ, который въ грамотѣ своей 1289 г. говоритъ «А вопсалъ есмь въ лѣтописецъ коромолу ихъ (жителей Берестя).»

На это замѣтимъ въ 1) что изъ отсутствія промежутковъ между годами никакъ не слѣдуетъ непременно, что лѣтописное дѣло возлагаемо было всегда на извѣстное лицо, и по смерти его передавалось другому: списки лѣтописей, дошедшихъ до насъ, являются въ видѣ сборниковъ изъ разныхъ лѣтописей, писанныхъ разными лицами въ одно время въ разныхъ мѣстахъ; одинъ лѣтописецъ кончилъ прежде, другой послѣ; понятно, почему въ сборникахъ, до насъ дошедшихъ, нѣтъ годовъ неописанныхъ, а напротивъ, есть года, дважды описанные по неловкости (впрочемъ драгоцѣнной для насъ) позднѣйшихъ составителей лѣтописныхъ сборниковъ. 2) Мнѣніе, что въ монастыряхъ не могли дѣлаться извѣстными происшествія такъ скоро, достаточно опровергается сказаннымъ нами въ текстѣ; прибавимъ слѣдующее: если первоначальная лѣтопись составлялась при дворѣ княжескомъ, то спрашивается, въ какомъ отношеніи находилась она къ лѣтописи монастырской, до насъ дошедшей? если существованіе первоначальной лѣтописи г. Погодинъ предполагаетъ на томъ основаніи, что въ монастырѣ не могли знать подробности событій, то эту первоначальную лѣтопись необходимо предположить подробно: но въ такомъ случаѣ что же оставалось писать монаху? Если же первоначальная лѣтопись была краткая, и въ монастырѣ распространяли ее подробностями, то значить въ монастырѣ подробности были извѣстны, и лѣтописцу-монаху не нужно было пользоваться краткимъ указаніемъ событій, когда онъ имѣлъ средство описать эти событія подробно; слѣд. предположеніе о существованіи какой-то первоначальной оффиціальной лѣтописи, кромѣ монастырской, до насъ дошедшей, вовсе не нужно. 3) Важнѣйшее, драгоцѣннѣйшее и положительное подтвержденіе, какое находитъ г. Погодинъ своему мнѣнію въ свидѣтельствѣ лѣтописца XV вѣка, служитъ не подтвержденіемъ, но полнымъ опроверженіемъ этому мнѣнію: лѣтописецъ XV вѣка говоритъ,

что онъ хочетъ писать такъ, какъ писалъ начальный лѣтописецъ кievскій, которому первые властодержцы повелѣвали писать все доброе и недоброе: но какая же это начальная лѣтопись? Та самая, которая дошла до насъ подъ именемъ Несторовой, и которую дописывалъ или переписывалъ Сильвестръ Выдубицкій, слѣд. официальность, участие князей, которыхъ г. Погодинъ хочетъ отнести къ первоначальной лѣтописи, относятся прямо къ монастырской до насъ дошедшей; что дворцовыхъ лѣтописей не было не только въ XII, но даже и въ первой половинѣ XV вѣка, ясно доказываютъ приведенныя слова лѣтописца этого времени, который говоритъ, что пишетъ и хочетъ писать лѣтопись, какъ писали ее въ старину, писать всѣ событія безъ украшенія, чего не могъ бы сказать дьякъ, обязанный писать то, что ему велятъ. Лѣтопись монастырская, съ прежнимъ характеромъ, который хочетъ поддержать лѣтописецъ XV вѣка, очевидно исчезаетъ и замѣняется лѣтописью дворцовой со второй половины XV вѣка, что всякій можетъ легко усмотрѣть изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей того времени; слова лѣтописца первой половины XV вѣка указываютъ на приближеніе этого перехода и его необходимость вслѣдствіе измѣненія историческихъ обстоятельствъ. — Нужно ли прибавлять, что лѣтопись, въ которую князь Мстиславъ Волинскій велѣлъ внести грамоту Берестыанъ, есть не первоначальная дворцовая, но та же самая Волинская лѣтопись, которая дошла до насъ, и въ которой именно находится грамота Мстиславова.

231. Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 97. — Любопытны лишнія подробности въ разсказѣ о мести Ольгиной, находящіяся въ лѣтописи Переславлѣ Суздальскаго, наприм.: «Князю же веселіе творашу къ браку и сонъ часто зряше Магъ князь: се бо пришедеъ Ольга дающе ему прѣты многоцѣнны червены вси жемчюгомъ иссажены и одѣяла чръны съ зелеными узору и лодіи, въ нихъ же несенымъ быти, смольны... И посла къ Деревлянномъ (Ольга) *написавъ*... Она же (Ольга) рече (Деревлянамъ): мало у васъ прошю дати богомъ жрътву отъ васъ и ослабу вамъ подавать себе на лекарство главныя болѣзни.» — Составъ очевидно позднѣйшій, но объ источникахъ нельзя сказать этого утвердительно, и во всякомъ случаѣ они любопытны.

232. Никон. I, 92, 95, 103.

233. Полянномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ. — Надобно замѣтить, что съ Киевомъ въ древности неразрывно было представленіе о горахъ, и въ языкѣ къ имени Кіева присоединялось еще *на горахъ*; такъ читаемъ подъ 1198 годомъ: «Тако воспитана бысть въ Кіевѣ на Горахъ;» — въ словѣ о Полку Иг.: «Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ.»

234. Подъ 983 годомъ читаемъ: «Сдѣже мняшеся оканьный: яко сдѣ ми суть жилище, сдѣ бо не суть апостоли учили, ни пророци проrekli. Не вѣдый пророка глаголюща: и нареку не люди моя люди моя... Аще и тѣломъ апостоли не суть здѣ были, но ученья ихъ аки грубы гласятъ по вселеннѣй въ церквахъ.»

235. Krug—Kritischer Versuch zur Ausklärung der Byzant. Chronolog s. 108; Ewers—das älteste Recht der Russen s. 118; Погодиша—Несторъ, с. 113.

236. Разборъ трехъ древнихъ памятниковъ русской духовной литературы; соч. П. Б.—Житіе вставленное въ лѣтопись, кѣмъ бы ни было написано, заслуживаетъ предпочтеніе по самой краткости своей, по отсутствію противорѣчій, даже по отсутствію числовыхъ показаній, все обличаетъ въ немъ первоначальное составленіе. Противорѣчіе—признакъ позднѣйшаго составленія изъ разныхъ сказаній. Чѣмъ украшеннѣе, многоглаголивѣе сказаніе, тѣмъ подозрительнѣе относительно своей древности. Авторъ житія св. Владиміра, помѣщенного въ Степенной книгѣ, говоритъ: «О немъ же (Владимірѣ) и прежде сего обрѣтаеми суть многія повѣсти, глаголемыя и пишемыя, и похвалами достойно украшены, но обаче не во единомъ мѣстѣ, но на многи части особѣ кажда: ова въ лѣтописаніихъ, иная же видѣ, и прочая же вкратцѣ писана въ житіи его, многая же въ похвалѣ его. И отъ всѣхъ сихъ, яко отъ многоразличныхъ цвѣтцѣ хотящу собратися во едину словесную пленицу.»—Но такъ поступалъ не одинъ авторъ житія Степенной книги. Отсюда и противорѣчія.

237. Нѣкоторые разсуждаютъ такъ: Лѣтописецъ говоритъ: «воевода бѣ Свѣнелдъ, *тоже отецъ Мистишинъ.*» Вѣрно, это писано тогда, когда жилъ сей не извѣстный Мистиша, слѣд. не позднѣе начала XI вѣка: сынъ современника Свѣнелдова (?) не могъ жить долѣе. Не можетъ быть, чтобъ эти слова принадлежали Нестору: къ чему бы ему означать неизвѣстнаго. Боярина родствомъ съ Мистишею, о которомъ почти онъ не говоритъ ни слова.—Но если самъ Мистиша не могъ жить позднѣе начала XI вѣка, то пѣсня, преданіе о немъ, его домъ, его улица могли существовать гораздо позднѣе: естественно предположить, что лѣтописецъ позднѣйшій приводитъ въ родственную связь два лица, воспоминаніе о которыхъ начинаетъ слабѣть; неестественно предположить, чтобъ современникъ Мистиши почелъ нужнымъ напомнить, что этотъ Мистиша-Свѣнелдичъ.

238. II, прим. 1, 78.

239. Статья Бѣляева о Несторѣ въ Чтеніяхъ Моск. Истор. Общ.

240. *Написалъ* можетъ значить передисалъ, но не должно означать этого непременно; въ противномъ случаѣ и Несторъ будетъ

только переписчикомъ, ибо и о немъ сказано: «Несторъ иже написа лѣтописецъ.»

241. См. о противорѣчіяхъ между Несторовыми сочиненіями и лѣтописью въ статьѣ г. Казанскаго: «Еще вопросъ о Несторѣ» (Временникъ Московск. Истор. Общ. № 1); отвѣтъ его на возраж. П. Б. (Отеч. Зап. т. LXXIV, отд. VIII); отвѣтъ П. Б. въ разборѣ трехъ древнихъ памятниковъ.

242. Вотъ почему мы не можемъ принять выражений о лѣтописяхъ XII вѣка: «Кіевская лѣтопись, Суздальская лѣтопись; Кіевская, дошедшая до насъ въ Ипатьевскомъ спискѣ, Суздальская въ Лаврентьевскомъ;» и т. д. Во всѣхъ спискахъ мы встрѣчаемъ одно и то же содержаніе: въ Лаврентьевскомъ спискѣ мы находимъ собственно Кіевскія событія, рассказанныя такъ же подробно или еще подробнѣе, чѣмъ въ Ипатьевскомъ, и наоборотъ, въ Ипатьевскомъ Суздальскія происшествія рассказаны гораздо подробнѣе, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ; неправильность этихъ названій для общей лѣтописи XII вѣка тѣмъ очевиднѣе, что у насъ есть дѣйствительно лѣтописи, принадлежащія по содержанию одному городу или одной волости, таковы лѣтописи Новгородскія, Псковскія; но въ нихъ съ первой страницы всякій читатель увидитъ, что содержаніемъ однихъ служатъ событія Новгородскія, другихъ Псковскія, тогда какъ этого вовсе не замѣтитъ онъ въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ, содержащихъ въ себѣ общую или княжескую лѣтопись.— Вотъ почему странно встрѣчать слѣдующіе выводы или выраженія: «Какъ лѣтописатели Кіевскіе для Суздальскихъ происшествій сокращали лѣтопись Суздальскую, такъ точно лѣтописатели Суздальскіе сокращали обыкновенно Кіевскую лѣтопись; между тѣмъ сохранили извѣстія о Кіевѣ такія, какихъ нѣтъ въ Кіевской лѣтописи.» (Погодина—И. З. Л. IV, стр. 67).—Лѣтописатели Кіевскіе и Суздальскіе записывали одно и то же или разныя событія независимо, не переписывая ихъ другъ у друга и не сокращая, брали же у тѣхъ и другихъ эти событія и сшивали позднѣйшіе составители списковъ, до насъ дошедшихъ, отъ чего и вышло, что мы для XII вѣка не имѣемъ ни Кіевской, ни Суздальской лѣтописи.

243. П. С. Р. Л. II, стр. 22 и слѣд.

244. Объ этомъ подробнѣе ниже, при оцѣнкѣ трудовъ Татищева.

245. Это слово *раздающимъ* также свидѣтельствуетъ о *раздачѣ* дѣтей по церквамъ, а не о соединеніи ихъ въ одну школу.

246. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 72. См. выше о соч. св. Феодос.

247. Тамъ же, стр. 166, 168.

248. Тамъ же, стр. 139.

249. Исторія Россіи, т. II, стр. 367.

250. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 192; Татищ. III, 453.

251. У Карамзина читаемъ: «Ярославъ упрекалъ Черниговскаго князя вѣроломствомъ». «Коварныя его внушенія» — говорилъ онъ — «возбудили противъ меня Новгородцевъ.» Но въ текстѣ Пушкинскаго списка, приведенномъ въ примѣч. 333, этихъ словъ нѣтъ; въ лѣтописи сказано только: «бѣ бо Михаилъ неправъ въ крестномъ цѣлованьи при Ярославѣ». Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 194.

252. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 336.

253. Теперь село на рѣкѣ Серенѣ въ Калужской губерніи.

254. Если Ярославъ не женился въ третій разъ, то Юрій долженъ быть сынъ Мстислава Торопецкаго.

255. Вѣроятно измѣненное *Ерза*, одно изъ названій Мордвы.

256. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 49.

257. Что донесенія нѣмецкихъ рыцарей относительно поведенія Меченосцевъ были справедливы, доказываютъ посланія папъ: въ 1238 году папа Григорій IX писалъ епископу Моденскому, своему легату въ Ливоніи, чтобъ обращенные въ христіанство ямчники не подвергались рабству (Histor. Russ. Munum I, XLVIII); въ томъ же году онъ писалъ, чтобъ рабамъ дали облегченіе и позволили ходить въ церковь. (Тамъ же, № XLIX.) Въ 1245 г. Иннокентій IX писалъ къ рыцарямъ: «Ne igitur in rapina cedant qui custodiri a potentioribus debuerant, vestris contenti stipendiis ab exactionibus in debitis manus vestros innoxias conservate, conteratis capita humilium populi Domini super terram.» (Тамъ же, № LX). Въ 1318 г. папа Іоаннъ XXII писалъ къ нимъ же: «Quia posteriora non fuerunt confirmata prioribus, sed priora potius posterioribus deformata, dum in primas ecclesias, et alias de novo ad fidem conversas, qui praecipuis fuerant prosequendi favoribus, ut ad susceptionem fidei mentes allicerentur aliorum, sic fuisse crudeliter inhumaniter desevitum, quod plerique, volentes ad fidem converti, se a conversione hujus modi retraxerunt.» (Тамъ же, № XCIX). О поведеніи завоевателей свидѣтельствуеетъ также слѣдующая пѣсня:

Diss Land den Teutschen gegeben ist,
Schier für Vierhundert Jahren
Dass sie dein Nahmen Herr Jesu Christ
Die Heiden solten lehren: .
Sie aber gesucht vielmehr,
Ihr eigen — Nutz, Lust und Ehr,
Deiner wenig geachtet etc.

258. По Новгор. лѣт. въ 1237.

259. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 45: Придоша Литва и воеваша Любнѣ и Мореву и Серегерѣ.

260. Муравейка на Ловоти. въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи.

261. Карамзинъ и Арцыбашевъ считаютъ этихъ князей Ольговичами, владѣнія ихъ по Ходаковскому, были въ нынѣшней Подольской губерніи, на дорогѣ изъ Галича въ Кіевъ. Если это были дѣйствительно Ольговичи, то ихъ должно считать внуками Игоревыми, братьями родными или двоюродными Изяслава Владиміровича (см. ниже), которымъ удалось удержаться въ части Галицкихъ волостей послѣ несчастнаго 1208 года.

262. Впадаетъ въ Горынь близъ Острога.

263. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 172: Видѣвшу же ся Данилу о рѣку съ королевичемъ, и нѣкое слово похвально рекшу, его же Богъ не любить.

264. Такъ думаютъ Карамзинъ и Арцыбашевъ: Густинская лѣтопись (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 337) называетъ его Мстиславичемъ (храбрымъ); Татищевъ сыномъ Мстислава Ростиславича Смоленскаго; Троицкая называетъ также Мстиславичемъ; Ростовская, Воскресен. и Никон. лѣтописи подтверждаютъ показаніе Татищева.

265. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 337: Князь же Михаилъ сотвори нѣкую прелесть: изыде изъ града и поби многое множество Галичанъ. Володимерь же видя сію побѣду и поразумѣ, яко уже не одолѣти ему Михаилу, поиде со Даниломъ Ромѣновичемъ и сядѣ въ Кіевѣ. — По Татищеву (III, 464) Михаилъ подкупилъ совѣтниковъ Даниловыхъ уговаривать своего князя къ миру; Данилъ сталъ уговаривать къ миру Владиміра, и видя, что тотъ не соглашается, отступилъ отъ него по совѣту подкупленныхъ бояръ своихъ; тогда Михаилъ, воспользовавшись разъединеніемъ союзниковъ, ночью напалъ на Даниловы полки и разбилъ ихъ.

266. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 174.

267. По словамъ Волинской лѣтописи можно думать, что Владиміръ, освободившись изъ плѣна, оставался у Торковъ, ибо сказано подъ 1235 годомъ: «Въ то же время послалъ бѣше Володимерь Данилови помощь Торки и Данила Нажировича». Но та же лѣтопись, подъ 1229 годомъ упоминаетъ еще о какомъ-то Владимірѣ Ингваровичѣ, союзникѣ Данила; этотъ долженъ быть внукъ Ярослава Изяславича Луцкаго.

268. Вотъ единственное основаніе считать Изяслава Ольговичемъ.

269. Густинская лѣтопись говоритъ, что Ярославъ выгналъ изъ Кіева Изяслава, но самъ былъ изгнанъ Владиміромъ Рюриквичемъ,

возвратившимся изъ плѣна Половецкаго, а Владиміра Рюриковича выгнавъ Михаилъ. По Татищеву же (III, 464) Ярославъ, отправляясь на Сѣверъ, заключилъ договоръ съ Изяславомъ, чтобъ тотъ остался въ Кіевѣ, заплатилъ окупъ за Владиміра, который отправился въ Смоленскъ. Въ Волин. лѣтописи: Приде Ярославъ Суждальскій и взя Кіевъ подъ Владимиромъ, не мога его держати иде паки Суждаю. и взя подъ нимъ Михаилъ.—Трудно согласить удовлетворительно всѣ эти извѣстія.—Неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ Карамзинъ говорить, что Ярославъ занялъ Кіевъ вслѣдствіе переговоровъ Даниила съ В. княземъ Георгіемъ.

270. См. нашей Исторіи т. II, стр. 344.

271. Потомокъ Владислава II; см. нашей Исторіи т. II, стр. 426.

272. См. Rogalskiego-Dziéje Krzyzaków, 1847.

273. Татищ. III, 465.

274. Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 924: Сташа первое станомъ на Онузѣ; въ др. спискахъ: Нузлѣ, Онозѣ, Унузѣ, Тунузѣ. Думаютъ слышать подобные звуки въ Сурскихъ притокахъ: Узѣ, Инзѣ, Инсарѣ, Пензѣ. — См. о томъ же Русскій Временикъ, I, стр. 410 и слѣд.: здѣсь разсказывается, что Рязанскій князь послалъ сначала къ Батыю сына своего Фодора, у котораго ханъ сталъ просить жены красавицы; Фодоръ отказалъ и былъ убитъ; жена его, услышавши объ этомъ, ринулась вмѣстѣ съ малюткою-сыномъ съ высокихъ хоромъ и убила до смерти и проч.

275. Василько былъ убитъ въ Ширинскомъ лѣсу. Село Ширинское, прежде бывшій монастырь, отъ Кашина въ 23 верстахъ, отъ Калаяина въ 38—40, при рѣкѣ Ширинкѣ, впадающей въ Медвѣдицу, и теперь въ лѣсной сторонѣ.

276. Татищ. III, 416. — Татары дошли до Игнача Креста: быть можетъ это нынѣшнее Крестцы.

277. Какимъ Ярославомъ? по всѣмъ вѣроятностямъ Ингваревичемъ Волинскимъ; въ Волин. лѣтоп. и въ Пушкин. сп. у Карамзина сказано просто Ярославъ; въ позднѣйшемъ Никоновскомъ сборникѣ прибавлено Всеволодовичъ, но эта прибавка позднѣйшаго составителя объясняется естественно; въ разсказѣ Волинскаго лѣтописца ясно видно, что Ярославъ былъ ближайшій мѣстный князь, который перехватилъ на дорогѣ жену и бояръ Михайловыхъ: «Яко бѣжалъ есть Михаилъ изъ Кыева въ Угры, Ярославъ ѣхавъ я княгиню его и бояръ его пойма.»

278. Теперь мѣстѣчко Подольской губерніи Гайсинскаго уѣзда.

279. Roepell's — Geschichte Polens, II, 466.

280. Iohannis de Plano-Carpini, Antivariensis Archiepiscopi historia

Mongalorum. — Въ Recueil de voyages et de mémoires, publié par la société de Géographie, t. IV. In appendice: De itinere fratrum minorum ad Tartaros quae frater Benedictus Polonus viva voce retulit. О восточныхъ извѣстіяхъ см. Geschichte der golden. Horde, von Hammer-Purgstall, 2 und 3 Buch.

281. Et ille numerus vocatur *tenebrae* apud eos. Издатели замѣчаютъ: «Le mot tartare auquel il est ici fait allusion est celui de *tom-tân* signifiant dix mille, facile à confondre, par un étranger, avec celui de *thoumên*, signifiant nuages, fumée, obscurité.—Но любопытно, что у насъ 10.000 также называется тьмою, и татарскій начальникъ этого числа воиновъ—Темникомъ, точно также какъ у Татаръ: Dehe, Sade, Hesare, Temnik.

282. Сравни это извѣстіе съ извѣстіемъ о Половчинѣ, который стрѣлялъ живымъ огнемъ, т. II, стр. 406.

283. До сихъ поръ у насъ народъ называетъ Татаръ князьями, но теперь уже больше дразнятъ ихъ этимъ именемъ; мальчишки, сдѣлавши изъ помы свиное ухо, бѣгутъ за Татариномъ и кричатъ: «князь! князь!»

284. Объ ордынскомъ устройствѣ относительно Россіи см. ниже, въ IV томѣ.

285. По книгѣ Большой Чертежъ, Стародубъ на Клязьмѣ, ниже Владимира въ 60, выше устья Тезы въ 30 верстахъ; это соотвѣтствуетъ селенію: Клязменскій городокъ въ 14 верстахъ отъ узднаго города Коврова.—Отъ Ивана Стародубскаго происходятъ князья Пожарскіе. Напрасно думаютъ, что мнѣніе о происхожденіи князей Пожарскихъ изъ Малороссіи было утверждено въ нашей историч. литературѣ. См. противное у Татищева кн. III, примѣч. 599 и въ моей Истор. отнош. между Русск. князьями Рюр. дома, стр. 661.

286. Быть можетъ нѣкоторые упрекнуть меня за это названіе, которое ведетъ къ смѣшенію разноплеменныхъ народовъ, ибо народъ извѣстный теперь у насъ подъ именемъ Татаръ, принадлежитъ къ турецкому племени: но во 1-хъ смѣшеніе безвредно, потому что различіе всѣмъ извѣстно; во 2) нельзя выкинуть изъ Русской Исторіи слова, которымъ предки наши исключительно называли своихъ работниковъ; и древніе и настоящіе Русскіе люди не знаютъ Монголовъ, а знаютъ только Татаръ. Точно также странно, по моему мнѣнію, писать *Бату* вмѣсто *Батый*, ибо это слово уже Русское. Никто не требуетъ, чтобы писали *Пари* вмѣсто *Парижъ*, *Рома* вмѣсто *Римъ*; почему же только въ Монгольскихъ именахъ мы должны покинуть древнія русскія формы?

287. Плато-Карпини, стр. 757: Nobis autem et duçi Ieroslao semper dabant locum superiorem.

288. Старшій братъ Александра, Ѳеодоръ умеръ въ 1233 году.

289. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 53; V, 178.

290. Нѣмецкіе анналисты сдѣлали изъ этого Гаврилы Гориславича Герпольшта, потомъ князя Ярополка, заставили его жить послѣ битвы и сдавать имъ Псковъ.

291. Russow's livl Chron. p. 17.

292. Озеро Жизцо Псков. губ. Торопец. уѣзда.

293. Здѣсь впервые считаемъ себя въ правѣ употребить это слово, означающее отдѣльное, выдѣленное владѣніе, остающееся постоянно при одной княжеской линіи, ибо прежнія волости княжескія не были удѣлами, и древній лѣтописецъ не знаетъ этого слова.

294. По свидѣтельству лѣтописей Александръ былъ самый старшій, Андрей слѣдовалъ за нимъ.

295. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 38. Рукоп. Моск. Ист. Общ. № 128.

296. Татищ. III, 22. Это мѣсто испорчено: вмѣсто Михаила должно читать Андрей, ибо говорится уже послѣ смерти Михайловой.

297. Татищ. IV, 22.

298. Быть можетъ, есть связь между этими двумя событіями.

299. Татищ. IV, 24. Справедливость этого извѣстія подтверждается во 1) словами Андрея: «Господи! что се есть, доколѣ намъ межъ собою браниться и наводити другъ на друга Татарь.» 2) Александръ былъ въ это время въ Ордѣ и взялъ старшинство отъ хана: еслибы онъ не былъ противъ брата, то почему не умилостивилъ Сартака, какъ умилостивлялъ его послѣ, по случаю возстаній народныхъ? 3) Бѣгство Андрея въ Швецію и радушный приемъ со стороны Шведовъ также можетъ показывать, что они видѣли въ Андрѣ врага Александра. — Предположеніе кн. Щербат., что всему виною былъ дядя Святославъ, не имѣетъ основанія, ибо Святославъ не получилъ отъ перемѣны никакой пользы; связь между событіями, какую выставляетъ Степенная книга (I, 367), не держится: «в. князь Александръ паки прииде въ орду къ новому царю Сартаку. Славный же градъ Владимиръ и всю Суздальскую землю поручи брату своему князю Андрею. Онъ же аще и преудобренъ бѣ благородіемъ и храбростію, но обаче правленіе державы яко подѣліе вмѣняя, и на ловитвы животныхъ упражняяся, и совѣтникомъ младоумнымъ внимая; отъ нихъ же бысть зѣло многое нестроеніе, и оскуденіе въ людехъ, и тщета имѣнію. Его же ради царь Сартакъ посла воеводу своего» и проч.

300. Это очень замѣчательно: по извѣстію Татищева, Переяславъ оставался за Александромъ (IV, 22): какимъ образомъ очутилось здѣсь семейство Ярослава Ярославича? Очень вѣроятно, что онъ былъ за-

одно съ Андреемъ противъ Александра, и овладѣлъ удѣломъ послѣдняго; мы и послѣ увидимъ его непріязненныя отношенія къ старшему брату.

301. Татищ. IV, 27.

302. Ему приписывается основаніе Сарая, столицы Волжской, Золотой Орды или Джучіева улуса; основаніе города полагается между 1242 и 1254 годомъ; мѣстоположеніе его въ урочищѣ Царевы-Воды, около и на мѣстѣ нынѣшняго города Царева. См. Григорьева: о мѣстоположеніи столицы Золотой Орды.

303. Грамоту Иннокентія IV къ Александру см. въ *Historica Russiae Monum.* I, № LXXVIII; Иннокентій уговариваетъ Александра обратиться къ Римской церкви по примѣру отца Ярослава, который будто бы, по свидѣтельству Плато-Карпини, обратился въ Латинство въ Ордѣ; но у Плато-Карпини нѣтъ ни слова объ этомъ. Еще въ 1207 г. папа Иннокентій III писалъ къ духовенству и мирянамъ въ Россіи о посылкѣ легата—*ut filiam reducat ad matrem et membrum ad carut.* Потомъ Григорій IX писалъ о томъ же къ в. к. Юрію Всеволодовичу. См. тамъ же № III, XXXIII.

304. Карамзинъ (IV, прим. 402): Войщину (нынѣ Боево); Арцыбаш. (II, прим. 208): «мы не знаемъ Войщины, Боево мѣстечко Могилевской губерніи, Оршанскаго повѣта.»

305. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 56: Придоша Свѣи и Емь, и Сумь и Дидманъ. Дидманъ, по вѣроятнѣйшей догадкѣ Арцыбашева (II, прим. 175), былъ извѣстный Датскій вассалъ; сомнительно, были ли здѣсь Свѣи. — О посольствѣ Александра въ Норвегію, см. *Torfæi, Hist. Norveg.* IV, 265.

306. *Russos.* p. 20.

307. Татищ. IV, 32.

308. Переяславъ Залѣсскій былъ удѣломъ отца его Ярослава, и потому, по новому порядку вещей, переходитъ постоянно къ старшему по нисходящей линіи; вотъ почему онъ достался старшему сыну Ярослава — Александру, потомъ старшему сыну послѣдняго Дмитрію, наконецъ сыну Дмитрія—Ивану, съ которымъ пресѣклась старшая линія Ярославова рода. Что Невскій былъ княземъ Переяславля Залѣскаго, см. Никон. III, 13: размолиши Новгородцы съ Александромъ Ярославичемъ, и отыде Александръ скоро къ отцу своему и мало пребывъ у отца и иде въ Переяславъ на княженіе, иже на Клещинѣ озерѣ; стр. 14: Новгородцы послаша съ челобитьемъ къ в. князю просяще у него сына его князя Александра, иже въ Переяславлѣ на Клещинѣ озерѣ. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 53: Выиде князь Олександръ изъ Новгорода къ отцу въ Переяславъ.

309. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 58.

310. Тамъ же, стр. 62.
311. Собр. Гос. грам. и дог. т. I, № 1. На семь, княже, цѣлуй крестъ къ всему Новгороду, на цѣмъ то цѣловали дѣды и отци.
312. Тамъ же. А что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насиліе въ Новгородѣ, а того ся, княже, отступи.
313. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 58. Тогда вѣбогоша въ Пльсковъ 300 Литвы, съ женами и дѣтми, и крести я князь Святославъ.
314. Воскрес. II, 243.
315. И идоша въ Голино. Село Новгородскаго уѣзда на лѣвомъ берегу у устья Шелони. Арцыб.
316. По Никои. (III, 53) митрополитъ грозился въ случаѣ непо- слушанія наложить на Новгородъ запрещеніе.
317. Татищ. IV, 45.
318. Тамъ же, стр. 46.
319. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 179. Доброславъ же вокняжилъ ся бѣ и Судычъ, поповъ внукъ, и грабаше всю землю, и въшедъ во Бакоту все понизье прія.—Я считаю здѣсь и вставленнымъ ошибкою: Доброславъ Судычъ былъ одно лице, ибо во всей послѣдующей рѣчи говорится только объ немъ да Григорѣ Васильевичѣ.
320. Бакота находилась на лѣвомъ берегу Днѣстра, ниже Хотина, Арцыб. II, прим. 15.
321. Городъ Коломыя находился близъ сѣвернаго берега рѣки Прута.
322. Въ Ипатьев. спискѣ назначенъ 1249 годъ для этого событія; въ другихъ спискахъ неопредѣленно сказано: «*тогда же*»; что 1249 годъ означенъ неправильно, видно изъ извѣстію о помощи Конра- да Мазовецкаго Даниилу, а Конрадъ умеръ въ 1247 году.—О дальнѣй- шей судьбѣ Ростислава Михайловича на чужбинѣ см. статью Палац- каго: о Русскомъ князѣ Ростиславѣ (Чтенія Москов. Истор. Общ. № 3, годъ 1846) и Палаузова: Ростиславъ Михайловичъ, князь мачвы (Журн. Мин. Нар. Прос. 1851 г. Августъ).
323. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 184: «Не дамъ полуотчины своѣй, но ѣду къ Батыеву самъ.»—Что за смыслъ этихъ словъ? онъ можетъ объясниться только изъ смысла требованія Татарскаго: «дай Галичъ.» Хотѣли ли Татары только дани съ Галича, или требовали себѣ всей земли въ полное, непосредственное владѣніе? Въ послѣднемъ случаѣ Даниилъ могъ сказать: «Не уступаю полъ отчины моеѣ, не уступаю Галича, не ограничусь одною Волянью, лучше поѣду къ Батыю, умолю его оставить за мною всѣ мои волости.»
324. Папскія посланія см. въ *Historica Russiae Monumenta*, t. I, LXII—XCV. Пано-Карпини рассказываетъ, что на Воляни у князя Василька онъ читалъ русскимъ епископамъ папскія грамоты, и увиѣче-

валъ обратиться къ Римской церкви, но что они не могли дать рѣшительнаго отвѣта, ибо князя Данила не было тогда въ Руси.

325. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 194, 195.

326. Пано-Карпини, стр. 737: *Antequam in Kioviam veniremus, in Danilove usque ad mortem fuimus infirmati.*

327. Не тутъ ли, гдѣ Стожитскій монастырь, Дубненскаго повѣта спрашиваетъ Арцыбаш. II, примѣч. 232.

328. Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 188.

329. Впрочемъ есть извѣстіе, что Миндовгъ еще прежде принялъ православіе, Густин. лѣтоп., стр. 341. Подъ годомъ 1246: Въ сіе лѣто в. князь литовскій Миндовгъ пріялъ вѣру христіанскую отъ востока, со многими своими бояры.

330. *Historica Russiae Monumenta*, I, N LXXXII.

331. Тамъ же, N LXXXIII.

332. Тамъ же, № LXXXIV.

333. Тамъ же, N LXXXV.

334. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 201: Тевтивиль полоцкій братъ Тренаты, а послѣдній называется сестричичемъ Миндовговымъ; тогда какъ прежній Тевтивиль называется сыновцемъ его. Тамъ же, стр. 187. О литовскихъ полоцкихъ князьяхъ см. грамоты, касающ. до сношеній сѣверозападн. Россіи съ Ригою, № 11.

335. Мѣстечко Нобель Пинскаго уѣзда Минской губерніи.

336. Арцыбашевъ (II, прим. 101) думаетъ, что это жители Растенбургскаго округа въ старой Пруссіи, гдѣ городъ Бартенштейнъ.

337. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 192: И приде къ нему Романъ, со всѣми Новгородци и со тцемъ своимъ Глѣбомъ, и со Изяславомъ со Вислочьскимъ. Свислочь—Минской губерніи Игуменскаго уѣзда.

338. *Roerpell's Geschichte Polens*, t. I; zweites Buch, V стр.

339. Подъ 1251 годомъ читаемъ: И посемъ поиде Буранда вборзѣ къ Люблину, отъ Люблина же поиде къ Завихвосту. И придоша къ рѣцѣ къ Вислѣ и ту изнайдоша собѣ бродъ у Вислѣ, и поидоша на ону страну рѣкы и начаша воевати землю Лядскую.—Слѣд. Лядская земля начиналась за Вислою.—Подъ 1301 годомъ, въ Волинск. лѣтописи прямо сказано: Люблинъ Ляхи отшукали отъ Руси; былъ Люблинъ подъ Русью 57 лѣтъ. Но съ другой стороны, въ грамотахъ князей краковскихъ и сендомирскихъ встрѣчаемъ извѣстія о люблинскихъ кастелянахъ въ означенные 57 лѣтъ (Воерпел, стр. 524); въ Волинской лѣтописи также есть указанія, что Люблинъ не былъ въ Русскихъ владѣніяхъ, подъ годомъ 1282, 1287.

340. *Histor. Russiae Monum.* II, № V.

341. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 196. — Зубрицкаго.—Исторія Галицкой Руси, въ перев. О. Бодянского, стр. 153 и слѣд.

342. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 204; Narbutt — Dziéje narodu Litewskiego, t. IV, p. 239. По нѣкоторымъ извѣстиямъ Воишелгъ назывался въ иночествѣ Давидомъ; Довмонть псковскій былъ родной ему братъ. См. Сборникъ Синодал. Библиот. № 850.

343. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 181; V, 185.—Plano-Carpini p. 621.

344. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 198. Романъ брянскій считается сыномъ Михайловымъ; другіе сыновья его указываются: Мстиславъ въ Корачевѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Юрій въ Торусѣ.

345. Карамзинъ IV, примѣч. 62.

346. Стр. 623. Andreas dux de Cherneglove quod est in Russia, fuit apud Bati accusatus quod educeret equos Tartarorum de terra et venderet alias: et cum tamen non esset probatum, fuit occisus. Quod audiens junior frater ejus, venit cum uxore occisi ad ducem praedictum Bati, volentes supplicare ne terra tolléretur eisdem: qui dixit puero quod uxorem fratris carnalis praedicti duceret in uxorem, et mulieri praescepit ducere illum in virum secundum consuetudinem Tartarorum; qui respondit dicens quod prius vellet occidi quam facere contra legem; at ille nihilominus tradidit eam illi, quamvis ambo renuerent quantum possent, et duxerunt eos ambos in lecto, et posuerunt puerum super illam clamantem et plorantem, et coegerunt eos pariter commisceri.

347. Догадка Карамзина.

348. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 64. Иначе Никон. III, 73: Того же лѣта иде князь Димитрей Александровичъ иззаморья къ Переяславу; а въ Копорье баша бояре его и слуги и вся казна его и весь бытъ его, и изыде изъ Пскова зять его Дамантъ псковскій и взя изъ Копорья всю казну тестя своего; а бояръ его и слугъ его изведе изъ Копорья, и отосла ихъ ко тестю своему къ В. К. Дмитрею Алекс. И шедъ взя Ладогу, въ ней бѣ многи людѣ В. К. Дм. Ал. Онъ же изведе ихъ такожь отосла ко тестю своему.

349. Татищ. VI, 58.

350. Татищ. VI, 68.

351. Арцыбашевъ (II, прим. 496) упрекаетъ Карамзина въ голослово; но мнѣніе Карамзина имѣеть за себя всѣ вѣроятности, и основывается на мѣстѣ лѣтописи (Никон. III, 92).—Карамзина (IV, прим. 172) соблазняетъ свидѣтельство лѣтописи, что Андрей пошелъ въ Городецъ: но куда же ему было идти, когда онъ жилъ въ Городцѣ, и будучи в. княземъ владимирскимъ, какъ Ярославъ жилъ въ Твери, Василий въ Костромѣ, Димитрій въ Переяславѣ, Михаилъ въ Твери, Каита въ Москвѣ.

352. Странно, впрочемъ, что послѣ Переяславль считался не въ числѣ городовъ московскихъ, но владимирскихъ. См. духовныя кн. московскихъ въ 1-мъ томѣ Собр. Гос. гр. и дог. также Никон. III, 249.

353. Карамз. IV, примѣч. 191.

354. Никон. III, 98: Въ Воскресен. (II, 272) и Лавр. (209) прибавлено, что Юрій при осадѣ Рязани много Татаръ избилъ, почему и полагають здѣсь первую побѣду Русскихъ надъ Татарами; но во 1) избить еще не значитъ побѣдить: Александръ тверской также избилъ дружину Шевкала, однако никто не признаетъ это побѣдою; во 2) мы уже видѣли, что еще Дмитрій Александровичъ заставилъ бѣжать татарскаго царевича, призваннаго Андреемъ.

355. Собр. Гос. грам. и дог. I, № 4 и 5.

356. Съ польскими источниками, приводимыми Рѣппелемъ (стр. 526) согласна и волинская лѣтопись (стр. 208): бояре же Лядсциі избраша собѣ одного отъ нихъ, Лестька, и посадиша и Краковѣ на столѣ Болеслави.

357. Каменецъ—мѣстечко Гродненской губерніи, Брестскаго уѣзда, на рѣкѣ Лъснѣ; какой же Каменецъ упоминается выше, около котораго воевала Литва?

358. Любомль, мѣстечко при западномъ Бугѣ, почти между Хеломъ и Ковлемъ.

359. Недалеко отъ Августова, въ царствѣ Польскомъ.

360. Мѣстечко при Бугѣ повыше Дрогичина.

361. Ср. Томъ II-й нашей Исторіи, стр. 335; значитъ для причинъ была одна общая форма.

362. Есть Бяла недалеко отъ Бреста на западъ; есть Бѣльскъ выше.

363. По Густин. лѣт. Русь воевала подъ начальствомъ Петра Галки, но была разбита подъ Люблиномъ.

364. Въ лѣтописи сохранилось еще слѣдующее извѣстіе объ участіи Русскихъ князей въ польскихъ дѣлахъ—подъ годомъ 1289: пріѣхалъ бѣшетъ Кондрать князь Сомовитовичъ къ Мьстиславу, прося себѣ помочи на Ляхы, пойти хотя на княженіе судимирское; Мьстиславъ же обѣщѣ ему, а Кондрата одари и бояры его вси и отпусти, рекъ ему: ты поѣдь, а я по тоби пошлю рать свою. Кондратови же поѣхавшу, Мьстиславъ же совокупи рать свою, посла ю нарекъ Чудина воеводу; и такожде Кондрать князь въ Судомирѣ княземъ Мьстиславомъ и его помочью.

365. Степань мѣстечко на лѣвомъ берегу Горыни выше Домбровицы

366. Ворголь, рѣка Орловской губерніи, впадающая въ Сосну; Ворголь (по Карамз.) село Орловской губерніи, Блѣцкаго уѣзда.—

Ворголь Елецкій будетъ далеко отъ Рыльска; не Вольговскій ли (Льговъ-Вольговъ—естественно)? — Въсто Липецкій у Татищева поставлено сперва Ливецкій; быть-можетъ и здѣсь надобно разумѣть Ливны Орловскіе въсто Липецка Тамбовскаго.

367. Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 207: Ему же по старѣйшинству дошелъ баше степенъ княженія великаго.

368. Чего всхоцеша изъ отчины вашей, то ти дасть. — По всѣмъ вѣроятностямъ, дѣло шло о Переяславѣ.

369. Акинѣзъ Ботринъ у Татищева (IV, 84).

370. Карамз. IV, примѣч. 325.

371. Татищ. IV, стр. 86.

372. Арцыбашевъ II, 72) говоритъ: «можетъ быть чтобъ перехватить его (Юрія) на дорогѣ въ Орду.»—Но нѣтъ никакого повода думать, чтобъ Юрій ѣздилъ въ это время въ Орду: объ этомъ проишествіи лѣтописецъ, по обычаю, сказалъ бы непременно. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: «И не благослови его митрополитъ столомъ въ Володимери, и стоялъ три недѣли и възвратися въ свояси.»

373. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 6.

374. Эти грамоты напечатаны въ Собр. Гос. гр. и дог. т. I, подъ № 9, 10 и 11-мъ; они относятся ко времени, слѣдующему тотчасъ послѣ перваго вступленія Михаилова на столъ новгородскій, т.-е. къ 1308 году, ибо къ нимъ привѣшаны печати архіепископа Θεоктиста, а Θεоктистъ отказался отъ архіепископства въ 1308 году. (Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 68). Посадникъ въ нихъ означенъ *Гюрги*, вѣроятно старый Юрій Мишиничъ, о новомъ избраніи котораго хотя и нѣтъ извѣстія въ лѣтописи, но на лѣтопись въ этомъ случаѣ положиться нельзя, ибо въ ней нѣтъ о смѣнѣ Юрія Мишинича въ 1293 году, нѣтъ о смѣнѣ послѣдняго Семеномъ, и есть только о смѣнѣ Семена Андреемъ въ 1303 году; въ 1309 году сказано: «Даша посадничество Михаилу Павшиничу,» но не сказано: у кого оно было отнято, слѣд. имѣемъ право между Андреемъ и Михаиломъ, помѣстять снова Юрія Мишинича.

375. Карамз. IV, прим. 219.

376. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 74: пять темъ гривенъ серебр.

377. Никон. III, 110.

378. Этотъ договоръ я читаю въ грамотѣ, напечатанной въ С. Г. Г. и Д. подъ № 12 и утвержденной въ Новгородѣ и Твери.—Карамзинъ (IV, примѣч. 221) думалъ, что эта грамота утверждена въ Торжкѣ, и по ней поправлялъ противорѣчивыя показанія лѣтописей относительно суммы окупа; но онъ не обратилъ вниманія на окончаніе грамоты, имъ самимъ выписанное: здѣсь прямо говорится, что в.

князь долженъ изрѣзать прежнюю грамоту, написанную въ Торжкѣ вмѣстѣ съ тою, которая написана была въ Городцѣ на Волгѣ. — Далѣе Карамзинъ говоритъ: «Грамота же писанная въ Городцѣ на Волгѣ (нынѣ Городна близъ Твери) содержала въ себѣ, чаятельно, договоръ архіепископа Давида, заключенный имъ съ в. княземъ въ 1312.» — Но въ лѣтописи сказано, что владѣка ходилъ для заключенія этого договора въ Тверь. — Мы думаемъ, что эта грамота утверждена была Новгородцами съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ, когда они сошлись съ нимъ на Волгѣ, въ 1314 году.

379. Никон. III, 171; здѣсь же находимъ извѣстіе, что Новгородцы съ княземъ Аеанасіемъ Даниловичемъ ходили въ Торжокъ и потерпѣли опять здѣсь пораженіе отъ Михаила.

380. «Ста въ Устьянѣхъ.» — Устьянскій погостъ Деревской пятины Щедковского стана, въ 50 верстахъ отъ Новгорода. — Арцѣб. II, прим. 547. — У Татищева (IV, 96) вмѣсто на Устьянѣхъ — *на устьцнхъ*. По Никонов. ратники заблудились идя къ Новгороду, зашли на р. Ловать, и тамъ начали терпѣть бѣдствія.

381. Татищ. IV, 96.

382. Никон. III, 112.

383. Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 208.

384. Собр. Гос. гр. т. I, № 14.

385. Значить не всѣхъ отроковъ отогнали.

386. 22 ноября въ среду, въ седьмомъ часу дня.

387. Теперь городище на рѣкѣ Кумѣ, Кавказской губерніи, Георгіевскаго уѣзда.

388. Татищ. IV, III. — О Кавгадыѣ Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 214: Смерть же грѣшниковъ люта, еже бысть незаконному и проклятому Кавгодыю и не пробывъ убо ни единого лѣта и злѣ изверже окаянный животь свой.

389. Ярославской губерніи, Романовскаго уѣзда.

390. Никон. III, 43.

391. Никон. III, 67.

392. Никон. III, 105.

393. Тамъ же, IV, 8.

394. Карамзин. IV, примѣч. 209.

395. Собр. Гос. гр. и дог. II, № 141.

396. Никон. III, 127: и Ярославль взяша и сожгоша. Не Солигаличь ли?

397. Книга Больш. Черт.: на усть рѣки Узервы на острову городъ Корела.

398. Мѣста здѣсь означенныя сморныя: по однимъ Ванай близъ Тавастгуса гдѣ теперь приходъ Ванай, Купецкая рѣка—Жуно, Черная Нокія; по другимъ Купецкая рѣка есть названъ Йою, Черная Каристъ. — Рѣка Нерно въ Кименегородской губерніи; Кавгалу принимаютъ за Борго, отдѣляющую Кименегородскую губернію отъ Тавастгусской. См. Карамз. IV, примѣч. 214; Арцибаш. II, прим. 528—533. Lehrberg—Untersuchungen, стр. 232.

399. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 72; Арциб. II, прим. 558, 559. Буткова—Три древніе договора Русскихъ съ Норвежцами и Шведами, въ Журн. Мин. Вн. Д. 1837 г., ч. 23. — Неволина — О пятинахъ Новгород., въ записк. Геогр. Общ. кн. VIII; Antiquités Russes, t. II.

400. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 183; Бысть Псковичемъ немырбе со владыкою Θεоктистомъ и съ Новгородци.

401. Тамъ же, стр. 184.

402. См. изслѣдованіе г. Григорьева: о достовѣрности Ярлыкѡвъ, данныхъ русскому духовенству, стр. 59.

403. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи Александръ говоритъ тѣ же самыя слова, какія древній лѣтописецъ заставляетъ говорить Ярослава стараго передъ битвою съ Святославомъ: «Не язъ ночахъ избивати, но оны и да будетъ отишникъ Богъ крови отца моего Михаила и брата моего Дмитрія, аане прольша кровь праведную, егда мнѣ сеже створить?» Еслибы Александръ действительно говорилъ что-нибудь подобное, то этимъ указалъ бы намъ главную причину возстанія, а въ вопросѣ: «егда мнѣ сеже створить?» видѣли бы мы только опасеніе, и нѣсколько не убѣжденіе въ справедливости слухѡвъ о татарскихъ замыслахъ.

404. Карамзинъ говоритъ при этомъ: «Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратилъся туда съ новыми любимцами, коимъ старыя вельможи завидовали.» — Догадка эта очень основательна; это явленіе объясняется мѣстничествомъ: новыя бояре Александрѡвы *запѣтали* старыхъ тверскихъ.

405. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 79; Никон. III, 164; Татищ. IV, 136; по Никон. *нѣтъ* клеветаша; по Татищ. оклеветали его нѣмецкіе и литовскіе вельможи, которымъ Александръ не могъ исполнить прежнихъ обязательствъ. Но извѣстіе кажется намъ позднѣйшимъ объясненіемъ дѣла.

406. Никон. III, 167.

407. Тамъ же, IV, 204.

408. Хета въ Нимеес. лѣтоп. подъ 1840 годомъ упоминается оцать въ живыхъ умершій Константинъ Борисовичъ:

409. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 15.

410. Никон. III, 160: что ему (Нариманту) реши въ Литвѣ идуще къ Теофисту митрополиту и слово право дали.

411. Толдожскій погостъ между Якою и Копорьемъ, во 160 верстахъ отъ Новгорода. Арцыбаш. II, примѣч. 652. — О договорѣ съ Норвежцами см. Бюшинговъ Магазицъ, III. 177. Карамз. IV, прим. 310, 311.

412. Рясно или Рисна, мѣстечко Могилевской губернии, Чаускаго уѣзда, Освѣченъ находимъ подлѣ Рясны. Арцыб. II, прим. 642.

413. Никон. III, 141.

414. Опис. Румянц. Музея, № CCCLVIII.

415. Калитою оиъ названъ потому, что носилъ мѣшокъ (Калиту) съ деньгами, которыя раздавалъ нищимъ.

416. Собр. Гос. гр. и дог. т. I. № 21 и 22.

417. Калита купилъ Угличъ, Бѣлоозеро и Галичъ; но ни въ духовной самого Іоанна, ни въ духовныхъ сыновей его эти прикупы не упоминаются, и только уже Дмитрій Донской говоритъ о нихъ, какъ о куплѣ дѣда своего.—Карамзинъ (IV, гл. IX) дѣлаетъ предположеніе, что эти прикупы принадлежали не къ Москвѣ, но къ великому княженію владимирскому. Но какъ могъ Калита прикупать къ великому княженію, которое вовсе не принадлежало въ собствѣнность его роду, и по смерти его могло перейти къ князю тверскому или нижегородскому? Это значило бы обогащать другихъ князей на свой счетъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что Калита купилъ эти города у князей, но оставилъ еще имъ нѣкоторыя права владѣтельныхъ, подчиненныхъ однако князю московскому, а при Дмитріи Донскомъ они были лишены этихъ правъ.

418. Карамз. IV, прим. 268, 276.

419. Cum nostris Baronibus, nec non commilitaribus, или: nos una cum dilectis et fidelibus, nostris Baronibus militibusque.

420. Annales Olivienses, Dlugosz, Miechovita, Bielski, Kromer.

421. Хроника Быховца. Стрыйковскій.

422. Такъ какъ выгодно было измѣнить послѣ первое преданіе въ пользу Гедимина и его сильнаго потомства, то мы соглашаемся вѣрить болѣе этому первому преданію. Нарбутъ (Dzieje narod. Litew. t. IV, p. 455) старается подтверждать второе преданіе или мнѣніе письмомъ Гедимина къ папѣ Іоанну XXII: «Ista enim, pater reverende, vobis scripsimus, ut sciatis, quare *progenitores nostri* in errore infidelitatis et incredulitatis decesserunt—Нарбутъ находитъ здѣсь доказательство, что Гедиминъ происходитъ отъ Витоваса; не можно понимать *progenitores nostri* такъ, что Гедиминъ, отъ лица вѣсть Литовъ»

цель говоритъ о своихъ отцахъ. И въ этомъ же письмѣ находитъ ясное доказательство противнаго: Гедиминъ называетъ Витенеса только предшественникомъ своимъ (praedecessor), а не отцомъ.

423. Narbut. IV, p. 486; Густинъ лѣтоп., стр. 348.

424. Лѣтописецъ Даниловича, стр. 27.

425. Но мы видѣли, что во Владиміръ еще въ 1335 году былъ особый князь Юрій Андреевичъ.

426. Карамзинъ считаетъ этого Федора княземъ російскимъ; но для этого нѣтъ никакого основанія. Стадницкій (Synowie Gedymina, II, 25) старается такъ представить дѣло: «Гедиминъ началъ войну съ двумя князьями, господствовавшими на Руси Червоной и на Волыни. Занявши Брестъ и пшекускую область, двинулся дальше въ глубь Волыни и поразилъ обоихъ князей, при чемъ старшій Андрей (Владиміръ лѣтописи) лишился жизни. Но побѣда не была такъ рѣшительна, какъ ее представляеть лѣтописецъ: это видно уже и изъ того, что Гедиминъ не занялъ Руси Червоной. Умершій Андрей имѣлъ сына Юрія, съ которымъ должно было войти въ договоры. Этотъ Юрій до смерти своей владѣлъ Русью Червоною и владимірекимъ княжествомъ. Дѣда его, Лесь, князь луцкій имѣлъ только дочь, которую выдалъ за Любарта, сына Гедиминова. Кіево - Почерская рукопись XVI вѣка говоритъ, что Гедиминъ въ 1333 году пошелъ на князя кіевского Станислава, разбилъ его русско-татарское войско на рѣкѣ Ирпени, и, выгнавшій Татаръ, подчинилъ себя Кіевъ. По литовской лѣтописи, Лесь луцкій, тестъ Любарта, послѣдшій на помощь кіевскому собрату, и нашелъ смерть въ битвѣ.»

427. Лѣтописъ Даниловича, стр. 27. Стадницкій не безъ основанія думаетъ, что Монвидъ былъ князь керновскій, а не корачевскій.

428. Никон. III, 182.

429. Dlugossi Histor. Polon lib, IX, p. 1163. Et cmethonibus colonisque, ut a militaribus et Nobilibus non fierent oppressiones et injuriae: quo factum est, ut cmethones et coloni, sub militaribus Nobilibus degentes, quotiescumque per suos dominos et haeredes gravabantur, toties ad illum habebant fidum responsum atque recursum, ipseque pro illis et eorum injuriis, effectualem oppositionem severe et rigide interponebat, ut nemo, quantumcumque magnus, potens et dives auderet in suos esse cmethones violentus, gravis et injurius, rege Casimiro, unumquemque pro sua factione, excessu, aut demerito digna mulcta coercente. Ob quam rem asperius (ut militaribus apparebat) in eos practicatam, sugillationem vitare non potuit, quin *Rusticorum Rex* a Nobilibus et militaribus vocitaretur... Tantaе sane justitiae cultu et moderamine in omnes, tam nobiles quam agrestes, propensus, ut

colonis propriis dominos et haeredes iniquitatem et injuriam inferre prohibuerit ipsosque juxta ac peculiares tutatus est, homini de haerede suo querenti, monens ut ignili mercato et silice in campo reperto (si aliter non daretur) incendio se ultum iret, illum tradebat. Eaque licentia multorum hominum militarium, fortunas subjectorum exspilantium, aut illos gravantium refrenavit.

430. Никонов. списокъ считаетъ Василія брянскаго сыномъ Александра Глѣбовича смоленскаго, дядю его Святослава Глѣбовичемъ, который былъ лишенъ можайскаго княжества и взятъ въ плѣнъ Юриемъ московскимъ; Карамзинъ (IV, прим. 242) обвиняя (голословно) Никон. въ смѣшеніи разныхъ князей, говоритъ, что Василій *можетъ быть* внукомъ прежде упомянутаго брянскаго князя Романа. Димитрій брянскій по родословнымъ считается также Александровичемъ смоленскимъ, слѣд. братомъ Василія.

431. Татищ. IV, 346.

432. Никон. III, 195: князь великій Семень Ивановичъ зъ братьею со княземъ Иваномъ и Андреемъ, и прочими князи собравше силу многу идоша ратью къ Смоленску. И дошедшимъ имъ Вышегорода на Поротви (жежду Вереєю и Боровскомъ, Арцѣб. II, 743), и ту придоша къ нему послы отъ в. князя литовскаго Олгерда Гедиминовича со многими дары о шире; онъ же не оставя слова Олгердова миръ взя и послы отпусти съ миромъ, а самъ подвижесь еще ко Угри, хотя ити къ Смоленску, и ту придоша къ нему послы смоленскія. Онъ же стоявъ на Угри осьмъ дней, и своя послы посла въ Смоленскъ, и взя миръ возвратился къ Москвѣ. — Нѣтъ никакого основанія соединять приходъ пословъ Олгердовыхъ съ смоленскими дѣлами и думать, что Олгердъ присылалъ ходатайствовать о мирѣ съ Смоленскомъ; литовскіе послы приходили за миромъ для своего князя, получили миръ, послѣ чего Симеонъ продолжалъ походъ къ Смоленску и заключилъ съ послѣднимъ миръ на Угрѣ.

433. Татищ. IV, 147: князь же великій рече имъ: аще хошуть милости и мира отъ меня, да придутъ предъ мя посадники и тысяцкій боси, просятъ при всихъ княвѣхъ на колѣняхъ и проч.

434. См. нашей исторіи т. I, примѣч. 317.

435. Подъ 1340 годомъ упоминается Матвѣй Вареоломѣвичъ, посланный въ Торжокъ дѣйствовать тамъ противъ в. князя; отечество показывается, какъ будто бы онъ былъ дядя Оницѣору.

436. Никон. III, 184: И нача имати бояръ ажъ слуги въ серебръ заволости, чрезъ людскую силу.

437. Никон. III, 178: а князь Ярославъ Пронскій слѣде во градъ Ростиславль рязанскомъ. — Погость Рощисловъ или Ратисловъ, см. Арц. II, прим. 705.

438. Никон. III, 174; у Татищева (IV, 165) въ такихъ же выраженіяхъ говорится и о Симеонѣ московскомъ.

439. Никон. III, 174; тамъ же: «Того же гѣта взяша Литва Тимашевъ и со многими полонимъ возвратишася во своеси.

440. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 84.

441. Въ гѣто 6849, мѣсяца сентября въ 9, убиша Нѣмцы въ Латыгорѣ, на селѣ на Опочнѣ, псковскихъ пословъ пять мужъ Михаила Любимовича, Власія Колотиловича, Анеши Полутарановича, на миру; и Псковичи, ѣхавше, повоеваше Латыгору о князь Александрѣ о Всеволодичѣ (незавѣстномъ), мѣсяца декабря въ 21, тогда башеть ему въ Псковѣ на княженіи. И князь Александръ учинивъ розратье съ Нѣмци, розгнѣвася на Псковичъ и побѣже изъ Пскова, и Псковичи, ѣхавше по немъ съ поклономъ до св. Пантелеѣмона и потомъ послаша Псковичи пелсове съ поклономъ и до Новгородѣ, и биша ему челомъ много (князю), и неворотишася (т. е. не воротися) и отречеся Псковичемъ. Поставиша новый городокъ (Нейгаузенъ) на рѣкѣ на Пивжѣ (Пинжѣ), и Псковичи въ то же время, коли Нѣмцы городокъ ставили, ѣхавше за Норову въ малѣ дружинѣ, взяша посадь у Ругодѣва (Нарвы)... И тое весны поѣхавше въ лодяхъ воевать, о Ильѣ о посадникѣ, въ рѣку Омовжу, и повоеваше село нѣмецкое по обѣ стороны Омовжѣ до городка до Могилева. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 186, 187.—Амовжа-Эмбахъ.

442. Село Порѣчье въ Псковскомъ уѣздѣ.

443. Городъ Островъ Псковской губерніи.

444. Никон. III, 177. Эти слова вполне очерчиваютъ характеръ литовскаго князя.

445. Подробности въ Псковской лѣтописи: «И Юрей князь подымѣ Псковичъ, и прѣхавше къ Изборску и подыаша Изборянъ съ собою, и поѣхаша на сумежье языка добывать, и срѣтошася съ великою ратью съ нѣмецкою на Мекужизкомъ полѣ, у Мекужицѣ у рѣчки... оступиша городъ Изборскъ.... А Олигердъ князь и братъ его Кестунтъ повелѣ своимъ Литовникомъ и Видбяномъ и Псковичемъ, бродитися за Великую рѣку, не вѣдаючи подъ Изборскомъ рати; и они перебродившеся сташе стаими на камнѣ. А князь Олигердъ посла своихъ людей 60 сторожу передъ полкомъ, и они ѣхавши языкъ яша за Холохолномъ и приведоша ко князю Олигерду; и онъ повѣда силу велику нѣмецкія рати подъ городомъ Изборскимъ. И князь Олигердъ и братъ его Кестунтъ останася взади съ своими Литовниками и съ мужи Псковичи, въ малѣ дружинѣ, и поѣхаше въ Грамское болото, и нача перепытывать нѣмецкіе рати. А Любко князь, сынъ Воиневъ, полоцкаго князя, самъ другъ отѣхаша отъ князя Олигерда и въѣхавше

въ сторожевый полкъ нѣмецкій, не вѣдающу ему сторожеваго полка, и тако его убиша самодруга.—Теперь въ Псковскомъ уѣздѣ есть деревня Халахальня.

446. Общины вѣв попечатавъ. Думаемъ, что здѣсь подъ именемъ общинъ должно разумѣть все общественное, казенное: зданіе, архивъ, деньги.

447. Псковскаго уѣзда.

448. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 189: Поѣхаше воевати земли нѣмецкія о князѣ Ивани, и о Изборскомъ князѣ Остаѣе о посланицѣ Володшѣ... А Нѣмци, скопивше силу, недгоняша Псковичи за 2 поприща не доѣхавши Новаго Городка Углецакаго, на Маломъ Борку, на тѣсни.

449. Geijer-Geschichte Schwedens, I, 185.

450. Любопытны различія: въ новгород. лѣтоп. «медливъ же князь долго;» въ Соф. вр. «медливъ же князь великій не много.»

451. Ситенскій погостъ во 120 верстахъ отъ Новгорода.

452. Полн. (обр. Русск. Лѣт. V, 226.

453. Никон. III, 189.

454. Полн. Собр. Лѣт. V, 227. Карамз. IV, пр. 348.

455. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 23. Годъ здѣсь 1341 выставленъ издателями произвольно; нѣтъ достаточныхъ причинъ полагать, чтобъ договоръ былъ написанъ тотчасъ по смерти Калиты.

456. Подробности см. ниже въ IV томѣ.

457. Кажется у Симеона остался малолѣтний сынъ, который скоро умеръ; это видно изъ слѣдующихъ словъ завѣщанія: «Приказываю своей братьи свою княгиню и своего....;» если только это: своего, не относится къ дядѣ Василью, о которомъ сказано прежде: «даю рядъ своей княгини: велѣлъ есмь у нее быти своему дяди Василью.»

458. Карамзинъ (IV, примѣч. 302) упоминаетъ о лѣтописи въ Син. библиот. XV вѣка (№ 349), гдѣ говорится, что Узбекъ подѣлилъ между Александромъ Васильевичемъ суздальскимъ и Калитою, при чемъ Владимиръ достался первому, и уже по смерти его перешелъ къ московскому князю. — Но это извѣстіе съ царемъ Албугомъ и съ поэтическимъ рассказомъ о колоколѣ, не заслуживаетъ большаго вниманія.

459. См. духовную в. князя Іоанна въ С. г. г. и д. I, 26: А что ся мнѣ достали мѣста Рязаньская на сей сторонѣ Оки, и съ тыхъ мѣсть даль есмь князю Володимиру въ Лопастны мѣста, новый городокъ на усть Поротли, а инныя мѣста Рязаньскія отымѣнная снми моему князю Дмитрію и Ивану подѣлятея на полы безъ обиды.»

460. Пріѣхавъ изъ Чернигова въ Тверь Борись Федоровичъ, прозвище ему было Половой; и былъ въ Твери бояринъ, у Бориса сынъ Федоръ и тамъ во Твери бояринъ же былъ, у Федора сынъ Михайло Шетень, а во Твери былъ Тысяцкой; у Михайла сынъ Константинъ Шетневъ, а во Твери былъ Тысяцкой же. А у Константина дѣтей: Иванъ Шетневъ, тотъ былъ во Твери Тысяцкой же. (Москвит. 1843 г. № 1.)

461. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 23; на теждество Алексѣя Петровича Тысяцкаго съ бояриномъ Гордаго указалъ еще князь Щербатовъ въ своей исторіи.

462. Никонов. III, 207, 209: Убіеніе же его страшно и незнаемо и невѣдомо отъ кого же; точію обрѣтеса убіенъ лежа на площади егда заутреню благовѣстятъ. И нѣци глаголють о немъ, яко совѣтъ сей сотворися, или отъ бояръ, или отъ инѣхъ втайнѣ. И тако убіенъ бысть, якоже князь великій Андрей Боголюбскій отъ Кучковичевъ. Троицкая лѣтопись (у Карамз. IV, пр. 381): Нѣци же рѣкоша, яко втаю свѣтъ створиша и ковы коваша чинъ и тако всѣхъ общею думою, да якоже Андрей Боголюбивый отъ Кучковичъ, тако и сій отъ своей дружины пострада.

463. Подъ слѣдующимъ 1360 годомъ: поиде Алексѣй на поставленіе въ Володимеръ; а съ нимъ бояръ бѣ Новгородскихъ, Александръ посадникъ, Юрьи Иवानовъ.—Но бытъ можетъ здѣсь разумѣется старей посадникъ, какимъ и былъ дѣйствительно Александръ, братъ Дворянина.

464. Никонов. III, 207: Сижскаго сынъ Иванъ седе съ Литвою во Ржеви (теперь городъ Тверской губерніи).

465. Кто былъ этотъ Василій? По родословнымъ онъ могъ быть сыномъ Ивана Александровича смоленскаго, братомъ Святослава; у этого Василія означенъ сынъ Иванъ. Но онъ могъ быть также и Василіемъ Александровичемъ, о которомъ см. выше, примѣч. 431.

466. Никонов. III, 213. Не Бѣлюю ли?

467. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 191.—Въ оба похода Псковичами предводительствовалъ князь Евстаѣй. Подъ 1357 годомъ: Пріѣхаше князь Василей Будиволна на княженіе во Псковъ.

468. Мы видимъ, что Семень отказалъ свой участокъ женѣ своей Марьѣ, которая еще была жива когда Іоаннъ писалъ свое завѣщаніе, и владѣла многими мѣстами въ участкѣ Димитрія, почему и сказано, что по ея смерти всѣ ея владѣнія переходятъ къ Димитрію; но она же, по завѣщанію мужа, должна была владѣть Можайскомъ и Коломною? Стало-бытъ она уступила ихъ послѣ в. к. Ивану. Въ завѣщаніи послѣдняго упоминается еще о какой-то княгинѣ Ульянѣ, послѣ ко-

торой владѣнія раздѣляются между Дмитріемъ, Иваномъ и Владиміромъ, ибо на то была воля Калиты, т.-е. Калита далъ кн. Ульгѣ во-лости съ тѣмъ, чтобы по ея смерти, они были раздѣлены между его сыновьями, а теперь они должны были дѣлиться между ихъ потомствомъ. Карамзинъ называетъ Ульяну женою Андреевою, что не можетъ быть принято, ибо Андрей женился въ 1348 году (Никон. III, 181), по смерти Калиты, и потому послѣдній не могъ распоряжаться дѣлами невѣстки, которой еще не было.

469. Татищ. IV, 188.

470. Тамъ же, стр. 195.

471. Никон. III, 103.

472. Точками означены слова, стершіяся въ подлинникѣ.

473. Который велъ усобицу съ родичами. Сбивчивыя подробности объ этой усобицѣ собраны у Арцыбаш. II, примѣч. 795, 797.

474. Можно думать, что это Старица. см. Арцыб. II, примѣч. 827.

475. Никон. IV, 19: князь же Михаилу Ал. Твер. о томъ велики жалюсь, и не любезно бысть ему сіе, и негодоваше о семъ. И положи то въ изгнѣну и въ ненависть подвижесь и разшириє про то нача нѣгати къ в. князю Дм. Ив., гнѣвашежеса и жаловашеся наипаче на митрополита глаголя, колику любовь и вѣру нѣгѣхъ паче всѣхъ къ митрополиту сему, и онъ только мя посрами и поруга.

476. Никон. IV, 21. На стрѣчи уби князя Сем. Дмитр. Стародуб., нарицаемаго Крапиву (сынъ Дмитрія Федоровича, племянникъ Ивана), во власти глаголеми Холохалѣ; и потомъ въ Обленскѣ уби князя Константина Юрьева сына, внука Михаила Черниговскаго.—Оболонскъ не далеко отъ устья Протвы въ Оку; рѣка Тросна въ Рузскомъ уѣздѣ Москов. губерніи.—Холхологъ находился въ могайской волости, см. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 34. Это должно быть нынѣшняя Хохлова въ Гжатскомъ уѣздѣ; см. л. XXIV Спац. Кар. Зап. Росс.

477. Тамъ же, стр. 27. Тогда жъ раненъ бысть князь Василей Ивановичъ Березуйскій у града у Волока; стоящу убо на мосту предъ градомъ, и се внезапно тайно изъ подмостья, сквозъ мостъ, Литвинъ прободѣ его копіемъ. Онъ же извемъ зѣло изнѣможе, и въ той часъ пострижеса во иноческій чинъ, и преставися.—Въ родословной сказано только, что родъ князей Оминскихъ и Березуйскихъ отъ князя Константина Березуйскаго.

478. Село Бѣжицы, Тверской губерніи, Бѣжецкаго уѣзда.

479. У Скорнищева.

480. Никон. IV, 32: Рязанцы убо махающеся вземни и ремоньемъ; и ужици, и ничтоже успѣша, но падеша мертвыи аки сноцы, аки свиньи заклани быша.—Выходитъ, какъ будто Рязанцы въ самомъ

дѣль вмѣсто оружія взяли ремни да веревки.—Быть можетъ, рязанскіе ратники въ Скорнищевской битвѣ впервые употребили арканы.

481 Рѣчка Кесма впадаетъ въ Мологу, версть около 10 ниже Весьегонска, Тверской губерніи; есть и село Кесма Бѣжецкаго уѣзда. Арцыб. II, примѣч. 852.

482. Село Любудское въ Калужскомъ уѣздѣ.

483. Олегъ, Романъ и Владиміръ Пронскій.

484. И Карамзинъ, и Арцыбашевъ, каждый съ особой стороны, несправедливо заподозриваютъ здѣсь извѣстія Никоновекой лѣтописи. Карамзинъ хочетъ положить освобожденіе Ивана гораздо прежде; но какъ могло это случиться, когда до сихъ поръ не было мира между Михаиломъ и Дмитріемъ? Арцыбашевъ же не хочетъ допустить извѣстіе о мирѣ, полагая, что миръ былъ заключенъ вмѣстѣ съ Олгердомъ; но въ самомъ договорѣ предположена возможность, что Михаилъ будетъ продолжать непріятельскія дѣйствія, при томъ же заключенъ былъ не миръ, а краткое перемиріе.

485. По словамъ новгородскаго лѣтописца, Михаилъ тверской сталъ просить мира, испугавшись приближенія новгородской рати.

486. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 28.

487. Лѣт. изд. Даниловичемъ, стр. 40.

488. Nagbutt, V, 277.

489. Лѣтоп. изд. Данилов., стр. 22.

490. Никон. IV, 10: Тогай князь Ордынскій, иже по разрушеніи Ординскомъ прииде въ Норучай, и тамо самъ о себѣ княжаше въ Наручавтцкой странѣ. И потомъ восхотѣ воевати Русь... князь же великій Олегъ... Постиге его на мѣстѣ, нарицаемомъ подъ Шишевскимъ лѣсомъ на Воинѣ. — Наровчатъ городъ Пензенской губерніи, Тагай—городъ Симбирской губерніи.

491. Рѣка Пяна Нижегородской и Симбирской губерніи, впадающая въ Суру. Никон. III, 37: князь великій Дмитр. Ив. Московск. собрався со всею силою своею и стоялъ у рѣки Оки на березе, и брать его иже изъ двоюродныхъ князь Володимеръ Ондр. прииде къ нему изъ Нижняго-Новгорода.—Карамзинъ (V, прим. 31) говоритъ: «Владиміръ Андреевичъ послѣ войны литовской, жилъ одно лѣто въ Новгородѣ великомъ до іюля мѣсяца, въ слѣдующее занимался строеніемъ Серпухова: когда же могъ простоять *все лѣто* на берегахъ Оки?» — Но развѣ лѣтопись говоритъ, что Владиміръ Андр. стоялъ все лѣто? Не прямо ли она говоритъ, что онъ пришелъ къ в. князю изъ Новгорода? Вся ошибка здѣсь только въ томъ, что вмѣсто Великаго Новгорода поставленъ Нижній.

492. Арцыбаш. II, прим. 872.

493. Никон. IV, 52: Утешающесь и веселящесь пиюще и ковы дѣюще, мнящесь дома суще, аки въ своихъ сиротахъ величающесь возносящесь, забыша смиренныя мудрости, яко Богъ смиреннымъ даетъ благодать, и яко вси есмь Адамовы внуцы.—И доидоша на Шипару (Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 73).

494. Тамъ же, стр. 54: И пришедше воеваше землю Мордовскую власти и села и погосты и *зимницы* пограбиша. *Зимницы*—должно быть зимнія жилища.

495. Вожа впадаетъ въ Оку съ правой стороны въ Рязанскомъ уѣздѣ.

496. Извѣстiе очень вѣроятно, ибо мы видѣли, что Михаилъ обязался помогать Дмитрію въ войнѣ съ Татарами.—Замѣчательно, что не упоминается о князьяхъ нижегородскихъ.

497. Какъ видно, это движеніе въ сторону на западъ нарочно было предпринято для соединенія съ Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ.

498. Рѣка Красивая Меча Тульской губерніи Ефремовскаго, Богородицкаго и Крапивнинскаго уѣздовъ.

499. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 75; Никонов. IV, 86. Объ украшенныхъ сказаніяхъ см. ниже, въ IV томѣ нашей Исторіи.

500. Но по нѣкоторымъ извѣстіямъ вдвое меньше; см. Карамз. V, примѣч. 100.

501. Въ договорѣ Василя Дмитріевича съ Олеговымъ сыномъ Федоромъ говорится о московскихъ войнахъ, возвращавшихся съ Дону и захваченныхъ въ землѣ Рязанской: Собр. Гос. гр. и дог. I, № 36.

502. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 32.

503. Объ этихъ границахъ см. ниже, въ IV томѣ нашей Исторіи.

504. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 27.

505. Тамъ же, № 29.

506. Извѣстiе это находится въ духовномъ завѣщаніи Донскаго: «А которыя деревни отнималъ быхъ князь Володимеръ отъ Лыткинскаго села.»

507. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 33.

508. Дополн. къ акт. историч. т. I, № 7.

509. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 65; И избиша Двинянь на Курьи.

510. Карамзинъ относитъ этотъ договоръ къ 1372 году на томъ основаніи, что упомянутые здѣсь посадникъ Юрій и Тысяцкій Елисей упоминаются подъ 1371 годомъ; но они могли исправлять свои должности и въ 1367 году. — «Въ слѣдствіе сего условія, говоритъ Карамзинъ, князь Владиміръ Андреевичъ въ 1373 году пріѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородъ.» Но князь Владиміръ пріѣхалъ въ

Новгородъ въ первый разъ въ 1368 году, что и заставляетъ насъ отнести упомянутый договоръ къ 1367 году, тѣмъ болѣе, что подъ этимъ годомъ въ лѣтописи именно упоминается о докончаніи мира, объ отправленіи пословъ новгородскихъ въ Москву. См. договоръ въ Актахъ Арх. эксп. I, № 8.

511. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 8.

512. Тамъ же, № 17.—Послѣ Торжокскаго взятія Новгородцы отправили пословъ къ Михаилу съ требованіемъ отпустить безъ окупа захваченныхъ имъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ и вывести намѣстниковъ тверскихъ изъ Торжка. Наказъ посламъ см. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 13. Что этотъ наказъ относится ко временамъ Михаила Александровича, доказываютъ надписи на печатахъ.

513. Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано: «и пріѣхаша съ миромъ.» Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 73, Были ли Новгородцы на Куликовскомъ полѣ? Молчаніе новгородскихъ лѣтописей объ этомъ заставляетъ насъ отвергнуть извѣстіе украшенныхъ сказаній, что и Новгородцы участвовали въ битвѣ.

514. Въ Казанской губерніи, Свіяжскаго уѣзда есть два селенія Маркваша; рѣка Ветлуга впадаетъ въ Волгу между Васильсурскомъ и Козмодемьянскомъ.

515. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 94: и стоя въ Ямнѣхъ.

516. Рѣка Лудва Псковской губерніи, Гдовскаго уѣзда.

517. Эта причина выставлена въ Псковской лѣтописи, въ Новгородской другая: Поимаша Плесковичи гость нѣмецкій, поморскій и заморскій, а ркуче: отъимали Юрьевцы съ Вилневици у насъ земли и воду.

518. Такъ выражается новгородскій лѣтописецъ, постоянно неприязненный къ Псковичамъ: «и повѣствовавше много пондоша прочь.» Впрочемъ здѣсь можетъ высказаться и не любовь Новгородцевъ вообще къ многословію.

519. Мѣстечко Псковской губерніи, Опочкинскаго уѣзда.

520. Кирьпиуга—Киремпе, мыза въ Дерптскомъ уѣздѣ.

521. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 193: То же бысть Псковичемъ Богомъ дарована война: а то розратье бысть съ Нѣмци про Жолчъ (Жалачко, V, 16) обида много время, али по 3 лѣтъ.

522. Dlugossi-Histor. Polon. IX, p. 1101.

523. Ibid. X, p. 68.

524. Ibid. X, p. 98.

525. Ibid. p. 102. Fama insuper et plurimorum assertione proditum est.

526. Ibid. p. 118; Лѣтоп. Данил., стр. 204 и 205.

527. Zródła do dziejow polskich-Grabowsk. t. I, p. 145. Въ 1393 году эту грамоту князю Ѳодору подтвердила уже одна Ядвига, которая называетъ себя: *Littuaniae princeps Suprema, Pomeraniae Russiaeque domina et haeres.* — О присягѣ Симеона Лугвенія Ягайлу и Ядвигѣ см. ниже, въ IV томѣ.

528. Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 240.

529. Лѣтоп. Даниловича, стр. 44. Еслибъ Скиргайле владѣлъ въ Волини, то Длугошъ (стр. 120) не называлъ бы его Троцкимъ княземъ.

530. Dlugossi, I. X., p. 120.

531. Лѣтоп. Данилов., стр. 47.

532. Dlugossi, I. X, p. 120; Hunc (Skirgallonem) Vithaudus Grodnensis dux, magis modesti, magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii, et propter Ruthenorum assistentiam, qui illi propter ritus sui identitatem magnopere afficiebantur, et propter Wladislai Poloniae regis germanitatem, pertimescens, etc. Ясно, что здѣсь приверженность русскаго народа за единство вѣры относится къ Скиргайлу, а не къ Витовту; но Зубрицкій утверждаетъ противное (Исторія Галицкой Руси, стр. 221).

533. Ibid.

534. Narbutt, V. 433.

535. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 350.

536. Никон. IV, 119.

537. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 531. Хотя и есть вариантъ: *наученъ*, однако по связи обонхъ предложеній скорѣе можно принять: *неученъ*.

538. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 34.

539. Никон. IV, 191.

540. Здѣсь должно предполагать смерть безпотомственную.

541. А перемѣнить Богъ Орду, дѣти моя не имутъ давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть.

542. Пусть эта рѣчь выдумана, изукрашена сочинителемъ: для насъ важны не собственныя слова в. князя, но то, какъ представлялись современникамъ отношенія его къ боярамъ.

543. Никон. IV, 202.

544. Родослов. Четь, а во крещенія имя ему Захарія, и у Захарія сынъ Олександръ, а у Олександра сынъ Дмитрій Зерно.

545. Въ родосл. родъ Софроновскихъ да Проѣстѣвыхъ: Дмитрій Миничъ былъ бояринъ у в. князя Василья Дмитріевича.

546. Показаніе родословныхъ о Татаринѣ Кочевѣ, предкѣ Поливановыхъ, не подходитъ къ извѣстію лѣтописи.

547. Т.-е. какъ видно Морозовъ: Иванъ Семеновичъ Морозовъ, и братъ у него большой Ѳеодоръ, а подъ Ѳеодоромъ Левъ, а убили его на Дону.»

548. Въ родословныхъ тверскихъ бояръ Шетневыхъ нѣтъ Тараса.

549. По родословнымъ между боярами в. к. Димитрія значатся: Владиміръ Даниловичъ Красный, потомъ Окольнічій Маргосъ Погожъ, выѣхавшій съ Олгердовичами изъ Литвы.—Ср. статью Погодина: о Русской Аристокр. Москв. 1847, № 1.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
ГЛАВА I-я. Внутреннее состояніе Русскаго общества отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава Торопецкаго.....	3
ГЛАВА II-я. Отъ смерти Мстислава Торопецкаго до опустошенія Руси Татарами.....	147
ГЛАВА III-я. Отъ Батыева нашествія до борьбы между сыновьями Александра Невскаго.....	179
ГЛАВА IV-я. Борьба между сыновьями Александра Невскаго.	230
ГЛАВА V-я. Борьба между Москвою и Тверью, до кончины великаго князя Іоанна Даниловича Калиты....	259
ГЛАВА VI-я. Событія въ княженіе сыновей Іоанна Калиты.	298
ГЛАВА VII-я. Княженіе Дмитрія Іоанновича Донскаго.....	321
Примѣчанія.....	376

ПЛЕМЯ ВСЕВОЛОД

а) ПЛЕМЯ КОНСТ

Василько
ум. 1238 г.

Ростовскій

Борись Ростовскій.
жен. 1248 г. на
дочери Яро-
слава Муром.
ум. 1277 г.

Глѣбъ Бѣл
жен. въ Ордѣ
1257 года, ум.
1278 г.

Илдрій
3 г. жен.
г.; ум.
94 г.

Константинъ
р. 1254 г. жен.
1302 г.; ум.
1309 г.

Василій
р. 1268 г.

Михаилъ Де
р. 1263 г. жен. р.
1278 г. на доч.
Ѳеод. Ярослав.

Исидоръ
1287 г.

Василій

Михаилъ
р. 1287 г.

Александръ
упом. 1294 г.
жен. 1302 г.

Ѳеодоръ Рос
жен. 1314 г.

Иль

* Констан-
тинъ жен. на
дочери Иоанна
Кал. 1328 г.

** Ѳеодоръ
р. 1311 г.

Юрій
ум. 1230 г.

Ѳеодоръ Васи

ПЛЕМЯ СВЯТОСЛАВА ВСЕВОЛОДО

Илдрій
1269 г.

Святославичъ Юрьевскій.

Иославъ

Иванъ

ум. 1338 г.

* Отъ этого Константина ведутъ свое происхождение князья.

** Отъ Ѳеодора Васильевича происходятъ князья: Приимковы,

** Отъ Василя Ѳеодоровича князья: Бѣлозерскіе, Андогскіе, Ва

** Отъ Михаила Давыдовича князья: Моложскіе, Сидцкіе, Прозо

† Отъ Василя князья: Пенковы, Троекуровы, Курбскіе, Кубен-
кины, Охлябинины, Хворостинины, Зубатые.

†† Отъ Андрея Ѳеодоровича князья: Пожарскіе, Риноловскіе, Ога

Ө
ум. 1

Бо
ум. 1

А.д
ум

Бо
жеп.
па
Од

ИСТОРИЯ РОССИИ.

ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНИЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

=

4

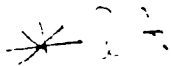
ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

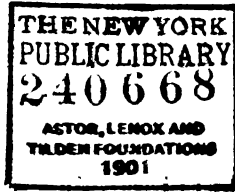
Издание Третье.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1863.

Дозволено цензурою. Москва. Марта 8-го дня 1863 года.

ГЛАВА I.

Княженіе Василя Дмитріевича.

(1389—1425).

Молодой сынъ Донскаго, въ самомъ началѣ княженія своего, показалъ, что останется вѣренъ преданію отцовскому и дѣдовскому. Черезъ годъ послѣ того, какъ посоль ханскій посадилъ его на великокняжескій столъ во Владимірѣ, Василій отправился въ Орду и купилъ тамъ ярлыкъ на княжество Нижегородское, которое не задолго передъ тѣмъ выпросилъ себѣ въ Ордѣ же Борисъ Константиновичъ. Услыхавъ о замыслахъ Васильевыхъ, Борисъ созвалъ къ себѣ бояръ своихъ и сталъ говорить имъ со слезами: «Господа и братья, бояре и друзья мои! вспомните свое крестное цѣлованіе, вспомните, какъ вы клялись мнѣ.» Старшимъ бояриномъ у него былъ Васиій Румянецъ, который и отвѣчалъ князю: «Не печалься, господинъ князь! всѣ мы тебѣ вѣрны, и готовы головы свои сложить за тебя и кровь пролить.» Такъ онъ говорилъ своему князю, а между тѣмъ пересылался съ Васиіемъ Дмитріевичемъ, обѣщаясь выдать ему Бориса. Васиій на возвратномъ пути изъ Орды, доѣхавши до Коломны, отправилъ оттуда въ Нижній Тохтамышева посла съ своими боярами. Борисъ сначала не хотѣлъ пускать ихъ въ городъ; но Румянецъ сталъ говорить ему: «Господинъ князь! посоль ханскій и бояре Московскіе идутъ сюда за тѣмъ, чтобъ миръ подкрѣпить и любовь утвердить вѣчную, а ты самъ хочешь поднять брань и рать;пусти ихъ въ городъ; что они могутъ тебѣ сдѣлать? мы всѣ съ тобою.» Но только что посоль и бояре вѣдѣха-

ли въ городъ, какъ велѣли звонить въ колокола, собрали народъ и объявили ему, что Нижній принадлежитъ уже князю Московскому. Борисъ, услыхавъ объ этой новости, послалъ за боярами и сталъ говорить имъ: «Господа мои и братья, милая дружина! вспомните крестное цѣлованіе, не выдайте меня врагамъ моимъ.» На это отвѣчалъ ему тотъ же Румянецъ; «Господинъ князь! не надѣйся на насъ, мы уже теперь не твои, и не съ тобою, а на тебя.» Борисъ былъ схваченъ. Немного спустя пріѣхалъ въ Нижній Василій Дмитріевичъ, посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ, а князя Бориса съ женою, дѣтьми и доброхотами велѣлъ развести въ оковахъ по разнымъ городамъ и держать за крѣпкою стражею. По тому же ярлыку, кромѣ Нижняго, Василій пріобрѣталъ Городецъ, Муромъ, Мещеру, Тарусу².

Но у Бориса Нижегородскаго оставалось двое племянниковъ— Василій и Семень Дмитріевичи, родные дядя по матери Московскому князю; какъ видно они оставались княжить въ Суздальской волости, обхващенной теперь со всѣхъ сторонъ Московскими владѣніями, или, по крайней мѣрѣ, оставались жить въ Суздали; но, въ 1394 году, тотчасъ по смерти Бориса Константиновича, оба племянника его, въ слѣдствіе притѣсненій отъ Московскаго князя, какъ шелъ слухъ, выбѣжали изъ Суздаля въ Орду добиваться ярлыковъ на отчину свою — Нижній, Суздаль и Городецъ. Московскій князь послалъ за ними погоню, но имъ удалось избѣжать ея и благополучно достигнуть Орды. Въ 1399 году князь Семень Дмитріевичъ вмѣстѣ съ какимъ то Татарскимъ царевичемъ Еятякомъ, у котораго было 1000 человекъ войска, подступилъ къ Нижнему-Новгороду, гдѣ затворились трое Московскихъ воеводъ; три дня бился Татары подъ городомъ и много людей пало отъ стрѣлъ, наконецъ Нижегородцы сдали городъ, взявши съ Татаръ клятву, что они не будутъ ни грабить христіанъ, ни брать въ плѣнъ. Но Татары нарушили клятву, ограбили всѣхъ русскихъ до нага, а князь Семень говорилъ: «Не я обманулъ, а Татары; я въ нихъ не воленъ, я съ ними ничего не могу сдѣлать.» Двѣ недѣли пробыли Татары въ Нижнемъ съ Семеномъ, но потомъ, услыхавши, что Московскій князь собирается на нихъ съ войскомъ, убѣжали въ Орду. Василій Дмитріевичъ послалъ большую рать съ братомъ своимъ княземъ Юріемъ, воеводами и стар-

линии боярами; они вошли въ Болгарію, взяли города: Болгары, Жукотинъ, Казань, Кременчугъ, въ три мѣсяца повоевали всю землю и возвратились домой съ большою добычею.

Послѣ этого Семень крылся все въ татарскихъ мѣстахъ, не отказываясь отъ надежды возвратитъ себѣ родовое владѣніе. Это заставило Московскаго князя въ 1404 году послать двоихъ воеводъ оземль, Ивана Уду и Федора Глѣбовича искать князя Семена, жену, дѣтей, бояръ его. Въ землѣ Мордовской отыскали они жену Семенову, княгиню Александру, на мѣстѣ, называемомъ Цыбирь, у Св. Николы, гдѣ бусурманинъ Хазябаба поставилъ церковь³. Княгиню ограбили и привели вмѣстѣ съ дѣтьми въ Москву, гдѣ она сидѣла на дворѣ Белеутовъ⁴ до тѣхъ поръ, пока мужъ ея не прислалъ къ В. Князю съ челобитьемъ и поворился ему. Василій, быть можетъ по увѣщанію Св. Кирилла Бѣлозерскаго, далъ ему опасную грамоту, получивши которую, Семень прѣѣхалъ въ Москву, заключилъ миръ съ великимъ Княземъ, взялъ семейство и большой отпратился въ Вятку, издавна завистливую отъ Суздальскаго Княжества: здѣсь онъ черезъ пять мѣсяцевъ умеръ. Этотъ князь, говоритъ лѣтописецъ, испыталъ много напастей, претерпѣлъ много истомы въ Ордѣ и на Руси, все добивался своей отчины; восемь лѣтъ не зналъ онъ покоя, служилъ въ Ордѣ четыремъ ханамъ, все поднимая рать на Великаго Князя Московскаго; не имѣлъ онъ своего пристанища, не зналъ покоя ногамъ своимъ—и все по напрасну. Братъ Семеновъ, Василій, какъ видно, также помирился съ Великимъ Княземъ Московскимъ, потому что подъ 1403 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти его, случившейся въ Городцѣ, и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ онъ называется прямо княземъ Городецкимъ; но Василій не могъ оставить Городца сыну своему Ивану, котораго мы видимъ послѣ въ изгнаніи, а Городецъ въ числѣ Московскихъ владѣній.

Неизвѣстно, какимъ образомъ освободились сыновья Бориса Константиновича—Иванъ и Данилъ. Имѣемъ впрочемъ право отнести къ Ивану Борисовичу слѣдующее мѣсто въ договорной грамотѣ Великаго Князя съ дядею своимъ Владиміромъ Андреевичемъ: уступая дядѣ Городецъ съ волостями, Великій Князь говоритъ: «А чѣмъ я пожаловалъ князя Ивана Борисовича, въ то князю Владиміру и его дѣтямъ не вступаться». Но въ 1414 году встрѣ-

чаемъ уже извѣстiе о боѣ между сыновьями Борисовичи и княземъ Петромъ Дмитриевичемъ на Лысковѣ⁵: изгнанныки съ соратниками своими, князьями Болгарскими и Жукотинскими, остались побѣдителями. Въ томъ же году, князь Данилъ Борисовичъ, призвавши къ себѣ какого-то Татарскаго царевича Талыча, послалъ вмѣстѣ съ нимъ во Владиміру тайно лѣземъ боярина своего Семена Карамышева. Татары и дружина Данилова подрались къ городу въ полдень, когда всѣ жители спали, захватили городское стадо, ваяли посады и пожгли ихъ, людей побили множество. Въ Соборной Богородичной церкви затворился ключарь, священникъ Патрикій, родомъ Грекъ; онъ забралъ сколько могъ сосудовъ церковныхъ и другихъ вещей, онесъ все это въ церковь, посадилъ тамъ нѣсколько людей, заперъ ихъ, сошелъ внизъ, отбросилъ лѣстницы, и сталъ молиться со слезами предъ образомъ Богородицы. И вотъ Татары прискакали къ церкви; кричатъ по русски, чтобъ имъ ее отперли: — ключарь стоитъ неподвижно передъ образомъ и молится; Татары отбили двери, вошли, ободрали икону Богородицы и другіе образа, ограбили всю церковь, а Патрикій схватили и стали пытать: гдѣ осталая казна церковная и гдѣ люди, которые были съ нимъ вмѣстѣ? ставили его на огненную сковороду, втыкали щепы за ногти, драли кожу — Патрикій не сказалъ ни слова; тогда приваали его за ноги къ лошадиному хвосту, и такимъ образомъ умертвили. Весь городъ послѣ того былъ пожженъ и пограбленъ, жителей повели въ плѣтъ; всей добычи Татары не могли взять съ собою, такъ складывали въ конны и жгли, а деньги дѣлили мѣрками; холокола растонились отъ пожару, городъ и окрестности наводнили трупамъ. Въ 1412 году Борисовичи услѣли выхлопотать себѣ въ Ордѣ ярлыкѣ на отчину свою; но одинъ ярлыкѣ давно уже потерялъ значеніе на Руси, и въ 1416 году пріѣхали въ Москву Нижегородскіе Князья Иванъ Васильевичъ, внукъ Дмитрія, и Борисовичъ Иванъ, а сынъ послѣдняго Иванъ пріѣхалъ еще за два года передъ тѣмъ; въ слѣдующемъ году явился и князь Данилъ Борисовичъ, но въ 1418 году убѣжалъ отсюда опять вмѣстѣ съ брадомъ Иваномъ. Дальнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій о судьбѣ князей Суздальскихъ не встрѣчаемъ; но имѣемъ право заключать, что Суздальская волость оставалась за ними, потому что Великій Князь Василій

въ замищаніи своемъ ни слова не говоритъ о Суздаль, отказывая сыну только два примысла свои — Нижній и Муромъ.

Утвержденіе новаго порядка вещей не обошлось безъ сопротивленій и въ самомъ родѣ князей Московскихъ: въ первый же годъ княженія Василя въстрѣчаемъ извѣстіе о ссорѣ Великаго Князя съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ, который выѣхалъ изъ Москвы сперва въ свой наслѣдственный городъ Серпуховъ, а потомъ въ Новгородскую область, въ Торжокъ. Но въ началѣ слѣдующаго года находимъ уже извѣстіе о мирѣ между дядею и племянникомъ: Василій придалъ Владиміру къ его отчизнѣ два города — Волокъ и Ржевъ. Договоръ дошелъ до насъ ⁶: Великій Князь выговариваетъ себѣ право посылать дядю въ походъ, и тотъ долженъ садиться на коня безъ ослушанія. Слѣдующее условіе показываетъ сильную недовѣрчивость между родственниками: «Если я, говоритъ Великій Князь дядѣ, самъ сяду въ осадѣ въ городѣ (Москвѣ), а тебя пошлю изъ города, то ты долженъ оставить при мнѣ свою княгиню, своихъ дѣтей и своихъ бояръ; если же я тебя оставляю въ городѣ, а самъ поѣду прочь, то я оставляю при тебѣ свою мать, своихъ братьевъ мѣздныхъ и бояръ.» Предположеніе: «Если пережвѣнитъ Богъ Орду» — находится въ договорѣ; видно также, что при заключеніи договора Василій уже имѣлъ намѣреніе примыслить Муромъ, Торусу и другія мѣста: «Найду я себѣ Муромъ или Торусу или другія мѣста, то ты (князь Владиміръ) не участвуешь въ надержкахъ, которыя я понесу при этомъ; если же тебѣ Богъ дастъ какія другія мѣста, кромѣ Мурома и Торусы, то мы (Великій Князь съ братьями) не участвуемъ въ твоихъ надержкахъ.» Потомъ заключенъ былъ второй договоръ ⁷ съ Владиміромъ, по которому онъ уступилъ Великому Князю Волокъ и Ржевъ, и взялъ вмѣсто нихъ Городецъ, Угличъ, Козельскъ и нѣкоторые другія мѣста. Владиміръ обязался не вступаться въ примыслы Великаго Князя — Нижній Новгородъ, Муромъ, Мещеру и ни въ какія другія мѣста Татарскія и Мордовскія, которыя были за дѣдомъ Васильевымъ, Димитріемъ Константиновичемъ и за нимъ самимъ. Владиміръ обязался, въ случаѣ смерти Великаго Князя, признать старшимъ, отцомъ, сына его, а своего внука, Ивана; здѣсь впрочемъ выговорена небольшая перемена въ отношеніяхъ: «Если,

Господишь! (говорить Владиміръ) *будеть сынъ твой на твоихъ мѣстѣ, и сядеть сынъ твой на коня, то и мнѣ съ нимъ вмѣстѣ садиться на коня; если же сынъ твой не сядеть на коня, то и мнѣ не садиться, а пошлетъ дѣтей моихъ, то имъ сѣсть на коня безъ ослушанья.* Въ 1410 году умеръ Князь Владиміръ Андреевичъ. Въ завѣщаніи ¹ онъ раздѣлилъ свою волость на пять частей по числу сыновей своихъ; которыхъ, вмѣстѣ съ кнѣзинею своею и боярами приказалъ Великому Князю Василю, съ просьбою начать о нихъ; споры между сыновьями рѣшаетъ княгиня мать ихъ, и Великій Князь долженъ привести въ исполненіе приговоръ ея, при чемъ завѣщатель прибавляетъ: «а хотѣли бы ихъ и удѣламъ было безъ убытку.» Въ случаѣ смерти одного изъ сыновей, завѣщатель распорядился такъ: «Если не будетъ у него сына, и останется дочь, то всѣ дѣти мои брата своего дочь выдаютъ за мужъ, а брата своего удѣломъ подѣлятся всѣ поровну.»

До насъ дошли также договорныя грамоты Василя Дмитріевича съ родными его братьями ². Въ нихъ нѣтъ отмѣнъ противъ прежнихъ подобнаго же рода грамотъ. Для объясненія послѣдующихъ событій нужно замѣтить, что Князья — Андрей и Петръ Дмитріевичи обязываются, въ случаѣ смерти Василя, блюсти Великое Княженіе и подѣ сыномъ его, тогда какъ въ договорной грамотѣ Юрія этого условія не находится. Подобно Юрью, и самый младшій братъ великокняжескій, Константинъ, не хотѣлъ сначала отказаться отъ правъ своихъ въ пользу племянника. Мы видѣли, что Константинъ родился не задолго до смерти отца, такъ что ему въ духовной Доносаго не было назначено никакого удѣла, и Василю Дмитріевичу въ первомъ завѣщаніи своемъ, распорядившись на счетъ роднаго сына, говоритъ: «А брата своего и сына, Князя Константина благословляю, даю ему въ удѣлъ Тощню да Устюжну, по душевной грамотѣ отца нашего, Великаго Князя.» Но когда Василю въ 1419 году потребовалъ отъ братьевъ, чтобъ они отреклись отъ правъ своихъ на старшинство въ пользу племянника, то Константинъ оказалъ явное сопротивленіе: «Этого отъ начала никогда не бывало, говорилъ молодой князь.» Василю разсердился, отнялъ у него удѣлъ, и Константинъ ушелъ въ Новгородъ, убожище всѣхъ недо-

важныхъ князей; однако скоро онъ уступилъ требованіямъ старшаго брата и возвратился въ Москву.

Съ Новгородомъ Великимъ началась у Московскаго князя вражда въ 1393 году. Давно уже Новгородцы однимъ изъ главныхъ условій своихъ съ Великими Князьями ставили, чтобъ не звать ихъ къ суду въ Низовые города; въ 1385 году они вздумали приобрести тоже право и въ отношеніи къ суду церковному; посадникъ и тысяцкій созвали вѣче, гдѣ всѣ укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ не ходить въ Москву на судъ къ Митрополиту, а судиться у своихъ владыкъ по закону греческому; написали объ этомъ и утвержденную грамоту. Когда въ 1391 году Митрополитъ Кипріанъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то цѣлыя двѣ недѣли уговаривалъ гражданъ разодрать эту грамоту. Новгородцы отвѣчали одними устами: «цѣловали мы крестъ за одно, грамоты пописали и попечатали и души свои запечатали.» Митрополитъ говорилъ имъ на это: «цѣлованье крестное съ васъ снимаю, у грамотъ печати порву, а васъ благословляю и прощаю, только мнѣ судъ дайте, какъ было при прежнихъ Митрополитахъ.» Новгородцы не послушались, и Кипріанъ поѣхалъ отъ нихъ съ большимъ гнѣвомъ. Московскій Князь, хорошо зналъ, что зависть отъ Митрополита значило зависть отъ Москвы, не хотѣлъ позволить Новгородцамъ отложиться отъ суда Митрополичьяго: примысливши Нижній Новгородъ, онъ послалъ сказать гражданамъ Великаго, чтобъ дали ему черный боръ, заплатили всѣ княжескія пошлины (Княжчины) и чтобъ отослали грамоту о судѣ къ Митрополиту, который сниметъ съ нихъ грѣхъ мятвопреступленія. Новгородцы несогласились, и Великій Князь отправилъ дядю своего Владиміра Андреевича и брата Юрія съ войскомъ къ Торжку. Новоторжцы побѣжали съ женами и дѣтьми въ Новгородъ и другія мѣста, и много народу изъ Новгородскихъ волостей сбѣжалось съдомочадцами своими въ Новгородъ. Князь Владиміръ и Юрій съѣли въ Торжкѣ, а рать распустили воевать Новгородскія волости; взяты были Волокъ Ламскій и Вологда. Остальные жители Торжка возмущались было и умертвили великокняжескаго боярина Максима; но Василій послалъ перехватать убійцъ, которые были привезены въ Москву, а горожане различными муками. Между тѣмъ Новгородская о волостяхъ

съ двумя князьями (Романомъ Литовскимъ и Константиномъ Бѣлозерскимъ) и пятью своими воеводами, начала воевать великокняжескія волости, взяла Кличень городокъ и Устюжню, а изъ Заволочья Новгородцы съ Двинянами взяли Устюгъ. Много было кровопролитія съ обѣихъ сторонъ, и Новгородцы, по словамъ ихъ лѣтописца, не желая видѣть большаго кровопролитія между христіанами, отправили пословъ къ Великому Князю съ челобитьемъ о старинѣ, а къ Митрополиту отослали грамоту цѣловальную; Митрополитъ отвѣчалъ: «Я грамоту цѣловальную беру, грѣхъ съ васъ снимаю и благословляю васъ.» Великій Князь также принялъ Новгородское челобитіе и взялъ миръ по старинѣ. Новгородцы дали Князю Черный боръ по своимъ волостямъ, заплатили 350 рублей Князю и Митрополиту за то, что послѣдній благословилъ ихъ Владыку и весь Новгородъ; тѣ, за которыми были княжчины, поклялись ихъ не утаивать⁹.

Три года прошло мирно: въ 1395 году Митрополитъ Кирианъ пріѣхалъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ посломъ патриаршимъ и запросилъ суда; Новгородцы суда ему не дали и, не смотря на то, при отъѣздѣ онъ благословилъ владыку Ивана и весь Великій Новгородъ. Но въ 1397 году Великій Князь вдругъ послалъ за Волокъ на Двину бояръ своихъ, приказавши объявить всей Двинской свободѣ (колоніи): «чтобъ вамъ задаться за Великаго Князя, а отъ Новгорода бы отняться? Князь Великій хочетъ васъ отъ Новгорода оборонять, хочетъ стоять за васъ.» Въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ выставлена одна причина такого поступка великокняжескаго: Василій Дмитріевичъ вмѣстѣ съ Витовтомъ Литовскимъ отправили пословъ своихъ къ Новгородцамъ съ требованіемъ разорвать миръ съ Нѣмцами; Новгородцы не послушались Князей и дали такой отвѣтъ въ Москву: «Князь Василій! Съ тобою у насъ миръ, съ Витовтомъ другой, съ Нѣмцами третій!» Но есть очень вѣроятное извѣстіе, что Великій Князь рѣшился захватить Заволоцкую свободу, указавши о сношеніяхъ Новгородцевъ съ Витовтомъ Литовскимъ, который склонялъ ихъ поддаться ему¹⁰. Какъ бы то ни было, бояре Двинскіе и всѣ Двиняне задались за Великаго Князя и шлѣхъ молю ему крестъ; но Василій не удовольствовался этимъ, по Константинолю захватить Волокъ Лажскій, Торжокъ, Бѣжец-

кій Верхъ, Вологду, послѣ чего сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Новгороду и крестную грамоту скинулъ. Новгородцы сдѣлали тоже самое, но хотѣли кончить дѣло миромъ, и когда Митрополитъ прислалъ ко владыкѣ, чтобъ тотъ ѣхалъ въ Москву по святительскимъ дѣламъ, то вмѣстѣ съ архіепископомъ Новгородцы отправили къ Великому Князю пословъ своихъ: владыка подалъ Великому Князю благословеніе и доброе слово, а послы челобитье отъ Новгорода; владыка говорилъ Василию: «Чтобъ тебѣ, господинъ сынъ Князь Великій, мое благословеніе и доброе слово и Новгородское челобитье принять, отъ Новгорода отъ своихъ мужей вольныхъ нелюбье отложить, принять ихъ въ старину; чтобы при твоёмъ, сынъ, княженіи другаго кровопролитія между христіанами не было; а что ты, сынъ Князь Великій, на крестномъ цѣлованіи отнялъ у Новгорода Заволочье, Торжокъ, Волокъ, Вологду, Бѣжецкій Верхъ, того, Князь Великій отступись, пусть пойдетъ то къ Новгороду по старинѣ, и общій судъ на порубежья отложи, потому что это не старина.» Но Великій Князь не принялъ ни благословенія, ни добраго слова отъ владыки, ни челобитья отъ пословъ Новгородскихъ, и мира не взялъ.

Тогда, на слѣдующій (1398) годъ, весною, Новгородцы сказали своему господину владыкѣ отцу Іоанну: «Не можемъ, господинъ отецъ, терпѣть такого насилія отъ своего Князя Великаго, Василія Дмитріевича, что отнялъ у насъ, у св. Софіи и у Великаго Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину, хотимъ поискать ихъ:»—и цѣловали крестъ всѣ за одинъ братъ, что отыскивать имъ пригородовъ и волостей св. Софіи и Великаго Новгорода, сказали: «Или найдемъ свою отчину, или головы своей положимъ за св. Софію и за своего господина, за великій Новгородъ.» Владыка Іоаннъ благословилъ своихъ дѣтей — и Новгородцы съ тремя воеводами отправились за Волокъ, на Двину, къ городку Орлецу. На дорогѣ встрѣтилъ ихъ Вельскій волостель владыкинъ, Исаія, и сказалъ: «Господа воеводы Новгородскіе! набѣжалъ Князя великаго бояринъ Андрей съ Двинянами на Софійскую волость Вель, въ самый великъ день, волость св. Софіи повоевали, а на головахъ окупъ взяли; отъ Великаго Князя пріѣхалъ въ засаду, на Двину, Князь Федоръ Ростовской городокъ беречь, судить и пошрины брать съ Новгородскихъ волостей, а

Двинскіе воеводы, Иванъ да Кононъ, со своими друбьями, волости Новгородскія и бояръ Новгородскихъ подѣлили себѣ на части.» Услыхавши объ этомъ, Новгородскіе воеводы сказали другъ другу: «братья! если такъ вздумалъ господинъ нашъ Князь Великій съ клятвопреступниками Двинскими воеводами, то лучше намъ умереть за св. Софію, чѣмъ быть въ обидѣ отъ своего Великаго Князя;» — и пошли на великокняжескія волости, на Бѣлоозеро, взяли ихъ на щитъ, повоевали и пожгли; старый городокъ Бѣлозерскій пожгли, а изъ новаго вышли Князя Бѣлозерскіе съ великокняжескими воеводами и добили челомъ воеводамъ Новгородскимъ и всему войску, заплативши 60 рублей окупа. Новгородцы захватили и Кубенскія волости, воевали около Вологды, взяли и сожгли Устюгъ, гдѣ оставались 4 недѣли; отсюда двое воеводъ съ дѣтьми боярскими ходили къ Галичу и только одного дня не дошли до него. Добычу взяли Новгородцы страшную: плѣнниковъ отпустили на окупъ, потому что уже лодьи не подымали, и многое принуждены были бросить. Съ Устюга Двиною пошлѣ Новгородцы къ городку Орлецу, стояли подъ нимъ четыре недѣли, но когда начали бить пороками, то Двиняне вышли изъ городка съ плачемъ, и воеводы, по Новгородскому слову, приняли ихъ челобитье, схватили только воеводъ Заволоцкихъ, которые водили Двинскую землю на зло, по словамъ лѣтописца: однихъ казнили смертію, другихъ сковали, у Князя Федора Ростовскаго взяли присудъ и пошлины, которые онъ побралъ, а самого съ товарищами оставили въ живыхъ; у гостей великокняжескихъ взяли окупа 300 рублей; у Двинянъ, за ихъ вину, взяли 2000 рублей, да 3000 лошадей. Съ торжествомъ возвратилось Новгородское войско домой, изъ 3000 человекъ потерявши только одного. Плѣнный воевода Заволоцкій, Иванъ Никитичъ, какъ главный перевѣтничъ, скинутъ былъ съ моста; братья его Герасимъ и Родіонъ выпросили себѣ у Великаго Новгорода жизнь, съ условіемъ постричься въ монахи; четвертый Анфалъ убѣжалъ съ дороги; за нимъ погнался Яковъ Прокофьевъ съ 700 человекъ, и пригнавъ къ Устюгу, гдѣ въ то время былъ Ростовскій архіепископъ Григорій и Князь Юрій Андреевичъ; Яковъ спросилъ владыку Григорія, Князя Юрія и Устюжанъ: «стоитъ ли за бѣглеца Новгородскаго Анфала?» Тѣ отвѣчали, что не стоятъ. Тогда Яковъ пошелъ

дальше за Анфаломъ и настигъ его за Медвѣжьимъ горою, гдѣ бѣглецы съ товарищами своими устроятъ себѣ острогъ и бѣглы изъ за него съ Новгородцами; Устюжане обманули Якова, и въ числѣ 2000 человекъ пришли на помощь къ Анфалу, и бѣглы съ Новгородцами крѣпко на рѣкѣ Сухонѣ, у порога Стрѣльнаго: Яковъ побѣдилъ, убилъ 400 человекъ Устюжанъ и дружины Анфаловой, перетопилъ другихъ въ Сухонѣ, но самъ Анфалъ убѣжалъ въ Устюгъ. Это было уже въ 1399 году; но еще въ предыдущемъ 1398 Новгородцы, не смотря на свои успѣхи, отправилъ къ Великому Князю Архимандрита, посадника, тысяцкаго и двохъ лучшихъ людей со вторичною просьбою о мирѣ, и получили его на старинныхъ условіяхъ ¹¹.

Но въ Москвѣ не могли забыть неудачи относительно Заволоцкаго края, не могли забыть и того, что владыка Іоаннъ благословилъ Новгородцевъ на войну съ Великимъ Княземъ. Въ 1401 году владыка былъ посланъ къ Митрополиту Кириіану въ Москву для святительскихъ дѣлъ, но былъ задержанъ тамъ, и пробылъ въ наказаніи и смиреніи слѣшкомъ три года. Въ то же время на Двинѣ возобновлена была прежняя попытка: извѣстный намъ Анфалъ Никитичъ съ братомъ Герасимомъ, которому удалось выбѣжать изъ Новгородскаго монастыря ¹², съ полками великокняжескими явились неожиданно въ Двинской землѣ и взяли ее всю на штыкъ, жителей посѣкли и повѣшали, имѣніе ихъ забрали, захватили и посадниковъ Двинскихъ; но трое изъ нихъ, собравши Вожака нагнаши Анфала и Герасима, бѣглы съ ними на Холмогорахъ, и отняли у нихъ бояръ Новгородскихъ. Въ то же время Великій Князь послалъ двохъ бояръ своихъ съ 300 человекъ въ Торжокъ, гдѣ они захватили двохъ бояръ Новгородскихъ и взяли имѣніе ихъ, хранившееся въ церкви. Какъ шли дѣла дальше, неизвѣстно; въ 1402 году В. Князь отпустилъ бояръ Новгородскихъ, захваченныхъ въ Торжкѣ, а въ 1404 отпущенъ былъ и владыка Іоаннъ ¹³. Потомъ подъ 1406 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о прѣздѣ въ Новгородъ князя Петра, брата великокняжескаго; въ 1408 году Великій Князь послалъ намѣстникомъ въ Новгородъ брата своего Константина, чего уже давно не бывало. Анфалъ Никитичъ не беспокоилъ болѣе владыкъ Новгородскихъ: въ 1409 году онъ пошелъ съ Вятчанами Камою и Волгою на городъ

Болгары, но былъ разбитъ Татарами и отведенъ въ Ордѣ; забывшись отъ мѣтна, онъ явился опять въ Вятку, но былъ здѣсь убитъ другимъ Новгородскимъ бѣглецомъ, Разсохнымъ въ 1418 году. Этотъ Разсохнъ шелъ по слѣдамъ Анфала отшельника Новгорода; въ 1417 году изъ Вятки, изъ отчины Великаго Князя, какъ выражается Новгородскій летописецъ, бояринъ князя Юрія Дмитріевича, Глѣбъ Семеновичъ съ Новгородскими бѣглецами — Жадовскимъ и Разсохнымъ, съ Устюжанами и Вятчанами, наѣхали въ насаждахъ, безъ вѣсти, на Заволоцкую землю, и повоевали волости Борекъ, Емцу ⁴⁴ и Холмогоры, захватили и двоихъ бояръ Новгородскихъ. Но четверо другихъ бояръ Новгородскихъ нагнали Глѣба Семеновича и отбили свою братью со всѣми другими пѣвниками и добычею, послѣ чего четверо воеводъ Новгородскихъ пошли съ Заволочанами въ погоню за разбойниками и пограбили Устюгъ ⁴⁵. Это было послѣднее враждебное столкновение Москвы съ Новгородомъ въ княженіе Василія Дмитріевича, который первый ясно показалъ намѣреніе примкнуть къ Москвѣ Заволоцкія владѣнія. Овладевши Нязинимъ Новгородомъ съ помощію тамопниихъ бояръ, Великій Князь попытался сдѣлать тоже самое и въ Двинской области; первая попытка была неудачна; но Московскій Князь, вѣрный преданіямъ своего рода, не теряетъ надежды на успѣхъ, повторяетъ попытку, не упускаетъ изъ виду разъ намѣченной цѣли. Почетный пріемъ, оказанный Новгородцами въ 1419 году Князю Константину Дмитріевичу, поссорившемуся съ старшимъ братомъ, какъ видно, не имѣлъ неприятныхъ слѣдствій для Новгорода ⁴⁶.

Слѣды внутренняго раздѣленія въ Новгородѣ; раздѣленія между лучшими и меньшими людьми, опять обнаруживаются: въ 1418 году какой-то простомудръ Степанъ схватилъ боярина Данила Ивановича, и сталъ кричать прохожимъ: «Господа, помогите мнѣ управиться съ этимъ злодѣемъ!» Прохожіе кинулись на Данила, поволокли его къ топкѣ, собравшейся на вѣтъ, и стали бить; между прочимъ выскочила изъ толпы какая-то женщина и начала бранить и бить его какъ нечестовая, крича, что онъ ее обидѣлъ; наконецъ полумертваго Данила свели съ вѣча и сбросили съ моста; но одинъ рыбакъ, Ляшковъ сынъ, захотѣлъ ему добра и взялъ на свой челнъ; народъ разъярился на рыбака и раз-

грабилъ его домъ, а самъ онъ успѣлъ скрыться. Дѣло этимъ не кончилось, потому что бояринъ Даниилъ хотѣлъ непременно отомстить Степану: онъ схватилъ его и сталъ мучить. Когда разошлась въ народѣ вѣсть, что Степанъ схваченъ, то зазвонили вѣче на дворѣ Ярославовомъ, собралось множество народа, и нѣскольке дней сряду кричали: «Пойдемъ на этого Даниила, разграбимъ его домъ!» Подняли доспѣхи, развернули знамя и пошли на Козмодемьянскую улицу, гдѣ разграбили домъ Данииловъ и много другихъ домовъ, а на Яневой улицѣ пограбили берегъ. Тогда Козмодемьянцы, боясь, чтобъ не было съ ними чего хуже, рѣшились выпустить Степана, и, пришедши къ Архидіакопу, стали умолять его, чтобъ вступился въ дѣло, и послалъ къ людскому собранію; святитель исполнилъ ихъ просьбу и послалъ священника Кузюдемьянскаго вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ, которые и освободили Степана. Но и этимъ дѣло не кончилось: народъ всталъ какъ пьяный на другаго боярина, Ивана Іевлича, разграбилъ его домъ на Чудивцовой улицѣ и много другихъ домовъ боярскихъ, мало того, разграбили и Никольскій монастырь на полѣ, говоря, что тутъ житницы боярскія; потомъ, въ то же утро, разграбили много дворовъ на Люгоцѣ улицѣ, говоря, что тамъ живутъ ихъ супостаты: пришли было и на Прусскую улицу, но жители ея отбились отъ грабителей, и это послужило поводомъ къ большому смятенію. Вѣчники прибѣжали на свою Торговую сторону и начали кричать, что Софійская сторона хочетъ на нихъ вооружиться и дома ихъ грабить, начали звонить по всему городу, — и вотъ съ обѣихъ сторонъ толпы повалили какъ на рать, въ доспѣхахъ, на большой мостъ; стали уже и падать мертвые: одни отъ стрѣлъ, другіе отъ лошадей; въ то же самое время страшная гроза разразилась надъ городомъ съ громомъ и молніею, дождемъ и градомъ; ужасъ напалъ на обѣ стороны, и многіе начали уже переносить имѣніе свое въ церкви. Тогда владыка Симеонъ пошелъ въ церковь св. Софїи, облачился, велѣлъ взять Крестъ и образъ Богородицы, и пошелъ на большой мостъ, за нимъ слѣдовали священники, причетъ церковный и толпа народу. Многіе добрые люди плакали, говоря: «да укротить Господь народъ, молитвами господина нашего святителя;» другіе, припадая къ ногамъ владыки, съ плачемъ говорили: «Иди, святитель, благослови на-

родъ, да утишитъ Господь твоимъ благословеніемъ усобную рать;» а иные прибавляли: «пусть все зло падеть на зачинщиковъ.» Между тѣмъ крестный ходъ, не взирая на тѣсноту отъ вооруженныхъ людей, достигъ большого моста; владыка сталъ посреди него и началъ благословлять крестомъ на обѣ стороны: тогда одни видя крестъ, начали кланяться, другіе прослезились; отъ Софійской стороны пришелъ старый посадникъ Ѳедоръ Тимофеевичъ съ другими посадниками и тысяцкими, и сталъ просить владыку, чтобъ установилъ народъ; владыка послалъ духовника своего, архимандрита Варлаама и протодьякона на дворъ Ярославовъ къ св. Николаю, отнести благословеніе степенному посаднику Василью Осиповичу, тысяцкому, всему народу, и сказать имъ, чтобъ расходились по домамъ. Тѣ отвѣчали: «Пусть святитель прикажетъ своей сторонѣ разойтись, а мы здѣсь своимъ, по его благословенію, приказываемъ то же самое,» — и такимъ образомъ всѣ разошлись.

Мы видѣли, какъ дорого заплатились Новгородцы за своихъ Ушкуйниковъ при Димитріи Донскомъ; это заставляло ихъ строго смотрѣть, чтобы шайки людей, обремененныхъ долгами, холопей, рабовъ не собирались въ ихъ волостяхъ и не отправлялись разбойничать на Волгу; это же повело и къ ссорѣ Новгорода со Псковомъ въ 1390 году, пошли Новгородцы съ войскою ко Пскову, подъ предводительствомъ Князя Семена Ольгердовича и стали на Солцѣ ¹⁸. Но тутъ явились къ нимъ послы Псковскіе и заключили миръ съ обязательствомъ не вступаться за должниковъ, холопей и рабовъ, которые ходили на Волгу, но выдавать ихъ. Ушкуйничество впрочемъ не прекратилось: подъ слѣдующимъ же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы, Устюжане и другіе собрались, и пошли въ посадахъ и ушкуяхъ рѣкою Вяткою и Камой, взяли Жукотинъ, Казань, выплыли потомъ на Волгу и пограбили всѣхъ гостей. Не прекратилась и вражда Новгорода со Псковомъ: въ 1394 году Новгородцы пошли съ войскомъ ко Пскову, и стояли подъ нимъ 8 дней; былъ у нихъ бой съ Псковичами, гдѣ они потерпѣли неудачу и принуждены были ночью бѣжать домой, побросавши свои стѣннотитныя орудія; вслѣдствіе этого то неудачнаго похода, свергнуть былъ, какъ видно, посадникъ Осипъ Захаровичъ. Несмотря однако на свое торжество, Пско-

миче не хотѣли предѣлать войны съ старшимъ братомъ и отпра-
вили пословъ въ Новгородъ: но на этотъ разъ послы возврати-
лись безъ мира; черезъ два года двинусь въ Новгородъ дождезан-
ные послы изъ Пскова и били челомъ владыкѣ Иоанну: «Чтобъ ты,
господинъ, благословилъ дѣтей своихъ Великій Новгородъ, чтобъ
господинъ нашъ Великій Новгородъ нелюбе намъ отдалъ, и при-
нялъ бы насъ въ старину.» Владыка благословилъ дѣтей своихъ:
«Вы бы, дѣти, мое благословеніе приняли, Псковичамъ нелюбе
отдали, и свою братью младшую приняли по старинѣ; потому что,
дѣти, видите, уже послѣднее время приходитъ, надобно всемъ
христіанамъ быть за одно.» Новгородцы послушались и заключили
миръ по старинѣ.

Но если послѣ этого не было войны между Новгородомъ и Пско-
вомъ, за то не было и единодушнаго союза между ними, какого
желалъ владыка; и послѣ Псковскій дѣтописецъ постоянно жа-
луется, что Новгородцы не помогаютъ Псковичамъ. Отношенія
между старшимъ и младшимъ братомъ были таковы, что они не
могли дѣйствовать за одно; но этотъ недостатокъ единства между
ними пролагалъ Московскимъ князьямъ путь къ усилению своей
власти, къ собранію Русской земли. Дѣйствительно, по словамъ
Новгородскаго владыки, приходило теперь послѣднее время, но
послѣднее время для особнаго существованія Новгорода, Пско-
ва и другихъ Русскихъ волостей. Угрожаемый Нѣмцами и Лит-
вою, оставаемый безъ помощи Новгородомъ, Псковъ необходи-
мо долженъ былъ обратиться къ сильному князю Московскому,
который теперь имѣлъ возможность заняться его дѣлами, оборо-
нить отчину св. Ольги, и вотъ съ послѣдняго года XIV вѣка во
Псковѣ происходитъ важная перемена: онъ начинаетъ принимать
князей отъ руки Великаго Князя Московскаго. Такимъ образомъ
сынъ Донскаго привнесилъ богатые волости на берегахъ Оки и
Волги, утвердилъ свое вліяніе во Псковѣ, заставилъ Новгородцевъ
держать свое княженіе честно и грозно, потому что грозилъ
постоянно ихъ богатымъ колоніямъ заволокнуть. Рязань и Тверь,
слабыя, волнуемыя усобицами, не могли и думать о борьбѣ съ
Москвою, но все болѣе и болѣе подчинялись ея вліянію. Въ 1402
году младшій Князь Московскій Василій отъ имени всѣхъ роди-
чей — дяди Владиміра Андреевича и троихъ родныхъ братьевъ —

Юрія, Андрея и Петра заключилъ договоръ съ Великимъ Княземъ Рязанскимъ, Феодоромъ Ольговичемъ. Въ этомъ договорѣ Московскій Князь дѣлитъ своихъ родичей на два разряда—братьевъ младшихъ (Князь Владиміръ Андрѣевичъ и Князь Юрій Дмитріевичъ) и братьевъ меньшихъ (Князь Андрей и Петръ Дмитріевичи). Великій Князь Рязанскій обязывается держать Великаго Князя Московскаго старшимъ братомъ, младшихъ его братьевъ равными себѣ братьями, меньшихъ братьевъ младшими. Обязывается не приставать къ Татарамъ; выговариваетъ себѣ право отправлять посла (Князя) въ Орду съ подарками, право принять у себя Татарскаго посла съ честію для добра христіанскаго; но при этомъ обязывается давать знать въ Москву, если вздумаетъ послать Князя, равно какъ передавать въ Москву все вѣсти орднскія. «А отдаются ютъ насъ Орда, тогда тебѣ съ нами учинить по думѣ,» прибавляетъ Великій Князь Московскій. Не разъ было упомянуто о наслѣдственной враждѣ между Великими Князьями — Рязанскимъ и Пронскимъ; Московскій Князь ставитъ себя посредникомъ между ними и вноситъ въ договоръ слѣдующее условіе: «Съ Княземъ Великимъ Иваномъ Владиміровичемъ (Пронскимъ) взять любовь по прежнимъ грамотамъ; а если учинится между васъ какая обида, то вамъ послать бояръ своихъ для рѣшенія спора, если же они не рѣшатъ, то третій (судья) имъ Митрополитъ: кого Митрополитъ обвинитъ, тотъ и долженъ отдати обидное; а не отдастъ, то я, Великій Князь Василій Дмитріевичъ, заставлю его исправиться. «Московскій князь обязываетъ Рязанскаго помириться съ князьями Новосильскимъ и Торускимъ «по прежнимъ грамотамъ, и жить съ ними безъ обиды, потому что тѣ князья одинъ человекъ съ Московскимъ. Если случится у этихъ князей споръ съ княземъ Рязанскимъ о вемлѣ или о водѣ, то рѣшаютъ его бояре, высланные съ обѣихъ сторонъ; если же бояре не уздаются, то избираютъ третьяго судью, приговоръ котораго приводится въ исполненіе княземъ Московскимъ. Если князь Литовскій Витовтъ захочетъ любви съ княземъ Рязанскимъ, то послѣдній можетъ взять съ нимъ любовь, но только по думѣ съ княземъ Московскимъ, какъ будетъ годно. Но недолго на посредничество Московскаго князя, вражда между князьями Рязанскимъ и Пронскимъ не стихла: въ 1408 году князь Иванъ

Владиміровичъ Пронскій пришегъ печаянно съ Татарами и выгналъ изъ Рязани князя Ѳедора Ольгевича, который бѣжалъ за Оку. Московскій князь послалъ на помощь къ изгнанному воеводу Коломенскаго и Муромскаго съ тамошними полками; на рѣкѣ Смядѣ²⁰ встрѣтились они съ Пронскимъ княземъ и были разбиты: Коломенскій воевода былъ убитъ, Муромскій взятъ въ плѣнъ. Не смотря однако на эту побѣду, Пронскій князь уступилъ Рязань опять Ѳедору, вѣроятно вслѣдствіе угрозъ князя Московскаго.

Въ 1399 году умеръ Тверской князь Михаилъ, послѣдній опасный соперникъ Московскаго князя. Договорная грамота его съ сыномъ Донскаго дошла до насъ²¹: въ ней отношенія князя Тверскаго къ Московскому и его братьямъ не опредѣлены родовыми счетами: Михаилъ называется просто братомъ Василя. Тверской князь обязывается за себя, за дѣтей своихъ, за внучатъ и за племянниковъ не искать ни Москвы, ни великаго княженія Владимірскаго, ни великаго Новгорода; обязывается быть за одно съ Московскимъ княземъ на Татарь, на Литву, на Нѣмцы и Ляховъ. Если на Московскихъ князей нападуть Татары, Литва, Нѣмцы или Поляки, и самъ Василій съ братьями сядетъ на коня, то Михаилъ обязанъ послать къ нимъ на помощь двоихъ сыновей, да двоихъ племянниковъ, оставивъ у себя одного сына; если же Татары, Литва или Нѣмцы нападуть на Тверское княжество, то Московскій князь обязанъ самъ идти на помощь къ Михаилу съ своею братею. Эта разница въ обязательствахъ объясняется старостію Михаила относительно Василя. Тверской князь обязанъ объявить Витовту Литовскому, что онъ одинъ человекъ съ Московскимъ княземъ. Къ Орду Тверскому князю путь чистъ, равно его дѣтямъ, внучатамъ и людямъ. Въ первый разъ Московскій князь упоминаетъ о князьяхъ, которыхъ ему или его младшей брати Богъ поручилъ: если кто-нибудь изъ нихъ отъѣдетъ къ Тверскому князю, то послѣдній не можетъ вступаться въ ихъ вотчины: онѣ остаются за Московскимъ княземъ.

Распределение Тверскихъ волостей между сыновьями, сдѣланное княземъ Михаиломъ, замѣчательно: и здѣсь ясно обнаруживается намѣреніе завѣщателя увеличить волость старшаго брата предъ волостями младшихъ, чтобъ сдѣлать возстаніе послѣднихъ и уособицы невозможными: старшій сынъ Михаила, Иванъ полу-

чиль Тверь съ семейю городами, а двое другихъ сыновей, Василій и Федоръ только по два города; при томъ можно думать, что въ Кашиинскомъ же удѣлѣ втораго сына, Василія Михайловича, помѣщенъ былъ и внукъ Михайловъ Иванъ, сынъ умершаго при жизни отцовою Бориса Михайловича²². Мы видѣли упорную борьбу Михаила съ Дмитріемъ Московскимъ, которая обличала большую энергію въ Тверскомъ Князѣ; мы видѣли также стремленіе Михаила подчинить себѣ Кашиинское княжество; это стремленіе увѣнчалось успѣхомъ, не смотря на сопротивленіе Москвы, ибо мы видимъ Кашиинъ во власти Михаила, и онъ завѣщаетъ этотъ городъ второму сыну своему Василю. Миръ, господствовавшій въ Тверскихъ волостяхъ въ продолженіе 25 лѣтъ по окончаніи борьбы съ Москвою, далъ Михаилу досугъ обратить свою дѣятельность на устроеніе внутренняго наряда; и авторъ сказанія о его смерти говоритъ, что въ княженіе его разбойники, воры и ябедники исчезли, корчемники, мытари и торговля злымъ тамги истребились, о насиліяхъ и грабежахъ нигдѣ не было слышно; вообще о Михаилѣ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ такой отзывъ: былъ онъ крѣпокъ, сановитъ и смысленъ, взоръ имѣлъ грозный и дивный.

Новый Тверской князь, Иванъ Михайловичъ, по обычаю, немедленно же хотѣлъ воспользоваться полученными отъ отца средствами для приведенія въ свою волю младшихъ братьевъ. Тверскіе бояре великокняжескіе начали обижать удѣльныхъ князей; Василій Михайловичъ Кашиинскій пришелъ къ своей матери, Великой Княгинѣ Евдокии, и сталъ говорить ей «Бояре брата нашего крестное цѣлованіе къ намъ сложили, тогда какъ они клялись отцу нашему—хотѣть намъ добра.» Великая Княгиня тотчасъ же отправила своихъ бояръ съ боярами младшихъ сыновей къ старшему, которому они должны были сказать: «Господинъ Князь Великій! вопреки грамотѣ отца нашего бояре твои сложили къ намъ крестное цѣлованіе, и тыбъ, господинъ Князь Великій, пожаловалъ, велѣлъ своимъ боярамъ крестное цѣлованіе держать по грамотамъ отца нашего.» Но Иванъ велѣлъ имъ прямо сказать, что бояре Тверскіе сложили къ нимъ крестное цѣлованіе по его приказу, и началъ съ тѣхъ поръ сердиться на мать, братьевъ и племянника. Но мать послѣдняго, вдова Бориса Михайловича, родомъ

Смоляне, взяла сына, боярина Воронца и явилась въ Тверь къ Великому Князю съ оправданіемъ, что она не посылала своихъ бояръ вмѣстѣ съ другими удѣльными. Эта лукавая лесь, по выроженію лѣтописца, понравилась Ивану; онъ отнялъ у брата, Василя Кашинскаго, Луское озеро и отдалъ его племяннику Ивану Борисовичу. Тщетно Василій чрезъ владыку Тверскаго Арсенія просилъ у брата общаго суда: тотъ велѣлъ отвѣчать ему: «суда тебѣ не дамъ.» Скоро Иванъ успѣлъ примыслить новую волюсть къ своей отчинѣ: въ 1402 году умеръ двоюродный братъ его, Иванъ Всеволодовичъ Холмской, и мимо роднаго брата Юрія отказалъ свой удѣлъ сыну Великаго Князя Александру²³; въ слѣдующемъ году этотъ Александръ выгналъ дядю Василя Михайловича изъ Кашина; тотъ убѣжалъ въ Москву, и Великій Князь Василій успѣлъ на этотъ разъ помирить его съ старшимъ братомъ; но черезъ годъ, когда Кашинскій князь пріѣхалъ за тѣмъ то въ Тверь къ старшему брату, то послѣдній велѣлъ схватить его вмѣстѣ съ боярами; двоюродный братъ ихъ, Юрій Всеволодовичъ, боясь такой же участи, убѣжалъ въ Москву; неизвѣстно, что заставило Ивана выпустить своего плѣнника и поцѣловать съ нимъ крестъ; но черезъ мѣсяцъ Кашинскій князь былъ уже въ Москвѣ, и Тверскіе намѣстники сидѣли въ Кашинѣ, угнѣтая его жителей продажами и грабежомъ. Дѣла Литовскія мѣшали Московскому Великому Князю вступить въ усобицу Тверскихъ князей. Какъ видно, онъ далъ изгнанному Василю Михайловичу Переяславль въ кормленіе; но когда явился изъ Литвы болѣе важный для Москвы выходець, князь Александръ Нелюбъ, то Великій Князь Василій отдалъ Переяславль ему; вѣроятно это самое обстоятельство заставило Кашинскаго князя вступить въ переговоры съ старшимъ братомъ своимъ, Иваномъ Тверскимъ, который возвратилъ ему Кашинъ.

Между тѣмъ Юрій Всеволодовичъ Холмскій все жилъ въ Москвѣ, и вдругъ въ 1407 году поѣхалъ въ Орду искать Великаго княженія Тверскаго подъ двоюроднымъ братомъ своимъ, Иваномъ. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, также отправился въ Орду судиться съ Юріемъ; но легко было предвидѣть, кто изъ двухъ будетъ оправданъ на этомъ судѣ; богатый ли Иванъ, или безземельный Юрій? Всѣ князья Ордынскіе, говоритъ лѣтописецъ, оправдали кня-

за Ивана Михайловича и съ честью отпустили его въ Тверь, а Юрій остался въ Ордѣ. Въ 1408 году поднялась вражда между княземъ Иваномъ Михайловичемъ и племянникомъ его Иваномъ Борисовичемъ, которому онъ до сихъ поръ покровительствовалъ: услыхавъ о приближеніи дяди съ войскомъ къ Кашину, Иванъ Борисовичъ бѣжалъ въ Москву; но мать его отвезена была плѣнницею въ Тверь, и въ Кашинѣ сѣли намѣстники Великаго Князя Тверскаго, т. е. какъ надобно полагать, въ той части Кашина, которою владѣлъ Иванъ Борисовичъ, ибо тутъ же сказано, что князь Иванъ Михайловичъ заключилъ миръ съ братомъ своимъ, Василиемъ Кашинскимъ. Миръ этотъ однако продолжался не болѣе трехъ лѣтъ: въ 1412 году встало опять между братьями нелюбие великое, по выраженію лѣтописца: Князь Иванъ Михайловичъ Тверской велѣлъ схватить брата своего, Василия Михайловича Кашинскаго, вмѣстѣ съ женою, боярами и слугами; княгиню велѣлъ отвести въ Тверь, а самого Василия Михайловича въ Старицу; но при переправѣ черезъ рѣку Тмаку, когда всѣ провожатые сошли съ лошадей, князь въ одномъ терликѣ, безъ кивера, погналъ свою лошадь въ бродъ, переправился черезъ рѣку, и потомъ поскакалъ по неѣзжалымъ дорогамъ; въ одномъ селѣ посчастливилось ему найти преданнаго человѣка, который заботился объ немъ, укрывалъ въ лѣсу, перенималъ вѣсти и, улучивъ наконецъ удобное время, убѣжалъ съ княземъ въ Москву.

Въ это самое время явился изъ Орды въ Тверь посолъ лютый звать князя Ивана къ Хану; тотъ поѣхалъ; но еще прежде него отправился въ Орду изъ Москву братъ его Василий, прежде и возвратился, и, пользуясь отсутствіемъ старшаго брата, попытался было овладѣть Кашиномъ съ Татарами; но князь Иванъ Борисовичъ съ Тверскою заставою (гарнизонемъ) не пустилъ его въ городъ. Это показываетъ во первыхъ, что Василій успѣлъ склонить хана на свою сторону, ибо тотъ далъ ему Татаръ въ помощь, во вторыхъ видимъ, что князь Иванъ Борисовичъ помирился уже съ старшимъ дядею, и дѣйствовалъ за него противъ младшаго. Скоро перемѣна хана въ Ордѣ перемѣнила и дѣла Тверскія: враждебный князю Ивану Михайловичу ханъ Зелени-Салтанъ былъ убитъ, и преемникъ его отпустилъ Тверскаго князя съ честью и пожалованіемъ²⁴.

Этимъ объясняются извѣстія о Тверскихъ дѣлахъ въ княженіе Василия Дмитріевича. Дѣла Ордынскія и Литовскія ишли Московскому Князю пользоваться Тверскими уособицами; сначала князь Иванъ Михайловичъ былъ въ союзѣ съ Москвою и послалъ полки свои на помощь Василию Дмитріевичу противъ Витовта кѣ рѣкѣ Плавѣ; но тутъ Московскій князь скрылъ свои переговоры съ Витовтомъ отъ князей и воеводъ Тверскихъ, кромѣ того, въ договорной грамотѣ съ Литовскимъ княземъ написалъ имя Тверскаго Великаго Князя ниже именъ родныхъ братьевъ своихъ Дмитріевичей, вслѣдствіе чего Тверичи съ гнѣвомъ ушли домой, и князь ихъ съ тѣхъ поръ пересталъ помогать Москвѣ²⁵. Не смотря на то однако онъ не смѣлъ и думать объ открытой борьбѣ съ Москвою. Опасеніе Тверскаго князя затронуть могущественную Москву видно изъ того, что когда Эдигей, во время осады Москвы, послалъ звать его къ себѣ на помощь съ войскомъ, то князь Иванъ неказалъ видѣ, что послушался приказа, и поѣхалъ къ Эдигею, только одинъ, безъ войска; а потомъ, подъ предлогомъ болѣзни, возвратился съ дороги. Современники считали этотъ поступокъ Тверскаго Князя мастерскимъ дѣломъ; вотъ что говорить летописецъ: «Тановымъ коварствомъ перемудрова, ни Эдигея разгнѣва, ни Князю Великому погроби, обоимъ обоего избѣжа; се же створи уменски, паче же истински».

Тверской князь боялся князя Московскаго на равнѣ съ ханомъ Татарскимъ: это всего лучше показываетъ значеніе Москвы при сынѣ Донскаго; несмотря на то Василий Дмитріевичъ не могъ еще смотрѣть на хана, какъ только на равнаго себѣ владѣтеля, не могъ совершенно избавиться отъ зависимости ордынской. Мы видѣли, что въ началѣ своего княженія Московскій Князь ѣздилъ въ Орду искать благосклонности Тохтамыша, съ ярлыкомъ котораго овладѣлъ Нижнимъ. Между тѣмъ летописи говорятъ о нападеніяхъ Татаръ на Рязань: два раза пустошили они это пограничное съ степью княжество безнаказанно, въ третій были побиты княземъ Олегомъ; въ 1391 году Тохтамышъ послалъ какого-то царевича Бектута, которому удалось взять Вятку, перебить и пощипать ея жителей; какъ видно этотъ походъ былъ предпринятъ съ цѣлю отмстить Вятчанамъ за ихъ ушкунничество. Болѣе важныхъ предпріятій нельзя было ожидать со стороны Тохтамыша,

потому что къ смятеніямъ внутреннимъ присоединилась еще борьба съ Тамерланомъ. Въ концѣ XIV вѣка для Амирида времени Чингисидовъ; сынъ небогатаго Чагатайскаго князька, Тимуръ или Тамерланъ началъ въ половинѣ XIV вѣка поприще свое мелкимъ грабежомъ и разбоями, а въ 1371 году владѣлъ уже землями отъ Каспійскаго моря до Манчуріи. Ему былъ объявленъ Тохтамышъ престоломъ Кипчакскимъ; но не хотѣлъ быть благодарнымъ и вооружился противъ Тамерлана. Въ 1395 году, на берегахъ Терека, Тохтамышъ потерпѣлъ поражение и принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ лѣсахъ Болгарскихъ, а Тамерланъ вошелъ въ Русскіе предѣлы, взявъ Елецъ, плѣнилъ его князя, опустошилъ окрестную страну. Наваденіе не было печальное и Василій Дмитріевичъ имѣлъ время приготовить: онъ собралъ большое войско и сталъ на границѣ своего княжества, на берегу Оки. Но онъ не дождался врага; простоявши 15 дней въ землѣ Рязанской, опустошивши оба берега Дона, Тамерланъ вышелъ изъ Русскихъ предѣловъ, въ тотъ самый день, когда Москвичи встрѣтили образъ Богородицы, принесенный изъ Владиміра.

Послѣ разгрома Тамерланова Золотая Орда долге не была опасна Московскому князю; въ продолженіе 12 лѣтъ лѣтописецъ раза три упоминаетъ только о пограничныхъ сшибкахъ хищническихъ отрядовъ Татарскихъ съ Рязанцами; при чемъ успѣхъ болѣею частію оставался на сторонѣ послѣднихъ. Нѣсколько хановъ перемѣнилось въ Ордѣ, а Великій Князь Московскій не думалъ не только самъ ѣздить къ нимъ на поклонъ, но даже не посылалъ никого; на требованіе дани отвѣчалъ, что княжество его стало бѣдно людьми, не на комъ взять выхода, тогда какъ Татарская дань съ двухъ сохъ по рублю шла въ казну велико-княжескую. Наконецъ обращеніе съ Татарами перемѣнилось въ областяхъ Московскихъ: надъ послами и гостями ордынскими начали смѣяться и мстить имъ за прежнее разными притѣсненіями²⁶. Въ это время, какъ во время Мамаева, всѣми дѣлами въ Ордѣ завѣдывалъ князь Эдигей; долго терпѣлъ онъ презрительное обращеніе Московскаго князя съ бывшими повелителями; наконецъ рѣшился напомнить ему о себѣ. Но, подобно Тохтамышу, и Эдигей не осмѣлился явно напасть на Москву, встрѣтиться въ чистомъ полѣ съ ея пол-

кани; только отъ житрости и тайны ядалъ онъ успѣла; далъ знать Великому Князю, что ханъ со всею Ордою идетъ на Вятку, а самъ съ необыкновенною скоростію устремился къ Москвѣ. Великій Дмитріевичъ, достигнутый врасплохъ, оставилъ защищать Москву дядю Владимира Андреевича, да братьевъ своихъ Андрея и Петра Дмитріевичей, а самъ съ княгинею и дѣтьми уѣхалъ въ Коострому. Жители Москвы смутились, отъ страха побѣжали въ разныя стороны, не заботясь объ имѣніи, чѣмъ воспользовались разбойники и воры и напомили свои руки богатствомъ. Посады были уже выжжены, когда явились Татары Эдигеевы и со всѣхъ сторонъ облегли городъ. Остановившись у Москвы, Эдигей разослалъ въ разныя стороны отряды, которые опустошили Переяславль, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Верею, Новгородъ Нижній, Городецъ, Клинь; много народу погибло отъ Татаръ, много и отъ жестокаго холоду и вьюгъ. Тридцати-четыре-тысячныи отрядъ посланъ былъ въ погоню за Великимъ Княземъ, но не успѣлъ догнать его. Между тѣмъ Эдигей стоялъ спокойно подъ Кремлемъ; сберегая людей и помня неудачу Тохтамышеву, онъ не дѣлалъ пристуновъ, а хотѣлъ зимовать и принудить къ сдачѣ голодомъ; уже мѣсяцъ стоялъ Эдигей подъ Москвою, какъ вдругъ пришла къ нему вѣсть изъ Орды отъ хана, чтобъ шелъ немедленно домой, потому что какой-то царевичъ напалъ на хана. Осажденные ничего не знали объ этомъ, и когда Эдигей прислалъ къ нимъ съ мирными предложеніями, то они съ радостію заплатили ему три тысячи рублей за отступление; Эдигей поспѣшно поднялся и вышелъ изъ Русскихъ предѣловъ, взявши по дорогѣ Рязань (1408 г.).

Но и послѣ нашествія Эдигеева Московскій князь три года не ѣздилъ въ Орду самъ и не посылалъ туда ни родственниковъ своихъ, ни бояръ большихъ; только въ 1412 году, когда новый ханъ Зелени-Салтанъ (Джамаледдинъ Султанъ), сынъ Тохтамыша далъ изгнаннымъ Нижегородскимъ князьямъ ярлыкъ на ихъ отчину, Василій Дмитріевичъ поѣхалъ въ Орду съ большимъ богатствомъ и со всѣми своими вельможами. Это послѣднее извѣстіе объ отношеніяхъ Москвы къ Ордѣ въ княженіе Василя Дмитріевича; послѣ встрѣчаемъ только извѣстія о нападеніяхъ Татарскихъ на пограничныя съ степью Русскія области: въ 1410 году

Татары напали нечаянно на Рязань, но были отбиты и потеряли добычу; въ 1414 они воевали по Задонью, взяли Елецъ, и убили тамошняго князя; въ 1422 году они прогнаны были изъ области Одоевской; въ 1424 году ханъ Кумдадатъ вошелъ въ Одоевскую область, простоялъ здѣсь три недѣли, и отправился къ Рязани; но здѣсь встрѣченъ былъ Русскими войсками и пораженъ²⁷.

Опаснѣе была Литва. Когда еще въ 1386 году Василій Дмитріевичъ спасался бѣгствомъ изъ Орды отъ Тохтамыша, то, разумѣется, не могъ бѣжать прямою дорогою, а направлялъ путь къ западнымъ странамъ, свободнымъ отъ Татарскаго вліянія; сначала онъ укрылся въ Молдавію, а оттуда пробирался въ Москву чрезъ Литовскія владѣнія; извѣстія разногласятъ на счетъ того, гдѣ именно Василій встрѣтился съ Витовтомъ, ведшимъ тогда борьбу съ Ягайломъ; но согласны въ томъ, что молодой Московскій Князь далъ или принужденъ былъ дать Кейстуту сыну слово жениться на его дочери Софій. Слово было сдержано, какъ только Василій сталъ Великимъ Княземъ: въ 1390 году трое бояръ великокняжескихъ привезли невѣсту въ Москву изъ-за-моря, отъ Нѣмцевъ, по выраженію лѣтописца, т. е. изъ владѣній Ордена, гдѣ жилъ тогда Витовтъ. Но эта близкая родственная связь не принесла Москвѣ никакой пользы, когда Витовтъ, помирившись съ Ягайломъ, сталъ великимъ Княземъ Литовскимъ, и началъ стремиться къ увеличенію своихъ владѣній, ибо это увеличеніе единственно могло произойти чрезъ покореніе областей Руси восточной.

Сначала Орденъ не давалъ Витовту досуга обратить свое вниманіе на востокъ: Великій Магистръ Конрадъ-фонъ-Юнгингенъ хотѣлъ воспользоваться борьбою между Ягайломъ и младшимъ братомъ его, Свидригайломъ Ольгердовичемъ Витебскимъ, (который, по обычаю, отдался подъ покровительство Ордена), и въ 1394 году осадилъ Вильну. Но, несмотря на многочисленность осаждавшихъ, ихъ искусство, опытность вождей, превосходную по тому времени артиллерію, осажденные отбивались съ такимъ мужествомъ, что магистръ, потерявъ треть войска, множество лошадей и снарядовъ, принужденъ былъ снять осаду и заключить миръ съ Витовтомъ, чтобы только безпрепятственно выйти изъ Литвы²⁸. Миръ съ Нѣмцами далъ Витовту возможность обра-

тить внимание на востокъ и принять въ вѣнскую волю Смоленикую. Въ Смоленскѣ происходила къ это время сильная усобица между княземъ Юріемъ Святославичемъ и братьями его за удѣлы и за то, что ни одинъ братъ не хотѣлъ служить другому. Князь Юрій былъ принужденъ уѣхать изъ Смоленска къ тестю своему, князю Олегу Рязанскому, а Витовтъ спѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, ибо удаленіе Юрія не приняло остальныхъ Святославичей; Литовскій князь распустилъ слухъ, что идетъ на Татаръ — и вмѣсто того вдругъ явился подъ Смоленскомъ. Одинъ изъ князей, Глебъ Святославичъ, выѣхалъ къ нему на встрѣчу съ небольшою дружиной, былъ принятъ съ честью, отпущенъ съ миромъ, при чемъ Витовтъ велѣлъ сказать остальнымъ князьямъ: «Чтобъ вамъ всѣмъ князьямъ братьямъ выѣхать ко мнѣ съ любовью, по охранной грамотѣ (по опасу); слышалъ я, что между вами нѣтъ единства и вражда большая; такъ если будетъ между вами какой споръ, то вы соплитесь на меня, какъ на третьяго, и я васъ расужу справедливо.» Смоленскіе князья обрадовались, что нашелся безпристрастный третій судья, который расудитъ ихъ по всей справедливости и раздѣлитъ имъ вотчину по жребію; всѣ они собрались и поѣхали къ Витовту съ дарами; но Витовтъ, взявши дары, велѣлъ перехватывать всѣхъ князей и отослалъ ихъ въ Литву; потомъ подступилъ къ городу, пожегъ посады, взялъ крѣвность, и посадилъ вѣсь своихъ намѣстниковъ (1395 г.).

Но старшій изъ Смоленскихъ князей Юрій оставался на свободѣ, въ Рязани, и въ концѣ 1395 года тестъ его Олегъ, вмѣстѣ съ нимъ и другими князьями опустошилъ Литовскія владѣнія; но еще не успѣвъ Олегъ возвратиться въ Рязань, какъ услышалъ, что Витовтъ пустошитъ его собственныя волости. Тогда, оставивъ свою добычу въ надежномъ мѣстѣ, Олегъ ударилъ въ раскѣлъ на Литовцевъ, раскѣвшикся для грабежа и поразилъ ихъ; Витовтъ испугался и ушелъ домой. Великій Князь Московскій при всѣхъ этихъ событіяхъ явно держалъ сторону тестя: въ 1396 году онъ ѣздилъ на свиданіе съ нимъ въ Смоленскъ, праздновалъ здѣсь Пасху, и когда Рязанскій князь снова вошелъ съ полками въ землю Литовскую и осадилъ Любутскъ, то Василий отпр^{ками} и къ нему посла и отвелъ его отъ этого города. Потомъ, въ чистомъ

товѣ восталъ въ Рязанскіи владѣнїи, и пролягъ адѣсь кровь какъ воду, по выраженію аѣтвиной, и людей побивалъ: сажая ихъ уицями, то изъ Москвы не было ему никакого прештетенїа, взыротивъ зять встрѣтилъ его въ Коломиѣ, поднесъ дары и оказалъ большую честь. Мы видѣли, что въ 1397 году оба князя, и Московскій и Литовскій за одно посылали требовать отъ Новгородцевъ, чтобы тѣ разорвали миръ съ Нѣмцами; но тогда же Московскій князь могъ узнать, какого соперника онъ имѣлъ въ своемъ тестѣ, ибо въ тоже время Витовтъ требовалъ отъ Новгородцевъ, чтобы тѣ поддались ему; получивши отказъ, онъ послалъ въ 1389 году въ Новгородъ грамоту разметную (объявленіе войны); и велѣлъ сказать Новгородцамъ: «вы меня обезчестили: что было вамъ мнѣ поддаться, а мнѣ было вашимъ Княземъ Великимъ быть и васъ оборонять; но вы мнѣ не поддались.» Но не одинъ Витовтъ объявлялъ свои притязанія на Новгородъ: еще въ 1389 году прїѣхалъ туда князь Симеонъ Лугвеній Ольгердовичъ, былъ принятъ Новгородцами съ честью, и за эту честь далъ брату своему, королю Ягайлу слѣдующую записъ: «Такъ какъ Господинъ Владиславъ (Ягайло), Король Польскій, Литовскій, Русскій и иныхъ земель многихъ Господарь, поставилъ васъ опекуномъ надъ мужами и людьми Великаго Новгорода: то мы Королю и Ядвигѣ Королеви, вмѣстѣ съ Новгородцами, обѣщались и обѣщаемся, пока держимъ Новгородъ въ нашей опекѣ, быть при коронѣ Польской и никогда не отступать отъ нея²².»

Намѣреніе Витовта овладѣть Новгородомъ обнаруживается и въ договорѣ его съ Ордею въ 1398 году: адѣсь Витовтъ обѣщался Ордену помогать ему въ завоеваніи Пскова, за что Ордею, съ своей стороны, обязался помогать Витовту въ завоеваніи Великаго Новгорода. Но война съ послѣднимъ была отложена, потому что Витовтъ обратилъ вниманіе на дѣла Ордынскія, въспышавъ въ которыхъ обѣщало ему выгоды болѣе важныя. По удавленіи Тамерлана на югъ, Тохтамышъ попытался было снова утвердиться въ Золотой Ордѣ, но былъ изгнанъ ханомъ Темиръ Кутлушомъ (Kothogh-Timur) и отдался въ прекровительство Витовту, который обѣщалъ ему возвратитъ Кинчакъ съ тѣмъ, чтобы Тохтамышъ потомъ помогъ ему овладѣть Москвою. Въ 1399 году Витовтъ собралъ огромное войско: кромѣ Руси, Литвы, Жмуди и Татаръ Тох-

тамшевыхъ, здѣсь были полки Волошскіе, Польскіе и Нѣмецкіе, ибо и находившіеся тогда въ мирѣ съ Витовтомъ Великій Магистръ Ордена прислалъ ему отрядъ войска; однихъ князей гѣтлицы насчитываютъ до пятидесяти. Передъ выступленіемъ въ походе, къ Витовту явились послы отъ Темира Кутлуя: «Выдай мнѣ бѣглаго Тохтамыша, велѣлъ сказать ему ханъ: онъ мой врагъ, не могу оставаться въ покоѣ, зная, что онъ живъ и у тебя живетъ; потому что измѣнчива жизнь наша: нынче ханъ, а завтра бѣглець, нынче богатъ, завтра нищій, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своихъ, не только что чужихъ, а ханъ Тохтамышъ чужой мнѣ и врагъ мой, да еще злой врагъ; такъ выдай мнѣ его, а что ни есть около его, то все тебѣ». Витовтъ велѣлъ отвѣчать на это: «Хана Тохтамыша не выдамъ, а съ ханомъ Темиръ Кутлуемъ хочу видѣться самъ.» На берегахъ Ворсклы произошло это свиданіе, въ полѣ чистомъ, въ землѣ Татарской. Но передъ битвою начались опять переговоры; Темиръ Кутлуй послалъ сказать Витовту: «За чѣмъ ты на меня пошелъ? я твоей земли не брагъ, ни городовъ, ни селъ твоихъ.» Витовтъ велѣлъ отвѣчать: «Богъ покоришь мнѣ всѣ земли, покорись и ты мнѣ, будь мнѣ сыномъ, а я тебѣ буду отцемъ, и давай мнѣ всякій годъ дани и оброки; если же не хочешь быть сыномъ, такъ будешь рабомъ, и вся орда твоя будетъ предана мечу.» Испуганный ханъ соглашался на всѣ требованія Витовта, который, видя такую уступчивость, началъ требовать, чтобы на деньгахъ ордынскихъ чеканилось клеймо Литовскаго Князя; ханъ просилъ три дня срока подумать. Но въ это время пришелъ къ нему Эдигей; старикъ, узнавши объ условіяхъ, сказалъ хану: «Лучше намъ умереть, чѣмъ согласиться на нихъ,»—и послалъ къ Витовту требовать личныхъ переговоровъ; Литовскій Князь выѣхалъ на берегъ Ворсклы, и Эдигей сталъ ему говорить съ другаго берега: «По праву взялъ ты нашего хана въ сыновья, потому что ты старъ, а онъ молодъ; но я старше еще тебя, такъ слѣдуетъ тебѣ быть моимъ сыномъ, дань давать каждый годъ, и клеймо мое чеканить на Литовскихъ деньгахъ.» Витовтъ разсвирѣпѣлъ и велѣлъ немедленно полкамъ своимъ сходить на битву. Сначала полки Витовтовы схватились съ полками Эдигеевыми; съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ самострѣловъ и пищали; но пушки и пищали плохо дѣйствовали въ чистомъ

полѣ. Несмотря на то Витовтова рать крѣпко боролась, падали стрѣлы какъ дождь, и стали подки Витовтовы перемогать князя Эдигея. Но въ это время обошли кругомъ помли Темиръ-Кутлуевы, вступили въ битву, и одолѣли силу Литовскую: Тохтамышъ первый обратился въ бѣгство, и въ этомъ бѣгствѣ много народа побралъ и много Литовской земли пограбилъ. Побѣдители взяли весь обозъ Витовта, который едва успѣлъ убѣжать съ небольшою дружиной; Татары гнались за нимъ пятьсотъ верстъ до самаго Кіева: ставши подъ этимъ городомъ, Темиръ-Кутлуй распустилъ свою силу воевать Литовскую землю, и ходила Татарская рать до самаго Луцка, опустошивъ все на своемъ пути. Кіевъ откупился тремя тысячами рублей, при чемъ Печерскій монастырь заплатилъ отъ себя 30 рублей, и ханъ ушелъ въ степи, оставивъ Литовскую землю въ плачъ и скудости: гѣтописецъ насчитываетъ между убитыми слишкомъ 20 князей³⁰.

Битва Куликовская возвѣстила паденіе Татарскаго владычества въ восточной Европѣ; Мамай пришелъ на Довъ съ цѣлю напомнить Руси Батыя, возстановить порядокъ вещей, утвердившійся послѣ сраженія при Сити; Мамай былъ побѣжденъ, и битва при Ворсклѣ показала ясно слѣдствія этой побѣды: Темиръ-Кутлуй пришелъ не нападать, но защищаться отъ замысловъ одного изъ государей восточной Европы; унижительныя условія, которыя онъ соглашался принять, показываютъ всего лучше перемѣну отношеній. Татары побѣдили, но какія же были слѣдствія этой побѣды? опустошеніе нѣкоторой части Литовскихъ владѣній—и только! Темиръ-Кутлуй долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что освободился отъ страха предъ Тохтамышемъ. Важность битвы при Ворсклѣ для судебъ восточной Европы не подлежитъ сомнѣнію: конечно нельзя нисколько утверждать, что торжество Витовта и Тохтамышя надъ Темиръ-Кутлуемъ было бы необходимымъ слѣдствіемъ подчиненіе Москвы и остальныхъ княженій восточной Руси Витовту; но нельзя также не признавать, что опасность Москвѣ отъ этого торжества грозила большая.

Витовтъ приутихъ, и заключилъ съ Новгородцами миръ по старинѣ въ 1400 году. Въ то же время и Смоленяне, которымъ тяжело было господство Литовское, завели сношенія съ роднымъ княземъ своимъ, Юріемъ Святославичемъ, жившимъ по древнему у та-

стя въ Рязани. Юрій пришелъ къ Олегу и сталъ говорить ему со слезами: «Пришли ко мнѣ послы изъ Смоленска отъ доброхотовъ моихъ, говорятъ, что многіе хотятъ меня видѣть на отчинѣ и дѣдинѣ моей; сотвори, господинъ, Христову любовь помоги, посади меня на отчинѣ и дѣдинѣ моей, на великомъ княженіи Смоленскомъ.»—И вотъ въ 1401 году, Олегъ вмѣстѣ съ Юріемъ, князьями Пронскимъ, Муромскимъ и Козельскимъ, отправился къ Смоленску: время онъ улучилъ удобное, говоритъ лѣтописецъ, потому что Витовтъ оскудѣлъ тогда до конца людьми послѣ побойща при Ворсклѣ, и въ Смоленскѣ была крамола: одни хотѣли здѣсь Витовта, а другіе многіе своего отчича, стариннаго князя Юрія. Пришедши подъ Смоленскъ, Олегъ велѣлъ повѣстить его жителямъ: «Если не отворите города и не примите господина вашего, князя Юрія, то буду стоять здѣсь долго, и предамъ васъ мечу и огню; выбирайте между животомъ и смертію.» Смольняне едались, и многіе изъ нихъ были рады князю своему Юрію, но другіе ненавидѣли его. Вошедши въ городъ, Юрій началъ тѣмъ, что убилъ Витовтова намѣстника, князя Романа Михайловича Брянскаго съ его боярами, а потомъ перебилъ и Смоленскихъ бояръ, преданныхъ Витовту. Олегъ, возвративши зятю его отчину, не былъ этимъ доволенъ, но вошелъ со всѣмъ войскомъ въ Литовскія владѣнія, и возвратился оттуда съ большою добычею.

Въ Августъ мѣсяцѣ утвердился въ Смоленскѣ Юрій, а осенью того же года Витовтъ уже стоялъ съ полками подъ этимъ городомъ, гдѣ поднялась сторона ему преданная; но противники Литвы осилили, перебили много ея приверженцевъ, и Витовтъ, простоявши четыре недѣли монапрасну, заключилъ перемиріе и отступилъ отъ Смоленска. Слѣдующій 1402 годъ былъ счастливѣе для Витовта: сынъ Рязанскаго Князя, Родославъ Ольговичъ пошелъ на Брянскъ, но у Любутска встрѣтили его двое князей Гедиминовичей — Симеонъ-Лугвеній Ольгердовичъ и Александръ Патрикіевичъ Стародубскій, разбили его и взяли въ плѣнъ; три года просидѣлъ онъ въ тяжкомъ заключеніи у Витовта, наконецъ отпущенъ въ Рязань за 3000 рублей. Въ 1403 году побѣдитель Родослава, Лугвеній ваялъ Вазьму; а въ 1404 самъ Витовтъ опять осадилъ Смоленскъ, и опять неудачно: три мѣсяца стоялъ онъ

подъ городомъ, много трудился и билъ пушками, но взять не могъ, и, опустошивъ окрестности, ушелъ въ Литву. Смоленскій Князь Юрій видѣлъ однако, что одинъ онъ не въ состоянн противиться Витовту, который показывалъ ясно намѣреніе овладѣть во что бы ни стало Смоленскомъ, внутри котораго была у него сильная сторона; Олегъ Рязанскій умеръ (1402 г.), слѣдовательно отсюда нечего было ожидать помощи. Оставался только одинъ Русскій князь, могшій поспорить съ Витовтомъ, то былъ князь Московскій; но послѣдній, зять Витовта, до сихъ поръ былъ съ нимъ въ постоянномъ союзѣ; трудно было надѣяться и отсюда помощи безкорыстной; Юрій видѣлъ, что изъ двухъ подданствъ надобно выбрать менѣе тяжкое, и потому взявши опасную грамоту, прѣехалъ въ Москву, и сталъ умолять Василя Дмитріевича о помощи: «Тебѣ все возможно, говорилъ онъ: потому что онъ тебѣ тесть, и дружба между вами большая, помири и меня съ нимъ, чтобъ не обижалъ меня. Если же онъ ни слезъ моихъ, ни твоего дружескаго совѣта не послушаетъ, то помоги мнѣ бѣдному, не отдавай меня на съденіе Витовту; если же и этого не хочешь, то возьми городъ мой за себя; владѣй лучше ты имъ; а не поганая Литва.» Василій обѣщался помочь ему, но медлилъ; въ нѣкоторыхъ источникахъ эта медленность объясняется доброжелательствомъ Московскаго князя къ тестю³¹, хотя она можетъ естественно объясняться и безъ этого. Какъ бы то ни было, въ то время, когда медлили въ Москвѣ, въ Смоленскѣ и Литвѣ не теряли времени: бояре Смоленскіе, доброжелательствовавшіе Витовту, послали сказать ему, чтобъ шелъ какъ можно скорѣе къ ихъ городу, прежде чѣмъ придетъ Юрій съ помощію Московскою. Витовтъ явился, и бояре сдали ему городъ, вмѣстѣ съ женою Юрьевою, дочерью Олега Рязанскаго. Витовтъ отослалъ княгиню въ Литву вмѣстѣ съ нѣкоторыми боярами, другихъ бояръ, самыхъ сильныхъ себѣ противниковъ казнилъ смертію, посадилъ въ городъ своихъ намѣстниковъ, а жителямъ далъ большія льготы, отводя ихъ тѣмъ отъ князя Юрія, чтобъ земля Смоленская не хотѣла послѣдняго и не любила. Въ Москвѣ сильно разсердились, или по крайней мѣрѣ показали видъ, что разсердились, когда узнали о сдачѣ Смоленска; желая, какъ видно, сложить всю вину на самого Юрія и поскорѣе освободиться отъ не-

го, Василій сказалъ ему: «Пріѣхалъ ты сюда съ обманомъ, приказавши Смольянамъ сдаться Витовту³²,»—и Юрій, видя гнѣвъ Московскаго князя, уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители приняли его и дали тринадцать³³ городовъ; Юрій и Новгородцы цѣловали другъ другу крестъ—не разлучаться ни въ жизни ни въ смерти; если пойдутъ какіе иноплеменики на Новгородъ ратью, то обороняться отъ нихъ князю Юрію съ Новгородцами за одно. Такъ пало знаменитое княжество Ростиславичей, отчина Мстислава!

Новгородцы, заключая договоръ съ княземъ Юріемъ противъ иноплемениковъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, имѣли въ виду самаго опаснаго изъ этихъ иноплемениковъ, князя Литовскаго. И дѣйствительно, въ слѣдующемъ же 1405 году, Витовтъ, пославши объявленіе войны въ Новгородъ, самъ вошелъ съ войскомъ въ Псковскую волость, тогда какъ Псковскій посоль жилъ еще въ Литвѣ, и Псковичи, ничего не зная, не могли приготовиться: Витовтъ взялъ городъ Коложе и вывелъ 11,000 пѣнныхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, не считая уже убитыхъ; потомъ стоялъ два дня подъ другимъ городомъ, Вороначемъ, гдѣ Литовцы накидали двѣ лодки мертвыхъ дѣтей: такой гадости, говорить летописецъ, не бывало съ тѣхъ поръ, какъ Псковъ сталъ. Между тѣмъ Псковичи послали въ Новгородъ просить помощи, и Новгородцы прислали къ нимъ полки съ тремя воеводами; но Витовтъ уже вышелъ изъ Русскихъ предѣловъ. Псковичи вздумали отомстить ему походомъ въ его владѣнія, и звали съ собою Новгородцевъ: «Пойдемте, господа, съ нами на Литву, метить за кровь христіанскую;»—но воеводы Новгородскіе побоялись затрогивать страшнаго Литовскаго князя, и отвѣчали Псковичамъ: «Нашъ владыка не благословилъ идти на Литву, и Новгородъ намъ не указалъ, а идемъ съ вами на Нѣмцевъ.» Псковичи разсердились, отправили Новгородцевъ домой, а сами выступили въ походъ, завоевали Ржеву, въ Великихъ Лукахъ взяли стягъ Коложскій, бывшій въ плѣну у Литвы, и возвратились съ добычею³⁴. Мало этого: въ 1406 году Псковичи подняли всю свою область и пошли къ Полоцку, подъ которымъ стояли трое сутокъ.

Но ни Псковичи, ни Новгородцы не надѣялись одними собственными силами управиться съ Витовтомъ, и потому послали просить защиты у Московскаго князя. Мы не знаемъ, какіе были

уговоры у Васи́лія Дми́тріевича съ Витовтомъ относительно Смоленска, уже прежде принадлежавшаго Литовскому князю; нѣтъ ничего страннаго, что Москва дѣйствовала нерѣшительно въ Смоленскомъ дѣлѣ. Но нападеніе на Псковскія волости показывало ясно, что Витовтъ, ободренный вторичнымъ взятіемъ Смоленска, не хочетъ удовольствоваться этимъ однимъ примысломъ, и Московскій князь не хотѣлъ ему уступать Пскова и Новгорода: Васи́лій разорвалъ миръ съ тестемъ за Псковскую обиду, отправилъ брата Петра въ Новгородъ; потомъ, сложивши, вмѣстѣ съ Тверскимъ княземъ, крестное цѣлованіе къ Витовту, собрали полки и послали ихъ въ Литовскую землю: они приступали къ Вязьмѣ, Серпѣйску³⁵, и Козельску, но безуспѣшно. Витовтъ за это велѣлъ перебить всѣхъ Москвичей, находившихся въ его владѣніяхъ; но здѣсь уже отозвался разрывъ съ Московскимъ княземъ: до сихъ поръ тѣ изъ южныхъ Русиновъ и Литвиновъ, которые были недовольны новымъ порядкомъ вещей, начавшимъ утверждаться со времени соединенія Литвы съ Польшею, должны были сдерживать свое неудовольствіе, ибо негдѣ было искать помощи, кромѣ иновѣрнаго Ордена: сильный единовѣрный Московскій князь находился постоянно въ союзѣ съ Витовтомъ. Но когда этотъ союзъ переѣнился на вражду, то недовольнымъ Литовскимъ открылось убѣжище въ Москвѣ: первый пріѣхалъ изъ Литвы на службу къ Великому Князю Московскому князь Александръ Нелюбъ, сынъ Князя Ивана Ольгимантовича, и съ нимъ много Литвы и Поляковъ; Васи́лій Дми́тріевичъ принялъ его съ любовью, и далъ ему въ кормленіе Переяславль. Съ обѣихъ сторонъ, и въ Москвѣ и въ Литвѣ, собирали большое войско, и осенью 1406 года Московскій князь выступилъ въ походъ, и остановился на рѣкѣ Плавѣ, близъ Кропивны, куда пришли къ нему на помощь полки Тверскіе съ четырьмя князьями и Татарскіе отъ хана Шадибека. Литовскій князь также вышелъ на встрѣчу къ зятю съ сильнымъ войскомъ, Поляками и Жмудью; но, по обычаю, битвы между ними не было: князья начали пересылаться, заключили перемиріе до слѣдующаго года, и разошлись, при чемъ Татары, уходя, пограбили Русскія области.

Въ 1407 году Литовцы начали непріятельскія дѣйствія, взявши Одоевъ. Московскій Князь пошелъ опять съ большимъ вой-

союзъ на Литовскую землю, взялъ и сжегъ городъ Дмитровецъ;³⁶ но встрѣтившись съ тестемъ у Вязьмы, опять заключилъ перемиріе, и оба князя разошлись по домамъ. Въ слѣдующемъ году отъѣхалъ изъ Литвы въ Москву родной братъ Короля Ягайла, Сѣверскій Князь Свидригайло Ольгердовичъ, постоянный соперникъ Витовта, и соперникъ опасный, потому что пользовался привязанностію православнаго народонаселенія въ южной Руси. Свидригайло пріѣхалъ не одинъ; съ нимъ пріѣхалъ владька Черниговскій, шесть князей югозападной Руси и множество бояръ Черниговскихъ и Сѣверскихъ. Московскій князь не зналъ, чѣмъ изъяснить свое радушіе знаменитому выходцу: онъ далъ Свидригайлу въ кормленіе городъ Владиміръ, со всеѣми волостями и поцлинами, селами и хлѣбами земляными и стоячими, также Переяславль (взятый слѣдовательно у Князя Нелюба), Юрьевъ Польскій, Волокъ Ламскій, Ржевъ и половину Коломны. Въ Іюль пріѣхалъ Свидригайло, въ Сентябрѣ Василій съ полками своими и Татарскими уже стоялъ на границахъ, на берегу Угры, а на другомъ берегу этой рѣки стоялъ Витовтъ съ Литвою, Поляками, Нѣмцами и Жмудью. Но и тутъ битвы не было: постоявши много дней другъ противъ друга, князья заключили миръ, и разошлись.

Витовтъ былъ сдержанъ: послѣ мира на Угрѣ, во все остальное время княженія Васиіева, онъ не обнаруживалъ больше неприязнелскихъ замысловъ ни противъ Москвы, ни противъ Новгорода и Пскова. Во время войны между князьями Московскимъ и Литовскимъ Новгородцы, по обычаю, не хотѣли быть ни за того, ни за другаго: не отступали отъ Москвы и между тѣмъ держали у себя на пригородахъ князя Симеона-Лугвенія Олгердовича, присажника Ягайлова. Напрасно послѣ того Ягайло и Витовтъ уговаривали Новгородцевъ заключить тѣсный союзъ съ Польшею и Литвою и воевать вмѣстѣ съ Нѣмцами: тѣ не соглашались, при чемъ высказалась уже главная причина, которая будетъ постоянно препятствовать тѣсному союзу Новгорода съ Гедиминовичами: послѣдніе были уже Латины, поганые. Въ 1414 году, Симеонъ-Лугвеній, видя, что мало пользы служить на пригородахъ Новгородскихъ, уѣхалъ въ Литву, свелъ и намѣстниковъ своихъ, и въ началѣ слѣдующаго года Ягайло, Витовтъ и Лугвеній разорвали всякій союзъ съ Новгородцами, прислали имъ вѣстныя

грамоты, и велѣли сказать: «Что было вамъ взятъся служить намъ, разорвать миръ съ Нѣмцами, съ нами стать за одно и закрѣпиться на обѣ стороны въ запасъ; пригодился бы этотъ союзъ — хорошо; а не пригодился, такъ ничего бы дурнаго не было; мы къ вамъ посылали бояръ своихъ Немира и Зиновья Братошича спросить васъ; стоите ли въ прежнемъ договорѣ? и вы отвѣчали Немиру: «Не можетъ Новгородъ исполнить королевскаго требованія: какъ онъ съ Литовскимъ княземъ миренъ, такъ и съ Нѣмцами миренъ.» — Мы князя Лугвенія вывели отъ васъ къ себѣ, съ Нѣмцами заключили миръ вѣчный, и съ Венграми и со всеѣми нашими сосѣдями (граничниками), а вы слово свое забыли, да еще ваши люди насъ бранили и безчестили, погаными звали; кромѣ того вы приняли нашего врага, сына Смоленскаго князя.» Лугвеній велѣлъ прибавить: «Держали вы меня у себя хлѣбкормленіемъ, а теперь старшимъ моимъ братьямъ, Королю и Витовту, это не любо, и мнѣ не любо, потому что я съ ними одинъ человекъ, и съ меня крестное цѣлованіе долой.» Войны однако у Новгорода съ Литвою не было: въ 1414 году Новгородскіе послы ѣздили въ Литву и заключили съ Витовтомъ миръ по старинѣ; Псковичи же заключили миръ съ Литовскимъ Княземъ еще въ 1409 году, по старинѣ, на Псковской волѣ, по докончанію Великаго Князя Василя Дмитріевича; слѣдовательно при заключеніи мира на Угрѣ Московскій князь выговорилъ у Витовта и миръ съ Псковомъ. Но въ 1418 году Витовтъ писалъ къ Великому Магистру Нѣмецкаго Ордена, поднимая его противъ Псковичей; Магистръ отговаривался тѣмъ, что у Ордена со Псковомъ заключенъ десятилѣтній миръ; Витовтъ возражалъ, что Орденъ учрежденъ для постоянной борьбы съ невѣрными, и слѣдовательно долженъ помогать ему, Витовту, какъ единовѣрному государю противъ невѣрныхъ Псковичей; представлялъ въ примѣръ собственное поведеніе: въ прошломъ году Московскій Великій Князь присылалъ звать его на Нѣмцевъ, но онъ не согласился⁹⁷. Неизвѣстно, потому ли Витовтъ хотѣлъ поднять Орденъ на Псковичей, что самъ не могъ напасть на нихъ безъ нарушенія договора съ Москвою; извѣстно только то, что войны со Псковомъ не было.

Витовтъ былъ сдержанъ; но на сѣверовостокѣ не умѣялъ понять необходимости войны съ Литовскимъ княземъ; видѣли во-

оруженія смѣльныя, но съ перваго взгляда безполезныя, видѣли странную борьбу, немнчившуюся, какъ будто, ничѣмъ; сильно догадывали, что мноплеменнику Свидригайлу дано такъ много богатыхъ волостей; всего больше боялись и ненавидѣли Татаръ; отъ нихъ опасались вредныхъ замысловъ, и вотъ дѣйствительно Эдигей страшно опустошилъ Московскія владѣнія. «Эдигей, по мнѣнію лѣтописца, соорилъ тестя съ зятемъ, чтобъ они тратили свои силы въ борьбѣ, и тѣмъ легче стали бы добычею Татаръ; Эдигей послалъ въ Москву къ Великому Князю Василию, побуждая его на Витовта, давая ему помощь свою, а князья и бояре и всѣ думцы великокняжескіе и вся Москва радовалась Эдигеевой любви къ Василию Дмитріевичу, и говорили: «всѣя Орда въ волѣ Великаго Князя, кого хочеть воеуетъ.» Вотъ и начали воевать Литву, воя съ собою рать Татарскую, а Литва воевала Москвичей, крови лилось много, Татары обогащались добычею, а Московскіе бояре, воеводы и вельможи неселились. Но старикамъ старымъ это не нравилось: «не добра дума боярѣ нашихъ, говорили они, что приводить на помощь къ себѣ Татаръ, нанимають ихъ серебромъ и золотомъ; не оттого ли и въ старину Кіеву и Чернигову приключились большія напасти и бѣды? и тамъ братья воевали другъ съ другомъ, поднимая Половцевъ на помощь; а Половцы, разсмотрѣвши весь нарядъ и всю крѣпость князей нашихъ, потомъ ихъ воику одомѣвали. Что если и тецерь тоже случится? Князь Великій Василій Дмитріевичъ воевалъ съ тестемъ своимъ, великимъ Княземъ Витовтомъ Кестутевичемъ, утомился и заключилъ перемиріе; а вражда между ними умножалась, и оба понесли много убытковъ и томленія. Не было въ то время на Москвѣ боярѣ старыхъ, но молодые обо всемъ совѣтовали, радуясь войнѣ и кровопролитію, а между тѣмъ Эдигей безпрестанно ссорилъ князей, разсматривая весь Русскій нарядъ и все войско, дожидаясь удобнаго времени, когда бы напасть на Русь. Въ это время прислалъ въ Москву къ Великому Князю Свидригайло Ольгердовичъ, желая съ нимъ дѣлать воевать Литву. Свидригайло былъ върою Ляхъ, но устроилъ къ брани, мужъ храбрый и крѣпкій на ополченіе; обрадовался ему Князь Великій со всѣми боярами своими, дали ему городовъ много, чуть чуть не половину всего княженія Московскаго, и даже славный городъ Владимиръ, гдѣ собранная зла-

товерхая церковь Пречистой Богородицы: и это все Ляху пришелицу дано было; отъ того и многія бѣды постигли насъ: храбрый князь Свидригайло Ольгердовичъ и храброе его войнство смутились и испугались, какъ дѣти малые, во время Эдигеева нашествія, и обратились въ бѣгство.»

Такъ рассуждаетъ лѣтописецъ. Свидригайло дѣйствительно не оправдалъ надеждъ Великаго Князя, хотя, быть можетъ, союзъ этого Ольгердовича съ Московскимъ княземъ и заставилъ Витовта ускорить заключеніемъ мира съ послѣднимъ. Свидригайло не могъ быть доволенъ такимъ окончаніемъ войны, которое несколько не измѣняло его положенія къ лучшему относительно Литвы: ему не удалось свергнуть Витовта съ Московскою помощію. Вотъ почему онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ братомъ Великаго Князя, Юріемъ, который уже тогда былъ въ разномысліи съ Василіемъ, не желая уступать старшинства племяннику: этимъ объясняется поступокъ Свидригайла, который, во время Эдигеева нашествія, не оказалъ Великому Князю ни какой помощи, и скоро отъѣхалъ назадъ въ Литву (1409 г.), обнаруживъ свою вражду къ Москвѣ тѣмъ, что на дорогѣ ограбилъ Серпуховъ³³.

Неизвѣстно, чего надѣялся Свидригайло въ Литвѣ; извѣстно только то, что по пріѣздѣ своемъ сюда, онъ былъ схваченъ въ Кременцѣ, заключенъ въ темницу Ягайломъ и Витовтомъ, и пробылъ въ цѣпяхъ около девяти лѣтъ: только въ 1418 году онъ былъ освобожденъ Острожскимъ княземъ и убѣжалъ въ Венгрію. Но заключеніе Свидригайла не могло положить конца волненіямъ въ Литвѣ и Руси, ибо эти волненія зависѣли не отъ личности одного человѣка, но отъ взаимныхъ отношеній двухъ или трехъ народовъ приведенныхъ въ неожиданную связь однимъ случайнымъ обстоятельствомъ. Слѣдя за отношеніями Московскаго князя къ Литовскому, мы видѣли обширные честолюбивые замыслы послѣдняго: примысливъ важную волость Смоленскую, Витовтъ хотѣлъ сдѣлать тоже съ Новгородомъ и Псковомъ, хотѣлъ посадить своего хана въ Кипчакѣ и съ его помощію подчинить себя Москву; но этотъ могущественный и честолюбивый князь былъ не иное что, какъ вассалъ двоюроднаго брата своего, Короля Польскаго: могъ ли Витовтъ терпѣливо сносить та-

кое положеніе, могли ли терпѣливо снести его Литва и Русь? Въ 1398 году, королева Ядвига прислала къ Витовту письмо, въ которомъ говорилось, что Ягайло отдастъ ей княжество Литовское и Русское въ вѣно, въ свидѣніе чего она имѣетъ право на ежегодную дань съ нихъ. Витовтъ собралъ сеймъ въ Вильнѣ, и предложилъ боярамъ Литовскимъ и Русскимъ вопросъ: «считаютъ ли они себя подданными короны Польской въ такой степени, что обязаны платить дань королеву?» Всѣ единогласно отвѣчали: «Мы не подданные Польши ни подъ какимъ видомъ; мы всегда были вольны, наши предки никогда Полякамъ дани не платили, не будемъ и мы платить, останемся при нашей прежней вольности.» После этого Поляки больше уже не толковали о дани. Но Витовтъ и бояре его не могли забыть этой попытки съ стороны Польши, и должны были подумать о томъ, какъ бы высвободиться и изъ подъ номинальнаго подчиненія. Однажды на обѣдѣ, данномъ по случаю заключенія мира съ Орденомъ, бояре провождали гостя Витовта, Короля Литовскаго и Русскаго, и преслали его, чтобъ онъ позволилъ всегда такъ величать себя. Витовтъ на этотъ разъ притворился скромникомъ, и отвѣчалъ, что не смѣетъ еще почитать себя достойнымъ такого высокаго титула. Король Литовскимъ и Русскимъ могъ провозглашать его вельможи, потому что еще въ 1386 году древняя собственная Русь, или Кіевская область лишилась своего Великаго князя Сиргайла-Ивана, и соединилась опять съ Литвою. Но если князь Литовско-Русскій съ своими боярами хотѣлъ независимости отъ Польши, то вельможи Польскіе старались всѣми силами соединить неразрывно Литву и Русь съ своимъ государствомъ: въ 1401 году, на Вилненскомъ сеймѣ, въ присутствіи Ягайла и Витовта, было опредѣлено, что по смерти Витовта Литва и Русь возвращаются снова подъ власть Ягайла; по смерти же королевской ни Литва безъ Польши не выбираетъ Великаго Князя, ни Польша безъ Литвы не выбираетъ Короля; оба народа имѣютъ общихъ вѣровъ и друзей. Ходили слухи еще объ одномъ пунктѣ договора, а именно, что по смерти Ягайла престолъ Польскій переходитъ къ Витовту. Въ 1413 году связь съ Польшею была еще болѣе скрѣплена на сеймѣ Городельскомъ: дворянство Ли-

товское сравнено въ правахъ съ дворянствомъ Польскимъ, за номоченіемъ однако православныхъ³⁹.

Последній пунктъ показывалъ ясно, какъ мало прочности было для будущаго въ этой связи Литвы съ Польшою; пока она еще не рушилась, и первымъ важнымъ слѣдствіемъ ея для восточной Европы было одержаніе Нѣмецкаго Ордена. Въ концѣ XIV вѣка Витовтъ, чтобы занять дѣлами на востокѣ, хотѣлъ жить въ мирѣ съ Нѣмцами, и даже отдалъ имъ на жертву Жмудь, упорно державшуюся язычества. Въ 1399 году, пользуясь прибытіемъ заграничныхъ крестоносцевъ, въ томъ числѣ Карла, Герцога Лотарингскаго, Великій Магистръ выступилъ на Жмудь, жители которой одни не могли сопротивляться Нѣмцамъ, и принуждены были принять подданство и крещеніе; нѣкоторые изъ нихъ, однако, по примѣру старыхъ Пруссовъ, убѣжали въ Литву. Когда Орденъ неотступно требовалъ ихъ выдачи у Витовта, то послѣдній отвѣчалъ: «Вы, вѣрно, хотите, чтобы я всѣмъ Жмудянкамъ за разъ велѣлъ возвратиться въ ихъ землю? Хорошо; но знайте, что эти люди самые горячіе приверженцы независимости, которую вы отняли у ихъ земляковъ; никто лучше ихъ не защититъ ее.» Угроза Витовта скоро исполнилась: возстаніе вспыхнуло во всей Жмудѣ, толпы вышли изъ дѣсовъ и ударили на новопостроенные замки орденскіе, сожгли ихъ, изрубили гарнизоны, начальниковъ, рыцарей, духовныхъ побрали въ неволю, послѣ чего отправлены были послы къ Витовту съ просьбою, чтобы онъ велѣлъ Жмудь подъ свою власть. Витовтъ согласился; Жмудяне разослали всюду грамоты съ жалобою на Орденъ: «Выслушайте насъ, угнетенныхъ, измученныхъ, выслушайте насъ, князья думные и свѣтскіе! Орденъ не ищетъ душъ нашихъ для Бога, онъ ищетъ земель нашихъ для себя; онъ насъ довелъ до того, что мы должны или ходить по-міру, или разбойничать, чтобы было чѣмъ жить. Какъ они послѣ того смѣютъ называть себя братьями, какъ смѣютъ крестить? Кто хочетъ другикъ умирать, долженъ быть самъ чистъ. Правда, что Пруссы покрещены; но они также ничего не смыслятъ въ вѣрѣ, какъ и прежде: когда войдутъ съ рыцарями въ чужую землю, то поступаютъ хуже Турокъ, и чѣмъ злѣе совершаютъ, тѣмъ больше похвалъ получаютъ отъ Ордена. Всѣ плоды земли нашей и улья пчелиные рыцари у насъ за-

брали; не даютъ намъ ни звѣря бить, ни рыбы ловить, ни торговать съ сосѣдями; что годъ, увозили дѣтей нашихъ къ себѣ въ заложники; старшинъ нашихъ завезли въ Пруссію, другихъ со всѣмъ родомъ огнемъ сожгли; сестеръ и дочерей нашихъ силой увлекли—а еще крестъ святой на платьѣ носить! Сжальтесь надъ нами! Мы просимъ крещенія, но вспомните, что мы люди же, сотворенные по образу и подобию Божию, а не звѣря какіе... Отъ всей души хотимъ быть христіанами, но хотимъ креститься водою, а не кровію.»

Началась война. Рыцари, пользуясь отсутствіемъ Витовта къ брату въ Краковъ, опустошили окрестности Гродно, за что Жмудь взяла Мемель; два раза потомъ сильное орденское войско опустошало Литву; Витовтъ отплатилъ рыцарямъ опустошеніемъ Пруссіи; съ обѣихъ сторонъ впрочемъ не сдѣлали ничего важнаго и заключили перемиріе, а въ 1404 году вѣчный миръ. Витовтъ принужденъ былъ сдѣлать заключеніемъ мира съ Орденомъ, потому что долженъ былъ обратить вниманіе свое на отношенія къ сѣверо-восточной Руси; онъ уступилъ опять Жмудь рыцарямъ, обязавшись даже, въ случаѣ сопротивленія Жмудиновъ, помогать Ордену при ихъ покореніи. Не смотря на это, Жмудь не думала покоряться добровольно. Когда Орденскія и Витовтовы войска входили въ ея области, жители преклонялись на время передъ силою, но потомъ возставали опять. «Не мало у насъ (говорили они) прелатовъ, ксензовъ и тому подобныхъ людей; которые отбираютъ у насъ шерсть и молоко, а въ ученіи христіанскомъ не наставляютъ насъ.» Между тѣмъ Витовтъ, управившись на востокъ, началъ думать, какъ бы опять овладѣть Жмудью; сталъ поддерживать жителей ея въ ихъ возстаніяхъ, съдѣлалъ чего были новыя войны Польши и Литвы съ Орденомъ. Въ 1410 году Витовтъ соединился съ Ягайломъ и встрѣтилъ Орденское войско подъ Грюнвальдомъ: у рыцарей было 83,000 войска; у Витовта и Ягайла 168,000, между которыми находились Русскія полки: Смоленскій, Полоцкій, Витебскій, Киевскій, Пинскій и другіе. Въ началѣ битвы успѣхъ былъ на сторонѣ рыцарей; но отчаянное мужество Русскихъ Смоленскихъ полковъ, выдержавшихъ натискъ Нѣмцевъ, дало возможность Витовту поправить дѣло: рыцари потерѣли страшное пораженіе, потеряли Велика-

го Магистра Ульриха фонъ-Юнгингена, болѣе 40,000 убитыми и 15,000 взятыми въ плѣнъ, вмѣстѣ со всѣмъ обозомъ. Грюнвальдская битва была одна изъ тѣхъ битвъ, которыя рѣшаютъ судьбы народовъ: слава и сила Ордена погибли въ ней окончательно; покорители разъединенныхъ Пруссовъ встрѣтили громадное ополченіе изъ трехъ соединенныхъ народовъ Восточной Европы, предъ которымъ силы, мужество, искусство рыцарей оказались недостаточными; военное братство, существовавшее для борьбы, не имѣло болѣе ни средствъ, ни цѣли для борьбы; силы его поникли предъ соединенными силами трехъ народовъ христіанскихъ; въ ополченіи враговъ Ордена не приносилось болѣе языческихъ жертвъ, въ немъ раздавалась христіанская молитва: «Богородице, Дѣво, радуйся!» Орденъ былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ; потерянныя силы не восполнились болѣе толпами рыцарей изъ разныхъ краевъ Европы, потому что Орденъ не велъ болѣе войнъ съ невѣрными, следовательно существованіе его становилось уже безцѣльнымъ, не нужнымъ, и существованіе это послѣ Грюнвальдской битвы представляеть только продолжительную агонію.

Въ то время, какъ Орденъ Тевтонскій въ Пруссіи оканчивалъ борьбу свою съ Литвою, другая половина его, Орденъ Меченосцевъ въ Ливоніи, продолжалъ борьбу съ Псковомъ и Новгородомъ. Въ 1406 году, по возвращеніи Псковичей съ войны Литовской, изъ подъ Полоцка, Магистръ Ливонскій пришелъ со всею силою, и ходилъ двѣ недѣли по ихъ волости⁴⁰: но извѣстно, что значило тогда ходить по чужой волости. Жители пригорода Велья⁴¹ выѣхали въ числѣ 150 человекъ желѣзной рати, помолились Богу и св. Михаилу и ударили на Нѣмцевъ; поганые не выдержали и обратились въ бѣгство, потерявши много людей и знамя; а изъ Велья никто не былъ не только убитъ, но даже и раненъ; одного только Нѣмца взяли въ плѣнъ, но и тотъ убѣжалъ. Это было въ Августѣ мѣсяцѣ; въ Октябрѣ Псковичи подняли всю свою волость в походъ на Нѣмецкую землю, подстерегли Нѣмецкую рать, убили у нея 20 человекъ, да 7 взяли живыхъ: потомъ пошли за Новый Городокъ, встрѣтили другую Нѣмецкую рать, ударили и на нее, убили 315 Нѣмцевъ, потеряли своихъ 34 человекъ, и возвратились домой съ большою добычею. Въ слѣдующемъ году пріѣхалъ

во Псковъ братъ Великаго Князя Московскаго, Константинъ; первымъ дѣломъ его было послать слугу своего въ Новгородъ на добро Пскову, просить помощи на Нѣмцевъ; Новгородцы однако отказались, не помогли Псковичамъ ни словомъ, ни дѣломъ. Тогда Князь Константинъ, будучи юнъ верстою, по выраженію лѣтописца, но совершенъ умомъ, поднявши всю область Псковскую и пригороды, пошелъ воевать за Нарову; повоевали много погостовъ, взяли много добычи; со времени князей Довмонта и Давыда Псковичи не бывали еще такъ далеко въ Нѣмецкой землѣ. Благополучно возвратились Псковичи изъ похода; но скоро князь Константинъ уѣхалъ отъ нихъ, и дѣла пережъидись; Магистръ пришелъ ко Пскову со всею Нѣмецкою силою; Псковичи вышли къ нему на встрѣчу, четыре дня стояли непріатели другъ противъ друга и бились объ рѣку; Нѣмцы не отважились перейти ее и пошли уже назадъ, какъ Псковичи, ободренные этимъ отступленіемъ, перешли рѣку, и погнались за ними; тогда Нѣмцы оборотились и нанесли имъ сильное пораженіе на Логозовицкомъ полѣ⁴²; убили трехъ посадниковъ, множество бояръ и сельскихъ людей, всего 700 человекъ; Нѣмцамъ побѣда стоила также дорого и они не могли воспользоваться ею. Это побоище, по словамъ лѣтописца, было также сильно, какъ Ледовое и Раковорское. Въ то же самое время другая рать Псковская потерпѣла неудачу за Наровою, принуждена была бросить свои лодки и бѣжать отъ непріателя. Псковскій лѣтописецъ при этомъ продолжаетъ жаловаться на Новгородцевъ: они взяли князя изъ Литвы, говорить онъ, все Псковичамъ на переکورъ, вложилъ имъ дьяволъ злыя мысли въ сердце — водить дружбу съ Литвою и Нѣмцами, а Псковичамъ не помогать ни словомъ, ни дѣломъ. Въ слѣдующемъ 1408 году Магистръ пришелъ опять со всею своею силою на Псковскую волость, ходилъ по ней двѣ недѣли, но безуспѣшно осаждалъ Велье; потомъ встречаемъ извѣстіе о новомъ неудачномъ набѣгѣ Нѣмцевъ на Велье, и о неудачномъ походѣ Псковичей на Нѣмецкую землю. Въ 1409 году новое нашествіе Нѣмцевъ, опять безъ важныхъ послѣдствій, кромѣ пораженія Псковскихъ охочихъ людей. Наконецъ въ 1410 году Псковскіе посадники и бояре съѣхались съ рыцарями у Киремпе, и заключили миръ по старинѣ, на Псковской волѣ; въ 1417 въ Ригу пріѣхалъ посолъ великокняжескій съ двумя Псковскими

сановниками, и заключили договоръ о свободной торговлѣ и не пропускѣ враговъ Ордена чрезъ Псковскія, а Псковскихъ чрезъ Орлеанскія владѣнія; въ обѣдахъ положено искать управы судомъ, а не мечомъ; Великій Князь Василій въ этой грамотѣ называется Великимъ Королемъ Московскимъ, Императоромъ Русскимъ⁴³. Въ 1420 году Нѣмецкіе послы съѣхались съ Новгородскими на рѣкѣ Наровѣ и заключили вѣчный миръ, по старинѣ, какъ было при Александрѣ Невскомъ.

Въ 1392 году приходили Шведскіе разбойники въ Неву, взяли села по обѣ стороны рѣки, не доходя 5 верстѣ до города Орѣшска; но Князь Семенъ (Лугвеній) Ольгердовичъ нагналъ ихъ и разбилъ; въ 1395 году новое безуспѣшное покушеніе Шведовъ на городъ Яму; въ слѣдующемъ году опять нападеніе Шведовъ на Корельскую землю, гдѣ они повоевали два погоста; въ 1397 году они взяли семь селъ у города Ямы. Въ 1411 году успѣхъ Шведовъ былъ значительнѣе: они овладѣли однимъ пригородомъ Новгородскимъ⁴⁴; тогда Новгородцы, съ княземъ Семеномъ Ольгердовичемъ, пошли сами въ Шведскую землю, села повоевали и пожгли, народу много перебили и взяли въ плѣнъ, а у города Выборга взяли наружныя укрѣпленія. Въ томъ же году Двинскій воевода съ Заволочанами, по приказу изъ Новгорода, ходилъ на Норвежцевъ, Подвѣдніе отомстили въ 1419 году: пришло ихъ 500 человекъ, въ бундахъ и шнекахъ къ берегамъ Бѣлаго моря, повоевали одиннадцать мѣстъ; Заволочанамъ удалось истребить у нихъ только двѣ шнеки⁴⁵.

Когда войны стихли на всѣхъ концахъ сѣверовосточной Руси, тогда явилось бѣдствіе физическое, началъ свирѣствовать страшный моръ. Въ то время умеръ Великій Князь Московскій, Василій Дмитриевичъ, 1425 года, 27 Февраля, послѣ тридцати-шестилѣтняго владычествія. До насъ дошли три его духовныя грамоты. Первая написана, когда еще у него былъ живъ сынъ Иванъ, а Василій еще не родился⁴⁶. Въ это время Великій Князь не былъ убогъ, достанется ли Великое Княженіе Владимірское, равно какъ богатые приходы, Нижній и Муромъ, сыну его, и потому говорить предположительно: «А дастъ Богъ сыну моему князю Ивану княженіе великое держать..... А дастъ Богъ сыну моему князю Ивану Новгородъ Нижній да Муромъ.» Во второй духовной гра-

моть⁴¹, Великий Князь благоославляет сына Василия утвердительно своею отчиною, Великимъ Княжениемъ; о Новгороде же Никанейтъ говоритъ опять предположительно: «Богу мнѣ дастъ Бога Новгородъ Нижній, то я благославляю мнѣ сына моего князя Василия.» Въ третьей грамотѣ утвердительно благославляетъ сына примыслень своимъ Новгородомъ Нижнимъ и Муромомъ⁴²; но о великомъ княженіи Владимірскомъ говоритъ опять предположительно: «А дастъ Богъ сыну моему великое Княжение.» Вообще только въ этого въ этихъ духовныхъ то обстоятельстве, что Великий Князь приказываетъ сына тестю Витовту, братьямъ Андрею, Петру и Константину, равно какъ тремъ другимъ братьямъ, оновьямъ Владиміра Андреевича; но ни въ одной грамотѣ не говорится ни слова о старшемъ изъ братьевъ Юріи Дмитриевичѣ: звякъ, что этотъ князь еще при жизни Василия Дмитриевича постоянно отрицался признать старшинство племянника, основываясь на древнихъ родовыхъ счетахъ; и на криво-толмускомъ завѣщаніи Донскаго, гдѣ послѣдній говоритъ, что въ случаѣ смерти Василия удѣлъ его переходитъ къ старшему, но не къ брату; но здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ завѣщаніяхъ, разумѣется мысль на безпотомственная, ибо рѣчь идетъ о цѣломъ удѣлѣ Василиевомъ, котораго отчинная часть, по крайней мѣрѣ, если не считать Великое Княжение Владимірское, должна была переходить къ оновьямъ покойнаго⁴³; притязанія брата Юрія, какъ видно, не оставили Василия въ послѣдней своей духовной грамотѣ сказать предположительно о Великомъ Княженіи; въ третьей грамотѣ идутъ также имени Константина Дмитриевича въ числѣ князей, которымъ Василий поручаетъ своего сына.

На первомъ планѣ въ княженіе Василия Дмитриевича стоитъ бесспорно отношенія Литовскія. Почти въ одно время со вступленіемъ на Московскій столъ Василия, въ Литвѣ окончательно утверждается тестъ его Витовтъ; оба ознаменовываютъ начало своего княженія богатыми примыслами: Василий овладѣваетъ Нижнимъ Новгородомъ и Муромомъ, Витовтъ Смоленскомъ. Примыслы эти достались имъ не легко, не вдругъ, и на берегахъ Волги, и на берегахъ Днѣпра не обошлось безъ борьбы, доводило продолжительной. Въ этой борьбѣ оба князя не только не мѣшаютъ другъ другу, но находятся по видимому въ тѣсномъ союзѣ, живутъ вмѣстѣ

добрые родственники, хотя Витовтъ и выговариваетъ себя Москву у Тохтамыша. Но какъ скоро Литовскій князь, утвердившись въ Смоленскѣ, начинаетъ гнѣнить Псковъ и Новгородъ, то Василій вооружается противъ него. Кажется наступаетъ рѣшительная минута, въ которую должны рѣшиться вопросы о судьбахъ восточной Европы, но ни потомки Всеволода III, ни потомки Гедимина не любятъ средствъ рѣшительныхъ; тесть и зять не разъ выходятъ съ покаянми другъ противъ друга — и расходятся безъ битвы; дѣло оканчивается тѣмъ, что Витовтъ отказывается отъ дальнѣйшихъ покушеній на независимость Пскова, куда Московскій князь посылаетъ своихъ намѣстниковъ; съ другой стороны и Василій принужденъ отказаться на время отъ богатаго прииска — Двинской земли. Но мы видѣли, что порваніе мира между тестемъ и зятемъ возбудило сильное неудовольствіе въ Москвѣ; гнѣвомъ жалуется, что не было больше въ думѣ княжеской старыхъ бояръ, и обо всѣхъ дѣлахъ начали совѣтовать молодые. Ктожь были эти старые бояре, державшіеся союза съ Литвою и осторожно поступавшіе относительно Татаръ, и кто были эти молодые, начавшіе дѣйствовать иначе? Это мы узнаемъ изъ письма Дидгеева, которое онъ прислалъ Великому Князю, возвращаясь отъ Москвы въ степи⁹⁰. «Добрые нравы и добрая дума и добрая дѣла къ Ордѣ были отъ боярина Федера Кошки: добрый былъ человекъ; которыхъ были добрыя дѣла ердынскія — и онъ тебѣ объ нихъ напоминалъ; но это время прошло. Теперь у тебя сынъ его Иванъ, казначей твой и любимецъ, старѣйшина, изъ котораго слова и думы ты не выступаешь. А отъ этой думы улусу твоему теперь развореніе и христіане изгнали. Такъ ты впередъ поступиай ниаче, молодыхъ не слушай, а себери старшихъ своихъ бояръ: Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича, да иныхъ многихъ стариковъ земскихъ, и думай съ ними добрую думу.»

И такъ важнѣйшее вліяніе на дѣла оказывалъ сначала бояръ Федоръ Андреевичъ Кошка, а потомъ сынъ его Иванъ; подлѣ которыхъ видны и родичей ихъ, и младшихъ сыновей Федера Кошки — Федора Федоровича и Михаила Федоровича, и роднаго племянника его, Игнатія Семеновича Жеребцова, бывшаго Коломенскій воеводою, и убитаго въ сраженіи съ Пронскимъ княземъ.

Старшими боярами Эдигей называетъ Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Нимитича, изъ которыхъ первый, по родословнымъ, оказывается сыномъ известнаго Ивана Родіоновича Квашии. Этотъ Иванъ Родіоновичъ умеръ въ 1390 году, и известіе объ его смерти занесено въ лѣтопись. Изъ Вельяминовыхъ, по соображеніи съ родословными книгами, можно указать только Федора Ивановича, сына казеннаго Ивана Васильевича⁵¹. Знаменитый бояринъ Донскаго, Федоръ Андреевичъ Свиблъ больше не упоминается: но въ духовныхъ грамотахъ своихъ Великій Князь Василій говоритъ о селахъ Федора Свибла, которыя онъ взялъ за себя и о холопахъ, которыхъ онъ отнялъ у него: это выраженіе указываетъ на опалу; но между боярами Василія упоминается родной братъ Свибла, Михаилъ Андреевичъ Челядня. Изъ известныхъ намъ прежде родовъ и лицъ упоминаются также между боярами: Константинъ Дмитріевичъ Шея, сынъ Дмитрія Александровича Зерна, внукъ Четовъ; Иванъ Дмитріевичъ, сынъ Дмитрія Всеволожа; Владиміръ Даниловичъ Красный-Снабда, бывшій намѣстникомъ въ Нижнемъ Новгородѣ; Данилъ и Степанъ Феофановичи Плещеевы, родные племянники св. Митрополита Алексія; о Данилѣ сказано въ лѣтописи подъ 1393 годомъ: «поставился Данило Феофановичъ⁵², который много служилъ Великому Князю въ Ордѣ, и на Руси, и по чужимъ землямъ.» Наконецъ упоминаются въ лѣтописи Иванъ Уда и Александръ Белеуть. — Изъ неизвестныхъ упоминается: Дмитрій Аѳимеевичъ, подписавшійся на первой духовной Василія на третьемъ мѣстѣ, Андрей Албердовъ, занявшій Двинскую землю; Александръ Поле, Иванъ Маринъ (оба подъ 1401 годомъ); Селиванъ (или Селиванъ Борисовичъ, внукъ Дмитрія Михайловича Волинскаго, или Селиванъ Глѣбовичъ Кутузовъ); Дмитрій Васильевичъ; Степанъ Васильевичъ; намѣстниками въ Нижнемъ Новгородѣ, вмѣстѣ съ Владиміромъ Даниловичемъ Краснымъ, были Григорій Владиміровичъ и Иванъ Лихоръ; въ 1393 году Новоторжцы убили великокняжескаго боярина Максима; въ битвѣ съ Пронскимъ княземъ, вмѣстѣ съ Игнатіемъ Жеребцовымъ погибли Михаилъ Лялицъ и Иванъ Брынка, тутъ же попался въ плѣнъ Муромскій воевода Семенъ Жирославичъ; намѣстникомъ во Владимірѣ упоминается Юрій Васильевичъ Щека; подъ 1390 годомъ встрѣчаемъ известіе,

что въ Коломиѣ на игрушкѣ былъ убитъ Осей, кормилицы Великаго Князя. — Какъ при Донскомъ новопріѣзжій бояринъ, Дмитрій Михайловичъ Волынской отъвѣсилъ на низшую степень или заѣхалъ, по тогдашнему выраженію, нѣкоторыхъ старыхъ бояръ; такъ при Василии Дмитріевичъ Литовскій князь Юрій Патрикѣвичъ, внукъ Наримантовъ; вступивши въ службу къ Московскому Князю, заѣхалъ ⁵³ также нѣкоторыхъ бояръ, и его имя встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ въ духовныхъ великокняжескихъ. Братъ его, князь Федоръ Патрикѣвичъ былъ наместникомъ Великаго Князя въ Новгородѣ въ 1420 году. — Дьяками великокняжескими были: Тимоѣей Ачкасовъ и Алексѣй Стромиловъ.

ГЛАВА II.

Княженіе Василія Васильевича Теннаго.

(1425 — 1462).

По смерти Василія Дмитріевича на столѣ Московскомъ и вося Руси явился опять малолѣтній, десятилѣтній князь, Василій Васильевичъ. Малолѣтствомъ дѣда его Дмитрія хотѣлъ воспользоваться Дмитрій Суздальскій, князь изъ старшей линіи потомства Ярослава Всеволодовича; но Москва была уже такъ сильна, что не смотря и на малолѣтство ея князя, Суздаля, даже поддерживаемый ханомъ, не могъ остаться побѣдителемъ въ борьбѣ. Теперь, при малолѣтвомъ внукѣ Дмитріевомъ, никто изъ князей не осмѣливается спорить за Владиміръ съ потомками Калиты: Нижній, Суздаля принадлежатъ уже Москвѣ, Тверь давно уже отказалась отъ всякаго наступательнаго движенія. Но теперь, когда не можетъ быть болѣе борьбы у Московскаго князя за Владиміръ ни съ княземъ Нижегородскимъ, ни съ Тверскимъ, начинается борьба между самими потомками Калиты, между самими князьями Московскими — за Москву и уже неразрывно соединенный съ нею Владиміръ. До сихъ поръ мы видѣли частыя и явныя нарушенія родовыхъ правъ старшинства въ цотомствѣ Всеволода III, нарушенія, постоянно увеличивавшіяся успѣхомъ: видѣли возстаніе Михаила Ярославича Московскаго противъ дяди Святослава, возстаніе Андрея Александровича Городецкаго противъ старшаго брата, Дмитрія Переяславскаго, возстаніе Юрія Московскаго противъ старшаго въ родѣ Михаила Тверскаго; но

все это были возстанія противъ порядка вещей, который хотя и видимо ослабѣвалъ (что именно доказывалось успѣхомъ явленій, противъ него направленныхъ), однако еще держался, признавался вообще всѣми какъ законно существующій, и явленія, ему враждебныя, были только исключеніями; не являлось еще ни одного князя, который рѣшился бы это исключеніе сдѣлать правиломъ. Димитрій Донской первый завѣщалъ старшіе столы и Московскій и Владимірскій сыну своему мимо двоюроднаго брата, который самъ согласился на это распоряженіе, согласился признать племянника старшимъ братомъ; но этотъ братъ Донскаго былъ, во первыхъ, братъ двоюродный; во вторыхъ, не могъ занять старшаго стола по отчинѣ: отецъ его не былъ никогда Великимъ Княземъ Московскимъ и Владимірскимъ. Гораздо важнѣе слѣдовательно и рѣшительнѣе было распоряженіе сына Димитріева, Василія, завѣщавшаго старшинство сыну своему мимо родныхъ своихъ братьевъ, которыхъ права, по старинѣ, были евершенно безспорны. И вотъ полноправный, по старинѣ, наследникъ старшинства, князь Юрій Димитріевичъ Звенигородскій отказывается признать старшинство племянника, отказывается признать законность новаго порядка престопронаслѣдія. Должна была возгорѣться борьба, борьба послѣдняя и рѣшительная, которая ни сколько не похожа на вѣчные усобицы между дядями и племянниками; припомнимъ древнюю борьбу Изяслава Мстиславича съ дядею, Юріемъ Долгорукикомъ: Изяславъ занялъ Кіевъ вопреки правамъ дяди, но никогда не смѣлъ отрицать этихъ правъ, говорилъ прямо, что Юрій старше его, но не умѣетъ жить съ родичами и проч.; припомнимъ также, что возможность этой борьбы условливалась обстоятельствомъ случайнымъ, слабостію, неспособностію полноправнаго дяди Вячеслава, предъ которымъ однако Изяславъ принужденъ былъ наконецъ покаяться. Но теперь оба порядка, оба обычая, старый и новый сталкиваются другъ съ другомъ во всей чистотѣ: князь Юрій полноправный наследникъ старшинства по старинѣ; племянникъ его, Василій Васильевичъ получаетъ это старшинство по завѣщанію отцовскому, съ полнымъ отрицаніемъ правъ дяди, безъ всякаго пособія какого-либо случайнаго обстоятельства, которое ослабляло бы права дяди и давало племяннику предлогъ къ возстанію противъ нихъ. Въ этой

новой борьбѣ дяди съ племянникомъ какъ бы нарочно племянникъ является малолѣтнимъ, и потому неспособнымъ дѣйствовать самъ по себѣ; до сихъ поръ когда племянники возставали противъ дядей, то это было обыкновенно возстаніе болѣе даровитой, болѣе сильной личности; но теперь, какъ нарочно, слабый отрокъ вступаетъ въ борьбу противъ сильнаго своимъ правомъ стараго дяди, слѣдовательно всѣ преимущества повидимому на сторонѣ послѣдняго, а между тѣмъ побѣждаетъ малолѣтній племянникъ и тѣмъ рѣзче обнаруживается вся крѣпость новаго порядка вещей, который не зависитъ болѣе отъ личныхъ средствъ.

Могущественныя средства малолѣтнаго Василія обнаружались въ самомъ началѣ: въ ту самую ночь, какъ умеръ Великій Князь Василій Дмитріевичъ, Митрополитъ Фотій послалъ своего боярина въ Звенигородъ къ Юрію, звать его въ Мосиву. Но Юрій не хотѣлъ признавать племянника старшимъ, боялся принужденія въ Москвѣ, боялся даже оставаться по близости въ Звенигородѣ и уѣхалъ въ отдаленный Галичь, откуда прислалъ съ угрозами къ племяннику и съ требованіемъ перемирія мѣсяца на четыре. Въ Москвѣ согласились на перемиріе, которое было употреблено съ обѣихъ сторонъ для собранія войска. Бояре Московскіе съ малолѣтнимъ княземъ своимъ предупредили Юрія и пошли къ Костромѣ съ большимъ войскомъ, въ которомъ находились и остальные дядя Великаго Князя, Дмитріевичи; это напугало Юрія, который побѣжалъ въ Нижній Новгородъ и сѣлъ тамъ; противъ него отпавленъ былъ братъ его Константинъ Дмитріевичъ, который прежде самъ вооружался за старшинство дядей; Юрій изъ Нижняго побѣжалъ за Суру, и сталъ на одномъ ея берегу, а Константинъ на другомъ, и постоявши нѣсколько времени, возвратился въ Москву подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя было перейти рѣку: но по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, Константинъ радѣлъ не племяннику, а брату, и потому не хотѣлъ, какъ должно, преслѣдовать Юрія³⁴, который возвратился въ Галичь, и послалъ въ Мосиву просить опять перемирія на годъ. Но если для Юрія выгодно было не заключать окончательнаго мирнаго договора, въ которомъ съ принужденіемъ былъ бы отказанъ отъ своихъ притязаній, если ему выгодно были только перемирія, которые позволяли ему собирать силы и выжидать удобнаго вре-

мени; то въ Москвѣ, на оборотъ, желали чего-нибудь рѣшительнаго, и, по общему совѣту — Митрополита, матери великокняжеской Софьи, дядей и даже дѣда Витовта Литовскаго, Митрополитъ Фотій отправился въ Галичь уговаривать Юрія къ вѣчному миру. Юрій, узнавши, что Митрополитъ ѣдетъ, встрѣтилъ его съ дѣтьми, боярами, лучшими людьми, собралъ и чернь всю изъ городовъ и деревень и поставилъ ее по горѣ такъ, чтобы Фотій могъ видѣть большую толпу народа при въздѣ въ городъ. Но Галицкій князь не достигъ своей цѣли, не испугалъ Митрополита, который, взглянувъ на густыя толпы черни, сказалъ ему: «Сынъ князь Юрій! не видывалъ я никогда столько народа въ овечьей шерсти, давая тѣмъ знать, что люди, одѣтые въ сермаги, плохіе ратники.

Начались переговоры: Митрополитъ настаивалъ на вѣчный миръ; но Юрій не хотѣлъ объ немъ слышать, а требовалъ только перемирія. Фотій рассердился и выѣхалъ изъ Галича, не благословивъ ни князя, ни городъ, и вдругъ послѣ его отъѣзда открылся моръ въ Галичь. Юрій испугался, поскакалъ самъ за Митрополитомъ, нагналъ его за озеромъ и едва успѣлъ со слезами умолить его возвратиться. Фотій пріѣхалъ опять въ Галичь, благословилъ народъ, и моръ сталъ превращаться, а Юрій обѣщалъ Митрополиту послать и дѣйствительно послалъ двухъ бояръ своихъ въ Москву, которые заключили миръ на томъ условіи, что Юрій не будетъ искать Великаго Княженія самъ собою, но ханомъ: кому ханъ дастъ Великое Княженіе, тотъ и будетъ Великимъ Княземъ. Но понятно, что и это была только одна уловка, одно средство продлить нерѣшительное положеніе, потому что если и прежніе князья мало обращали вниманія на рѣшенія ханскія, то могли ли повиноваться имъ сынъ и внукъ Донскаго? Вотъ почему послѣ того ни дядя ни племянникъ не думали ѣхать въ Орду, и Юрій, отчаявшись въ успѣхѣ своего дѣла, заключилъ въ 1428 году договоръ съ Васиціемъ, по которому признавалъ себя младшимъ братомъ племянника и обязывался не искать Великаго Княженія подъ Васиціемъ⁵⁵. Но въ 1431 году Юрій прислалъ означенный договоръ вмѣстѣ со складною грамотою⁵⁶, и оба соперника рѣшились ѣхать въ Орду, къ хану Махмету. Обративъ вниманіе на время возобновленія вражды, мы не можемъ не придти къ мысли, что поводомъ къ нему была смерть Витовта: въ 1428 году

Юрій призналъ старшинство племянника, потому что въ предыдущемъ году Великая Княгиня Софья Витовтовна ѣздилъ къ отцу и поручила ему сына и все Московское Княжество; въ 1430 году Витовтъ умеръ, и на его мѣстѣ сталъ княжить Свидригайло, побратимъ, своякъ Юрія; вотъ почему послѣдній, въ 1431 году, пользуясь благоприятною для себя переменною обстоятельствомъ, разрываетъ съ племянникомъ.

Въ числѣ Московскаго боярства стоялъ тогда известный уже намъ бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, хитрый, ловкій, находчивый, достойный преемникъ тѣхъ Московскихъ бояръ, которые при отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ Василя умѣли удержать за Москвою первенство и дать ей могущество. Когда Юрій, по прибытіи въ Орду, уѣхалъ въ Крымъ вмѣстѣ съ доброжелателемъ своимъ, могущественнымъ мурзою Тегиню, который обѣщаль ему Великое Княженіе, Иванъ Дмитріевичъ подельстился къ остальнымъ мурзамъ, возбудилъ ихъ самолюбіе и ревность къ могуществу Тегини: «Ваши просьбы, говорилъ онъ имъ, ничего не значать у хана, который не можетъ выступить изъ Тегинина слова: по его слову дается Великое Княженіе князю Юрію; но если ханъ такъ сдѣлаетъ, послушавшись Тегини, то что будетъ съ вами? Юрій будетъ Великимъ Княземъ въ Москвѣ, въ Литвѣ Великимъ Княземъ побратимъ его Свидригайло, а въ Ордѣ будетъ сильнѣе всѣхъ васъ Тегиня.» Этими словами, говоритъ лѣтописецъ, онъ уязвилъ сердца мурзъ какъ стрѣлою; всѣ они стали бить челомъ хану за князя Василя, и такъ настроили хана, что тотъ началъ грозить Тегинѣ смертію, если онъ вымолвить хотя слово за Юрія. Весною 1432 года былъ судъ между дядею и племянникомъ: Юрій основывалъ свои права на древнемъ родовомъ обычаѣ, доказывалъ лѣтописцами и наконецъ ссылался на криво толкуемое завѣщаніе Донскаго. За Василя говорилъ Иванъ Дмитріевичъ, онъ сказалъ хану: «Князь Юрій ищетъ Великаго Княженія по завѣщанію отца своего, а князь Василий по твоей милости; ты далъ улусъ свой отцу его Василю Дмитріевичу, и тотъ, основываясь на твоей милости, передалъ его сыну своему, который уже столько лѣтъ княжить и не свергнуть тобою, слѣдовательно княжить по твоей же милости.» Эта лесть, выражавшая совершенное презрѣніе къ старинѣ, произвела свое дѣйствіе:

ханъ далъ ярлыкъ Василию, и даже хотѣлъ заставить Юрія вести коня подъ племянникомъ, но послѣдній самъ не захотѣлъ нанести такой позоръ дядѣ; Юрію уступленъ былъ также Дмитровъ, вымарочидый удѣлъ брата его Петра (умершаго въ 1428 году). Такъ кончилися суды въ Ордѣ: разумѣется, онъ не могъ потушить распри; Юрій не могъ забыть неудачи, а въ Москвѣ не могли не воспользоваться своимъ торжествомъ для окончательнаго низложенія соперника. Вотъ почему въ томъ же году встрѣчаемъ извѣстіе, что Юрій побоялся жить вблизи отъ Москвы, въ новопріобрѣтенномъ Дмитровѣ, и уѣхалъ опять въ Галичь, а Василий тотчасъ же выгналъ его намѣстникомъ изъ Дмитрова и закатилъ городъ; но вдругъ дѣла въ Москвѣ неожиданно приняли благопріятный оборотъ для стараго дяди.

Иванъ Дмитріевичъ, въ награду за услуги, оказанныя имъ Василию въ Ордѣ, надѣялся, что Великій Князь женится на его дочери; эта надежда вовсе не была дерзкою въ то время, когда князья часто женились на дочеряхъ боярскихъ и выдавали за бояръ дочерей своихъ. Самъ же Иванъ Дмитріевичъ велъ свой родъ отъ князей Смоленскихъ и женатъ былъ на внукѣ Великаго Князя Нижегородскаго, почему и былъ уже въ родствѣ съ Великимъ Княземъ Московскимъ. Василий, будучи въ Ордѣ, далъ Ивану Дмитріевичу обѣщаніе жениться на его дочери; но, по пріѣздѣ въ Москву, дѣла перемѣнились: мать Великаго Князя Софья Витовтовна никакъ не согласилась на этотъ бракъ, и настояла, чтобъ сынъ обручился на княжну Марью Ярославовну, внучку Владиміра Андреевича. Тогда Иванъ Дмитріевичъ, такъ сильно ратовавшій въ Ордѣ противъ старинны княжеской, вспомнилъ старину боярскую, и отъѣхалъ отъ Московскаго князя. Онъ боялся прямо ѣхать къ Юрію, и потому кинулся сперва къ брату его Константину Дмитріевичу, надѣясь пробудить въ немъ старинные замыслы, потомъ къ Тверскому князю, наследственному сопернику Москвы: но все это уже была старина, надъ которою самъ бояринъ такъ недавно посмѣлся въ Ордѣ; новымъ, дѣйствительнымъ было могущество Москвы, противъ котораго никто не смѣлъ тронуться, могущество, утвержденное съ помощію предшественниковъ, товарищей Ивана и его самого. Нивонецъ бояринъ рѣшился явиться къ Юрію и былъ принять радушно. Но между тѣмъ какъ Иванъ Дмитріевичъ подгова-

ривать Юрія возобновить старыя притязанія, въ Москвѣ сыновья Юрія, Василій Косой и Димитрій Шемяка пировали на свадьбѣ великокняжеской. Василій Косой прѣхалъ въ богатомъ золотомъ поясѣ, усаженномъ дорогими камешками. Старый бояринъ, Петръ Константиновичъ разсказалъ исторію этого подея матери великокняжеской, Софьѣ Витовтовнѣ, исторію любопытную: поясъ этотъ былъ данъ Суздальскимъ княземъ Димитріемъ Константиновичемъ въ приданое за дочерью Евдокією, шедшею замужъ за Димитрія Донскаго; послѣдній Тысящій, Василій Вельяминовъ, имѣвшій важное значеніе на княжеской свадьбѣ, подмѣнилъ этотъ поясъ другимъ, меньшей цѣны, а настоящій отдалъ сыну своему Николаю, за которымъ была другая дочь князя Димитрія Суздальскаго, Марья. Николай Вельяминовъ отдалъ поясъ также въ приданое за дочерью, которая вышла за нашего боярина, Ивана Димитріевича; Иванъ отдалъ его въ приданое за дочерью же князю Андрею, сыну Владислава Андреевича, и по смерти Андреевой, обручивъ его дочь, а свою внуку за Василія Косаго, подарилъ жениху поясъ, въ которомъ тотъ и явился на свадьбу Великаго Князя⁵⁷. Софья Витовтовна, узнавъ, что за поясъ былъ на Косомъ, при всѣхъ сняла его съ князя какъ собственность своего семейства, беззаконно переданную въ чужое. Юрьевичи, оскорбленные такимъ поффе-ренсѣмъ, тотчасъ выѣхали изъ Москвы, и это послужило предлогомъ къ войнѣ.

Въ Москвѣ тогда только узнали о движеніяхъ Юрія, когда уже онъ былъ въ Переяславѣ съ большимъ войскомъ. Московскій князь, захваченный въ распяхъ, посылалъ бояръ своихъ просить мира у дяди, котораго они нашли въ Троицкѣмъ монастырѣ; но Иванъ Димитріевичъ не далъ и слова молвить о мирѣ: «я была, говоритъ глгошисецъ, между боярами брань великая и слова неподобныя.» Тогда Василій, собравши на скоро, сколько могъ, ратныхъ людей и Московскихъ жителей, гостей и другихъ, выступилъ противъ дяди, но съ своею малочисленною и нестройною толпою былъ разбитъ на голову сильными полками Юрьевыми на Клязьмѣ, за 20 верстъ отъ Москвы⁵⁸ (въ Апрѣлѣ 1433 года), и бѣжалъ въ Кострому, гдѣ былъ захваченъ въ плѣнъ. Юрій въ-халъ въ Москву и сталъ Великимъ Княземъ. Но какія же могли быть слѣдствія этого событія? Старина, возобновленная Юріемъ,

была новостію въ Москвѣ, и потому побѣдитель находился въ затруднительномъ положеніи относительно побѣжденнаго. Сперва при господствѣ родовыхъ отношеній, сынъ старшаго или Великаго Князя, при жизни отца, имѣлъ свою волость, и когда старшій въ родѣ заступалъ мѣсто покойнаго Великаго Князя, то сынъ послѣдняго оставался на своемъ столѣ или перемѣнялъ его на другой, лучшей, что было тогда легко. Но теперь Василій, при жизни отца, не имѣлъ особаго удѣла, его удѣлъ была Москва и Великое Княженіе; вытѣснивъ его изъ Москвы, Юрій, чтобъ помстить гдѣ-нибудь, долженъ былъ разрушить порядокъ вещей, установленный завѣщаніями князей предшествовавшихъ. Далѣе представлялся вопросъ: по смерти Юрія, кто долженъ былъ занять его мѣсто? по старому порядку вещей, Константинъ Дмитріевичъ, единственный изъ оставшихся въ живыхъ сынъ Донскаго (Андрей умеръ въ 1432 году), и послѣ него опять Василій, какъ сынъ старшаго брата. Но Московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ и сыновья Юрія думали не такъ: они позабыли старину и знать ее не хотѣли. Ихъ право не было старинное право старшинства, но право новое, право силы и удачи. Выгнавши Василія изъ Москвы, добывши его въ свои руки, Юрьевичи вовсе не думали возобновлять старыхъ родовыхъ счетовъ съ кѣмъ бы то ни было; они хотѣли, по новому порядку, наследовать своему отцу точно такъ, какъ Василій наследовалъ своему; они хотѣли воспользоваться своею побѣдою, чтобъ тотчасъ же избавиться отъ соперника.

Но Юрій былъ болѣе совѣстливъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ столько твердости, чтобъ рѣшиться на мѣры насильственныя. Скоро Василій нашелъ за себя предъ нимъ равностнаго ходока: у Юрія былъ старинный любимый бояринъ Семенъ Морозовъ, который, вѣроятно изъ соперничества съ Иваномъ Дмитріевичемъ, отбивавшимъ у него первое мѣсто, заступился за изгнаннаго Василія, и уговорилъ Юрія отдать послѣднему въ удѣлъ Коломну, постоянно переходившую къ старшему сыну Московскаго князя. Тщетно Иванъ Дмитріевичъ и сыновья Юрія сардильсь и противились этому рѣшенію: Юрій далъ прощальный перъ жданно, богато одарилъ его и отпустилъ въ Коломну со всею семьей. Онъ его.

послѣ рѣшенія прибылъ Василій въ Коломну, какъ началъ призывать

къ себѣ отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться къ нему князья, бояре, военоды, дворяне, слуги, откладываясь отъ Юрія, потому что, говорить лѣтописецъ, не привыкли они слушать Галицкимъ князьямъ; однимъ словомъ, около Василя собрались всѣ тѣ, которые пришли бы къ нему и въ Москву по первому зову, но не успѣли этого сдѣлать, потому что Юрій началъ на племянника въ распахъ, и этому только былъ обязанъ своимъ торжествомъ. Тогда старшіе Юрьевичи, Ваоилій Косой и Дмитрій Шемяка, увидя исполненіе своихъ опасеній, обратили ярость свою на главнаго виновника отцовской ошибки, и убили Семена Морозова въ дворцовыхъ сѣняхъ, приговаривая: «Ты злодѣй, крѣмольникъ! Ты ввелъ отца нашего въ бѣду и намъ издавна крѣмольникъ и лиходѣй.» Избѣгая отцовскаго гнѣва, убійцы удалились изъ Москвы; тогда Юрій, видя себя оставленнымъ воими, послалъ къ Василю звать его обратно на Великое Княженіе, а самъ уѣхалъ въ Галичь, сопровождаемый только патью человеками⁵⁹. Такъ торжественно была показана невозможность возстановленія старины! Но борьба этимъ не кончилась.

Удаляясь изъ Москвы, въ пылу негодованія на двоихъ старшихъ сыновей, Василя Косого и Дмитрія Шемяку, Юрій отдѣлялъ ихъ дѣло отъ своего, и заключилъ съ Василюмъ Васильевичемъ договоръ, въ которомъ за себя и за младшаго сына, любимца своего, Дмитрія Краснаго, отказался принимать къ себѣ Косого и Шемяку, отказался отъ Дмитрова, вмѣсто котораго взялъ Бѣжедскій Верхъ съ разными другими волостями; призналъ племянника старшимъ братомъ, который одинъ имѣетъ право знать Орду; старый дядя выговорилъ только не садиться на коня, когда племянникъ самъ поведетъ свои полки, не ѣздить къ племяннику и не давать ему помощи на Литву, гдѣ по смерти Витовта, княжилъ побратимъ и своякъ Юрьевъ, Свидригайло. Что же касается Ивана Дмитриевича, то есть извѣстіе, что онъ былъ схваченъ Великимъ Княземъ Василюмъ и ослѣпленъ, села его были взяты въ казну великокняжескую за его вину, какъ сказано въ договорѣ Юрія съ Василюмъ⁶⁰. Понадѣявшись на обещаніе дяди, Василий отправилъ воеводу своего, князя Юрія Патрикевича къ Коостромѣ къ Косого и Шемяку; но тѣ съ Вятчанами и Галичанами разбили Московское войско на рѣкѣ Куей и взяли въ плѣнъ воеводу. Василий у-

зналъ, что дядя не сдержалъ своихъ обѣщаній, что полки его были въ войскѣ сыновей при Куся, и потому въ 1434 году пошелъ на Юрія къ Галичу, сжегъ этотъ городъ, и заставилъ дядю бѣжать на Бѣлоозеро. Но когда Василій ушелъ домой, Юрій также возвратился въ Галичъ, послалъ за сыновьями, за Вятчанами, и весною двинулся на Московскаго князя съ большою силою. Онъ встрѣтилъ двухъ племянниковъ — Василя Московскаго и Ивана Можайскаго (сына умершаго Андрея Дмитріевича) въ Ростовской области, у св. Николы на горѣ, и разбилъ ихъ: Василій убѣжалъ въ Новгородъ, Иванъ Можайскій въ Тверь, вмѣстѣ съ матерью; Василій Васильевичъ послалъ къ нему боярина съ просьбою не отступать отъ него въ бѣдѣ; но Можайскій отвѣчалъ: «Господинъ и Государь! гдѣ ни буду, вездѣ я твой человекъ, но теперь нельзя же мнѣ потерять свою отчину и мать свою заставить скитаться по чужой сторонѣ.» Позванный Юріемъ, Иванъ отправился къ нему въ Троицкій монастырь, и вмѣстѣ съ дядею приступилъ къ Москвѣ, которая сдалась по прошествіи недѣли, при чемъ мать и жена Васильевы попались въ плѣнъ и были отсланы въ Звенигородъ. Самъ Василій, не видя ни откуда помощи, перебрался изъ Новгорода Великаго въ Нижній, и слыша о погонѣ за собою отъ Юрьевичей, которые стояли во Владимірѣ, собрался въ Орду, какъ вдругъ узналъ о скоропостижной смерти Юрія⁶¹, и о томъ, что старшій сынъ послѣдняго, Василій Косой занялъ столъ Московскій, по новому обычаю.

Но братья Косаго, два Дмитрія — Шемяка и Красный послали сказать ему: «Если Богу не угодно, чтобъ княжилъ отецъ нашъ, то тебя сами не хотимъ,» — и въ тоже время послали къ Василію Васильевичу въ Нижній звать его на Великое Княженіе въ Москву: они знали, что брату ихъ не удержаться въ Москвѣ, и спѣшили добровольнымъ признаніемъ Василя получить расположеніе послѣдняго и пріобрѣтки къ своимъ удѣламъ. Василій Васильевичъ дѣйствительно отдалъ Шемякѣ удѣлъ умершаго дяди Константина Дмитріевича — Ржеву и Угличъ, Дмитрію Красному Бѣжецкій Верхъ, но за то удержалъ за собою удѣлъ дяди Петра — Дмитровъ, и удѣлъ Косаго — Звенигородъ⁶²; кромѣ того выговорилъ, чтобъ Шемяка не вступался въ Вятку, воинственное народонаселеніе которой давало постоянно дѣятельную помощь Юрію. — Ке-

сой былъ изгнанъ изъ Москвы и лишенъ удѣла; ему не оставалось ничего, кромѣ самыхъ отчаянныхъ средствъ, которыя слѣдовательно условивались его положеніемъ и притомъ еще личнымъ характеромъ. Вообще, чтобъ уяснить себѣ характеръ Косаго и Шемяки, надобно войти въ ихъ положеніе: притязанія отца вовлекли ихъ во вражду съ Василиемъ Московскимъ, изъ которой имъ не было выхода. Когда отецъ ихъ овладѣлъ въ первый разъ Москвою, они требовали насильственныхъ мѣръ противъ Василія, понимая, что дѣло идетъ о томъ: кому быть Московскимъ княземъ, и кому быть слугою Московскаго князя; теперь, когда восторжествовалъ Василій, Юрьевичи чувствуютъ, что побѣдитель долженъ употребить противъ нихъ тѣже самыя средства, какія прежде они сами хотѣли употребить противъ него, и если они примиряются съ нимъ, то это примиреніе вынуждено только обстоятельствами, ненадежно, и обѣ стороны пользуются имъ для отысканія средствъ къ возобновленію борьбы. Но во имя чего же идетъ эта борьба? Какое право поддерживаютъ Юрьевичи противъ Василія? Борьба идетъ во имя права самосохраненія: доведенные до отчаянія, озлобленные неудачею, Юрьевичи повинуются одному инстинкту самосохраненія и не разбираютъ средствъ для достиженія цѣли; но средства, употребляемая Юрьевичами, вызываютъ подобныя же и со стороны ихъ соперника.

Косой бѣжалъ изъ Москвы въ Новгородъ Великій; но скоро выѣхалъ оттуда, пограбивши по дорогѣ берега Меты, Бажецкій Верхъ и Заволочье. Въ 1435 году онъ успѣлъ собрать войско въ Костромѣ, и встрѣтился съ Великимъ Княземъ Московскимъ въ Ярославской волости, на берегу Которости, между Кузьминскимъ и Великимъ Селомъ: Богъ помогъ Василию Васильевичу, Косой бѣжалъ въ Кашинъ и собравшись здѣсь съ силами, напалъ внезапно на Вологду, гдѣ была застава (гарнизонъ) великокняжеская, захватилъ воеводу и дворянъ Московскихъ и послалъ за Вятчанами, которые не замедлили придти къ нему. Московскій князь пошелъ опять за нимъ къ Костромѣ и сталъ у нынѣшняго монастыря Инатъевскаго, на мысѣ между Волгою и Костромою, за которою расположился Косой. Рѣка помѣшала биться и двоюродные братья помирились: Великій Князь отдалъ Косому въ удѣлъ Дмитровъ; почему же не прежній удѣлъ его Звенигородъ?

почему и прежде Василій не далъ этого отцовскаго удѣла Шемякѣ и уступилъ ему удѣлъ Константина Дмитріевича! Распоряженіе это объясняется послѣдующими распоряженіями: и послѣ Великіе Князья стараются переимѣнять владѣнія князей удѣльныхъ, дабы послѣдніе, постоянно живя въ одномъ удѣлѣ, не могли приучить къ себѣ его жителей, приобрести ихъ любовь. Юрьевичъ призналъ Василю Васильевича старшимъ братомъ, обязался не брать Великаго Княженія, если Татары будутъ давать ему его, обязался также отдать всю казну, увезенную имъ изъ Москвы, равно казну покойнаго дяди Константина. Въ этомъ же договорѣ встрѣчаемъ слѣдующее условіе: «Которые гости суконники завели крамолу на меня, Великаго Князя, и на мою мать, Великую Княгиню, да ушли изъ Москвы въ Тверь во время нашей войны, тѣхъ тебѣ не принимать⁶³».

Но миръ былъ не долготъ: проживъ только мѣсяць въ Дмитровѣ, Косой отправился опять въ Кострому, отославши къ Великому Князю разметныя грамоты. Проживши въ Костромѣ до зимняго пути, отправился къ брату въ Галичь, отсюда къ Устюгу, куда пришла къ нему и Вятчане; не могли взять крѣпости Устюжской; Гледена, силою, взялъ его на условіяхъ, но, нарушивъ ихъ, убилъ Московскаго воеводу князя Оболенскаго, повѣсилъ десятильника владыки Ростовскаго, и многихъ Устюжанъ перебилъ и перевѣшалъ⁶⁴. И въ это самое время братъ Косаго Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать Великаго Князя къ себѣ на свадьбу; но Василій Васильевичъ велѣлъ задержать его и стеречь въ Коломнѣ на все время войны съ братомъ его; третій же Юрьевичъ, Дмитрій Красный, по своему кроткому характеру, не могъ возбудить подозрѣнія и былъ въ войскахъ Великаго Князя. Послѣдній встрѣтился съ Косымъ въ Ростовской области, при селѣ Скорятинѣ. У Юрьевича, кромѣ Вятчанъ, былъ дворъ брата его Шемяки; съ Великимъ Княземъ, кромѣ Дмитрія Краснаго находился Иванъ Можайскій, и новоприбывшій изъ Литвы князь Иванъ Баба Друцкой, который изрядилъ свой полкъ съ копыями, по Литовскому обычаю. Косой не надѣялся одолѣть соперника силою, и рѣшился употребить коварство: заключилъ съ Великимъ Княземъ перемиріе до утра, и когда Василій, понадѣявшись на это, распустилъ свои полки для сбора припасовъ, вдругъ прибѣжалъ къ

нему сторожа съ вѣстію, что непріятель наступаетъ. Великій Князь тотчасъ разослалъ по всѣмъ сторонамъ приказъ собираться, самъ схватилъ трубу и началъ трубить; полки Московскіе успѣли собраться до прихода Косаго, который былъ разбитъ, взять въ плѣнъ и отвезенъ въ Москву, и когда союзники его, Бятчане, схватили воеводу великокняжескаго, князя Александра Брѣхатаго, взяли съ него богатый окупъ, и не смотря на это, отвѣли къ себѣ въ плѣнъ, то Великій Князь велѣлъ освѣплить Косаго⁶⁵. Ожесточенная борьба, въ которой рѣшался вопросъ: кому стать сильнѣе всѣхъ и подчинить себѣ всѣхъ другихъ, давно уже шла между князьями, борьба, по означенному характеру не могшая отличаться мягкостію средствъ: такъ борьба между Москвою и Тверью кончилась гибелью четырехъ князей Тверскихъ; Московскіе князья погубили ихъ въ Ордѣ посредствомъ хана, но не менѣе того погубили; теперь же, въ борьбѣ между Московскими князьями, соперники были поставлены въ положеніе гораздо опаснѣйшее: прежде вопросъ шелъ только о великомъ княженіи Владимирскомъ, торжество одного князя еще не грозило такою близкою гибелью побѣжденному: онъ, его сыновья и внуки могли существовать, какъ владѣльцы почти независимые, тогда какъ теперь обстоятельства были уже не тѣ, Косой обнаружилъ свой характеръ и свои цѣли, показалъ, что пока онъ живъ, имѣеть средства вредить, до тѣхъ поръ Василій Васильевичъ не будетъ покоенъ; ханы въ это время потеряли прежнее значеніе, ихъ уже нельзя было употреблять орудіемъ для гибели соперника, и князьямъ было предоставлено раздѣляться самимъ другъ съ другомъ.

По освѣплени Косаго, Великій Князь выпустилъ брата его Шемю изъ Коломны въ прежній удѣлъ, и заключилъ съ нимъ договоръ, совершенно одинаковый съ предыдущимъ⁶⁶. Въ 1440 году встрѣчаемъ новый договоръ съ Юрьевичемъ⁶⁷, гдѣ между прочимъ сказано слѣдующее: «также и теперь что вы взяли на Москвѣ княжнѣшинымъ приходомъ у меня, и у моей матери, и у моихъ князей, у бояръ моихъ и дѣтей боярскихъ, и что будетъ у васъ, то все вы должны отдать.» Это мѣсто ясно указываетъ на непріятельскій приходъ Юрьевичей къ Москвѣ. Лѣтописцы молчатъ объ этомъ приходѣ Шемюки подъ 1440 годомъ, и помѣщаютъ приходъ его подъ 1442, которому предшествовалъ походъ Великаго Князя на

Юрьевича и бѣгство послѣдняго въ Новгородскую область⁶⁸; причиною вражды Василя къ Шемякѣ въ этомъ случаѣ было то, что Юрьевичъ ослушался зову великокняжескаго и не пошелъ помогать Москвѣ, когда она была осаждена ханомъ Улу-Махметомъ въ 1439 году⁶⁹; соперники были примирены Троицкимъ Архимандритомъ Зиновіемъ. Если мы предположимъ, что въ лѣтописи перемѣшаны года, и этотъ походъ 1442 года должно отнести къ 1440, послѣ котораго и былъ заключенъ означенный договоръ, то дѣло можетъ объясниться легко: въ 1439 году Улу-Махметъ осаждалъ Москву; Шемяка не явился на помощь, за что Великій Князь пошелъ на него и прогналъ въ Новгородскую область; потомъ Шемяка, оправившись, явился самъ подъ Москвою и заключилъ миръ.

Такъ кончилась первая половина усобицы въ княженіе Василя Васильевича. За право дядей боролся одинъ Юрій, остальные три Дмитріевича были на сторонѣ племянника, хотя, какъ видно, и не желали окончательнаго низложенія брата. Всѣ они умерли во время первой половины усобицы, до 1440 года; Петръ и Константинъ умерли бездѣтны; Андрей оставилъ двоихъ сыновей — Ивана Можайскаго и Михаила Верейскаго. Мы видѣли поведеніе Ивана Можайскаго въ борьбѣ Юрія съ Васиіемъ: чтобы не лишиться власти, чтобы не заставить мать свою скитаться по чужимъ сторонамъ, онъ принимаетъ сторону побѣдителя, увѣряя въ вѣрности своей побѣжденнаго, — таково обыкновенно поведеніе слабыхъ въ борьбѣ двухъ сильныхъ. До насъ дошелъ договоръ обонхъ Андреевичей съ Васиіемъ Васильевичемъ, заключенный, какъ видно, еще до поѣздки въ Орду, когда еще Васиіій не былъ увѣренъ, что получить Великое Княженіе, ибо Андреевичи говорятъ: «А дастъ тебѣ Богъ достать свою вотчину, Великое Княженіе, то ты насъ похалуешь, какъ обѣщался, изъ Великаго Княженія, по-пригожу.» Андреевичи обзываются считатьъ себя младшими братьями⁷⁰. Послѣ торжества дяди Юрія, они заключили и съ нимъ договоръ, въ которомъ обзываются почитать его отцемъ, не сноситься съ Васиіемъ Васильевичемъ, и, по кончинѣ Юрія, признать Великое Княженіе за дѣтми его — значъ, что Юрій, подъ предлогомъ старшинства, велъ борьбу во все не за старыи порядокъ вещей, и, добывши себѣ Великое Кня-

женіе, передавалъ его своимъ дѣтямъ, мимо законнаго по старинѣ наследника⁷¹. Также точно обязался не искать Великаго Княженія Московскаго подъ сыновьями Юрія и Рязанскій князь, Иванъ Ѳеодоровичъ, по матери родной племянникъ Юрію, который обязывается имѣть его племянникомъ; сынъ его Василій Косой обязывается имѣть Рязанскаго князя братомъ равнымъ, Дмитрій Шемяка и Дмитрій Красный — братомъ старшимъ⁷². До насъ дошелъ также договоръ князя Василя Ярославича, внука Владиміра Андреевича, съ зятемъ (мужемъ сестры) и четвероюроднымъ братомъ, Василюмъ Васильевичемъ Московскимъ. Въ этомъ договорѣ замѣчаемъ другой тонъ, гораздо униженнѣе: Василій Ярославичъ называетъ Московскаго князя старшимъ братомъ и отцемъ, обязывается держать подъ нимъ Великое Княженіе честно и грозно⁷³.

Съ 1440 года по 1445 у Великаго Князя не было враждебныхъ столкновеній съ Шемякою; послѣдній дожидался удобнаго случая для возобновленія борьбы, и этотъ случай наконецъ представился по поводу дѣлъ Татарскихъ. Прежде поѣздки Василя Васильевича съ дядею въ Орду, для суда предъ ханомъ, мы встрѣчаемъ извѣстія объ обычныхъ набѣгахъ Татаръ на украинскія мѣста: въ 1425 году они приходили на Рязанскую Украину, но были разбиты Рязанцами и потеряли всю добычу: въ концѣ 1428 года они напали нечаянно на Галицкую область и стояли здѣсь мѣсяць; потомъ взяли Кострому, Плесо, Лухъ, и ушли Волгою внизъ. Великій Князь Василій послалъ за ними въ погоню дядей своихъ Андрея и Константина Дмитріевичей, и боярина Ивана Дмитріевича, съ полками Московскими; они не догнали Татаръ и возвратились; но князь Ѳеодоръ Стародубскій Пестрый съ Ѳеодоромъ Константиновичемъ Добрынскимъ, тайкомъ отъ Московскихъ князей, погнались за Татарамъ, догнали задніе отряды и побии. Тотъ же князь Ѳеодоръ Давыдовичъ Пестрый, по приказанію Князя Московскаго, ходилъ на Болгаръ и попалъ всю ихъ землю въ 1431 году. Въ 1437 году Татары опустошили границы Рязанскія; но гораздо важнѣе были дѣла съ ними въ концѣ года, когда ханъ Улу-Махметъ, изгнанный изъ Золотой Орды братомъ своимъ, явился на границахъ Русскихъ и засѣлъ въ Бѣлевѣ. Великій Князь отправилъ противъ него сильныя

полки подъ начальствомъ обоихъ Юрьевичей — Шемяки и Краснаго, которые, по свидѣтельству лѣтописца, грабили по дорогѣ своихъ Русскихъ, мучили людей, допытываясь у нихъ имѣнія, били скотъ и позволяли себѣ всякаго рода неприличные поступки⁷⁴. Когда они пришли къ Бѣлеву, то ханъ испугался, прислалъ просить мира, отдаваясь на всю волю князей Русскихъ, но тѣ не послушали его рѣчей, двинулись къ городу и нанесли Татарамъ сильное пораженіе. На другой день Татарскіе мурзы пріѣхали опять для переговоровъ съ великокняжескими воеводами: Ханъ давалъ сына и мурзъ своихъ въ заложники, обязывался, пока живъ, стечь Русскую землю и не требовать никакихъ выходовъ. Но воеводы не соглашались и на эти условія; тогда мурзы сказали имъ: «Не хотите мира, такъ оглянитесь назадъ!» — и воеводы увидали, что все Русское войско бѣжитъ назадъ передъ Татарами. Причиною этого бѣгства былъ Литовскій Мценскій воевода Григорій Протасевъ, присланный своимъ княземъ на помощь Москвичамъ; онъ передался на сторону хана и началъ говорить Московскимъ воеводамъ: «Великій Князь мой прислалъ ко мнѣ приказъ, чтобъ я не бился съ ханомъ, а заключилъ съ нимъ миръ и распустилъ полки.» Когда Московскіе воеводы приуныли отъ этого объявленія, Протасевъ послалъ ночью къ хану, чтобъ тотъ утромъ нападалъ на Московскую рать. Утро, какъ нарочно, было мглистое, и Русскіе сторожа не видали какъ Татары вышли изъ города и напали на Московскіе полки, Протасевъ побѣжалъ прежде всѣхъ, крича: «Бѣги! бѣги!» — и всѣ въ ужасѣ побѣжали за нимъ.

Послѣ этой побѣды, Улу-Махметъ пошелъ степью мимо Русскихъ границъ, переправился черезъ Волгу и засѣлъ въ опустѣлой отъ Русскихъ набѣговъ Казани, гдѣ поставилъ себѣ деревянный городъ на новомъ мѣстѣ, и въ Іюлѣ 1439 года явился нечаянно подъ Москвою. Великій Князь не успѣлъ собраться съ силами и уѣхалъ за Волгу, оставивъ защищать Москву воеводу своего, князя Юрія Патрикѣвича; ханъ стоялъ 10 дней подъ городомъ, взять его не могъ, но надѣлалъ много зла Русской землѣ, на возвратномъ пути сжегъ Коломну и погубилъ множество людей. Въ 1444 году султанъ Мустафа пришелъ на Рязань со множествомъ Татаръ, повоювалъ волости и села Рязанскія, и остановился въ степи для продажи плѣнниковъ, которыхъ выку-

пали Рязанцы. Когда плѣнные были всѣ выкуплены, Мустафа пришелъ опять въ Рязань, на этотъ разъ уже съ миромъ; хотѣлось ему зимовать въ городѣ, потому что въ степи не было никакой возможности оставаться: осенью вся степь погорѣла пожаромъ, а зима была лютая, съ большими снѣгами и сильными вьюгами: отъ безкормицы лошади у Татаръ перемерли. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то Великій Князь отправилъ на Мустафу двоихъ воеводъ своихъ — князя Василя Оболенскаго и Андрея Голтѣева, съ дворомъ своимъ, да Мордву на лыжахъ. Московскіе воеводы нашли Мустафу подъ Переяславлемъ на рѣчкѣ Листани, потому что Рязанцы выслали его изъ своего города. Несчастные Татары, полузамершіе, безконные, немогшіе владѣть луками по причинѣ сильнаго вихря, должны были выдержать нападеніе съ трехъ сторонъ: отъ воеводъ Московскихъ, отъ Мордвы и отъ казаковъ Рязанскихъ, которые упоминаются тутъ въ первый разъ. Не смотря на безпомощное состояніе свое, Татары рѣзались крѣпко, по выраженію лѣтописца, живыми въ руки не давались, и были сломлены только превосходнымъ числомъ неприятелей, при чемъ самъ Мустафа былъ убитъ. Другіе Татары въ томъ же году отплатили за Мустафу нападеніемъ и на Рязанскую Украину, и на землю Мордовскую; а въ 1445 году Ханъ Улу-Махметъ зашелъ въ старомъ Нижнемъ-Новгородѣ, и оттуда пришелъ къ Мурому. Великій Князь вышелъ противъ него со воими своими силами, со князьями Шемякою, обоими Андреевичами и Василемъ Ярославичемъ; ханъ испугался и убѣжалъ назадъ въ старый Нижній-Новгородъ, только передовымъ полкамъ великокняжескимъ удалось побить Татаръ подъ Муромомъ, Гороховцемъ и въ другихъ мѣстахъ.

Но иначе кончилось дѣло при второй встрѣчѣ Василя съ Татарами Улу-Махметовыми. Весною того же года пришла въ Москву вѣсть, что двое сыновей Улу-Махметовыхъ опять появились въ Русскихъ границахъ, и Великій Князь, заговѣвшись на Петровъ постъ, вышелъ противъ нихъ. Въ Юрьевѣ прискакали къ нему Нижегородскіе воеводы — князь Федоръ Долголядовъ и Юшка Драница съ вѣстію, «что они выбѣжали ночью изъ города зажегши его, потому что не могла долѣе переносить голода: что было хлѣбнаго запаса, все переѣли.» Тогда Великій Князь, про-

ведши Петровъ день въ Юрьевъ, пошелъ къ Суздаю, и сталъ на рѣкѣ Каменкѣ, куда пришли къ нему двоюродные братья Андреевичи и Василій Ярославичъ. 6 Юля Московское войско переполошилось, надѣли доспѣхи, подняли знамена и выступили въ поле, но непріятель не показывался, и Великій Князь, возвратившись въ станъ, сѣлъ ужинать съ князьями и боярами; долго шли ночью, встали на другой день уже послѣ солнечнаго восхода, и Василій, отслушавъ заутреню, хотѣлъ было опять лечь спать, какъ пришло вѣсть, что Татары переправляются чрезъ рѣку Черль. Великій Князь тотчасъ же послалъ съ этою вѣстію по всемъ станамъ, самъ надѣлъ доспѣхи, поднялъ знамена и выступилъ въ поле, — но войска было у него мало, всего тысячи съ полторы, потому что полки союзныхъ князей не успѣли собраться, не успѣли придти и союзные Татары, не пришелъ и Шемяка, не смотря на то, что къ нему много разъ посылали⁷⁵. Подлѣ Евфиміева монастыря, по лѣвую сторону, сошлись Русскіе полки съ Татарами, и въ первой стычкѣ рать великокняжеская обратила въ бѣгство Татаръ; но когда стала гнаться за ними въ безпорядкѣ, то непріятель оборотился и нанесъ Русскимъ совершенное поражение. Великій Князь отбивался храбро, получалъ множество ранъ и былъ наконецъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ, Михаиломъ Андреевичемъ; князь Иванъ Андреевичъ Можайскій былъ также раненъ и сбитъ съ коня, но успѣлъ пересѣсть на другого и спастись бѣгствомъ. Побѣдители разсыпались по окрестностямъ для грабежа, а сыновья ханскіе, остановившись въ Евфиміевѣ монастырѣ, сняли съ Великаго Князя крестъ-тѣльникъ и отослали въ Москву къ матери и женѣ плѣнника.

Когда узнали въ Москвѣ объ участи Великаго Князя, то поднялся плачь великій и рыданіе многое, говоритъ летописецъ. Но за эту бѣду для Москвичей по слѣдамъ шла другая: ночью 14 Юля загорѣлся ихъ городъ и выгорѣлъ весь; не осталось ни одного дерева, а каменные церкви распались и стѣны каменные попадали во многихъ мѣстахъ; людей много погорѣло, по нѣкоторымъ извѣстіямъ 700 человекъ⁷⁶, по другимъ гораздо больше, духовныхъ и мірянъ, потому что съ одной стороны огонь, а съ другой боялись Татаръ; казны и всякаго товара сгорѣло множество, ибо изъ разныхъ городовъ собрались тогда жители въ Мос-

кву и сѣли въ осаду. Великія Княгини — Софья и Марья съ дѣтьми и боярами уѣхали въ Рюетовъ; по нѣкоторымъ же извѣстіямъ Великая Княгиня Софья отправилась-было сначала въ Тверь, но отъ рѣки Дубны была возвращена назадъ Шемякою. Между тѣмъ въ Москвѣ послѣ отъѣзда Княгинь поднялось волненіе: тѣ, которые могли бѣжать, хотѣли оставить Москву; но чернь, собравшись, прежде всего начала строить городовыя ворота, хотѣвшихъ бѣжать хватали, били, ковали, и тѣмъ прекратили волненіе: всѣ вмѣстѣ начали укрѣплять городъ и готовить лѣсъ для постройки домовъ.

Между тѣмъ побѣдители — Татары подошли-было ко Владиміру, но не рѣшились на приступъ, и удалились сперва къ Мурому, потомъ къ Нижнему, откуда Улу-Махметъ со всею Ордою и плѣннымъ Великимъ Княземъ отступилъ къ Курмышу, отправивши посла своего Бегича къ Шемякѣ, который могъ теперь думать, что благопріятная судьба внезапною, неожиданною развязкою даетъ ему желанное торжество. Онъ принялъ посла съ большою честью и отпустилъ его, по выраженію лѣтописца, «со всѣмъ лихомъ на Великаго Князя,» и вмѣстѣ съ Бегичемъ отправилъ къ Хану своего посла, дьяка Дубенскаго хлопотать о томъ, чтобъ Василю не выйти на Великое Княженіе. Но ханъ хотѣлъ кончить дѣло какъ можно скорѣе, какъ можно скорѣе получить выгоды отъ своей побѣды; думая, что посолъ его, долго не возвращавшійся отъ Шемяки, убить послѣднимъ, Махметъ вступилъ въ переговоры съ своимъ плѣнникомъ, и согласился отпустить его въ Москву. Касательно условій освобожденія свидѣтельства разногласятъ; въ большей части лѣтописей сказано: «Царь Улу-Махметъ и сынъ его утвердили Великаго Князя крестнымъ цѣлованіемъ, что дать ему съ себя окупъ, сколько можетъ;» но въ нѣкоторыхъ означена огромная сумма 200,000 рублей, намекается также и на другія какія-то условія: «а иное Богъ вѣсть, и они между собою⁷⁷;» во всякомъ случаѣ трудно согласиться, чтобъ окупъ былъ умѣренный. Лѣтописи единогласно говорятъ, что съ Великимъ Княземъ выѣхали изъ Орды многіе князья Татарскіе со многими людьми. И прежде Василій принималъ Татарскихъ князей въ службу и давалъ имъ кормленіе — средство превосходное, скативопоставлять варварамъ варваровъ же, средство, коти эту икосія должна была употреблять въ слѣдствіе самаго зорцева — что

фическаго положенія; но современники думали не такъ: мы видѣли, какъ они роптали когда при отцѣ Василя давались Литовскимъ князьямъ богатя кормленія: еще болѣе возбудили ихъ негодованіе подобныя поступки съ Татарами, потому что въ нихъ не могла еще тогда погаснуть сильная ненависть къ этому народу, и когда къ тому еще были наложены тяжкія подати, чтобъ достать деньги для окупа, то неудовольствіе обнаружилось въ самыхъ стѣнахъ Москвы: имъ спѣшилъ воспользоваться Шемяка. Теперь, больше чѣмъ когда-либо, Юревичъ долженъ былъ опасаться Василя, потому что посолъ его къ хану былъ перехваченъ, и Великій Князь зналъ объ его замыслахъ; но, занятый дѣлами Татарскими, онъ не могъ еще думать о преслѣдованіи Дмитрія. Послѣдній спѣшилъ предупредить его и началъ сноситься съ княземъ Борисомъ Тверскимъ и Можайскимъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ, у котораго хотя прежде и было неудовольствіе съ Великимъ Княземъ, однако потомъ заключенъ былъ миръ: Василій далъ ему Козельскъ съ волостями, и Можайскій князь вмѣстѣ съ братомъ, какъ мы видѣли, находились въ Суздальской битвѣ⁷⁸. Шемяка сообщилъ князьямъ слухъ, который носился тогда, объ условіяхъ Василя съ ханомъ Махметомъ: шла молва, будто Великій Князь обѣщалъ отдать хану все Московское Княжество, а самъ удовольствоваться Тверью. Князья Тверской и Можайскій повѣрили или сочли полезнымъ для себя повѣрить, и согласились дѣйствовать за одно съ Шемякою и Московскими недовольными, въ числѣ которыхъ были бояре, гости и даже чернецы⁷⁹, а главнымъ двигателемъ былъ Иванъ Старковъ; изъ бояръ Шемякинныхъ главными совѣтниками лѣтописецъ называетъ Константиновичей, изъ которыхъ послѣ на видномъ мѣстѣ является Никита Константиновичъ.

Въ 1446 году Московскіе недовольные дали знать союзнымъ князьямъ, что Василій поѣхалъ молиться въ Троицкій монастырь; Шемяка и Можайскій, ночью 12 Февраля, овладѣли въ распахъ Москвою, схватили мать и жену Великаго Князя, казну его разграбили, вѣрныхъ бояръ перехватили и пограбили, пограбили также многихъ гражданъ, и въ ту же ночь Можайскій отправился къ Троицъ съ большой толпою своихъ и Шемякиныхъ людей. Великій Князь слушалъ обѣдню, 13 числа, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ церковь Рязанецъ Бунко и объявляетъ ему, что Шемяка и Мо-

жайскій идутъ на него ратию. Василій не повѣрилъ ему, потому что Бунко незадолго передъ тѣмъ отъѣхалъ отъ него къ Шемякѣ: «Эти люди только смущаютъ насъ, сказалъ Великій Князь: можетъ ли быть чтобы братья пошли на меня, когда я съ ними въ крестномъ цѣлованіи?» — и велѣлъ выбить Бунку изъ монастыря, воротить его назадъ. Не повѣривши Бунку, Великій Князь послалъ однако на всякой случай сторожей къ Радонежу⁸⁰ (на гору), но сторожа просмотрѣли ратныхъ людей Можайскаго, ибо тѣ увидали ихъ прежде и сказали своему князю, который велѣлъ собрать много саней, иныя съ рогожами, другія съ полостями, и положить въ нихъ по два человѣка въ доспѣхахъ, а третьему велѣлъ идти сзади, какъ будто за возомъ. Вѣхавши на гору, ратники выскочили изъ возовъ и перехватили сторожей, которымъ нельзя было убѣжать, потому что тогда снѣгъ лежалъ на девять пядей. Забравши сторожей, войско Можайскаго пошло тотчасъ же къ монастырю. Великій Князь увидалъ непріятелей, какъ они скакали съ Радонежской горы къ селу Клементьевскому, и бросился—было на конюшенный дворъ, но здѣсь не было ни одной готовой лошади, потому что самъ онъ прежде не распорядился, понадѣявшись на крестное цѣлованіе, а люди всѣ оторопѣли отъ страха. Тогда Василій побѣжалъ въ монастырь, къ Троицкой церкви, куда пономарь впустилъ его и заперъ за нимъ двери. Тотчасъ послѣ этого вскакали на монастырь и враги; прежде всѣхъ вѣхалъ бояринъ Шемякинъ Никита Константиновичъ, который разлетѣлся на конѣ даже на лѣстницу церковную, но какъ сталъ слѣзть съ лошади, споткнулся объ камень, лежавшій на паперти, и упалъ: когда его подняли, то онъ едва очнулся, шатался точно пьяный, и поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Потомъ вѣхалъ на монастырь и самъ князь Иванъ, и сталъ спрашивать, гдѣ Князь Великій? Василій, услыхавъ его голосъ, закричалъ ему изъ церкви: «Братья! помиуйте меня! позвольте мнѣ оstattься здѣсь, смотрѣть на образъ Божій, Пречистой Богородицы, всѣхъ Святыхъ: я не выйду изъ этого монастыря, постригусь здѣсь.»—и, взявши икону съ гроба Св. Сергія, пошелъ къ южнымъ дверямъ, самъ отперъ ихъ, и, встрѣтивъ князя Ивана съ иконою въ рукахъ, сказалъ ему: «Братъ! цѣловали мы животворящій крестъ и эту икону, въ этой самой церкви, у этого гроба Чудотворцева — что

не мыслить намъ другъ на друга никакого лиха, а теперь не знаю, что надо мною дѣлается?» Иванъ отвѣчалъ: «Государь! если мы захотимъ сдѣлать тебѣ какое зло, то пусть это зло будетъ надъ нами; а что теперь дѣлаемъ, такъ это мы дѣлаемъ для христіанства, для твоего окупа. Татары, которые съ тобою пришли, когда увидятъ это, облегчатъ окупъ.»

Василій, поставивъ икоу на мѣсто, упалъ предъ Чудотворцевымъ гробомъ, и сталъ молиться съ такими слезами, вонлемъ и рыданіемъ, что прослезилъ самихъ враговъ своихъ. Князь Иванъ, помолвившись немного въ церкви, вышелъ вонъ, сказавши Никитѣ: «возьми его.» Великій Князь, помолвившись, всталъ и, оглянувшись кругомъ, спросилъ: «гдѣ же братъ, князь Иванъ?» Въмѣсто отвѣта подошелъ къ нему Никита Константиновичъ, схватилъ его за плеча, и сказалъ: «Взять ты Великимъ Княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ.» Василій сказалъ на это: «Да будетъ воля Божія!» Тогда Никита вывелъ его изъ церкви и изъ монастыря, послѣ чего посадили его на голыя сани, съ чернецомъ напротивъ, и повезли въ Москву; бояръ великокняжескихъ также перехватили, но о сыновьяхъ, Иванѣ и Юріи, бывшихъ вмѣстѣ съ отцемъ въ монастырѣ, даже и не спросили. Эти малолѣтныя князья днемъ спрятались вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ слугъ, а ночью убѣжали въ Юрьевъ, къ князю Ивану Ряполовскому въ село его Боярово; Ряполовскій, взявши ихъ, побѣжалъ вмѣстѣ съ братьями, Семеномъ и Дмитріемъ, и со всѣми людьми своими въ Муромъ и тамъ заперся.

Между тѣмъ Великаго Князя привезли въ Москву на ночь 14 Февраля, и посадили на дворѣ Шемякинѣ; 16 числа на ночь ослѣпили и сослали въ Угличъ вмѣстѣ съ женою, а мать, Великую Княгиню Софью Витовтовну, отослали на Чухлому. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ приведены причины, побудившія Шемяку ослѣпить Василя: «За чѣмъ привелъ Татаръ на Русскую землю, и города съ волостями отдалъ имъ въ кормленіе? Татаръ и рѣчь ихъ любишь сверхъ мѣры, а христіанъ томишь безъ милости; золото, серебро и всякое имѣніе отдаешь Татарамъ; наконецъ, зачѣмъ ослѣпилъ князя Василя Юрьевича?»— Услыхавши объ ослѣпленіи Великаго Князя, братъ жены его, князь Василій Ярославичъ, вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ Ивановичемъ Оболенскимъ, убѣ-

жали въ Литву. Мы видѣли Литовскихъ князей въ Москвѣ, теперь видимъ явленіе обратное: и Великіе Князья Литовскіе принимаютъ Московскихъ выходцевъ точно также, какъ Московскіе принимали Литовско-Русскихъ, — съ честію, даютъ имъ богатыя кормленія: такъ Василю Ярославичу дали Брянскъ, Гомель, Стародубъ, Мстиславль и многія другія мѣста. Изъ бояръ и слугъ Василювыхъ одни присягнули Шемякѣ, другіе убѣжали въ Тверь; всѣхъ отважнѣе попустилъ Федоръ Басенокъ, объявившій, что не хочетъ служить Шемякѣ, который за это велѣлъ заковать его въ желѣза; но Басенокъ успѣлъ вырваться изъ нихъ, убѣжалъ въ Коломну, подговорилъ тамъ многихъ людей, разграбилъ съ ними Коломенскій уѣздъ и ушелъ въ Литву къ князю Василю Ярославичу, который отдалъ ему и князю Семену Оболенскому Брянскъ⁹¹.

Шемяка видѣлъ, что не можетъ быть покоенъ до тѣхъ поръ, пока сыновья Василя находятся на свободѣ въ Муромѣ съ многочисленною дружиною, но не смѣлъ послать противъ нихъ войско, боясь всеобщаго негодованія противъ себя, и придумалъ слѣдующее средство: призвалъ къ себѣ въ Москву Рязанскаго епископа Іону, и сталъ говорить ему: «Батюшка! поѣзжай въ свою епископію, въ Муромъ, и возьми на свою епитрахиль дѣтей Великаго Князя Василя, а я съ радостію ихъ пожалую, отца ихъ выпущу и вотчину дамъ достаточную, чѣмъ будетъ имъ можно жить». Владыка отправился въ Муромъ, и передалъ Рязполовскимъ слова Шемяки. Тѣ начали думать: «Если мы теперь святителя не послушаемъ, не пойдѣмъ къ Князю Димитрію съ дѣтьми великокняжескими, то онъ придетъ съ войскомъ и городъ возьметъ; тогда и дѣти, и отецъ ихъ, и мы всѣ будемъ въ его волѣ». Рѣшившись исполнить требованіе Шемяки, они сказали Іонѣ: «мы не отпустимъ съ тобою дѣтей великокняжескихъ такъ просто, но пойдѣмъ въ соборную церковь, и тамъ возьмешь ихъ на свою епитрахиль». Іона согласился, пошелъ въ перковь, отслужилъ молебенъ Богородицѣ, взялъ дѣтей съ пелены отъ Пречистой на свою епитрахиль, и поѣхалъ съ ними къ Шемякѣ въ Переяславль, куда прибылъ 6 мая. Шемяка принялъ малютокъ ласково, позвалъ на обѣдъ, одарилъ; но на третій день отослалъ къ отцу въ Угличъ, въ заточеніе. Тогда Рязполовскіе, увидавъ, что Шемяка не сдер-

жалъ своего слова, стали думать, какъ бы освободить Великаго князя изъ заточенія. Въ этой думѣ были съ ними вмѣстѣ: князь Иванъ Васильевичъ Стрига-Оболенскій, Иванъ Ощера съ братомъ Бобромъ, Юшка Драница, котораго прежде мы видѣли воеводою Нижегородскимъ, Семенъ Филимоновъ съ дѣтьми, Русалка, Руно и многіе другіе дѣти боярскіе. Они сговорились сойдтись къ Угличу въ Петровъ день, въ полдень. Семенъ Филимоновъ пришелъ ровно въ срокъ, но Раполовскіе не могли этого сдѣлать, потому что были задержаны отрядомъ Шемяки, за ними посланнымъ; они разбили этотъ отрядъ, но зная, что уже опоздали, двинулись назадъ по Новгородской области въ Литву, гдѣ соединились съ прежними выходцами, а Филимоновъ пошелъ опять къ Москвѣ.

Шемяка испугался этихъ движеній въ пользу плѣннаго Василія, послалъ за владыками, и началъ думать съ ними, съ княземъ Иваномъ Можайскимъ и боярами: выпускать ли плѣннаго Василія изъ заточенія, или нѣтъ? Сильнѣе всѣхъ въ пользу Василія говорилъ епископъ Іона, нареченный митрополитъ, онъ каждый день твердилъ Шемякѣ: «сдѣлалъ ты неправду, а меня ввелъ въ грѣхъ и срамъ; ты общалъ и Князя Великаго выпустить, а вмѣсто того и дѣтей его съ нимъ посадилъ; ты мнѣ далъ честное слово, и они меня послушали, а теперь я остаюсь передъ ними лжецомъ. Выпусти его, сними грѣхъ съ своей души и съ моей! что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпой да малыя дѣти? если боишься, укрѣпи его еще крестомъ честнымъ, да и нашу братью, владыками.» Шемяка рѣшился наконецъ освободить Василія, дать ему отчину, и осенью 1446 года ⁸² отправился въ Угличъ съ епископами, архимандритами, игуменами. Прїѣхавши туда, онъ выпустилъ Василія и дѣтей его изъ заключенія, каялся и просилъ у него прощенія; Василій также, въ свою очередь, складывалъ всю вину на одного себя, говорилъ: «и не такъ еще мнѣ надобно было пострадать за грѣхи мои и клятвopреступленіе передъ вами, старшими братьями моими и передъ всѣмъ православнымъ христіанствомъ, которое изгубилъ и еще изгубить хотѣлъ. Достойнъ былъ я и смертной казни, но ты, государь, показалъ ко мнѣ милосердіе, не погубилъ меня съ моими беззаконіями, далъ мнѣ время покаяться». Когда онъ это говорилъ, слезы текли у него изъ глазъ какъ ручьи; всѣ присутствующіе дивились такому смѣ-

ренію и умиленію, и плакали сами, на него глядя. На радости примиренія Шемяка далъ Василю, женѣ его и дѣтямъ, большой пиръ, гдѣ были всѣ епископы, многіе бояре и дѣти боярскіе; Василій получилъ богатые дары и Вологду въ отчину, давши напередъ Шемякѣ проклятыя грамоты не искать великаго княженія. Но приверженцы Василя ждали только его освобожденія, и толпами кинулись къ нему. Затрудненіе состояло въ проклятыхъ грамотахъ, данныхъ на себя Василюемъ: Трифонъ, игумень Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, снялъ ихъ на себя, когда Василій прѣѣхалъ изъ Вологды въ его монастырь, подѣ предлогомъ— накормить братію и раздать ей милостыню. Съ Бѣлоозера Великій Князь отправился къ Твери, которой князь, Борисъ Александровичъ обѣщалъ ему помощь, съ условіемъ, чтобъ онъ сбручилъ своего старшаго сына и наслѣдника Ивана на его дочери Марьѣ; жениху было тогда только семь лѣтъ. Василій согласился,⁸³ и съ Тверскими полками пошелъ на Шемяку къ Москвѣ.

Между тѣмъ князь Василій Ярославичъ и другіе Московскіе выходцы, жившіе въ Литвѣ, еще не зная объ освобожденіи Великаго Князя, рѣшились, оставя семейства свои въ Литвѣ, идти къ Угличу и вывести оттуда Василя. Они уже назначили срокъ собираться всѣмъ въ Пацынѣ.⁸⁴ какъ пришла вѣсть, что Великій Князь выпущенъ и дана ему Вологда. Тогда князь Василій Ярославичъ двинулся изъ Мстиславля, князь Семень Оболенскій съ Басенкомъ изъ Брянска, сошлись въ Пацынѣ, и получивши здѣсь вѣсть, что Великій Князь уже пошелъ изъ Вологды на Бѣлоозеро, и оттуда къ Твери, двинулись къ нему на помощь. Близъ Ельны встрѣтили они Татарскій отрядъ, и начали было уже съ нимъ стрѣляться, какъ Татары закричали: «кто вы?» Они отвѣчали: «Москвичи; идемъ съ княземъ Василюемъ Ярославичемъ искать своего Государя, Великаго Князя Василя Васильевича, сказываютъ, что онъ уже выпущенъ; а вы кто?» — Татары отвѣчали: «мы пришли изъ страны Черкасской, съ двумя царевичами, дѣтьми Улу-Махметовыми, Касимомъ и Эгупомъ; слышали царевичи о Великомъ Князѣ, что онъ пострадалъ отъ братьевъ, и пошли искать его за прежней его добро и за хлѣбъ, потому что много его добра до насъ было.» Когда дѣло такимъ образомъ объяснилось, Москвичи и Татары съѣхались, дали другъ

другу клятву и пошли вмѣстѣ испать Великаго Князя. Шемяка, съ княземъ Иваномъ Можайскимъ, выступилъ къ Волоку, на встрѣчу непріятелю, но въ его отсутствіе Москва также внезапно и легко была захвачена приверженцами Василя Васильевича, какъ прежде приверженцами Шемяки. Бояринъ Михаилъ Борисовичъ Плещеевъ, отправленный Великимъ Княземъ съ очень небольшимъ отрядомъ войска, пробрался мимо Шемякиной рати, и подѣхалъ къ Москвѣ въ ночь наканунѣ Рождества Христова, въ самую заутреню; Никольскіе ворота были отворены для княгини Ульяны, жены Василя Владиміровича (сына Владиміра Андреевича); этимъ воспользовался Плещеевъ и ворвался въ Кремль: Шемякинъ намѣстникъ, Ѳедоръ Галицкій убѣжалъ отъ заутрени изъ собора; намѣстникъ князя Ивана Можайскаго, Василій Шига выѣхалъ было изъ Кремля на лошади, но былъ схваченъ истопникомъ Великой Княгини, Ростопчею, и приведенъ къ воеводамъ, которые сковали его вмѣстѣ съ другими боярами Шемяки и Можайскаго, а съ гражданъ взяли присягу на имя Великаго Князя Василя, и начали укрѣплять городъ.

Великій Князь, узнавши, что Москва за нимъ, двинулся къ Волоку на Шемяку и Можайскаго, которые, видя, что изъ Твери идетъ Великій Князь, изъ Литвы Василій Ярославичъ съ Татарами, Москва взята и люди бѣгутъ отъ нихъ толпами, побѣжали къ Галичу, оттуда въ Чухлому, гдѣ взяли съ собою мать Великаго Князя, Софью Витовтовну, и отправились въ Каргополь. Василій, отпустивши жену въ Москву, пошелъ за ними, взявъ Угличъ, который сдался только тогда, когда Тверской князь прислалъ пушки осаждающимъ; въ Угличѣ соединился съ Великимъ Княземъ Василій Ярославичъ и всѣ вмѣстѣ пошли къ Ярославлю, гдѣ соединились съ Татарскими царевичами. Изъ Ярославля Василій послалъ сказать Шемякѣ: «братъ князь Дмитрій Юрьевичъ! какая тебѣ честь или хвала держать въ плѣну мою мать а свою тетку? неужели ты этимъ хочешь мнѣ отмстить? я уже на своемъ столѣ, на великомъ княженіи!» Отпустивши съ этимъ посла къ Шемякѣ, Великій Князь отправился въ Москву, куда пріѣхалъ 17 Февраля 1447 года; а Шемяка, выслушавши посла Василюва, сталъ думать съ своими боярами: «Братья, говорилъ онъ имъ: что мнѣ томить тетку и госпожу свєю, Великую Княгзню? самъ

я бѣгаю, люди надобны самому, они уже и такъ истомлены, а тутъ еще надобно ее стеречь, — лучше отпустимъ ее. Порѣшивши на этомъ, онъ отпустилъ Софью изъ Каргополя съ бояриномъ своимъ, Михаиломъ Федоровичемъ Сабуровымъ, и дѣтьми боярскими. Великій Князь, услыхавъ, что мать отпущена, поѣхалъ къ ней на встрѣчу въ Троицкій монастырь, а оттуда съ нею же вмѣстѣ въ Переяславль; бояринъ Шемякинъ, Сабуровъ, со всѣми своими товарищами, добилъ челомъ Великому Князю, чтобы принялъ ихъ къ себѣ въ службу.

Послѣ этого Шемяка съ Можайскимъ рѣшили просить мира, и обратились къ посредничеству князей, оставшихся вѣрными Василю — Михаила Андреевича Верейскаго и Василя Ярославича Серпуховскаго, заключили съ ними перемиріе, и въ перемирномъ договорѣ обѣщались бить челомъ своему господину, брату старшему, Великому Князю Василю Васильевичу, чтобы принялъ ихъ въ любовь и миръ, и пожаловалъ ихъ прежними ихъ отчинами, за что обязывались возвратить всю казну, захваченную ими у Великаго Князя, его матери, жены, жениной матери,³⁵ и бояръ; кромѣ того Шемяка отступался отъ пожалованія Великаго Князя — Углича, Ржевы и Бѣжецкой волости, а Можайскій отступался отъ Козельска, Алексина и Лисина, обѣщались отдать всѣ взятыя въ казнѣ великокняжеской договорныя грамоты, ярлыки и дефтери Любопытно высказанное въ этомъ договорѣ недовѣріе: Шемяка и Можайскій просятъ, чтобы Великій Князь не вызывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока не будетъ тамъ митрополита, который одинъ могъ дать имъ ручательство въ безопасности. На основаніи этихъ статей заключенъ былъ миръ между Шемякою, Иваномъ Можайскимъ и Великимъ Княземъ. Но мы видѣли, что и Василий далъ Шемякѣ въ Угличѣ проклятыя грамоты.

Теперь мы должны обратиться нѣсколько назадъ, и посмотрѣть, что сдѣлалъ Шемяка, сидя въ Москвѣ на столѣ великокняжескомъ. Положеніе его здѣсь было незавидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной вѣрности, доброжелателями Василья, онъ не могъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, примышлять къ своей отчинѣ, потому что только уступками могъ пріобрѣсти расположеніе другихъ князей. Обязанный своимъ

успѣхомъ содѣйствію князя **Ивана Андреевича Можайскаго**, онъ отдалъ ему Суздальское княжество; но правнуки **Димитрія Константиновича** были еще живы и, какъ видно, княжили въ Суздаль, неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ къ **Московскимъ князьямъ**. Когда **Шемяка** снова лишился **Москвы**, то заключилъ съ ними договоръ, ⁸⁶ признавъ старшаго брата, князя **Василія Юрьевича** сыномъ, младшаго, князя **Федора Юрьевича** племянникомъ; но сынъ **Шемяки**, князь **Иванъ Дмитріевичъ**, долженъ былъ считать князя **Василія Юрьевича** братомъ равнымъ, слѣдовательно въ случаѣ смерти **Шемяки**, Суздальскій князь, будучи равнымъ сыну его и наслѣднику, имѣлъ равное съ нимъ право на **Великое княженіе Владимірское!** **Шемяка** обязался не отдавать **Суздаля** князю **Можайскому**, какъ отдалъ прежде, не вступаться въ **прадѣдину**, **дѣдину** и **отчину** обоихъ братьевъ, **Суздаль**, **Новгородъ-Нижній**, **Городецъ** и **Вятку**. Здѣсь, какъ видно, нарочно прибавлено: **прадѣдину**, чтобъ показать давность права князей на эти области. **Шемяка** уступаетъ **Суздальскимъ** одно изъ самыхъ важныхъ правъ—вѣдаться самимъ съ **Ордою**; обязывается не заключать никакихъ договоровъ съ **Великимъ Княземъ Василиемъ** безъ вѣдома князей **Суздальскихъ**. Касательно оборонительнаго и наступательнаго союза обязанности равны: если самъ **Шемяка** поведетъ войско, то и князь **Суздальскій** долженъ съѣсть на коня, если же пошлетъ сына, то и **Суздальскій** князь посылаетъ только сына или брата. **Московскіе** служилые князья и бояре, купившіе волости въ **Суздальскомъ** княжествѣ во время невагоды прежнихъ князей его (въ ихъ неверемя), должны отступить отъ своихъ пріобрѣтеній; наконецъ читаемъ: «что мы, наши бояре и люди пограбили въ твоей отчинѣ, **Великомъ Княженіи**, то все оставить, пока дастъ тебѣ **Богъ**, велить достать своей отчины, **Великаго Княженія**».

Обязанный уступать требованіямъ князей-союзниковъ, въ ущербъ силѣ **Московского** княжества, **Шемяка**, разумѣется, долженъ былъ уступать требованіямъ своей дружины и своихъ **Московскихъ** приверженцевъ; граждане къ нему нерасположенные или, по крайней мѣрѣ, равнодушные, не могли найти противъ нихъ защиты на судѣ **Шемякинѣ**, и этотъ судъ пословицею перешелъ въ потомство съ значеніемъ суда несправедливаго.

Но послѣ торжества Василюва отношенія Московскаго Князя къ другимъ князьямъ, союзнымъ и враждебнымъ, роднымъ и не роднымъ, принимаютъ прежній характеръ. Мы видѣли, на какихъ основаніяхъ заключенъ былъ миръ съ Шемякою и Можайскимъ; до насъ дошла договорная грамота послѣдняго съ Великимъ Княземъ⁸⁷; Можайскій повторяетъ въ ней: «что ты, Господинъ Князь Великій, отъ насъ потерпѣлъ, за то за все ни ты самъ, ни твоя мать, ни жена, ни дѣти не должны мстить ни мнѣ, ни моимъ дѣтямъ, не должны ничего этого ни помнить, ни поминать, ни на сердцѣ держать». Когда дѣтямъ великокняжескимъ исполнится по 12 лѣтъ, то они должны сами цѣловать крестъ въ соблюденіи этого договора. Договаривающіеся ставятъ въ свидѣтели Бога, Богородицу, великихъ чудотворцевъ, великаго Святителя Николу, св. Петра Митрополита, свв. Леонтія Ростовскаго, Сергія и Кирилла, молитву родителей, отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ; а поруками—князя Тверскаго, его жену (сестру Можайскаго); князей Михаила Андревича и Василю Ярославича; кто нарушитъ договоръ, на томъ не будетъ милости Божіей, Богородицы, молитвы означенныхъ святыхъ и родительской, а поруки будутъ съ правымъ на виноватаго.

Союзъ Можайскаго князя пока еще былъ нуженъ Василю, и въ Сентябрѣ 1447 года заключенъ былъ съ нимъ новый договоръ⁸⁸, по которому Великій Князь пожаловалъ Иванъ Андреевича Бѣжецкимъ Верхомъ, половиною Заозерья и Лисинымъ; Можайскій клянется держать Великое Княженіе честно и грозно безъ обиды, въ случаѣ смерти Василю обязуется признать его сына Великимъ Княземъ и быть съ ними за одно, ходить на войну по приказу великняжескому безъ ослушанья, но выговариваетъ опять: «а къ тебѣ, Великому Князю, мнѣ не ѣздить, пока Богъ не дастъ отца нашего митрополита въ землѣ нашей» Князья, оставшіеся вѣрными Василю, были награждены: въ Іюнь 1447 года заключенъ былъ договоръ⁸⁹ съ Михайломъ Андреевичемъ Верейскимъ, по которому тотъ получилъ освобожденіе отъ Татарской дани на два года, кромѣ того большую часть Заозерья въ вотчину; Серпуховской князь Василій Ярославичъ получалъ за свои услуги Дмитровъ и еще нѣсколько волостей.⁹⁰

Всѣ эти князья были довольны; не могъ быть доволенъ одинъ

Шемяка. Вездѣ, въ Новгородѣ и Казани, между князьями удѣльными и въ стѣнахъ самой Москвы, онъ заводилъ крамолы, хотѣлъ возбудить нерасположеніе къ Василию: онъ не переставалъ сноситься съ Новгородомъ, называя себя Великимъ Княземъ и требуя помощи отъ гражданъ, повторяя старое обвиненіе Василию, что по его поблажкѣ Москва въ рукахъ Татаръ, не прекратилъ сношеній и съ прежнимъ союзникомъ своимъ, Иваномъ Можайскимъ: послѣдній не скрывалъ этого союза отъ Великаго Князя, послы его прямо говорили Василию: «Если пожалуешь князя Дмитрія Юрьевича, то все равно, что ты и меня, князь Ивана, пожаловалъ; если же не пожалуешь князя Дмитрія, то это значить, что и меня ты не пожаловалъ.»⁹¹ Изъ этого свидѣтельства видно что Шемяка просилъ у Великаго Князя волостей, потерянных по договору 1447 года или другихъ какихъ-либо, и не получалъ просимаго. Отказавшись отъ всякой власти надъ Вяткою, Шемяка между тѣмъ посылалъ подговаривать ея безпокойное народонаселеніе на Москву; поклявшись не сноситься съ Ордою, Шемяка держалъ у себя Казанскаго посла, и легко было догадаться, какіе переговоры велъ онъ съ ханомъ, потому что послѣдній сквалъ посла великокняжескаго; когда же отъ хана Большой Орды пришли послы въ Москву, и Великій Князь послалъ къ Шемякѣ за выходомъ, то онъ не далъ ничего, отозвавшись, что ханъ Большой Орды не имѣетъ никакой власти надъ Русью. Поклявшись возвратить все захваченное имъ въ Москвѣ черезъ мѣсяць, Шемяка не возвращалъ и по истеченіи шести мѣсяцевъ, особенно не возвращалъ ярлыковъ и грамотъ. Далѣе, въ договорѣ находилось условіе, общее всѣмъ княжескимъ договорамъ того времени — что бояре, дѣти боярскіе и слуги вольные вольны переходить отъ одного князя къ другому, не лишаясь своихъ отчинъ, такъ что бояринъ одного князя, покинувъ его службу, перейдя къ другому, могъ жить однако во владѣніяхъ прежняго князя, и тотъ обязывался блюсти его, какъ своихъ вѣрныхъ бояръ. Но Шемяка не могъ смотрѣть равнодушно, что бояре его отъѣзжаютъ въ Москву, и, вопреки клятвѣ, грабилъ ихъ, отнималъ села, дома, все имущество, находившееся въ его владѣніяхъ. Мы знаемъ, что младшимъ сыновьямъ великокняжескимъ давались части въ самомъ городѣ Москвѣ, и каждый изъ нихъ держалъ

тіуна въ своей части: Шемяка, владѣя въ Москвѣ жребіемъ отца своего Юрія, посылалъ къ тіуну своему Ватазину грамоты, въ которыхъ приказывалъ ему стараться отклонять гражданъ отъ Великаго Князя. Эти грамоты были перехвачены, и Василій отдалъ дѣло на судъ духовенству.

Если Русское духовенство въ лицѣ своего представителя, митрополита, такъ сильно содѣйствовало возвеличенію Москвы, то одинаково могущественно содѣйствовало и утвержденію единовластія; ибо въ это время духовенство сознательнѣе другихъ сословій могло смотрѣть на стремленіе Великихъ Князей Московскихъ, вполне одѣлнить это стремленіе. Проникнутое понятіями о власти царской, власти, получаемой отъ Бога и независимой ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебномъ отношеніи къ старому порядку вещей, къ родовымъ отношеніямъ, не говоря уже о томъ, что усобицы княжескія находились въ прямой противоположности съ духомъ религіи, а безъ единовластія они не могли прекратиться. Вотъ почему, когда Московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали со стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечемъ свѣтскимъ, великокняжескимъ, противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный. Мы видѣли, какъ митрополитъ Фотій, въ началѣ Василюва княженія, дѣйствовалъ противъ замысловъ дяди Юрія, какъ потомъ Кирилловскій игумень Трифонъ разрѣшилъ Василю отъ клятвы, данной Шемякѣ; и теперь, когда Шемяка не соблюлъ своей клятвы и Великій Князь объявилъ объ этомъ духовенству, то оно вооружилось противъ Юрьевича, и отправило къ нему грозное посланіе, замѣчательное по необыкновенному для того времени искусству, съ какимъ написано, по умѣнью соединить цѣли государственныя съ религіозными. Посланіе написано отъ лица пяти владыкъ, двухъ архимандритовъ, которые поименованы, и потомъ отъ лица всего духовенства. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ владыки одинъ за другимъ: они написаны по старшинству городовъ, и первое мѣсто занимаетъ владыка Ростовскій. Ростовъ Великій, давно утратившій свое значеніе, давно преклонившійся предъ пригородами своими, удерживаетъ преж-

нее мѣсто относительно церковной іерархіи и напоминаетъ, что область, въ которой находится теперь историческая сцена дѣйствія, есть древняя область Ростовская; за нимъ слѣдуетъ владыка Суздальскій, и уже третье мѣсто занимаетъ нареченный митрополитъ, Іона, владыка Рязанскій, за которымъ слѣдуютъ владыки — Коломенскій и Пермскій: Второе, что останавливаетъ насъ здѣсь — это единство Русскаго духовенства: Іона, епископъ Рязанскій, ревностно поддерживаетъ государственное стремленіе Московскаго князя, и Московскій князь не медлитъ дать свое согласіе на возведеніе этого епископа въ санъ митрополита, зная, что Рязанскій владыка не принесетъ въ Москву областныхъ Рязанскихъ стремленій.

Въ первыхъ строкахъ посланія духовенство высказываетъ ясно свою основную мысль о царственномъ единодержавіи: оно сравниваетъ грѣхъ отца Шемякина, Юрія, помыслившаго незаконно о великомъ княженіи, съ грѣхомъ праотца Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе равнобожества. «Сколько трудовъ перенесъ отецъ твой, говоритъ духовенство Шемякъ: сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, но великокняжескаго стола все не получилъ, чего ему Богомъ не дано, ни земскою изъ начала пошпиною. Последними словами духовенство объявляетъ себя прямо на сторонѣ новаго порядка престолонаслѣдія, называя его земскою изначала пошпиною. Упомянувъ о поступкахъ и неудачахъ Юрія и Василя Косаго, духовенство обращается къ поступкамъ самого Шемяки; укоривъ его тѣмъ, что онъ не подавалъ никогда помощи Великому Князю въ борьбѣ его съ Татарами, переходитъ къ ослѣпленію Василя: «Когда Великій Князь пришелъ изъ плѣна на свое государство, то дьяволъ вооружилъ тебя на него желаніемъ самоначества: разбойнически, какъ ночной воръ, напалъ ты на него, будучи въ мирѣ, и поступилъ съ нимъ не лучше того, какъ поступили древніе братоубійцы Каинъ и Святополкъ окаянный. Но разсуди, какое добро одѣлалъ ты православному христіанству, или какую пользу получилъ самому себѣ, много ли нагосподарствовалъ, пожилъ ли въ тишинѣ? Не постоянно ли жилъ ты въ заботахъ, въ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто, днемъ томился тяжелыми думами, ночью дурными снами? Ища и желая большаго, ты погубилъ и свое меньшее». Потомъ

приводится послѣдняя договорная грамота Шемяки съ Великимъ Княземъ, и показывается, что Юрьевичъ не соблюлъ ни одного условія. Духовенство отстраняетъ упрекъ, дѣлаемый Великому Князю за то, что онъ держитъ въ службѣ своей Татаръ: «Если Татары живутъ въ землѣ христіанской, то это потому, что ты не хочешь соблюдать договора, слѣдовательно всѣ слезы христіанскія, проливаемые отъ Татаръ, на тебѣ же. Но какъ скоро ты съ своимъ старшимъ братомъ, Великимъ Княземъ, управишься во всемъ чисто, по крестному цѣлованію, то мы ручаемся, что Великій Князь сейчасъ же вышлетъ Татаръ вонъ изъ земли». Какъ видно, Шемяка сильно досадовалъ на духовенство за то, что оно держитъ сторону Василя, и выражалъ на словахъ свою досаду; духовенство пишетъ: «Ты оскверняешь наши святыя епитрахили неподобными своими богомерзкими рѣчами: это дѣлаешь ты не какъ христіанинъ, но хуже и поганыхъ, ибо самъ знаешь, что святыя епитрахили изображаютъ страданіе Господа нашего Ісуса Христа: епитрахили наши твоими рѣчами не могутъ никакъ оскверниться, но только ты самъ душу свою губишь.» Въ заключеніе духовенство говоритъ, что оно, по своему долгу, било челомъ за Шемяку Великому Князю, что тотъ послушалъ святительскаго слова и хочетъ мира съ двоюроднымъ братомъ, назначая ему срокъ для исполненія договора. Если же Шемяка и тутъ не исполнитъ условій, въ такомъ случаѣ духовенство отлучаетъ его отъ Бога, отъ церкви Божіей, отъ православной христіанской вѣры и предаетъ проклятію.

Шемяка не послушался увѣщаній духовенства, и въ 1448 году Великій Князь выступилъ въ походъ. Тогда Юрьевичъ, не пугавшійся церковнаго проклятія, испугался полковъ Василовыхъ, и послалъ просить мира къ Великому Князю, который остановился въ Костромѣ. Миръ былъ заключенъ, какъ видно, на прежнихъ условіяхъ, и Шемяка далъ на себя проклятыя грамоты. Іона, посвященный въ декабрѣ 1448 года въ митрополиты, увѣдомляя объ этомъ посвященіи своемъ князей, пановъ, бояръ, намѣстниковъ, воеводъ и все Христоименитое Господне людство, пишетъ: «Знаете, дѣти, какое зло и запустѣніе земля наша потерпѣла отъ князя Дмитрія Юрьевича, сколько крови христіанской пролилось; потомъ князь Дмитрій добилъ челомъ старшему брату своему,

Великому Князю, и честный крестъ цѣловаль, и не однажды, но все измѣняль; наконецъ написалъ на себя грамоту, что если вооружится опять на Великаго Князя, то не будь на немъ милости Божіей, Пречистой Богоматери, великаго чудотворца Николы, св. чудотворцевъ Петра и Леонтія, преподобныхъ Сергія и Кирилла, благословенія всѣхъ владыкъ, и всего духовенства, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій; по этому, продолжаетъ Іона, пишу къ вамъ, чтобы вы пощадили себя, не только тѣлесно, но особенно духовно, и посылали бить челомъ къ своему Господарю Великому Князю о жалованьи, какъ ему Богъ положить на сердце. Если же не станете бить челомъ своему Господарю, и прольется отъ того кровь христіанская, то вся эта кровь взыщется отъ Бога на васъ, за ваше окамененіе и неразуміе; будете чужды милости Божіей, своего христіанства, благословенія и молитвы нашего смиренія, да и всего великаго священства Божія благословенія не будетъ на васъ; въ землѣ вашей никто не будетъ больше называться христіаниномъ, ни одинъ священникъ не будетъ священствовать, но всѣ Божія церкви затворятся отъ нашего смиренія.⁹²

Въ концѣ 1448 года увѣдомляя митрополитъ о мирѣ Великаго Князя съ Шемякою, а весною слѣдующаго 1449 года Шемяка уже нарушилъ крестное цѣлованіе, свои проклятыя грамоты, и въ самое Свѣтлое Воскресенье осадилъ Кострому, бился долго подъ городомъ, но взять его не могъ, потому что въ немъ была сильная застава (гарнизонъ) великокняжеская, подъ начальствомъ князя Ивана Стриги и Федора Басенка. Скоро и самъ Великій Князь выступилъ съ полками противъ Шемяки, съ которымъ опять заодно дѣйствовалъ Иванъ Можайскій, а съ Великимъ Княземъ шли вмѣстѣ также могущественные союзники — митрополитъ и епископы. На Волгѣ, въ селѣ Рудинѣ близъ Ярославля, встрѣтились непріатели, но битвы не было, потому что Можайскій оставилъ Шемяку и помирился съ Василюемъ, который придалъ ему Бѣжецкій Верхъ. Мы видѣли, что Бѣжецкій Верхъ былъ отданъ Ивану гораздо прежде, въ 1447 году, но это нисколько не можетъ заставить насъ заподозрить приведеннаго лѣтописнаго извѣстія, потому что до насъ не дошло никакихъ извѣстій о причинахъ, которыя побуждали Шемяку и Можайскаго возставать на Великаго Князя; очень можетъ быть, что у Можайскаго почему-нибудь

было отнято пожалованіе 1447 года; мы знаемъ, что еще въ февралѣ 1448 года Можайскій, чрезъ посредство тестя своего, князя Федора Воротынскаго, вошелъ въ сношенія съ Великимъ Княземъ Литовскимъ Казимиромъ, требуя помощи послѣдняго для овладѣнія столомъ Московскимъ, за что обязывался писаться всегда Казмиру братомъ младшимъ, уступить Литвѣ Ржеву, Медынь, не вступаться въ Козельскъ, и помогать во всѣхъ войнахъ, особенно противъ Татаръ⁹³. Подъ 1450 годомъ встрѣчаемъ новое извѣстіе о походѣ Великаго Князя на Шемяку къ Галичу: 27 Января великокняжескій воевода, князь Василій Ивановичъ Оболенскій, напалъ на Шемяку, который стоялъ подъ городомъ со всею своею силою; Шемяка потерпѣлъ страшное пораженіе, и едва могъ спастись бѣгствомъ; Галичь сдался Великому Князю, который посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ.

Лишенный удѣла, Шемяка скрылся сначала въ Новгородѣ, но потомъ, собравшись съ силами, захватилъ Устюгъ; земли онъ не воевалъ, говорить летописецъ, но привелъ добрыхъ людей къ присягѣ, кто же изъ нихъ не хотѣлъ измѣнить Великому Князю Василію, тѣхъ бросалъ въ рѣку Сухону, навязавши камень на шею; изъ Устюга ходилъ воевать къ Вологдѣ. Великій князь, занятый дѣлами Татарскими, не могъ дѣйствовать противъ Шемяки въ 1451 году, и только въ началѣ 1452 выступилъ противъ него къ Устюгу; Шемяка испугался и убѣжалъ на рѣку Кокшенгу, гдѣ у него были городки; но преслѣдуемый и тамъ великокняжескими полками убѣжалъ опять въ Новгородъ. Въ 1453 году отправился туда изъ Москвы дьякъ Степанъ Бородатый; онъ подговорилъ боярина Шемякина Ивана Котова, а тотъ подговорилъ поваря: Юрьевичъ умеръ, поѣвши курицы, напитанной ядомъ. 23 Юня пригналъ къ Великому Князю изъ Новгорода подъячій, Василій Беда, съ вѣстію о смерти Шемякиной, и былъ пожалованъ за это въ дьяки.⁹⁴

Сынъ Шемяки, Иванъ ушелъ въ Литву, гдѣ, какъ прежде враги отца его, нашелъ себѣ почетный приѣмъ и кормленіе. Но кромѣ Шемяки въ Московскомъ Княжествѣ оставались еще другіе удѣльные князья, отъ которыхъ Василію надобно было избавиться; онъ началъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ Ивана Можайскаго: въ 1454 году Великій Князь пошелъ къ Можайску на князя Ивана Андре-

евича, за его неисправление, говорить летописецъ. Князь Иванъ не сопротивлялся; онъ выбрался изъ города съ женою, дѣтьми, со всѣми своими, и побѣжалъ въ Литву; Можайскъ былъ присоединенъ къ Москвѣ. Какое было неисправленіе Ивана Можайскаго, узнаемъ изъ письма митрополита Юны къ Смоленскому епископу⁹⁵: «Вы знаете, пишетъ митрополитъ, что и прежде этотъ князь Иванъ Андреевичъ сдѣлалъ съ нашимъ сыномъ, а съ своимъ братомъ старшимъ, но не скажу: съ братомъ, съ своимъ Господаремъ, Великимъ Княземъ.» Здѣсь глава русскаго духовенства ясно говоритъ, что родовыхъ отношеній между князьями болѣе не существуетъ, что князья удѣльные не суть братья Великому, но подданные! — Вина Ивана Можайскаго, по словамъ Юны, состояла въ томъ, что во время двукратнаго нашествія Татаръ, митрополитъ посылалъ къ нему съ просьбою о помощи Великому Князю; но Иванъ не явился. Цѣль письма—черезъ посредство Смоленскаго владыки внушить Литовскому правительству, чтобъ оно, принявъ бѣглеца, удовольствовалося этимъ, и не позволяло ему враждовать противъ Москвы, ибо это необходимо должно вызвать непріязненное движеніе и со стороны Василя Васильевича.

Изъ остальныхъ удѣльныхъ князей всѣхъ безпокойнѣе могъ быть Василій Ярославичъ Серпуховской, именно потому, что оказалъ большія услуги Великому Князю, и слѣдовательно имѣлъ большія притязанія на благодарность и уступчивость послѣдняго. Мы видѣли, что въ благодарность за услугу, Великій Князь уступилъ Серпуховскому князю Дмитровъ; но послѣ, не извѣстно въ какое именно время, Василій Ярославичъ долженъ былъ отказаться отъ этого пожалованія,⁹⁶ и только когда Иванъ Можайскій былъ изгнанъ изъ своего удѣла, Великій Князь уступилъ Василю Ярославичу Бѣжецкій Верхъ и Звенигородъ⁹⁷. Но въ 1456 году Серпуховской князь былъ схваченъ въ Москвѣ и заточенъ въ Угличъ, откуда послѣ перевезенъ въ Вологду, гдѣ и умеръ; той же участи подверглись и меньшіе его дѣти, а старшій, Иванъ, вмѣстѣ съ матерью, убѣжалъ въ Литву. Летописцы не объявляютъ вины Серпуховскаго князя, одна только Степенная Книга глухо говоритъ: «за нѣкую вранолу.» Иванъ Васильевичъ Серпуховской встрѣтился въ Литвѣ съ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ; общее бѣдствіе соединило ихъ, и они уговорились дѣйствовать

за одно; Иванъ Серпуховской говорить въ договорной грамотѣ князю Можайскому⁹³: «Такъ какъ Великій Князь Василій Васильевичъ отнялъ у тебя твою отчину и дѣдину на крестномъ цѣлованіи, выгналъ тебя изъ твоей отчины и дѣдины; также и моего отца, князя Василія Ярославича, Великій Князь схватилъ на крестномъ цѣлованіи безвинно, и меня выгналъ изъ моей отчины и дѣдины: то идти тебѣ, князь Иванъ Андреевичъ, доставать вмѣстѣ и отца моего, князя Василія Ярославича, и нашей отчины и дѣдины, а мнѣ идти съ тобою, за одно. Если Великій Князь станетъ звать тебя на твою отчину, станетъ отдавать тебѣ твою отчину или придавать къ ней, а моего отца не пожалуетъ, не выпуститъ, и отчины ему по старинѣ не отдастъ, или станетъ жаловать отца моего какъ мнѣ нелюбю: то тебѣ съ Великимъ княземъ безъ моей воли не мириться, стоять со мною за одно, доставать отца моего; и если отецъ мой погибнетъ въ неволѣ или умретъ своею смертію, то тебѣ съ Великимъ Княземъ также не мириться безъ моей воли, но мстить за обиду отца моего. На-оборотъ, если Великій Князь захочетъ помириться съ отцемъ моимъ, а съ тобою не захочетъ, то мнѣ отъ тебя не отставать. Если Великій Князь не смилуется, ни тебѣ отчины не отдастъ, ни отца моего не выпуститъ, и, дастъ Богъ, Князя Великаго побьемъ или стонимъ, и ты достанешь Великое княженіе и отца моего освободишь, то тебѣ принять отца моего въ любовь и докончанье, и въ его отчину тебѣ не вступаться; а меня тебѣ принять въ братья младшіе, и дать мнѣ отчину особую, Дмитровъ и Суздадь; а если кто станетъ тебѣ на меня наговаривать, то тебѣ меня вдрутъ не захватывать, но обослать сперва своими боярами и спросить по крестному цѣлованью, и мнѣ тебѣ сказать всю правду, а тебѣ мнѣ вѣрять.» Это условіе любобитно; оно можетъ указывать, что князь Василій Ярославичъ Серпуховской былъ схваченъ по наговору, и сынъ его требуетъ отъ своего союзника, чтобы впередъ не было подобнаго. Въ изгнаніи, лишеныя почти всякой надежды, князья-Можайскій и Серпуховской, мечтали, одинъ—о Великомъ Княженіи, другой—о Дмитровѣ и Суздадѣ. Замыслы изгнанниковъ не осуществились; попытка нѣкоторыхъ вѣрныхъ слугъ освободить стараго Серпуховскаго князя также не удалась; они были схвачены и казнены въ Москвѣ въ 1462 году. Такимъ образомъ

изъ всѣхъ удѣловъ Московскаго Княжества остался только одинъ — Вереискій, ибо князь его, Михаилъ Андреевичъ, какъ видно, велъ себя такъ, что на него не могло быть никакого наговора. До насъ дошелъ договоръ Великаго Князя Василя съ Суздальскимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Горбатымъ, правнукомъ Дмитрія Константиновича чрезъ втораго сына Семена⁹⁹: князь Иванъ отказался отъ Суздаля и Нижняго, возвращалъ Московскому Князю всѣ ярлыки, прежде на эти княжества взятые, и самъ бралъ отъ Василя, въ видѣ пожалованія, Городецъ да нѣсколько селъ въ Суздальской области, съ условіемъ, что если онъ отступитъ отъ Великаго Князя или сыновей его, то эта отчина отходить къ Москвѣ, а онъ, Иванъ, подвергается церковному проклятію. Какая была судьба князей — Василя и Федора Юрьевичей — неизвѣстно; извѣстно только то, что Великій Князь Московскій завѣщалъ Суздадь старшему сыну своему.

Такъ кончилась знаменитая усобица между князьями Московскими, потомками Калиты. Сперва началась-было она подъ предлогомъ стараго права дяди предъ племянникомъ; но скоро приняла сообразный со временемъ характеръ: сыновья Юрія, мимо всѣхъ правъ, враждуютъ съ Василюмъ Васильевичемъ, добиваются Великаго Княженія, ибо чувствуютъ, что удѣльными князьями они больше оставаться не могутъ. Вълѣдствіе сухости, краткости, отрывочности лѣтописныхъ извѣстій, у насъ нѣтъ средствъ съ точностію оправдать, во-сколько торжество старшей линіи въ въ потомствѣ Домскаго зависѣло отъ личности главныхъ дѣятелей въ этой борьбѣ; но изъ современныхъ источниковъ, при всей ихъ меношнотѣ, мы можемъ ясно усмотрѣть, какъ старыя права, старыя счоты родовые являются обветшалыми, являются чѣмъ-то дикимъ, страннымъ; московскій бояринъ смѣется въ Ордѣ надъ правами, которыя основываются на старыхъ лѣтописяхъ, старыхъ бумагахъ; духовенство торжественно провозглашаетъ, что новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, а не отъ брата къ брату, есть земская изначала пошлина; старый дядя Юрій остается одинокъ въ Москвѣ съ своимъ старымъ правомъ; сынъ его, Шемяка, побѣждается беззащитнымъ слѣпымъ плѣнникомъ своимъ, который успѣваетъ уничтожить всѣ (кромѣ одного) удѣ-

лы въ Московскомъ княжествѣ и удержать примыслы отцовскіе и дѣдовскіе.

Но въ то время, какъ въ Московскомъ княжествѣ происходила эта знаменитая усобица между правнуками Калиты, усобица первая и послѣдняя, ясно показавшая, что Московское княжество основалось на новыкъ началахъ, не допускающихъ родовыхъ счетовъ и родовыхъ усобицъ между князьями, — въ это время что же дѣлали Великіе Князья, давніе соперники Московскихъ, — князь Рязанскій и Тверской? отъ чего они не воспользовались усобицею, и не постарались усилиться на счетъ Москвы?—Какъ видно, они были такъ слабы, что имъ не приходило и на мысль подобное предпріятіе. Этимъ князьямъ давно уже оставалось на выборъ — подчиниться Московскимъ или Литовскимъ Великимъ Князьямъ, смотря потому, которые изъ нихъ возмутъ верхъ. Когда усиленіе Московскаго княжества было приостановлено усобицею между потомками Калиты, Рязанскій князь Иванъ Ѳеодоровичъ почелъ нужнымъ примкнуть къ Литвѣ, и заключилъ съ Витовтомъ слѣдующій договоръ: «Я, Князь Великій Иванъ Ѳеодоровичъ Рязанскій, добилъ челомъ Господину Господарю моему, Великому Князю Витовту, отдался ему на службу: служить мнѣ ему вѣрно, безъ хитрости, и быть съ нимъ всегда за одно, а Великому Князю Витовту, оборонять меня отъ всякаго. Если будетъ отъ кого притѣсненіе внуку его, Великому Князю Василию Васильевичу, и если велитъ мнѣ Великій Князь Витовтъ, то, по его приказанію, я буду пособлять Великому Князю Василию на всякаго, и буду жить съ нимъ по старинѣ. Но если начнется ссора между Великимъ Княземъ Витовтомъ и внукомъ его, Великимъ Княземъ Василиемъ, или родственниками послѣдняго, то мнѣ помогать на нихъ Великому Князю Витовту безъ всякой хитрости. А Великому Князю Витовту не вступаться въ мою отчину, ни въ землю, ни въ воду, судъ и исправу давать ему мнѣ во всѣхъ дѣлахъ чисто, безъ переводу: судьи его съвзжаются съ моими судьями и судятъ, цѣловавъ крестъ, безо всякія хитрости; а если въ чемъ не согласятся, то рѣшаетъ дѣла Великій Князь Витовтъ.» Временемъ этого подданства и договора можно положить 1427 годъ: отъ 15 Августа этого года Витовтъ писалъ къ великому магистру Ордена, что во время поѣздки его по Русскимъ областямъ являть

лись къ нему князья Рязанскіе — Переяславскій и Пронскій, также князья — Новосильскій, Одоевскій и Воротынскій, и всё подались ему; что потомъ прѣехала къ нему дочь, Великая Княгиня Московская, которая съ сыномъ и Великимъ Княжествомъ своимъ, съ землями и людьми, отдалась въ его опеку и обереганіе¹⁰⁰. Такимъ образомъ, чего съ одной стороны не успѣвали сдѣлать князья Московскіе, то съ другой доканчивали Литовскіе, отнимая независимость и у князей восточной Руси, заставляя ихъ вступать къ себѣ въ службу. Въ одно время съ Рязанскимъ княземъ и Великій Князь Пронскій заключилъ точно такой же договоръ съ Витовтомъ — «служить ему вѣрно, безъ всякія хитрости¹⁰¹.» Но когда Витовтъ умеръ и Литва ослабѣла отъ междоусобій, а въ Москвѣ Василій Васильевичъ взялъ явный верхъ, тогда тотъ же Рязанскій князь Иванъ Федоровичъ примкнулъ къ Москвѣ, и умирая, въ 1456 году, отдалъ осмилѣтняго сына своего на руки Великому Князю Василю: послѣдній перевезъ малютку Василя вмѣстѣ съ сестрою къ себѣ въ Москву, а въ Рязань и другіе города княжества послалъ своихъ намѣстниковъ.

Въ Твери, въ 1426 году, умеръ Великій Князь Иванъ Михайловичъ, во время сильнаго мороваго повѣтрія; Ивану наследовалъ сынъ его Александръ, но и этотъ умеръ въ томъ же году; старшій сынъ и наследникъ его, Юрій, княжилъ только четыре недѣли и умеръ; мѣсто Юрія занялъ братъ его Борисъ Александровичъ, тогда какъ оставался еще въ живыхъ двоюродный дѣдъ его, князь Василій Михайловичъ Кашинскій. Василій, какъ видно, не хотѣлъ уступать своего старшинства безъ борьбы, и Борисъ спѣшилъ предупредить его: подъ тѣмъ же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Борисъ Александровичъ схватилъ дѣда своего Василя Михайловича Кашинскаго. Но если старый порядокъ вещей явно вездѣ рушился, то новый не установился еще окончательно: Борисъ занялъ главный столъ мимо старыхъ правъ двоюроднаго дѣда и мимо новыхъ правъ племянника отъ старшаго брата, ибо у князя Юрія Александровича остался сынъ Иванъ, который не наследовалъ отцу въ Твери и долженъ былъ удовольствоваться удѣломъ Зубцовскимъ. Во время малолѣтства Василюва и смуть Московскихъ, и Борисъ Тверской, подобно Рязанскому князю, примкнулъ къ Литвѣ, хотя на гораздо выгоднѣйшихъ условіяхъ:

въ 1427 году онъ заключилъ съ Витовтомъ договоръ, по которому обязался быть съ Литовскимъ княземъ за одно, при его сторонѣ, и помогать на всякаго безъ исключенія; Витовтъ, съ своей стороны, обязался оборонять Бориса отъ всякаго, думою и помощію. Въ этомъ договорѣ всего любопытнѣе то, что Тверской Великій Князь не позволяеть Витовту никакого вмѣшательства въ отношенія свои къ удѣльнымъ Тверскимъ князьямъ, — знакъ, что въ описываемое время всѣ Великіе Князья, въ отношеніи къ удѣльнымъ, преслѣдовали одинакія цѣли, всѣ стремились сдѣлать ихъ изъ родичей подручниками, подданными. Борисъ говоритъ въ договорѣ: «Дядьямъ моимъ, братьямъ и племени моему — князьямъ быть у меня въ послушаніи: я, Князь Великій Борисъ Александровичъ, воленъ, кого жалую, кого казню, и моему господину дѣду, Великому Князю Витовту не вступаться; если кто изъ нихъ захочетъ отдаться въ службу къ моему господину дѣду вмѣстѣ съ отчиною, то моему господину дѣду съ отчиною не принимать; кто изъ нихъ пойдетъ въ Литву, тотъ отчины лишится: въ отчинѣ его воленъ я, Князь Великій Борисъ Александровичъ.» Въ слѣдствіе этого договора Тверскіе полки находились въ войскѣ Витовта, когда послѣдній, въ 1428 году, воевалъ Новгородскую землю¹⁰². Но по смерти Витовта начинается безпрестанное колебаніе Тверскаго князя между союзомъ Литовскимъ и Московскимъ, при чемъ Борисъ Александровичъ сохраняетъ передъ ними равенство положенія, пользуясь благоприятными для себя обстоятельствами, т. е. тѣмъ, что оба сильнѣйшіе князя были заняты внутренними смутами и не имѣли возможности дѣйствовать наступательно на Тверь. Такъ дошелъ до насъ договоръ Тверскаго князя съ Великимъ Княземъ Василиемъ Васильевичемъ и двоюродными братьями его — Димитріемъ Шемякою и Димитріемъ Краснымъ¹⁰³. Борисъ Александровичъ выговариваетъ, чтобъ Московскій Князь не принималъ Тверскихъ областей въ даръ отъ Татаръ. Оба князя клянутся быть за одно на Татаръ, на Ляховъ, на Литву, на Нѣмцевъ; Борисъ обязывается сложить цѣлованіе къ Сигизмунду Литовскому, объявивъ ему, что Тверь въ союзѣ съ Москвою, и безъ князя Московскаго не заключать договоровъ ни съ какимъ княземъ Литовскимъ. Мы видѣли, что Тверской князь, находившійся въ близкомъ свойствѣ съ княземъ Можайскимъ, соединилъ Демонъ

слѣднимъ и Шемякою противъ Василія, но тотчасъ же и принялъ сторону его, увидавши, что Московское Княжество противъ Шемяки; мы видѣли также, что Борисъ, въ награду за помощь, выговорилъ у Василія согласіе на бракъ его старшаго сына и наследника, Ивана, на своей дочери Маріи. Между тѣмъ у Тверскаго князя была война съ Литовскимъ, и войска послѣдняго взяли Ржеву. Это, какъ видно, заставило Бориса заключить миръ съ Казиміромъ Литовскимъ, который возвратилъ Ржеву, но за это Борисъ обязался быть въ постоянномъ союзѣ съ Литовскимъ княземъ, помогать ему на всѣхъ ни кого не исключая ¹⁰⁴. И Московскій Великій Князь, заключая въ томъ же году договоръ съ Казиміромъ, объявляетъ Тверскаго князя на сторонѣ Литовской, о своихъ же отношеніяхъ къ нему говорить, что онъ съ нимъ въ любви и докончаніи ¹⁰⁵. Но послѣ 1454 года опять встрѣчаемъ договоръ Тверскаго князя съ Московскимъ, въ которомъ оба клянутся быть за одно на Татаръ, на Ляховъ, на Литву и Нѣмцевъ ¹⁰⁶. Въ этомъ договорѣ замѣчательно слѣдующее условіе: «Что отступилъ отъ тебя князь Иванъ Можайскій да сынъ Димитрія Шемяки, князь Иванъ, или который другой братъ тебѣ сгрубитъ: и мнѣ, Великому Князю Борису, и моимъ дѣтямъ, и братьямъ моимъ младшимъ къ себѣ ихъ не принимать; а быть намъ съ тобою на нихъ за одно и съ твоими дѣтьми. Также, если кто изъ моихъ братьевъ младшихъ или меньшихъ, мнѣ, Великому Князю Борису, сгрубитъ, или моему сыну, князю Михаилу, и меньшихъ моимъ дѣтямъ: то тебѣ, Великому Князю Василію и твоимъ дѣтямъ, Великому Князю Ивану и князю Юрію, и меньшимъ твоимъ дѣтямъ къ себѣ ихъ не принимать, а быть вамъ со мною и съ моими дѣтьми на нихъ за одно.» Оба свата обязываются въ заключеніи, что если одинъ изъ нихъ умретъ, то оставшіяся въ живыхъ должны заботиться о женѣ и дѣтяхъ умершаго. — И въ сношеніяхъ съ княземъ Тверскимъ митрополитъ Іона принимаетъ дѣятельное участіе. До насъ дошло посланіе его къ Тверскому епископу о томъ, чтобы тотъ убѣдилъ своего князя подать помощь Великому Князю Василію противъ Татаръ. «Благословляю тебя, пишетъ митрополитъ епископу: чтобъ ты сыну моему, Великому Князю Борису Москандровичу говорилъ, и билъ челомъ и докучалъ твердо, по свидѣнн)вятительскому долгу, чтобъ онъ послалъ своихъ воеводъ

къ Великому Князю Василю Васильевичу не безбожныхъ, ибо самъ ты знаешь, что если Великій Князь Василій Васильевичъ получить надъ ними верхъ, то это будетъ общее добро обоихъ Великихъ Государей и всего нашего православнаго христіанства¹⁰⁷ » Такъ духовенство старалось тогда поддержать сознание объ общихъ Русскихъ выгодахъ.

21.

Рязань и Тверь постоянно колебались между Москвою и Литвою; Новгородъ-Великій хотѣлъ быть самостоятельнымъ, тѣмъ болѣе, что теперь онъ былъ порадованъ возобновленіемъ усобицъ между самими князьями Московскими. Во время этихъ усобицъ Новгородцы слѣдовали правилу признавать побѣдителя своимъ княземъ, но между тѣмъ давать у себя убѣжище по бѣжденному; такъ въ 1434 году нашли въ Новгородѣ убѣжище Василій Васильевичъ¹⁰⁸, и въ томъ же году видимъ тамъ и противника его, Василя Юрьевича Косаго. Но послѣдній, кромѣ почетнаго приѣма, не могъ ничего получить отъ Новгородцевъ, и уѣзжая отъ нихъ, пограбилъ ихъ волости. Угрожаемый Косымъ, Василій Васильевичъ заключилъ въ 1435 году договоръ съ Новгородцами, по которому обѣщалъ отступить отъ всѣхъ Новгородскихъ земель, захваченныхъ его предшественниками, Бѣжецкаго Верха, волостей на Ламскомъ Волокѣ и Вологдѣ, а Новгородцы обѣщали также отступить отъ всего слѣдующаго Великому Князю, и для этого обязались съ обѣихъ сторонъ выслать своихъ бояръ на разводъ земли. Новгородцы выслали своихъ бояръ въ назначенный срокъ, но Московскіе бояре не явились. Не смотря однако на это, открытой вражды не было; когда въ 1437 году отъ Великаго Князя изъ Москвы пріѣхалъ въ Новгородъ князь Юрій Патрикѣевичъ просить Чернаго бору, то Новгородцы Черный боръ дали¹⁰⁹; съ другой стороны Московскій Князь былъ занятъ борьбою съ Косымъ и Татарами. Но въ 1441 году, когда со всѣхъ сторонъ было спокойно, Василій прислалъ въ Новгородъ складную грамоту, и повоевалъ волостей Новгородскихъ много, вмѣстѣ со Псковитянами, которые опустошили Новгородскія владѣнія на 300 верстъ въ длину и 50 въ ширину; двое Тверскихъ воеводъ были также въ полкахъ Васильевыхъ. Новгородскіе воеводы, съ своей стороны, много воевали за Волокомъ по землѣ великокняжеской; тѣмъ не менѣе Новгородцы послали въ городъ Демонъ

къ Великому Князю владыку, бодръ и житыхъ людей, которые купили у него миръ на старинныхъ условіяхъ, за 8000 рублем¹¹⁰. Если мы, основываясь на договорѣ Великаго Князя съ Шемякою 1440 года, предположимъ смѣшеніе годовъ въ лѣтописяхъ, и отнесемъ войну Василя Васильевича съ Шемякою къ 1439 и 1440 году вмѣсто 1442, то будемъ въ состояніи объяснить себѣ причину разрыва Великаго Князя съ Новгородомъ въ 1441 году: во время войны своей съ Василиемъ Шемяка убѣждалъ въ Новгородскія владѣнія на Бѣжецкомъ Верху, и оттуда послалъ сказать Новгородцамъ: «Примите меня на своей волѣ.» Тѣ отвѣчали: «Хочешь, князь, прѣйжай къ намъ; а не хочешь, то какъ тебѣ любо.»

1444 годъ былъ тяжекъ для Новгорода: съ одной стороны напали Нѣмцы, съ другой стороны Тверичи, неизвѣстно по какому поводу, опустошили много пограничныхъ волостей Новгородскихъ; тогда Великій Князь Литовскій Казимиръ прислалъ сказать Новгородцамъ: «Возмите моихъ намѣстниковъ на Городище, и я васъ обороню, я для васъ не заключилъ мира съ Великимъ Княземъ Московскимъ.» Новгородцы не приняли этого предложенія, и не было имъ обороны ни отъ Литвы, ни отъ Москвы, противъ князя Тверскаго, который опять взялъ у нихъ 50 волостей вмѣстѣ съ Торжкомъ. Плънъ Великаго Князя Василя у Татаръ придавъ Тверскому князю еще больше смѣлости: онъ прислалъ своихъ людей и воеводъ на Торжокъ, разогналъ, ограбилъ остальныхъ его жителей¹¹¹, иныхъ погубилъ, на другихъ взялъ окупъ, свезъ въ Тверь 40 воезовъ товару Московскаго, Новгородскаго и Торжокскаго, изъ нихъ нѣсколько потонуло въ рѣкѣ. Притѣсняемые Тверью, Новгородцы, по-крайней-мѣрѣ, могли надѣяться спокойствія со стороны Москвы, гдѣ опять начались усобицы; Шемяка восторжествовалъ надъ Василиемъ, но былъ слабъ, и потому прислалъ поклонниковъ въ Новгородъ, и заключилъ съ нимъ миръ на всѣхъ старинахъ. Шемяка недолго на княжилъ въ Москвѣ; въ новой войнѣ его съ Василиемъ, Новгородцы, по словамъ ихъ лѣтописца, не вступились ни за одного, и тѣмъ самымъ уже возбуждали неудовольствіе побѣдителя; еще болѣе раздражали они его тѣмъ, что, по обычаю, приняли къ себѣ Шемяку. Митрополитъ Юна и тутъ вступился въ дѣло; нѣсколько разъ писалъ онъ къ Новгородскому архіепископу Евен-

мию и къ Новгородцамъ, чтобъ они поберегли себя душевнаго ради устроения и тишины. Новгородцы, съ своей стороны, присылали къ митрополиту съ просьбою, чтобъ билъ челомъ за нихъ Великому Князю и даль для ихъ пословъ опасныя грамоты. Опасныя грамоты были даны, съ тѣмъ, чтобы Новгородцы отправили въ Москву своихъ пословъ, людей большихъ, по своимъ дѣламъ, а чтобъ Шемяка прислалъ своего посла, съ чистымъ покаяніемъ, битъ челомъ своему господину и старшему брату, Великому Князю, и жалованья у него просить. Новгородцы прислали своихъ пословъ людей великихъ, но прислали ни съ чѣмъ; Шемяка прислалъ также своего боярина, но съ такими условіями, на которыя въ Москвѣ никакъ не хотѣли согласиться. Митрополитъ жаловался на это Новгородскому владыкѣ, за чѣмъ Шемяка посылаетъ свои грамоты съ великою высостію, о своемъ преступленіи и о своей винѣ ни одного слова пригоднаго не приказываетъ ¹¹². Между тѣмъ Новгородцы продолжали держать Шемяку, и владыка въ письмахъ къ митрополиту оправдывалъ ихъ старинымъ обычаемъ, по которому каждый князь, пріѣзжавшій къ Св. Софіи, принимался съ честію, указывалъ, что и самъ митрополитъ называетъ Шемяку сыномъ. Іона отвѣчалъ на это: «Прочти хорошенько всѣ мои грамоты, какія только я къ тебѣ писалъ, и вразумись, могъ ли я называть сыномъ того князя; съ которымъ не велю дѣлямъ твоимъ Новгородцамъ ни пить, ни ѣсть, потому что онъ самъ себя отъ христіанства отлучилъ. Ты самъ видѣлъ грамоту, которую онъ написалъ на себя, и послѣ сколько зла надѣлалъ, сколько крови христіанской пролилъ? Послѣ того можно ли князя Дмитрія называть сыномъ церкви Божіей и нашего смиренія? Я тебѣ писалъ и теперь пишу, что я и вмѣстѣ со мною всѣ владыки и все священство Русской земли—считаемъ князя Дмитрія неблагословеннымъ и отлученнымъ отъ Божіей церкви. Ты пишешь, что прежде Русскіе князья пріѣзжали въ домъ Св. Софіи, въ Великій-Новгородъ, и Новгородцы честь имъ воздавали по силѣ, а прежніе митрополиты такихъ грамотъ съ тягостію не посылали: но скажи мнѣ, сынъ, какіе это прежніе князья пріѣзжали къ вамъ, сдѣлавши такое зло надъ своимъ старшимъ братомъ, и, оставя у васъ княгиню свою, дѣтей и весь кошъ, ходила отъ васъ въ Великое Княженіе христіанство губить и кровь проливать? Какъ

прежде не бывало въ нашей землѣ братоубійства и къ вамъ съ такимъ лихомъ ни одинъ князь не прѣбжалъ, такъ и прежніе митрополиты въ Великій-Новгородъ такихъ грамотъ съ тягостію не посылавали¹¹³».

Новгородцы все не слушались и держали Шемяку до самой его смерти; они должны были ждать мести изъ Москвы, и вотъ, управившись съ княземъ Можайскимъ и Татарами, Василій въ 1456 году, выступилъ въ походъ противъ Новгорода за его неисправление. Въ Волокъ собрались къ нему всѣ князья и воеводы со множествомъ войска; изъ Новгорода также явился туда посадникъ съ челобитьемъ, чтобъ Великій Князь пожаловалъ—на Новгородъ не шель и гнѣвъ свой отложилъ. Но Василій не принялъ челобитя, и продолжалъ походъ, отправивши напередъ на Русу двоихъ воеводъ, князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу и Ѳедора Басенка, а самъ остановился въ Яжелбицахъ¹¹⁴. Стрига и Басенокъ вошли въ Русу и захватили здѣсь много богатства, потому что жители, застигнутые въ распахъ, не успѣли убѣжать и спрятать свое имѣніе. Московскіе воеводы отпустили главную рать свою назадъ съ добычею, а сами съ немногими дѣтьми боярскими поотстали отъ нея, какъ вдругъ показалось пятитысячное Новгородское войско. Москвичи, которыхъ не было и двухъ сотъ, сначала испугались, но потомъ начали говорить: «Если не пойдѣмъ противъ нихъ биться, то погибнемъ отъ своего Государя Великаго Князя; лучше помереть.» Схватиться имъ въ рукопашный бой съ Новгородцами было нельзя; мѣшали плетни и снѣжные сугробы; тогда воеводы придумали средство: видя на Новгородцахъ крѣпкіе доспѣхи, они велѣли стрѣлять по лошадямъ, которые начали отъ ранъ бѣситься и сбивать всадниковъ. Новгородцы, никогда и прежде не любившіе и не умѣвшіе биться верхомъ, никакъ не могли сладить съ лошадями, не умѣли дѣйствовать и длинными копьями и валялись подъ коней своихъ точно мертвые. Московскіе воеводы одержали рѣшительную побѣду, много перебили непріятелей, взяли въ плѣнъ посадника Михаила Тучу, но другихъ плѣнниковъ было мало, потому что некому было брать ихъ. Когда бѣглецы привнесли въ Новгородъ вѣсть о своемъ пораженіи, то поднялся сильный плачь, потомъ зазвонили въ вѣчевой колоколь; сошелся весь городъ на вѣче, и стали бить челомъ владыкѣ Евѣимію, чтобъ ѣхалъ

вмѣстѣ съ посадниками, тысяцкими и житыми людьми къ Великому Князю просить о мирѣ. Владыка прѣхалъ въ Яжелбицы, сталъ бить челомъ сперва князьямъ и боярамъ, а потомъ уже самому Великому князю, который принялъ челобитье, далъ миръ, но взялъ за него 10,000 рублей, кромѣ того, что получили князья и бояре. Договоръ, заключенный въ Яжелбицахъ, дошелъ до насъ¹⁴⁵: здѣсь, кромѣ обычныхъ старинныхъ условій, встрѣчаемъ слѣдующія новыя: 1) Вѣчевымъ грамотамъ не быть; 2) печати быть Князей Великихъ; 3) Великій-Новгородъ не будетъ принимать къ себѣ князя Можайскаго и его дѣтей, князя Ивана Дмитриевича Шемякина и его дѣтей, его матери и зятьевъ; и послѣ, если какой-нибудь лиходѣй Великимъ Князьямъ прѣдетъ въ Новгородъ, то Новгороду его не принимать, прѣдетъ ли онъ прямо изъ Московской земли, или побѣжитъ сперва въ Литву или къ Нѣмцамъ и оттуда прѣдетъ въ Новгородъ. Что оставалось Новгородцамъ послѣ такихъ условій? Въ Суздальской землѣ, какъ они продолжали называть новую Русь, теперь одинъ Великій Князь, ибо Великіе Князья — Тверской и Рязанскій, по своему относительному безсилію, готовы стать его подручниками или отказаться отъ своихъ владѣній; Татары уже не вступаются въ дѣла князей, ихъ ярлыки недѣйствительны; послѣдній походъ показалъ Новгородцамъ ихъ безсиліе предъ полками Московскими: теперь эти полки постоянно будутъ готовы устремиться къ Новгороду, ибо не будутъ болѣе заняты усобицами; при томъ же Новгородцы поклялись не вмѣшиваться въ междоусобія княжескія, не принимать къ себѣ враговъ Василія и его сына. Новгородцы понимали всю трудность своего положенія, предчувствовали приближающееся паденіе своего быта, и это произвело въ нѣкоторыхъ изъ нихъ неукротимую ненависть къ Московскому Князю, отнявшему у вѣча печать и грамоты. Въ 1460 году Василій съ младшими сыновьями — Юріемъ и Андреемъ — поѣхалъ въ Новгородъ: вѣчники начали сговариваться, какъ бы убить его и съ дѣтьми; намѣреніе не было приведено въ исполненіе только потому, что архіепископъ Іона представилъ всю его бесполезность: съ Васиіемъ не было старшаго сына, Іоанна; смерть стараго князя могла бы только возбуждать всеобщую ненависть къ Новгородцамъ, навлечь на нихъ страшную месть сына Васиіева; нѣкоторые хотѣли убить луч-

шаго и вѣрнѣйшаго воеводу великокняжескаго, Ѳедора Басенка, но и этотъ замыселъ неудался¹¹⁶.

Новгородъ былъ наказанъ за то, что давалъ у себя убѣжище лиходѣямъ великокняжескимъ; но колонія Новгородская, Вятка. оказывала этимъ лиходѣямъ болѣе дѣятельную помощь, и потому не могла быть забыта Московскимъ княземъ, когда онъ восторжествовалъ надъ всѣми своими врагами. Въ 1458 году Великій Князь отправилъ на Вятчанъ воеводъ своихъ: князя Ивана Васильевича Горбатаго Суздальскаго, князя Семена Ряполовскаго и Григорія Перхушкова; но этотъ походъ не удался. потому что Перхушковъ за подарки благопріятствовалъ Вятчанамъ. Въ слѣдующемъ году были посланы другіе воеводы, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, Иванъ Ивановичъ и князь Дмитрій Ряполовскій: они взяли два городка Орловъ и Котельничъ, и долго держали въ осадѣ главный городъ Хлыновъ; наконецъ Вятчане добились челомъ на всей волѣ Великаго Князя, какъ ему было надобно.

Другимъ, не насильственнымъ, путемъ утверждалась власть Московскаго Великаго Князя во Псковѣ. Несмотря на то, что внутреннія смуты, происходившія въ первую половину княженія Василіева, не позволяли Московскому князю постоянно наблюдать за Псковомъ, жители послѣдняго долго не прерывали связи съ Москвою, прося утвержденія князьямъ своимъ отъ Великаго Князя Московскаго. Такъ въ 1429 году Псковичи прислали къ Василю Васильевичу въ Москву просить себѣ князя, и онъ отпустилъ къ нимъ князя Александра Ѳедоровича Ростовскаго; потомъ съ 1434 года видимъ во Псковѣ княземъ зятя Александрова, Владиміра Даниловича, пріѣхавшаго изъ Литвы; во время его княженія, въ 1436 году явился изъ Москвы, отъ Великаго Князя, князь Борисъ; Псковичи приняли его, посадили на княземъ дворѣ, но отпразднили стараго своего князя Владиміра въ Москву; Великій Князь далъ ему опять княженіе, а Борису велѣлъ выѣхать изъ Пскова, потому что послѣдній прогналъ его, по выраженію лѣтописца, т. е. вѣроятно Борисъ, просясь у Василя на Псковскій столъ, представилъ тамошнія дѣла не такъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ. Мы видѣли, что Псковичи усердно помогли Великому Князю въ войнѣ его съ Новгородомъ. Въ 1443 году сталъ княжить во Псковѣ князь Александръ Васильевичъ Чарторыйскій:

посоль Московскій поручилъ ему княженіе по Великаго Князя, слову, Псковичи посадили Александра на столъ у Св. Троицы, и онъ цѣловалъ крестъ къ Великому Князю Василю Васильевичу, и ко всему Пскову на всей Псковской пошинѣ. Бѣдствіе Великаго Князя Василя и борьба его съ Шемякою прервали на время связь Пскова съ Москвою; Псковичи тѣснѣ соединились съ Новгородцами; отпустивши князя своего Александра въ Новгородъ въ 1447 году, они всяли оттуда Князя Василя Васильевича Шуйскаго-Гребенку, правнука Дмитрія Константиновича Нижегородскаго, чрезъ сына Семена. Когда въ 1454 году, сынъ Шемяки, Иванъ, убѣгая изъ Новгорода въ Литву, пріѣхалъ во Псковъ, то на встрѣчу къ нему вышло все священство съ крестами, посадники и весь Псковъ приняли его съ великою честію, угощали три недѣли, и при отъѣздѣ подарили ему на вѣчъ 20 рублей. Когда въ 1456 году, Великій Князь Василій Васильевичъ началъ войну съ Новгородомъ, то оттуда явился гонецъ во Псковъ и сталъ говорить на вѣчъ: «Братья младшіе, мужи Псковичи! братъ Великій-Новгородъ вамъ кланяется; что бы вы намъ помогли противъ Великаго Князя и крестное цѣлованіе исправили?» Псковичи, говорить лѣтописецъ, взирая на Бога и на домъ Св. Троицы, и старыхъ временъ не поминая, что Новгородцы Псковичамъ никогда не помогали ни словомъ, ни дѣломъ, ни на какую землю, послали воеводъ своихъ на помощь Новгороду. Между тѣмъ начались у Новгорода мирные переговоры съ Великимъ Княземъ, и Псковичамъ оставалось только отправить вмѣстѣ съ Новгородскими послами и своихъ — добывать челомъ послѣдному. Но приведеніе Новгорода въ волю Московскаго князя необходимо утверждало власть его и во Псковѣ. Здѣсь снова княжилъ теперь Александръ Чарторыйскій, смѣнившій Василя Шуйскаго, уѣхавшаго въ Новгородъ. Когда, въ 1460 году, Великій Князь пріѣхалъ въ Новгородъ, то Псковичи отправили къ нему знатныхъ пословъ съ 50 рублями дару и съ челобитьемъ, чтобъ жаловалъ и печаловался своею отчиною, мужами Псковичами, добровольными людьми; «обижены мы отъ поганыхъ Нѣмцевъ, водою, землею и головами, церкви Божіи пожжены погаными изъ миру и на крестномъ цѣлованіи,» — говорили послы, послѣ чего били челомъ Великому Князю о князѣ своемъ Александрѣ Васильевичѣ, чтобъ бы-^{кнч}
нѣдо-

намѣстникомъ великокняжескимъ, и во Псковѣ княземъ. Василій отвѣчалъ: «Я васъ, свою отчину, хочу жаловать и оборонять отъ поганыхъ, какъ дѣлывали отцы наши и дѣды, князя великіе; а что мнѣ говорите о князѣ Александрѣ Чарторыйскомъ, то и этимъ васъ, свою отчину, жалуя: если князь Александръ поцѣлуетъ животворящій крестъ ко мнѣ, Великому Князю, и къ моимъ дѣтямъ, Великимъ Князьямъ, что ему зла на насъ не хотѣтъ, ни мыслить, то пусть будетъ вамъ княземъ, а отъ меня намѣстникомъ.» Услыхавши этотъ отвѣтъ, князь Александръ не захотѣлъ цѣловать креста и сказалъ Псковичамъ: «Не слуга я Великому Князю, и не будь вашего цѣлованія на мнѣ и моего на васъ; когда стануть Псковичи соколомъ воронъ ловить¹¹⁷, тогда и меня, Чарторыйскаго, вспомнать.» Онъ попрощался на вѣчѣ, сказалъ: «я вамъ не князь,» — и уѣхалъ въ Литву съ дворомъ своимъ, 300 человекъ боевыхъ людей кованой рати, кромѣ кошовыхъ; Псковичи много били ему челомъ, чтобъ остался, но онъ не послушалъ Псковскаго челобитья. Когда Великій Князь услышалъ, что Александра нѣтъ больше во Псковѣ, то послалъ туда сына своего, князя Юрія. Посадники и бояре Псковскіе встрѣтили его за рубежемъ, съ великою честію, духовенство со крестами встрѣтило его за городомъ, пѣли многолѣтіе и посадили на столѣ отцовскомъ, знаменовавши крестомъ, а посадники и весь Псковъ приняли его честно въ княжій дворъ. Потомъ посадники и весь Псковъ били ему челомъ: «Чтобъ, господинъ, пожаловалъ, далъ бы намъ отъ Великаго Князя и отъ себя намѣстника во Псковъ, князя Ивана Васильевича (Оболенскаго-Стригу),» и князь Юрій пожаловалъ свою отчину, по приказу отца своего и старшаго брата, далъ Псковичамъ въ намѣстники князя Оболенскаго; Юрій пробылъ во Псковѣ три недѣли и два дни; Псковичи подарили ему 100 рублей и проводили 20 верстъ за рубежъ.

Такимъ образомъ въ концѣ княженія Василіева обозначилось ясно куда должны примкнуть эти спорныя между Москвою и Литвою области — Рязань, Новгородъ, Псковъ: всѣ они находились уже почти въ волѣ Великаго Князя Московскаго. Но какъ же должны были смотрѣть на это князья Литовскіе? что заставило ихъ дико-тѣть изъ рукъ добычу безъ борьбы, что помѣшало имъ вос- княжи-тѣсь усобицами Князей Московскихъ, для окончательна-

го усиленія себя на счетъ послѣднихъ? Они не имѣли для этого средствъ, ибо если прежде сдерживались они на западѣ борьбою съ Нѣмецкимъ Орденомъ, то теперь сдерживались они еще болѣе союзомъ съ Польшею и потомъ окончательною борьбою съ тѣмъ же Орденомъ. Мы видѣли, что если Поляки сильно хлопотали о вѣчномъ соединеніи своего государства съ Литвою, то въ Литвѣ хлопотали также о независимости своего княжества отъ Польши. На Ленчицкомъ сеймѣ, бывшемъ въ 1426 году, опять толковали о средствахъ, какъ бы помѣшать отдѣленію Литвы отъ Польши, о которомъ сталъ снова замышлять Витовтъ. Но Витовтъ, замышляя о независимости Литвы отъ Польши, замышлялъ также и о зависимости Польши отъ себя. Мы видѣли, что въ случаѣ смерти Ягайла бездѣтнымъ, престолъ Польскій могъ перейти къ нему; но Ягайло отъ втораго брака имѣлъ уже двоихъ сыновей, и королева Софья была беременна третьимъ; Витовтъ придумалъ средство—ославивъ мать, лишить и сыновей надежды на престолъ: въ 1427 году, на сеймѣ въ Городнѣ, Витовтъ обвинилъ молодую королеву въ невѣрности Ягайлу; пыткою вынудили показанія у нѣкоторыхъ придворныхъ женщинъ, перехватали указанныхъ виновниковъ преступленія; но королева успѣла очистить себя присягою, и Ягайло успокоился ¹¹⁸. Тогда Витовтъ сталъ думать о другомъ средствѣ достать независимость для Литвы и корону королевскую для себя: для этого онъ обратился къ Императору Сигизмунду. Сигизмундъ, находясь въ затруднительномъ положеніи по случаю войны съ Гусситами и Турками, требовалъ и не могъ добиться помощи отъ слабаго Ягайла, который самъ признавался, что не можетъ ничего сдѣлать безъ совѣта съ Витовтомъ; вотъ почему Императору очень хотѣлось сблизиться съ Витовтомъ. «Вижу, говорилъ онъ, что король Владиславъ человекъ простоватый и во всемъ подчиняется вліянію Витовта, такъ мнѣ нужно привязать къ себѣ, прежде всего, Литовскаго Князя, чтобъ посредствомъ его владѣть и Ягайломъ ¹¹⁹.» Начались частыя переписки между Сигизмундомъ и Витовтомъ, наконецъ положили свидѣться въ Луцкѣ, куда долженъ былъ пріѣхать и Ягайло. Въ 1429 году былъ этотъ знаменитый сѣздъ трехъ коронованныхъ лицъ вмѣстѣ со множествомъ вельможъ Польскихъ, Литовскихъ и Русскихъ. Послѣ празднествъ начались совѣщанія, и на до-

номъ изъ нихъ Императоръ сказалъ слѣдующія слова: «Я понуждаю папу, чтобъ онъ созвалъ соборъ для примиренія съ Гусситами и для преобразования церкви; отправлюсь туда самъ, если онъ согласится; если же не согласится, созову соборъ собственною моею властію. Не должно пренебрегать также и соединеніемъ съ Греками, потому что они исповѣдуютъ одну съ нами вѣру, отличаясь отъ насъ только бородами да тѣмъ, что священники у нихъ женатые. Но этого однако не должно ставить имъ въ прокъ, потому что Греческіе священники довольствуются одною женою, а Латинскіе держатъ ихъ по десяти и больше.» Эти слова Императора скоро были въ устахъ всѣхъ Русскихъ, которые превозносили его похвалами, къ великой досадѣ католиковъ и Поляковъ ¹²⁰. Но досада послѣднихъ усилилась еще болѣе, когда они узнали о главномъ предметѣ совѣщаній между Сигизмундомъ и Витовтомъ: этотъ предметъ былъ—признаніе Витовта независимымъ королемъ Литвы и Руси. Сигизмундъ легко успѣлъ уговорить Ягайла дать на это свое согласіе; но сильное сопротивленіе, какъ слѣдовало ожидать, оказалось со стороны прелатовъ и вельможъ Польскихъ, у которыхъ изъ рукъ вырывалась богатая добыча; Збигнѣвъ Олесницкій, епископъ Краковскій, бывший вездѣ впереди по своему характеру и талантамъ, въ полномъ собраніи обратился къ Витовту съ рѣзкими словами, говоря, что при избраніи Ягайла они руководствовались только духовнымъ благомъ Литовцевъ, владѣнія которыхъ не могли представить имъ ничего лестнаго, потому что были всѣ почти опустошены и разобраны сосѣдними владѣльцами. Палатинъ Краковскій, Янъ Тарновскій и всѣ другіе шумно выразили свое согласіе съ рѣчью Олесницкаго. Витовтъ, всегда скрытный, тутъ, однако, не могъ удержать своего неудовольствія, которое выразилось въ отрывочныхъ, гнѣвныхъ восклицаніяхъ; «Пусть такъ!» сказалъ онъ, выходя изъ собранія: «а я все-таки найду средства сдѣлать по-моему.» Поляки тогда обратились съ упреками къ своему королю: «Развѣ ты насъ за тѣмъ сюда позвалъ, чтобы быть свидѣтелями отдѣленія отъ Польши такихъ знатныхъ владѣній?» (Слѣдовательно Литва и Русь не были еще въ-конецъ опустошены и разобраны сосѣдними государями!!) Ягайло заливался слезами, благодарилъ за вѣрность, клялся, что никогда не давалъ согласія Сигиз-

мунду и Витовту на отдѣленіе Литвы, что радъ хоть сейчасъ бѣжать изъ Луцка, куда они сами назначать. И точно, прелаты и пань Польскіе собрались и уѣхали днемъ, а Ягайло побѣжалъ за ними въ ночь. Витовта сильно раздосадовало это поспѣшное бѣгство Поляковъ и короля ихъ; однако крутыя, рѣшительныя мѣры были не въ характерѣ Витовта; зная Польское корыстолюбіе¹²¹, онъ началъ обдаривать пановъ, чтобы какъ можно тише, безъ помощи оружія, достигнуть своей цѣли.

На слѣдующемъ сеймѣ у Поляковъ было положено—кроткими мѣрами отвлекать Витовта отъ его опаснаго намѣренія. Посланъ былъ къ нему въ Литву все тотъ же Збигневъ Олесницкій, который истощилъ передъ нимъ все свое краснорѣчіе: «Знай, говорилъ онъ Витовту: что корона королевская скорѣе уменьшитъ твое величіе, чѣмъ возвыситъ: между князьями ты первый, а между королями будешь послѣдній; что за честь въ преклонныхъ лѣтахъ окружить голову небольшимъ количествомъ золота и дорогихъ камней, а цѣлые народы окружить ужасами кровопролитныхъ войнъ?» Но въ Литовскомъ князѣ Збигневъ встрѣтилъ достойнаго противника: «Никогда отвѣчалъ ему Витовтъ, у меня и въ головѣ не было намѣренія стать независимымъ королемъ; давно уже Императоръ убѣждалъ меня принять королевскій титулъ, но я не соглашался. Теперь же самъ король Владиславъ потребовалъ этого отъ меня; уступая его мольбамъ, повинуюсь его приказанію, я далъ публично свое согласіе, послѣ чего постыдно было бы для меня отречься отъ своего слова.» Олесницкій возвратился ни съ чѣмъ, а между тѣмъ приближенные Витовта не переставали убѣждать своего князя привести какъ можно скорѣе къ концу начатое предпріятіе. Витовтъ писалъ къ Ягайлу, укоряя его за то, что онъ взялъ назадъ свое согласіе, и за то, что хочетъ сдѣлать народъ Литовскій и князя его вассалами Польши; писалъ и къ Императору съ тѣми же жалобами¹²². Поляки были въ страшной тревогѣ; послѣ долгихъ совѣщаній положено было опять слать пословъ къ Витовту, и опять отправленъ былъ Збигневъ Олесницкій вмѣстѣ съ Яномъ Тарновскимъ, и латиномъ Краковскимъ. Послы удивили Витовта предложеньемъ, по-принять корону Польскую, которую уступаетъ ему Ягайль, старости лѣтъ уже чувствующій себя не способнымъ Подо-

вленію. Витовтъ отвѣчалъ, что считаетъ гнустнымъ дѣломъ принять Польскую корону, отнявши ее у брата, и прибавилъ что самъ не станетъ болѣе добиваться королевской короны, но если ее пришлютъ ему, то не откажется принять.

Между тѣмъ Поляки дѣйствовали противъ намѣреній Витовта и съ другой стороны: они представили папѣ всю опасность, которою грозитъ католицизму отдѣленіе Литвы и Руси отъ Польши, потому что тогда издревле господствовавшее въ этихъ странахъ православіе опять возьметъ прежнюю силу и подавитъ то-то-что водворившееся въ Литвѣ латинство. Папа, понявъ справедливость опасенія, немедленно отправилъ къ Императору запретъ посылать корону въ Литву, а Витовту запретъ принимать ее. Получивъ папскую грамоту, Витовтъ въ 1430 году написалъ прелатамъ и вельможамъ Польскимъ, жалуясь имъ на короля Владислава, который чернитъ его предъ папою и другими владѣтелями католическими. Въ это время Поляки были встревожены вѣстію, что Литовскій князь взялъ съ своихъ бояръ присягу служить ему противъ короля и королевства Польскаго, и снова Збигнѣвъ отправился въ Литву успокоить Витовта на счетъ папскаго посланія и укорить въ непріязненныхъ намѣреніяхъ противъ Польши. Витовтъ отвѣчалъ, что онъ взялъ присягу съ своихъ и утвердилъ крѣпости вовсе не съ цѣлію начать наступательныя движенія противъ Польши, но только для предохраненія себя отъ внезапнаго нападенія враговъ, ибо ему достовѣрно извѣстно, что Гусситы безпрестанно добиваются отъ короля Владислава позволенія пройти чрезъ его области на Пруссію и на Литву, и король ему объ этомъ ничего не объявилъ. Збигнѣву нечего было отвѣчать на это. Между тѣмъ, днемъ Витовтовой коронаціи назначенъ былъ праздникъ Успенія Богородицы; но такъ какъ посланные отъ Сигизмунда съ короною опоздали къ этому дню, то назначенъ былъ другой праздникъ—Рождества Богородицы, и приглашены были уже къ этому торжеству многіе сосѣдніе владѣльцы, въ томъ числѣ и внукъ Витовта, князь Московскій. Поляки знали объ этихъ приготовленіяхъ, и потому разставили столбы на границахъ, чтобы не пропускать Сигизмунда въ Литву. На границахъ Саксоніи и Пруссіи были двое пословъ—Чигала и Ротъ, которые ѣхали къ

за .

Витовту съ извѣстіемъ, что корона уже отправлена, и съ грамотами, въ силу которыхъ онъ получалъ право на королевскій титулъ; за этими послами слѣдовали другіе, знатнѣшіе и многочи сленнѣйшіе, везшіе корону. Чтобы перехватить ихъ, отправились трое польскихъ вельможъ съ значительнымъ отрядомъ, покладываясь помѣшать отдѣленію Литвы и Руси, хотя бы для перехваченія короны нужно было ѣхать въ самые отдаленные предѣлы. Послы, узнавъ объ этомъ, испугались и возвратились назадъ къ Сигизмунду ¹²³.

Вѣсть объ этомъ такъ поразила Витовта, что сильно растроила его здоровье; однако больной старикъ еще не терялъ совершенно надежды какъ бы то ни было успѣть въ своемъ намѣреніи. Зная слабохарактерность Ягайла, онъ послалъ звать его къ себѣ въ Вильну. Ягайлу и самому очень хотѣлось поѣхать въ Литву, не потому, чтобъ онъ питалъ сильную привязанность къ родной странѣ, а потому что въ ней всего лучше удовлетворялъ онъ своей страсти къ охотѣ. Но Польскіе прелаты и вельможи знали, что если Ягайло разъ свидится съ Витовтомъ, то не будетъ въ состояніи отказать ему ни въ чемъ; знали также, что Сигизмундовы послы убѣждаютъ Витовта употребить при вѣнчаніи корону, сдѣланную въ Вильнѣ, что не помѣшаетъ Сигизмунду признать его королемъ,—и потому боялись отпустить Ягайла одного въ Литву, а приставили къ нему Збигнѣва Олесницкаго, на твердость котораго вполне полагались. Витовтъ принялъ двоюроднаго брата съ большимъ торжествомъ; но самъ со дня на день становился все слабѣе и слабѣе, не переставая требовать отъ Ягайла, чтобы тотъ согласился на его коронацію. Ягайло отвѣчалъ, что онъ самъ по себѣ радъ дать согласіе, да чтожъ ему дѣлать, когда Поляки приставили къ нему Збигнѣва, безъ согласія котораго ничего нельзя сдѣлать; что прежде всего нужно какъ нибудь размягнуть этотъ камень ¹²⁴. Витовтъ принялся размягчать и просьбами и дарами, какихъ ни кто до сихъ поръ не получалъ еще въ Литвѣ; но Збигнѣвъ остался непреклоненъ. Тогда Витовтъ прибѣгнулъ къ угрозамъ, давая знать, что упомѣбитъ всѣ средства, разсыплетъ повсюду то самое золото, дастъ тѣ самые дары, которые были приготовлены для Ягайла, чтобы лишить его Краковской епископіи. Не пытаясь

упомѣ-
айномъ
по-
пытаться
лупкѣ Подо-

испугали, а только ожесточили Збигнѣва, и Витовтъ долженъ былъ оставить всякую надежду преклонить его на свою сторону, а скоро тяжкая болѣзнь заставила его отложить и всѣ другія надежды. Витовтъ умеръ 27 Октября 1430 года; главною причиною смерти полагають тяжкую скорбь о не сбывшихся намѣреніяхъ.

Не имѣя сыновей, Витовтъ сосредоточилъ всѣ свои желанія на удовлетвореніи личнаго честолюбія, для чего такъ сильно добивался вѣнца королевскаго, и не могъ, повидимому, въ послѣднее пятилѣтіе жизни заботиться о расширеніи своихъ владѣній, которыхъ не кому было оставить. Не смотря на то, еще въ 1425 году Витовтъ посылалъ къ великому магистру Ордена требовать помощи противъ Пскова; магистръ отказалъ, и Витовтъ почему то отложилъ походъ; въ 1426 году, онъ опять послалъ за тѣмъ же къ магистру; тотъ опять отвѣчалъ, что не можетъ нарушить крестнаго пѣлованія къ Псковичамъ¹²⁵; но на этотъ разъ Витовтъ не сталъ дожидаться союзниковъ, объявилъ войну Псковичамъ, и по прошествіи четырехъ недѣль и четырехъ дней послѣ объявленія, въ Августѣ мѣсяцѣ, явился съ полками Литовскими, Польскими, Русскими и Татарскими подъ Опочкою, жители которой устроили мостъ на канатахъ, подъ мостомъ набили колья, а сами спрятались въ крѣпости, чтобы непріятелю показалась она пустою. Татарская конница, не видя никого на стѣнахъ, бросилась на мостъ: тогда граждане подрѣзали канаты, и мостъ вмѣстѣ съ Татарами упалъ на колья, почти всѣ непріатели лишились жизни, а которые попались въ плѣнъ, тѣхъ жестоко и позорно изувѣчили въ городѣ, и въ такомъ видѣ показали осаждающимъ. Витовтъ отошелъ отъ Опочки, и осадилъ другой городъ Вороначъ, подъ которымъ стоялъ три недѣли, разбивая пороками стѣны. Вороначанамъ стало очень тяжело, и они послали сказать въ Псковъ: «Господа Псковичи! помогайте намъ, думайте объ насъ, намъ теперь очень тяжело!» Псковичи послали въ Литовскій станъ своего посадника бить челомъ Витовту; но тотъ не принялъ Псковскаго челобитья. Другой Псковскій посадникъ съ 400 человекъ ѣхалъ въ Котельну и засѣлъ тамъ, но былъ переловленъ на Невыи дорогѣ 7000 Литовцевъ и Татаръ и успѣлъ убѣжать въ Дубну, потерявши 30 человекъ; въ двухъ другихъ стычкахъ князь и жители Псковскихъ пригородовъ были счастливые.

за .

Между тѣмъ въ одну ночь случилось чудо страшное, говорить лѣтописецъ: внезапно нашла туча грозная, полился дождь, загремѣлъ громъ, молнія сверкала безпрестанно, и всѣ думали, что или отъ дождя потонуть, или отъ молніи сгорятъ, или отъ грома камнями будутъ побиты; громъ былъ такой страшный, что земля тряслась, и Витовтъ, ухватясь за шатерный столпъ, кричалъ въ ужасъ: Господи помилуй! — Псковскій лѣтописецъ этой грозѣ приписываетъ смиреніе Витовта, который далъ перемиріе Вороночанамъ; но лѣтописецъ Московскій приводитъ другое обстоятельство: къ Витовту пріѣхалъ посолъ изъ Москвы, князь Лыковъ, и сказалъ отъ имени Великаго Князя Василія «зачѣмъ это ты такъ дѣлаешь вопреки договору? вмѣсто того, чтобы быть тебѣ со мною за одно, ты мою отчину воюешь и пустошишь». Витовтъ послушавшись внука своего, заключилъ съ Псковичами миръ; вмѣсто трехъ тысячъ рублей взялъ съ нихъ только одну тысячу и плѣнниковъ ихъ отдалъ на-поруки, съ условіемъ, чтобъ въ извѣстный срокъ они явились къ нему въ Вильну, Псковскій лѣтописецъ не говоритъ ничего о послѣ Московскомъ и жалуется, по обычаю, на Новгородцевъ, которые не помогли Пскову ничѣмъ, ни словомъ, ни дѣломъ, хотя ихъ посолъ былъ все это время въ станѣ у Витовта, и подъ Опочкою, и подъ Вороначемъ. Когда срокъ ѣхать въ Вильну съ деньгами и плѣнными сталъ приближаться, Псковичи послали въ Москву просить Великаго Князя, чтобъ отправилъ къ дѣду своихъ бояръ бить челомъ за Псковичей. Московскій посолъ поѣхалъ въ Вильну вмѣстѣ съ Псковскими, повезли деньги, 1000 рублей, и плѣнниковъ; Витовтъ деньги взялъ, но плѣнниковъ оставилъ у себя, и посолъ Московскій не помогъ ничего своимъ посольствомъ, говоритъ Псковскій лѣтописецъ: Псковичи принуждены были опять послать посадника въ Вильну и выкупить плѣнныхъ деньгами.

Въ 1428 году пришелъ чередъ и Новгородцамъ: Витовтъ объявилъ имъ войну за то, что они называли его измѣнникомъ и пѣяницею; Новгородцы послали просить помощи у Псковичей, но тѣ отвѣчали: «Какъ вы намъ не помогли, такъ и мы вамъ не поможемъ, да еще мы и договоръ заключили съ Витовтомъ ^{ден.} въ тайномъ ^{по-} помогать вамъ.» Великій Князь Московскій также, попытаться Витовту, что не будетъ помогать ни Новгородъ уступкъ Подо-

чуждыми и высшими его народностями: къ одной которой-нибудь изъ нихъ онъ долженъ былъ прировняться, не насильственно, однако, а съ правомъ выбора.

По смерти Витовта, Ягайло не могъ противиться всеобщему желанію: Русскіе и Литовскіе вельможи бросились къ Свидригайлу и провозгласили его Великимъ Княземъ. Свидригайло ознаменовалъ свое вступленіе на отцовскій столъ тѣмъ, что занялъ Литовскіе замки отъ своего имени, съ исключеніемъ Ягайлова, и тѣмъ обнаружилъ намѣреніе отложиться отъ Польши. Кипя гнѣвомъ за прежнія обиды и гоненія, онъ въ рѣзкихъ словахъ укорялъ короля и его Польскихъ совѣтниковъ, грозя имъ местию. Ягайло находился въ самомъ затруднительномъ положеніи; эта затруднительность еще болѣе усилилась при извѣстїи, что Поляки, услышавъ о смерти Витовта, внезапно захватили Подолію, вытѣснивъ оттуда Литовскихъ намѣстниковъ. Свидригайло выходилъ изъ себя, грозилъ королю тюрьмою, и даже смертію, если Поляки не возвратятъ Подолію Литвѣ. Тогда совѣтники королевскіе рѣшились умертвить Свидригайла и, запершись въ Вильнѣ, держаться тамъ до прибытія короннаго войска. Но Ягайло никакъ не соглашался на такую мѣру, и почелъ за лучшее возвратить брату Подолію. Свидригайло, обрадованный уступчивостію короля, утихъ, и началъ ласкаться къ брату; но вельможи Польскіе были въ отчаяніи, что Подолія отходитъ отъ нихъ, стали придумывать средства, какъ бы помѣшать королевскому намѣренію, и наконецъ наши: тайнымъ образомъ дали знать Польскому комменданту Каменца, чтобъ онъ не слушался королевскаго повелѣнія, не сдавалъ города Литвѣ и заключилъ бы въ оковы Ягайловыхъ и Свидригайловыхъ посланныхъ; коммендантъ исполнилъ ихъ желаніе.

Въ 1431 году Ягайло возвратился въ Польшу; на Сендомирскомъ сеймѣ слабый старикъ сталъ жаловаться на обиды отъ Свидригайла; негодованіе Поляковъ было усилено еще вѣстями, что Свидригайло не оставляетъ въ покоѣ ни Подоліи, ни другихъ сосѣднихъ областей; но они боялись дѣйствовать противъ Литовскаго князя вооруженною силой, зная сильную приверженность къ нему Русскихъ, заподозривая и короля своего въ тайномъ доброжелательствѣ брату ¹²⁸, и потому рѣшились попытаться сперва мирнымъ путемъ склонить Свидригайла къ уступкѣ Подо-

лія и къ признанію своей зависимости отъ Польши. Первое посольство ихъ осталось безъ успѣха; при второмъ, выведенный изъ терпѣнія дерзкими требованіями Яна Лутека Бржескаго, Свидригайло далъ ему пощечину. Въ томъ же году (1431) Бржескій опять пріѣхалъ посломъ отъ Ягайла, опять говорилъ Свидригайлу тѣ же рѣчи, опять получилъ отъ него пощечину, но теперь уже не былъ отпущенъ назадъ, а заключенъ въ тюрьму. Ягайло выступилъ съ войскомъ на Литву, хотя, какъ выражается Польскій историкъ ¹²⁹, горьче смерти былъ ему этотъ походъ противъ родной земли и роднаго брата. Борьба между народностями, изъ которыхъ одна посягала на права другой, ведена была, какъ и слѣдовало ожидать, съ большимъ ожесточеніемъ: съ обѣихъ сторонъ не было пощады плѣнникамъ, при чемъ Русскіе особенно изливали свою месть на Латинское духовенство. Жители Луцка съ удивительнымъ мужествомъ выдерживали осаду отъ королевскаго войска; не смотря на то, по увѣренію Польскаго историка, городъ долженъ былъ бы скоро сдаться и война кончилась бы съ выгодой и честію для короля и королевства, еслибъ тому не помѣшалъ самъ Ягайло, благопріятствовавшій Свидригайлу и его подданнымъ, съ которыми посѣщилъ заключить перемиріе, при чемъ положенъ былъ срокъ и мѣсто для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Король снялъ осаду Луцка, и Русскіе торжествовали отступленіе непріятеля тѣмъ, что разрушили всѣ католическія церкви въ Луцкой землѣ.

Съѣздъ для заключенія вѣчнаго мира назначенъ былъ въ Парчевѣ; но Свидригайло не явился туда и не прислалъ своихъ уполномоченныхъ. Тогда Поляки, не надѣясь справиться съ Литовскимъ княземъ открытою силою, рѣшились выставить ему соперника и возбудить междоусобіе въ собственныхъ его владѣніяхъ. Мы видѣли, что Свидригайло держался Русскаго народонаселенія. Это возбуждало неудовольствіе собственно Литовскихъ вельможъ, особенно тѣхъ, которые приняли католицизмъ. Поляки воспользовались ихъ неудовольствіемъ, и послали Лаврентія Зоронбу въ Литву, съ явнымъ порученіемъ отъ Ягайла къ брату его—склонять послѣдняго къ покорности, и съ тайнымъ порученіемъ—уговаривать Литовскихъ вельможъ къ сверженію Свидригайла и къ принятію къ себѣ въ князя Витовтова брата, Сигизмунда

Кейстутовича, князя Стародубскаго. Зоронба успѣлъ какъ нельзя лучше выполнить свое порученіе: составленъ былъ заговоръ, съ помощію котораго Сигизмундъ Стародубскій напалъ нечаянно на Свидригайла и выгналъ его изъ Литвы; но Русь (т. е. Малороссія), Смоленскъ и Витепскъ остались вѣрными Свидригайлу.

Свѣдавъ объ изгнаніи Свидригайла изъ Литвы, король созвалъ вельможъ и прелатовъ для совѣщанія о дѣлахъ этой страны. Положено было отправить къ Сигизмунду полномочныхъ пословъ, въ числѣ которыхъ находился Збигнѣвъ Олесницкій. Сигизмундъ съ почестями принялъ посольство, и подчинилъ себя и свое княжество коронѣ Польской. Такой поступокъ понятенъ: Сигизмундъ собственными средствами не могъ держаться противъ Свидригайла; ему нужна была помощь Польши, авторитетъ ея короля. Но понятно также, что подчиненіе Литвы Польшѣ не могло доставить Сигизмунду расположенія многихъ Литовцевъ, которые не хотѣли этого подчиненія; вотъ почему Сигизмундъ скоро увидѣлъ, что окруженъ людьми, на вѣрность которыхъ не можетъ положиться; и хотя Польскій лѣтописецъ видитъ въ этомъ случаѣ только врожденное непостоянство Литовцевъ, но мы имѣемъ право видѣть еще что-нибудь другое, тѣмъ болѣе, что тотъ же самый лѣтописецъ, въ одинъ голосъ съ лѣтописцемъ Русскимъ, упрекаетъ Сигизмунда въ страшной жестокости и безнравственности¹³⁰. Открытъ былъ заговоръ на жизнь Сигизмунда, и главами заговора были двое знаменитѣйшихъ вельможъ: Януть, палатинъ Троцкій, и Румбольдъ, гетманъ Литовскій. Януть и Румбольдъ, вмѣстѣ съ другими соучастниками, погибли подъ топоромъ; но ожесточеніе противъ Сигизмунда не уменьшилось: онъ не смѣлъ встрѣтиться съ Свидригайломъ въ открытомъ полѣ, боясь измѣны своихъ.

Въ такомъ положеніи находились Литва и югозападная Русь, когда въ 1434 году умеръ король Ягайло. Поляки возвели на престолъ сына его Владислава, не безъ смутъ впрочемъ и сопротивленія со стороны нѣкоторыхъ вельможъ. Но перемѣна, совершившаяся въ Польшѣ, не измѣнила положенія Литвы и Руси: здѣсь по прежнему шла борьба между Сигизмундомъ и Свидригайломъ, по прежнему послѣдній не хотѣлъ отказываться отъ правъ своихъ на Литву, и по прежнему былъ несчастливъ на войнѣ: войска его

потерпѣли сильное поражение подъ Вилькомиромъ. Но Сигизмундъ не долго наслаждался своимъ торжествомъ: двое братьевъ, Русскихъ князей—Иванъ и Александръ Чарторыйскіе⁴³¹, составили новый заговоръ, въ слѣдствіе котораго Сигизмундъ лишился жизни.

По убіеніи Сигизмунда, Литовскіе вельможи раздѣлились: одни хотѣли видѣть великимъ княземъ Владислава Ягайловича, короля Польскаго; другіе, возвеличенные Сигизмундомъ, держались сына его Михаила; третьи, наконецъ, хотѣли Свидригайла. Король Владиславъ былъ въ это время въ большемъ затрудненіи: Венгры выбрали его на свой престолъ и просили поспѣшить пріѣздомъ къ нимъ, а между тѣмъ Литва требовала также его присутствія, и въ противномъ случаѣ грозила отдѣлиться отъ Польши. Послѣ долгихъ совѣщаній съ Польскими вельможами рѣшено было, чтобъ самъ Владиславъ поспѣшилъ въ Венгрію для упроченія себѣ тамошняго престола, а въ Литву отправилъ вмѣсто себя роднаго брата своего, молодаго Казимира, не въ качествѣ, однако, великаго князя Литовскаго, а въ качествѣ намѣстника Польскаго. Литовскіе и нѣкоторые изъ Русскихъ вельможъ, вмѣстѣ съ Александромъ или Олелькомъ Владиміровичемъ, княземъ Кіевскимъ, внукомъ Ольгердовымъ, приняли Казимира, но никакъ не хотѣли видѣть въ немъ намѣстника Владиславова, и требовали возведенія его на великокняжескій престолъ; Поляки, окружавшіе Казимира, никакъ не хотѣли согласиться на это требованіе, и тогда Литовцы, противъ ихъ воли, провозгласили Казимира Великимъ Княземъ. Видя это, король Владиславъ и его Польскіе совѣтники придумали средство обезсилить Литву, отнять у ея князей возможность къ сопротивленію Польскому владычеству: это средство было—раздѣленіе Литовскихъ областей между Казимиромъ Ягеллоновичемъ, Михаиломъ Сигизмундовичемъ, и Болеславомъ Мазовецкимъ; назначенъ былъ для этого уже и съѣздъ въ Парчевъ, но сопротивленіе Литовскихъ вельможъ помѣшало и этому намѣренію.

Въ 1444 году, Владиславъ, король Польскій и Венгерскій, палъ въ битвѣ съ Турками при Варнѣ, и это событіе имѣло важное значеніе въ судьбахъ Литвы и Руси; оно снова затягивало связь ихъ съ Польшею, потому что бездѣтному Владиславу долженъ

былъ наследовать братъ его, осьмнадцатилѣтній Казимиръ Литовскій. Поляки, по мысли Збигнѣва Олесницкаго, прислали звать Казимира къ себѣ на престолъ; тотъ, по внушеніямъ Литовцевъ, долго не соглашался: на Пётрковскомъ сеймѣ, въ 1446 году, послы Казимировы, Русскіе князья Василій Красный и Юрій Семёновичъ, объявили панамъ прямой отказъ своего князя наследовать брату на престолъ Польскомъ; второе посольство Поляковъ также не имѣло успѣха; наконецъ Казимиръ долженъ былъ уступить ихъ требованіямъ, когда узналъ, что на сеймѣ идетъ рѣчь о выборѣ въ короли Болеслава, князя Мазовецкаго, тестя и покровителя соперника его, Михаила Сигизмундовича. Затруднительно было положеніе Казимира между притязаніями Поляковъ на Литовскія владѣнія и стремленіями Литовцевъ удержать съ княмостоятельность относительно Польши; иногда дѣло доходило до явнаго разрыва, и большихъ усилій стоило Казимиру отвратить кровопролитіе. Но этого мало: Орденъ является опять на сценѣ, чтобъ отвлечь вниманіе государей Польско-Литовскихъ отъ восточнаго разрыва. Грюнвальдская битва, нанесшая рѣшительный ударъ Ордену, служила знакомъ ко внутреннимъ безпокойствамъ въ его владѣніяхъ: ослабленные рыцари стали нуждаться теперь въ помощи дворянства и городовъ; послѣдніе воспользовались обстоятельствами, и начали требовать участія въ правленіи, начали требовать, чтобъ при великомъ магистрѣ находился совѣтъ, состоящій изъ выборныхъ отъ Ордена, дворянства и главныхъ городовъ, и чтобъ на этомъ совѣтѣ рѣшались всѣ важнѣйшіе дѣла. Въ слѣдствіе этихъ стремленій между Орденомъ съ одной стороны, дворянствомъ и городами съ другой, начались неудовольствія, кончившіяся тѣмъ, что въ 1454 году нослы отъ дворянъ и городовъ Прусскихъ явились къ королю Казимиру съ просьбою принять ихъ въ свое подданство. Казимиръ согласился, и слѣдствіемъ этого была война съ Орденомъ, война продолжительная, ведшаяся съ перемѣннымъ счастіемъ и поглотившая все вниманіе короля и сеймовъ.

Такое затруднительное положеніе великаго князя Литовскаго съ одной стороны, и не менѣе затруднительное положеніе Великаго Князя Московскаго съ другой—сдерживали обоихъ, мѣшали значительнымъ столкновеніямъ Руси югозападной съ сѣверо-

восточною во все описываемое время. Но если не могло быть между Литвою и Москвою войны значительной, богатей рѣшительными послѣдствіями, то самыя усобицы однако, происходившія одновременно и здѣсь, и тамъ, не могли допустить и постоянного мира между обѣими державами, потому что враждующія стороны на сѣверовостокѣ искали себѣ пособія и убѣжища на югозападѣ и наоборотъ. Свидригайло былъ побратимъ князю Юрію Дмитриевичу, слѣдовательно Василій Московскій долженъ былъ находиться въ союзѣ въ врагомъ Свидригайловымъ Сигизмундомъ Кей-стутовичемъ и сыномъ его Михаиломъ, и убійца Сигизмунда, князь Чарторыйскій, жилъ у Шемяки и вмѣстѣ съ нимъ приходилъ военникъ на Москву. Василій держалъ сторону Михаила и въ борьбѣ въ про-Казимиромъ; мы видѣли, что въ 1444 году, находясь въ долгу съ Михаиломъ и Болеславомъ Мазовецкимъ, Казимиръ самъ предлагалъ Новгородцамъ помощь подъ условіемъ подданства. Новгородцы не согласились на это предложеніе, и въ 1445 году Великій Князь Василій послалъ нечаянно двухъ Татарскихъ царевичей на Литовскіе города—Вязьму, Брянскъ и другіе; Татары много воевали, много народу перебили и въ плѣнъ повели, пожгли Литовскую землю почти до самаго Смоленска, и возвратились домой съ большимъ богатствомъ. Казимиръ спѣшилъ отомстить, и отправилъ подъ Калугу 7000 войска подъ начальствомъ семерыхъ пановъ своихъ. Были они подъ Козельскомъ и подъ Калугою, но не могли здѣсь сдѣлать ничего, и отошли къ Суходрову¹³²; тутъ встрѣтили ихъ сто человекъ Можайцевъ, сто Верейцевъ, и шестьдесятъ Боровцевъ, и сразились: Русскіе потеряли своихъ воеводъ, Литовцы также потеряли двѣсти человекъ убитыми, и возвратились домой¹³³. Это впрочемъ было единственное ратное дѣло съ Литвою въ княженіе Василія; въ 1448 году былъ въ Москвѣ посолъ Литовскій¹³⁴, а въ 1449 году заключенъ былъ договоръ между королемъ Казимиромъ и Великимъ Княземъ Василіемъ и его братьями, Иваномъ Андреевичемъ, Михаиломъ Андреевичемъ и Василіемъ Ярославичемъ¹³⁵. Василій обязался жить съ Казимиромъ въ любви и быть съ нимъ вездѣ за одно, хотѣть добра ему и его землѣ вездѣ, гдѣ бы ни было; тѣ же обязательства взялъ на себя и Казимиръ. Договаривающіеся клянутся имѣть однихъ враговъ и друзей; Казимиръ

миръ обязывается не принимать къ себѣ Димитрія Шемяки, а Василій Михаила Сигизмундовича. Если пойдуть Татары на украинскія мѣста, то князьямъ и воеводамъ, Литовскимъ и Московскимъ, переславшись другъ съ другомъ, обороняться за одно. Казимиръ и Василій обѣщаютъ не вступаться во владѣнія другъ друга, и, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, другой долженъ заботиться о семействѣ умершаго. Обязываются помогать другу другу войскомъ въ случаѣ нападенія непріятельскаго; но это обязательство можетъ быть и не исполнено, если союзникъ будетъ занятъ самъ у себя дома войною. Орду Великій Князь Московскій знаетъ по старинѣ, ему самому и посламъ его путь чистъ къ Орду чрезъ Литовскія владѣнія. — Съ перваго взгляда послѣднее условіе кажется страннымъ: для чего было Московскому князю или посламъ его ѣздить въ Орду чрезъ Литовскія владѣнія? Но мы не должны забывать, что при усобицахъ княжескихъ побѣдитель захватывалъ пути въ Орду, чтобы не пропускать туда соперника, и для послѣдняго въ такомъ случаѣ было очень важно проѣхать безпрепятственно окольными путями. — Далѣе, договаривающіеся обязываются не трогать служилыхъ князей. Василій Московскій называетъ себя въ договорѣ княземъ Новгородскимъ, и требуетъ отъ Казимира, чтобы тотъ не вступался въ Новгородъ Великій и во Псковъ и во всѣ Новгородскія и Псковскія мѣста, и если Новгородцы или Псковичи предложатъ ему принять ихъ въ подданство, то король не долженъ соглашаться на это. Если Новгородцы или Псковичи нагрубятъ королю, то послѣдній долженъ уведомить объ этомъ Великаго Князя Московскаго, и потомъ можетъ перевѣдаться съ Новгородцами и Псковичами, и Василій не вступится за нихъ, не будетъ сердиться на Казимира, если только послѣдній не захватитъ ихъ земли и воды. Казимиръ обязывается держать съ Нѣмцами вѣчный миръ, съ Новгородцами особенный миръ, съ Псковичами особенный, и если станутъ они воевать другъ съ другомъ, то король не вмешивается въ ихъ дѣло. Если Новгородцы или Псковичи нагрубятъ Великому Князю Московскому, и тотъ захочетъ ихъ казнить, то Казимиру за нихъ не вступаться. Великій Князь Иванъ Федоровъ Новгородскій въ любви съ Великимъ Княземъ Московскимъ; Богшииъ своимъ братомъ, и потому король не долженъ обидѣть побили

и если Рязанскій князь нагрубить Казимиру, то послѣдній обязанъ дать знать объ этомъ Василию, и тотъ удержитъ его, заставить испрѣвиться; если же Рязанскій князь не испривится, то король воленъ его показнить, и Московскій князь не будетъ за него заступаться; если же Рязанскій князь захочетъ служить королю, то Василій не будетъ за это на него сердиться или мстить ему.

Войны не было послѣ этого между Москвою и Литвою, но и договоръ не былъ соблюдаемъ: Михаилъ Сигизмундовичъ былъ принятъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1452 году, въ одно время съ знаменитымъ Свидригайлomъ; съ своей стороны Казимиръ принялъ сына Шемяки, и потомъ Ивана Андреевича Можайскаго и Ивана Васильевича Серпуховскаго: Шемячичъ получилъ во владѣніе Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій; Можайскій получилъ сперва Брянскъ, потомъ Стародубъ и Гомей¹³⁶. Видимъ новые переговоры между Великими Князьями—Московскимъ и Литовскимъ, при чемъ митрополитъ Юна является посредникомъ¹³⁷. Рязанцы опустошили Литовскія владѣнія, и входили за промыслами туда, куда имъ издавна входовъ не бывало; Казимиръ жаловался на это Великому Князю Рязанскому Ивану Федоровичу¹³⁸, но получилъ ли удовлетвореніе—неизвѣстно.

Московскіе удѣльные князья бѣжали въ Литву вслѣдствіе стремленій своего старшаго, Великаго Князя къ единовластію; но, чего они не хотѣли въ Москвѣ, тому самому должны бы подвергнуться въ Литвѣ: они не могли быть здѣсь князьями самостоятельными, и принимая волости отъ внука Ольгердова, клялись быть его подручниками, слугами, данниками¹³⁹. Въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ Литовскому Великому Князю были уже давно все князья Рюриковичи югозападной Руси¹⁴⁰.

Литва не мѣшала Московскому Князю утверждать единовластіе на сѣверовостокѣ, по смерти Шемякиной; мѣшала тому Татары: въ 1449 году отрядъ ихъ внезапно явился на берегахъ рѣки Пхоты, и много зла надѣлалъ христіанамъ, свѣкъ и въ полонъ велъ. Важнаго Князя обвиняли въ томъ, что онъ любитъ Татаръ, кормитъ ихъ, принимаетъ въ службу; въ настоящемъ случаѣ повѣсти быкомія получила полное оправданіе, потому что противъ варивающаго выступилъ Татарскій же царевичъ Касимъ изъ Зве-

нигорода, разбилъ ихъ, отнялъ добычу, прогналъ въ степь; и въ слѣдующемъ году Касимъ оказалъ такую же услугу Москвѣ, разбивши Татаръ вмѣстѣ съ Коломенскимъ воеводою Беззубцевымъ, на рѣкѣ Битюгѣ. Но въ 1451 году дѣло было значительнѣе: Великому Князю дали вѣсть, что идетъ на него изъ за Волги царевичъ Мазовша; Василій, не собравшись съ силами, вышелъ было къ Коломнѣ, но услыхавъ ⁴¹, что Татары уже подѣ берега, возвратился въ Москву, а всѣхъ людей своихъ отпустилъ къ Окѣ съ воеводою, княземъ Иваномъ Звенигородскимъ, чтобы препятствовать, сколько можно долѣе, переправѣ Татаръ черезъ рѣку; но Звенигородскій испугался и вернулся также назадъ, только другимъ путемъ, а не прямо за Великимъ Княземъ. Между тѣмъ Василій, пробывъ Петровъ день въ Москвѣ, укрѣпилъ (осадилъ) городъ, оставилъ въ немъ свою мать княгиню Софью Витовтовну, сына князя Юрія, множество бояръ и дѣтей боярскихъ, митрополита Юну, жену съ другими дѣтьми отпустилъ въ Угличъ, а самъ со старшимъ сыномъ Иваномъ отправился къ Волгѣ. Татары подошли къ Окѣ, думая, что на берегу стоитъ Русская рать, и не видя никого, послали сторожей на другую сторону рѣки, посмотреть, не скрылись ли Русскіе гдѣ въ засадѣ. Сторожа обыскали всюду и возвратились къ своимъ съ вѣстію, что нѣтъ нигдѣ никого. Тогда Татары переправились черезъ Оку, и безъ оставовки устремились къ Москвѣ, и подошли къ ней 2-го Юля. Въ одинъ часъ зажжены были всѣ посады, время было сухое, и пламя обняло городъ со всѣхъ сторонъ, церкви загорѣлись, а отъ дыма нельзя было ничего видѣть: не смотря на то, осажденные отбили приступъ у всѣхъ воротъ. Когда посады сгорѣли, то Москвичамъ стало легче отъ огня и дыма, и они начали выходить изъ города и биться съ Татарами; въ сумерки непріятель отступилъ, а граждане стали готовить пушки и всякое оружіе, чтобъ отбивать на другой день приступы; но при солнечномъ восходѣ ни одного Татарина уже не было подъ городомъ: въ ночь всѣ убѣжали, покинувши тяжелые товары, мѣдь, желѣзо. Великая княгиня Софья тотчасъ же послала сказать объ этомъ сыну, Дмиторій въ то самое время перевозился черезъ Волгу при Новогудубны; Василій немедленно возвратился въ Москву, и ами; Богъ народъ, говоря ему: «Эта бѣда на васъ ради моихъ Быхъ побили

вы не унывайте, ставьте хоромы по своимъ мѣстамъ, а я радъ васъ жаловать и льготу давать.» Черезъ три года Татары попытались было опять тѣмъ же путемъ пробраться къ Москвѣ, но были разбиты полками великокняжескими у Коломны. Въ 1459 году новый приходъ Татаръ къ берегамъ Оки: на этотъ разъ отбилъ ихъ старшій сынъ Великаго Князя, Іоаннъ Васильевичъ. На слѣдующій годъ ханъ Большой Орды Ахматъ приходитъ съ всею силою подъ Переяславль Рязанской въ Августъ мѣсяцъ, стоялъ шесть дней подъ городомъ, и принужденъ былъ отступить съ урономъ и стыдомъ. Это было послѣднее нападеніе изъ Большой Орды въ княженіе Василя; съ Казанью нарушенъ былъ миръ въ 1461 году; Великій Князь собрался идти на нее войною; но во Владимірѣ явились къ нему послы Казанскіе и заключили миръ.

Новгородцы, или, лучше сказать, Новгородскіе подданные воевали со Шведами и Норвежцами не на берегахъ Невы и Ладожскаго озера, но въ отдаленномъ Заволочьѣ, на берегахъ Бѣлаго моря: въ 1445 году Кореляне Заволоцкіе напали на Норвежскія владѣнія, перебили и поплѣнили жителей, и возвратились по здорову домой. Какъ видно, чтобъ отомстить за это нападеніе, въ слѣдующемъ году Шведы и Норвежцы пришли нечаянно въ Двинскую губу; на посадъ Неноксу, повоевали, пожгли, людей перебили и въ плѣнъ повели; услышавши объ этомъ, Двиняне собрались скоро, напали на непріятеля, убили у него троихъ воеводъ, взяли въ плѣнъ сорокъ человекъ и прислали ихъ въ Новгородъ; только не многимъ удалось пометаться въ корабли и уйти въ море. Собственныя волости Новгородскія не терпѣли отъ Шведовъ; въ 1443 году Шведскій князь изъ Выборга пріѣхалъ ратью на миру и крестномъ цѣлованіи на рѣку Нарову, и схватилъ Псковскаго сына посадничьяго, Максима Ларіонова, вмѣстѣ съ 27 человекъ, а другихъ перебилъ; только на слѣдующій годъ Псковичи выкупили Максима съ товарищами за 120 рублей, а всѣхъ продаей потерпѣли они 150 рублей. Ряднѣ была для Новгородъ-Вачь волостей война съ Ливонскими Нѣмцами: въ 1444 году нѣмцы пожгли посадъ у города Ямы и берегъ повоевали, а въ ти было прислали сказать: «Не мы васъ воюемъ, а воюетъ васъ варивающій князь Клевскій, мститъ вамъ за своего проводника и

толмача. Князь Клевскій дѣйствителѣ; со множествомъ другихъ Палестину, и претерпѣвъ неприятности Нѣмецкаго.

Нѣмцы грабили Новгородскую землю ¹⁴²⁷ въ княженію Темнаго. шли въ Нѣмецкую землю за Норову, по той томъ, что могуще-около Ругодива (Нарвы), по берегамъ Наровской въ свое за-За это магистръ Ордена приходитъ со всѣми столько въ 1460 же городъ Яму, билъ его пушками и стоялъ пять челоми находив-попавши по Вотской землѣ, по Ижорѣ и по Васильевичу о-взять не могъ и съ урономъ долженъ былъ возвраща, слѣдующемъ Новгородцы собрались отомстить ему за это, идти обить челоми рову, но конскій надежъ помѣшалъ походу. Въ 1446 года Князя-лись было Новгородцы съ Нѣмцами для заключенія мира. Москву-гистръ захотѣлъ Острова, и потому разѣхались безъ мирцы го-жду тѣмъ у Псковичей происходили съ Нѣмцами мелкія стѣ упо-венія; въ 1427 году Нѣмцы убили шесть челоми Опочанъ оно-тниковъ, убили на Русской землѣ; другіе подошли къ Опоста, посякли и пожгли все на миру и на крестномъ цѣлованіи; нѣмцы въ то же время косили сѣно на Псковской землѣ; Псковичи это поѣхали на нихъ въ двухъ насадахъ, сѣно пожгли, схватили 7 челоми Чуди и повѣсили ихъ у Выбутска. На слѣдующій го-впрочемъ заключенъ былъ миръ съ магистромъ, жителями Юе-ева и со всею и землею Нѣмецкою, по старому крестному цѣл-ванію, только безъ Новгорода, потому что Новгородцы не помог-ничѣмъ, по словамъ Псковскаго лѣтописца. Семь лѣтъ продол-жался этотъ миръ; но въ 1436 году Псковичи захватили гостей Нѣмецкихъ съ товарами, всего 24 челоми, и посадили ихъ въ-тюрьму, за то, что Нѣмцы, во время мира, стали захватывать Псковскихъ рыболововъ, а нѣкоторыхъ и убили. Въ 1443 году заключенъ былъ миръ на 10 лѣтъ; но тотчасъ же послѣ этого Псковичи съ княземъ Александромъ Чарторыйскимъ поѣхали подъ Новый Городокъ Нѣмецкій, истребили все жито, и повѣсили 7 Чухновъ, схвативши ихъ на своей землѣ. Подъ 1448 годомъ Псковскій лѣтописецъ говоритъ о походѣ Новгородцевъ съ кня-земъ Александромъ Васильевичемъ Чарторыйскимъ противъ Ли-вонскихъ и Тевтонскихъ рыцарей и короля Шведскаго: Новго-родцы стали на Наровѣ, и бились черезъ рѣку съ Нѣмцами; Богъ-помогъ Новгородцамъ, они побили много враговъ, иныхъ побили

вы не унывайте, ставьте хосакъ), другіе потонули въ морѣ, 84 вась жаловать и льготу дать и съ ними два князя; добычи было тались было опять тѣмъ, тоже время отрядъ Нѣмецкій потерпѣлъ были разбиты полкамиътъ Новгородцевъ, бывшихъ годъ началу году новый приходѣя Васильевича Суздальскаго. Эта неудача, отбилъ ихъ старшійла Нѣмцевъ быть сговорчивѣе; въ слѣдую- На слѣдующій годчи отправили своихъ пословъ на съѣздъ, на всею силою подѣстѣ съ послами Новгородскими ¹⁴⁴, и заключенъ стоялъ шесть ий для Русскихъ миръ на 25 лѣтъ съ магистромъ пять съ уройископомъ Юрьевскимъ: Нѣмцы возвратили со сты- Большой Ожомъ, по выраженію лѣтописца, все старины Псков- миръ въ 3рья прежде отняты были Юрьевцами. Восемь лѣтъ со- но во В эротъ миръ; но въ 1458 году началась опять ссора за миръ. ы князь Александръ Чарторыйскій съ посадниками Псков- Нов поѣхали на спорную землю ¹⁴⁵, сѣно покосили и велии вали съ рыболовамъ рыбу ловить по старинѣ; церковь поставили озера, перевѣшали. Но въ слѣдующемъ году ¹⁴⁶ поганые Латины, 1445;руя въ крестное цѣлованіе, напали нечаянно на это спорное веречо, сожгли церковь и десять челоуѣкъ. Псковичи съ княземъ жой-ксандромъ немедленно поѣхали въ насадахъ и ладьяхъ въ Нѣ- щемъкую землю, и также много людей, мужчинъ и женщинъ пожгли, окуъ за тѣ головы неповинныя. Нѣмцы спѣшили отомстить за би- бижъ: вѣхали въ шнекахъ и въ лодьяхъ въ Нарову, отняли у сѣ- сковскихъ рыболововъ насаду съ пушками ¹⁴⁷ и со всемъ запа- втомъ ратнымъ, а въ Березской волости выжгли 42 двора, людей же Богъ сохранилъ. Но скоро потомъ пріѣхалъ посолъ изъ Нов- Чорода во Псковъ, посадникъ Карпъ Савиничъ съ дружиною, и объявилъ, что Нѣмцы бьютъ челомъ и назначили срокъ для мир- наго съѣзда. Князь Александръ, вмѣстѣ съ посадникомъ Новго- родскимъ и Псковскими и боярами изо всехъ концовъ отправи- лись на спорное (обидное) мѣсто, обыскали и нашли, что земля и вода принадлежитъ Св. Троицѣ; Нѣмцы же, зная свою неправ- ду, не явились на спорное мѣсто въ назначенный срокъ. Послѣ этого Псковичи съ своимъ княземъ Александромъ поѣхали въ Нѣ- мецкую землю, и много вреда надѣлали, повоевали землю Нѣмец- кую на 70 верстѣ, и три ночи въ ней ночевали; много добра по- грабили и погостовъ много пожгли, божницу великую выжгли,

сняли съ нея крестъ и четыре колокола; со множествомъ другихъ пѣвниковъ привели во Псковъ и попа Нѣмецкаго.

Это былъ послѣдній походъ на Нѣмцевъ въ княженію Темнаго. Удачный ли походъ Псковичей, или вѣсть о томъ, что могущественный Князь Московскій принялъ дѣла Псковскія въ свое завѣдываніе, заставила Нѣмцевъ желать мира,—только въ 1460 же году пріѣхали во Псковъ Нѣмецкіе послы бить челомъ находившемуся тогда здѣсь сыну великокняжескому Юрію Васильевичу о перемиріи; князь Юрій принялъ ихъ челобитье, и въ слѣдующемъ году большіе послы Нѣмецкіе пріѣхали въ Новгородъ бить челомъ о перемиріи съ Псковичами на пять лѣтъ. Посолъ Великаго Князя и Новгорода, спросившись съ Псковичами, послали въ Москву гонцевъ доложить Великому Князю о просьбѣ Нѣмцевъ; гонцы говорили Василю, что Новгородъ и Псковъ полагаютъ на него упованіе. Великій Князь согласился на пятилѣтнее перемиріе, и оно было заключено съ тѣмъ условіемъ относительно спорнаго мѣста, что Псковичи будутъ ловить рыбу на своемъ берегу, а Юрьевцы и епископъ ихъ на своемъ; кромѣ того Нѣмцы возвратили иконы и всѣ вещи, пограбленныя ими въ прежнюю войну. Въ столкновенияхъ своихъ съ Финскими племенами при-Уральскими Новгородцы не были счастливы въ это время: въ 1446 году двое воеводъ ихъ, Василій Шенкурскій и Михайл Яковлевъ, пошли съ трехтысячною Заволоцкою ратію на Югру, набрали много добычи и стали вести себя оплошно, чѣмъ воспользовались Югорцы, и обманули ихъ, говоря: «Мы хотимъ вамъ дань давать, хотимъ перечислить, сколько всѣхъ насъ, указать вамъ станы, острова и урѣчища;» а между тѣмъ собрались и ударили на островъ Василя Шенкурскаго, гдѣ перебили 80 человекъ дѣтей боярскихъ и удалыхъ людей; воевода Василій успѣлъ спастись съ сыномъ и небольшою дружиною, другіе разбѣжались по лѣсу. Товарищъ Шенкурскаго, Михайло Яковлевъ былъ въ это время на другой рѣкѣ; пріѣхавши къ Васильеву острову, и видя, что онъ разоренъ, и люди побиты, сталъ искать бѣглецовъ по рѣкѣ, и когда всѣ они собрались къ нему, то пошли назадъ въ свою землю. А между тѣмъ на дородѣ Новгородцевъ къ Уралу, стоялъ городъ, который не только не признавалъ надъ собою власти Великаго Новгорода, но и не одинъ разъ рѣшался враждовать съ нимъ: то

былъ Устюгъ Великій: въ 1425 году Устюжане повоевали землю Заволоцкую; Новгородцы пошли за это ратью къ Устюгу, и взяли съ него окупъ: 8000 бѣлокъ да шесть сороковъ соболей.

Съ Устюгомъ легко было справиться Новгородцамъ въ 1425 году; то было для нихъ благоприятное время: начало княженія Василя Васильевича, начало смуть въ Московскомъ княжествѣ; но тяжекъ былъ для Новгорода конецъ княженія Темнаго, когда всѣ смуты прекратились, и Великій Князь сталъ жаловаться, что Новгородцы чтуть его не такъ, какъ слѣдуетъ, его, который держитъ въ рукахъ всѣхъ князей Русскихъ. Въ Новгородѣ знали о жалобахъ Великаго Князя, — и вотъ владыка Иона, не смотря на свою старость, отправился въ Москву, гдѣ своими увѣщаніями и успѣлъ на время отклонить отъ Новгорода послѣдній ударъ: Иона убѣдилъ Василя отказаться отъ похода на Новгородъ и обратить все свое вниманіе на Татаръ¹⁴⁸, враговъ христіанства; но скоро смерть положила конецъ всѣмъ предпріятіямъ Великаго Князя. Въ 1462 году Василій разболѣлся сухотною болѣзнію, и велѣлъ пользоваться себя обыкновеннымъ тогда въ этой болѣзни лѣкарствомъ, зажигать на разныхъ частяхъ тѣла трутъ по нѣскольку разъ; но лѣкарство не помогло; раны загнили, и больному стало очень тяжело; онъ захотѣлъ постричься въ монахи, но другіе не согласились на это, и 27 Марта, въ субботу на четвертой недѣлѣ великаго поста, Василій скончался.

Желая узаконить новый порядокъ престолонаслѣдія и отнять у враждебныхъ князей всякій предлогъ къ смутѣ, Василій еще при жизни своей назвалъ старшаго сына Іоанна Великимъ Княземъ, объявилъ его соправителемъ; всѣ грамоты писались отъ имени двухъ Великихъ Князей. — Димитрій Донской первый рѣшился благословить старшаго своего сына Великимъ Княженіемъ Владимирскимъ, потому что не боялся ему соперниковъ ни изъ Твери, ни изъ Нижняго; Василій Дмитріевичъ не рѣшился благословить сына своего утвердительно великимъ княженіемъ, зная о притязаніяхъ брата своего Юрія. Василій Темный не только благословляетъ старшаго сына своего отчиною, великимъ княженіемъ, но считаетъ Великое Княженіе Владимирское неразрывно соединеннымъ съ Московскимъ, въ слѣдствіе чего Владимиръ и другіе города этого княжества смѣшиваются съ городами Московскими. До

сихъ поръ въ завѣщаніяхъ своихъ князья прежде всего распоряжались отчинными своими Московскими волостями, и потомъ уже благословляли старшаго сына Великимъ Княженіемъ Владимірскимъ утвердительно или предположительно; но Василій Темный начинаетъ съ того, что благословляетъ старшаго сына отчиною своею, великимъ княженіемъ, потомъ даетъ ему треть въ Москвѣ, Коломну, и за Коломною слѣдуетъ Владиміръ—отдѣльно отъ великаго княженія, за нимъ города, принадлежавшіе прежде къ Владимірской области—Переяславль и Кострома; за Костромою слѣдуетъ Галичь, за Галичемъ Устюгъ, который до сихъ поръ не упоминался въ завѣщаніяхъ княжескихъ, равне какъ Вятка и Суздаль, что все отказывается старшему сыну, Великому Князю, вмѣстѣ съ Новгородомъ Нижнимъ, Муромомъ, Юрьевымъ, Великою Солюю, Боровскомъ, Суходоломъ, Калугою, Алексинымъ—огромныя владѣнія въ сравненіи съ тѣми, которыя были отказаны самому Василю отцемъ его. Второй сынъ Юрій получилъ Дмитровъ, Можайскъ, Медынь, Серпуховъ и Хатунь; третій сынъ, Андрей Большой, получилъ Угличъ, Бѣжецкій Верхъ и Звенигородъ; четвертый, Борисъ — Ржеву, Волокъ и Рузу, пятый, Андрей Меньшой — Вологду съ Кубеною, Заозерьемъ и нѣкоторыми Костромскими волостями. Женѣ своей Великій Князь отказалъ Московскую часть Ростова съ тѣмъ, чтобы по смерти своей она отдала ее второму сыну Юрію. Такимъ образомъ старшій получилъ городовъ гораздо больше, чѣмъ всѣ остальные братья вмѣстѣ, не говоря уже о значеніи городовъ и величинѣ областей; замѣчательно, что всѣ удѣлы младшихъ братьевъ, назначены на сѣверѣ и западѣ, отчасти югѣ, тогда какъ весь востокъ сплошь составляетъ участокъ старшаго, Великаго Князя; замѣчательно также, что въ удѣлы младшимъ отданы тѣ волости, которыя и прежде были удѣлами, область же Великаго Княженія Владимірскаго и примыслы — Нижній, Суздаль и Муромъ безъ раздѣла переходятъ къ старшему брату, которому даны были всѣ матеріальныя средства держать младшихъ подъ своею рукою.

Въ княженіе Темнаго чаще, нежели прежде, встрѣчаются имена служилыхъ князей, бояръ и воеводъ Московскихъ. Еще въ княженіе Василя Димитріевича мы видѣли, какъ Литовскій выходецъ, князь Юрій Патрикѣвичъ оттѣснилъ (забхалъ) нѣкото-

рыхъ бояръ и занялъ первое мѣсто между ними. II въ княженіе Темнаго князя Юрій Патрикѣевичъ водилъ въ походѣ полки Московскіе, но неудачно: онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Косымъ и Шемякою; но послѣ, подь 1437 годомъ, мы видимъ его опять въ Новгородѣ, въ качествѣ посла великокняжескаго. Сынъ его Иванъ Юрьевичъ наслѣдовалъ отцовское мѣсто: подь духовною Темнаго онъ подписался прежде всѣхъ; этотъ Иванъ Юрьевичъ замѣчателенъ тѣмъ, что участвовалъ въ покореніи Вятки ¹⁴⁹. Изъ князей Рюриковичей на службѣ Московскаго Князя видише другихъ являются князья Ряполовскіе и Палецкій, потомки Ивана Всеволодовича Стародубскаго, и Оболенскіе, потомки св. Михаила Черниговскаго. Мы видѣли, какую важную услугу оказали Ряполовскіе семейству Великаго Князя: изъ четверыхъ братьевъ — Ивана, Семена, Димитрія и Андрея Лобана Ивановичей, Семень извѣстенъ неудачнымъ походомъ подь Вятку, Димитрій удачнымъ, Андрей Лобанъ убитъ въ сраженіи съ Татарами подь Бѣлевымъ ¹⁵⁰; двоюродный братъ ихъ, князь Ѳеодоръ Давидовичъ Палецкій-Пестрый извѣстенъ побѣдою надъ Татарами въ 1428 году. Изъ шести сыновей князя Ивана Константиновича Оболенскаго трое внесли свои имена въ лѣтопись: Василій, Семень и Глѣбъ; Василій разбилъ Татаръ подь Переяславлемъ Рязанскимъ въ 1444 году; Семень явился ревностнымъ приверженцемъ Темнаго, по ослѣпленіи котораго бѣжалъ въ Литву вмѣстѣ съ княземъ Василюмъ Ярославичемъ; Глѣбъ былъ убитъ Косымъ; сынъ Василя Ивановича Оболенскаго, князь Иванъ Васильевичъ Стрига, подобно отцу, извѣстенъ побѣдами: онъ отбилъ Шемяку отъ Костромы въ 1449 году, потомъ разбилъ Новгородцевъ подь Русою. Изъ потомковъ Св. Михаила Черниговскаго упоминается также князь Ѳеодоръ Тарусскій; по родословнымъ это долженъ быть одинъ изъ князей Мецецкихъ; упоминается и нѣсколько другихъ князей сѣвернаго происхожденія. Изъ старыхъ Московскихъ знатныхъ фамилій прежнее значеніе удерживаетъ фамилія Кобылиныхъ-Кошкиныхъ, которой представителями въ княженіе Темнаго являются — Андрей Ѳеодоровичъ Голтяевъ, внукъ стараго главнаго совѣтника при Василю Дмитріевичѣ — Ѳеодора Кошки, чрезъ втораго сына его Ѳеодора Голтяя, и другой внукъ того же Ѳеодора Кошки черезъ

третьяго его сына, Александра Беззубца, Константинъ Александровичъ Беззубцевъ. Андрей Фодоровичъ Голтяевъ уговариваетъ князя Ивана Можайскаго не отставать отъ Василя Васильевича при торжествѣ дяди Юрія¹⁵¹; въ 1435 году онъ попадаетъ въ плѣнъ къ Косому въ Вологдѣ; въ 1438 ведетъ переговоры съ ханомъ Улу-Махметомъ у Бѣлева: въ 1444 году, вмѣстѣ съ княземъ Василюмъ Ивановичемъ Оболенскимъ, разбиваетъ Татаръ у Переяславля Рязанскаго; Константинъ Александровичъ Беззубцевъ разбиваетъ Татаръ въ 1450 году. Что касается до старшаго ихъ двоюроднаго брата Ивана Ивановича, сына того знаменитаго совѣтника при Великомъ Князѣ Василю Дмитріевичѣ, на котораго такъ жаловался Эдигей, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, это тотъ самый бояринъ Иванъ Ивановичъ, который подписался подъ завѣщаніемъ Темнаго на второмъ мѣстѣ послѣ князя Юрія Патрикѣевича, и который, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, покорилъ Вятку¹⁵². Изъ знаменитой фамиліи Акинѣевыхъ упоминается Фодоръ Михайловичъ Челяднинъ. Вѣрными слугами Темнаго являются члены другой древней фамиліи—Плещеевы: Михаилъ Борисовичъ и двоюродный братъ его Андрей Фодоровичъ, правнуки Александра Плещеева, младшаго брата Св. Алексія Митрополита: Михаилъ былъ отправленъ захватить Москву подъ Шемякою, Андрей — объявить въ Москвѣ объ освобожденіи Великаго Князя изъ Татарскаго плѣна. Одного рода съ извѣстною намъ прежде фамиліею Бѣлеутовыхъ были двое братьевъ Сорокоумовыхъ — Иванъ Ощера и Димитрій Бобръ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Басенкомъ отличившіе себя вѣрностію къ Темному; дѣйствовавшій съ ними за одно Семень Филимоновъ принадлежалъ къ роду Морозовыхъ, былъ родной племянникъ извѣстнаго Семена Морозова, любимца князя Юрія Дмитріевича; Юрій или Юшка Драница, Литовскій выходецъ, былъ вторымъ воеводою въ Нижнемъ, потомъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ поименованными лицами въ пользу Василя Темнаго, и былъ убитъ подъ Угличемъ: лѣтопись называетъ его храбрымъ человекомъ; Василій Фодоровичъ Кутузовъ, потомокъ слуги Александра Невскаго, былъ посланъ Темнымъ къ Шемякѣ требовать возвращенія изъ плѣна Великой Княгини Софьи Витовтовны. Это все приверженцы Темнаго; врагомъ его оказался Иванъ Стар-

ковъ, который былъ намѣстникомъ въ Коломнѣ и приставомъ при Шемякѣ, когда послѣдняго отослали въ Коломну подъ стражу; этотъ Старковъ, по родословнымъ, првчтается внукомъ Татарскаго царевича Серкиза, выѣхавшаго изъ Большой Орды при Димитри Донскомъ. Изъ бояръ Шемякиныхъ главными совѣтниками своего князя выставленъ Никита Константиновичъ съ братьями; Михаилъ Федоровичъ Сабуровъ, потомокъ мурзы Чета, перешелъ отъ Шемяки къ Темному. Дьяками у послѣдняго были Федоръ, и потомъ Василій Беда.

ГЛАВА III.

Внутреннее состояніе Русскаго общества отъ кончины князя Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины Великаго Князя Василія Васильевича Темнаго.

(1228 — 1462).

Мы обозрѣли событія болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго періода времени, отъ смерти Мстислава Торопецкаго до смерти Василія Темнаго. Мы остановились на смерти Удалаго, потому что это былъ послѣдній князь, который связывалъ еще судьбы обѣихъ половинъ Руси, сѣверной и южной, который, будучи представителемъ послѣдней, оказалъ между тѣмъ сильное вліяніе и на судьбы первой, тогда какъ прежде, при Андрѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III, наоборотъ, южная Русь подчинялась вліянію сѣверной, князь послѣдней считался старшимъ, главнымъ княземъ, безъ котораго князья южные не могли обойтись, по собственному ихъ признанію. Слѣдя за внутреннею связью явленій, наблюдая за переходомъ отъ стараго быта Руси къ новому, отъ родовыхъ княжескихъ отношеній къ единовластію¹⁵³, мы замѣтили въ сѣверной Руси внутреннія условія, благопріятствующія этому переходу, замѣтили несостоятельность южной въ этомъ отношеніи. Еще прежде Мстислава, при Романѣ Великомъ, можно замѣтить, что и въ южной Руси главная сцена дѣйствія готова уже оставить Приднѣпровье, славныя горы Кіевскія и перенестись въ богатую область Галицкую, издавна служившую посредницею между Русью и міромъ западнымъ; Мстиславъ умираетъ въ Галичѣ, и тамъ же является достойный ему преемникъ въ сынѣ Романовомъ Даниилѣ. Не менѣе Мстислава доблестный, но не странствующій ге-

рой, подобный ему, Данилъ отчинными преданіями привязанъ къ одной извѣстной области; онъ съ ранней молодости не знаетъ покоя, чтобы добыть отцовское наслѣдіе; добывши его, заботится объ немъ, устанавливаетъ нарядъ внутренній, старается защитить отъ Татаръ, Ятвяговъ и Литвы, старается распространить свое вліяніе на сѣверъ и западъ. Будущность южной Руси въ рукахъ Данила и его потомства, въ которомъ историкъ надѣется увидеть собирателей Русской земли на югъ; но надежды эти оказываются обманчивыми. Южная Русь не собирается въ одно самостоятельное цѣлое; большая часть ея подчиняется князьямъ Литовскимъ, меньшая отходитъ къ Польшѣ. Литва и Русь соединяется съ Польшею подъ одною династіею; но соединеніе это называется внѣшнимъ, не прочнымъ, сліянія внутренняго государственнаго и народнаго нѣтъ, и причина этого заключается въ томъ, что большую часть владѣній князей Литовскихъ составляютъ Русскія области, большую часть ихъ подданныхъ составляетъ Русское православное народонаселеніе, которое, съ самаго начала будучи затронуто въ самомъ существенномъ своемъ интересѣ, должно было вступить въ борьбу съ католическими стремленіями Ягеллоновъ и преемниковъ ихъ. Историкъ долженъ съ вниманіемъ слѣдить за этою борьбою по тому великому значенію, какое имѣла она, и особенно исходъ ея, на судьбы Россіи, на судьбы восточной Европы; но, при этомъ вниманіи и участіи, онъ не можетъ дать исторіи югозападной Руси равнаго мѣста, равнаго значенія съ исторіею Руси сѣверовосточной, гдѣ влѣдствіе внутреннихъ движеній, образовалось самостоятельное Русское государство, и важность югозападной Руси, важность исхода борьбы ея съ Польшею для судебъ восточной Европы условливается самостоятельнымъ существованіемъ Московскаго государства на сѣверѣ; довольно сказать, что исторія югозападной Руси послѣ Гедимина и Казимира Великаго не мыслима одна, сама по себѣ, но только въ связи съ исторіею Литвы и Польши. И такъ если несправедливо, въ научномъ отношеніи не вѣрно и односторонне, упускать изъ виду югозападную Русь послѣ отдѣленія ея отъ сѣверовосточной, поверхностно только касаться событій ея исторіи, ея быта и отношеній къ Литвѣ и Польшѣ, тѣмъ болѣе, что ея бытъ представляетъ постоянно народныя Русскія

особенности и самая видная сторона ея отношеній къ Литвѣ и Польшѣ есть борьба для поддержанія основъ Русской народности,—то съ другой стороны также несправедливо, также невѣрно исторію югозападной Руси ставить на ряду съ исторіею сѣверовосточной: значеніе югозападной Руси остается всегда важнымъ, но всегда второстепеннымъ; главное вниманіе историка должно быть постоянно обращено на сѣверъ.

Здѣсь, благодаря Мстиславу Торопецкому и Липецкой побѣдѣ, старшій сынъ Всеволода III, Константинъ, усиливается не въ прихѣръ передъ братьями, которые, какъ побѣжденные, должны были удовольствоваться ничтожными волостями, данными изъ милости побѣдителемъ. Но преждевременная смерть Константина помѣшала ему воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ и упрочить могущество сыновей своихъ, которые должны были удовольствоваться одною Ростовскою волостью. Очередь усиливаться перешла къ Юрію; но этотъ Всеволодовичъ погибъ отъ Татаръ со всѣмъ семействомъ своимъ и двумя племянниками Константиновичами. Оставались еще трое Всеволодовичей и старшимъ между ними былъ Ярославъ. Этотъ князь уже давно изъ всѣхъ сыновей Всеволодовыхъ отличался предприимчивымъ духомъ, охотою къ примысламъ; будучи еще только княземъ Переяславскимъ, онъ не отставалъ отъ Новгорода, все старался привести его въ свою волю, не смотря на урокъ, заданный ему Мстиславомъ на Липицѣ. По отношеніямъ Новгородскимъ онъ завелъ ссору съ Чернигомъ, и не надѣясь получить скоро старшинства на сѣверѣ, бросился на югъ и овладѣлъ Кіевомъ. Татары, истребленіемъ семейства Юріева, очистили Ярославу великое княженіе и обширныя волости для раздачи сыновьямъ своимъ. Онъ отдалъ Суздаль брату Святославу, Стародубъ другому брату Ивану; свою отчину, Переяславль, передалъ не раздѣльною старшему сыну Александру, остальныхъ же пятерыхъ сыновей подѣлилъ волостями изъ великаго княженія, не давши ничего изъ него потомкамъ Константиновымъ. Не извѣстно, что онъ далъ второму сыну своему Андрею, вѣроятно Юрьевъ, который уступилъ ему Святославъ Всеволодовичъ за Суздаль; третій сынъ, Константинъ, получалъ Галичь, четвертый, Ярославъ, Тверь, пятый, Михаилъ, Москву, шестой, Василій, Кострому.

Такимъ образомъ вся почти Владимирская область явилась въ рукахъ сыновей Ярославовыхъ: что могли предпринять противъ этихъ шестерыхъ князей дядя ихъ—князь Суздальскій и Стародубскій? Ясно, что при ослабленіи родовыхъ понятій, по смерти Ярослава, братъ его Святославъ не могъ долго держаться на старшемъ столѣ, былъ изгнанъ Михаиломъ Ярославичемъ Московскимъ, а послѣ даже лишился и Суздаля, который перешелъ къ Ярославичамъ же, а Святославъ и его потомство должны были удовольствоваться опять однимъ Юрьевомъ. При этомъ надобно замѣтить, что сыновья Ярославовы и по личному характеру своему были въ уровень своему положенію, могли только распространить и укрѣпить отцовское наслѣдство, а не растратить его: Александръ получилъ названіе Невскаго, въ отвагѣ Андрея нельзя сомнѣваться, когда онъ рѣшился поднять оружіе противъ Татаръ, Михаилъ прозывается Хоробритомъ, Ярославъ идетъ постоянно по слѣдамъ отцовскимъ, постоянно хлопочетъ о примыслахъ, хочетъ привести Новгородъ въ свою волю, но не можетъ этого сдѣлать, потому что Василій Костромской также не хочетъ спокойно смотрѣть на дѣятельность старшихъ братьевъ. Кратковременная вражда между Александромъ Невскимъ и братомъ его Андреемъ не могла принести вреда семьѣ Ярославовой; важное значеніе Невскаго не ограничивается только подвигами его противъ Шведовъ, Нѣмцевъ, Литвы и благоразумнымъ поведеніемъ относительно Татаръ: въ немъ съ перваго же раза видѣнъ внукъ Всеволода III и дѣдъ Калиты; онъ страшенъ Новгороду не менѣе отца и дѣда; въ великомъ княженіи распоряжается по-отцовски; Переяславскую отчину безъ раздѣла отдаетъ старшему сыну Дмитрію, остальныхъ сыновей надѣляетъ волостями великокняжескими: Андрею отдаетъ Городецъ съ Нижнимъ, Даниилу Москву, выморочный удѣлъ Михаила Хоробрита. По смерти Невскаго Ярославу Тверскому помѣшалъ усилиться Василій Костромской, но самъ умеръ скоро и безпотомственно, очистивъ такимъ образомъ старшій столъ для сыновей Невскаго; здѣсь повторяется тоже явленіе: Дмитрію Переяславскому мѣшаетъ усилиться Андрей Городецкій; начинается продолжительная усобица, во время которой старшіе Александровичи истощаютъ свои силы, не могутъ сдѣлать ничего для своего потомства, при томъ же сынъ Дмит-

рія умираєть бездѣтнимъ; а между тѣмъ, во время этой усобицы князей Переяславскаго и Городецкаго, въ тиши усиливаются два княжества: Тверское при сынѣ Ярослава Ярославича, Михаилѣ, и Московское при младшемъ сынѣ Невскаго, Даниилѣ. Соперничество между ними по этому самому необходимо; но будетъ ли это соперничество послѣднимъ?

До сихъ поръ при стремленіи сѣверныхъ князей къ примысламъ, къ увеличенію своихъ волостей, своихъ матеріальныхъ средствъ, они обыкновенно стараются привести въ свою волю Новгородъ-Великій, утвердиться здѣсь прочнѣе прежнихъ князей; но борьба съ Новгородомъ ни для одного изъ нихъ не увѣнчивается полнымъ успѣхомъ; средства князей еще не такъ велики, средства Новгорода обширны; притомъ же предпріятіе слишкомъ важно, слишкомъ громко, возбуждаетъ вниманіе, опасеніе другихъ князей, которые стараются ему воспрепятствовать. Московскіе князья, при началѣ своего усиленія, поступаютъ благоразумнѣе: вооружаются противъ ближайшихъ сосѣдей, слабыхъ, съ которыми легко сладить, при томъ же примыслы на ихъ счетъ слишкомъ далеки отъ главной сцены дѣйствія, не могутъ возбудить подозрѣнія и сильнаго противодѣйствія. Даниилъ Александровичъ вооружается противъ Рязани, беретъ въ плѣнъ ея князя, упрочиваетъ за своимъ княжествомъ Коломну, важный пунктъ при устьѣ Москвы рѣки въ Оку; сынъ Данииловъ Юрій обращается на другую сторону, беретъ Можайскъ у Смоленскаго княжества, также важный пунктъ при верховьяхъ Москвы рѣки. Гораздо замѣтнѣе, крупнѣе, по тогдашнимъ отношеніямъ, было пріобрѣтеніе Переяслава Залѣскаго, доставшагося Даниилу по завѣщанію бездѣтнаго племянника Ивана Дмитріевича: Андрей Городецкій не хотѣлъ уступить Переяслава Московскому Князю; не хотѣлъ уступить ему его и Михаилъ Тверской, когда сталъ Великимъ Княземъ Владимирскимъ, но Москва крѣпко держалась за свой примыслъ, не смотря на то, что и ея князья, до самаго Василія Темнаго, признавали Переяславль волостію великаго княженія. Уже одно держаніе Переяслава могло повести къ усобицѣ между Москвою и Тверью, кромѣ явнаго намѣренія Юрія спорить съ Михаиломъ и о сзмомъ Владимирѣ. Борьба сначала рѣшилась было въ пользу Твери, но мы уже видѣли, что всѣ Великіе Князья

стрематься примыслить къ своей отчинѣ Новгородъ: не могъ не послѣдовать отцовскому примѣру и Михаилъ Тверской, ближайшій сосѣдъ Новгорода. Но мы замѣтили также, что предпріятіе противъ богатаго Новгорода было для князя довольно затруднительно: и теперь, стѣсненные Михаиломъ, Новгородцы обращаются къ Юрію Московскому, и нѣтъ сомнѣнія, что деньги ихъ всего болѣе помогли послѣдному успѣть въ Ордѣ и сблизиться, породниться съ семействомъ ханскимъ, что и было причиною гибели Михайловой. Но Тверь не пала вмѣстѣ съ Михаиломъ; Юрій хлопотавшій такъ много для примысловъ, не разбиравшій средствъ для нихъ, проведшій всю жизнь въ безпокойствахъ, странствованіяхъ, не воспользовався плодами своихъ тяжкихъ и не привлекательныхъ трудовъ, погибъ безпотомственно въ Ордѣ отъ руки сына Михаила. Но ему наследовалъ братъ его Іоаннъ Калита, и если Александръ Михайловичъ Тверской получилъ отъ хана Великое Княженіе Владимирское, то Калита перезвалъ къ себѣ въ Москву митрополита, что было важнѣе всякихъ ярыковъ ханскихъ. Борьба слѣдовательно не кончилась; Калита ждалъ удобнаго случая, и вотъ въ Твери вспыхнуло возстаніе, вырѣзали Татаръ; Калита съ Татарскимъ войскомъ опустошилъ, обезсилнл въ конецъ Тверское княжество, и погубилъ потомъ Александра въ Ордѣ. Москва восторжествовала, и, не имѣя болѣе соперниковъ, стала собирать Русскую землю.

Изложивши ходъ событій, въ слѣдствіе котораго княжество Московское усилилось на счетъ всѣхъ остальныхъ княжествъ и собрало около себя Русскую землю на сѣверѣ, мы должны еще обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства, благоприятствовавшія усиленію Москвы. Здѣсь разумѣтся, прежде всего мы должны обратить вниманіе на географическое положеніе Москвы и ея области. Уже прежде, въ своемъ мѣстѣ, было замѣчено ¹⁵⁴ о важномъ значеніи Москвы, какъ срединнаго, пограничнаго мѣста между старою, южною, и новою сѣвѣрною Русью. Когда южная Русь потеряла свое значеніе, княжества обезсилнли отъ усобицъ, размельченія волостей и особенно отъ погрому Татарскаго, послѣ котораго не было здѣсь болѣе безопасности, то необходимо должно было усилиться переселеніе народа съ юга на сѣверъ, въ мѣста болѣе безопасныя, и первымъ пограничнымъ княжествомъ было

Московское: бояринъ Родіонъ Несторовичъ пришелъ изъ Кіева въ Москву на службу къ ея князьямъ и привелъ съ собою 1,700 человекъ дружины; Черниговскій бояринъ Плещеевъ, въ слѣдствіе Татарскихъ опустошеній, также перешелъ въ Москву¹⁵⁵. Но если переселялись дружинники, то нѣтъ основанія полагать, что не переселялись люди другихъ сословій. Притомъ же, кромѣ южной Руси въ Московское княжество должно было стекаться народонаселеніе и изъ ближайшихъ областей — Рязанской, Тверской, Ростовской, постоянно менѣе безопасныхъ, чѣмъ область Московская; пограничная съ степью, Рязанская волость часто терпѣла отъ Татарскихъ нападений, тогда какъ Москва послѣ 1293 года до самаго Тохтамышева нашествіе не слыхала о нихъ. Тверское княжество было страшно опустошено Татарами и Калитою, потомъ здѣсь начинаются усобицы княжескія, заставлявшія жителей, по прямому свидѣтельству лѣтописи, переселяться въ другія области; въ Ростовскомъ княжествѣ насилія Москвичей при Калитѣ заставили многихъ жителей изъ городовъ и селъ перейти въ Московскія владѣнія¹⁵⁶. Увеличеніе народонаселенія въ княжествѣ вмѣстѣ съ его продолжительною безопасностію увеличивало доходы княжескіе, и отсюда объясняется, почему уже Калита былъ такъ богатъ, что могъ покупать цѣлыя княжества, какъ Бѣлоозеро, Угличъ и Галичъ; но что же заставило князей Бѣлозерскаго и Галицкаго продать свои волости Калитѣ? По всѣмъ вѣроятностямъ — невозможность платить выходы Ордынскіе. Обиліе въ деньгахъ не только позволяло Московскимъ князьямъ увеличивать свои владѣнія внутри и удерживать за собою великокняжеское достоинство, задаривая хана и вельможъ его; оно давало имъ еще новое средство увеличивать народонаселеніе своихъ волостей, скупая плѣнныхъ въ Ордѣ и поселяя ихъ у себя: такъ произошелъ особый классъ народонаселенія — Ордынцы, о которыхъ часто упоминается въ завѣщаніяхъ и договорахъ княжескихъ; не говоримъ уже о томъ, что обиліе въ деньгахъ позволяло Московскимъ князьямъ давать переселенцамъ большія льготы, чѣмъ какія они могли получить въ другихъ областяхъ, отъ другихъ менѣе богатыхъ князей. Любопытно, что древніе путешественники, хваля плодородіе Владимирской и Нижегородской областей, называютъ область собственно Московскаго княжества ма-

ло плодородною. Мы знаемъ, что относительно плодородія почвы Владимирская область не имѣетъ преимущества предъ Московскою, и потому извѣстіе путешественниковъ можетъ быть объяснено только болѣе раннимъ истощеніемъ Московской почвы въ слѣдствіе болѣе ранняго и болѣе густаго населенія.

Кромѣ увеличенія доходовъ, зависѣвшаго отъ умноженія народонаселенія, казна Московскихъ князей должна была обогащаться также въ слѣдствіе выгоднаго торговаго положенія ихъ области, которая не только была посредствующею областію между сѣверомъ и югомъ, но также, посредствомъ своей рѣки, посредствовала въ торговомъ отношеніи между сѣверозападомъ и юговостокомъ. Въ послѣдствіи мы видимъ большой торговый путь, изъ Азіи въ Европу и обратно, по Волгѣ, Окѣ и Москвѣ рѣкѣ; видимъ указанія путешественниковъ на важность торговаго положенія Московской области въ слѣдствіе удобства рѣчной системы; нѣтъ сомнѣній, что этотъ торговый путь существовалъ и въ описываемое время, и прежде: этимъ объясняется, почему торговые Новгородцы утвердили свое владѣніе на Волокѣ Ламскомъ, важномъ торговомъ пунктѣ между рѣкою Москвою, притокомъ Оки, Ламкою, притокомъ Волги, и озерною ихъ областію. Но кромѣ Волжскаго торговаго пути, Москва рѣка имѣла важное торговое значеніе для Новгорода, какъ путь въ Рязанскую область, богатѣйшую естественными произведеніями изъ всѣхъ областей сѣверовосточной Руси, по увѣренію путешественниковъ, и особенно изобилующую медомъ и воскомъ, а этими товарами, какъ извѣстно, Россія чрезъ Новгородъ и Псковъ снабжала всю Европу.

Важно было положеніе Москвы въ срединѣ, на границѣ между сѣвальною и южною Русью, въ политическомъ отношеніи; важно было посредничество ея рѣчной области между юговостокомъ и сѣверозападомъ въ отношеніи торговомъ; думаемъ, что срединность положенія ея между сѣвальною и южною Русью имѣла не малое значеніе и въ отношеніи церковномъ. Всероссійскіе митрополиты, пребывавшіе на югѣ, въ Кіевѣ, послѣ того какъ этотъ городъ потерялъ значеніе, перешедшее на сѣверъ, и послѣ погро-
 ме. Татарскаго, должны были обратить особенное вниманіе на тор-
 ную сѣверовосточную, куда видимо перенеслась главная сцена
 н-юсь сѣверовосточную, куда видимо перенеслась главная сцена
 бол- дѣйствія Русскаго православнаго міра. Митрополиты начинаютъ

часто путешествовать съюга на сѣверъ, и наконецъ, утверждаютъ свое пребываніе во Владимирѣ Клязменскомъ; но въ то же время, блюдя единство Русской церкви, не переставая называться митрополитами Кіевскими и всея Руси, они не могли оставить безъ вниманія и Руси югозападной; въ этомъ отношеніи Владимиръ не могъ быть для нихъ удобнымъ мѣстопробываніемъ, находясь слишкомъ далеко на сѣверовостокѣ, тогда какъ Москва, пограничный городъ между старою и новою Русью, вполне удовлетворяла потребности всероссійскаго митрополита, долженствовавшаго одинаково заботиться и о сѣверѣ и о югѣ.

Таковы были обстоятельства, содѣйствовавшія усиленію Московскаго княжества: обратимся теперь къ разсмотрѣнію волостей этого княжества и ихъ постепеннаго увеличенія.

Вотъ Московскія волости, какъ онѣ, подробно исчисленныя, являются въ первый разъ въ завѣщаніи Іоанна Калиты: «Приказываю сыновьямъ своимъ, пишетъ Калита, отчину свою Москву, а вотъ какъ я раздѣлилъ имъ волости.» Изъ этихъ словъ видимъ, что городъ Москва находится въ общемъ владѣніи сыновей завѣщателя; въ такомъ же общемъ владѣніи Москва продолжаетъ находиться у всего потомства Калиты¹⁵⁷. Общее владѣніе Москвою противопоставляется частному, отдѣльному владѣнію каждого князя извѣстными волостями, удѣлу. Эти удѣлы сыновей Калиты были слѣдующіе: удѣлъ старшаго сына Симеона: Можайскъ, Коломна со всѣми Коломенскими волостями, Городенка¹⁵⁸, Мъзыня, Пѣсочна¹⁵⁹, Середокорытна, Похряне, Устьмерска¹⁶⁰, Брошешая, Гвоздна, Иваны деревни, Маковецъ, Мѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжель, Горѣтова, Горки¹⁶¹, село Астафьевское, село на Сѣверьсцѣ въ Похрянскомъ уѣздѣ, село Константиновское, село Орининское, село Островское, село Копѣтенское, село Микульское, село Малаховское, село Напрудское у города¹⁶². Удѣлъ втораго сына, Іоанна: Звенигородъ, Кремична, Руза, Оминское, Суходоль, Великая свобода, Замошская свобода, Угожь, Ростовци, Окатьева свобода, Скирминовское, Тростна, Нѣгуча; села: Рюховское, Каменичское, Рузское, Бѣлжинское, Максимовское, Андреевское, Вяземское, Домонтовское, село въ Замошской свободѣ, село Семцинское. Удѣлъ князя Андрея Іоанновича: Лопастна, Сѣверска, Нарунижское, Серпоховъ, Нивна,

Темна, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Растовець, Тухачевъ; села: Талежское, Серпуховское, Колбасинское, Нарское, Перемышльское. Битяговское, Труфоновское, Ясиновское, Коломинское, Ногатинское¹⁶³. Княгиня съ меньшими дѣтьми завѣщаны: Сурожикъ, Мушкина гора, Радонѣжское, Бѣли, Воря, Черногловль, на Вори свобода Софроньевская, Вохна, Дѣйково, Раменье, Данилищева свобода, Машевъ, Селна, Гуслицы, Раменье; села: Михайловское, Луцинское, село у озера, село Радонѣжское, Дѣйгуинское, Тыловское, Ротожь, Протасьевское, Аристовское, Лопастенское, Михайловское на Юзѣ, два села Коломенскихъ. — Въ духовной у Калиты означены и прикупы его: село Аваковское въ Новгородѣ, на Улялѣ, Борисовское во Владимирѣ, которыя оба отданы князю Симеону, четыре села на Масѣ, Петровское, Олексинское, Вседобричъ и Павловское; половина ихъ была куплена, и половина вымѣнена у митрополита; всѣ они отданы князю Ивану. Два села: Варварское и Мѣловское у Юрьева—князю Андрею. Новое селце, купленное на Костромѣ, вмѣстѣ съ покупкою бабки Калитиной, жены Александра Невского, селомъ Павловскимъ, завѣщатель отказалъ женѣ своей. Купленное въ Ростовѣ село Богородицкое отдано въ помѣстье Бориску Воркову. Три селца, одно на Кержачи, другое Леонтьевское, третье Шарাপовское, отданы св. Александру на поминанье. Но въ духовныхъ Калиты умолчано о важныхъ прикупкахъ, о которыхъ говорится въ завѣщаніи Донскаго—о Галичѣ, Бѣльозерѣ и Угличѣ, оставшихся, повсѣмъ вѣроятностямъ, еще за прежними князьями своими на извѣстныхъ условіяхъ; умолчано также и о другомъ прикупѣ — Кистинѣ, въ Бѣжецкомъ Верхѣ, которая впервые упоминается въ завѣщаніи Василя Дмитріевича¹⁶⁴.

Въ договорѣ Великаго Князя Симеона съ братьями, встрѣчаемъ уже новыя села: Новое село на Купавнѣ и Вышнеvesкое означены во владѣніи Великаго Князя; села: Михалевское, Микульское на Пруженкѣ, Микифоровское и Парфеньевское во владѣніяхъ младшихъ братьевъ—Ивана и Андрея.

Изъ шестерыхъ сыновей Симеона Гордаго ни одинъ не остался въ живыхъ; Симеонъ завѣщалъ весь свой удѣлъ, все свое движимое и недвижимое имѣніе женѣ, Маріи, не означивъ въ ду-

ховной, кому все это имущество должно принадлежать по ея смерти. Но добровольно, или нѣтъ, Марія еще при жизни передала свои волости Великому Князю Іоанну, оставивъ за собою только два примысла мужа своего, да и тѣ обязалась передать по своей смерти Великой Княгинѣ Александрѣ, женѣ Іоанновой, при чемъ у Великаго Князя не было никакого дѣлежа съ племянникомъ Владиміромъ Андреевичемъ. Такимъ образомъ при Іоаннѣ II-мъ двѣ части Московскаго княжества, (Коломенско-Можайская и Звенигородская), какъ онѣ были при Калитѣ, соединились опять въ одинъ участокъ. Въ завѣщаніи Симеона Гордаго упоминаются слѣдующія новыя волости, ему принадлежавшія: Заячковъ, которымъ благословила его тетка, княгиня Анна, и Гордошевичи; потомъ села: Ивановское, село на Клязьмѣ Хвостовское, Дейгунинское¹⁶⁵; село на Сулешнѣ погостъ; купли въ Переславлѣ: село Самаровское, Романовское на Кержачѣ, Ортаковское въ Юрьевской волости, село Семеновское во Владимирской волости, село на Костромѣ Александровское, село въ Дмитровѣ и Заберегъ¹⁶⁶.

Іоаннъ II-й, умирая, раздѣлил¹⁶⁷ свой участокъ двоимъ сыновьямъ — Дмитрію и Іоанну, и такимъ образомъ Московское княжество опять раздѣлилось на три части, какъ по смерти Калиты: Коломенско-Можайскій удѣлъ Симеоновъ отданъ былъ старшему сыну Дмитрію; здѣсь при исчисленіи Коломенскихъ волостей, между Каневымъ и Гжелею, встрѣчаемъ Каширу; примысловъ Симеоновыхъ—Заячкова и Заберега нѣтъ, потому что они оставались при вдовѣ Симеоновой, Маріи; но неизвѣстно, почему нѣтъ другихъ примысловъ Симеоновыхъ, равно села Астафьевскаго; за то встрѣчаемъ названія новыхъ волостей: село Малино село Холмы, Мещерка у Коломны. Младшій сынъ Іоаннъ получилъ прежній отцовскій удѣлъ Звенигородскій; здѣсь вмѣсто Великая свобода встрѣчаемъ названіе Истерва свобода; нѣтъ Угожа, Окатевой свободки и Скирминовскаго; изъ селъ, нѣтъ Рузскаго, Бѣлжинскаго, Вяземскаго, Семцинскаго, вмѣсто которыхъ встрѣчаемъ: Михалевское, село на Рѣпнѣ въ Боровецѣ, Милцинское, Выславское, Кузминское, Каринское и Козловское. Изъ мѣстъ Рязанскихъ по сю сторону Оки данъ Владиміру Андревичу Новый Городокъ на устьѣ Поротли, а другія Рязанскія

мѣста князьямъ Дмитрію и Іоанну; Дмитрію же село на Рокшѣ Романовское, и Івану село Афинеевское, да селце у Павловскаго села, само же село Павловское св. Александру въ прогъ на память. Жень своей Александрѣ Іоаннѣ завѣщаль село Семцинское, котораго потому и недостаетъ между волостями Ивановыми; потомъ изъ удѣловъ обоихъ сыновей выдѣлил ей волости въ пожизненное владѣніе, а послѣ смерти ея онѣ отходили къ удѣлу того князя, у котораго были взяты; изъ Коломенскихъ волостей были ей выдѣлены: село Лыццевское вмѣстѣ съ Похрянскими, Пѣсочною и Середокорытною; изъ Звенигородскихъ: Угожь, Великая свобода Юрѣва, село Кляповское и Бѣлцинское съ Новымъ селцемъ ¹⁶⁸. Въ завѣщаніи Іоанна II встрѣчаемъ также распоряженіе относительно волостей мачихи его, жены Калиты, княгини Ульяны: волости ея—Сурожикъ и Лучинсксе послѣ ея смерти поступаютъ къ ея дочери, остальные же волости и пошлина въ Москвѣ, называемая осмничимъ, по ея смерти переходили къ князьямъ Дмитрію, Івану и двоюродному брату ихъ Владиміру Андреевичу ¹⁶⁹.

Князь Іванъ скоро умеръ, и опять двѣ части Московскаго княжества соединились въ однихъ рукахъ Дмитрія, какъ были они въ рукахъ отца его Іоанна; при томъ же Дмитрій успѣлъ увеличить свои владѣнія примыслами, которые дѣлали не такъ чувствительнымъ раздробленіе волостей на пять или даже на шесть участковъ по числу сыновей его. Важнѣе всѣхъ примысловъ было то, что старшій сынъ Донскаго Василій получалъ Владимирскую великокняжескую область безспорно, по завѣщанію отцовскому, что утѣшало его въ лишеніи Можайской волости, которая вмѣстѣ съ Коломною доставалась до сихъ цоръ постоянно старшему. Относительно Москвы (въ которой Дмитрій владѣлъ только двумя частями, а третья принадлежала двоюродному брату его Владиміру Андреевичу), завѣщатель увеличилъ долю старшаго, которому дана половина, а другимъ братьямъ части остальной половины; встрѣчаемъ въ первый разъ выраженіе: старшій путь: «Сына своего князя Василья, говоритъ Донской, благословляю на старшій путь въ городъ и въ станахъ моего удѣла—двухъ жребіевъ половина, а тремъ сынамъ моимъ половина, и въ пошинахъ городскихъ половина.» Кромѣ того на

старшій путь Великому Князю Василю отказано Васицево сто и Добрятинская борть съ селомъ Добрятинскимъ. Между Коломенскими волостями первое мѣсто занимаетъ Мещерка, встрѣчающаяся въ первый разъ въ завѣщаніи отца Димитріева, потомъ Раменка, которой не встрѣчаемъ прежде, по крайней мѣрѣ въ этой формѣ; изъ прежде извѣстныхъ Коломенскихъ волостей нѣтъ Мѣзыни, Серелокорытны, Горѣтовой, Горокъ; но за то встрѣчаются новыя волости: Кочема и Комаревъ съ берегомъ. Изъ сель, принадлежавшихъ прежде къ удѣлу старшаго сына, нѣтъ Астафьевскаго, села на Сѣверьсцѣ, Микульскаго и Напрудскаго; вмѣсто ихъ встрѣчаемъ Митинъ починокъ, Жирошкины деревни, Хвостовское на Клязьмѣ, встрѣчающееся въ первый разъ въ завѣщаніи Симеона Гордаго. Надобно замѣтить также, что изъ Коломенскихъ волостей Ливичинъ, Скулневъ и слѣдующіе за ними, въ завѣщаніи Донскаго названы деревнями. Подлѣ Москвы Великому Князю Василю отказанъ лугъ великій за рѣкою.

Второму сыну Юрію отданъ удѣлъ Звенигородскій; здѣсь между прежними волостями встрѣчаемъ новыя: Сурожикъ и Бѣли, бывшія за княгинею Ульяною, потомъ Вышегородъ, Плѣснь и Дмитріева слободка. Изъ Московскихъ сель Юрій получилъ только Михалевское и Домантовское съ Ходынскимъ лугомъ ¹⁷⁰.

Для третьяго сына, Андрея, уже надобно было выдѣлить изъ прежняго удѣла Коломенско-Можайскаго Можайскъ съ его волостями, которыя теперь впервые перечисляются: Исмея, Числовъ, Боянь, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тушковъ, вышнее Глинско, Пневичи съ Загорьемъ, Болонескъ; къ Можайскому же удѣлу приданы были волости: Коржанъ и Моишинъ Холмъ, равно какъ отъѣздныя волости: Верея, Рудъ, Гордошевичи (примыслъ Симеона Гордаго), Гремичи, Заберега (примыслъ Симеона Гордаго), Сушовъ, село Репнинское, принадлежавшее прежде къ удѣлу Звенигородскому. Изъ Московскихъ сель Напрудское, принадлежавшее прежде къ волостямъ старшаго брата, Луцинское на Яузѣ съ мельницею и Дѣуинское (оба изъ волостей княгини Ульяны), Хвостовское въ Перемышлѣ, лугъ Боровскій и другой противъ Воскресенья; изъ Юрьевскихъ сель село Алексинское на Пѣшкѣ ¹⁷¹.

Такъ были раздѣлены на три удѣла два участка Московскаго княжества, въ буквальный смыслъ отчина и дѣдина Димитріева; но у Димитрія оставались еще другіе сыновья, которымъ также надобно было назначить удѣлы, и для этого послужили примыслы. — Лѣтописи не говорятъ, какимъ образомъ былъ примысленъ Дмитровъ; мы знаемъ только, что этотъ городъ, вмѣстѣ съ Галичемъ, находился во владѣніи потомковъ Константина Ярославича; Галичь былъ купленъ Калитою, но князь его окончательно изгнанъ изъ своей волости Димитріемъ Донскимъ; вѣроятно въ тоже время приобрѣтенъ былъ и Дмитровъ. Умирая, Донской отдаетъ этотъ примыслъ четвертому сыну Петру; волости Дмитровскія означены слѣдующія: Вышегородъ, Берендѣева слобода, Лутосна съ отъездцемъ, Инобашъ; но къ этой небольшой волости приданы были еще старыя мѣста Московскія, большую частію волости княгини Ульяны: Мушкова гора, Ижва, Раменка, слободка князя Иванова ¹⁷², Вори, Корзенева, Рогожь или Ротожь, Загарье, Вохна, Селна, Гуслица, Шерна-Городокъ. Изъ Московскихъ сель Новое и Сулишинъ погостъ (приобрѣтеніе Симеона Гордаго). Пятому сыну, князю Ивану, отдѣлена была маленькая волость: Рамейнице съ бортниками, село Звѣрковское съ Сохонскимъ починкомъ, что отошло отъ князя Владиміра Андреевича, и Сохна.

Кромѣ Дмитрова были окончательно примыслены при Донскомъ Галичь, Бѣлоозеро и Угличъ: Галичь отданъ князю Юрію со всѣми волостями и съ тѣми селами, которыя тянули къ Костромѣ — Никольскимъ и Борисовскимъ. Бѣлоозеро отдано князю Андрею со всѣми волостями, и Вольскимъ съ Шаготью, и съ Милолюбскимъ ѣзомъ, и съ слободками. Угличъ отданъ князю Петру вмѣстѣ съ Тошною и Сямою. Потомъ прикуплены были села: Красное, Елизаровское и Проватово въ Юрьевѣ, Васильевское въ Ростовѣ; всѣ они отданы были старшему сыну Василю. Село Козмодемьянское въ Юрьевѣ съ починкомъ Краснаго села за Везнею, и село Богородицкое въ Ростовѣ отданы были сыну Юрію. Примыслены были волости измѣнника Ивана Вельяминова, и одна изъ нихъ — село въ Гремичахъ отдано было князю Андрею. Вѣроятно при Донскомъ жѣ присоединены были къ Московскому княжеству Калуга и Роща; вытяганы были у Смольнянъ Товъ (?)

и Медынь, и все это отдано князю Андрею. Князю Петру былъ отданъ примысль: село Богородицкое на Богонѣ въ Юрьевѣ. Великой Княгинѣ Евдокии завѣщаны примыслы: Скирменевская слободка съ Шепновымъ, Смоляные съ Митяевскимъ починокъ и съ бортью, съ Вышегородскими бортниками, Кропивна съ бортниками, Кропивенскими, Исменскими, Гордошевскими, Рудскими, Желѣзнава слободка съ бортью и селомъ Ивана Хороброва, Исконская слободка, Кузовская слободка; на Коломнѣ примысль—Самойлецовъ починокъ съ деревнями, Савельевскій починокъ. Микульское село, Бабышево, Ослебятевское; изъ Юрьевскихъ покупокъ—Петровское село, Фроловское, Елохъ. Княгиня Фелосья (должно быть дочь Калиты отъ второй жены) отдала Великому Князю Суду на Бѣлвозерѣ, да Калашку и Слободку, а Великую Княгиню благословила Городкомъ и Волочкомъ; этими волостями впрочемъ она пользовалась во все продолженіе жизни своей, послѣ же смерти ея онѣ отходили къ Великой Княгинѣ. Сама Великая Княгиня прикупила себѣ Лохно; кромѣ того ей выдѣлено было въ пожизненное владѣніе по нѣскольку волостей изъ удѣла каждаго сына; изъ Великокняжеской Владимирской области она получила въ Переяславскомъ уѣздѣ Юлку, въ Костромскомъ Иледамъ съ Комелою; изъ Галича—Соль; изъ Бѣлаозера Вольское съ Шаготью и Милолюбскій вѣзъ; изъ Владимирскихъ селъ Андреевское, изъ Переяславскихъ Доброе село; изъ Коломенскаго удѣла—Каневъ, Песочну, а изъ селъ: Малинское, Лысцево; изъ Звенигородскаго удѣла: Юрьеву слободу, Суходоль съ Истею Истервою, села — Андреевское и Каменское; изъ Можайскаго удѣла: Верею, Числовъ, село Лучинское; изъ Дмитровскаго удѣла: Ижво да Сяму. Потомъ ей принадлежало село Репенское и Московскія села: Семцинское съ Ходынскою мельницею, Остафьевское, Илмовское; наконецъ Холхолъ и Заячковъ ¹⁷³.

Василій Димитріевичъ примыслилъ къ своимъ владѣніямъ богатая волости Нижегородскія, Муромскія и Торусскія, и всѣ эти примыслы со всѣми волостями, полученными отъ отца, могъ оставить въ нераздѣльности единственному сыну своему Василю, которому суждено было собрать княжество Московское, какъ оно было при Калитѣ, вмѣстѣ съ примыслами всѣхъ прежняковъ по-

слѣднаго. Но до насъ дошло еще завѣщаніе Василя Дмитріевича въ пользу сына Ивана, умершаго до рожденія Василюва: въ этомъ завѣщаніи ¹⁷⁴, между Коломенскими волостями, мы находимъ новыя названія мѣстъ: Радокинъ съ берегомъ, Крутинки. Изъ волостей, завѣщанныхъ Великой Княгинѣ Софьѣ Витовтовнѣ, встрѣчаемъ новыя названія: Оглоблино со всѣми деревнями и съ Ольхомъ, Колычевское съ Змѣевскимъ, село въ Лѣвчинѣ, принадлежавшее Ивану Вельяминову, съ землею Чухистова и со всѣми прикупками. Изъ Московскихъ селъ, отказанныхъ Великому Князю Василю Васильевичу, встрѣчаемъ село Григорьевское Фаустова; но изъ селъ самый богатый примыселъ Василя Дмитріевича составляли владѣнія знаменитаго боярина Федора Свбла: эти села находились на Устюгѣ, и въ Отводномъ, и на Сямѣ, и въ Ростовѣ, и въ Бѣжецкомъ Верхѣ (Максимовское съ деревнями), въ Переяславѣ (Весьское съ Радивоновскимъ), на Москвѣ Буйловское съ Алексѣевскою деревнею, да села Тимоѣевское на Яузѣ, въ Юрьевѣ—Чагино, Савельевское, Иворово, Карабузино, въ Новгородѣ — Непейцино. Кромѣ того Великій Князь купилъ Ухтюшку и приобрѣлъ Ооминскія села дяконовы: всѣ эти примыслы отданы были въ пожизненное владѣніе Великой Княгинѣ, вмѣстѣ съ Юрьевскими селами — Фроловскимъ (съ Ольхомъ), Петровскимъ, Богородицкимъ и Алексинскимъ, которыя Василий Дмитріевичъ вымѣнилъ у матери своей. Изъ новаго примысла, княжества Нижегородскаго, Великая Княгиня получила Алачинскія села, Монгачь, Курмышъ со всѣми селами и ношлинами и Алгашъ, изъ Муромской области селце. Въ опричнину (владѣніе отдѣльное, которымъ можно было располагать по произволу) даны были ей два села Юрьевскія—Богородицкое и Алексинское. Василий Дмитріевичъ долженъ былъ также надѣлать и младшаго брата своего Константина: ему даны были Тошна и Устюжна ¹⁷⁵.

Во второмъ завѣщаніи, написанномъ въ пользу сына Василя, находимъ нѣкоторыя церемѣны и новизны: сыну Великій Князь отказываетъ въ городѣ на Москвѣ: дворъ Оомы Ивановича у Боровицкихъ воротъ, да другой дворъ, что былъ за Михайломъ за Вяжемъ, да новый дворъ за городомъ у св. Владиміра, да примыселъ въ Юрьевѣ—села Петровское и Алексинское; мы видѣли, что эти села

отданы были по прежнему завѣщанію Великой Княгини, которой теперь изъ Коломенскихъ волостей отданы Песочна, Брашева съ селцемъ и съ Гвозднею и съ Ивановъ, Устьмерскаго и Гжеля съ путями и селами (изъ Коломенскихъ селъ не встрѣчаемъ противъ прежняго Оглоблина, Колычевскаго и Зиѣвскаго); село Васильевское въ Ростовѣ (примысль Донскаго), по прежнему всѣ села Свибловскія, подмосковныя села — Митинъ починокъ и Семцинское съ Самсоновымъ лугомъ: примысль Донскаго — слободку на Гуси, хотя это названіе и встрѣчается здѣсь въ первый разъ! въ Юрьевѣ примыслы Донскаго — село Красное съ Праватовымъ и Елизаровскимъ, прежніе примыслы завѣщателя — Фроловское, Елохъ и Богородицкое. Устьюшка на Вологдѣ. Изъ великокняжескихъ волостей — изъ Костромы получала — Иледамъ съ Обнорою, Комелюю и Волочкомъ, Нерехту съ варницами, бортниками, бобровниками и Княгининскимъ селомъ; изъ Переяславля Юлку и Доброе село: изъ Владимира Андреевское село и Тошну, если Великій Князь вымываетъ ее у дѣтей князя Владимира Андреевича; изъ Нижняго Соколское село и Киржанецъ; изъ Мурома селце и Шатуръ. Изъ всѣхъ этихъ волостей Гжеля и Семцинское село были даны въ опрочину.

Изъ новыхъ примысловъ, которыхъ нѣтъ въ прежнему завѣщаніи, упоминаются: между Коломенскими селами — Окуловское и Захаровское; въ Бѣжецкомъ Верхъ-Кистма и села Антоновскія, хотя и названныя куплею Калиты, но встрѣчающіяся въ первый разъ; Троицкая слободка на Волгѣ, Белеутовскія (боярина Белеута) села на Волокъ и въ Юрьевѣ слободы; подъ Москвою село Крылатское ¹⁷⁶; на Бѣлвозерѣ слободка ¹⁷⁷; на Устюгѣ села Ивана Головина и Тутолмина: всѣ эти примыслы были отказаны Великой Княгини.

Если два жребія или участка Московскаго княжества, соединенные при Димитріи Донскомъ, по смерти его раздѣлились на пять частей; то и третій участокъ князя Владимира Андреевича раздѣлился также на пять частей по числу его сыновей. Владимиръ Андреевичъ отказалъ вотчину свою Москву, свою треть, сыновьямъ — Ивану, Семену, Ярославу, Андрею, Василию, которые должны вѣдать ее по годамъ. Подобно Донскому, онъ благословилъ старшаго сына Ивана на старѣйшій путь въ Москвѣ и станахъ,

далъ ему конюшій путь, бортниковъ, садовниковъ, псарей, бобровниковъ, барашей и дѣлюевъ. Далъ ему Серпуховъ съ волостями: Городецъ, Нарское, Нивна, Темна, Синилица, Гомонинъ, Ярославля Слободка, Мокрая слободка, Дягилева слободка, Львова, Верхъ Москвиць слободка, Круглая и Остапкива слободка; изъ Московскихъ селъ: Мигулинское, Губкино, Нѣмцово, Поповское и Коломенка съ мельницею, Туловское со всѣми деревнями; село Сесипетрово и Струпиково; князю же Ивану: Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и купля Лисинъ.

Князю Семену: Боровскъ съ волостями: Голчицы, Хопилева слободка, Истья съ слободкою, Мушковы треть, половина Щитова; изъ Московскихъ селъ: Выпряжково на Студенцѣ съ деревнями, Колычевское, мельница на Неглинной; въ Юрьевѣ Польскомъ 4 села: Варварское, Богоявленское, Попловское, Федоровское.

Князю Ярославу: Ярославль съ Хотунью, Вихорну, Полянку, Ростунову слободку, Мошневскую слободку; изъ Московскихъ селъ: Сарыевское да Кирьясово съ лугами, да на устьѣ Мстица мельница. — Семену и Ярославу вмѣстѣ: Городецъ на Волгѣ, кромѣ мыта и тамги, которыми будетъ пользоваться княгиня, ихъ мать; городъ же и станы князя раздѣлятъ пополамъ со всѣми пощинами: Семену станы по-сю-сторону Волги, пониже Городца, да Бѣлогородье; Ярославу станы по-ту-сторону Волги, повыше Городца, да Юрьевецъ; если же Бѣлогородье окажется больше Юрьевца и Черняковой, то князь Семень придастъ князю Ярославу Коряковой; если же Юрьевецъ и Чернякова окажутся больше Бѣлогородья, то оставить по прежнему, а Корякову раздѣлить пополамъ вмѣстѣ съ слободками. Възъ (рыбныя ловли) оба князя устроятъ подъ Городцемъ вмѣстѣ, и дѣлятъ себѣ добычу пополамъ. Но кромѣ этого раздѣла князю Семену одному дана на Городцѣ Пороздна.

Князю Андрею: Радонѣжъ, Бѣли, Черноголовъ съ численными людьми на Кержачѣ, Яковля слободка, Кишкина слободка, Тухачевъ; изъ Московскихъ селъ: Михайловское съ мельницею, Калиткиново, на Учи Поповское, да Илья Святый, селце Дмитрія Воренина, Четрековское и Мосейково на Любосивли, Сакова деревня.

Князю Василю: Перемышль, Ростовецъ, половина Щитова, треть Добрятинская; изъ Московскихъ селъ: Ясиновское съ деревнями, да Паншина гарь. — Князьямъ Андрею и Василю вмѣстѣ — городъ Угличъ.

Княгинѣ Еленѣ Лужу, Козловъ Бродъ, Бадѣву слободку; слободы и волости Лужевскія: Ловышина, Ярцева слободка, Сосновецъ, Турья горы, Буболь, Вепрѣйка, Якимова слободка, Маковецъ, Сѣтунка, Терехова, Спиркова, Артемова слободка, Скомантова, Гриди Ярцева, Михалкова Степана Осипова, Дынка Мосолова, Гриди Ѳедотова Лукина. Изъ Московскихъ селъ: Коломенское со всѣми лугами и деревнями, Ногатинское, Танинское съ Корѣвымъ, Косино съ тремя озерами, Обухово, мельница на устьѣ Яузы; Косино, Обухово и мельница даны въ опричнину. Изъ сыновнихъ удѣловъ въ пожизненное владѣніе княгиня получила: изъ удѣла князя Ивана: Восточное съ деревнями, Тетково озеро; изъ удѣла князя Семена: Омутское съ деревнями и лугами; изъ удѣла князя Ярослава: Бовыкино и Долгое озеро на устьѣ Лопастны; изъ удѣла князя Андрея: Вороновское, Ковѣзинское, Радонѣжскихъ бортниковъ съ деревнями и бортью; изъ удѣла князя Василья: Битягово, Домодѣдово; на Угличѣ — село Богородицкое. По смерти княгини Елены Коломенское село должно отойти къ старшему ея сыну князю Ивану, Ногатинское къ Семену, Танинское съ Корѣвымъ къ Василю; Козловъ бродъ пополамъ князю Ивану съ братомъ Ярославомъ, равно какъ и Бадѣева слободка, а Лужу со всѣми волостями должны подѣлить на три части князь Семень, Андрей и Василій, кромѣ селъ — Бубольскаго, Бѣнитскаго, Мѣдкина и Дьяковскаго, въ которыхъ княгиня вольна.

Старшему сыну, князю Ивану, завѣщатель отказалъ въ Москвѣ дворы, — Зворыкинъ, Игнатьевъ и Бутовъ садъ; Семену и Ярославу пополамъ дворъ Великой Княгини Маріи (жены Симеона Гордаго); Семену за Неглинною Тереховъ садъ; княгинѣ съ Андреемъ и Васильемъ большой дворъ Московскій пополамъ; Ярославу, Андрею и Василю Чичаковъ садъ на-трое. Соль на Городцѣ князя Семень и Ярославъ вѣдаютъ за-одно, и добычу дѣлятъ пополамъ, кромѣ Ѳедоровской варницы ¹⁷⁸.

Сравнивая волости, исчисленные въ завѣщаніи Владиміра Анд-

реевича, съ волостями, которыя получилъ отецъ его по завѣщанію Калиты, мы видимъ, что князь Владиміръ успѣлъ значительно увеличить свой удѣлъ. Изъ этого удѣла еще при Великомъ Князѣ Иоаннѣ II-мъ была потеряна Лопастна, отошедшая къ Рязани, но она замѣнена была Новымъ городкомъ на устьѣ Поротли. Потомъ Владиміръ Андреевичъ, въ слѣдствіе завѣщанія Калиты, получилъ треть изъ волостей княгини Ульяны; великій князь Димитрій Донской далъ ему Лужу и Боровскъ ¹⁷⁹; племянникъ Василій Димитріевичъ далъ ему Волокъ и Ржеву съ волостями ¹⁸⁰, но потомъ произошла у нихъ мѣна: быть можетъ Василію не хотѣлось, чтобъ волости Серпуховскаго князя простирались такъ далеко на западъ, по границамъ Новгородскимъ и Тверскимъ; онъ взялъ назадъ у дяди Волокъ и Ржеву, и вмѣсто перваго уступилъ ему часть своихъ примысловъ на востокъ, именно Городецъ съ волостями: Бѣлгородьемъ, Юрьевцемъ, Коряковою и Черняковою слободами и Унжинскою тамгою, а вмѣсто Ржевы—Угличъ съ селомъ Золоторусскимъ ¹⁸¹; наконецъ на югъ даны были Владиміру Андреевичу въ удѣлъ и отчину, Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и Лисинъ съ куплею Пересвѣтовою. Но умноженіе селъ подмосковныхъ, слободъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ, селъ въ Юрьевѣ, нельзя приписать ничему иному, какъ покупкамъ со стороны Владиміра Андреевича; въ завѣщаніи своемъ онъ упоминаетъ объ одной покупкѣ сына своего, князя Ивана—доказательство, что князья еще при жизни отцевъ своихъ имѣли средства покупать себѣ волости ¹⁸².

Въ завѣщаніи Владиміра Андреевича и въ договорахъ его съ Великимъ Княземъ Василіемъ Димитріевичемъ останавливаетъ насъ еще одно обстоятельство: онъ получаетъ отъ Великаго Князя Угличъ; но мы видѣли, что этотъ городъ, по завѣщанію Донскаго, отказанъ былъ не Василю, а Петру Димитріевичу, князю Дмитровскому. Эта мѣна волостей произошла въ слѣдствіе составленія удѣла для меньшаго брата, Константина Димитріевича. Мы видѣли, что въ первомъ завѣщаніи своемъ Василій Димитріевичъ отказываетъ на долю Константина Тошню и Устюжну; но этого было мало; всѣ князья должны были участвовать въ составленіи удѣла, и вотъ бездѣтный князь Петръ Димитріевичъ уступаетъ младшему брату Угличъ, въ замѣнъ получаетъ отъ Юрія Шачебалъ и Ли-

курги, но и эти двѣ волости уступаютъ также Константину ¹⁸³; кромѣ того Юрій отдаетъ Константину еще нѣсколько своихъ Звенигородскихъ волостей. За это, а можетъ* быть и за что-нибудь другое, Юрій получаетъ отъ Великаго князя часть его примысла, Вятку, принадлежавшую къ Суздальско-Нижегородскому княжеству ¹⁸⁴. Но Великій Князь взялъ у Константина Угличъ и промѣнялъ у Владиміра Андреевича на Ржеву для Константина же, которому придалъ еще великокняжескія владѣнія въ Бѣжецкомъ Верхѣ; Волокъ, вымѣненный на Городецъ, остался за Великимъ Княземъ. Но такое распределение волостей существовало не долго по смерти князя Владиміра Андреевича; ибо Великій Князь отобралъ у его дѣтей всѣ свои пожалованія: Угличъ, Городецъ, Козельскъ, Гоголь, Алексинъ, куплю Пересвѣтову и Лисинъ ¹⁸⁵, изъ которыхъ Угличъ отдалъ опять брату Константину, вѣроятно чтобъ заставить его отказаться отъ своихъ притязаній на старшинство. Владиміровичи не имѣли средствъ противиться Великому князю и должны были отказаться отъ примысловъ отцовскихъ, и одинъ изъ нихъ, Ярославъ, принужденъ былъ отъѣхать въ Литву. Впрочемъ Великій Князь далъ имъ нѣкоторое вознагражденіе: отдавая Угличъ Константину, онъ взялъ у него Тошню и отдалъ Владиміровичамъ, наказавши однако сыну своему, въ завѣщаніи, вымѣнить ее у нихъ.

Такъ были распределены волости въ сѣверовосточной Руси, когда малолѣтній Василій Васильевичъ сѣлъ на столъ отца своего и начались знаменитыя усобицы, поведшія къ собранію почти всѣхъ волостей Московскихъ въ одно цѣлое. Прежде всего долженъ былъ возникнуть вопросъ о Дмитровѣ, выморочномъ удѣлѣ князя Петра Дмитриевича; сначала онъ былъ, какъ видно, присоединенъ къ волостямъ Василя Васильевича, но потомъ, послѣ суда въ Ордѣ, Дмитровъ былъ отданъ дядѣ Юрію въ вознагражденіе за потерю старшинства. Заключая договоръ съ племянникомъ послѣ смерти Морозова и бѣгства своего изъ Москвы, Юрій уступилъ ему опять Дмитровъ, но за то взялъ Сурожикъ, село Лучинское, Шепкову, Шачебалу, Ликурги ¹⁸⁶, Костромскія волости: Андому, Корегу, Борку, Березовецъ съ Залъсьемъ и Шыленгу, наконецъ остальные великокняжескія владѣнія въ Бѣжецкомъ Верху, кромѣ волостей, уступленныхъ прежде князю Кон-

стантину, и кромѣ селъ боярина Ивана Дмитріевича, которыя Василій оставлялъ за собою, ибо «взялъ въ своей винѣ.»

Оба брата, и Юрій, и Константинъ, не смотря на разницу въ лѣтахъ, умерли почти въ одно время; выморочный удѣлъ бездѣтнаго Константина взялъ себѣ Великій князь Василій; у Юрія оставалось трое сыновей. До насъ дошло его завѣщаніе, но написанное горазда прежде смерти, когда еще онъ владѣлъ Дмитровомъ, слѣдовательно до перваго завладѣнія Москвою. Въ этомъ завѣщаніи особенно замѣчательно то, что не сдѣлано никакого различія между старшимъ и младшими братьями, участокъ Московскій отказанъ всемъ тремъ сыновьямъ поровну, старшаго пути нѣтъ; быть можетъ холодность къ старшему сыну, Василю Косому, и особенная привязанность къ младшему, Дмитрію Красному, были тому причиною. Василій Косой получилъ Звенигородъ съ волостями: Угожею, Плѣснью, Дмитріевою слободкою, Тростною, Нѣчучею, Андреевскимъ; изъ Московскихъ селъ Домантовское да луга Тамашинскіе въ Перервѣ; Дмитрій Шемяка получилъ городъ Рузу съ ея волостями: Юрьевою слободою, Замошьемъ, Кремичною, Скирмановымъ, Бѣлами, Ростовцами, Юминскимъ, селомъ Михайловскимъ и Никифоровскимъ со всеми деревнями; изъ подмосковныхъ волостей получилъ онъ бортниковъ на той сторонѣ Москвы рѣки да лугъ противъ города. Дмитрій Красный получилъ Вышгородъ съ Коситскимъ селомъ, Суходоль съ Истьею и съ Истервою, Уборичною слободкою, Боровковою, Смоляную; изъ подмосковныхъ волостей село Михалевское, сельце Суцевское у города, Доблинскихъ сокольниковъ, бортниковъ, псарей да лугъ Ходынской. Дмитровъ городъ завѣщанъ тремъ сыновьямъ вмѣстѣ, а изъ волостей Дмитровскихъ Василю Косому: Селна, Гуслица, Вохна, Загарье, Рогожь, Куней; Шемякѣ: городокъ Шорна, Корзенево, Воря, Вышегородъ, Инобажъ; Красному: Ижво, Мушкова, Раменка, Берендѣево съ слободкою Кузмодемьянскою, Лутосна, Куликова. Вятка отказана всемъ сыновьямъ вмѣстѣ; но Галичь со всеми волостями и доходами одному Дмитрію Красному. Тремъ сыновьямъ вмѣстѣ Юрій отказываетъ дворъ свой, садъ за городомъ на посадѣ и другой садикъ поменьше. Изъ этого завѣщанія видимъ, что кромѣ Вятки и Дмитрова, уступленныхъ братомъ и племянникомъ, Юрій

не успѣлъ прикупить ничего къ своему удѣлу, а потерялъ Сурожикъ (отданный, какъ видно, брату Константину); не упомянуты также въ его завѣщаніи села Юрьевское и Ростовское ¹⁸⁷.

Иначе, какъ видно, распорядился Юрій передъ смертію: Вышгородъ и Галичь, волости Краснаго по прежнему завѣщанію, теперь видимъ у Шемяки; за Краснымъ видимъ волости Бѣжецкія и Костромскія, недавно пріобрѣтенныя Юріемъ, кромѣ однако Шачебалы, Ликурги и Андомы. Но смерть Юрія и вражда Косаго съ Василиемъ Вакнаевичемъ послужили для послѣдняго первымъ поводомъ къ примышленію на счетъ живыхъ князей: онъ отобралъ у Косаго его Звенигородскую волость; Шемяка, заключая договоръ съ Великимъ Княземъ, отказался и отъ Звенигорода, и отъ Вятки, а взялъ удѣлъ дяди Константина — Ржеву и Угличъ, да подмосковныя волости: Зарыдадь, Сохну, Раменейцо, Осташевскія деревни, Шукинское, Сурожикъ, Шопкову, Лучинское. Послѣ встрѣчи при Костромѣ Косому отданъ былъ Дмитровъ вмѣсто Звенигорода, но, какъ мы видѣли, не надолго ¹⁸⁸.

Такимъ образомъ удѣлъ Петра Дмитріевича и половина удѣла Юрія Дмитріевича были присоединены къ Коломенскому великокняжескому удѣлу. Но удѣлы Серпуховской и Можайскій оставались еще не тронутыми: первый, въ слѣдствіе безпотомственной смерти четырехъ сыновей Владиміра Андреевича, сосредоточился въ рукахъ единственнаго внука его, Василія Ярославича: удѣлъ Можайскій, по смерти Андрея Дмитріевича, раздѣлился на два удѣла: Можайскій, доставшійся старшему сыну Андрееву — Ивану, и Верейскій — младшему, Михаилу. Шуринъ Великаго Князя, Василій Ярославичъ, отказался отъ всѣхъ пожалованій, полученныхъ дѣдомъ его отъ отца Василіева; но часть этихъ пожалованій, именно Козельскъ съ волостями — Серенскомъ, Людимскомъ, Коропками, Вырною, Пересвѣтовою куплею, Алексинымъ, Лисинымъ и Свибловымъ, въ Москвѣ сочли нужнымъ отдать Ивану Андреевичу Можайскому. Союзъ Ивана Андреевича съ Шемякою, имѣвшій слѣдствіемъ взятіе и ослѣпленіе Великаго Князя, имѣлъ также слѣдствіемъ и присоединеніе Можайскаго удѣла къ волостямъ Василіевымъ: въ то время, когда Шемяка принужденъ былъ отказаться отъ Углича, Ржевы и Бѣжецка, Можайскій князь долженъ былъ уступить Козельскъ, Алексинъ и

Лисинъ ¹⁹⁰. Потомъ, отказавшись отъ союза съ Шемякою, Иванъ Андреевичъ получилъ—было за это снова Лисинъ, и кромѣ того владѣнія въ Бѣжецкомъ Верхѣ, какъ они были за Димитріемъ Краснымъ (умершимъ въ 1440 году и передавшимъ свои волости Шемякѣ), и половину Заозерья — волости Кубенскихъ князей; но скоро послѣ, въ слѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, Иванъ Андреевичъ лишился не только этихъ новыхъ примысловъ, но и своего удѣла Можайскаго. Всѣ волости Шемяки еще прежде были присоединены къ владѣніямъ великокняжескимъ.

Оставались удѣлы Серпуховской и Верейскій. Послѣ услугъ, оказанныхъ Василиемъ Ярославичемъ Великому Князю, послѣдній вспомнилъ, что Серпуховскому князю не додана была его дѣдина, Угличъ, Городецъ, Козельскъ, и въ вознагражденіе за это отдалъ ему Дмитровъ, кромѣ того, изъ отобранныхъ у Шемяки волостей, Суходоль съ Краснымъ селомъ ¹⁹¹. По изгнаніи Ивана Андреевича Можайскаго между шуриномъ и зятемъ произошла мѣна волостями: Василій Ярославичъ отдалъ Дмитровъ назадъ Великому Князю, и за то получилъ Звенигородъ съ тѣми волостями, которыя были за Косымъ, кромѣ Плѣсни и села Ершовскаго, потому Бѣжецкій Верхъ со всемъ, и съ селами тѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ, которые пошли въ изгнаніе съ княземъ Иваномъ Можайскимъ, кромѣ селъ, проданныхъ уже Московскимъ боярамъ — Толстикова и Башарова, и вотчинныхъ деревень — дѣтей Сопрычиныхъ ¹⁹². Но Василій Ярославичъ не долго пользовался этими волостями: сначала былъ принужденъ отдать назадъ Звенигородъ и Бѣжецкій Верхъ ¹⁹³, а потомъ лишился и всѣхъ волостей своихъ.

Уцѣлѣлъ одинъ удѣлъ Верейскій; князь Михайлъ Андреевичъ не только сохранилъ свою отчину, но еще успѣлъ пріобрѣсть нѣкоторые примыслы: сначала Верейскій князь получилъ отъ Василія Васильевича въ отчину и удѣлъ половину Заозерья, отчины Заозерскихъ князей; кромѣ того къ этой половинѣ прибавлено было еще 100 деревень изъ половины великокняжеской, да за половину Кубены Михайлъ Андреевичъ получилъ изъ великокняжескихъ Заозерскихъ волостей по-пригожу, на той сторонѣ, которая приходилась къ его отчинѣ, Бѣлуозеру ¹⁹⁴. Потомъ изъ Шемякиныхъ волостей Великій Князь далъ Михайлу Андрее-

вичу Вышгородъ съ волостями, путями и селами, да изъ Звенигородскихъ волостей Плъснь; кромѣ Плъсенскаго села, кромѣ того Смолянныя, Сохну, Зарыдале, Зеремъ и Тарусицкихъ бортиковъ. Цѣнность пожалованія была увеличена еще тѣмъ, что Вышгородъ освобождался отъ выхода на пять лѣтъ, и вся Верейская волость три года платила только полъ-выхода.

Отноительно распредѣленія волостей въ княженіе Василя Васильевича любопытны духовныя завѣщанія двухъ княгинь: Елены, жены Владиміра Андреевича, и Великой Княгини, Софіи Витовтовны, матери Василя Темнаго. Елена сочла нужнымъ благословить своего господина Великаго Князя Василя Васильевича селомъ Коломенскимъ; внука своего, Василя Ярославича, она благословила селами: Омутскимъ, Выходскимъ, въ Лужѣ селами Юрьевскимъ, Деготскимъ, Осеневскимъ, Аврамовскимъ, Михалковымъ, Миседскимъ, Сосновскимъ, въ стану Московскомъ селомъ Туловскимъ; сноху свою, жену князя Семена, Василису, благословила селомъ Ногатинскимъ съ лугами и городскими Ногатинцами, въ Лужѣ селомъ Бубольскимъ и Бѣнитскимъ; другую сноху, жену князя Василя, Ульяну, благословила селами Битяговымъ и Домодѣловымъ, а въ стану (Московскомъ) селомъ Танинскимъ да селомъ Богородскимъ; внука, князя Василя Ярославича, благословила также селомъ Ковѣзинскимъ въ Радонежѣ; внуку, княгиню Марью Иванову, селомъ Вороновскимъ въ Дмитровѣ, въ городѣ (Москвѣ) мѣстомъ подъ дворомъ старымъ на Подолѣ, гдѣ были владычны хоромы, а по смерти княгини Марьи село и мѣсто князю Василию Ярославичу ¹⁹⁶. — Въ этомъ завѣщаніи мы видимъ не всѣ волости, которыя получила Елена по духовной мужа своего, и между прочимъ не видимъ тѣхъ волостей, которыя были даны ей въ опричнину, какъ Обухово, Косино. Съ другой стороны мы знаемъ, что княгини имѣли право располагать только тѣми волостями, которыя были назначены имъ въ опричнину, или своими собственными примыслами; какимъ же образомъ княгиня Елена располагаетъ всѣми своими волостями? Это явленіе можно объяснить только тѣмъ, что Елена пережила всѣхъ своихъ сыновей, которымъ должны были достаться ея волости, взятыя изъ ихъ удѣловъ, а правила, по которому единственный внукъ ея, Василій Ярославичъ, долженъ былъ счи-

таться необходимымъ наследникомъ всѣхъ своихъ бездѣтныхъ дядей, — не было.

Духовное завѣщаніе Великой Княгини Софьи Витовтовны замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ; во-первыхъ по большому количеству прикуповъ, что показываетъ большія средства, которыми обладала завѣщательница; во-вторыхъ замѣчательно тѣмъ, что большая часть этихъ прикуповъ отказана одному любимому внуку, князю Юрію Васильевичу. Княгини, по завѣщанію мужей своихъ, получали большія и богатая волости, — нѣкоторыя изъ нихъ въ опричину, большую часть въ пожизненное владѣніе; но доходы со всѣхъ этихъ волостей, равно какъ нѣкоторые другіе доходы, оставляемые умирающими князьями въ пользу женъ своихъ, давали послѣднимъ средства прикупать волости, которыми уже онѣ могли располагать по произволу, и, смотря по привязанности, увеличивать ими удѣлъ того или другаго внука. Въ завѣщаніи княгини Софьи встрѣчаемъ изъ 52 волостей не болѣе шести, которыя не были ея прикупами: именно села: Бабышевское, Лысцево, Ослебятевское, прикупы Димитрія Донскаго, завѣщанные имъ женѣ своей Евдокии и, неизвѣстно по какому случаю, перешедшіе въ полную собственность княгини Софьи, и потомъ опричина послѣдней — селце Семчинское съ Самсоновымъ лугомъ и Гжеля. Первые три села она отказала снохѣ своей, Великой Княгинѣ Маріи Ярославовнѣ, а послѣднія любимому внуку Юрію. Теперь слѣдуютъ прикупы: Коломенскія села: Колычевское, Николцево, Липятинское, Чухистово, Окуловское и Рѣвинское; Юрьевскія: Курчевское, Елецкое, Варварское; за Волгою на Шекснѣ волость Устьюгла, станъ Веретейка со всѣми деревнями — отказаны сыну, Великому Князю Василю. Коломенскіе прикупы: на Сѣверьсцѣ село Григорья Наумова, да у Малина село Ивана Бункова — отказаны Великой Княгинѣ Маріи. Владимірскій прикупъ — села Толба, Вижекша и Головино — внуку Юанну, Московскій прикупъ — село Поповское Воробьево съ Семеновскимъ и деревнями; на Похрѣ село Мячково съ Фавустовскимъ, Ладыгинскимъ, Левонтьевскимъ, Тяжынымъ и рыболовлими деревнями; Коломенскія села: Велино, Кривцово, Бронниче, Чевырево, Марчуково, Рожокъ, починокъ у Щелина озера; Юрьевскіе прикупы — Турабьевскія села, потомъ: Кучка, Дер-

венька, Шадрино; Костромскіе прикупы: Качаловское, Ушаковское, Святое; Вологодскія: Масленскія села, Янгасарскія, Говоровскія — отказаны внуку Юрію, аромѣ трехъ селъ Юрьевскихъ, Турабьевскихъ-Березниковъ, Ратькова и Алексина: Алексино княгинѣ Евфросиніи, Березники и Ратьково Великой Княгинѣ Маріи, но по смерти ихъ князю же Юрію. Село Вышелѣсь внуку Андрею; прикупъ на Волокъ — Белеутовскія села и Окораконскія — внуку Борису ¹⁹⁶.

Наконецъ всѣ удѣлы Московскаго княжества (кроме одного Верейскаго), вмѣстѣ со всѣми примыслами въ другихъ областяхъ, собраны были Василиемъ Темнымъ, который, смѣшавъ всѣ ихъ вмѣстѣ съ великокняжескою областью Владимірскою, раздѣлилъ между пятью сыновьями: старшаго, Іоанна Васильевича, благословилъ великимъ княженьемъ, третью въ Москвѣ, чѣмъ его самого благословилъ отецъ, Коломною, Владиміромъ, Переяславлемъ, Костромою, Галичемъ, Устюгомъ, Вяткою, Суздалемъ, Новгородомъ-Нижнимъ, Муромомъ, Юрьевомъ съ Великою Солюю, Боровскомъ, Суходоломъ, Калугою, Алексинымъ; изъ Московскихъ селъ: Островскимъ, Орининскимъ, Константиновскимъ, Малаховскимъ, Краснымъ надъ великимъ прудомъ, и лугомъ большимъ у города по рѣкѣ Москвѣ. Второго сына, Юрія, благословилъ въ Москвѣ третью, которая была за княземъ Владиміромъ Андреевичемъ; но Юрій долженъ былъ раздѣлить эту треть съ братомъ Андреемъ Большимъ и держать ее по годамъ. Кроме половины Московской трети Юрій получилъ въ Москвѣ же годъ князя Константина Дмитріевича, потомъ волости: Дмитровъ, Юлку, Серебожь, Бускутово, Рожественое, Можайскъ, Медынь, Серпуховъ, Хотунь, всѣ волости, завѣщанныя ему бабкою Софьею Витовтовною, съ придачею Шипиловскаго села къ Турабьевскимъ. — Мы замѣчаемъ желаніе князей округлить свои удѣлы, не имѣть въ нихъ волостей, принадлежащихъ другимъ князьямъ; такъ, на примѣръ, князь Владиміръ Андреевичъ требовалъ отъ своего сына, Ивана, чтобъ тотъ отказался отъ прикупа своего, приходившагося въ удѣлѣ другого сына, Ярослава ¹⁹⁷; теперь, по завѣщанію Софьи Витовтовнои, села князя Юрія приходились въ Коломенскомъ удѣлѣ Великаго Князя Іоанна, въ слѣдствіе чего Василій Темный даетъ послѣдному право вымѣнить ихъ у млад-

шаго брата безъ обиды. — Третій сынъ, князь Андрей Большой, получилъ Угличь, Устюжну, Рожалово, Кистму, Бѣжецкій Верхъ, Звенигородъ, у Москвы село Суцевское. Четвертый сынъ, князь Борисъ, получилъ въ Москвѣ годъ князя Ивана Андреевича Можайскаго, Ржеву, Волокъ, Рузу; если князь Юрій Васильевичъ, благодаря особенной любви бабки своей съ отцовой стороны, получилъ большую часть ея многочисленныхъ прикуповъ, то князь Борисъ былъ любимцемъ другой бабки — съ материнской стороны, княгини Маріи Ѳедоровны Голтыяевой, и получилъ отъ нея также много волостей, безъ сомнѣнія доставшихся ей послѣ отца, боярина Ѳедора Ѳедоровича Голтяя Кошкина, и бездѣтныхъ братьевъ; эти волости были: у Коломны села Проскурниковскія да Введенскія, на Городнѣ деревня, на Москвѣ за Похрою Разсудовскія села — Звѣревское и Бирановское, во Владимірѣ Симиинскія села, Лазарское, Котязино, у Владимира Евнутьевское село, на Костромѣ, на Волгѣ Нижняя слобода, Базѣевское, Мануиловское, на Вологдѣ Турандаевское, Понизовное, Ковылинскія села, Горка, на Шомѣ деревни, да у Москвы село Шараново, Лошаково, дугъ на Москвѣ рѣкѣ подъ Крутицею, въ Берендѣевѣ село Ростовцовское, въ Кинелѣ Суровцово, Тимоѣевское. Миккульское, дворъ внутри города Москвы и дворы на посадѣ¹⁹². Пятый сынъ, Андрей Меньшой, получилъ въ Москвѣ годъ князя Петра Дмитріевича, у Москвы село Танинское, Ясеновское, Раменейце, потомъ Вологду съ Кубеною и Заозерьемъ, Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волочкомъ, Авнегу, Шпленту, Пельшму, Бохтюгу, Ухтюшку, Сяму, Отводное съ Перхушковскими селами, Тошну, Янгосаръ. — Великая Княгиня Марія получила въ пожизненное владѣніе: Ростовъ, т. е. ту часть города, которая была за Василиемъ Темнымъ, въ остальной же части еще владѣли князья Ростовскіе; по смерти Великой Княгини, ея часть Ростова переходила къ князю Юрію. Потомъ утверждались за нею купля ея Романовъ¹⁹³ и устье Шексны; далѣе Великая Княгиня получала волости по Волгѣ и Шекснѣ, которыя были за княземъ Иваномъ Можайскимъ, вмѣстѣ съ селами, отобранными у измѣнившаго боярина Петра Константиновича; Усть Углы, Нерехту, у Москвы село Напрудское, мельницу Ходынскую съ лугомъ Ходынскимъ, Ногатинское, Новинки, Озерецкія села, Михалевское, Олешню,

Лужскія села, Павшинское, деревни боярина Петра Константиновича на Истрѣ. Изъ удѣловъ: изъ Коломенскаго городокъ Брашову, съ сельцемъ, съ Гвозднею и съ Иваномъ, Устьмерску, Песочну, Малинскія села, село Серкизовское съ Мѣзынкою, Высокое, Шкинъ, селце Ѳедора Степанова, Свербѣевское, Лысцевское, Бабышево у Коломны, Чухистово; въ Переяславѣ: Рюминское, Маринину слободу, село Доброе; въ Юрьевѣ село Фроловское съ Елохомъ, Красное, Курчево, Елпы, Варварино, Кузьмодемьянское, Голенищево, Добрыньское, Волстиново, Сорогошино, села Петра Константиновича: Матвѣищово и Ворогово; въ Суздаль: Шокшовъ, Давыдовское; на Костромѣ села Михаила Данилова, села Колдомскія, данныя ей Михаиломъ Сабуровымъ; на Устюгѣ, въ придачу къ ея куплѣ Леонтьевскому, Пятницкому и Вондокурью, село Мошемское и Дымкову сторону: изъ удѣла Андрея Большаго: Елду, Кадку, Гасильково; изъ удѣла князя Бориса: Издѣтмялю, Іудину слободу, Ядрово, село Андреевское во Ржевѣ; изъ удѣла Андрея Меньшаго Шледамъ, съ Комелою и Обнорою; изъ Нижняго-Новгорода села, которыя были за Великою Княгинею Софьею Витовтовною съ Сокольскимъ сельцемъ и Кѣрженцомъ, изъ Мурома — селце Муромское и Шатуръ. — Послѣ составлена была еще приписная духовная грамота, по которой Великой Княгинѣ отказаны: село Коломенское, Дьяковское, Хвостовское, лугъ князя Юрія Дмитріевича противъ великокняжескаго двора, Юрьевскій лугъ Казначеевъ, два стана къ Марининѣ слободѣ; въ Переяславѣ Городище съ деревнями Волнинскими, да Бармазово съ деревнями; въ Муромѣ Почанъ, Заколпье, Черсово; на Коломнѣ село Оксинское съ деревнями, также Мячково, купленное, у Настасьи, жены Ѳедора Андреевича, села на рѣкѣ Москвѣ, купленные у ея дочери. Въ Можайскѣ село Чертаковское, Бѣлевицы, Исмейское село, мельницу подъ городомъ; села Муромскія и села въ Вотскомъ Стародубѣ, данныя Анною, женою Василія Ивановича; села Долмата Юрьева въ Хотунскомъ, Растуновѣ и Перемышлѣ — въ опрочину. — Дворъ князя Ивана Можайскаго въ Москвѣ отданъ старшему сыну Ивану; дворъ Серпуховскихъ князей за Архангельскимъ соборомъ — сыну Юрію, а дворъ, данный ему бабкою у церкви Іоанна Предтечи, отданъ Великой Княгинѣ; дворъ Шемяки—Андрею большому; опальные

же дворы бояръ Константиновичей — Петра, Ивана и Никиты, также за городомъ дворы — отчины и купля примысль и сады — отдаются въ распоряженіе Великой Княгини — кому изъ сыновей что дастъ. Села Окуловское и Рѣпинское, — которыя Великая Княгиня дала Федору Басенку, а въ духовной своей отдала въ распоряженіе Великому Князю, — эти села будутъ находиться у Басенка въ пожизненномъ владѣніи, а послѣ смерти его отходятъ къ Великой Княгини Маріи²⁰⁰.

Изъ этого обзора постепеннаго распространенія, раздѣленія и собиранія Московскихъ волостей, мы видимъ, что въ распространеніи Московскаго княжества завоеванія играютъ весьма малую роль; первоначальное распространеніе на счетъ сосѣднихъ княжествъ — Смоленскаго и Рязанскаго, присоединеніе Можайска и Коломны съ Вереєю, Боровскомъ, Лужеею, произошло силою оружія; но со времянь Калиты распространеніе происходило преимущественно прикупамъ и примыслами особаго рода, въ которыхъ оружіе не участвовало. Московскій князь скупаетъ (отсюда названіе окупныхъ князьковъ) отдаленныя сѣверозападные и сѣверовосточныя княжества, волости какъ видно, пустынные, бѣдныя, которыхъ князья не были въ состояніи удовлетворять Ордынскимъ требованіямъ, а съ другой стороны не были въ состояніи противиться ближайшимъ сосѣдямъ, князьямъ болѣе сильнымъ. Такимъ образомъ Московскіе князья распространяютъ свои владѣнія насчетъ слабыхъ, раздробленныхъ владѣній потомковъ Константина, Ивана Всеволодовичей, Константина Ярославича; Калитою куплены были Белоозеро, Галичь, Угличь; лѣтописцы не говорятъ, какъ пріобрѣтенъ Дмитровъ; они говорятъ объ изгнаніи изъ волостей князей Галицкаго и Стародубскаго при Донскомъ; но волости Стародубскихъ князей не упоминаются среди волостей Донскаго и наслѣдниковъ его; слѣдовательно они оставались за князьями отчичами, вошедшими въ служебныя отношенія къ Московскимъ князьямъ. Княжество Нижегородско-Суздальское и Муромское были заняты не силою оружія; только послѣ нужно было, въ продолженіе извѣстнаго времени, защищать этотъ примысль отъ притязаній прежнихъ его князей; на югѣ Московскіе князья распространяютъ свои владѣнія насчетъ слабыхъ, раздробленныхъ областей Черниговско-Сѣверскихъ, на

юговостоку насчетъ князей Мещерскихъ. Но въ то время, когда волости присоединяются путемъ мирнымъ, куплею, или хотя насильственнымъ, но безъ походовъ и завоеваній, продолжительныя войны Московскихъ князей съ сосѣдними княжествами, хотя и оканчивавшіяся благополучно, не имѣли слѣдствіемъ земельныхъ приобрѣтеній: такъ ничего не было приобрѣтено отъ Твери послѣ счастливыхъ войнъ съ нею при Донскомъ, ничего не было приобрѣтено отъ Рязани, послѣ опредѣленія границъ при Іоаннѣ II-мъ; попытка приобрѣсть волости Новгородскія за Двиною при Василии Дмитріевичѣ не удалась.—Кромѣ приобрѣтенія дѣлныхъ княжествъ Московскіе князья обогатились приобрѣтеніемъ многихъ селъ и мѣстъ. Мы знаемъ, что князья постоянно вносили въ свои договоры условіе—не приобрѣтать волостей въ чужихъ владѣніяхъ, въ слѣдствіе чего Московскіе князья, не смотря на свои денежныя средства, не могли купить волостей ни въ Тверской, ни въ Рязанской области; но имъ открыта была для прикуповъ великокняжеская область Владимірская, которою они постоянно владѣли, и мы видѣли изъ ихъ завѣщаній, какъ они воспользовались этимъ, какъ преимущественно наполнили своими куплями уѣздъ Юрьева Польскаго; вотъ также одна изъ причинъ усиленія Московскихъ князей. Двоаякимъ путемъ князья Московскіе приобрѣтали села: куплею и отобраніемъ у опальныхъ бояръ; такъ приобрѣтены были села Вельяминовскія, Свибловскія, Всеволожскія (Ивана Дмитріевича), братьевъ Константиновичей. Границы Московскаго княжества при кончинѣ Іоанна Калиты не совпадали даже съ границами нынѣшней Московской губерніи, ибо для этого не доставало ему Дмитрова, Клина, Волока-Ламскаго; потомъ захватывали нѣкоторую часть Тульской и Калужской губерній; но при кончинѣ праправнука Калитина, Василия Темнаго, Московскія владѣнія послѣдняго не только обнимаютъ всю нынѣшнюю Московскую губернію (кромѣ Клина), но простираются по губерніямъ: Калужской, Тульской, Владимірской, Нижегородской, Вятской, Костромской, Вологодской, Ярославской, Тверской.

Границы собственно Московскаго княжества на юговостоку, съ Рязанскою областію, опредѣлены въ договорахъ Рязанскихъ князей съ Московскими: граница шла по рѣкѣ Окѣ и Цѣ; преж-

нiя мѣста Рязанскiя отъ Коломны вверху по Окѣ, на сторонѣ Московской: Новый городокъ, Лужа, Верея, Боровскъ и всѣ другiя мѣста на лѣвой сторонѣ рѣки принадлежатъ Москвѣ, а внизъ по Окѣ отъ Коломны по рѣку Цну и отъ устья Цны вверху всѣ мѣста на Рязанской сторонѣ къ Рязани, а на Московской къ Москвѣ. Вслѣдствiе этого раздѣла Окою старыя Рязанскiя мѣста на правомъ берегу, бывшия до временъ Иоанна II-го за Москвою, отошли къ Рязани, именно: Лопастна, уѣздъ Мстиславль, Жадѣне городище, Жадемль, Дубокъ, Бродничъ съ мѣстами. Мѣста: Талица, Выползовъ, Такасовъ отошли къ Москвѣ, равно какъ Мещера, купля Донскаго. Иначе, думаемъ, нельзя понимать этого мѣста: «А межн насъ раздѣлъ земли по рѣку по Оку, отъ Коломны въ верхъ по Оцѣ, на Московскон сторонѣ почонъ, Новый Городокъ, Лужа, Верея, Боровскъ, и иная мѣста Рязанская, которая ни будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ; а на низъ по Оцѣ, по реку по Тцну отъ усть Тцны въ верхъ по Тцнѣ, что на Московскон сторонѣ Тцсны, то къ Москвѣ; а что на Рязанскон сторонѣ за Окою, что доселѣ потягло къ Москвѣ, почонъ, Лопастна и проч., та мѣста къ Рязани.» Но спрашивается: какимъ образомъ Лопастна могла быть на Рязанской сторонѣ за Окою? Относительно Тулы новая трудность: «А что мѣсто Князя Великаго Димитрiя Ивановича на Рязанской сторонѣ, Тула, какъ было при царицѣ при Тайдулѣ, и коли еѣ баскаци вѣдали; въ то ся Князю Великому Олгу не вступатся, и Князю Великому Димитрiю ²⁰¹.» Тула называется мѣстомъ Великаго Князя Димитрiя на Рязанской сторонѣ, онъ отъ нея отступается—это понятно, но въ то же время отступается отъ нея и Великiй Князь Олегъ! Въ чью же пользу? Можно было бы предположить ошибку въ договорѣ Донскаго, и основываясь на позднѣйшихъ договорахъ Рязанскихъ князей съ Василiемъ и Юрiемъ Димитрiевичами, принимать, что Великiе Князья Московскiе отступились отъ Тулы въ пользу князей Рязанскихъ, ибо въ этихъ позднѣйшихъ договорахъ Московскiе князья обязываются не вступаться въ Тулу; но здѣсь опять затрудняетъ дѣло договоръ Рязанскаго князя Ивана Ѳедоровича съ Витовтомъ, гдѣ встрѣчаемъ слѣдующее условiе: «Великому Князю Витовту въ вотчину мою не вступатися Ивана

Федоровича, въ землю ни въ воду, поколѣ рубежъ Рязанскіе земли Переяславскыя моея вотчины, вынемши Туду, Берестей, Ретанъ съ Паши, Дорожень, Заколотень Гордѣевской²⁰²».

Любопытно, что въ договорахъ Московскихъ князей съ Рязанскими не только Лопастна, но также Верея и Боровскъ называются старыми мѣстами Рязанскими, тогда какъ, по свидѣтельству лѣтописца подъ 1176 годомъ, Лопастна была волостію Черниговскою; но уже изъ этого самаго свидѣтельства можно замѣтить, что Рязанскіе князья начинаютъ захватывать ближайшія къ нимъ волости Черниговскія, какъ наприм. упоминаемый тутъ же Свирильскъ. По всѣмъ вѣроятностямъ Рязанцы захватили и Лопастну, и Верею, и Боровскъ, и Лужу вскорѣ послѣ Батыева нашествія, когда Черниговско-Сѣверское княжество опустѣло, раздробилось и обезсилѣло.

Изъ Новгородскихъ договорныхъ грамотъ мы знаемъ, что Волокъ, Вологда и Бѣжецкій Верхъ считаются до послѣдняго времени владѣніями Новгородскими; но въ тоже самое время въ договорахъ и духовныхъ грамотахъ великокняжескихъ мы видимъ, какъ Великіе Князья распоряжаются и Волокомъ, и Бѣжецкимъ Верхомъ, и Вологдою — знакъ, что здѣсь волости Новгородскія находились въ смѣсномъ владѣніи съ великокняжескими; и дѣйствительно Великій Князь Василій Васильевичъ, утверждая Бѣжецкій Верхъ за Шемякою и братомъ его, Димитріемъ Краснымъ, ставитъ условіемъ договора, чтобъ они держали эту волость по старинѣ съ Новымъ-Городомъ²⁰³. Мы видѣли, что Новгородцы хотѣли здѣсь размежеваться съ Великимъ Княземъ; но Василій Васильевичъ Темный почему-то не хотѣлъ этого размежеванія. На основаніи извѣстія подъ 1220 годомъ, что Великій Князь Юрій Всеволодовичъ ведѣлъ племяннику, Васильку Константиновичу Ростовскому, выслать противъ Болгаръ подки изъ Ростова и изъ Устюга, мы заключили, что Устюгъ зависѣлъ отъ Ростовскихъ князей. Не знаемъ, удержали ли они Устюгъ во время своей слабости и зависимости отъ Великихъ Князей, или Устюгъ отошелъ къ Владимирской области; знаемъ только, что Устюгъ является, какъ городъ, принадлежащій князьямъ Московскимъ, впервые только въ завѣщаніи Василія Темнаго, когда въ первый разъ города Владимирскаго княжества были перемѣшаны съ Москов-

скими, и когда въ первый же разъ Ростовъ былъ отказанъ Великимъ Княземъ женѣ. — Что касается до общихъ Русскихъ границъ на югостокѣ, то съ большою вѣроятностію можно предположить, что онѣ совпадали съ границами епархіи Рязанской и Сарайской, ибо послѣдняя находилась уже въ собственныхъ владѣніяхъ Татарскихъ. Эту границу въ митрополичьихъ грамотахъ опредѣляется рѣка Великая Ворона²⁰⁴; изъ тѣхъ же грамотъ узнаемъ, что христіане находились въ предѣлѣ Черленаго Яру (рѣки) и по карауламъ возлѣ Хопра до Дону. На восточномъ берегу Дона, тамъ, гдѣ эта рѣка имѣетъ ширину одинакую съ шириною Сены въ Парижѣ, Рубруквисъ нашелъ Русскую слободу, построенную Батыемъ и Сартакомъ; жители ея обязаны были перевозить черезъ рѣку купцовъ и пословъ. Относительно этихъ границъ важно для насъ извѣстіе о путешествіи Пимена митрополита въ Константинополь. Митрополитъ отправился изъ Рязани сухимъ путемъ, взявши три струга и насадъ на колесахъ. Достигши Дона, путешественники спустили суда на рѣку и поплыли внизъ. Вотъ какъ описывается плаваніе по Дону: «Путешествіе это было печально и уныло, потому-что по обѣимъ сторонамъ рѣки пустыня: не видно ни города, ни села, виднѣются одни только мѣста прежде бывшихъ здѣсь городовъ, красивыхъ и обширныхъ; нигдѣ не видно человѣка, но звѣрей множество: козъ, лосей, волковъ, лисицъ, выдръ, медвѣдей, бобровъ, множество и птицъ—орловъ, гусей, лебедей, журавлей и разныхъ другихъ.» Миновавши рѣки: Медвѣдицу, Высокія Горы и Бѣлый Яръ, также мѣсто древняго Козарскаго Саркела, путешественники начали встрѣчать Татарскія кочевья. Видно, что на Донской системѣ въ концѣ XIV вѣка крайнимъ Русскимъ княжествомъ было Елецкое; кочевья же Татарскія начинались въ нынѣшней землѣ войска Донскаго, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ Донъ находится въ самомъ ближайшемъ разстояніи отъ Волги.

Касательно югозападныхъ границъ съ Литовскими владѣніями, мы знаемъ, что при Василии Димитріевичѣ Московскомъ и Витовтѣ Литовскомъ границею была назначена рѣка Угра; но это опредѣленіе односторонне. Мы видѣли также, какъ Рязанскій князь опредѣлилъ свои границы съ Литвою; но изъ этого опредѣленія ничего понять нельзя. Изъ княжескихъ договоровъ и завѣ-

шаній мы знаемъ, что Перемышль, Лихвинъ (Лисинъ), Козельскъ, Тросна—считались въ числѣ Московскихъ волостей. Что же касается до земель присяжныхъ князей: Одоевскихъ, Бѣлевскихъ, Воротынскихъ, то здѣсь границъ опредѣлить нельзя, потому что, по собственнымъ словамъ Іоанна III, эти князья служили и его предкамъ и предкамъ Казимира Литовскаго, на обѣ стороны, съ-обща; мы знаемъ также, что городъ Одоевъ, напри- мѣръ, раздѣлялся на двѣ половины: одна принадлежала линіи князей, зависѣвшихъ отъ Москвы, а другая линіи князей, зави- сѣвшихъ отъ Литвы. Изъ переговоровъ между Московскими боя- рами съ Литовскими послами при Іоаннѣ III мы знаемъ также, что договоры, заключенные съ Литвою при Василиѣ Димитріевичѣ и сынѣ его, Василиѣ Темномъ, были невыгодны для Москвы, которая должна была тутъ уступить волости, принадлежавшія ей по прежнимъ договорамъ, заключеннымъ при Симеонѣ Гордомъ и братѣ его, Іоаннѣ II; при Олгердѣ половина Серенска принадле- жала Москвѣ, а другая половина Литвѣ; въ договорѣ Василия Темнаго съ Казимиромъ Козельскъ былъ написанъ на обыскъ, т. е. по заключеніи договора должно было обыскать, кому этотъ городъ принадлежалъ прежде; но обыска не было, и Козельскъ остался за Москвою. Со стороны Смоленской или Верхнеднѣ- провской области границею между Московскими и Литовскими владѣніями была сначала Угра, потомъ дагѣ на сѣверѣ границъ Москвы и Твери съ Литвою должно искать по водораздѣлу ме- жду рѣчными областями Днѣпра и Волги.

Границы между Литвою и Новгородскими (съ Псковскими) вла- дѣніями должны были оставаться тѣ же самыя, какія были между Смоленскимъ и Полоцкимъ княжествами и Новгородомъ. Какъ на востокѣ были волости, находившіяся въ смѣсномъ владѣніи у Новгородцевъ и Великихъ Князей Владимирскихъ, напри- мѣръ Торжокъ, Волокъ, Бѣжичи: такъ и на югѣ были такія же смѣсныя владѣнія у Новгородцевъ и великихъ князей Литовскихъ; таковы были Великія Луки, Ржева (Новгородская) и еще волостей десять, менѣе значительныхъ: всѣ эти земли принадлежали къ Новгород- ский владѣніямъ, но дань и нѣкоторые другіе доходы шли съ нихъ Великому Князю Литовскому; какъ въ Торжкѣ были два тѣча—Новгородскій и Московскій, такъ и на Лукахъ сидѣли два

же гюна—Новгородскій и Литовскій, и судъ у нихъ былъ пополамъ. Безъ сомнѣнія такія отношенія къ Лукамъ, Ржевѣ и другимъ мѣстамъ, Литовскіе князья наследовали отъ князей Смоленскихъ, которыхъ княжествомъ они овладѣли. Такое явленіе, что волость принадлежала одному государству, а дань съ нея шла другому, мы видимъ не въ однихъ Новгородскихъ областяхъ: въ договорахъ Великихъ Князей Тверскихъ съ Литовскими читаемъ: «Порубежныя мѣста, которыя тянутъ къ Литвѣ или къ Смоленску, а подать даютъ къ Твери, должны и теперь тянуть по старому, равно какъ тѣ мѣста, которыя тянули къ Твери, а подать давали къ Литвѣ или къ Смоленску, тѣмъ и нынче тянуть по прежнему и подать давать по прежнему же.»

Западныя границы, границы Псковскихъ волостей съ Ливонскимъ Орденомъ совпадали съ нынѣшними границами Псковской губерніи съ Остзейскимъ краемъ. Что касается границъ Новгородской области со стороны Шведскихъ владѣній въ Финляндіи, то мы не имѣемъ возможности опредѣлить ихъ до 1323 года, къ которому относится дошедшій до насъ договоръ Великаго Князя Юрія Даниловича съ Шведскимъ королемъ Магнусомъ. Въ этомъ договорѣ сказано, что Юрій съ Новгородцами уступили Шведамъ три Корельскихъ округа: Саволаксъ, Ескисъ и Егрешя, въ слѣдствіе чего и сдѣлалось возможнымъ опредѣлить границу.

Дошла до насъ перечень и Новгородскихъ Двинскихъ волостей: Орлецъ, Матигоры, Колмогоры, Куръ-островъ, Чюхчелема, Ухъ-островъ, Кургія, Княжь-островъ, Лисичъ-островъ, Конечные дворы, Ненокса, Уна, Кривой, Ракула, Наволокъ, Челмахта, Емецъ, Калея, Кириа горы, Нижняя Тойма. Потомъ изъ сѣверныхъ мѣстностей упоминаются: Вельскъ, Кубена, Сухона, Кемь, Андома, Чухлома, Каргополь, Кокшенга и Вага. Изъ Вятскихъ городовъ упоминаются Орловъ и Котельничъ. — На востокъ опредѣлить границу трудно: знаемъ только, что на Сурѣ былъ уже Русскій Нижегородскій городъ Курмышъ²⁰⁵.

Мы обозрѣли исторически распространеніе Московскаго княжества, усиленіе владѣльцевъ его волостями насчетъ другихъ князей; но рядомъ съ этимъ усиленіемъ Московскихъ и Великихъ Князей, разумѣется, должно было идти измѣненіе въ отношеніяхъ между старшимъ и младшими князьями. Разсмотримъ также

и это измѣненіе исторически; сперва обратимъ вниманіе на отношенія князя Московскаго и вмѣстѣ Великаго Князя Владимірскаго къ ближайшимъ родичамъ своимъ, удѣльнымъ князьямъ, а потомъ на отношенія его къ дальнимъ родичамъ, которые благодаря ослабленію родовой связи, назвались, каждый въ своей волости— великими князьями и пользовались одинакими правами съ Великимъ Княземъ Владимірскимъ, хотя послѣдній при удобномъ случаѣ и старался приравнять ихъ къ своимъ удѣльнымъ; таковы были князья—Тверской, Рязанскій, Нижегородскій.

Въ завѣщаніяхъ своихъ Великіе Князья опредѣляютъ отношенія между старшимъ и младшими сыновьями по старинѣ: Калита говоритъ: «Приказываю тебѣ, сыну своему Семену, братьевъ твоихъ младшихъ и княгиню свою съ меньшими дѣтьми: по Богъ ты имъ будешь печальникъ ²⁰⁶.» Донской завѣщаетъ дѣтямъ: «Дѣти мои, младшіе братья князя Василя, чтите и слушайте своего брата старшаго, Князя Василя, вмѣсто меня, своего отца; а сынъ мой Князь Василій держитъ своего брата князя Юрія и своихъ братьевъ младшихъ въ братствѣ безъ обиды ²⁰⁷. «Противъ духовной Калиты въ завѣщаніи Донскаго встрѣчаемъ ту новость, что онъ придаетъ волостей старшему сыну на старшій путь. Одинакое наставленіе дѣтямъ на счетъ отношеній младшихъ къ старшему повторилъ и Великій Князь Василій Васильевичъ въ своемъ завѣщаніи ²⁰⁸. Но описываемое время было переходнымъ между родовыми и государственными отношеніями: первыя ослабли, вторыя еще неутвердились; вотъ почему неудивительно встрѣтить намъ такіа завѣщанія княжескіа, гдѣ завѣщатель вовсе не упоминаетъ объ отношеніяхъ младшихъ сыновей своихъ къ старшему: таковы завѣщанія Владиміра Андреевича и Юрія Дмитріевича ²⁰⁹. Можно было бы подумать, что такъ какъ эти завѣщанія писаны младшими, удѣльными князьями, то они и не упомянули объ отношеніяхъ между сыновьями, которые всѣ были одинаково младшіе братья относительно Великаго Князя; но въ такомъ случаѣ они упомянули бы объ обязанностяхъ своихъ сыновей къ этому Великому Князю, чего мы не находимъ; притомъ, напримеръ, Владиміръ Андреевичъ дѣлаетъ же различіе между старшимъ своимъ сыномъ и младшими, назначаетъ первому особая волости на старшій путь, наконецъ опредѣляетъ обязанности сы-

новой къ ихъ матери, своей женѣ, говорить, чтобъ они чтили ее и слушались, говорить, чтобъ они жили согласно, ва одно, и однако не прибавяеть старой обычной формы—чтобъ они чтили и слушались старшаго брата какъ отца.

Посмотримъ теперь, какъ опредѣлялись обязанности удѣльныхъ князей къ Великому въ ихъ договорахъ другъ съ другомъ. Въ договорѣ сыновей Калиты, младшіе братья называютъ старшаго Господиномъ Княземъ Великимъ; клянутся быть заодно до смерти; брата старшаго имѣть и чтить вмѣсто отца. Кто будетъ, говорятъ они, брату нашему старшему недругъ, тотъ и намъ недругъ, а кто будетъ ему другъ, тотъ и намъ другъ. Ни старшій безъ младшихъ, ни младшіе безъ старшаго не заключаютъ ни съ кѣмъ договора. Если кто станетъ ихъ есорить, то они должны изслѣдовать дѣло (исправу учинить), виноватаго казнить послѣ этого изслѣдованія, а вражды не имѣть другъ къ другу. Старшій обязанъ не отнимать у младшихъ волостей, полученныхъ ими отъ отца: «того подѣ ними блюсти, а не обидѣти.» Когда кто-нибудь изъ младшихъ умретъ, то старшій обязанъ заботиться (печаляваться) объ оставшемся послѣ умершаго семействѣ, не обижать его, не отнимать волостей, полученныхъ въ наслѣдство отъ отца; не отнимать также примысловъ и прикуповъ. Если старшій сѣдетъ на коня (выступить въ походѣ), то и младшіе обязаны также садиться на коней; если старшій самъ не сѣдетъ на коня, а пошлетъ въ походѣ однихъ младшихъ, то они должны идти безъ ослушанья. Если случится какая-нибудь оплошность (просторожа) отъ Великаго Князя, или отъ младшихъ князей, или отъ тысяцкаго, или отъ намѣстниковъ ихъ, то князья обязаны изслѣдовать дѣло, а не сердиться другъ на друга²¹⁰.

Въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ встрѣчаемъ уже важныя дополненія: младшій братъ обязывается держать подѣ старшимъ княженъе великое честно и грозно, добра хотѣть ему во всемъ; Великій Князь обязывается держать удѣльнаго въ братствѣ, безъ обиды: «Тебѣ знать свою отчину, а мнѣ знать свою.» Заслышавши отъ христіанина или отъ поганина что-нибудь доброе или дурное о Великому Князѣ, о его отчинѣ, или о всѣхъ христіанахъ, младшій обязанъ объявить ему въ правду, безъ примышленія, по кре-

стному цѣлованію, равно какъ и старшій младшему. Оба князя обязываются не покупать селъ въ удѣлахъ другъ у друга, не позволять этого и своимъ боярамъ, не держать закладней и оброчниковъ, не давать жалованныхъ грамотъ; если случится искъ одному князю на подданныхъ другаго, давать исправу. Младшій обязанъ посылать своихъ воеводъ съ воеводами великокняжескими вмѣстѣ, безъ ослушанья; если кто-нибудь изъ воеводъ ослушается, то Великій Князь имѣетъ право его казнить вмѣстѣ съ удѣльнымъ. Если во время похода удѣльный князь захочетъ оставить кого-нибудь изъ своихъ бояръ у себя, то онъ обязанъ доложить объ этомъ Великому Князю; и оба распорядятся вмѣстѣ, по обоюднымъ согласію (по згадцѣ): кому будетъ прилично остаться, тотъ останется, кому ѣхать, тотъ поѣдетъ. Младшій долженъ служить старшему безъ ослушанья, по згадцѣ, какъ будетъ прилично тому и другому, а Великій Князь обязанъ кормить удѣльнаго князя, смотря по его службѣ. Когда оба сядутъ на коня, то бояре и слуги удѣльнаго князя, кто гдѣ ни живетъ, должны быть подъ его знаменемъ ²¹¹. Если случится какое-нибудь дѣло между обоими князьями, то они отсылаютъ для рѣшенія спора (для учиненія исправы) своихъ бояръ; если же бояре будутъ не въ состояніи покончить дѣла, то ѣдутъ къ митрополиту, а не будетъ митрополита въ Русской землѣ, то ѣдутъ къ кому-нибудь на третейскій судъ (на третей), кого сами себѣ выберутъ: и если который князь проиграетъ свое дѣло, то бояре его не виноваты въ томъ ²¹².

Владиміръ Андреевичъ отказался отъ старшинства въ пользу племянника, обязался признавать послѣдняго старшимъ братомъ; но все же онъ былъ дядею Василю Димитріевичу, и потому договоръ, заключенный между ними, написанъ въ болѣе легкихъ для Серпуховскаго князя выраженіяхъ. Послѣдній обязывается держать своего племянника, брата старѣйшаго честно, а слова: грозно нѣтъ; Великій Князь обязывается держать дядю и вмѣстѣ брата младшаго въ братствѣ и въ чести безъ обиды ²¹³. Во второмъ договорѣ старикъ - дядя выговариваетъ даже себѣ право не садиться на коня, когда племянникъ самъ не сядетъ; этотъ второй договоръ замѣчателенъ тѣмъ, что договаривающіеся уже хотятъ продлить и упрочить свои отношенія: здѣсь въ первый разъ князья клянутся исполнять условія договора за себя и

за дѣтей своихъ ²¹⁴. Въ завѣщаніи своемъ Владиміръ Андреевичъ приказываетъ жену, дѣтей и бояръ своихъ брату старшему, Великому Князю; если между дѣтьми его случится какой-нибудь споръ, то они для его рѣшенія посылаютъ своихъ бояръ; если и эти не согласятся между собою, то идутъ передъ старую княгиню—вдову; котораго сына княгиня обвинить, на томъ Великій Князь долженъ доправить, такъ однако, чтобъ вотчинѣ ихъ и удѣламъ было безъ убытка. Относительно пользованія удѣлами, Владиміръ Андреевичъ опредѣляетъ, чтобъ сыновья его не вѣѣзжали въ удѣлы другъ къ другу на свою утѣху, т. е. на охоту, равно и въ удѣлъ матери своей, развѣ получать позволеніе; не должны присылать въ удѣлъ другъ къ другу приставовъ и не судить судовъ ²¹⁵.

Димитрій Донской имѣлъ всю возможность привести въ свою волю двоюроднаго брата, который не имѣлъ средствъ бороться съ владѣльцемъ двухъ частей Московскаго княжества и цѣлаго Владимирскаго; притомъ же Серпуховской князь не имѣлъ права на старшинство ни въ Москвѣ, ни во Владимірѣ. Въ другихъ отношеніяхъ находился Василій Димитріевичъ къ роднымъ братьямъ, которыхъ надобно было щадить, ласкать, чтобъ заставить рѣшиться сдѣлать первый тяжкій шагъ — отказаться отъ старшинства въ пользу племянника. Отсюда понятно, почему въ договорахъ Василя Димитріевича съ братьями мы не находимъ тѣхъ рѣзкихъ выраженій, тѣхъ прямыхъ указаній на служебныя отношенія удѣльнаго князя къ Великому, какія встрѣчаемъ въ договорахъ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ. Младшіе братья обязываются держать Василя только вмѣсто отца ²¹⁶; Юрій Димитріевичъ, въ отдѣльномъ договорѣ своемъ съ старшимъ братомъ ²¹⁷, обязывается держать его въ старшинствѣ—и только; нѣтъ выраженія: честно и грозно, нѣтъ обязательства служить старшему брату.

Василію Димитріевичу не удалось склонить брата Юрія къ уступкѣ старшинства племяннику; отсюда усобица въ княженіе Василя Васильевича. Эта усобица кончилась торжествомъ новаго порядка вещей, собраніемъ удѣловъ; но въ продолженіе ея Великій Князь иногда находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и потому не могъ слишкомъ круто поступать съ удѣльными.

Дядя Юрій Дмитріевичъ, принуждаемый отказаться отъ старшинства, хотя и называетъ племянника старшимъ братомъ, однако заключаетъ съ нимъ договоры какъ союзникъ равноправный, безо всякаго опредѣленія, какъ онъ долженъ держать старшаго брата; Юрій освобождаетъ себя отъ обязанности садиться на коня даже и тогда, когда самъ Великій Князь выступить въ походъ; относительно этого обстоятельства въ первомъ договорѣ ²¹⁸ встречаемъ слѣдующее условіе: если Василій Васильевичъ сядетъ на коня, то Юрій посылаетъ съ нимъ своихъ дѣтей, бояръ и слугъ; если Великій Князь пошлетъ въ походъ младшихъ дядей своихъ или дѣтей Юрія, то послѣдній обязанъ выслать дѣтей съ боярами и слугами; если же Великій Князь посылаетъ своихъ воеводъ, то и Юрій обязанъ выслать только своего воеводу съ своими людьми. Во второмъ договорѣ: когда Василій самъ сядетъ на коня, или пошлетъ въ походъ дядю Константина, то Юрій высылаетъ сына; если же Великій Князь пошлетъ двоюродныхъ братьевъ или воеводъ, то Юрій высылаетъ только воеводъ своихъ, если же Великій Князь пошлетъ одного сына Юріева на службу, то послѣдній долженъ идти безъ послушанья ²¹⁹. Выраженія честно и грозно въ началѣ княженія Василя Васильевича не находимъ въ договорныхъ грамотахъ этого Великаго Князя даже и съ двоюродными братьями Андреевичами, встречаемъ только въ договорѣ съ княземъ Василюемъ Ярославичемъ, внукомъ Владиміра Андреевича ²²⁰; нѣтъ этого выраженія и въ договорѣ Андреевичей съ Юріемъ ²²¹; но послѣ смерти Юрія оно является постоянно въ договорахъ Василя Васильевича съ удѣльными князьями.

Договоры Великихъ Князей Московскихъ съ Великими же Князьями Тверскими и Рязанскими сходны съ упомянутымъ выше договоромъ Великаго Князя Василя Васильевича съ дядею Юріемъ, съ тою только разницею, что Юрій, какъ удѣльный князь, не можетъ самъ собою, непосредственно, сноситься съ Ордою, посылаетъ дань чрезъ Великаго Князя, тогда какъ Великіе Князья Тверской и Рязанскій сохраняютъ относительно Татаръ вполнѣ независимое отъ Московскаго князя положеніе, сами знаютъ Орду, по тогдашнему выраженію. Если Тверской князь и обывается иногда считать Московскаго старшимъ братомъ, то это опредѣленіе отношеній остается безъ дальнѣйшаго объясненія.

Относительно выступления въ походъ въ договорахъ между Великими Князьями—Московскимъ, Тверскимъ и Рязанскимъ встрѣчаемъ обыкновенно условіе, что если Великій Князь Московскій сядетъ на коня, то и другой договаривающійся Великій Князь обязанъ садиться на коня; если Московскій пошлетъ воеводу, то и другой обязанъ съѣзжать тоже; только въ договорахъ Дмитрія Донскаго и сына его Василія съ Михаиломъ Тверскимъ встрѣчаемъ особенности: въ первомъ Тверской Великій Князь обязанъ садиться на коня и въ томъ случаѣ, когда выйдетъ на рать двоюродный братъ Московскаго Князя, Владиміръ Андреевичъ ²²². Въ договорѣ Василія Дмитріевича читаемъ ²²³: «Пойдетъ на насъ царь (ханъ) ратію, или рать Татарская, и сяду я на коня самъ съ своею братьею, то и тебѣ, братъ, послать ко мнѣ на помощь двухъ своихъ сыновей, да двухъ племянниковъ, оставивъ у себя одного сына; если же пойдутъ на насъ или Литва, или Ляхи, или Нѣмцы, то тебѣ послать дѣтей своихъ и племянниковъ на помощь; кормъ они возьмутъ, но инымъ ничѣмъ корыстоваться не должны. Также, если пойдутъ на васъ Татары, Литва или Нѣмцы, то мнѣ идти самому къ вамъ на помощь съ братьями, а нужно будетъ мнѣ котораго брата оставить у себя на сторожу, и я оставлю. А къ Ордѣ, тебѣ, и къ царю, путь чистъ, и твоимъ дѣтямъ, и твоимъ внучатамъ, и вашимъ людямъ.» Этотъ договоръ заключенъ совершенно на равныхъ правахъ, даже у Тверскаго князя болѣе правъ, чѣмъ у Московскаго, безъ сомнѣнія въ слѣдствіе возраста Михаила Александровича: такъ послѣдній ни въ какомъ случаѣ не обязывается самъ выступать въ походъ.

Что касается формы договорныхъ грамотъ, то до времени Великаго Князя Василія Дмитріевича онѣ обыкновенно начинались словами: «По благословенію отца нашего митрополита;» первая дошедшая до насъ договорная грамота, начинающаяся словами: «Божією милостію и Пречистыя Богоматери,» есть договорная грамота Василія Дмитріевича съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ; постоянно же эта форма начинаетъ встрѣчаться въ договорныхъ грамотахъ со времени Василія Васильевича Темнаго, именно начиная съ договора его съ княземъ Васиіемъ Ярославичемъ Серпуховскимъ. Послѣ этихъ словъ слѣдуютъ слова: «На семъ, на всѣмъ (имярекъ), цѣлуй ко мнѣ крестъ, (имярекъ). Оканчиваются грамо-

ты такими же словами. «А на оемъ на всемъ цѣлуй ко мнѣ крестъ по любви въ правду, безъ хитрости.» Когда, въ слѣдствіе лавъ-стныхъ стремленій, вражда между родичами, между Великимъ Княземъ и удѣльными, дошла до крайности, когда мирился только по нуждѣ, съ враждою въ сердцахъ, съ намѣреніемъ нарушить миръ при первомъ удобномъ случаѣ, то начали употреблять болѣе сильныя нравственныя средства, для того чтобы побудить къ сохраненію договора: явились такъ называемыя проклятыя грамоты. — Но эти проклятыя грамоты, это усиленіе нравственныхъ принужденій, не достигало цѣли, и служить для насъ только признакомъ крайняго усиленія борьбы, при которой враждующіе дѣйствовали по инстинкту самосохраненія, не разбирая средствъ, не сдерживаясь ни какими нравственными препятствіями. — Что касается формы духовныхъ завѣщаній княжескихъ, то они начинались слѣдующими словами: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Се азъ грѣшный худый рабъ Божій (имярекъ) пишу душеваую грамоту, ни кѣмъ не нуженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи.»

При обзорѣ распредѣленія волостей княжескихъ, мы видѣли, какую важную долю изъ нихъ князья давали обыкновенно своимъ женамъ. Этому богатому надѣленію соответствовало и дальное нравственное и политическое вліяніе, какое уступалось имъ по духовнымъ завѣщаніямъ мужей. Калита въ своемъ завѣщаніи приказываетъ княгиню свою съ меньшими дѣтьми старшему сыну Семю, который долженъ быть по Богъ ея печальникомъ. Здѣсь завѣщатель не предписываетъ сыновьямъ, кромѣ попеченія, никакихъ обязанностей относительно жены своей, потому что эта жена, княгиня Ульяна, была имъ мачиха. До какой степени мачиха и ея дѣти были чужды тогда дѣтямъ отъ первой жены, доказательствомъ служитъ то, что сынъ Калиты, Іоаннъ II, не иначе называетъ свою мачиху, какъ княгинею Ульяною только, дочь ея не называетъ сестрою²²⁴; это объясняетъ намъ старинныя отношенія сыновей и внуковъ Мстислава Великаго къ сыну его отъ другой жены, Владиміру Мстиславичу, мачешичу. — Иначе опредѣляются отношенія сыновей къ роднымъ матерямъ по духовнымъ завѣщаніямъ княжескимъ: Донской приказываетъ дѣтей своихъ княгинѣ: «а вы, дѣти мои, говоритъ онъ, живите ва

одно, а матери своей слушайтесь во всемъ; если кто изъ сыновей моихъ умретъ, то княгиня моя подѣлитъ его удѣломъ остальныхъ сыновей моихъ: кому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои изъ ея воли не выйдутъ. Дастъ мнѣ Богъ сына, и княгиня моя подѣлитъ его, взявши по части у большихъ его братьевъ. Если у кого-нибудь изъ сыновей моихъ убудеть отчины, чѣмъ я его благословилъ, то княгиня моя подѣлитъ сыновей моихъ изъ ихъ удѣловъ: а вы, дѣти мои, матери слушайтесь. Если отниметъ Богъ сына моего, князя Василья, то удѣлъ его идетъ тому сыну моему, который будетъ подъ нимъ, а удѣломъ послѣдняго княгиня моя подѣлитъ сыновей моихъ: а вы, дѣти мои, слушайтесь своей матери: что кому дастъ, то того и есть. А приказалъ я своихъ дѣтей своей княгинѣ: а вы, дѣти мои, слушайтесь своей матери во всемъ, изъ ея воли не выступайте ни въ чемъ. А который сынъ мой не станетъ слушаться своей матери, на томъ не будетъ моего благословенія.»

Договоръ Великаго Князя Василія Димитріевича съ братьями начинается такъ: «По слову и благословенію матери нашей Адотьи.» Въ договоръ свой съ братомъ Юріемъ Василій вноситъ слѣдующее условіе: «А мать свою намъ держать въ матерствѣ и въ чести.» Сыну своему Василій Димитріевичъ наказываетъ держать свою мать въ чести и матерствѣ: какъ Богъ рекъ; въ другомъ завѣщаніи обязываетъ сына почитать мать точно также, какъ почиталъ отца. Князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховской даетъ своей женѣ право судить окончательно споры между сыновьями, приказываетъ послѣднимъ чтить и слушаться матери. То же самое приказываетъ сыновьямъ и Василій Темный. — Относительно княгини вдовъ и дочерей ихъ въ завѣщаніи Владиміра Андреевича находимъ слѣдующее распоряженіе: «Если Богъ отниметъ котораго-нибудь изъ моихъ сыновей, и останется у него жена, которая не пойдетъ за-мужъ, то пусть она съ своими дѣтьми сидитъ въ удѣлѣ мужа своего, когда же умретъ, то удѣлъ идетъ сыну ея, моему внуку; если же останется дочь, то дѣти мои всѣ брата своего дочь выдаютъ за-мужъ, и брата своего удѣломъ подѣлятся всѣ поровну. Если же не будетъ у нея все дѣтей, то и тогда пусть сноха моя сидитъ въ удѣлѣ мужа

своего до смерти и поминаетъ нашу душу, а дѣти мои до ея смерти въ брата своего удѣлъ не вступаютъ никакимъ образомъ.»

Мы видѣли, что волости, оставшаемыя княгинямъ, раздѣлялись на такія, которыми онѣ не имѣли права располагать въ своихъ завѣщаніяхъ, и на такія, которыми могли распорядиться произвольно; послѣднія назывались опричниками. Но кромѣ того въ Московскомъ княжествѣ были такія волости, которыя постоянно находились во владѣніи княгинь, назначались на ихъ содержаніе; эти волости назывались княгининскими пошлыми. Относительно ихъ Великій Князь Василій Димитріевичъ въ завѣщаніи своемъ дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе: «Что касается сель княгининскихъ пошлыхъ, то они принадлежатъ ей; вѣдаетъ она ихъ до тѣхъ поръ, пока женится сынъ мой, послѣ чего она должна отдать ихъ княгинѣ сына моего, своей снохѣ, тѣ села, которыя были издавна за княгинями.»

Во всѣхъ этихъ волостяхъ княгиня была полною владѣтельницею. Димитрій Донской на этотъ счетъ распоряжается такъ: «До какихъ мѣстъ слободскіе волостели судили тѣ слободы при мнѣ, до тѣхъ же мѣстъ судятъ и волостели княгини моей. Если въ тѣхъ волостяхъ, слободахъ и селахъ, которыя я взялъ изъ удѣловъ сыновей моихъ и далъ княгинѣ моей, кому-нибудь изъ сиротъ (крестьянъ) случится пожаловаться на волостелей, то дѣло разберетъ княгиня моя (учинить неправу), а дѣти мои въ то не вступаютъ.» — Владиміръ Андреевичъ распорядился такъ: «На мытниковъ и таможниковъ Городецкихъ дѣти мои приставовъ своихъ не даютъ и не судятъ ихъ: судить ихъ, своихъ мытниковъ и таможниковъ княгиня моя.»

Духовенство, во имя религіи, поддерживало всѣ эти отношенія сыновей къ матерямъ, какъ они опредѣлялись въ духовныхъ завѣщаніяхъ княжескихъ. Митрополитъ Іона писалъ князьямъ, которые отнимали у матери своей волости, принадлежащія ей по завѣщанію отца ²²⁵: «Дѣти! Била мнѣ челомъ на васъ мать ваша, а моя дочь, жалуется на васъ, что вы поотнимали у нея волости, которыя отецъ вашъ далъ ей въ опричнину, чтобы было ей чѣмъ прожить, а вамъ далъ особые удѣлы. И это вы, дѣти, дѣлаете богопротивное дѣло, на свою душевную гибель, и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ.... Благословляю васъ, чтобы вы своей матери

челомъ добили, прощеніе у ней выпросили, честь бы ей обычную вѣдавали, слушались бы ея во всемъ, а не обижали, пусть она вѣдаетъ свое, а вы свое, по благословенію отцовскому. Отпишите къ намъ, какъ вы съ своею матерью управитесь: и мы за васъ будемъ Бога молить, по своему святительскому долгу; и по вашему чистому покаянію. Если же станете опять гнѣвить и оскорблять свою мать, то, дѣлать нечего, самъ боже Бога и по своему святительскому долгу, пошлю за своимъ сыномъ, за вашимъ владыкою и за другими многими священниками, да взглянувши вмѣстѣ съ нами въ божественныя правила, обговоривъ и разсудивъ, возложимъ на васъ духовную тягость церковную, свое и прочихъ священниковъ неблагословеніе.»

Таковы были между-княжескія отношенія къ сѣверовосточной Руси. Мы видимъ, что переходъ родовыхъ отношеній въ государственныя, переходъ удѣльныхъ князей изъ родичей въ службниковъ, по снѣлку оны выражается въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ, совершается очень медленно, благодаря именно долгому господству родовыхъ княжескихъ отношеній и въ слѣдствіе того, что Великій Князь долженъ адѣсь усиловать свою власть насчетъ ближайшихъ родственниковъ, выгоды которыхъ требуютъ поддержанія старыхъ родовыхъ формъ при опредѣленіи отношеній въ договорахъ, хотя, разумѣется, при перемѣнѣ отношеній на дѣлѣ, при новыхъ стремленіяхъ и понятіяхъ, и самыя родовыя формы намѣняются и показываютъ ясно разрушеніе старыхъ отношеній: такъ, напримѣръ, выраженія, встрѣчающіяся въ договорахъ описываемаго времени: держать дядю, держать племянникомъ, держать братомъ равнымъ—не имѣютъ смысла при родовыхъ отношеніяхъ, гдѣ существуютъ только отношенія отца къ дѣтямъ, гдѣ дядя есть отецъ, старшій братъ—отецъ, племянникъ, младшій братъ—сыновья. Обязательство удѣльнаго князя—служить Великому, и обязательство послѣдняго кормить удѣльнаго, смотря по службѣ, являются разъ въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, и потомъ исчезаютъ въ слѣдствіе того, что Василій Дмитриевичъ и Василій Васильевичъ находятся въ менѣе выгодномъ положеніи относительно родичей. Даже довольно неопредѣленное выраженіе: «держать великое княженіе честно и грозно» — ут-

верждается не вдругъ въ договорныхъ грамотахъ. Договоровъ служебныхъ князей съ тѣми князьями, къ которымъ они вступали въ службу съ отчинами, изъ сѣверо-восточной Руси до насъ не дошло; но мы имѣемъ довольное число такихъ договоровъ изъ Руси югозападной. Въ 1448 году князь Федоръ Львовичъ Воротынский, взявши городъ Козельскъ въ наместничество изъ руки Казимира, короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, записался своему господарю безъ лести и безъ хитрости ²²⁶. Король Казимиръ въ 1455 году пишетъ: что далъ вотчину князю Воротынскому, узрѣвши вѣрную его службу ²²⁷. Договорная грамота князей Новосильскихъ и Одоевскихъ съ Казимиромъ начинается тѣмъ, что означенные князья били челомъ господарю великому князю, чтобы принималъ ихъ въ службу. Тотъ пожаловалъ, принималъ ихъ въ службу, и они обязываются служить ему вѣрно во всемъ, безъ всякой хитрости, и быть во всемъ послушными, давать ему ежегодную дань (полѣтное), быть въ его волѣ, имѣть однихъ друзей и враговъ. Казимиръ, съ своей стороны, обязывается держать ихъ въ чести и въ жалованьи, оборонять отъ всякаго; обязывается и за наслѣдниковъ своихъ не нарушать договора, не вступаться въ ихъ отчину; въ протѣвномъ случаѣ крестное цѣлованье съ нихъ долой и они становятся вольными; обязывается судъ и исправу давать имъ во всякихъ дѣлахъ чистыя, безъ перевода: судьи королевскіе съѣзжаются съ ихъ судьями и судятъ, подѣловавши крестъ, безъ всякой хитрости: если возникнетъ у судей споръ, то дѣло переносится на рѣшеніе Великаго Князя; споры самихъ князей между собою отдаются также на рѣшеніе Казимира ²²⁸. Любопытно сравнить дошедшую до насъ духовную грамоту Ольгердова внука, князя Андрея Владиміровича, съ духовными грамотами Московскихъ князей; и въ этихъ письменныхъ памятникахъ, какъ во всякихъ другихъ, высказывается различіе въ характерѣ странъ, гдѣ они писаны. И Московскія и южно-Русское завѣщаніе начинаются словами: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа,» послѣ чего въ Московскихъ, какъ мы видѣли, означается, что завѣщатель находился въ добромъ здоровьѣ, душевномъ и тѣлесномъ, — замѣчаніе, необходимое для того, чтобы духовная имѣла полную силу, — и потомъ, безъ всякихъ околѣностей, излагаются распоряженія

завѣщателя. Въ духовной же Гедиминовича нѣтъ завѣщанія о душевномъ и тѣлесномъ здоровіи: вмѣсто того завѣщатель распространяется, какъ онъ съ женою и дѣтьми пріѣхалъ въ Кіевъ Богу молиться, поклонился всѣмъ святынямъ, благословился у архимандрита Николая, поклонился гробамъ родственникамъ и всѣхъ святыхъ старцевъ, и сталъ размысливать въ своемъ сердцѣ: сколько тутъ гробовъ, а вѣдь всѣ эти мертвецы жили на семъ свѣтѣ и пошли всѣ къ Богу; пораздумавъ, [что скоро и ему туда придется идти, гдѣ отцы и братья, князь почелъ приличнымъ написать духовное завѣщаніе ²²⁹.

Мы видѣли, что прежде князь было общимъ, неотъемлемымъ названіемъ для всѣхъ членовъ Рюрикава рода, а старшій въ этомъ родѣ князь назывался Великимъ, при чемъ мы видѣли, что названіе Великій Князь придавалось иногда и младшему въ родѣ просто изъ учтивости, отъ усердія пишущаго къ извѣстному князю. Въ описываемое время на сѣверѣ, при ослабленіи родовой связи, родового единства, при стремленіи князей къ osobности, независимости, мы должны ожидать, что явится много князей, которые въ одно и то же время будутъ величать себя названіемъ Великихъ и не обманываемся въ своихъ ожиданіяхъ: князья Московскіе носятъ это названіе по праву, обладая постоянно старшимъ столомъ Владимирскимъ; но въ тоже самое время называютъ себя Великими князья Тверскіе и Рязанскіе, въ родѣ князей Рязанскихъ—князья Пронскіе, стремясь постоянно къ независимости, называютъ себя также Великими; наконецъ видимъ, что по-прежнему, и тѣ младшіе, удѣльные князья, которые въ официальныхъ памятникахъ никогда не смѣютъ называть себя Великими, въ памятникахъ неофициальныхъ, изъ учтивости величаются этимъ названіемъ: такъ св. Кириллъ Бѣлозерскій въ духовной своей называетъ Великимъ Княземъ удѣльнаго Можайскаго, Андрея Дмитріевича²³⁰. Прежде, когда все вниманіе обращалось на родовыя отношенія князей, а не на владѣнія, старшему Великому Князю противопоставлялись младшіе; но теперь, когда родовыя отношенія стали рушиться, отношенія же по владѣніямъ и зависимости начали выдвигаться на первый планъ, въ противоположность Великому Князю для младшихъ являются названія удѣльныхъ и помѣстныхъ князей ²³¹. Мы видѣли, что и

прежде нѣкоторые князья назывались Великими Князьями всея Руси, какъ, напримѣръ, Мономахъ, Юрій Долгорукій; въ описываемое время, изъ официальныхъ памятниковъ видимъ, что уже Іоаннъ Калита иазывается Великимъ Княземъ всея Руси ²³² и потомъ всѣ его преемники. Изъ прежнихъ названій княжескихъ встрѣчаемъ Господинъ; вновь являюся: Господарь и Государь. Что касается происхожденія перваго слова, то оно одинаково съ происхожденіемъ слова князь: оспода означаетъ семью, осподарь — начальника семьи, отца семейства ²³³; должно замѣтить также, что первое названіе употребительнѣе на югѣ, второе на сѣверѣ. Господинъ и Господарь встрѣчаются въ соединеніи, напр. «занеже, Господине Князь Великій, намъ твоимъ нищимъ нѣчимъ боронитися противу обидящихъ насъ, но токмо, господине, Богомъ и Пречистою Богородицею, и твоимъ, господине, жалованіемъ нашего господина и Господаря ²³⁴.» Что значеніе слова Господарь или Государь было гораздо важнѣе значенія прежняго Господинъ, свидѣтельствуетъ упорное сопротивленіе Новгородцевъ ввести его въ употребленіе вмѣсто Господинъ. Господарь противопологается служащимъ: «Кто кому служитъ, тотъ съ своимъ господаремъ и ѣдетъ ²³⁵.» Для Великихъ Князей встрѣчаемъ названія: Великаго Государя Земскаго ²³⁶, Великаго Государя Русскаго ²³⁷, Великаго Господаря, Самодержца ²³⁸. Самый полный титулъ Великаго Князя Московскаго для внѣшнихъ сношеній встрѣчаемъ въ договорной грамотѣ его съ Казимиромъ, королемъ Польскимъ: «По Божьей воли и по нашей любви, Божьею милостью, се язъ Князь Великій Василій Васильевичъ, Московскій и Новгородскій и Ростовскій и Пермскій и иныхъ ²³⁹.» — По прежнему подданные, всѣ остальное народонаселеніе, противоположаются князьямъ подъ названіемъ черныхъ людей ²⁴⁰.

При подлинныхъ грамотахъ княжескихъ, дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени, находятся печати князей съ различными изображеніями и надписями. На печати Іоанна Даниловича Калиты съ одной стороны находится изображеніе Іисуса Христа, на другой св. Іоанна; вокругъ надпись: «Печать Великаго Князя Ивана» У Симеона Гордаго на одной сторонѣ печати изображеніе святаго Симеона, на другой надпись: «Печать Князя Великаго

Семенова всея Руси.» У брата его Юовина II на одной сторонѣ печати изображеніе святаго Юовина съ надписью: «Агюсъ Юовнъ», на другой надпись: «Печать Князя Великаго Ивана Ивановича.» У Димитрія Донскаго на одной сторонѣ печати изображеніе св. Димитрія, на другой надпись: «печать Князя Великаго Димитрія»; но на другой печати того же князя встрѣчаемъ надпись съ при-
бавленіемъ всея Руси. У Василія Димитріевича нѣсколько печатей; на одной изображеніе св. Василія Кесарійскаго и надпись: «печать Князя Великаго Васильева Димитріевича всея Руси»; на другой изображеніе всадника съ копьемъ, обращеннымъ остриемъ книзу; третья печать имѣетъ изображеніе всадника съ поднятымъ мечемъ, и разныя другія. На печати Василія Темнаго видѣнъ всадникъ съ копьемъ, находящимся въ покойномъ положеніи, остриемъ вверхъ. На печати Тверскаго князя Бориса Александровича встрѣчаемъ также изображеніе всадника съ поднятымъ мечемъ.

И въ описываемое время вступленіе князя на столъ сопровождалось обрядомъ посаженія. Вотъ какъ описывается посаженіе Александра Невскаго во Владимиръ: преосвященный Кирилль митрополитъ встрѣтилъ его со крестами, со священнымъ соборомъ и со множествомъ людей; и посадилъ его на великомъ княженіи во Владимиръ, на столъ отца его, съ пожалованіемъ царевымъ (ханскимъ) ²⁴¹. Великій Князь Василій Димитріевичъ былъ посаженъ на столъ посломъ Тохтамышевымъ ²⁴², Василія Васильевича посадилъ на столъ посолъ ханскій у Пречистыя, у Золотыхъ дверей ²⁴³. Такимъ образомъ въ этомъ самомъ обрядѣ обозначалась ясно зависимость Русскихъ князей отъ хановъ Татарскихъ; теперь, слѣдовательно, для удовлетворительнѣйшаго рѣшенія вопроса о значеніи князя на Руси въ описываемое время мы должны постараться опредѣлить степень зависимости его отъ хана; зависимость эта выражалась ли только въ необходимости требовать ханскаго утвѣрженія, ханскаго ярлыка и въ обязанности платить дань, или она имѣла вліяніе на внутреннюю дѣятельность князя, стѣсняла его? Здѣсь, разумѣется, прежде всего должно рѣшить вопросъ о томъ, какъ ханъ могъ наблюдать за дѣятельностію князя, имѣлъ ли онъ при немъ постоянного представителя своего, намѣстника? Въ извѣстномъ разсказѣ объ

Ахмать, баскакъ Курскомъ, лѣтописецъ говоритъ, что Ахмать держалъ баскачество Курскаго княженія, другіе же Татары держали баскачество по инымъ городамъ, во всей Русской землѣ, и были велики ²⁴⁴. Въ повѣсти о мученіи Св. Михаила Черниговскаго сказано, что Батый поставилъ намѣстниковъ и властелей своихъ по всѣмъ городамъ Русскимъ ²⁴⁵. Въ извѣстіи говорится, что численники поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и тѣмниковъ, и, урядивши все, возвратилъ въ Орду ²⁴⁶. Подъ 1262 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что по всѣмъ городамъ Русскимъ былъ совѣтъ на Татаръ, которыхъ Батый и потомъ сынъ его Сартакъ посажали властелинами по всѣмъ городамъ Русскимъ. Князья, согласившись между собою, выгнали Татаръ, потому что было отъ нихъ насиліе: богатые люди откупали у Татаръ дани и корыстовались при этомъ сами, а многіе бѣдные работали въ ротахъ. Тогда же, при изгнаніи и убіеніи Татаръ, въ Ярославѣ убили отступника Зосиму или Иосима, который, съ позволенія посла ханскаго, дѣлалъ много зла христіанамъ ²⁴⁷. Въ 1269 году Великій Князь Ярославъ Ярославичъ, собиравъ идти на Нѣмцевъ, пришелъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ Амраганомъ, великимъ баскакомъ Владимирскимъ ²⁴⁸. Потомъ Великій Князь Василій Ярославичъ съ тѣмъ же самымъ Амраганомъ воевалъ волости Новгородскія ²⁴⁹. Подъ 1275 годомъ упоминается о второю перечисленіи ²⁵⁰; подъ 1290 о возстаніи жителей Ростовскихъ на Татаръ, которые были ограблены ²⁵¹. Послѣ извѣстія объ Амраганѣ мы не встрѣчаемъ на сѣверѣ извѣстій о баскакахъ, встрѣчаемъ баскака только разъ на югѣ, въ Курской области, подъ 1284 годомъ—ясный знакъ, что на сѣверѣ баскаковъ больше не было, иначе лѣтописи не могли бы умолчать о нихъ въ разсказѣ о событіяхъ, въ которыхъ Татары принимали важное участіе, какъ наиримѣръ въ борьбѣ между сыновьями Невскаго; упоминаются только одни послы, временно являвшіеся въ Русскихъ городахъ. Послѣ 1275 года не упоминается болѣе о перечисленіи—ясный знакъ, что ханы, по разнымъ причинамъ, начали оказывать полную довѣренность князьямъ, и что послѣдніе взяли на себя доставку дани въ Орду; но еще подъ 1286 годомъ лѣтописецъ говоритъ объ ослабѣ отъ насилія Татарскаго по смерти хана Берге. Уже князь Андрей Александровичъ Городец-

вій ввозидилъ въ Ордѣ обвиненіе на старшаго брата Дмитрія Переславскаго, будто тотъ не хочетъ платить дани хану: конечно, если бы въ это время находился въ Россіи баскакъ или главный сборщикъ податей, дорога, то не родному брату пришлось бы доносить на Дмитрія, и ханъ не сталъ бы основываться на однихъ Андреевыхъ доносахъ; если же въ этихъ дѣлахъ были замѣшаны и баскаки, и дороги, то какимъ образомъ лѣтописецъ умолчалъ о нихъ? неумолчалъ же онъ о Кавгадѣ. Такимъ образомъ чрезъ удаленіе баскаковъ, численниковъ и сборщиковъ дани князья освобождались совершенно отъ Татарскаго вліянія на свои внутреннія распоряженія; но и во время присутствія баскаковъ мы не имѣемъ основанія предполагать большаго вліянія ихъ на внутреннее управленіе, ибо не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ такого вліянія.

На югозападъ самое подробное описаніе вступленія княжескаго на столъ читаемъ въ рассказъ Волынскаго лѣтописца о вступленіи Мстислава Даниловича на столъ Владимирскій, оставленный ему по распоряженію двоюроднаго брата Владиміра Васильевича: Мстиславъ пріѣхалъ въ соборную церковь, созвалъ бояръ и гражданъ, Русскихъ и Нѣмцевъ, которыми прочи Владимірово завѣщаніе, и слышали всѣ отъ мала до велика, послѣ чего епископъ благословилъ Мстислава крестомъ воздвизальнымъ на княженіе. Здѣсь, на югѣ, жители Бреста не хотѣли признавать Мстислава своимъ княземъ, не хотѣли исполнять завѣщанія Владимірова; на сѣверѣ не видимъ ничего подобнаго, не встрѣчаемъ также извѣстій о рядахъ или уговорахъ гражданъ съ князьями; не встрѣчаемъ извѣстій и о томъ, чтобы князья созывали вѣча и объявляли народу о походѣ. Князья, по прежнему, чаще сами предводительствуютъ войскомъ, чѣмъ посылаютъ воеводъ; но ни въ одномъ изъ нихъ не замѣчаемъ такой охоты къ бою, какую видѣли въ князьяхъ старой, южной Руси.

Законодательная дѣятельность князей выразилась въ описываемое время на сѣверѣ въ уставной грамотѣ Великаго Князя Василя Дмитріевича на Двину²⁵², въ судной грамотѣ Великаго Князя Александра Михайловича, данной Пскову, и въ уставной грамотѣ князя Константина Дмитріевича, данной тому же городу²⁵³. Въ 1395 году митрополитъ Кипріанъ писалъ Псковичамъ:

«Слышалъ я, что Суздальскій владыка Діонисій, будучи во Псковѣ, составилъ грамоту и присоединилъ ее къ грамотѣ Великаго Князя Александра—по чему ходить, какъ судить, кого какъ назначить, да написалъ и проклятіе на того, кто начнетъ поступать иначе. Діонисій владыка сдѣлалъ это не свое дѣло, не по закону и не по правиламъ. Если Великій Князь Александръ написалъ грамоту, по чему ходить: то воленъ въ томъ всякій царь въ своемъ царствѣ, или князь въ своемъ княженьи—всякія дѣла рѣшить и грамоты записывать; такъ и Великій Князь Александръ воленъ былъ написать грамоту, по чему ходить, на христіанское добро, а Діонисій владыка вплеся не въ свое дѣло, написалъ грамоту негодную, и я эту грамоту рушаю. Вы же, дѣти мои Псковичи, какъ прежде ходили по грамотѣ Князя Великаго Александра, какъ была это у васъ старина: такъ и теперь по той старинѣ ходите; а грамоту Діонисіеву пришите ко мнѣ, я самъ ее раздеру; то грамота не въ грамоту, а что написалъ онъ тамъ проклятіе и неблагословеніе патриаршее, и я это проклятіе снимаю и благословляю васъ. Ходите, дѣти, по своему обычаю (по своей пошлинѣ) и по старинѣ суды судите: кого виноватаго пожалуете, вольны, показните ли за какую вину, также вольны; дѣлайте по старинѣ, чисто и безъ грѣха, какъ и всякіе христіане дѣлають.» О дѣятельности князя относительно суда и расправы такъ читаемъ въ договорѣ Димитрія Донскаго съ Владимиромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ: Великій Князь говоритъ двоюродному брату: «Судовъ тебѣ Московскихъ безъ моихъ намѣстниковъ не судить, а стану я судить Московскіе суды, то я буду этимъ съ тобою дѣлиться. Если случится мнѣ не быть въ Москвѣ, и ударить мнѣ челомъ Москвитинъ на Москвитина, то я дамъ пристава и пошлю къ своимъ намѣстникамъ, чтобъ они рѣшили дѣло, вмѣстѣ съ твоими намѣстниками. Если же ударить мнѣ челомъ кто изъ великаго княженія на Москвитина, на твоего боярина, то я пошлю за нимъ пристава, а ты пошлешь за своимъ своего боярина. Если же ударить мнѣ челомъ мой на твоего, кто живетъ въ твоемъ удѣлѣ, то я пошлю къ тебѣ, а ты рѣшишь дѣло; а ударить тебѣ челомъ твой на моего, кто живетъ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ кня-

женіи, то ты пошлешь ко мнѣ, и я рѣшу дѣло, а послать намъ за ними своихъ ²⁵⁴ бояръ.

Мы видимъ, что по прошествіи извѣстнаго времени Россія освободилась отъ Татарскихъ численниковъ, и сами князья стали собирать дань съ своихъ волостей и доставлять въ Орду. О томъ, какъ собиралась дань въ волостяхъ, составлявшихъ общее владѣніе Калитина потомства, можно найти извѣстія въ условіяхъ договора между Димитріемъ Донскимъ и Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ: «если мнѣ, говоритъ Великій Князь, придется послать своихъ данщиковъ въ городъ и на перевозы и въ волости княгини Ульяны, то тебѣ своихъ данщиковъ слать съ моими данщиками вмѣстѣ, а въ твой удѣлъ мнѣ своихъ данщиковъ не всылать;» слѣдовательно, каждый удѣльный князь собиралъ въ своемъ удѣлѣ дань независимо, и потомъ отдавалъ ее Великому Князю для доставленія въ Орду. Въ другомъ договорѣ тѣхъ же князей говорится: «Что наши данщики сберутъ въ городѣ (Москвѣ), въ станахъ и въ варяхъ, тому идти въ мою (В. Князя) казну, а мнѣ давать въ выходъ.» Послѣ того, какъ поголовное перечисленіе не возобновлялось болѣе, то количество выхода разумѣется, стало зависѣть отъ соглашеній Великихъ Князей съ ханами. Безъ сомнѣнія съ самаго начала Великіе Князья предложили ханамъ. большую сумму денегъ, чѣмъ ту, которую доставляли Татарскіе численники и откупщики; потомъ эта сумма должна была измѣняться вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ; такъ напр. мы видѣли, что иногда князья, соперничествуя изъ ярлыка, надбавляли количество выхода ²⁵⁵. Мамай требовалъ отъ Димитрія Донскаго дани, какую предки послѣдняго платили ханамъ Узбеку и Чанибеку, а Димитрій соглашался только на такую дань, какая въ послѣднее время была условлена между нимъ самимъ и Мамаемъ; нашествіе Тохтамыша и задержаніе въ Ордѣ сына великокняжескаго Василія заставили потомъ Донскаго заплатить огромный выходъ: была дань великая по всему княженію Московскому, говоритъ лѣтописецъ, брали по полтинѣ съ деревни, давали и золотомъ въ Орду. Въ завѣщаніи своемъ Димитрій Донской упоминаетъ о выходѣ въ 1,000 рублей со всѣхъ волостей, принадлежавшихъ его сыновьямъ; здѣсь доля

каждаго изъ пяти удѣловъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: Коломенскаго— 342 рубля, Звенигородскаго 272, Можайскаго съ отъѣздными мѣстами 235, Дмитровскаго 111 рублей, удѣла князя Ивана 10 рублей. Доля выхода, падавшая на княжество Серпуховское, удѣлъ Владиміра Андреевича, не могла быть здѣсь означена, и такимъ образомъ мы лишены средства сравнить Серпуховской удѣлъ съ другими удѣлами Московскаго княжества относительно количества выхода, и слѣдовательно относительно матеріальныхъ средствъ. Доля Серпуховскаго удѣла опредѣлена въ договорѣ Великаго Князя Василія Димитріевича съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ и въ завѣщаніи послѣдняго: эта доля состояла изъ 320 рублей; но количество всего выхода въ обоихъ случаяхъ означено другое, именно 5,000 рублей; наконецъ во второмъ договорѣ Василія Димитріевича съ княземъ Серпуховскимъ встрѣчаемъ извѣстіе о выходѣ въ 7,000 рублей; изъ тѣхъ же источниковъ узнаемъ, что Нижегородское княжество платило выходу 1,500 рублей. Извѣстна также доля каждая изъ пяти удѣловъ, на которые раздробилось Серпуховское княжество по смерти Владиміра Андреевича: княгиня съ своего участка платила 88 рублей, князь Серпуховской 48 рублей съ половиною, князь Боровскій 33 рубля, князь Ярославльскій 76, князь Радонѣжскій 42; князь Перемышльскій 41; съ Городца князь Семень и Ярославъ платили 160 рублей въ Нижегородскій выходъ (1,500 рублей); съ Углича 105 рублей. Здѣсь останавливаетъ насъ малость доли князя Семена Боровскаго—33 рубля; любопытно также, что средства одного Городца превышали средства двухъ удѣловъ князей Семена и Ярослава, Боровска и Ярослава. Въ эти уроки, въ эту опредѣленную сумму, которую долженъ былъ вносить каждый удѣлъ для выхода, не входила чрезвычайная дань, которую князья брали съ своихъ бояръ большихъ и путныхъ, по кормленію и путямъ²⁵⁶ Это выраженіе: брать дань по кормленію и путямъ, также: брать дань на Московскихъ станахъ и на городѣ на Москвѣ, съ противоположеніемъ дани, взятой на численныхъ людяхъ; выраженіе положить дань на волости по людямъ по селѣ; наконецъ выраженіе: потянуть данью по землѣ и по водѣ—все эти выраженія уже показываютъ, что дань бралась не поцеловно. Великій Князь Василій Васильевичъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи:

«Какъ начнутъ дѣти мои жить по своимъ удѣламъ, то княгиня моя и дѣти пошлютъ писцовъ, которые опишутъ ихъ удѣлы по крестному цѣлованію, облажать данью по сохамъ и по людямъ, и по этому окладу княгиня и дѣти мои станутъ давать въ выходъ сыну моему Ивану.» Едигей въ письмѣ къ Великому Князю Василию Дмитріевичу говоритъ, что послѣдній во всѣхъ своихъ владѣніяхъ бралъ дань по рублю съ двухъ сохъ, но серебра этого не присылалъ въ Орду. Измѣнчивость выхода выражается обычнымъ въ княжескихъ договорахъ условіемъ: «А прибудетъ дани больше или меньше, взять ее по тому же расчету» и т. п. Со времянъ Донскаго обычною статью въ договорахъ и завѣщаніяхъ княжескихъ является то условіе, что если Богъ освободитъ отъ Орды, то удѣльные князья берутъ дань, собранную съ ихъ удѣловъ, себѣ, и ничего изъ нея не даютъ Великому Князю: такъ продолжаютъ сохранять они родовое равенство въ противоположность подданству, всего рѣзче обозначаемому данью, которую князья западной Руси уже платятъ Великому Князю Литовскому.

Кромѣ выхода или дани были еще другаго рода издержки на Татаръ, Ордынскія тягости и проторы. Таковъ былъ ямъ — обязанность доставлять подводы Татарскимъ чиновникамъ²⁵⁷, содержаніе посла Татарскаго и его многочисленной хищной свиты²⁵⁸; наконецъ поѣздки князей въ Орду, гдѣ должно было дарить хана, женъ его, вельможъ и всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ людей; не удивительно, что у князей иногда не доставало денегъ и они должны были занимать ихъ въ Ордѣ у тамошнихъ бесерменскихъ купцовъ, а чтобы заплатить потомъ послѣднимъ, занимать у своихъ Русскихъ купцовъ; отсюда долги княжескіе раздѣляются въ ихъ договорахъ на долгъ бесерменскій и Русскій: князь Звенигородскій Юрій Дмитріевичъ въ договорѣ съ племянникомъ Василиемъ Васильевичемъ говоритъ: «что я занялъ у гостей и у суконниковъ 600 рублей, и заплатилъ твой ордынской долгъ Резепъ-Хозѣ и Абишу въ кабалы, и на кабалахъ подписалъ это серебро, то ты сними съ меня этотъ долгъ 600 рублей, а съ твоими гостями вѣдайся самъ безъ меня; я только назову тебѣ тѣхъ людей, у которыхъ я занялъ деньги.» Какъ средства Великаго Князя превосходили средства удѣльныхъ, видно изъ того, что онъ не рѣдко имѣлъ возможность жаловать послѣднихъ, позволяя имъ

известное время не платить выхода съ цѣлаго удѣла или съ части его.

Дань шла въ казну княжескую тогда только, когда не было вѣпросовъ изъ Орды, то есть, когда считали возможнымъ не удовлетворять этимъ запросамъ; постоянные же доходы княжескіе состояли по-прежнему въ пошлинахъ торговыхъ, судныхъ и доходовъ съ земельной частной собственности. Торговля пошлины въ княжескихъ договорахъ опредѣляются такимъ образомъ: князья требуютъ обыкновенно другъ отъ друга, чтобы новыхъ мытовъ не замышлять, старые же, обычные мыты, состоятъ въ слѣдующихъ сборахъ: съ воза пошлины деньга, съ человека костокъ деньга, если кто поѣдетъ безъ воза, верхомъ на лошади, но для торговли, платить деньгу же; кто утаится отъ мытника, промытися, то платить съ воза промыты 6 алтынъ, да заповѣди столько же, сколько бы возовъ ни было; промыта состоитъ въ томъ, когда кто объѣдетъ мытъ; если же кто пробѣдетъ мытъ, а мытника у заставы (завора) не будетъ, то промыты нѣтъ; если мытникъ догонитъ купца, то пусть возьметъ свой мытъ, но промыты и заповѣди здѣсь нѣтъ. Съ лоды пошлина: съ доски два алтына, со струга алтынъ. Тамги и осмничаго берется отъ рубля алтынъ; но тамга и осмничее берется только тогда, когда кто начнетъ торговать; если же поѣдетъ только мимо, то знаетъ свой мытъ да костоки, а другихъ пошлинъ нѣтъ; если же кто поѣдетъ безъ торгу, то съ того ни мыта нѣтъ²⁵⁹, ни пошлинъ.

Кромѣ означенныхъ пошлинъ въ источникахъ упоминаются еще: гостинное, вѣсчее, пудовое, пошлина съ серебрянаго литя²⁶⁰, рѣзанка, шестьдесятъ, побережное²⁶¹, пятно (пошлина съ положенія клейма на лошадей)²⁶², пошлины съ соляныхъ варницъ (противень, плошки²⁶³), сторожевое, медовое²⁶⁴, ѣзовое (пошлина съ рыбныхъ промысловъ)²⁶⁵, закосъ или закосная пошлина²⁶⁶, поватажное²⁶⁷, портное²⁶⁸.

Изъ судныхъ поплинъ упоминаются: вина, поличное²⁶⁹, безадщина²⁷⁰, татинъ рубль²⁷¹, пересудъ²⁷² и проч. Наконецъ упоминается пошлина съ браковъ, или такъ называемая новоженная купница²⁷³. Въ описываемое время не встрѣчаемъ упоминаенія о двухъ отрасляхъ княжескихъ доходовъ, которые подъ именемъ полюдья и погородья упоминаются въ известной грамотѣ

князя Ростислава Смоленскаго. Обычай князей ѣздить на людье, т. е. объѣзжать свою волость, вершить дѣла судныя и брать дары, упоминается еще въ извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго, потомъ встрѣчаемъ упоминаніе о немъ въ лѣтописи въ концѣ XII вѣка, но потомъ это названіе исчезаетъ; но исчезъ ли обычай, и когда именно исчезъ? этихъ вопросовъ рѣшить не можемъ.

Мы видѣли, какою богатою земельною собственностію владѣлъ князь; произведенія этихъ земель не только служили для продовольствія двора, но шли также въ торговлю; на послѣднее указываетъ условіе въ договорѣ съ Рязанскимъ княземъ, чтобъ съ торговыхъ людей великокняжескихъ не брали мыта²⁷⁴. Въ описываемое время встрѣчаются извѣстія объ оброкѣ, который должны были платить поселенные на земляхъ люди два раза въ годъ, весною и осенью²⁷⁵, на весенній и осенній Юрьевъ день²⁷⁶. Одною изъ важнѣйшихъ статей дохода было пчеловодство и варка меду; объ этой статьѣ князь постоянно упоминаютъ въ своихъ договорахъ и завѣщаніяхъ²⁷⁷. Потомъ упоминаются княжескія соляныя варницы: въ области Галицкой, такъ называемая Соль²⁷⁸; въ Нерехтѣ; подлѣ Юрьева упоминается Великая Соль²⁷⁹; въ Ростовѣ Ростовская соль; на Городцѣ Волжскомъ князь имѣлъ также соляныя варницы²⁸⁰. О важности рыбной ловли для князей свидѣтельствуетъ завѣщаніе Серпуховскаго князя Владиміра Андреевича о рыбной ловлѣ подлѣ Городцемъ: онъ приказываетъ двоимъ сыновьямъ, чтобъ они устроили себѣ общій ѣвъ и дѣлили добычу поровну. Одною изъ важнѣйшихъ отраслей звѣроловства была ловля бобровъ, для которыхъ у князей былъ особый разрядъ служителей (бобровники); что бобры водились тогда по близости Москвы даже, свидѣтельствуетъ завѣщаніе князя Владиміра Андреевича, который отказываетъ старшему сыну бобровниковъ въ станахъ Московскихъ. Выгоды отъ звѣроловства и страсть къ охотѣ придавали въ глазахъ князей большую важность ловчому и сокольничему пути, т. е. праву промыслять надъ звѣромъ и птицею; Симеонъ Гордый потребовалъ отъ братьевъ, чтобъ они уступили ему на старѣйшинство оба эти пути въ станахъ Московскихъ, которые должны были находиться въ общемъ владѣніи; по завѣщанію Владиміра Андреевича ни одинъ изъ его сы-

мостей не смѣлъ охотиться въ удѣлѣ другого безъ позволенія послѣдняго. Что охота была псовая, свидѣтельствуеъ названіе ловчихъ—песарями; для ловли птицъ употреблялись также и шеревѣсы²⁸¹. Князья посылали толпы своихъ промышленниковъ, ватаги къ Бѣлому морю и Сѣверному океану, въ страну Терскую и Печерекую за рыбою, звѣремъ и птицею: изъ грамоты Великаго Князя Андрея Александровича узнаемъ, что уже тогда три ватаги великокняжескія ходили на море, со своимъ ватамачомъ (ватагаманомъ, атаманомъ); Калита даетъ жалованную грамоту Печерскимъ сокольникамъ²⁸². Въ завѣщаніяхъ и договорахъ княжескихъ упоминается о конюшемъ пути, о правѣ ставить и кормить своихъ коней; Іоаннъ Калита завѣщалъ одно свое стадо сыну Семену, другое Ивану, а остальными приказалъ подѣлиться сыновьямъ и женѣ поровну. Симеонъ Гордый завѣщалъ своей женѣ 50 коней вдовыхъ и два стада. Іоаннъ II-й отказалъ двоимъ сыновьямъ пополамъ стада свои коневыя, жеребцовъ и кобылицъ; Донской раздѣлилъ стада между сыновьями и женою. Владиміръ Андреевичъ Серпуховской отказалъ свое стадо сѣдельное—коней, лошаковъ и жеребцовъ, также кобылье стадо—женѣ своей. Наконецъ доходной статьею для князей являются сады, къ которымъ причислено было извѣстное число садовниковъ.

Мы видѣли, что князья пользовались остатками своихъ доходовъ для пріобрѣтенія имуществъ недвижимыхъ; о движимости ихъ можно имѣть довольно полное понятіе изъ духовныхъ завѣщаній. Іоаннъ Калита оставилъ послѣ себя двѣнадцать цѣпей золотыхъ, три пояса золотыхъ, поясъ большой съ жемчугомъ и съ камнемъ, поясъ золотой съ капторгами, поясъ сердоничный окованъ золотомъ, поясъ Фряжскій съ жемчугомъ и камнемъ, поясъ золотой съ крюкомъ на червчатомъ шелку, поясъ золотой царевскій; двѣ чаши золотыя съ жемчугомъ, два овкача золотыхъ, двѣ чашки круглыя золотыя, двѣ чары золотыя; блюдо золотое съ жемчугомъ и камнемъ, десять блювъ серебряныхъ, два чума золотыхъ большихъ, два чумка золотыхъ поменьше, корбочку золотую; послѣ первой жены его, княгини Елены, остались вещи: четырнадцать обручей, ожерелье, монисто ковное, чело, гривна. Кромѣ того Калита упоминаетъ еще о золотѣ, которое онъ прідобылъ, и о серебряныхъ сосудахъ. Изъ доро-

гаго платья Калита оставилъ дѣтямъ: кожку червленый жемчужный, кожку желтый обьяриный съ жемчугомъ, два кожуха съ аламами и съ жемчугомъ, коць великую съ бармами, бугай соболій съ наплечками, съ жемчугомъ и камнемъ, скорлатное портище, саженое, съ бармами, шанку золотую.

Все это движимое имущество раздѣлено было между тремя сыновьями и женою; вещи первой жены пошли ея дочери. Доля князя Андрея Ивановича Серпуховскаго досталась сыну его Владимиру; Симеонъ Гордый завѣщалъ все женѣ своей, отъ которой только нѣкоторыя вещи перешли къ Великому Князю Иоанну II-му; послѣдній оставилъ послѣ себя три иконы²⁸³, пять цѣпей золотыхъ, изъ которыхъ три съ крестами²⁸⁴, одну шанку золотую, однѣ бармы, четыре пояса, изъ которыхъ два съ жемчугомъ и камнемъ²⁸⁵, двѣ сабли золотыя, двѣ обязи золотыя, двѣ серыи съ жемчугомъ, два чекака золотыхъ съ камнемъ и жемчугами, три овчача золотыхъ, два ковша большихъ золотыхъ, одну коробку сердоничную, золотомъ окованную, одну бадью серебряную съ наливкою серебряною, одинъ опашень скорлатный саженой, аламъ жемчужный, наплечки золотыя съ кругами, съ камнемъ и жемчугами, аламъ малый съ жемчугами, чашку золотую и стаканъ Цареградскій, кованный золотомъ²⁸⁶, блюдо серебряное съ козьцами. Будущимъ зятьямъ своимъ Великій Князь оставилъ по цѣпи золотой и поясу золотому.

Димитрій Донекой оставилъ послѣ себя одну икону, одну цѣпь, восемь поясовъ, бармы, шанку золотую, вотому саженоую, снасть золотую, наплечки, аламъ, два ковша золотыхъ²⁸⁷.

Василій Демитріевичъ оставилъ своему сыну: страсти большія, крестъ патріарха Филовея, икону Парамшина дѣла, цѣпь крестчатую, шанку золотую, бармы, три пояса, коробку сердоничную, ковшъ золотой князя Симеона Гордаго, сосудъ окованный золотомъ, каменный сосудъ, присланный въ подарокъ отъ Витовта, кубокъ хрустальный, присланный въ подарокъ отъ Польскаго короля. Удѣльный князь Юрій Демитріевичъ Звенигородскій оставилъ послѣ себя три иконы, окованныя золотомъ, три пояса и блюдо большое двуколенное.

Великая княгиня Софья Витовтовна оставила: ящикъ съ мощами, икону окованную на мусіи, икону Пречистыя Богородицы

съ пеленою, большую икону Богородицы стѣнную съ пеленою и съ убрѣсками, икону Св. Козьмы и Даміана, икону Св. Федора Стратилата, выбитую на серебрѣ. Кроме того оставима два дубовыхъ ларчика, большой и малый, большой ящикъ и коробью съ крестами, иконами и мощами.

Великій Князь Василій Васильевичъ Темный оставилъ пять крестовъ золотыхъ: одинъ изъ нихъ Петра Чудотворца, другой Парамшинскій, третій Патріарха Филофея; икону золотую и на изумрудъ, шапку, бармы, сердоликовую коробку и два пояса. Изъ этого перечисленія мы видимъ, что движимое имущество Великихъ Князей Московскихъ вовсе не увеличивается послѣ Калиты, напротивъ уменьшается; бѣдность завѣщанныхъ вещей особенно поражаетъ насъ въ духовной Димитрія Донскаго, сына и внука его. Такое оскудѣніе мы должны приписать во-первыхъ раздѣленію между сыновьями и передачѣ вещей дочерямъ; потомъ желанію князей увеличивать болѣе недвижимую собственность, чѣмъ движимую; Тохтамышеву нашествію и большимъ издержкамъ въ Ордѣ послѣ этого нашествия; большимъ издержкамъ въ Ордѣ при Василіи Дмитріевичѣ для пріобрѣтенія ярлыковъ на Нижній-Новгородъ и Муромъ, наконецъ смутному княженію Василія Васильевича и тому, что Василій Косой и Шемяка грабили въ Москвѣ казну великокняжескую. Золотая шапка завѣщается постоянно старшему сыну, начиная съ завѣщанія Калиты; бармы Калита не отказываетъ старшему сыну Семену, отказываетъ одежды съ бармами младшимъ сыновьямъ; но съ завѣщанія Іоанна II мы видимъ бармы постоянно въ числѣ вещей, завѣщаемыхъ старшему сыну; также, начиная съ завѣщанія Іоанна II-го, къ старшему сыну постоянно переходитъ коробка сердоличная или сердоликовая, золотомъ окованная; впрочемъ и Калита упоминаетъ о золотой коробочкѣ, которую онъ завѣщалъ кнѣжамъ съ дочерями. Благословіе иконами встрѣчаемъ впервые въ завѣщаніи Іоанна II-го; замѣчательно, что оружіе, именно двѣ золотыя сабли, встрѣчаемъ только между вещами этого князя, равно какъ двѣ серьги, завѣщанныя сыновьямъ. Въ духовной Димитрія Донскаго встрѣчаемъ очень мало платья; въ духовныхъ Василія Дмитріевича и Василія Темнаго вовсе не встрѣчаемъ его. Движимое имущество князей югозападной Руси состояло, какъ видно, изъ скар-

же самыхъ вещахъ, какъ и на сѣверовостоѣ; такъ мы видѣли, что князь Владиміръ Васильевичъ Вольнскій предъ смертію роздалъ бѣдымъ все свое имѣніе: золото, серебро, дорогіе камни, золотые и серебряные пояса, отцовскіе и свои; серебряныя блюда большія и кубки золотыя и серебряныя побилъ и полилъ въ гривны, также поступилъ съ золотыми монистами бабки и матери своей ²⁸⁸.

Жизнь Русскаго князя на сѣверѣ и югѣ, въ описываемое время, мало чѣмъ разнилась отъ жизни прежнихъ Русскихъ князей. Замѣчаемъ, что князія имена выходятъ изъ употребленія; князья обыкновенно называются именами, взятыми изъ Греческихъ святцевъ; изъ старыхъ Славянскихъ именъ употребляютъ такія, которыя принадлежали святымъ прославленнымъ князьямъ, каковы: Владиміръ, Борисъ, Глебъ Всеволодь. Въ потомствѣ Константина Всеволодовича встрѣчаемъ только одного Мстислава; въ потомствѣ Ярослава Всеволодовича находимъ одного Ярослава и одного Святослава; чаще встрѣчаемъ князія имена въ областяхъ, принадлежавшихъ къ старой Руси, Смоленской, Гязанской, Черниговской. Но если вышло изъ обычая давать князьямъ Славянскія языческія имена, то сохранялся обычай давать по два имени, хотя оба были взяты изъ Греческихъ святцевъ; такъ извѣстно, что сынъ Василія Темнаго имѣлъ два имени — Іоаннъ и Тимофей, изъ которыхъ употреблялось только одно первое Восприемниками при крещеніи князей встрѣчаемъ духовныя лица: такъ владыка Новгородскій Василій ѣздилъ во Псковъ крестить сына (Михашла) у князя Александра Михайловича Тверскаго; Митрополитъ Алексій крестилъ князя Ивана Борисовича Нижегородскаго; у Дмитрія Донскаго сына Юрія крестилъ Св. Сергій Радонезскій ²⁸⁹; у князя Василія Михайловича Кашинскаго крестилъ сына Дмитрія Троицкій игумень Никонъ, преемникъ Св. Сергія, вмѣстѣ съ бабкою новорожденнаго, Великою Книгиною Евдокією ²⁹⁰; у Василія Васильевича Темнаго крестилъ сына (Іоанна) Троицкій же игумень Зиновій ²⁹¹. На княжескіе крестины бывали большіе съезды, пріѣзжали князья родственники съ оравми, братьями, дѣтьми и боярами ²⁹². Обрядъ пострига со-

вела ²⁹³. Касательно воспитанія князей встрѣчаемъ одно изъ щами, ибо князь Михайлъ Александровичъ Тверской ѣздилъ въ

Новгородъ къ крестному отцу своему, владыкѣ Василию, учится у него грамотѣ ²⁹⁴; молодому князю было тогда семь лѣтъ. Между боярами княжескими упоминаются дядьки ²⁹⁵. Женились князья въ первый разъ отъ четырнадцатилѣтняго до двадцатилѣтняго возраста ²⁹⁶; какъ и прежде, свадьбы сопровождались богатыми пирами; какъ видно, вѣнчались князья въ томъ городѣ, гдѣ княжилъ отецъ невѣсты, у котораго былъ первый пирь, а потомъ всѣ родные и гости пиrowали у женихова отца; такъ Глебъ Васильевичъ, князь Ростовскій, женилъ сына Михаила на дочери Ярославскаго князя Ѳедора Ростиславича, и вѣнчаніе происходило у послѣдняго въ Ярославѣ, куда пріѣхалъ отецъ жениховъ и много другихъ князей и бояръ; потомъ жениховъ отецъ задалъ большой пирь въ Ярославѣ же, почтилъ свата своего, князя Ѳедора Ростиславича и всѣхъ гостей — князей, бояръ и слугъ ²⁹⁷; брачные пиры назывались кашею ²⁹⁸. Отъ обычая жениться въ городѣ отца невѣстна происходятъ выраженіе, что такой-то князь женился у такого-то князя. Но поматно, что подобный обычай могъ соблюдаться только тогда, когда женихъ былъ еще князь молодой, ниже или равный по достоинству съ отцемъ невѣсты, и когда послѣдній былъ живъ; но если женился князь не молодой уже, или даже если молодой, но важнѣе тестя, или бралъ сироту, то женихъ не ѣздилъ самъ въ городъ невѣстину, а посылалъ за нею бояръ своихъ: такъ Симеонъ Гордый, Великій Князь Московскій, послалъ двухъ бояръ привести себѣ невѣсту изъ Твери, сироту, дочь князя Александра Михайловича. Дмитрій Донокой женился на дочери Нижегородскаго князя Дмитрія Константиновича, но свадьба была не въ Москвѣ и не въ Нижнемѣ, а въ Коломнѣ, на половинѣ дороги, ибо изъ Москвы въ Нижній путь шелъ московою рѣкою и Окою мимо Коломны; выборъ Коломны здѣсь объясняется тѣмъ, что оба Великіе Князя не хотѣли нарушить своего достоинства. Московскій не хотѣлъ ѣхать жениться въ Нижній, а Нижегородскій не хотѣлъ ѣхать на свадьбу къ дочери въ Москву къ шестнадцатилѣтнему зятю. Такъ и Александръ Невскій, взявши дочь у Полоцкаго князя, вѣнчался съ нею въ Торонцѣ, гдѣ былъ первый пирь, и потомъ въ Новгородѣ другой ²⁹⁹. Вѣнчали князей епископы; если въ городѣ, гдѣ женился князь, не было епископскаго стола, то приглашался для вѣнчанія тотъ епископъ, къ епар-

хія котораго принадлежало княжество; такъ вѣнчать князя Василія Ярославича въ Кострому пріѣзжалъ епископъ изъ Ростова ³⁰⁰. Изъ завѣщанія Великаго Князя Іоанна II мы видимъ, что было въ обычаѣ тестю дарить зятьевъ: такъ Великій Князь назначаетъ будущимъ зятьямъ въ завѣщаніи по золотой пѣши и по золотому поусу. Мы видѣли, что обычай давать приданое былъ уже и прежде ³⁰¹; но теперь встрѣчаемъ въ источникахъ и самое это слово; такъ Дмитрій Шемяка, въ договорѣ съ Великимъ Княземъ Василіемъ Васильевичемъ, упоминаетъ о своемъ приданомъ, которое было означено въ духовной грамотѣ его тестя и которое захватилъ братъ его Василій Косой ³⁰². Женились князья и въ описываемое время, какъ мы уже могли усмотрѣть, въ своемъ родѣ, потомъ часто женились на княжнахъ Литовскихъ и выдавали дочерей своихъ за-мужъ въ Литву; иногда женились въ Ордѣ на княжнахъ Татарскихъ; Великій Князь Василій Дмитріевичъ отдалъ дочь свою Анну за Греческаго царевича Іоанна, сына Мануилова ³⁰³; наместецъ князя женился на дочеряхъ боярскихъ и выдавали дочерей своихъ за бояръ: дочь Великаго Князя Нижегородскаго Дмитрія Константиновича была за-мужемъ за Московскимъ бояриномъ Николаемъ Васильевичемъ, сыномъ тысяцкаго Вельяминова; дочери Московскаго боярина Ивана Дмитріевича были — одна за сыномъ Владиміра Андреевича Серпуховскаго, Андреемъ, другая за однимъ изъ князей Тверскихъ ³⁰⁴; сынъ Донскаго, князь Петръ Дмитровскій, женился на дочери Московскаго боярина Полиекта Васильевича ³⁰⁵; одинъ изъ сыновей Тверскаго Великаго Князя Михаила Александровича женатъ былъ на дочери Московскаго боярина Федора Андреевича Кошки ³⁰⁶, а внука послѣднiго была за Княземъ Ярославомъ, сыномъ Владиміра Андреевича Серпуховскаго ³⁰⁷. Изъ примѣра Симеона Гордаго видимъ, что князья вступали въ бракъ иногда до трехъ разъ; тотъ же Великій Князь Симеонъ развелся со второю женою своею Евпраксією и отослалъ ее къ отцу, одному изъ князей Смоленскихъ ³⁰⁸; князь Всеволодъ Александровичъ Холмской также отослалъ княгиню свою къ роднымъ въ Рязань ³⁰⁹.

О занятіяхъ княжескихъ въ описываемое время, по характеру источниковъ, мы имѣемъ меньше извѣстій, чѣмъ въ періодъ пред-

шествовавший. Против прежняго для князей прибавилась теперь новая, важная и тяжкая обязанность — это поѣздки въ Орду; Іоаннъ Калита ѣздилъ туда девять разъ; сынъ его Семеонъ Гордый въ кратковременное княженіе свое былъ тамъ пять разъ. Иногда князья отправлялись въ Орду и съ женами³¹⁰ и съ дѣтьми³¹¹; иногда собиралось по нѣскольку князей и ѣхали туда вмѣстѣ³¹²; о князѣ Глѣбѣ Васильевичѣ Ростовскомъ говорится, что онъ съ молодыхъ лѣтъ служилъ Татарамъ, и много христіанъ избавилъ отъ ихъ обидъ³¹³; иногда князья должны были отправляться съ ханомъ въ походъ³¹⁴.

Волыньскій лѣтописецъ говоритъ, что князь Даніилъ Галицкій, поѣхавши однажды провожать свое войско, убилъ на дорогѣ самъ регатиною три вепря, да отрокъ его трехъ же³¹⁵. О племянникѣ Данииловомъ, князѣ Владимірѣ Васильевичѣ Волыньскомъ говорится, что онъ былъ ловець добрый и храбрый, завидеть вепря или медвѣдя, не станетъ дожидаться слугъ, но самъ сейчасъ убьетъ всякаго звѣря³¹⁶. Не знаемъ, въ такой ли степени сѣверныя князья раздѣляли эту страсть къ охотѣ съ своими южными соплеменниками; мы видѣли, что князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховской запретилъ сыновьямъ въ духовномъ завѣщаніи охотиться безъ позволенія въ чужихъ удѣлахъ; видѣли, что у князей были ловчие, псаря и сокольникы, которыми они дорожили; но съ другой стороны мы знаемъ, что для князей охота составляла также промыселъ, что они посылали безъ себя своихъ ловчихъ добывать звѣря и птицу. Такъ въ сказаніи о Лукѣ Колоцкомъ говорится, что когда сокольникы удѣльнаго князя Можайскаго Андрея Дмитриевича выѣзжали по княжескому приказу съ ястребами и соколами на ловлю, то Лука билъ и грабилъ сокольниковъ, ястребовъ и соколовъ себѣ бралъ, и случалось это много разъ. Князь Андрей Дмитриевичъ терпѣлъ, иногда и посылалъ къ Лукѣ, но тотъ приказывалъ отвѣчать ему жестоко и сурово, и самъ не переставалъ бить и грабить не только сокольниковъ, но и ловчихъ княжескихъ, отнимая у нихъ медвѣдей³¹⁷. Одинъ изъ ловчихъ рѣшился отомстить Лукѣ и нашелъ удобный случай: поймавши однажды медвѣдя лютаго, онъ приказалъ вести его мимо Лукина двора; Лука, увидавши медвѣдя, вышелъ самъ къ нему съ служкою и приказалъ княжескому ловчему пустить звѣря на дворъ; тотъ воспелъ-

зовался случаемъ и выпустилъ медвѣдя прежде, чѣмъ Лука успѣлъ уйти въ комнаты: звѣрь бросился на него и истерзалъ такъ, что слуги отняли его едва живаго³¹⁸. Изъ этого разсказа видно, что ловили большихъ медвѣдей живыми и употребляли ихъ потомъ на утѣху.

Какъ сѣверные князья проводили свой день, видно отчасти изъ одного извѣстiя, именно изъ извѣстiя о Суздальской битвѣ: здѣсь сказано, что Великій Князь Василій Васильевичъ ужиналъ у себя со всѣми князьями и боярами, и пиръ продолжался до глубокой ночи. На другой день, по восшествiи солнца (7 Юля) Великій Князь приказалъ служить заутреню, послѣ которой пошелъ опять уснуть. Видимъ, что по утрамъ ко князю являлись сыновья его, бояре и другiе люди съ разными дѣлами по управленiю. Смерти княжеской предшествовало обыкновенно постриженiе въ иноки и схиму; о кончинѣ князя Димитрiя Святославича Юрьевского разсказывается, что когда Ростовскiй епископъ постригъ его въ иноки и схиму, то онъ внезапно лишился употребленiя языка, потомъ опять сталъ говорить, и, взглянувши на епископа радостными глазами, сказалъ ему: «Господинъ отецъ, владыка Игнатiй! исполни Господь Богъ твой трудъ, что приготовилъ меня на долгiй путь, на вѣчное лѣто, снарядилъ меня воинномъ истинному Царю Христу, Богу нашему³²⁰». Вотъ подробное описанiе кончины Великаго Князя Тверскаго Михаила Александровича: уже два года прошло, какъ Михаилъ отправилъ въ Царьградъ пословъ съ милостынею къ соборной церкви Св. Софiи и къ Патрiарху, по своему обычаю; Императоръ и патрiархъ приняли и отпустили пословъ Тверскихъ съ большою честiю, и патрiархъ отправилъ къ Михаилу своего посла съ иконою страшнаго суда, съ мощами святыхъ, съ честнымъ муромъ. Когда Великій Князь узналъ, что послы приближаются къ Твери, то велѣлъ имъ войти въ городъ къ вечеру: пришла ему мысль—встрѣтить икону отъ святаго мѣста и принять благословенiе отъ патрiарха, не возвращаться болѣе домой. На другой день утромъ, когда сыновья, другiе князья, бояре и разные люди ждали его съ дѣлами по обычному городскому управленiю, Михаилъ не велѣлъ уже никому входить къ себѣ, а позвалъ одного епископа Арсенiя, которому объявилъ о намѣренiи своемъ постричься, прося его, чтобъ онъ

не говорилъ объ этомъ никому другому. Не смотря на то уже по всему городу разнесся слугъ, что Михаилъ хочетъ оставить княженіе и постричься въ монахи. Народъ взумился, иные не вѣрили, но всѣ собирались, какъ на дивное чудо; бояре и отроки его, склоняясь другъ къ другу, проливали слезы, плакала княгиня, молодые князья, но въ присутствіи Михаила никто не смѣлъ сказать ни слова, потому что всѣ боялись его: былъ онъ человѣкъ страшный, и сердце у него точно львиное. Между тѣмъ послы изъ Царяграда вошли въ городъ, неся священные подарки; епископъ, все духовенство и множество народа вышли къ нимъ на встрѣчу со свѣчами и кадилами, вышелъ и самъ Великій Князь, съ трудомъ вставши съ постели, и встрѣтилъ пословъ на своемъ дворѣ у церкви святаго Михаила. Поклонившись иконѣ, Михаилъ приказалъ отнести ее въ соборную церковь Св. Спаса, самъ ее проводилъ туда, и когда икону поставили на приготовленное для нея мѣсто, вышелъ изъ церкви къ народу, сталъ на высокую ступень, и поклоняясь на всѣ стороны, сказалъ: «Простите меня братія и дружина, добрые сыны Тверскіе! оставляю вамъ любимаго и старшаго сына Ивана, пусть будетъ вамъ княземъ вмѣсто меня, любите его, какъ и меня любили, а онъ пусть соблюдаетъ васъ, какъ я соблюдалъ» Народъ отвѣчалъ горькими слезами и поклонами своему старому князю, который смиренно всѣмъ опять поклонился и пошелъ на постриженіе въ Аеанасьевскій монастырь, гдѣ, за извѣстную плату, выпросился жить у одного монаха, именемъ Григорія. На четвертый день онъ принялъ постриженіе подъ именемъ Матвѣя, и черезъ восемь дней послѣ этого обряда умеръ³²¹.—Въ разсказѣ о кончинѣ Князя Дмитрія Юрьевича Краснаго говорится, что его не хоронили семь дней до тѣхъ поръ пока пріѣхалъ братъ его Дмитрій Шемяка; тогда отпѣли, положили въ колоду, засмолили ее и повезли въ Москву для погребенія въ церкви Архангела Михаила, общемъ мѣстѣ погребенія всѣхъ потомковъ Калиты, какъ Великихъ Князей, такъ и удѣльных³²². Великій Князь Василій Васильевичъ Темный, по словамъ лѣтописца, хотѣлъ предъ смертію постричься въ монахи, но ему не дали воли; умеръ онъ въ субботу, въ третьемъ часу ночи, а на другой день, въ воскресенье, схоронили его,—слѣдовательно, безъ особенныхъ обстоятельствъ, хоронили на другой день³²³.

На югозападѣ погребеніе Волынскаго князя Владиміра описывается такъ: Княгиня съ слугами дворными омыли тѣло, обвили его аксамитомъ съ кружевомъ, положили на сани и повезли во Владиміръ, гдѣ поставили въ Богородичной церкви на сѣняхъ, потому что было уже поздно; на другой день совершено было погребеніе съ обычными причитаніями ³²⁴. Похвала доброму князю въ устахъ лѣтописца мало рознится отъ прежней; но въ ней не встрѣчаемъ извѣстныхъ словъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ; о Великомъ Князѣ Василіи Ярославичѣ Костромскомъ говорится, что онъ былъ очень добродѣтеленъ, любилъ Бога отъ всего сердца безъ лукавства, былъ милостивъ, ко святымъ церквамъ прилеженъ, чтилъ много епископовъ, какъ начальниковъ и пастырей, любилъ и чтилъ и весь священнической и монашеской чинъ; былъ незлобивъ и легко прощалъ согрѣшающихъ предъ нимъ ³²⁵. О князѣ Глебѣ Васильевичѣ Ростовскомъ говорится, что онъ пищи и питья не щадилъ и подавалъ требующимъ, много церквей построилъ и украсилъ иконами и книгами, священнической и монашеской чинъ очень почиталъ, ко всѣмъ былъ любовенъ и милостивъ, гордости ненавидѣлъ и отвращался отъ нея какъ отъ змія; когда умеръ, то не малую жалость и плачь оставилъ по себѣ всѣмъ, знающимъ его ³²⁶.

Объ одеждѣ княжеской мы уже могли составить понятіе при исчисленіи вещей, остававшихся послѣ князей Московскихъ; въ лѣтописи при описаніи бѣгства князя Василіи Михайловича Кашинскаго сказано, что онъ убѣжалъ въ одномъ терликѣ и безъ кивера ³²⁷. При описаніи наружности Волынскаго князя Владиміра Васильевича говорится, что онъ стригъ бороду ³²⁸.

Измѣненія, происшедшія въ между-княжескихъ отношеніяхъ, должны были непременно отразиться и на положеніи дружины. Осѣдность князей въ однихъ извѣстныхъ княжествахъ должна была повести и къ осѣдности дружины, которая могла теперь приобрѣсть важное первенствующее земское значеніе въ качествѣ постоянныхъ, богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ лицъ, пользующихся наследственно правительственными должностями. Потомки Даниіла Александровича не трогаются изъ Москвы; начиная съ Іоанна Калиты всѣ Московскіе князья постоянно удерживаютъ за собою великокняжескую Владимирскую область;

князья не позволяют чужим боярамъ покупать села въ своихъ волостяхъ; одни только Московскіе бояре имѣютъ постоянную возможность покупать села въ области Владимирской, какъ принадлежащей постоянно ихъ князьямъ, и мы видимъ, что они пользуются этимъ правомъ. Имъ выгодно, слѣдовательно, удерживать Владимирскую область и вмѣстѣ, главное, первенствующее значеніе за своими князьями, и мы видимъ, какъ они усердно объ этомъ стараются. Какъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ могущества князей Московскихъ, усиливалось значеніе бояръ ихъ, видно изъ того, что Великіе Князья Нижегородскій, Тверской ищутъ родственныхъ союзовъ съ ними. Несмотря на скудость источниковъ, дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени, въ нихъ можно встрѣтить довольно ясныя указанія на усилившееся значеніе бояръ³²⁹. Уже было упомянуто въ своемъ мѣстѣ, какъ переселеніе бояръ съ юга въ Московское княжество помогло усилению послѣдняго, а это самое усиленіе въ свою очередь должно было привлекать къ Московскимъ князьямъ отовсюду богатыхъ, знатныхъ и даровитыхъ бояръ; мы видѣли, какую службу отслужилъ Москвѣ пришлецъ съ юга—бояринъ Волынскій Боброкъ. Здѣсь мы видимъ, какъ извѣстное положеніе дружины на Руси способствовало усилению одного княжества насчетъ другихъ, собранію земли Русской: въ слѣдствіе единства рода княжескаго въ древней Руси, земля сохраняла свое единство; дружинникъ, переходя отъ одного князя къ другому, не измѣнялъ чрезъ это нисколько ни Русской землѣ, ни роду княжескому, владѣвшему ею нераздѣльно. Это право свободнаго перехода дружинники удержали и на сѣверѣ: отсюда, какъ скоро они замѣчали невыгоду службы у слабого князя, и выгоду у сильнаго, то свободно переходили къ послѣднему, ибо здѣсь не было измѣны прежнему князю, а только пользованіе своимъ правомъ, признаннымъ всѣми князьями; такъ мы видѣли, что Великій Князь Василій Димитріевичъ, склонивши на свою сторону дружину Нижегородскаго князя, овладѣлъ безпрепятственно его княжествомъ.

По родословнымъ книгамъ еще съ княземъ Данииломъ Александровичемъ пріѣхалъ въ Москву вельможа Протасій, предокъ знаменитыхъ Вельяминовыхъ; вѣрнѣе извѣстіе, что Протасій былъ тысяцкимъ при Калитѣ³³⁰, послѣ чего мы видимъ этотъ

санъ наследственнымъ и для потомковъ Протасія. При одинаковой осядлости князей и бояръ ихъ въ другихъ княжествахъ, подобныя явленія найдемъ не въ одной Москвѣ: такъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Тверь Борисъ Ѳедоровичъ, прозвищемъ Половой, и былъ въ Твери бояриномъ; сынъ его также здѣсь бояриномъ, внукъ, правнукъ и праправнукъ были тысяцкими³³¹. Кромѣ Вельяминовыхъ мы видѣли цѣлый рядъ знатныхъ фамилій, который продолжается съ Калиты до праправнука его. Но подлѣ этихъ, такъ сказать, коренныхъ Московскихъ бояръ мы видимъ постоянно приплывъ пришельцовъ: пріѣзжаютъ служить Московскимъ князьямъ не только знатные люди изъ югозападной Руси и изъ странъ чуждыхъ, но вступаютъ къ нимъ въ службу князья Рюриковичи съ юга и сѣвера, Гедиминовичи изъ Литвы. Мы видѣли, къ какимъ явленіямъ иногда подавалъ поводъ пріѣздъ новаго знатнаго выходца, который хотѣлъ вступить въ службу къ князю только при условіи высокаго мѣста; но чтобы дать ему это мѣсто, нужно было взять его у другаго стариннаго боярина, понизить послѣдняго и вмѣстѣ съ нимъ цѣлый рядъ другихъ бояръ, занимавшихъ мѣста подъ нимъ: это называлось на тогдашнемъ языкѣ заѣдомъ, новый выходецъ заѣзжалъ старыхъ бояръ, которые обязаны были подвинуться, чтобы дать ему высшее мѣсто. Такъ, при Калитѣ, выходецъ съ юга Родіонъ Несторовичъ заѣхалъ боярина Акинея съ товарищами. Тогда Москва не взяла еще явнаго перевѣса надъ другими княжествами, Акинею можно было пренебречь ею, и, раздосадованный заѣдомъ, онъ отѣхалъ въ Тверь; но послѣ, когда Москва усилилась окончательно и боярскіе роды обжились въ ней, тогда, имъ невыгодно стало отѣзжать отсюда; они, въ случаѣ заѣда, скорѣе соглашались уступать высшее мѣсто пришельцу. Такъ, въ княженіе Донскаго, выходецъ съ юга, Волинскій Боброкъ заѣхалъ Тимоѳея Васильевича Вельяминова съ товарищами, и тотъ уступилъ ему первое мѣсто; при Василии Димитріевичѣ Литовскій выходецъ, князь Юрій Патрикѣвичъ, заѣхалъ также нѣкоторыхъ бояръ, именно: Константина Шею, Ивана Димитріевича, Волокумера Даниловича, Димитрія Васильевича, Ѳедора Кошкина Голтяя. Относительно этого заѣда дошло до насъ любопытное извѣстіе: князю Юрію Патрикѣвичу Князь Великій мѣсто упро-

силъ, когда за него далъ сестру свою Великую Княжну Анну (по лѣтописямъ дочь Марью). А братъ былъ большой у князя Юрія Патрикѣвича Хованскій; и Ѳеодоръ Сабуръ на свадьбѣ князя Юрія Патрикѣвича брата большаго посѣлъ Хованскаго (занялъ высшее мѣсто). И Хованскій молвилъ Сабуру: «посядь брата моего меньшаго, князя Юрія Патрикѣвича.» И Ѳеодоръ Сабуръ молвилъ Хованскому! «У того Богъ въ кикѣ, а у тебя Бога въ кикѣ нѣтъ,» да сѣлъ Хованскаго выше ³³². «У того Богъ въ кикѣ» значить: у того счастье, судьба въ кичкѣ; кичка вмѣсто женщина, жена; князь Юрій получилъ высшее мѣсто по женѣ.

Кромѣ завѣщанія Димитрія Донскаго, и изъ другихъ извѣстій мы знаемъ, что бояре по прежнему были думцами князя, Князь думалъ, совѣтовался съ ними о дѣлахъ ³³³. Начиная съ Симеона Гордаго, бояре являются свидѣтелями въ княжескихъ духовныхъ грамотахъ. Рязанскій Великій Князь Олегъ Ивановичъ въ одной своей жалованной грамотѣ говоритъ: «Посовѣтовавшись (сгадавъ) съ отцемъ своимъ, владыкою Василиемъ и съ своими боярами (слѣдуютъ пмена ихъ), далъ ³³⁴ я» и проч.; но мы должны замѣтить, что въ грамотахъ Московскихъ князей мы этого выраженія не находимъ. Видимъ бояръ, которые пользуются особенною довѣренностію нѣкоторыхъ князей, и чрезъ это обнаруживаютъ большое вліяніе на дѣла: таковъ былъ, Семень Тониіевичъ при князѣ Андрѣѣ Александровичѣ, бояре Ѳеодоръ Андреевичъ и сынъ его Иванъ Ѳеодоровичъ Кошка при Василии Димитріевичѣ, Морозовъ при князѣ Юріи Дмитріевичѣ; мы видѣли, какъ вліяніе, переданное старикомъ Кошкою молодому (относительно) сыну своему, возбудило негодованіе старшихъ, отразившееся и въ лѣтописи.

Раздѣленіе дружины на старшую и младшую сохраняется и въ описываемое время, только съ переменною нѣкоторыхъ названій. Старшая дружина по-прежнему носитъ названіе бояръ или бояляръ. Право бояръ на свободный отъѣздъ отъ одного князя къ другому, отъ Великаго къ удѣльному, и наоборотъ, также отъ Великаго къ Великому же, отъ Московскаго напримѣръ къ Тверскому или Рязанскому и наоборотъ, подтверждается во всѣхъ договорахъ княжескихъ. Князья обязывались въ договорахъ своихъ не ссориться на отъѣхавшихъ отъ нихъ бояръ, не захватывать

ихъ селъ и домовъ, оставшихся во владѣніяхъ прежняго князя. Въ слѣдствіе этого права бояръ сохранять свои недвижимыя имущества послѣ отъѣзда, въ княжескихъ удѣлахъ постоянно могли находиться волости чужихъ бояръ, не смотря на то, что князья не позволяли чужимъ боярамъ покупать селъ въ своихъ удѣлахъ; волости чужихъ бояръ могли находиться въ княжескихъ удѣлахъ еще и потому, что извѣстное княжество, напримѣръ Серпуховское, принадлежало сначала одному князю, Владиміру Андреевичу, и бояре его могли свободно покупать села по всему княжеству, но по смерти Владиміра Андреевича его владѣнія раздѣлились между сыновьями его на нѣсколько особыхъ удѣловъ, бояре его также разошлись по сыновьямъ, при чемъ легко могло случиться, что бояринъ остался служить старшему брату, Серпуховскому князю, а село его, по новому раздѣлу, очутилось въ удѣлѣ князя Боровскаго. Это обстоятельство заставило князей вносить въ свои договоры условіе, что бояре относительно суда и дани подвѣдомственны тому князю, во владѣніяхъ котораго живутъ, гдѣ у нихъ недвижимая собственность: князья обязывались вѣдать такихъ бояръ судомъ и данью какъ своихъ³³⁵; но въ военное время бояре должны были идти въ походъ съ тѣмъ княземъ, которому служили, въ случаѣ же осады города, въ которомъ или близь котораго они жили, они должны были оставаться и защищать этотъ городъ³³⁶. Въ случаѣ спорнаго дѣла между однимъ княземъ и бояриномъ другаго, оба князя отсылали отъ себя по боярину для рѣшенія этого дѣла; если же посланные бояре не могли между собою согласиться, то избирали третьяго судью; но всякое дѣло боярина съ своимъ княземъ судить послѣдній³³⁷. За службу свою бояре получали отъ князей извѣстныя волости и села въ кормленіе: Іоаннъ Калита въ завѣщаніи своемъ упоминаетъ о селѣ Богородицкомъ, которое онъ купилъ и отдалъ Борису Воркову: «если этотъ Ворковъ, говоритъ Великій Князь, будетъ служить которому-нибудь изъ моихъ сыновей, то село останется за нимъ; если же перестанетъ служить дѣтямъ моимъ, то село отнимутъ.» Касательно пользованія доходами съ кормленій, Симеонъ Гордый распоряжается такъ въ своемъ завѣщаніи: «Если кто-нибудь изъ бояръ моихъ станетъ служить моей княгинѣ, и будетъ вѣдать волости, то обязанъ отдавать княгинѣ

моей половину дохода (прибытка).» Димитрій Донской съ двоюроднымъ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ уговорились такъ относительно боярскихъ кормленій: «Если бояринъ поѣдетъ съ кормленья, отъ тебя ли ко мнѣ, отъ меня ли къ тебѣ, не отслуживъ службы, то дать ему кормленья по исправѣ, т. е. за то только время, какое онъ находился въ службѣ, или онъ обязанъ отслужить службу.» До насъ дошли ввозныя или послушныя грамоты, дававшіяся при пожалованіи кормленіемъ: въ нихъ приказывалось жителямъ отдаваемой въ кормленіе волости чтить и слушаться посланнаго къ нимъ на кормленіе; послѣдній вѣдаетъ ихъ и судить, и тиунамъ своимъ ходить у нихъ велеть, а доходъ долженъ брать по наказному списку; волости жаловались въ кормленіе съ мытами, перевозами, со всеми намѣстничьими доходами и съ пошлиною ³³⁸.

Между самими старшими членами дружины, между боярами, встрѣчаемъ различіе: встрѣчаемъ названіе большихъ бояръ. Лѣтописецъ говоритъ, что послѣ убійства тысяцкаго Алексѣя Петровича Хвоста большіе Московскіе бояре отѣхали въ Рязань ³³⁹. Димитрій Донской требуетъ отъ двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича, что въ случаѣ, если онъ, Великій Князь, возьметъ дань на своихъ боярахъ, на большихъ и на путныхъ, то и удѣльный князь долженъ также взять дань на своихъ боярахъ, смотря по кормленію и по путямъ, и отдать ее Великому Князю ³⁴⁰. Великій Князь, Василій Васильевичъ договаривается съ Шемякою, что если общіе судьи ихъ не согласятся, то берутъ себѣ третьяго судью, для чего берутъ сперва изъ бояръ великокняжескихъ двонхъ, да изъ бояръ Шемяки одного большаго ³⁴¹. Кромѣ упомянутаго условія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ, мы не встрѣчаемъ больше названія большихъ бояръ вмѣстѣ съ путными; но вмѣстѣ съ путными боярами или путниками встрѣчаемъ, на первомъ мѣстѣ, бояръ введенныхъ. Относительно этихъ введенныхъ и путныхъ бояръ мы постоянно встрѣчаемъ условіе, что когда, въ случаѣ городской осады, бояре обязаны садиться въ осаду или защищать тотъ городъ, въ которомъ живутъ, бояре введенные и путники избавляются отъ этой обязанности ³⁴². Кромѣ того, о путныхъ боярахъ въ договорѣ Великаго Князя Василя Димитріевича съ

Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ встрѣчаемъ условіе: «Если намъ взять (дань) на своихъ боярахъ на путныхъ, то тебѣ взять на своихъ боярахъ на десяти.» Въ жалованной грамотѣ Великаго Князя Василя Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю, въ 1453 году, читаемъ: «Если кто станетъ чего искать на игуменскомъ приказчикъ, то сужу его я, Князь Великій, или мой бояринъ введенный³⁴³. Въ родословной Кикиныхъ говорится, что Логгинъ Михайловичъ Кикинъ былъ у Великаго Князя Дмитрія Иоанновича бояринъ введенный и горододержавецъ, держалъ города Волокъ и Торжокъ безъ отнимки; сынъ Логгина, Тимошей, называется также бояриномъ введеннымъ³⁴⁴.

Объяснить значеніе этихъ названій: бояринъ введенный и путный, мы можемъ только по соображенію съ другими подобными же названіями. Мы видѣли, что въ одной грамотѣ на мѣстѣ боярь введенныхъ находятся большіе, изъ чего имѣемъ основаніе заключать, что оба эти названія были равнозначущи. После встрѣчаемъ названіе дьяковъ введенныхъ. Что же касается различія между боярами введенными или большими и путными, то его можно усмотрѣть въ приведенномъ мѣстѣ изъ договора Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ: «Если Великій Князь возьметъ дань на своихъ боярахъ, на большихъ и на путныхъ, то и удѣльный князь долженъ также взять дань на своихъ боярахъ, смотря по кормленію и по путямъ.» Значитъ большой бояринъ или введенный былъ именно горододержавецъ, получавшій города, волости въ кормленіе; путный же бояринъ получалъ содержаніе съ извѣстныхъ доходныхъ статей княжескихъ или такъ-называемыхъ путей. Бояринъ путный долженъ былъ имѣть поэтому какую-нибудь придворную должность: конюшій бояринъ наприм. пользовался доходами съ волостей, опредѣленныхъ на конюшій путь. Старинное слово путь и настоящее наше доходъ (отъ доходить) выражаютъ одно и тоже представленіе³⁴⁵.

Встрѣчаемъ въ описываемое время и названіе окольничаго: такъ оно находится въ грамотѣ Смоленскаго Князя Федора Ростиславича 1284 года; въ договорной грамотѣ Симеона Гордаго съ братьями. Серпуховской князь Владиміръ Андреевичъ сдѣлалъ намѣстникомъ въ Серпуховѣ окольничаго своего, Якова Юрьевича

ча Новосильца³⁴⁶; въ разсказѣ о битвѣ съ Бегичемъ упоминается Московскій окольникій Тимоѳей (Вельяминовъ). Въ жалованной грамотѣ Рязанскаго князя Олега Ивановича Ольгову монастырю, въ числѣ бояръ, съ которыми совѣтовался при этомъ князь, упоминается Юрій окольникій. Этотъ Юрій занимаетъ здѣсь шестое мѣсто, изъ чего можемъ заключить, что окольникіе и въ описываемое время, какъ послѣ, хотя и причислялись къ старшей дружинѣ, составляли вмѣстѣ съ большими боярами (послѣ просто съ боярами) думу княжескую, однако занимали второстепенное мѣсто. Въ числѣ бояръ въ означенной Ольговой грамотѣ упоминается Манасія дядька, занимающій мѣсто выше окольника, и Юрій чашникъ, слѣдующій за окольничимъ. Въ другой Рязанской грамотѣ выше чашника встрѣчаемъ названіе стольника, которое встрѣчается и въ Московскихъ грамотахъ³⁴⁷. Эти оба званія опредѣляются легко изъ самыхъ словъ, указывающихъ прямо на должность; но что была за должность окольника? На нее мы встрѣчаемъ указаніе въ позднѣйшихъ источникахъ, изъ которыхъ видимъ, что окольникій употреблялся въ походахъ царскихъ, ѣздилъ передъ Государемъ по станамъ, и при этомъ случаѣ иногда въ окольникіе назначались дворяне—ясный знакъ, что здѣсь окольникій представлялъ уже не чинъ только, а должность³⁴⁸. Если мы сравнимъ это извѣстіе о значеніи окольничихъ съ извѣстіями о значеніи бояръ путныхъ, то будемъ имѣть основаніе принять ихъ за тождественныя, тѣмъ болѣе, что въ какомъ отношеніи прежде находятся путники къ боярамъ большимъ или введеннымъ, въ такомъ же отношеніи послѣ находимъ окольничихъ къ боярамъ. Младшая дружина, въ противоположность старшей, боярамъ, носитъ общее названіе слугъ и дворянъ; но въ болѣе части памятниковъ выдѣляются составныя части младшей дружины, и первое мѣсто здѣсь, второе послѣ бояръ, занимаютъ дѣти боярскіе,—названіе, показывающее ясно, изъ кого составлялся этотъ высшій отдѣлъ младшей дружины. Дѣти боярскіе имѣютъ одинакое положеніе съ боярами относительно права отъѣзда и волостей, не имѣя только права участвовать въ думѣ княжеской.

Второй отдѣлъ младшей дружины составляютъ собственно такъ называемые слуги, слуги вольные, люди дворные³⁴⁹, которые, по

тогдашнему выраженію, бывали въ кормленіи и въ доводѣ, и которые, относительно свободнаго отъѣзда, имѣли одинакое право съ боярами и дѣтьми боярскими³⁵⁰, отличаясь отъ послѣднихъ происхожденіемъ. Отъ этихъ слугъ вольныхъ отличались слуги другого рода, промышленники и ремесленники, какъ то: бортники, садовники, псары, бобровники, барашы, дѣлюи, которые пользовались княжескими землями. Московскіе князья обязываються не принимать ихъ въ службу, блюсти за одно, земель ихъ не покупать. Если кто изъ этихъ слугъ не захочетъ жить на своей землѣ, то самъ можетъ уйдти прочь, но земли лишается, она отходитъ къ князю. Такого рода слуги обыкновенно называются въ грамотахъ слуги подъ дворскимъ, ибо находились подъ вѣдомствомъ дворскаго; этимъ названіемъ отличаются они отъ вольныхъ слугъ перваго разряда, которые бывали въ кормленіи и въ доводѣ³⁵¹. Наконецъ, у князей встрѣчаемъ невольныхъ слугъ, холопей, которые могли употребляться въ тѣже самыя должности, въ какихъ находились и слуги подъ дворскимъ³⁵², равно и въ высшія должности, по домовому и волостному управленію, напр. въ тіуны, посельскіе, ключники, старосты, казначей, дьяки; всѣ эти должностныя лица назывались большими людьми въ отличіе отъ простыхъ холопей, меньшихъ людей. Названіе гриди, гридьба, исчезаетъ, но встрѣчается еще иногда названіе мужа³⁵³.

На югозападѣ встрѣчаемъ также бояръ, слугъ и слугъ дворныхъ; между боярами встрѣчаемъ лучшихъ бояръ; между слугами дворными дѣтей боярскихъ³⁵⁴. Со времени Литовскаго владычества названіе бояръ для старшихъ членовъ дружины остается въ областяхъ Русскихъ, но при дворѣ великокняжескомъ оно исчезаетъ, замѣняется названіемъ паны, паны рада. До насъ дошли жалованныя грамоты Великихъ Князей Литовскихъ, вступавшимъ къ нимъ въ службу Русскимъ дружинникамъ. Если кто-нибудь изъ вельможъ Литовскихъ свидѣтельствовалъ предъ Великимъ Княземъ о знатности выходца, то послѣдняго принимали и при дворѣ Литовскомъ соотвѣтственно его прежнему значенію, какъ человѣка родовитаго и рыцарскаго, равняли его въ правахъ съ князьями, панами и шляхтою хоругвенною. Новый слуга обязывался быть вѣрнымъ Великому Князю: съ кѣмъ по-

слѣдній будетъ миренъ, съ тѣмъ и онъ долженъ быть миренъ, и наоборотъ, и отправлять военную службу вмѣстѣ съ прочею шляхтою, князьями, панами и землянами. Изъ этого мы видимъ, какъ раздѣлялись и назывались служилые люди (шляхта) при дворѣ Великихъ Князей Литовскихъ. Дошли до насъ присяжныя грамоты и тѣхъ вельможъ, которымъ Великіе Князья Литовскіе давали держать города: новый державецъ обязывался держать городъ вѣрно, не передавать его никакому другому государству, кромѣ Великаго Княжества Литовскаго; въ случаѣ смерти Великаго Князя городъ сдать его преемнику ³⁵⁵. О богатствѣ южно-Русскихъ, именно Галицкихъ, бояръ можно имѣть понятіе изъ извѣстія о взятіи двора боярина Судислава, гдѣ найдено было много вина, овощей, корма, копій, стрѣлъ ³⁵⁶. Что бояре на югѣ получали отъ князей волости, объ этомъ источники описываемаго времени говорятъ ясно; Даниилъ Романовичъ не велитъ принимать Черниговскихъ бояръ, а раздавать волости Галицкимъ только; и въ слѣдъ за тѣмъ встрѣчаемъ извѣстіе, что доходы съ Коломыйской соли шли на раздачу оружникамъ ³⁵⁷. Больному Волынскому князю Владиміру донесли, что братъ его Мстиславъ, еще не вступивъ въ управленіе княжествомъ, уже раздаетъ боярамъ города и села ³⁵⁸. Отъ временъ Литовскихъ дошли до насъ извѣстія о жалованіи слугъ землями въ вѣчное владѣніе ³⁵⁹; при этихъ пожалованіяхъ опредѣляется обязанность пожалованнаго являться на службу съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ слугъ ³⁶⁰. Имѣнія даются въ вѣчное владѣніе съ правомъ передать ихъ по смерти дѣтямъ и ближнимъ, съ правомъ продать, подарить, распорядиться ими, какъ сочтутъ для себя полезнѣе; впрочемъ Олгердовъ внукъ, князь Андрей Владиміровичъ, пишетъ въ своей духовной, что бояре, которымъ онъ далъ имѣнія, должны съ этихъ имѣній служить женѣ его ³⁶¹. Боярскія вотчины въ югозападной Руси издавна были свободны отъ дани, не были тяглыми; въ Смоленскѣ дань (посощина) шла только съ тѣхъ имѣній боярскихъ, которыя были пожалованы Великимъ Княземъ Витовтомъ и его преемниками.

По привилегіи Казимира Ягелловича, данной Литовскимъ землямъ въ 1457 году, князья, паны и бояре могли выѣзжать въ чужія земли, кромѣ земель непріятельскихъ, для приращенія своего

состоянія и для подвиговъ воинскихъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ въ ихъ отсутствіе служба великокняжеская съ ихъ имѣніи нисколько не страдала. Имуществами отчинными или пожалованными отъ Витовта, они имѣютъ право владѣть такъ, какъ князья, паны и бояре Польскіе владѣютъ своими имуществами, имѣютъ право ихъ продать, промѣнять, отчудить, подарить и всячески на свою пользу употребить. Подданные ихъ освобождаются отъ всякихъ податей, платежей, поборовъ и серебщицны, отъ мѣръ, которыя называются дяклями, отъ подводъ, отъ обязанности возить камень, бревна, дрова для обжиганія кирпичей или извести, отъ кошенія сѣна и проч., исключая работъ, необходимыхъ для построения новыхъ крѣпостей и поправки старыхъ; остаются также въ силѣ старыя повинности: постоя, поборы, постройки новыхъ мостовъ, поправки старыхъ, исправленіе дорогъ. Ихъ люди зависимые и невольные не могутъ быть принимаемы ни Великимъ Княземъ, ни его чиновниками. Если будетъ жалоба на кого-нибудь изъ людей ихъ, то Великій Князь не посылаетъ своего дѣцкаго, но прежде будетъ потребована управа у господина, которому виноватый принадлежитъ, и только въ томъ случаѣ, когда въ назначенный срокъ управа не будетъ учинена, дѣцкій посылается, но виноватый платитъ за вину только своему господину, а не кому-либо другому³⁶².

Мы видѣли на сѣверѣ, въ числѣ бояръ, окольничихъ, стольниковъ, чашниковъ. Встрѣчаемъ также должность конюшаго, дворскаго. Въ современныхъ источникахъ указана только одна обязанность дворскаго: вѣдать слугъ княжескихъ — мастеровыхъ и промышленныхъ, но конечно дѣятельность его этимъ не ограничивалась. Встрѣчаемъ казначеевъ, ключниковъ, тиуновъ: всѣ эти должностныя лица могли быть изъ свободныхъ и изъ холопей. Относительно ключниковъ свободныхъ въ завѣщаніи князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго находимъ слѣдующее распоряженіе: «Что мои ключники некупленные, а купили деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтямъ моимъ ненадобны, а деревни ихъ дѣтямъ моимъ». Въ разсказѣ о Мамаевомъ побоищѣ встрѣчаемъ рынду, который тутъ имѣетъ обязанность возить великокняжеское знамя³⁶³. Изъ лицъ правительственныхъ находимъ древній санъ тысяцкаго и видимъ его уничтоженіе въ Москвѣ при

Димитріи Донскомъ. Не встрѣчаемъ болѣе посадниковъ, вмѣсто ихъ находимъ намѣстниковъ, волостелей, становщиковъ и окочниковъ, которые различались другъ отъ друга обширностію и важностію управляемыхъ участковъ. Въ жалованныхъ грамотахъ обыкновенно говорится, что намѣстники и волостели не вѣзжаютъ въ извѣстныя волости, не судятъ тамошнихъ людей и не посылаютъ къ нимъ ни за чѣмъ. Великій Князь Василій Димитріевичъ требуетъ отъ дяди своего Владиміра Андреевича, чтобы тотъ не судилъ судовъ Московскихъ безъ великокняжескихъ намѣстниковъ; если въ отсутствіе Великаго Князя изъ Москвы, подастъ ему просьбу Москвичъ на Москвича, то онъ дѣетъ пристава и посылаетъ къ своимъ намѣстникамъ, которые должны разобрать дѣло вмѣстѣ съ намѣстниками удѣльнаго князя. Тиуны являются съ прежнимъ значеніемъ. При разбирательствѣ дѣлъ употреблялись чиновники: приставы, доводчики; селами управляли поселскіе, о которыхъ намъ прямо извѣстно, что они могли быть изъ несвободныхъ слугъ княжескихъ: для письменныхъ дѣлъ употреблялись дьяки и подъячіе ³⁶⁴; дьяки употреблялись также и для дѣлъ посольскихъ: такъ Шемяка послалъ въ Казань дьяка своего Федора Дубенскаго стараться о томъ, чтобы Великаго Князя Василя Васильевича не выпускали изъ плѣна. Описи земель производились писцами. Для сбора разнаго рода податей существовалъ рядъ чиновниковъ подъ названіемъ данщиковъ, боровщиковъ (отъ бора), бѣлщиковъ (отъ бѣлки), ямщиковъ (отъ яма), бобровниковъ, закосниковъ, бортниковъ ³⁶⁵.

На югозападѣ до Литовскаго владычества встрѣчаемъ званія: дворскаго, который имѣетъ здѣсь важное значеніе и въ мирѣ, и на войнѣ: дворскій Григорій въ Галичѣ вмѣстѣ съ епископомъ Артеміемъ является на первомъ планѣ: оба противятся князю Даниилу Романовичу, и потомъ оба являются къ нему съ предложеніемъ принять городъ ³⁶⁶. Знаменитый Андрей, дворскій Даниила, является на первомъ планѣ въ походахъ; по всему видно, что въ слѣдствіе вліянія сосѣднихъ государствъ, Польскаго и Венгерскаго, дворскій въ Галичѣ имѣлъ важное значеніе палатина. Важнымъ сановникомъ является на югѣ печатникъ (канцлеръ): печатникъ Кириллъ посланъ былъ князьями Данииломъ и Василькомъ въ Бакоту исписать грабительства бояръ и утишить землю;

печатника встрѣчаемъ и въ Смоленскѣ въ концѣ XIII вѣка ³⁶⁷. Видимъ и въ Москвѣ печатника, которымъ при Димитріи Донскомъ былъ знаменитый священникъ Митяй. Встрѣчаемъ и на югѣ стольниковъ ³⁶⁸. Встрѣчаемъ седельничаго, но въ другомъ, высшемъ значеніи, чѣмъ прежде ³⁶⁹; находимъ новое названіе снузниковъ, подлѣ бояръ ³⁷⁰; пи сецъ на югѣ употребляется въ томъ же значеніи, въ какомъ дьякъ на сѣверѣ ³⁷¹.

Таковъ былъ составъ дружины и собственно двора княжескаго на сѣверѣ и югѣ. Но кромѣ означенныхъ званій и раздѣленій, и здѣсь, и тамъ, въ описываемое время входятъ въ число княжескихъ слугъ князя же племени Рюрика и Гедиминова, лишенные своихъ владѣній, или, по крайней мѣрѣ, лишенные правъ независимыхъ владѣльцевъ. Въ началѣ, въ описываемое время, эти князья не входятъ еще въ общій служебный распорядокъ, составляютъ особый отдѣлъ дружины, при чемъ становятся выше бояръ. Князья условливаются другъ съ другомъ, что въ случаѣ отъѣзда князя служебные лишаются своихъ вотчинъ ³⁷². Что же касается происхожденія остальныхъ членовъ дружины, то на сѣверѣ она наполнялась выходцами изъ южной Руси, изъ Литвы, изъ Орды и даже изъ Германіи. На югѣ, во Владимірѣ Волынскомъ видимъ Нѣмца Маркольта съ важнымъ значеніемъ ³⁷³; тамъ же въ службѣ князя Владиміра Васильковича видимъ Кафилата, выходца изъ Силезіи ³⁷⁴, потомъ Прусса ³⁷⁵.—Въ смутное время въ Галичѣ важнаго значенія достигъ бояринъ Григорій, внукъ священника; вмѣстѣ съ нимъ упоминаются Лазарь Доможиричъ и Иворъ Молибожичъ, люди низкаго происхожденія (племени смердя); но было ли это явленіе слѣдствіемъ смутнаго времени, или могло случиться и при обыкновенномъ порядкѣ вещей—этого рѣшить нельзя ³⁷⁶. Мы видимъ, что люди знатнаго происхожденія, но не достигшіе еще званія члена старшей дружины, образуютъ особый отдѣлъ въ младшей дружинѣ, подъ именемъ дѣтей боярскихъ.

Кромѣ дружины, войско, по прежнему, составлялось и изъ городовыхъ полковъ; полки, составленные изъ Московскихъ жителей упоминаются въ княжескихъ договорахъ обыкновенно подъ именемъ Московской рати; Василій Васильевичъ Темный вывелъ противъ дяди Юрія Московскихъ гостей и другихъ жителей. Въ

жалованной грамотѣ Василя Темнаго Троицкому Сергіеву монастырю говорится о сельчанахъ, обязанныхъ береговою службою³⁷⁷. На югѣ Ростиславъ Михайловичъ Черниговскій собралъ въ Перемышль многихъ смердовъ для войны съ Даниломъ Галицкимъ³⁷⁸, при чемъ лѣтописецъ говоритъ, что эти смерды составляли пѣхоту, которая дала побѣду Ростиславу; но въ знаменитомъ Ярославскомъ сраженіи, тотъ же Ростиславъ вступилъ въ битву съ одною конницею, оставилъ пѣхоту у города, и былъ побѣжденъ Даниломъ, у котораго была и конница и пѣхота. — На сѣверѣ, слышавъ о приближеніи непріятеля, князья разсылали грамоты по всѣмъ волостямъ своимъ для сбора войска; но мы видѣли, какъ эти сборы были медленны, когда надобно было имѣть дѣло съ непріятелемъ, подобнымъ Олгерду или Тохтамышу. Когда непріятель былъ уже близко, то изъ первыхъ собравшихся ратниковъ составляли сторожевой полкъ и отправляли въ заставу, чтобы задержать по возможности врага³⁷⁹. Выступивъ въ походъ, посылали напередъ сторожи развѣдать о движеніяхъ непріятеля, добыть плѣнниковъ, отъ которыхъ можно было бы узнать все подробно; добыть плѣнника значило, по тогдашнему выраженію, добыть языка. Въ походѣ войско кормилось на счетъ областей, чрезъ которыя проходило: такъ говорится, что Великій Князь Василій Васильевичъ, заключивъ перемиріе съ Василюмъ Косымъ, распустилъ свои полки, которые разѣхались всѣ для собранія кормовъ. Предъ вступленіемъ въ битву войско располагалось по прежнему: въ срединѣ становился великій полкъ, по обѣ стороны его двѣ руки—правая и лѣвая, напереді передовой полкъ; видимъ употребленіе съ большою пользою засадъ, или западныхъ полковъ: засада рѣшила Куликовскую битву въ пользу Русскихъ; благодаря засадѣ, начальникъ ушкуйниковъ, Прокопій, съ двумя тысячами войска разбилъ пять тысячъ Костромичей. По прежнему предъ началомъ битвы князья говорили рѣчи. По прежнему, видя бѣгство непріятеля, ратники бросались обдирать мертвыхъ, иногда преждевременно, какъ напримѣръ на Суздальскомъ бою; на югѣ и на сѣверѣ видимъ старый обычай браниться съ непріятелемъ³⁸⁰. Въ южной лѣтописи упоминается о Русскомъ боѣ³⁸¹, какъ отличавшемся своими особенностями. Сѣверный лѣтописецъ, по случаю битвы Василя Васильевича

Темнаго съ Василиемъ Косымъ, говорить, что Литовскій выходецъ, князь Иванъ Баба Друцкой изрядилъ свой полкъ съ копьями по-литовски, и этотъ Литовскій обычай противопоставляетъ Русскому. Выраженіе: съ копьями — не можетъ намъ дать понятія объ особенностяхъ Литовскаго боя, ибо и Русскіе одинаково употребляли это оружіе: такъ напримѣръ при описаніи Куликовской битвы говорится, что задній рядъ закладывалъ копья на плеча переднимъ, при чемъ у переднихъ копья были короче, а у заднихъ длиннѣе. Венгерскій полководецъ отзывался о южно-Русскихъ ратникахъ, что они охочи до бою, стремительны на первый ударъ, но долго не выдерживаютъ. — Южно-Русскіе полки любили биться въ чистомъ полѣ, на открытыхъ мѣстахъ; Даниилъ Галицкій, во время похода на Ятвяговъ, говорить своему войску: «развѣ не знаете, что христіанамъ пространство есть крѣпость, а поганымъ тѣснота»³⁸². Въ сѣверномъ лѣтописцѣ находимъ извѣстіе, что когда Великій Князь Василій Васильевичъ послалъ полки свои противъ Татаръ къ Окѣ подъ начальствомъ князя Звенигородскаго, то этотъ воевода испугался и возвратился назадъ; иначе поступили другіе воеводы, князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій-Стрига и Федоръ Басенокъ, въ войнѣ Новгородской; встрѣтившись, въ числѣ двухъ сотъ человекъ, съ непріателемъ, у котораго было 5,000 человекъ, они сказали: «если не вступимъ въ бой, то погибнемъ отъ своего Государа Великаго Князя» — сразились и одержали побѣду. На югѣ сохранялся обычай, по которому князь долженъ былъ ѣхать впереди войска, потому что онъ былъ искуснѣе всѣхъ въ ратномъ дѣлѣ и его болѣе всѣхъ слушались; такъ князья Русскіе и Польскіе говорили Даниилу Романовичу: «Ты король; голова всѣмъ полкамъ; если пошлешь кого-нибудь изъ насъ напередъ, то войско не будетъ слушаться; ты знаешь воинскій чинъ, ратное дѣло тебѣ за обычай, и всякій тебѣ постыдится и побоятся; ступай самъ наперед». И Даниилъ, урядивши полки, самъ поѣхалъ наперед, съ однимъ дворскимъ и небольшимъ числомъ отроковъ. На сѣверѣ, по свидѣтельству сказаній о Мамаевомъ побоищѣ, Великій Князь Дмитрій, поѣздивъ немного впереди въ сторожевыхъ полкахъ, возвратился въ великій полкъ.

Вооруженіе на сѣверѣ состояло изъ щитовъ, шлемовъ, рога-

тинъ, сулицъ, копій ³⁸³, сабель ³⁸⁴, ослоповъ, топоровъ. Южный лѣтописецъ такъ описываетъ вооруженіе полковъ Данила Галицкаго: «щиты ихъ были какъ заря, шлемы какъ солнце восходящее, копья дрожали въ рукахъ ихъ какъ трости многія, стрѣльцы шли по обѣ стороны и держали въ рукахъ рожанцы свои, наложивши на нихъ стрѣлы». Въ другой разъ, вышедши на помощь къ королю Венгерскому, Даниилъ вооружилъ свое войско по-татарски: лошади были въ личинахъ и кояр ахъ кожаныхъ, а люди въ яркахъ; самъ же Даниилъ одѣтъ былъ по обычаю Русскому: сѣдло на конѣ его было изъ жженого золота, стрѣлы и сабля украшены золотомъ и разными хитростями, козухъ изъ Греческаго оловира, обшить кружевами золотыми плоскими, сапоги изъ зеленого сафьяна (хза) шиты золотомъ; когда король попросился у него въ станъ, то Даниилъ ввелъ его въ свою полату ³⁸⁵ (полатку). И на югъ между оружіемъ попадается названіе рогтичи или рогатицы, также мечи и сулицы. Въ духовной Волынскаго князя Владиміра упоминается ³⁸⁶ броня дощатая ³⁸⁷. Изъ отнятыхъ у непріятеля коней и оружія составляли сайгатъ ³⁸⁸. Попрѣжнему на югъ употребляются стяги или хоругви, на сѣверѣ они уже начинаютъ называться знаменами: такъ въ сказаніяхъ о Мамаевомъ побойщѣ упоминается черное знамя, которое возили надъ Великимъ Княземъ. Для созванія войска на бой употреблялись трубы: Василій Васильевичъ Темный самъ началъ трубить войску, слышавъ о приближеніи Косаго.

Относительно характера войнъ должно замѣтить, что на сѣверѣ (включая сюда область Сѣверскую, Рязанскую и Смоленскую), изъ девяноста извѣстій о войнахъ внутреннихъ или междоусобныхъ, мы встрѣчаемъ не болѣе двадцати извѣстій о битвахъ, слѣдовательно семьдесятъ походовъ совершено было безъ битвъ. Раздѣливъ описываемый періодъ времени въ 234 года на двѣ равныя половины, увидимъ, что въ первую половину, до 1345 года, который придется въ началъ княженія Симеона Гордаго, было только пять битвъ, остальные же пятнадцать относятся ко второй половинѣ, и изъ этихъ пятнадцати почти половина, именно семь битвъ приходятся на усобицу, происходившую въ княженіе Василія Темнаго между этимъ княземъ и его дядею и двоюродными братьями — доказательство усиленнаго ожесточенія къ концу

борьбы. На югѣ же въ продолженіе семнадцати лѣтъ, отъ 1228 года до Ярославской битвы, встрѣчаемъ двѣнадцать извѣстій о походахъ, и между ними четыре извѣстія о битвахъ, между которыми двѣ были лютыя—Звенигородская и Ярославская. О внѣшнихъ войнахъ въ описываемое время на сѣверѣ встрѣчаемъ около 160 извѣстій, и въ томъ числѣ около пятидесяти только извѣстій о битвахъ; изъ этого числа битвъ болѣе тридцати было выиграно Русскими. Изъ общаго числа извѣстій о войнахъ сорокъ пять относятся къ войнамъ съ Татарами, сорокъ одно къ войнѣ съ Литовцами, тридцать съ Нѣмцами Ливонскими; остальные относятся къ войнѣ со Шведами, Болгарами и проч. На югѣ до Литовскаго владычества встрѣчаемъ сорокъ съ чѣмъ-нибудь извѣстій о войнахъ внѣшнихъ, въ томъ числѣ одиннадцать извѣстій о битвахъ, изъ которыхъ восемь были выиграны Русскими. Во время междоусобныхъ войнъ на сѣверѣ встрѣчаемъ разъ тридцать пять извѣстій о взятіи городовъ, причемъ разъ пять попадаютъ осады неудачныя; во внѣшнихъ войнахъ разъ пятнадцать упоминается о взятіи городовъ Русскими, разъ семь неудачныя осады; разъ семнадцать Русскіе отбили осаждающихъ отъ своихъ городовъ, разъ около семидесяти упоминается о взятіи Русскихъ городовъ, преимущественно Татарами, во время нашествій Батыева, Тохтамышева, Едигеева. На югѣ во внѣшнихъ войнахъ разъ семь упоминается о взятіи городовъ Русскими, раза три избавленіе Русскихъ городовъ отъ осады, разъ неудачная осада Русскими, разъ одиннадцать взятіе городовъ Русскихъ неприятелемъ.

Касательно осадъ городовъ, въ самомъ началѣ описываемаго періода мы уже встрѣчаемъ извѣстія о стѣнобитныхъ орудіяхъ, порокахъ, таранахъ, турахъ. Во время осады Чернигова Данииломъ Романовичемъ Галицкимъ и Владиміромъ Рюриковичемъ Кіевскимъ, осаждающіе поставили таранъ, который металъ камнемъ на полтора перестрѣла, а камень былъ въ подъемъ четверемъ мужчинамъ сильнымъ. Ростиславъ Михайловичъ Черниговскій, во время осады Ярославля Галицкаго, употреблялъ пороки или праки. Вотъ какъ описывается взятіе приступомъ города Гостинаго Волынскаго войсками, отправленными на помощь къ Польскому князю Кондрату: «Когда полки пришли къ городу и стали около него, то начали пристроиваться на

взятіе города; князь Кондрать ѣздилъ и говорилъ Русскимъ: «Братья моя милая Русь! потяните за одно сердце!» и ратники полѣзли подъ забрала, а другіе полки стояли неподвижно, сторожа, чтобъ Поляки не подкрались внезапно. Когда ратники приехали подъ забрала, то Поляки стали пускать на нихъ камни, точно градъ сильный, но стрѣлы осаждающихъ не давали осажденныхъ выникнуть изъ забралъ; потомъ начали колоться копьями; много было раненыхъ въ городѣ отъ копій и стрѣлъ, и начали мертвые падать изъ забралъ какъ снопы; такимъ образомъ взятъ былъ городъ и сожженъ, жители перебиты и поведены въ плѣнъ³⁸⁹.» На сѣверѣ, Новгородцы, собираясь въ походъ подъ Раковоръ, прискакали мастеровъ, которые стали чинить пороки на владычномъ дворѣ. Во время осады Твери Димитріемъ Донскимъ, осаждающіе окружили городъ острогомъ, приставили туры и приметали приметъ около всего города; эта осада продолжалась четыре недѣли, городъ не былъ взятъ, потому что Тверской князь успѣшилъ заключить миръ съ Московскимъ. Первымъ дѣломъ осаждающихъ было пожечь посадъ и всѣ строенія около осажденной крѣпости или города; но иногда это дѣлали сами осажденные, готовяся къ осадѣ. Въ разсказѣ объ осадѣ Москвы Тохтамышемъ въ первый разъ упоминаются пушки и тюфяки, употребленные осажденными; тутъ же упоминаются и самострѣлы; осажденные, кромѣ того, что бросали камни и стрѣлы, лили на осаждающихъ также горячую воду. Московскій кремль ни разу не былъ взятъ силою, ибо Тохтамышъ овладѣлъ имъ хитростію; Смоленскъ оба раза былъ взятъ Витовтомъ также хитростію; Тверь послѣ Татарскаго нашествія съ Калитою, ни разу не была взята; Новгородъ не былъ взятъ никогда; Псковъ выдержалъ шесть осадъ отъ Нѣмцевъ.

Относительно числа войскъ въ описываемое время у насъ еще менѣе точныхъ извѣстій, чѣмъ даже въ періодъ предшествовавшій. Правда, мы имѣемъ извѣстіе о числѣ Русскаго войска, сражавшагося на Куликовомъ полѣ, но это извѣстіе почерпнуто изъ украшенныхъ сказаній и есть еще другіе причины сомнѣваться въ его вѣрности. Когда Великій Князь Димитрій перевезся черезъ Оку и сосчиталъ своихъ ратниковъ, то нашель, что ихъ болѣе двухъ сотъ тысячъ, причемъ Великій Князь жалѣлъ, что у

него мало пѣхоты, и оставилъ у Лопастны велпкаго воеводу своего Тимоея Васильевича, чтобъ онъ провожалъ по Рязанской землѣ тѣ пѣшіе и конные отряды, которые будутъ приходить послѣ. И дѣйствительно потомъ сказано, что пришло къ нему много пѣхоты, много житейскихъ людей и купцовъ изовсѣхъ земель игородовъ, такъ что послѣ ихъ прихода насчиталось уже болѣе 400,000 войска. Но если мы примемъ въ соображеніе, что Димитрій долженъ былъ ограничиться силами одного Московскаго и Великаго Княжества съ подручными князьями и отрядомъ двухъ Олгердовичей, что извѣстіе о приходѣ Новгородцевъ болѣе чѣмъ сомнительно, что на извѣстіе о Тверской помощи также нельзя много настаивать, что о полкахъ Нижегородскихъ и Суздальскихъ нѣтъ и помину, то извѣстіе о 400,000 войска не можетъ не показаться преувеличеннымъ. Въ Суздальскомъ бою съ Василиемъ Темнымъ было только полторы тысячи войска, хотя съ нимъ были тутъ князья Можайскій, Верейскій и Серпуховской, недоставало одного Шемяки, чтобъ всѣ силы Московскаго княжества были въ сборѣ. Новгородцы выставили противъ Василія Темнаго 5,000 войска, и эту рать лѣтописецъ называетъ великою вельми. Разумѣется, мы не можемъ сравнивать похода Василія Темнаго на Казанскаго хана, съ походомъ дѣда его Димитрія на Мамай: самыя жалобы лѣтописца на чрезмѣрное истощеніе областей Московскихъ послѣ Куликовской битвы показываютъ напряженіе чрезвычайное.

Таково является, по источникамъ, состояніе дружины и войска вообще. Что касается до остальнаго народонаселенія, городского и сельскаго, то города сѣверовосточной Руси въ описываемое время вредставляются намъ съ другимъ значеніемъ, чѣмъ какое видѣли мы у городовъ древней, югозападной Руси. Усобицы между князьями продолжаются по прежнему, но города не принимаютъ въ нихъ участія какъ прежде, ихъ голоса не слышно; ни одинъ князь не собираетъ вѣча для объявленія городовому народонаселенію о походѣ или о какомъ-нибудь другомъ важномъ дѣлѣ, ни одинъ князь не уряживается ни о чемъ съ горожанами. За Владимиръ и его область борются князья — Переяславскій и Городецкій, Московскій и Тверской, но расположеніе Владимирцевъ къ тому или другому сопернику никогда не кладется на вѣ-

сы для рѣшенія спора, какъ нѣкогда расположеніе Кіевлянъ; цѣ-
 ня важность Владимира и его области, борясь за нихъ, князья
 однако перестаютъ жить въ стольномъ городѣ отцевъ, остаются
 въ своихъ опричиннахъ; это обстоятельство должно было бы
 дать Владимирцамъ большую независимость при обнаруженіи
 своего расположенія въ пользу того или другаго соперника: но
 ничего подобнаго не видимъ. Начинается усобица въ Московс-
 комъ княжествѣ между дядею и племянникомъ; одинъ изгоняетъ
 другаго изъ Москвы, какъ нѣкогда изъ Кіева, но о голосѣ Моск-
 вичей ни слова, ни слова о томъ, чтобъ князья соперники при-
 слушивались къ этому голосу, спрашивали его; говорится о за-
 говорѣ многихъ Москвичей, бояръ, гостей и чернецовъ въ поль-
 зу Шемяки противъ Василія Темнаго, но ни слова о вѣчѣ, о глас-
 номъ выраженіи народнаго мнѣнія, о распрѣ сторонъ между граж-
 данами, какъ это мы видѣли въ старину на югѣ; два раза Москва,
 лишенная князей, предоставляется себѣ самой; во время Тохта-
 мышева нашествія и послѣ Суздальскаго боя, и ни въ томъ, ни
 въ другомъ случаѣ ни слова о вѣчѣ; лѣтописецъ говоритъ только
 о волненіи, которое въ первомъ случаѣ было утишено прибы-
 тіемъ князя Остея. Три раза упоминаются вѣча или возстанія: два
 раза вѣча простыхъ людей на бояръ — въ Костромѣ, Нижнемъ,
 Торжкѣ, одинъ разъ вѣче въ Ростовѣ на Татаръ; упоминаются и
 прежде совѣты на Татаръ въ городахъ, при чемъ видимъ и учас-
 тіе князей ³⁹⁰; но въ старыхъ городахъ, Смоленскѣ, Муромѣ,
 Брянскѣ, жители вмѣшиваются въ княжескія усобицы: Смольяне
 не хотѣли имѣть своимъ княземъ Святослава Мстиславича, и по-
 слѣдній долженъ былъ силою сѣсть у нихъ на столъ; Брянцы
 сходятся вѣчемъ на князя своего Глѣба Святославича; въ Муромѣ
 обнаруживаются двѣ стороны, изъ которыхъ одна стоитъ за кня-
 зя Ѳедора Глѣбовича, а другая за Юрія Ярославича.

Но и въ описываемое время существовалъ на сѣверѣ городъ,
 который, не смотря на усилія Андрея Боголюбскаго, Всеволода
 III, сына его Ярослава, внука Ярослава, правнука Михаила, со-
 хранилъ прежнее значеніе старшихъ городовъ въ областяхъ, зна-
 ченіе власти, сохранилъ прежній обычай, какъ на думу, на вѣче
 сходятся: то былъ Новгородъ Великій. Мы видѣли, какъ въ слѣд-
 ствіе родовыхъ княжескихъ отношеній и усобицъ, явились ряды,

какъ Великіе Князья рядились съ Кіевлянами, какъ послѣ Всеволода Ольговича тиунъ въ Кіевѣ становился выборнымъ отъ города; мы видѣли, что въ слѣдствіе тѣхъ же самыхъ обстоятельствъ, но еще болѣе усиленныхъ, явился ряды и въ Новгородѣ, и здѣсь посадники и тысяцкіе стали выборными. Мы видѣли, что начало рядовъ Новгородскихъ должно отнести ко временамъ Всеволода Мстиславича; но дошедшая до насъ самая древняя изъ договорныхъ грамотъ Новгородскихъ съ Великими Князьями относится ко временамъ Ярослава Ярославича; послѣ этого князя мы имѣемъ цѣлый рядъ подобныхъ грамотъ съ малыми измѣненіями одна противъ другой, ибо Новгородцы держались старины: новыя отношенія, явившіеся на сѣверѣ, не могли дать имъ новыхъ льготъ; все стараніе ихъ долженствовало быть направлено къ тому только, чтобъ удержать прежнее.

Такъ въ началѣ грамотъ Новгородцы обыкновенно говорятъ, чтобъ князь цѣловалъ крестъ на томъ, на чемъ цѣловали дѣды и отцы, держать Новгородъ въ старинѣ, по пошлинѣ, безъ обиды; послѣ исчисленія всѣхъ условій говорится, что такъ пошло отъ дѣдовъ и отцевъ. Въ грамотахъ Ярослава Ярославича говорится только о крестоцѣлованіи княжескомъ; но въ грамотахъ сына его Михаила является уже и клятва Новгородцевъ—держать княженіе честно, по пошлинѣ, безъ обиды; наконецъ съ того времени, какъ младшіе, удѣльные князья Московскіе начали присягать—держать княженіе старшихъ честно и грозно, Новгородцы также должны были внести въ свои грамоты: грозно. Договоръ заключался отъ имени владыки, посадника, тысяцкаго, соцкихъ, отъ всѣхъ старѣйшихъ, отъ всѣхъ меньшихъ, отъ всего Новгорода. Владыка посылалъ князю благословеніе, остальные сановники и жители поклонъ.

По условіямъ, опредѣлявшимъ права князя, какъ правителя, князь держалъ всѣ волости Новгородскія не своими мужами, но мужами Новгородскими. Мы не должны забывать, что подъ именемъ волостей разумѣлось тогда не только то, что мы теперь разумѣемъ подъ этимъ названіемъ, но также должности, доходы. Князь безъ посадника не раздавалъ волостей, не давалъ грамотъ. Князь рядилъ Новгородъ и раздавалъ волости, находясь въ Новгородѣ, но не могъ дѣлать этого, находясь въ Суздальской землѣ;

безъ вины не лишалъ никого волости. На Нѣмецкомъ дворѣ князь торговалъ посредствомъ купцовъ Новгородскихъ, не могъ затворять двора, приставлять къ нему приставовъ, нарушать договоровъ, заключенныхъ съ городами Нѣмецкими, долженъ былъ, по выраженію грамотъ, блюсти Новгородскую душу, т. е. не дѣлать Новгородцевъ клятвopеступниками передъ Нѣмцами. — Изъ этихъ условій видимъ, что давать грамоты, скрѣплять ими извѣстныя права—принадлежало князю, только при участіи посадника; но потомъ Новгородъ, въ этомъ отношеніи, забылъ старину, и грамоты стали даваться на вѣчѣ безъ участія князя; такъ дана была жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю въ слѣдующей формѣ: «По благословенію господина преосвященнаго архіепископа богоспасаемаго Великаго Новгорода владыки Еуеимія, по старой грамотѣ жалованной, пожаловали посадникъ Великаго Новгорода Дмитрій Васильевичъ и всѣ старые посадники, тысяцкой Михайла Андреевичъ и всѣ старые тысяцкіе, и бояре, и житые люди, и купцы, и весь Господинъ Великій Новгородъ на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ ³⁹¹.» Великій Князь Василій Васильевичъ уничтожилъ эту новизну; въ его договорѣ съ Новгородцами читаемъ условіе: «вѣчными грамотамъ не быть,» вмѣстѣ съ другимъ условіемъ: «А печати быть князей великихъ.» Понятно, что, присвоивши себѣ право давать грамоты отъ вѣча, безъ князя, Новгородцы привѣщивали къ этимъ грамотамъ и свою городовую печать.

По условіямъ, опредѣлявшимъ права князя, какъ судьи, князь не судилъ суда безъ посадника; Новгородцы обязываются не отнимать суда у великокняжескихъ намѣстниковъ, исключая двухъ случаевъ: во-первыхъ, когда придетъ вѣсть о вторженіи непріятеля; во вторыхъ, когда жители будутъ заняты укрѣпленіемъ города, и обвиненные или тяжущіеся не будутъ имѣть времени отвѣчать передъ судомъ. Соцкіе и рядовичи безъ великокняжескаго намѣстника и безъ посадника не судятъ нигдѣ. Зовъ къ суду по волости производится посредствомъ позовниковъ великокняжескихъ и Новгородскихъ, въ городѣ посредствомъ подвойскаго великокняжескаго и Новгородскаго. Если князю донесутъ на кого-бы то ни было, то онъ не даетъ вѣры доносу, прежде нежели изслѣдуется дѣло; князь не посуживаетъ грамотъ, т. е. не пе-

ремѣняетъ грамотѣ, данныхъ прѣжними князьями; не посужаетъ ряду вольнаго, т. е. когда соперники полюбовно уладятъ дѣло между собою; не замышляетъ самъ суда; не даетъ вѣры навѣтамъ холопа или рабы на господина; не судить ни холопа, ни рабы, ни половника безъ господаря ихъ; дворяне княжескіе изъ Новгородской волости за рубежъ суда не выводятъ и не судятъ, вѣз чей пошрины не берутъ. Если случится судъ великокняжескому челоуѣку съ Новгородцемъ, то судятъ отъ Великаго Князя бояринъ, и отъ Великаго Новгорода бояринъ, судятъ право, по крестному цѣлованію. Если же заспорятъ, не смогутъ рѣшить дѣла, то когда Великій Князь или его братъ, или сынъ пріѣдутъ въ Новгородъ, тогда рѣшатъ это дѣло. Судей своихъ по волости князь шлетъ на Петровъ день.

По условіямъ, опредѣлявшимъ доходы княжескіе, князь получалъ даръ отъ всѣхъ Новгородскихъ волостей; въ Торжкѣ и Волокѣ держалъ тиуна въ той части этихъ городовъ, которая ему принадлежала, а въ Вологдѣ тиуна не держалъ; на двухъ погостахъ, Имоволожскомъ и Важанскомъ бралъ куны; когда князь ѣхалъ въ Новгородъ, то бралъ даръ по станціямъ (постояніямъ), а когда ѣхалъ изъ Новгорода, тогда дара не бралъ. Судныхъ пошлинъ Новгородцы обязываются не утаивать, равно какъ всякихъ доходовъ и оброковъ княжескихъ. Пошрины Великимъ Князьямъ и митрополиту отъ владыки брать по старинѣ. Крюкъ Великимъ Князьямъ по старинѣ на третій годъ. Князь пользовался въ назначенныхъ мѣстахъ правомъ косить сѣно, ловить звѣрей, рыбу, варить медъ³⁹². Князь собиралъ дань въ Заволоцкихъ владѣніяхъ Новгорода; но онъ или продавалъ (отдавалъ на откупъ) эту дань Новгороду, или могъ посылать и своего мужа, но только изъ Новгорода, въ двухъ насадахъ, и никакъ не съ Низу, и потомъ посланный долженъ былъ возвращаться опять въ Новгородъ, а не прямо къ Великому Князю; раздавать даней на Низу князь не могъ. Въ Вотскую землю князь посылалъ ежегодовъ. Дворяне княжескіе и тиуны его имѣютъ право брать прогоны³⁹³; но дворяне не имѣютъ права по селамъ брать подводы у купцовъ, развѣ только въ томъ случаѣ, когда надобно дать вѣсть о приближеніи непріятеля. Ни князь, ни княгиня, ни бояре, ни дворяне ихъ

не могли въ Новгородской волости держать селъ, покупать ихъ, принимать въ даръ, также ставить слободъ и мытовъ.

Изъ всѣхъ этихъ условій видно, что Новгородъ не платилъ Великому Князю дани, исключая даней Заволоцкихъ, о которыхъ упоминается еще подъ 1133 годомъ. Но мы видѣли, что въ 1259 году наложена была на Новгородъ дань Татарская, число; летописецъ говоритъ, что Татары переписали дома христіанскіе, и что богатымъ было легко, а бѣднымъ тяжело³³⁴; изъ послѣднихъ словъ можно видѣть, что количество платимой суммы было одинаковое для всѣхъ жителей, дань была наложена безъ соображенія съ средствами плательщика. Но мы видѣли также, что Татары скоро перестаютъ сами собирать дань, и поручаютъ это князьямъ, которые такимъ образомъ получаютъ возможность распорядиться сборомъ дани по-своему; тоже самое дѣлаютъ и Новгородцы: они платятъ Великому Князю такъ называемый черный боръ для хана, и вносятъ въ свои договоры условие: «Если приведется Князьямъ Великимъ взять черный боръ, и намъ черный боръ дать по старинѣ » Такъ, когда Димитрій Донской, послѣ Тохтамышева нашествія, долженъ былъ дать въ Орду большой выходъ, то послалъ и въ Новгородъ брать черный боръ³³⁵. Какъ брался этотъ черный боръ, мы знаемъ изъ данной Новгородской грамоты Великому Князю Василю Васильевичу на черный боръ по Новоторжскимъ волостямъ³³⁶. «Брать Князя Великаго чернорборцамъ на Новоторжскихъ волостяхъ на всѣхъ, куда пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ новой, да писцу княжому мортка съ сохи; а въ соху два коня да третье припряжь, да тишанъ кожевничій за соху (идеть), неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣшци за соху, ладья за двѣ сохи, црѣвъ за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взять за полсохи; гдѣ Новгородецъ заѣхалъ лодью, или торгуеть лавкою, или староста, на томъ не брать; и кто будетъ одерноватый, беретъ мѣсячину, на томъ также не брать. Кто, покинувъ свой дворъ, вбѣжитъ во дворъ боярскій, или кто утаитъ соху и будетъ изобличенъ, тотъ платитъ за вину свою вдвое за соху.» Такимъ образомъ мы видимъ, что дань платилась съ промысловъ, и опредѣлялась величиною средствъ промышленника, при чемъ все про-

мысли приравнивались къ сохѣ, которая выражала опредѣленную величину средствъ, употребляемыхъ при обработкѣ земли.

Мы видѣли, что опредѣленіе однихъ только фпнансовыхъ отношеній Новгорода къ Великимъ Князьямъ можно отнести ко временамъ Ярослава 1-го, что опредѣленіе остальныхъ отношеній, какъ мы встрѣчаемъ его въ договорныхъ грамотахъ, должно быть отнесено ко временамъ позднѣйшимъ, началось не ранѣе княженія Ярополка Владиміровича въ Кіевѣ. Начавшіяся съ этихъ поръ усобицы между Мономаховичами и Ольговичами и между разными линиями Мономахова потомства, частыя перемѣны Великихъ Князей отразились въ Новгородѣ, который постоянно признавалъ свою зависимость отъ Великаго Князя, бралъ себѣ князя изъ его руки: и здѣсь начались волненія и усобицы, смѣны, изгнаніе князей, образовались партіи, приверженные то къ тому, то къ другому изъ нихъ; если сначала князья смѣнялись въ слѣдствіе смѣнъ въ Кіевѣ, то потомъ начали смѣняться въ слѣдствіе торжества той или другой стороны въ сакомъ Новгородѣ; чиновники княжескіе, посадники, тысяцкіе стали выборными, начали смѣняться въ слѣдствіе торжества той или другой стороны, въ слѣдствіе смѣны князей, съ которыми стали заключаться договоры, ряды. Князья южные, занятые своими родовыми счетами и усобицами, смотрѣли равнодушно на утверженіе такого порядка вещей въ Новгородѣ; если Ольговичи уступали Кіевлянамъ выборъ тиуна, то нѣтъ ничего удивительнаго, что другіе южные князья легко соглашались и на Новгородскія условія; Ізяславъ Мстиславичъ одинаково ведетъ себя какъ на Кіевскомъ, такъ и на Новгородскомъ вѣчѣ. Но съ тѣхъ поръ какъ приняли первенствующее положеніе князья сѣверные, мы видимъ постоянное враждебное столкновеніе ихъ съ бытомъ Новгорода, развившимся, по всѣмъ вѣроятностямъ, полнѣе, и опредѣлившимся точнѣе, нежели въ другихъ старыхъ городахъ. Всеволодъ III привелъ-было уже Новгородъ совершенно въ свою волю, сынъ его Ярославъ хотѣлъ сдѣлать тоже самое, хотѣлъ управлять Новгородомъ изъ пригорода Торжка: обомъ помѣшалъ южный князь Мстиславъ; Александръ Невскій шелъ по слѣдамъ предковъ; братъ его Ярославъ хотѣлъ привести Новгородъ въ свою волю съ помощію Татарскою, но былъ остановленъ

братомъ Василюмъ; Димитрій Александровичъ былъ остановленъ въ подобныхъ же намѣреніяхъ братомъ Андреемъ, Михаиломъ Тверской Юриемъ Московскимъ. Но Московскіе князья, получивши первенство, измѣняютъ поведеніе предшествовавшихъ князей относительно Новгорода: они оставляютъ въ покоѣ его бытъ, не допускаютъ только дальнѣйшаго распространенія Новгородскихъ правъ, напримѣръ освобожденія отъ митрополичьяго суда, и все вниманіе обращаютъ только на то, чтобъ получить съ Новгорода какъ можно больше денегъ, овладѣть его главными доходами, получаемыми съ Заволочья. Калита сталкивается враждебно съ Новгородомъ и всякій разъ за деньги, за то, что хочетъ взять съ него больше положеннаго; онъ дѣлаетъ также первую попытку овладѣть Заволочьемъ; сынъ его Симеонъ Гордый начинаетъ княженіе походомъ на Новгородъ—за деньги, за то, что Новгородцы не хотятъ позволить ему собирать дань на Торжокскихъ волостяхъ. Димитрій Донской идетъ на Новгородъ, когда, въ слѣдствіе Тохтамышева нашествія, онъ чувствуетъ большую надобность въ деньгахъ; Василій Димитріевичъ возобновляетъ попытку Калиты, хочетъ овладѣть Заволочьемъ; Темный беретъ съ Новгорода богатые окупы; но Темный уже сильнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ освободился отъ родичей, собралъ ихъ удѣлы, у него нѣтъ соперниковъ ни въ Твери, ни въ Нижнемъ, онъ не боится ни Литвы, ни Орды—и потому можетъ думать уже о послѣднемъ ударѣ Новгороду, объ уничтоженіи его стараго быта; онъ дѣйствительно думаетъ объ этомъ, но смерть мѣшаетъ исполненію думы.

Уже давно, по всѣмъ вѣроятностямъ, во второй четверти XII вѣка посадникъ въ Новгородѣ сталъ выборнымъ и занялъ мѣсто подлѣ князя при судѣ и раздачѣ волостей, хотя при этомъ князь не потерялъ вліянія при избраніи посадника и не лишился права требовать его смѣны, объявивши только вину его: такъ мы видимъ, что въ 1171 году князь Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города; князь Святославъ Мстиславичъ не могъ сдѣлать того же съ посадникомъ Твердиславомъ, потому что, вопреки условію, хотѣлъ лишить его должности безъ вины; въ описываемое время Александръ Невскій настоялъ на то, чтобъ посадникъ Ананія лишенъ былъ дол-

жности; братъ Невскаго Ярославъ требовалъ, чтобъ трое бояръ были лишены должности; Новгородцы упросили его простить этимъ людямъ, и удовольствоваться тѣмъ, что должность тысяцкаго отъ дана была, по его волѣ, человѣку, ему преданному. Отъ начала XV вѣка дошло до насъ иностранное извѣстіе (Ланвоа), что посадники и тысяцкіе мѣнялись ежегодно. Мы видимъ, что Великіе Князья посылають въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ; какое же было значеніе этихъ лицъ? Подъ 1342 годомъ лѣтописецъ указываетъ намъ намѣстника великокняжескаго Бориса, который, вмѣстѣ съ владыкою Василюемъ, примирилъ враждующія стороны; подъ 1375 годомъ встрѣчаемъ другое извѣстіе о намѣстникѣ: Новгородцы, желая упросить владыку Алексѣя, чтобъ онъ не оставлялъ епископіи, стали вѣчемъ на дворѣ Ярослава, и послали съ челобитьемъ къ владыкѣ съ вѣча намѣстника великокняжескаго Ивана Прокшинича, посадника, тысяцкаго и другихъ многихъ бояръ и добрыхъ мужей: здѣсь, какъ и слѣдуетъ ожидать, намѣстникъ занимаетъ мѣсто выше городскихъ сановниковъ. Въ описываемое время, когда попадаютъ извѣстія о довольно значительныхъ войнахъ Новгородцевъ съ Шведами, Ливонскими Нѣмцами, Литвою, войнахъ, которыя объявлялись формально и оканчивались мирными договорами, можно усмотрѣть степень участія князя или намѣстника его во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ рѣшеніяхъ относительно войны и мира. Подъ 1242 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что послѣ Ледоваго побоища, Нѣмцы прислали въ Новгородъ за миромъ съ поклономъ, безъ князя (Александра), и миръ былъ заключенъ. Подъ 1256 годомъ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе, что Александръ Невскій выступилъ въ походъ съ своими полками и Новгородскими, при чемъ Новгородцы не знали, куда, на какой народъ князь идетъ—знакъ, что Александръ не объявлялъ на вѣщъ о походѣ, не спрашивалъ согласія гражданъ на него. Орѣховскій договоръ со Шведами, заключенный въ 1323 году, начинается такъ: «Я, Князь Великій Юрій, съ посадникомъ Вареломеемъ, тысяцкимъ Авраомомъ и со всѣмъ Новгородомъ, докончалъ съ братомъ моимъ, Свейскимъ королемъ³⁹⁷.» Во времена Московскихъ князей, предоставившихъ Новгородъ самому себѣ, дававшихъ Литовскимъ князьямъ право показнть Новгородцевъ, если они сгрубятъ имъ, въ это время, разумѣт-

ся, вѣче получило большую свободу въ опредѣленіи своихъ внѣшнихъ отношеній: такъ видимъ, что когда Шведскій король Магнусъ прислалъ въ Новгородъ съ требованіемъ принять католицизмъ, грозя въ противномъ случаѣ войною, то въ совѣщаніи по этому случаю видимъ владыку, посадника, тысяцкаго и всѣхъ Новгородцевъ—о намѣстникѣ великокняжескомъ не упомянуто; а при заключеніи договора съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ Новгородцы вносятъ условіе, чтобы Великій Князь безъ Новгородскаго слова не замышлялъ войны. Но при этомъ князь не терялъ своего участія во внѣшнихъ сношеніяхъ: въ 1420 году Орденъ прислалъ пословъ въ Новгородъ съ предложеніемъ назначить съѣздъ для мирныхъ переговоровъ. Въ это время въ Новгородѣ жилъ князь Константинъ Дмитріевичъ, разсорившійся съ братомъ, Великимъ Княземъ Василиемъ; Новгородцы приняли его въ честь, дали ему пригороды, бывшіе прежде за Литовскими князьями, и кромѣ того по всей волости Новгородской сборъ пошрины, называемой коробейщиною; но въ то же время въ Новгородѣ находился и намѣстникъ Великаго Князя Василія, князь Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, и вотъ, по словамъ лѣтописца, Нѣмецкіе послы условились съ княземъ Константиномъ и со всѣмъ Великимъ Новгородомъ, что быть на съѣздъ самому магистру, а князю Константину и Новгородцамъ послать своихъ бояръ; вслѣдствіе чего были посланы на съѣздъ намѣстникъ великокняжескій, князь Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, бояринъ князя Константина—Андрей Константиновичъ, двое посадниковъ и трое бояръ Новгородскихъ³⁹⁸. Наконецъ изъ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотъ Новгородцевъ съ Любекомъ и Готскимъ берегомъ—одна, относящаяся къ концу XIII или началу XIV вѣка, написана отъ имени Великаго Князя Андрея, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода; въ ней сказано, что гости будутъ на Божіихъ рукахъ, княжескихъ и всего Новгорода; другая грамота, относящаяся ко второй половинѣ XIV вѣка, половинѣ Московской или намѣстнической, написана отъ имени архіепископа, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода.

Изъ двѣнадцати смуть въ Новгородѣ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, въ періодъ отъ 1054 до 1228 года только двѣ не были въ связи съ княжескими перемѣнами: возстаніе концевъ

вслѣдствіе бѣгства Матея Душильевича въ 1218 году, и возста-
 ніе на владыку Арсенія въ 1228 году. Въ періодъ времени отъ
 1228 до 1462 года лѣтописецъ упоминаетъ 21 разъ о смутахъ,
 изъ которыхъ только четыре были въ связи съ княжескими отно-
 шеніями. Большею частію Новгородцы возстаютъ на своихъ са-
 новниковъ, при чемъ нельзя не усмотрѣть борьбы двухъ сторонъ,
 стороны лучшихъ и стороны меньшихъ людей. Мы видѣли, что и
 въ періодъ отъ 1054 до 1228 года посадники избирались обыкно-
 венно изъ одного извѣстнаго круга знатныхъ фамилій; если при
 избраніи въ другія должности слѣдовали тому же обычаю, то лег-
 ко понять, какое значеніе должны были получить знатныя фамилі-
 іи, какія общія цѣли должны были онѣ преслѣдовать, и какія вол-
 ненія въ городѣ должна была производить вражда нѣкоторыхъ
 изъ нихъ другъ съ другомъ. Мы видѣли, къ какимъ явленіямъ
 повела распря Степана Твердиславича съ Водовикомъ въ 1230 го-
 ду; въ 1235 г. лучшие люди составляютъ совѣтъ—побить мень-
 шихъ и ввести князя на своей волѣ; на раздѣленіе интересовъ
 обѣихъ сторонъ лѣтописецъ указываетъ также въ извѣстіи о на-
 ложеніи дани Татарской; тоже самое видимъ и въ смутѣ 1418 го-
 да. Но здѣсь рождается вопросъ о происхожденіи бояръ Новго-
 родскихъ: было ли это званіе наследственнымъ въ нѣкоторыхъ
 фамиліяхъ, или нѣтъ? Извѣстно, что въ нашей древней исторіи
 никогда и нигдѣ боярское званіе не было наследственнымъ; боя-
 рами назывались старшіе члены дружины, думцы, совѣтники кня-
 зя, который возводилъ въ это званіе, давалъ это значеніе или сы-
 новьямъ своихъ старыхъ бояръ и дружинниковъ вообще, смотря
 по мѣрѣ ихъ достоинства, или людямъ, вновь вступающимъ въ
 дружину, смотря опять по достоинству и по разнымъ другимъ
 условіямъ: разумѣется происхожденіе отъ знаменитаго и люби-
 маго княземъ боярина давало его сыну большее право и легкость
 къ достиженію того же званія; но въ случаѣ нужды и дѣтскіе мо-
 гли стать боярами, какъ обѣщаль сдѣлать князь Владиміръ Мсти-
 славичъ при извѣстномъ случаѣ³⁹⁹. Но мы должны строго разли-
 чать въ источникахъ названіе боярина въ значеніи старшаго чле-
 на дружины, названіе, употребляющееся въ противоположность
 съ названіями другихъ младшихъ членовъ дружины, и тоже самое
 названіе, употребленное въ общемъ смыслѣ, въ смыслѣ знат-

ныхъ, большихъ людей. въ смыслѣ дружины вообще, съ противоположеніемъ ей всего остального народонаселенія, людей простыхъ, черныхъ. Такъ и въ Новгородской лѣтописи названіе бояръ употребляется въ общемъ смыслѣ знатныхъ людей, вѣчшихъ, въ противоположность меньшимъ, простымъ. Подъ именемъ бояръ или большихъ, вѣчшихъ людей въ Новгородѣ разумѣются всѣ правительственные лица, какъ отправляющія свою должность, такъ и старыя, члены всѣхъ тѣхъ знатныхъ фамилій, которыя успѣли сосредоточить въ своемъ кругу правительственные должности. Сынъ посадника имѣлъ важное значеніе, какъ сынъ посадника, какъ сынъ при этомъ знаменитаго, могущественнаго по своему вліянію человѣка, и вслѣдствіе этого принадлежалъ къ числу большихъ, знатныхъ людей, бояръ, назывался бояриномъ въ отличіе отъ обыкновеннаго, простаго человѣка, а не потому онъ назывался такъ, что имѣлъ особый санъ боярина, или принадлежалъ къ сословію бояръ. Татары, боясь волненія народнаго въ Новгородѣ, просятъ князя Александра, чтобъ онъ приставилъ къ нимъ сторожей, и князь велитъ стеречь ихъ сыну посадничьему и всѣмъ дѣтямъ боярскимъ; потомъ, по смерти Александра Невскаго, Новгородцы послали за братомъ его Ярославомъ сына посадничьяго и лучшихъ бояръ.

Слово: бояре въ общемъ значеніи лучшихъ, знатныхъ людей, противопологаемыхъ простымъ людямъ, употребляется не въ одной Новгородской, но и во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ; понятно, что въ другихъ княжествахъ подъ именемъ бояръ обыкновенно члены дружины противопоставляются всему остальному народонаселенію. Такъ подъ 1315 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Аванасій Даниловичъ пошелъ изъ Новгорода въ Торжокъ съ Новгородскими боярами безъ черныхъ людей⁴⁰⁰; при описаніи усобицы въ Твери, говорится, что тяжело было боярамъ и слугамъ, тяжело было и чернымъ людямъ⁴⁰¹. О Димитріи Донскомъ сказано, что онъ, желая предупредить Михаила Тверскаго, привелъ по всѣмъ городамъ къ присягѣ бояръ и черныхъ людей⁴⁰². При описаніи Раковорской битвы Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что много пало добрыхъ бояръ, а иныхъ черныхъ людей безъ числа⁴⁰³. Встрѣчается и старинное названіе люди, въ значеніи простыхъ, черныхъ людей и въ противоположность знатнымъ, бо-

ярамъ, дружинѣ вообще; такъ говорится, что Тверской князь Михаилъ Александровичъ, пожегши Дмитровскіе посады, волости и села, бояръ и людей привелъ плѣнными въ Тверь ⁴⁰⁴; а въ Волынской лѣтописи встрѣчаемъ названіе простыхъ людей, въ противоположность боярамъ ⁴⁰⁵. Наконецъ, въ противоположность дружинѣ, все остальное народонаселеніе носить названіе земскихъ людей ⁴⁰⁶. Такимъ образомъ, въ противоположность князьямъ, всѣ не-князья были смерды, черные люди; въ противоположность боярамъ и дружинѣ вообще все остальное народонаселеніе также носило названіе простыхъ, черныхъ людей; изъ этого народонаселенія будутъ выдѣляться новые высшіе разряды или сословія, и всѣ остальные низшіе, въ отношеніи къ этимъ новымъ разрядамъ, будутъ называться также черными людьми. Такъ въ Новгородѣ, при подробномъ перечисленіи слоевъ городского народонаселенія, послѣ бояръ встрѣчаемъ житыхъ людей, значительныхъ по своему богатству, людей, которые, не принадлежа къ городской аристократіи, къ лицамъ и фамиліямъ правительственнымъ, не принадлежали также и къ купцамъ, ибо не занимались торговлею. За житыми людьми или мужами ⁴⁰⁷ слѣдуютъ купцы, и наконецъ черные люди; подъ 1398 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что ко Владыкѣ Новгородскому пришли бить челомъ посадники, бояре, дѣти боярскіе, житые люди и купеческія дѣти; иногда житые люди помѣщаются послѣ кунцовъ ⁴⁰⁸. Тѣже самыя части городского населенія, кромѣ житыхъ людей, видимъ и во всѣхъ другихъ городахъ сѣверовосточной Руси: когда князь Юрій Ярославичъ обновилъ запустѣлый Муромъ, и поставилъ въ немъ свой дворъ, то ему подражали въ этомъ бояре, вельможи, купцы и черные люди ⁴⁰⁹. Въ Москвѣ кунцы уже раздѣляются на гостей и суконниковъ; Московскіе князья въ договорахъ своихъ условливаются обыкновенно — гостей, суконниковъ и городскихъ людей блюсти вмѣстѣ, и въ службу ихъ не принимать. Последнее условіе объясняется тѣмъ, что гости, суконники и вообще городскіе люди были люди данные или тяглые, и позволеніе переходить имъ въ дружину лишало бы князей главнаго источника доходовъ, лишало бы ихъ средствъ платить выходъ въ Орду. Послѣ, въ XVII вѣкѣ мы увидимъ, какой страшный ущербъ въ Московскихъ финансахъ былъ произведенъ стремленіемъ тяглыхъ городскихъ людей

выйти изъ податнаго состоянія вступленіемъ въ службу или зависимость отъ духовенства, бояръ и служилыхъ людей, и какія сильныя мѣры употребляло правительство для воспрепятствованія этому выходу. Тоже самое побужденіе заставляло князей и въ описываемое время условиваться не принимать въ службу данныхъ людей⁴⁰, ни купцовъ, ни черныхъ людей, ни численныхъ или числяковъ, и земель ихъ не покупать; если же кто купилъ подобныя земли, то прежніе владѣльцы должны выкупить ихъ, если могутъ; если же не будутъ въ состояніи выкупить, то покупщики должны потянуть къ чернымъ людямъ; если же не захотятъ тянуть, то лишаются своихъ земель, которыя даромъ переходятъ къ чернымъ людямъ — распоряженіе, тождественное съ позднѣйшими распоряженіями, по которымъ бѣломѣстцамъ, людямъ нетяглымъ, запрещалось покупать земли тяглыхъ людей. Тоже самое побужденіе заставляло Московскихъ князей условиваться не держать въ Москвѣ закладней и не покупать человека съ дворомъ; князья обязываются также не покупать земель ордынцевъ и дѣлюевъ, которые должны знать свою службу, какъ было прежде, при отцахъ. Подъ именемъ дѣлюевъ разумѣются всякаго рода ремесленные и промышленные люди, поселенные на княжихъ земляхъ; ордынцами же называются плѣнники, выкупленные князьями въ Орду и поселенные также на княжихъ земляхъ⁴¹.

Городское тяглое населеніе по прежнему раздѣлялось на сотни: Новгородцы говорятъ въ своихъ грамотахъ, что купецъ долженъ тянуть въ свое сто, а смердь въ свой погостъ; здѣсь подъ смердомъ разумѣется сельскій житель. Московскіе князья въ своихъ договорахъ говорятъ о черныхъ людяхъ, которые тянутъ къ сотникамъ; иногда же говорятъ о черныхъ людяхъ, которые тянутъ къ становщику; и здѣсь надобно, думаемъ, понимать такъ, что въ первомъ случаѣ говорится о городскихъ людяхъ, а во второмъ о сельскихъ. Сотникъ или соцкій удерживаетъ прежнее значительное положеніе свое въ Новгородѣ; въ началѣ договорныхъ грамотъ съ князьями говорится, что шлется князю благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника, тысяцкаго и всѣхъ соцкихъ. Но если купцы и вообще горожане тянули къ своимъ соцкимъ, то соцкіе должны были тянуть къ тысяцкому; Великій Князь, въ

договорахъ съ удѣльными, выговариваетъ, чтобъ Московская рать по прежнему выступала въ походъ подъ ея воеводою, и чтобъ князья не принимали къ себѣ никого изъ этой рати; послѣднее условіе показываетъ намъ, что эта рать состояла изъ горожанъ; мы знаемъ также, что имя воеводы давалось преимущественно тысяцкому. Кромѣ собственныхъ горожанъ, тянувшихъ въ городскія сотни, могли жить въ городѣ на своихъ дворахъ холопи и сельчане княжескіе: такъ Дмитрій Донской условливается съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ послать въ городъ (Москву) своихъ намѣстниковъ, которые должны очистить холопей ихъ и сельчанъ; отъ этого происходило, что въ Москвѣ находились дворы, которые тянули къ селамъ ⁴¹².

На Вятское устройство могутъ указать намъ только первыя строки посланія митрополита Іоны, который обращается къ тремъ воеводамъ земскимъ, ко всѣмъ ватаманамъ, подвойскимъ, боярамъ, купцамъ, житымъ людямъ и ко всему христіанству ⁴¹³.

Въ городовой быту югозападной Руси до Литовскаго владычества самымъ замѣчательнымъ явленіемъ былъ приплывъ чуждаго народонаселенія — Нѣмцевъ, Жидовъ, Армянъ. Подъ 1259 годомъ Волинскій лѣтописецъ сообщаетъ намъ любопытное извѣстіе о построеніи и населеніи города Холма: однажды князь Данилъ Романовичъ, охотясь, увидалъ красивое и лѣсное мѣсто на горѣ, окруженной равниною (полемъ): мѣсто ему полюбилось, и онъ построилъ сперва на немъ маленькую крѣпость, а потомъ другую, большую, и началъ призывать отовсюду Нѣмцевъ и Русскихъ, иноязычниковъ и Поляковъ, и набѣжало много всякихъ ремесленниковъ отъ Татаръ: сѣдельники, лучники, тульники, кузнецы, мѣдники, серебряники, закипѣла жизнь, и наполнились дворами окрестности города (крѣпости), поле и села. Князь Мстиславъ Даниловичъ, для выслушанія завѣщанія брата своего Владиміра Васильевича, созываетъ во Владимірѣ Волинскомъ горожанъ (мѣстичей) — Русскихъ и Нѣмцевъ; на похоронахъ Владиміровыхъ плакали Нѣмцы, Сурожцы и Жиды. Во время Литовскаго владычества Жиды получили большія льготы; по грамотѣ Витовтовой, данной въ 1388 году ⁴¹⁴, за убійство, нанесеніе раны, побоевъ Жиду, виноватый отвѣчаетъ также, какъ за убійство, раны, побои, нанесенныя шляхтичу; если христіанинъ разгонитъ

Жидовское собраніе, то наказывается по обычаю земскому и все его имущество отбирается въ казну; за оскорбленіе, нанесенное школь Жидовской, виноватый платитъ великокняжескому старостѣ два фунта перцу. Жида можно заставить присягнуть на Десяти заповѣдяхъ только при важномъ искѣ, гдѣ дѣло идетъ не меньше какъ о 50 гривнахъ литаго серебра; въ другихъ же случаяхъ Жидъ присягаетъ передъ школою, у дверей. Жида заимодавца нельзя заставить выдать закладъ въ субботу. Если христіанинъ обвинитъ Жида въ убійствѣ христіанскаго младенца, то преступленіе должно быть засвидѣтельствовано тремя христіанами и тремя Жидами добрыми; если же свидѣтели объявятъ его невиннымъ, то обвинитель долженъ потерпѣть тоже наказаніе, какое предстояло обвиненному. — Во время Литовскаго владычества города Русскіе стали получать право Нѣмецкое, Магдебургское. Ставши королемъ Польскимъ, Ягайло немедленно, въ 1387 году, далъ Вильнѣ Магдебургское право; Великій Князь Сигизмундъ Кейстutowичъ въ 1432 году подтвердилъ это пожалованіе грамотою на Русскомъ языкѣ: въ слѣдствіе этого жители Вильны, какъ Римской, такъ и Русской вѣры, высвобождались изъ-подъ вѣдомства воеводъ, судей и всякихъ чиновниковъ великокняжескихъ, и во всѣхъ дѣлахъ расправлялись передъ своимъ войтомъ. Отъ того же Сигизмунда жители Вильны, какъ Ляхи, такъ и Русь, получили право безмытной торговли по всему княжеству Литовскому, въсчую и другія пошлины въ своемъ городѣ, а Великій Князь Казимиръ Ягайловичъ освободилъ ихъ отъ обязанности доставлять подводы. Въ привилегіи короля Казимира, данной Литовскимъ землямъ въ 1457 году, городскіе жители сравнены въ правахъ съ князьями, панами и боярами, кромѣ права выѣзжать за границу и кромѣ управы надъ подвластными людьми. — Старый Полодкъ, имѣвшій одинакій бытъ съ Новгородомъ-Великимъ, сохраняетъ этотъ бытъ, или, по-крайней-мѣрѣ, очень замѣтные слѣды его, и при князьяхъ Литовскихъ. Такъ видимъ, что онъ заключаетъ договоры съ Ригою, съ магистромъ Ливонскимъ, и привѣшиваетъ къ этимъ договорамъ свою печать. Король Казимиръ въ своей уставной грамотѣ Полоцку, говоритъ: «Приказываемъ, чтобы бояре, мѣщане, дворяне городскіе и все посольство жили въ согласіи, и дѣла бы на-

ши городскія дѣлали всё вмѣстѣ согласно, по старинѣ; а сходились бы всё на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде издавна сходились; и безъ бояръ мѣщанамъ, дворянамъ и черни сеймовъ не собирать » Для сбора денегъ на короля устроенъ былъ въ Полоцкѣ ящикъ за четырьмя ключами: ключъ боярскій, ключъ мѣщанскій, ключъ дворянскій и ключъ посполскій; для хранения ключей избирались изъ всѣхъ этихъ сословій по два человека добрыхъ, годныхъ и вѣрныхъ, которые одинъ безъ другаго ящика не отпирали. — Кто были эти дворяне? безъ сомнѣнія служба прежнихъ Полоцкихъ князей ⁴¹⁵.

Внѣшній видъ Русскаго города не различенъ отъ внѣшняго вида его въ прежде описанное время. Въ Москвѣ явилась каменная крѣпость (кремль) только въ княженіе Дмитрія Донскаго; мы видѣли, какъ во время Тохтамышева нашествія Москвичи хвалились, что у нихъ городъ каменный, твердый и ворота желѣзные. Въ 1394 году задумали въ Москвѣ копать ровъ отъ Кучкова поля въ Москву рѣку; много было людямъ убытка, говорить лѣтописецъ, много хоромъ разметали, много трудились, — и ничего не сдѣлали. Черезъ пять лѣтъ послѣ заложенія Московскаго кремля заложенъ былъ и каменный кремль Нижегородскій. Заложение обширной крѣпости въ Твери лѣтописецъ приписываетъ еще Св. Михаилу Ярославичу; но подъ 1368 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Твери срубили деревянную крѣпость и глиною помазали; потомъ князь Михаилъ Александровичъ велѣлъ около крѣпостнаго вала выкопать ровъ и валъ засыпать отъ Волги до Тмаки, а въ 1394 году тотъ же князь велѣлъ рушить обветшалую стѣну и тутъ же рубить брусемъ ⁴¹⁶. Какъ видно, Кремль Донскаго былъ единственною каменною крѣпостью во всемъ Московскомъ княжествѣ; въ Серпуховѣ князь Владиміръ Андреевичъ построилъ крѣпость дубовую ⁴¹⁷. Гораздо болѣе извѣстій о городскихъ постройкахъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ Новгородскихъ и Псковскихъ: въ 1302 году заложена была въ Новгородѣ каменная крѣпость; въ 1331 владыка Василій заложилъ городъ каменный отъ Владимірской церкви до Богородицкой, и отъ Богородицкой до Борисоглѣбской, и въ два года строеніе было окончено; а Юрьевскій архимандритъ Лаврентій поставилъ стѣны около своего монастыря, въ сорокъ сажень, съ заборами; въ 1334 году вла-

дыка покрылъ свой каменный городъ, а въ слѣдующемъ году заложилъ острогъ каменный отъ Ильинской церкви къ Павловской. Въ 1372 году выкопали ровъ около Людина конца, Загородья и Неревского конца; въ 1383 выкопали ровъ около Софійской стороны, къ старому валу; въ 1387 сдѣлали вадъ около Торговой стороны. Въ 1400 владыка Іоаннъ заложилъ каменный дѣтинецъ. Иностранному путешественнику Ланноа (въ началѣ XV вѣка) Новгородъ показался удивительно огромнымъ, но дурно укрѣпленнымъ, Псковъ, по его отзыву, укрѣпленъ былъ гораздо лучше⁴¹⁸. Дѣйствительно мы часто встрѣчаемъ извѣстія о городскихъ постройкахъ въ Псковѣ: въ 1309 г. здѣсь заложена была стѣна плитяная отъ Петропавловской церкви къ Великой рѣкѣ; въ 1374 году Псковичи заложили четвертую стѣну плитяную, отъ рѣки Псковы до Великой, подлѣ старой стѣнки, которая была съ дубомъ немного выше человѣческаго роста, а черезъ годъ поставили два костра каменныхъ на торгу; въ 1387 году поставили три каменныхъ костра у новой стѣны на приступъ; въ 1394 выстроили перши или перси; въ 1397 четыре костра каменныхъ; въ 1399 заложена новая стѣна съ тремя кострами; въ слѣдующемъ году поставлены два новыхъ костра, а въ 1401 году построили новую стѣну къ старой подлѣ рѣки Великой; въ 1404 заложили новую стѣну каменную подлѣ рѣки Псковы и старой стѣны, толще и выше послѣдней, и покрыли ее; въ 1407 выстроили стѣну противъ персей отъ гребли до сторожевой избы толще и выше; въ 1417 наняли мастеровъ, выстроили стѣну и поставили костеръ: въ Петровъ постъ кончили строеніе, а въ Успенскій оно упало; въ 1420 поставили новый костеръ, и выстроены были новыя перши: строили ихъ 200 человѣкъ, которые взяли у Пскова за работу 1,000 рублей, да тѣмъ, которые плиту обжигали, дали 200 рублей; но черезъ три года строеніе распалось. Въ 1452 году урядили новую стѣну у першей и въ ней 5 погребовъ; въ 1458 наддѣлали надъ старою стѣною новую, и дали за это мастерамъ полтора ста рублей.—Кромѣ самихъ Новгорода и Пскова, въ ихъ волости видимъ и нѣсколько другихъ каменныхъ городовъ: Копорье, Орѣшекъ, Ямскій городъ, Порховъ, Изборскъ, Гдовъ; какъ легко и скоро строили деревянные крѣпости, видно изъ извѣстія подъ 1414 годомъ, что Псковичи поста-

вили городъ Коложе въ двѣ недѣли; деревянную Московскую крѣпость Калиты начали рубить (строить) въ Ноябрь и кончили въ началѣ весны слѣдующаго 1338 года.

Въ Новгородѣ отъ 1228 до 1462 года было выстроено не менѣе 150 церквей, включая монастырскія и исключая поставленныя на мѣстѣ старыхъ, обветшалыхъ; изъ этого числа не менѣе 100 каменныхъ; въ періодъ предшествовавшій, какъ мы видѣли, было построено около 70 церквей, и такъ какъ число церквей, построенныхъ при Св. Владимірѣ и Ярославѣ I, нельзя простираť далеко за 20, то число всѣхъ церквей Новгородскихъ въ половинѣ XV вѣка можно полагать около 230; любопытно, что въ продолженіе первыхъ 42 лѣтъ — отъ 1228 до 1270 года — лѣтописецъ упоминаетъ о построеніи только двухъ церквей въ Новгородѣ. Во Псковѣ, въ описываемое время, построено было 35 церквей, изъ нихъ 23 каменныхъ, двѣ деревянныхъ и о десяти неизвѣстно. Въ Москвѣ лѣтопись упоминаетъ о построеніи только пятнадцати каменныхъ церквей: изъ этого, видно, какъ осталась главный городъ сѣверовосточной Руси отъ Новгорода и даже отъ Пскова; о количествѣ церквей Московскихъ въ половинѣ XIV вѣка можно судить по извѣстію о пожарѣ 1342 года: сказано, что погорѣлъ городъ Москва весь и церквей сгорѣло 18. Въ Нижнемъ Новгородѣ въ концѣ XIV вѣка было 32 церкви⁴¹⁹. — Упоминаются мостовыя во Псковѣ: напримѣръ въ 1308 году посадникъ Борисъ замыслилъ помостить торговище, и помостили, и было всѣмъ людямъ хорошо, заключаетъ лѣтописецъ; въ 1397 году снова помостили торговище; но мы видимъ, что отъ Пскова или Новгорода никакъ нельзя заключать къ другимъ городамъ, да и во Псковѣ мостили только торговую площадь, гдѣ было непрерывное стеченіе народа, для котораго, разумѣется, было хорошо, когда онъ не былъ принужденъ стоять по колѣна въ грязи. Эта мостовая была, разумѣется, деревянная, ибо каменной не было здѣсь и въ XVII вѣкѣ. Въ Новгородской и Псковской лѣтописи находимъ извѣстіе о построеніи мостовъ съ нѣкоторыми подробностями: напримѣръ въ 1435 году наняли Псковичи наймитовъ сорокъ человекъ строить новый мостъ на рѣкѣ Псковѣ; балки должны были доставить наймиты сами, а рѣпины, городни и дубья были Псковскія; наймитамъ заплачено было 70 рублей; въ 1456

году намостили мостъ большой черезъ рѣку Пскову, и дали мастерамъ ⁴²⁰ 60 рублей, да потомъ еще прибавили 20. Изъ городскихъ частей упоминаются въ Новгородѣ концы, улицы, полуулицы, улки ⁴²¹.

Что касается внѣшняго вида югозападныхъ Русскихъ городовъ, то мы знаемъ отзывъ Венгерскаго короля о Владимірѣ Волинскомъ, что такого города не находилъ онъ и въ Нѣмецкихъ земляхъ; городскія стѣны и на югѣ, какъ на сѣверѣ, утверждались пороками и самострѣлами. Въ Холмѣ, при Данилѣ Романовичѣ, среди города была построена башня высокая, съ которой можно было стрѣлять по окрестностямъ, основаніе ея было каменное, вышиною 15 лактей, а сама была построена изъ тесаннаго дерева, и выбѣлена, какъ сыръ, свѣтилась на всѣ стороны; подлѣ нея находился колодезь, глубиною въ 35 сажень. Въ поприщѣ отъ города находился столпъ каменный, а на немъ орелъ каменный изваянъ, высота камню 10 лактей, съ головами же и подножками. 12. О князѣ Владимірѣ Васильковичѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ много городовъ срубилъ; между прочимъ въ Каменцѣ поставилъ столпъ каменный, вышиною въ 17 сажень, такъ что всѣ удивлялись, смотря на него Столица великаго княжества Литовскаго, Вильна, въ началѣ XV вѣка состояла изъ дурныхъ деревянныхъ домовъ, имѣла деревянную крѣпость и нѣсколько кирпичныхъ церквей ⁴²².

Такъ какъ и въ описываемое время, кромѣ стѣнъ и церквей, остальное строеніе въ Русскихъ городахъ было почти исключительно деревянное, то и теперь пожары должны были свирѣпствовать по-прежнему. О Московскихъ пожарахъ лѣтопись упоминаетъ въ первый разъ подлѣ 1330 годовъ; въ 1335 году Москва погорѣла вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами; въ 1337 былъ новый большой пожаръ, при чемъ сгорѣло 18 церквей; послѣ пожара пошелъ сильный дождь, и что было вынесемо въ погребъ и на площади, то все потонуло. Въ 1342 подобный же пожаръ; въ 1357 Москва сгорѣла вся съ 13 церквами; въ 1364 году загорѣлась Москва во время сильной засухи и зноя, поднялась буря и разметала огонь повсюду: этотъ пожаръ, начавшійся отъ церкви Всѣхъ Святыхъ, слылъ большимъ; въ 1388 сгорѣла почти вся Москва; въ 1389 сгорѣло въ Москвѣ нѣсколько тысячъ

дворовъ; подобный же пожаръ въ 1395 году; потомъ упоминается о пожарѣ въ Москвѣ въ 1413, 1414, 1415, въ 1422, 1441; въ 1445 знаменитый пожаръ послѣ Суздальскаго бою; въ 1453 выгорѣлъ весь кремль; въ 1458 сгорѣло около трети города. Такимъ образомъ во 130 лѣтъ 17 большихъ пожаровъ, по одному на 7 лѣтъ. — Въ Новгородѣ въ 1231 году сгорѣлъ весь Славенскій конецъ; пожаръ былъ такъ лютъ, говоритъ лѣтописецъ, что огонь ходилъ по водѣ черезъ Волховъ; въ 1252 году опять погорѣло Славно; въ 1261 сгорѣло 80 дворовъ; въ 1267 сгорѣлъ конецъ Неревскій, при чемъ много товара погорѣло на Волховѣ въ ладьяхъ, все сгорѣло въ одинъ часъ, и многіе отъ того разбогатѣли, а другіе многіе обнищали; въ 1275 погорѣлъ торгъ съ семью деревянными церквами, четыре каменныхъ огорѣло, да пятая Нѣмецкая; въ 1299 году ночью загорѣлось на Варяжской улицѣ, поднялась буря, изъ Нѣмецкаго двора перекинуло на Неревскій конецъ, занялся большой мостъ и была великая пагуба: на торговой сторонѣ сгорѣло 12 церквей, въ Неревскомъ концѣ 10. Въ 1311 году было три сильныхъ пожара: сгорѣло 9 церквей деревянныхъ, 46 обгорѣло; потомъ упоминается сильный пожаръ подъ 1326 годомъ; такой же подъ 1329, 1339; въ 1340 году упоминается объ одномъ изъ самыхъ лютыхъ пожаровъ: между прочимъ погорѣлъ владычній дворъ и церковь Св. Софіи, изъ которой не успѣли вынести всѣхъ иконъ, большой мостъ сгорѣлъ весь по самую воду; всѣхъ церквей сгорѣло 43, по другимъ извѣстіямъ 50, а людей погибло 70 человекъ; по инымъ извѣстіямъ сгорѣло 48 церквей деревянныхъ и упало три каменныхъ. Въ 1342 году, во время большаго пожара, сгорѣло три церкви и много зла случилось: люди не смѣли жить въ городѣ, перебрались на поле, а иные жили по берегу въ судахъ, весь городъ былъ въ движеніи, бѣгали больше недѣли, наконецъ владыка съ духовенствомъ замыслили постъ, и ходили со крестами по монастырямъ и церквамъ. Въ 1347 году погорѣло шесть улицъ; въ 1348 два пожара: во второй горѣло на пяти улицахъ, сгорѣли 4 деревянныхъ церкви; въ 1360 погорѣлъ Подоль съ Гончарскимъ концомъ, при чемъ сгорѣло семь деревянныхъ церквей; въ 1368 году былъ пожаръ злой, по выраженію лѣтописца: погорѣлъ весь дѣтинецъ, владычній дворъ, церковь Св. Софіи огорѣла, часть Неревскаго

конца и Плотницкій конецъ весь, а въ слѣдующемъ году погорѣлъ конецъ Славенскій; черезъ годъ новый пожаръ: погорѣлъ весь Подоль и нѣкоторыя другія части города; въ 1377 году сгорѣло семь церквей: деревянныхъ и огорѣло три каменныхъ; въ 1379 сгорѣло 8 улицъ и 12 церквей; въ 1384 былъ пожаръ въ Неревскомъ концѣ, сгорѣло двѣ церкви; въ слѣдующемъ году сгорѣли два конца—Плотницкій и Славенскій, весь торгъ; каменныхъ церквей сгорѣло 26, деревянныхъ 6; начался пожаръ въ среду утромъ, горѣло весь день и ночь и въ четвергъ все утро, людей сгорѣло 70 человекъ. Въ 1386 году сгорѣлъ конецъ Никитиной улицы; въ 1388 году погорѣла торговая сторона: сгорѣло 24 церкви и погибло 75 человекъ. Въ 1391 сгорѣло 8 деревянныхъ церквей, по другимъ извѣстіямъ 15, огорѣло 3 каменныхъ, по другимъ извѣстіямъ семь, людей погибло 14 человекъ; въ томъ же мѣсяцѣ погорѣлъ весь Людинъ конецъ съ семью деревянными церквами и четырьмя каменными; въ 1394 погорѣлъ владычній дворъ съ околоткомъ, сгорѣло 2 церкви деревянныхъ и 8 каменныхъ огорѣло; въ 1397 погорѣлъ берегъ; въ 1399 былъ пожаръ въ Плотницкомъ концѣ, Славенскій сгорѣлъ весь, огорѣло 22 каменныхъ церкви, сгорѣла одна деревянная; въ 1403 году опять погорѣла часть Плотницкаго конца, а Славенскій сгорѣлъ весь, при чемъ сгорѣло 15 каменныхъ церквей; по другимъ извѣстіямъ, каменныхъ 7, а деревянныхъ двѣ; въ 1405 два пожара: на Яневой улицѣ сгорѣло 15 дворовъ, потомъ погорѣлъ Людинъ конецъ, часть Прусской улицы, часть дѣтинца, сгорѣло 5 деревянныхъ церквей и одна каменная, огорѣло каменныхъ 12, при чемъ погибло 30 человекъ; въ 1406 погорѣлъ княжой дворъ, а въ слѣдующемъ году погорѣлъ Неревскій конецъ, огорѣло 12 церквей каменныхъ, и въ томъ числѣ Св. Софіи, сгорѣло 6 деревянныхъ; въ 1414 погорѣлъ Неревскій конецъ, пять деревянныхъ церквей сгорѣло, 8 каменныхъ огорѣло; въ 1419 погорѣло два конца—Славенскій и Плотницкій съ 24 церквами; въ 1424 погорѣла Торговая сторона и Людинъ конецъ весь; въ 1434 погорѣли два конца; въ 1442 было три сильныхъ пожара въ одномъ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ въ Новгородѣ, въ описываемое время, приходилось по одному сильному пожару на 5 лѣтъ. Подъ 1391 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе о средствѣ, которое придумали

Новгородцы для предупрежденія пожаровъ: послѣ большаго пожара, бывшаго въ этомъ году, они взяли у Св. Софіи съ полатей десять тысячъ серебра, скопленныхъ владыкою Алексѣемъ, и раздѣлили по 1,000 рублей на каждый конецъ: на эти деньги поставили костры каменные по обѣ стороны острога у всякой улицы. Во Псковѣ упоминается десять большихъ пожаровъ, въ Твери семь, два въ Смоленскѣ, два въ Торжкѣ и по одному въ Нижнемъ, Старицѣ, Ростовѣ, Коломнѣ, Муромѣ, Корѣльскомъ городкѣ, Орѣшкѣ, Молвотицахъ. Что касается народонаселенія городовъ, то подъ 1230 годомъ говорится, что въ Смоленскѣ погибло отъ мору 32,000 человекъ; въ Новгородѣ въ 1390 году, по одному иностранному извѣстію (Кранца), погибло отъ мору 80,000 человекъ; въ Москвѣ, во время Тохтамышева взятія, по однимъ извѣстіямъ погибло 24,000 человекъ, по другимъ — вдвое меньше.

Земельные участки, принадлежащіе къ городу, назывались его волостями, а совокупность всѣхъ этихъ участковъ называлась уѣздомъ; названіе уѣзда происходитъ отъ способа или обряда размежеванія, который назывался разъѣздомъ, межевщикъ разъѣзжикомъ, или заѣздникомъ, межевать — разъѣзжать, слѣдовательно, все что было приписано, примезовано къ извѣстному мѣсту, было къ нему уѣхано, или заѣхано, составляло его уѣздъ; что было отписано, не принадлежало къ нему, было отѣхано, составляло волости отѣздныя. Но уѣздомъ называлась не одна совокупность мѣстъ, волостей, принадлежавшихъ городу: такое же названіе могла носить и совокупность мѣстъ или земель, принадлежавшихъ къ извѣстному селу, и дѣйствительно мы встрѣчаемъ село съ уѣздомъ⁴²³. Въ правительственномъ отношеніи уѣздъ раздѣлялся на волости, волости на станы, станы на околицы: населенныя мѣста въ уѣздѣ носили различныя названія: встрѣчаемъ городки, слободы, слободки, села, селца, деревни, починки селъ, новоселки, встрѣчаемъ села, принадлежащія къ слободамъ, села въ слободахъ, деревни, принадлежащія къ селамъ, къ починкамъ. Извѣстно, какъ обширна была волость Новгорода-Великаго; по давно утвердившемуся въ нашей наукѣ мнѣнію, Новгородскія волости изстари дѣлились на пять большихъ частей или пятинъ, которыя соотвѣт-

ствоваали раздѣленію Новгородѣ на пять концевъ такъ, что жители каждой пятины вѣдались у старосты того городского конца, къ которому ихъ пятина принадлежала. Объ этомъ прямо и ясно говоритъ Герберштейнт; изъ Русскихъ источниковъ, въ житіи св. Саввы Вишерскаго читаемъ, что преподобный, имѣя нужду въ землѣ для построения монастыря, посылалъ для испрошенія этой земли въ Славянскій конецъ. Сохранились даже въ спискахъ и грамоты, данныя правленіемъ конца Вишерскому монастырю на земли, концу принадлежавшія. Здѣсь могутъ возразить, что въ означенныхъ грамотахъ дѣло идетъ не о пятинныхъ отношеніяхъ къ концу, а просто о земляхъ, находившихся не далеко отъ Новгорода (въ 7 верстахъ) и принадлежавшихъ Славенскому концу. Но извѣстно, что области пятинъ, какъ напримѣръ, Обонѣжской (въ которой находились Вишерскія земли), начинались непосредственно отъ Новгорода, что въ Обонѣжской пятинѣ были погосты, находившіеся еще ближе къ Новгороду, чѣмъ Вишерскія земли, напр. Деревяницкій, Вологовскій⁴²⁴. И въ описываемое время видимъ, что князья и вообще землевладѣльцы стараются увеличивать народонаселеніе льготами, которыя они даютъ пришлымъ людямъ: въ княженіе Дмитрія Донскаго какой-то Евсейка вздумалъ переселиться изъ Торжка въ великокняжескую вотчину, на Кострому, и Великій Князь освободилъ его отъ всѣхъ податей, кромѣ оброка по 5 кунницъ на годъ; кромѣ того приказалъ его блюсти дядѣ своему, Василию Тысяцкому⁴²⁵. При уступкѣ земельного участка монастырю или какому-нибудь частному лицу, князья обыкновенно помѣщаютъ въ своихъ жалованныхъ грамотахъ то условіе, что если землевладѣлецъ населитъ данный участокъ, то населеніе освобождается на нѣсколько лѣтъ отъ всѣхъ податей или тягостей, при чемъ различаются два случая: если землевладѣлецъ перезоветъ на свой участокъ прежде жившихъ на немъ людей, старожилцевъ, или перезоветъ выходцевъ изъ другихъ княжествъ, инокняженцевъ: для послѣднихъ льготъ было больше, давалась имъ свобода отъ всѣхъ податей на двойное количество лѣтъ въ сравненіи съ первыми, обыкновенно на десять лѣтъ вмѣсто пяти; въ случаѣ успѣшнаго заселенія данного участка, землевладѣлецъ получалъ новыя льготы, новыя награды; такъ напримѣръ монахи Кириллова монастыря за

то, что полученную ими пустошь распахали, людей собрали, селце и деревни нарядили, получили отъ Великаго Князя Василія Васильевича льготу: никому изъ чиновниковъ не велѣно было ѣздить на это селце и деревни и останавливаться въ нихъ, брать кормы, проводниковъ, подводы⁴²⁶. Условія, на которыхъ пришлые люди поселялись на пустыхъ участкахъ, разумѣется, зависѣли отъ взаимнаго соглашенія ихъ съ землевладѣльцами: они могли обрабатывать землю за извѣстную плату отъ владѣльца, по найму и назывались наймитами; могли пользоваться землею, уплачивая владѣльцу ея половину собираемыхъ произведеній, и потому назывались половниками, треть произведеній—почему назывались третниками; крестьянинъ, занявшій при поселеніи деньги у землевладѣльца, назывался серебряникомъ; наконецъ встрѣчаемъ названіе рядовыхъ людей, отъ какого нибудь, намъ неизвѣстнаго, ряда или договора. Мы видимъ изъ княжескихъ грамотъ, что эти люди переходили съ одной Земли на другую, изъ одного княжества въ другое, перезывались; понятно, что самыя льготы, которыя они получали при заселеніи пустыхъ участковъ, побуждали ихъ къ переходамъ: ибо, живя на одномъ мѣстѣ, по истеченіи извѣстнаго срока, напримѣръ, десяти лѣтъ, они лишались льготъ, и имъ выгодно было перейти на другое мѣсто, заселивъ которое, они получали опять льготы. Впрочемъ видимъ уже ограниченіе произвольнаго перехода сиротъ или крестьянъ (такъ называлось тогда сельское народонаселеніе) опредѣленіемъ срока для него: сирота могъ оставлять землю, отказываясь, только осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, именно за двѣ недѣли до Юрьева дня и недѣлю спустя послѣ Юрьева дня осенняго, при чемъ серебряники должны были заплатить свое серебро⁴²⁷. Потомъ видимъ запрещеніе перехода или перезыва крестьянъ въ видѣ льготы для извѣстнаго землевладѣльца: такъ напримѣръ Великій Князь Василій Васильевичъ пожаловалъ игумена Троицкаго Сергіева монастыря и братію, запретивъ переходъ крестьянамъ-старожиламъ изъ монастырскаго села Прирѣкъ и деревень, къ нему принадлежащихъ⁴²⁸. Дальнѣйшимъ общиченіемъ было запрещеніе землевладѣльцамъ, которыхъ землемысли освобождены отъ общаго княжескаго суда и пошлинъ, дѣлать къ себѣ тяглыхъ волостныхъ людей, тянувшихъ су-

домъ и пошлинами къ князю, они должны были довольствоваться только переизвомъ инокняженцевъ: такъ Іоаннъ Калита запретилъ Юрьевскому архимандриту принимать на свои земли тяглыхъ Володкихъ людей и выходцевъ изъ Московскаго княжества; такъ Великій князь Василій Димитріевичъ постановилъ это условіе при позволеніи митрополиту Фотію купить деревню въ волости Талшѣ ⁴²⁹. Наконецъ иногда князь не только позволялъ извѣстному землевладѣльцу не отпускать отъ себя крестьянъ, но давалъ право возвращать и тѣхъ, которые прежде вышли: такъ Великій князь Василій Васильевичъ далъ это право игумену Троицкаго Сергіева монастыря относительно людей, вышедшихъ изъ монастырскихъ селъ въ Углицкомъ уѣздѣ ⁴³⁰. Что же касается отношеній переходнаго сельскаго народонаселенія къ землевладѣльцамъ, то мы знаемъ, что нѣкоторымъ изъ послѣднихъ князья жаловали право суда надъ поселенными на ихъ земляхъ людьми, кромѣ душегубства и суда смѣснаго: въ послѣднемъ случаѣ землевладѣльцы эти судили вмѣстѣ съ намѣреніемъ и волостелями княжескими или ихъ тиунами; иногда жаловалось право суда, кромѣ душегубства, разбоя и татбы съ полничнымъ ⁴³¹.

Но подлѣ этого переходнаго сельскаго народонаселенія мы видимъ народонаселеніе несвободное, принадлежащее землевладѣльцамъ; такъ въ жалованныхъ грамотахъ землевладѣльцамъ отличаются люди, купленные ими, отъ тѣхъ, кого они переизвуютъ, или старожилцы и пришлые люди отличаются отъ окупленныхъ ⁴³²; князья въ своихъ договорахъ отличаютъ холопей своихъ отъ сельчанъ ⁴³³, говорятъ о своихъ бортникахъ и оброчникахъ купленныхъ, о людяхъ купленныхъ, о людяхъ дѣловыхъ, которыхъ они прикупили или за вину взяли себѣ, о людяхъ полныхъ (рожденныхъ въ холопствѣ), купленныхъ, грамотныхъ (отдавшихъ добровольно въ холопство по кабальнымъ грамотамъ). Изъ зависимыхъ людей упоминаются также закладни или закладники, которые; на извѣстныхъ условіяхъ, заложились за другаго; такъ какъ главнымъ побужденіемъ къ закладничеству было желаніе освободиться отъ повинностей, лежавшихъ на свободномъ и самостоятельномъ чловѣкѣ, то князья и условливаются не держать закладней въ городѣ (Москвѣ). Такимъ образомъ мы должны отличать, въ описываемое время, людей свободныхъ и самостоятель-

ныхъ, людей несамостоятельныхъ (каковы были закладни), и наконецъ людей несвободныхъ, которые могли быть вѣчно или временно несвободны, смотря по тому, родились ли они въ несвободномъ состояніи, были куплены, попались въ плѣнъ, или отдались добровольно въ холопство на ограниченное число лѣтъ. Для первыхъ встрѣчаемъ названіе людей полныхъ, челяди деревнатою; выраженіе: послать на отхожую значило освободить подобныхъ людей. Замѣчательно, что вмѣсто; челоувѣкъ вольный говорилось: «челоувѣкъ Великаго Князя»⁴³⁴. Что касается положенія холопа, то Новгородцы въ своихъ договорахъ требуютъ, чтобы доносъ холопа или рабы на господина не имѣлъ силы, и чтобы судьи не судили холопа и половника безъ господаря. Говоря о разныхъ слояхъ народонаселенія въ древней Руси, мы не можемъ обойти вопроса о томъ: кто и какъ могъ владѣть земельною собственностію? Кромѣ людей служилыхъ и духовенства, въ числѣ землевладѣльцевъ видимъ и гостей: подъ 1371 годомъ находимъ извѣстіе, что въ Нижнемъ Новгородѣ былъ гость Тарасъ Петровъ, который выкупилъ изъ плѣна своею казною множество всякихъ чиновъ людей, и купилъ себѣ вотчины у Великаго Князя, шесть селъ за рѣкою Кудьюю. Но значеніе гостя въ лѣтописи неопредѣлено: иногда гости употребляются вообще въ смыслѣ торговыхъ людей, купцовъ, иногда въ значеніи лучшихъ, богатѣйшихъ купцовъ; въ Новгородскихъ памятникахъ гости не составляютъ особаго разряда, вездѣ видимъ только купцовъ. Но естественно, что только богатѣйшіе купцы, гости могли приобрѣтать земельную собственность, ибо они одни только, по своимъ средствамъ, могли, не оставяя торговли, заниматься и сельскимъ хозяйствомъ, тогда какъ купцы незначительные не были въ состояніи въ одно время и торговать въ лавкѣ и жить въ селѣ. Кромѣ того, столкновеніе государственныхъ интересовъ должно было уже въ описываемое время вести къ тому, что купцамъ нельзя было владѣть земельною собственностію; ибо всякій землевладѣлецъ долженъ былъ служить государству, а купецъ былъ челоувѣкъ данный, платившій въ казну деньги съ своего промысла; если купецъ становился землевладѣльцемъ, то онъ, относительно государственныхъ требованій, долженъ былъ совмѣщать въ себѣ два характера: челоувѣка служилаго и челоувѣка

даннаго; но понятно, что онъ не могъ удовлетворить вмѣстѣ этимъ двумъ требованіямъ; мало того, мы видѣли, что по финансовымъ требованіямъ, онъ не могъ бросить торгога и перейти въ служилые люди, ибо князья клялись другъ другу не принимать къ себѣ въ службу торговыхъ людей. Всѣ землевладѣльцы необходимо должны были перейти въ служилые люди, ибо государство не хотѣли между служилыми и промышленными людьми признавать никакого другаго разряда: такъ послѣ, по Уложенію, дѣти неслужилыхъ отцовъ, купившіе вотчины, должны были записаться въ царскую службу; въ противномъ случаѣ вотчины отбирались у нихъ въ казну. Класса земледѣльцевъ, живущихъ на своихъ земляхъ, не могло образоваться въ описываемое время, ибо и теперь, какъ прежде, продолжалась постоянная колонизація сѣверовосточныхъ пространствъ, постоянное переселеніе, броженіе; земледѣльцу невыгодно было оставаться долго на одномъ мѣстѣ по самому качеству почвы на сѣверовостокъ, которая нигдѣ не общала продолжительнаго плодородія, чрезъ нѣсколько времени послѣ перваго занятія, послѣ выжиги лѣса, требовала уже большихъ трудовъ, и земледѣльцу выгодно было оставлять ее и переходить на новую почву. Кромѣ того, во все продолженіе древней Русской исторіи, мы видимъ стремленіе менѣе богатыхъ, менѣе значительныхъ людей закладываться за людей болѣе богатыхъ, болѣе значительныхъ, пользующихся особенными правами, чтобы подъ ихъ покровительствомъ найти облегченіе отъ повинностей и безопасность. Стремленіе это мы видимъ и въ другихъ Европейскихъ государствахъ въ средніе вѣка; оно естественно въ новорожденныхъ обществахъ, при отсутствіи безопасности, когда правительство, законы—еще не такъ сильны, чтобы дать покровительство, безопасность всѣмъ членамъ общества. Такимъ образомъ выгодно было земледѣльцамъ переходить на земли богатыхъ и знатныхъ землевладѣльцевъ, архіереевъ, монастырей, вельможъ, ибо, кромѣ вышеупомянутыхъ льготъ при первомъ поселеніи, поселенцы пользовались еще льготами, заключавшимися въ разныхъ правахъ, которыя имѣли тѣ или другіе землевладѣльцы, а главное—пользовались покровительствомъ сильныхъ людей. При обращеніи вниманія на отличительную черту нашей древней исторіи, на колонизацію страны, легко рѣ-

шается вопросъ о томъ, какъ произошла поземельная собственность и различные ея виды. Какъ только сѣверовосточная Русь выступаетъ на историческую сцену, такъ мы видимъ въ ней сильную колонизацію, происходящую подъ покровительствомъ князей; если бы мы даже не имѣли опредѣлительныхъ извѣстій объ этой колонизаціи, то мы необходимо должны были бы предположить ее, ибо исторія застаётъ сѣверовосточную Русь Финскою страной, а потомъ видимъ ее Славянскою; слѣдовательно, допустивъ даже, что Финское народонаселеніе не исчезало, но ослабнивалось, мы должны допустить сильную Славянскую колонизацію. Но эта колонизація происходила не въ до-историческія времена, когда «живяху каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ,» она происходила на памяти исторіи, когда сѣверовосточная Русь составляла уже опредѣленную область, княжество, гдѣ владѣла извѣстная линія княжеская; слѣд. колонизація не могла происходить безъ вѣдома и вліянія извѣстнаго правительства. Ростовъ Великій существовалъ до призванія князей; ему принадлежала обширная, малонаселенная, но опредѣленная область. Для потомковъ первыхъ насельниковъ, городскихъ и сельскихъ, земля находится въ общемъ владѣніи; на это указываетъ обычный способъ владѣнія землями, принадлежавшими общинамъ городскимъ и сельскимъ. Но остаются обширныя ненаселенныя пространства, никому не принадлежація, т.-е. принадлежація, городу, Ростову, а въ Ростовѣ находится высшее правительственное лице, князь, который управляетъ всею областью посредствомъ своихъ чиновниковъ, волостелей, слѣд. никакая дальнѣйшая перемѣна, никакія новыя права и отношенія не могутъ прозойти безъ вѣдома, безъ распоряженія княжескаго; положимъ, что съ начала князь распоряжается въ области не безъ вѣдома и участія старшаго города, но конечно мы не имѣемъ никакого права думать, чтобы послѣ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III князья распоряжались чѣмъ бы то ни было съ вѣдома и согласія Ростовцевъ. Прежде всего князья могли распоряжаться землею, принадлежащею ихъ волости, отдавая ее въ полное владѣніе членамъ своей дружины, съ правомъ населять ее всякаго рода людьми, вольными и невольными; могли распоряжаться землею, отдавая ее духовенству; наконецъ могли про-

давать ее богатым купцам или гостям, подобным вышеупомянутому Тарасу Петрову, которые имѣли возможность населить купленную землю:—вотъ разные виды происхожденія частной земельной собственности, вотчинъ. Но, съ одной стороны, мы видѣли, что для жителей городовъ и селъ существовала исконная привычка смотрѣть на земли, принадлежавшія имъ городамъ и селамъ, какъ на общее достояніе; земля принадлежала общинѣ, а не отдѣльнымъ членамъ ея; когда же община потеряла свое самостоятельное значеніе передъ княземъ, то земля естественно стала государевою; съ другой стороны, земли оставалось все еще много; какъ частные люди, землевладѣльцы старались населить принадлежавшіе имъ участки, перезывая къ себѣ отовсюду землевладѣльцевъ: такъ точно старалось и правительство о населеніи оставшихся у него пустыхъ земель. Являлись насельники, земледѣльцы, и принимались съ радостію; но какими же образомъ они селились? Они не покупали земель у правительства, ибо, во-первыхъ, имъ не было никакой выгоды покупать, когда они могли пользоваться землею безъ покупки, и потомъ, найдя землю неудобною, переселяться на новыя мѣста. Если подобные поселенцы оставались долго на занятыхъ ими участкахъ, то, разумѣется, эти участки переходили къ ихъ дѣтямъ, безо всякихъ новыхъ формъ и сдѣлокъ; но ясно, что какъ у правительства, такъ и у насельниковъ сохранялось вполнѣ сознаніе, что занятые послѣдними земли не составляютъ ихъ полной собственности, не суть ихъ вотчины, не пожалованы имъ за службу, не куплены ими, но уступлены только въ пользованіе, хотя правительству и выгодно, чтобъ это пользованіе продолжалось какъ можно долѣе, переходило изъ рода въ родъ. Вотъ происхожденіе такъ называемыхъ черныхъ или государственныхъ земель. Что сказано о селахъ, то должно быть примѣнено и къ городамъ, ибо города населялись точно также, какъ села. Извѣстный промышленникъ селился въ городѣ, на отведенной ему отъ правительства землѣ, ставилъ дворъ, оставлялъ эту землю и дворъ въ наслѣдство дѣтямъ, передавалъ ихъ за деньги, продавалъ другому подобному себѣ лицу—правительство не вступалось, лишь бы только эта черная земля не едѣлась бѣлою, не перешла бы къ кому-нибудь видѣ полной частной собственности: отсюда всѣ извѣстныя.

распоряженія о непокушѣ земель черныхъ людей, т. е. о непереводѣ собственности государственной въ частную.

Кромѣ повинностей, означенныхъ выше въ статьѣ о доходахъ княжескихъ, въ описываемое время встрѣчаемъ извѣстія о другихъ обязанностяхъ сельскаго народонаселенія, наприкладъ обязанностяхъ городѣ дѣлать, дворѣ княжой и волостелинѣ ставить, коня княжаго кормить, сѣно косить, на охоту ходить по приказанію ловчихъ княжескихъ (на медвѣдя и на лося), давать кормъ, подводы и проводниковъ князю, восводамъ, наѣбствникамъ, волостелинѣ, тузамъ и всякаго рода чиновникамъ и посланцамъ княжескимъ.

Кромѣ означенныхъ словъ народонаселенія, въ первый разъ, въ описываемое время, именно въ концѣ первой половины XV вѣка, встрѣчаемъ названія козачковъ Рязанскихъ, которые пришли на помощь къ Рязанцамъ и Москвичамъ противъ Татарскаго царевича Мустафы; они пришли вооруженные сулицами, рогаatinaми и саблями ⁴²⁵.

Мы видѣли стараніе князей умножать народонаселеніе въ своихъ княжествахъ; теперь обратимъ вниманіе на обстоятельства, препятствовавшія этому умноженію, на бѣдствія — политическія (войны междоусобныя и внѣшнія) и физическія (голодь, моръ и другіе). Мы видѣли на сѣверѣ въ описываемое время 90 усобицъ, въ продолженіе которыхъ Владимирская область (съ Переяславлемъ, Костромю и Галичемъ) терпѣла 16 разъ, Новгородская 15, Московская 14, Тверская 13, Смоленская, Рязанская и Двинская по 9 разъ, Сѣверская и Суздальско-Нижегородская по 4, Ярославско-Ростовская 3, Вятская 2, Псковская 1; такимъ образомъ Владимирская область, болѣе другихъ терпѣвшая отъ усобицъ, подвергалась опустошеніямъ по одному разу почти въ 15 лѣтъ, относительно же всей сѣверной Россіи придется по одной войнѣ ошншкомъ на два года. Опустошеніямъ отъ внѣшнихъ враговъ Новгородская область подвергалась 29 разъ, Псковская 24, Рязанская 17, Московская 14, Владимирская и Нижегородская по 11, Сѣверская 8, Смоленская и Тверская по семи, Ярославско-Ростовская 4, Вятская 1; следовательно Новгородская область, болѣе другихъ, по-видимому, терпѣвшая отъ внѣшнихъ войнъ, подвергалась непріятельскимъ нашествіямъ по одному разу на 8

лѣтъ. Круглое число непріятельскихъ нашествій будетъ 133; изъ этого числа на долю Татарскихъ опустошеній приходится 48, считая всѣ извѣстія о тиранствахъ баскаковъ въ разныхъ городахъ придоживъ къ числу опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ число опустошеній отъ усобицъ, получимъ 232, слѣдовательно придется по опустошенію почти на каждый годъ. Но понятно, что на этихъ однихъ цифрахъ нельзя основать никакихъ выводовъ; такъ напримѣръ, Новгородская и Псковская области терпѣли больше всѣхъ другихъ отъ нашествій внѣшнихъ враговъ, и не смотря на то, Новгородъ и Псковъ оставались самыми богатыми городами во всей сѣверной Россіи, ибо Псковъ во все это время былъ только разъ во власти враговъ, которые, впрочемъ, какъ видно, не причинили ему большаго вреда; Новгородъ же ни разу не доставался въ руки непріятелю; большая часть нашествій Нѣмецкихъ, Шведскихъ и Литовскихъ, отъ которыхъ терпѣли Новгородъ и Псковъ, ограничивались пограничными волостями ихъ и нисколько не могутъ идти въ сравненіе съ нашествіемъ Батыя, съ двукратнымъ Татарскимъ опустошеніемъ во время усобицъ между сыновьями Невскаго, съ опустошеніемъ Тверской области Татарами и Калитою, съ нашествіемъ Тохтамыша, Едигея. Также обманчивы приведенныя цифры и относительно восточныхъ областей; такъ напримѣръ, цифры показываютъ, что Московское княжество подвергалось большимъ опустошеніямъ, чѣмъ княжество Тверское; но разсмотрѣніе другихъ обстоятельствъ, и именно — когда и какого рода опустошеніямъ подвергались оба соперничающія княжества, совершенно измѣняетъ дѣло: Тверское княжество подверглось страшному опустошенію въ-конецъ отъ Татаръ и Калиты при князѣ Александрѣ Михайловичѣ; потомъ, не успѣло оно оправиться отъ этого бѣдствія, начинаются усобицы княжескія, заставляющія народъ высылаться изъ родныхъ предѣловъ въ другія княжества, тогда какъ Москва не терпитъ опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ отъ Калиты до Донскаго, а усобицы начинаются въ ней только въ княженіе Василя Васильевича, когда она уже воспользовалась временемъ отдыха и взяла окончательно верхъ надъ всѣми другими княжествами. Цифры показываютъ, что болѣе частымъ нападеніямъ внѣшнихъ враговъ подвергались пограничныя области на

юговостокъ и сѣверозападъ — Рязанская, Новгородская и Псковская; Рязанская отъ Татаръ, Новгородская и Псковская отъ Шведовъ, Нѣмцевъ и Литвы. — и числовое большинство остается на сторонѣ сѣверозападныхъ границъ. Но мы замѣтили, что нашествій Шведскихъ и Нѣмецкихъ нельзя сравнивать съ Татарскими; съ другой стороны, не должно преувеличивать и вреда, которое Россія претерпѣвала отъ Татаръ; не должно забывать, что оно тяготѣло особенно только въ продолженіе первыхъ 25 лѣтъ, что уже въ 1266 году лѣтописецъ извѣщаетъ его объ ослабленіи, что уже въ концѣ XIII вѣка исчезаютъ баскаки и князья сами распоряжаются относительно выхода; что послѣ Татарскихъ опустошеній, которыя были слѣдствіемъ усобицы между сыновьями Невскаго, до опустошенія Тверской области Татарами съ Калитою, и послѣ этого вплоть до Тохтамышева нашествія, въ продолженіе, слѣдовательно, слишкомъ 50 лѣтъ, за исключеніемъ пограничныхъ княжествъ Рязанскаго и Нижегородскаго, сѣверовосточная Россія не слыхала о Татарскихъ нашествіяхъ, а потомъ, кромѣ Тохтамышева, Едигеева и Улу-Махметова нашествія, набѣги касались только границъ, и по-прежнему терпѣло отъ нихъ преимущественно княжество Рязанское. Вообще съ цифрами въ исторіи надобно обходиться очень осторожно.

Обратимся къ физическимъ бѣдствіямъ. Подъ 1230 годомъ лѣтописецъ говоритъ о голодѣ, свирѣпствовавшемъ во всей Россіи, кромѣ Кіева: въ половинѣ Сентября морозъ побилъ весь хлѣбъ въ Новгородской области, и отсюда началось горе большое, говоритъ лѣтописецъ, начали покупать хлѣбъ по 8 кунъ, кады ржи по 20 гривенъ, пшеницы по 40 гривенъ, пшеница по 50, овса по 13; разошелся весь городъ нашъ и вся волость, и наполнились чужіе города и страны братьями нашими и сестрами; оставшіеся начали мереть: трупы лежали по улицамъ, младенцевъ грызли псы; ѣли мохъ, сосну, кору липовую, листь разный; нѣкоторые изъ черни рѣзали живыхъ людей и ѣли, другіе обрѣзывали мясо съ труповъ, иные ѣли лошадей, собакъ, кошекъ; преступниковъ казнили, вѣшали, жгли, но встало другое зло: начали зажигать дома людей добрыхъ, у которыхъ чуяли рожь, и грабили имѣніе ихъ; между родными не было жалости, сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ отломить куска хлѣба; отцы и матери отдавали дѣти сво-

ихъ изъ хлѣба въ рабство купцамъ иноземнымъ; по улицамъ скорбь при видѣ труповъ, лежащихъ безъ погребенія, дома тоска при видѣ дѣтей, плачущихъ по хлѣбѣ, или умирающихъ съ голоду; цѣны возвысились наконецъ до того, что четвертую часть кади ржи начали покупать по гривнѣ серебра. Архіепископъ Спиридонъ поставилъ скудельницу, и приставилъ челоуѣка добраго и смиреннаго, именемъ Станила, возить въ нее мертвецовъ на лошади со всего города; Станилъ возилъ цѣлый день безпрестанно, и навозилъ 3030 труповъ; скудельница наполнилась, поставили еще другую, и наклали 3500 труповъ. Псковскій лѣтописецъ рассказываетъ объ этомъ голодѣ у себя въ тѣхъ же чертахъ; его особенно поразило то, что въ великій постъ люди бѣли коншну: «написалъ бы и еще кой о чемъ похуже, да и такъ уже горько,» оканчиваетъ онъ свой рассказъ. Въ Смоленскѣ выстроено было четыре скудельницы, въ которыхъ было положено 32,000 труповъ. Въ 1251 году пошли дожди въ Новгородской области, подмочили хлѣбъ и сѣно, осенью морозъ побилъ хлѣбъ; въ 1291 году тоже самое; въ 1303 году тамъ же зима была теплая, не было снѣгу черезъ всю зиму, и люди хлѣба не добыли. Въ 1309 году былъ голодъ сильный по всей Русской землѣ, потому что мышь поѣла всякій хлѣбъ. Въ 1331 году была большая дороговизна въ Русской землѣ: это голодное время слыло подъ названіемъ рослой ржи. Въ 1364 году съ половины лѣта стояла мгла, зной былъ страшный, лѣса, болота и земля горѣли, рѣки высохли; въ слѣдующемъ году тоже самое, и отсюда сильный голодъ. Осенью 1370 года было снѣгу много, и хлѣбъ пошелъ подъ снѣгъ; но зима была теплая, весь снѣгъ сошелъ въ самомъ началѣ великаго поста, и хлѣбъ былъ сжатъ въ великій постъ; лѣтомъ въ солнцѣ показались мѣста черныя, какъ гвозди, мгла была такая, что на сажени нельзя было ничего передъ собою видѣть, люди сталкивались лбами, птицы падали съ воздуха людямъ на головы, звѣри смѣшивались съ людьми, медвѣди и волки бродили по селамъ, рѣки, болота, озера высохли, лѣса горѣли, голодъ былъ сильный по всей землѣ. Въ 1373 году при сильномъ зноѣ не было ни капли дождя во все лѣто. Лѣтомъ 1407 года было сумрачно и дождливо, крылатый червь летѣлъ отъ во-

стока на западъ, поѣлъ деревья и засушилъ ихъ; въ 1409 году множество людей померло отъ голоду, въ 1412 дороговизна въ Нижнемъ Новгородѣ; въ 1418 году снѣгъ выпалъ 15 Сентября, шелъ трое сутокъ и покрылъ всю землю на 4 пяди, пошли морозы; но потомъ стало тепло, снѣгъ сошелъ, но хлѣба сжали мало послѣ снѣга, и начался голодъ по всей Русской землѣ. Въ 1421 году свирѣпствовалъ голодъ въ Новгородѣ и по всей Русской землѣ, много людей померло съ голоду, другіе ушли въ Литву, иные померзли на дорогѣ, потому что зима была очень холодна; въ Москвѣ оковъ ржи покупали по полтора рубля, въ Костромѣ по два рубля, въ Нижнемъ по шести; во Псковѣ тогда хлѣбѣ были полны хлѣба отъ прежнихъ лѣтъ, и вотъ пошли ко Пскову Новгородцы, Корѣла, Чудь, Вожане, Тверичи, Москвичи, просто сказать, пошелъ народъ со всей Русской земли, и нашло его множество, стали покупать рожь во Псковѣ, по волостямъ и пригородамъ, и возить за рубежъ, цѣны поднялись, зобница ржи начала продаваться по 70 ногатъ, жита по 50, овса 30, въ слѣдствіе чего Псковичи запретили вывозить хлѣбъ за рубежъ, а нахожихъ людей стали выгонять изъ Пскова и изъ всѣхъ водостей; иные разошлись, а которые остались во Псковѣ, тѣхъ множество перемерло, и наклали ихъ въ одномъ Псковѣ четыре скудельницы, а сколько погибло по пригородамъ и волостямъ — тѣмъ и числа нѣтъ. Осенью 1429 года земля и лѣса горѣли, дымъ стлался по воздуху, съ трудомъ можно было видѣть другъ друга, отъ дыму умирала рыба и птица, рыба послѣ того нахла дымомъ два года; слѣдствіемъ такой погоды былъ голодъ сильный по всей землѣ Русской; въ 1436 году морозъ побилъ хлѣбъ въ жѣтвенную пору, и была большая дороговизна; зимою 1442 года лютые морозы много причинили зла людямъ и животнымъ; въ 1444 году опять лютая зима и дороговизна сѣна; подъ 1446 годомъ Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что въ его области хлѣбъ былъ дорогъ не только этого году, но въ продолженіе 10 лѣтъ, двѣ коробыи по полтинѣ, иногда больше, иногда меньше, а иногда и вовсе негдѣ купить; была скорбь сильная: только и слышно было, что плачь да рыданіе по улицамъ и по торгу, многіе отъ голоду падали мертвые, дѣти передъ родителями

ми, отцы и матери передъ дѣтьми; многіе разошлись въ Литву; къ Нѣмцамъ, бусурманамъ и Жидамъ; нѣтъ хлѣба отдавались въ рабство купцамъ.

О морѣ долго не встрѣчаемъ извѣстій: подъ 1284 годомъ южный лѣтописецъ упоминаетъ о великомъ морѣ на животныя въ Руси, Польшѣ и у Татаръ: лошади, рогатый скотъ, овцы померли безъ остатка; сѣверный лѣтописецъ упоминаетъ о морѣ на скотъ подъ 1298 годомъ; потомъ подъ 1308 о морѣ на людей; подъ 1318 о морѣ въ Твери; подъ 1341 о морѣ на рогатый скотъ въ Новгородѣ; во Псковѣ же въ этотъ году была морь сильнѣйшая на людей: негдѣ стало погребать, гдѣ выкопалъ могилу мужу или женѣ, тамъ же положить и дѣтей малыя; головъ семь или восемь въ одномъ гробѣ. Но это бѣдствіе было только предвѣстникомъ ужаснѣйшихъ: наступила страшная вторая половина XIV вѣка. Еще подъ 1348 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о морѣ въ Полоцкѣ; въ 1350 году слышали о морѣ въ дальнихъ странахъ; въ 1351 году начался моръ во Псковѣ съ такимъ признакомъ: харкнетъ человекъ кровью, и на четвертый день умираетъ; предвѣщая скорую смерть, мужчины и женщины шли въ монастыри и тамъ умирали, постригались; другіе приготовлялись къ смерти въ домахъ заботами о душахъ своихъ, отдавая имѣніе свое церквамъ и монастырямъ, духовнымъ отцамъ и нищимъ; священники не успѣвали ходить за каждымъ мертвецомъ на домъ, но приказывали свозить всѣхъ на церковный дворъ, и на ночь къ утру набиралось труповъ по тридцати и больше у каждой церкви, и всѣмъ было одно отпѣваніе, только молитву разрѣшительную читали: каждому порознь, и клали по три или по пяти головъ въ одинъ гробъ; такъ было по всѣмъ церквамъ, и скоро стало негдѣ погребать, начали погребать подалше отъ церквей, наконецъ отведены были подъ кладбище пустыя мѣста совершенно вдалекѣ отъ церквей. Многіе думали, что никто уже не останется въ живыхъ; потому что если моръ войдетъ въ какой одинъ либо родъ или семью, то рѣдко кто оставался въ живыхъ; если умиравшие отдавали кому дѣтей своихъ или имѣніе, то и принимавшіе скоро заболѣвали и умирали; вслѣдствіе чего стали бояться принимать что-либо отъ умирающихъ и родные начали бѣгать родныхъ; за то некоторые великодушные, отбросивши всякой страхъ, и чужихъ мертвецовъ

погребали, для спасенія душъ своихъ. Псковичи послали въ Новгородъ звать владыку Василя, чтобы прѣехалъ благословить ихъ; владыка прѣехалъ, обошелъ весь городъ съ духовенствомъ со крестами, мощами святыхъ, весь народъ провожалъ кресты, взывая: «Господи помилуй!» Пробывъ мѣсячного дней во Псковѣ, владыка поѣхалъ назадъ здоровымъ, но на дорогѣ, на рѣкѣ Угъ³⁶, занемогъ и умеръ. Въ слѣдъ за владыкою моръ шель изъ Пскова въ Новгородъ; во Псковѣ свирѣпетовалъ онъ съ весны до зимы, въ Новгородѣ отъ Успеньева дня до весны слѣдующаго года; одновременно съ Новгородомъ моръ свирѣпетовалъ въ Смоленскѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Суздаля; въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного человѣка; мы видѣли, что въ 1353 году моръ свирѣпетовалъ въ Москвѣ. Въ 1360 году свирѣпетовалъ второй моръ во Псковѣ съ новымъ признакомъ: у кого выломается желѣза, тотъ скоро умираетъ; опять Псковичи послали въ Новгородъ звать къ себѣ владыку Алексѣя: тотъ прѣехалъ, благословилъ всѣхъ отъ великаго до убогаго, обошелъ весь городъ со крестами, отслужилъ три литургіи, и моръ началъ переставать. Въ 1363 году явился моръ съ низовьевъ Волги, началъ свирѣпетовать въ Нижнемъ Новгородѣ, потомъ въ Рязани, Коломнѣ, Переяславлѣ, Москвѣ, Твери, Владимирѣ, Суздаля, Дмитровѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Бѣлозерѣ; предъ началомъ болѣзни человѣка какъ рогатиною ударить за лопатку, или подъ груди противъ сердца, или между крыльцами, потомъ больной начинаетъ харкать кровью, почувствуетъ сильный жаръ, за жаромъ слѣдуетъ обильный потъ, за потомъ дрожь—и это послѣднее; болѣзнь продолжалась день, два, рѣдко три; показывались и желѣза не одинаково: у иного на шеѣ, у другаго на стегнѣ, подъ пазухою, подъ скулою, за лопаткою; умирало въ день человѣкъ по пятидесяти, по сту и больше; бѣдствие продолжалось не одинъ годъ, обходя разные города. Подъ 1373 годомъ летописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ на людей и скотскомъ падежѣ вслѣдствіе жаровъ и бездождя. Въ 1375 упоминается о морѣ въ Кіевѣ; въ 1387 былъ сильный моръ въ Смоленской области: изъ самого Смоленска вышли только пять человѣкъ живыхъ и затворили городъ: подъ 1389 годомъ упоминается сильный моръ во Псковѣ, подъ слѣдующимъ годомъ въ Новгородѣ. Подъ 1402 годомъ упоминается моръ въ Смоленскѣ,

подъ 1403 во Псковѣ — желѣзою, моръ пришелъ изъ Дерпта; въ 1406 году это бѣдствіе возобновилось во Псковѣ; въ 1409 году моръ съ кровавою харкотою свирѣпствовалъ въ волостяхъ Ржевскихъ, Можайскихъ, Дмитровскихъ, Звенигородскихъ, Переяславскихъ, Владимірскихъ, Юрьевскихъ, Рязанскихъ и Торусскихъ, показывался и въ нѣкоторыхъ Московскихъ волостяхъ: первый признакъ — у больного руки и ноги прикорчить, шею скривить, зубы скрежещуть, кости хрустять, всѣ составы трещать, кричить, вопить; у иныхъ и мысль измѣнится, умъ отнимется; иные, одинъ день поболѣвши, умирали, другіе полтора дня, нѣкоторые два дня, а иные, поболѣвши три или четыре дня, выздоравливали; въ 1414 была болѣзнь тяжкая по всей Русской землѣ — костоломъ; въ 1417 моръ съ кровохарканіемъ и желѣзою опустошилъ Новгородъ, Ладогу, Русу, Порховъ, Псковъ, Торжокъ, Дмитровъ и Тверь; въ Новгородѣ владыка Семеонъ, съ духовенствомъ всѣхъ семи соборовъ и всѣми жителями, обошелъ крестнымъ ходомъ около всего города, послѣ чего Новгородцы, одни на лошадяхъ, другіе пѣшкомъ, отправились въ лѣсъ, привезли бревенъ и поставили церковь св. Анастасіи, которую въ тотъ же день освятили и отслужили въ ней литургію, а изъ остальнаго лѣсу поставили церковь св. Иліи; въ Торжкѣ также въ одно утро построили церковь св. Аванасія; подъ 1419 годомъ упоминается моръ въ Кіевѣ и другихъ югозападныхъ странахъ, въ слѣдующемъ году моръ началъ опустошать сѣверовосточную полосу — Кострому, Ярославль, Юрьевъ, Владиміръ, Суздаль, Переяславль, Галичъ, Шесо, Ростовъ: хлѣбъ стоялъ на нивахъ, жать было некому; потомъ моръ, вмѣстѣ съ голодомъ, опустошилъ Новгородъ и Псковъ; въ 1423 году моръ съ желѣзою и кровохарканіемъ въ Новгородѣ, Корелѣ и по всей Русской землѣ; въ 1425 моръ былъ въ Галичѣ, а съ Троицына дня въ Москвѣ и по другимъ областямъ, продолжался и въ слѣдующихъ годахъ; явился новый признакъ — прыщъ: если будетъ прыщъ синій, то человекъ на третій день умираетъ, если же красный, то выгнивалъ и больной выздоравливалъ; въ Декабрѣ 1441 года начался сильный моръ желѣзою во Псковѣ, и продолжался все лѣто 1442 года, а по пригородамъ и волостямъ до Января 1443 г. Последнее извѣстіе о морѣ подъ 1448 годомъ: былъ моръ на лошадей и навсякой скотъ,

былъ и на людей, но не сильный. — Такимъ образомъ, въ продолженіе всего описываемаго времени, встрѣчаемъ не менѣе 23 извѣстій о морѣ въ разныхъ мѣстахъ; но если мы обратимъ вниманіе, что до второй половины XIV вѣка о морѣ упоминается не болѣе трехъ или четырехъ разъ, и всѣ остальные извѣстія относятся къ этой несчастной половинѣ вѣка, то здѣсь придется по извѣстію на каждыя пять лѣтъ. Нельзя не замѣтить, что послѣ успокоенія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, которымъ наслаждалось княжество Московское, Владимірское и Нижегородское во времена Калиты и Симеона Гордаго, съ первыхъ же годовъ второй половины XIV вѣка начинаетъ свирѣпствовать моровая язва и скоро потомъ опять начинаются сильныя внутреннія и внѣшнія войны; возобновляется борьба Москвы съ Тверью, Рязанью, Новгородомъ, видимъ опустошительныя нашествія Татарскія и Литовскія. Несмотря однако на это, Димитрій Донской нашель средства вывести на Куликово поле войско, достаточное для побѣды надъ Мамаевыми толпами; при этомъ нельзя забывать того явленія, что послѣ физическихъ бѣдствій, пагубныхъ для народонаселенія, последнее стремится къ увеличенію съ большею силою; такимъ образомъ на Куликовскую битву явилось молодое поколѣніе, которое родилось уже послѣ страшной язвы, опустошившей Русь въ концѣ княженія Симеона Гордаго. Изъ другихъ разрушительныхъ явленій природы, лѣтописи упоминаютъ о землетрясеніи подъ 1230 годомъ, и потомъ не ранѣе, какъ подъ 1446 годомъ; о первомъ упоминаютъ лѣтописцы Суздальскій и Новгородскій, о второмъ Московскій; Суздальскому рассказывали самовидцы, какъ въ Кіевѣ, во время землетрясенія 1230 года, разступилась въ Печерскомъ монастырѣ Богородичная каменная церковь на четыре части, въ трапезницѣ снесло со столовъ все кушанье и питье; въ Переяславѣ Русскомъ церковь св. Михаила разсѣлась на-двое; земля тряслась вездѣ въ одинъ день и часть, 3 Мая, во время литургіи. Того же мѣсяца 10 числа солнце при своемъ восхожденіи было на три угла, какъ коврига, по выраженію лѣтописца, потомъ сдѣлалось мало, какъ звѣзда, и погбло; 14 числа солнце опять начало погибать и три дня являлось въ видѣ мѣсяца; того же 14 числа, какъ солнце стояло мѣсяцемъ, по обѣ его стороны явились столпы красныя, зеленые,

синіе, и сошелъ огонь съ небеси, какъ облако большое, надъ ручьемъ Лыбедью; всѣмъ людямъ показалось, что уже пришелъ послѣдній часъ, начали цѣловаться другъ съ другомъ, прощаться, горько плакали, но страшный огонь прошелъ черезъ весь городъ безъ вреда, палъ въ Днѣпръ и тутъ погибъ. Въ Новгородской лѣтописи встрѣчаемъ извѣстія о сильныхъ наводненіяхъ, напри- мѣръ въ 1421 году, въ Маѣ мѣсяцѣ, вода въ Волховѣ поднялась, снесла великій мостъ и два другихъ, въ одномъ мѣстѣ снесла церковь, во многихъ церквахъ могли служить только на хорахъ (полатяхъ), потому что внизу была вода. Подъ 1399 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о необыкновенно ранней веснѣ, о страшныхъ грозахъ, отъ которыхъ погибло много людей; такія же грозы были и въ 1406 году, — между прочимъ подъ этимъ годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи слѣдующее извѣстіе: послѣ Петрова дня въ Нижегородской области была такая буря, что вѣтеръ поднялъ на воздухъ человѣка вмѣстѣ съ телѣгою и лошадыю; на другой день телѣгу нашли висящею на верху высокаго дерева, и то на другой сторонѣ Волги, лошадь мертвую на землѣ, а человѣка нигдѣ не нашли; о лютыхъ морозахъ зимою, о страшныхъ грозахъ и буряхъ лѣтомъ упоминается еще подъ 1442 годомъ; въ Юнѣ 1560 года, въ Москвѣ, съ запада явилась туча страшная и темная, и поднялась такая буря, что отъ пыли никому нельзя было смотрѣть, люди были въ отчаяніи; на этотъ разъ мракъ и вѣтеръ скоро прекратились, но на другой день къ вечеру взошла туча съ юга, поднялась опять страшная гроза и буря, многія и каменные церкви поколебались, забрала на Кремлевскихъ стѣнахъ были сорваны и разнесены, крыши съ церковей и верхи сметаны. по селамъ многія церкви изъ основанія вырваны и отнесены далеко въ сторону, лѣса старые, боры и дубы съ корнемъ вырваны.

Изъ явленій, вредно дѣйствовавшихъ на народное здоровье, видимъ обычай хоронить мертвыхъ внутри городовъ, около церквей; не знаемъ, какія, на оборотъ, принимались мѣры предосторожности во время моровыхъ язвъ; что же касается вообще до врачебныхъ средствъ, то объ нихъ не имѣемъ почти никакихъ извѣстій; узнаемъ только, что Великій Князь Василій Васильевичъ, какъ средство отъ сухотной болѣзни, приказывалъ зажи-

гать у себя на тѣлѣ трутъ, во многихъ мѣстахъ и часто; раны разгноились и болѣзнь кончилась смертію.

Мы видѣли обстоятельства, долженствовавшія содѣйствовать умноженію народонаселенія въ нѣкоторыхъ областяхъ преимущественно передъ другими, напримѣръ въ княжествѣ Московскомъ. Изъ областей, и прежде имѣвшихъ, относительно, густѣйшее народонаселеніе, вслѣдствіе выгодъ положенія, благопріятнаго для торговли, область Новгородская и Псковская сохраняли эти выгоды. Торговое значеніе Новгорода для восточной Европы, въ описываемое время, не могло нисколько уменьшиться, — по прежнему онъ былъ посредникомъ торговыхъ сношеній между Азією, восточною и сѣверною Европою; отсюда понятно накопленіе богатствъ въ Новгородѣ, увеличеніе его народонаселенія, расширеніе, украшеніе самого города, который, послѣ упадка Кіева, безспорно оставался самымъ богатымъ, самымъ значительнымъ городомъ во всей Россіи. Новгородскихъ купцовъ видимъ на отдаленномъ югозападѣ, во Владимірѣ Волинскомъ⁴³⁷; вездѣ Великій Новгородъ выговариваетъ путь чистый безъ рубежа и новыхъ мытовъ для купцовъ своихъ, Торжокскихъ и пригородныхъ, для чего куплена была въ Ордѣ и ханская грамота⁴³⁸; выговариваетъ, чтобъ князья не нарушали договоровъ, заключенныхъ имъ съ городами Нѣмецкими, не затворяли двора Нѣмецкаго, не приставляли къ нему приставовъ и торговали на этомъ дворѣ только посредствомъ Новгородцевъ. Какъ Нѣмцы дорожили Новгородомъ, видно изъ того, что когда въ 1234 году свирѣпствовалъ здѣсь голодъ, Нѣмецкіе купцы пріѣхали съ хлѣбомъ изъ-за моря, и сдѣлали много добра, по словамъ лѣтописца, значить продали товаръ свой дешевою цѣною. Съ 1383 до 1394 года не было крѣпкаго мира у Новгорода съ Нѣмцами, и вотъ въ 1394 году съѣхались въ Изборскѣ Новгородскіе послы съ Нѣмецкими; въ числѣ послѣднихъ были не только послы изъ Риги, Юрьева и Ревеля, но также заморскіе, изъ Любека и Готскаго берега. Встрѣчаемъ въ лѣтописи особый отдѣлъ Новгородскихъ купцовъ, производившихъ торгъ солью (прасоловъ)⁴³⁹; встрѣчаемъ упоминovenіе о торговыхъ дворахъ — Готскомъ, Псковскомъ⁴⁴⁰. Наконецъ отъ описываемаго времени до насъ дошли три договора Новгородцевъ съ Любекомъ, Готскимъ берегомъ и Ригію: первый от-

носится къ 1270 году и немногимъ отличается отъ праведнаго прежде договора; второй относится къ концу XIII или началу XIV вѣка, ко времени княженія Андрея Александровича: въ немъ Новгородцы даютъ купцамъ Латинскаго (Нѣмецкаго) языка три сухихъ (горныхъ) пути по своей волости, и четвертый водяной (въ рѣчкахъ), съ условіемъ, что если путь сдѣлается нечистъ (опасенъ), то князь подастъ объ этомъ вѣсть иностраннымъ купцамъ, и велитъ своимъ мужамъ проводить ихъ. Въ другой грамотѣ, относящейся ко второй половинѣ XIV вѣка, Новгородцы обязываются не поминать впередъ вреда, причиненнаго ихъ купцамъ Нѣмецкими разбойниками передъ Невомъ; изъ этого договора узнаемъ, что Новгородцы ѣздили торговать въ Любекъ, на Готскій берегъ и въ Стокгольмъ⁴⁴. Любопытны нѣкоторыя подробности о Нѣмецкой торговлѣ въ Новгородѣ, заключающіяся въ постановленіяхъ, или такъ называемыхъ скрахъ: напр. запрещалось брать у Русскихъ товаръ въ кредитъ, вступать съ ними въ торговую компанію и перевозить ихъ товары; запрещалось вывозать поддѣльный воскъ, ввозить поддѣльные сукна; запрещалось продавать товары по мелочамъ; — розничная продажа, съ ограниченіями, дозволялась только такъ называемымъ *Kindern*. Никому не позволялось ввозить товаровъ на сумму, превышавшую 1,000 марокъ серебра. Право избирать олдермановъ было въ послѣдствіи предоставлено только депутатамъ Любека и Висби, и притомъ изъ ихъ же гражданъ; тоже самое соблюдалось и при выборѣ священниковъ. Запрещалось испрашивать привилегіи для личныхъ выгодъ или дѣлать новыя постановленія безъ согласія Любека и Висби. Запрещалось привозить купцовъ иностранныхъ, не принадлежавшихъ къ Нѣмецкому обществу, преимущественно Ломбардскихъ. Главный путь иностранныхъ купцовъ шелъ, по прежнему, Невомъ, Ладожскимъ озеромъ, Волховомъ черезъ Старую Ладогу, къ Волховскимъ порогамъ, по которымъ, за извѣстную плату проводили ихъ суда особенные лодмана, далѣе къ *Taberna piscatorum* (Рыбацкая слобода на 33 верстѣ отъ Ладож. озера), потомъ къ *Gestvelt* (Гостинопольская пристань на 34 верстѣ отъ Ладож. озера), гдѣ платили пошлину, наконецъ пріѣзжали въ Новгородскую пристань.

Смоленскъ продолжаетъ торговыя связи съ Ригю, которыя были такъ выгодны, что правительства обоихъ городовъ условились, въ 1284 году, не препятствовать взаимной торговлѣ, хотя бы между Смоленскимъ княземъ и епископомъ, или магистромъ, и произошли какія-нибудь неприятности⁴⁴²; кромѣ послевъ отъ магистра и горожанъ Рижскихъ, заключили этотъ договоръ двое купцовъ — одинъ изъ Брауншвейга, другой изъ Мюнстера. Отъ половины XIV вѣка до насъ дошелъ также договоръ между Смоленскомъ и Ригю, заключенный по dokonчанію дѣдовскому и по старымъ грамотамъ⁴⁴³; Смоленскій князь называетъ магистра братомъ, общается блюсти Нѣмцевъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ и своихъ Смольнянъ, а правительство Рижское обязывается поступать точно также у себя съ Смольнянами. Полоцкъ продолжаетъ свои торговыя связи съ Ригю и подъ Литовскою зависимостію: въ 1407 году Полочане заключили договоръ съ Рижанами о свободной торговлѣ между обоими городами; постановлено, чтобъ Полочане въ Ригѣ, а Рижане въ Полоцкѣ не торговали малою торговлею, что розницею зовутъ; Полочане могутъ мимо Риги ѣздить въ какую угодно землю сухимъ путемъ и водою, тоже право имѣютъ и Рижане относительно Полоцка; если Полочанинъ совершитъ какое-нибудь преступленіе въ Ригѣ, то его отсылать для суда въ Полоцкъ, и наоборотъ; соль въ Полоцкѣ должно вѣсить тѣмъ же вѣсомъ, какимъ вѣсятъ воскъ, тѣмъ же колоколами; вѣсъ Полоцкій будетъ больше Рижскаго полупудомъ; сперва Рижане посылаютъ свои колокола и скалвы въ Полоцкъ на свой счетъ, а потомъ, когда эти колокола сотрутся, или изломаются, или пропадутъ, то уже Полочане на свой счетъ посылаютъ въ Ригу для исправленія этихъ колоколовъ; серебряные вѣсы держатъ въ Ригѣ полузолотникомъ больше одного рубля; вѣсовщикамъ цѣловать крестъ, что будутъ вѣсить справедливо; какъ одному, такъ и другому вѣсовщику при взвѣшиваніи отойти прочь отъ скалвъ, и рукою не принимать, а вѣсчую пошлину брать въ Ригѣ на Полочанахъ такую же, какую берутъ въ Полоцкѣ на Рижанахъ. Если случится тяжба между Полочаниномъ и Рижаниномъ, то истцу знать истца, а другому никому въ ихъ дѣло не вмѣшиваться, и за это препятствій торговлѣ не дѣ-

лать; купцамъ будетъ путь свободный и во время усобицы между магистромъ Ордена (монистеремъ Задвиговымъ) и земскими людьми. Привозимые Нѣмцами купцами товары были: хлѣбъ, соль, сельди, конченное мясо, сунно, полотно, пряжа, рукавицы, жемчугъ, ердаликъ, золото, серебро, мѣдь, олово, свинець, сѣра, иглы, четки, пергаментъ, вино, пиво. Вывозимые: мѣха, кожи, волосъ, щетина, сало, воскъ, лѣсъ, скоть и произведенія востока: жемчугъ, шелкъ, драгоценныя одежды, оружіе. — Во Псковѣ изъ Нѣмецкой земли приходили вино, хлѣбъ, овощи. Изъ вещей, носившихъ названіе Русскихъ, встрѣчаемъ: Русскія черчатки, Русскія постели, Русскія чашки. Мы видали въвышеніе цѣль на съѣстные припасы; о цѣнахъ же обыкновенныхъ, на сѣверѣ, можно имѣть понятіе изъ одной жалованной грамоты Великаго Князя Василія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю: «Вомостелю дають съ двухъ плуговъ полоть мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, десять хлѣбовъ; а нелюбъ полоть, то два алтына, не любъ овесъ — алтынъ, не любъ возъ сѣна — алтынъ, на любы хлѣбы — за ковригу не деньгъ“.

Если Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, старинныя Русскія торжища, богатѣи по-прежнему торговлею, благодаря выгодному положенію своему, то древнее средоточіе южной, Греческой торговли на Руси, Кіевъ, опустошенный усобидами и Татарами, переставшій быть главнымъ городомъ Руси, презрѣнный сильнѣйшими князьими, Суздальскими, Галицкими, Литовскими, представлялъ во второй половинѣ XIII вѣка жалкое врѣище: Плато-Карпини насчитываетъ въ немъ не болѣе 200 домовъ. Но природныя выгоды оставались прежнія, и купцы изъ разныхъ странъ, по старой привычкѣ, продолжали прѣзжать въ Кіевъ: такъ вмѣстѣ съ Плато-Карпини врѣзжали туда купцы изъ Бреслава; потомъ приходило туда много купцовъ изъ Польши, Австріи, Константинополя: послѣдніе были Итальянцы: Генуезцы, Венеціане, Пизане. Купцы изъ Торна прѣзжали на Волынъ и въ Галичь: въ 1320 году здѣшній князь Андрей Юрьевичъ, который называетъ себя *Dux Ladimiriae et dominus Russiae*, далъ Торнскимъ купцамъ грамоту, въ силу которой нѣкто изъ его митшювъ или служителей не смѣлъ требовать отъ нихъ сунецъ или другихъ товаровъ, покупаятъ итъ всѣ права, которыми они пользовались при

отца его; обещаетъ, что если кто-нибудь изъ нихъ потеряетъ обиду, то за каждый денарій, неправедно отнятый, получитъ вдвое. Послѣ, Гедиминевичи, княжившіе на Волыни, не хотѣли пропускать купцовъ изъ Польши и Германіи черезъ свою землю на востокъ (Heidenland), дабы утвердить складку товаровъ во Владимирѣ, Луцкѣ и Львовѣ, какъ бывало изстари. О торговлѣ Галичанъ и Подольцевъ въ Молдавіи, Бессарабіи, Венгріи, получаемъ извѣстіе изъ уставной грамоты, данной Львовскимъ и Подольскимъ купцамъ господаремъ Молдавскимъ въ 1407 году⁴⁴¹; Русскіе купцы покупали въ Молдавскихъ владѣніяхъ Татарскій товаръ: шелкъ, перепъ, камки, тебенки, ладанъ, Греческій квасъ, потомъ покупали скотъ: свиней, овецъ, лошадей, мѣха бѣличья и лисья, овчины, кожи, рыбу, воскъ; продавали сукно, которое складывалось въ Сочавѣ, шапки, погавицы, пояса, мечи, серебро жженое Венгерское, куніцъ Венгерскихъ. Черноморская торговля производилась черезъ городъ Солдайю или Судакъ, въ Тавридѣ: сюда приставали всѣ купцы, идущіе изъ Турціи въ сѣверныя страны, сюда же сходились купцы, идущіе изъ Россіи и странъ сѣверныхъ въ Турцію: первые привозили ткани бумажныя, шелковыя и пряные коренья, послѣдніе преимущественно дорогіе мѣха; что подъ этими мѣховыми торговцами должно разумѣть именно Русскихъ купцовъ, доказываетъ рассказъ Рубрукиса о крытыхъ телегахъ, запряженныхъ волами, въ которыхъ Русскіе купцы возятъ свои мѣха; по словамъ того же Рубрукиса, купцы изъ всей Россіи прѣзжали въ Крымъ за солью, и съ каждой нагруженной телеги давали Татарамъ двѣ бумажныхъ ткани шелковыя. Знаемъ также изъ другихъ источниковъ, что въ XIV вѣкѣ Русскихъ купцовъ можно было найти въ Кафѣ, Оцѣ, Гречіи⁴⁴².

Встрѣчаемъ извѣстія и о торговлѣ при волжской, съ Татарами: такъ летописецъ говоритъ, что Татарскій царевичъ Арашпа перебилъ много Русскихъ купцовъ и богатство ихъ пограбилъ⁴⁴³; Тохтамышъ послалъ слугъ своихъ въ Болгарію захватить Русскихъ купцовъ съ судами ихъ и товарами⁴⁴⁴. Нижній Новгородъ, благодаря положенію своему, уже и въ описываемое время производилъ значительную торговлю: такъ говорится, что Новгородскіе ушкуйники пограбили въ Нижнемъ множество купцовъ, Татаръ и Армякъ, равно какъ и Нижегородскихъ; пограбленъ това-

ру ихъ множество, а суда ихъ разсѣкли; здѣсь перечисляются и разныя названія этихъ судовъ: паузки, карбасы, лодьи, учаны, мишаны, бафты и струги. Восточные купцы торговали въ городахъ Русскихъ подъ покровительствомъ Татаръ: Тверичи, во время возстанія своего на Татаръ, истребили и купцовъ Ордынскихъ, старыхъ и пришедшихъ вновь съ Шевкаломъ; подъ 1355 годомъ упоминается о приходѣ въ Москву Татарскаго посла и съ нимъ гостей Сурожанъ; подъ 1389 годомъ встрѣчаемъ извѣстiе объ Авраамѣ Армянинѣ, жившемъ въ Москвѣ; наконецъ видимъ, что въ Москву приходили и купцы съ запада, именно изъ Литвы⁴⁴⁹.

Мы видѣли заботы Новгородцевъ о томъ, чтобы купцамъ ихъ былъ путь чистъ по Русскимъ княжествамъ; Великіе Князья съ веровосточной Руси въ договорахъ между собою и въ договорахъ съ Великимъ Княземъ Литовскимъ выговариваютъ то же самое. Видимъ, что монастыри получаютъ право безошлинной торговли: Новгородцы, въ половинѣ XV вѣка, дали на вѣчѣ Троицкому Сергіеву монастырю грамоту, въ которой запрещалось Двинскимъ посадникамъ, Холмогорскимъ и Вологодскимъ, ихъ приказчикамъ и пошлинникамъ брать пошлины и судить людей Троицкаго монастыря, старцевъ или мирянъ, которые будутъ посланы монастыремъ на Двину, зимою на возахъ, а лѣтомъ на одиннадцати лодьяхъ: «А кто эту грамоту Новгородскую нарушить, обидитъ купчину Сергіева монастыря, или его кормниковъ (кормчихъ) или осначевъ (оснастчиковъ), тотъ дастъ посаднику и тысяцкому и всему Господину Великому Новгороду пятьдесятъ рублей въ стѣну⁴⁵⁰. А вы, бояре Двинскіе, и житые люди, и купцы! обороняйте купчину Сергіева монастыря, даже и тогда, когда Новгородъ Великій будетъ немирень съ нѣкоторыми сторонами⁴⁵¹; блюдите монастырскаго купчину и людей его какъ своихъ, потому что весь Господинъ Великій Новгородъ жаловалъ Сергіевъ монастырь, держать его своимъ, и вы, посадники, бояре, приказчики ихъ и пошлинники, сей грамоты Новгородской не ослушайтесь.» Митрополитъ изъ Москвы посылалъ своихъ слугъ въ Казань съ ружьями для торговли⁴⁵². Великіе Князья Литовскіе, для поднятія своего главнаго города Вильны, даютъ еякупцамъ право безошлинной и безирепатственной торговли во всѣхъ Литов-

скихъ и Русскихъ областяхъ ⁴⁵³. Въ Вильнѣ видимъ ярмарки два раза въ годъ ⁴⁵⁴; въ городахъ восточной Россіи видимъ торги по воскресеньямъ ⁴⁵⁵.

Относительно монеты должно замѣтить, что въ первой половинѣ XIV вѣка счетъ гривнами замѣняется счетомъ рублями, при чемъ не трудно усмотрѣть, что старая гривна серебра и новый рубль одно и то же ⁴⁵⁶; слово: кунѣ, въ значеніи денегъ вообще, начинаетъ смѣняться теперь употребительнымъ Татарскимъ словомъ деньги. Такъ какъ отъ описываемаго времени дошли до насъ прямыя извѣстія о кожаныхъ деньгахъ, то мы обязаны здѣсь подробнѣе разсмотрѣть этотъ давній, важный и запутанный вопросъ въ нашей исторической литературѣ. Здѣсь должно отличать два вопроса: вопросъ о мѣхахъ, обращавшихся вмѣсто денегъ и имѣющихъ цѣнность сами по себѣ, и вопросъ собственно о кожаныхъ деньгахъ, о частицахъ шкуры извѣстнаго животного, не имѣющихъ никакой цѣнности сами по себѣ, и обращающихся въ видѣ денегъ условно. Относительно обоихъ вопросовъ мы встрѣчаемъ у изслѣдователей крайнія мнѣнія: одни не хотятъ допускать въ древней Россіи металлической монеты и заставляютъ ограничиваться одними мѣхами ⁴⁵⁷; другіе наоборотъ, подлѣ металлической монеты не допускаютъ вовсе мѣховъ ⁴⁵⁸. Противъ перваго мнѣнія мы уже указали неопровержимыя свидѣтельства источниковъ ⁴⁵⁹; противъ втораго существуютъ свидѣтельства также неопровержимыя, напр. въ уставной грамотѣ князя Ростислава Смоленскаго: «А се погородіе отъ Мьстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисицы; а се отъ Крупя гривна урока, а пять ногать за лисицу » Или: «Се заложилъ Власей св. Николѣ полсела въ 10 рублѣхъ да въ трехъ сорокѣхъ бѣлки.» Здѣсь мы ясно видимъ, что подлѣ, вмѣстѣ съ гривнами и рублями, принимались въ уплату мѣха, и это самое показываетъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, было время, когда употребленіе мѣховъ для уплатъ всякаго рода, употребленіе ихъ вмѣсто денегъ было господствующимъ; Смоленскій князь или его пошляинникъ, вмѣстѣ, съ рублемъ бралъ три лисицы; частное лице, какой-то Власій, вмѣстѣ съ 10 рублями занялъ и три сорока бѣлки, и обязался уплатить тоже самое; также точно первые князья брали дань съ подчиненныхъ племенъ одними черны-

ми кунцами и бѣлками, потому что серебра этимъ племенамъ было взять негдѣ; такъ точно въ это время и частные люди совершали свои уплаты одними мѣхами. Явилась металлическая монета, но она не вытѣснила еще мѣховъ; выраженіе: «а пять ногать за лисицу» — показываетъ намъ переходъ отъ уплаты мѣхами къ уплатѣ деньгами. Если и князья, и простые люди, принимали въ уплату мѣха вмѣсто денегъ, то нѣтъ намъ нужды разсуждать о томъ, что цѣнность пушнаго товара не могла оставаться всегда одинаковою, по различію лицъ, имѣющихъ или неимѣющихъ въ немъ нужду, по различію мѣствъ, болѣе или менѣе богатыхъ этимъ товаромъ, что шкуры звѣрей — товаръ, подверженный порчѣ, что онъ теряетъ достоинство даже отъ частаго перехода изъ рукъ въ руки: ни пошлинникъ Смоленскаго князя не взялъ бы въ казну трехъ истертыхъ лисихъ мѣховъ, ни упомянутый Владей не занялъ бы трехъ сороковъ истертыхъ бѣлокъ, и ясно также, что если въ Смоленской области лисица стоила пять ногать, то въ Черниговской могла стоять больше или меньше. Труднѣе объясненіе другаго явленія, именно собственныхъ кожаныхъ денегъ, имѣющихъ условную цѣнность; но въ исторіи много такихъ явленій, которыхъ мы объяснить теперь не можемъ, и которыхъ однако отвергать не имѣемъ права, если объ нихъ существуютъ ясныя, не подлежащія сомнѣнію извѣстія. Но таковы именно свидѣтельства современниковъ и очевидцевъ — Рубруквиса и Гильберта де-Ланноа⁶⁰; названія единицъ нашей древней монетной системы могли, положимъ, ввести въ заблужденіе новѣйшихъ изслѣдователей, могли, положимъ, ввести въ заблужденіе Герберштейна, за сто лѣтъ до котораго, по его собственному свидѣтельству, перестали уже употреблять вмѣсто денегъ мордки и ушки бѣлокъ и другихъ звѣрей; но какъ же отвергать свидѣтельства Рубруквиса и Ланноа — очевидцевъ? Одинъ старый изслѣдователь, отвергавшій кожаные деньги, смѣялся надъ свидѣтельствомъ, что въ Ливоніи ходили бѣличьи ушки съ серебряными гвоздиками и назывались ногатами; другой, познѣйшій изслѣдователь, находитъ это извѣстіе замѣчательнымъ: по его мнѣнію, оно можетъ указывать на обычай нашихъ предковъ мелкую серебряную монету, для сохранности, укрѣплять въ доскутки звѣриныхъ шкуръ, откуда легко могло образоваться

ся у иностранцевъ мѣнѣе, что въ Россіи ходили бѣличьи и куны мордки или ушки, части шкуры, негодныя для мѣха, но надежныя для храненія монетъ. — Исслѣдователи могутъ успокоиться на счетъ кожаныхъ лоскутковъ съ гвоздиками, ибо такова была именно форма древнѣйшихъ ассигнацій въ Европѣ: въ 1241 году Императоръ Фридрихъ II пустилъ въ обращеніе кожаные деньги въ Италіи; онѣ состояли изъ кожаного лоскута, на одной сторонѣ котораго находился небольшой серебряный гвоздикъ, а на другой изображеніе государя; каждый лоскутъ имѣлъ цѣнность золотого августана. Знаемъ, что такого же рода монеты ходили во Франціи въ XIV вѣкѣ. Не ужели же мы должны предположить, что Ланноа въ Новгородѣ, Рубруквисъ въ степяхъ при-Волжскихъ, Итальянскіе, Французскіе историки на западѣ Европы — все согласились выдумать кожаные деньги и дать имъ обращеніе — въ своихъ извѣстіяхъ только! Наконецъ, знаемъ, что у Татаръ, въ описываемое время, были бумажныя и кожаные деньги по образцу Китайскому⁶¹.

О перемѣнахъ монеты въ Новгородѣ встрѣчаемъ слѣдующія извѣстія: подъ 1410 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Новгородцы начали употреблять во внутренней торговлѣ лобки и гроши Литовскіе и артуги Нѣмецкіе, а куны отложили; подъ 1420 годомъ говорится, что Новгородцы стали торговать деньгами серебряными, артуги же, которыми торговали 9 лѣтъ, продали Нѣмцамъ. Псковской лѣтописецъ, въ соотвѣтствіе Новгородскому извѣстію подъ 1410, говоритъ подъ 1409, что во Псковѣ отложили куны, и стали торговать пѣнзями, а подъ 1422 годомъ говоритъ, что Псковичи стали торговать чистымъ серебромъ; Новгородскій же лѣтописецъ говоритъ, что въ это время во Псковѣ деньги сковали, и начали торговать деньгами во всей Русской землѣ⁶². Но эти перемѣны не могли обойтись безъ смуты въ Новгородѣ: подъ 1447 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что начали Новгородцы худить деньги серебряныя, встали мятежи и ссоры большія, между прочимъ посадникъ Сокира или Сѣкира, напоивши ливца и вѣсца серебрянаго, Федора Жеребца, вывелъ его на вѣче и сталъ допытываться, на кого онъ лилъ рубли? Жеребецъ оговорилъ 18 человекъ, и, по его рѣчамъ, народъ скинулъ съ моста нѣкоторыхъ изъ оговоренныхъ, у другихъ дома разгра-

били, и даже вытащили имѣніе ихъ изъ перквей, чего прежде не бывало, замѣчаетъ лѣтописецъ. Несправедливые бояре научали того же Федора говорить на многихъ людей, грозя ему смертію; но когда Жеребецъ протрезвился, то сталъ говорить: «Я лилъ на всѣхъ, на всю землю, и вѣсилъ съ своею братьею, съ ливцами.» Тогда весь городъ былъ въ большой печали, одни только голодники, ябедники и посульники радовались; Жеребца казнили смертію, имѣніе его вынули изъ церкви и разграбили. Чтобъ помочь злу, посадникъ, тысяцкій и весь Новгородъ установили пять денежниковъ, и начали переливать старыя деньги, а новыя ковать въ ту же мѣру, платя за работу отъ гривны по полуденьгъ; и была христіанамъ скорбь великая и убытокъ въ городѣ и по волостямъ.

Главные торговые города древней Руси — Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ — обязаны были своею торговлею и своимъ богатствомъ природному положенію, удобству водныхъ путей сообщенія. Въ описываемое время города сѣверовосточной Руси, Москва, Нижній, Вологда были обязаны своимъ относительнымъ процвѣтаніемъ тому же самому. И долго послѣ сухимъ путемъ по Россіи можно было только ѣздить зимою; лѣтомъ же оставался одинъ водный путь, который потому имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи; морозъ и снѣга зимою, и рѣки лѣтомъ, нельзя не включить въ число важнѣйшихъ дѣятелей въ исторіи Русской цивилизаціи. Князья ѣздили въ Орду водою; такъ извѣстно, что сынъ Дмитрія Донскаго, Василій, отправился къ Тохтамышу въ судахъ изъ Владимира Клязьмою въ Оку, а изъ Оки внизъ по Волгѣ; Юрій Даниловичъ Московскій поѣхалъ въ послѣдній разъ въ Орду изъ Заволочья по Камѣ и Волгѣ. Изъ Москвы въ города при-Окскіе и при-Волжскіе отправлялись водою: такъ отправился изъ Москвы въ Муромъ на судахъ нареченный митрополитъ Іона для переговоровъ съ князьями Ряполовскими на счетъ дѣтей Великаго Князя Василя Темнаго. Епифаній, въ житіи св. Стефана Пермскаго, говоритъ: «всякому хотящему шествовати въ Пермскую землю, удобственъ путь есть отъ града Устывма рѣкою Вычегдою вверхъ, дондеже внидетъ въ самую Пермь.»

При удобствѣ путей сообщенія водою, лѣтомъ, и саннымъ пу-

темъ, зимою, перечисленные прежде благопріятныя обстоятельства для торговли⁴⁶³ имѣли силу и теперь. Касательно же препятствій для торговли мы прежде всего должны упомянуть, разумѣю, о Татарскихъ опустошеніяхъ, послѣ которыхъ Кіевъ, напрімѣръ, не могъ уже болѣе оправиться. Но здѣсь мы опять должны замѣтить, что Кіевъ упалъ не въ слѣдствіе одного Татарскаго разгрома: упадокъ его начался гораздо прежде Татаръ, въ слѣдствіе отлива жизненныхъ силъ, съ одной стороны, на сѣверовостокъ, съ другой — на западъ. Другихъ главныхъ рынковъ — Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка не коснулись Татарскія опустошенія. Послѣ утверженія Татарскаго господства, ханы и баскаки ихъ для собственной выгоды должны были благопріятствовать торговлѣ Русской; въ Ордѣ можно было все купить, и у Новгородцевъ была ханская грамота, обезпечивавшая ихъ торговлю; притомъ же, по прошествіи перваго двадцатипятилѣтія тяжесть ига начинаетъ уменьшаться, и послѣ видимъ значительное развитіе восточной торговли и Волжскаго судоходства; даже съ достовѣрностію можно положить, что утверженіе Татарскаго владычества въ Средней Азіи, также въ низовьяхъ Волги и Дона, и вступленіе Россіи въ число зависящихъ отъ Орды владѣній, очень много способствовало развитію восточной торговли; время отъ Калиты до Димитрія Донскаго должно считать самымъ благопріятнымъ для восточной торговли, ибо непосредственной тяжести ига болѣе не чувствовалось, и между тѣмъ Татары, уснековаемые покорностію князей, ихъ данью и дарами, не пустошили Русскихъ владѣній, не загораживали путей. Послѣ попытокъ порвать Татарскую зависимость, послѣ Куликовской битвы, или нѣсколько ранѣе, обстоятельства становятся не такъ благопріятны для восточной торговли: опять начинаются опустошительныя нашествія, отъ которыхъ особенно страдаютъ области Рязанская и Нижегородская, Нижегородская — преимущественно жившая восточною, Волжскою торговлею; теперь ханы, вооружаясь противъ Россіи, прежде всего бросаются на Русскихъ купцовъ, которыхъ только могутъ достать своею рукою. Подъ 1371 годомъ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе, изъ котораго, съ одной стороны, можно видѣть богатство купцовъ Нижегородскихъ, а съ другой стороны гибельное вліяніе Татарскихъ опустошеній на пограничныя Рус-

свія области: былъ, говорится, въ Нижнемъ гость Тарасъ Петровъ, первый богачъ во всемъ городѣ; откупилъ онъ полону множество всякихъ чиновъ людей своею казною, и купилъ онъ себѣ вотчину у князя, шесть селъ за Кудьюмою рѣкою; а какъ запустѣлъ отъ Татаръ этотъ уѣздъ, тогда и гость переѣхалъ изъ Нижняго въ Москву. Но не всегда же Россія послѣ Мамаю находилась въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Ордѣ, и давно протоптанный путь не могъ быть вдругъ покинутъ.

Въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Олгердомъ видимъ условіе о взаимной свободной торговлѣ; но этимъ договоромъ не кончилась борьба между Москвою и Литвою, не могла не страдать отъ нея и торговля. Впрочемъ открытая вражда между Московскими и Литовскими князьями не была постоянною, притомъ же во время ссоръ съ Москвою, Литва находилась въ мирѣ съ Рязанью, Тверью, Новгородомъ и Псковомъ. Псковъ часто враждовалъ съ Нѣмцами, и не смотря на то, торговля заграничная дѣлала его однимъ изъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ городовъ Русскихъ — знакъ, что частая вражда съ Нѣмцами не могла много вредить этой торговлѣ. И Новгородъ не всегда былъ въ мирѣ съ Нѣмцами: мы видѣли, что съ 1383 до 1391 года не было между ними крѣпкаго мира, и когда въ послѣднемъ году миръ былъ заключенъ, то Нѣмецкіе послы пріѣхали въ Новгородъ, товары свои взяли, крестъ цѣловали, и начали дворъ свой ставить снова: значить, при началѣ ссоры товары были захвачены Новгородцами и дворъ Нѣмецкій раззоренъ. Изъ приведенной выше грамоты узнаемъ, что Новгородскіе купцы терпѣли иногда отъ Нѣмецкихъ разбойниковъ передъ самую Невою; Шведы неблагопріятно смотрѣли на торговлю Новгородцевъ съ Нѣмцами; король Биргеръ писалъ въ 1295 году Любчанамъ, что Шведы не будутъ тревожить Нѣмецкихъ купцовъ, идущихъ въ Новгородъ съ товарами, только въ угожденіе императору, ибо для него, Биргера эта торговля невыгодна, потому что усиливаетъ враговъ его (Новгородцевъ). Онъ даетъ купцамъ свободу отправляться въ Новгородъ, но подъ условіемъ, чтобъ они не возили туда оружія, желѣза, стали и проч. Много, какъ видно, терпѣла Волжская торговля отъ Новгородскихъ ушкуйниковъ; но и это бѣдствіе не было продолжительно. Относительно ушкуйничества должно замѣтить, что

это явленіе служить также доказательствомъ развитія Волжско й торговли въ XIV вѣкѣ: значить было что грабить, когда образовались такія многочисленныя разбойничьи шайки.

Торговля должна была содѣйствовать распространенію ремеслъ, искусствъ, въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ она наиболѣе процвѣтала: самые богатые торговые города, Новгородъ, Псковъ, отличаются прочностію своихъ укрѣпленій, многочисленностію своихъ церквей. Церкви и каменные, по-прежнему, строились скоро: церковь Архангела Михаила въ Москвѣ была заложена, окончена и освящена въ одинъ годъ⁶⁶; тоже говорится и о монастырской церкви Чуда Архангела Михаила⁶⁵; нѣкоторыя деревянные церкви, такъ называемыя о быденныя, начинали строить, оканчивали и освящали въ одинъ день; но соборная церковь Св. Троицы во Псковѣ строилась три года: сперва Псковичи дали наймитамъ 200 рублей, чтобы разрушить стѣны старой церкви; старый матеріалъ былъ сваленъ въ рѣку Великую, ибо считалось неприличнымъ употребить его на какое-нибудь другое дѣло; на другой годъ заложили новую церковь, дали мастерамъ 400 рублей и много ихъ потчивали⁶⁶. Въ Твери, во время стройки соборной церкви Св. Спаса, поставили внутри ея маленькую деревянную церковь и служили въ ней, пока мастера оканчивали большую⁶⁷. И въ описываемое время иногда складывали церкви очень неискусно: въ Коломнѣ только что окончили каменную церковь, какъ она упала⁶⁸; въ Новгородѣ едва успѣли мастера, окончивши работы, сойти съ церкви св. Іоанна Златоуста, какъ она упала⁶⁹. Лѣтописцы употребляютъ въ извѣстіяхъ о построеніи церквей иностранное слово: мастера, но нигдѣ не видно, чтобы призываемы были иностранцы для этихъ построекъ. Въ княженіе Василія Димитріевича въ Новгородѣ извѣстны были, какъ искусные строители, три мастера: Иванъ⁷⁰, Климентъ и Алексій. Кромѣ церквей и колоколенъ, подъ 1409 годомъ упоминается о построеніи въ Новгородѣ владыкою Іоанномъ теремца каменнаго, гдѣ святили воду каждый мѣсяць. Упоминается по-прежнему о покрытіи церквей оловомъ; въ 1420 году Псковичи наняли мастера Федора и дружину его обивать церковь св. Троицы свинцомъ; но не могли отыскать ни во Псковѣ, ни въ Новгородѣ такого мастера, который бы могъ лить свинчатая доски; посылали

и въ Нѣмцѣхъ въ Юрьевѣ, но поганые, какъ выражается летописецъ, не дали мастера; наконецъ прѣѣхалъ мастеръ изъ Москвы, отъ Фотія митрополита, и научилъ Ѳедора, какъ лить доски; мастера получили 44 рубли. Новгородскій владыка Евѣимій шокрьмъ чешуею церковь св. Георгія въ Ладогѣ. Упоминается по прежнему о золоченіи главъ или маковницъ⁷¹; упоминается о позлащеніи гроба князя Владиміра Ярославича и матери его Анны въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ⁷². Говорится, что Тверской епископъ Ѳедоръ сдѣлалъ у церкви Св. Спаса двери мѣдныя⁷³; въ Нижегородской церкви Св. Спаса были двери дивныя, устроенныя мѣдью золоченою⁷⁴. Ростовскій епископъ Игнатій помостилъ краснымъ мраморомъ дно (поль) Богородичной церкви⁷⁵; тоже сдѣлалъ Тверской владыка Ѳедоръ у себя въ церкви Св. Спаса⁷⁶. Встрѣчаемъ извѣстія объ украшеніи церквей живописью: въ 1343 году Греческіе мастера поднѣсали (росписали) соборную церковь Успенія Богородицы въ Москвѣ; подъ слѣдующимъ годомъ говорится о росписаніи монастырской церкви Св. Спаса въ Москвѣ; мастера были родомъ Русскіе, ученики Грековъ⁷⁷ — Гойтанъ, Семень и Иванъ, съ учениками своими и дружиною. Подъ 1395 годомъ упоминается о росписаніи церкви Рождества Богородицы и прѣѣла св. Лазаря въ Кремлѣ; мастера: были — Ѳеофанъ Грекъ и Семень Черный; тотъ же Ѳеофанъ Грекъ росписалъ церковь св. Архистратига Михаила въ 1399 году; въ 1405 году росписывали церковь Благовѣщенія на княжомъ дворѣ Ѳеофанъ иконникъ Грекъ, Прохоръ старецъ изъ Городца, да чернецъ Андрей Рублевъ. Подъ 1409 годомъ говорится о росписаніи церкви Богородицы Владимирской мастерами: Даниломъ иконникомъ и Андреемъ Рублемъ. Они же росписали церковь Троицкую надъ гробомъ св. Сергія, церковь въ Московскомъ Андрониковомъ монастырѣ. Въ Новгородѣ церковною живописью занимались также Греки: подъ 1338 годомъ упоминается Исаія Гречинъ. Упомянутый мастеръ, Грекъ Ѳеофанъ, росписалъ въ 1378 году въ Новгородѣ церковь Христа Спасителя на Ильинѣхъ улицѣ; подъ 1385 годомъ, при описаніи большаго пожара въ Новгородѣ, говорится, что вмѣстѣ съ другими сгорѣлъ въ Павловѣ монастырѣ Ивашъ, церковный росписникъ, какъ видно, Русскій. Подъ 1345 годомъ находимъ извѣстіе, что въ Мо-

сквѣ слиты были три колокола большіе и два меньшіе, и лить ихъ мастеръ Борисъ Римлянинъ; но еще прежде, въ 1342 году, какъ видно, этотъ же самый Борисъ вызванъ былъ изъ Москвы въ Новгородъ и слить тамъ большой колоколъ къ Св. Софіи. Въ 1403 году слить былъ колоколъ въ Твери къ соборной церкви Преображенія, но не сказано, какимъ мастеромъ. Изъ построекъ не-церковныхъ упоминается подъ 1409 годомъ о построеніи въ Новгородѣ владыкою Іоанномъ пекленицы (поварни?) каменной; подъ 1433 годомъ о построеніи Новгородскимъ владыкою Евеміемъ у себя на дворѣ палаты каменной съ 30 дверями: строилъ мастера Нѣмецкіе изъ-за моря. (т. е. не Ливонскіе) вмѣстѣ съ Новгородскими; въ 1439 году тотъ же владыка поставилъ ключницу хлѣбную каменную¹⁷⁸; въ слѣдующемъ году поставилъ комнату каменную меньшую; въ 1441 году большая палата владыкина и сѣни прежнія были росписаны; въ 1442 году тотъ же владыка поставилъ на своемъ дворѣ поварни каменные и комнату каменную, а въ 1444 духовницу и сторожню каменныя. Въ Москвѣ только въ 1450 году митрополитъ Іона заложилъ на своемъ дворѣ палату каменную. — Наконецъ находимъ извѣстія объ устройствѣ часовъ; подъ 1404 годомъ говорится, что поставлены были часы въ Москвѣ, на дворѣ Великаго Князя, за церковію Благовѣщенія, устроилъ ихъ монахъ Лаваръ, пришедшій изъ Сербіи. Вотъ какъ описываются эти часы: «Сій же часникъ наречется часомѣрье; на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и расчитая часы ношныя и дневныя; не бо человекъ ударяше, но человекъвидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако сотворено есть человѣческою хитростью, преизмечтано и преухищрено.» Въ Новгородѣ въ 1436 году владыка Евемій устроилъ у себя надъ поматою часы звонящіе, а подъ 1449 годомъ говорится, что тотъ же владыка поставилъ часозвоню.

О построеніи и украшеніи церквей въ югозападной Руси можемъ имѣть понятіе изъ разсказа Вольшскаго лѣтописца о построеніи церквей въ Холмѣ Даниломъ Романовичемъ, подъ 1259 годомъ: построена была церковь св. Іоанна, красивая и величелѣпная; построена она была такъ: четверо комаръ, съ каждаго угла переводъ, а стояли они на четырехъ головахъ человѣческихъ, изваянныхъ нѣкоторымъ хитрецомъ; три окна украшены

были стеклами Римскими; при входѣ въ алтарь стояли два столпа изъ цѣльнаго камня, и на нихъ комара; потолокъ былъ украшенъ звѣздами золотыми на лазури; внутренній помость былъ слить изъ мѣди и олова чистаго, и блестялъ какъ зеркало; двое дверей украшены камнемъ Галицкимъ, бѣлымъ и зеленымъ Холмскимъ, тесанымъ, сработаны ⁴⁷⁹ нѣкоторымъ хитрецомъ Авдѣемъ, прилѣпны отъ всѣхъ шаровъ изъ золота, напереди ихъ изваянь Св. Спасъ, а на полунощныхъ св. Іоаннъ, на удивленіе всѣмъ смотрящимъ; иконы, принесенныя изъ Кіева, украшены были драгоценными камнями, жемчугомъ и золотомъ ⁴⁸⁰; колокола привезены были также изъ Кіева, а другіе слиты на мѣстѣ. Другая церковь была построена въ честь свв. Безмездниковъ Кузумы и Даміана: верхъ ея поддерживали четыре столпа изъ цѣльнаго камня истесанаго. Построена была и церковь Св. Богородицы, величиною и красотою не хуже первыхъ, и украшена пречудными иконами: князь Даніилъ принесъ изъ Венгріи чашу мраморную багряную, изваянную чудесно, съ змѣиными головами вокругъ, и поставилъ ее передъ дверями церковными, называемыми царскими: въ этой чашѣ святили воду на Богоявленье ⁴⁸¹. Князь Владиміръ Васильковичъ построилъ въ Каменцѣ церковь Благовѣщенія, украсилъ ее иконами золотыми, сковалъ сосуды служебные серебряные, евангеліе далъ также окованное серебромъ, положилъ и крестъ воздвизальный. Но Владиміръ росписалъ всю церковь св. Димитрія, сосуды служебные серебряные сковалъ, икону Св. Богородицы оковалъ серебромъ и дорогими камнями, завѣсы у иконы были золотомъ штыла, а другія аксамитныя съ дробницею; въ кафедральномъ соборѣ Св. Богородицы образъ Спасителя оковалъ серебромъ, евангеліе также оковалъ серебромъ, сосуды служебные устроилъ изъ жженаго золота съ дорогими камнями и образъ Спасовъ оковалъ золотомъ съ дорогими камнями и поставилъ на память себѣ. Въ Перемышльскій соборъ далъ евангеліе, окованное серебромъ съ жемчугомъ; въ Черниговскій соборъ послалъ евангеліе, золотомъ писанное, окованное серебромъ и жемчугомъ, и среди его Спасъ съ финифтью; въ Луцкій соборъ далъ крестъ большой, серебряный позолоченный, съ честнымъ древомъ. Въ Любимлѣ поставилъ церковь каменную св. Георгія, украсилъ ее иконами коваными,

сосудами серебряными, платцы дагь аксамитные, шитые золотомъ съ жемчугомъ, херувимъ и серафимъ, индитю, золотомъ шитую всю, а другую изъ бѣлчатой паволоки, а въ малыхъ алтаряхъ обѣ индити изъ бѣлчатой паволоки, евангеліе окованое все золотомъ съ дорогими камнями и жемчугомъ, деисусъ на немъ скованъ изъ золота, цаты большія съ финифтью, другое евангеліе волочено оловиромъ; два кадила — одно серебряное, другое мѣдное; икона мѣстная св. Георгія была написана на золотѣ; на эту икону князь положилъ гривну золотую съ жемчугомъ; другая икона Богородицы была также написана на золотѣ, и на ней было монисто золотое съ дорогими камнями; двери въ церкви были мѣдныя; князь началъ росписывать эту церковь, и росписалъ уже всѣ три алгара, начали-было росписывать и шею, но не окончили по причинѣ княжеской болѣзни; колокола были слиты такіе удивительные на слухъ, что подобныхъ не было во всей землѣ.

Что касается ремеслъ вообще, то изъ разсказа лѣтописцева о населеніи Холма Галицкаго, мы видимъ, какія были главныя, самыя нужныя изъ нихъ—это мастерство оружейное и металлическое: начали, сказано, собираться въ Холмъ сѣдельники, лучники, тульники и кузнецы желѣза, мѣди и серебра; въ Новгородѣ встрѣчаемъ щитника и серебряника⁴³; ибо что касается другихъ ремеслъ, напримѣръ сапожнаго, портнаго, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, они отправлялись въ домахъ слугами. О мебели, удобствахъ домашней жизни, расположеніи и украшеніи жилищъ, мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій, и должны заключить, что домашній бытъ отличался по-прежнему простотою. Богатый Волынкій князь Владиміръ Васильковичъ, который построилъ столько городовъ, церквей, такъ ихъ богато украсилъ, лежалъ, во время болѣзни своей, на соломѣ. О богатствѣ Московскихъ князей можемъ имѣть понятіе по ихъ завѣщаніямъ, гдѣ упоминается объ иконахъ, дорогихъ платьяхъ, цѣпяхъ, рѣдко о дорогомъ оружіи, о нѣсколькихъ сосудахъ столовыхъ, и все это въ такомъ небольшомъ количествѣ, что не могло занимать много мѣста, легко могло быть спрятано, собрано, увезено. Но если такъ было у князей, то чего же мы должны искать у простыхъ людей? у послѣднихъ, кромѣ самой простой и необходимой рухляди, нельзя

было ничего сыскать, ибо все, что получше и подороже, хранилось въ церквахъ, какъ мѣстахъ, наименѣе подвергавшихся пожарамъ и разграбленіямъ. Жилища располагались, какъ видно, по-прежнему; вотъ описаніе пожара, бывшаго въ домѣ Тверскаго Великаго Князя Михаила Ярославича: загорѣлись сѣни и сгорѣлъ дворъ княжой весь; но Божіею милостію проснулся самъ князь Михаилъ и выбросился въ окно съ княгинею, а сѣни полны были княжатъ и боярченковъ, которые тутъ спали, и сторожей было много, но никто не слышалъ ⁴⁸³. О княжескихъ одеждахъ упомянуто было выше; относительно платья простыхъ людей встрѣчаемъ названія: охабни, опашни, шубы, вотолаы ⁴⁸⁴, сарафаны, чупруны, котыги; изъ украшеній: перстни, колтки, цѣпочки (золотыя враныя) ⁴⁸⁵. О пищѣ нѣтъ подробностей; узнаемъ только, что бѣдные употребляли въ пищу овсяные хлѣбы ⁴⁸⁶. — Обратимся къ состоянію нравственному.

Начавши описывать состояніе религіи и церкви въ предшествующій періодъ, мы должны были упомянуть о противодѣйствіи, которое христіанство встрѣтило на Финскомъ сѣверѣ отъ язычества, отъ волхвовъ; въ описываемое время мы не видимъ болѣе подобныхъ явленій; замѣчаемъ, напротивъ, успѣшное распространеніе христіанства въ Финскихъ предѣлахъ. Еще подъ 1227 годомъ лѣтописецъ говоритъ о крещеніи Корѣль; но земля послѣднихъ скоро стала спорною между Новгородцами и Шведами; этотъ споръ давалъ Корѣль возможность мѣнять зависимость отъ одного народа на зависимость отъ другаго, при чемъ мѣнялась и вѣра. Безъ соперничества распространялось православіе на сѣверо-востокѣ: здѣсь апостоломъ Зырянъ или Пермьяковъ явился св. Стефанъ, сынъ Устюжскаго причетника и постриженникъ Ростовскій; вѣроятно знакомый еще въ Устюгѣ съ языкомъ Зырянскимъ, Стефанъ приготовился къ своему апостольскому подвигу тѣмъ, что изобрѣлъ азбуку и перевелъ нужнѣйшія богослужебныя книги на языкъ Зырянскій. Не смотря на всѣ препятствія со стороны ревнителей язычества, дѣло Стефана увѣчалось успѣхомъ: на мѣстѣ разрушенныхъ требищъ языческихъ онъ основалъ церкви, при церквахъ училища для дѣтей. Стефанъ былъ поставленъ епископомъ въ Пермь; о характерѣ его дѣятельности въ этомъ званіи можно заключать изъ слѣдующихъ словъ

«Плача земли Периской на смерть Стефана,» помѣщеннаго въ житіи его: «Теперь мы лишились добраго промышленника и хodataя, который Богу молился о спасеніи душъ нашихъ, а князю доносилъ наши жалобы, хлопоталъ о нашихъ льготахъ, о нашей пользѣ; предъ боярами и всякими властями былъ нашимъ теплымъ заступникомъ, часто избавлялъ насъ отъ насилій, работы и тиунской продажи, облегчалъ отъ тяжелой дани. Самые Новгородцы, ушкуйники, разбойники, словъ его слушались, и не воевали насъ.» Преемниками св. Стефана были епископы Исаакъ и Питиримъ: послѣдній былъ взятъ въ плѣнъ Вогулами и умерщвленъ⁴⁸⁷. Если, въ слѣдствіе Татарскаго ига, мы видѣли одинъ примѣръ отступничества въ Зосимѣ или Изосимѣ, то за то встрѣчаемъ извѣстія о крещеніи Татаръ; такъ напримѣръ, подъ 1390 годомъ летописецъ говоритъ, что били челомъ Великому Князю Василію Димитріевичу въ службу три Татарина, ханскіе постельники, желая принять христіанство: митрополитъ Киприанъ самъ крестилъ ихъ, нарекиши имена: Ананія, Азарія, Мисаилъ.

Во главѣ Русской церкви по-прежнему находятся митрополиты; но дѣятельность ихъ въ описываемое время гораздо замѣтнѣе, чѣмъ прежде; тому двѣ главнѣйшія причины: періодъ предшествовавшій характеризуется господствомъ родовыхъ княжескихъ отношеній и происходившихъ отсюда усобицъ; духовенство могло противодѣйствовать этимъ усобицамъ, утишать ихъ, но не могло дѣйствовать открыто и съ успѣхомъ противъ причины усобицъ, противъ господствующаго обычая: мы видимъ, какъ летописецъ, лице безспорно духовное, принимаетъ сторону людей противъ племянниковъ; таковы были господствующія представленія о правѣ княжескаго старшинства въ цѣломъ Русскомъ народѣ, въ цѣломъ Русскомъ духовенствѣ; еслибы митрополиты, приходившіе изъ Византіи, и враждебно смотрѣли на такое представленіе, то ихъ мнѣніе, какъ чужеземцевъ, не могло имѣть большаго авторитета, и здѣсь, именно въ этой чужезарности митрополитовъ, заключалась вторая главная причина ихъ не очень замѣтной дѣятельности. Другаго рода явленіями характеризуется описываемое время: оно характеризуется борьбою между старымъ и новымъ порядкомъ вещей, борьбою, которая должна была окончиться единовластіемъ: при этой борьбѣ духовенство не могло

оставаться равнодушнымъ, оно должно было объявить себя въ пользу того изъ нихъ, который общагь землѣ успокоеніе отъ усобиць, установленіе мира и порядка. Но, кромѣ этой знаменитой борьбы, вниманіе духовенства, митрополитовъ должны были обратить на себя другія, новыя, важныя отношенія, именно: отношенія Татарскія, Литовскія и отношенія къ изнемогающей Византіи, которыя должны были принять новый характеръ. Такимъ образомъ важность событій описываемаго времени, смѣнившихъ однообразіе и односторонность явленій періода предшествовавшаго, событій, имѣвшихъ тѣсную связь съ интересами церкви, должна была вызвать духовенство къ сильной дѣятельности, и сюда же присоединилось теперь то важное обстоятельство, что митрополиты начинаютъ являться Русскіе родомъ; дѣйствительно нельзя не замѣтить, что самая значительная дѣятельность въ описываемое время принадлежитъ тремъ митрополитамъ изъ Русскихъ: Петру, Алексію, Іоанъ.

Мы видѣли, что въ Константинополѣ не согласились на раздѣленіе Русской митрополіи, на поставленіе особаго митрополита для сѣверной Руси во Владимиръ Клязменскій; но важное значеніе, съ какимъ явилась сѣверная Русь при Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III, заставило Кіевскихъ митрополитовъ обратить на нее особенное вниманіе и отправляться во Владимиръ для умирненія тамошнихъ князей съ князьями южными, для поддержанія согласія между двумя половинами Руси, согласія, необходимаго для поддержанія единства и въ церковномъ управленіи. Послѣ 1228 года и послѣ Татарскаго разгрома, когда значеніе Кіева и южной при-Днѣпровской Руси пало окончательно, митрополиты Кіевскіе и всея Руси должны были обратить еще большее вниманіе на сѣверную Русь, и вотъ подъ 1250 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о путешествіи митрополита Кирилла II (родомъ Русскаго) изъ Кіева въ Черниговъ, Рязань, землю Суздальскую и наконецъ въ Новгородъ Великій. Но потомъ опять мы видимъ Кирилла во Владимирѣ въ 1255 и при похоронахъ Александра Невскаго въ 1263 году; послѣ этого онъ ѣздилъ въ Кіевъ; о возвращеніи его оттуда летописецъ говоритъ подъ 1274 годомъ; въ томъ же году Кириллъ созывалъ соборъ во Владимирѣ для исправленія церковнаго; наконецъ передъ кончиною Кириллъ является опять изъ Кіева въ

Суздальской землѣ и умираетъ въ Переяславѣ Залѣскомъ, въ 1280 году, въ княженіе Дмитрія Александровича, но погребенъ въ Кіевѣ. Если мы, на основаніи этихъ извѣстій, и не имѣемъ еще права сказать, что Кириллъ перенесъ кафедру изъ Кіева во Владимиръ⁴⁸⁸, то по крайней мѣрѣ видимъ, что онъ нѣсколько разъ является на сѣверѣ, и очень вѣроятно, что онъ жилъ здѣсь если не долге, то столько же, сколько и на югѣ; и если Кириллъ II не сдѣлалъ того, что обыкновенно приписывается митрополиту Максиму, не перенесъ пребыванія съ юга на сѣверъ, то по крайней мѣрѣ, приготовилъ явленіе, необходимое по всѣмъ обстоятельствамъ; любопытно также извѣстіе о кончинѣ Кирилла въ Переяславѣ Залѣскомъ: здѣсь мы можемъ видѣть также необходимый, по обстоятельствамъ, шагъ со стороны митрополита всея Руси, можемъ видѣть предпочтеніе города, въ которомъ живетъ сильнѣйшій князь, городу, главному только по имени.

Кириллъ не дожилъ до важнаго для сѣверной Руси событія, открытія борьбы между сыновьями Невскаго—старшимъ, Дмитріемъ, и младшимъ, Андреемъ; но онъ оказалъ участіе въ одномъ, также значительномъ событіи, именно—въ борьбѣ Великаго князя Ярослава Ярославича съ Новгородомъ: вслѣдствіе его посредничества Новгородцы помирились съ княземъ. Съ другой стороны, при Кириллѣ опредѣлились отношенія Ордынскія: всѣ Русскіе были обложены данью, исключая духовенства; другимъ слѣдствіемъ терпимости Татаръ было то, что въ самомъ Сарай, столицѣ хановъ, учреждается православная епископская кафедра въ зависимости отъ Русскаго митрополита; въ 1261 году Кириллъ поставилъ въ Сарай епископомъ Митрофана; подъ 1279 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Сарайскій епископъ Феогностъ въ третій разъ возвратился изъ Царяграда, куда посылалъ его митрополитъ Кириллъ и ханъ Менгугемиръ къ патріарху и императору съ письмами и дарами, извѣстіе любопытное, показывающее значеніе Русскаго Сарайскаго епископа для христіанскаго воевода.

Преемникомъ Кирилла былъ Максимъ, родомъ Грекъ; нѣтъ извѣстій, чтобъ Кириллъ ѣздилъ въ Орду, но Максимъ отправился туда немедленно по пріѣздѣ въ Кіевъ изъ Константинополя. Сначала Максимъ показалъ, что столицей митрополіи Русской дол-

жень остаться Кіевъ: сюда въ 1284 году должны были явиться къ нему всѣ епископы Русскіе. Въ слѣдующемъ году видимъ его на сѣверѣ, даже въ Новгородъ и Псковъ; но во время знаменитой усобицы на сѣверѣ между Александровичами, мы не слышимъ о митрополитѣ: онъ остается въ Кіевѣ; быть можетъ, эта усобица и удерживала его на югѣ, потому что, какъ скоро она пріутихла, Максимъ переселился совершенно изъ Кіева во Владимиръ, пришелъ съ клиросомъ и со всѣмъ житьемъ своимъ, по выраженію лѣтописца; послѣдній приводитъ и причину переселенія: митрополитъ не хотѣлъ терпѣть насилія отъ Татаръ въ Кіевѣ; но трудно предположить, чтобы насилія Татарскія въ это время именно усилились противъ прежняго. Такимъ образомъ Максимъ сдѣлалъ рѣшительный, окончательный шагъ, которымъ ясно засвидѣтельствовалъ, что жизненные силы совершенно отлили съ юга на сѣверъ, и дѣйствительно до сихъ поръ, если Кіевъ потерялъ прежнее значеніе и благосостояніе, то значеніе и благосостояніе поддерживалось еще на югозападѣ, въ Галиціи, на Волыни; но по смерти Данила, Василька и Владиміра Васильковича и здѣсь оставалось мало надежды на что-нибудь сильное и прочное.

Максимъ не долго прожилъ на сѣверѣ: не оказавши нравственнаго вліянія, посредничества въ усобицѣ между сыновьями Невскаго, онъ хотѣлъ воспрепятствовать усобицѣ между князьями Московскимъ и Тверскимъ, но старанія его остались тщетны; онъ умеръ въ 1305 году и преемникомъ ему поставленъ былъ Петръ, родомъ Русскій, изъ Волыни. Послѣ поставленія своего, Петръ только проѣздомъ остановился въ Кіевѣ, и спѣшилъ на сѣверъ; но и здѣсь пробылъ не долго, отправился опять на югъ. Въ Брянскѣ онъ уговаривалъ князя Святослава, чтобы тотъ подѣлился волостями съ племянникомъ, или даже оставилъ бы ему все, бѣжалъ бы изъ города, а не бился. Неизвѣстно, шелъ ли Петръ далѣе Брянска на югъ, и было ли прекращеніе Брянской усобицы главною пѣлію его поѣздки туда; всего вѣроятнѣе, что святитель возвратился изъ Брянска на сѣверъ, во Владимиръ, ибо подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что онъ не пустилъ Тверскаго княжича Димитрія Михайловича идти войною на Новгородъ Нижній; впрочемъ за правильность порядка годовъ въ лѣтописныхъ сборникахъ ручаться нельзя: очень

можетъ быть, что митрополитъ былъ въ Брянскѣ и уговаривалъ тамошняго князя, когда ѣхалъ въ первый разъ изъ Кіева во Владимиръ; послѣ мы не встрѣчаемъ извѣстій о поѣздкахъ св. Петра на югъ. Митрополитъ Кириллъ колебался между сѣверомъ и югомъ; Максимъ переѣхалъ съ клиросомъ и со всѣмъ житьемъ своимъ на сѣверъ; Петръ сдѣлалъ новый шагъ: Владимиръ, гдѣ поселился Максимъ, былъ столицею старшаго князя только по имени; каждый князь, получавшій старшинство и великое княженіе Владимирское, оставался жить въ своемъ прежнемъ наследственномъ городѣ, и шла борьба за то, которому изъ этихъ городовъ усилиться окончательно, собрать Русскую землю, и вотъ Петръ назнаменуеъ это окончательное торжество Москвы, оставаясь здѣсь долѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, и выбравши Москву мѣстомъ успокоенія своего на старости и мѣстомъ погребенія своего. Любопытно видѣть, какъ во все это время митрополиты, тогдашніе представители духовнаго единства Руси, не имѣютъ постоянного пребыванія, странствуютъ то съ юга на сѣверъ, то съ сѣвера на югъ, и на сѣверѣ не пребываютъ постоянно во Владимирѣ: св. Петръ, по словамъ автора житія его, проходилъ мѣста и города, и полюбивши Московскаго князя Іоанна Даниловича, сталъ жить въ Москвѣ долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Это движеніе митрополитовъ всего лучше выражаетъ то броженіе, то переходное состояніе, въ которомъ находилась тогда Русь, состояніе, прекратившееся съ тѣхъ поръ, какъ средоточіе государственной жизни утвердилось въ Москвѣ, чему, какъ мы видѣли, много содѣйствовало расположеніе св. Петра къ этому городу, или его князю. Во сколько этому расположенію къ Москвѣ способствовали непріязненные отношенія Твери и ея епископа Андрея къ св. Петру, мы опредѣлить не можемъ; но мы не должны упускать этого обстоятельства изъ вниманія.

Подобно Максиму, и Петръ долженъ былъ отправиться въ Орду: это случилось по смерти хана Тохты, когда, со вступленіемъ на престолъ Узбека, все обновилось, по выраженію лѣтописца, когда всѣ приходили въ Орду и брали новые ярлыки, и князья и епископы. Петръ былъ принятъ въ Ордѣ съ большою честью и скоро отпущенъ на Русь. Еще въ самомъ началѣ, когда опредѣлились Татарскія отношенія, наложена была дань на всѣхъ, за

исключеніемъ духовенства: послѣднему данъ былъ ярлыкъ, свидѣтельствующій объ этомъ освобожденіи. Въ дошедшемъ до насъ ярлыкѣ Менгу-Тимура⁴⁸⁹ именно говорится о жалованныхъ грамотахъ духовенству первыхъ хановъ, которыхъ грамотъ Менгу-Тимуръ не хочетъ измѣнять; слѣдовательно ярлыкъ Менгу-Тимуровъ мы имѣемъ полное право считать одинаковымъ со всѣми прежними ярлыками; въ немъ ханъ обращается къ баскакамъ, князьямъ, данщикамъ и всякаго рода чиновникамъ Татарскимъ съ объявленіемъ, что онъ далъ жалованныя грамоты Русскимъ митрополитамъ и всему духовенству, бѣлому и черному, чтобъ они правымъ сердцемъ, безъ печали, молили Бога за него и за все его племя и благословляли ихъ: не надобна съ нихъ ни дань, ни тамга, ни поплужное, ни ямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ; не надобна съ нихъ никакая пошлина, ни ханская, ни ханшина, ни князей, ни рядцевъ, ни дороги (сборщика податей), ни посла, некоторыхъ пошлинниковъ никакіе доходы; никто не смѣетъ занимать церковныхъ земель, водъ, огородовъ, виноградниковъ, мельницъ, зимовищъ и лѣтовищъ; никто не смѣетъ брать на работу или на сторожку церковныхъ людей: мастеровъ, сокольниковъ, пардусниковъ; никто не смѣетъ взять, изорать, испортить иконъ, книгъ и никакихъ другихъ богослужебныхъ вещей, чтобы духовные не проклинали хана, но въ покоѣ за него молились; кто вѣру ихъ похулитъ, наругается надъ нею, тотъ безъ всякаго извиненія умретъ злою смертію. Братья и сыновья священниковъ, живущіе съ ними вмѣстѣ, на одномъ хлѣбѣ, освобождаются также отъ всякихъ даней и пошлинъ; но если отдѣлятся, изъ дому выйдутъ, то дадутъ пошлины и дани. А кто изъ баскаковъ или другихъ чиновниковъ возьметъ какую-либо дань или пошлину съ духовенства, тотъ, безъ всякаго извиненія, будетъ казненъ смертію.—Но съ воцареніемъ Узбека, какъ было упомянуто, надобно было брать новые ярлыки, т.-е. снова платить за нихъ, и митрополиту Петру данъ былъ новый ярлыкъ на его имя⁴⁹⁰. Этотъ ярлыкъ одинаковъ съ Менгу-Тимуровымъ, только многословнѣе; прибавлено то, что митрополитъ Петръ управляетъ своими людьми и судитъ ихъ во всякихъ дѣлахъ, не исключая и уголовныхъ, что всѣ церковные люди должны повиноваться ему.

Преемникъ Петра, Грекъ Θεογность, пріѣхалъ на сѣверъ, ко-

гда уже борьба между Москвою и Тверью кончилась, когда Тверская область была страшно опустошена, князь ея въ изгнаніи, и Московскій князь первенствовалъ безъ соперника. Новому митрополиту не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать примѣру своего святаго предшественника, и Феогность, по словамъ летописца, сѣлъ на мѣстѣ св. Петра, сталъ жить на его дворѣ въ Москвѣ, что другимъ князьямъ было не очень сладостно. Мы видѣли, какого важнаго союзника имѣлъ Калита въ Феогность, который страхомъ отлученія заставилъ Псковичей отказаться отъ покровительства Александру Тверскому. Но покончивши дѣла на сѣверѣ, Феогность долженъ былъ спѣшить на югъ, гдѣ въ последнее время произошла важная перемѣна; вмѣсто многихъ отдѣльных, мелкихъ, слабыхъ князей, потомковъ Рюрика, здѣсь господствовалъ теперь сильный князь Литовскій Гедиминъ, язычникъ, но не гонитель христіанства. Въ слѣдствіе этого событія отношенія всероссійскаго митрополита къ югозападной Руси должны были принять новый характеръ: прежде можно было оставить югъ для сѣвера, пренебрегая неудовольствіемъ многихъ, слабыхъ, раздѣленныхъ князей, если бы они и рѣшились выразить неудовольствіе на отсутствіе митрополита; но теперь могущественными князьями Литовскими пренебрегать было нельзя, и Феогность долго живетъ на Волыни, потомъ встрѣчаемъ извѣстіе о поѣздкѣ его туда же въ другой разъ⁴⁹¹, и это извѣстіе нельзя не привести въ связь съ другимъ одновременнымъ извѣстіемъ о насиліяхъ Поляковъ на Волыни, о гоненіяхъ на православіе; при томъ удаленіе Кіевскаго митрополита на сѣверъ уже заставляло думать на югѣ объ избраніи особаго митрополита, который, по извѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, долженъ былъ имѣть пребываніе въ Галицкой Руси, а не Днѣпровской. До насъ дошли письма Константинопольскаго Императора къ митрополиту Феогносту, къ Великому Князю Симеону Московскому, Волынскому князю Лъбарту, объ уничтоженіи Галицкой митрополіи, установленной прежнимъ патриархомъ⁴⁹². Въ Орду Феогность долженъ былъ ѣздить два раза; во второй разъ его ждали тамъ большія непріятности: какіе-то Русскіе люди насажали хану Чанибеку, что митрополитъ Русскій получаетъ огромный доходъ, что у него множество золота, серебра и всякаго богатства, и что ему ниче-

го не стоитъ платить ежегодную дань въ Орду. Ханъ потребовалъ этой дани отъ Θεогноста, но тотъ вытерпѣлъ тѣсное заключеніе, раздарилъ хану, ханшѣ и князьямъ много денегъ и остался при прежнихъ льготахъ.

Мы видѣли, что, начиная съ Кирилла II до сихъ поръ, митрополиты изъ Русскихъ и изъ Грековъ такъ-сказать чередуются: послѣ Русскаго Кирилла видимъ Грека Максима, потомъ опять Русскаго Петра, и потомъ опять Грека Θεогноста. Какъ избирались всѣ эти митрополиты, Русскіе и Греки, по предложенію или по согласію какихъ Русскихъ князей ставились они—мы знаемъ мало. Но мы знаемъ подробности о выборѣ преемника Θεогноста. При князѣ Юріи Даниловичѣ выѣхалъ изъ Чернигова въ Москву бояринъ Феодоръ Плещеевъ; сынъ его, Елѣверій-Симеонъ, крестникъ Іоанна Калиты, съ двѣнадцатилѣтняго возраста началъ вести себя монахомъ, и на двадцатомъ году постригся въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ подъ именемъ Алексія. Прославившись духовною жизнію, Алексій былъ взятъ митрополитомъ Θεогностомъ въ намѣстники, должность котораго состояла въ судѣ надъ церковными людьми; послѣ двѣнадцатилѣтняго исправленія этой должности, Θεогностъ поставилъ Алексія епископомъ во Владимирѣ, и еще при жизни своей благословилъ его себѣ въ преемники на столѣ митрополичьемъ, и отправлены уже были отъ Великаго Князя и митрополита послы въ Царьградъ къ патріарху, чтобы тотъ имѣлъ въ виду Алексія и не ставилъ никого другаго въ митрополиты Русскіе. Когда Θεогностъ умеръ, Алексій отправился въ Царьградъ на поставленіе; но тамъ, не дожидаясь извѣстія изъ Москвы, уже поставили въ митрополиты Романа, и, не рѣшаясь отказать Московскому князю, поставили потомъ и Алексія, и обоихъ отпустили въ Русь: сотворился мятежъ во святительствѣ, чего прежде никогда не бывало на Руси, говорить лѣтописецъ; отъ обоихъ митрополитовъ начали являться послы къ областнымъ владыкамъ, и была вездѣ тяжесть большая священническому чину. Такимъ образомъ теперь въ самомъ Константинополѣ указано было на то, что прежде здѣсь же было отвергнуто, именно раздѣленіе Русской митрополіи; надобно было испомѣстить двухъ митрополитовъ, и когда Алексій пришелъ въ Москву, Романъ отправился на Литовскую и Волынскую зем-

лю. Но Алексій, посвященный въ митрополиты Кіевскіе и всея Руси, не могъ отказаться отъ Кіева; онъ поѣхалъ туда въ 1358 году; но когда черезъ годъ возвратился въ Москву, Романъ явился въ Твери; здѣшній владыка Феодоръ не захотѣлъ съ нимъ видѣться и не оказалъ ему никакого почета; но князья, бояре и нѣкоторые другіе, по словамъ лѣтописца, давали ему потребное; особенно большую честь оказалъ и богатые дары далъ ему князь Всеволодъ Александровичъ Холмской. Такое поведеніе Всеволода объясняется легко: Всеволодъ враждовалъ съ дядею Васильемъ Михайловичемъ, на сторонѣ котораго былъ Московскій князь и митрополитъ Алексій, Всеволодъ же нашелъ помощь въ Литвѣ у зятя своего Олгерда, посредничеству котораго, безъ сомнѣнія, Всеволодъ былъ обязанъ тѣмъ, что дядя уступилъ ему треть отчины; Всеволодъ возвратился изъ Литвы въ Тверь въ то самое время, когда пріѣзжалъ туда и митрополитъ Романъ; очень вѣроятно слѣдовательно, что послѣдній пріѣзжалъ съ Олгердовымъ порученіемъ примирить князей и добыть Всеволоду волость; но если бы и не такъ было, то понятно, что Всеволодъ, родственникъ и союзникъ Олгерда, долженъ былъ оказывать всякое расположеніе митрополиту, признаваемому въ землѣ Литовской.

Намъ не нужно повторять здѣсь сказаннаго выше о могущественномъ содѣйствіи св. Алексія Московскимъ князьямъ въ утвержденіи ихъ власти надъ другими князьями. Не даромъ Великій Князь Симеонъ завѣщалъ своимъ братьямъ не слушаться лихимъ людей, но слушаться владыки Алексѣя да старыхъ бояръ, которые отцу ихъ и имъ добра хотѣли: и Тверь и Нижній испытали какъ св. Алексій хотѣлъ добра сыновьямъ и внукамъ своего крестнаго отца, Іоанна Калиты. Не будучи Грекомъ, Алексій умѣлъ поддержать постоянное расположеніе къ себѣ и къ Москвѣ двора и патріарха Константинопольскаго. Патріархъ писалъ къ Донскому объ особенномъ расположеніи своемъ къ нему и брату его Владиміру, о гнѣвѣ своемъ на другихъ князей Русскихъ, имъ непріязненныхъ, Въ другой грамотѣ патріархъ писалъ, что онъ не сниметъ проклятія, наложеннаго митрополитомъ Алексіемъ на нѣкоторыхъ князей Русскихъ, до тѣхъ поръ, пока они не исполнятъ всѣхъ условій, и пока митрополитъ не напишетъ, что они раскаялись, ибо эти князья дали Великому князю страшную клят-

ву выступить вмѣстѣ противъ враговъ вѣры. Смоленскій князь Святославъ жаловался, что митрополитъ предалъ его проклятію; патріархъ отвѣчалъ, что поступокъ митрополита справедливъ, ибо Святославъ помогалъ Олгерду противъ Москвы. Князь Тверской жаловался также на митрополита, и требовалъ суда съ нимъ; патріархъ отвѣчалъ, что считаетъ неприличнымъ князю судиться съ митрополитомъ предъ посломъ патріаршемъ.—Слава благочестивой жизни Русскаго митрополита достигла и Орды: жена хана Чанибека, Тайдула, заболѣвши глазами, прислала въ Москву просить Алексія, чтобъ посѣтилъ ее; св. Алексій поѣхалъ въ Орду, и ханша получила изцѣленіе; когда въ другой разъ, по смерти Чанибековой, бѣда грозила Москвѣ изъ Орды, Алексій отправился туда опять и отвратилъ бѣду.

Алексій хотѣлъ видѣть и преемникомъ своимъ мужа, славнаго своего святостію, Сергія, игумена-основателя Троицкаго монастыря, но смиренный инокъ отказался отъ власти; а между тѣмъ въ Константинополь не хотѣли дожидаться Московскаго избранника: туда съ разныхъ сторонъ приходили жалобы на то, что митрополитъ покинулъ югъ для сѣвера: Польскій король Казимиръ, владѣя Галицкою Русью, требовалъ для нея особаго митрополита, грозя въ противномъ случаѣ обращать Русскихъ въ Латинскую вѣру. Угроза подѣйствовала, и въ Константинополь поставили особаго митрополита для Галича, подчинивъ ему епархіи—Холмскую, Туровскую, Перемышльскую и Владимирскую на Волыни. Съ другой стороны Олгердъ Литовскій писалъ жалобы къ патріарху, что Москва обидѣла шурина его, Михаила Тверскаго, зятя, Бориса Нижегородскаго, другаго зятя, Ивана Новосильскаго, побрала много городовъ; жаловался, что митрополитъ благословляетъ Московскаго князя на такіе поступки по благословенію патріаршему, не прѣзжаетъ ни въ Литву, ни въ Кіевъ, снимаетъ крестное цѣлованіе съ перебѣжчиковъ изъ Литвы въ Москву; Олгердъ требовалъ другаго митрополита Кіевскаго на Смоленскъ, на Тверь, на Малую Россію, на Новосиль, на Нижній Новгородъ. И вотъ, по просьбамъ югозападныхъ Русскихъ князей, въ Константинополь поставили имъ митрополита Кипріана, родомъ Сербъ, съ условіемъ чтобъ, по смерти митрополита Алексія, онъ былъ митрополитомъ всея Россіи. Не понятно, что если въ Лит-

въ хотѣли своего митрополита, то въ Москвѣ хотѣли также своего. Ни въ Москвѣ, ни въ Новгородѣ, ни во Псковѣ не признали Кипріяна, и онъ принужденъ былъ отправиться на житье въ Кіевъ: опять повторилось, слѣдовательно, прежнее явленіе, опять указывалась возможность раздѣленія Русской митрополіи, ибо въ Москвѣ не хотѣли принимать Кипріяна и по смерти Алексія; здѣсь былъ свой избранникъ. Былъ въ городѣ Коломиѣ священникъ Михайль-Митяй, человѣкъ необыкновенно видной, красивой наружности, грамотный, съ рѣчью легкой и чистою, голосомъ громкимъ и пріятнымъ, превосходилъ всѣхъ умѣньемъ толковать силу книжную; память имѣлъ необыкновенную, зналъ всѣ старинныя повѣсти, книги и притчи; во всякихъ дѣлахъ и судахъ рассуждалъ краснорѣчиво и умно. Такія достоинства обратили на него вниманіе Великаго Князя Димитрія, который и взялъ Митяя къ себѣ въ духовники и печатники. Митяй годъ отъ году прибрѣталъ все болѣе славы и значенія: никто, по словамъ лѣтописца, не былъ въ такой чести и славѣ, какъ Митяй; отъ Великаго Князя не было ему ни въ чемъ отказу, всѣ почитали его, какъ царя какого, и, что еще важнѣе, любили его всѣ.

Въ Спаскомъ монастырѣ (внутри Кремля) очистилось архимандричье мѣсто; Великому Князю и боярамъ непремѣнно хотѣлось, чтобъ на этомъ мѣстѣ былъ Митяй; но самъ Митяй нехотѣлъ; Великій Князь сталъ его уговаривать: «Видишь: Алексій митрополитъ уже старъ, и ты будешь послѣ него митрополитомъ всея Руси; постригись только теперь въ монахи, и будешь архимандритомъ въ Спаскомъ монастырѣ и моимъ отцемъ духовнымъ, по-прежнему.» Митяй согласился; до обѣда постригли его въ монахи, а послѣ обѣда назначили архимандритомъ. Теперь надобно было уговорить митрополита, чтобъ благословилъ Митяя себѣ въ преемники; но св. Алексій не соглашался на это: «Митяй еще недавно въ монахахъ, говорилъ онъ: надобно ему еще поискуситься, облечься благими дѣлами и нравами.» Великій Князь долго его упрасивалъ, то самъ приходилъ къ нему, то посылалъ брата двоюроднаго, Владиміра Андреевича, то бояръ—все напрасно: «Кому дастъ Господь Богъ, Пречистая Богородица, патріархъ и вселенскій соборъ, того и я благословлю,»—былъ отъ него отвѣтъ. Не смотря на то, когда св. Алексій преставился въ 1377 г., Ми-

тѣй вошелъ на митрополичій дворъ, сталъ ходить въ митрополичьемъ одѣяніи и началъ обращаться съ духовенствомъ и властвовать, какъ митрополитъ. Сперва онъ собирався ѣхать въ Константинополь на поставленіе къ патриарху, но потомъ раздумалъ и началъ говорить Великому Князю: «Въ правилахъ писано, что два или три епископа поставляютъ епископа; такъ пусть и теперь сойдутся епископы Рускіе, пять или шесть, и посвятятъ меня въ митрополиты.» Великій Князь и бояре согласились, и епископы уже собрались. Но, что случилось въ XII вѣкѣ при поставленіи митрополита Кліма однимъ соборомъ Русскихъ епископовъ, тоже самое случилось и теперь: какъ тогда Нифонтъ Новгородскій возсталъ противъ неправильнаго, по его мнѣнію, поставленія Клімова, такъ теперь противъ поставленія Митяева вооружился Діонисій, епископъ Суздальскій. Сопротивленіе Діонисія заставило Митяя опять думать о путешествіи въ Царьградъ: туда же началъ собираться и Діонисій, желая самъ получить митрополию. Узнавши объ этомъ, Митяй сталъ совѣтовать Великому Князю удержать Діонисія, который можетъ помѣшать ему въ Константинополь, и Великій Князь велѣлъ держать Суздальскаго епископа подъ крѣпкою стражею. Діонисій, чтобъ избавиться изъ заключенія, далъ Великому Князю обѣщаніе не ѣздить въ Царьградъ безъ его позволенія, и поставилъ поручителемъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, но не сдержалъ слова: изъ Суздаля поѣхалъ въ Нижній, отсюда Волгою въ Сарай, а изъ Сарая въ Константинополь. Митяй и прежде не соглашался на освобожденіе Діонисія; ему казалось, что св. Алексій не хотѣлъ благословить его, Митяя, по совѣту преподобнаго Сергія, который и теперь дѣйствуетъ противъ него за-одно съ Діонисіемъ; когда же онъ узналъ о бѣгствѣ Діонисія въ Константинополь, то негодованіе его достигло высшей степени, и св. Сергій говорилъ: «Молю Господа Бога сокрушеннымъ сердцемъ, да не попуститъ Митяю исполнить свою угрозу — раззорить мѣсто это святое и изгнать насъ безъ вины.» Съ другой стороны явился новый соперникъ Митяю: Кипріанъ изъ Кіева ѣхалъ въ Москву, и былъ уже въ Любутскѣ, откуда далъ знать св. Сергію, что идетъ къ сыну своему, Великому Князю, съ миромъ и благословеніемъ. Но Великій Князь, узнавъ о прибытіи незванаго гостя, разослалъ всюду заставы, чтобъ

непропускать его въ Москву; Кипріана схватили и съ безчестіемъ отправили нззадъ⁴⁹³.

Движенія Діонисія и Кипріана должны было ускорить поѣздку Митяя въ Константинополь, и онъ отправился наконецъ съ упомочіемъ отъ Великаго Князя дѣйствовать какъ заблагоразсудитъ, смотря по обстоятельствамъ, для чего взялъ съ собою про запасъ бѣлыя хартіи съ привѣщенной къ нимъ великокняжескою печатію, чтобъ, въ случаѣ надобности, можно было написать на нихъ кабалу или вексель: Дмитрій позволилъ ему занять тысячу рублей серебра и даже больше на великокняжеское имя. Митяй отправился въ сопровожденіи трехъ архимандритовъ и многихъ другихъ духовныхъ лицъ, также большаго боярина великокняжескаго, Юрія Кочевина, и митрополитскихъ бояръ. Въ степи Митяй былъ захваченъ Мамаемъ, но не на долго задержанъ; переплыто было уже благополучно и Черное море, какъ вдругъ, въ виду Константинополя, Митяй разболѣлся и умеръ. Между провожавшими его духовными и боярами встало тогда сильное смятеніе: одни хотѣли поставить въ митрополиты Іоанна, архимандрита Петровскаго, изъ Москвы, а другіе Пимена, архимандрита Горницкаго, изъ Переяславля; наконецъ бояре, хотѣвшіе Пимена, пересилили, и едва не умертвили Іоанна, который не соглашался съ ними. На одной изъ бѣлыхъ хартій написали отъ имени Великаго Князя грамоту къ Императору и патріарху съ просьбою о поставленіи Пимена въ митрополиты. Сперва дѣло пошло-было дурно: Императоръ и патріархъ отвѣчали, что уже давно посвященъ и отправленъ въ Россію митрополитъ Кипріанъ, и другаго не слѣдуетъ ставить; тогда Русскіе заняли у Итальянскихъ и восточныхъ купцевъ денегъ въ ростъ, написавши кабалу на другой бѣлой хартіи, роздали повсюду богатые подарки и достигли своей цѣли въ Константинополь; но не достигли ея въ Москвѣ. Когда сюда пришла вѣсть, что Митяй умеръ на ся, о и вмѣсто его поставленъ Пименъ, и когда въ тоже время, упрощенно бываеъ, стали носиться слухи, что Митяй двоюроднаю свою смертію, то, сильно опечаленный, Великій Князь «Кому дастъ не посылалъ Пимена въ митрополиты, послалъ я его вселенскій соборъ Митяя; что сдѣлалось съ Митяемъ, я не знаю, Не смотря на то, ко. одинъ Богъ и судитъ, только Пимена я не

приму и видѣть его не хочу.» Еще Пименъ медлилъ въ Константинополѣ, какъ Великій князь отправилъ духовника своего въ Кіевъ. звать намитрополичій столъ Кипріана, и тотъ пріѣхалъ въ Москву; когда же узнали о приходѣ Пимена, то остановили его въ Коломенѣ, сняли бѣлый клобукъ, и отправили въ заточеніе.

Но Кипріанъ не долго на этотъ разъ пробылъ въ Москвѣ, и Пименъ не долго дожидаясь своей очереди; какъ прежде присутствіе нѣсколькихъ князей, предъявляющихъ права свои на старшинство, давало возможность выбора между ними: такъ теперь присутствіе двухъ митрополитовъ, уже поставленныхъ въ Константинополѣ, дѣлало возможнымъ выборъ и между ними. Мы видѣли, что во время Тохтамышева нашествія митрополитъ Кипріанъ уѣхалъ изъ Москвы въ Тверь; отъѣздъ ли Кипріана изъ Москвы, или отъѣздъ именно въ Тверь, которой князь немедленно послѣ Тохтамышева отступленія отправился въ Орду искать ярлыка, или наконецъ, какое-нибудь другое обстоятельство было причиною нерасположенія Великаго Князя Дмитрія къ Кипріану, — только встрѣчаемъ извѣстіе, что Дмитрій захотѣлъ видѣть Кипріана въ Москвѣ, и тотъ отправился въ Кіевъ, гдѣ свѣдѣна свое митрополичье мѣсто, принять былъ отъ всѣхъ съ честію и радостію, и сталъ жить здѣсь, управляя, по обычаю, дѣлами церковными, а въ Москву былъ вызванъ изъ заточенія Пименъ, который былъ также встрѣченъ здѣсь съ честію, и вступилъ въ церковное управленіе. Такимъ образомъ опять для юга и сѣвера, для Кіева и Москвы, явились два отдѣльныхъ митрополита; этого мало: въ Кіевъ явился изъ Византіи еще третій митрополитъ, извѣстный уже намъ епископъ Суздальскій Діонисій; но Кіевскій князь Владиміръ Ольгердовичъ велѣлъ схватить Діонисія и посадить въ заключеніе, гдѣ этотъ соперникъ Митяевъ и умеръ черезъ годъ; нѣсколько лѣтъ спустя умеръ и Пименъ въ Халкидонѣ, на дорогѣ въ Константинополь. Смерть Пимена соединяла снова Русскую церковь подъ однимъ митрополитомъ — Кипріаномъ, для котораго не было болѣе препятствій и въ Москвѣ: здѣсь Донской умеръ, и сынъ его Василій встрѣтилъ съ честію Кипріана.

Согласіе Московскаго князя съ митрополитомъ не прерывалось послѣ этого ниразу: мы видѣли, какъ оба они дружно дѣйствовали въ дѣлахъ Новгородскихъ. Союзъ Василя Дмитріевича съ

тестемъ, Витовтомъ Литовскимъ, удерживалъ и церковною связью между Русью Литовскою и Московскою; такъ, когда Московскій князь ѣздилъ въ Смоленскъ на свиданіе съ тестемъ, то въ то же время ѣздилъ туда и митрополитъ Кипріанъ, который изъ Смоленска поѣхалъ въ Кіевъ, и жилъ тамъ полтора года; потомъ, подъ 1404 годомъ, встрѣчаемъ извѣстіе о новой поѣздкѣ Кипріана въ Литву къ Витовту и въ Кіевъ: отъ Витовта и отъ Ягайла получилъ онъ большую честь и много даровъ, большую честь видѣлъ отъ всѣхъ князей, пановъ и отъ всей земли; въ Кіевѣ онъ велѣлъ схватить намѣстника своего, архимандрита Тимофея, и слугъ своихъ тамошнихъ, и отвезти ихъ Москву; въ это же путешествіе Кипріанъ долженъ былъ снять санъ и отослать въ Москву, въ Симоновъ монастырь, Антонія, епископа Туровскаго, по настоянію Витовта, предъ которымъ Антоній былъ оклеветанъ въ сношеніяхъ съ Татарами; главною же причиною ненависти Литовскихъ властей къ Антонію полагаютъ ревность этого епископа къ православію.

Но вскорѣ за тѣмъ послѣдовалъ разрывъ между князьями Московскимъ и Литовскимъ, долженствовавшій повлечь за собою и раздѣленіе митрополіи. Кипріанъ не дожидъ до этого событія. Когда по его смерти Московскій Великій Князь, не имѣя своего избранника, послалъ въ Константинополь съ просьбою выслать оттуда митрополита на Русь, Витовтъ отправилъ туда же Полоцкаго епископа Феодосія; Литовскій князь просилъ императора и патріарха: «Поставьте Феодосія намъ въ митрополиты, чтобы сидѣлъ на столѣ Кіевской митрополіи по старинѣ, строилъ бы церковь Божію по-прежнему, какъ нашъ, потому что, по волѣ Божіей, мы обладаемъ тѣмъ городомъ, Кіевомъ⁴⁹⁴.» Но въ Константинополь не исполнили желанія Витовтова, а прислали на всероссійскую митрополію Фотія, родомъ Грека, изъ Морен. Нѣтъ основанія думать, чтобы Витовтъ, желая поставленія Феодосія Полоцкаго въ митрополиты, имѣлъ въ виду именно раздѣленіе митрополіи, чтобы онъ хотѣлъ поставленія особаго митрополита въ Литву⁴⁹⁵: онъ хотѣлъ только, чтобы митрополитъ всероссійскій жилъ, по старинѣ, въ Кіевѣ, въ областяхъ Литовскихъ, и былъ бы такимъ образомъ его митрополитомъ, хотѣлъ перезвать митрополита изъ враждебной Москвы, о чемъ, безъ сомнѣнія, онъ

уговорился съ своимъ избранникомъ, Θεодосіемъ; положеніе Витовта было совершенно иное, чѣмъ положеніе Олгерда: послѣдній, жалуясь патріарху на митрополита Алексія, поборавшаго за Москву, не смѣлъ думать, чтобы патріархъ, по этой жалобѣ, снялъ санъ съ Алексія, и чтобы въ Москвѣ согласились на это, а потому и просилъ для Литвы особаго митрополита; тогда какъ теперь положеніе дѣлъ было иное: общаго для юга и сѣвера митрополита не стало, и Витовтъ спѣшилъ предложить въ этотъ санъ своего избранника, который бы, по старинѣ, остался жить въ Кіевѣ. Почему въ Константинополѣ не посвятили Θεодосія, неизвѣстно; очень вѣроятно, что не хотѣли, въ угоду князю ино-вѣрному, сдѣлать [непріятность государю Московскому, который незадолго передъ тѣмъ, въ 1398 году, отправилъ къ Императору Мануилу богатое денежное вспоможеніе; о тогдашнихъ дружескихъ отношеніяхъ между Московскимъ и Константинопольскимъ дворами можно судить потому, что въ 1414 году Мануилъ женилъ сына своего Іоанна на дочери Василя Дмитріевича, Аннѣ; если Московскій Князь оказывалъ такую учтивость, предоставляя Императору и патріарху, по старинѣ, выборъ митрополита, то странно было бы на эту учтивость отвѣтить поставленіемъ челоуѣка, присланнаго княземъ, враждебнымъ Москвѣ; наконецъ очень можетъ быть, что Фотій былъ посвященъ прежде пріѣзда Θεодосіева⁴⁹⁶. Какъ бы то ни было, когда Фотій пріѣхалъ въ Кіевъ, то Витовтъ сначала не хотѣлъ-было принимать его, но потомъ принялъ, взявши съ него обѣщаніе жить въ Кіевѣ. Но Фотій, пробывши въ Кіевѣ около семи мѣсяцевъ, отправился въ Москву и занялся здѣсь устройствомъ хозяйственныхъ дѣлъ митрополита. «Послѣ Татаръ, говоритъ лѣтописецъ⁴⁹⁷, и послѣ частыхъ моровыхъ повѣтрій, начало умножаться народонаселеніе въ Русской землѣ, послѣ чего и Фотій митрополитъ сталъ обновлять владѣнія и доходы церковные, отыскивать, что гдѣ пропало, что забрано князьями, боярами или другимъ кѣмъ-нибудь — доходы, пошлины, земли, воды, села и волости; иное что и прикупилъ⁴⁹⁸.» Эти отысканія захваченнаго у церкви вооружили противъ Фотія сильныхъ людей, которые стали наговаривать на него Великому Князю Василю Дмитріевичу, и успѣли поссорить послѣдняго съ митрополитомъ. Фотій писалъ сначала Великому Князю, прося

утвердить грамотою принесенное въ даръ церкви и устроить всѣ ея пошрины; потомъ, въ другомъ посланіи, просилъ Великаго Князя не уничтожать церкви, обратиться къ ней съ раскаяніемъ, возстановить ея права, возвратить данное и утвержденное прародителями⁴⁹⁹.

Чѣмъ кончились непріятности Фотія съ Московскимъ княземъ, неизвѣстно; лѣтописецъ говоритъ только, что клеветники, бывшіе въ числѣ людей, близкихъ къ митрополиту, принуждены были бѣжать отъ него изъ Москвы къ Черниговскому владыкѣ, и оттуда въ Литву къ Витовту; это извѣстіе можетъ показывать намъ, что Василій Дмитріевичъ взялъ наконецъ сторону митрополита, почему клеветники и принуждены были бѣжать изъ Москвы⁵⁰⁰. Но они бѣжали къ Витовту, сердитому уже на Фотія, за предпочтеніе Москвы Кіеву; теперь враги Фотія стали внушать Литовскому князю, что митрополитъ переноситъ изъ Кіева въ Москву все узорочье церковное и сосуды, пустошитъ Кіевъ и весь югъ тяжкими пошлинами и данями. Эти обвиненія были для Витовта желаннымъ предлогомъ покончить дѣло съ митрополитомъ, жившимъ въ Москвѣ, и поставить своего въ Кіевъ; онъ собралъ подручныхъ себѣ князей Русскихъ, и рѣшилъ съ ними свергнуть Фотія со стола Кіевской митрополіи, послѣ чего послали въ Константинополь съ жалобою на Фотія, и съ просьбою поставить на Кіевъ особаго митрополита, Григорія Цамблака, родомъ Булгара. Но тѣ же самыя причины, препятствовавшія прежде исполнить желаніе Витовтова, существовали и теперь въ Константинополѣ; по-прежнему здѣсь существовала тѣсная связь съ единовѣрнымъ дворомъ Московскимъ, уже скрѣпленная родственнымъ союзомъ; по-прежнему здѣсь не любили чужихъ избранниковъ и, при бѣдственномъ состояніи имперіи, надѣялись получить большую помощь отъ своего Фотія, чѣмъ отъ Витовтова Григорія, Болгаряна. Просьба Литовскаго князя была отвергнута. Тогда Витовтъ, приписывая этотъ отвѣтъ корыстолюбію Константинопольскаго двора и патріарха, которые хотятъ ставить своего митрополита, по накупу, кто имъ больше дастъ и будетъ въ ихъ волѣ, будетъ отсылать къ нимъ Русскія деньги, — созвалъ владыкѣ и архимандритовъ, и объявилъ имъ о необходимости поставить своего митрополита: «Жаль мнѣ смотрѣть на все это, говорилъ Витовтъ;

чужіе люди стануть толковать: «вотъ Государь не въ той вѣрѣ, такъ и церковь оскудѣла;» такъ чтобъ этихъ толковъ не было, а дѣло явное, что все нестроеніе и запущеніе церкви отъ митрополита, а не отъ меня.» Епископы отвѣчали: «Мы и сами не въ первый разъ слышимъ и видимъ, что церковь скудѣетъ, а Императоръ и патріархъ строителя добраго къ нашей церкви не дають.» Но по другимъ⁵⁰¹ извѣстіямъ, епископы, по-крайней-мѣрѣ нѣкоторые, только по принужденію рѣшились разорвать связь съ Фотіемъ, и потомъ, изъ самой Витовтовой грамоты видно, что разрывая съ Фотіемъ, они не хотѣли разрывать съ Константинополемъ, и, подумавъ, отвѣчали своему князю: «Пошлемъ еще разъ въ Царьградъ, къ Императору и патріарху.» Витовтъ отправилъ пословъ въ Константинополь въ Мартѣ мѣсяцѣ 1415 года, съ угрозою, что если тамъ не исполнять его желаніе, то въ Кіевѣ будетъ поставленъ митрополитъ своими Русскими епископами; срокъ посламъ назначенъ былъ Ильинъ день, послѣдній срокъ — Успеніе; но потомъ Императорскій и патріаршій послы, возвращавшіеся изъ Москвы чрезъ Литовскія владѣнія, упростили отложить до Филиппова дня. Но когда и этотъ срокъ прошелъ, то Григорій и былъ посвященъ соборомъ Русскихъ епископовъ. Фогій, узнавши о замыслахъ Витовтовыхъ, поспѣшилъ отправиться въ Кіевъ, чтобъ тамъ помириться съ Литовскимъ княземъ, если же это не удѣтся, ѣхать въ Царьградъ и тамъ препятствовать исполненію намѣренія Витовтова; но на границахъ Литовскихъ владѣній митрополитъ былъ схваченъ, ограбленъ и принужденъ возвратиться въ Москву.

Чтобъ оправдать свой поступокъ, южно-Русскіе епископы отправили къ Фотію посланіе, въ которомъ вообще упрекаютъ его въ какихъ-то неправильныхъ поступкахъ, замѣченныхъ ими въ самомъ началѣ его управленія, потомъ упоминаютъ о какой-то важной винѣ, признать которую предоставляютъ собственной совѣсти Фотія, сами же объявить ее не хотятъ, не желая опозорить его⁵⁰². Въ соборной грамотѣ объ избраніи и посвященіи Григорія, написанной отъ имени 8 епископовъ⁵⁰³, говорится, что епископы, видя церковь Кіевскую въ пренебреженіи отъ митрополита, который, собирая доходы съ нея, относитъ ихъ въ другое мѣсто, гдѣ живетъ,—по совѣту Великаго Князя, всѣхъ другихъ

князей, бояръ, вельможъ, архимандритовъ, игуменовъ, иноковъ и священниковъ, поставили въ митрополиты Григорія, руководствуясь уставомъ апостольскимъ, прежнимъ примѣромъ Русскихъ епископовъ, которые, при Великомъ Князѣ Изяславѣ, сами поставили митрополита Клима; потомъ примѣромъ единоплеменныхъ Болгаръ и Сербовъ. «Этимъ поступкомъ, говорятъ епископы, мы не отдѣляемся отъ восточной церкви, продолжаемъ почитать патріарховъ восточныхъ, митрополитовъ и епископовъ отцами и братіями, согласно съ ними держимъ исповѣданіе вѣры, хотимъ избѣжать только насилій и вмѣшательства мірскаго чело-вѣка, симоніи и всѣхъ безпорядковъ, которые происходили недавно, когда Кипріанъ, Пименъ и Діонисій спорили о митрополи.» — Епископы хотятъ избѣжать симоніи, въ которой упрекаютъ Константинопольскій дворъ; но въ 1398 году Луцкій епископъ Іоаннъ обязался дать королю Ягайлу двѣсти гривенъ и тридцать коней, если тотъ поможетъ ему получить Галицкую митрополию⁵⁰⁴. Витовтъ, съ своей стороны, выдалъ окружную грамоту о поставленіи Григорія⁵⁰⁵, въ которой выставяетъ тѣже самыя причины событія, и описавши подробно ходъ дѣла, заключаетъ: «Пишемъ вамъ, чтобъ вы знали и вѣдали, какъ дѣло было. Кто хочетъ по старинѣ держаться подъ властію митрополита Кіевскаго — хорошо, а кто нехочетъ, то какъ хочетъ, знайте одно: мы не вашей вѣры, и еслибъ мы хотѣли, чтобъ въ нашихъ владѣніяхъ вѣра ваша истреблялась и церкви ваши стояли безъ устройства, то мы бы ни о комъ и не хлопотали; но, когда митрополита нѣтъ, или епископъ который умретъ, то мы бы намѣстника своего держали, а доходъ церковный, митрополичій и епископскій, себѣ бы брали. Но мы, желая, чтобъ ваша вѣра не истреблялась, и церквамъ вашимъ было бы строеніе, поставили соборомъ митрополита на Кіевскую митрополию, чтобъ Русская честь вся стояла на своей землѣ.»

Фотій, съ своей стороны, издалъ также окружное посланіе къ православному южно-Русскому народонаселенію⁵⁰⁶. Не упоминая о Витовтѣ, митрополитъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ порицаетъ поступокъ Григорія Цамблака и епископовъ, его поставившихъ. Изъ посланія узнаемъ, что Григорій ѣздилъ сперва въ Константинополь на поставленіе, но былъ тамъ лишенъ свя-

щенническаго сана патріархомъ Ввѣиіемъ и едва спасся бѣгствомъ отъ казни. Этотъ случай Фотій приводитъ въ доказательство безкорыстія Константинопольскаго двора, ибо какъ самъ Григорій, такъ и прежде его Феодосій Полоцкій общали много золота и серебра за свое поставленіе, но не получили желаемаго. Фотій требуетъ отъ православныхъ, чтобъ они не сообщались съ епископами, замыслившими раздѣленіе митрополіи.

Цамблакъ, славившійся между современниками краснорѣчіемъ, остался вѣрнѣе правила, выраженному въ посланіи поставившихъ его епископовъ, т. е. остался вѣрнѣе православію. Въ нашихъ лѣтописяхъ⁵⁰⁷ сохранилось извѣстіе, будто бы онъ задалъ вопросъ Витовту: зачѣмъ тотъ не въ православіи? и будто бы Витовтъ отвѣчалъ, что если Григорій поѣдетъ въ Римъ и оспоритъ тамъ папу и всѣхъ мудрецовъ его, то онъ со всѣми своими подданными обратится въ православіе. Это извѣстіе можетъ указывать только на побужденія, которыя заставили Григорія отправиться вмѣстѣ съ посольствомъ Витовтовымъ на Констанцскій соборъ. Литовское посольство прибыло въ Констанць уже къ концу засѣданій собора, на который оно явилось 18 Февраля 1418 года вмѣстѣ съ послами Греческаго Императора Мануила, имѣвшими порученіе начать переговоры съ папою о соединеніи церквей. Посольство Греческое и Литовское были приняты торжественно, получили право отправлять богослуженіе по своему обряду, но уѣхали ни съ чѣмъ, потому что соборъ разошелся, не начавши совѣщанія о соединеніи церквей⁵⁰⁸. Григорій жилъ недолго по возвращеніи изъ Констанца; онъ умеръ въ 1419 году. Въ это время вражда къ Москвѣ остыла въ Витовтѣ, и все вниманіе его было поглощено отношеніями Польскими; вотъ почему, по смерти Цамблака, онъ не старался объ избраніи особаго митрополита для Кіева, и Фотій снова получилъ въ управленіе церковь южно-Русскую. Извѣщая объ этомъ событіи православныхъ, онъ пишетъ: «Христосъ, устроющій всю вселенную, снова древнимъ благолѣпиемъ и миромъ свою церковь украсилъ, и смиреніе мое въ церковь свою ввелъ, совѣтованіемъ благороднаго, славнаго, великаго князя Александра (Витовта),⁵⁰⁹» Въ 1421 году мы видимъ Фотія на югозападѣ, въ Львовѣ, Владимірѣ, Вильнѣ; а въ 1430 году онъ былъ въ Трокахъ и въ Вильнѣ у Витовта

вмѣстѣ съ Московскимъ Великимъ Княземъ Васиіемъ Васильевичемъ, при чемъ Литовскій князь оказалъ большую честь митрополиту; такую же честь оказалъ ему и преемникъ Витовта, Свидригайло.

Мы видѣли, какимъ важнымъ шагомъ ознаменовалъ свою политическую дѣятельность Фотій на сѣверѣ, въ Москвѣ, объявивши себя торжественно на сторонѣ племянника противъ дяди; при жизни Фотія открытой вражды не было, и Юрій признавалъ старшинство племянника, но тотчасъ по смерти митрополита князья снова заспорили и стали собираться въ Орду⁵¹⁰. Усобицы между Васиіемъ и Юріемъ происходили, когда митрополита не было въ Москвѣ, и мы съ увѣренностію можемъ сказать, что присутствіе митрополита дало бы иной характеръ событіямъ, ибо мы видѣли, какъ митрополитъ Іона сильно дѣйствовалъ въ пользу Васиіа Темнаго; мы видѣли, какъ побѣжденные князья требуютъ у побѣдителя, чтобъ онъ не призывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока тамъ будетъ митрополитъ, который одинъ могъ дать имъ ручательство въ безопасности.

Московскія смуты долго мѣшали назначенію новаго митрополита; наконецъ былъ избранъ Рязанскій епископъ Іона, первый митрополитъ, не только Русскій, но рожденіемъ и происхожденіемъ изъ сѣверной Руси, именно изъ Солигалицкой области⁵¹¹. Но когда медлили въ Москвѣ, спѣшили въ Литвѣ, и, прежде чѣмъ Іона успѣлъ собраться ѣхать въ Константинополь, оттуда уже явился митрополитомъ Смоленскій епископъ Герасимъ, который остановился въ Смоленскѣ, пережидая здѣсь, пока въ Москвѣ прекратятся усобицы. Усобицы прекратились, но Москва не видала Герасима: поссорившись съ Литовскимъ княземъ Свидригайломъ, митрополитъ былъ схваченъ имъ и сожженъ⁵¹². На этотъ разъ Іона отправился въ Константинополь, но опять былъ предупрежденъ: здѣсь уже поставили Исидора, послѣдняго Русскаго митрополита изъ Грековъ и поставленнаго въ Греціи, потому что Флорентійскій соборъ, смуты и паденіе Византіи должны были повести необходимо къ независимости Русской митрополіи отъ Константинопольскаго патріарха.

Исидоръ, пріѣхавши въ Москву, сталъ собираться на соборъ, созванный въ Италіи для соединенія церквей: Самое уже мѣсто

собора, въ странѣ неправославной, должно было возбуждать подозрѣніе въ Москвѣ. Великому Князю не хотѣлось, чтобъ Исидоръ ѣхалъ въ Италію; когда же онъ не могъ отклонить митрополита отъ этого путешествія, то сказалъ ему: «Смотри же, приноси къ намъ древнее благочестіе, какое мы приняли отъ прародителя нашего Владиміра, а новаго, чужаго не приноси; если же принесешь что-нибудь новое и чужое, то мы не примемъ.» Исидоръ обѣщался крѣпко стоять въ православіи, но уже на дорогѣ православные спутники стали замѣчать въ немъ наклонность къ Латинству: такъ въ Юрьевѣ Ливонскомъ (Дерптѣ), когда Русское народонаселеніе города вышло къ нему на встрѣчу съ священниками и крестами, и въ то же время вышли на встрѣчу Нѣмцы съ своими крестами, то онъ подошелъ сначала къ послѣднимъ. На соборѣ Исидоръ принялъ соединеніе: между другими побужденіями, Исидоръ могъ имѣть въ виду и большія средства къ поддержанію единства митрополіи, большія удобства въ положеніи Русскаго митрополита, когда князья — Московскій и Литовскій не будутъ разниться въ вѣрѣ. Но въ Москвѣ не хотѣли имѣть въ виду ничего, кромѣ поддержанія древняго благочестія, и когда Исидоръ, возвратясь въ Москву, принесъ новое и чужое, когда началъ называться легатомъ папнымъ, и велѣлъ носить предъ собою крѣзь Латинскій и три палицы серебряныя, когда на литургіи велѣлъ поминать папу вмѣсто патріарховъ вселенскихъ, а послѣ литургіи велѣлъ на амвонѣ читать грамоту о соединеніи церквей, когда услышали, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына, что хлѣбъ безквасный и квасной можетъ одинаково претворяться въ Тѣло Христово, и прочія новизны, — то Великій Князь назвалъ Исидора Латинскимъ ереснымъ прелестникомъ, волкомъ, велѣлъ свести его съ митрополичьяго двора и посадить въ Чудовѣ монастырѣ подъ стражу, а самъ созвалъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ, и велѣлъ имъ рассмотреть дѣло. Тѣ нашли, что все это папино дѣло, несогласное съ божественными правилами и преданіями; а между тѣмъ Исидоръ успѣлъ бѣжать изъ заключенія. Великій Князь не велѣлъ догонять его.

Флорентійскій соборъ заставилъ наконецъ рѣшиться на то, что хотѣлъ сдѣлать Митяй на сѣверѣ, что сдѣлали потомъ на югѣ епископы, поставившіе Цамблака. Великій Князь отправилъ въ

Константинополь грамоту къ патриарху⁵¹³: «Прошло уже слишкомъ 450 лѣтъ, пишетъ Василій, какъ Россія держитъ древнее благочестіе, принятое отъ Византіи при св. Владимірѣ. По смерти митрополита Фотія, мы понудили идти къ вамъ епископа Рязанскаго Іону, мужа духовнаго, отъ младенчества живущаго въ добродѣтельномъ житіи; но не знаемъ, почему вы нашего прошенія не приняли, грамотамъ и послу нашему не вняли, и вмѣсто Іоны прислали Исидора, за которымъ мы не посылали, котораго не просили и не требовали; мольба императорскаго посла, благословеніе патриарха, сокрушеніе, покореніе, челобитье самого Исидора, едва едва могли заставить насъ принять его. Намъ тогда и въ мысль не приходило, что со временемъ отъ него станется! Онъ принесъ намъ папскія новизны, пріѣхалъ легатомъ, съ латински-изваяннымъ распятіемъ, и злочестиво двоеженствовалъ, называя себя учителемъ и настоятелемъ двухъ церквей, Православной и Латинской. Мы собрали наше православное духовенство, и всѣмъ Исидорово поведеніе показалось чуждымъ, страннымъ и противозаконнымъ. Въ слѣдствіе всего этого просимъ твое святѣйшее владычество, пошли къ намъ честнѣйшую твою грамоту, чтобъ наши епископы могли избирать и поставять митрополита въ Русь, потому что и прежде, по нуждѣ, такъ бывало; а теперь у насъ нашествіе безбожныхъ Агарянъ, въ окрестныхъ странахъ неустройство и мятежи; притомъ же намъ надобно сноситься съ митрополитомъ о важныхъ дѣлахъ, и когда митрополитъ Грекъ, то мы должны разговаривать съ нимъ черезъ переводчиковъ, людей незначительныхъ, которые такимъ образомъ прежде другихъ будутъ знать важныя тайны.»

Эта грамота не достигла Константинополя: въ Москву пришла вѣсть, будто Императоръ Греческій принялъ Латинство и переселился въ Римъ; тогда Великій Князь велѣлъ возвратить пословъ съ дороги⁵¹⁴. Скоро послѣ того въ Москвѣ начались новыя бѣдствія и смуты: плѣнъ Ведикаго Князя Василя, сперва у Татаръ, потомъ у Шемяки, не давъ возможности думать о поставленіи митрополита, и здѣсь мы должны также замѣтить, что это обстоятельство — отсутствіе митрополита — имѣло важное вліяніе на ходъ событій: едва ли Шемяка и Можайскій могли бы привести въ исполненіе свой замыселъ при митрополитѣ. Когда Василій

утвердился опять на столѣ Великокняжескомъ, то поспѣшили поставленіемъ митрополита: поставленъ былъ своими епископами давно нареченный на митрополию Іона Рязанскій, уже успѣвшій оказать важныя услуги Великому Князю и его семейству.

Услуги, оказанныя Іоною Московскому правительству послѣ поставленія его въ митрополиты, мы видѣли прежде, въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же должны обратить вниманіе на отношенія къ Византіи и Литовской Руси. Послѣ Іонина поставленія Великій Князь отправилъ къ Императору Константину Палеологу грамоту⁵¹⁵, въ которой писалъ: «Послѣ кончины Фотія митрополита, мы посовѣтовавшись съ своею матерью, Великою Княгинею, и съ нашею братьею, Русскими князьями, Великими и помѣстными, также и съ государемъ Литовской земли, съ святителями и со всѣмъ духовенствомъ, съ боярами и со всею землею Русскою, со всѣмъ православнымъ христіанствомъ, избрали и отправили съ нашимъ посломъ Рязанскаго епископа Іону къ вамъ въ Константинополь для поставленія; но прежде его прихода туда Императоръ и патріархъ поставили на Кіевъ, на всю Русь, митрополитомъ Исидора, Іонѣ же сказали: «ступай на свой столъ — Рязанскую епископію; если же Исидоръ умретъ или что-нибудь другое съ нимъ случится, то ты будь готовъ благословенъ на митрополитчій престолъ всея Руси.» Такъ какъ въ вашихъ благословенныхъ державахъ произошло разногласіе въ церкви Божіей, путешественники въ Константинополь претерпѣваютъ на дорогѣ всякаго рода затрудненія, въ нашихъ странахъ неустройство всякое, нашествіе безбожныхъ Агарянъ, междоусобныя войны, мы сами не отъ чужихъ, но отъ братьевъ своихъ претерпѣли страшное бѣдствіе, — то при такой великой нуждѣ, собравши своихъ Русскихъ святителей, согласно съ правилами, поставили мы вышеупомянутаго Іону на митрополию Русскую, на Кіевъ и на всю Русь. Мы поступили такъ по великой нуждѣ, а не по гордости или дерзости; до скончанія вѣка пребудемъ мы въ преданномъ намъ православіи; наша церковь всегда будетъ искать благословенія церкви Цареградской и во всемъ по древнему благочестію ей повиноваться; и отецъ изшъ, Іона митрополитъ, также проситъ благословенія и соединенія, кромѣ нынѣшнихъ новыхъ разногласій, и молимъ твое святое царство, будь благосклоненъ къ

отцу нашему Іонѣ митрополиту. Мы хотѣли обо всѣхъ этихъ дѣлахъ церковныхъ писать и къ святѣйшему патріарху православному, требовать его благословенія и молитвы: но не знаемъ, есть ли въ вашемъ царствующемъ градѣ патріархъ, или нѣтъ? Если же, Богъ дастъ, будетъ у васъ патріархъ по древнему благочестию, то мы будемъ извѣщать его о всѣхъ нашихъ положеніяхъ и просить благословенія.» Въ 1453 году «Константинополь былъ взятъ Турками; въ Москвѣ узнали объ этомъ событіи отъ бѣжавшаго изъ плѣна Грека Димитрія; митрополитъ Іона окружнымъ посланіемъ увѣдомилъ православныхъ о паденіи Константинограда, о страшныхъ бѣдствіяхъ Греческаго народа, и просилъ помочь означенному Димитрію выкупить семейство изъ Турецкаго плѣна⁵¹⁶. Къ патріарху Геннадію Іона писалъ, что просить его благословенія и посылаетъ дары, какіе нашлись у него: «Не погнѣвайся, пишетъ Іона, за наши малые поминки (подарки), потому что и наша земля отъ поганства и междоусобныхъ войнъ очень истощилась. Да покажи къ намъ, господинъ, духовную любовь, пришли къ моему сыну, Великому Князю, честную свою грамоту къ душевной пользѣ великому нашему православію; сколько у насъ не было грамотъ отъ прежнихъ патріарховъ, мы всѣ ихъ держали за земскую честь, къ своей душевной пользѣ; но всѣ эти грамоты погибли отъ пожаровъ во время земскихъ нестроений⁵¹⁷.» Быть можетъ, грамота отъ патріарха нужна была въ Москвѣ, какъ доказательство, что поставленіе Русскаго митрополита, независимо отъ Константинополя, не уничтожило единенія съ послѣднимъ, что тамъ не сердятся за эту перемѣну отношеній.

Если Московскій князь и митрополитъ обязывались оставаться въ единеніи съ Византією только подъ условіемъ, чтобъ тамъ сохранялось древнее благочестіе, если новизны Флорентійскаго собора, принесенныя Псидоромъ, нашли себѣ такой сильный отпоръ въ Москвѣ, и прежде всего со стороны самого правительства, то понятно, что иначе встрѣчена была эта новизна отъ католическихъ правителей Руси Литовской: въ 1443 году Польскій король Владиславъ Ягелловичъ далъ жалованную грамоту Русскому духовенству, въ которой объявлялъ, что церковь восточная—Греческая и Русская—приведены въ давно жданное соединеніе

съ Римскою, въ слѣдствіе чего Русское духовенство, терпѣвшее до сихъ поръ нѣкоторое угнѣсненіе, какъ выражается король, жалуется всѣми тѣми правами и вольностями, которыми пользуется духовенство католическое⁵¹⁸. Но Исидоръ, принужденный ѡбъять изъ Москвы, не остался нигдѣ на Руси; король Владиславъ въ слѣдующемъ же 1444 году палъ подъ Варною; преемникъ его Казимиръ находился въ затруднительномъ положеніи между требованіями Польши и Литвы, что заставляло его прекратить непріязнь съ Москвою, а миръ могъ быть всего скорѣе заключенъ подъ вліяніемъ митрополита Іоны: Литовскій князь, желая мира съ Москвою, долженъ былъ для этого пріобрѣсть расположеніе Іоны подчиненіемъ ему церкви Литовско-Русской; Іона, съ своей стороны, долженъ былъ всѣми силами стараться о мирѣ между Казимиромъ и Василиемъ, потому что только подъ условіемъ этого мира могло сохраниться единство церковное. Такъ мы видимъ, что когда, по заключеніи мира, встрѣтились вновь какія-то недоразумѣнія, то Казимиръ, отправляя своего посла въ Москву, приказалъ ему попросить митрополита постараться, чтобъ миръ не былъ нарушенъ. Іона, называя себя общимъ богомольцемъ, отвѣчалъ Казимиру, что онъ говорилъ Великому Князю Василю о мирѣ съ благословеніемъ и мольбою и что Василій хочетъ съ королемъ братства и любви: «Благодарю твое господство, пишетъ Іона, за доброе расположеніе, и благословляю тебя на любовь съ братомъ твоимъ, Великимъ Княземъ Василиемъ Васильевичемъ, который желаетъ того же; я же, вашъ общій богомольецъ, по своему святительскому долгу, радъ Бога молить и стараться о мирѣ между вами; за великое ваше жалованье и поминки благодарю и благословляю⁵¹⁹.» Мы знаемъ, въ чемъ состояло это великое жалованье, за которое Іона благодаритъ Казимира: послѣдній обѣщалъ возстановить единство Русской церкви по старинѣ и прислать Іонѣ рѣшительный отвѣтъ по возвращеніи своемъ изъ Польши въ Литву⁵²⁰. Король сдержалъ слово, и подчинилъ югозападную Русскую церковь Іонѣ⁵²¹, котораго видимъ въ Литвѣ въ 1451 году⁵²².

Но опасныя слѣдствія Флорентійскаго собора не могли ограничиться для югозападной Руси одною попыткою Исидора: папы не любили отказываться отъ того, что разъ какимъ бы то ни было

образомъ пошало въ ихъ руки, а Литовскій князь, католикъ, не могъ препятствовать намѣреніямъ главы католицизма. Въ 1458 году отъѣхавшій въ Римъ Константинопольскій патріархъ, Григорій Мамма, поставилъ Григорія, ученика Исидора, въ митрополиты на Русь. Въ Москву дали знать объ этомъ немедленно, и еще до прихода Григорія въ Литву Великій Князь Василій послалъ сказать королю Казимиру, чтобъ тотъ не принималъ митрополита изъ Рима, на общаго отца, Іону, не вводилъ новизны, не нарушалъ старины: «Старина же наша (писалъ Василій), которая ведется со временъ прародителя нашего Владиміра, крестившаго Русскую землю, состоитъ въ томъ, что выборъ митрополита принадлежалъ всегда нашимъ прародителямъ, Великимъ Князьямъ Русскимъ, и теперь принадлежитъ намъ, а не Великимъ Князьямъ Литовскимъ; кто будетъ намъ любъ, тотъ и будетъ у насъ на всей Руси, а отъ Рима митрополиту у насъ не бывать, такой миѣ не надобенъ; и ты, братъ, ни подъ какимъ видомъ не принимай его, если же примешь, то ты церковь Божию раздѣлишь, а не мы⁵²³.» Іона, не могшій самъ отправиться въ Литву по причинѣ старости и болѣзней, отправилъ туда двухъ архимандритовъ съ посланіемъ къ православнымъ епископамъ, князьямъ, панамъ и боярамъ, чтобъ стояли за православную вѣру твердо, помня древнее законоположеніе, установленное на семи соборахъ⁵²⁴. Въ Москвѣ созванъ былъ соборъ изъ владыкъ сѣверной Руси, рукоположенныхъ митрополитомъ Іоною: владыки дали здѣсь обѣщаніе — отъ святой церкви соборной Московской и отъ господина и отца своего Іоанъ митрополита всея Руси быть неотступными и повиноваться во всемъ ему и преемнику его, кто будетъ поставленъ по избранію Св. Духа, по правиламъ Апостоловъ и св. отцевъ, по повелѣнію господина Великаго Князя Василія Васильевича, Русскаго Самодержца, въ соборной церкви Св. Богородицы, на Москвѣ, у гроба св. Петра митрополита, Русскаго Чудотворца; къ самозванцу же Григорію, ученику Исидорову, отъ котораго произошло раздѣленіе Московской соборной церкви съ Кіевскою церковію, не приступать, грамотъ отъ него никакихъ не принимать, и совѣта съ нимъ ни о чемъ не имѣть⁵²⁵. Это обѣщаніе, обнародованное въ соборной грамотѣ, важно для насъ въ томъ отношеніи, что здѣсь впервые указано на Москву,

какъ на престольный городъ Русской митрополіи: владыки княнутся не отступать отъ Московской соборной церкви Св. Богородицы; до сихъ поръ митрополитъ назывался Кіевскимъ и всея Руси, въ этой же грамотѣ онъ называется просто митрополитомъ всея Руси или Русскимъ; потомъ въ этой грамотѣ опредѣленъ и на будущее время образъ поставленія митрополита Русскаго: законный митрополитъ Русскій отнынѣ есть тотъ, который будетъ поставленъ, безъ всякаго отношенія къ Византіи, въ Москвѣ, по повелѣнію Московскаго князя. Владыки сѣверные, бывшіе на соборѣ — Ростовскій, Суздальскій, Коломенскій, Сарайскій, Пермскій, отправили также грамоту къ Литовскимъ — Черниговскому, Полоцкому, Смоленскому, Туровскому и Луцкому, — съ увѣщаніемъ не принимать митрополита отъ Латинъ⁵²⁶; Іона послалъ отъ своего имени окружное посланіе Литовскимъ епископамъ въ томъ же смыслѣ, писалъ и отдѣльно епископамъ, Черниговскому, Смоленскому⁵²⁷; увѣщевая не принимать Григорія, въ случаѣ принужденія приглашалъ ихъ въ Москву, какъ въ безопасное убѣжище отъ Латинскихъ насилій; въ противномъ случаѣ грозилъ великою тягостію церковною; наконецъ писалъ и всему остальному православному народонаселенію Литовско-Русскихъ областей; обещался посвятить свою Литовскую паству, какъ только получить облегченіе отъ болѣзни, увѣщевалъ не принимать Григорія, не слушать его ученія, которое подобно Македоніеву, страдать за православіе даже и до смерти, потому что такимъ страдальцамъ готовъ вѣнецъ мученическій⁵²⁸. Но всѣ эти мѣры остались тщетными: Казимиръ не могъ не принять митрополита изъ Рима; онъ даже присылалъ уговаривать и Великаго Князя Василія признать Григорія общимъ митрополитомъ по той причинѣ, что Іона уже устарѣлъ⁵²⁹. Московскій князь, разумѣется, не согласился, и митрополія Русская раздѣлилась окончательно. Іона не долго пережилъ это печальное для него событіе: онъ умеръ въ 1364 году, назначивъ себѣ преемникомъ Θεодосія, архіепископа Ростовскаго, который и былъ поставленъ, по новому обычаю, въ Москвѣ, соборомъ сѣверныхъ Русскихъ владыкъ⁵³⁰.

Таковы были главные явленія исторіи Русской церковной іерархіи въ описываемое время. Мысль, естественно явившаяся впервые тогда, когда Андрей Боголюбскій задумалъ дать сѣвер-

ной Руси отдѣльное, самостоятельное существованіе и даже господство надъ южною Русью, — эта мысль осуществилась, когда объ половины Руси раздѣлились подѣ двѣ равно могущественныя и враждебныя одна другой династіи: въ слѣдствіе этого раздѣленія раздѣлилась и митрополія, причемъ посредствующими явленіями, опять въ слѣдствіе явленій политическихъ, было образованіе отдѣльной Галицкой митрополіи и перенесеніе Кіевскаго митрополитскаго стола на сѣверъ. Это перенесеніе, бѣдствія Византии, смуты, Флорентійскій соборъ, наконецъ, паденіе имперіи высвободили Московскую митрополію изъ непосредственной зависимости отъ Константинопольскаго патріархата. Флорентійскій соборъ и поведеніе Исидора имѣютъ важное значеніе въ нашей исторіи потому, что заставили сѣверовосточную Русь окончательно и рѣзко высказаться на счетъ соединенія съ Римомъ; понятно, что рѣшительность Московскаго правительства держаться отеческаго преданія, древняго благочестія, и не допускать никакихъ новизнъ въ церкви, — принадлежитъ къ числу явленій, опредѣлившихъ будущія судьбы восточной Европы. Въ поведеніи Русскихъ митрополитовъ при всѣхъ этихъ важныхъ и рѣшительныхъ обстоятельствахъ, дѣйствовавшихъ въ продолженіе описаннаго періода, всего лучше можно замѣтить великое вліяніе Византийскихъ отношеній, характера восточной церкви. Митрополиты Русскіе не стараются получить самостоятельное, независимое отъ свѣтской власти существованіе. Пребываніе въ Кіевѣ, среди князей слабыхъ, въ отдаленіи отъ сильнѣйшихъ, отъ главныхъ сценъ политическаго дѣйствія, всего лучше могло бы дать имъ такое существованіе; но Кіевъ не становится Русскимъ Римомъ: митрополиты покидаютъ его и стремятся на сѣверъ, подѣ покровъ могущества гражданскаго; и на сѣверѣ не долго остаются во Владимірѣ, который, будучи покинутъ сильнѣйшими князьями, могъ бы имѣть для митрополитовъ значеніе Кіева, но переселяются въ стольный городъ одного изъ сильнѣйшихъ князей, и всѣми силами стараются помочь этому князю одолѣть противниковъ, утвердить единовластіе. Борьбами, сопровождавшими это утвержденіе, управленіемъ, которое получаютъ здѣсь митрополиты, управленіемъ, которое придаютъ имъ сами князья, митрополиты вовсе не пользуются для утвержденія своего вліянія, своего господства надъ

князьями, за свою помощь не выговариваютъ себѣ особыхъ правъ, и для упроченія этихъ правъ не стараются раздорами уменьшить силу князей, не стараются для князя сильнѣйшаго, опаснѣйшаго для ихъ правъ, возбуждать соперниковъ, и усиливать ихъ своимъ вліяніемъ, какъ то дѣлывалось на западѣ; напротивъ стараются какъ можно скорѣе усилить одного князя на счетъ всѣхъ другихъ, въ слѣдствіе чего власть церковная и гражданская должны были стать въ тѣже отношенія, въ какихъ онѣ были въ Византіи: все, слѣдовательно, показываетъ, откуда идетъ преданіе и примѣръ.

Относительно опредѣленія отношеній власти митрополичьей ко власти великокняжеской, мы получаемъ извѣстія изъ грамоты, составленной по взаимному согласію Великаго Князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріяна; изъ этой грамоты видимъ, что всѣ лица, принадлежащія къ церкви, подчиняются суду митрополичьему; если челоуѣкъ великокняжескій ударитъ Великому Князю челоуѣмъ на игумена, священника или чернеца, то судъ общій, т. е. судитъ Великій Князь вмѣстѣ съ митрополитомъ; если же митрополитъ будетъ въ отлучкѣ, то судитъ одинъ Великій Князь, а прибыткомъ дѣлится пополамъ съ митрополитомъ; если кто ударитъ челоуѣмъ Великому Князю на митрополичья наместника, десятинника или волостеля, то Великій Князь судитъ самъ. Въ случаѣ войны, когда самъ Великій Князь сядетъ на коня, тогда и митрополичьи бояре и слуги выступаютъ въ походъ подъ митрополичьимъ воеводоу, но подъ стягомъ великокняжескимъ; которые изъ бояръ и слугъ не служили Алексію митрополиту, вступили въ митрополичью службу недавно (приказались ново), тѣ пойдутъ съ воеводоу великокняжескимъ, смотря по мѣсту, гдѣ кто живетъ. Слугъ великокняжескихъ и людей тяглыхъ, платящихъ дань въ великокняжескую казну (данныхъ людей), митрополитъ не имѣлъ права ставить въ священники или дьяконы, ибо этимъ наносился ущербъ службѣ и казнѣ великокняжеской. Здѣсь причина, почему въ духовное званіе поступали только люди изъ того же званія. Но сынъ священника, хотя записанный въ службу великокняжескую, если захочетъ, можетъ быть поставленъ въ священники или въ дьяконы. Сынъ священника, который живетъ у отца, ѣсть хлѣбъ отцовскій, принадлежитъ къ вѣдомству ми-

трополичьему, а который отдѣленъ, живетъ не виѣсть съ отцемъ, хлѣбъ ѣсть свой, тотъ принадлежитъ Великому Князю⁵³¹. Изъ этой грамоты мы уже видимъ, что у митрополита былъ свой дворъ, свои бояре и слуги, домъ его называется дворцомъ. Встрѣчаемъ и въ лѣтописи извѣстія о митрополичьихъ боярахъ⁵³², отрокахъ⁵³³: о Митяѣ говорится, что бояре митрополичьи служили ему, отроки предстояли, куда двинется, и тѣ и другіе шли передъ нимъ. Митрополитъ имѣлъ своихъ стольниковъ: такъ митрополитъ Киприанъ посылалъ своего стольника Феодора Тимоѣева звать Новгородскаго владыку въ Москву⁵³⁴; имѣлъ своего печатника⁵³⁵, своего конюшаго⁵³⁶. Изъ этихъ придворныхъ слугъ своихъ митрополитъ посылалъ для управленія волостями (въ волостели), для суда церковнаго (въ десятинники), и проч. Мы видѣли, какое важное значеніе имѣлъ митрополитъ въ отношеніяхъ княжескихъ, и потому встрѣчаемъ подписи митрополичьи и печати на грамотахъ княжескихъ, на договорахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ. Изъ дошедшихъ до насъ грамотъ, договорная Дмитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ — первая, въ началѣ которой встрѣчаемъ словъ: «По благословенію отца нашего Олексы митрополита всея Руси.» Въ концѣ духовнаго завѣщанія Дмитрія Донскаго читаемъ: «А сю грамоту писалъ есмь себѣ душевную, и явилъ есмь отцу своему Олексы митрополиту всея Руси, и отецъ мой Олексъ митрополитъ всея Руси и печать свою привѣсилъ къ сей грамотѣ.» Печать митрополичья имѣетъ на одной сторонѣ изображеніе Богородицы съ младенцемъ Исусомъ, а на другой надпись: «Божіею милостію печать (имя) митрополита всея Руси.» На духовномъ завѣщаніи Василя Дмитріевича встрѣчаемъ подпись митрополита Фотія по-гречески; ту же подпись видимъ и на договорной грамотѣ Василя Васильевича съ дядею Юріемъ. Съ 1450 года грамоты пишутся по благословенію митрополита Іоны и утверждаются его подписью: «Смиранный Іона, архіеписконъ Кіевскій и всея Руси.» Такова же подпись и преемника Іонина, Феодосія.

Въ настольныхъ грамотахъ патріаршихъ новопоставленному митрополиту говорилось, что Великій Князь долженъ воздавать ему честь, показывать духовную любовь съ благоговѣніемъ и послушаніемъ и благимъ повиновеніемъ, равно какъ всѣ другіе Рус-

скіе князья, сановники, духовенство и весь христоименный народъ, и что митрополитъ долженъ во всемъ предѣлѣ своемъ ставить архіепископовъ, священниковъ, монаховъ, дьяконовъ, подьяконовъ и чтецовъ, освящать церкви и управлять всѣми церковными дѣлами⁵³⁷. Избраніе епископовъ, какъ видно, производилось также, какъ и въ предшествовавшемъ періодѣ: такъ подѣ 1289 годомъ читаемъ въ лѣтописи, что Великій Князь Михаилъ Ярославичъ Тверской, вмѣстѣ съ матерью своею, послалъ игумена Андрея въ Кіевъ, къ митрополиту Максиму, и тотъ поставилъ его епископомъ въ Тверь; этотъ Андрей былъ сынъ Литовскаго князя. Впрочемъ отъ конца описываемаго времени дошелъ до насъ уставъ, какъ должно избирать епископа⁵³⁸; здѣсь говорится, что по случаю избранія митрополитъ созываетъ всѣхъ епископовъ, ему подчиненныхъ; который изъ нихъ не могъ пріѣхать, присылалъ грамоту, что будетъ согласенъ на рѣшеніе остальныхъ; собравшіеся епископы избираютъ три лица, имена которыхъ въ запечатанномъ свиткѣ отсылаютъ митрополиту, и тотъ изъ троицъ выбираетъ уже одного. Такой порядокъ дѣйствительно могъ быть введенъ въ концѣ описываемаго времени, когда значеніе областныхъ князей поникло. Избранный предѣ посвященіемъ давалъ обѣтъ исповѣдывать православіе, повиноваться митрополиту, не препятствовать въ своей епархіи сбору митрополичьихъ пошлинъ, не исполнять обязанностей своего званія въ чужихъ епархіяхъ, пріѣзжать къ митрополиту безпрекословно по первому зову, не позволять въ своей епархіи православнымъ вступать въ браки, кумиться и брататься съ Армянами и Латинами; тутъ же новопоставляемый объявлялъ, что не далъ ничѣго за поставленіе, не обѣщался дать и не дастъ; запись эту онъ писалъ собственною рукою и подписывалъ⁵³⁹. Настольница грамоты митрополичьи епископамъ писались по приведенному образцу настольной патріаршей митрополиту⁵⁴⁰. Архіепископы и епископы не могли называть митрополита братомъ, но только отцемъ; въ противномъ случаѣ подвергались выговору⁵⁴¹.

Митрополитъ имѣлъ право отлучать епископовъ отъ службы. Въ 1280 году митрополитъ Кириллъ, обозрѣвая подвѣдомственные ему епархіи, пріѣхалъ въ Ростовъ и узналъ, что здѣшній епископъ Игнатій велѣлъ въ полночь выкинуть изъ соборной цер-

кви тѣло князя Глѣба Васильковича и за-просто закопать его въ монастырѣ. Митрополитъ немедленно отлучилъ за это епископа отъ службы, и простилъ его только по усерднымъ просьбамъ князя Димитрія Борисовича, при чемъ далъ такое наставленіе Игнатію: «Не возносься, и не думай, что ты безъ грѣха, больше освобождай и прощай, чѣмъ запрещай и отлучай. Плачь и кайся до самой смерти въ этой дерзости, потому что осудилъ ты прежде суда Божія уже мертвѣго человѣка, а живѣго боялся, дары отъ него принималъ, ѣлъ съ нимъ, пилъ и веселился, и когда было можно исправить его, не исправлялъ, а теперь уже мертвѣго хочешь исправить такимъ жестокимъ отлученіемъ. Если хочешь помочь ему на томъ свѣтѣ, то помогай милостынями и молитвами⁵⁴².» Митрополитъ Петръ снялъ санъ съ епископа Сарайскаго Измаила⁵⁴³; митрополитъ Феогностъ отлучилъ и потомъ простилъ Суздальскаго епископа Даниила⁵⁴⁴. Князь, недовольный своимъ епископомъ, ѣздилъ жаловаться на него митрополиту⁵⁴⁵. Тверской епископъ Евѣимій возбудилъ на себя сильное негодованіе своего князя Михаила Александровича, который въ 1390 году послалъ звать въ Тверь митрополита Кипріяна. Тотъ отправился съ двумя владыками Греческими и нѣсколькими Русскими. За 30 верстъ отъ Твери его встрѣтилъ внукъ Великаго Князя, за 20 старшій сынъ, за 5 самъ Великій Князь. Встрѣченный передъ городскими воротами духовенствомъ со крестами, Киприанъ отслужилъ обѣдню въ соборной церкви, послѣ чего обѣдалъ у Великаго Князя; получилъ дары и честь большую. Три дня князь Михаилъ угощалъ такимъ образомъ митрополита; на четвертый собралось на великокняжескомъ дворѣ духовенство и бояре, и когда прѣѣхалъ туда Киприанъ, то всѣ начали жаловаться ему на епископа Евѣимія; митрополитъ, вмѣстѣ съ другими владыками, сталъ судить: по однимъ извѣстіямъ обвиняемый не могъ оправдаться, не обрѣлась правда въ устахъ его⁵⁴⁶; по другимъ⁵⁴⁷, обвиненія были клеветами. Но какъ бы то ни было, извѣстія согласны въ одномъ, что неудовольствіе на Евѣимія было страшное, и митрополитъ, не успѣвши помирить князя съ епископомъ, отослалъ послѣдняго въ Москву, а на его мѣсто поставилъ въ Тверь протодьякона своего Арсенія, который едва согласился быть здѣсь епископомъ, видя такія вражды и смуты.¹ Въ началѣ

описываемого времени, именно подъ 1229 годомъ, находимъ любопытное извѣстіе о судѣ мѣстнаго князя надъ епископомъ, какъ владѣльцемъ частной собственности. «Пришло, говорить летописецъ, искушеніе на Ростовскаго епископа Кирилла: въ одинъ день все богатство отнялось отъ него въ слѣдствіе проигрыша тяжбы, а рѣшилъ дѣло въ пользу соперниковъ Кирилловыхъ князь Ярославъ; Кирилла былъ очень богатъ, деньгами и селами, всякимъ товаромъ и книгами, однимъ словомъ, такого богатаго епископа еще не бывало въ Суздальской землѣ.»

Встрѣчаемъ извѣстіе о жалобѣ епископа на митрополита Константинопольскому патріарху. Такъ жаловался на митрополита Петра упомянутый уже прежде Тверской епископъ Андрей, родомъ Литвинъ. Патріархъ для разобранія дѣла отправилъ въ Россію своего посланнаго, который когда пріѣхалъ, то созванъ былъ соборъ въ Переяславѣ: явился обвиненный, явился и обвинитель, съ которымъ вмѣстѣ пріѣхали изъ Твери двое князей — Дмитрій и Александръ Михайловичи, другіе князья, много вельможъ и духовныхъ. Обвинитель былъ уличенъ во лжи; но Петръ простилъ его и, поучивъ присутствующихъ, распустилъ соборъ. Если по приведенному выше уставу долженъ былъ созываться соборъ для избранія епископа, то встрѣчаемъ извѣстіе о созваніи собора для отрѣшенія ихъ: такъ въ 1401 году митрополитъ Кириланъ созвалъ въ Москвѣ соборъ, на которомъ отписался отъ своихъ епископій Іоаннъ Новгородскій и Савва Луцкій. Митрополитъ Кирилла въ 1274 году воспользовался соборомъ, созваннымъ для поставленія Владимирскаго епископа Серапіона, чтобы предложить правило для установленія церковнаго и народнаго благочинія: «Самъ видѣлъ я и отъ другихъ слышалъ о сильномъ церковномъ неустройствѣ, говорить Кирилла въ своемъ правилѣ⁵⁴⁸: въ одномъ мѣстѣ держатся такого обычая, въ другомъ много, много несогласій и грубости... Какую пользу получили мы отъ того, что оставили правила божественныя? не разсѣялъ ли насъ Богъ во лицу всей земли? не взяты ли наши города? не пали ли сильные князья наши отъ острія меча? не отведены ли были въ плѣнъ дѣти наши? не запуская ли свѣты Божіи церкви? не томятъ ли насъ каждый день безбожныя и нечестивыя погань?» Прежде всего митрополитъ возмущается

противъ поставленія въ духовный санъ на яздѣ, и преподаеть правила относительно этого поставленія⁵⁴⁹. Въ народѣ по-прежнему продолжалася страсть къ кулачнымъ и дрекольнымъ боямъ, которые мы видѣли въ такой силѣ въ предыдущемъ періодѣ; Кириллъ пишетъ: «Узнавъ я, что еще держатся бѣсовскаго обычая треклятыхъ Еллинъ: въ божественные праздники со свистомъ, кличемъ и воплемъ скаредные пьяницы съзываютъ другъ друга, бьются дреколиемъ до смерти и берутъ платье убитыхъ; на укоризну совершается это Божіимъ прадвикамъ и на досаждение Божіимъ церквамъ.» Кириллъ вооружается также противъ пьянства, препятствующаго совершать божественную службу отъ Вербной недѣли до дня Всѣхъ Святыхъ. — На соборахъ рѣшались иногда и другія дѣла, какъ напримѣръ споры относительно границъ епархій: митрополитъ Алексій въ грамотѣ къ Красноярскимъ жителямъ пишетъ, что предѣлъ Рязанской и Сарайской епархій указанъ на Костромскомъ соборѣ⁵⁵⁰; на соборѣ Ростовскій архіепископъ Θεодосій былъ убѣжденъ въ неправомерности своего мнѣнія относительно рода пищи, какую должно употреблять въ Богоуспенское навечеріе, если оно придется въ день воскресный⁵⁵¹; на соборѣ было опредѣлено о неправомерности поступка Исидорова; на соборѣ владыки сѣверовосточной Руси рѣшили держаться Московскаго митрополита Іоны, и не сообщаться съ Кіевскимъ Григоріемъ⁵⁵². Кроме общихъ соборовъ, созывавшихся митрополитомъ всея Руси изъ подвѣдомственныхъ ему владыкъ, могли быть еще частные, созывавшіеся владыкою какой-нибудь области изъ подвѣдомственнаго ему духовенства: такъ въ 1458 году Ростовскій архіепископъ Θεодосій созвалъ соборъ въ Бѣлозерскѣ для отвращенія нѣкоторыхъ злоупотребленій, напр. позволенія вступать въ четвертый бракъ⁵⁵³.

Кромѣ соборовъ; митрополиты старались уничтожить нравственные безпорядки посланными къ духовенству и мірянамъ; таково поученіе Фотія митрополита священникамъ и монахамъ о важности ихъ сана, «каковыя имъ подобаетъ имъ быти, ходатаемъ, посылаемымъ къ Царю царствующихъ о душахъ человѣческихъ»⁵⁵⁴; митрополитъ обращаетъ особое вниманіе священниковъ на то, чтобъ они блюли за чистотою браковъ у своихъ прихожанъ: не позволяли бы имъ брести законныхъ жень и жить

съ незаконными, какъ то дѣлалось, также, чтобы не позволяли отнюдь четвертаго браца. Сохранился и прежній обычай, по которому духовныя лица обращались къ митрополиту съ разными вопросами, которыхъ сами рѣшить были не въ состояніи: такъ дошли до насъ отвѣты митрополита Кипріана на вопросы игумена Аванасія ⁵⁵⁵, отвѣты того же митрополита на вопросы неизвѣстныхъ духовныхъ лицъ ⁵⁵⁶.

Особенныя отношенія Новгородца, Пскова, Вятки, требовали особенной дѣятельности митрополитовъ относительно этихъ городовъ. Что касается избранія владыки Новгородскаго въ описываемое время, то обыкновенно на вѣчѣ избирались три лица, имена которыхъ или жребии клались на престолѣ въ церкви Св. Софіи, послѣ чего духовенство соборомъ служило обѣдню, а народъ стоялъ вѣчемъ у церкви, по окончаніи же службы протопопъ Софійскій выносилъ народу по порядку жребии, и владыкою провозглашался тотъ, чей жребій выносился послѣдній. Если и вездѣ владыки имѣли важное значеніе, то оно еще болѣе усиливалось въ Новгородѣ, при извѣстныхъ отношеніяхъ его жителей къ князю, при частыхъ распряхъ съ послѣднимъ, при частомъ между князьями и внутреннихъ смутахъ. Архіепископъ въ Новгородѣ безъ князя былъ первымъ правительственнымъ лицомъ; его имя читается прежде всѣхъ другихъ въ грамотахъ; онъ былъ посредникомъ города въ распряхъ его съ Великими Князьями, укротителемъ внутреннихъ волненій, безъ его благословенія не предпринималось ничего важнаго. Но владыка Новгородскій принималъ посвященіе отъ митрополита, зависѣлъ отъ него, отъ суда владычняго былъ переносъ дѣлъ на судъ митрополита, и когда послѣдній, утвердивъ свое пребываніе въ Москвѣ, началъ стараться всѣми зависѣвшими отъ него средствами содѣйствовать Московскому Великому Князю въ приобрѣтенія могущества, въ утверженіи единовластія, — при чемъ и Новгородъ долженъ былъ отказаться отъ своего особнаго и особеннаго быта, — то положеніе Новгородскаго владыки стало очень затруднительно: владыка Іоаннъ благословилъ Новгородцевъ воевать съ Великимъ Княземъ, для возвращенія Двинской области, и заплатилъ за это трехлѣтнимъ заключеніемъ въ Москвѣ. Мы упоминали въ своемъ мѣстѣ о неприятой перепискѣ митрополита Іоны съ Новгородскимъ вла-

дыкою по поводу Шемяки. Митрополитъ Иона счелъ также своею обязанностію дать наставленіе Новгородскому владыкѣ и его паствѣ на счетъ воздержанія отъ вѣчевыхъ буйствъ: «Я слышалъ, дѣти! пишетъ митрополитъ, что по навѣтамъ дьявольскимъ творится богоненавистное дѣло у васъ, въ отчинѣ сына моего, Великаго Князя, въ Великомъ Новгородѣ, не только между простыми людьми, но между честными, великими: за всякое, важное и пустое дѣло, начинается гнѣвъ, отъ гнѣва ярость, свары, прекословія, съ обѣихъ враждующихъ сторонъ является многонародное собраніе, нанимаютъ сбродней, пьячливыхъ и кровопролитныхъ людей, замышляютъ бой и души христіанскія губять⁵⁵⁷». Предшественникъ Ионы, митрополитъ Фотій также посылалъ поученіе Новгородскому владыкѣ и его паствѣ⁵⁵⁸: митрополитъ увѣщаетъ Новгородцевъ удерживаться отъ привычки сквернословить (за которую лѣтописецъ осуждаетъ еще до-Рюриковскія Славянскія племена); Фотій говоритъ, что такой привычки нѣтъ нигдѣ между христіанами. Далѣе митрополитъ увѣщаетъ Новгородцевъ басней не слушать; лихихъ бабъ не принимать, узловъ, примолвленья, зелья, ворожбы и ничего подобнаго не употреблять; при крещеніи, приказываетъ погружать въ сосудъ, а не обливать водою, по обычаю Латинскому; запрещаетъ вѣнчать дѣвочекъ ранѣе тринадцатаго года; запрещаетъ духовенству бѣлому и черному торговать или давать деньги въ ростъ; если кто предъ выходомъ на поле (судебный поединокъ) придетъ къ священнику за св. причастіемъ, тому причастія нѣтъ, который изъ соперниковъ убьетъ другаго, тотъ отлучается отъ церкви на 18 лѣтъ, а убитаго не хоронить.

Политическія и находившіяся въ тѣсной связи съ ними церковныя отношенія Новгорода ко Пскову также требовали вниманія митрополита. Мы видѣли, что Псковъ, разбогатѣвшій отъ торговли, давно уже началъ стремиться къ независимости отъ Новгорода, вслѣдствіе чего послѣдній сталъ обнаруживать нерасположеніе ко Пскову, высказывавшееся иногда открытою войной. Понятно, какъ затруднительно было при такихъ отношеніяхъ положеніе Пскова, зависѣвшаго въ церковныхъ дѣлахъ отъ владыки Новгородскаго; отсюда — естественное желаніе Псковитянъ избавитъ отъ этой зависимости, получить особаго вла-

ку. Но мы видѣли, какъ ихъ стараніе объ этомъ осталось тщетнымъ, ибо митрополитъ Феогность не согласился поставить имъ особаго епископа. Дѣйствительно Псковичи выбрали дурное время: митрополитъ Феогность, подобно своему предшественнику, утвердилъ пребываніе въ Москвѣ, и Псковъ болѣе другихъ городовъ не вытала на себѣ слѣдствія этого утвержденія: еще недавно Феогность грозилъ ему проклятіемъ, въ случаѣ, если онъ не откажется отъ союза съ Александромъ Тверскимъ; теперь же этотъ самый Алексашаръ опять княжилъ у нихъ и подъ невровительствомъ Литовскимъ, тогда какъ Новгородъ еще не ссорился съ Москвою. О прямой враждѣ Псковичей съ Новгородскимъ владыкою не разъ упоминаетъ летописецъ; такъ онъ говоритъ о ссорѣ ихъ съ владыкою Феокистомъ въ 1307 году; въ 1337 году владыка Василій поѣхалъ въ Псковъ на подѣздъ, но Псковичи не дали ему суда, и владыка выѣхалъ изъ города, проклявши жителей; когда въ 1411 году владыка Юаннъ прислалъ протопопа въ Псковъ просить подѣзда на тамошнемъ духовенствѣ, то Псковичи не хотѣли давать и отослали протопопа съ такимъ отвѣтомъ: «Если, Богъ дастъ, будетъ самъ владыка во Псковѣ, тогда и подѣздъ его чистъ, какъ пошло изначала, по старинѣ.» Въ 1435 году пріѣхалъ во Псковъ владыка Евенкій, не въ свой подѣздъ, не въ свою череду, Псковичи однако приняли его и били ему челомъ о соборованьи⁵⁵⁹; но онъ созвать соборъ не объщался, а сталъ просить суда, да на священникахъ своего подѣзда. Псковичи ему этого не посулили, но стали за соборованіе и за свою старину, стали говорить владыкѣ, за чѣмъ онъ сажаетъ намѣстника и печатника изъ своей руки — Новгородцевъ, а не Псковичей; владыка за это разсердился и уѣхалъ, бывши только одну недѣлю во Псковѣ. Князь Владиміръ, посадники и бояре поѣхали за нимъ, нагнали и упросили возвратиться: Псковичи дали ему судъ на мѣсяцъ, подѣздъ на священникахъ, о соборѣ же владыка сказалъ, что онъ отлагаетъ его до митрополита. Но владычій намѣстникъ началъ судить не по Псковской пошлинѣ, началъ уничтожать разныя уговорныя грамоты (посужать рукописанья и рядицы), сталъ сажать дьяконовъ въ грядицу, все по-новому, покинувши старину; Псковичи были правы, говорить ихъ летописецъ, священники за подѣздъ и оброкъ не стояли,

но, по грѣхамъ и дьявольскому навожденію, случился бой между Псковичами и владычными служилыми людьми (Софьянами). Тогда владыка опять разсвѣдился, и уѣхалъ, не взявши Псковскаго подарка, а игуменамъ и священникамъ издѣлалъ много убытка, не бываемо такъ прежде никогда, съ тѣхъ перъ какъ началъ Псковъ стоять. — Послеъ того какъ Псковичи, вмѣстѣ съ Московскимъ войскомъ, опустошили Новгородскія владѣнія и заключили миръ, оба города жили дружно, и дружба эта отравилась на отношеніяхъ церковныхъ: въ 1449 году владыка Евѣмій пріѣхалъ во Псковъ; духовенство съ крестами, князь, посадники, бояре вышли къ нему на встрѣчу и приняли съ великою честью. Въ самый день пріѣзда владыка служилъ обѣдню у Св. Троицы, а на третій день соборовалъ въ той же церкви, и читали синодикъ: проклинали злыхъ, которые хотять зла Великому Новгороду и Пскову, а благодѣльнымъ князьямъ, лежащимъ въ дому Св. Софїи и Св. Троицы пѣли вѣчную память, также и другимъ добрымъ людямъ, которые сложили головы и кровь пролили за дома Божїи и за православное христіанство, живымъ же Новгородцамъ и Псковичамъ пѣли многая лѣта. Князь, посадники и во всѣхъ концахъ господина владыку много чтили и дарили, и проводили его изъ своей земли до границы съ великою честью. Съ такою же честью былъ принять и провоженъ владыка и въ 1453 году, потому что онъ дѣлалъ все точно также, какъ и прежніе братья его — архіепископы.

Не всегда мирныя отношенія Пскова къ Новгороду и его владыкъ были причиною церковнаго неурейства и заставляли Псковичей обращаться прямо къ митрополиту за управленіемъ и наставленіемъ, а не всегда мирныя отношенія Новгорода къ митрополиту благопріятствовали этимъ непосредственнымъ сообщеніямъ. Такъ Псковичи послали въ Москву къ митрополиту Кипріану нѣсколько священниковъ для поставленія и для извѣщенія о оныхъ нуждахъ, что нѣтъ у нихъ церковнаго правила настоящаго ⁵⁶⁰. Митрополитъ посвятилъ священниковъ и послалъ съ ними уставъ службы и синодикъ правый; какой читають въ Константинополѣ у Св. Софїи, приложилъ къ этому правилу, какъ поминать православныхъ царей и Князей Великихъ, какъ совершать крещеніе и бракъ: велѣлъ вывести прежній обычай — дер-

жать дѣтей при крещеніи на рукахъ и сверху поливаетъ водою; послалъ также 60 антимиссовъ съ запрещеніемъ рубать ихъ, по примѣру Новгородскаго епископа⁵⁶¹. — Разрывы Псковичей съ младыкою Новгородскими и протекавшіе отъ того церковное безначаліе вело къ тому, что вѣча Псковское присвоило себѣ право судить и наказывать священниковъ: митрополитъ Кипріянь въ 1395 году писалъ Псковичамъ, что это противно христіанскому закону, что священника судить и наказываетъ святитель, который его поставилъ; при этомъ митрополитъ запрещаетъ также Псковичамъ вступаться въ земли и села церковныя⁵⁶². Близость Пскова къ Литовскимъ границамъ, частыя и давнія сношенія его съ Литвою и князьями ея заставляли митрополитовъ беспокоиться о Псковѣ при раздѣленіи митрополіи: такъ митрополитъ Фотій въ 1416 году писалъ Псковичамъ, чтобъ они удаляясь отъ неправоудныхъ предѣловъ, отмѣтающихся Божіа закона и святыхъ правимъ, также чтобъ съ радуніемъ: принимали православныхъ, которые, въ слѣдствіе религіознаго гоненія, будутъ искать убѣжища въ ихъ городѣ⁵⁶³. Въ другой разъ писалъ Фотій къ Псковскому духовенству съ приказаніемъ: не употреблять при крещеніи мѣра Латинскаго, но только Цареградское, и не обливать младенцевъ, но погружать; митрополитъ требуетъ, чтобъ Псковичи приолади къ нему одного изъ своихъ священниковъ, человека искуснаго, и онъ научитъ его всѣмъ церковнымъ правиламъ и миро-святое съ нимъ пришаетъ. Въ другомъ посланіи Фотій пишетъ, чтобы Псковичи не позволяли людямъ, играющимъ клятвою, быть церковными старостами и вообще занимать правительственныя и судебныя должности; также, чтобъ не позволяли старостить въ церквахъ людямъ, которые, разведясь съ законными женами, вступили въ новые браки⁵⁶⁴. Митрополитъ Юна, стараясь вездѣ утверждать власть Великаго Князя Московскаго, писалъ и во Псковъ, называя его отчичю Великаго Государя Русскаго, который дѣдичъ и отчичъ во Псковѣ, по родству, по изначальству преднихъ Великихъ Господарей Великихъ Князей Русскихъ, его праотцевъ. Митрополитъ увѣщаетъ Псковичей жить по своему христіанству, по той доброй старинѣ, которая пошла отъ Великаго Князя Александра; увѣщаетъ ихъ стоять въ томъ, что обычали Великому Князю⁵⁶⁵. Увѣщаніе Іо-

ны не могло остаться безъ вліянія во Псковѣ, ибо мы знаемъ, какое важное значеніе имѣлъ здѣсь митрополитъ: такъ, будучи недоволенъ новою уставною грамотою, которую далъ имъ князь Константинъ Дмитріевичъ, и которую они поклялись соблюдать, Псковичи обратились къ митрополиту Фотію съ просьбою разрѣшить ихъ отъ этой клятвы и благословить жить по старинѣ; митрополитъ исполнилъ ихъ просьбу⁵⁶⁶. Наконецъ, до насъ дошли два посланія митрополита Фотія къ Псковичамъ, замѣчательныя по отношенію къ особенностямъ ихъ положенія: въ одномъ посланіи, написанномъ по случаю мороваго повѣтрія, митрополитъ обращается къ нарочитымъ гражданамъ и увѣщаетъ ихъ, чтобы они были довольны своими уреками и въ купяхъ и въ мѣрилахъ праведныхъ Божію правду соблюдали⁵⁶⁷; въ другой разъ Псковичи обратились къ митрополиту за разрѣшеніемъ недоумѣнія ихъ — пользоваться ли имъ хлѣбомъ, виномъ и овощами, приходящими изъ Нѣмецкой земли? Митрополитъ разрѣшилъ пользоваться, очистивъ молитвою іерейскою⁵⁶⁸.

Но кромѣ означенныхъ отношеній, еще одно явленіе заставило обратить вниманіе не только митрополитовъ Русскихъ, но и патріарховъ Константинопольскихъ на Псковъ и Новгородъ, преимущественно на первый. Враждебныя отношенія Пскова къ Новгороду отзывались въ отношеніяхъ Пскова къ владыкѣ Новгородскому и вмѣстѣ Псковскому; не разъ поведение владыки возбуждало сильное негодованіе Псковичей; раздраженіе, въ слѣдствіе несбывшагося желанія независимости отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи, возбудило въ нѣкоторыхъ желаніе освободиться совершенно отъ всякой іерархіи; споры о подьяздахъ, судахъ, жалобы на убытки дали поводъ — и вотъ явилась ересь Стригольниковъ въ семидесятыхъ годахъ XIV вѣка⁵⁶⁹. Начальниками ереси являлись называющіеся дьякона Никиту и Карпа простаго человека; но въ такъ-называемомъ посланіи Антонія патріарха⁵⁷⁰ и въ «Просвѣтителѣ» Іосифа Волоцкаго начало ереси приписывается одному Карпу; при чемъ въ первомъ источникѣ Карпъ называется дьякономъ, отлученнымъ отъ службы, стригольникомъ, во второмъ говорится, что онъ былъ художествомъ стригольникъ. Разнорѣчія эти можно согласить тѣмъ, что Карпъ, действительно бывший прежде дьякономъ, какъ отлученный отъ службы могъ

называться и простымъ уже человекомъ; отъ этого отлученія, разстриженія, могло произойти и названіе стригольника, которое, будучи послѣ не понято, превратилось въ названіе художества. Ученіе, какъ излагають его источники, совсѣмъ въ томъ, что духовные недостойны своего сана, потому что не ставятъ себя на мѣсто; стараются пріобрѣтать имѣніе и неприлично ведутъ себя; что не должно принимать отъ нихъ тайнствъ: что миряне могутъ учить народъ вѣрѣ; что должно каяться, обращаться къ землѣ; что не должно ни отпѣвать умершихъ, ни почитать ихъ, ни служить заупокойныхъ обѣденъ, ни приносить вриносить, ни пировъ учреждать, ни милостыни раздавать по душѣ умершаго; ходили даже слухи, что стригольники отвергали будущую жизнь. Ересъ началась и распространилась во Псковѣ; неизвестно, волею или неволею ересіархи явились въ Новгородъ; известно только то, что здѣсь въ 1375 году Карпа, Никиту и еще третьяго какого-то ихъ товарища сбросили съ мосту въ Волховъ. Но гибель ересіарховъ не искоренила ереси; стригольники прельщали народъ своимъ безкорыстіемъ, своею примѣрною нравственностію, умѣемъ говорить отъ Писанія; указывая на нихъ, говорили: «вотъ эти не грабятъ имѣнія, не собирають.» Въ обличительныхъ посланіяхъ читаемъ объ нихъ: «Таковы были и все еретикъ: постники, Богомольцы, книжники, лицемеры, передъ людьми люди чистые; если бы видѣли, что они неблагочестиво живутъ, то никто бы имъ и не повѣрилъ; и если бы они говорили не отъ Писанія, то никто бы ихъ и слушать не сталъ.» Изъ XIV вѣка ересъ перешла въ XV; до насъ дошло три посланія митрополита Фотія къ Псковичамъ относительно стригольниковъ⁵⁷¹. Митрополитъ запрещаетъ духовенству Псковскому принимать приношенія отъ стригольниковъ, мірскимъ людямъ сообщаться съ ними въ вѣдѣ или питьѣ. Псковичи отвѣчали, что, исполняя приказаніе митрополита, они обыскали и показали еретиковъ, что нѣкоторые изъ нихъ убѣжали, но что другіе упорствуютъ въ своихъ мѣніяхъ и, устремляя глаза на небо, говорятъ, что тамъ ихъ Отець. Митрополитъ писалъ на это, чтобы Псковичи продолжали удаляться отъ еретиковъ, могутъ и наказывать ихъ, только не смертію, а тѣлесными наказаніями и заточеніемъ. Послѣ 1427 года, когда написано по-

слѣднее посланіе Фотія, мы не встречаемъ болѣе извѣстій о строгоникахъ.

Относительно матеріальнаго благосостоянія церкви, источниками для содержанія митрополита и епископовъ служили во первыхъ сборы съ церквей; эти сборы въ уставной грамотѣ Великаго Князя Василія Дмитріевича и митрополита Кириана опредѣлены такъ: «Сборнаго митрополиту брать съ церкви шесть алтынъ, а заѣзда три денъги; десятинику, на десятину наѣдши, брать за въѣздное, и за рождественское, и за петровское, пошлыны шесть алтынъ; сборное брать о Рождествѣ Христовѣ, а десятинику брать свои пошлыны о Петровѣ дни; которыя же соборныя церкви по городамъ не давали сборнаго при прежнихъ митрополитахъ, тѣмъ и впредъ не давать.» Архіепископъ Ростовскій Θεодосій, освобождая для церкви Кириллова Белозерскаго монастыря, пишетъ въ своей грамотѣ: «Кто у тѣхъ церквей-будутъ священники или плумены, не надобно давать имъ моей дани, ни даничьихъ пошлынь, ни десятиничьей пошлыны, ни доводичьей, ни другой какой-либо, десятиники мои ихъ не судятъ, и пристава на нихъ не даютъ.» О Митяѣ говорится, что онъ, вступивъ во всѣ права митрополита, началъ, со всѣхъ церквей въ митрополію дань собирать, сборы Петровские и Рождественскіе, доходы, уроки и оброки митрополитчьи. По-прежнему источниками дохода для митрополита и епископовъ служили пошлыны оставленныя и судыны; для суда церковнаго посылался архіереемъ особый чиновникъ, называвшійся десятиникомъ; вмѣсто того, чтобы сказать: такой-то городъ былъ подвѣдомственъ такому-то владыкѣ, говорилось: такой-то городъ былъ его десятиною⁵⁷². Одинъ изъ десятиниковъ митрополита Юны, Юрій конюшій, пріѣхавши въ Вышгородъ, волость князя Михаила Андреевича Верейскаго, остановился на подворьи у священника, который вмѣстѣ съ горожанами, началъ быть десятиникомъ и дворянъ митрополитчьихъ, прибили въ улогъ, и двоихъ, троихъ зауѣчили. Митрополитъ, извѣщая объ этомъ происшествіи князя Михаила, пишетъ: «Ты самъ, сынъ, великій государь: такъ досмотри и старыхъ своихъ бояръ своихъ, бывала ли при твоихъ прародителяхъ и родителяхъ такая нечестъ церкви Божіей и святителямъ? Тебѣ извѣстно, что

Князь Великий Витовтъ былъ не нашей вѣры, да и теперешній король тоже, и всѣ ихъ князата и паны; но спроси, какъ они оберегаютъ церковь и какую честь ей воддаютъ? а эти, будучи православными христианами, ругаются и безчестятъ церковь Божию и насъ. Я за священниками своего прихода послалъ; а тебя благословляю и молю, чтобы ты, какъ истинный великій православный господарь, церковь Божию и меня, своего отца и пастыря, отъ своихъ горожанъ оборонялъ, чтобы впередъ не было ничего подобнаго; а не оборонишь меня, то поберегись возданами отъ Бога, а я буду отъ нихъ обороняться закономъ Божиимъ. Если же мой десятникъ сдѣлалъ что-нибудь дурное, то ты бы, сынъ, обьяскалъ дѣло чисто, да ко мнѣ отпикнулъ; и я бы тебѣ безъ суда выдалъ его головою, какъ и прежде сдѣлалъ⁵⁷³. Мы видѣли, что Новгородскій архіепископъ получалъ подѣзды съ Псковскаго духовенства. Какъ Псковское духовенство давало содержаніе Новгородскому владыкѣ и дары, когда онъ прѣзжалъ во Псковъ, такъ точно и митрополитъ получалъ содержаніе и дары, когда прѣзжалъ въ Новгородъ или какую-нибудь другую область: подъ 1341 годомъ летоисецъ говоритъ, что митрополитъ Феогностъ прѣзжалъ въ Новгородъ въ сопровожденіи большого числа людей, и отъ того было тяжко владыкѣ и монастырямъ, обязаннымъ давать кормъ и дары. Подъ 1352 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородскій архіепископъ Моисей отправлялъ пословъ къ Византійскому патриарху съ жалобою на обиды людей, приходившихъ въ Новгородъ отъ митрополита. Наконецъ важный доходъ доставляли недвижимыя имущества. Подъ 1286 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Литовцы воевали церковную волость Тверскаго владыки; городъ Алексинъ называется городомъ Петра митрополита⁵⁷⁴; въ Новгородской области упоминается городокъ Молвотичи, принадлежавшій владыкѣ⁵⁷⁵; князья завѣщевали села свои митрополитамъ⁵⁷⁶; встрѣчаемъ извѣстіе о мѣнѣ селъ между княземъ и митрополитомъ⁵⁷⁷. Касательно этихъ волостей отношенія Великаго Князя и митрополита были опредѣлены такъ: данщину и бѣльщину великокняжескому на митрополитскихъ селахъ не быть, дань брать съ нихъ въ выходъ по оброку, по оброчной грамотѣ великокняжеской; какъ по старинѣ шестой день, и дасть его митрополитскимъ села тогда, когда дають великокняже-

скія; на людяхъ митрополичьихъ, которые живутъ въ городѣ, а тѣвуть ко дворцу, положенъ оброкъ, какъ на дворянахъ великокняжескихъ. Митрополичьи церковные люди тамги не даютъ при продажѣ своихъ домашнихъ произведеній, но даютъ тамгу, когда станутъ торговать прикупомъ; оброкъ даютъ церковные люди тогда только, когда придется платить дань Татарамъ ⁵⁷⁸. Касательно содержанія нязпаго духовенства мы видимъ, что князья въ завѣщаніяхъ своихъ назначаютъ доходы въ пользу духовенства нѣкоторыхъ церквей, въ ругу: такъ Великій Князь Іоаннъ II отказалъ четвертую часть Коломенской тамги въ церковь св. Богородицы на Крутицахъ, костки Московскія въ Успенскій и Архангельскій соборы, въ память по отцѣ, братьяхъ и себѣ: то и въ ругу, говорить завѣщатель ⁵⁷⁹. Книгини; Елена, жена Владиміра Андреевича, и Софья, жена Василія Дмитріевича, отказали села Московскому Архангельскому собору ⁵⁸⁰; видимъ, что князья, въ своихъ завѣщаніяхъ приказываютъ раздавать пояса свои и платья по священникамъ, деньги по церквамъ ⁵⁸¹. Должно замѣтить, что во Псковѣ, въ описываемое время, священники распределялись не по приходамъ, а по соборамъ, и вѣдали поповскими старостами ⁵⁸². Объ употребленіи митрополитами своихъ доходовъ летописецъ говоритъ, что митрополитъ Фотій закрѣпалъ за собою доходы, пошлыны, земли, воды, села и волости на прокормленіе убогихъ и нищихъ, потому что церковное богатство — нищихъ богатство ⁵⁸³; въ житіи Іоанна митрополита находимъ извѣстіе, какъ одна вдова приходила на митрополичій потребъ пить медъ для облегченія въ болѣзни ⁵⁸⁴.

Касательно южной Россіи де настъ дѣшла записъ о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, получавшихся съ Киевской Софійской митрополичьей отчины ⁵⁸⁵; видимъ село у епископа Перемышльскаго ⁵⁸⁶; видимъ, что князья даютъ села церквамъ ⁵⁸⁷.

И въ новой сѣверовосточной Руси монастырь не теряетъ своего прежняго важнаго значенія; чѣмъ былъ Печерскій монастырь Антонія и Феодосія для древняго средоточія Русской жизни — Киева, тѣмъ былъ Троицкій монастырь Сергіевъ для новаго ея средоточія — Москвы. Мы видѣли, какъ сюда, въ это новое средоточіе, стекались выходцы изъ разныхъ странъ, бояре и простые люди, отыскивая убѣжище отъ смутъ внутреннихъ, отъ не-

покоевъ Татарскихъ и наконецъ отъ насилій самой Москвы, и приносѣ на службу послѣдней, на службу новому порядку вещей, ею представляемому, и силы матеріальныя, и силы духовныя. Въ княженіе перваго собирателя Русской земли, Іоанна Калиты, явились въ Московскую область два выходца съ концовъ противоположныхъ: изъ южной Руси, изъ Чернигова, бояринъ Федоръ Плещеевъ, убѣгая отъ раззореній Татарскихъ; съ сѣвера, изъ самаго древняго и знаменитаго здѣсь города, Ростова, бояринъ Кирилль, раззорившійся и принужденный оставить свой родной городъ въслѣдствіе насилій Московскихъ. Сыновья этихъ пришельцовъ, одинъ—въ санѣ митрополита всея Руси, другой—въ званіи смиреннаго инока, но отвергнувшаго санъ митрополитчій, заключили тѣсный союзъ для того, чтобы соединенными нравственными силами содѣйствовать возвеличенію своего новаго отечества. Ростовскій выходецъ Кирилль поселился въ Радонежъ; средній сынъ его, Варооломей, съ малолѣтства обнаружилъ стремленіе къ иночеству, и какъ только похоронила своихъ родителей, такъ немедленно удалился въ пустыню — лѣсъ великій, и долго жилъ здѣсь одинъ, не видя лица человѣческаго; одинъ медвѣдь приходилъ къ пустыннику дѣлать съ нимъ его скудную пищу. Но какъ въ старину Антоній не могъ скрыть своихъ подвиговъ въ пещерѣ, такъ теперь Варооломей, принявшій при постриженіи имя Сергія, не могъ утаиться въ дремучемъ лѣсу; иноки стали собираться къ нему, несмотря на суровый привѣтъ, которымъ встрѣчалъ ихъ пустынникъ: «знайте прежде всего, что мѣсто это трудно, голодно и бѣдно; готовьтесь не къ пищѣ сытной, не къ питью, не къ покою и веселію, но къ трудамъ, поту, печаламъ, напастямъ.» Явилось нѣсколько бѣдныхъ келлій, огороженныхъ тыномъ; самъ Сергіи своими руками построилъ три или четыре кельи, самъ носилъ дрова изъ лѣсу и кололъ ихъ; носилъ воду изъ колодезя и ставилъ ведра у каждой кельи, самъ готовилъ кушанье на всю братію, шилъ платье и сапоги, однимъ словомъ, служилъ всѣмъ какъ рабъ купленный. И это-то смиренное служеніе прославило Сергія по всемъ областямъ Русскимъ и дало ему ту великую нравственную силу, то значеніе, съ какимъ мы уже встрѣчали его въ политическихъ событіяхъ княженія Дмитрія Донскаго; здѣсь мы видимъ Сергія грознымъ посломъ для

Нижнего Новгорода, неповинующагося воле Московскаго князя, тихимъ примирителемъ послѣдняго съ озлобленнымъ Олегомъ Рязанскимъ, твердымъ увѣщателемъ къ битвѣ съ полками Мамаевымъ. Изъ монастыря Сергіева, прославленнаго святостію своего основателя, выведено было много колоній, много другихъ монастырей въ разныя стороны, сподвижниками, учениками и учениками учениковъ Сергіевыхъ⁵⁸⁸. Изъ этихъ монастырей болѣе другихъ значенія въ гражданской исторіи нашей имѣетъ монастырь Бѣлозерскій; основанный св. Кирилломъ, постриженникомъ Симоновскаго архимандрита Феодора, ученика и племянника св. Сергія. Мы видѣли, что въ свидѣствѣ вѣствъ княжескихъ въ послѣднія усобицы, вѣстѣтъ съ св. Сергіемъ, призывается и св. Кириллъ, какъ одинъ изъ покровителей сѣверовосточной Руси. Отъ Сергія осталась намъ память о дѣлахъ, память о тихихъ и кроткихъ рѣчахъ, которыми онъ исправлялъ братію и умолялъ озлобленныхъ князей; отъ Кирилла дошла до насъ посланія къ князьямъ; такъ дошло его посланіе къ Великому Князю Василю Димитріевичу⁵⁸⁹: «Чѣмъ болѣе святые приближаются къ Богу любовью, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными, пишетъ Кириллъ: ты, господишь, приобретаешь себѣ великое спасеніе и пользу душевную этииъ смирениемъ своимъ, что посылаешь ко мнѣ грѣшному, нищому, страстному и недостойному съ просьбою о молитвахъ. . . Я, грѣшный, съ братією своею радъ, сколько силы будетъ, молить Бога о тебѣ, нашомъ господишѣ; ты же самъ, Бога ради, будь внимателенъ къ себѣ и ко всему княженію твоему. Если въ корабль гребецъ ошибется, то малый вредъ причинитъ плавающимъ, если же ошибется кормчій, то всему кораблю причиняетъ нагубу: такъ если кто отъ бояръ согрѣшитъ, повредитъ этииъ одному себѣ; если же самъ князь, то причиняетъ вредъ всѣмъ людямъ. Возненавидь, господишь, все что влечетъ тебя на грѣхъ, бойся Бога, истиннаго Царя, и будешь блаженъ. Слышалъ я, господишь Князь Великій, что большая смута между тобою и сродниками твоими, князьями Суздальскими. Ты господишь, свою правду сказываешь, а они свою, а христіанамъ чрезъ это кровопролитіе великое происходитъ. Такъ посмотри, господишь, повнимательнѣе, въ чемъ будетъ икъ правда передъ тобою, и по своему смирению уступи имъ, въ чемъ же будетъ твоя пра-

ваа передъ ними, такъ ты за себя стой по правдѣ. Если же они станутъ тебѣ быть чужомъ, то, Бога ради, пожалуй ихъ, по ихъ мѣрѣ, ибо слышалъ я, что они до сихъ поръ были у тебѣ въ нуждѣ, и отъ того начали враждовать. Такъ, Бога ради, господицъ, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли, скитаясь, въ Татарскихъ страхахъ⁵⁹⁰.» Кириллъ переписывался и съ братьями великокняжескими — Андреемъ, въ удѣлѣ котораго находился его монастырь, и Юриемъ. Къ Андрею св. Кириллъ писалъ: «Ты властелинъ въ отчинѣ своей, отъ Бога поставленный умищать людей своихъ отъ лихаго обычая: пусть судятъ судъ праведный, клеповъ, подметовъ бы не было, судьи посуловъ бы не брали, были бы довольны уроками своими; чтобы корчма въ твоей отчинѣ не было, ибо это великая сагуба душамъ: христіане пропиваются, а души гибнутъ; чтобы мытовъ не было, ибо это деньги неправедныя, а гдѣ перевозъ, тамъ надобно дать за трудъ; чтобы разбоя и воровства въ твоей вотчинѣ не было, и если не уймется отъ злаго дѣла, то воли наказывать; также, господицъ, унимай отъ окверныхъ словъ и брани⁵⁹¹.» Къ Юрію Дмитріевичу св. Кириллъ писалъ посланіе утѣшительное, по случаю болѣзни жены его⁵⁹²; здѣсь любоватны слѣдующія слова: «А что, господицъ князь Юрій, писалъ ты, что давно желавъ видѣться со мною; то, ради Бога, не приѣзжай ко мнѣ: если поедешь ко мнѣ, то на меня придетъ люкущеніе, и поклянувъ монастырь, уйду, куда Богъ укажетъ. Вы думаете, что я здѣсь добръ и святъ, а на дѣлѣ выходитъ, что я всѣхъ людей окаяннѣе и грѣшнѣе. Ты, господицъ князь Юрій, не осердись на меня за это: слышу, что божественное писаніе самъ въ конецъ разумѣешь, читаешь и знаешь, какой намъ вредъ приходитъ отъ похвалы человѣческой, особенно намъ страстнымъ. Да и то, господицъ, разсуди: твоей вотчины въ нашей сторонѣ нѣтъ, и если ты поедешь сюда, то всѣ стануть говорить: «только для Кирилла доѣхалъ.» Былъ здѣсь братъ твой, князь Андрей, не здѣсь его вотчина, и намъ нельзя было ему, нашему господину, челоу не ударить.»

Князь Юрій Дмитріевичъ и сынъ его Дмитрій Шейка пошли болѣе строгаго увѣщателя въ другомъ святомъ игуменѣ, Григоріи Вологодскомъ (на Пелшиѣ). Когда Юрій, вытѣснивъ племянника

Василія, утвердилса въ Москвѣ, Григорій явился къ нему сюда съ увѣщаніями удалиться съ несправедливо приобретеннаго стола; потомъ, когда Шемяка овладѣлъ Вологдою и надѣлалъ много зла жителямъ, Григорій немедленно явился и къ нему съ обличеніями, угрожая гибелью за злодѣйства надъ христіанами: Шемяка, не терпя обличеній, велѣлъ оринуть съ помосту святаго старца, такъ что тотъ едва живой возвратился въ монастырь свой⁵⁹³.

Монастыри имѣютъ еще другое значеніе въ исторіи Русской гражданственности: по разнымъ направленіямъ въ дремучихъ лѣсахъ и болотахъ сѣвера пробирались пустынники, ища уединенія и безмолвія, но между тѣмъ приносили съ собою начала новой жизни. Сперва поселялся пустынникъ въ дуплѣ большого дерева⁵⁹⁴, но потомъ скоро собираются братія, и являются отъ нея послы въ Москву къ Великому Князю, съ просьбою, чтобъ пожаловалъ, велѣлъ бегошелье свое, монастырь, строить, на пустомъ мѣстѣ, въ дикомъ лѣсу, братію собирать и пашню пахать. Св. Димитрій Прилуцкій поставилъ обитель свою на многихъ путяхъ, которыми шли отъ Вологды до Сѣвернаго Океана, всѣхъ странниковъ принимали въ монастырь и кормили; однажды пришелъ къ преподобному обнищавшій купецъ просить благословенія иди торговать съ погаными народѣми, которые слывутъ Югрюю и Печорою; въ другой разъ какой-то богатый человекъ принесъ преподобному въ подарокъ съѣстные припасы, но святой велѣлъ ему отнести эти припасы назадъ домой и раздать ихъ рабамъ и рабынямъ, которые у него голодали. Клопскій монастырь кормилъ странниковъ и людей, стекавшихся въ него за пищею во время голода. Кромѣ препятствій со стороны дикой природы, иноки, основатели монастырей терпѣли много и отъ язвъ юнаго, неустроеннаго общества, много терпѣли отъ разбойниковъ, и отъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ, которые не боялись самоуправствовать. Обычай отдавать ближайшія земли новопостроеннымъ монастырямъ велъ иногда къ тому, что окрестные жители старались раззорить новую обитель изъ страха, чтобы монахи не овладѣли ихъ землями⁵⁹⁵.

Преподобный Сергій, говорится въ житіи его, принималъ всякаго къ себѣ въ монастырь; и старыхъ, и молодыхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, и всѣхъ постригалъ съ радостію; являяника

своего Іоанна (Феодора) преподобный постригъ; когда тому было 12 лѣтъ. Сначала въ монастыряхъ каждый инокъ имѣлъ свое особое хозяйство; но съ конца XIV вѣка замѣчаемъ старанія ввести общее житіе; такъ оно было введено въ Троицкій Сергіевъ монастырь еще при жизни самого основателя: распредѣливъ братію по службамъ: одного назначили келаремъ, другаго подкеларникомъ, иного казначеемъ, уставщикомъ, нѣкоторыхъ назначили трапезниками, поварами, хлѣбниками, большинными служителями, все богатство и имущество монастырское сдѣлали общимъ, запретили инокамъ имѣть отдѣльную собственность; нѣкоторымъ не понравилась эта перемѣна, и они ушли тайно изъ монастыря Сергіева⁵⁹⁶. Основателемъ общаго житія въ собственно Московскихъ монастыряхъ называется Іоаннъ, архимандритъ Петроускій, сопровождавшій Митяя въ Константинополь⁵⁹⁷; въ женскихъ монастыряхъ — игуменья Алексѣевскаго монастыря Ульяна⁵⁹⁸; въ уставѣ общаго житія, данномъ Сибѣогорскому монастырю, читаемъ: ни игуменъ, ни братія не должны имѣть ничего своего; не могутъ ни ѣсть, ни пить у себя по кельямъ, ѣсть и пить должны въ трапезѣ все вмѣстѣ; одежду необходимую должны брать у игумена, изъ обыкновенныхъ, а не изъ нѣмецкихъ суконъ, шубы бараньи носить безъ пуху, обувь, даже онучи брать у игумена, и лишняго платья не держать⁵⁹⁹. Изъ посланій митрополита Фотія въ Кіевопечерскій монастырь видна забота его о приведеніи въ лучший порядокъ монастырской жизни⁶⁰⁰. Тотъ же митрополитъ писалъ въ Новгородъ, чтобъ игумены, священники и чернецы не торговали и не давали денегъ въ ростъ, чтобъ въ однихъ и тѣхъ же монастыряхъ не жили монахи и монахини вмѣстѣ, чтобы при женскихъ монастыряхъ были священники бѣлые, не вдовы⁶⁰¹. Эти же заботы наследовалъ отъ Фотія и митрополитъ Іона⁶⁰². Объ избраніи игуменовъ до насъ дошли слѣдующія повѣстія: въ 1433 году братія Нижегородскаго Печерскаго монастыря прислали къ Великому Князю Василю Васильевичу и матери его съ просьбою о назначеніи къ нимъ въ архимандриты избраннаго ими старца. Великій Князь и княгиня исполнили просьбу, велѣвъ митрополиту поставить избраннаго иноками старца въ архимандриты⁶⁰³; въ 1448 году иноки Кириллова Вѣлозерскаго монастыря, выбравши себѣ въ игумены стар-

на Кассіана, послали просить о поставленіи его къ Ростовскому архіепископу, и тотъ, для ихъ прошенія и моленія, благославилъ Кассіана, съ тѣмъ однако, чтобы послѣдній прѣхалъ къ нему для духовной бесѣды⁶⁰⁴. — Новгородскій архіепископъ Симеонъ писалъ въ Сынѣогорскій монастырь: «Велѣлъ я игумену и всѣмъ старцамъ крѣпость монастырскую держать: чернецамъ быть у игумена и у старцевъ въ послушаніи и духовнаго отца держать, а кто будетъ противиться, такихъ изъ обители отстранять, при чемъ вилада ихъ не возвращать имъ. Если чернецъ умретъ, то все оставшееся послѣ него имущество составляетъ собственность обители и братскую, а мірскіе люди къ нему не должны прикасаться. Если чернецъ, вышедши изъ монастыря, станетъ поднимать на игумена и на старцевъ мірскихъ людей или судей, такой будетъ подъ тягостію церковною, равно какъ и тѣ міряне, которые вступятся въ монастырскія дѣла. Если же произойдетъ ссора между братіями, то судятъ ихъ игумень съ старцами, причетниками и старостами Св. Богородицы, а міряне не вступаются⁶⁰⁵.» Но мы знаемъ, что монастыри, основанные иждивеніемъ князей или другихъ лицъ, находились въ завѣдываніи этихъ лицъ и наследниковъ ихъ: такъ Волынскій князь Владиміръ Васильковичъ завѣщалъ основанный имъ монастырь Апостольскій женѣ своей⁶⁰⁶; Московскій князь Петръ Константиновичъ далъ митрополиту Іоанну монастырь св. Саввы въ Москвѣ; этимъ объясняется, почему братія Печерскаго Нижегородскаго монастыря присылали въ Москву къ Великому Князю испрашивать утвержденія избранному ими игумену.

Монастыри владѣютъ большою недвижимою собственностію: князья продаютъ имъ свои села, покупаютъ села у игуменовъ, позволяютъ покупать земли у частныхъ лицъ, дарятъ, завѣщываютъ по душѣ, монастыри берутъ села въ закладъ, частныя лица даютъ монастырямъ села по душѣ. Отъ описываемаго времени дошло до насъ множество грамотъ княжескихъ монастырямъ съ пожалованіемъ разныхъ льготъ монастырскимъ людямъ и крестьянамъ: давались селѣница монастырю, и люди, которыхъ игумень перезоветъ сюда, освобождались ото всѣхъ повинностей на извѣстное число лѣтъ; давались населенныя земли съ освобожденіемъ старожилцевъ и новопризываемыхъ крестьянъ отъ вожжихъ

даней, пошлинъ и повинностей на вѣчныя времена, съ тѣмъ однако, что когда придетъ Татарская дань, то игуменъ за монастырскихъ людей платитъ по силѣ; крестьяне освобождались отъ даней, пошлинъ и повинностей, но если придетъ изъ Орды посолье сильное, и нельзя будетъ его опровергнуть, то архимандритъ съ крестьянъ своихъ помогаетъ въ ту тягость, однако и тутъ князь не посылаетъ къ монастырскимъ людямъ ни за чѣмъ; освобождались отъ всѣхъ даней и пошлинъ, съ условіемъ платежа денежнаго оброка въ казну княжескую одинъ разъ въ годъ; освобождались отъ всѣхъ даней и пошлинъ съ тѣмъ, чтобы давали сотнику оброкъ на Юрьевъ день весенній и осенній по три четверти; наконецъ освобождались отъ всякихъ даней, пошлинъ и повинностей на вѣчныя времена безо всякихъ условій; иногда игуменъ получалъ право держать въ монастырѣ свое пятно: монастырскій крестьянинъ, купившій или вымѣнявшій лошадь, платилъ ее въ монастырѣ, за что платилъ игумену известную пошлину; монастырскій крестьянинъ, продавшій что-нибудь на торгу или на селѣ, платилъ тамгу также игумену въ монастырѣ; если онъ пропятнится или протамжится (утаить пятно или тамгу), то за вину платилъ опять въ монастырѣ; намѣстничьимъ, боярскимъ и всякимъ другимъ людямъ запрещалось ѣздить незваннымъ на пиры къ монастырскимъ людямъ; послѣдніе освобождались отъ обязанности ставить у себя ѣздоковъ, или гонцовъ, посылаемыхъ для правительственныхъ нуждъ, давать имъ кормы, подводы и проводниковъ, кромѣ того случая, когда гонцы ѣхали съ военнымъ извѣстіемъ; монастырскіе люди освобождались отъ мыта даже и въ чужихъ областяхъ князьями послѣднихъ; торговой монастырской лодѣ позволялось ходить со всякими товарами во всякое время, будетъ ли тишина въ землѣ, или нѣтъ; дозволялось возить монастырское сѣно по рѣкѣ, когда другимъ заповѣдано было ѣздить по ней; монастырскіе люди, посланные на ватагу или какую-нибудь другую службу, освобождались отъ поватажной и отъ всякихъ другихъ пошлинъ; монастыри освобождались отъ военного постоя; посланнымъ княжескимъ запрещалось даже ставиться подъ известнымъ монастыремъ, дѣлать себѣ тутъ перевозъ, и брать себѣ на перевозъ людей и суда монастырскіе. Крестьяне монастырскіе освобождались отъ суда намѣстниковъ, волоостелей

княжескихъ и тиуновъ ихъ: игуменъ вѣдалъ самъ своихъ людей во всѣхъ дѣлахъ и судилъ ихъ самъ или тотъ, кому приказывалъ; иногда право суда давалось вполне, во всѣхъ дѣлахъ, гражданскихъ и уголовныхъ, иногда съ ограниченіями: иногда исключалось душегубство, иногда вмѣстѣ съ душегубствомъ и разбой, иногда, вмѣстѣ съ душегубствомъ и разбоемъ, татьба съ поличнымъ; въ нѣкоторыхъ грамотахъ крестьяне монастырскіе освобождаются отъ княжескаго суда съ тѣмъ условіемъ, чтобы давали волостелю два корма на годъ: на Рождество Христово и на Петровъ день; кормы эти опредѣляются такъ: на Рождество Христово съ двухъ плуговъ полоть мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, десять хлѣбовъ; не любъ полоть, такъ вмѣсто его два алтына, не любъ мѣхъ овса—вмѣсто его алтынъ, не любъ возъ сѣна — алтынъ, не любы хлѣбы—за ковригу по деньгѣ;—на Петровъ день съ двухъ плуговъ барана и 10 хлѣбовъ, не любъ баранъ—десять денегъ. Когда игуменъ имѣлъ право суда, то въ случаѣ суда смѣснаго, т. е. при тяжбѣ монастырскихъ людей съ городскими и волостными, намѣстникъ или тиунъ его судилъ вмѣстѣ съ игуменомъ или его приказчикомъ. Иногда игумену давалось право назначать срокъ для смѣсныхъ судовъ; когда игуменъ не имѣеть права уголовного суда, то встрѣчаемъ въ грамотахъ распоряженіе, что намѣстникъ или тиунъ долженъ отдать душегубца на поруку и за тою порукою поставить передъ княземъ; встрѣчается также распоряженіе, что намѣстникъ и тиунъ не беретъ съ монастырскихъ крестьянъ за мертвое тѣло, если человекъ съ дерева убьется или на водѣ утонетъ; слуги монастырскіе освобождаются отъ обязанности цѣловать крестъ: сироты ихъ стоятъ у креста. Въ случаѣ иска на игуменовъ приказчикъ судить его самъ князь или бояринъ введенный; если пріѣдетъ приставъ княжескій по людей монастырскихъ, то даетъ имъ извѣстное число сроковъ для явки къ суду—два, три, иногда позволяется монастырскимъ людямъ самимъ метать между собою сроки вольные. Встрѣчаемъ грамоты, которыми даются монастырямъ села со всѣмъ къ нимъ принадлежащимъ, кромѣ людей страдныхъ и кромѣ суда. Иногда дается монастырю село, съ условіемъ, чтобы его не продавать и не мѣнять; крестьяне освобождаются отъ даней и пошлинъ, съ условіемъ, чтобы не принимать на монастырскія земли тяглыхъ

людей княжескихъ. Встрѣчаемъ извѣстія, что у монастырей во владѣніи находились соляныя варницы, относительно которыхъ давались также особенныя льготы; князья приказывали посельскимъ или управителямъ своимъ давать въ извѣстные монастыри на храмовые праздники рожь, сыры, масло, рыбу; встрѣчаемъ жалованныя грамоты монастырямъ на рыбныя ловли и бобровыя гоны; Соловецкій монастырь, по Новгородской вѣчевой грамотѣ, получалъ десятину отъ всѣхъ промысловъ, производимыхъ на принадлежащихъ ему островахъ; нѣкоторые монастыри получали десятину съ извѣстныхъ селъ. — Что касается женскихъ монастырей, то имъ давались такія же льготы, какъ и мужескимъ; иногда игуменья получала право не только гражданскаго, но и уголовнаго суда надъ крестьянами своего монастыря; встрѣчаемъ впрочемъ распоряженія, по которымъ управление селами поручалось священникамъ, доходы же дѣлились пополамъ между священниками и игуменьею съ черницами. Частныя лица давали села въ монастырь съ условіемъ, чтобъ игуменъ держалъ общее житіе, чтобъ чернецовъ держалъ, какъ его силы позволяютъ, и держалъ такихъ, которые ему любы, чтобъ игуменъ и чернецы собинъ (отдѣльной собственности) не имѣли; если игуменъ пойдетъ прочь изъ монастыря, то пусть дастъ отчетъ (уцетъ) чернецамъ; выговаривалось условіе, чтобъ игуменъ не принималъ на монастырскія земли половниковъ и отхожихъ людей съ земель отчинника, давашаго села въ монастырь.

Что монастырскіе крестьяне обязаны были давать монастырю и дѣлать для него въ описываемое время, объ этомъ можемъ получить свѣдѣнія изъ уставной грамоты митрополита Кипріяна Константиновскому монастырю: большіе люди изъ монастырскихъ селъ, т. е. имѣвшіе лошадей, церковь наряжали, монастырь и дворъ обводили тыномъ (тынили), хоромы ставили, игуменскую часть пашни орали взгономъ, сѣяли, жали и свозили, сѣно косили десятинами и во дворъ ввозили, вѣзъ били вешній и зимній, сады оплетали, на неводъ ходили, пруды прудили, на бобровъ осенью ходили, истоки забивали; на Великъ день и на Петровъ день приходили къ игумену съ припасами (приходили — что у кого въ рукахъ); пѣшеходцы (не имѣвшіе лошадей) изъ селъ къ празднику рожь молотили, хлѣбъ пекли, солодъ молоти-

ли, пиво варили, ~~за~~ сѣмя рожь молотили, дѣмъ дастъ игуменъ въ село — и они прядуть, сѣжи и дѣли неводныя наряжаютъ; на праздникъ даютъ всѣ люди яловицу; а въ которое село пріѣдетъ игуменъ на братчину, даютъ овесъ конямъ его⁶⁰⁷.

Несмотря однако на богатое надѣленіе монастырей недвижими́мъ имуществомъ, въ описываемое время существовало сомнѣніе, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть селами? Митрополитъ Кипріанъ писалъ къ игумену Аѳанасію: «Святыми отцами не предано, чтобъ инокамъ держать села и людей. Какъ можно человѣку, разъ отрешившись отъ міра и всего мірскаго, обязываться опять дѣлами мірскими, и снова созидать раззоренное? Древніе отцы сель не приобрѣтали и богатства не копили. Ты спрашиваешь меня о селѣ, которое тебѣ князь въ монастырь далъ, что съ нимъ дѣлать? Вотъ мой отвѣтъ и совѣтъ: если уповаешь съ братією на Бога, что до сихъ поръ пропиталъ васъ безъ села и впередъ пропитаетъ, то за чѣмъ обязываться мірскими попеченіями, и вмѣсто того, чтобы памятовать о Богѣ и Ему единому служить, памятовать о селлахъ и мірскихъ заботахъ? Подумай и о томъ, что когда чернецъ не заботится ни о чемъ мірскомъ, то отъ всѣхъ людей любимъ и почитаемъ; когда же начнетъ хлопотать о селлахъ, тогда нужно ему и къ князьямъ ходить, и къ властелямъ, суда искать, защищать обиженныхъ, сеориться, мириться, поднимать большой трудъ и оставлять свое правило. Если чернецъ станетъ селами владѣть, мужчинъ и женщинъ судить, часто ходить къ нимъ и объ нихъ заботиться, то чѣмъ онъ отличится отъ мірянина? а съ женщинами сообщаться и разговаривать съ ними — чернецу хуже всего. Если бы можно было такъ сдѣлать: пусть село будетъ подъ монастыремъ, но чтобы чернецъ никогда не бывалъ въ немъ, а поручить его какому-нибудь мірянину богобоязненному, который бы хлопоталъ объ немъ, а въ монастырь привозилъ готовое жито и другими припасами: потому что пагуба чернецамъ селами владѣть и туда часто ходить⁶⁰⁸.»

Въ Руси югозападной продолжался также обычай надѣлять монастыри недвижими́ми имуществами и селами: князь Волинскій Владиміръ Васильковичъ купилъ село и далъ его въ Апостольскій монастырь⁶⁰⁹. Тому же обычаю слѣдовали и православные потомки Гедиминовы⁶¹⁰. Здѣсь, на югозападѣ, встрѣчаемъ жалованныя

грамоты княжескія монастырямъ, по которымъ люди послѣднихъ освобождались отъ суда намѣстничьего и тиунскаго и отъ всѣхъ даней и повинностей: если митрополитъ поѣдетъ мимо монастыря, то архимандрита не судить, и подводъ у монастырскихъ людей не беретъ, равно какъ и мѣстный епископъ: судить архимандрита самъ князь; если же владыкъ будетъ до архимандрита дѣло духовное, то судить князь съ владыкою; владычніе десятники и городскіе людей монастырскихъ также не судятъ⁶¹¹.

Таково было состояніе церкви. Отъ описываемаго времени дошло до насъ нѣсколько законодательныхъ памятниковъ, изъ которыхъ также можно получить понятіе о нравственномъ состояніи общества. Такъ дошла до насъ уставная Двинская грамота Великаго Князя Василя Дмитріевича, данная во время непродолжительнаго присоединенія Двинской области къ Москвѣ. Эта уставная грамота раздѣляется на двѣ половины: въ первой заключаются правила, какъ должны поступать намѣстники великокняжескіе относительно суда, во второй торговыя льготы Двинянамъ. Въ первой, судной половинѣ грамоты, излагаются правила, какъ поступать въ случаѣ душегубства и нанесенія ранъ, побоевъ и брани боярину и слугѣ, драки на пиру, переоранія или перекошенія межи, въ случаѣ воровства, самосуда, неявленія обвиненнаго къ суду, убійства холопа господиномъ. Если случится душегубство, то преступника должны отыскать жители того мѣста, гдѣ совершено было преступленіе; если же не найдутъ, то должны заплатить извѣстную сумму денегъ намѣстникамъ. Если кто выбранитъ или прибьетъ боярина или слугу, то намѣстники присуждаютъ плату за безчестье, смотря по отечеству обезчещеннаго; но, къ сожалѣнію, мы не знаемъ здѣсь самаго любопытнаго, именно—чѣмъ руководились намѣстники при опредѣленіи этого отечества. Впрочемъ очень важно уже, что въ Двинской грамотѣ полагаются взысканія за обиды словесныя, тогда какъ въ «Русской Правдѣ» о нихъ не упоминается. Случится драка на пиру, и поссорившіеся помирятся, не выходя съ пиру, то намѣстники и дворяне не берутъ за это съ нихъ ничего, если же помирятся, вышедши съ пиру, то должны дать намѣстникамъ по куницѣ. При переораніи или перекошеніи межи различается, нарушена ли межа на одномъ полѣ, или между селами, или наконецъ

нарушена будетъ межа княжая. Если кто у кого узнаеть покраденную вещь, то владѣлецъ ея сводить съ себя обвиненіе до десяти изводовъ; съ уличеннаго вора въ первый разъ берется столько же, сколько стоитъ украденная вещь, во второй разъ берутъ съ него безъ милости, въ третій вѣшаютъ; но всякій разъ его пятнають. За самосудъ платится четыре рубли: самосудомъ называется тотъ случай, когда кто-нибудь, поймавъ вора съ личнымъ, отпустить его, а себѣ посулъ возьметъ. Обвиненнаго куютъ только тогда, когда нѣтъ поруки. Обвиненный, не явившійся къ суду, тѣмъ самымъ проигрываетъ свое дѣло: намѣстники дають на него грамоту правую безсудную. Если господинъ, ударивши холопа или рабу, ненарокомъ причинить смерть (огрѣшится — а случится смерть), то намѣстники не судятъ, и за вину ничего не берутъ⁶¹².

Уже выше упомянуто было о судныхъ грамотахъ, данныхъ Пскову князьями Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ и Константиномъ Дмитріевичемъ Московскимъ; до насъ дошелъ сборникъ судныхъ правилъ, составленный изъ этихъ двухъ грамотъ, равно какъ изъ приписковъ къ нимъ всѣхъ другихъ Псковскихъ судныхъ обычаевъ (пошлинь)⁶¹³. Здѣсь относительно убійства встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе: Гдѣ учинится головщина, и уличать головника, то князь на головникахъ возьметъ рубль продажи; убьетъ сынъ отца или братъ брата, то князю продажа. Относительно воровства встрѣчаемъ постановленіе, сходное съ постановленіемъ, заключающимся въ Двинской грамотѣ: дважды воръ отпускается, берется съ него только денежная пеня, равная цѣнѣ украденнаго, но въ третій разъ онъ казнится смертію; это правило имѣетъ силу впрочемъ тогда только, когда по кража произойдетъ на посадѣ; воръ же, покравшій въ Кромномъ городѣ, также воръ коневый, вмѣстѣ съ перевѣтникомъ и зажигальщикомъ, подвергнутся смертной казни за первое преступленіе⁶¹⁴. Касательно споровъ о землевладѣніи четырехъ-или-пятилѣтняя давность рѣшаетъ дѣло. Довольно подробно говорится о займахъ, о дачѣ денегъ или вещей на сохраненіе; заемныя записи, какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ назывались до сками; чтъ объ эти доски имѣли силу, нужно чтобы копіи съ нихъ хранились въ ларѣ, находившемся въ соборной церкви Св. Троицы; позво-

дилось давать взаимны безъ заклада и безъ записи только до рубля; ручаться позволялось также въ суммѣ не болѣе рубля. Касательно семейныхъ отношеній встрѣчаемъ постановленіе, что если сынъ откажется кормить отца или мать до смерти, и пойдетъ изъ дому, то онъ лишается своей части въ наслѣдствѣ. Относительно наслѣдства говорится, что если умретъ жена безъ завѣщанія (рукописанія), оставивъ отчину, то мужъ ея владѣетъ этою отчиною до своей смерти, если только не женится въ другой разъ; тоже самое и относительно жены; встрѣчаемъ указаніе на случай, когда старшій братъ съ младшимъ живутъ на одномъ хлѣбѣ. Довольно подробно говорится о спорахъ между домовладѣльцемъ и землевладѣльцемъ (государями) и ихъ наймитами, между мастерами и учениками: эти подробности впрочемъ касаются преимущественно случаевъ неисполненія обязательствъ и назначенія срока, когда одинъ могъ отказывать, а другой отказываться. Срокъ этотъ былъ — Филиппово заговѣнье, т. е. 14 Ноября; при поселеніи поселяникъ получалъ отъ хозяина покруту, т. е. подмогу или сеуду на обзаведеніе хозяйствомъ; она могла состоять изъ денегъ, изъ разныхъ орудій домашнихъ, земледѣльческихъ, рыболовныхъ, изъ хлѣба озимаго и яроваго. Судебныя доказательства: свидѣтельство или послушничество, клятва и поле, или судебный поединокъ; въ случаѣ, если одно изъ тяжущихся лицъ будетъ женщина, ребенокъ, старикъ, больной, увѣчный или монахъ, то ему позволялось нанимать вмѣсто себя бойца для поля, и тогда соперникъ его могъ или самъ выходить противъ наемника, или также выставить своего наемника; но если будутъ тягаться двѣ женщины, то онѣ должны выходить сами на поединокъ, а не могутъ выставить наймитовъ. Мѣстомъ суда назначены сѣни княжескія, и именно сказано, чтобъ князь и посадникъ на вѣчъ суда не судили. Когда на кого дойдетъ жалоба, то позовникъ отпраплялся на мѣсто жительства позываемаго и требовалъ, чтобъ тотъ шелъ къ церкви слушать позывную грамоту (позывницу); если же онъ не пойдетъ, то позовникъ читалъ грамоту на погостѣ, предъ священникомъ, и если тогда, не прося отсрочки, позываемый не являлся на судъ, то сопернику его давалась грамота, по которой онъ могъ схватить его, при чемъ тотъ, кто имѣлъ такую грамоту (ограмоцій), схвативши против-

ника, не могъ ни бить его; ни мучить, но только поставить предъ судей; а тотъ, на кого дана была грамота (ограниченный) не могъ ни биться, ни колоться противъ своего противника. Тяжущіеся (судящіе) могли входить въ судную комнату (судебницу) только вдвоемъ, а не могли брать помощниковъ; помощникъ допускался только тогда, когда одно изъ тяжущихся лицъ была женщина, ребенокъ, монахъ, монахиня, старикъ или глухой; если же въ обыкновенномъ случаѣ кто вздумаетъ помогать тяжущимся, или силою взойдетъ въ судебницу, или ударить придверника (подверника), то посадить его въ дыбу и взять пеню въ пользу князя и подверниковъ, которыхъ было двое: одинъ отъ князя, а другой отъ Пскова. Посадникъ и всякое другое правительственное лицо (власть) не могъ тягаться за друга, могъ тягаться только по своему собственному дѣлу или за церковь, когда былъ церковнымъ старостой. Въ случаѣ тяжбы за церковную землю на судъ ходили одни старосты, есады не могли идти на помощь. Какъ въ Двинской, такъ и въ Псковской грамотѣ назначается прямо смертная казнь за извѣстныя преступленія, на-примѣръ, за троекратное воровство, зажигательство и проч.; но въ обихъ грамотахъ умалчивается о душегубствѣ; казнили ли въ описываемое время за смертоубійство смертію, или слѣдовали уставу сыновей Ярославовыхъ? — этого вопроса мы не можемъ рѣшить; въ жалованной грамотѣ Кириллову монастырю князь Михаилъ Андреевичъ Верейскій говоритъ, что въ случаѣ душегубства въ селахъ монастырскихъ должно отдавать душегубца на поруку, и за тою порукою поставить его передъ нимъ, княземъ, а онъ самъ исправу учинить; если же убійцы не будетъ на-лицо, то брать виры за голову рубль Новгородскій; но какъ чинилъ исправу князь, мы не знаемъ⁶¹⁵; знаемъ только, что по-прежнему люди, уличенные въ извѣстныхъ преступленіяхъ становились собственностію князя: мы видѣли, что князья упоминаютъ о людяхъ, которые имъ въ винѣ достались. Что князья предавали смерти лицъ себѣ противныхъ и въ описываемое время, и прежде, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; если Мономахъ и совѣтуетъ своимъ дѣтямъ не убивать ни праваго, ни виноватаго, то это уже самое показываетъ, что убіеніе случалось; притомъ же число князей не ограничивалось дѣтьми Мономаха; Андрей Бого-

любскій казнилъ Кучковича, Всеволодъ III предалъ смерти враждебнаго ему Новгородскаго боярина; говорятъ, что казнь Ивана Вельяминова, по приказанію Дмитрія Донскаго совершенная, была первою публичною смертною казнью; но мы не знаемъ, какъ преданъ былъ смерти Кучковичъ при Андрѣе Боголюбскомъ; форма здѣсь не главное.

Въ Новгородѣ-Великомъ въ 1385 году установлено было слѣдующее: посадникъ и тысяцкій судятъ свои еуды по Русскому обычаю, по дѣлованью крестному, при чемъ обѣ тяжущіея стороны берутъ на судъ по два боярина и по два мужа житейскихъ. Судъ иногда отдавался на откупъ: такъ въ первой дошедшей до насъ договорной грамотѣ Новгородцевъ съ княземъ Ярославомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Дмитрій съ Новгородцами отдалъ судъ Бѣжичанамъ и Обонѣжанамъ на три года; въ 1434 году великокняжескій намѣстникъ въ Новгородѣ продалъ Обонѣжскій судъ двумъ лицамъ—Якиму Гурѣву и Матвѣю Петрову.—Мы видѣли, что въ Псковской судной грамотѣ, при спорахъ о землевладѣніи, четырехъ - или-пятилѣтняя давность рѣшала дѣло; но въ одной грамотѣ Іоанны III, 1483 года, есть указаніе на законъ Великаго Князя Василія Дмитріевича, которымъ давность опредѣлена въ 15 лѣтъ⁶¹⁶.

Вотъ картина гражданскаго суда, какъ онъ производился въ описываемое время: предъ судью являются двое тяжущихся — одинъ монахъ, Игнатій, митрополичій поселскій, другой мірянинъ, землевладѣлецъ, Сомень Терпиловъ. Игнатій началъ: «Жалоба мнѣ, господинъ, на этого Сеньку Терпилова: косилъ онъ у насъ силою другой годъ лугъ митрополичій, а на лугу ставится 200 коненъ сѣна, и лугъ тотъ митрополичій изстарины, Спасскаго села.» Судья сказалъ Сенькѣ Терпилову: «отвѣчай!» Сенька началъ говорить: «Тотъ лугъ, господинъ, на рѣкѣ на Шекснѣ — земля Великаго Князя, а тянетъ изстари къ моей деревнѣ Дороеевской, а кошу тотъ лугъ я, и сѣно вожу.» Судья спросилъ старца Игнатія: «Почему ты называешь этотъ лугъ митрополичіимъ изстари, Спасскаго села?» Игнатій отвѣчалъ: «Лугъ митрополичій изстари: однажды перекошилъ его у насъ Леонтій Васильевъ, и нашъ поселскій съ нимъ судился и вышелъ правъ; и грамота правая у насъ на тотъ лугъ есть, а вотъ, господинъ, съ

нея списокъ передъ тобою, подлинная же въ казнѣ митрополичьей, и я положу ее предъ Великимъ Княземъ.» Судья велѣлъ читать списокъ съ правой грамоты, и читали слѣдующее: Судья судъ судья Великой Княгини Марѣы, Василій Ушаковъ, по грамотѣ своей государыни, Великой Княгини. Ставши на землѣ, на лугу на рѣкѣ Шекснѣ, передъ Васильемъ Ушаковымъ, митрополичій Посельскій Данило такъ сказалъ: «Жалоба мнѣ, господинъ, на Леонтія Васильева сына; перекошилъ онъ пожнию митрополичью, ту, на которой стоимъ.» Судья сказалъ Леонтію: «отвѣчай!» Леонтій началъ: «А, господинъ, эту пожнию косилъ, а межи не вѣдаю; эту пожнию заложилъ мнѣ въ деньгахъ Сысой Савеловъ; а вотъ, господинъ, тотъ Сысой передъ тобою.» Сысой сталъ говорить: «Эта пожня, господинъ, моя; заложилъ ее Леонтію я, и указалъ я ему косить по тѣ мѣста, которыя Данило называетъ своими; до сихъ поръ моей пожниѣ была межа по эти мѣста. А теперь, господинъ, вели Даниловымъ знахарямъ указать межу; какъ укажутъ, такъ и будетъ, душа ихъ подниметь, а у меня этой пожниѣ разводныхъ знахарей нѣтъ.» Судья спросилъ митрополичьяго посельскаго Данила: «Кто у тебя знахари на эту пожнию, на разводныя межи!» Данило отвѣчалъ: «Есть у меня, господинъ, старожильцы, люди добрые, Уваръ, да Гавшукъ, да Игнатъ; а вотъ, господинъ, эти знахари стоятъ передъ тобою.» Судья обратился на Увару, да къ Гавшуку дакъ Игнату: «Скажите, братцы, по правдѣ, знаете ли, гдѣ митрополичьей пожниѣ съ Сысоевою межа? поведите насъ по межѣ!» Уваръ, Гавшукъ и Игнатъ отвѣчали: «Знаемъ господинъ; ступай за нами, мы тебя по межѣ поведемъ.» И повели они изъ подлѣсья отъ березы да насередь пожни къ тремъ дубкамъ, да на берегъ по ветлу по виловатую, по самыя разохи, и тутъ сказали: «По сихъ поръ знаемъ: это межа митрополичьей пожниѣ съ Сысоевою.» Судья спросилъ Сысою: «А у тебя есть ли знахари?» Сысой отвѣчалъ: «Знахарей у меня нѣтъ: ихъ душа подниметь.» Тогда обоимъ истцамъ назначенъ былъ срокъ стать передъ Великою Княгинею у доклада; посельскій Данило сталъ на срокъ, но Сысой не явился, въ слѣдствіе чего Данилку оправили и пожнию присудили къ митрополичьей землѣ; а на судѣ были мужи: староста Арбужевскій Костя, Іевъ Софроновъ, Костя Савинъ Дарына, Лева Якимовъ, Сенька Терпиловъ.

Когда прочли правую грамоту, судья спросилъ у Сеньки Терпилова: «Ты написанъ въ этой грамотѣ суднымъ мужемъ; былъ ли такой судъ Леontiю Васильеву съ митрополичьимъ посельскимъ Данилкою объ этомъ лугу, и ты былъ ли на судѣ?» Сенька отвѣчалъ: «Былъ такой судъ и я былъ на немъ въ мужахъ, а все же изстари этотъ лугъ—земля Великаго Князя моей деревни Дороевской.» Судья спросилъ у старца Игнатія: «Кромѣ вашей правой грамоты есть ли у тебя на этотъ лугъ иной доводъ? Кто знаетъ, что этотъ лугъ митрополичій изстарины, и Сенька Терпиловъ косилъ его два года?» Игнатій отвѣчалъ: «Вѣдомо это людямъ добрымъ, старожильцамъ: Ивану Харламову, да Олферу Уварову, да Малашу Франику, да Лукѣ Давидову, а вотъ эти старожильцы, господинъ, передъ тобою.» На вопросъ судьи, старожильцы подтвердили показаніе Игнатія, и сказали: «Поѣзжай, господинъ судья, за нами, и мы отведемъ между этому лугу съ великокняжеской землею.» И повели Игнатьевы старожильцы съ верхняго конца, съ ивоваго куста изъ подлѣсья на големастый дубъ, на вислый сукъ, къ рѣкѣ Шекснѣ на берегъ, и сказали: «съ правой стороны земля великокняжеская, а съ лѣвой лугъ митрополичій.» Тогда судья спросилъ у Сеньки Терпилова: «А ты почему зовешь этотъ лугъ великокняжескимъ, кому это у тебя вѣдомо?» Сенька отвѣчалъ: «Вѣдомо добрымъ людямъ, старожильцамъ трехъ волостей, и вотъ, господинъ, эти старожильцы передъ тобою.» На вопросъ судьи, старожильцы подтвердили показаніе Сеньки, и повели судью также показывать настоящія межи. Но игнатьевы старожильцы сказали судѣ: «Эти сенькины старожильцы свидѣтельствуютъ лживо, и отводятъ лугъ митрополичій безмежно. Дай намъ, господинъ, съ ними цѣлованье: мы цѣлуемъ животворящій крестъ на томъ, что лугъ этотъ изстари митрополичій.» Сенькины старожильцы также сказали: «цѣлуемъ животворящій крестъ на томъ, что лугъ этотъ великокняжескій изстари.» Тогда судья сказалъ, что доложить государя, Великаго Князя всея Русіи, передъ которымъ велѣлъ старцу Игнатію положить свою правую грамоту⁶¹⁷.

Отъ описываемаго же времени дошли до насъ разнаго рода юридическіе акты: записи купчія, мѣновыя, данныя, отводныя, возныя, заемныя и закладныя, раздѣльныя, духовныя. Въ куп-

чихъ означается прежде всего лице покупающее и лице продающее: «Се купи» такой-то у такого-то. Иногда покупка производится цѣлымъ племенемъ, нѣсколькими братьями, у цѣлаго же племени, которое владѣтъ землею нераздѣльно; такіе братья-совладѣльцы называются братениками, сябрами. Иногда покупали землю двое, какъ видно, чужихъ другъ другу людей, и вносили въ купчую условіе, что если одинъ изъ покупателей или дѣти его захотятъ отказаться отъ своей покупки, то не должны продавать своего участка никому мимо другаго покупателя и дѣтей его. Между покупателями видимъ лица духовныя, священниковъ, монаховъ; игумены покупаютъ земли для монастыря и собственно для себя. Между продавцами встрѣчаемъ женщинъ замужнихъ, которыя продаютъ землю, полученную ими въ приданое, но къ ихъ имени присоединяется и мужнее имя: «Се купи такой-то у такой-то и у ея мужа.» Иногда мужъ покупалъ землю у своей жены, у ея зятя и у его жены. Послѣ имени покупателя и продающаго подробно означается предметъ купли и цѣна, за него заплаченная, при чемъ обыкновенно къ суммѣ денегъ прибавляется по полнокъ, большею частію какое-нибудь животное, напримѣръ: «И далъ за ту землю три рубля, а свинью пополнка.» Далѣе означается, произведена ли купля на извѣстное число лѣтъ или на вѣки; послѣднее условіе выражается словомъ: одерень: «А купи собѣ одерень и своей брати,» или: «и своимъ дѣтемъ.» Означается, что земля продана вмѣстѣ съ грамотами на нее, или означается, у кого эти грамоты находятся. Если покупаютъ нѣсколько братьевъ, то означается, какому брату владѣтъ сколько частями купленной земли. При покупкѣ земли означаются ея межи, или говорится просто: «по старымъ межамъ». Вносится условіе, что если кто-нибудь станетъ предъявлять свои права на купленную землю, то очищать ее обязанъ продавецъ и его дѣти: въ нѣкоторыхъ грамотахъ встрѣчаемъ условіе, чтобъ покупатель не продавалъ земли никому кромѣ земца. На каждой грамотѣ видимъ имена нѣсколькихъ свидѣтелей или послуховъ, которые иногда называются просто людьми, бывшими на заводи, т. е. при опредѣленіи границъ продаваемой земли. Говорится обыкновенно, что у печати стоялъ и землю завелъ самъ продавецъ; но иногда встрѣчаются и другія лица при обоихъ дѣйствіяхъ. Означает-

ся также имя писавшаго грамоту — священника, дьякона, дьяка, церковнаго дьяка⁶¹⁸. Въ началѣ купчей Кирилла Бѣлозерскаго сказано, что она совершена съ вѣдома тиуна княжескаго⁶¹⁹. — Въ приданныхъ записяхъ означались имена обоихъ родителей, равно какъ имена зятя и дочери; въ концѣ грамоты писались также имена послуховъ и прикладывалась печать, при которой стоялъ отецъ⁶²⁰. Въ раздѣльныхъ грамотахъ дѣлившіеся родственники, напримѣръ дядя съ племянникомъ, уговаривались, что если у одного изъ нихъ не будетъ дѣтей (отрода), или захочетъ онъ свой участокъ промѣнять, продать, приказать кому-нибудь, то онъ не долженъ этого дѣлать мимо другаго отдѣлившаго родственника. При раздѣлѣ, свидѣтелями съ обѣихъ сторонъ были люди добрые; за нарушеніе условій нарушитель въ Новгородѣ обязанъ былъ дать князю и владыкѣ извѣстную сумму денегъ⁶²¹. Въ духовныхъ грамотахъ завѣщатели, имѣя жену, приказываютъ имущество матери своей и сыновьямъ, отчину и дѣдину, землю и воду, по отцовской грамотѣ и по владѣнью; распоряжаются челядью дерноватою; въ другихъ завѣщаніяхъ имѣніе приказывается женѣ и сыновьямъ; жена, если оставшись вдовою, станетъ сидѣть въ имѣніи мужа, то будетъ господарынею въ этомъ имѣніи; если же выйдетъ замужъ, то беретъ въ надѣлокъ извѣстную сумму денегъ; также беретъ назадъ все свое приданое; въ нѣкоторыхъ же завѣщаніяхъ говорится, что въ такомъ случаѣ нѣтъ ей участка ни въ чемъ. Если по смерти завѣщателя родится у него сынъ, то ему равная доля съ старшими братьями, если дочь, то братья выдаютъ ее за мужъ по силѣ; при распоряженіи имуществомъ, нныя земли завѣщатель дѣлитъ между сыновьями, другія оставляетъ имъ въ общее владѣніе. Если завѣщатель оставляетъ малолѣтнихъ сыновей, то до ихъ возраста родственникъ, напримѣръ братъ, ѣздитъ по селамъ и владѣетъ людьми, а хлѣбъ деньги и дары идутъ матери и сыновьямъ. Въ случаѣ смерти сыновей, завѣщатель отдаетъ половину своего имѣнія брату, а другую половину велитъ продать и вырученное роздать по церквамъ на поминовеніе, челядь дерноватую отпустить на волю. Въ заключеніе завѣщатель поручаетъ оставляемую семью извѣстнымъ лицамъ, иногда цѣлой улицѣ въ Новгородѣ⁶²². Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ относительно наслѣдства обращались ко

власти церковной: такъ одна вдова обратилась къ митрополиту Киприану съ вопросомъ: что ей дѣлать? мужъ ея умеръ насильственною смертію, завѣщанія не оставилъ, дѣтей нѣтъ, но есть приемышь (примачекъ). Митрополитъ рѣшилъ, что она имѣетъ право владѣть землею, людьми и всемъ имуществомъ мужа своего. поминать душу послѣдняго, дитя свое приемное кормить, и распорядиться мужнимъ имѣніемъ въ завѣщанія какъ хочетъ⁶²³. Наконецъ отъ описываемаго времени дошли до насъ записи мировыя⁶²⁴.

Изъ приведенныхъ памятниковъ мы видимъ, что имущество жены было отдѣльно отъ имущества мужа; жена не могла продать своего приданого безъ согласія мужа, продавали они его вмѣстѣ, при чемъ имя жены стоитъ прежде имени мужа. Видимъ, что жена продаетъ свое имѣніе мужу. Мы видѣли, что по «Русской Правдѣ» за извѣстныя преступленія преступниковъ выдавали князю на потокъ со всѣмъ семействомъ; безъ сомнѣнія это правило имѣло силу и въ описываемое время. Но отвѣчала ли жена за долги мужа, за нарушеніе имъ частныхъ правъ? Въ первомъ договорѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами положено было, что должникъ-неплательщикъ отдается займодавцу въ рабство со всѣмъ семействомъ; во второмъ договорѣ эта статья измѣнена такъ: если жена поручалась за мужа, то въ случаѣ неплатежа отдавалась въ рабство, если же не поручалась то оставалась свободною. Но изъ этой статьи договора съ Нѣмцами слѣдуетъ ли заключить, что подобное же правило соблюдалось и внутри Россіи? Не имѣя другихъ доказательствъ, мы считаемъ себя въ правѣ сомнѣваться, ибо въ договорѣ съ Нѣмцами затрогивались особаго рода интересы: важно было ограничить выводъ людей изъ Новгородской области въ чужую сторону, православныхъ къ ино-вѣрцамъ. Въ «Русской Правдѣ» наприм. было положено, что жена и дѣти холопа не выдаются за преступленіе мужа и отца, если они не участвовали въ этомъ преступленіи, но здѣсь дѣло не въ томъ, что они не отвѣчаютъ за преступленіе, ибо въ переходѣ отъ одного господина къ другому для нихъ нѣтъ еще наказанія; здѣсь дѣло въ томъ, что господинъ за преступленіе одного изъ своихъ холопей не долженъ лишаться нѣсколькихъ, слѣд. здѣсь правило устанавливается вслѣдствіе ваіянія особаго интереса.

Что касается юридических понятій въ югозападной, Литовской Руси, то земскою привилегією Великаго Князя Казимира Ягайловича 1457 года постановлено, что никто изъ князей, пановъ и вѣщанъ не казнится смертію и не наказывается по чьему-либо доносу, явному или тайному, или по подозрѣнію, прежде нежели будетъ уличенъ на явномъ судѣ, въ присутствіи обвинителя и обвиненнаго. За чужое преступленіе внято другой кромѣ преступника не наказывается, ни жена за преступленіе мужа, ни отецъ за преступленіе сына, и на оборотъ, также никакой другой родственникъ, ни слуга. Иностранцы не могутъ получать должностей и земель въ Литвѣ. — Относительно положенія жены по смерти мужа находимъ такое же распоряженіе, какое мы видѣли въ Псковской судной грамотѣ и въ Новгородскихъ духовныхъ: вдова остается въ имѣніи мужа, пока не выйдетъ замужъ; въ этомъ случаѣ имѣніе переходитъ къ дѣтямъ или родственникамъ покойнаго; если же послѣдній назначилъ женѣ изъ своего имѣнія какое-нибудь вѣно, то оно остается при ней и въ томъ случаѣ, когда она вступить во второй бракъ⁶²⁵.

Изъ правыхъ грамотъ видимъ, что и на югозападѣ споры о границахъ владѣній рѣшались также, какъ и на сѣверовостокѣ: свидѣтельство старцевъ общихъ въ Литовской Руси имѣетъ такое же значеніе, какъ свидѣтельство знахарей, старожильцевъ, въ Руси Московской⁶²⁶. Галицкая купчая 1351 года по формѣ сходна съ купчими въ сѣверовосточной Руси⁶²⁷.

Относительно народнаго права мы видимъ, что война ведется съ такимъ же характеромъ, какъ и прежде, если еще не съ болѣею жестокостію. Нижегородцы, взявши плѣнныхъ у Мордвы, затравливали ихъ собаками⁶²⁸. Смольняне, во время похода своего на Литву, младенцевъ сажали на копыя, другихъ вѣшали стремглавъ на жердяхъ, взрослыхъ давили между бревнами и проч.⁶²⁹; ругательства Псковичей надъ плѣнными ратниками Витовтовыми мы отказываемся сообщать нашимъ читателямъ⁶³⁰; во время похода Московскихъ войскъ на Улу-Махмета, ратники по дорогѣ грабили и мучили своихъ⁶³¹, Русскихъ; митрополитъ Іона говорить о Вятчанахъ, что они, во время походовъ своихъ съ Шемьякою, много православныхъ перемучили, переморили, иныхъ въ воду пометали, другихъ въ избахъ пожгли, иныхъ глаза выжига-

ли, младенцев на колы сажали⁶³², взяли плѣнниковъ болѣе полуторы тысячи, и продавали Татарамъ. Военныя жестокости слѣдовательно могли доходить до ужасныхъ крайностей; но всегда ли доходили—это вопросъ; можно думать, что приведенные случаи были исключеніями, которыя условливались особенными обстоятельствами, особеннымъ ожесточеніемъ, и потому заслужили быть упомянутыми въ источникахъ, хотя, съ другой стороны, не имѣемъ права предполагать вообще мягкости въ поступкахъ ратныхъ людей въ землѣ непріятельской.

При заключеніи мира, князья сѣверовосточной Руси договариваются возвратитъ всѣхъ плѣнныхъ и все пограбленное во время войны, съ поручителями свести поруку, съ давшихъ присягу свести крестное цѣлованіе, все пограбленное отдается по исправу; если же не будетъ исправы, то требующіе возьмутъ по крестному цѣлованью; не возвращается съѣстное, и то, что взято у непріятеля во время боя. Если, въ продолженіе войны, въ отнятой у непріятеля землѣ отнявшій князь сажалъ своихъ волостелей, то по заключеніи мира обязывался изслѣдовать ихъ поведеніе—и что взято право, то взять, а что взято криво, то по исправу отдать. Иногда встрѣчаемъ условіе, что князья обязываются отыскать, выкупить и возвратитъ даже тѣхъ плѣнныхъ, которые были за проданы за границу; иногда князья уговариваются не требовать другъ съ друга ничего взятаго во время войны, кромѣ людей, и тѣхъ безъ взятаго у нихъ имущества: «что взято въ наше рамирье, тому всему погребь.» или: «тому всему дерть на обѣ стороны.» Въ случаяхъ столкновенія между подданными двухъ княжествъ былъ общій судъ: «между нами судитъ судъ общій людемъ старѣйшимъ;» если общіе судьи не смогутъ рѣшить дѣла, то должны передать его на рѣшеніе третьяго: на кого третій помолвитъ, виноватый передъ правымъ поклонится и взятое отдастъ; чьи же судьи на третій не поѣдутъ, или обвиненный третьимъ не захочетъ исполнитъ приговора, то правый можетъ силою отнять свое, и это не должно считаться нарушеніемъ мира; объ общемъ и третейскомъ судѣ обычное выраженіе: «обидному судъ безъ перевода, а судьямъ нашимъ третій вольный; въ судъ общій намъ (князьямъ) не вступаться; судьямъ садиться судитъ, подѣлавши крестъ, что имъ судитъ въ правду, по присягѣ.»

Иногда впрочемъ третій обозначается именно налице; иногда условливаются: «Кто хочеть, тотъ назоветъ три князя христіанскихъ, и изъ этихъ трехъ одного выбираетъ тотъ, на комъ ищутъ;» или: «Если судья наши не смогутъ рѣшить дѣла, то зовутся на третій; берутъ себѣ третьяго изъ моихъ бояръ великокняжескихъ, двухъ бояръ, и изъ твоихъ большого боярина одного; третьяго назоветъ тотъ, кто ищетъ, а тотъ беретъ, на комъ ищутъ; если же не выберутъ себѣ третьяго изъ этихъ троихъ бояръ, то я имъ третій, Князь Великій: пусть придутъ передъ меня, я имъ велю выбирать изъ тѣхъ же троихъ бояръ, и если не захочетъ тотъ, на комъ ищутъ, то я его обвиню.» Относительно суда встрѣчаемъ еще слѣдующій уговоръ: «Если случится разбой, или наѣздъ, или воровство изъ твоей отчины на моихъ людей великокняжескихъ, то суда общаго не ждатель, отослать намъ своихъ судей и велѣть дать управу безъ перевода; если же ты не дашь мнѣ управы, или судьи твои судомъ переведутъ, то я свое отниму, и это не будетъ считаться нарушеніемъ мира.» Понятно, что условія измѣнялись въ слѣдствіе обстоятельствъ, при которыхъ заключался договоръ, въ слѣдствіе того, между какими князьями онъ заключался.

Князья условливались вывода и рубежа не замышлять, а кто замыслить рубежъ, то рубежника выдавать по изслѣдованіи дѣла; выдавать также по изслѣдованіи дѣла холопа, рабу, поручника, должника, вора, разбойника, душегубца; кто пріѣдетъ изъ одного княжества въ другое за холопомъ или должникомъ, поймаеть его самъ безъ пристава, но поставитъ передъ княземъ, намѣстникомъ или волостелемъ, тотъ не виновать; но если выведетъ изъ волости и передъ волостелемъ не поставитъ, будетъ виновать; если холопъ станетъ съ кѣмъ тягаться, но поруки по себѣ не представитъ, то холопа обвинить и выдать господарю, при чемъ обыкновенно опредѣляется, сколько платить пошлины за одного холопа и за цѣлую семью; опредѣлить также и всѣ другія судныя издержки, которыя обязанъ платить истецъ; если же холопъ или раба не станутъ тягаться, то пошлинъ нѣтъ. Если по должникъ не будетъ поруки, то его обвинить. Вора, разбойника, грабежника, душегубца судить тамъ, гдѣ поймають, если же станетъ проситься на изводъ, то пускать. Новгородцы договорились

съ Тверью, что если изъ Новгородскихъ волостей явится обвиненіе на Тверскаго вора или разбойника, и Тверичи скажутъ, что такого у нихъ нѣтъ, то пусть его не будетъ и послѣ въ Тверскихъ волостяхъ; если же явится въ нихъ, то выдать его безъ суда⁶³³.

На сѣверовостокѣ мы разъ встрѣчаемъ извѣстіе объ убіеніи посла, отправленнаго отъ одного князя къ другому⁶³⁴. Встрѣчаемъ извѣстіе объ убійствѣ Татарскихъ пословъ въ Нижнемъ; въ 1414 году Нѣмцы убили Псковскаго посла въ Нейгаузенѣ, Псковичи убили Дерптскаго. Мы видѣли, что въ войнахъ Псковичей съ Литовцами былъ обычай отдавать плѣнныхъ на поруки.

На югозападѣ, подъ 1229 годомъ встрѣчаемъ замѣчательное извѣстіе объ условіи, заключенномъ между Кондратомъ Мазовецкимъ и Даніиломъ Галицкимъ: если когда-нибудь начнется между ними война, то Полякамъ не воевать Русской челяди, а Русскимъ Польской. Потомъ и здѣсь встрѣчаемъ также извѣстіе о возвращеніи плѣнныхъ послѣ войны⁶³⁵. Въ договорѣ Василя Темнаго съ королемъ Казимиромъ находимъ условіе: «А которые люди съ которыхъ мѣстъ вышли добровольно, ино тымъ людемъ вольнымъ воля, гдѣ хотятъ, тутъ живутъ.» Въ договорахъ Великихъ Князей Литовскихъ съ Новгородомъ и Псковомъ встрѣчаемъ условіе: если Великій Князь захочетъ начать войну съ Новгородомъ или Псковомъ, то обязанъ прислать разметныя грамоты, и можетъ начать войну только спустя мѣсяць послѣ этой присылки. Витовтъ, котораго по справедливости Русскій лѣтописецъ называетъ невѣрникомъ правдѣ, чтобъ напасть врасплохъ на Псковичей, послалъ въ 1406 году разметную грамоту не во Псковъ, а въ Новгородъ, подъ предлогомъ старой зависимости перваго отъ послѣдняго, а самъ вступилъ во Псковскую область. Для предотвращенія впредь подобнаго коварства, Псковичи, заключая договоръ съ Казимиромъ, обязали его, въ случаѣ разрыва, отсылать разметную грамоту не въ Москву и не въ Новгородъ, но положить ее во Псковѣ. Новгородцы, заключая договоръ съ тѣмъ же Казимиромъ, условились, чтобы Литовскіе послы по Новгородской волости подводъ не брали, а Новгородскіе по Литовской⁶³⁶. Но, какъ видно, между Москвою и Литвою не было условій относительно подданныхъ одного государства, находив-

шихся въ областяхъ другаго во время разрыва между ними, ибо подъ 1406 годомъ находимъ извѣстіе, что при разрывѣ Витовта съ Василюмъ Димитріевичемъ въ Литвѣ перебили Москвичей.

Что касается нравственнаго состоянія вообще на Руси въ описываемое время, то мы уже замѣтили и въ предыдущемъ періодѣ, что чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ нравы становятся жестче. Понятно, что удаленіе Славянскихъ переселенцевъ въ пустыни сѣверовосточной Европы, удаленіе отъ другихъ народовъ христіанскихъ, стоявшихъ съ ними на одинакой степени гражданственности, и вступленіе въ постоянное сообщество только съ народами, стоящими на нисшей степени, не могли дѣйствовать благоприятно на нравы этихъ переселенцевъ; понятно, если послѣдніе не только остановились въ этомъ отношеніи, но даже пошли назадъ; не забудемъ здѣсь и вліянія самой природы, о которомъ была уже рѣчь прежде. Но кромѣ этихъ, собственно географическихъ причинъ, были еще другія, историческія, которыя не могли способствовать смягченію нравовъ. Одна географическая отдаленность главной сцены дѣйствія не могла на-долго отнять у Русскихъ людей возможность сообщенія съ другими христіанскими народами: мы видимъ, что когда сѣверовосточная Русь образовалась въ одно сильное государство, то, начиная съ второй половины XV вѣка, уже является стремленіе къ сообщенію съ другими христіанскими державами; въ продолженіе XVI и XVII вѣка, не смотря на всѣ препятствія, это стремленіе становится все сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ въ XVIII вѣкѣ видимъ вступленіе Россіи въ систему Европейскихъ государствъ. Слѣдовательно полное уединеніе Руси въ XIII, XIV и XV вѣкахъ условливалось не географическимъ только отдаленіемъ, но преимущественно тѣмъ, что все вниманіе ея было поглощено внутреннимъ, тяжкимъ, болѣзненнымъ переходомъ отъ одного порядка вещей къ другому. Этоть-то болѣзненный переходъ и дѣйствовалъ неблагоприятно на нравы. На югѣ мы видѣли сильныя усобицы; но усобицы эти шли въ слѣдствіе споровъ за родовыя права: тотъ или другой князь становился старшимъ, занималъ Кіевъ въ слѣдствіе своего торжества—отношенія къ нему младшихъ оставались прежнія; но и тутъ мы замѣчаемъ бѣдшую жесткость, бѣдшую неразборчивость средствъ у тѣхъ князей,

которые, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, были доводимы до крайности, лишались волостей, которыя принуждены были потомъ пріобрѣтать и сохранять мечемъ. На сѣверѣ же, какъ мы видѣли, измѣнилась цѣль усобицъ, долженъ былъ измѣниться и характеръ ихъ: князья показали ясно, что они борются не за старшинство, какъ прежде, но за силу; хотятъ увеличить свои волости, пріобрѣсть могущество, и, въ слѣдствіе этого могущества, подчинить себѣ всѣхъ остальныхъ князей, лишить ихъ владѣній. При такомъ характерѣ борьбы нѣтъ рѣчи о правахъ и обязанностяхъ, каждый дѣйствуетъ по инстинкту самосохраненія, а гдѣ человекъ дѣйствуетъ только по инстинкту самосохраненія, тамъ не можетъ быть выбора средствъ: сильный пользуется первымъ удобнымъ случаемъ употребить свою силу, слабый прибѣгаетъ къ хитрости, коварству, взаимное довѣріе рушится, сильные начинаютъ прибѣгать къ страшнымъ нравственнымъ обязательнымъ средствамъ въ отношеніи къ слабымъ, но и эти средства оказываются недѣйствительными, страшныя проклятыя грамоты нарушаются также легко, какъ и обыкновенные договоры; хитрость, двоедушіе слабago получаетъ похвалу, какъ дѣло мудрости: лѣтописецъ хвалитъ князя Тверскаго, который, будучи слабымъ среди борьбы двухъ сильныхъ, умѣлъ извернуться, не прогнѣвалъ ни князя Московскаго, ни Эдигея. Борьба, доведенная до крайности, условливала и средства крайнія: сперва губили соперниковъ въ Ордѣ; но здѣсь могли видѣть еще только слѣдствія судебного приговора, произнесеннаго высшею властію; когда же князья стали управляться другъ съ другомъ независимо отъ всякаго чуждаго вліянія, и когда борьба, приходя къ концу, достигла крайняго ожесточенія; является сперва ослѣпленіе, а потомъ и смерть насильственная. Обычай, по которому дружинники свободно переходили отъ одного князя къ другому, обычай, много облегчившій объединеніе сѣверовосточной Руси, съ другой стороны, вредилъ нравственности; поступокъ Румянца и товарищей его въ Нижнемъ-Новгородѣ конечно не можетъ быть причисленъ къ поступкамъ нравственнымъ. Насилія со стороны сильныхъ, хитрость, коварство со стороны слабыхъ, недовѣрчивость, ослабленіе общественныхъ узъ среди всѣхъ—вотъ необходимыя слѣдствія такого порядка вещей. Нравы грубѣли, при-

вычка руководствоваться инстинктомъ самосохраненія вела къ господству всякаго рода матеріальныхъ побужденій надъ нравственными; грубость нравовъ должна была отражаться на дѣлѣ, на словѣ, на всѣхъ движеніяхъ челоѣка. Въ это время имущества гражданъ прятались въ церквахъ и монастыряхъ, какъ мѣстахъ наиболѣе, хотя не всегда безопасныхъ; сокровища нравственные имѣли нужду также въ безопасныхъ убѣжищахъ—въ пустыняхъ, монастыряхъ, теремахъ; женщина спѣшила удалиться, или ее спѣшили удалить отъ общества мужчинъ, чтобъ волю или неволю удержать въ чистотѣ нравственности, чистоту семейную; не въ слѣдствіе Византійскаго, или Татарскаго, или какого-нибудь другаго вліянія явилось затворничество женщинъ въ высшихъ сословіяхъ, но въ слѣдствіе извѣстной нравственной экономіи въ народномъ тѣлѣ; подтвержденіе здѣсь сказанному нами найдемъ мы послѣ въ прямыхъ извѣстіяхъ современниковъ-очевидцевъ. Историкъ не рѣшится отвѣчать на вопросъ: что бы случилось съ нами въ XIV вѣкѣ безъ церкви, монастыря и терема? Но понятно, что удаленіе женщины, бывшее слѣдствіемъ огрубѣнія нравовъ, само, въ свою очередь, могло производить еще болѣе огрубѣніе.

Но хотя это болѣе огрубѣніе въ нравахъ очень замѣтно въ описываемое время, однако историкъ не имѣетъ права дѣлать уже слишкомъ рѣзкаго различія между нравами описываемаго времени и нравами предшествовавшей эпохи въ пользу последней. Мы уже имѣли случай замѣтить, что увѣщаніе Мономаха дѣтямъ—не убивать ни праваго, ни виноватаго, нисколько не служить доказательствомъ, чтобъ подобныхъ убійствъ не было въ его время; мы сомнѣваемся, чтобъ торжественная смертная казнь была установлена Димитріемъ Донскимъ, ибо не знаемъ, какъ Андрей Боголюбскій казнилъ Кучковича. Говорятъ, что отъ временъ Василя Ярославича до Іоанна Калиты отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на государство: сила казалась правомъ; кто могъ, грабилъ: не только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ пути, ни дома; татба сдѣлалась общею язвою собственности. Въ доказательство этихъ словъ приводятъ одно извѣстіе лѣтописи, что Іоаннъ Калита прославился уменьшеніемъ разбойниковъ и воровъ. Хотя въ источни-

хоть можно отыскать и болѣе указаній относительно разбоевъ; однако, съ одной стороны, мы не скажемъ, чтобъ въ приведенной картинѣ краски не были слишкомъ ярки, а съ другой стороны, нѣтъ основанія предполагать, чтобъ прежде было много лучше, и чтобъ въ другихъ сосѣднихъ христіанскихъ странахъ въ описываемое время было также много лучше; въ послѣднемъ усумнится всякій, кто напримѣръ сравнитъ извѣстія о разбояхъ въ Польскихъ владѣніяхъ во время Казимира Ягайловича. Говорятъ: легкія денежные пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ воровства; но въ XIV вѣкѣ воровъ клеймили и вѣшали, при чемъ спрашиваютъ: былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ человекъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ? Но мы, въ свою очередь, спросимъ: былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ воръ, отдѣлавшись легкою пеню, безъ клейма оставался въ обществѣ? Къ описываемому же времени относятъ появленіе тѣлесныхъ наказаній; но мы уже въ «Русской Правдѣ» встрѣтили извѣстіе о мукахъ или тѣлесныхъ истязаніяхъ, которымъ виновный подвергался по приказанію княжескому; тѣлесныя наказанія существовали вездѣ въ Средніе вѣка, но были ограничены извѣстными отношеніями сословными: у насъ же, въ слѣдствіе извѣстныхъ причинъ, такія сословныя отношенія не выработались, откуда и произошло безразличіе касательно тѣлесныхъ наказаній. Но если мы не можемъ допустить излишней яркости нѣкоторыхъ красокъ въ картинѣ нравовъ и рѣзкости въ противоположеніи нравовъ описываемаго времени нравамъ предшествовавшей эпохи, то, съ другой стороны, мы видѣли въ описываемое время причины, которыя должны были вредно дѣйствовать на нравственность народную, измѣнять ее не къ лучшему.

Въ примѣрахъ жестокости наказаній нѣтъ недостатка въ источникахъ: совѣтники молодого князя Василія Александровича подверглись жестокимъ наказаніямъ: у однихъ носъ и уши обрѣзали, у другихъ глаза выкололи, руки отсѣкли⁶³⁷. Подъ 1442 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ, что какихъ-то Колударова и Режскаго кнутомъ били; это извѣстіе вставлено въ рассказъ о войнѣ Великаго Князя Василія съ Шемякою, и потому можно думать, что преступленіе этихъ людей состояло въ доброжелательствѣ

послѣднему. Подъ 1444 годомъ говорится, что князь Иванъ Андреевичъ Можайскій схватилъ Андрея Дмитріевича Мамона и вмѣстѣ съ женою сжегъ въ Можайскѣ; послѣ мы узнаемъ, что эти люди были обвинены въ еретичествѣ. Старое суевѣріе, привычка обвинять вѣдьмъ въ общественныхъ бѣдствіяхъ сохранялась: Псковичи во время язвы сожгли 12 вѣдьмъ. Когда, въ 1462 году, схвачены были дружинники Серпуховскаго князя Василя Ярославича, задумавшіе было освободить своего господаря, то Василій Темный велѣлъ ихъ казнить — бить кнутомъ, отсѣкать руки, рѣзать носы, а нѣкоторымъ отсѣчь головы. — Относительно нравовъ служебныхъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Вятка не была взята по винѣ воеводы Перфушкова, который благопріятствовалъ Вятчанамъ за посулы⁶³⁸. — Соблазнительная исторія о поясѣ, который былъ подмѣненъ на княжеской свадьбѣ первымъ вельможею, не можетъ дать выгоднаго понятія о тогдашней нравственности. — Вспомнимъ и о страшномъ поступкѣ послѣдняго Смоленскаго князя Юрія. Лишенный волости, онъ жилъ въ Торжкѣ въ качествѣ намѣстника великокняжескаго. Здѣсь же нашелъ пріютъ изгнанный съ нимъ вмѣстѣ князь Семень Мстиславичъ Вяземскій. Юрій влюбился въ жену Вяземскаго, Ульяну, и, не находя въ ней взаимности, убилъ ея мужа, чтобъ воспользоваться беззащитнымъ состояніемъ жены; но Ульяна схватила ножъ; не попавши въ горло насильнику, ранила его въ руку, и бросилась бѣжать; но Юрій догналъ ее на дворѣ, изрубилъ мечемъ и велѣлъ бросить въ рѣку. Но къ чести тогдашняго общества, мы должны привести слова лѣтописца: «И бысть ему въ грѣхъ и въ студъ великъ, и съ того побѣже къ Ордѣ, не терпя горькаго своего безвременья, срама и безчестія.» Юрій умеръ въ Рязанской землѣ, гдѣ жилъ у пустынника Петра, плачась о грѣхахъ своихъ. — Мы видѣли, что митрополиты обратили вниманіе на нравственную порчу въ Новгородѣ и Псковѣ, вооружились противъ буйства, сквернословія, разводовъ, суевѣрій, клятвopреступленій. Лѣтописецъ Новгородскій особенно упрекаетъ своихъ согражданъ за грабежи на пожарахъ: отъ лютаго пожара, бывшаго въ 1267 году, многіе разбогатѣли; описывая пожаръ 1293 года, лѣтописецъ говоритъ: «злые люди пали на грабежъ; что было въ церквахъ, все разграбили, у св. Іоанна сторожа убили надъ имѣ-

ніемъ;» подобное же извѣстіе встрѣчаемъ подъ 1311 годомъ, потомъ подъ 1340 и 1342. Лѣтописецъ сильно жалуется также на дурное состояніе правосудія въ Новгородѣ подъ 1446 годомъ: «Въ то время, говоритъ онъ, не было въ Новгородѣ правды и праваго суда, встали ябедники, изнарядили четы, обѣты и крестныя цѣлованія на неправду, начали грабить по селамъ, волостямъ и по городу, и были мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ, сущимъ окрестъ нашъ; были по волости извѣзды великіе и боры частые, крикъ, рыданіе, вопль и клятва отъ всѣхъ людей на старѣйшинъ нашихъ и на городъ нашъ, потому что не было въ насъ милости и суда праваго.»

Страсть къ вину въ сильной степени выказывается въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, какъ напримѣръ, въ извѣстіи объ осадѣ Москвы Тохтамышемъ; въ описаніи похода Василя Темнаго противъ дяди Юрія сказано, что Великій Князь взялъ съ собою изъ Москвы купцовъ и другихъ людей, которые были пьяпы и везли съ собою медь, чтобъ еще пить. Ссоры, драки, убійства и всякаго рода преступленія, по-прежнему, всего чаще происходили на пьяныхъ пирахъ; въ 1453 году Великій Князь Василю Васильевичъ писалъ своимъ посельскимъ и приказникамъ: «Говорилъ мнѣ отецъ мой Іона митрополитъ, что ваши люди ѣздятъ въ митрополичьи села по праздникамъ, по пирамъ и по братчинамъ, незваные, и на этихъ пирахъ происходятъ душегубства, воровства и другихъ лихихъ дѣлъ много. И я, Князь Великій, далъ митрополиту грамоту, что въ его села по праздникамъ, пирамъ и братчинамъ никому незванымъ не ѣздить.» Чѣмъ далѣе къ сѣверовостоку, тѣмъ нравы были грубѣе: изъ посланія митрополита Іоны къ Вятскому духовенству узнаемъ, что въ Вяткѣ нѣкоторые брали по пяти, шести, семи и даже до десяти женъ, а священники ихъ благословляли и приношенія отъ нихъ принимали въ церковь; нѣкоторые жили съ женами вовсе безъ вѣнчанія, иные постриглись въ монахи, разстригались и женились⁶²⁹.

Мы видѣли, что митрополитъ уговаривалъ Новгородцевъ воздерживаться отъ суетвѣрій; въ 1357 году они утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ, чтобъ игранія бѣсовскаго не любить, и бочекъ не бить. Но борьбы, кончавшіяся иногда убійствомъ, продолжались повсюду: такъ въ 1390 году въ Коломнѣ на

игрушкѣ убить былъ Осей, сынъ кормильца или дядьки Великаго Князя Василя Дмитріевича.

Невыгодное мнѣніе о безопасности общественной мы получаемъ изъ лѣтописныхъ извѣстій объ ушкуйничествѣ; извѣстій о разбояхъ, производимыхъ не въ столь обширныхъ размѣрахъ, мы не находимъ въ лѣтописяхъ, но находимъ въ житіяхъ святыхъ. Относительно состоянія общества любопытны приведенныя нами выше извѣстія — о судьбѣ митрополичьяго десятильника, погибшаго въ Вышгородѣ, и о Лукѣ Можайскомъ, который, разбогатѣвъ, не сдерживался уже ничѣмъ при удовлетвореніи своихъ желаній.

Грубость нравовъ и приведенныя причины этой грубости должны были задержать также и литературное развитіе. Мы не встрѣчаемъ нигдѣ извѣстій объ образованности князей и вельможъ; о Дмитріи Донскомъ прямо говорится, что онъ не былъ хорошо изученъ книгамъ; о Василю Темномъ говорится, что онъ былъ не книженъ, ни грамотенъ⁶⁴⁰; учились по прежнему у лицъ духовнаго званія: такъ въ житіе св. Іоны Новгородскаго говорится, что его учили у дьякона со множествомъ другихъ дѣтей. Хотя Исидоръ и отзывался о Русскихъ епископахъ, что они некнижны, однако мы должны принимать этотъ отзывъ относительно: грамотность сохранялась въ сословіи духовномъ; книги не могли утратить своего значенія, какъ вмѣстилища религіозныхъ сокровищъ; ученіе книжное не могло не оставаться желанною цѣлю для лучшихъ людей, какъ сообщавшее имъ познаніе вещей божественныхъ, дававшее средства къ религіозному совершенствованію. Книга слѣдовательно продолжала считаться сокровищемъ; во время Тохтамышевой осады, въ Москву со всѣхъ сторонъ снесено было множество книгъ; книги усердно переписывались иноками, переводились съ Греческаго, составлялись сборники; вмѣстѣ съ книгами духовнаго содержанія переписывались и лѣтописи; не одно врожденное чловѣку любопытство и уваженіе къ дѣламъ предковъ давали значеніе лѣтописямъ; они употреблялись какъ доказательства въ княжескихъ спорахъ: мы видѣли, что князь Юрій Дмитріевичъ доказывалъ права свои на старшинство лѣтописями. Обычай записывать современныя событія также не прекратился; извѣстія о событіяхъ важныхъ, возбуждавшихъ

особенное вниманіе и сочувствіе, записывались съ разными прибавками молвы стоустой, украшались по мѣрѣ силъ и знаній.

Епископы продолжали говорить поученія народу въ церкви: о Кириллѣ, епископѣ Ростовскомъ, говорится, что народъ изъ окрестныхъ городовъ стекался слушать его ученіе отъ св. книгъ, и авторъ этого извѣстія говорить о себѣ, что онъ стоя въ церкви въ нѣкоторомъ узкомъ и уединенномъ мѣстѣ, записывалъ слова проповѣдника. О Владимірскомъ епископѣ Серапiонѣ и Тверскомъ Симеонѣ говорится, что они были учительны и сильны въ книгахъ Божественнаго Писанія⁶⁴¹. Подъ 1382 годомъ лѣтописецъ говоритъ о кончинѣ Нижегородскаго инока Павла высокаго, который былъ очень книженъ и большой философъ, слово его было солюю божественною растворено. До насъ дошло нѣсколько словъ и поученій отъ описываемаго времени. Дошло слово на соборъ Архистратига Михаила, приписываемое митрополиту Кириллу: проповѣдникъ говорить о сотвореніи небесныхъ силъ, ихъ занятіи, о паденіи сатаны, о сущности души человѣческой, о паденіи перваго человѣка, излагается кратко исторія Ветхаго и Новаго завѣта; послѣ чего проповѣдникъ обращается опять къ ангеламъ, описываетъ служеніе ангеловъ-хранителей, говорить о томъ, что ожидаетъ душу человѣка по разлученіи съ тѣломъ, описываются такъ называемыя мытарства, въ числѣ которыхъ помѣщены: срамословіе и иныя безстыдныя слова, пляски на пирахъ, свадьбахъ, вечерахъ, игрищахъ, на улицахъ, ба сны, всякіе позорныя игры, плесканіе ручное, скаканіе ногами, вѣра во встрѣчу, чохъ, полазъ и птичій грай, ворожбу. За тѣмъ слѣдуетъ наставленіе духовенству: «Если вы сохраните всѣ эти завѣщанія, говорить проповѣдникъ, то Бога возвеселите, ангеловъ удивите, молитва ваша услышана будетъ отъ Бога, земля наша облежится отъ иновѣрнаго ига бесерменскаго, милость Божія на всѣ страны Русской земли умножится, пагубы и порчи плодовъ и скотамъ перестанутъ, гнѣвъ Божій утоится, народы всей Руской земли въ тишинѣ и безмолвіи проживутъ, и милость Божию получать въ нынѣшнемъ вѣкѣ, особенно же въ будущемъ.» Въ концѣ поученія замѣчательны для насъ слѣдующія слова: «Уже видимо кончина міра приблизилась, и урокъ житію нашему приспѣлъ, и лѣта сокращаются, сбылось уже все сказанное Госпо-

домъ: возстанеть бо языкъ на языкъ.... Говорять, что по прошествіи семи тысячъ лѣтъ пришествіе Христово будетъ⁶⁴².» Современникомъ Кирилла былъ Серапіонъ, епископъ Владимірскій, отъявъ о которомъ мы привели уже выше. Серапіонъ былъ поставленъ въ епископы митрополитомъ Кирилломъ изъ архимандритовъ Кіевскаго Печерскаго монастыря, слѣдовательно происходилъ изъ южной Руси. Серапіонъ въ своихъ словахъ также призываетъ къ покаянію, указывая на страшныя бѣдствія, тяготящія надъ Русью и возвѣщающія послѣднее время. Особенно замѣчательно изъ словъ его то, гдѣ онъ вооружается противъ упомянутой выше привычки приписывать общественныя бѣдствія вѣдмамъ и губить ихъ за это: «Я было короткое время порадовался, дѣти, видя вашу любовь и послушаніе къ нашей худости; я сталъ-было думать, что вы уже утвердились и съ радостію принимаете Божественное писаніе. Но вы все еще держитесь поганскаго обычая, волхвованію вѣруете, и сожигаете невинныхъ людей. Если кто изъ васъ и самъ не билъ ихъ, но былъ въ сонмѣ съ другими въ одной мысли, и тотъ такой же убійца: ибо если кто могъ помочь, да не помогъ, все равно, что самъ велѣлъ убивать. Въ какихъ книгахъ, въ какихъ писаніяхъ вы слышали, что голода бываютъ на землѣ отъ волхвованія, и на оборотъ, волхвованіемъ же хлѣбъ умножается? Если вы этому вѣрите, то за чѣмъ же вы пожигаете волхвовъ? Умоляйте, почитайте ихъ, дары имъ приносите, чтобъ устроивали миръ, дождь ниспускали, тепло приводили, землѣ велѣли быть плодоносною. Теперь вотъ уже три года хлѣбъ не родится, не только на Руси, но и въ Латинскихъ земляхъ; чтожь? все эти волхвы надѣлали! Чародѣи и чародѣйки дѣйствуютъ силою бѣсовскою надъ тѣми, кто ихъ боится, а кто вѣру твердую доржитъ къ Богу, надъ тѣми они не имѣютъ власти. Скорблю о вашемъ безуміи; умоляю васъ: отступите отъ дѣлъ поганскихъ. Если хотите очистить городъ отъ беззаконныхъ людей, то очищайте какъ царь Давидъ очищалъ Іерусалимъ: онъ страхомъ Божиимъ судилъ, Духомъ Святымъ прозрѣвалъ. А вы какъ ссуждаете на смерть, будучи сами исполнены страстей? — одинъ губить по враждѣ, другой хочетъ прибытка, а иному безумному хочется только побить да пограбить, а за что бьетъ и грабитъ, того самъ не знаетъ. Правила божественныя

повелѣвають осуждать челоуѣка на смерть по выслушаніи многихъ свидѣтелей; а вы въ свидѣтели поставили воду, говорите: если начнетъ тонуть, невинна, если же поплыветъ, то вѣдьма. Но развѣ дьяволъ, видя ваше маловѣріе, не можетъ поддержать ее, чтобы не тонула, и тѣмъ ввести васъ въ душегубство? Свидѣтельство челоуѣка отвергаете, а идете къ бездушному естеству, къ водѣ, за свидѣтельствомъ!»

Митрополитъ Петръ, въ поученіи игуменамъ, священникамъ и дяконамъ, увѣщевалъ ихъ служить примѣромъ для мірянъ⁶⁴³.

Дошло до насъ поученіе Алексѣя митрополита. Дошло до насъ слово митрополита Фотія, произнесенное въ югозападной Руси въ день Благовѣщенія, по случаю освященія походной церкви Воздвиженія св. Креста, устроенной Витовтомъ для православнаго войска. Въ началѣ слова проповѣдникъ прославляетъ праздникъ Благовѣщенія: «Днесъ ангельскаго полка пѣснопѣнія о семъ праздницѣ уясняются и свѣтъ Христова пришествія вѣрныя просвѣтляетъ; днесъ тихая намъ весна — Христось, праведное солнце, свѣтлымъ свѣтомъ насъ осіяя, и вѣрныхъ мысли просвѣщаетъ, и о семъ праздницѣ днесъ Адамъ обновися и ликуеть со ангелы, на небеса возлетая... И сего жъ ради къ нынѣшнему сему честному и царскому свѣтлому торжеству страны, колѣна, языци и всяко достояніе, и все празднолюбное множество людіе пресущественіи стекшеся, нынѣ радующеся, душею и духовно да торжествуемъ сего пришедшаго днесъ праздника пѣснми богокрасными; днесъ бо» и проч. Далѣе проповѣдникъ переходитъ къ другому торжеству — обновленія и освященія храма Воздвиженія, и сначала говоритъ о томъ, съ какимъ душевнымъ расположеніемъ должно входить во храмъ, а потомъ о значеніи креста⁶⁴⁴.

Дошло до насъ и поученіе Новгородскаго владыки Симеона Псковичамъ, которое носитъ другой характеръ по вышепоказаннымъ отношеніямъ владыкъ Новгородскихъ къ ихъ Псковской паствѣ. «Благородные и христіюлюбивые честные мужи Псковичи! сами знаете, что кто честь воздаетъ своему святителю, то честь эта самому Христу приходитъ и воздающій принимаетъ отъ него мзду сторицею. И вы, дѣти, честь воздавайте своему святителю и отцамъ своимъ духовнымъ, со всякимъ покореніемъ и любовію, не пытая отъ нихъ ничего и не говоря вопреки ничего; но смо-

трите сами на себя, укоряйте и судите сами себя, плачьтесь о грѣхахъ своихъ, не пощайте чужаго, не радуйтесь бѣдамъ братіи своей, не мудруйте о себѣ и не гордитесь, но со смиреніемъ повинуйтесь отцамъ своимъ духовнымъ. Церковь Божию не обижайте, въ дѣла церковныя не вступайтесь, не вступайтесь въ земли и воды, въ суды и печать, и во всѣ пошлыны церковныя, потому что всякому надобно гнѣва Божія бояться, милость Его призывать, о грѣхахъ своихъ плакаться и чужаго не брать⁶⁴⁵.» Какъ видно, и въ описываемое время Новгородскіе владыки сохраняли въ поученіяхъ своихъ характеръ поученій стараго Луки Жидята.

Отъ митрополитовъ Кипріана и Фотія дошли до насъ прощальныя грамоты. За четыре дня до преставленія своего митрополитъ Кипріанъ написалъ грамоту по выраженію лѣтописца, незнаему и страннолѣпну, въ которой всѣхъ прощаль и благословлялъ, и самъ требовалъ отъ всѣхъ прощенія и благословенія, съ приказаніемъ — прочесть эту грамоту во всеуслышаніе, когда тѣло его будутъ класть въ гробъ, что и было исполнено⁶⁴⁶. Фотіева грамота подобна Кипріановой, только болѣе распространена въ началѣ, тамъ, гдѣ митрополитъ говоритъ о своихъ трудахъ и печаляхъ, и въ концѣ, гдѣ говорится о церковныхъ имуществвахъ⁶⁴⁷.

Митрополитъ Кипріанъ написалъ житіе предшественника своего, св. Петра⁶⁴⁸. Вотъ образецъ слога Кипріанова: «Праведницы во вѣки живутъ, и отъ Господа мзда ихъ, и строеніе ихъ отъ Вышняго, и праведникъ аще постигнетъ скончатися, въ покоѣ будетъ, и похваляему праведнику возвеселятся людіе занеже праведнымъ подобаетъ похвала. Отъ сихъ убо единъ есть, иже и нынѣ нами похваляемый священноначальникъ, и аще убо никтоже доволенъ нынѣ есть похвалити достойно его по достоинству, но паки неправедно разсудихъ, таковаго святителя вѣнецъ не украшенъ нѣкакъ оставити, аще и прежде насъ бывше и самохотіемъ преминуша, смотрѣніе и се нѣкое Божія мню и святаго дарованія, яко да и мы малу мзду приимемъ, яко же вдовица она, принесшая двѣ мѣдницы, тако и азъ убо многими деньми томимъ и привлекаимъ любовію къ истинному пастуху, и хотящи ми убо малое нѣкое похваленіе святителю принести, но свою немощь смотряющу недостижну ко онаго величеству и удерживахся, па-

ки же до конца оставити и облѣнитись тяжчайше вмѣнихъ.» Митрополитъ Θεодосій описалъ чудо, бывшее у гроба св. Алексія; онъ начинаеть свой трудъ такъ: «Свѣтло намъ днесъ позорище и чудно торжество, и просвѣщено и собрано, днесъ радостенъ праздникъ и чудеси исполненъ, праздникъ душевному спасенію потреба есть, иже всякаго ума и слова превосходитъ.... Како ли кто можетъ по достоянію доблести твоя похвалити и многа чудеса, ими же ты Богъ прославилъ? слышана же бысть чудесь твоихъ пучина, отсюду къ тебѣ различныхъ родовъ челоувѣци вѣроу влекоми течаху, якоже елени на источники водныя во время распаленія, насладитися твоихъ дарованій; ты бо душевная и тѣлесная чувствѣ свѣтло просвѣщаеши, имѣють бо въ душахъ своихъ слово, отъ сущія къ тебѣ благодати даемое любезнѣ. Азъ смиренный, видя таковая, велми удивихся, надѣющу же ми ся помощи святаго, и еже ми къ нему вѣры и любви боязни, дерзнухъ простерти смиренного ми тѣлесе руку и омочихъ мою трость въ свѣтящееся смиреніе, и дерзнулъ положить начало, еже написати великое и преславное чудо.» — Встрѣчается слово похвальное св. верховнымъ апостоламъ Петру и Павлу — твореніе Θεодосія архіепископа всея Руси⁶⁴⁹.

Изъ другихъ писателей житій святыхъ извѣстенъ Троицкій монахъ Епифаній Премудрый, написавшій службу, житіе и чудеса св. Сергія и Никона Радонежскихъ, также житіе Стефана Пермскаго. При Новгородскомъ архіепископѣ Іонѣ жилъ священникъ Пахомій, родомъ Сербъ, пришлецъ отъ Св. горы, искусный въ книжномъ сложеніи; этотъ Пахомій, по порученію Іоны описалъ чудо преподобнаго Варлаама Хутынскаго, житіе съ похвальнымъ словомъ и канонъ, также житія и службы Великому Онуфрію, св. Саввѣ Вишерскому, св. Сергію Радонежскому, Евѳимію, владыкѣ Новгородскому, Іонѣ митрополиту, св. Михаилу Черниговскому; за эти труды Іона утѣшалъ Пахомія деньгами и соболями⁶⁵⁰. Искусствомъ въ книжномъ сложеніи славился также митрополитчій дьякъ Родіонъ Кожухъ, изъ сочиненій котораго дошло до насъ сказаніе о чудѣ св. Варлаама, и сказаніе о трусѣ, бывшемъ въ 1460 году. Вотъ образецъ Родіонова искусства: «Прежде взыде подъ небесы туча на облацѣхъ и всѣмъ зрѣти, яко обычнѣ шествоваше воздухъ носимо, и тако поиде отъ юга совокупляея

облаки по аеру воздуха парящаго, по проческому словеси: собирая яко въ мѣхъ воды морскія и полагая во скровищахъ бездны: и тако поиде къ востоку солнечному на облацѣхъ, и яко уже совокушивъ свое величество, исполнены водоточнаго естества, и такъ распространися надо многими мѣсты, и бысть видѣниемъ туча грозна и велика велми.» Литовско-русскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, изученный, по словамъ лѣтописей книжной мудрости, много оставилъ проповѣдей⁶⁵¹.

И въ описываемое время сохранялся обычай странствовать ко св. мѣстамъ Цареградскимъ, Аѳонскимъ, Палестинскимъ. Такъ дошло до насъ описаніе Цареграда, сочиненное Стефаномъ Новгородцемъ въ половинѣ XIV вѣка⁶⁵². Вотъ цѣль путешествія Стефанова, какъ онъ самъ опредѣляетъ въ началѣ своего описанія: «Азъ грѣшный Стефанъ изъ Великаго Новгорода съ своими друми осмью приидохомъ въ Царьградъ поклонитися святымъ мѣстамъ, и цѣловати тѣлеса святыхъ, и помиловани быхомъ отъ Св. Софїи Премудрости Божіей.» Любопытно видѣть, какъ чудеса искусства и прочность камня поражали Русскихъ людей, привыкшихъ къ своимъ бѣднымъ и непрочнымъ зданіямъ: статуя Юстиніанова показала нашему Новгородцу вельми чудна, «аки живъ, грозно видѣти его... Суть же много и инихъ столповъ по граду стоятъ, отъ камени мрамора, много же на нихъ писанія отъ верха и до долу, писано рытією великою. Много бо есть дивитися и умъ сказати не можетъ: како бо толико лѣтъ камня того ничто не иметь?» Видимъ, что Русскіе путешественники пользовались въ Константинополѣ особеннымъ вниманіемъ со стороны правительства, гражданскаго и церковнаго: такъ царица бояринъ, видя, что Новгородцы стиснуты въ толпѣ и не могутъ пробраться къ Страстямъ Господнимъ, очистилъ имъ дорогу; патриархъ, увидѣвши Русскихъ странниковъ, подозвалъ ихъ къ себѣ, благословилъ и разговаривалъ съ ними, «понеже бо вельми любитъ Русь. О великое чудо! Колико смиреніе бысть ему, ижъ бесѣдова съ страники ны грѣшнии; не нашъ бо обычай имѣеть.» Описывая монастырь Студійскій, Стефанъ говоритъ, что изъ этого монастыря въ Русь посылали много книгъ, уставы, трїоди. Обходя другіе монастыри, Стефанъ встрѣтилъ двоихъ своихъ Новгородцевъ, Ивана и До-

брилу, которые жили въ Константинополѣ, занимаясь списываніемъ церковныхъ книгъ въ Студійскомъ монастырѣ.

Троицкій монахъ Зосима, странствовавшій по святымъ мѣстамъ въ 1420 году, такъ говоритъ о побужденіяхъ, заставившихъ его описать свое хожденіе: «Понеже глаголетъ писаніе: тайну бо цареву хранити добро есть, а дѣла Божія проповѣдати преславно есть: да еже бо не хранити царевы тайны неправедно и блазнено есть, а еже бо молчати дѣла Божія, ино бѣду наноситъ душѣ своей. Убо и азъ боюся дѣла Божія таити, воспоминаая мучу раба онаго, иже приимше талантъ Господень и въ землѣ скрытый.... Буди же и написаніе всѣмъ намъ причащающимся благословеніе отъ Бога и святаго гроба, и отъ святыхъ мѣстъ сихъ; мзду бо многу равну приимуть съ ходящими до св. града Іерусалима и видѣвшими святыя сіи мѣста. Блажени бо видѣвше и вѣровавше; треблаженіи бо не видѣвше и вѣровавше... Но Бога ради, братіе и отцы и господіе мои, сынове Русіи! Не зазрити моему худоумію и грубости моей; да nebudeтъ ми въ похуленіе написаніе се. Не меня для, грѣшнаго человѣка, но святыхъ для мѣстъ прочитайте съ любовію и вѣрою, да мзду примете отъ Бога нашего Іисуса Христа.»

Стефанъ Новгородецъ говоритъ, что войдешь въ Царьградъ какъ въ дубраву какую, и безъ добраго провожатаго ходить нельзя. Наши странники записывали безъ разбора все, что имъ говорили эти провожатые, записывали и о жабѣ, которая, по улицамъ ходя, смертію людей пожирала, а метлы сами мели: встанутъ люди рано — улицы чисты, и многое тому подобное.

Одинъ изъ спутниковъ митрополита Исидора описалъ путешествіе во Флоренцію. И здѣсь любопытны впечатлѣнія, произведенныя на Русскаго человѣка западными городами и западною природою: «Городъ Юрьевъ (Дерптъ) великъ, каменный, такихъ нѣтъ у насъ; палаты въ немъ чудныя, мы такихъ не видывали и дивились. Городъ Любекъ очень дивенъ, поля, горы вокругъ великія, сады прекрасныя, палаты чудныя съ позолоченными верхами; товара въ немъ много всякаго; воды проведены въ него, текутъ по всѣмъ улицамъ, по трубамъ, а иныя изъ столповъ, студены и сладки.» Въ монастырѣ Любскомъ путешественники видѣли муд-

рость недоумѣнную и несказанную: какъ живая стоитъ Пречистая и Спаса держитъ на рукахъ; зазвѣнить колокольчикъ—слетаетъ ангелъ сверху и сноситъ вѣнецъ, кладетъ его на Пречистую; потомъ пойдетъ звѣзда какъ по небу, и, глядя на нее, идутъ три волхва, передъ ними человекъ съ мечемъ, за ними другой съ дарами.—Въ Любекѣ же нашъ путешественникъ видѣлъ колесо на рѣкѣ, воду беретъ изъ рѣки и пускаетъ во всѣ стороны, другое колесо тутъ же, небольшое, мелетъ и сукна тчетъ. Въ Люнебургѣ поразилъ его фонтанъ: среди города столпы устроены изъ мѣди позолоченой, чудесные! у каждаго столпа люди приражены тоже мѣдные, текутъ изъ нихъ всѣхъ воды сладкія и холодныя—у инаго изъ рту, у другаго изъ уха, у третьяго изъ глаза, текутъ шибко, точно изъ бочекъ; люди эти поятъ водою весь городъ и скотъ, проведеніе водъ этихъ очень хитро и стеканіе несказанное. Въ Брауншвейгѣ удивили его крыши домовъ: крыты дома досками, изъ камня мудренаго, который много лѣтъ не рушится. Нюрнбергъ показался хитрѣ всѣхъ прежде видѣнныхъ городовъ: сказать нельзя и недомысленно. Но Флоренція лучше еще Нюрнберга: въ ней дѣлаютъ камки и аксамиты съ золотомъ, сукна scarlatныя, товару всякаго множество и садовъ масличныхъ, гдѣ дѣлаютъ деревянное масло; о колокольницѣ Флорентійской недоумѣваетъ умъ. Въ Венеціи по всѣмъ улицамъ воды и вѣзятъ на баркахъ; перковь св. Марка каменная, столпы въ ней чудные, Гречинъ писалъ мусіею. О Хорватахъ путешественникъ замѣтилъ, что языкъ у нихъ съ Руси, а вѣра Латинская. Другой спутникъ Исидора, инокъ Симеонъ Суздалецъ, составилъ описаніе Флорентійскаго собора: «Повѣсть инока Симеона іерея Суздальца, како Римскій папа Евгеній составлялъ осьмый соборъ съ своими единомысленники.» Симеонъ не былъ доволенъ поведеніемъ Исидора во Флоренціи; вотъ что онъ говоритъ о своемъ сопротивленіи митрополиту и гоненіяхъ, которыя онъ за то потерпѣлъ отъ послѣдняго: «Исидоръ митрополитъ остался въ Венеціи и пересылался съ папою, да ходя по божицамъ, приклякалъ (присѣдалъ) по-фряжски, и намъ приказывалъ тоже дѣлать; но я много разъ съ нимъ за это спорилъ, и онъ меня держалъ яъ большою крѣпости. Тогда я, видя такую неправду и великую ересь, побѣжалъ въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Смоленокъ.»—Смоленскій

князь выдалъ Симеона Исидору, который посадилъ его въ темницу, въ желѣза, и сидѣлъ онъ всю зиму въ одной свиткѣ, на боу ногу, потомъ повезли его изъ Смоленска въ Москву⁶⁵³.

Продолжали переводить съ Греческаго: митрополитъ Кипріанъ перевелъ «Лѣствицу» св. Іоанна и толкованіе на нее; переводили Андрея Критскаго, Златоуста, преп. Нила, св. Исаака Сирина, преп. Максима. Впрочемъ большая часть переводовъ совершена была не въ Россіи, а на Афонѣ, въ Русскомъ Пантелеймоновомъ и Сербскомъ Хиландарскомъ монастыряхъ, переводились и сочиненія позднѣйшія, иногда ничтожныя по содержанію⁶⁵⁴. Подъ 1384 годомъ читаемъ въ лѣтописи: Того же году передано было слово святаго и премудраго Георгія Писиды—Похвала Богу о сотвореніи всякой твари. Это поэма «Міро твореніе» Георгія Писиды, митрополита Никомидійскаго, писателя VII вѣка; переводчикомъ былъ Димитрій Зоографъ⁶⁵⁵. Отъ XIV вѣка дошелъ до насъ списокъ Пчелы, сборника или антологіи, составленной по извѣстнымъ Греческимъ антологіямъ Максима Исповѣдника и Антонія Мелитсы (Пчелы); антологіи эти обыкновенно начинаются выписками изъ Евангелія, Апостола, твореній св. отцевъ и въ слѣдъ за ними идутъ выдержки изъ писателей языческихъ—Исократы, Демокрита, Ксенофонта, Платона и др.⁶⁵⁶. Изъ Болгаріи и Сербіи перешли въ Русь и сочиненія апокрифическія, разнаго рода повѣсти, особенно привлекательныя для людей, стоящихъ на той степени образованія, на какой стояли Русскіе люди въ описываемое время⁶⁵⁷. Разказы Новгородскихъ путешественниковъ подали поводъ и къ Русскому оригинальному сочиненію подобнаго рода; многіе Новгородцы разказывали, что видѣли на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, слышали скрежетъ зубный, видѣли рѣку молненную Моргъ, видѣли, какъ вода входитъ въ преисподнюю и опять выходитъ трижды въ день. Судно Новгородца Моислава прибило бурей къ высокимъ горамъ, и вотъ путешественники увидали на горѣ деисусъ, написанъ лазоремъ чуднымъ, и свѣтъ былъ на томъ мѣстѣ самосіявный, такой, что человѣку и разказать нельзя, солнца не видать, а между тѣмъ свѣтло, свѣтлѣе солнца, на горахъ слышались ликованія, веселые голоса; одинъ Новгородецъ взбѣжалъ на гору, всплеснулъ руками, засмѣялся и скрылся отъ товарищей, тоже сдѣлалъ и другой; треть-

ему привязали веревку къ ногѣ, и когда стащили его насильно съ горы, то онъ оказался мертвъ. Эти рассказы, вмѣстѣ съ извѣстіями, почерпнутыми изъ другихъ, также мутныхъ источниковъ, заставили Новгородскаго архіепископа Василій писать къ Тверскому епископу Феодору посланіе о раѣ ⁶⁵⁸.

Сказанія о Китоврасѣ и т. п. переписывались, а въ бого-служебныхъ книгахъ ощущался недостатокъ; въ житіи св. Дмитрія Прилуцкаго говорится, что братія жаловались ему на недостатокъ книгъ; во Псковѣ не было настоящаго церковнаго права, митрополитъ Кипріанъ посылалъ туда уставъ службы Златоустаго и Василія, чинъ крещенія и вѣнчанія; въ списки врывались разности, искаженія: тотъ же митрополитъ Кипріанъ писалъ, что въ толстыхъ сельскихъ сборникахъ много ложнаго, посяннаго еретиками на соблазнъ невѣждамъ, наприм. молитвы о трисавицахъ ⁶⁵⁹.

Что касается литературы свѣтской, то до насъ дошли отъ описываемаго времени историческія пѣсни, сказанія и лѣтописи. Изъ первыхъ дошла пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ, замѣчательная по взгляду на Татаръ, и на поведеніе ханскихъ баскаковъ въ Руси. Ханъ Узбекъ, творящій судъ и расправу, изображается такъ: «Сидитъ тутъ Азвякъ — суды разсуживаетъ, я ряды разряживаетъ, костью размахиваетъ по бритымъ тѣмъ усамъ, по Татарскимъ тѣмъ головамъ.» Узбекъ жалуется своимъ родственникамъ Русскими городами, не жалуется одного Щелкана, потому что тотъ находится въ отсутствіи, въ землѣ Литовской, гдѣ «бралъ онъ дани, не выходы, царскіе невыплаты, съ князей бралъ по сту рублевъ, съ бояръ по пятидесяти, съ крестьянъ по пяти рублевъ, — у котораго денегъ нѣтъ, у того дитя возьметъ, у котораго дитя нѣтъ, у того жену возьметъ, у котораго жены-то нѣтъ, того самого головой возьметъ.» Возвратившись въ Орду, Щелканъ проситъ Узбека пожаловать его Тверью старою, Тверью богатою; Узбекъ соглашается, но съ условіемъ, чтобъ Щелканъ прежде закололъ любимаго своего сына, нацѣдилъ чашу горячей крови и выпилъ бы ее. Щелканъ исполняетъ условіе, и пріѣзжаетъ въ Тверь судьей: «А немного онъ судьей сидѣлъ: и вдовы-то безчестити, красны дѣвицы позорити, надо всѣмъ наругатися, надъ домами насмѣхатися.» Тверичи прине-

сли жалобу своимъ князьямъ, которые называются братьями Борисовичами, и потомъ пошли съ поклономъ и подарками къ Щелкану, тотъ загордился, повздорилъ съ Тверичами, которые и растерзали его⁶⁶⁰.

Содержаніе украшенныхъ сказаній составляютъ подвиги самыхъ знаменитыхъ князей, самыя важныя событія въ жизни народной, счастливыя или бѣдственныя. наконецъ событія, особенно поразившія воображеніе современниковъ какими-нибудь чудесными обстоятельствами. Если прежде содержаніемъ историческихъ пѣсенъ и словъ служили подвиги князей и богатырей противъ Печенѣговъ и Половцевъ, то мы должны ожидать, что въ описываемое время это содержаніе будетъ заимствовано изъ борьбы съ Татарами, смѣнившими Половцевъ. На западъ, для Новгорода и Пскова, шла также опасная борьба со Шведами, Ливонскими Нѣмцами и Литвою; въ этой борьбѣ прославились два князя — Александръ Новгородской и Довмонтъ Псковскій, и вотъ мы видимъ, что подвиги ихъ служатъ предметомъ особенныхъ украшенныхъ сказаній.

Сочинитель сказанія о Великомъ Князѣ Александрѣ былъ современникъ и приближенный человекъ къ своему герою: самъ Александръ рассказывалъ ему о подробностяхъ Невской битвы. Мы уже воспользовались прежде этими подробностями; теперь же приведемъ начало сказанія въ образецъ слога: «О Велицѣмъ Князѣ нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ и кроткомъ и смысловомъ, о храбромъ, тезоименитомъ царя Александра Македонскаго, подобниѣ царю Алевхысу (Ахиллесу) крѣпкому и храброму. сице бысть повѣсть о немъ. О Господѣ Бозѣ нашемъ, азъ худый и грѣшный и малосмысленный покушаюся написати житіе святаго и Великаго Князя Александра Ярославича, внука Великаго Князя Всеволода. Понеже слышахомъ отъ отецъ своихъ, и самовидецъ есмь възраста его, и радъ быхъ исповѣдалъ святое и честное житіе его славное; но якоже Приточникъ рече: въ злехитру душу не видеть мудрость .. Аще грубъ есмь умомъ, но молитвою св. Богородице и поспѣшеніемъ св. Великаго Князя Александра начатокъ положю. Сей бѣ Князь Великій Александръ Богомъ роженъ отъ отца боголюбива и мужелюбца, паче и кротка, Великаго Князя Ярослава Всеволодича и отъ матери святаго Ве-

дикіе Княгини Феодосіи. Якоже рече Исаія пророкъ: тако глаголетъ Господь: князи азъ учиняю, священни бо суть, азъ вожу я въ-истпну; безъ Божія повелѣнія не бѣ княженіе его. И възрастъ его паче инѣхъ челоуѣкъ, гласъ его яко труба въ народѣ, лице же его бѣ яко Юсифа Прекраснаго, сила же его бѣ вторая часть отъ силъ Самсоня; и далъ ему бѣ Богъ премудрость Соломону, храбрость же яко царя Римскаго Еуспасьяна.» — Сказаніе о благоуверномъ князѣ Домонтѣ и о храбрости его отличается большею простотою.

Къ борьбѣ Новгорода со Шведами относится также любопытный литературный памятникъ — Рукописаніе Магнуша, короля Свѣйскаго. Мы видѣли, что Шведскій король, Магнусъ Ерихсонъ, предпринималъ крестовый походъ противъ Новгорода; походъ этотъ, грозившій сначала большою опасностію Новгородцамъ, не удался; въ отечествѣ Магнуса ждали бѣдствія: сначала онъ долженъ былъ вести войну съ родными сыновьями, потомъ былъ свергнутъ съ престола вельможами, которые провозгласили королемъ племянника его отъ сестры, Албрехта Мекленбургскаго; Магнусъ былъ взятъ въ плѣнь, освобожденъ только черезъ пять лѣтъ, и кончилъ жизнь въ Норвегіи въ 1374 году. Эти извѣстія о плачевной судьбѣ короля, который грозилъ такую опасностію православію, были причиною появленія въ Новгородѣ «Магнушева рукописанія,» которое начинается обыкновенною формою Русскихъ завѣщаній: «Я, Магнусъ, король Шведскій, нареченный во св. крещеніи Григорій, отходя отъ свѣта сего, пишу рукописанье при своемъ животь, и приказываю своимъ дѣтямъ, своей братьѣ и всей землѣ Шведской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи, потому что намъ не удастся.» Слѣдуетъ исчисленіе неудачныхъ Шведскихъ походовъ на Русь, отъ Биргерова до Магнусова: «Послѣ похода моего, продолжаетъ Магнусъ, нашла на нашу землю Шведскую погибель, потопъ, морь, голодъ и междоусобная брань. У меня самого отнялъ Богъ умъ, и сидѣлъ я цѣлый годъ задѣланъ въ полатѣ, прикованъ на цѣпи; потомъ пріѣхалъ сынъ мой изъ Мурманской (Норвежской) земли, вынулъ меня изъ палаты и повезъ въ свою землю Мурманскую. Но на дорогѣ опять поднялась буря, потопила корабли и людей моихъ, самого меня вѣтеръ носилъ три дня и три ночи, наконецъ

принесъ подь монастырь св. Спаса въ Полную рѣку; здѣсь монахи сняли меня съ доски, внесли въ монастырь, постригли въ чернецы и схиму, послѣ чего живу я три дня и три ночи: а все это меня Богъ казнилъ за мое высокоуміе, что наступалъ на Русь вопреки крестному цѣлованію. Теперь приказываю своимъ дѣтямъ и братьямъ: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ, и огонь, и вода, которыми я былъ казненъ; а все это сотворилъ мнѣ Богъ къ моему спасенію⁶⁶¹».

Сказанія, относящіяся къ борьбѣ съ Татарами, начинаются Рязанскимъ сказаніемъ о Батыевѣ нашествіи. Заслышавъ приходъ безбожнаго царя Батыя, Великій Князь Рязанскій Юрій Игоревичъ послалъ за своими родственниками, за княземъ Олегомъ Игоревичемъ Краснымъ, Давыдомъ Игоревичемъ Муромскимъ, за сыномъ своимъ, княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ, за Пронскимъ княземъ Всеволодомъ и за прочими князьями мѣстными, боярами и воеводами. Князья рѣшили на совѣтѣ послать князя Ѳедора Юрьевича съ дарами къ Батыю, чтобы не воевалъ Рязанской земли. Князь Ѳедоръ отправился и былъ принятъ ласково Батыемъ; но тутъ одинъ вельможа Рязанскій шепнулъ хану, что у Ѳедора жена красавица; Татаринъ сталъ добиваться, чтобы Ѳедоръ показалъ ему жену свою; но тотъ отвѣчалъ: «когда насъ одолѣешь, то и жеванами нашими владѣть будешь.» Батый велѣлъ убить Ѳедора; жена его Евпраксія стояла вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ на превысокихъ хоромахъ, когда одинъ изъ дядекъ Ѳедоровыхъ явился къ ней съ вѣстію о гибели мужа; услыхавъ эту вѣсть, княгиня вмѣстѣ съ сыномъ бросилась съ хоромъ на землю, и убились до смерти. Тогда князь Юрій выступилъ съ братьею противъ Татаръ, и произошла съча злая и ужасная: одинъ бился съ тысячами, двое со тьмами. Первый палъ князь Давидъ Игоревичъ; тогда князь Юрій вскричалъ въ горести души своей: «Братія моя милая, дружина ласковая, узорочье и воспитаніе Рязанское! мужайтесь и крѣпитесь!» Удальцы и рѣзвцы Рязанскіе бились крѣпко и нещадно, такъ что земля стонала, наконецъ сильныя полки Татарскіе одолѣли, князья были всѣ перебиты, кромѣ одного Олега Игоревича, который попался въ плѣнъ, бранью отвѣчалъ на убѣжденія Батыя отатариться, и былъ разсѣченъ на части; Рязань взята, вся земля Рязанская опусто-

шена. Тогда является вельмажа Рязанскій, Ипатій Коловратъ, бывшій все это время въ Черниговѣ, гдѣ бралъ дань на Великаго князя Рязанскаго (?). Ипатій собралъ 1700 человекъ дружины и нечаянно ударилъ на Татаръ, которыхъ началъ съчь безъ милости. Батый испугался; когда привели къ нему пятерыхъ плѣнныхъ, то онъ спросилъ ихъ: «Какой вы вѣры, изъ какой земли? зачѣмъ мнѣ такъ много зла надѣлали?» Плѣнники отвѣчали: «Мы вѣры христіанской, рабы Великаго Князя Георгія Игоревича, изъ полку Ипатія Коловрата, посланы отъ князя Игоря Игоревича Рязанскаго тебя, сильнаго царя, почтить и честно проводить; не сердись, государь, что не успѣваемъ чашъ наливать на великую силу Татарскую.» Батый подивился отвѣту ихъ мудрому, и послалъ шурина своего Таврула на Ипатія съ полками сильными. Таврулъ похвалился, что приведетъ Ипатія живаго, но вмѣсто того самъ былъ разсѣченъ по поламъ Ипатіемъ. Тогда Татары навели на этого крѣпкаго исполина множество саней съ нарядомъ (?), и тутъ едва одолѣли. Когда трупъ Ипатія принесли къ Батыю, то ханъ сказалъ: «Ну, братъ Ипатій! гораздо ты меня потчивалъ, съ малою дружиною многихъ богатырей побилъ; если бы ты у меня такую службу служилъ, то держалъ бы я тебя противъ своего сердца.» Князь Игорь Игоревичъ былъ въ это время въ Черниговѣ, у тамошняго князя Михаила Всеволодовича. Возвратясь въ родную землю, онъ началъ хоронить трупы, и такъ плакалъ надъ побитою братьею: «Возопи горкнми гласомъ, велики ревыи, слезы отъ очію изпущающи яко струю силну, утробою располающи, въ перси рукама бьющи и гласомъ же яко труба рати повѣдающимъ, яко органъ сладко вѣщающе И рече сице: почто не промолвите ко мнѣ цвѣте мои, и прекрасніи виногради мои многоплодніи уже не подасте сладость души моея; кому приказываете мя, солнце мое драгое рано заходящія, мѣсяць мой красной скоропогибшіи, звѣзды восточны почто рано зашли есте» и проч. ⁶⁶² »

Составилось сказаніе и о смерти Батыя. Батый вошелъ въ Венгрію, и осадилъ городъ Варадинъ, стоящій среди земли Венгерской; около этого города мало простыхъ деревьевъ, но все деревья виноградныя. Среди города стоялъ столпъ высокой каменный, на столпѣ укрывался король Влаславъ или Владиславъ,

король Венграмъ, Чехамъ и Нѣмцамъ и всему поморью. Были Венгры прежде въ православіи, потому что приняли крещеніе отъ Грековъ; но не успѣли на своемъ языкѣ грамоты сложить, и сосѣдніе Римляне присоединили ихъ къ своей ереси. И король Владиславъ повиновался Римской церкви до тѣхъ поръ, пока не пришелъ къ нему св. Савва, архіепископъ Сербскій, который обратилъ его къ Греческому закону; но Владиславъ исповѣдывалъ этотъ законъ тайно, боясь возстанія отъ Венгровъ. И вотъ когда Батый осадилъ Варадинъ, Владиславъ не шлъ, не ѣлъ, все молилъ Христа Бога, да предложитъ гнѣвъ на милость. Однажды онъ увидѣлъ со столпа, что сестра его бѣжала къ нему въ городъ, но была перехвачена Татарами и отведена къ Батыю. Съ тѣхъ поръ Владиславъ началъ еще усерднѣе молиться: слезы текли изъ глазъ его какъ быстрыны рѣчныя, и гдѣ падали на мраморъ, проходили насквозь, такъ что и теперь видны скважины на мраморахъ. И вотъ является къ нему какой-то человекъ, свѣтлый и страшный, и говоритъ ему: «ради слезъ твоихъ даетъ тебѣ Богъ побѣду надъ Батыемъ; ступай сейчасъ же на него.» Вѣстникъ исчезъ; но у башни стоялъ конь осѣдланый, ни кѣмъ не держимый, и на конѣ сѣкира. Владиславъ немедленно сѣлъ на коня, взявъ сѣкиру въ руки, и повелъ дружину свою на станъ Батыевъ, а у Батыя тогда было мало войска, потому что всѣ Татары его разошлись въ загомы. Находившіеся въ станѣ Татары побѣжали предъ Владиславомъ; побѣжалъ и самъ Батый съ сестрою королевскою; но былъ настигнутъ Владиславомъ, который самъ оразился съ нимъ. Королевна стала помогать Батыю; тогда Владиславъ возопилъ къ Богу о помощи, одолѣлъ Батыя, и убилъ его вмѣстѣ съ сестрою своею. Венгры расположились въ станѣ Батыевомъ и хватали Татаръ, возвращавшихся изъ загоновъ: добычу отнимали, самихъ предавали смерти, но кто хотѣлъ креститься, тѣхъ оставляли въ живыхъ. И на память послѣдному роду воздвигнуто было на родовомъ столпѣ изваяніе: сидитъ король Владиславъ на конѣ, въ рукѣ держитъ сѣкиру, которою убилъ Батыя и сестру свою⁶³. Въ основѣ сказанія лежитъ истинное происшествіе — пораженіе Татаръ при осадѣ Ольмюца Чешскимъ воеводою, Ярославомъ Штернбергскимъ; и по Чешскому поэтическому преданію отъ руки Ярослава погибъ въ битвѣ сынъ хана Кублай. Нѣтъ сомнѣ-

нія, что сказаніе это составилось на югѣ и принесено къ намъ на сѣверъ извѣстнымъ Сербомъ, Пахоміемъ Логоетомъ⁶⁶.

Великое событіе, которымъ началось освобожденіе сѣверо-восточной Руси отъ Татаръ, — Куликовская битва не могла остаться безъ особеннаго описанія. И дѣйствительно составилось первоначальное сказаніе, вполне сходное по характеру своему съ сказаніемъ объ Александрѣ Невскомъ, проникнутое религиознымъ чувствомъ, въ слѣдствіе чего приводятся въ полнотѣ молитвы, которыя произноситъ главное дѣйствующее лице, помѣщены благочестивыя разсужденія и восклицанія самаго писателя; при описаніи самаго дѣла нѣтъ подозрительныхъ подробностей. Въ такомъ видѣ первоначальное сказаніе внесено въ нѣкоторыя летописи⁶⁵; оно начинается такъ: «Прииде Ордынскій князь Мамай съ единомысленники своими, и съ всеми прочими князми Ордынскими, и съ всею силою Татарскою и Половецкою, и еще къ тому рати понаимовавъ, Бесермены, и Армены, и Фрязи, Черкасы, и Ясы, и Буртасы; также съ Мамаемъ вкупѣ въ единомыслии въ единой думѣ и Литовскій Ягайло со всею силою Литовскою и Лятскою, съ нимъ же въ одиначествѣ Олегъ Ивановичъ, князь Рязанскій, съ воими сими сѣвѣтники поиде на Великаго Князя Дмитрея Ивановича и на брата его Володимера Андреевича. Но хотя человеклоубивый Богъ спасти и свободити родъ крестьянскій, молитвами Пречистыя Его Матере, отъ работы Имамлтескія, отъ погананаго Мамаю, и отъ сонма нечестиваго Ягайла, и отъ велерѣчиваго и худаго Олга Рязанскаго, не снабдѣвшаго своего крестьянства; и придетъ ему день великій Господень въ судъ аду. Окаянный же Мамай разгордѣвся мнѣвъ себе аки царя, начать злый сѣвѣтъ творити, темныя своя князи поганыя звати; и рече имъ: поидемъ на Рускаго князя и на всю силу Рускую, якоже при Батыи было, крестьянство потеряемъ, и церкви Божія поपालимъ, и кровь ихъ прольемъ, и законы ихъ погубимъ, сего ради нечестивый люте гнѣвашеся о своихъ друзѣхъ и любовницѣхъ о князѣхъ избьеныхъ на рѣцѣ на Вождѣ.» Вотъ описаніе самой битвы: «Съступишася обои силы великыя на долгъ часъ вмѣстѣ, и покрыша поле полки, яко на десяти веретъ отъ множества вой: и бысть сѣча велика и брань крѣпка, и трусь великъ зѣло, яко отъ начала міру не бывала сѣча тако-

ва великимъ княземъ Русьскимъ. Біющимъ же ся имъ отъ шестаго часа до девятого, и проліяся кровь акы дождевая туча обонихъ, и крестіянъ и Татаръ, и множество много безчислено падоша трупія мертвыхъ обонихъ... И рече къ себѣ Мамай: власи наши растерзаются, очи наши не могутъ огненныхъ слезъ испущати, языци наши связуются, гортани пересыхаютъ, сердце раставааетъ, и чресла ми протерзаются» и проч.

Но событіе было такъ велико, такъ сильно всѣхъ занимало, что однимъ сказаніемъ не могли ограничиться. О подобныхъ событіяхъ обыкновенно обращается въ народѣ много разныхъ подробностей, вѣрныхъ и не вѣрныхъ; подробности вѣрныя, съ теченіемъ времени, переходя изъ устъ въ уста, искажаются, перемѣшиваются имена лицъ, порядокъ событій; но такъ какъ важность событія не уменьшается, то является потребность собрать всѣ эти подробности и составить изъ нихъ новое украшенное сказаніе; при переписыванія его вносятся новыя подробности. Это втораго рода сказаніе отличается отъ перваго преимущественно большими подробностями, вѣроятными, подозрительными, явно невѣрными. Но до насъ дошелъ еще третій родъ сказанія о Куликовской битвѣ, Слово о Великомъ Князѣ Дмитрѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимѣрѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамаѣ⁶⁶, написанное явно по подражанію древнему южно-Русскому произведенію, слову о Полку Игоревѣ⁶⁷. Авторъ этого «Слова о Дмитріи» говоритъ, что онъ написалъ жалость и похвалу Великому Князю Дмитрію Іоанновичу и брату его, чѣмъ выражаетъ взглядъ современниковъ на Куликовскую битву, представлявшуюся имъ съ одной стороны событіемъ славнымъ, съ другой бѣдственнымъ, въ слѣдствіе страшнаго урона убитыми съ Русской стороны. Въ краткомъ сказаніи вовсе не говорится о пораженіи Русскихъ полковъ въ началѣ; по его словамъ, битва происходила съ одинакимъ успѣхомъ для той и другой стороны: «Много Руси біено отъ Татаръ, и отъ Руси Татаръ, и паде тругъ на тругъ, а индѣ видѣти Русинъ за Татариномъ гонится, а Татаринъ Русина състигаше. Мнози же небывальцы Москвичи устрашишася и живота отчаяшася, а иные сыны Агарины на побѣгъ возвратишася отъ клича великаго и зря злаго убійства.» Послѣ этого авторъ извѣщаетъ

о поражении Татаръ, не приводя никакой земной причины, склонившей побѣду на сторону Русскихъ, указывая только на одну небесную помощь: «По сихъ же въ 9 часъ дни, призръ Господь милостивыма очима на Великаго Князя Дмитрія Ивановича и на всѣ князи Русьскыя, и на крѣпкія воеводы и на всѣ христіяны, и не устрашишася христіяне, дерзнуша яко велиции ратници. Видѣша вѣрнии, яко въ 9 часъ бующеся, ангели помогающе христіяномъ, и свв мученикъ полкъ, и воина великаго Христова Георгія, и славнаго Дмитрія, и Великихъ Князей тезоименитыхъ Бориса и Глѣба, въ нихъ же бѣ воевода свершеннаго полка небесныхъ силъ великій Архистратигъ Михаилъ: видѣша поганіи полци двои воеводы, тресолнечныя полкъ и пламенныя ихъ стрѣлы, яже идутъ на нихъ; безбожнии же Татарове отъ страха Божія и отъ оружія христіанскаго падаху. Взнесе Богъ десницею Великаго Князя Дмитрія Ивановича на побѣду иноплеменикъ. Безбожный же Мамай со страхомъ вострепетавъ и проч. Въ странномъ сказаніи говорится, что Татары вездѣ одолѣли; но что тутъ внезапный ударъ изъ засады свѣжихъ силъ, подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и воеводы Волинскаго, рѣшилъ дѣло въ пользу Русскихъ. Наконецъ въ третьемъ, по преимуществу поэтическомъ словѣ, говорится также о поражении Русскихъ въ началѣ, почему и первая часть сочиненія является какъ жалость: «На томъ полѣ сильныя тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молынии и загремѣли грома величьи; то ти ступишася Русскіе удалцы съ погаными Татарамы за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильныя доспѣхи злаченые, а гремѣли князи Русскіе мечьми булатными о шеломы хяновскіе. А билися изъ утра до полудни въ субботу на Рожество Св. Богородицы. Не тури возгремѣли у Дунаю великаго на полѣ Куликовѣ, и не тури побѣждены у Дунаю великаго; но посѣчени князи Рускіе и бояры и воеводы Великаго Князя Дмитрея Ивановича, побѣждены князи Бѣлозерстїи отъ поганыхъ Татаръ, Ѳедоръ Семеновичъ, да Семень Михайловичъ, да Тимоѳей Валуевичъ, да Андрей Серкизовичъ, да Михайло Ивановичъ : иная многая дружина Пересвѣта чернца, Брянскаго боярина, на суженое мѣсто привели. Восплакашася всѣ княгини и боярыни и вси воеводскіе жены о избѣнныхъ...» Послѣ этого плача женъ авторъ переходитъ къ

похвалѣ, къ побѣдѣ, и здѣсь, полусогласно съ пространнымъ сказаніемъ, выставляетъ князя Владиміра Андреевича, который увѣщаетъ брата, Великаго Князя, наступить на Татаръ, тотъ двигается-и побѣда одержана: «Того же дни въ субботу на Рождество Св. Богородицы иссѣкша христіана поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Напрядѣ; и нюкнувъ Князь Великій Владимиръ Андреевичъ гораздо, и скакаше въ полцѣхъ поганыхъ въ Татарскихъ, а злеченымъ тымъ шеломомъ посвѣчиваетъ, а скакаше со всѣмъ своимъ войскимъ, и загремѣли мечьми булатными о шеломы хиновскіе. И восхваляетъ брата своего Великаго Князя Дмитрея Ивѣновича: свои полки понужай... уже бо поганые Татары поля поступаютъ, а храбрую дружину у насъ истеряли, а въ трупы человекы борзи кони не могутъ скочити, а въ крови по колѣна бродятъ, а уже бо, брате, жалостно видѣти кровь крестьянская. И Кн. Вел. Дмитрей Ивановичъ рече своимъ боярамъ: братія бояра и воеводы и дѣти боярскіе; то ти ваши Московскіе сладкіе меды и великіе мѣста⁶⁶⁸, туто добудете себѣ мѣста и своимъ женамъ, туто, брате, стару помолодѣтъ, а молодому чести добыть. И рече Кн. Вел. Дмитрей Ивановичъ: Господи Боже мой! на тя уповахъ да не постыжуся въ вѣкъ, ни да посмѣются враги моя; и помолися Богу и Пречистой Его матери и всѣмъ святымъ Его, и прослезися горько, и утеръ слезы. И тогда аки соколы борзо полетѣли. И посказиваетъ князь Вел. Дмитрей Ивановичъ и проч.

Таковы источники, которыми долженъ пользоваться историкъ при описаніи Куликовской битвы. Въ какое время составились эти сказанія, мы не знаемъ; на одномъ спискѣ пространнаго сказанія означено, что оно составлено Рязанцемъ, іереемъ Софроніемъ⁶⁶⁹; въ одной лѣтописи⁶⁷⁰ онъ названъ Софоніемъ Рязанцемъ, Брянскимъ бояриномъ; авторъ поэтическаго слова поминаетъ Рязанца Софонія, какъ своего предшественника въ сочиненіи похвалъ Великаго Князя Дмитрія.

Нашествіе Тохтамыша на Москву послужило также предметомъ особаго сказанія: «О Московскомъ взятіи отъ царя Тактамыша и о плѣненіи земля Русьскыя⁶⁷¹.» Это сказаніе носитъ такой же характеръ, какъ и краткое сказаніе о Куликовской битвѣ, но отличается отъ него большею простотою и обстоятельно-

стію разказа. Извѣстія о Тамерлановомъ нашествіи вошли въ «Повѣсть преславнаго чудеси отъ иконы Пречистыя Богородицы, еже нарицается Владимірская⁶⁷².» Здѣсь говорится о Тамерланѣ, что онъ родился между Заяицкими Татарами, въ Самаркандской странѣ, былъ простой, сѣдлый челоуѣкъ, ремесломъ кузнецъ, нравомъ хищникъ, ябедникъ и воръ. Въ молодости укралъ онъ овцу, хозяйннъ которой переломилъ ему за это ногу и бедру; но Тамерланъ оковалъ себѣ ногу желѣзомъ, отъ чего и былъ прозванъ Желѣзнымъ Хромцемъ, Темиръ-Аксакомъ. Къ выходу изъ Русскихъ владннй побудилъ его сонъ, въ которомъ явилась ему на воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ, воспрепавшая ему идти далѣе на Русскую землю. Особое сказаніе о битвѣ Русскихъ подъ Рязанью съ Татарами внесено въ лѣтопись подъ заглавіемъ Повѣсти о Мустафѣ царевичѣ⁶⁷³. Битва на Ворсклѣ послужила предметомъ также особому сказанію⁶⁷⁴.

Если столкновенія съ Татарами вообще, и битва Куликовская въ особенноти, возбуждали сильное вниманіе народа, вслѣдствіе чего являлись разнаго рода сказанія объ нихъ, то не удивительно, что жизнь того князя, который впервые вывелъ Русскіе полки противъ Татаръ и побѣдилъ, стала предметомъ украшеннаго сказанія. Въ этомъ сказаніи О житіи и преставленіи Великаго Князя Дмитрія Ивановича, Царя Русьскаго⁶⁷⁵. мы не должны искать подробныхъ извѣстій о подвигахъ Донскаго; сказаніе это есть не иное что, какъ похвальное слово, касающееся почти исключительно нравственной стороны. Авторъ начинаетъ съ происхожденія своего героя, потомъ говоритъ о его душевныхъ качествахъ, которыми онъ отличался въ молодости, когда принялъ правленіе: «Еще же младъ сый возрастомъ, и о духовныхъ прилежа дѣлесѣхъ, и пустошныхъ бесѣдъ не твораше, и срамныхъ глаголѣ не любляше, злонравныхъ челоуѣкъ отвращашеся, а съ благыми всегда бесѣдоваше, божественныхъ писаній всегда со умиленіемъ послушаше, о церквахъ Божіихъ велими печашеся, а стражбу земли Русьскыя мужествомъ своимъ держаше, злобою отроча обрѣташеся, а умомъ свершенъ всегда бываше, ратнымъ же всегда въ бранехъ страшенъ бываше, и многы враги, встающа на ны, побѣди, и славный градъ свой Москву стѣнами чудными огради, и во всемъ мѣрѣ славенъ бысть, яко

кедръ въ Ливанѣ умножися и яко финикъ въ древесѣхъ процвѣте.»—Далѣе говорится о женитьбѣ Дмитрія, послѣ чего слѣдуютъ извѣстія о двухъ побѣдахъ надъ Татарами, при Вождѣ и на Куликовѣ полѣ. Походъ Мамаю авторъ приписываетъ зависти людей, окрестъ живущихъ, къ Дмитрію, говорить, что лукавые совѣтники, которые христіанскую вѣру держатъ, а поганскія дѣла творять, начали внушать Мамаю: «Великій Князь Дмитрій Московскій называетъ себя царемъ Русской земли, онъ честнѣе тебя славою, и противится твоему царству.» Мамаю объявилъ своимъ вельможамъ, что идетъ на Русь съ тѣмъ; чтобъ ввести туда магометанскую вѣру вмѣсто христіанской. Куликовская битва описывается кратко въ общихъ выраженіяхъ. Упомянувши о побѣдахъ Вождской и Куликовской, авторъ обращается опять къ нравственнымъ достоинствамъ Дмитрія, которыя выставляетъ съ тою цѣлію, чтобъ цари и князья научились подражать ему. Описавши цѣломудріе, воздержаніе, благочестіе Дмитрія, авторъ переходитъ къ описанію его кончины, говорить объ увѣщаніяхъ его сыновьямъ, боярамъ, о распредѣленіи волостей между сыновьями. Описывается плачь Великой Княгини Евдокии, которая такъ причитала: «Почто не промолвиши ко мнѣ, цвѣте мой прекрасный? что рано увядаеши? винограде многоплодный, уже не подаси плода сердцу моему и сладости души моей; солнце мое, рано заходиши; мѣсяць мой прекрасный, рано погыбаеши; звѣздо восточная, почто къ западу грядеши?» и проч. Описавши погребеніе Великаго Князя, авторъ продолжаетъ: «О страшно чудо, братіе, и дива исполнено: о трепетное видѣніе и ужасъ обдержаше! Слыши небо и вѣуши земле! Какъ възпишу или како възглаголю о преставленіи сего Великаго Князя? отъ горести души языкъ связется, уста загражаются, гортань премолакаетъ, смыслъ измѣняется, зракъ опускается, крѣпость изнѣмогаетъ; аще ли премолю нудить мя языкъ яснѣе рещи.» Слово оканчивается обычнымъ прославленіемъ героя, въ видѣ уподобленія его другимъ знаменитымъ лицамъ священной и гражданской исторіи; это прославленіе оканчивается также извѣстнымъ образомъ: «Похваляютъ бо царя Константина Гречьская земля, Володимера Кіевская со окрестными грады; тебе же, Великій Князь Дмитрей Ивановичь, вся Руськая земля.»—Надобно замѣтить, что это похвальное сло-

во есть самое блестящее литературное произведеніе, какое только дошло до насъ отъ описываемаго времени.

По образцу похвального слова Дмитрію Донскому воставлена повѣсть о житіи соперника его, Михаила Александровича Тверскаго, только написана эта повѣсть гораздо проще. Въ одной лѣтописи сказано, что она составлена по приказанію князя Боржса Тверскаго ⁶⁷⁵.

Уже выше было сказано о характерѣ лѣтописи сѣверной, и собственно сѣверовосточной, о различіи ея отъ лѣтописи южной. Тяжель становится для историка его трудъ въ XIII и XIV вѣвѣ, когда онъ остается съ одною сѣвѣрною лѣтописью; появленіе грамотъ, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается, даетъ ему новый, богатый матеріалъ, но все не восполняетъ того, о чемъ молчатъ лѣтописи, а лѣтописи молчатъ о самомъ главномъ, о причинахъ событій, не даютъ видѣть связи явленій. Нѣтъ болѣе живой, драматической формы разказа, къ какой историкъ привыкъ въ южной лѣтописи; въ сѣверной лѣтописи дѣйствующія лица дѣйствуютъ молча; воюють, мирятся: но ни сами не скажутъ, ни лѣтописецъ отъ себя не прибавитъ, за что они воюють, въ слѣдствіе чего мирятся; въ городѣ, на дворѣ княжескомъ ничего не слышно, все тихо; все сидятъ запершись и думаютъ думу про себя; отворяются двери, выходятъ люди на сцену, дѣлають что-нибудь, но дѣлають молча. Конечно, здѣсь выражается характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія, котораго дѣйствующія лица являются представителями: лѣтописецъ не могъ выдумывать рѣчей, которыхъ онъ не слышалъ; но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что самъ лѣтописецъ не разговорчивъ, ибо въ его характерѣ отражается также характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія; какъ современникъ, онъ зналъ подробности любопытнаго явленія, и однако записалъ только, что «много нѣчто нестроеніе бысть.»

До сихъ поръ, называя сѣверную лѣтопись общимъ именемъ Суздальской, мы разсматривали ее въ противоположности съ южною лѣтописью вообще. Но разсматривая южную лѣтопись, мы замѣтили, что, въ позднѣйшихъ сборникахъ, она слагается изъ разныхъ мѣстныхъ лѣтописей—Кіевской, Вольнской, Черниговской или Сѣверской. Теперь, приступая къ подробнѣйшему раз-

смотрящую съверной лѣтописи, мы должны рѣшить вопросъ: не повторяется ли и здѣсь то же самое явленіе? Взглянемъ на извѣстія о съверныхъ событіяхъ по Лаврентьевскому списку лѣтописи. Мы уже видѣли, что въ разсказѣ о убіеніи Андрея Боголюбскаго находится ясное свидѣтельство, что разсказъ этотъ написанъ при Всеволодѣ III и въ его владѣніяхъ; въ разсказѣ о событіяхъ по смерти Боголюбскаго, въ словахъ: «не хотящихъ намъ добра, завистью граду сему», обозначается лѣтописецъ именно Владимірскій; подъ 1180 и 1185 годами находимъ тѣже признаки. Потомъ мы замѣчаемъ особенную привязанность лѣтописца къ старшему сыну Всеволода III, Константину; эта особенная привязанность видна изъ разсказа о томъ, какъ этотъ князь отправлялся въ Новгородъ, о томъ, какъ онъ возвратился изъ Новгорода, о встрѣчѣ его съ отцемъ въ Москвѣ; видна изъ умолчанія о поведеніи Константина передъ смертію отцовскою. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ изумляетъ сперва умолчаніе о подробностяхъ вражды между Всеволодовичами, о Липецкой битвѣ; но если предположить, что лѣтопись составлена приверженцемъ Константина, но послѣ его смерти, когда, въ слѣдствіе новыхъ отношеній, въ интересахъ самихъ дѣтей Константиновыхъ не нужно было напоминать дядѣ ихъ Юрію о Липецкой битвѣ, то мы поймемъ смыслъ этого краткаго извѣстія о враждѣ Всеволодовичей, этого старанія указать преимущественно на великую любовь, которая послѣ того начала господствовать между братьями. Подробности о предсмертныхъ распоряженіяхъ Константина, пространная похвала ему, упоминованіе, что въ 1221 году погорѣлъ городъ Ярославль, но дворъ княжій остался цѣлъ молитвою добраго Константина—утверждаютъ насъ именно въ томъ предположеніи, что лѣтопись продолжала писаться и по смерти Константина его приверженцемъ, который поселился теперь въ Ростовѣ, у старшаго сына Константинова; самое выраженіе, подъ 1227 годомъ, въ разсказѣ о посвященіи епископа Владимірскаго Митрофана «приключися мнѣ грѣшному ту быти»—это выраженіе, указывающее на случайное въ то время пребыванія лѣтописца во Владимірѣ, заставляетъ насъ также думать, что постоянно онъ жилъ въ Ростовѣ. Описаніе посвященія Ростовскаго епископа Кирилла, встрѣчи ему въ Ростовѣ, похвала ему, наконецъ сви-

дѣтельство, что авторъ разсказа самъ записывалъ проповѣди Кирилловы, убѣждаютъ насъ окончательно въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ Ростовскимъ лѣтописецъ, т.-е. живущимъ въ Ростовѣ. Въ извѣстїи о нашествїи Батыя, Ростовскаго же лѣтописца облачаютъ подробности о кончинѣ Ростовскаго Князя Василька Константиновича, похвала этому князю, особенно же слова, что бояре, служившіе доброму Васильку, не могли уже послѣ служить никакому другому князю: такъ онъ былъ добръ до своихъ слугъ. Признакъ Ростовскаго лѣтописца можно видѣть и подъ 1260 годомъ, въ извѣстїи о прїѣздѣ Александра Невскаго въ Ростовъ; также подъ 1261 годомъ, въ извѣстїи объ епископѣ Кириллѣ и объ архимандритѣ Игнатїи. Какъ извѣстїя этого лѣтописца относятся къ указаннымъ прежде извѣстїямъ Владимирскаго лѣтописца, опредѣлить съ точностію нельзя; очень быть можетъ, что одинъ и тотъ же лѣтописецъ, который жилъ сперва во Владимирѣ при Всеволодѣ III, былъ въ числѣ приближенныхъ людей къ старшему сыну его Константину, и переселился вмѣстѣ съ нимъ въ Ростовъ.

Но въ то же самое время, какъ мы замѣчаемъ слѣды этого Ростовскаго, или Владимирско-Ростовскаго лѣтописца, приверженца Константинова, въ лѣтописномъ сборникѣ, носящемъ названіе Лаврентьевской лѣтописи,—въ другомъ сборникѣ, при описанїи тѣхъ же самыхъ событїй, замѣчаемъ явственные слѣды Переяславскаго лѣтописца⁴⁷⁶. Въ сказанїи о смерти Андрея Боголюбскаго, тамъ, гдѣ упомянутый выше лѣтописецъ проситъ Андрея, чтобы тотъ молился за брата своего Всеволода, лѣтописецъ Переяславскїй говоритъ: «Молися помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца и даи же ему на противные (побѣду), и многа лѣта съ княгинєю, и прижитіе дѣтїй благородныхъ.» Послѣднія слова о дѣтяхъ повели къ правильному заключенїю, что они написаны въ то время, когда Ярославъ Всеволодовичъ былъ еще молодъ и княжилъ въ Переяславлѣ. Потомъ, при описанїи событїй, послѣдовавшихъ на сѣверѣ за сметрїю Андрея, вездѣ тамъ, гдѣ Владимирскїй лѣтописецъ говоритъ объ однихъ Владимирцахъ, Переяславскїй прибавляетъ Переяславцевъ. Важное значеніе получаютъ для насъ извѣстїя Переяславскаго лѣтописца съ 1213 года, когда онъ на-

чинаетъ излагать подробности борьбы между Константиномъ Ростовскимъ и его младшими братьями, подробности, намѣрено умолчанныя лѣтописцемъ Владимиро-Ростовскимъ. Къ сожалѣнію, мы не долго пользуемся этими подробными извѣстіями, ибо они превращаются на 1214 годъ. Такимъ образомъ мы лишены описанія Липецкой битвы, которое было бы составлено приверженцемъ Ярослава Всеволодовича, и слѣдовательно, союзника его Юрія; мы видѣли, что приверженецъ Константина намѣренно смолчалъ о ней; то же описаніе Липецкой битвы, которое находимъ въ извѣстныхъ лѣтописяхъ, отзывается Новгородскимъ составленіемъ.

Мы видѣли важнѣйшія прибавки, которыя находятся у Переяславскаго лѣтописца противъ Владимиро-Ростовскаго въ Лаврентьевскомъ сборникѣ. Большая часть извѣстій буквально сходны; но есть разности и даже противорѣчія. Рѣзкое противорѣчіе находится въ разсказѣ о борьбѣ Всеволода III съ Рязанью подъ 1208 годомъ: въ Лаврентьевскомъ и другихъ спискахъ говорится, что Всеволодъ, взявши Пронскъ, посадилъ здѣсь княземъ Олега Владиміровича, одного изъ Рязанскихъ князей; а у Переяславскаго лѣтописца говорится, что Всеволодъ посадилъ въ Пронскъ Давида, Муромскаго князя, и что въ слѣдующемъ году Олегъ, Глебъ, Изяславъ Владиміровичи, и князь Михаилъ Всеволодовичъ, Рязанскіе, приходили къ Пронску на Давида, говоря: «Развѣ ему отчина Пронскъ, а не намъ?» Давидъ послалъ имъ сказать: «Братья! я бы самъ не набился на Пронскъ, посадилъ меня въ немъ Всеволодъ, а теперь городъ вашъ, я иду въ свою волюсть.» Въ Пронскъ съѣлъ Киръ Михаилъ, Олегъ же Владиміровичъ умеръ въ Бѣлгородѣ въ томъ же году. Изъ двухъ противорѣчивыхъ извѣстій въ нашемъ разсказѣ⁶⁷⁷ помѣщено то, которое находится въ большемъ числѣ списковъ; но не знаемъ, едвали не справедливѣе будетъ предпочесть извѣстіе Переяславскаго лѣтописца, ибо трудно предположить, чтобъ извѣстіе о приходѣ Рязанскихъ князей къ Пронску на Давида было выдуманно. Подъ тѣмъ же 1208 годомъ у Переяславскаго лѣтописца находится новое любопытное извѣстіе, что Всеволодъ III посылалъ воеводу своего Степана Здилевича къ Серенску, и городъ былъ пожженъ. Посылка это очень вѣроятна, какъ месть Всеволода Чернигов-

скимъ князьямъ за изгнаніе сына его Ярослава изъ Переяслава южнаго.

Мы сказали, что въ большей части извѣстій лѣтописцы Владимірско-Ростовскій и Переяславскій буквально сходны. Но трудно предположить, чтобъ они не были современниками, чтобъ не составляли своихъ лѣтописей одно-временно, и потому трудно предположить, чтобъ одинъ списывалъ у другаго, прибавляя кой-что свое. Гораздо легче предположить, что такъ называемая Переяславская лѣтопись, по самому составу своему, есть позднѣйшій сборникъ, составитель котораго, относительно событій конца XII и начала XIII вѣка, пользовался обѣими лѣтописями, и Переяславскою, и Владимірско-Ростовскою, написанными первоначально безо всякаго отношенія другъ къ другу. Можно даже найти слѣдъ, какъ позднѣйшій составитель, черпая извѣстія изъ двухъ различныхъ лѣтописей, сбивался иногда ихъ показаніями: такъ послѣ описанія торжества князя Михаила Юрьевича и Владимірцевъ надъ Ростиславичами и Ростовцами, лѣтописецъ Владимірскій говоритъ: «И бысть радость велика въ Володимерѣ градѣ, видяще у себе Великаго Князя всея Ростовскыя земли.» Въ лѣтописи Переяславской безъ сомнѣнія въ томъ же самомъ мѣстѣ говорилось о посаженіи Михаила брата Всеволода въ Переяславѣ и о радости Переяславцевъ по этому случаю, и вотъ позднѣйшій составитель, смѣшавшись въ этихъ двухъ извѣстіяхъ, захотѣлъ къ извѣстію Владимірскаго лѣтописца прибавить собственное имя князя, находившееся въ Переяславской лѣтописи, и написалъ: «Бысть радость велика въ градѣ Володимири, видяще у себе великаго Всеволода всея Ростовскыя земля.» И такъ мы думаемъ, что въ «Лѣтописцѣ Русскихъ Царей,» который въ печати названъ «Лѣтописцемъ Переяслава Суздальскаго,» находятся извѣстія, взятые изъ Переяславской лѣтописи XIII вѣка; но отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, чтобъ весь этотъ сборникъ, въ томъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ, былъ составленъ Переяславскимъ лѣтописцемъ, жившимъ въ XIII вѣкѣ.

Съ 1285 года, по Лаврентьевскому списку, нельзя не замѣтить слѣдовъ Тверскаго лѣтописца: Тверскія событія на первомъ планѣ, о Тверскомъ князѣ Михаилѣ разсказывается въ подробности.

1305 годомъ оканчивается Лаврентьевскій списокъ, такъ важный для насъ по своей относительной древности; любопытенъ онъ и по точному указанію — когда, кѣмъ и для кого онъ написанъ. Указанія эти находятся въ слѣдующей приписи: «Радуется купецъ прикупъ створивъ, и кормчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечество свое пришедъ; такоже радуется и книжный писатель, дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ. Началъ есмъ писати книги сія, глаголемый Лѣтописецъ, мѣсяца Генваря въ 14, на память святыхъ отецъ нашихъ аввадъ, въ Синаи и въ Раифѣ избьеныхъ, Князю Великому Дмитрію Константиновичю, а по благословенію священнаго епископа Діонисья, и кончалъ есмъ мѣсяца марта въ 20, на память святыхъ отецъ нашихъ, иже въ монастыри святаго Савы избьеныхъ отъ Срацивъ, въ лѣто 6885 (1377), при благовѣрнемъ и христіолюбивѣмъ Князя Великому Дмитрія Константиновичи, и при епископѣ нашемъ христіолюбивомъ священномъ Діонисѣ Суждальскомъ и Новгородскомъ и Городьскомъ. И нынѣ, господа отци и братья, оже се гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣла, а не клените, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всѣми нами хрестьяны Христосъ Богъ нашъ, Сынъ Бога живаго, емуже слава и держава и честь и поклонянье со Отцемъ и съ Пресвятымъ Духомъ, и ныня и присно въ вѣки, аминь.» Такимъ образомъ Лаврентій, составляя лѣтопись свою въ 1377 году, долженъ былъ окончить ее 1305 годомъ: значить при всѣхъ средствахъ своихъ, пища для князя, не нашелъ описанія любопытныхъ событій отъ начала борьбы между Москвою и Тверью.

Въ Никоновскомъ сборникѣ и во второй половинѣ XIII вѣка видны слѣды Ростовскаго лѣтописца, который подробнѣе всего рассказываетъ о князьяхъ Ростовскихъ, ихъ поѣздахъ въ Орду, женитьбахъ, характерахъ, усобицахъ. Съ девяностыхъ годовъ XIII вѣка замѣтны и здѣсь слѣды Тверскаго лѣтописца. Въ извѣстіяхъ о первой борьбѣ между Москвою и Тверью трудно распознать, какому мѣстному лѣтописцу принадлежать они; но съ 1345 года, подлѣ Московскаго лѣтописца мы видимъ опять

явственные слѣды Тверскаго въ подробностяхъ усобицъ между потомками Михаила Ярославича, и эти подробности продолжаютъся до двадцатыхъ годовъ XV вѣка. Но когда подробныя извѣстія о Тверскихъ событіяхъ прекращаются въ Никоновскомъ сборникѣ, любопытныя извѣстія объ отношеніяхъ Тверскихъ князей къ Московскимъ, въ княженіе Ивана Михайловича, находимъ въ такъ называемой Тверской лѣтописи, хранящейся теперь въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Этотъ чрезвычайно любопытный лѣтописный сборникъ, составленный какимъ то Ростовцемъ во второй четверти XVI вѣка⁶⁷⁸, конечно не можетъ быть названъ Тверскою лѣтописью потому только, что его составитель для нѣкотораго времени пользовался Тверскою лѣтописью. Относительно Тверскихъ событій сборникъ этотъ важенъ для насъ не только по извѣстіямъ позднѣйшимъ, начиная съ княженія Ивана Михайловича, но особенно по извѣстію о возстаніи на Шевкала въ Твери. Давно уже мы выразили сильное сомнѣніе относительно справедливости извѣстія, будто бы Шевкалъ хотѣлъ обращать Русскихъ въ магометанскую вѣру⁶⁷⁹, и вотъ въ упомянутомъ сборникѣ Шевкалово дѣло рассказано подробно, естественно, чѣмъ въ другихъ лѣтописяхъ, и безъ упоминенія о намѣреніи Шевкала относительно вѣры. Шевкалъ, по обычаю всѣхъ пословъ Татарскихъ, сильно притѣснялъ Тверичей, согналъ князя Александра съ двора его и самъ сталъ жить на немъ; Тверичи просили князя Александра объ оборонѣ; но князь приказывалъ имъ терпѣть. Не смотря на то, ожесточеніе Тверичей дошло до такой степени, что они ждали только перваго случая возстать противъ притѣснителей; этотъ случай представился 15 августа; дьяконъ Дюдко повелъ кобылу молодую и тучную на пойло; Татары стали ее у него отнимать, дьяконъ началъ вопить о помощи, и сбѣжавшіеся Тверичи напали на Татаръ⁶⁸⁰.

Что существовало нѣсколько лѣтописей, въ которыхъ описывались событія конца первой половины XV вѣка, видно ясно изъ Никоновскаго сборника подъ 1445 годомъ: приведши краткое извѣстіе о приходѣ Литовцевъ на Калугу, составитель вслѣдъ за этимъ помѣщаетъ два другихъ пространнѣйшихъ извѣстія о томъ же самомъ событіи, прямо говоря: «Отъ инаго лѣтописца о томъ же.»

Что касается до современныхъ понятій, религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ и научныхъ, высказываемыхъ въ лѣтописи, то въ описываемое время въ сѣверовосточной лѣтописи голосъ лѣтописца слышится гораздо рѣже, чѣмъ прежде. Описавши мученическую кончину князя Романа Рязанскаго въ Ордѣ, лѣтописецъ обращается къ князьямъ съ такимъ наставленіемъ: «Возлюбленные князья Русскіе! не прельщайтесь суетною и маловременною прелестною славой свѣта сего, которая хуже паутинны, какъ тѣнь проходить, какъ дымъ исчезаетъ; не привезли вы на звать свѣтъ съ собою ничего, ничего и не отвесите; не обижайте другъ друга, не лукавствуйте между собою, не похищайте чужаго, не обижайте меньшихъ родственниковъ своихъ.» Тверской лѣтописецъ, сказавши о примиреніи своихъ князей, прибавляетъ: «И радовахуся бояре ихъ, и вси вельможи ихъ, тако же гости и купцы и вси работники, людіе роды и племена Адамова; вси бо сіи единъ родъ и племя Адамово, и цари, и князи, и бояре, и вельможи, и гости, и купцы, и ремесвенницы, и работніи людіе, единъ родъ и племя Адамово; и забывшеся другъ на друга враждуютъ, и ненавидятъ, и грызутъ, и кусаютъ, отстоящи отъ заповѣдей Божиихъ, еже любити искренняго своего яко самъ себе⁸³¹.» Особенно сильно раздается голосъ Московскаго лѣтописца при описаніи Едигеева нашествія, бѣдствіе котораго онъ приписываетъ неблагоразумной политикѣ молодыхъ бояръ: «Подобаетъ намъ разумѣть, говорить онъ, въ слѣдствіе чего Агаряне такъ возстали на насъ; не явлюли, что за наши грѣхи наводитъ ихъ Господь Богъ, да обратимся и покаемся?... Быть можетъ, нѣкоторымъ покажется неприятно написанное нами; быть можетъ, найдутъ неприличнымъ, что мы рассказали событія, не очень для насъ лестныя; но все сказанное нами клонится къ тому, чтобъ удержать отъ зла, направить къ добру. Мы написали это не въ досаду, не въ поношеніе чье-либо, не изъ зависти къ чести честныхъ; мы пишемъ по примѣру начальнаго лѣтословца Кіевскаго, который всѣ событія земскія необинуло показываеетъ; да и первые наши властодержцы безъ гнѣва повѣлвали описывать все, что ни случится добраго или недобраго въ землѣ; хочешь, прочти прилежно того великаго Сильвестра Выдубицкаго, безъ украшеній писавшаго при Владимірѣ Мономахѣ.

Блага временныя и вѣчныя пріобрѣтаются не гнѣвомъ и гордостію, но простотою, умиленіемъ и смиреніемъ. Отцы наши безгнѣвнѣемъ, простотою и смиреніемъ обрѣли блага настоящаго и будущаго вѣка и намъ предали; мы же, поучаясь ихъ примѣромъ, не приминули описать все приключившееся во дни наши, да влстодержцы наши прилежно внимають, избирая лучшее; юноши да почитають старцевъ, и сами одни безъ опытныхъ старцевъ да не самочинствуютъ въ земномъ правленіи.» Сѣверный, теперь, какъ видно, Московскій, лѣтописецъ продолжаетъ неприязненно смотрѣть на Новгородъ и его бытъ, очень неблагоклонно отзываясь о Новгородцахъ, называя ихъ людьми суровыми, неюкорными, упрямыми и вѣстѣ непостоянными, вѣчниками, крамольниками⁶⁸². Изъ научныхъ понятій лѣтописца можемъ привести только слѣдующее объясненіе случаевъ, когда молнія убиваетъ, и когда нѣтъ: «если молнія происходитъ только отъ столкновенія облаковъ, то не вредитъ, проходитъ мимо и угасаетъ; если же, при столкновеніи облаковъ, къ нимъ сойдетъ небесный свѣтъ огненный, пламевидный, и соединится съ молніею, то послѣдняя спускается внизъ къ землѣ и сожигаетъ все, къ чему приравится⁶⁸³.»

Новгородская лѣтопись отличается тѣмъ же самымъ характеромъ, какой показанъ былъ и прежде. Примѣту лѣтописца находимъ въ ней подъ 1230 годомъ: сказавши о смерти Юрьевского игумена Саввы, лѣтописецъ прибавляетъ: «А дай Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѣю пономарю;» въ другихъ же спискахъ вмѣсто этого имени читаемъ: «и мнѣ грѣшному Іоанну попови.» Подъ 1399 годомъ выказывается лѣтописецъ-современникъ, принимавшій теплое участіе въ церкви Покрова на Звѣринцѣ. Въ такъ называемой Новгородской четвертой лѣтописи, подъ 1384 годомъ, при описаніи вѣчевой смуты въ Новгородѣ, лѣтописецъ говоритъ: «И стояху Славлявѣ по князѣ, и звониша вѣче на Ярославли дворѣ по двѣ недѣли, а здѣсе, на сей сторонѣ, три князи другое вѣче ставиша.» Подъ 1418 годомъ опять видѣнъ лѣтописецъ-современникъ описаннаго событія. — При описаніи событія 1255 года лѣтописецъ прямо даетъ знать, что онъ принадлежитъ къ сторонѣ меньшихъ: «И побѣжа Михалко изъ города къ св. Георгію, како

было ему своимъ полкомъ уразити нашу сторону.» Если Московскій лѣтописецъ неблагоклонно отзывается о Новгородцахъ, то и Новгородскій пользуется случаемъ сказать дурное о Москвичихъ, упрекнуть ихъ въ трусости; такъ при описаніи Батыева нашествія читаемъ: «Москвичи же побѣгоша, ничего же не видѣвше.»

Мы упомянули о такъ называемой Новгородской четвертой лѣтописи. Всякому съ перваго же взгляда на нее будетъ ясно, что это названіе неправильно, ибо означенная лѣтопись есть довольно полный сборникъ разныхъ лѣтописей, въ томъ числѣ и Новгородской; но конечно онъ не можетъ получить названія отъ одной только составной части своей. Здѣсь, подѣ 1352 годомъ, встрѣчаемъ мы лѣтописца Псковскаго, распространяющагося о моровой язвѣ въ его городѣ; подѣ 1371 годомъ встрѣчаемъ лѣтописца Московскаго, который, рассказывая о сраженіи Москвичей съ Рязанцами, называетъ первыхъ нашими; видимъ явныя сшивки изъ разныхъ лѣтописей; такъ напримѣръ подѣ 1386 годомъ два раза рассказано объ одномъ и томъ же событіи, именно о походѣ Смоленскихъ князей подѣ Мстиславль, сначала короче, а потомъ пространнѣе; а подѣ 1404 годомъ два раза рассказано о взятіи Смоленска Витовтомъ.

Мы видѣли, что въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка распространилось мнѣніе о близкомъ концѣ міра; мы видѣли, что Новгородскій владыка Іоаннъ въ 1397 году уговаривалъ Новгородцевъ помириться съ Псковичами, представляя имъ, что уже приходитъ послѣднее время. Въ этомъ отношеніи замѣчательно слѣдующее мѣсто въ сборникѣ, носящемъ названіе Новгородской четвертой лѣтописи, подѣ 1402 годомъ: «Въ великій постъ, въ Мартъ мѣсяцѣ являлось знаменіе на небеси: въ вечернюю зарю, на западѣ, звѣзда не малая въ видѣ копья, а на верху у нея какъ лучъ сіялъ. Это является ради нашихъ грѣховъ, прообразуетъ и претитъ и велитъ намъ покаяться; смѣю сказать, сбывается слово Евангельское: знаменія на небеси являются; встали и языки другъ на друга: Татары, Турки, Фряги, Ляхи, Нѣмцы, Литва. Но что мнѣ говорить о Татарахъ и Туркахъ, и прочихъ языкахъ невѣрныхъ и некрещеныхъ? Мы сами, называемые христіане, православные и православные, ведемъ между собою брани и рати. Случается такъ:

встаёт правотѣрный князь на правотѣрнаго князя, на брата своего роднаго или на дядю, и отъ вражды, непокоренія и гнѣва доходить дѣло до кровопролитія. Воины, съ обѣихъ сторонъ православные христіане, ратуютъ, каждый по своему князю, волею и неволею; въ схваткѣ съжуются безъ милости: поднимаетъ руку христіанинъ на христіанина, куётъ копьё братъ на брата, остритъ мечъ пріятель на пріятеля, стрѣлами стрѣляетъ ближній ближняго. сулицею прободаетъ сродникъ сродника, племянникъ своего племянника низлагаетъ, и правотѣрный единовѣрнаго разсѣкаетъ, юноша сѣднѣ старческихъ не стыдится, и рабъ Божій раба Божіяго не пощадитъ⁶⁸⁴.

Начало Псковскихъ лѣтописей можно отнести ко второй четверти XIII вѣка. Относительно состава списковъ ихъ, до насъ дошедшихъ, встрѣчаемъ любопытное указаніе въ такъ называемой второй Псковской лѣтописи, подъ 1352 годомъ: «Бысть моръ золь во Псковѣ, и по селамъ, и по всей волости, хракотный: о семь пространнѣ обрящещи написано въ Русскомъ лѣтописци.» Это пространное извѣстіе о морѣ, написанное, какъ по всему видно, Псковичемъ и современникомъ, находится во Псковской первой и въ Новгородской четвертой лѣтописи; но какая лѣтопись разумѣется здѣсь подъ именемъ Русскаго лѣтописца? Мы думаемъ только, что здѣсь не можетъ разумѣться мѣстная Псковская. Что касается характера Псковскихъ лѣтописей, то разказъ ихъ отличается особеннымъ простодушіемъ; при этомъ замѣчаемъ въ Псковскихъ лѣтописцахъ сильную привязанность къ однимъ и тѣмъ же обычнымъ выраженіямъ при описаніи извѣстныхъ событій. Легко замѣтить, на какихъ отношеніяхъ сосредоточивается преимущественно участіе лѣтописца — это на отношеніяхъ къ Нѣмцамъ Ливонскимъ и къ Новгороду; мы замѣтили, что жалоба на неспособность отъ Новгородцевъ служить постояннымъ прищѣвомъ Псковскаго лѣтописца.

Въ сѣверовосточной лѣтописи вообще въ описываемое время, именно съ конца XIV вѣка, замѣчаемъ важную перемену: годы мірозданія перестаютъ считаться съ Марта и начинаютъ считаться съ Сентября. Замѣтимъ и перемену въ веществѣ рукописей; съ XIV вѣка вмѣсто пергамена стали употреблять бумагу, сдѣланную изъ хлѣбчатой и тряпичной.

На югозападѣ во второй четверти XIII вѣка славился пѣвецъ Митуса, котораго лѣтописецъ называетъ словутнымъ, и говорить, что онъ по гордости не хотѣлъ служить князю Данилу; Митуса находился, какъ видно, въ службѣ владыки Перемышляскаго, ибо ваять былъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ слугами послѣдняго⁶⁸⁵. До Литовскаго владычества, югозападные Русскіе князья—Рюриковичи въ любви къ книгамъ подражали, какъ видно, своимъ предшественникамъ: о Владимірѣ Васильковичѣ Волинскимъ читаемъ, что онъ говорилъ ясно отъ книгъ, потому что былъ философъ великій⁶⁸⁶. Этотъ князь самъ трудился надъ переписываніемъ книгъ: такъ говорится, что онъ самъ списалъ Евангеліе и Апостолъ, другія священныя и богослужебныя книги велѣлъ переписывать и раздавалъ по церквамъ⁶⁸⁷; молитвенникъ купилъ за 8 гривенъ кунъ.

Что касается югозападной, т. е. Волинской лѣтописи, то къ сказанному прежде мы должны прибавить теперь, что эта лѣтопись любопытна отсутствіемъ хронологіи, ибо годы, выставленные въ дошедшихъ до насъ спискахъ, выставлены позднѣйшими переписчиками⁶⁸⁸; первоначально же лѣтопись составляла сплошной разказъ, какъ это напримѣръ ясно видно между годами 1259 и 1260. Для объясненія этого служить слѣдующее мѣсто лѣтописи, находящееся подъ 1254 годомъ: «Въ та же лѣта, времени мязувшу, хронографу же нужна есть писати все и вея бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же возступати въ задняя: чѣтый мудрый разумѣть; число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, въ задняя впишемъ по Антивохійскимъ соромъ алумпїдамъ, Грыцкими же численицами, Римьскы же високостомъ, якоже Евсеій и Памьфилъ, инїи хронографи списаша отъ Адама до Хрѣтоса; вся же лѣта спїшемъ рѣсчѣтше во здѣнья.» Здѣсь слова: «овогда же (нужа) писати въ передняя, овогда же возступати въ задняя» — показываютъ намъ, что лѣтописецъ тяготился хронологическимъ порядкомъ, который заставляетъ прерывать нить однородныхъ извѣстій, понималъ, что иногда нужно вести разказъ сплошь въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и потомъ опять возвращаться назадъ къ другому рода событіямъ. Должно прибавить также, что разказъ о кончинѣ князя Владиміра Васильковича обячаетъ современника,

очевидца, писавшаго въ княженіе преемника Владимірова, Мстислава Даниловича; на это указываютъ слѣдующія слова въ обращеніи къ Владиміру: «Возстани, видь брата твоего, красящаго столъ земли твоя; ксему же вижь и благовѣрную свою княгиню, како благовѣрье держить по преданью твоему.» Касательно образованности Волынскаго лѣтописца мы должны замѣтить, что онъ знаетъ Гомера; такъ подъ 1232 годомъ читаемъ: «О лествъ зла есть! якоже Омиръ пишеть, до обличенья сладка есть, обличена же зла есть.» Русскій языкъ остался господствующимъ, письменнымъ и правительственнымъ, и послѣ утвержденія власти князей Литовскихъ въ западной Руси. На Русскомъ же языкѣ продолжался писаться и лѣтописи, слѣды которыхъ можно отыскать въ XIV вѣкѣ: до насъ дошла лѣтопись отъ первой половины XV вѣка, въ которой говорится, что она есть сокращеніе древнѣйшихъ; разказъ ея отличается особенною наивностію⁶⁸⁹.

Мы окончили тотъ отдѣлъ Русской исторіи, который по преимуществу носитъ названіе древней исторіи: мы не можемъ разстаться съ нимъ, не показавши его общаго значенія, не показавши отношеній его къ слѣдующему отдѣлу, тѣмъ болѣе, что теперь каждое слово наше будетъ находить подтвержденіе въ прѣдсказанномъ, читателю уже извѣстномъ.

На великой сѣверовосточной равнинѣ, на перекрестномъ открытомъ пути между Европою и Азіею и между Сѣвѣрною Европою и Южною, т. е. между новою Европою и старою, на пути изъ Варягъ въ Греки, основалось государство Русское. «Земля наша велика и обильна» — сказали племена призываемымъ князьямъ; но они не могли сказать, что великая и обильная страна ихъ хорошо населена. То была обширная, дѣвственная страна, ожидавшая населенія, ожидавшая исторіи: отсюда древняя Русская исторія есть исторія страны, которая колонизируется. Отсюда постоянное сильное движеніе народонаселенія на огромныхъ пространствахъ: лѣса горять, готовится богатая почва, но поселенецъ не долго на ней останется; чуть трудъ станетъ тяжелѣе, онъ идетъ искать новаго мѣста, ибо вездѣ просторъ, вездѣ готовы принять

его; земельная собственность не имѣетъ цѣны, ибо главное дѣло въ населеніи. Населить какъ можно скорѣе, перезвать отовсюду людей на пустыя мѣста, приманить всякаго рода льготами; уйти на новыя, лучшія мѣста, на выгоднѣйшія условія, въ болѣе мирный, спокойный край; съ другой стороны удержать населеніе, возвратить, заставить другихъ не принимать его — вотъ важные вопросы колонизирующей страны, вопросы, которые мы встрѣчаемъ въ древней Русской исторіи. Народонаселеніе движется; Славянской колонистъ, кочевникъ-земледѣлецъ, съ топоромъ, косою и плугомъ идетъ впередъ все къ сѣверовостоку, сквозь Финскихъ звѣролововъ. Отъ такой расходчивости, расплывчивости, привычки уходить при первомъ неудобствѣ, — происходила полуосѣдлость, отсутствіе привязанности къ одному мѣсту, что ослабляло нравственную сосредоточенность, пріучала къ исканію легкаго труда, къ безрасчетливости, къ какой-то междуумочной жизни, къ жизни день за день. Но рассматриваемая нами страна не была колонія, удаленная океанами отъ митрополіи: въ ней самой находилось средоточіе государственной жизни; государственныя потребности увеличивались, государственныя отправленія осложнялись все болѣе и болѣе, а между тѣмъ страна не лишилась характера страны колонизирующей: легко понять какія трудности должно было встрѣтить государство при подчиненіи своимъ интересамъ интересовъ частныхъ; легко понять происхожденіе этихъ разнаго рода льготныхъ грамотъ, жалуемыхъ землевладѣльцамъ, населителямъ земель.

Если колонизація имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи, то понятно, какъ должно быть важно для историка направленіе колонизаціи, ибо это направленіе будетъ вмѣстѣ и направленіемъ общаго историческаго движенія. Направленіе колонизаціи мы узнаемъ изъ первыхъ строкъ лѣтописца, который говоритъ о движеніи славянскихъ племенъ съ югозапада къ сѣверовостоку, съ береговъ Дуная къ берегамъ Днѣпра и далѣе на сѣверъ и востокъ. Такимъ образомъ два племени, которымъ принадлежитъ новая исторія Европы, Славянское и Германское, при раздѣленіи между собою Европейской почвы, будущей исторической сцены, движутся путями противоположными: Германское отъ сѣверовостока къ югозападу, Славянское, на оборотъ, отъ

югозапада къ сѣверовостоку. Судьба этихъ племенъ опредѣлилась означеннымъ движеніемъ, опредѣлилась природою странъ, занятыхъ въ слѣдствіе движенія, прежнимъ бытомъ этихъ странъ, ихъ прежними отношеніями. Здѣсь прежде всего намъ представляется вопросъ: почему въ древней исторіи главнаго Славянскаго гусударства, представителя Славянскихъ гусударствъ по могуществу и самостоятельности, мы замѣчаемъ движеніе именно на сѣверовостокъ? Если Германскія племена, при своемъ западномъ движеніи, разрушили Западную Римскую имперію, поселились въ ея областяхъ, основали здѣсь отдѣльные гусударства;— то почему же Славянскія племена, при восточномъ движеніи, не разрушили Восточной Римской имперіи и не основали на ея развалинахъ новыхъ гусударствъ? Почему, вмѣсто юговосточнаго направленія, они приняли сѣверовосточное? Причинъ тому много.

При движеніи своемъ къ юговостоку Славяне должны были сталкиваться съ стремительнымъ движеніемъ Азіатскихъ племенъ, прорывавшихся чрезъ Каспійскія ворота, по нынѣшней южной Россіи къ западу. Извѣстны движенія Гунновъ, Аваровъ, и судьба народовъ, которые подпадали ихъ натиску. Отъ средняго Днѣпра Славянскимъ племенамъ нельзя было двигаться къ югу и юговостоку; оставалось только направленіе сѣверовосточное, и мы видимъ, что племена отъ средняго Днѣпра двигаются въ этомъ направленіи къ Деснѣ, къ Окѣ; но и здѣсь даже они не безопасны отъ Азіатцевъ — и здѣсь они принуждены были платить дань Козарамъ. — Съ другой стороны однако мы видимъ Славянскія племена на Нижнемъ Дунаѣ, видимъ Славянское народонаселеніе и гораздо южнѣе, на Балканскомъ полуостровѣ; но Славяне здѣсь не господствуютъ, Восточная имперія держится, на что есть также свои причины: во-первыхъ здѣсь имперія была еще крѣпка, здѣсь были собраны всѣ остальные жизненные силы ея, благодаря которымъ она и просуществовала до половины XV вѣка; раньше этого времени ее не могли разрушить ни Готы, ни Аравитяне; Славяне были ближе, но у нихъ не было достаточныхъ силъ. Азіатскіе народы, стремившіеся съ востока на западъ, постоянно разрывали Славянъ; мы видѣли, какъ Азіатцы оттолкнули Русскихъ Славянъ отъ юга, и заставили ихъ взять для своего движенія сѣверовосточное направленіе; западныхъ Славянъ

задерживали Нѣмцы; таѣмъ образомъ къ Нижнему Дунаю, на Балканскій полуостровъ не приходили постоянно новыя массы Славянскихъ племенъ, которыя бы тѣснили одни другихъ, заставляя прежде пришедшихъ двигаться впередъ, какъ это было на западѣ у Германскихъ племенъ. Мы видѣли, какъ Мадыяры окончательно разрѣзали Чехо-Моравскихъ Славянъ отъ Илирійскихъ Нижнедунайскихъ, порвали связь между ними, начинавшуюся было посредствомъ народной Славянской церкви. Основаніе Русскаго государства на великомъ восточномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, соединеніе подъ одною властію Славянскихъ племенъ, жившихъ по этому пути и около, могло, повидимому, перемѣнить дѣла на востокъ: лодки Олега являюся подъ Константинополемъ, Святославъ поселяется на Дунаѣ. Но судьба Святослава показала ясно, что первые Русскіе князья не могли имѣть для Восточной имперіи того значенія, какое Одоакры и Кловисы имѣли для Западной: Славянскія племена, вошедшія въ составъ Русскаго государства, раскинулись широко и привольно по огромной сѣверовосточной равнинѣ Европы; они не получали никакого толчка съ сѣвера и сѣверовостока; ничто не побуждало ихъ покидать землю великую и обильную и отправляться искать новыхъ земель, какъ-то дѣлывали Германскія племена на западѣ; ничто не побуждало ихъ предпринимать стремительнаго движенія цѣлыми массами съ сѣвера на югъ, и Святославъ вовсе не былъ предводителемъ подобныхъ массъ: онъ оставилъ назади громадное владѣніе, рѣдкое населеніе котораго вовсе не хотѣло переселяться на югъ, хотѣло, чтобъ князь жилъ среди него и защищалъ его отъ дикихъ степныхъ ордъ: «Ты, князь, чужой земли ищешь; а насъ здѣсь чуть не валя Печенѣги,» говорятъ Кіевляне въ преданіи, — знакъ, что у Кіевлянъ была своя земля, а чужой искать они не хотѣли. Святославъ былъ предводителемъ только небольшой дружины, которая, не смотря на всю свою храбрость, не могла произвести никакого важнаго переворота на Балканскомъ полуостровѣ. Вытѣсненный Цимискіемъ съ береговъ Дуная, Святославъ погибъ въ степи отъ Печенѣговъ: знакъ, что, съ одной стороны, имперія имѣла еще довольно силъ, чтобъ отбиться отъ князей новорожденной Руси, а съ другой стороны, степные варвары по-прежнему отрѣзывали сѣверовосточныхъ

Славянъ отъ имперіи; и дѣйствительно мы знаемъ, съ какими трудностями и опасностями въ началѣ и послѣ сопряжено было сообщеніе Руси съ Византією. въслѣдствіе того, что Печенѣги, Половцы, Татары стояли между ними. Слѣдствіемъ столкновения первыхъ Русскихъ князей съ Византією было не разрушеніе имперіи; но принатіе христіанства Русью изъ Византіи: мы видѣли, какое великое вліяніе при образованіи Русскаго государства имѣло церковное преданіе, заимствованное изъ Византіи.

Такимъ образомъ и послѣ основанія Русскаго государства, т. е. послѣ соединенія восточныхъ Славянскихъ племень, главное направленіе движенія оставалось прежнее, т. е. съ югозапада на сѣверовостокъ, потому что юговосточная часть великой равнины по прежнему занята кочевыми Азіатскими ордами, на которыхъ новорожденная Русь не въ силахъ предпринимать наступательное движеніе. Правда, въ началѣ, когда средоточіе правительственной дѣятельности утвердилось въ Днѣпровской области, мы замѣняемъ въ князьяхъ стремленіе переводить народонаселеніе съ сѣвера на югъ, населять людьми сѣвера южные украинскіе города, долженствовавшіе защищать Русь отъ степныхъ варваровъ. Но скоро господствующія обстоятельства взяли свое: степная Украина, область Днѣпровская, подвергается постояннымъ, сильнымъ опустошеніямъ отъ кочевниковъ; ея города пусты: въ нихъ живутъ псары да Половцы, по отзыву самихъ князей; куда же было удалиться Русскимъ людямъ отъ штына и разоренія? Конечно не на юговостокъ, прямо въ руки къ Половцамъ; конечно не на западъ, къ иновѣрнымъ Ляхамъ и Венграмъ; свободный путь оставался одинъ — на сѣверовостокъ: такъ Ростовская назначала Финская область, получила свое Славянское населеніе. Мы видѣли, какъ сѣверные князья воспользовались приливомъ народонаселенія въ свою область; мы видѣли, какое значеніе въ Русской исторіи имѣла колонизація сѣвера, совершившаяся въ историческое уже время, подъ вліяніемъ, подъ распоряженіемъ князей.

Такъ было въ XII вѣкѣ; въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ побужденія, заставлявшія народонаселенія двигаться отъ югозапада къ сѣверовостоку, становятся еще сильнѣе: съ юговостока Татары, съ запада Литва; крайній сѣверовостокъ, еще не подвластный Русскимъ князьямъ, населенный Зырянами и Вогуличами, не при-

влекателенъ и опасенъ для поселенцевъ невоинственныхъ, идущихъ небольшими массами: такимъ образомъ теперь съ востока юга и запада населеніе, такъ сказать, сгоняется въ средину страны, гдѣ на берегахъ Москвы рѣки завязывается крѣпкій государственный узелъ. Мы видѣли, какъ Московскіе князья воспользовались средствами, полученными отъ увеличившагося населенія ихъ области, какъ умѣли доставить этой области безопасность и тѣмъ болѣе привлечь въ нее насельниковъ, какъ Москва собрала около себя сѣверовосточную Русь.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, ходъ древней Русской исторіи. Уже давно, какъ только начали заниматься Русскою исторіею съ научною цѣлю, подмѣчены были главныя, особенно выдающіяся въ ней событія, событія поворотныя, отъ которыхъ исторія замѣтно начинаетъ новый путь. На этихъ событіяхъ начали останавливаться историки, дѣлиги по нимъ исторію на части, періоды; начали останавливаться на смерти Ярослава I, на дѣятельности Андрея Боголюбскаго, на сороковыхъ годахъ XIII вѣка, на времени вступленія на Московскій престолъ Іоанна Калиты, на смерти Василя Темнаго и вступленіи на престолъ Іоанна III, на прекращеніи старой династіи и восшествіи новой, на вступленіи на престолъ Петра Великаго, на вступленіи на престолъ Екатерины II. Нѣкоторые писатели изъ этихъ важныхъ событій начали выбирать наиболѣе, по ихъ мнѣнію, важныя: такъ явилось дѣленіе Русской исторіи на три большіе отдѣла: древнюю—отъ Рюрика до Іоанна III, среднюю отъ Іоанна III до Петра Великаго, новую отъ Петра Великаго до позднѣйшихъ временъ; нѣкоторые были недовольны этимъ дѣленіемъ, и объявили, что въ Русской исторіи можетъ быть только два большіихъ отдѣла—исторія древняя до Петра Великаго и новая послѣ него. Обыкновенно каждый новый писатель старался показать неправильность дѣленія своего предшественника, обыкновенно старался показать, что в послѣ того событія, при которомъ предшествующій писатель положилъ свою грань, продолжался прежній порядокъ вещей, что, на оборотъ, передъ этою гранью мы видимъ явленія, которыми писатель характеризовалъ новый періодъ и т. д. Споры безконечны! ибо въ исторіи ничто не оканчивается вдругъ и

ничто не начинается вдругъ; новое начинается въ то время, когда старое продолжается.

Но мы не будемъ продолжать этихъ споровъ, мы не станемъ доказывать неправильности дѣленія предшествовавшихъ писателей и придумывать свое дѣленіе, болѣе правильное. Мы начнемъ съ того, что объявимъ всѣ эти дѣленія правильными; мы начнемъ съ того, что признаемъ заслугу каждаго изъ предшествовавшихъ писателей, ибо каждый, въ свою очередь, указывалъ на новую сторону предмета, и тѣмъ способствовалъ лучшему пониманію его. Всѣ эти дѣленія и споры о правильности того или другаго изъ нихъ были необходимы въ свое время, въ первое время занятія исторіею: тутъ необходимо, чтобы легче осмотрѣться, не скорѣе раздѣлить предметъ, поставить грани по болѣе виднымъ, по болѣе громкимъ событіямъ; тутъ необходимъ сначала внѣшній взглядъ, по которому эти самыя видныя, громкія событія и являются исключительными опредѣлителями историческаго хода, уничтожающими вдругъ все старое и начинающими новое. Но съ теченіемъ времени наука мужаетъ, и является потребность соединить то, что прежде было раздѣлено, показать связь между событіями, показать, какъ новое проистекло изъ стараго, соединить разрозненные части въ одно органическое цѣлое, является потребность замѣнить анатомическое изученіе предмета физиологическимъ.

Впервые обыкновенно останавливаются на половинѣ XI вѣка, на смерти Ярослава I-го, здѣсь полагаютъ грань между первымъ и вторымъ періодомъ Русской исторіи. Грань поставлена совершенно правильно; но какая же непосредственная связь между первымъ и вторымъ періодомъ, какъ второй произошелъ изъ перваго? Въ XVIII вѣкѣ, въ первомъ періодѣ видѣли Русь рождающуюся, во второмъ раздѣленную; связи между періодами не было показано, но удачныя названія, по-крайней-мѣрѣ, указывали на естественную связь между рожденіемъ и раздѣленіемъ. Позднѣйшіе писатели однако не воспользовались этими удачными названіями: они старались уничтожить всякую мысль о связи, естественномъ переходѣ, мысль, случайно выразившуюся въ названіяхъ, опровергая послѣднія, какъ неправильныя: «Вѣкъ св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія.»

объявляли они. — «Государство (въ первый періодъ), шагнувъ, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ (во второй періодъ).» Читая эти слова, мы невольно начинаемъ думать, что имѣемъ дѣло съ Ассирією, Вавилонією, Мидією, тѣми восточными государствами, которыя, шагнувъ внезапно отъ колыбели до величія, начинали потомъ разрушаться; и каково же должно быть наше удивленіе, когда послѣ узнаемъ, что государство, о которомъ идетъ рѣчь, послѣ трехсотлѣтняго разрушенія вдругъ опять обновилось и явилось могущественнѣе прежняго! — Потомъ первому періоду дали названіе Норманскаго, второму Удѣльнаго; въ первомъ выставили на главный планъ Норманновъ, всѣ явленія приписали ихъ дѣятельности; во второмъ раздѣленіе Россіи на части, борьбу между князьями, владѣльцами этихъ частей. Но мы спросимъ: какаѣ же связи между Норманскимъ и Удѣльнымъ періодами? какъ второй произошелъ изъ перваго? Нѣкоторые писатели попытались-бымо указать на связь между норманизмомъ и удѣлизмомъ, объявивъ, что удѣльная система, тѣ княжескія отношенія, какія мы видимъ во время ея господства, были заимствованы отъ Норманновъ: — попытка похвальная, но вполнѣ неудачная, потому что ни у Скандинавовъ, ни вообще у всѣхъ Германскихъ племенъ не найдемъ ничего похожаго на отношенія, какія видимъ между Русскими князьями, нигдѣ не видимъ, чтобы послѣ князя наследовалъ братъ, а не сынъ, нигдѣ не видимъ, чтобы главный столъ принадлежалъ старшему въ цѣломъ родѣ; подобныя отношенія видимъ только въ Славянскихъ государствахъ, и потому должны заключить, что явленіе это есть чисто, исключительно Славянское. Теперь спрашивается: какимъ же образомъ случилось, что въ продолженіе цѣлаго перваго періода, до самой смерти Ярославовой, на первомъ планѣ дѣйствуютъ Норманны, дѣйствуютъ по-нормански, отсюда все Норманское, и вдругъ, при переходѣ въ слѣдующій періодъ, встрѣчаемъ господствующее явленіе — отношенія между князьями, потомками Норманновъ, и это явленіе есть чисто, исключительно Славянское? ищемъ Норманновъ всюду, и нигдѣ не находимъ.

Это самое отсутствіе связи между первымъ и вторымъ періодами, если первый обозначимъ именемъ Норманскаго, всего лучше показываетъ намъ невѣрность послѣдняго названія. Норман-

ны основали государство, Норманны дѣйствуютъ преимущественно, даже исключительно въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ, — и вдругъ исчезаютъ, и вдругъ государство является Славянскимъ! Дѣло въ томъ, что основалось государство Славянское; въ основаніи его участвуютъ и Финны, и Норманны; но потомъ сцена дѣйствія немедленно же переносится на югъ, въ область Днѣпровскую, въ сторону Славянъ исключительно, утверждается здѣсь, и потому Славянское начало господствуетъ вполнѣ; въ первыхъ князьяхъ мы не должны видѣть Варяговъ, предводителей Варяжскихъ дружинъ, морскихъ королей; мы должны видѣть въ нихъ князей извѣстнаго владѣнія, имѣющаго свои особенности, свои условія, которыя и опредѣляютъ характеръ дѣятельности историческихъ лицъ. Два раза является по нѣскольку князей въ новомъ владѣніи, но немедленно исчезаютъ въ пользу одного; въ третій разъ является опять нѣсколько князей, которые начинаютъ владѣть въ разныхъ областяхъ, и такой порядокъ вещей утверждается надолго; говорятъ, Россія раздѣлилась. Посмотримъ же теперь, что это за явленіе, какое отношеніе его къ явленіямъ предыдущимъ, къ первому, начальному періоду?

Исторія знаетъ различные виды образованія государствъ: или государство, начавшись незамѣтною точкой, въ короткое время достигаетъ громаднхъ размѣровъ, въ короткое время покоряетъ себѣ многіе различные народы, къ одной небольшой области, въ короткое время, силою завоеванія, привязываются многія другія государства, связь между которыми не условливается природою. Обыкновенно такія государства, какъ скоро возросли, также скоро и падаютъ: такова, на примѣръ, судьба Азіатскихъ громаднхъ государствъ. Въ другомъ мѣстѣ видимъ, что государство начинается на ничтожномъ пространствѣ, и потомъ, въ слѣдствіе постоянной напряженности силъ отъ внутренняго движенія, въ продолженіе довольно долгаго времени, распространяетъ свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ странъ и народовъ, образуетъ громадное тѣло, и наконецъ распадается на части, въ слѣдствіе самой громадности своей и въ слѣдствіе отсутствія внутренняго движенія, истреженія внутреннихъ живительныхъ соковъ: таково было образованіе государства Римскаго. Образованіе *всѣхъ* этихъ древнихъ громаднхъ государствъ, какова бы ни была: въ

другихъ отношеніяхъ разница между ними, можно назвать образованіемъ неорганическимъ, ибо они обыкновенно состояются изъ нарастаніемъ извнѣ, внѣшнимъ присоединеніемъ частей посредствомъ завоеванія. Иной характеръ представляется намъ въ образованіи новыхъ, Европейскихъ, христіанскихъ государствъ: здѣсь государства при самомъ рожденіи своемъ, въ слѣдствіе племенныхъ и преимущественно географическихъ условій, являются уже въ тѣхъ же почти границахъ, въ какихъ имъ предназначено дѣйствовать въ послѣдствіи; потомъ наступаетъ для всѣхъ государствъ долгій, тяжкій, болѣзненный процессъ внутренняго возрастанія и укрѣпленія, въ началѣ котораго государства эти являются обыкновенно въ видимомъ раздѣленіи, потомъ это раздѣленіе мало-по-малу исчезаетъ, уступая мѣсто единству: государство образуется. Такое образованіе мы имѣемъ право назвать высшимъ, органическимъ.

Какое же образованіе нашего государства?

Гражданство Русской государственной области можетъ привести нѣкоторыхъ въ заблужденіе, заставить подумать, что Россія—колоссальное государство въ родѣ древнихъ—Ассирійскаго, Персидскаго, Римскаго; но стоитъ только внимательно взглянуть въ явленія начальной Русской исторіи, чтобъ увидѣть, какъ невѣрно подобное мнѣніе. Мы видѣли, какъ прежніе историки обозначали древнюю Русскую исторію: «Государство, шагнувъ, такъ-сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ.» Такъ должны были смотрѣть прежде, при внѣшности взгляда; для насъ же теперь это явленіе имѣетъ совершенно обратный смыслъ. Что значитъ: «государство шагнуло въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія?» Это значитъ, что государство при самомъ рожденіи своемъ является уже въ громадныхъ размѣрахъ, и что эти громадные размѣры обуславливаются природою: для области новаго государства была опредѣлена обширная восточная Европейская равнина, которая, какъ обширная равнина, орошаемая въ разныхъ направленіяхъ бѣгущими великими рѣками, но берущими начало въ одномъ общемъ узлѣ, необходимо должна была быть областію единаго государства. Страна была громадна, но пустыня; племена рѣдко разбросались на огромныхъ пространствахъ,

по рѣкамъ; новое государство, пользуясь этимъ удобствомъ водныхъ путей во всѣхъ направленияхъ, быстро обхватило племена, быстро намѣтило громадную для себя область; но эта область по-прежнему оставалась пустынною; даннаго, кромѣ почвы, большею частію не было ничего, нужно было все населить, все устроить, все создать: «земля была велика и обильна, но наряду въ ней не было,» — и вотъ Русское государство, подобно другимъ, органически образованнымъ государствамъ, вступаетъ въ долгій, тяжкій, болѣзненный періодъ внутренняго возрастанія, оживленія.

Въ этотъ періодъ мы видимъ и у насъ, какъ въ другихъ органически образованныхъ государствахъ, что страна какъ-будто бы раздѣлилась на части, находящіяся подъ властію разныхъ владѣтелей. Всматриваясь внимательнѣе однако, мы видимъ, что, при этомъ наружномъ раздѣленіи, государство сохраняетъ единство, ибо владѣльцы частей находятся въ связи другъ съ другомъ и въ общей зависимости отъ одного главнаго изъ нихъ. Эти-то отношенія владѣльцевъ, характеръ ихъ зависимости отъ владѣльца верховнаго и должны стать на первомъ планѣ для историка, ибо они держатъ отъ себя въ зависимости всѣ прочія отношенія, опредѣляютъ ходъ событій не только въ то время, въ которое господствуютъ, но и на долго впередъ. Касательно этихъ внутреннихъ владѣльческихъ отношеній новыя Европейскія государства раздѣляются на двѣ группы, на группу государствъ Германскихъ и на группу государствъ Славянскихъ: въ первыхъ мы видимъ господство такъ-называемыхъ феодальныхъ отношеній, во вторыхъ, и преимущественно въ Россіи, сохранившей въ большой чистотѣ Славянскій характеръ, видимъ господство родовыхъ княжескихъ отношеній. Тамъ, на западѣ, связью между частями государства служила зависимость владѣльца каждой изъ этихъ частей отъ своего высшаго (вассала отъ сюзерена), зависимость, развивавшаяся изъ первоначальной зависимости членовъ дружины къ вождю; здѣсь, на востокѣ, связью между частями государства служило родовое отношеніе владѣльца каждой части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ самому старшему изъ нихъ, отношеніе, основанное не только на происхожденіи всѣхъ владѣльцевъ отъ одного общаго родоначальника, но и на особен-

номъ способѣ владѣнія, которымъ поддерживалось единство рода княжескаго: этотъ особенный способъ состоялъ въ томъ, что главный, старшій столъ переходилъ постоянно во владѣніе къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ. Явленія въ высокой степени любопытныя представляютъ намъ феодализмъ на западѣ, родовыя княжескія отношенія на востокѣ: единство государства по-видимому расторгнуто, на сценѣ множество владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый преслѣдуетъ свои личныя цѣли съ презрѣніемъ чужихъ правъ и своихъ обязанностей: тамъ вассалъ воюетъ противъ своего государя, здѣсь младшій князь вооружается противъ старшаго; феодальная цѣпь на западѣ и родовая связь на востокѣ кажутся такъ слабы, такъ ничтожны при страшной борьбѣ матеріальныхъ силъ, и не смотря на то, благодаря извѣстной экономіи человѣческихъ обществъ, эти двѣ нравственныя связи, нравственныя силы такъ могущественны, что въ состояніи охранить государственное единство; не смотря на частныя нарушенія обязанностей—феодальныхъ на западѣ, родовыхъ на востокѣ, вообще эти обязанности признаются безусловно, юныя государства крѣпко держатся за нихъ, какъ за основы своего единства; феодализму на западѣ и родовымъ княжескимъ отношеніямъ на востокѣ безспорно принадлежала опека надъ новорожденными Европейскими обществами въ опасный періодъ ихъ младенчества.

Но этотъ періодъ началъ проходить для Руси: стало замѣтно образовываться крѣпкое государственное средоточіе; родовыя княжескія отношенія должны уступить мѣсто единовластію. Мы видѣли, гдѣ и какъ, при какихъ условіяхъ образовалось это государственное средоточіе; какъ нанесенъ былъ первый ударъ господствующимъ отношеніямъ, какъ началась, продолжалась и окончилась борьба между старымъ и новымъ порядкомъ вещей. Мы видѣли, какъ первоначальная сцена Русской исторіи, знаменитая водная дорога изъ Варягъ въ Греки, въ концѣ XII вѣка оказалась неспособною развить изъ себя крѣпкія основы государственнаго быта. Жизненные силы, слѣдуя изначала опредѣленному направленію, отливаются отъ югозапада къ сѣверовостоку; народонаселеніе движется въ этомъ направленіи и вмѣстѣ съ нимъ идетъ исторія. Область верхней Волги колонизируется; мы видѣли, подъ вліяніемъ какого начала произошла эта колонизація,

какой характеръ въ слѣдствіе этого приняли здѣсь отношенія новаго народонаселенія ко власти, его призавшей, новыхъ городовъ къ князьямъ, ихъ построившимъ, отношенія, опредѣлившія характеръ новаго государства. Мы видѣли, какъ эти отношенія немедленно же обнаруживаютъ свое дѣйствіе, какъ, основываясь на нихъ, начинается борьба новаго порядка вещей съ старымъ, государственныхъ отношеній съ родовыми, и оканчивается торжествомъ первыхъ надъ послѣдними, въ слѣдствіе чего сѣверо-восточная Русь собирается въ одно цѣлое; мы видѣли причины, почему она собирается около Москвы; видѣли, какъ Московскіе князья пользуются выгоднымъ положеніемъ своей срединной области, наибольшимъ стеченіемъ въ нее народонаселенія, богатѣютъ, усиливаются, подчиняютъ себѣ остальныхъ князей, отбиваютъ и Татаръ, и Литву.

Препятствій имъ при этомъ мало, пособій много. Способствовало имъ отсутствіе сильныхъ областныхъ привязанностей, что условливалось природою страны, передвижкою народонаселенія, привычкою переходить изъ одного княжества въ другое при первыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и вездѣ находить одинакія удобства, одинакій бытъ; неразвитость самостоятельной жизни въ городахъ сѣверо-восточной Руси, въ слѣдствіе чего гдѣ-лоса ихъ при важныхъ событіяхъ, при важныхъ борьбахъ не слышно; характеръ сѣвернаго народонаселенія вообще, изначала неохотно принимавшаго участіе въ усобицахъ, склоннаго къ мирнымъ занятіямъ, не легко увлекающагося, разсудительнаго: народонаселенію съ такимъ характеромъ скорѣе чѣмъ какому-либо другому должны были наскучить усобицы, сопряженныя съ ними безпокойства, бѣдствія, такое народонаселенія должно было скорѣе другаго понять, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было единовластіе, подчиненіе всѣхъ князей одному сильнѣйшему, при чемъ, какъ видно, народонаселеніе присоединяемыхъ къ Москвѣ княжествъ ничего не теряло, не имѣло повода жалѣть о своей прежней особности. Не могло быть сильныхъ препятствій со стороны дружинъ, ибо дружинники, какъ мы знаемъ, не были тѣсно связаны съ извѣстнымъ княземъ, съ извѣстнымъ княжествомъ, имѣли право перехода отъ слабѣйшихъ князей къ сильнѣйшему, служба которому была выгоднѣе. Нако-

нецъ, сословіе, пользовавшееся могущественнымъ нравственнымъ вліяніемъ, сословіе духовное изначала дѣйствовало въ пользу единовластія.

Извнѣ Литва не могла мѣшать Москвѣ усиливаться, сильно и долго защищать отъ нея слабѣйшія княжества; сначала Тевтонскій Орденъ, еще могущественный, постоянно отвлекалъ вниманіе Литовскихъ князей на западъ, потомъ, послѣ брака Ягайлова на Ядвига, вниманіе ихъ было поглощено отношеніями къ Польшѣ, къ которымъ присоединились еще отношенія къ падающему и распадающемуся Ордену, къ Богеміи, Венгріи. Натиски Швеціи и Ордена Ливонскаго были таковы, что отдѣльныхъ силъ Новгорода и Пскова было достаточно для противоборства имъ. Продаваемая за деньги помощь Татарская была постоянно готова для каждаго сильнаго и богатаго князя.

Между тѣмъ въ Европѣ происходятъ великія явленія: если на сѣверъ отъ Чернаго моря владычеству Азіатцевъ нанесенъ сильный ударъ отъ новорожденного Московскаго государства; если Куликовская битва предвозвѣстила конецъ давняго господства кочевыхъ варваровъ на великой восточной равнинѣ въ слѣдствіе начавшагося здѣсь сосредоточенія и усиленія европейскаго государства, то на югѣ одряхлѣвшая окончательно Византія пала предъ Турками. Европейскіе христіанскіе народы не поддержали Греческой имперіи: подобныхъ государствъ не лзя поддержать при всемъ желаніи и при всѣхъ средствахъ; кромѣ того Европейскіе народы въ описываемое время были сильно заняты у себя: то былъ знаменитый XV вѣкъ, когда юныя Европейскія государства, послѣ тяжелаго внутренняго процесса, знаменующаго такъ называемую Среднюю исторію, стремились къ окончательному сосредоточенію, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. На востокѣ одновременно видимъ сосредоточеніе сѣверныхъ Русскихъ областей около Москвы, сосредоточеніе Польши, и образованіе Литовскаго государства преимущественно изъ областей Руси югозападной. Польша соединяется съ Литвою подъ одною династією, но соединяется внѣшнимъ соединеніемъ, ибо внутреннему препятствуетъ разность вѣроисповѣданій. И вотъ Римъ, пользуясь бѣдствіемъ Византіи, устриваетъ дѣло соединенія церквей; Исидоръ, въ званіи митрополита всея Руси, под-

писываетъ во Флоренціи актъ соединенія; но въ Москвѣ этотъ актъ отвергнуть, здѣсь рѣшили остаться при древнемъ благочестіи: одно изъ тѣхъ великихъ рѣшеній, которые на многіе вѣка впередъ опредѣляютъ судьбы народовъ! Если борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ, борьба, предвозвѣщенная въ описываемое время Гуссомъ, опредѣлила на долго судьбы западной Европы, то борьба между католицизмомъ и православіемъ, борьба, условленная отринутіемъ Флорентійскаго соединенія въ Москвѣ, опредѣлила судьбы Европы восточной: вѣрность древнему благочестію, провозглашенная Великимъ Княземъ Василіемъ Васильевичемъ, поддержала самостоятельность сѣверовосточной Руси въ 1612 году, сдѣлала невозможнымъ вступленіе на Московскій престолъ Польскаго королевича, повела къ борьбѣ за вѣру въ Польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великою, условила паденіе Польши, могущество Россіи и связь послѣдней съ единовѣрными народами Балканскаго полуострова.

При такихъ обстоятельствахъ образовалось Московское государство? Формы, въ которыхъ оно образовалось, условливались отношеніями къ духовенству, дружинѣ и остальному населенію: отношенія духовенства условливались Византійскими предавіями; дружина не была дружиною завоевателей; сначала, на югѣ, при многочисленности членовъ княжескаго рода, члены дружины не могли пріобрѣсть значенія постоянныхъ областныхъ правителей; при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній, при переходѣ князей изъ одной области въ другую, члены дружины не могли пріобрѣсть въ областяхъ значенія постоянныхъ знатнѣйшихъ землевладѣльцевъ; на сѣверѣ, при осѣлости князей, члены дружины получили возможность пріобрѣсть послѣднее значеніе; здѣсь видимъ богатые и могущественныя фамиліи; но съ начала уже замѣчаемъ, что при самыхъ богатыхъ и могущественныхъ изъ нихъ богатство и могущество не остаются долго: Алексѣй Петровичъ Хвостъ гибнетъ, какъ видно, отъ соперниковъ своихъ, отъ Вельяминовыхъ; значеніе послѣднихъ никнетъ при Димитріи Донскомъ; при Васиіи Дмитріевичѣ поднимаются Кошки, не сохраняютъ своего первенствующаго положенія при Васиіи Темномъ; Всеволожскій, поднявшійся-было въ малолѣтство послѣдняго, скоро падаетъ, имѣніе его также переходитъ къ Великому

Князю, равно какъ имѣнію Свибловыхъ и Константиновичей. Соперничество фамилій безспорно много помогло и при уничтоженіи оаза тысяцкаго и вообще помогало князьямъ управляться съ отдельными членами дружины, опасными или почему бы то ни было неугодными, тѣмъ болѣе, что вообще, очень важное значеніе дружины не затрогивалось. Съ другой стороны значеніе старыхъ фамилій постоянно ослаблялось приливомъ знатныхъ выходцевъ, искъвшихъ службы при дворѣ сильныхъ князей Московскихъ; особенно въ послѣднее время пріѣзжаетъ много князей, Рюриковичей и Гедиминовичей, которые, въ описываемый періодъ, сохраняютъ свое первенствующее положеніе, именуются прежде бояръ; пришельцы заѣзжаютъ, оттѣсняють членовъ старыхъ фамилій; неудовольствіе послѣднихъ не можетъ вести ни къ чему: безъ нихъ обойдется, другихъ слугъ много; невыгодно промѣнять службу въ сильной, богатой Москвѣ на службу въ другомъ княжествѣ; если же недовольный и отъѣдетъ, начнетъ крамолить, поджигать усобицы, то все эти усобицы оканчивались торжествомъ князя Московскаго, при чемъ извѣстна участь Вельяминова, Всеволожскаго, Константиновичей. При постоянномъ движеніи, пріѣздѣ отовсюду новыхъ слугъ, трудно было образоваться какимъ-нибудь постояннымъ отношеніямъ и положеніямъ, и потому видимъ смѣны, перемѣщенія; въ концѣ описываемаго времени видимъ на первомъ планѣ или князей или членовъ такихъ родовъ, которыхъ не видимъ прежде на первомъ мѣстѣ. — Касательно отношеній остальнаго народонаселенія намъ не нужно ничего прибавлять къ тому, что было прежде сказано о значеніи городовъ сѣверовосточной Руси.

Такъ образовалось Московское государство.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Никон. IV, 239: И умзди князей царевыхъ, чтобъ печаловались о немъ царю Тахтамышу. Они же взяша много злато и сребро и великіе дары, такоже и царь Тахтамышъ взя многое злато и сребро и великіе дары.

2) Мещера была куплена еще Донскимъ; Таруса имѣла особыхъ князей. См. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 32

3) Арцыбашевъ догадывается, что Цыбирца можетъ быть испорченное Симбирскъ; но въ такомъ случаѣ не скорѣ ли Цывильскъ. — См. Акты истор. I, № 12.

4) Село Нижегородской губерніи Макарьевского уѣзда.

5) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 35.

6) Тамъ же, № 38.

7) Тамъ же, № 40.

8) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 37; Акты Арх. Эксп. I, № 10

9) По Никонов. лѣтоп. (IV, 253) Новгородцы заплатили 350 рублей митрополичьему послу за то, что привезъ имъ благословеніе, а потомъ послали митрополиту еще 600 рублей. Въ Новгор. IV й (Ш. С. Р. Л. IV, 100) подъ 1394 г.: «а отъ митрополита Кипріяна бояринъ Дмитрокъ пріѣхалъ прошать сребра полчетверстага рублевъ, что вѣзидь Кюръ Созоновъ да Василей Щечкинъ въ Царьградъ къ Патріарху посломъ отъ Новагорода о благословеніи, и скопиль долгу, а Новгородцы даша Дмитроку то сребро. Архангел. стр. 114: «и послаша Новгородци и владыка Іоаннь въ Ростовъ къ Ѳеодору архіепископу Ростовскому, чтобъ вѣхалъ къ Москвѣ да билъ челомъ В. К. Вас. Дм. о миру. А митрополиту послаша грамоту цѣловальную... и арх. Ѳеодоръ В. К. билъ челомъ и даша Новгородцы В. Князю 10,000 рублей, а владыка далъ В. Князю 1000 рублей.»

10) Татищ. IV, 388. Что подобныя сношенія съ Витовтомъ дѣйствительно были, о томъ прямо говорить Новгородская лѣтопись. См. ниже.

11) Любопытенъ разсказъ Архангел. лѣтописи (стр. 116): «И пришедше на Устюгъ (Новгородцы) въ соймахъ, и повоеваша, посады пожгоша, и волости многія повоеваша, а города Гледѣна не могоша взяти, и

стояша подь городомъ три недѣли... а у Устюжанъ съ города и съ церковей копейщины просиша и они имъ не дали. И воеводы Новгородскія на Устюжанъ разгнѣваша, да и церковь соборную Пречистыя пограбиха, а иконы чудотворныя Одигитріе взяша въ полонъ, а иныя многи, и неше въ насадъ поставиша, и насадъ отъ берегу не поиде. Единъ Ляпунъ старъ вскочи въ насадъ, и связа икону убрусомъ, и глагола тако: Никой полонянинъ не связанъ на чужую землю нейдетъ. И поидоша прочь, а церковь соборную зажгоша... И бысть на нихъ гнѣвъ Божій и Пречистые Его Матери, и бысть на нихъ на пути коркота, начало имъ корчити руки и ноги, хребты имъ ломати, и мало ихъ придоша здоровыхъ въ Новгородъ, и тамъ на нихъ слѣпота бысть... Владыка же повелѣ имъ, обѣщався поставити церковь соборную на Устюзѣ, и чудотворныя иконы отвезти со всею крутою и съ полономъ назадъ. И сотвориша обѣтъ, иконы поставиша во св. Софѣи, и пѣвше молебны. И бысть имъ милость отъ Бога. Въ лѣто 6907, владыка Иванъ и Новгородцы послаша мастеровъ церковныхъ на Устюгъ, и съ ними гостей своихъ, людей добрыхъ, и проводи владыка и весь Новгородъ иконы чудотворныя до Ладоги; а гости многія проводиша до Устюга. И поставиша церковь на Устюзѣ древяну велику единого лѣта, соборную Успеніе Пресвятыя Богородицы.»

12) И потому онъ называется въ лѣтописи разстригою.

13) Никон. IV, 300: «Иванъ владыка архіепискупъ Новгородскій приде изъ Новагорода на Москву къ Кипріану митрополиту, позванъ о святительскихъ дѣлахъ, и пребысть у Кипріана митрополита въ наказаніи и смиреніи. Тогоже лѣта бысть соборъ на Москвѣ... отписася архіепискупъ Иванъ Новгородскій свое епискупьи.—Архангел. (121): «Приѣха владыка Иванъ Новгородскій на Москву бити челомъ В. Князю о Торжку, и Кипріанъ, по В. Князя слову, владыку поймалъ, да посадилъ въ Чудовскомъ монастырѣ, за мѣсячной судъ, что не дали.—Татищ. IV, 404: В. Князь Василій, увѣдавъ, яко Новгородцевъ владыка Іоаннъ на ихъ зло поучаетъ и въ волости Заволоцкой ропта возстаеъ, рекъ митрополиту Кипріану: «отче! не добръ творить владыка Іоаннъ съ Новгородцы: посылая на Волокъ дани емлютъ и людей отчины моя пужаютъ и сольцаютъ къ себѣ; а вы поставлены къ миру и любви учити, мне же имѣніе собирати и возноситися. И митрополитъ вскорѣ посла въ Новгородъ стольника своего Новосильца, повели ему развѣдати добръ и владыку звати о святительскихъ дѣлахъ.»

14) Ниже устья рѣки Ямцы 50 верстъ градъ Колмогоры; есть и село Емецкое—Арцыб. II, прим. 699.

15) Арханг. лѣтоп. прямо говоритъ, что В. Князь велѣлъ брату своему Юрію воевать Двинскую землю.

16) Мы видѣли, что въ 1388 году свергнутъ былъ посадникъ Осипъ Захаровичъ, и на его мѣсто возведенъ Василій Ивановичъ; подь 1391 годомъ, встрѣчаемъ имена старыхъ посадниковъ—Василія Федоровича,

Богдана Обакумовича, Феодора Тимофеевича; подъ слѣдующимъ годомъ упоминается о смерти двоихъ посадниковъ — Василя Феодоровича и Михаила Даниловича; но не-извѣстно, какъ лишился своей должности Василій Ивановичъ, и когда возведенъ опять въ степенные посадники свергнутый прежде Осипъ Захаровичъ, а въ 1394 году прямо говорится о вторичномъ сверженіи Осипа Захаровича и возведеніи на его мѣсто одного изъ старыхъ посадниковъ, Богдана Обакумовича. Подъ 1397 годомъ видимъ въ посадникахъ уже Тимофея Юрьевича, вѣроятно сына прежняго посадника Юрія Ивановича. Этотъ-то Тимофей Юрьевичъ, вмѣстѣ съ старымъ посадникомъ Юріемъ Дмитріевичемъ, и другимъ бояриномъ, Василиемъ Борисовичемъ, возвратилъ Новгороду Заволоцкія его владѣнія, захваченныя Московскимъ княземъ, посломъ къ которому, для заключенія мира, отправлялся старый посадникъ Осипъ Захаровичъ. Въ 1404 году степеннымъ посадникомъ былъ Александръ Фоминичъ. Подъ 1405 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти посадника Василя Ивановича, возведеннаго, какъ мы видѣли, въ 1388 году; но умеръ ли онъ снова степеннымъ посадникомъ, или только старымъ — неизвѣстно. Въ 1409 г. умерли двое извѣстныхъ намъ посадниковъ — Тимофей Юрьевичъ и Осипъ Захаровичъ; въ слѣдующемъ году умеръ неизвѣстный намъ посадникъ Кириллъ Адриановичъ, степеннымъ же въ то время былъ Григорій Богдановичъ, какъ видно, сынъ стараго, Богдана Обакумовича. Подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчаемъ имена посадниковъ: Юрія Онцифоровича, Фомы Есиповича (вѣроятно сына Осипа Захаровича) и Александра Фомича. Подъ 1414 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти неизвѣстнаго намъ посадника Кирилла Дмитріевича (который былъ тысяцкимъ въ 1404 году), подъ слѣдующимъ годомъ — Феодосія Обакумовича, какъ видно, брата Богдана Обакумовича. Въ 1416 году степеннымъ посадникомъ является Иванъ Богдановичъ, какъ видно, другой сынъ Богдана Обакумовича; въ 1417 году Семень Васильевичъ; въ томъ же году умерли посадники: Юрій Онцифоровичъ, Иванъ Александровичъ, Борисъ Васильевичъ; въ 1418 году степеннымъ былъ Василій Осиповичъ, быть можетъ, сынъ Осипа Захаровича. Иванъ Богдановичъ умеръ въ 1419 году. Подъ 1420 встрѣчаемъ имя стараго посадника Аванасія Феодоровича; въ слѣдующій годъ умерли двое посадниковъ — Феодоръ Тимофеевичъ и Александръ Фоминичъ. Степеннымъ посадникомъ въ этомъ году былъ Андрей Ивановичъ; два конца — Неревскій и Славенскій встали на этого Андрея за землю какого то Клементія Артемьина: жители ихъ вооружились, пограбили дворъ посадника и другихъ бояръ, убили 20 человекъ помощниковъ Андреевыхъ, и, потерявши съ своей стороны двухъ человекъ, утихли.

17) Такъ въ Новгород. перв., въ четвертой же: Ованаса Есифовича.

18) Посадъ Селца при р. Шелонѣ, въ Порховскомъ уѣздѣ.

19) С. г. г. и д. т. I, № 36. Но еще въ 1392 году Василій взялъ у

хана ярлыкъ на Торусу: значить онъ оставитъ тамъ прежнихъ князей въ качествѣ подручниковъ.

20) Рѣка Смедва, впад. съ Тульской стороны въ Оку.

21) Акты арх. эксп. I, № 14.

22) П. С. Р. л. V, 232.

23) Объ этомъ Иванѣ Всеволодовичѣ подь 1397 годомъ встрѣчаемъ слѣдующія извѣстия: «Князь Иванъ Всеволодичъ отъѣха со Твери на Москву къ В. К. Василью Дмитріевичу, а дядѣ своему В. К. Мих. Алек. Тверскому посла цѣлованіе крестное сложи... Женися князь Ив. Всеволодичъ Тверскій на Москвѣ, у Вел. Книгини Евдокѣи поятъ дщерь В. Кн. Дмитрія Ивановича Настасію.—Московскій князь далъ Ивану въ кормленіе Торжокъ».—Въ Псков. лѣтоп. подь 1399 годомъ: «Псковичи послаша ко Кн. Вел. Василью Дмитреевичу, и испросиша себѣ князя Ивана Всеволодовича, Александрова внука Тверскаго, и пріѣха Иванъ Всеволодовичъ во Псковъ. Того же лѣта, въ осень, представися князь Михаилъ Тферскій. Той же осени выѣха изо Пскова князь Иванъ.»

24) У Карамз., прим. 213, вставлено неизвѣстно къ какому году относящееся извѣстіе изъ Троицкой лѣтописи: Князь Юрм Всев. приде изъ Орды, добываяся Кашина, да третьей части Твери.

25) Такъ наз. Тверская лѣтопись, рукоп. въ Импер. Публич. Библ.

26) Собр. гос. гр. и дог. II, № 15.

27) Витовтъ въ письмѣ къ в. магистру Ордена наз. хана Chudap-dach. Моск. Арх. Мин. Ин. Д. копія съ Кенигсбергскихъ актовъ. Lief. VII, № 147.

28) Кроимъ Нѣмцевъ и Свидригайла, Витовтъ, ставши В. Княземъ Литовскимъ, долженъ былъ вести войну съ Дмитріемъ Корибутомъ княземъ Сѣверскимъ, и Ѳеодоромъ Кориатовичемъ, княземъ Подольскимъ. Во время владычества Рюриковичей надъ южною Русью, Подолія была мало заселена. Послѣ Батыя утвердились здѣсь Татары. Олгердъ разбилъ трехъ братьевъ; князей Татарскихъ—князя Хочебоя, Кутлубуга и Дмитрія, которые были, по выраженію лѣтописца (Данилов. стр. 49), отчичи и дѣдичи Подольской земли. Олгердъ отдалъ эту землю четыремъ братьямъ, сыновьямъ князя Кориата—Юрью, Александру и Ѳеодору, которые населили страну и построили въ ней городовъ. Три старшіе Кориатовича умерли безъ наследниковъ; младшій, Ѳеодоръ остался одинъ господиномъ Подоліи и не хотѣлъ признавать власти Витовта; тогда послѣдній выгналъ Ѳеодора изъ Подоліи и взялъ ее себѣ; потомъ продалъ половину Польшѣ, опять выкупилъ и держалъ за собой до самой смерти своей, послѣ чего Поляки насильственно отторгнули ее отъ Литвы.—Отъ Александра Кориатовича дошла до насъ грамота, данная имъ Смолитрицкому Доминиканскому монастырю на мельницу. Здѣсь упоминается о дани Татарамъ; слѣд. Подолія еще не совсемъ была освобождена отъ ихъ зависимости. См. Акты, относящ. къ исторіи запад. Россіи, т. I, № 4.

29) Акты относящ. къ Истор. Западн. Россіи, т. I, № 10.

30) Этихъ 20 слишкомъ князей лѣтописецъ высчитываетъ по имени; а потомъ говоритъ, что всѣхъ князей убито 74; но откуда же взялось 74, когда всѣхъ князей было 50? Касательно окуна съ Кіева въ одинъ лѣтописяхъ находимъ 3000, въ другихъ только 500 рублей.

31) Супрасльская рукопись, стр. 136: Князь же Василій обѣща ему дати силу свою и удержа его на тые сроки, а норовя тьсти своему Витовту».

32) Лѣтоп. содерж. Русс. ист. отъ 852—1598 г., стр. 123, 124.

33) Русу, Ладогу, Орѣховъ, Тиверскій, Корѣльскій, Копорью, Торжокъ, Волокъ-Лавскій, Порховъ, Вышегородъ, Высокое, Комжань, Городецъ. Н. С. Р. л. IV, 107.

34) Съ перваго раза кажется, что Псковичи новоевали волости Литовскія, и слѣд. Ржева (село Подржевка, къ югу отъ города Новоржева, Псковской губерніи; см. Сѣвер. Арх. 1822, № 23) и Великія Луки принадлежали уже Витовту. Но въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано слѣдующее: «Псковичи же отъслали ихъ (полки Новгородскіе) къ Новугороду, а сами вѣзше на крестномъ цѣлованіи завоеваша села Новгородская, Луки и Ржеву (И. С. Р. л. V, стр. 254). Псковичи дѣйствительно воевали и Литовскія и Новгородскія волости вѣстѣ, ибо Ржева съ Великими Луками принадлежали Литвѣ и Новгороду пополамъ, какъ принадлежали прежде Новгороду и Смоленскимъ князьямъ пополамъ, когда же Витовтъ овладѣлъ Смоленскомъ, то съ этимъ приобрѣлъ право и на всю Смоленскую волость.

35) Серпейскъ, замѣтатный городъ Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда.

36) Плава впадаетъ въ Упу близъ Крапивны, Тульской губерніи; Дмитровецъ теперь деревня въ Калужской губерніи на рѣкѣ Протвѣ.

37) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., коши съ Кѣнигсберг. актовъ, Lieferung VI, № 144. За возможность пользоваться этими любопытными актами изъявляю глубочайшую благодарность князю Михаилу Андреевичу Оболенскому.

37) Никон. V, 109. Касательно другаго выхода, Нелюба, въ Кѣнигсберг. тайномъ архивѣ находится донесеніе в. магистру Ордена, о томъ, что Витовтъ помирился съ Свидригайлomъ, намѣренъ помириться и съ Московскимъ княземъ, если тотъ выдастъ ему князя Александра Ивановича и Юрія Смоленскаго. — Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣл., копія съ актовъ Кѣнигсберг. архива, Lieferung II, № 26.

39) Шла молва, будто Скиргайло былъ отравленъ, и подозрѣвали въ преступленіи Оуму, митрополичьаго намѣстника, послѣ обѣда у котораго Великій князь заболѣлъ и на седьмой день умеръ. Витовтъ узнавъ о смерти Скиргайла, прислалъ въ Кіевъ князя Ивана Ольгимантовича Ольшанскаго, въ качествѣ своего намѣстника. Этотъ князь палъ

въ битвѣ при Ворсклѣ. Преемникомъ его былъ, какъ видно, сынъ прежняго князя Владиміра Олгердовича, Александръ или Омелько Владиміровичъ, отъ него имѣемъ мы двѣ грамоты: одну, данную въ 1411 году Кіевскому Доминиканскому монастырю—въ ней Александръ подтверждаетъ пожалованіе отца своего (описаніе Кіево-Софійскаго Собора, стр. 99); другая дана имъ, вмѣстѣ съ женою, Лаврешевскому монастырю на десятину (Акты, относящ. къ истор. запад. Россіи, т. I, № 28); въ этой грамотѣ говорится: «Се язъ князь Олександро Володимировичъ, и съ своею княгинею Московъкою и своими дѣтми, дагъ есмь десятину Св. Богородицѣ и проч.» Эта княгиня Московка была Анастасія, дочь Московскаго Великаго князя Василія Дмитровича. Преемникомъ Александра въ Кіевѣ былъ сынъ его Семень. Кромѣ преемства князей, лѣтописи упоминаютъ еще объ опустошеніи Кіева и всей Русской земли Татарами подъ предводительствомъ Эдгея въ 1416 году (Густин. лѣтоп. стр. 354). — Постановление сеймовъ — Виленскаго и Геродельскаго см. въ Zbiór praw Litewskich—Działynskiego, стр. 3, 7, 20.

40) Полное собр. рус. лѣтоп. IV, 197: «Приде мѣсторъ Рижскій со всею силою своею, и Юрьевичи, и изъ Курска (и Курци, т. е. жит. Курляндіи), и подъ Островомъ, и подъ Котелномъ были, а на устьи Свни стояли по обѣ стороны рѣки». Рѣка Свня впадаетъ въ Опочкинскомъ уездѣ въ рѣку Великую.

41) Мѣстечко Велья, при рѣкѣ того же имени, Псковск. губерн. Опочкинскаго уѣзда.

42) Село Логозовичи, Псковскаго уѣзда, на дорогѣ къ Изборску.

43) Карамз. V, прим. 202.—Приводимая Карамз. грамота въ прилжч. 218 не можетъ относиться къ 1420 году, по сличеніи именъ и словъ съ имена ми, какъ они читаются въ лѣтописи.

44) П. с. р. л. III, 104: «И взяша пригородъ Тиверскій»; въ другихъ спискахъ—Керъльскій.

45) И нововаша въ Варзугѣ (рѣка Варзуха Кольскаго уѣзда Архангел. губерн.) погостъ Керъльскыи, и въ землѣ Заволоческой погосты: въ Ненокѣ (Архангел. уѣзда), въ Козъльскомъ монастырѣ св. Николая, Конечный погостъ, Яковлю, Курью, Оудреановъ берегъ, Кигъ островъ, Кяръ островъ, Михайловъ монастырь, Чиглонимъ, Хѣчиннива.

46) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 39.

47) Тамъ же, № 41.

48) Тамъ же, № 42.

49) Что же касается извѣстія, сообщеннаго Герберштейномъ (Regni Moscovit. Auctores varii, Francof. p. 6), будто Василій Дмитріевичъ, подозрѣвая жену свою Анастасію (Софью) въ невѣрности, отказалъ Великому княжеству не сыну Василю, но брату Юрію, то это сказка, выдуманная и рассказанная Герберштейну людьми, озлобленными на потомство Василя Темнаго.

- 50) Собр. Гос. гр. и дог. т. II, № 15.
- 51) Феодоръ Ив. подписался подъ 2-ю и 3-ю духовною. Вас. Дмитр.
- 52) Никон. IV, 251; здѣсь ошибкою—Феодоровичъ см. Феофановичъ.
- 53) Москов. Сборн. 1847 года, стр. 280.
- 54) Карамз. V, примѣч. 257.
- 55) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 43 и 44.
- 56) Тамъ же на оборотѣ написано: «А сю грамоту кн. Великому прислалъ съкладною вмѣстѣ князь Юрьи, къ Орды вѣд.»
- 57) Никон. V, 112; иначе говорится въ другихъ лѣтописяхъ, напр. П. С. Р. Л. V, 264; «И на той свадьбѣ Захарья Ивановычъ Кошкинъ нѣлся за поясъ у князя Василья Юрьевича у Косого». Въ Архангел. (стр. 138) прибавлено: «и ручи тотъ поясъ проналъ у меня, коли крали казну мою». По родословныхъ, у Ивана Феодоровича Кошки действительно значится сынъ Захарія.
- 58) Никон V, 114: А отъ Москвычъ не бысть никому же помощи, мнози бо отъ нихъ пьяни бяху, а и съ собою медь везаху, чтобъ нѣтъ еще..
- 59) Акты Истор. I, № 40.
- 60) Собр. Гос. гр. и дог. т. I, № 49 и 50. Тамъ наз. Тверская лѣтопись въ Импер. Публич. Библиот.
- 61) Оставленная Юриемъ духовная написана прежде, а именно тотчасъ по приходѣ изъ Орды, когда еще онъ владѣлъ Дмитровомъ. Сл. С. г. г. и т. д. I, № 51.
- 62) С. г. г. и д. т. I, № 52 и слѣд.
- 63) Акты арх. эксп. т. I, № 29.
- 64) Никон. V, 120; Акты Истор. I, № 40.
- 65) Арханг. стр. 147.
- 66) С. г. г. и д. I, № 56 и 57.
- 67) Тамъ же, № 60.
- 68) Никон. V, 157.
- 69) См. посланіе духовенства къ Шемякѣ—Акты Истор. I № 40: «Егда приходилъ къ Москвѣ безбожный царь Махметъ, и кн. Вел. Вас. Вас. колькое пословъ своихъ по тебѣ посылалъ такоже и грамотъ, зовучи тебе къ собѣ на помощь? и ты къ нему не пошелъ.
- 70) С. г. г. и д. I, № 46
- 71) Тамъ же, № 47.
- 72) Тамъ же, № 48.
- 73) Тамъ же, № 45.
- 74) Неподобная и скверная дѣяху
- 75) Акты Истор. I, № 40.
- 76) П. С. Р. Л. IV, 125; тамъ же, стр. 213, показано 2700 сго-рѣвшихъ.
- 77) Тамъ же, стр. 125; стр. 213: «Посуливъ на собѣ (В. князь)

отъ золота и сребра и отъ портища всякого и отъ коней, и отъ достѣховъ пол-30 тысящъ, а съ нимъ придоша 500 татарь».

78) Собр. гое гр. и дог. I, № 61. Эта договорная грамота В. князя съ Андреевичами написана 17 Юля 445 года, слѣд. когда В. князь съ Михаиломъ Андреевичемъ находились въ плѣну Татарскомъ, и Михаилъ дѣйствовалъ именовемъ отсутствующаго старшаго брата.

79) Троицкіе—П. С. Р. Л. V, 268.

80) Городокъ Радонежь близъ Троицы упоминается Никон. IV, 205; VI, 130, Село Радонежское С. г. г. и д. I, №№ 21, 22.

81) П. С. Р. Л. IV, 125; такъ наз. Тверская лѣтопись въ Импер. Публич. Библиот.

82) Арханг. лѣт. стр. 153: здѣсь сказано, что Шемяка выпустилъ Василія 15 Сентября.

83) Неволею, какъ сказано въ Львовской Лѣтописи, III, 342. Въ одной лѣтописи (рукоп. Импер. Публ. Библи. XVII вѣка) читаемъ: «Князь же Великій поиде ко Твери, и обручалъ тогда князь Великій за большаго сына своего за князя Ивана Горбатаго, тако бо зва его отецъ». Въ такъ наз. Тверской лѣтописи сказано, что Василій отдалъ Тверскому князю Ржеву; но Ржевичи сдались Борису Александровичу только тогда когда онъ пришелъ на нихъ съ пушками. Но въ договорѣ съ Казимиромъ и въ завѣщаніи Василія Темнаго Ржева въ Московской сторонѣ; развѣ предположить, что Василій взялъ себѣ назадъ этотъ городъ при болѣе благоприятныхъ для себя обстоятельствахъ.

84) Духовная Іоанна III (С. г. г. и д. I, № 144): «Да сыну же своему Юрію даю городъ Брянскъ съ волостями и погосты, и зъ селы и со всеми пошлинами, со веємъ, что къ Брянску потягло; да волости Соловьевичи, Прикладки, Пацынь».

85) С. г. г. и д. I, № 67: «Да что есмь взяли казну Князя Вел., и матере его Вел. Княгини, и его Вел. Княгини, и бояря его и Марыню Голтяевы.»—Родосл.: «А у пятаго сына Андреева у Кобылина у Федора у Кошки четыре сына; большой Иванъ, другой Федоръ Голтяй; а у Федора у Голтяя дѣти: Иванъ да Гаврило, да Ондрей бездѣтны, да дочь его была за княземъ Ярославомъ Володимировичемъ Боровскимъ».

86) Тамъ же, № 62.

87) С. г. г. и д. I, № 63.

88) Тамъ же, № 66.

89) Тамъ же, № 64.

90) Тамъ же, № 71 и слѣд.

91) Акты Истор. I, № 40.

92) Тамъ же, № 43.

93) Акты, относящ. къ исторіи западн. Россіи, т. I, № 49.

94) Рѣка Вологодской губерніи, Вельскаго уѣзда, впад. въ Вагу. — О смерти Шемякиной находимъ любопытное извѣстіе въ житіи св. Паф-

нута Боровскаго (соч. Вассіаномъ Рыло, см. Макарьевскія минеи): «Нѣкій человекъ, именовъ Иванъ, съ баше по наученію нѣкомъ въ великомъ Новгородѣ, служа у нѣкоего князя благочестива, и господина своего отравою умори, послѣди же зазрѣвъ себѣ облечеса въ иноческій образъ и прише въ обитель святаго; онъ же видѣвъ его грядуща, рече къ ученикомъ: зрите ли человека сего, яко ни иноческаго ради образа очистися отъ крови! .. Послѣди же повѣда блаженный единому ученику: съ человекъ князя Дмитрія Шемяку отравою уби.»

95) Акты Истор. I, № 56.

96) С. г. г. и д. I, №№ 84 и 85. Я ставлю этотъ договоръ прежде, потому что въ немъ не упоминается еще объ изгнаніи Ивана Можайскаго.

97) Тамъ же, №№ 78 и 79.

98) Акты арх. экск. I, № 70.

99) С. г. г. и д. I, № 80.

100) Акты арх. экск. I, № 25. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣль, Кенигсбер. акты, Lief. VII, № 164: in unser Vormundshaft vorgewunge und beschutzunge genczlich hat befulen (В. К. Московская).

101) Тамъ же, № 26.

102) Акты относящ. къ истор. запад. Россіи, I, № 33. Такъ наз. Тверская лѣтопись въ Ишнер. Публ. Библ. Здѣсь сказано, что Тверскіе поля были съ воеводою Захаріею Ивановичемъ.

103) Акты арх. экск. I, № 33. Съ Тверской стороны договоръ написанъ отъ имени В. Князя Бориса и удѣльныхъ: Ѳедора Ѳедоровича, Ивана Юрьевича и Андрея Ивановича.

104) Акты, относящ. къ исторіи запад. Росс. I, № 54.

105) Тамъ же, № 50. Здѣсь мы видимъ даже, что относительно смѣснаго суда между Тверскими и Новгородскими подданными дѣло идетъ непосредственно между В. Князьями Московскимъ и Литовскимъ, какъ будто бы Новгородъ принадлежалъ совершенно Москвѣ, а Тверь Литвѣ; «А съ Новгородцы В. К. Борысу жити по старыѣ; а всимъ обиднымъ дѣломъ давати имъ межн собою судъ и расправа, на обѣ сторонѣ, безъ перевода: а о чемъ ся сопруть, и они сложать на митрополита, кто будетъ обѣйма нама любъ; и митрополитъ на кого помолвить, помолвить ли на Новгородца, а не исправитца; а ему послати ко мнѣ, къ В. К. Василью, и мнѣ то справити; а помолвить ли на Тферытина, а не исправитца, и ему послати до тебе, короля и В. К. Казимира, и тобѣ то исправити.»

106) Собр. гос. гр. и дог. I, № 76.

107) Акты Истор. I, № 54.

108) П. С. Р. л. III, 114: «Пріѣха Кн. Вел. Васил. Васил. въ Новгородъ, на Святой недѣли, апрѣля въ 1. Тогда же на Святой недѣли апрѣля въ 5, выѣха весь Великій Новгородъ ратию на поле, на Зарѣцкую сторону, къ Жмлотугу, а князь Василей былъ тогда на Городищѣ;

и не бысть Новгородцемъ ничтоже». — Значить Новгородцы хотѣли защищаться отъ Василія.

109) П. С. Р. л. III, 112; Акты арх. эксп. I. № 32.

110) Акты Истор. I, № 258. — О Тверской помощи см. такъ наз. Тверскую лѣтопись въ Импер. Публич. Библиот., гдѣ названы воеводы: Александръ Романовичъ и Карпъ Федоровичъ.

111) Останокъ людей. Должно быть, здѣсь разумѣются жители Торжка въ Московской великокняжеской сторожѣ, ибо Новгородскую сторону тверичи взяли еще прежде.

112) Акты Истор. I, № 53.

113) Акты арх. эксп. I, № 372.

114) Яжолбицкій ямъ во 120 верстахъ отъ Новгорода.

115) Акты арх. эксп. I, № 58.

116) Соф. Врем. II, 66. П. С. Р. л. IV, 127: «Прїѣха въ Новгородъ К. В. Московскій Василей Васильевичъ, на миру, къ св. Софїи на поклонъ; а Новгородци въ сторожѣ жили».

117) Что это значить? не должно ли читать на оборотъ.

118) Dlugossi L. XI, p. 497; Narbutt, VI, 488.

118) Dlugossi, L. XI, p. 508.

120) Тамъ же, p. 155. Scandalizavit hic sermo Ruthenos populos, viuentes ritu Graecorum, et in suis confirmavit erroribus. Propter quod Sigismundum regem sanctum vocabant, deducentem fidem Graecorum esse praestantiorum quam Latinorum. Eratque in ore omnium ac sermone Ruthenorum, Sigismundus rex, summis laudibus illum efferentium, quod Graecorum ritum propensiorum quam Romanum judicasset.

121) Я здѣсь перевожу только слово въ слово Польскаго лѣтописца: Callidus tamen ipse polonicaeque avaritiae peritus plerosque Polonorum primores auro et argento implevit. Dlugossi, I, XI, p. 520.

122) Narbutt, VI, 518.

123) Dlugossi, L. XI, p. 548.

124) Ibid. p. 553.

125) Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Кёнигсбер. акты, Lief. III, № 78 и 81; IV, № 96.

126) Вышегородское село Пековской губернии, Порховскаго уѣзда.

127) Dlugossi, L. XI, p. 566. In Withaudi ducis morte, etsi nonnulli vultu simularent in prospectu tristitiam, multi tamen et praesertim Rutheni, laetabantur nimium, sperantes sibi et sectae suae schismatae meliora, rerum permutatione, et Switrigelli successione, proventura.

128) Ibid. L. XI, p. 573. Quia tamen durum et difficile visum est, illum de possessione ducatus magni detrudere, eum quod Wladislaus Poloniae rex occulto et intenso ardore sciebat sibi favere, tum quod a Ruthenis miro diligebatur affectu.

129) Ibid. p. 582.

130) Ibid. p. 645, 724; П. С. Р. Л. III, 113: «Сей же князь лють и немилостивъ и сребролюбивъ, паче (всѣхъ) человекъ, и много князей Литовскихъ погуби, иныя истопи, иныя погуби мечемъ, а пановъ и земскихъ людей не мало безъ милосердія изгуби.

131) Dlugóssi, L. XI, p. 723: Dux Iwan Czartoryiski ritus et generis Ruthenici.

132) Рѣка Суходровъ вытекаетъ изъ Калужскаго увѣда и впадаетъ въ Мединскомъ, въ рѣку Шаню.

133) Никон. V, 195: «Приходиша х Колузѣ Литва, панъ Судивой, панъ Родивилъ Осесовичъ, Андрушина Мостилловичъ, Ябу Браловичъ, Андрей Исаковичъ, Николай Немировичъ, Захарья Ивановичъ Комкиинъ, а рати съ ними 7000... Слышавъ же то Можайчи князь Ивановы Андрѣевича, а князя Ивана Андрѣевича тогда въ Можайскѣ не было, и собрася Можачевъ сто человекъ, а воевода у нихъ князь Андрей Васильевичъ Лугвица Суздальскихъ князей; также слышавше, и брата его князя Михаила Андреевича люди, и собрася ихъ сто же, а князя Михаила Андрѣевича у себя тогда въ Верѣ не было, а воевода у нихъ Судокъ; также слышавше и князя Василья Ярославича люди, и собрася ихъ 60 человекъ, а князя Василья Ярославича тогда убо въ Боровицѣ не было, а воевода у нихъ Жиневъ; и сретошася съ Литвою въ Суходровѣ, и бысть имъ бой, и убиша ту воеводу князя Ив. Андр. Можайск., князя Андрея Вас. Лугвицу, да Корачарова, да иныхъ четыре человекъ, а Яронка да Семена Ржевскаго поймали князя Ивановыхъ Андр. Можайскаго воеводу, а брата его поймали воеводу Судока да Флякна Щоквица до Конискаго да пять человекъ молодыхъ.»

134) Никон. V, 215: «панъ Семень Едигодовъ.»

135) Акты, относящ. къ истор. зап. Рос. I, № 50.

136) Тамъ же, № 52, 139.

137) Акты арх. эксп. I, № 49.

138) Акты относ. къ истор. запад. Рос. № 58.

139) Тамъ же, № 52.

140) Тамъ же, № 41, 48, 57, 63.

141) Никон. V, 218: «Бывшу же ему близъ Брашевы, и приде вѣсть ему.

142) Карам. V, пр. 316.

143) П. С. Р. Л. IV, 213: «князь Александръ Васил. съ мужи Новгородци поиде противу князя Ризскаго мастера, и противъ короля Прусскаго, и противъ короля Свейскаго Карла».

144) Здѣсь вариантъ: въ однихъ спискахъ: «Поелаша Псковичи своихъ пословъ на съѣздъ, на Норову рѣку, подлѣ Новгородскихъ пословъ»;— а въ другихъ: «подлѣ Новый городецъ».

145) На Озоницу и на Желачиъ.

146) Въ Пековской лѣтоп. сказано: «Того же лѣта (1459), въ ве-

лкій постъ»; но ясно, что Псковичи не могли косить сѣно, и потому Нѣмцы придти въ великій постъ въ одномъ и томъ же году.

147) Съ пушчачами; въ др. сп. съ пушками.

148) Житіе св. Іоны, архіепископа Новгородскаго; рукоп. Румянц. Муз. № 154.

149) Никон. V, 285.

150) Тамъ же, 127.

151) Тамъ же, 117.

152) Тамъ же, 285.

153) Отъ единородія къ единоличію, еслибъ позволено было такъ развиваться.

154) Исторія Россіи, т I, гл. 1.

155) Никон. IV, 55.

156) Тамъ же, 205.

157) С. г. г. и д. I, №№ 21, 22. Въ Твери тоже самое явленіе, см. Карам. V, прим. 213.

158) Городня, такъ С. г. г. и д. № 25. Теперь Городня, село въ Коломен. уѣздѣ, въ 22 верстахъ отъ Коломны.

159) Песочна, сельце, въ 35 верстахъ отъ Коломны.

160) Похряны въ Бронниц. уѣздѣ на гран. съ Коломенск. — Усть-мерска, теперь Усмерскій погостъ, Бронницкаго уѣзда, въ 30 вер. отъ уѣздн. города.

161) Боршева въ Бронниц. уѣзд. на Колом. дер. Погостъ Иванъ тамъ же. Есть деревня Левычено, въ Бронницкомъ уѣздѣ въ 28 вер. отъ уѣзднаго города. — Въ томъ же уѣздѣ село Гжель, въ 25 вер. отъ уѣзднаго города — Есть село Горы въ Коломенск. уѣздѣ, въ 22 вер. отъ уѣздн. гор. Коневъ боръ тамъ же.

162) Астафьевское на Клязьмѣ, С. г. г. и д. I, № 24. Село Сѣверское въ Коломенск. уѣздѣ, въ 8 верст. отъ уѣздн. города. Въ Бронницкомъ уѣздѣ село Константиновское. Въ томъ же уѣздѣ есть сельце Островцы и деревня Островець. Въ томъ же уѣздѣ есть два села Малахова. Микульское въ Коломен. уѣз. Арининское въ Подол. уѣздѣ.

163) Кремиченскій погостъ, въ Рузскомъ уѣздѣ, въ 18 верстахъ отъ уѣзднаго города. Въ томъ же уѣздѣ есть деревня Оомкино, въ 16 вер. отъ уѣздн. гор. Деревня Ростовцева въ Звенигород. уѣздѣ, въ 39 вер. отъ уѣздн. гор. Деревня Акатово Рузскаго уѣзда, въ 12 вер. отъ гор. Въ томъ же уѣздѣ деревня Спирманово, въ 28 вер. отъ уѣзд. гор. Въ Рузскомъ уѣздѣ есть село Каменки, въ 24 вер. Въ Звенигородск. уѣздѣ, есть деревня Рузнавъ 30 вер. Въ томъ же уѣздѣ деревня Максимовка, въ 26 вер. Андреевскихъ два села и три деревни въ Звенигородск. уѣздѣ. Тамъ же село Вяземское, въ 15 вер. Село Рюховское Волоколам. уѣзда, въ 10 вер. отъ гор. Село Лопасня Серпухов. уѣзда; въ 24 вер. Деревня Северова въ Подольск. уѣздѣ, въ 4 вер. Въ томъ

же уѣздѣ сельцо Голичино, въ 26 вер. Деревня Растовка Серпух. уѣзда, въ 32 вер. Тамъ же село Талижи, въ 29 вер. Село Бятогово въ Подол. уѣздѣ, въ 18 вер. Деревня Нагатино, Москов. уѣзда, въ 5 вер. Суходоль дер. въ Боровскомъ уѣздѣ; Тросна въ Калуж. губ.

164) Село Лучинское въ Подол. уѣздѣ, въ 15 вер. отъ гор

165) Мы видѣли, что оно входило въ участокъ вдовы Калитиной.

166) С. г. г. и д. I, № 24. Самарово въ Переясл. уѣз. къ югу отъ Пеереясл., недалеко отъ границъ Алекс. уѣзда; Романовское въ Александр. уѣз.

167) Тамъ же, № 25.

168) Въ Звенигород. уѣздѣ есть три деревни Михайловскихъ и одно село Михайловское, есть деревня Михайловка; есть сельце Мельтихино, въ 25 вер. отъ уѣзд. гор. Иславское въ 11 вер. Каринское въ 10. Козьмина деревня 7. Деревня Юрьева въ 15. Деревня Клаповка въ 4 вер.

169) Мы видѣли (Т. III, примѣч. 468), что эта княгиня Ульяна не могла быть невѣсткою Калиты, какъ думалъ Карамзинъ; теперь же изъ распоряженія о волостяхъ видимъ ясно, что она была жена Калиты, мачиха Симеона и Юанна.

170) Село Камарево въ Колом. уѣздѣ, въ 33 вер. отъ гор. Въ Волоколам. уѣздѣ есть село Бѣли, въ 16 вер. отъ города *. Дмитровское въ 20 вер. отъ Звенигорода, Добрятинское въ Подол. уѣзд. Угожская волость на границѣ между Звенигородскими и Вышгородскими (Дмитровскими) землями, у рѣки Локонки; тамъ же рѣка Плѣсьнь, отъ которой получила названіе и волость. См. С. г. г. и д. I, № 139. Село Дамантовское и волость Сурожики на границахъ между Московскимъ и Звенигородскимъ уѣздами. См. тамъ же, № 140.

171) Деревня Тушково, въ Можайскомъ уѣздѣ, въ 25 вер. отъ гор. Въ Верейскомъ уѣздѣ есть деревни: Глинки и Глиницы. Тамъ же село Рудяно, въ 57 вер. Деревня Гремячево, Моск. уѣзда, въ 16 в. Село Дегунино, тамъ же, въ 9 вер.

172) Т. е. слобода, заведенная княземъ Ивановъ, братомъ Дмитріевымъ Волость Инобашъ или Инобашъ получила свое названіе отъ рѣки. Волость Ижва граничила съ Сурожиномъ, ея положеніе и границы съ Сурожиномъ опредѣляются рѣкою Малогощею. Мушкова гора или Мушково, волость, двѣ трети которой принадлежали къ Дмитрову, и треть въ Москвѣ; ея положеніе опредѣляется рѣками Малогощею, Истрою и Каменкою (С. г. г. и д. I, № 140). Упоминается еще Мошкова гора въ числѣ Смоленскихъ волостей (Дѣла Польск. № 1, годъ 1494).

173) Красное теперь къ СЗ. отъ Юрьева; Васильевское въ СВ. отъ Ростова; Козмодемьянское къ Ю. отъ Юрьева; Богородское къ Ю. отъ

* Воря, рѣка, вытекаетъ изъ Дмитровск. уѣзда и впад. въ Клязьму.

Ростова; Богородское на ЮВ. отъ Юрьева; къ З. отъ нихъ Фроловское, Елохъ, къ ЮЗ. Петровское. Рожа въ Тарусскомъ уѣздѣ, къ СЗ. отъ гор. Переяславская волость Юлка между верховьями рѣкъ Дубны и Нерли (С. г. г. и д. I, № 138). Здѣсь видно отношеніе между волостью и станомъ: Юлка называется волостью, и въ ней станы: Большой, Бортный; но въ другихъ актахъ волость является въ иныхъ отношеніяхъ къ стану: если она не есть подраздѣленіе стана, то, по крайней мѣрѣ, является сораздѣленіемъ, напр. «Въ Шенкуръи на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, которые станы и волости приписаныкъ Шенкуръи къ посаду (Акты арх. экс. I, № 234).

174) С. г. г. и д. I, № 39.

175) Весково къ З. отъ Переяславля. Алексинно къ С. отъ Юрьева.

176) «Крылатское, што было за Татаромъ, а княгиня моя дастъ съ того села чернищъ Софѣ 50 руб. долгу ее». Село Крылатское, въ Моск. уѣздѣ, въ 12 вер. отъ гор.; тутъ же и Татарово.—Захарово въ Колом. уѣздѣ, въ 22 вер. отъ гор.

177) «Что была княжа Васильева Семеновича».

178) Есть два села Косина въ Моск. уѣздѣ, оба въ 12 вер. отъ города. Лисинъ, быть можетъ, нынѣшній Лихвинъ. И теперь къ югу отъ Юрьева Польскаго есть село Богоявленское, къ ЮВ. Варварино и Федоровское. Въ Серпухов. уѣздѣ Хотунъ на СВ. отъ гор. Въ Подольск. уѣзд. Гастунова. Рѣка Лужа впад. въ Угру.

179) С. г. г. и д. I, 33.

180) Тамъ же, № 35: «Волокъ съ волостями, а волости Издѣтемле, Воиничи».

181) И теперь къ С. отъ Углича есть село Золоторучье.

182) «А что сынъ князь Иванъ купилъ село у Ортема въ Ростуновѣ слободкѣ, въ удѣлѣ брата своего, князя Ярослава, и то село сыну князю Ярославу, а на то мѣсто далъ есмь сыну Ивану Сесипетрово село да Струпиково».

183) С. г. г. и д. I, №№ 43 и 44. Верстахъ въ 25 отъ города Буя (Костром. губер.), на востокъ два села называются Ликургами-Ликурги Троица и Ликурги Рождество (Труды Общ. Истор. и Древ. ч. VI)

184) Тамъ же, № 62.

185) Тамъ же, № 71.

186) Неизвѣстно, тутъ ли князь Константинъ Дмитриевичъ, заключившій договоръ за одно съ племянникомъ, уступилъ опять брату эти двѣ волости, или еще прежде уступилъ ихъ племяннику. С. г. г. и д. I, № 49.

187) Замошье, дер. Волоколам. уѣзда, въ 31 вер. отъ гор.—Селино селце Дмитр. уѣз. 26 вер. отъ гор. Тамъ же есть деревня Рогова въ 9 вер. отъ гор. Тамъ же деревня Кунишникова въ 4 вер. Тамъ же

село Раменье въ 37 вер. Деревня Лотосова въ 21 вер. Село Куликово въ 25 вер.

188) С. г. г. и д. I, №№ 52, 60 Село Осташково Моск. уѣзд. въ 24 вер. Деревня Щуккина тамъ же, въ 8 вер.

189) Акты арх. эксп. т. I, № 29.

190) С. г. г. и д. I, № 67.

191) Тамъ же, № 71.

192) Тамъ же, № 78.—Село Ершово въ Звенигород. уѣздѣ, въ 3 вер. отъ города.

193) Тамъ же, № 84.

194) Тамъ же, № 64.

195) Тамъ же, № 82. Село Вороново Дмитр. уѣзда, въ 10 верс. отъ гор.

196) Тамъ же, № 83 —Колычева, село Колом. уѣзда, въ 7 вер. отъ гор. Никульское, тамъ же, въ 8 вер. Липатино, въ 22 вер. Малино, въ 35 вер. Велино-село Бронницкаго уѣзда, въ 3 вер. отъ гор. Кривцы, въ 6 вер. Марчюги въ 17 вер. Головина во Владимірскомъ уѣздѣ, къ 3. отъ города. Турабьева къ СВ. отъ Юрьева; Кучки къ Ю. Деревенька къ СЗ. Качалово, Ушаково въ Костром. уѣздѣ, къ ЮВ. отъ города.

197) Тамъ же, № 40.

198) См. примѣч. 85.

199) С. г. г. и д. I. № 86: «Романовъ княжо Михайлово Дѣва, и княжихъ Лвовыхъ дѣтей, и княже Давыдово Засѣкина».

200) Мячково, село Колом. уѣзда, въ 12 вер. отъ г. Чертаново, дерев. Можайскаго уѣзда, въ полверстѣ отъ города. Черкизово въ Колом. уѣздѣ къ С. отъ города; Лысково къ ЮЗ. Козмодемьянское къ Ю. отъ Юрьева Польскаго; Добрыньское, Волостиново къ СЗ; Матвѣйшево и Ворогово къ СЗ. отъ послѣднихъ. Ельцы къ ЮВ. отъ Юрьева Польскаго. Симизино къ ЮЗ. отъ Владимира на границахъ Владимірскаго и Юрьевскаго уѣздовъ. Сарогужино къ СЗ. отъ Юрьева. Шокшова и Давыдовское къ СЗ. отъ Переяславля.

201) С. г. г. и д. I, № 32; въ договорѣ съ Василиемъ Дмитріевичемъ: «А въ Тулицы и въ Берести не вступатися мнѣ В. князю Вас. Дм. (№ 36)»; въ договорѣ съ В. к. Юриемъ Дмитровичемъ: «въ Тулу и въ Берести (№ 48)».

202) Акты арх. эксп. I, № 25.

203) С. г. г. и д. I, № 60.

204) Акты Истор. I, № 1 и 3.

205) Сахарова—Сказ. Русск. Нар. т. II, кн. VIII, стр. 97.—Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣль. Дѣла Польскія № 1. —Буткова три древніе договора Русскихъ съ Норвежцами и Шведами, въ Журн. Мин. Вн. Дѣль, 1837 г. ч. 23.—Неволина: О пятинахъ и погостахъ Новгород-

скихъ, въ Записк. Георг. Общ. кн. VIII.—Antiquités Russes, t. II.—
О Двинскихъ волостяхъ см. Акты арх. эксп. I, № 13. Ср. Книгу Боль-
шой Чертежъ, стр. 195, 197, 201, 284.—Границы между Ржевою
(Московскою) и Литовскими владѣніями означены такъ въ договорѣ Ва-
силія Темнаго съ Казимиромъ (Акты зап. Рос. № 50): «По озерѣ по
Орлинце на полы, по озеро по Шлотинце, по Красный борокъ, по Ба-
ранью рѣчку на верхъ Бѣлейки, по Бѣлейкѣ, на Поникль, съ Поникля
на верхъ Сижьки, съ березы на мохъ, со мху на верхъ Осухи».

206) С. г. г. и д. I, № 21.

207) Тамъ же, № 34.

208) Тамъ же, № 86.

209) Тамъ же, № 40, 51.

210) Тамъ же, № 23.

211) Тамъ же, № 27.

212) Тамъ же № 33: «А которые боярѣ умолять, то подойметъ
князь, котораго умолять, а бояромъ вины нѣтъ.»

213) Тамъ же, № 35.

214) Тамъ же, № 38.

215) Тамъ же, № 40.

216) Тамъ же, № 37.

217) Акты арх. эксп. I, № 10.

218) С. г. г. и д. I, №№ 43 и 44.

219) Тамъ же №№ 49 и 55.

220) Тамъ же, №№ 45 и 46.

221) Тамъ же, № 47.

222) Тамъ же, №№ 28, 48, 65.

223) Акты арх. эксп. I, № 14.

224) С. г. г. и д. I, № 25: «А что волости за княгинею за Ульяною-
нсь тыхъ волостей по ее животѣ дѣти мои дадутъ дчери ее Сурожикиъ,
село Лучинское».

225) Дополн. къ акт. Истор. I, № 11.

226) Акты, относящ. къ истор. западной Россіи, I, № 48.

227) Тамъ же, № 57.

228) Тамъ же, № 63.

229) Тамъ же, № 46.

230) Акты истор. I, № 32: «Предаю монастырь, трудъ свой и своее
братьи, Богу и Пречистѣй Богородицѣ, и господину Князю Великому,
сыну своему Андрею Дмитріевичю».

231) Тамъ же, № 39: «И благодатию Божіею, земля наша и сущихъ
окрестъ насъ братіи нашихъ, Великихъ Князей дръжавы и помѣстныхъ
князей и начяльниковъ, елико кто подъ собою имѣеть, вси суть къ бла-
гочестію».

232) Акты арх. эксп. I, № 3.

233) Пол. собр. рус. лѣт. IV, 61: «Егда бо видяше (болѣзнь) гдѣ въ который родъ, или въ осподу». — Вариантъ къ осподу: въ семью.

234) Акты истор. I, № 32.

235) С. г. г. и д. I, № 52.

236) Акты истор. I, № 57.

237) Тамъ же, № 60.

238) Тамъ же, № 65; тамъ же, стр. 109.

239) Акты, относ. къ истор. запад. Россіи, I, № 30.

240) Никон. III, 78: «И тѣми даньми многу тяжесть творяше княземъ и чернымъ людемъ».

241) Тамъ же, стр. 34.

242) Тамъ же, т. IV, стр. 192.

243) Тамъ же, т. V, стр. 111.

244) Тамъ же, т. III, стр. 78: «И сіи велицы бяху».

245) Тамъ же, стр. 20.

246) Тамъ же, стр. 37.

247) Тамъ же, стр. 41.

248) П. С. Р. Л. III, 61.

249) Никон. III, 57.

250) Тамъ же, стр. 59.

251) П. С. Р. Л. I, 227.

252) Акты арх. эксп. I, № 13.

253) Акты истор. I, № 10 и 23.

254) С. г. г. и д. I, № 33.

255) Исторія Россіи, т. III, стр. 270.

256) С. г. г. и д. I, № 33: «А хто иметь жити моихъ бояръ въ твоёмъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ какъ и своихъ, дань взяти какъ и на своихъ. А коли ми взяти дань на своихъ боярѣхъ на болшихъ и на путныхъ, тогда ти взяти на своихъ такъ же по кормленю и по путемъ, да дати ти мнѣ, а то опроче того урока трехъ сотъ рублевъ и дватцати.

257) А коли придетъ дань или ямъ. — С. г. г. и д. I, № 39. Въ жалованныхъ грамотахъ говорится: «Тѣмъ ихъ людемъ не надобѣ ячь, опричь Татарьсково яму.» Акты относ. до юридич. быта I, стр. 107.

258) Тамъ же, № 35, догов. Василя Дм. съ Владим. Андр.: «А выидеть Юри съ посломъ, и намъ то поднати по розачту».

259) С. г. г. и д. I, № 76, договоръ съ Тверью. — Въ другомъ договорѣ съ Тверью (Акты арх. эксп. I, № 14): «Съ воза по морткѣ объушной, а костки съ челоуѣка мортъка; поѣдетъ на версѣ съ торговлею — морткаже, промыта съ воза по штидесать, а заповѣди шестьдесать одна». — Въ договорѣ съ Рязанью (С. г. г. и д. I, № 36): «Съ лодьи съ доски по алтыну, а съ струга съ набои два алтына, а безъ набои деньга; а Князей Великихъ ладьи пошлинь нѣтъ».

260) С. г. г. и д. I, № 40.

261) Акты истор. I, № 2. Шестьдесятъ должно быть тоже самое, что промыгъ, см. пр. 259.

262) Тамъ же, № 15.

263) Тамъ же, № 49. Акты арх. эксп. I, № 52. Акты, относ. до юрид. быта, I, стр. 107.

264) Акты арх. эксп. I, № 5.

265) Тамъ же, № 18.

266) Тамъ же № 39.

267) Тамъ же: «А куды архимандритъ пошлетъ на монастырскую службу старцевъ своихъ или бѣлцовъ на ватагу или на иную службу, а пошляники мои и поватажники, поватажнаго у нихъ не емлютъ».

268) Тамъ же, №№ 46 и 53.

269) Акты истор. I, № 2.

270) Тамъ же, № 14: «Съ виною и съ поличнымъ и съ безатшинами». Срав. Акты арх. эксп. I, № 4: «А коли розмирье Князю Великому съ Новымгородомъ, а тогда ихъ (людей Юрьева монастыря на Волокъ) въ безащину не ставити, ни обидѣти ихъ въ то время, но живутъ описнь въ брезѣ Князя Великого».

271) Акты истор. I, № 36.

272) С. г. г. и д. I, № 40.

273) Акты арх. эксп. I, № 15.

274) С. г. г. и д. I, № 36.

275) Акты истор. I, № 25.

276) Акты арх. эксп. I, № 19.

277) С. г. г. и д. I, № 21: «А оброкомъ медовымъ городскимъ Василцева вѣданыя подѣлятся сынове мои» № 23: «все на трое: и бортищи, и Добрятинская борть». № 25: «И что медъ оброчный Васильцева стану, и что отца моего купленные бортищи подѣ въчные варяхъ, то имъ все на трое». № 40: «А благословилъ есмь сына князя Ивана, дагъ есмь ему Серпоховъ съ тамгою и съ мыты, и съ селы и зъ бортью и со всѣми пошлинами».

278) С. г. г. и д. № 34: Дмитрій Донской отказываетъ княгинѣ своей изъ Галича—Соль Князь Юрій Дмитріевичъ отказываетъ сыну Дмитрію Красному—Галичь съ солью, варницами. Тамъ же, № 51.

279) С. г. г. и д. I, № 86. Акты, относ. до юридич. быта, I, стр. 88.

280) Тамъ же, № 40.—Подробности о солеваренѣ находимъ въ жалованной грамотѣ Великой Княгини Маріи Ярославовны Чухломскому Попровскому монастырю (Акты истор. I, № 49): «Что ихъ варница монастырская у Соли съ Супленскою варницею, и кто у нихъ будетъ заказчикъ монастырской, и онъ въ той варницѣ варить на монастырь, какъ и на меня на Великую Княгиню варять въ моей варницѣ, безъ череду и безъ столяницъ. Да что тутѣжъ у нихъ Соли монастырская же ихъ полварницы, на великомъ колодязѣ, да и въ иныхъ варницахъ три четвер-

тины, ино не надобѣ съ нихъ ни противень, ни площадь, ни тамга, ни домытницы, ни иные имъ некоторые пошлины не надобѣ, ни явленное; а волости мои Усольскіе, и ихъ тиуни и доводчики, у игуменовыхъ варницъ дровъ не емлютъ. См. также Акты арх. эксп. I, № 52. Акты, относ. до юридич. быта, I, стр. 445.

281) Акты истор. I, № 2.

282) Акты арх. эксп. I, №№ 1, 2, 3. «Отъ Великаго Князя отъ Ондreja къ посадникомъ и къ скотникомъ, (т. е. сотникомъ) и къ старостамъ. Како есмь докончилъ съ Новымгородомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватаманъ Ондрей Критцкій, отъдають съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ».

283) «Икона св. Александръ, икона золотомъ кована Парамшина дѣла, икона Благовѣщенье».

284) «Чѣшь золотну врану съ крестомъ золотымъ, чѣшь золоту колчату, чѣшь огнивчату».

285) Между прочимъ: «поясъ золотъ сточный».

286) Между названіемъ вещей одно полустерто:.... «ца золота съ каменъемъ».

287) Между прочимъ: «поясъ золотъ съ калитою, да съ тузлуки поясъ золотъ татауръ».

288) П. Р. С. Л. II, 249.

289) Никон. IV, 40. П. С. Р. Л. IV, 66.

290) Тамъ же, стр. 299.

291) Тамъ же, V, 153.

292) Тамъ же, IV, 40.

293) Тамъ же, III, 99. «Бысть постригъ у князя Михаила Ярославича Тверскаго сыну его Дмитрею».

294) Никон III, 175.

295) Акты истор. I, № 2.

296) См. Родословныя таблицы.

297) Ник. III, 65.

298) П. С. Р. Л. III, 52: «Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль, въ Новѣгородѣ, поя въ Полотъскѣ у Брячьслава дчерь, и вѣнчался въ Торопчи, ту кашю чини, а въ Новѣгородѣ другую».

299) См. выше прим. 298.

300) Никон. III, 45.

301) Исторія Россіи, III, 9.

302) С. г. г. и д. I, № 56.

303) Никон. V, 41.

304) Тамъ же, стр. 79 и 112.

305) Тамъ же, стр. 8.

306) Тамъ же, IV, 202.

307) См. прим. 85.

- 308) Никон. III, 183.
 309) Тамъ же, стр. 198.
 310) Тамъ же, стр. 88, 93.
 311) Тамъ же, стр. 61.
 312) Тамъ же, стр. 63.
 313) Тамъ же, стр. 66.
 314) Тамъ же.
 315) П. С. Р. Л. II, 192.
 316) Тамъ же.
 317) Ник. V, 50: «И медвѣди и съ ларми взимаша къ себѣ».
 318) Это сказаніе о Лукѣ Колоцкомъ замѣчательно во многихъ отношеніяхъ: Лука былъ простой поселянинъ, жившій въ 15 верстахъ отъ Можайска, на рѣкѣ Колочѣ; онъ нашелъ на деревѣ икону Богородицы, отъ которой начали твориться чудеса; Лука повесъ икону въ Можайскъ, въ Москву, повсюду появленіе ея сопровождалось чудесами, и Лука собралъ отъ приносовъ большое богатство; разбогатѣвши, онъ построилъ себѣ на Колочѣ большой и красивый дворъ, какъ будто князь какой, набралъ отроковъ, вкусно шилъ, ѣлъ; ѣздилъ на охоту съ ястребами, соколами и кречетами, держалъ множество псовъ и медвѣдей и утѣшался ими. Мы видѣли, до какой дерзости дошелъ Лука относительно своего князя. Когда медвѣдь оставилъ его чуть живымъ, то князь Андрей Дмитриевичъ пріѣхалъ къ нему немедленно, и сталъ говорить ему: «Зачѣмъ ты полюбилъ бѣсовское позорище и пляску и предался шланству? Богъ тебя прославилъ чудотворнымъ образомъ Своей Матери, а ты низошелъ къ бесполезному мірскому житію; по дѣломъ тебѣ такъ и приключилось!» Лука съ плачемъ сталъ умолять князя распорядиться его богатствомъ на дѣло богоугодное, и князь построилъ монастырь Колоцкій, гдѣ Лука постригся и умеръ въ покаяніи.
 319) «И пиша долго ноши». Никон. V, 198.
 320) Никон. III, 48.
 321) Тамъ же, IV, 294.
 322) Тамъ же, V, 152: «Положиша его въ колоду, и осмоливше съ полси повезоша его на Москву на носилехъ». — Стр. 151, въ разказѣ о кончинѣ: «Много же тогда крикъ и вопль бысъ, и плачь неутешимъ. И потомъ мало испивше меду, и легоша въ тойже горницѣ мнози у него и поуслуша, единъ только діаконъ его не испилъ тогда, но легъ противу князя на другой лавицѣ зряше на-нь.
 323) Тамъ же, стр. 290.
 324) П. С. Р. Л. II, 220.
 325) Никон. III, 60.
 326) Тамъ же, стр. 66. Ср. также стр. 99.
 327) Тамъ же, V, 43.
 328) П. С. Р. С. Л. II, 220.

329) Исторія Россіи, т. III, стр. 325, 388; стр. 280; примѣч. 493.

330) Никон. III, 136: «Яко убо позна (св. Митрополитъ Петръ) свое еже изъ міра изхоженіе и часъ увиде, призываетъ нѣкоего именемъ Протасія, его же бѣ князь старѣйшину града поставилъ, князю убо тогда не прилучшуся во градѣ. Бѣ же Протасей онъ мужъ честенъ и вѣренъ и всякими добрыми дѣлы украшенъ.»

331) Москов. сбор. 1847 года, стр. 273.

332) Извѣстія Акад. Наукъ по II отд. т. V, стр. 351.

333) Никон. V, 214: «Князь же Дмитрей (Шемяка), обдумавъ съ бояры своими, рече».

334) Акты истор. I, № 2.

335) С. г. г. и д. I, № 27: «А коли ми будетъ и дань взяти на своихъ боярехъ въ великомъ княженъи, и кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ въ великомъ княженъ... ми дань взяти, какъ и на своихъ». Тамъ же, № 28: «А кто служитъ вамъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженъи, или въ твоей вотчинѣ въ Тѣри, и на тыхъ намъ взяти дань, какъ и на своихъ, по целованью, безъ хитрости». — Тамъ же, № 76: «А бояромъ и слугамъ межи насъ волнымъ воля; а дома имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати. А судомъ и данью потянуть по землѣ и по водѣ: а которыхъ бояръ и слугъ села, а имугъ жити въ вашее отчинѣ, взяти вы на нихъ дань и судъ, какъ и на своихъ».

336) С. г. г. и д. I, № 35: «А которые бояре твои живутъ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ В. княженъи, а ти бояре съ тобою; а коли ми послати своихъ воеводъ изъ которыхъ городовъ, и твои бояре пойдутъ съ твоимъ воеводою, а твой воевода съ моимъ воеводою вмѣстѣ; а хто живетъ нашихъ бояръ въ твоей отчинѣ и въ удѣлѣ, а тымъ потому же. — № 37: А хто которому князю служитъ, гдѣ бы ни былъ, полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служить; а городная осада, гдѣ хто живетъ, тому тутъ сѣсти». №№ 43 и 44, 45, 46, 47, 49, 50, 52. Въ видѣ исключенія является слѣдующее условіе въ третьемъ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ: «А коли ми будетъ послати на рать своихъ воеводъ, и твоихъ бояръ хто иметъ жити въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженъи, тѣмъ поѣхати съ моимъ воеводою, а моимъ потому же съ твоимъ воеводою. А коли ми будетъ самому вѣсти на конь, а тобѣ со мною; или ти куды пошлю, и твои бояре съ тобою». Тамъ же, № 33.

337) Тамъ же, № 27: «А чего ми будетъ искати на твоихъ боярехъ, или чего искати тобѣ на моихъ боярехъ, намъ отослати отъ собе по боярину, тѣ тому дѣлу учинять исправу; а ци о каковѣ дѣлѣ межи собѣ сопрутся, ѣхати имъ на третій, кого себѣ изберуть, тамо ѣхавъ перемолвятся». Тамъ же, № 28: «А кто будетъ служа намъ княземъ, а

вшоль въ какво дѣло, а того поискавъ своимъ княземъ, а того своимъ судьямъ опчимъ не судити.

338) Акты юридич. стр. 177.

339) Никон. III. 208.

340) С. г. г. и д. I, № 33.

341) Тамъ же, № 52.

342) С. г. г. и д. I, № 37: «А городная осада, гдѣ хто живетъ; тому туто съести, опричъ путныхъ бояръ». № 43: «опричъ путныхъ бояръ» № 45: «опричъ бояръ введеныхъ и путниковъ»; № 46: «опроче бояръ и путниковъ»; № 47: «опроче путныхъ бояръ»; № 49 тоже; № 52: «опроче бояръ введеныхъ и путниковъ».

343) Акты арх. эксп. I, № 51.

344) Симбир. сборникъ, введение къ бумаг. Кикиныхъ.

345) Котошихина о ключникахъ, о дьякахъ Никон. VI, 151. О Ливонск. путникахъ въ акт. запад. Россіи, III, № 19.

346) Никон. IV, 38.

347) Акты истор. I, № 36; Акты арх. эксп. I, № 21.

348) Дворцовые разряды, т. I, стр. 491: «Предъ государемъ посланъ по станомъ окольниковъ Ѳедоръ Васильевичъ Головинъ» Стр. 615: «А въ окольниковыхъ, передъ государемъ, были дворяне». Что Окольниковы принадлежали къ старшей дружинѣ, были боярами, видно ясно изъ нѣсколькихъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ, наприм.: «отъ Великого Государя бояромъ нашимъ—окольничему (Морозову) да дворецкому Бутурлину» Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣль, Дѣла Польскаго двора, № II, стр. 254. Или: «Писахъ кн. Велики къ Менглигирею царю, чтобы Менглигирей царь боярина его и окольниковаго Костянтина Зоболоцкаго къ нему отпустилъ». Тамъ же, Дѣла Крымск. № III, стр. 24.

349) С. г. г. и д. I, № 61: «Бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля». № 83: «А что которые мои бояре и дѣти боярскіе и слуги мои». — Акты истор. I, № 81: «Князи мои и бояре и дѣти боярскіе, и люди дворные». — С. г. г. и д. I, № 81: «А изъ Бѣжицы, Княже, людей не выводити ни княгынн твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ»; № 3: «ни бояромъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ».

350) С. г. г. и д. I, № 61: «Бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля»; № 76: «А бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля; а дома имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати. А судомъ и данью потянуть по землѣ и по водѣ, а которыхъ бояръ и слугъ, села, а имуть жити въ вашей отчинѣ, взяти вы на нихъ дань и судъ, какъ и на своихъ. № 23.

351) С. г. г. и д. I, № 27: «А которыхъ слуги потягли къ дворьскому, тыхъ ны въ службу не примати, но блюсти ны ихъ съ одного». № 33: «А землѣ ихъ не купити». № 40: «А тѣхъ бортниковъ, или садов-

ншковь, или псарей, или бобровниковъ, или барашовъ, дѣлюевъ не въсхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, евъ земли лишентъ, поиди прочь, а сами сыну князю Ивану не надобѣ, на которого грамоты полные будутъ, а земли ихъ сыну князю Ивану. А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ, волнымъ воля. А кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не принимаютъ.

352) С. г. г. и д. I, № 21: «А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленныхъ, которыи въ которой росписи, то того (сына), — А что мои люди куплении въ великомъ свертцѣ, а тыми ся подѣлять сынове мои». № 24: «А что моихъ людій дѣловыхъ или кого буди прикушилъ, или хто ми ся будетъ въ винѣ досталь, такоже мои тивуни; и поселскіе, и ключники, и старосты, или хто ся будетъ у тыхъ людій женилъ, всѣмъ тѣмъ людемъ даль есмь волю, куды имъ любо». № 25: «А хто будетъ казначеевъ и тивуновъ и поселскихъ или хто будетъ моихъ дяковъ, что будетъ отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или хто будетъ у тыхъ женился, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, даль есмь имъ волю. Также хто будетъ моихъ людій полныхъ, купленныхъ, грамотныхъ, даль есмь имъ свободу». № 83: «А что у меня у В. княгини колькое людей моихъ ни есть и большихъ и меншихъ, и язъ ихъ всѣхъ пожаловала, ослободила.»

353) Акты истор. I, № 2: «Коли ставили прадѣды наши Св. Богородицю, князь Великій Пнѣгварь, князь Олегъ, князь Юрьн, а съ ними бояръ 300, а мужій 600.»

354) П. С. Р. Л. II, 207, 110: «Другій башеть дворный его слуга, любимы сынъ боярскій.»

355) Акты, относ. къ истор. зап. Россіи, I, № 37, 53.

356) П. С. Р. Л. II, стр. 169.

357) Тамъ же, стр. 179.

358) Тамъ же, стр. 214.

359) Акты, относящ. къ истор. зап. Рос. I, № 6; 1383 годъ: «Милостию Божею, мы Велики князь Витовтъ вѣдомо чинимъ каждому доброму, кто коли на сесь листъ позрить, аже есмо допустили садити село Княжую Луку на сыромъ корени, у Подолской земли, у Каменецкомъ повѣтѣ, Васплеви Карачовскому, слугѣ нашему; а дали есмо ему зо всеми лѣсы и зъ дубровами, и съ полями и сѣножатни и зъ лугами, и зо всеми пожитки, ему и дѣтемъ его и всимъ его потомкомъ, на вѣки вѣчные». — Иногда волости давались съ правомъ выкупа за извѣстную сумму, напр. № 22: Дали есмо сюю нашу грамоту Бедриху, што держить отъ насъ двѣ селищи, на тыи двѣ селищи записали есмо сею нашею грамотою шестьдесятъ копѣ—Подольскими полугрошники; коли же быхомъ хотѣли тыи двѣ селищи любо сами узяти у него, или кому приволили быхомъ выкупити, и тогда имѣемъ дати ему за тыи двѣ селищи шестьдесятъ копѣ. № 32.

360) Тамъ же, № 36: «А панъ Петръ съ того имѣнья имаеть служити намъ двѣма копыи». № 45: «А съ того намъ имають служити и нашимъ намѣстникомъ двума стрѣлцема на заволаную войну, яко ини земляне служатъ».

361) Тамъ же, № 46.

362) Тамъ же, № 59: «Тое имѣнье изъ вѣка боярьское, а не тяглое».—№ 55: «То старина за Витовта была, повѣдаютъ стары старцы и путники старые: зъ отчинъ боярьскихъ не давана посощина, и тожь съ купли, хто што купить отчину боярьскую, и съ того тожь не давана посощина; а што приданы Великого кнзя Витовта, или иныхъ В. князей, и съ того давана посощина. А такожь кому даетъ Великій князь пустошину, селище посощинное, а служба будетъ одна была съ того селища, и сядеть самъ бояринъ на томъ селищи, и людей што за собою посадить на томъ селищи: съ того господарю конемъ служить и на приѣздъ конь даетъ, а посощины и съ тыхъ людей не даетъ. А прийметъ ли другое селище, съ которого посощина хаживала, и посадить человекъ: съ того даютъ посощину; а што будетъ лѣсъ тогожь селища николи не пахванъ, и тотъ лѣсъ распашеть и посадить людей: и съ тыхъ людей шѣтъ посощины. Такожь которому коли боярину далъ будетъ селища посощныи В. К. Витовтъ, или иныи В. князи, и тотъ бояринъ посадитъ слугы своя на тыхъ селищахъ, которымъ же слугамъ отпустилъ будетъ В. князь не давати посощины, а будутъ на то листы имѣти, а любо добрый договоръ: тыи не имають давати посощины; а которымъ слугамъ не отпустилъ будетъ В. князь посощины, тыя имають давати посощину. Такожь о бобровыи гоны повѣдали тынжь старцы: гдѣ берегъ Великого князя сумежный съ боярьскими, туто гонитъ бобры бобровникомъ и Великого князя и боярьскимъ, и подѣлати бобры по старочу; а сѣтей, и рожковъ, и осокъ, и собакъ бояромъ не держать, и по колодовъ, и кошовъ не ставити. А гдѣ князскыи или боярскыи береги ихъ особныи, а В. князя берегъ не пришлоъ будетъ къ которымъ і туто имъ ставити по колоды и коши, и собаки держать и сѣти; какъ мога, такъ имъ бобра ловити.—Привилегіи 1457 года см. у Дзялынскаго.—Zbiór praw Litewskich, p. 28.

363) Инок. IV, III.

364) Тамъ же, V, 200, 278.

365) Акты истор. I, № 13. 36; Акты арх. экс. I, № 9.

366) П. С. Р. Л. II, 175.

367) Тамъ же стр. 179; С. г. г. и д. II, № 3.

368) П. С. Р. Л. II, 179.

369) Тамъ же, стр. 170: Ср. Исторія Россіи, т. III, стр. 17.

370) Тамъ же, стр. 165: Приде вѣсть Данилу, яко Ростиславъ сошелъ есть на Литву со всеми бояры и съ нузники. Стр. 195: снузникомъ же сразившимся не стерпѣша.

371) Тамъ же, стр. 215.

372) С. г. г. и д. I, № 43: «А князей же моихъ служебныхъ съ вотчиною себѣ въ службу не примати: а которая ичуть тебѣ служить, и имъ въ вотчину свою не вступатися. Тамъ же, № 56: князя служебные, бояре, дѣти боярскіе и земскіе люди. Акты истор. I, № 71: Князи мои и бояре, и дѣти боярскіе, и люди дворные.

373) П. С. Р. Л. II, 204.

374) Тамъ же, стр. 208.

375) Тамъ же, стр. 210.

376) Тамъ же, стр. 179.

377) С. г. г. и д. I, № 33: А Московская рать хто ходилъ съ воеводами тѣ и нонѣча съ воеводами, а намъ ихъ не примати. № 71. — Акты арх. эксп. I, № 64.

378) П. С. Л. II, стр. 181. — Тамъ же, IV, стр. 123: А Новгородцы послаша селниковъ Лускихъ и Воцнхъ, и Ижерскихъ бояръ напередъ. — Но что значать здѣсь селники? жители или владѣльцы сель?

379) Никон. IV, 21.

380) П. С. Р. Л. II, 184; Никон. IV, 133.

381) П. С. Р. Л. II, 168: Кондрату же любящу рускый бой и по-нужающу Ляхы свои.

382) Тамъ же, стр. 183: Русь тщиви суть на брань, да стерпимъ устремленіе ихъ, не стерпими бо суть на долго время на сѣчи. Тамъ же, стр. 186.

383) Никон. IV, 52.

384) Тамъ же, V, 192.

385) П. С. Р. Л. II, 187.

386) Тамъ же, стр. 193: Одинъ же воинъ управи десньицю свою, изъемъ рогтичу изъ пояса своего далече вергъ, срази князя ятвяжскаго съ коня своего. Вар.: Рогатицю.

387) Тамъ же, стр. 205.

388) Тамъ же, стр. 200: Борисъ же црїѣха и приведе сайгать королевн, кони и въ сѣдлѣхъ, щиты, сулицѣ, шеломы.

389) Тамъ же, стр. 210.

390) Никон. III, 41: Совѣтъ бысть на татарове по всемъ градомъ Русскимъ; и посемъ инія князижъ Рустіи, согласившеся межъ собою прогнаше Татаръ изъ градовъ своихъ.

391) Акты арх. эксп. I, № 42. См. также акты истор. I, № 17.

392) А въ Русу ти, княже, ездити осень, а лѣто не ездити, ездити, на озвадь (Възводъ или Озвадо — урочище) звѣря гонить. А въ Ладогу ти княже, слати осетръникъ и медовара. Или: ехати ти въ Русу на третью зиму, а въ Ладогу ехати на третие лѣто, на възвадь. А позже, княже, что пошло тебе и твоимъ мужемъ, то твое. А свиныи ти бити за 60 верстъ отъ города, а дале куда кому угодно. Или: А свиныи ти, княже

гонити за шестьдесятъ верстѣ около города, а въ той шестидесятъ Новгородцѣ гонити, князя докладая князя, а дале куды ком угодно. — См. любопытную грамоту В. К. Василія Темнаго Русскимъ тонникамъ, въ Древ. Вивл. ч. II, стр. 406.

393) Дворяномъ твоимъ и тивуномъ погонь имати, какъ то пошло. Или: А дворяномъ твоимъ, какъ пошло, погонь имати, отъ князя по 5 кунь, а отъ тивуна по двѣ куны. Или: а отъ тиуна по двѣ долгѣн.

394) П. С. Р. Л. III, 57: И злыхъ свѣтомъ яшася почислю, творяху бо бояре собѣ легко, а меньшимъ зло.

395) Никон. IV, 145.

396) Акты арх. эксп. I, 32.

379) Antiquités russes, T. II, p. 490.

398) П. С. Р. Л. IV, 119.

399) См. нашей исторіи, т. II, стр. 225.

400) Никон. III, 110.

401) Тамъ же стр. 211.

402) Тамъ же, IV, 28.

403) П. С. Р. Л. III, 60.

404) Никон. IV, 33.

405) П. С. Р. Л. II, 205, 213.

406) С. г. г. и д. I, № 55.

407) П. С. Р. Л. III, 91.

408) Акты истор. I, № 60.

409) Никон III, 194.

410) С. г. г. и д. I, № 60.

411) Тамъ же, № 21, 27, 33, 34, 35, 40, 45, 60, 71.

412) Тамъ же, № 86: А изъ Московскихъ сель даю своей княгинѣ Напрудское у города и зъ дворы зъ городскими, что къ нему потагло.

413) Акты истор. I, № 261.

414) Акты относ. къ истор. запад. Рос. I, № 6. Ср. Времен. Моск. Ист. Общ. кн. 16.

415) Собр. древн. грам. и акт. городовъ: Вильна, Ковно, и проч. № 1—10. Акты запад. Россіи, I, № 60.

416) Никон. IV, 23, 37, 255.

417) Тамъ же, стр. 38.

418) Voyages et ambassad. de Guilleber-de Lannoy, p. 19, 22.

419) Никон. IV, 53.

420) Это слово употреблено въ лѣтописи.

421) П. С. Р. Л. IV, 72, 91.

422) Тамъ же, II, 19, 86, 198, 222. Lannoy, p. 24.

423) Акты истор. I, 36: Далъ есмь село свое Филиповичи съ уѣздомъ, по кое мѣсто уѣздъ былъ къ намъ и моеи госпожи Великой Кня-

гини Софьи; а она возьметъ по той ищѣ, съ нивами и съ полями со всею пашнею См. также Рязанскія грамоты, изд. Пискаревымъ, № 2.

424) Житіе Саввы Вишерскаго, написанное извѣстнымъ Пахоміемъ Логоветомъ, рукописное въ библіот. Ундольскаго. Грамоты см. въ Истор. Росс. Іерар. III, стр. 559. Существуетъ и противное мнѣніе что раздѣленіе Новгородской области на пятины принадлежать позднѣйшему, Московскому времени (Ходаковскій въ Русск. истор. сбор. т. I, кн. 3, стр. 100; Неволинъ — въ записк. Русск. Геогр. Общ. кн. VIII, стр. 43 и слѣд.). Это мнѣніе основывается на томъ, что въ источникахъ Новгородской исторіи о пятинахъ не упоминается раньше Московскаго покоренія. Но мы прежде всего спросимъ: въ позднѣйшихъ однородныхъ источникахъ упоминаются ли пятины. При подобнаго рода вопросахъ первое дѣло смотрѣть на однородность источниковъ, а не смѣшивать извѣстій лѣтописныхъ съ извѣстіями, находящимися въ актахъ, въ писцовыхъ книгахъ; никакъ нельзя при рѣшеніи извѣстнаго вопроса для одной эпохи приводить только лѣтописныя извѣстія, а для другой писцовыя книги и акты, на нихъ ссылающіеся. Извѣстно, что чѣмъ древнѣе лѣтопись или актъ, тѣмъ замѣтнѣе въ нихъ составителяхъ любоцъ употреблять имена народныя вмѣсто именъ государствъ, имена жителей областей вмѣсто названія самихъ областей. Лѣтописецъ не знаетъ ни Польши, ни Богеміи, ни Швеціи, знаетъ только Ляховъ, Чеховъ, Свеевъ: какъ же отъ него требовать, чтобы вмѣсто Вожанъ онъ говорилъ: Вотская пятинна? Въ другихъ же приводимыхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ мы не въ правѣ ожидать названія пятинъ, ибо эти названія заключали бы въ себѣ большую неопредѣленность, напр. «И совокупися въ Новъгородъ вся волость Новъгородская: Пльсковичи, Ладожане, Корѣла, Ижера, Вожане.» Наконецъ замѣтилъ, что сотня не есть пятинна, Водская земля не есть Водская пятинна, слѣд. тамъ, гдѣ употребляются эти названія, не должно было быть упомянуто слово: пятинна. Что Герберштейнъ разумѣлъ пятинны, которыя тянуть къ концамъ, это ясно: *Civitas latissimam ditonem in quinque partes distributam habebat: quarum quaelibet pars ad suae partis magistratum referebat*: изъ которыхъ каждая часть тянула къ началству своей части! — Ходаковскій и Кеппенъ указали, что пятинны попадаютъ и въ другихъ мѣстахъ (Зап. Геогр. Общ. VIII, 43); въ одномъ актѣ 1738 года (Врем. Моск. Истор. Общ. кн. 17, стр. 17 смѣси) указываются пятинны Нижегородской епархіи, и мы думаемъ, что всѣ эти пятинны (кромѣ Новгородскихъ) произошли въ слѣдствіе церковнаго раздѣленія на десятины, откуда десятинники или десятильники; называется же Устюгъ десятиною Ростовскаго архіепископа.

425) Дополн. къ акт. историч. I, № 8.

426) Акты истор. I, № 13, 36, 25, 28; Дополн. къ акт. истор. I, № 197; Акты арх. эксп. I, № 18, 39, 44, 37.

427) Акты арх. эксп. I, № 48.

428) Акты истор. I, № 59: «Также есмь игумена съ братьею пожаловалъ: котораго изъ хрестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ собѣ откажетъ, а ихъ старожилца, и язъ Князь Велики тѣхъ хрестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣтъ выпущати ни къ кому».

429) Акты арх. эксп. I, № 4 и 20.

430) Тамъ же, № 64: Которые люди отъ нихъ вышли изъ вхъ сель въ мой села В. К. или въ мой села В. Княгини, и въ боярскіе села, сего лѣта, не хотя вхати на мою службу, В. Князя къ берегу, и язъ Князь В. пожаловалъ игумена Васьяна съ братьею, велѣлъ есми тѣ люди вывести опять назадъ; а которые люди живутъ въ ихъ селахъ п шнѣче, и язъ К. В. тѣхъ людей не велѣлъ пущати прочь; а надобѣ будетъ приставъ поселскому монастырьскому, и онъ емятъ пристава моего у намѣстника Углецкаго на тѣ люди, которые отъ нихъ вышли».

431) Тамъ же, № 44, 46.

432) Акты истор. I, № 28; Акты арх. эксп. I, № 374.

433) С. г. г. и д. I, № 33.

434) Тамъ же, № 21, 24, 25. Акты истор. I, № 255; Акты юрид. стр. 430, 434.

435) Никон. V, 192.

436) Усть Узы рѣки на Шелони.

437) П. С. Р. Л. III, 220.

438) А гостю нашему гостити по Суждальской земли, безъ рубежа по царевѣ грамотѣ. См. Повгородскія грам. въ I т. С. г. г. и д.; тамъ же, № 28.

439) П. С. Р. Л. III, 102.

440) Тамъ же, стр. 103

441) Допол. къ акт. истор. I, № 6 и 7. Hergmann's Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches, p. 28; Славянскаго — Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ, 1847. Андреевскаго — о договорѣ Новгорода съ Пѣмецк. городами.

442) С. г. г. и д. II, № 3.

443) Тамъ же, № 8. Этотъ договоръ замѣчательнъ еще тѣмъ, что изъ него видна зависимость Смоленска отъ Литвы еще при Гедиминѣ, ибо Смоленскій князь называетъ Гедимина старшимъ братомъ и сообразуется съ его внѣшними отношеніями.

444) Акты арх. эксп. I, № 16; С. г. г. и д. II, № 14, 16. Акты истор. I, № 22, 58. Lannoу, p. 35, 37.

445) Акты относ. къ истор. зап. Рос. I, № 21, Supplementum ad historica Russiae monumenta, № XXXVIII, XLI, XLII.

446) Акты истор. I, № 252. Замѣчательно, что еще въ началѣ XV вѣка Качи-бей или Хаджи-бей, нынѣшняя Одесса, была извѣстною гаванью, принадлежавшею къ Литовско Русскимъ владѣніямъ; изъ нея въ

1415 году Ягайло отправилъ Подольскую пшеницу въ Константинополь.

Warowski—Dz. Kor. pol. I, 376.

447) Никон. IV, 54.

448) Тамъ же, IV, 132.

449) Тамъ же, V, 54.

450) Вѣроятно для постройки стѣны.

451) Понятно, что здѣсь подъ этими сторонами разумѣется Москва.

452) А. а. э. I, № 42. Сборникъ библ. гр. А. С. Уварова, № 412.

453) Вилен. акты, I, № 6 и 8.

454) Тамъ же, № 7.

455) Никон. IV, 264: «Загорѣся (Зубцевъ) въ недѣлю порану, какъ нача торгъ сниматись».

456) См. статью Казанскаго: Изслѣдованіе о древней Русской монетной системѣ, въ Запискахъ Археолог. Общ. т. III.

457) Г. Егуновъ въ статьѣ своей о древней Русской торгов., напечат. въ Современ.

458) Г. Казанскій въ означенной выше статьѣ.

459) Исторія Россіи, т. III, стр. 53.

460) Географ. извѣс. 1850 г.

461) Villani—Istor. Fior., I. 6, c. 22, ap. Murat. T. XIII, p. 368.— Каченовскій, о кож. деньгахъ, стр. 22; Паммер стр. 222.

462) При этомъ не должно смѣшивать куны, какъ монетной единицы съ словомъ: куны въ общемъ значеніи денегъ, всякихъ кожаныхъ и металлическихъ.

463) Исторія Россіи, т. III, стр. 51.

464) Никон. III, 160.

465) Тамъ же, IV, 8.

466) П. С. Р. Л. IV, 192.

467) Ник. III, 86.

468) Тамъ же, IV, 85.

469) П. С. Р. Л. III, 112.

470) Житіе св. Михаила Клопскаго, по рукоп. библ. г. Ундольскаго, № 298.

471) П. С. Р. Л. IV, 110, 123.

472) Тамъ же, III, 239.

473) Никон. III, 211.

474) Тамъ же, IV, 79.

475) Тамъ же, III, 69.

476) Тамъ же, стр. 213.

477) Такъ понимаю я это извѣстіе: «А мастера, старѣйшины и начальницы быша Рустии родомъ, а Грѣчестии ученицы». Никон. III, 181.

478) Въ другихъ спискахъ: «Ключницу и хлѣбную каменну».

479) Здѣсь варианты: «узоры тѣ нѣкии хитрецемъ Авдѣемъ» и: «изриты нѣкии хитрецемъ».

480) Здѣсь два чтенія: «бисеромъ и златомъ» и: «бисеромъ златымъ».

481) Жаль, что пропущено существительное въ слѣдующемъ извѣстїи: «створи же въ ней (церкви св. Богородицы) блаженный пискупъ Иванъ отъ древа красна точень и позлаченъ днѣ и внѣ, двлденію подобень». Не иконостасъ ли это?

482) П. С. Р. Л. III, 50.

283) Никон. III, 95.

484) Акты истор. I, № 8.

485) Акты юридич. стр. 144, 432. Опис. кончины Мих. Яросл. Твер. въ Соф. лѣтоп. — Вотъ что говорить Ланноа (стр. 20) о головномъ уборѣ Новгородцевъ: *Ont les dames deux trèches de leurs cheveulz pendans derrière leurs dos et les hommes une treche. О Псковичахъ (стр. 22): Et ont les Russes d'icelle ville leurs cheveulz longs espars sur leurs espaulles, et les femmes ont ung ront déadême derrière leur testes comme les sains.*

486) Никон. V, 48.

487) Твор. св. отцевъ, годъ 3, кн. 3.

488) Какъ то дѣлалъ митрополитъ Евгеній въ Словарѣ духовныхъ писателей, I, 333.

489) С. г. г. и д. II, № 2. Григорьева — о достовѣрн. ханскихъ арлыковъ.

490) Тамъ же, № 7.

491) Никон. III, 192.

492) Тамъ же, стр. 191. Протоколы Константинопол. патриархата въ Журн Мин. Нар. Просв. 1848 г.

493) Тамъ же, Степен. кн. I, 456. Посланіе митрополита Кипріана къ св. Сергію и Θεодору 1378 года, іюля 3, изъ Любутска:

1) Слышу о васъ и о вашей добродѣтели, како мирская вся мудрованія преобидите и о единой воли Божіей печетесе; и о томъ велии благодарю Бога, и молюся Ему, да сподобитъ насъ видѣти другъ друга и наслаятися духовныхъ словесъ. Буди же вамъ свѣдомо: прїехалъ есмь въ Любутскъ, въ четверкъ, мѣсяца Іюня 3 день, и иду къ сыну къ своему, ко князю къ великому, на Москву. Иду же яко же иногда Иосифъ отъ отца посланъ къ своей братїи, миръ и благословеніе нося. Аще нѣци о мнѣ инако свѣщаютъ, азъ жо святитель есмь, а не ратный человекъ; благословеніемъ иду, якоже и Господь, посылая ученики своя на проповѣдь, учаше ихъ глаголя: «прїемляй васъ, Мене прїемлетъ». Вы же будете готовы видитися съ нами, гдѣ сами погодаете; велии жадаю видитися съ вами и утѣнитися духовнымъ утѣшеніемъ.

2) Не утѣлося отъ васъ и отъ всего рода хрстіанскаго, елико сотворилося на до мною, еже ни сотворилося есть ни на до единымъ святите-

лемъ, како Русская земля стала. Язъ, ꙗко Р. Л. VI, Абленіемъ и избраніемъ великаго и св. собора, и благословеніемъ и ставленіемъ вселенскаго патріарха, поставленъ есмь митрополитъ на всю Русскую землю, а вся вселеннѣя то вѣдаетъ; и нынѣче поѣхалъ есмь быль со всѣмъ чистосердечіемъ и з доброхотѣніемъ къ князю великому; и онъ послы ваша (?) разослалъ, мене не пропустити, и еще заставилъ заставы, рати сбивъ и воеводы предъ ними поставивъ, и елико зло надо мною дѣяти, еще же и смерти предати насъ немилостивно, такъ научи и наказаже. Азъ же его безъчестія и души его болши стрега, инымъ путемъ проидохъ, на свое чистосердечіе надѣся и на свою любовь, еже имѣхъ есмь къ князю великому и къ его княгини и къ его дѣтемъ. Онъ же пристави надо мною мучителя, проклятаго Никифора: и которое зло остави, еже не сдѣя надо мною? Хулы и наруганія, посмѣханіе, грабленіе, голодъ! Мене в ночи заточилъ, нагаго и голоднаго, и отъ тоя ночи студени и нынѣча стражу. Слуги же моя надъ многимъ злымъ, что надъ ними издѣлали, отпуская ихъ на клячахъ хлибивыхъ, безъсѣдель, во обротѣхъ лычныхъ, изъ города вывели ограбленныхъ и до сорочки, и до ножевъ и до ногавицъ, и сапоговъ и киверовъ не оставили на нихъ! Токоли не обрѣтѣся никтоже на Москвѣ добра похотѣти душѣ князя великаго ꙗкъ всей отчизнѣ его!... И аще мірянѣ блюдутся князя, завеже у нихъ жены и дѣти, стяжаніе и богатство, и того не хотять погубити: вы же иже міра отреклися есте и иже въ мірѣ живете единому Богу, како, толику злону видѣвъ, умолчали есте!... Которую вину нашель есте на мнѣ Князь Великій? Чѣмъ язъ ему виноватъ или отчинѣ его? Кладеть на мене вины, что быль есмь въ Литвѣ первое: и которое лихо учинилъ есмь, бывъ тамо? Аще быль есмь въ Литвѣ, много христіанъ горькаго плѣненія освободилъ есмь, мнози отъ невѣдающихъ Бога познали нами истиннаго Бога и къ православной вѣрѣ св. крещеніемъ пришли. Церкви св. ставилъ есмь, христіанство утвердилъ есмь, мѣста церковная, запустошена давными лѣты, оправилъ есмь. Новый Городокъ Литовскій давно отпалъ, и язъ его оправилъ, и десятину досталъ къ митрополіи же и села. Въ Волиньской же земли такоже колько лѣтъ стояла Волимерьская епископія безъ владыки, запустошала: и язъ владыку поставилъ и мѣсто исправилъ.

3) 1378, Октября 18 изъ Кіева. «Елико смиреніе и повиновеніе и любовь имѣете къ св. Божіей церкви и к нашему смиренію, вся позналъ есмь отъ словъ вашихъ. (Правосл. Собесѣдн. 1860 года).

494) Акты относ. къ истор. зап. Рос. I, № 25.

495) Слово: «намъ» вовсе не должно означать здѣсь непремѣнно: «въ Литву, въ западную Русь», а просто означаетъ мѣстность назначенія.

496) Въ настольной грамотѣ Фотія (Акты истор. I, № 254) временемъ посвященія Фотіева выставленъ 1393 годъ; это показаніе опровергають 1) актомъ, который никакъ не можетъ быть предпочтенъ оз-

начевному акту; ищты: «узурьложениемъ, что Фотія не стали бы держать такъ долго въ Константинополѣ; но причинъ неотправленія его въ Русь могли найти много, въ 3) предположеніемъ, что Литовскіе епископы поставили бы это обстоятельство въ вину Фотію; но какъ бы стали обвинять Фотія въ томъ, въ чемъ не обвиняли Киприана? притомъ нужно еще предположить, что Литовскіе епископы знали объ этомъ обстоятельстве. — Показаній настольной грамоты нельзя опровергать, не показавши прежде, какъ могла произойти такая странность?

497) Никон. V, 33.

498) Говорятъ: «Виновныхъ въ расхищеніи казны церковной не нашлось. Потому Фотій нашелъ нужнымъ обратиться къ совѣсти похитителей. Онъ издалъ увѣщательную грамоту» — и приводятъ грамоту, напечатанную въ Актахъ Истор. I, № 256. Но въ этой грамотѣ говорится не о расхищеніяхъ казны церковной, а объ одномъ случаѣ покражи имущества, принадлежавшаго частному лицу, и положеннаго въ церкви на сохраненіе: «Церкви Божіей сокровенное взять... кто будетъ тое съкровище въсхитилъ, да не презреть слезящаго о немъ... дондеже татекрадьственное приобрѣтенъе повержетъ рыдающему по немъ и възвратитъ погубившему».

499) См. статью: «Фотій, митр. Кіев.» въ прибавл. къ Твор. св. отцевъ, ч. XI, 1852 г.

500) Въ лѣтописи сохранились имена двоихъ клеветниковъ: Саввы Авраміева, и купца Литовскаго, или торговавшаго въ Литвѣ, Фомы Лазарева. Никон. V, 53, 54.

501) Никон. V, 54.

502) Акты запад. Рос. I, № 23.

503) Полоцкаго, Черниговскаго, Луцкаго, Владимирскаго, Перемышльскаго, Смоленскаго. Холмскаго, Туровскаго. Акты зап. Росс. I, № 24.

504) Акты зап. Рос. I, № 12.

505) Тамъ же, № 25.

506) Акты истор. I, № 19.

507) Никон. V, 70.

508) См. вышепривед. статью: Фотій М. К. стр. 42.

509) Дополн. къ акт. истор. I, № 183.

510) Правда, что въ Никон. подъ 1431 годомъ читаемъ: «Тоеже зimy кн. Юрьи Дм. разверже миръ»; но въ 1) на правильность размѣщенія событій въ Ник. свискѣ нельзя полагаться; во 2) если князья поссорились еще зимою, то за чѣмъ не ѣхали въ Орду ранѣе, а дожидались осени?

511) Св. Алексій хотя и родился въ Москвѣ, однако по отцѣ былъ южнорусскаго происхожденія.

512) П. С. Р. Л. IV, 208 и 209.

- 513) Акты истор. I, № 39. — П. С. Р. Л. VI, 162.
 514) П. С. Р. Л. VI, 167.
 515) Акты истор. I, № 41, 262.
 516) Акты истор. I, № 264.
 517) Тамъ же, № 263.
 518) Акты запад. Росс. I, № 42.
 519) Акты арх. эксп. I, № 42.
 520) Акты истор. I, № 47.
 521) Тамъ же № 42.
 522) Тамъ же, № 48.
 523) Акты арх. эксп. I, № 80.
 524) Акты истор. I, № 45.
 525) Тамъ же, № 61.
 526) Тамъ же, № 272. Какъ видно на сборъ были только епископы областей, находившихся въ тѣснѣйшей зависимости отъ Москвы; не было ни Новгородскаго, ни Тверскаго, ни Рязанскаго.
 527) Акты истор. I, № 62, 63, 273.
 528) Тамъ же, № 66.
 529) П. С. Р. Л. VI, 169.
 530) Акты истор. I, № 69.
 531) Акты арх. эксп. I, № 9.
 532) Никон. V, 82.
 533) Тамъ же, IV, 67.
 534) Тамъ же, № 266.
 535) Тамъ же, 73.
 536) Акты истор. I, № 50.
 537) Тамъ же, № 254.
 538) Акты арх. эксп. I, № 375.
 539) Тамъ же № 370. Новопоставляемый мѣнялъ свое иноческое имя на другое.
 540) Акты истор. I, № 8; ср. № 7.
 541) Тамъ же, № 268.
 542) Никон. III, 69.
 543) Тамъ же, стр. 108).
 544) Тамъ же, стр. 193.
 545) Тамъ же, IV, 24.
 546) Церковн. уставъ Синодал. библиот. у Карам. V, пр. 232.
 547) Никон. IV, 196. — По нѣкоторымъ извѣстиямъ, Евоній былъ обвиненъ въ томъ, что вмѣшивался въ дѣла княжескія, лжеумудрствовалъ о Христвъ, какъ Аріій, о Богородицѣ какъ Несторій, и что не соглашался признать надъ собою никакого другаго суда кромѣ Вселенскаго собора. См. Христіан. Чтен. 1852, Апрель.
 548) Русскія Достопамят. ч. I, стр. 106.

549) Между прочимъ: «Ни раба на священничество привести, аще не прежде господниъ его отпустить предо многими послыхи съ грамотою и пустить аможе хоцеть; и по поставленіи да не присвоить къ себѣ. . . . Отъ поставляемаго требуется между прочимъ, чтобъ онъ не былъ «или резовникъ, или челяде друча голодомъ и наготою, страдою насилье твоя, или данн бѣгая, или чародѣецъ».

550) Акты истор. I, № 57.

551) Тамъ же, № 57.

552) Тамъ же, № 61.

553) Тамъ же, № 64.

554) Дополн. къ акт. истор. I, № 181.

555) Акты истор. I, № 253.

556) Тамъ же, № 11.

557) Тамъ же, № 44.

558) Акты арх. эксп. I, № 369.

559) П. С. Р. Л. IV, 209: «И бша ему челомъ о сборованіи».

560) Акты истор. I, № 8.

561) Между прочимъ: «Какъ измолвить дьяконъ: со страхомъ Божьимъ и съ вѣрою приступите», тогда бы приходили къ царскимъ дверемъ да причащались, а руки положи къ перьсемъ крестообразно, а къ судари бы не прикасались; такъ же и женкамъ давайте причастье, обѣдни не кончавъ, а причащались бы ся у другихъ дверей, что противу жертвенника; а мужи бы къ св. причастью въ вотолахъ не приходили, но снимая вотола; а на комъ пригодится опашень или шуба, ини бы припоясывали.

562) Акты. истор. I, № 9.

563) Тамъ же, № 20.

564) Тамъ же, № 35. № 34.

565) Тамъ же, № 60.

566) Тамъ же, № 23.

567) Тамъ же, № 30.

568) Тамъ же, № 22

569) См. Куницына: Историч. изображ. древ. судопроизвод. стр. 53; авторъ неосновательно полагаетъ начало ереси въ Новгородѣ.

570) Акты истор. I, № 6. П. С. Р. Л. V, 235.

571) Тамъ же, № 21, 33, 34.

572) Никон. IV, 70, 277; Акты арх. эксп. I, № 9, № 54.

573) Акты истор. I, № 50.

574) Тамъ же, III, 190.

575) П. С. Р. Л. III, 101.

576) Никон. V, 35.

577) С. г. г. и д. I, № 22.

578) Акты арх. эксп. I, № 9.

- 579) С. г. г. и д. № 25.
 580) Тамъ же, № 82 и 83.
 581) С. г. г. и д. I, № 21, 39.
 582) П. С. Р. Л. IV, 191, 215; V, 22.
 583) Никон. V, 33.
 584) Рукоп. Румянц. Муз № 155
 585) Акты относ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 26
 586) Тамъ же, № 29.
 587) Тамъ же, № 62, 65.
 588) См. объ этихъ монастыряхъ Истор. Русск. цер. пер. II, изд 2, стр. 159 и слѣд.
 589) Акты истор. № 12.
 590) Проф. Шевыревъ (Поѣздка въ Кир. Бѣл. мон ч I, стр. 151) относить дѣйствіе посланія Кириллова къ слишкомъ позднему явленію, именно къ браку Князя Александра Ивановича Суздальскаго на дочери Великаго Князя Василія, и думаетъ что Суздальскіе князья, Симеонъ и Василій умерли въ изгнаніи; но мы видѣли, что одинъ изъ нихъ умеръ въ Вяткѣ, а другой въ Городцѣ, помрившись съ Великимъ Княземъ Московскимъ, и въ этомъ примиреніи именно можемъ допустить участіе со-вѣтовъ Кирилловыхъ.
 591) Акты истор. I, № 16.
 592) Тамъ же, № 27.
 593) Прологъ, 30-го Сентября; рукопис. житіе въ библиот. Ундольскаго, № 146
 594) Какъ напр. Св. Павелъ Комельскій.
 595) Это случилось съ Св. Димитріемъ Прилуцкямъ, съ Св. Стефаномъ Махрищскимъ, рукопис. житіе перваго въ библиот. Гр. Уварова, втораго въ библиот. Ундольскаго, № 178, а. — Были и другаго рода притѣсненія, напр. въ житіи Св. Михаила Клонскаго читаемъ: «Бысть же нузи нѣкоей палежаци монастырю отъ архіепископа Евфимія (перваго) овогда насильствіемъ среброиманія, овогда монастырскихъ коней отъятіемъ. — Здѣсь считаю пріятною обязанностію изъяснить глубочайшую благодарность Графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову и Вуколу Михайловичу Ундольскому за возможность, которую они мнѣ доставили, пользоваться ихъ прекрасными библиотеками.
 596) Никон. IV, 225.
 597) Тамъ же, стр. 73.
 598) Карамз. V, прим. 234.
 599) Акты истор. I, № 5.
 600) Допол къ акт. истор. I, № 180.
 601) Акты арх эксп. I, № 369.
 602) Акты истор. I, № 265, 276.
 603) Тамъ же, № 37.

- 604) Акты арх. эксп. I, № 40.
 605) Акты истор. I, № 24.
 606) П. С. Р. Л. II, 215.
 607) Жалованныя монастырямъ грамоты см. въ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 22, 25, 34, 51, 62, 82, 82. — Акты истор. I, № 3, 13, 14, 15, 25, 28, 29, 36, 38, 49, 50, 54, 55, 58, 59, 67, 70, 71, 266, 375. — Дополн. къ акт. истор. I, № 10, 184—197 — Акты арх. эксп. I, № 3, 5, 7, 11, 12, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 28, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 47, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 60, 61, 62, 63, 65, 67, 68, 69, 373. — Опис. Государ. Арх. стар. дѣль, стр. 208. Акты юридич. стр. 145.
 608) Акты истор. I, № 253.
 609) П. С. Р. Л. II, 215.
 610) Акты, относ. къ ист. зап. Россіи, I, № 7, 13, 14, 28.
 611) Тамъ же, № 43.
 612) Акты арх. эксп. I, № 13.
 613) Пековская Судная грамота, Одесса, 1847 г.
 614) А Кримскому (читай: Кромскому) татю, и коневому и перевѣтнику, и зажигалнику, тѣмъ живота не дати. Чтобъ и на посадѣ покрадется, ино дважды е пожаловати, а изличивъ, казнити по его винѣ, и въ третій рядъ изличивъ, живота ему не дати, Крим Кромъскому татю. — Что здѣсь татьба на посадѣ противопоставляется татьбѣ на Кромѣ, въ Кромномъ городкѣ, это ясно; но почему такое различіе? Не употреблено ли здѣсь слово: Кромскій въ значенія торговаго, если торгъ находился въ Кромѣ, въ Кромномъ городкѣ.
 615) Дополн. къ акт. истор. I, № 189.
 616) Акты арх. эксп. I, № 28. — Москвитянинъ, 1848, № 2.
 617) Описаніе Государств. Архива старыхъ дѣль, стр. 201.
 618) Акты юридич. № 71. Не должно забывать, что всѣ означенныя формы принадлежать купчимъ Новгородскимъ.
 619) Тамъ же, № 72.
 620) Тамъ же, № 110.
 621) Тамъ же, № 260.
 622) Тамъ же, № 409. Всѣ эти завѣщанія Новгородскія.
 623) Акты истор. I, № 255.
 624) Акты юридич. № 357; Записки археологич. общ. т. III, стр. 250; относительно Наперсковской грамоты можно успокоиться на объясненіи Неволина.
 625) Dzialynskiego—Zbior praw Litewskich, 28.
 626) Акты, относящ. къ исторіи запад. Россіи, I, № 30, 31.
 627) Тамъ же, № 3. Бременникъ Москов. истор. общ. кн. 16.
 628) Някон. IV, 55.
 629) Тамъ же, стр. 153.

- 630) Тамъ же, V, стр. 93.
 631) Тамъ же, стр. 125.
 632) Акты истор. I, № 261.
 633) С. г. г. и д. т. I, № 18, 28, 31, 35, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 67, 76, 80. — Акты арх. эксп. I, № 14.
 634) Никон. III, 115.
 635) П. С. Р. Л. II, 208.
 636) Акты, относящ къ истор. запад. Россіи I, № 39, 40.
 637) Никон. III, 39.
 638) П. С. Р. Л. V, 272.
 639) Акты истор. I, № 261, 267. Акты арх. эксп. I, № 50.
 640) Лѣтопись XVII вѣка, хранящ. въ Император. публич. библ.
 644) П. С. Р. Л. I, 195: Любовному ученью же и тщанью дивляся сего честнаго святителя Кирила, со страхомъ и покореньемъ послушая, въ узицѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ (я читаю: не входнѣ) написанья (я читаю: написанье) себѣ вдахъ, сего перваго словесе дѣтеля написати. Никон. III, 59, 86.
 642) Чтенія Моск. истор. общ. 1847, № 8.
 643) Твор. Св. Отцевъ, годъ первый, кн. 1, 2, 3. Тамъ же годъ второй, кн. 1. О Серапіонѣ ср. Шевырева — Поѣздка въ Кирилл. монастырь, II, стр. 36.
 644) Дополн. къ акт. истор. т. I, № 182.
 645) Никон. V, 72.
 646) П. С. Р. Л. V, 254.
 647) Тамъ же, VI, 147.
 648) Степен. кн. I, 410.
 649) П. С. Р. Л. VI, 325. — Рукоп. библиот. Ундольск. № 297.
 650) Житіе Св. Іоны Новгор. по рукописи Рум. муз. № 154. Перечисленіе трудовъ Пахомія см. въ Обзорѣ Русской духовной литературы пр. Филарета, въ Учен. Зап. II отд. Акад. Наукъ, кн. III.
 651) П. С. Р. Л. VI, стр. 182, 320.
 652) Сахарова — Сказ. русск. нар. т. II.
 653) Сборникъ библ. Гр. Уварова, 408).
 654) Истор. русск. Церк. пер. II, стр. 62.
 655) Словарь духов. писат. I, стр. 113.
 656) Извѣс. Импер. Акад. Наукъ по отд. Русск. яз. т. II, л. 14, статья Сухомлинова о Пчелахъ.
 657) Исторія Русск. церк. цер. II, стр. 63. О Цамбакѣ см. статью пр. Макарія въ Извѣстіяхъ Акад. Наукъ по II отд. т. IV, вып. 2.
 658) П. С. Р. Л. VI, 87.
 659) Истор. Русск. церк. пер. II, стр. 98. Макарьевскія Минеи, Февраль.
 660) Древ. Росс. стихотвор. стр. 31.

661) П. С. Р. Л. V, 227. — На островъ Валаамъ въ Преображенскомъ монастырѣ показываютъ могилу Магнуса. Карам. IV, прим. 348.

662) Временникъ Москов. Истор. Общ. кн. 15, 1852.

663) Никон. III, 27.

664) Краледвор. рукоп. Ярославъ. — Догадка моя относительно Пахомія основывается во-первыхъ на томъ, что сказаніе о смерти Батыя находится въ житіи св. Михаила Черниговскаго, написаннаго Пахоміемъ (житіе это указалъ мнѣ г. Ундольскій въ своей библиотекѣ: «Твореніе ермонова Пахомія св. горы.» Начало: «Что реку или что возглаголю; № 300). Во вторыхъ преданіе о Саввѣ Сербскомъ указываетъ на Серба или Сербію Какъ видно, Пахомій любилъ вносить въ свои сочиненія подобныя преданія: такъ въ житіи Ярославскихъ князей Василія и Константина (повѣсть сложена многогрѣшнымъ рабомъ Пахоміемъ, рукоп. библ. Ундол. № 144, а.) говорится, что Батый стоялъ подъ Ярославлемъ 2 года и 6 мѣсяцевъ, ища отца своего: «бѣше бо той окранный царь Батый родомъ града Ярославля, отъ веси Черемоужскія и дошелъ отца своего, въ лѣто 6745 взять бысть градъ Ярославль.» Изъ Россіи Батый пошелъ въ Болгарскую землю, и Богъ охрабрилъ на него короля Владислава, въ сраженіи съ которымъ Батый былъ убитъ.

665) П. С. Р. Л. 75; VI, 90.

666) Времен. Москов. Истор. Общ. кн. 14.

667) Въ нѣкоторыхъ спискахъ пространнаго сказанія видно знакомство съ этимъ третьимъ сказаніемъ или словомъ

668) Любопытное указаніе на мѣстничество.

669) Карамъ. V, прим. 65.

670) Въ такъ наз. Тверской.

671) П. С. Р. Л. VI, 98

672) Никон. VI, 258

673) Тамъ же, V, 192. П. С. Р. Л. IV, 103.

674) П. С. Р. Л. т. VI, стр. 104.

675) Никон VI, 285; такъ наз. Тверская, стр. 167.

676) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, изданъ К. М. Оболенскимъ, Москва, 1851.

677) Т. II, стр. 329.

678) Отъ начала Русскія земли до княженія великаго Князя Ивана Васильевича Московскаго.... съдшу ему княжити послѣ отца своего В. К. Василія Ивановича.... Еще же молю ваше братіе пренодобіе и благородіе чтущихъ и слушающихъ книги сія, еже аще обрящетъ кто много недостаточное или неисполненное, да не позазритъ ми, не бо бѣхъ Кіивинъ родомъ, ни Новгорода, ни Владимира, но отъ всѣхъ Ростовскихъ областей. — Этотъ лѣтописный сборникъ находился сначала въ рукахъ г. Строева и разсмотрѣнъ имъ подробно; потомъ перешелъ въ бібліотеку г. Погодина, и отсюда уже въ Императорскую Публичную. За воз-

можность пользоваться имъ, равно какъ и другими рукописями Императорской Публичной библиотекы приношу благодарность Его Превосходительству, Барону Модесту Андреевичу Корфу.

679) Исторія отнош. между Русск. княз. Рюрик. дома, стр. 336.

680) Приготовляя къ печати третій томъ моей исторіи, я не могъ еще пользоваться этимъ сборникомъ, и потому прошу моихъ читателей принять во вниманіе сказанное теперь при чтеніи 287 и 288 страницы третьяго тома

681) Никон. IV, 16.

682) Троицкая лѣтоп. у Карамз. V, прим. 148.

683) П. С. Р. Л. VII, 118 — Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ объясненіи: «глаголетъ бо писаніе.» По всѣмъ вѣроятностямъ, это объясненіе взято изъ того же источника, откуда взято «разсужденіе о громѣ и молніи,» находящееся въ книгахъ преподобнаго чудотворца Кирилла, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. См. поѣздку туда Проф. Шевырева, ч. II, стр. 24.

684) Одного характера съ Новгородскою четвертою сборника, носящія названіе Софійскихъ лѣтописей.

685) П. С. Р. Л. II, 180.

686) Тамъ же, стр. 220.

687) Тамъ же, 222 233. Здѣсь я различаю выраженія: «самъ списалъ,» и просто «списа.»

688) Это замѣчено Карамзинымъ, т. III, прим. 143.

689) Лѣтописецъ Литвы и хроника Русская, стараніемъ и трудами Игнатія Даниловича, Вильна, 1827 г — Даниловича — О Литовскихъ лѣтописяхъ, Жур. Нар. Просв. 1840, Ноябрь.

ДОПОЛНЕНИЯ.

Томъ первый.

Стр. 46 и 47. «Слово: Князь — имѣеть значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства.» Этими лексиконнымъ опредѣленіемъ слова нѣкоторые возражатели воспользовались для того, чтобъ обвинить меня въ смѣшеніи рода и семьи! Но прежде, подѣ предположить смѣшенія, возражатели должны были объявить непозволительнымъ всякое объясненіе слова сопоставленіемъ нѣсколькихъ близкихъ другъ къ другу, по значенію, словъ. Еслибъ означенное лексиконное объясненіе слова князь было единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ бы я высказалъ свои понятія о родѣ, то конечно, для отстраненія всѣхъ возможныхъ придирокъ, я измѣнилъ бы это мѣсто; но если сами возражатели признаются, что въ дальнѣйшемъ разсужденіи моемъ семья и родъ различены ясно, то я не считаю себя обязаннымъ дѣлать подобныхъ измѣненій. Далѣе у меня сказано: «Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти». Возражатель говоритъ, что «здѣсь, для устраненія противорѣчія, мы должны разумѣть подѣ отцемъ семейства родоначальника; иначе, еслибъ надъ каждымъ отцомъ семейства не было высшей власти, то родоначальникъ, въ родѣ котораго должно быть не одно семейство, не имѣлъ бы никакого смысла.» Но зачѣмъ же возражатель не потрудился выписать всей статьи, къ которой относится упомянутое мѣсто? тогда бы каждый читатель увидалъ, что здѣсь нѣтъ ни смѣшенія, ни противорѣчія, что здѣсь именно говорится объ отцѣ семейства, а не о родоначальникѣ, объ отцѣ семейства, который былъ правителемъ внутри собственной семьи, имѣлъ право надъ жизнью и смертію своихъ дѣтей, право, при пользованіи которымъ надъ нимъ не было высшей власти, власти родоначальника. Возражатель имѣеть свое понятіе о родовомъ бытѣ; онъ говоритъ, что «любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей

чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой, верховный отецъ, патриархъ всего рода.» Этого мы уже никакъ понять не можемъ; не можемъ понять, почему дѣти Мономаха не могли сохранять любви къ отцу своему во всей чистотѣ, когда старшимъ въ родѣ считался двоюродный дядя ихъ, Святополкъ Изяславичъ. По мнѣнію возражателя выходитъ, что въ нашихъ семьяхъ дѣти не могутъ какъ должно любить отца при существованіи дѣда! Такъ отрѣшенно отъ всякой дѣйствительности составленныя положенія рушатся при первомъ появленіи живаго событія, живыхъ отношеній. Такъ же составилось положеніе возражателя, что при родовомъ устройствѣ, гдѣ важный родъ живетъ особо, никакое общее совѣщаніе невозможно; изъ этого положенія прямо слѣдуетъ, что между отдѣльными независимыми государствами невозможно никакое общее совѣщаніе, конгрессъ. Такъ же составилось положеніе возражателя, что если предположить сходку въ отдѣльномъ родѣ, то родовое устройство уничтожается: мы видимъ сѣзды, совѣщанія князей-родичей, принадлежащихъ къ одному роду, и родовыя отношенія между ними отъ того не рушатся.

Стр. 48. Для объясненія родового устройства я привелъ известную старую Чешскую пѣсню о Любушиномъ судѣ. Возражатель говоритъ, что здѣсь «вопросъ семейный, а не родовый, на счетъ семьи, выделяющаяся изъ рода, а рода нѣтъ.» — Умираетъ отецъ, оставляетъ двоихъ сыновей, законъ принуждаетъ обоихъ братьевъ владѣть нераздѣльно отцовскимъ имуществомъ, — и здѣсь возражатель видитъ вопросъ семейный, а не родовый! Что же, по его мнѣнію, будетъ семья, и что родъ? до какихъ поръ будетъ простирается семья, и гдѣ долженъ начинаться родъ? Если братья, по смерти отца, составляютъ семью, а не родъ, то это все равно, что назвать зеленымъ желтымъ, и утверждать, что зеленого нѣтъ. Возражатель самъ чувствовалъ невыгодность своего положенія, и потому долженъ былъ прибѣгнуть къ натяжкѣ. «Речь идетъ о томъ, говорить онъ, что всѣ дѣти наследуютъ отцу и что, въ первую минуту наследованія они всѣ вмѣстѣ владѣютъ наследствомъ, что потомъ не мѣшало имъ послѣ выдѣляться.» Не отсюда взялась эта первая минута? гдѣ объ ней говорится? За натяжкою слѣдуетъ неправильное толкованіе текста пѣсни: возражатель говоритъ, что Любуша предлагаетъ имъ общее владѣніе, или раздѣленіе по ровну — оба по старому закону, закону вѣкожизненныхъ боговъ; но Любуша говоритъ: «рѣшите: по закону боговъ владѣть имъ сообща наследствомъ, или раздѣлиться по ровну?» Если бы старый законъ говорилъ и то и другое, то нечего было бы и рѣшать, а просто отдать на выборъ тяжущимся; Любуша должна была бы сказать тогда только: «вотъ что говоритъ законъ!» Но ясно, что Снемъ не имѣлъ права одному положенію закона давать преимущество передъ другимъ, когда оба предлагались на выборъ. Кромѣ стараго закона Любуша придумала еще новое средство рѣшить споръ равнымъ раз-

дѣленіемъ наслѣдства, и предлагаетъ Снему рѣшить, что лучше? Но намъ не нужно вдаваться ни въ какія разсужденія, ибо одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ пѣсни, Ратиборъ, цитуетъ намъ этотъ старый законъ: по нему, дѣти должны сообща владѣть имѣніемъ, о раздѣлѣ ни слова. Что же касается явленій, приводимыхъ изъ позднѣйшаго времени, изъ времени послѣ Рюрика въ Россіи, послѣ основанія государствъ вообще у Славянскихъ народовъ, то эти явленія нейдутъ къ нашему вопросу, ибо я признаю полное господство родового быта только до половины IX вѣка, а послѣ являются условія, которыя нарушаютъ эту полноту, какъ постоянно и показывается въ моей книгѣ; нарушаютъ полноту, говорю, и только; ибо и послѣ Рюрика явленія изъ родового быта такъ могущественны въ Русской Исторіи, что должны быть поставлены на первое мѣсто: таково напримѣръ господствующее явленіе въ древней нашей исторіи — родовыя княжескія отношенія. Какъ же разсуждаетъ объ нихъ возражатель? Вотъ какъ: «Замѣчательно, что если гдѣ можно, хотя отчасти (!!) найдти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ, призванномъ, не туземномъ.» И такъ, по мнѣнію возражателя, родовыя княжескія отношенія были у насъ явленіемъ не Славянскимъ, а Варяжскимъ, т. е. Скандинаво-Германскимъ; но въ такомъ случаѣ возражателю слѣдовало начать вопросъ именно съ этого, показать прежде всего господство родового быта у Скандинаво-Германскихъ племенъ, и отвергнуть его у Славянскихъ; но любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель писалъ свои возраженія тогда, когда статья моя о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ Славянъ была давно уже извѣстна: возражатель однако заблагоразсудилъ умолчать о ней, заблагоразсудилъ умолчать о томъ, что такія же родовыя княжескія отношенія существовали у другихъ Славянскихъ народовъ, а у другихъ иноплеменныхъ народовъ не существовали! — «Неужели можно дѣлать такое предположеніе,» говоритъ возражатель, «что родовое начало, привившись къ Рюрикову роду, исчезло совершенно изъ Русской земли?» — Но кто же говорить, что оно исчезло? Въ мѣстничествѣ оно очевидно, ибо голословное, въ скобкахъ поставленное выраженіе: «хотя едва-ли справедливо» — ни для кого не можетъ имѣть силы. Кто знакомъ съ источниками нашей древней исторіи, съ лѣтописями, тотъ знаетъ, что это лѣтописи княжескія, говорящія преимущественно, исключительно почти о княжескихъ отношеніяхъ, отъ которыхъ зависѣла судьба страны: даже о вельможескихъ отношеніяхъ изъ лѣтописей мы почти ничего узнать не можемъ; подробности вельможескихъ отношеній, мѣстничества, мы узнаемъ изъ особеннаго позднѣйшаго источника, изъ Книги Разрядныхъ; но если о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ мы узнаемъ изъ лѣтописей, ибо отъ этихъ отношеній зависѣла судьба страны; если родовыя отношенія людей служивыхъ записаны въ разрядныхъ книгахъ, ибо эти отношенія имѣли близкую связь съ государственными интересомъ, съ государственною

службою, то въ какихъ лѣтописяхъ и въ какихъ разрядахъ мы найдемъ подробности о бытѣ, о родовыхъ отношеніяхъ остальнаго народонаселенія? изъ отсутствія же источниковъ, въ которыхъ мы могли бы видѣть подробности быта остальнаго народонаселенія, имѣемъ ли право заключать, что здѣсь тѣхъ или другихъ отношеній не было?

О до-Рюриковскомъ родовомъ бытѣ восточныхъ Славянъ самое ясное указаніе находимъ въ извѣстныхъ словахъ лѣтописца: «Живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ.» Возражатель, отвергающій родовой бытъ, объясняетъ эти выраженія такъ, что родомъ своимъ будетъ отвѣчать не на вопросъ: чѣмъ? а на вопросъ: какъ? и приводитъ два примѣра: они играли толпами, пришли всѣмъ народомъ. Но во 1) въ приведенныхъ примѣрахъ глаголы: играть и придти имѣютъ среднее значеніе, какого не можетъ имѣть глаголъ владѣть у лѣтописца: каждый Полянине владѣлъ (какъ?) родомъ, но чѣмъ же онъ владѣлъ? во 2) любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель, желая опровергать родовой бытъ, доказываетъ его: онъ говоритъ, что, по словамъ лѣтописца, Поляне владѣли цѣлыми своими отдѣльными родами, по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ не однимъ, а цѣлымъ родомъ совокупно. Но если Поляне владѣли по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ цѣлымъ родомъ совокупно, если каждый родъ составляялъ отдѣльное совокупное владѣніе, то спрашивается, какой же можетъ быть здѣсь другой бытъ кромѣ родового? Да воспользуются этимъ урокомъ тѣ, которые стараются сдѣлать спорнымъ предметъ, не допускающій спора! — Доказательство противъ родового быта возражатель находитъ въ преданіи о трехъ братьяхъ, строителяхъ Кіева, ибо здѣсь говорится, что братья жили на разныхъ мѣстахъ; мы согласимся бы еще съ возражателемъ на счетъ раздѣльности братьевъ, еслибъ одинъ жилъ на Деснѣ, а другой на Припяти, но никакъ не согласимся потому только, что одинъ жилъ на Щековицѣ, а другой на Хоревцѣ, ибо никакъ не думаемъ, чтобы для поддержанія родового единства всѣ родичи должны были жить рядомъ въ одномъ домѣ, который, при многочисленности членовъ рода долженствовалъ быть чѣмъ-нибудь въ родѣ хрустальнаго дворца. — По мнѣнію возражателя, употребляемое въ лѣтописи слово: родъ означаетъ семью; онъ говоритъ: «въ значеніи современной совокупности живыхъ родичей, въ духѣ родового быта, въ значеніи колѣна слово родъ не употребляется.» — Въ отвѣтъ раскроемъ лѣтопись; подъ 1148 годомъ Изяславъ Мстиславичъ говоритъ двоюродному брату своему, Ростиславу Юрьевичу: «миѣ дай Богъ васъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, аки и душу свою.» Здѣсь Изяславъ родомъ своимъ называетъ современную совокупность всѣхъ живыхъ родичей своихъ, всѣхъ князей — Ярославичей, противопоставляя эту совокупность ближайшимъ, Мономаховичамъ, которыхъ называетъ братьею своею. — Возражатель не хочетъ согла-

ситься и съ опредѣленіемъ слова: племя, какъ подраздѣленіемъ рода; но иѣтъ возражателя, племя имѣть обширнѣйшее значеніе, чѣмъ родъ, чему доказательствомъ служить позднѣйшее выраженіе: ни роду — ни племени. Но когда дѣло идетъ о древнемъ бытѣ, о древнихъ понятіяхъ, то слова должны быть принимаемы въ томъ значеніи, какое они имѣли въ старину, а не въ томъ, какое имѣютъ теперь, ибо извѣстно, какъ слова переимѣняютъ значеніе; мы видѣли что Изяславъ Мстиславичъ родомъ своимъ называетъ совокупность всѣхъ родственниковъ, всѣхъ Ярославичей; но когда нужно было изъ этого рода назвать различныя линіи, противопоставляя ихъ одна другой, напримѣръ Мономаховичей Ольговичамъ, то употреблялось слово племя, напр. подъ 1140 годомъ Новгородцы говорятъ Всеволоду Ольговичу: «Не хотимъ сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хотимъ племени Володимеря.» Возражатель на томъ основаніи, что въ извѣстномъ выраженіи: «ни роду — ни племени» племя стоитъ послѣ рода, заключаетъ, что оно должно имѣть значеніе обширнѣйшее; но мы представимъ ему изъ начала XV вѣка примѣръ, гдѣ племя стоитъ прежде рода: «А кто ли почнетъ вступатися въ таа дѣла въ монастырская, или мірскій человекъ почнетъ чего взыскывати умершаго черныца, или племя или родъ общежителева, а тѣмъ того не искати» (Акты истор. I, № 24). Въ нѣкоторыхъ памятникахъ XV же вѣка племя употребляется исключительно въ значеніи рода, родства, отчего является выраженіе: ближнее племя; племянникъ означаетъ просто родственника (Псковск. Судная грам.). Когда два слова не исчезая изъ языка, теряютъ свое прежнее различіе, начинаютъ употребляться одно вмѣсто другого, то бываетъ, что они складываются другъ съ другомъ, составляютъ двойственные слова съ однимъ значеніемъ, какъ: «родъ — племя», «травка — муравка». Примѣръ употребленія сложнаго слова родъ — племя: «У Ивашки у Жоглова родъ племя (Крымскія дѣла, № 1. стр 116). Не должно забывать настоящаго значенія слова: племя, съ которымъ употребляется теперь оно: это приплодъ; извѣстное выраженіе: оставить на племя; отсюда понятно, почему въ древнихъ памятникахъ племя означаетъ въ родѣ линіи, рядъ нисходящихъ отъ извѣстнаго члена рода, его приплодъ, такъ сказать; ясно также, почему въ извѣстномъ выраженіи: ни роду ни племени, племя поставлено позади рода: чѣмъ больше родъ, тѣмъ больше силы и чести, по старымъ понятіямъ; чѣмъ меньше родъ, тѣмъ человекъ бѣднѣе, беспомощнѣе; человекъ самый бѣдный и несчастный есть тотъ, у котораго нѣтъ не только рода, обширнаго круга родственниковъ разныхъ степеней, но даже нѣтъ близкихъ, нѣтъ племени.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
ГЛАВА I-я. Княженіе Василя Дмитріевича.	5
ГЛАВА II-я. Княженіе Василя Васильевича Темнаго	51
ГЛАВА III-я. Внутреннее состояніе Русскаго общества отъ кончины Князя Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины Великаго Князя Василя Васильевича Темнаго.	127
Примѣчанія.	
Дополненія.	

Михаилъ Александровичъ
ум. 1399 г.

Иоаннъ жен. 1) на сестрѣ Витовта Ли- товскаго 2) на дочери Дмитрія Ере- мѣевича ум. 1426 г.	Василій Дмитрій. р. 1401 г.	Федоръ упом. 1406 г. Федоръ.	Борисъ 1399 г. Иоаннъ 1408 г. Андрей 1437 г.
--	--	---	---

Александръ ж. 1393 г. на дочери Кн. Моложскаго ум. 1426 г.	Юрій жен. 1421 г. на дочери Ива- на Дм. Все- воложскаго.
--	--

Юрій ум. 1426 г. Иоаннъ упом. 1449 г.	Борисъ ум. 1461 г. Михаилъ.
---	--

К Н Я :

Дмитрій		
Василій ум. 1403 г.		Сем ум. 14
Иоаннъ ум. 1417 г.	Юрій	Васи
	Василій.	Федоръ Иоан

Данилъ

Василій род.
1371 г. жен.
1390 г. на Со-
фiи Витовтов.
ум. 1425 г.

Юрiй род. 1395 г. ум. 1400 г.	Ioаннъ род. 1396 г. ум. 1417 г.	Василій род. 1415 г. ж. 1433 г. на Марiи, доч. Кн. Яро- слава Владим. ум. 1462 г.	Семень р. 1405 г. ум. 1405 г.	Василi на доч. Андрея димiро ум. 14
-------------------------------------	---------------------------------------	--	-------------------------------------	---

Ioаннъ род. 1440 г. ж. 1452 г. на Княж. Марiи Борисовнѣ Тверской.	Юрiй р. 1437 г. у. 1441 г.	Юрiй р. 1441 г.	Андрей р. 1446 г.	Борисъ р. 1449 г.	Ан
--	----------------------------------	--------------------	----------------------	----------------------	----

Ioаннъ
р. 1458 г.

b)

Иванъ родл.
1381 г. жен.
1401 г. на
Вассѣ дочери
Кн. Феодора
Ольговича Ря-
занскаго.

Семень жен.
1404 г. на
дочери Кн.
Новосиль-
скаго, ум.
1426 г.

